

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

При поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

VII Международные Лихачевские научные чтения
24–25 мая 2007 года

*Чтения проводятся в соответствии с Указом
Президента РФ В. В. ПУТИНА
«Об увековечении памяти
Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА»
№ 587 от 23 мая 2001 г.*

*Данные Чтения (первоначальное
наименование — «Дни науки
в СПбГУП») — Пятнадцатые по счету
и Седьмые — в статусе Международных
Лихачевских научных чтений*

*При поддержке компании
«Ксерокс Евразия»*

Санкт-Петербург
2007

*Научный редактор разделов «Пленарное заседание»
и «Круглый стол “Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире”»*

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета VII Международных Лихачевских научных чтений, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ

Составитель и ответственный редактор материалов секций

Г. М. Бирженюк, заведующий кафедрой социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологии, профессор

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП
протокол № 17 от 29.06.07

Учредители и участники Чтений
выражают глубокую признательность компании «Ксерокс Евразия»
за поддержку при выпуске данных материалов

Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире:
Д44 VII Международные Лихачевские научные чтения, 24–25 мая
2007 г. — СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. — 516 с.

ISBN 978-5-7621-0390-9

В сборнике представлены материалы VII Международных Лихачевских научных чтений, прошедших 24–25 мая 2007 года в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в соответствии с Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина.

В докладах и выступлениях на Пленарном заседании, Круглом столе и восьми рабочих секциях известные отечественные и зарубежные ученые, политические и общественные деятели, крупные специалисты-практики из многих стран мира анализируют фундаментальные проблемы современного глобального общества, характерные особенности диалога культур и цивилизаций, основные тенденции в сфере культуры, образования, гуманитарных наук.

Материалы Пленарного заседания и Круглого стола вышли отдельным изданием на английском языке.

Книга адресована широкому кругу академической общественности, специалистам, работающим в разных областях социально-гуманитарного знания, а также аспирантам и студентам.

ББК 72

СОДЕРЖАНИЕ

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ (Справка)	23
УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»	25
ПРИВЕТСТВИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	26
ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ VII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	27
Пленарное заседание «ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ»	
СОСТАВ ПРЕЗИДИУМА VII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	32
ДОКЛАДЫ, ВЫСТУПЛЕНИЯ, ПРИВЕТСТВИЯ	
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, <i>председатель Оргкомитета VII Международных Лихачевских научных чтений,</i> <i>председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции,</i> <i>ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,</i> <i>член-корреспондент Российской Академии образования, доктор культурологических наук,</i> <i>профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ</i> ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ОТ ОРГКОМИТЕТА VII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	35
Д. А. ГРАНИН, <i>писатель, член Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции,</i> <i>Почетный доктор СПбГУП, Почетный гражданин Санкт-Петербурга,</i> <i>Герой Социалистического Труда</i> РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОВЕСТИ	37
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ, <i>председатель Конгресса петербургской интеллигенции,</i> <i>директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент</i> <i>Российской Академии наук, доктор исторических наук</i> ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ	40
А. А. КОКОШИН, <i>председатель Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ</i> <i>по делам СНГ и связям с соотечественниками, декан факультета</i> <i>мировой политики Московского государственного университета</i> <i>им. М. В. Ломоносова, академик Российской Академии наук</i> КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ	43
Ц. Ц. ЛИ, <i>президент Китайской ассоциации исследований России, Восточной Европы</i> <i>и Средней Азии, член Национального политического консультативного комитета,</i> <i>академик Китайской академии общественных наук</i> ЗАИМСТВОВАНИЕ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ: НЕЛЬЗЯ ДОПУСКАТЬ ОТКЛОНЕНИЙ КАК «ВЛЕВО», ТАК И «ВПРАВО»	46
М. М. ДЖОШИ, <i>член Парламента Индии, доктор</i> ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРА	49

Ю. С. ВАСИЛЬЕВ, <i>президент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, академик Российской Академии наук, член президиума Российского союза ректоров, член президиума Петербургского совета ректоров, доктор технических наук, профессор</i>	
ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ ЧТЕНИЙ	51
А. О. ЧУБАРЬЯН, <i>директор Института всеобщей истории РАН, президент Государственного университета гуманитарных наук, академик Российской Академии наук, доктор исторических наук, профессор</i>	
РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ КАК СРЕДСТВА ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ	51
Н. АЛЬ-АТТАР, <i>вице-президент Сирийской Арабской Республики, доктор</i>	
ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ВЗАИМОПОМОЩЬ И СОТРУДНИЧЕСТВО	52
А. В. САЛТАНОВ, <i>заместитель министра иностранных дел РФ, специальный представитель Президента РФ по Ближнему Востоку</i>	
ПРОБЛЕМЫ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КОНТАКТОВ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР	54
А. А. ГУСЕЙНОВ, <i>директор Института философии РАН, академик Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор</i>	
О ЧЕМ МЫ ГОВОРИМ, КОГДА ГОВОРИМ О ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	57
Р. Х. КОХАР, <i>специальный представитель премьер-министра Исламской Республики Пакистан</i>	
МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ	62
Г. А. ЯГОДИН, <i>профессор Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева, академик Российской Академии образования, доктор химических наук</i>	
ОБРАЗОВАНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	63
В. В. ПОПОВ, <i>посол по особым поручениям Министерства иностранных дел РФ, директор Центра партнерства цивилизаций Научно-координационного совета по международным исследованиям Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ</i>	
О ПАРТНЕРСТВЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	65
Г. М. РЕЗНИК, <i>заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, президент Адвокатской палаты г. Москвы, член Общественной палаты РФ, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист РФ</i>	
КУЛЬТУРА И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛИЗАЦИОННОМ МИРЕ	68
А. А. ЛИХАНОВ, <i>писатель, председатель Российского детского фонда, академик Российской Академии образования</i>	
ЗАВЕТЫ ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ЛИХАЧЕВА В ДЕЙСТВИИ (Приветствие участникам Чтений)	69
В. П. КАЗАРИН, <i>первый заместитель председателя Севастопольской городской государственной администрации, доктор филологических наук, профессор</i>	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ (Приветствие участникам Чтений)	70
Ф. А. АСАДУЛЛИН, <i>заведующий отделом науки Совета муфтиев России, шейх</i>	
ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКИЙ ДИАЛОГ В РАКУРСЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ (Извлечение опыта)	71
В. В. НАУМКИН, <i>заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, представитель РФ в Группе высокого уровня проекта ООН «Альянс цивилизаций», доктор исторических наук, профессор</i>	
РОЛЬ «АЛЬЯНСА ЦИВИЛИЗАЦИЙ» В НАЛАЖИВАНИИ ГЛОБАЛЬНОГО ДИАЛОГА	74

О. Т. БОГОМОЛОВ, <i>Почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, академик Российской Академии наук</i>	
КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА: ГРАНИ СОПРЯЖЕННОСТИ	74
С. А. ШИПТОН, <i>координатор Форума трех религий (Триалог мусульманской, христианской и иудейской конфессий) (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии)</i>	
ВКЛАД «ФОРУМА ТРЕХ РЕЛИГИЙ» В ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ.....	77
Д. В. ЯСКЕВИЧ, <i>учащаяся 11-го класса школы № 411 «Гармония» Петродворцового района Санкт-Петербурга, победитель Всероссийского конкурса творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность»</i>	
ИДЕИ Д. С. ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ	80
Круглый стол ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ	82
 Секция 1 РУССКИЙ МИР И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ЭПОХИ	
Е. М. АСТАХОВ, <i>профессор Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Республике Эль-Сальвадор (по совместительству)</i>	
ГУМАНИТАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ РОССИИ	99
В. А. БАЧНИН, <i>главный научный сотрудник Социологического института РАН, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург)</i>	
МАКС ВЕБЕР В РОССИИ: О СОЮЗЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЭТИКИ И ДУХА КАПИТАЛИЗМА	104
В. К. ВОРОБЬЕВ, <i>доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат исторических наук</i>	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ	106
А. В. ВОРОНЦОВ, <i>директор Научной библиотеки Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, заведующий кафедрой социологии, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)</i>	
«РУССКИЙ ДОМ» КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ	107
А. В. ГУЛЬЦЕВ, <i>генеральный директор газеты «Русская мысль» (Париж, Франция)</i>	
БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ РОССИИ. ВЗГЛЯД ИЗ ЕВРОПЫ	110
М. Г. ДЕЛЯГИН, <i>директор Института проблем глобализации, профессор-исследователь Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, доктор экономических наук</i>	
МЕСТО РОССИИ В КРИЗИСАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	115
Е. Г. ДРАПЕКО, <i>депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ, Заслуженная артистка РФ</i>	
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ДОЛЖНА СНОВА СТАТЬ СОВЕСТЬЮ НАЦИИ	117

- В. С. ЖИДКОВ,**
начальник отдела наук о человеке и обществе Российского фонда фундаментальных исследований, научный сотрудник Государственного института искусствознания
Министерства культуры РФ и РАН, доктор искусствоведения, кандидат экономических наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ (Москва)
КУЛЬТУРА, ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 117
- С. Н. ИКОННИКОВА,**
заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского
государственного университета культуры и искусств, профессор кафедры
культурологии СПбГУП, доктор философских наук, Заслуженный деятель науки РФ
РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР: ГРАНИ МЕНТАЛЬНОСТИ 119
- М. В. ИЛЬИН,**
заведующий кафедрой сравнительной политологии Московского государственного
института международных отношений (Университет) МИД РФ,
главный редактор журнала «Политические исследования», доктор политических наук,
профессор, Почетный президент Российской ассоциации политической науки
БАЛТО-ЧЕРНОМОРСКАЯ СИСТЕМА 121
- В. А. КОНЕВ,**
заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов
Самарского государственного университета, доктор философских наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ
КУЛЬТУРА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ 123
- В. Б. КУВАЛДИН,**
руководитель круглого стола «Экспертиза»,
доктор исторических наук, профессор (Москва)
РОССИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 125
- А. П. МАРКОВ,**
профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП,
доктор педагогических наук, доктор культурологии, Заслуженный деятель науки РФ
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ РУССКОЙ ИДЕИ 126
- В. В. МИКРЮКОВ,**
профессор кафедры управления СПбГУП, кандидат технических наук
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ РАЗЛИЧИЙ И АЛЬТЕРНАТИВ 131
- А. Н. МОСЕЙКО,**
старший научный сотрудник Центра цивилизационных
и региональных исследований Института Африки РАН,
кандидат философских наук (Москва)
ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ НА ЗАПАДЕ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 132
- А. Г. НАБИУЛЛИН,**
старший научный сотрудник Института профессионально-технического
образования РАО, кандидат педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург)
ЦЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
РЕАЛЬНОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ 133
- Б. Д. ПАРЫГИН,**
профессор кафедры социальной психологии СПбГУП,
доктор философских наук, Заслуженный деятель науки РФ
ДУХОВНОСТЬ КАК ДОМИНАНТА РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА 135
- А. В. РЕПНЕВСКИЙ,**
заведующий кафедрой всеобщей истории Поморского государственного
университета им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор (Архангельск)
РОССИЙСКИЕ «СТРАХИ» НА ПРОСТРАНСТВАХ БАРЕНЦЕВА МОРЯ 136
- К. С. РОМАНОВА,**
старший научный сотрудник отдела философии Института философии
и права Уральского отделения РАН, кандидат философских наук, доцент (Екатеринбург)
РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ВЫБОРЕ ПУТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ 139

Ч. СИН СИН,

*заместитель директора Высшей школы общественного развития,
профессор (Китайская Народная Республика)*

О ВЛИЯНИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ НА МИРОВУЮ ПОЛИТИКУ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	141
---	------------

Ж. Т. ТОШЕНКО,

*главный редактор журнала «Социологические исследования», член-корреспондент
Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор (Москва)*

ФЕНОМЕН «СОВЕТСКОЕ» В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	148
---	------------

И. Б. ЧУБАЙС,

*директор Центра по изучению России, декан факультета социологии
и россиеведения Института социальных наук,
доктор философских наук (Москва)*

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РУССКИЙ МИР ЧАСТЬЮ МИРОВОЙ ИСТОРИИ, ИЛИ ПОЧЕМУ МЫ НЕ СЛЫШИМ ВЫЗОВЫ ЭПОХИ?	150
--	------------

Ю. М. ШОР,

профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук

ГУМАНИТАРНОСТЬ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ САМОБЫТНОСТИ	152
---	------------

Секция 2**КУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР****А. В. АГОШКОВ,**

*главный редактор журнала «Вопросы культурологии», главный специалист
Института научных исследований и информации Российской академии
государственной службы при Президенте РФ, кандидат философских наук (Москва)*

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ	155
--	------------

Г. М. БИРЖЕНЮК,

*заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП,
доктор культурологии, профессор*

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК СРЕДСТВО ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ	157
--	------------

А. С. БОЛЬШАКОВ,

профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук

КУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИСТЕМ И АНТИСИСТЕМ	158
--	------------

Г. Н. ВОЛКОВ,

*заведующий научно-исследовательской лабораторией этнопедагогических инноваций,
профессор Калмыцкого государственного университета, академик Российской Академии
образования, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ (Элиста)*

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР	160
---	------------

Ю. А. ДАНИЛОВА,

*старший преподаватель кафедры теории развития образовательных систем
Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования*

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ	162
-----------------------------------	------------

И. С. КОН,

*главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН,
академик Российской Академии образования, доктор философских наук, профессор*

ГЛОБАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ	163
---	------------

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА,

*профессор кафедры экономической политики Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова, заведующая отделением внутриэкономических
исследований Института США и Канады РАН, доктор экономических наук*

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В XXI ВЕКЕ ...	165
--	------------

- И. В. МЕЛИК-ГАЙКАЗЯН,**
директор Института теории образования Томского государственного педагогического университета, доктор философских наук, профессор
**ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЕ ПОСТИЖЕНИЕ САМОДВИЖЕНИЯ КУЛЬТУР
 В НАСЛЕДИИ Д. С. ЛИХАЧЕВА..... 167**
- ВОЛЬФГАНГ МИТТЕР,**
профессор Немецкого института международных исследований в области образования, иностранный член Российской Академии образования (Франкфурт-на-Майне, Германия)
**СТОЛКНОВЕНИЕ ИЛИ ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ,
 В ОСОБЕННОСТИ КАСАЮЩИЙСЯ МИКРОУРОВНЯ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ 169**
- Г. В. МУХАМЕТЗЯНОВА,**
директор Института педагогики и психологии профессионального образования РАО, академик Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор (Казань);
Н. Б. ПУГАЧЕВА,
заведующая лабораторией Института педагогики и психологии профессионального образования РАО, доктор педагогических наук, профессор (Казань)
ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ПАРАДИГМА НОВЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ 169
- Г. А. ПРАЗДНИКОВ,**
заведующий кафедрой философии и истории Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, профессор
ОБЩЕНИЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА 171
- С. И. СЕЛИВАНОВА,**
приглашенный профессор университета Чосон (Южная Корея), кандидат педагогических наук, доцент (Иркутск)
ЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ПРИ РУССКО-КОРЕЙСКИХ КОНТАКТАХ ... 173
- Н. И. ФАТИЕВ,**
заведующий кафедрой философии СПбГУП, доктор философских наук, профессор
КУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ 176
- Ю. В. ЯКОВЕЦ,**
профессор кафедры теории и практики государственного регулирования рыночной экономики Российской академии государственной службы при Президенте РФ, президент Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, вице-президент Международного фонда Н. Д. Кондратьева, доктор экономических наук (Москва)
**ПЕРСПЕКТИВЫ ДИАЛОГА И ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ
 В ОБЛАСТИ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ 177**
- В. В. БОЧАРОВА,**
учащаяся 11-го класса Иловлинской средней общеобразовательной школы, победительница конкурса творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность»
ИДЕИ Д. С. ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ 181

Секция 3

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

- Н. М. АБУЕВ,**
доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук;
Я. С. ТЕСТИНА,
преподаватель кафедры экономики СПбГУП
**ОЦЕНКА НЕОБХОДИМОСТИ ИННОВАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ
 В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ 183**
- А. С. АЛЕКСАНДРОВ,**
профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД РФ, доктор юридических наук
РОССИЙСКОЕ ПРАВО И ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА 184

Д. В. ДЕРНОВА, <i>доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП, кандидат юридических наук</i>	
ЗАЩИТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	187
В. А. ЕФИМОВ, <i>ректор Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, профессор</i>	
ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АПК	189
Н. М. ЕФИЦЕНКО, <i>старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права СПбГУП</i>	
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭКОНОМИКУ	192
З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ, <i>доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук</i>	
СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ	194
Ю. М. КОЛОСОВ, <i>профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ, член Постоянной палаты Третейского суда в Гааге, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам</i>	
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА В СВЕТЕ СОТРУДНИЧЕСТВА В КОМИТЕТЕ ООН ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В МИРНЫХ ЦЕЛЯХ	195
Л. П. КРАСОВСКАЯ, <i>доцент кафедры государственного права СПбГУП, кандидат юридических наук</i>	
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	198
В. Н. КУЛЕБЯКИН, <i>профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, доктор юридических наук</i>	
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ — ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА	199
Н. В. ЛАШМАНОВА, <i>заведующая кафедрой управления СПбГУП, доктор технических наук, профессор;</i>	
И. Г. БЫЧКОВ, <i>генеральный директор РЕСТЭК-ИВЕНТ МЕНЕДЖМЕНТ, кандидат экономических наук</i>	
ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОЙ БИЗНЕС-КУЛЬТУРЫ	201
В. В. МЕТЛЮК, <i>доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук</i>	
РЫНОК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В РАМКАХ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО	202
Е. Я. МОРОЗОВА, <i>доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук, Почетный работник Высшего профессионального образования</i>	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СПРОСА НА УСЛУГИ КУЛЬТУРЫ	205
М. С. МОТЫШИНА, <i>профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук</i>	
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ	207

Е. А. НИЗАМОВА, <i>преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП</i>	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ВЫВОЗА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЗА ГРАНИЦУ РФ	209
Н. Н. ПОГОСТИНСКАЯ, <i>профессор кафедры экономики СПбГУП, доктор экономических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ</i>	
МОТИВАЦИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ	211
Г. М. РЕЗНИК, <i>заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, президент Адвокатской палаты г. Москвы, член Общественной палаты РФ, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист РФ</i>	
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ И РЕАЛЬНОСТЬ	213
Г. И. РЕЗНИЧЕНКО, <i>доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП, кандидат исторических наук</i>	
СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ	214
С. С. РУСТАМОВА, <i>доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук</i>	
ОБРАЗОВАНИЕ — КАПИТАЛ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ РОССИИ	216
В. Н. СИДОРОВА, <i>доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП, кандидат юридических наук</i>	
ОСНОВЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ	218
Н. В. СИЗОВА, <i>доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП, кандидат юридических наук</i>	
ПРАВОВОЙ РЕЖИМ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ	220
В. Е. СТЕПЕНКО, <i>доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Тихоокеанского государственного университета, кандидат юридических наук (Хабаровск)</i>	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ПОГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СВЕТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ	223
Э. Д. ТИХОНОВА, <i>доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук</i>	
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	225
А. П. ФЕДОРОВ, <i>доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП, кандидат технических наук</i>	
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ РОССИЙСКОГО РАБОТНИКА КУЛЬТУРЫ	226
О. А. ЧЕРНОВА, <i>доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Тихоокеанского государственного университета, кандидат юридических наук (Хабаровск)</i>	
О РОЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И СТРАНАМИ АТР В АСПЕКТЕ ИНТЕГРАЦИИ В СИСТЕМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	228
А. М. ЧЕРНЫЧКО, <i>доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП, кандидат юридических наук</i>	
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ ОБ ОХРАНЕ АВТОРСКИХ ПРАВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ	230
В. П. ЭСАУЛОВ, <i>профессор кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук</i>	
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В ВОСПИТАНИИ ЗАКОНОПОСЛУШНОГО НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА	232

Секция 4**СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО:
МЕЖДУ НАСИЛИЕМ И ГУМАНИЗМОМ****Круглый стол****КУЛЬТУРНЫЕ КОНСТРУКТЫ КОММУНИКАЦИИ 235****Ю. Б. БАЛАШОВА,***доцент кафедры социально-культурных технологий СПбГУП,
кандидат филологических наук***ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ
ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ 243****С. А. БОГОЛЮБОВ,***заместитель председателя редколлегии «Журнала Российского права»,
заведующий отделом аграрного и экологического законодательства
Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (Москва)***ПРАВОВАЯ ПЕЧАТЬ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ 244****Л. Г. КАЗАРЯН,***ассистент кафедры экономической теории
Ереванского государственного университета***ИНКВИЗИЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИМПЕРИИ 246****Е. А. КАШИРИНА,***старший преподаватель машиностроительного факультета
Магского филиала Южно-Уральского государственного университета***ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО
ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ 248****И. А. ПАВЛИХИН,***доцент кафедры журналистики СПбГУП, кандидат юридических наук***ЭКОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ 250****И. Н. ПАНАРИН,***декан вечернего отделения факультета международных отношений
Дипломатической академии МИД России, пресс-секретарь Роскосмоса, профессор (Москва)***ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 251****Л. Г. ПОЧЕБУТ,***профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского
государственного университета, доктор психологических наук;***С. П. БЕЗНОСОВ,***профессор кафедры государственного права СПбГУП, доктор психологических наук***ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ 254****О. Ф. РУСАКОВА,***заведующая отделом философии Института философии и права
Уральского отделения РАН, главный редактор альманаха «Дискурс-Пи»,
доктор политических наук, профессор (Екатеринбург)***ДИСКУРС КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ
КАК СОЦИЕТАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ 255****Г. Г. СИЛЛАСТЕ,***заведующая кафедрой социологии Финансовой академии при Правительстве РФ,
эксперт Комитета по социальной политике Совета Федерации
Федерального собрания РФ, президент Международной ассоциации
«Женщины и развитие», председатель Московского отделения
Российской социологической ассоциации (РоСА), доктор философских наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ (Москва)***СМИ В СЕЛЬСКОМ СОЦИУМЕ: КОНФЛИКТ ГУМАНИЗМА И НАСИЛИЯ 258**

Г. З. ЮШКЯВИЧЮС, <i>советник Генерального директора ЮНЕСКО, вице-президент Евразийской академии телевидения и радио</i> ТЕЛЕВИДЕНИЕ. СПОСОБСТВУЕТ ЛИ ОНО ДИАЛОГУ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ	261
--	-----

Секция 5 НАУКА, ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО: НА ПУТЯХ К ОБРЕТЕНИЮ ИСТИНЫ

С. Р. АБРАМОВ, <i>заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, кандидат филологических наук, профессор</i> САКРАЛЬНОЕ И ПОЭТИЧЕСКОЕ КАК КАТЕГОРИИ ГЕРМЕНЕВТИКИ	263
---	-----

В. Г. АЛЕКСАНДРОВА, <i>профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета и.м. М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник лаборатории гуманной педагогики Научно-исследовательского института столичного образования, руководитель педагогической мастерской «Интеграция науки и искусства в школе», доктор педагогических наук</i> ИНТЕГРАЦИЯ НАУКИ И ИСКУССТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ КАК ПУТЬ ОБРЕТЕНИЯ ДУХОВНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	266
--	-----

А. А. АСОЯН, <i>профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор филологических наук</i> «СМЕРТЬ БОГА» ОТ ЛУКРЕЦИЯ ДО Ж. ДЕРРИДЫ	267
---	-----

П. С. ВОЛКОВА, <i>профессор Краснодарского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, кандидат филологических наук, лауреат Государственной премии, член Союза композиторов России</i> СИНТЕТИЧЕСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ	270
---	-----

М. А. ВОСКРЕСЕНСКАЯ, <i>заместитель директора департамента НИР СПбГУП, докторант кафедры истории России и зарубежных стран Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук</i> ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА: СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ	271
---	-----

И. Е. ЕРЫКАЛОВА, <i>доцент кафедры журналистики СПбГУП, кандидат искусствоведения</i> ПЬЕСЫ Е. И. ЗАМЯТИНА ПЕТЕРБУРГСКОГО ПЕРИОДА	272
---	-----

Н. Н. ЗАБЕЛИНА, <i>заместитель декана гуманитарного факультета по научной работе, профессор кафедры философии Мурманского государственного технического университета, кандидат философских наук</i> К ВОПРОСУ О ЕДИНСТВЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ	277
--	-----

Ю. В. ЗОБНИН, <i>заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор</i> ХРОНИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО (Опыт создания)	279
---	-----

Б. С. ИЛИЗАРОВ, <i>ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра документации «Народный архив», доктор исторических наук, профессор (Москва)</i> ИОСИФ СТАЛИН И ИВАН ГРОЗНЫЙ	282
--	-----

А. В. ИЛЬЧИЧЕВ, <i>профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук</i> ИДЕАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ»	284
Ю. Б. КАЛАШНИКОВА, <i>учитель русского языка и литературы гимназии № 23 г. Челябинска</i> ВЕЛИКАЯ СИЛА ПРОЗРЕНИЯ: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПУТЬ К ОБРЕТЕНИЮ ИСТИНЫ	286
И. И. КАРЛОВ, <i>заместитель директора — главный хранитель Государственного Русского музея, Заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)</i> МУЗЕЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	288
Д. Н. КАТЫШЕВА, <i>профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств России</i> ИДЕЯ САМОЦЕННОСТИ, ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И НОВАТОРСКОГО ПОИСКА В БАЛЕТНОМ ТЕАТРЕ	290
В. П. ЛУКЬЯНИН, <i>писатель, литературный критик, сопредседатель Союза российских писателей, кандидат философских наук, Заслуженный работник культуры РФ (Екатеринбург)</i> ПУТЬ К ИСТИНЕ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ НАУКИ И ИСКУССТВА	291
Л. А. МЕНЬШИКОВ, <i>доцент кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории, кандидат философских наук</i> РУССКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕЯ РЕНЕССАНСА	293
И. А. МИРОНЕНКО, <i>профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор психологических наук</i> О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРОГРЕССА РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ	295
И. П. НИКИТИНА, <i>профессор кафедры социально-политических наук Финансовой академии при Правительстве РФ, доктор философских наук (Москва)</i> ФУНКЦИИ ИСКУССТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	297
Г. П. ОВСЯНКИНА, <i>профессор кафедры звукорежиссуры СПбГУП, доктор искусствоведения, член Союза композиторов России</i> «В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...» (Поэзия Анны Ахматовой в вокальном цикле Бориса Тищенко «Бег времени»)	299
Ю. Б. ОРАИЦКИЙ, <i>главный редактор журнала «Вестник гуманитарной науки», профессор Российского государственного гуманитарного университета, доктор филологических наук (Москва)</i> РУССКИЙ СТИХ В МИРОВОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР	300
Т. Б. СИДНЕВА, <i>проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ</i> СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ИСТИНЕ	302
А. В. УСПЕНСКАЯ, <i>профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук</i> НОВЕЙШЕЕ ИЗДАНИЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ Н. В. ГОГОЛЯ: АРХИТЕКТОНИЧЕСКИЙ И КОММЕНТАТОРСКИЙ АСПЕКТЫ	304

- А. И. ФИЛАТОВА,**
*профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП,
 доктор филологических наук*
РОМАН В. Н. ИВАНОВА «ЧЕРНЫЕ ЛЮДИ».
В. И. МАЛЫШЕВ И ЕГО РОЛЬ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАМЫСЛА ПИСАТЕЛЯ 306
- Т. П. ХЛЫНИНА,**
*ведущий научный сотрудник Адыгейского республиканского института,
 доктор исторических наук (Майкоп)*
**НАУЧНОСТЬ КАК ПРИНЦИП ИССЛЕДОВАНИЯ
 И КРИТЕРИЙ ДОСТОВЕРНОСТИ В ПОЗНАНИИ ПРОШЛОГО 307**
- А. И. ЧЕРНЯК,**
*доцент кафедры истории и культурологии Санкт-Петербургской
 государственной академии им. С. О. Макарова, кандидат искусствоведения,
 член Союза художников РФ, член Международной ассоциации
 историков искусства и художественных критиков*
К ВОПРОСУ О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ СКУЛЬПТУРЕ 308
- К. И. ШАРАФАДИНА,**
*профессор кафедры книгоиздания Северо-Западного института печати Санкт-Петербургского
 государственного университета технологии и дизайна, доктор филологических наук*
**ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПОСОБИЯХ ПО «ЯЗЫКУ ЦВЕТОВ»
 ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ «СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» 311**
- Т. Е. ШЕХТЕР,**
*заведующая кафедрой искусствоведения СПбГУП,
 доктор философских наук, профессор*
РЕАЛИЗМ КАК МЕТОД И ЕГО МОДИФИКАЦИИ В ИСКУССТВЕ XX ВЕКА 313
- О. В. ШИЛОВА,**
*заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Уральского института
 коммерции и права, кандидат философских наук, доцент (Екатеринбург)*
**МАНЬЕРИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА
 ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО КУЛЬТУРЫ 314**
- Секция 6**
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ САМОБЫТНОСТИ
 В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**
- В. И. АНДРЕЕВ,**
*заведующий кафедрой педагогики Казанского государственного университета,
 академик Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор*
**САМОАКТУАЛИЗИРУЮЩАЯСЯ ЛИЧНОСТЬ
 В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ 317**
- Ю. В. АНДРЕЕВА,**
*доцент кафедры журналистики Казанского государственного университета,
 кандидат психологических наук*
**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОГНОСТИКА ТЕНДЕНЦИЙ
 СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБУЧЕНИЯ И САМОРАЗВИТИЯ
 КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЖУРНАЛИСТА 319**
- В. Н. АНТОНОВА,**
*заместитель декана факультета социальной педагогики Педагогического института
 Якутского государственного университета им. М. К. Аммосова, кандидат педагогических наук*
**РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
 ПРОЦЕССА В ПОДГОТОВКЕ СОЦИАЛЬНОГО ПЕДАГОГА 321**
- С. Н. АРТАНОВСКИЙ,**
*профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского
 университета культуры и искусств, доктор философских наук*
«РОССИЯ И МИР» КАК ТЕМА РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 323

А. А. БОДАЛЕВ, <i>профессор Российской академии государственной службы при Правительстве РФ, академик Российской Академии образования, доктор педагогических наук (Москва)</i>	
ПОЧЕМУ СРЕДИ ПРОБЛЕМ, ИССЛЕДУЕМЫХ АКМЕОЛОГИЕЙ, ДОЛЖНА БЫТЬ И ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЛЮДЕЙ, ОТНОСИМЫХ К ВЕЛИКИМ ИЛИ ВЫДАЮЩИМСЯ	325
Е. В. БОНДАРЕВСКАЯ, <i>заместитель председателя Южного отделения РАО, заведующая кафедрой педагогики Ростовского педагогического института Южного федерального университета, академик Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор</i>	
МИССИЯ И СМЫСЛЫ ВОСПИТАНИЯ В КРИЗИСНОМ ОБЩЕСТВЕ	328
Н. П. ГАЛЬЦОВА, <i>заместитель директора Института теории образования Томского государственного педагогического университета, доцент кафедры педагога-исследователя, кандидат филологических наук</i>	
ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК И ФОРМИРОВАНИЕ МЕНТАЛЬНОГО ОПЫТА ЛИЧНОСТИ	330
В. С. ГЛАГОЛЕВ, <i>профессор кафедры философии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, доктор философских наук, член Российского философского общества и Российского социологического общества</i>	
РЕФОРМА РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СВЕТЕ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ Д. С. ЛИХАЧЕВА	332
Е. М. ГОРОЖАНКИНА, <i>начальник отдела сотрудничества с государствами СНГ Федерального агентства по образованию (Москва)</i>	
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ГОСУДАРСТВАМИ — УЧАСТНИКАМИ СНГ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ	333
Ю. С. ДАВЫДОВ, <i>президент Пятигорского государственного лингвистического университета, академик Российской Академии образования, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России</i>	
БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС И СОХРАНЕНИЕ САМОБЫТНОСТИ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	334
А. Н. ДЖУРИНСКИЙ, <i>заведующий кафедрой эстетического и трудового воспитания младших школьников Московского педагогического государственного университета, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор</i>	
СУБЪЕКТЫ ВОСПИТАНИЯ В МНОГОЭТНИЧЕСКОМ И МНОГОКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ	338
В. А. ДМИТРИЕНКО, <i>заведующий кафедрой педагога-исследователя Института теории образования Томского государственного педагогического университета, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ</i>	
ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА	339
С. Ф. ЕГОРОВ, <i>главный научный сотрудник, заведующий отделом Института теории и истории педагогики РАО, академик Российской Академии образования, доктор педагогических наук (Москва)</i>	
ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Д. С. ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ	341
Г. Е. ЗБОРОВСКИЙ, <i>декан социологического факультета Уральского социально-гуманитарного университета, заведующий кафедрой социологии, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (Екатеринбург)</i>	
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И БИЗНЕС: ПРЕДПОСЫЛКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	343
И. А. ИВЛИЕВА, <i>профессор кафедры социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор педагогических наук</i>	
СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЗАИМООБОГАЩАЮЩЕГОСЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА	345

Т. Б. КАЗАРЕНКОВА, <i>доцент кафедры сравнительной образовательной политики Российского университета дружбы народов, кандидат социологических наук (Москва)</i>	
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ	347
Н. К. КАРПОВА, <i>профессор кафедры педагогики Ростовского педагогического института Южного федерального университета, доктор педагогических наук</i>	
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	348
С. А. КРЕСТНИКОВ, <i>доцент кафедры теории и методики обучения физике Челябинского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук</i>	
О СОЦИАЛЬНОЙ, КУЛЬТУРНОЙ И ДУХОВНО-ЛИЧНОСТНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	350
В. Г. ЛУКЬЯНОВ, <i>профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук</i>	
САМОБЫТНОСТЬ КУЛЬТУРЫ И СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И. А. ИЛЬИНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ	352
М. Г. ЛЮБАРСКИЙ, <i>доцент кафедры правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук</i>	
О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ОБЩЕЙ КУЛЬТУРЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ	355
В. А. МАТРОСОВ, <i>ректор Московского педагогического государственного университета, академик Российской Академии образования, член-корреспондент Российской Академии наук, доктор физико-математических наук</i>	
«ЖИВАЯ КУЛЬТУРА» ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	357
В. И. МИХАЙЛОВ, <i>профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук</i>	
ЦЕНТР ДЕЛОВОЙ ПРАКТИКИ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ЭКОНОМИКЕ И МЕНЕДЖМЕНТУ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	358
Н. П. МУЗЫЧЕНКО, <i>преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)</i>	
ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА	359
П. Б. МУЗЫЧЕНКО, <i>заведующий кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Тихоокеанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (Хабаровск)</i>	
ОБ УЛУЧШЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ ПО ПАСПОРТНО-ВИЗОВЫМ ВОПРОСАМ	361
В. А. МЯСНИКОВ, <i>директор Института теории и истории педагогики РАО, академик Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор (Москва)</i>	
РУССКИЙ ЯЗЫК В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СНГ	363
А. А. ОРЛОВ, <i>заведующий кафедрой педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ</i>	
ВЫСШЕЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ	364
А. Г. ПАНАРИНА, <i>доцент кафедры инновационных технологий Российского государственного университета технологий и предпринимательства, кандидат технических наук (Москва)</i>	
ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ВУЗА	367

Л. А. ПАСЕШНИКОВА, <i>первый проректор СПбГУП, доцент</i> УПРАВЛЕНИЕ СВОБОДНЫМ ВРЕМЕНЕМ СТУДЕНТА КАК РЕСУРС ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	369
А. Е. ПЕТРОВ, <i>ученый секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, заместитель председателя Координационного совета по делам научно-педагогической молодежи при Президентском совете по науке, технологиям и образованию, кандидат исторических наук (Москва)</i> ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ: БОРЬБА ЗА НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ, ЦЕННОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ СРЕДЫ В РОССИИ (Тезисы выступления)	371
В. М. ПОМЕРАНЦЕВ, <i>профессор кафедры катализаторов Санкт-Петербургского государственного технологического института, доктор химических наук</i> ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ ВЫСШЕГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	372
Е. П. РОМАНОВ, <i>главный ученый секретарь Уральского отделения Российской Академии наук, член-корреспондент Российской Академии наук (Екатеринбург)</i> НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ И ТРАДИЦИИ КАК ФОРМЫ КУЛЬТУРНОГО ПРОГРЕССА	373
К. В. РОМАНОВ, <i>профессор кафедры философии Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования Комитета образования при Правительстве Санкт-Петербурга, доктор философских наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ</i> КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ.....	375
Ю. В. СЕНЬКО, <i>заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета, академик Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул)</i> ГУМАНИТАРНОЕ ОСНОВАНИЕ СТАНДАРТОВ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	377
М. В. СИЛАНТЬЕВА, <i>профессор кафедры философии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, доктор философских наук, член Российского философского общества</i> НОВЕЙШАЯ ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	378
А. И. СКИБА, <i>старший научный сотрудник Института профессионально-технического образования РАО, кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург)</i> ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЕ ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	380
Е. Б. ТИМЕРМАНИС, <i>доцент кафедры социологии и права Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, кандидат философских наук</i> АКТИВИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСТВА (На примере изучения истории вузовской науки).....	382
Е. П. ТОНКОНОГАЯ, <i>заведующая кафедрой социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ</i> О ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Д. С. ЛИХАЧЕВА	384
А. Л. ФАТЫХОВА, <i>профессор кафедры башкирской и русской филологии Стерлитамакской государственной педагогической академии, доктор педагогических наук (Башкортостан);</i> А. А. ЖДАНОВА, <i>преподаватель кафедры башкирской и русской филологии Стерлитамакской государственной педагогической академии, доктор педагогических наук (Башкортостан)</i> ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА С ПРОФЕССИЕЙ, С ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ	386

Г. Ф. ФЕЙГИН, <i>доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат экономических наук, доктор управления Германии</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГЛОБАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	388
Л. В. ФИЛИППОВА, <i>доцент кафедры иностранных языков Стерлитамакской государственной педагогической академии, кандидат педагогических наук (Башкортостан);</i>	
В. С. ЖДАНОВА, <i>старший преподаватель кафедры иностранных языков Стерлитамакской государственной педагогической академии (Башкортостан)</i>	
ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ	390
А. В. ХУТОРСКОЙ, <i>заведующий лабораторией методологии общего среднего образования, старший научный сотрудник Института содержания и методов обучения РАО, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор педагогических наук (Москва)</i>	
НАЛИЧИЕ РАЗНЫХ СМЫСЛОВ ОБРАЗОВАНИЯ — УСЛОВИЕ ЕГО ЧЕЛОВЕКОСООБРАЗНОСТИ	392
О. В. ЧЕЛЫШЕВА, <i>профессор кафедры правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук;</i>	
С. А. ЯЛЫШЕВ, <i>профессор кафедры криминалистической техники, тактики и судебной экспертизы Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук</i>	
КРИМИНАЛИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	396
И. Б. ЧУБАЙС, <i>директор Центра по изучению России, декан факультета социологии и социологии Института социальных наук, доктор философских наук (Москва)</i>	
НУЖЕН ЛИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ «СВЕРХПРЕДМЕТ», ИЛИ ПОЧЕМУ МЫ НЕ ЗНАЕМ, ЧТО ТАКОЕ «РОССИЕВЕДЕНИЕ»	401
Л. А. ЯРОСЛАВОВА, <i>заведующая кафедрой иностранных языков Стерлитамакской государственной педагогической академии, кандидат педагогических наук, доцент (Башкортостан);</i>	
Л. В. ФИЛИППОВА, <i>доцент кафедры иностранных языков Стерлитамакской государственной педагогической академии, кандидат педагогических наук (Башкортостан)</i>	
ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ НА ОСНОВЕ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА КОММУНИКАЦИИ	402

Секция 7

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

А. В. АГОШКОВ, <i>главный редактор журнала «Вопросы культурологии», главный специалист Института научных исследований и информации Российской академии государственной службы при Президенте РФ, кандидат философских наук (Москва)</i>	
ЦЕННОСТНЫЕ СУЖДЕНИЯ В СОДЕРЖАНИИ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	405
Г. А. АНДРИАНОВА, <i>старший научный сотрудник лаборатории методологии образования Института содержания и методов обучения РАО, заместитель директора Центра дистанционного образования «Эйдос», кандидат педагогических наук (Москва)</i>	
ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАСПРЕДЕЛЕННОГО ЭВРИСТИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ В ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ	407

М. А. АРИАРСКИЙ, <i>заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор культурологии, профессор</i>	
КРЕАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ	408
А. Г. АСМОЛОВ, <i>заведующий кафедрой психологии личности Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор психологических наук, профессор</i>	
ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ	411
В. К. БАЛЬСЕВИЧ, <i>профессор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор биологических наук (Москва)</i>	
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗДОРОВЬЕФОРМИРУЮЩЕЙ МИССИИ СПОРТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	416
А. В. ВЕРХОВЦЕВА, <i>заместитель декана факультета очного обучения Международного банковского института, аспирант кафедры теории развития образовательных систем Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования</i>	
ОПЫТ ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ	418
Е. О. ГАЛИЦКИХ, <i>заведующая кафедрой русской литературы и методики обучения литературе Вятского государственного гуманитарного университета, педагог — научный консультант Вятской гуманитарной гимназии, доктор педагогических наук, профессор (Киров)</i>	
БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ АЛЬБЕРТА ЛИХАНОВА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ	420
В. В. ГОРШКОВА, <i>профессор кафедры социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук</i>	
ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЭЛИТАРНОСТИ В ПРОФЕССИИ ПЕДАГОГА	422
Т. А. КАВАЛЕРЧИК, <i>методист кафедры теории развития образовательных систем Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования</i>	
ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ	424
М. Н. КУЗЬМИН, <i>директор федерального государственного научного учреждения «Институт национальных проблем образования», член-корреспондент Российской Академии образования</i>	
ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ДИАЛОГА РОДНОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУР В СОДЕРЖАНИИ ОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ РОССИИ (1970–2007)	425
О. Е. ЛЕБЕДЕВ, <i>заведующий кафедрой теории развития образовательных систем Санкт-Петербургской государственной академии постдипломного педагогического образования, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ КАК ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	427
А. А. ЛИХАНОВ, <i>председатель Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов, академик Российской Академии образования</i>	
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ	429

- Л. И. ЛУБЫШЕВА,**
*профессор Российского государственного университета физической культуры,
 спорта и туризма, доктор педагогических наук (Москва)*
**СПОРТИВНАЯ КУЛЬТУРА — НОВЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ
 ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ШКОЛЫ 432**
- Т. Н. МАРУСЕНКО,**
*директор государственного образовательного учреждения «Дом детского
 и юношеского творчества» Калининского района Санкт-Петербурга*
**ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
 В КОНТЕКСТЕ ОСВОЕНИЯ МНОГОКУЛЬТУРНОГО ПЛЮРАЛИЗМА 434**
- Л. М. МОСОЛОВА,**
*заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного
 педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор искусствоведения, профессор,
 Заслуженный работник высшей школы РФ (Санкт-Петербург)*
**О НЕКОТОРЫХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ
 ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ
 СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ В СВЕТЕ ИДЕЙ Д. С. ЛИХАЧЕВА 435**
- Е. Г. МУРОМОВА,**
*заместитель директора по учебно-воспитательной работе школы № 160,
 аспирант Санкт-Петербургской академии постдипломного
 педагогического образования*
**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ
 И КУЛЬТУРА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ 437**
- С. Д. НЕВЕРКОВИЧ,**
*заведующий кафедрой педагогики Российского государственного университета
 физической культуры, спорта и туризма, член-корреспондент
 Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор (Москва);*
С. Я. КОБЛЕВА,
*преподаватель Адыгейского государственного университета,
 кандидат педагогических наук (Майкоп)*
**ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КУЛЬТУРЕ МИРА
 В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ 439**
- Н. П. ПОНОМАРЕНКО,**
*заместитель директора по научно-методической работе государственного
 образовательного учреждения «Дом детского и юношеского творчества»
 Калининского района Санкт-Петербурга, кандидат философских наук*
**МНОГОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
 В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
 СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ,
 МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ, ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ 441**
- С. И. ПЯТИБРАТОВА,**
*заведующая сектором общего образования отдела науки
 государственного образовательного учреждения «Санкт-Петербургский
 городской дом творчества юных», кандидат педагогических наук*
**КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫПУСКНИКА
 СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ ГЛАЗАМИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ 443**
- В. Г. РАЗУМОВСКИЙ,**
*главный научный сотрудник Института содержания
 и методов обучения РАО, академик Российской Академии образования (Москва);*
Ю. А. САУРОВ,
*профессор Вятского государственного гуманитарного университета,
 член-корреспондент Российской Академии образования*
**НАУЧНЫЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ
 КАК ВЫСОЧАЙШАЯ ДУХОВНАЯ ЦЕННОСТЬ 445**
- Т. А. СКОПИЦКАЯ,**
учитель высшей категории средней школы № 491 Санкт-Петербурга
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ 447

А. В. УSOBA, <i>заведующая кафедрой Челябинского государственного педагогического университета, академик Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор</i>	
ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ У УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ	449
М. Н. ФРОЛОВСКАЯ, <i>доцент кафедры педагогики Алтайского государственного университета, кандидат педагогических наук (Барнаул)</i>	
ОБРАЗ МИРА ПЕДАГОГА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	450

Секция 8 САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КАК ФЕНОМЕН МИРОВОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Т. А. АПИНЯН, <i>профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, доктор философских наук</i>	
МИФ О САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: ТОПОС И ХРОНОС	453
В. П. БОЛЬШАКОВ, <i>профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, Заслуженный работник высшей школы РФ</i>	
СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	455
А. М. БУРОВСКИЙ, <i>профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор философских наук</i>	
ПЕТЕРБУРГ — ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ, СОЦИОПРИРОДНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН	456
А. Б. ГУРКИН, <i>заведующий кафедрой истории России, науки и культуры Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета), кандидат исторических наук, доцент</i>	
РЕФОРМЫ ПЕТРА I И ДИСКРЕТНОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	458
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, <i>ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ;</i>	
А. А. МИХАЙЛОВ, <i>заведующий кафедрой истории СПбГУП, доктор исторических наук, профессор</i>	
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КАК ФЕНОМЕН МИРОВОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ	460
Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ, <i>старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП</i>	
РОЛЬ ПЕТЕРБУРГА В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА РОССИИ	470
А. Ф. ИЗМАЙЛОВ, <i>главный редактор журнала «Балтийский диалог», кандидат филологических наук</i>	
РАКУРСЫ ГУМАНИТАРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ	472
К. Г. ИСУПОВ, <i>профессор кафедры философии и культурологии Республиканского гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук</i>	
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ УРБАНИСТИКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ (МОСКВА–ПЕТЕРБУРГ)	474
Е. А. КАЙСАРОВ, <i>доцент кафедры культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук</i>	
КУЛЬТУРА ПЕТЕРБУРГА В ИНФОРМАЦИОННОМ И КИБЕРНЕТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	476

Н. В. КОЛЫШНИЦЫНА, <i>научный сотрудник Центрального государственного исторического архива</i> ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛАТЫШЕВ	477
Н. Б. ЛЕБИНА, <i>профессор кафедры истории России, культуры и науки</i> <i>Санкт-Петербургского государственного технологического института</i> <i>(технический университет), кандидат исторических наук, доцент</i> «СТАЛИНГРАД» В ЛЕНИНГРАДЕ: О ПРЕОБРАЗОВАНИИ МОСКОВСКОГО ПРОСПЕКТА (1947–1955)	479
А. А. МИХАЙЛОВ, <i>заведующий кафедрой истории СПбГУП, доктор исторических наук, профессор</i> САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И МОСКВА КАК ЦЕНТРЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ЕДИНСТВО	480
Н. Н. МУТЯ, <i>доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат искусствоведения,</i> <i>член Международного союза искусствоведов, член Союза художников России</i> ДЕКОРАТИВНАЯ СКУЛЬПТУРА АРХИТЕКТУРНЫХ СООРУЖЕНИЙ ПЕТЕРБУРГА	485
С. Г. ПЕТРОВ, <i>доцент Петербургского государственного университета</i> <i>путей сообщения (Великолукский филиал), кандидат исторических наук</i> ПРОВИНЦИАЛ В СТОЛИЦЕ (А. Н. БРЯНЧАНИНОВ)	487
К. С. ПИГРОВ, <i>заведующий кафедрой социальной философии и философии истории</i> <i>Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук</i> ПЕТЕРБУРГ: GENIUS LOCI	488
Ю. И. СВЕТОВ, <i>журналист, политолог (Санкт-Петербург)</i> ИНСТИТУТ ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН ГОРОДА КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	490
В. В. СЕЛИВАНОВ, <i>профессор кафедры философии и культурологии Республиканского</i> <i>гуманитарного института Санкт-Петербургского</i> <i>государственного университета, доктор философских наук</i> ИСТОКИ УНИКАЛЬНОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	492
В. Г. ТУРКИНА, <i>доцент Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского,</i> <i>кандидат философских наук</i> КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕТЕРБУРГА И СОЗДАНИЕ ОБРАЗОВ ПАМЯТИ	494
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	496

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. Инициаторами их проведения были академик Дмитрий Сергеевич Лихачев и профессора СПбГУП В. Е. Триодин, Р. С. Милонов и А. С. Запесоцкий. С тех пор Чтения проводятся каждый год. Д. С. Лихачев выступал на них дважды — с докладами «Декларация прав культуры и ее международное значение» (1996) и «Великая культура примирительна по своей сути» (1997).

После ухода из жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева по предложению писателя Д. А. Гранина и профессора А. С. Запесоцкого чтения получили государственный статус Международных Лихачевских научных чтений, который был придан им Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 года.

Соучредителями Чтений являются Российская Академия наук, Российская Академия образования, Конгресс петербургской интеллигенции (организационно оформлен А. С. Запесоцким в 1999 году по поручению Д. С. Лихачева и Д. А. Гранина; в числе учредителей также Ж. И. Алферов, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский, К. Ю. Лавров. Конгресс был создан с целью содействия реализации потенциала интеллигенции, для укрепления гражданского общества и защиты демократических ценностей, обеспечения постоянного диалога между обществом и властью, а также консолидации всех слоев населения для достижения общественного согласия).

В 2007 году Лихачевские чтения впервые прошли при поддержке Министерства иностранных дел России.

В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности. А именно: в 2001 и 2002 годах тема Лихачевских чтений была «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева», в 2003 году — «Образование в условиях формирования нового типа культуры», в 2004-м — «Образование в процессе гуманизации современного мира», в 2005-м — «Культура и глобальные вызовы мирового развития», в 2006-м — «Гуманитарные проблемы современной цивилизации», в 2007-м — «Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире».

Год от года Лихачевские чтения приобретают все больший размах и становятся все более представительными. На конференцию съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики и члены-корреспонденты РАН: А. Г. Арбатов, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большакова, А. В. Брушлинский, Р. Ш. Ганелин, А. А. Гусейнов, И. И. Елисеева, Т. И. Заславская, Н. В. Карлов, А. А. Кокошин, И. И. Лукинов, В. А. Мартынов, С. В. Медведев, Н. Н. Моисеев, А. Д. Некипелов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, Н. А. Платэ, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, Н. Н. Скатов, В. С. Степин, Ж. Т. Тощенко, А. М. Финкельштейн, А. О. Чубарьян, В. Л. Янин, Р. Г. Яновский и др.; академики и члены-корреспонденты РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, А. Г. Асмолов, В. К. Бальсевич, А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, А. П. Валицкая, Г. Н. Волков,

Ю. Н. Гладкий, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский, А. Н. Джурицкий, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, В. Г. Кинелев, В. А. Кобылянский, И. С. Кон, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, М. Н. Кузьмин, Н. В. Кузьмина, О. Е. Лебедев, В. Т. Лисовский, А. А. Лиханов, В. Г. Маранцман, Г. В. Мухаметзянова, Н. Д. Никандров, А. А. Орлов, А. А. Реан, Ю. А. Сауров, Ю. В. Сенько, Н. А. Терентьева, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, А. В. Хуторской, Г. А. Ягодин, Е. А. Ямбург, В. Миттер (Германия); общественные и государственные деятели: А. А. Акаев, О. Г. Дмитриева, А. А. Собчак, Е. С. Строев, М. В. Шмаков, В. А. Яковлев; деятели культуры и искусств: М. К. Аникушин, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинская, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Г. В. Свиридов.

Трижды — в 2001, 2004 и 2006 годах — организаторов и участников Чтений приветствовал Президент Российской Федерации Владимир Путин.

С 2005 года Чтения проводятся при финансовой поддержке компании «Ксерокс Евразия».

Ежегодно по итогам Международных Лихачевских научных чтений публикуются сборники докладов и выступлений их участников, тексты секционных дискуссий и круглых столов. Сборники конференций хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира. Материалы Чтений представлены на специальном научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.Lihachev.ru).

**УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»**

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить, начиная с 2001 года, две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.

**Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН**
Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Приветствую участников Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Д. С. Лихачева, успешной плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

21 мая 2001 года

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отрадно, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума — это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

20 мая 2004 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет ваш форум выполняет ответственную, благородную миссию сохранения, изучения и популяризации трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности. Творческое и идейное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева — неотъемлемая часть отечественной научной мысли, мирового научного наследия в целом. И потому 100-летний юбилей этого выдающегося ученого, гуманиста, патриота и гражданина так широко отмечается не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Желаю организаторам, участникам и гостям Чтений плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

25 мая 2006 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ VII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

ОРГАНИЗАТОРАМ, УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ VII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Искренне рад приветствовать организаторов, участников и гостей VII Международных Лихачевских чтений.

Ваш авторитетный научный форум, собравший элиту российской и мировой интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры, стал важной традицией в духовной жизни страны. Его содержательные доклады и подчас острые дискуссии неизменно вызывают большой интерес и широкий общественный резонанс.

В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как диалог культур и цивилизаций в современном мире, обменяться опытом, рассмотреть перспективные совместные проекты в гуманитарной сфере. Уверен, предложения и рекомендации, выработанные в ходе вашей работы, будут способствовать бережному сохранению отечественного культурного наследия, послужат делу развития идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, которые с годами не утратили своей значимости и актуальности.

Желаю вам новых успехов и всего самого доброго.

Руководитель администрации Президента Российской Федерации
С. СОБЯНИН

ОРГКОМИТЕТУ, УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ VII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Президиум Российской Академии наук поздравляет участников традиционных VII Международных Лихачевских чтений и выражает уверенность, что, как и в прошлые годы, здесь будут острые дискуссии, компетентный анализ актуальных проблем современности, завяжутся новые научные контакты, получит дальнейшее развитие гуманитарная мысль.

Тема чтений этого года — «Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире» — творчески развивает те направления научного творчества и общественной деятельности нашего великого современника Д. С. Лихачева, которым он посвятил последние годы своей жизни. Конец XX и начало XXI века, сопровождаемые многочисленными утратами, убедительно показали, что вне культуры наука, техника, цивилизация лишаются всякого смысла и превращаются в источник опасности для человечества. Вы, участники Чтений, мужественно пытаетесь дать ответы на многочисленные вопросы, которые ставит прогресс перед культурой, и думается, что если таковые ответы в окончательной формулировке найдены не будут, то серьезный шаг в этом направлении обязательно будет вами сделан. В этой связи трудно переоценить значение этих традиционных Научных чтений, которые посвящены актуальнейшей на сегодня проблеме.

Желаю всем участникам VII Лихачевских чтений успешной работы на благо образования и культуры России.

Президент Российской Академии наук академик
Ю. ОСИПОВ

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОНГРЕССА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОРГКОМИТЕТА VII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ
НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ, РЕКТОРУ СПБГУП, ПРОФЕССОРУ А. С. ЗАПЕСОЦКОМУ**

Глубокоуважаемый Александр Сергеевич!

Дорогие участники и гости!

Я и все мои коллеги приветствуем и поздравляем вас с открытием VII Международных Лихачевских научных чтений.

Дмитрий Сергеевич Лихачев — не только филолог. Чем больше проходит времени, тем отчетливее мы понимаем, что он был настоящим гражданином, ученым, отнюдь не узким специалистом-филологом. Потому что научные труды, даже самые большие, со временем теряют свою значимость, а культура в широком ее понимании, несомненно, остается, хотя вопрос о сохранении культурных памятников стоит достаточно остро, и наследие Д. С. Лихачева служит той научной базой и нравственной опорой, которая создает предпосылки для спасения культуры.

Сейчас перед деятелями культуры, интеллигенцией стоят задачи обеспечить диалог культур и цивилизаций в глобальном мире, определить место России в контексте геополитических вызовов эпохи, определить диалектику диалога культур и культурных конфликтов. Эти и многие другие вопросы стоят перед участниками Чтений и свидетельствуют об их масштабности и научном уровне. Отрадно, что в Чтениях предусмотрена работа двух секций («Высшее образование в России: проблемы развития самобытности в контексте глобализации» и «Культурологические основы образовательных стандартов современной школы»), которые напрямую связаны с образованием.

Еще раз хочу вас приветствовать от имени Российской Академии образования и пожелать всего лучшего в нашей совместной работе.

Президент Российской Академии образования
Н. Д. НИКАНДРОВ

**УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ
VII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ**

Дорогие друзья!

От имени Министерства иностранных дел Российской Федерации сердечно приветствую участников VII Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение чтений в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов стало доброй традицией, которая обозначила стремление и готовность российского общества к освоению духовного и интеллектуального наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева.

С именем этого выдающегося ученого связана историческая эпоха демократизации всех сторон жизни нашей страны. На переломном этапе развития российского общества Д. С. Лихачев дал высокие нравственные ориентиры, внеся свой личный вклад в русскую и мировую культуру.

Отрадно сознавать, что опыт великого гуманиста, вобравший в себя универсальные общечеловеческие ценности, по-прежнему востребован.

В нынешнем году Чтения проходят при поддержке и активном участии Министерства иностранных дел России. Это, с одной стороны, свидетельствует о международном признании заслуг Д. С. Лихачева и авторитете посвященных ему научных Чтений, а с другой — форум можно рассматривать как дополнительный ресурс международного сотрудничества, объединения ученых и политических деятелей разных стран и континентов вокруг глубоких идей нашего великого современника и во имя гуманизма и мира на планете.

От всей души желаю организаторам и участникам Чтений здоровья, благополучия, плодотворных научных дискуссий.

Министр иностранных дел РФ
С. В. ЛАВРОВ

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОРГКОМИТЕТА VII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ
НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ, РЕКТОРУ СПБГУП, ПРОФЕССОРУ А. С. ЗАПЕСОЦКОМУ**

Уважаемый Александр Сергеевич!

Уважаемые члены Оргкомитета!

Уважаемые участники VII Международных Лихачевских научных чтений!

От имени Федерации независимых профсоюзов России позвольте приветствовать и поздравить вас с открытием этого масштабного научного форума, который проводится уже седьмой раз.

ФНПР гордится своим Университетом, который стал одним из ведущих высших учебных заведений страны и принял на себя сложную и ответственную задачу научно-методического обеспечения деятельности организаций и объединений российских профсоюзов.

Сегодня профсоюзы играют важную роль в процессе социально-экономических преобразований в стране, присущими им средствами решают задачи по превращению России в сильное, демократическое, социально ориентированное государство. Немалую помощь в осмыслении роли, места, специфики участия профсоюзов в этом процессе оказывают ученые Гуманитарного университета профсоюзов.

Проведение Лихачевских чтений в вашем Университете — не только объективная закономерность, поскольку Дмитрий Сергеевич Лихачев был его первым Почетным доктором, но и признание общественностью России научного и морального приоритета СПБГУП в развитии исследовательской тематики такого масштаба. Во многом это обусловлено и тем, что именно здесь многие идеи Д. С. Лихачева получили поддержку и дальнейшее развитие.

Примите мои искренние пожелания успешной и плодотворной работы!

Председатель Федерации независимых профсоюзов России
М. В. ШМАКОВ

УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ VII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Уважаемые участники и гости VII Международных Лихачевских научных чтений!

От имени Министерства образования и науки Российской Федерации поздравляю вас с открытием крупного научного форума!

Сегодня мы вновь и вновь обращаемся к наследию Дмитрия Сергеевича Лихачева и обнаруживаем, что он предвидел многие проблемы, с которыми столкнутся в XXI веке отечественная наука и образование. Очень ценно, что вы творчески, очень ответственно выполняете Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева», постоянно наращивая научный потенциал Чтений, расширяя их рамки и вовлекая в их контекст лучших отечественных и зарубежных ученых, а также политиков, деятелей культуры и искусства.

Желаю успехов всем, кто принимает участие в организации и работе этого международного форума!

Министр образования и науки Российской Федерации
А. А. ФУРСЕНКО

УЧАСТНИКАМ VII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Приветствую участников VII Международных Лихачевских научных чтений «Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире», проводимых в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева».

Трудно переоценить масштаб гуманитарного наследия академика Д. С. Лихачева. Желаю всем участникам Чтений плодотворной работы и успехов в развитии мирового коммуникационного культурного пространства.

Председатель комитета Государственной Думы по образованию и науке
Н. И. БУЛАЕВ

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИСПОЛКОМА КОНГРЕССА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ,
РЕКТОРУ СПбГУП, ПРОФЕССОРУ А. С. ЗАПЕСОЦКОМУ**

Уважаемый Александр Сергеевич!

С удовольствием и признательностью принимаю Ваше приглашение выступить на очередных Лихачевских чтениях, ибо высоко чтю Дмитрия Сергеевича, его ценнейшее наследие, его светлый образ подлинного патриота России, нашей культуры. Готов выступить с размышлениями на тему «Культура и национально-цивилизационная идентичность современной великой державы», отталкиваясь в том числе от ряда идей, оценок, суждений Дмитрия Сергеевича. С глубоким уважением и самыми добрыми пожеланиями

Председатель комитета Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по делам СНГ и связям с соотечественниками
А. А. КОКОШИН

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ ОБРАЩЕНИЕ К УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ
VII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ**

Уважаемый Александр Сергеевич!

Уважаемые участники и гости VII Международных Лихачевских научных чтений!
От лица Федерального агентства по управлению федеральным имуществом Российской Федерации рад приветствовать вас и поздравить с началом работы VII Международных Лихачевских научных чтений в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, проведение которых на сегодняшний день приобретает особую значимость.

Вклад выдающегося ученого-филолога Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, духовное развитие личности и нравственное воспитание молодых поколений действительно трудно переоценить.

Организация и проведение данного форума, собравшего видных представителей интеллигенции из разных городов и стран, — не только дань уважения выдающемуся российскому ученому, но и возможность продолжить и развить его гуманистические идеи, внести свой вклад в сохранение и обогащение поистине уникальных культурных традиций Санкт-Петербурга и всего государства.

Желаю всем участникам Научных чтений успешной и плодотворной работы, интересных встреч!

Руководитель Федерального агентства по управлению федеральным имуществом
В. Л. НАЗАРОВ

**РЕКТОРУ СПбГУП А. С. ЗАПЕСОЦКОМУ, УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ
VII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ**

Уважаемый Александр Сергеевич!

***Уважаемые участники и гости VII Международных
Лихачевских научных чтений!***

От имени Федерального агентства по образованию позвольте поздравить вас с открытием научного форума — VII Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении семи лет Чтения собирают известных представителей науки, образования, культуры, общественных деятелей. Их тематика всегда актуальна, проникнута духом современности, гражданственности и социальной ответственности.

Участие в организации Чтений Российской Академии наук, Российской Академии образования являет собой пример эффективного взаимодействия академической и вузовской науки, использования потенциала различных организационных форм научной деятельности.

Позвольте пожелать успехов всем, кто принимает участие в организации и работе этого международного форума, и выразить уверенность, что заявленные в названии Чтений и отдельных секций актуальные вопросы получат всестороннее освещение.

И. о. руководителя Федерального агентства по образованию
Е. Я. БУТКО

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИСПОЛКОМА КОНГРЕССА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ,
ЗАСЛУЖЕННОМУ ДЕЯТЕЛЮ НАУКИ РФ, ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ РАО,
РЕКТОРУ СПБГУП, ПРОФЕССОРУ А. С. ЗАПЕСОЦКОМУ**

Уважаемый Александр Сергеевич!

Поздравляем Вас и всех участников Конгресса петербургской интеллигенции с открытием VII Международных Лихачевских научных чтений, непреходящим участником которых был и я. Большой честью и важными событиями были для меня две или три встречи с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, на последней из которых мы обсуждали программу установки в Петербурге новых памятников. Имя и труды Лихачева объединяют изначальную русскую историю и события, сравнительно недавно происходившие в нашем городе и России, с современностью.

Убежден и никогда не теряю веры в то, что направления, намеченные Дмитрием Сергеевичем в нравственной и культурной областях, определяют основной путь развития современного демократического российского государства.

Хочу поздравить также новых Почетных профессоров Гуманитарного университета профсоюзов — достойнейших Александра Чубарьяна и Альберта Лиханова.

С неизменным дружеским уважением

Председатель ЦИК России
В. Е. ЧУРОВ

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОРГКОМИТЕТА VII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ
НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ, РЕКТОРУ СПБГУП, ПРОФЕССОРУ А. С. ЗАПЕСОЦКОМУ,
УЧАСТНИКАМ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ**

Уважаемый Александр Сергеевич!

Дорогие друзья!

От имени депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга приветствую всех участников VII Международных Лихачевских научных чтений!

Петербургский парламент большое внимание уделяет развитию науки, культуры и образования в нашем городе. Проводимые на базе вашего Университета Лихачевские чтения занимают существенное место в культурном пространстве города и не только способствуют популяризации и развитию идей нашего великого современника — Почетного гражданина Санкт-Петербурга академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, но и объективно содействуют укреплению имиджа Санкт-Петербурга как международно признанного центра науки.

Уже более семи лет нет с нами Дмитрия Сергеевича, но пока мы живы, мы сверяем свои поступки с нравственным и гражданским эталоном, каковым он являлся для нас. Лихачевские чтения — это дополнительная возможность оценить современность в контексте его идей. Это достойный вклад в сохранение памяти о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве и одновременно существенный шаг в реализации его заветов, накоплении интеллектуального потенциала человечества для решения задач, волновавших этого великого ученого-гуманиста.

Желаю всем участникам и организаторам Международных Лихачевских научных чтений успешной и плодотворной работы!

Председатель Законодательного собрания Санкт-Петербурга
В. А. ТЮЛЬПАНОВ

Пленарное заседание

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

24 мая 2007 года

СОСТАВ ПРЕЗИДИУМА VII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

- Н. АЛЬ-АТТАР** вице-президент Сирийской Арабской Республики, доктор
- Ф. А. АСАДУЛЛИН** заведующий отделом науки Совета муфтиев России, шейх
- Е. В. БОНДАРЕВСКАЯ** заместитель председателя Южного отделения РАО, академик Российской Академии образования
- Ю. С. ВАСИЛЬЕВ** президент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, академик Российской Академии наук, доктор технических наук, профессор
- Г. Н. ВОЛКОВ** заведующий лабораторией этнопедагогических инноваций Калмыцкого государственного университета, академик Российской Академии образования
- Д. А. ГРАНИН** член Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, писатель, Почетный доктор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, Герой Социалистического Труда
- Ю. С. ДАВЫДОВ** ректор Пятигорского государственного лингвистического университета, академик Российской Академии образования
- М. М. ДЖОШИ** член Парламента Индии, доктор
- П. ДУТКЕВИЧ** директор Института европейских и российских исследований Карлтонского университета (Оттава, Канада), профессор
- С. Ф. ЕГОРОВ** заведующий отделом Института теории и истории педагогики РАО, академик Российской Академии образования
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** председатель Оргкомитета VII Международных Лихачевских научных чтений, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ
- В. П. КАЗАРИН** первый заместитель председателя Севастопольской городской государственной администрации, доктор филологических наук, профессор
- А. А. КОКОШИН** председатель Комитета Государственной Думы Федерального собрания России по делам СНГ и связям с соотечественниками, декан факультета мировой политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик Российской Академии наук
- И. С. КОН** главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, академик Российской Академии образования

- Р. Х. КОХАР** специальный представитель премьер-министра Исламской Республики Пакистан
- А. А. ЛИХАНОВ** писатель, председатель Российского детского фонда, академик Российской Академии образования
- С. З. МАХМУД** президент Межконфессиональной коалиции за мир (Индия), доктор
- В. МИТТЕР** профессор Немецкого института международных исследований в области образования, иностранный член Российской Академии образования
- В. В. НАУМКИН** заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, представитель России в Группе высокого уровня проекта Организации Объединенных Наций «Альянс цивилизаций», доктор исторических наук, профессор
- А. Е. ПЕТРОВ** ученый секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, заместитель председателя Координационного совета по делам научно-педагогической молодежи при Президентском совете по науке, технологиям и образованию, кандидат исторических наук
- М. Б. ПИОТРОВСКИЙ** председатель Конгресса петербургской интеллигенции, директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент Российской Академии наук, доктор исторических наук, профессор
- В. В. ПОПОВ** посол по особым поручениям Министерства иностранных дел РФ, директор Центра партнерства цивилизаций
- Г. М. РЕЗНИК** заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, президент Адвокатской палаты г. Москвы, член Общественной палаты РФ, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист РФ
- Е. П. РОМАНОВ** главный ученый секретарь Уральского отделения РАН, член-корреспондент Российской Академии наук
- А. В. САЛТАНОВ** специальный представитель Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку, заместитель министра иностранных дел России
- Л. А. САНКИН** заместитель председателя Оргкомитета VII Международных Лихачевских научных чтений, первый проректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, профессор
- Ю. В. СЕНЬКО** заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета, академик Российской Академии образования
- Н. Н. СКАТОВ** советник Российской Академии наук, член-корреспондент Российской Академии наук
- Ж. Т. ТОЩЕНКО** главный редактор журнала «Социологические исследования», член-корреспондент Российской Академии наук
- ЛИ ЦЗИН ЦЗЕ** президент Китайской ассоциации исследований России, Восточной Европы и Средней Азии, член Национального политического консультативного комитета Китайской Народной Республики, академик Китайской академии общественных наук
- А. О. ЧУБАРЬЯН** директор Института всеобщей истории РАН, ректор Государственного университета гуманитарных наук, академик Российской Академии наук, доктор исторических наук, профессор
- Б. Я. ЭЙФМАН** руководитель Санкт-Петербургского государственного академического театра балета, Народный артист России

Г. А. ЯГОДИН профессор Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева, академик Российской Академии образования, доктор химических наук

РУКОВОДИТЕЛИ СЕКЦИЙ

А. В. АГОШКОВ главный редактор журнала «Вопросы культурологии», старший научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, кандидат философских наук

В. Г. АЛЕКСАНДРОВА профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, руководитель педагогической мастерской «Интеграция науки и искусства в школе», доктор педагогических наук

А. Г. АСМОЛОВ заведующий кафедрой психологии личности Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор психологических наук, профессор

Ю. С. ДАВЫДОВ ректор Пятигорского государственного лингвистического университета, академик Российской Академии образования, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России

Б. С. ИЛИЗАРОВ ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор

Ю. М. КОЛОСОВ профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, член Постоянной палаты Третейского суда Гааги, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ

О. Е. ЛЕБЕДЕВ заведующий кафедрой теории развития образовательных систем Санкт-Петербургской государственной академии постдипломного педагогического образования, член-корреспондент Российской Академии образования

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ заместитель главного редактора журнала «Человек»

К. С. ПИГРОВ заведующий кафедрой социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор

О. Ф. РУСАКОВА заведующая отделом философии Института философии и права Уральского отделения РАН, доктор политических наук, профессор

Ю. И. СВЕТОВ журналист, политолог

Ю. В. СЕНЬКО заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета, академик Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор

Ж. Т. ТОЩЕНКО главный редактор журнала «Социологические исследования», член-корреспондент Российской Академии наук

Ю. В. ЯКОВЕЦ президент Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, вице-президент Международного фонда Н. Д. Кондратьева, доктор экономических наук, профессор

ДОКЛАДЫ, ВЫСТУПЛЕНИЯ, ПРИВЕТСТВИЯ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ,

председатель Оргкомитета VII Международных Лихачевских научных чтений, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ОТ ОРГКОМИТЕТА
VII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Международные научные чтения по гуманитарным проблемам современности проводятся Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов ежегодно в мае начиная с 1993 года. Они возникли по инициативе Почетного доктора нашего Университета академика Дмитрия Сергеевича Лихачева и группы профессоров СПбГУП и назывались первоначально «Дни науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов». Имя академика Лихачева задавало высочайшую планку Чтениям, в которых с самого их начала принимают участие ведущие ученые и известные общественные деятели современности.

Сегодня мы с вами открываем уже 15-е собрание крупнейших ученых-гуманитариев и общественных деятелей мира, встретившихся на берегах Невы на нашем форуме, по традиции приуроченном к Дням славянской письменности и культуры.

В 2001 году мы с писателем Даниилом Граниным обратились к Президенту России Владимиру Владимировичу Путину с просьбой поддержать нашу инициативу о придании данной конференции статуса Международных Лихачевских научных чтений. Это представлялось логичным, ведь Дмитрий Сергеевич был не только инициатором, но и одним из идеологов этих Чтений, неоднократно выступал на них с докладами. Владимир Владимирович Путин эту идею поддержал. С тех пор, согласно соответствующему Указу Президента России, наши Чтения имеют статус Международных Лихачевских научных чтений.

Я рад, что данные чтения проходят при учредительстве Российской Академии наук, Российской Академии образования и Конгресса петербургской интеллигенции. Это давняя традиция. Конгресс петербургской интеллигенции был организационно оформлен нами по предложению Дмитрия Лихачева и Даниила Гранина в 1996 году. С тех пор его бессменным председателем является дирек-

тор Государственного Эрмитажа Михаил Борисович Пиотровский, а председателем Исполкома Конгресса, председателем Оргкомитета Чтений — ваш покорный слуга.

Мне представляется чрезвычайно важным, что в этом году впервые Чтения проходят при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации. Хочу отметить, что МИД Российской Федерации проделал реальную и существенную работу в поддержку Чтений. Мы очень признательны Министерству за эту помощь, благодаря которой в работе наших Чтений вместе с российскими учеными принимают участие крупнейшие зарубежные мыслители современности.

Я хотел бы особенно поблагодарить Корпорацию «Ксерокс», которая осуществляет финансовую поддержку Международных Лихачевских чтений начиная с 2001 года. Я хотел бы также поблагодарить представителей восемнадцати средств массовой информации федерального и регионального уровня, которые оказывают информационную поддержку Международным Лихачевским чтениям. Логотипы всех этих СМИ представлены в зале, где проходят Чтения, чтобы участники и гости могли видеть тех, кто поддерживает научные исследования и встречи ученых по гуманитарным проблемам. Мы очень признательны нашим друзьям за эту поддержку.

Благодаря нашим совместным усилиям на протяжении пятнадцати лет в стенах этого Университета каждый год собираются крупнейшие ученые со всей России. Отрадно, что здесь представлено более семидесяти регионов страны — это наша давняя традиция. Я очень рад, что в конференции участвуют многие мои коллеги — профессора, доценты, преподаватели Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. И мне очень приятно видеть здесь студентов, потому что они — наши духовные, нравственные и научные преемники, и нам чрезвычайно важно, чтобы эта преемственность состоялась.

Год назад наш Университет создал сайт «Площадь Лихачева», где опубликованы уже сотни и сотни работ из более чем 1300 научных трудов Дмитрия Сергеевича. Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что полное собрание сочинений Лихачева пока не издано, и это, безусловно, затрудняет и научные исследования наследия Лихачева и вовлечение молодежи в знакомство с трудами академика. Должен сказать, что в течение ближайших двух лет все работы Лихачева появятся на нашем сайте. Там размещены также и многие работы о Лихачеве. Впервые в этом году мы провели всероссийский конкурс школьных сочинений — работ о Лихачеве. Нам было представлено около 400 работ из 38 регионов страны и одна работа из зарубежья — из Литвы. В авторитетное жюри входили выдающиеся российские писатели, ученые, академики и члены-корреспонденты двух академий — Российской Академии наук и Российской Академии образования, крупные отечественные журналисты. Жюри строго и объективно оценило все представленные работы и определило 6 победителей, которые приехали сегодня сюда из самых разных уголков страны. Если молодежь интересуется Лихачевым, пишет научные работы о нем, участвует в проходящих здесь Лихачевских чтениях, в праздновании Дней славянской письменности и культуры, это означает, что у России есть гуманитарное будущее.

Сегодня главная тема нашей конференции — диалог культур и цивилизаций в глобальном мире. Все мы знаем, насколько эта тема важна для человечества. Проблемы маленьких государств, которые испытывают давление больших держав; проблемы огромных стран, которые испытывают серьезные трудности с ресурсами и со своим развитием; проблемы стран-лидеров, которые хотели бы продолжать лидировать, но с каждым годом и с каждым месяцем утрачивают свои лидирующие функции; проблемы перенасыщенности мира оружием, попытками силовых решений вопросов в свою пользу; терроризм и многое другое — все это станет сегодня предметом обсуждения на VII Международных Лихачевских научных чтениях. Мы полагаем, что методологический ключ к решению современных глобальных проблем человечества содержится в признании определяющей роли культуры как основы мирового социально-экономического развития.

Я хотел бы персонально поприветствовать целый ряд наших друзей, с которыми мы проводим эти Чтения, и в первую очередь человека, который является одним из символов

Петербурга. На протяжении многих лет выдающийся ученый возглавлял Пушкинский Дом, средоточие нашей филологической науки, а сейчас является советником Российской Академии наук — это наш замечательный патриарх Николай Николаевич Скатов. Еще один персонифицированный символ петербургской интеллигенции в этом зале — академик Юрий Сергеевич Васильев — член Президиума Всероссийского союза ректоров и президент Политехнического университета.

Сегодня же мы отдадим должное двум замечательным нашим соотечественникам, которые станут Почетными докторами нашего Университета (напомню, что первым Почетным доктором СПбГУП был Дмитрий Сергеевич Лихачев). Это академик Российской Академии наук, выдающийся историк Александр Оганович Чубарьян и академик Российской Академии образования, выдающийся российский писатель Альберт Анатольевич Лиханов. По окончании сегодняшнего пленарного заседания мы откроем бюст другого нашего Почетного доктора, выдающегося российского поэта, известного во всем мире, Андрея Вознесенского. К сожалению, по состоянию здоровья он не смог быть сегодня с нами. Мы направим ему видеозапись нашей встречи.

Я рад, что дело Дмитрия Лихачева продолжается в этом Университете, в Петербурге, в России, во всем мире.

У нас запланирован и ряд круглых столов, и работа нескольких секций, поэтому я хотел бы обратить внимание руководителей секций на ряд очень интересных тезисов.

Один из них прозвучал в прошлом году в выступлении Михаила Борисовича Пиотровского. Если вдуматься, обыденная вроде бы вещь, но год назад она прозвучала очень остро и свежо. Это мысль о том, что каждый из нас живет в нескольких культурах, и нам надо учиться жить во многих культурах. Мне это тоже кажется очень важным, особенно проблема символов в культуре. Ведь символы в культуре со времен зарождения человечества играют роль пароля «свой — чужой». Одно племя было одето одним образом, другое — другим. По символическим признакам и отличали «своих» от «чужих», и убивали друг друга. В современной культуре и цивилизации это мерило сохранилось практически в первозданном виде, почти на уровне инстинкта самосохранения: чужой символ — враг, надо бороться, уничтожать.

Мы слышим слово «Коран», и вокруг него в христианской культуре пытаются создать ореол чужеродности, враждебности. В совет-

ское время нам в России внушали, что звезда Давида — это то, с чем мы должны бороться, и что этой звезде противостоит красная звезда. Другим народам в их странах внушали, что красная звезда — это опасность, которой надо бояться, бороться с ней.

Если мы хотим научиться жить в мире с другими культурами, то в первую очередь нам надо научиться воспринимать символы других культур не как явления враждебного нам мира, а как самобытные, ценные явления.

Думаю, глобализация — процесс многогранный и неоднозначный. Так, например, Дмитрий Сергеевич Лихачев считал, что глобализация обязательно должна происходить и в культуре. Более того, глобализация должна проявляться в первую очередь в культуре, а затем уже в экономике и политике. Другое дело — как она должна происходить. Экономика не может «тащить» за собой культуру, наоборот, культура должна идти в авангарде, а экономика — следовать за ней. Главное — найти конкретные механизмы, как человечеству научиться жить в нескольких культурах одновременно и каким может быть облик глобальной культуры, не враждебной культуре национальной. Данная тема представляется очень важной.

Уважаемые коллеги! Несколько слов о приветствиях, которые поступили в наш адрес — их много. Я не буду, конечно, зачитывать и перечислять их все. Замечу только, что в истории наших Чтений — три приветствия от Президента России Владимира Владимировича Путина, а сегодня поступило приветствие от главы администрации Президен-

та Сергея Семеновича Собянина, а также поступило приветствие от Президента Российской Академии наук академика Юрия Сергеевича Осипова.

На большинстве наших конференций присутствовал Президент Российской Академии образования Николай Дмитриевич Никандров, но сегодня он, к сожалению, не смог быть здесь. Редкий случай — одновременно с нашей конференцией президенты всех шести государственных академий заседают вместе, определяя стратегию науки, поэтому Николай Дмитриевич Никандров прислал нам свое приветствие. Мы также получили приветствия от главы российских профсоюзов Михаила Шмакова, одного из председателей Попечительского совета нашего Университета; министра науки и образования страны профессора Фуренко; председателя Комитета Госдумы по образованию и науке Николая Булаева; профессора нашего Университета, а теперь главы Центризбиркома Владимира Чурова; руководителя Федерального агентства по образованию Евгения Будко, временно исполняющего эти обязанности, потому что профессор Балыхин, к сожалению, сейчас находится в больнице, и многих других. Много приветствий пришло в адрес VII Международных научных Лихачевских чтений, что очень приятно и за что мы всех наших друзей искренне благодарим.

В заключение позвольте пожелать всем присутствующим успешной и плодотворной работы на VII Международных Лихачевских научных чтениях!

Д. А. ГРАНИН,

*писатель, член Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции,
Почетный доктор СПбГУП, Почетный гражданин Санкт-Петербурга,
Герой Социалистического Труда*

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОВЕСТИ

Я не помню такого состояния нашего общества с подобным разгулом бесстыдства и бессовестности, как ныне. В советские времена низкий нравственный уровень можно было оправдывать страхом, идеологией, репрессиями. В нынешнем человеке мы, очевидно, имеем дело с принципиально другим отношением к стыду и совести. Появились новые требования к ним, новые, куда более заниженные, уровни стыда и совести, и они считаются нормальными.

Вот поголовное бесстыдство чиновников, для которых любые законы определяются степенью взяткоемкости.

Вот олигархи, которые захватили народное достояние — леса, недра, земли, жилье — и получили миллиарды. За что? Они ничего не изобрели, не открыли ни в науке, ни в экономике, ни в производстве, ничего не дали обществу, тем не менее стали владельцами огромных состояний, в основном по праву захватчиков, «оккупантов».

Вот депутаты всех уровней добиваются своих мандатов с помощью пустых обещаний, лжи и обмана.

В стране повсеместно воцарился культ денег и воровства.

Телевидение на всех каналах заботится не столько о просвещении и воспитании, сколько о рекламе, рейтингах ради своих доходов.

В последние годы своей жизни Дмитрий Сергеевич Лихачев упорно возвращался к проблеме совести. Он с печалью видел, как она перестает быть мерилом нравственности, как Россия становится страной без стыда и совести.

После замечательного русского философа Владимира Соловьева Лихачев, пожалуй, единственный, кто так настойчиво занимался категорией совести.

Соловьев считал, что совесть есть развитие стыда. Должен быть стыд, нет стыда — тогда совесть молчит.

Стыд был первым человеческим чувством, которое отделило человека от животных. Можно считать, что человек — животное стыдящееся, Господь обнаружил первородный грех Адама и Евы, потому как они устыдились своей наготы. И изгнал их из рая.

Человек постепенно начинал понимать, что «должно по отношению к людям и богам», и тогда инстинкт стыда стал превращаться в голос совести, то есть Адам и Ева устыдились совершенного ими, и этот стыд, который заставил их прикрыть себя фиговыми листьями, и был первым голосом совести.

Лихачев сумел развить это положение, дополняя его ролью памяти. Он показывал, как память формирует совесть. Без памяти нет совести, память сохраняет наши грехи, память семейная, культурная, народная питает совесть, требует с нее. Она побуждает совестливое отношение к старшим, к друзьям, родным. Вспоминает, правильно ли мы жили, хорошо ли обращались со своими родными. Позднее наше раскаяние — это работа памяти, которая тревожит совесть. Память как историческая категория — когда, побывав в Гамбурге на кладбище русских солдат, жертв Первой мировой войны, я вдруг сообразил, что у нас, в России, я не видел и не знаю ни одного кладбища, где сохранялся бы прах русских солдат, погибших в ту войну.

А что такое действия вандалов на наших кладбищах или то, что они творят в Летнем саду, — что это? Это свидетельство жизни без памяти.

Лихачев обращал наше внимание на некоторые особенности совести.

«Совесть противостоит давлению извне, она защищает человека от внешних воздействий!» И в самом деле, к человеку порой может достучаться только совесть, внутренний голос, он куда действенней, чем бесконечные призывы, пропаганда учителей, воспитателей, даже родителей.

«Поступок, совершенный целиком по совести, — это свободный поступок».

Спрашивается, а зачем человеку нужна эта самая совесть, ведь никто не мешает отмахнуться от нее, какой от нее прок, если она не приносит никаких выгод, не дает человеку никаких преимуществ — ни для карьеры, ни материальных? Благодаря чему она существует, совесть, которая грызет и мучает, от которой порой не отвяжешься, не отступишься? Откуда, в сущности, она взялась? На самом деле мы знаем, что она исходит из глубины души и не бывает ложной. Она не ошибается. Поступок по совести не обесценивается, не приводит к разочарованию. Но все же — зачем это бесполезное чувство?

Когда я говорю *поступок по совести*, мне вспоминаются некоторые примеры, удивительные и впечатлившие меня надолго.

28 июля 1958 года умер Михаил Михайлович Зощенко. На «Литераторских мостках» партийное начальство хоронить его не разрешило, видимо, посчитали, что недостойн. Им всегда виднее. И рядом не разрешили. Наконец было позволено похоронить его в Сестрорецке, где он проживал на даче.

Гражданскую панихиду проводили в Доме писателя. Поручили вести ее Александру Прокофьеву, первому секретарю Союза писателей. Обязали провести ее кратко, не допуская никакой политики, строго придерживаясь регламента, не позволяя малейших выпадов, нагнали много милиции и работников Большого дома. Все желающие попасть на прощание не могли, люди заполнили лестницу, ведущую к залу, где стоял гроб, большая толпа осталась на улице. Гроб поставили в маленькой гостиной. Радиофицировать ее не разрешили. Слово дали Николаю Никитину, Михаилу Слонимскому — его друзьям времен «Серапионовых братьев».

Церемония заканчивалась, когда вдруг, растолкав всех, к гробу прорвался Леонид Борисов. Это был уже пожилой писатель, автор известной книги об Александре Грине «Волшебник из Гель-Гью», человек, который никогда не выступал ни на каких собраниях, можно считать, вполне благонамеренный. Наверное, поэтому Александр Прокофьев не стал останавливать его, тем более что панихида проходила без осложнений, никто ни

слова не говорил о травле Зощенко, о постановлении ЦК, словно никакой трагедии в его жизни не было, была благополучная жизнь автора популярных рассказов.

«Миша, дорогой, — закричал Борисов, — прости нас, дураков, мы тебя не защитили, отдали тебя убийцам, виноваты мы, виноваты».

Надрывный, тонкий голос его поднялся, пронзил всех, покатился вниз, люди передавали друг другу его слова, на улице толпа всколыхнулась.

Александр Прокофьев не посмел нарушить похоронный ритуал перед лежащим покойником. Рыдая, Леонид Борисов отошел.

Я возвращался домой с Алексеем Ивановичем Пантелеевым, он говорил: «Слава Богу, хоть кого-то допекло, нашелся человек, спас нашу честь, а мы-то, мы-то...»

Что это было? Борисов стоял рядом с Пантелеевым, не собиравшись выступить, но что-то прорвалось, и он уже не мог справиться с собой, это было чувство не рассуждающее, подсознательное, не способное выбирать. Это была совесть.

Быть бессовестным сегодня для многих — быть «как все», «иначе не прожить», «ничего не поделаешь, таково наше общество».

Можно, конечно, считать, что наше общество унаследовало советскую мораль, когда никто не каялся, участвуя в репрессиях, когда поощряли доносчиков, стукачей. Но при чем тут совесть? Она относится к личности, принадлежит душе, единственной, неповторимой, той, что отвечает тем удивительным голосом, что нас судит. Нет коллективной совести.

У Чехова есть рассказ «Студент». Маленький, на три странички. Сам Чехов считал его лучшим из всего написанного им.

В Страстную пятницу студент духовной академии, голодный, озябший, идет домой, размышляя о том, что кругом всегда была такая же бедность, такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска; пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше. У костра на огороде сидят две бабы. Студент садится к ним отогреться и рассказывает им историю того, как трижды апостол Петр отрекся от Христа, не устоял, отрекся и заплакал. Слушая его, растроганные бабы тоже заплакали. Потому что то, что происходило в душе Петра, им близко, близки тот стыд, муки совести апостола. Студент, оставив их, идет дальше, и вдруг радость заволновалась в его душе. Он думал о том, как прошлое «связано с настоящим непрерывною цепью событий: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой».

Совесть есть одно из самых таинственных человеческих чувств.

Казалось бы, совесть часто угрожает своему хозяину. Недаром в Грузии говорят: «Мой враг — моя совесть». Это чувство, у которого нет выбора, оно не бывает ни умным, ни глупым, ни осторожным — эти категории не для него. Зачем же оно дается человеку? Не понятно.

Есть люди, которые сумели отделаться от совести, избавиться от нее, отсутствие ее насколько не мешает им жить, они чувствуют себя даже комфортно без нее, ничто не грызет их.

Лихачев считал совесть «таинственным явлением». Действительно, рациональное объяснение ему подыскать трудно. Чувство это иррационально, в этом сила совести и в этом ее беспомощность перед холодными соображениями эгоизма. Я никогда не мог объяснить, зачем она нужна человеку, необходима ли она, но человек без совести — это страшно.

Для меня в этом смысле одно из самых сильных стихотворений Пушкина «Воспоминание», написанное им в 1828 году. Кончается оно так:

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалею, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Нет ничего труднее, чем отказаться от всяческих самооправданий. Требования совести, ее суд, ее приговор происходят втайне. Ничто не мешает подсудимому, который сам себя судит, уклониться от приговора. Пушкин отвергает для себя любое снисхождение, не дает себе пощады, даже слезы раскаяния не помогают. Мы не узнаем, за что он казнил себя, но признание это поражает своим мужеством.

На уроках литературы изучают Пушкина, но не учат тому, что совесть для него, для Лермонтова, для Толстого и Достоевского была реальностью, что у человека есть душа — тоже весьма реальное понятие, и надо заботиться о ее здоровье, стараться понять, что происходит с ней.

Работая над «Блокадной книгой», мы с Адамовичем были потрясены дневником школьника Юры Рябинкина. В нем предстала история мук совести мальчика в страшных условиях голода. Каждый день он сталкивался с невыносимой проблемой — как донести домой матери и сестре кусок хлеба,

полученный в булочной, как удержаться, чтобы не съесть, хотя бы довесок. Все чаще голод побеждал, Юра мучился и клялся себе, зарекаясь, чтобы завтра не повторилось. Голод его грыз, и совесть грызла. Шла смертельная непримиримая борьба, кто из них сильнее. Голод растет, совесть изнемогает. И так день за днем. Голод, понятно, на чем же держалась совесть, откуда она берет силы, что заставляет ее твердить вновь и вновь — нельзя, остановись?..

Единственное, что приходит в голову — она есть божественное начало, которое дано человеку. Она как бы представитель Бога, его судия, его надзор, то, что дается человеку свыше, что может взрасти, а может и погибнуть.

Она не ошибается.

У нее нет проблемы выбора.

Она не взвешивает, не рассчитывает, не заботится о выгоде.

Может, только согласие с совестью дает удовлетворение в итоге этой жизни.

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ,

*председатель Конгресса петербургской интеллигенции,
директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент
Российской Академии наук, доктор исторических наук*

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Дорогие коллеги, для меня большая честь сегодня выступать на этом заседании и начинать разговор о диалоге культур, поскольку это такая большая тема, завещанная Дмитрием Сергеевичем. Это продолжение уже совершенно в новых условиях того, что делал Дмитрий Сергеевич. Думаю, моя задача сегодня — кратко коснуться некоторых вопросов и, может быть, произнести несколько провокационных тезисов, связанных с проблемой диалога культур.

По роду своей деятельности я как бы с двух сторон участвую в диалоге культур: с одной стороны, я востоковед-арабист, а с другой — руководитель такого универсального музея, как Эрмитаж, который является центром настоящего диалога культур. По сути, это главная задача подобных культурных учреждений.

О диалоге культур говорят много, у нас проходит много конференций, посвященных данной проблеме, и сам термин у всех на слуху. Казалось бы, уже достаточно... Но на самом деле нужно еще больше и больше говорить об этом, потому что диалог культур — очень важная часть нашей сегодняшней жизни и некая возможность компенсации многих худых вещей, происходящих в ней. Так, например, главная проблема современности — глобализация во многих своих аспектах (политических, экономических, культурных и др.) — связана с неумением наладить диалог культур.

Это то, что весь мир проклинает. Изменить и компенсировать тот вред, который наносит глобализация (она, конечно, его на-

носит), мог бы правильно построенный диалог культур, потому что таким образом защищаются особенности культур и появляется возможность уравнивания, гармонизации.

Думаю, что диалог этот уже прошел несколько разных стадий, причем параллельно диалогу культур идет диалог религий, и обнаруживается очень много схожих особенностей. Прошел этап, когда казалось, что все легко — есть некий набор общих ценностей, который мы все разделяем, и нужно лишь пообщаться, чтобы договориться, и тогда мы будем думать и говорить примерно одно и то же, и всем будет хорошо... Но так не будет никогда.

Сегодняшний диалог в разных своих формах строится на четком понимании, что есть вещи, которые разные культуры никогда не согласятся воспринять, а есть вещи, которые можно принимать или соглашаться с ними, или хотя бы терпеть, потому что всем нужно жить вместе, мирно.

Параллельно в разных сферах — и в культурной, и в религиозной, и в других — идет процесс воспитания людей: культурно-религиозные институты во многом сейчас выполняют одну и ту же цель воспитания народов и заложения общих основ для будущих поколений. Становится понятно, что от догматов никуда отходить нельзя, но нужно четко и ясно говорить о том, в чем мы различны. Думаю, что достигнутое недавно по очень принципиальным позициям соглашение между Русской православной церковью и Русской православной церковью за рубежом — при-

мер несомненного успеха в таком религиозном диалоге.

Глобализм имеет целый ряд символов или примет, наиболее известный и самый яркий, наверное, — это «Макдоналдс». Поэтому так называемые антиглобалисты разрушают и даже взрывают эти кафе быстрого питания по всему миру. Еще один хорошо знакомый символ глобализма — суши-бары, которые также возникают по всему миру. Это также ответ-вторжение другой цивилизации, противопоставляющей свою культуру остальным, и прежде всего западной. Однако ни у кого не вызывает никаких возражений и протестов подобное распространение восточной культуры и образа жизни. Интересно, почему? Есть разные ответы на эти вопросы, и было бы интересно поговорить об этом.

Мне кажется, сейчас пришло то время, когда необходимо говорить о диалогах культур применительно, в первую очередь, к России. Потому что есть сложившаяся российская традиция, российский рецепт мирного сосуществования различных культур в одной многонациональной стране, который может быть полезен всему миру.

Культурный диалог — это прежде всего сохранение культурного наследия, и русская традиция может подсказать, на чем должно строиться единство и разнообразие стран мира и что должно быть стимулом для развития поколений.

Известно, что протестантская этика — основа развития капитализма, который без нее нигде не развивается, а поскольку ее нет в большей части света, то и, так сказать, неудачи капиталистического развития там очевидны. Думаю, что вместо протестантской этики таким стимулом развития может служить, во всяком случае в России, наше культурное наследие, которое вполне способно стать основой воспитания людей с помощью культуры и некоторого улучшения нашего общества.

Даже враждебный культурный диалог может быть полезен. Коснемся, например, близкой мне и многим здесь присутствующим темы так называемого исламского фактора. Не секрет, что это весьма болезненная для нас тема, однако насколько теперь мир стал больше знать об исламе в результате все этих ужасов и разговоров об исламской угрозе...

Совсем недавно, еще до того как он был выбран президентом, Николя Саркози упрекали в том, что он в каком-то интервью запутался и не мог ответить на вопрос, является

ли Аль-Каида суннитской или шиитской организацией. Ну, зато теперь уже все знают, что есть такие сунниты и шииты. Правда, не все знают, что никакой Аль-Каиды нет, но это уже другой разговор.

Кроме того, необычайно важны качественные, адекватные переводы важных культурных терминов, разделяющих цивилизации. Так, всем известен знаменитый термин «джихад» в его, так сказать, военном варианте, но его общекультурный смысл остался неизвестным большинству европейцев. Поэтому сегодня слово «джихад» ассоциируется лишь с «крестовым походом» за веру, а не в его самом широком употреблении — как борьба за доброе дело ради своих идеалов. Если сопоставить данные определения, то становится ясно, что и при различиях разным культурам есть о чем говорить.

Я постоянно пытаюсь проповедовать, хотя многие с этим не согласятся, что слово «ислам» нужно переводить словом «смирение», и с этой позиции, даже при большой разнице христианства и ислама, в них можно найти схожие вещи.

Русский рецепт подобных сложных взаимоотношений, мне кажется, достаточно хорошо проявился именно на мусульманско-православных отношениях в России. Тут можно много говорить и о периоде существования Золотой Орды, когда рядом с этой великой тогда державой существовали мелкие, обособленные русские княжества, которые в военном и невоенном общении с ней выросли в огромное, единое русское государство, в которое потом влилась и сама Золотая Орда.

В Российской империи есть разные примеры культурно-религиозных взаимоотношений. Когда отмечалось тысячелетие Казани, наш Санкт-Петербург хотел подарить этому городу памятник Петру I, а наши казанские друзья сказали: «Знаете, нам памятник Петру I не хочется. Вот Екатерине — да! А Петра I мы не хотим, потому что он заставлял людей обращаться в православие».

Надо сказать, мы тогда очень обиделись и, открывая филиал Эрмитажа в Казани, памятник Петру I как основателю нашего города там все же поставили. Но если внимательно посмотреть документы Петровской эпохи и сравнить их с теми, которые описывают то, происходило при Екатерине, то действительно можно заметить большую разницу. Так, при Петре запрещали строить мечети, заставляли принимать христианство помещиков-мусульман, у которых к тому же были крепостными христиане, православные.

При Екатерине же возникла та система управления, которая просуществовала почти до сегодняшнего дня: целая система разных юридических актов, которые позволяли сосуществовать — хотя и не идеально, но довольно сносно — в рамках единой культуры в России разным конфессиям, в данном случае — исламу и христианству.

Есть еще один очень, мне кажется, важный пример, который мы не должны забывать, — это наше отечественное востоковедение. В России почти всегда было как бы три категории людей, занимающихся восточными исследованиями. Одни из них были практики, которые занимались своей научной деятельностью исходя из интересов Министерства иностранных дел и драгоманства, если говорить языком XIX века. Было в России и востоковедное миссионерство. Так, в Казани существовала целая школа таких миссионеров, где издавалось большое количество книг, посвященных анализу ислама. Подчеркнуто пропагандистские, они в значительной мере были направлены против ислама. Надо сказать, что в целом это были интересные книги. Только что вышел целый том разных подборок таких исследований — «Ислам в трудах русских богословов», хотя на самом деле это работы в большей степени не богословов, а пропагандистов.

И третья часть — это академическое востоковедение. Это наши замечательные петербургские востоковеды и академики, которые не жалели сил на то, чтобы рецензиями откликаться на все слишком пропагандистские и научно необоснованные материалы об исламе; они же, впрочем, порой писали работы, направленные против ислама, причем в очень резкой форме, которая казалась удивительной для таких людей, как Бартольд, Розен и Крачковский. Все это — тоже очень важная традиция, которую мы не забываем: у нас по-прежнему существуют три сферы развития востоковедения.

Еще один важный вопрос, связанный с диалогом культур, — это все расширяющееся преподавание религиозных предметов в школе. Об этом до сих пор ведется много разных споров. Я помню, несколько лет назад Католикос всех армян, когда он был в Петербурге, рассказал с радостью, что в армянских школах ввели новый предмет. Именно — историю.

Так вот мне кажется, что большая половина споров на эту тему — из-за терминов, но не о том, надо ли преподавать историю. Можно все преподавать, введя в название предмета слово «история», которое снимает

много разногласий. Это хороший пример компромисса в диалоге культур.

Например, православному ребенку не обязательно знать основы шариата, а ребенку из мусульманской или атеистической семьи не нужно, наверное, знать основы православия. Но и тем, и другим обязательно нужно изучать основные вехи исторического, и в том числе религиозного, развития разных народов. Так, каждый должен знать, что такое Халкидонский или Стоглавый соборы, кто такой Мухаммед и Иисус Христос и т. д. Есть целый ряд важнейших событий в истории всех религий, которые мы должны знать, если живем в стране, где эти религии существуют. Думаю, что такой взгляд на проблему был бы очень полезен.

Наверное, главный критик ислама сегодня — Папа Бенедикт XVI. Но недавно я прочитал замечательную статью в журнале «Нью-Йоркер», где при разборе его выступлений говорится, что на самом деле Папа Бенедикт хочет не с исламом бороться, а чтобы католичество имело такую же силу, как ислам, и было бы организовано так же. И действительно, весь пафос его жизни — это задача подчинения светского государства религиозным идеям и восстановление, по сути, средневекового института папства.

В этом смысле очень часто восточная культура с ее набором ценностей, где религия играет большую роль, подсознательно воспринимается многими на Западе идеалом того, что должно бы на самом деле быть, чтобы всем было хорошо.

Еще один важный аспект диалога культур — это то, как разные цивилизации смотрят друг на друга, какие эмоциональные мотивы при этом движут людьми. Есть два примера, два человека, олицетворяющих два взгляда — Запада на Восток и Востока на Запад. У нас — это некая система разбитых и кривых зеркал, в которых кто-то кого-то как-то видит. Но есть две знаковые в этом смысле фигуры нашего времени, написавшие книги по данной проблеме. Одна из них — Ариана Фаллачи, знаменитая журналистка, когда-то левого толка, которая перед своей смертью издала три грозные книги против арабов и ислама, рассказывающие о том, как Европа превращается в Еврабию, какой это ужас и как с этим надо бороться, причем с оружием в руках. Противоположна ей не менее знаменитая и очень интеллигентная книга «Востоковедение» Эдварда Саида — палестинца, который критически изучал востоковедение; в ней изложены взгляды Запада на Восток, которые автор критикует за

то, что они очень искажены, неправильны и т. п. Однако и в той, и в другой позиции существует указание на страх. Так, Эдвард Саид, объясняя, почему все востоковеды Запада искажают суть культуры Востока, говорит: «А потому, что они очень боятся — все время боялись и боятся того, что мусульманский Восток придет в Европу. Из этого страха рождается противодействие». Практически та же мысль присутствует и у Арианы Фаллачи.

На самом деле совершенно ясно, хотя разъяснять, наверное, все-таки надо, что никаких серьезных оснований для страхов нет. То есть они ничуть не больше, чем были, когда турки подошли к Вене. Надо с этими ложными страхами что-то делать, ибо все идеологии и споры должны строиться не на страхе, а на истине. Бояться нечего — Бог разберется, кто победит в драках, а человеческие отношения должны основываться на чем угодно, только не на страхе.

И еще одно важно: диалог культур не должен основываться на провокациях и на раздувании подобных страхов. В какой-то мере это можно назвать грехом интеллиген-

ции, которая немного способна сделать в мире, но вполне в силах подобными «подливаниями масла в огонь» превращать небольшие конфликты в глобальные, как это много раз уже случилось в нашей истории.

Нам всем надо научиться жить без страха и провокаций и для этого создать систему диалога культур, которая поможет людям будущего жить дальше — вместе и мирно.

Я очень надеюсь, что наши непрекращающиеся разговоры и попытки рассматривать, чем отличаются и чем сродни друг другу разные культуры, — очень полезное дело, работающее на будущие поколения. Восточная поговорка «Сколько ни говори “халва”, во рту слаще не станет», на мой взгляд, неправильна. Я убежден, что применительно к диалогу культур и цивилизаций, если много и долго говорить «халва», то «во рту мира» когда-нибудь да станет сладко. Таким образом, только от нас самих в значительной мере зависит, станет ли наша жизнь сладкой или горькой в мире, где существуют разные культуры, претендующие на избранность или, как минимум, на превосходство.

А. А. КОКОШИН,

председатель Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, декан факультета мировой политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик Российской Академии наук

КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ

Обращаясь к этой теме, я выступаю не как искусствовед и не как культуролог, а скорее как историк и политолог. Поэтому заранее прошу снисходительно отнестись к моим непрофессиональным замечкам, суждениям относительно искусства, художественной культуры и культуры вообще. Я не раз перечитывал работу Дмитрия Сергеевича Лихачева «Непрофессионально об искусстве» и не скрою, что она во многом меня вдохновила на освещение комплекса вопросов по данной проблеме.

Признаюсь, в своих суждениях, оценках, в подборе тех или иных имен в российской художественной культуре я руководствовался во многом личным восприятием того или иного писателя, художника, опираясь, разумеется, на целый ряд трудов наших авторитетных ученых, специалистов, чьи оценки, в общем, корреспондируют с моими.

Разумеется, прежде всего это относится к многообразным и многоплановым трудам Дмитрия Сергеевича Лихачева. Я сразу хотел бы отметить, что эти труды являются не только научным и эстетическим, но и нравственным, идейным наследием. Мы должны об этом помнить, ибо в сегодняшнем мире очень жесткой конкуренции, доминирования экономического интереса (что проявляется во всех сферах нашей жизни, в том числе в мировой политике) ценность нравственных, идейных установок исключительно велика, и они, к сожалению, являются редким феноменом.

Невозможно быть современной великой державой, не обладая четкой культурно-цивилизационной идентичностью. Но сегодня ясно выраженная культурно-цивилизационная идентичность государства, нации

становится все более редкой и, соответственно, более дорогостоящей в глобализующемся мире, где все больше доминируют унификация и стандартизация. За свою культурно-цивилизационную идентичность борются практически все державы, в том числе и среднего уровня, «региональные» малые государства.

Каждой стране удастся реализовать свою культурно-цивилизационную идентичность по-разному. И эта борьба-соревнование имеет глубокий практический смысл — и политический, и экономический. При доминировании тенденций глобализации, связанных с унификацией и стандартизацией, оборотной стороной данного процесса является то, что в наше время исключительно высоко ценится оригинальность того или иного феномена, продукта и т. д. Недаром такое большое значение сегодня в мире экономики, бизнеса придается бренду. В какой-то степени, я считаю, это понятие приложимо и к государству. У страны, которая хочет быть конкурентоспособной по современным стандартам, должен быть свой ярко выраженный бренд, и решающая роль в обеспечении этого бренда принадлежит культуре. Культуру при этом надо понимать в широком смысле, не сводя все лишь к художественной культуре (здесь я полностью согласен с той трактовкой культуры, которую дает Дмитрий Сергеевич Лихачев в своих трудах и которая корреспондирует с оценками других наших известных деятелей культуры — Юрия Лотмана, Олжаса Сулейменова и др.).

Но сегодня я хотел бы обратить основное внимание на некоторые аспекты именно художественной культуры как очень важного компонента национальной идентичности и обеспечения действительно достойного позиционирования России как современной великой державы.

Буквально два слова о том, что я предлагаю понимать под *современной* великой державой. Я не случайно делаю акцент именно на слове «современный». Современная великая держава — это страна, имеющая эффективное государство и обладающая действительно устойчивыми, динамично развивающимися институтами гражданского общества, системой современной политической демократии; современная великая держава должна обладать всем спектром инструментов влияния на международной арене в мировой политике — тем, что называют *жесткой силой*, ядром которой является военная мощь страны, и *мягкой силой*, где основным инструментом влияния выступает культура.

И именно культура становится сегодня все более важным и сугубо операционным фактором существования и развития современной великой державы, обеспечения ее конкурентоспособности среди прочих субъектов мировой политики и мировой экономики.

Если говорить о политическом классе России, то он, конечно, осознает данное обстоятельство. Известно, какое внимание культуре уделил Президент России в своем послании Федеральному собранию 2007 года. Теперь перед научным, политическим сообществом и творческой элитой России в числе многих стоит задача трансформировать те позиции, которые были четко определены в послании Президента, в конкретные действия. Сегодня уже очевидно, что государство и общество в долгу перед нашей великой российской культурой.

Мы уже начали обсуждать некоторые вопросы в данном направлении с Александром Сергеевичем Запесоцким и Михаилом Борисовичем Пиотровским. И по итогам даже нашей сегодняшней встречи можно сказать, что мы предпримем некоторые конкретные шаги для того, чтобы закрепить деятельность замечательного Фонда — органа, который нас всех здесь собрал, и чтобы поддержать развитие идей Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Не могу не отметить, что, говоря о культурно-цивилизационной идентичности России, да и любой другой страны, мы прежде всего думаем о высокой культуре, но при этом надо, конечно, иметь в виду и массовую культуру. Взаимодействие высокой и массовой культур, на мой взгляд, еще недостаточно хорошо изучено, оно очень многопланово и далеко не однозначно. Конечно, сегодня очевидно угроза со стороны массовой, коммерциализованной культуры, наступающей на позиции традиционной высокой культуры, которая сформировалась в различных регионах мира, в том числе в Европе.

На одном из предыдущих Лихачевских чтений академик М. Б. Пиотровский заметил, что в современных условиях Интернет стал страшной помойкой. Во многом с этим согласен, особенно как декан факультета МГУ. Когда студенты приносят свои работы, просто «зачерпнутые ведерком» из этой помойки, нам, профессорам, приходится принимать меры. Но в то же время Интернет — очень важный фактор развития современной экономики, цивилизации, и нам важно бороться за то, чтобы в пространстве Интернета и массовой культуры, которая более всего реализуется через телевидение и тот же Интернет, доля современной и традиционной

высокой культуры постоянно увеличивалась. И борьба за усиление влияния высокой культуры на культуру массовую должна быть одной из наших важнейших общих задач. Мы должны сформулировать такую цель и придать ей определенный операционный характер.

Какие же компоненты национальной художественной культуры России являются наиболее важными с точки зрения нашей культурно-цивилизационной идентичности? Я бы выделил семь таких основных компонентов. Во-первых, это великая русская литература XIX века, которая получила продолжение и развитие в литературе Серебряного века и последующих десятилетий. Когда я готовился к этому выступлению, то просмотрел еще раз лекции В. Набокова по русской литературе XIX века, которые он читал в одном из американских университетов. Должен сказать, что одним росчерком пера этот великий писатель перечеркнул всю советскую литературу. Замечу в скобках, что он совершенно не прав. Я считаю, что советский период (1920–1930-е годы и последующие десятилетия) дал миру немало выдающихся авторов и замечательных произведений, начиная с «Тихого Дона» Михаила Шолохова.

Говоря о крупных достижениях отечественной словесности второй половины XX века и начала XXI века, нельзя не назвать имен Константина Паустовского, Константина Симонова, Расула Гамзатова, Василия Белова, Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Чингиза Айтматова, Василя Быкова, Даниила Гранина, Иона Друцэ, Нодара Думбадзе, Фазиля Искандера и др.

Во-вторых, это, конечно, русская, российская живопись и скульптура — как реалистическая, так и авангардистская, начиная с великой тройки Репина–Сурикова–Васнецова, скульпторов Голубкиной и Коненкова.

В-третьих — архитектура, причем не отдельные памятники, а целые архитектурные ансамбли, которые характерны для различных регионов России и в первую очередь для Санкт-Петербурга. Этот город — поистине выдающееся творение именно с точки зрения целостности, архитектурной органичности крупной городской агломерации. Об этом, как вы знаете, много и очень проникновенно говорил Лихачев.

Дмитрий Сергеевич обратил свой взгляд и на малые города России. Под воздействием его мыслей о красоте российской провинции я недавно инициировал большое совещание с участием всех основных культурно-исторических центров в лице малых городов

России, включая Ростов Великий, Суздаль, Тобольск, Боровск, Старую Ладугу и др. Мы с главой Роскультуры Михаилом Швыдким провели его в Ростове Великом и в дань памяти Дмитрия Сергеевича наметили целую программу действий по возрождению и сохранению культурно-исторического наследия российских малых городов, и особенно удивительных архитектурных и природных ландшафтов, которые окружают эти города.

В-четвертых, это русская классическая музыка, прославленная творениями Глинки, Чайковского, композиторов «могучей кучки», Скрябина, Рахманинова, Стравинского, Прокофьева, Шостаковича, исполнителями в лице Рихтера, Ойстраха, Гилельса, Ростроповича, Гергиева...

В-пятых, я бы отметил наш классический балет. Дмитрий Сергеевич также высказал целый ряд очень тонких и важных суждений об этом виде русского искусства, которые я полностью разделяю. Думаю, что идея сохранения и развития в нашей стране именно классического русского балета исключительно верна. Можно, конечно, поспорить с тем, что классический русский балет — это прежде всего сказка в облике танца, нечто празднично-красочное, но именно танец составляет суть балета, а не художественная гимнастика, о чем справедливо говорил Дмитрий Сергеевич. Конечно, балет должен развиваться, но нам, безусловно, нужно сохранить и тот облик нашего балета, о котором писал Дмитрий Сергеевич, поскольку он является одним из важнейших компонентов нашей культурно-цивилизационной идентичности.

В-шестых, есть законные основания включить в перечень главных компонентов нашей культурно-цивилизационной идентичности русское драматическое искусство, связанное прежде всего с именами Станиславского, Немировича-Данченко, Мейерхольда, Охлопкова. Очень многое в этом направлении было сделано и делается до сих пор именно здесь, в Санкт-Петербурге. В связи с этим нельзя не вспомнить, например, имена Георгия Товстоногова, недавно ушедшего от нас Кирилла Лаврова, а из современных деятелей — Льва Додина, с творчеством и театром которого я, наверное, ближе знаком, потому что он довольно часто бывает в Москве. Мне выпала честь входить в Совет попечителей театра Льва Додина.

В-седьмых — вклад русских деятелей искусства в кинематограф. Отечественный кинематограф славен такими именами, как Пудовкин, Эйзенштейн, Ромм, Чухрай, Герасимов,

Бондарчук, Тарковский, Кончаловский, Говорухин, Михалков и др. Многие из них хорошо известны и за рубежом — как среди специалистов, так и среди широкой публики.

В завершение я хотел бы напомнить, что Дмитрий Сергеевич несколько лет назад говорил о том, что в современной России до сих пор нет концепции культуры и культурного развития. Сейчас, я думаю, у нас появилась возможность не только сформулировать такую концепцию, но и внести свой вклад в ее формирование. Как и многие присутствующие здесь, я попытался в данном выступлении на стыках политологии, исторической науки и культурологии предложить вашему вниманию ряд основных параметров нашей культурно-цивилизационной идентичности, играющих, как мне представляется, важную роль в обеспечении статуса России как великой державы.

Я действительно думаю, что у нас сейчас есть и возможность, и колоссальная потребность формирования такой концепции. И на-

чинать надо, как мне кажется, именно с культуры — как высокой, так и массовой. И прежде всего следует определить параметры взаимодействия высокой и массовой культуры.

В нашей концепции, я думаю, должны найти отражение и общемировые достижения, и общеизвестные достижения великорусской культуры, и культурные достижения других этносов, населяющих Российскую Федерацию, и соседствующих с нами народов, тех, которые раньше входили в состав Советского Союза, а до того — в Российскую империю. Все это вместе и создает богатейшую палитру российской национальной культуры и русского мира, о котором сейчас, особенно после выступления Президента России перед Федеральным собранием Российской Федерации, активно стали говорить.

При создании концепции нашей культурно-цивилизационной идентичности нам очень важно найти тонкий баланс между сохранением традиций и модернизацией. Все это имеет и прикладное значение для судьбы нашей культуры.

ЛИ ЦЗИН ЦЗЕ,

президент Китайской ассоциации исследований России, Восточной Европы и Средней Азии, член Национального политического консультативного комитета, академик Китайской академии общественных наук

ЗАИМСТВОВАНИЕ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ: НЕЛЬЗЯ ДОПУСКАТЬ ОТКЛОНЕНИЙ КАК «ВЛЕВО», ТАК И «ВПРАВО»

Согласно традиционному историческому материализму человеческое общество развивается следующим образом: общество первобытного коммунизма, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и социалистическое (коммунистическое) общество. Когда капиталистическое общество развивается до определенной степени, на смену ему неизбежно приходит социалистическое (коммунистическое). А когда именно происходит такая замена? По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, «общество обладает слишком большой цивилизацией, имеет слишком много жизненных средств, располагает слишком большой промышленностью и торговлей. Производительные силы, находящиеся в его распоряжении, не служат более развитию буржуазных отношений собственности; напротив, они стали непомерно велики для этих отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие <...> буржуазные отношения стали слишком узки, чтобы вместить

созданное ими богатство»¹. Это означает, что лишь тогда, когда в капиталистический строй не будут вмещаться создаваемые им материальные и духовные ценности, его заменит другой социальный строй, то есть социалистический; но в то же время лишь тогда, когда социализм создаст более высокую производительность труда и более передовую духовную культуру, он сможет и будет в силах заменить капитализм.

Однако до Октябрьской революции Россия была отнюдь не такой развитой капиталистической страной, какую представляли себе Маркс и Энгельс. Хотя капитализм в тогдашней России и получил определенное развитие, однако в целом ее можно было отнести к числу аграрных стран. Что касается ряда стран, ставших социалистическими после Второй мировой войны, в том числе и

¹ Маркс К. Сочинения. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М., 1955. Т. 4. С. 430.

Китай, то ни одна из них не прошла этапа развитого капитализма, многие даже находились на докапиталистической стадии.

Таким образом, революции в России, Китае и некоторых других странах, произошедшие в первой половине XX века, не соответствовали теории Маркса и Энгельса. Однако как следовало поступать коммунистам после прихода к власти? По мнению В. И. Ленина, прежде всего следовало захватить государственную власть, а потом создавать материальные и культурные предпосылки социализма. Ленин даже поднял вопрос изучения и заимствования капиталистических ценностей на высоту определения перспектив и судеб социализма; он подчеркивал, что «превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма»².

Однако в отношении капиталистической культуры и проблемы взаимосвязи социализма и капитализма Россия, Китай и другие социалистические государства отклонились от указанной концепции Ленина и совершили ряд ошибок левого толка как в теоретической сфере, так и в конкретной политической практике. Эти ошибки сводятся главным образом к следующему:

1. Бездумное отождествление противоречий между социализмом и капитализмом с противостоянием и противоборством стран с различным социальным строем.

2. Рассмотрение законов исторического развития человеческого общества, связанных с окончательной заменой капитализма социализмом, как безальтернативную связь стран с различным социальным строем: либо победители, либо побежденные.

3. Упрощение классификации многообразного мира — как социалистического, так и капиталистического; уверенность, что есть лишь белое и черное. Категорическое отрицание капиталистической цивилизации, рассмотрение ее в качестве огромного зла.

С диалектической точки зрения взаимосвязь между социализмом и капитализмом — это взаимосвязь между новым и старым, при которой нельзя быть полностью «за» или «против», допускается взаимное сосуществование одобрения и отрицания. Социализм отрицает лишь ту часть капитализма, которая утратила жизненную силу, преобразует и заимствует все его жизнеспособные аспек-

ты, превращает последние в органическую составную часть и основу собственного развития. Новое и старое — это единство противоположностей. Однако противоположность не означает антагонизм. Бездумно рассматривать отношения между социалистическими и капиталистическими странами как классовую борьбу, как отношения между жизнью и смертью; это типичное проявление метафизики. Жаль, что подобная метафизика долгое время играла решающую роль в мировом социалистическом движении.

Очевидно, что разработанная руководством социалистических стран в соответствии с указанной концепцией внешняя политика не могла правильно выстраивать отношения с капиталистическими странами. На протяжении длительного времени коммунисты были обеспокоены тем, что расширение обмена и сотрудничества с капиталистическими странами наносит ущерб государственному суверенитету и способствует проникновению западной идеологии. Поэтому в течение десятилетий все социалистические страны крепко «запирали двери» и фактически отказались от политики открытости внешнему миру. Не говоря уже о том, чтобы осознанно учиться у капитализма.

Как показывает практика, подобная политика приводит к ограничению свободы действия и к собственному ослаблению. В конечном счете коммунисты СССР и Восточной Европы не сохранили собственной «чистоты» и утратили статус правящей партии. КПК избрала путь реформ и открытости внешнему миру, заимствует лучшее в культуре всего человечества, в том числе и культурные достижения развитых капиталистических стран. Таким образом наша страна получает быстрое развитие, а КПК сохраняет лидирующие позиции.

Самыми важными событиями конца XX века в человеческом развитии стали распад СССР и резкие перемены в Восточной Европе. В значительной степени это похоже на процесс заимствования западной цивилизации. Поэтому можно сказать, что распад СССР и перемены в Восточной Европе изменили не только политическую карту мира, но и само распространение мировой культуры и цивилизации. Процесс социальных преобразований в указанных странах пока еще не закончен. Однако уже сегодня очевидно, что произошел ряд огромных и необратимых изменений.

Во-первых, произошел отказ от модели советского социализма, для которой характерны единственная партия, единая идеология и

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1962. Т. 36. С. 382.

единая собственность; признана необходимость учебы у развитого западного капитализма; сделан выбор направления развития.

Во-вторых, в сфере политической системы — переход от так называемого тоталитаризма к демократической республиканской форме правления. В некоторых странах все еще сохраняются явные следы старой системы, а сама форма и практическое содержание демократической республиканской формы правления не в полной мере соответствуют друг другу.

В-третьих, в сфере экономической системы — переход от единой собственности и централизованной плановой экономики к многообразию форм собственности и рыночной экономике, хотя многие страны по-настоящему еще далеки от последней.

В-четвертых, в сфере культуры и идеологии — отрицание руководящего места и роли марксизма-ленинизма, осуществление плюрализма в данной сфере.

В-пятых, в области внешней политики — отказ от конфронтации, стремление к сотрудничеству с Западом; ряд стран через участие в НАТО и ЕС присоединились к Западу.

В последнее десятилетие XX века в упомянутых странах произошли огромные изменения, большинству из них пришлось заплатить за это большую цену. Например, в России, если сравнивать 1990 и 1998 годы, ВВП снизился на 50 %, а уровень жизни населения — на 40 %, налицо ослабление совокупной мощи государства. Среди 27 государств только отдельные страны Восточной Европы быстро встали на путь устойчивого развития, пережив относительно меньше трудностей.

Если проводить дальнейшее исследование, то можно заметить, что для стран, которые раньше других преодолели кризис и вышли на путь уверенного развития, характерны следующие черты: во-первых, они в силу исторических традиций и культуры схожи с Западной Европой; во-вторых, там были проведены реформы в той или иной степени без резких изменений, в результате чего появились определенные факторы рыночной экономики. В остальных странах, которые еще переживают различные трудности, данные условия как раз отсутствуют. Очевидно, это объясняет ту правду, которой обычно пренебрегают политические деятели: заимствуя зарубежные ценности, следует учитывать собственные условия и реалии.

Умение учиться у других стран и народов, заимствовать и воспринимать все достижения человеческой цивилизации — символ и источник непрерывного развития и про-

цветания того или иного государства. Однако при учебе у зарубежных стран необходимо учитывать собственные исторические традиции и культуру. Все зарубежные социальные строи и культуры возникают и развиваются в специфических условиях; даже если они и совершенны, то ни в коем случае нельзя перенимать их механически. Еще две с половиной тысячи лет назад китайские мудрецы приводили в пример мандарины: их нельзя насильственно пересаживать, иначе плоды будут несъедобными, — чтобы люди не занимались механическим заимствованием. Дело в том, что в Китае мандарины, плоды которых сладкие, обычно растут к югу от реки Хуанхэ, но если сажать их к северу от реки, то плоды будут иметь резкий запах и будут непригодны для еды. Причина в том, что на разных берегах реки — разные условия. Эта история учит нас тому, что при заимствовании опыта за границей нельзя механически перенимать его и игнорировать собственные конкретные условия, иначе могут исчезнуть даже прежние преимущества.

Человечество идет из вчерашнего дня в сегодняшний и дальше — к будущему. Вчерашний, сегодняшний и завтрашний дни тесно связаны между собой, их нельзя произвольно делить. В отношении исторической культуры люди могут осуществлять преобразования, творить, но нельзя ее разрывать на отдельные фрагменты или ликвидировать какие-то части. Кто пытается разорвать и ликвидировать собственную национальную историческую культуру, тот подвергается суровому наказанию. «Культурная революция» в Китае дает яркий тому пример. В ходе реформ в СССР и Восточной Европе также можно найти массу подобных примеров.

Если считать отказ социалистических стран от капиталистических ценностей ошибкой левого толка, то можно рассматривать болячки «демократической наивности» как правоуклонистские ошибки. В определенное время такая болезнь охватила многие страны. «Больные» полагают, что западная демократическая система несет с собой благоденствие, что с ней все пойдет на лад. В течение многих лет пропагандируется теория о том, что «демократия непременно дает развитие», это уже стало своего рода законом. Однако люди не могут доказать его правильность на практике. Согласно имеющимся данным, 62 % стран мира заявляют о том, что у них существует демократическая система, но лишь совсем немногие из них достигли настоящего развития и процветания. В то же время налицо и совсем другие примеры: мно-

гие страны и регионы, где не реализуется западная демократическая система, за короткий срок осуществили индустриализацию и модернизацию, значительно сократили разрыв с развитыми странами. Конечно, такое сравнение проводится не для того, чтобы утверждать, будто демократия — вещь плохая, никуда не годится. Наоборот, настоящая демократия — это общее чаяние всего человечества. Несомненно, что рано или поздно все страны мира встанут на путь демократизации в той или иной форме. Однако демократия как в качестве идеологии, так и в качестве системы является продуктом развития экономических основ и производительных сил общества. В рамках политической системы демократию следует создавать на соответствующей экономической основе, а соответствующая политическая культура дает конкретные гарантии. Только таким образом демократия может продолжить свое существование и эффективно функционировать. Западная демократическая политическая система соответствует имеющимся экономическим основам и культуре. Она формируется и развивается в течение длительного исторического периода. Попытка перенять такую систему за один день, без соответствующей экономической основы и политической культуры, — не только фантастика, но и авантюра.

С конца 1970-х годов Китай начал проводить политику реформ и открытости внешнему миру. Победа над капитализмом и его замена уже перестали быть задачами КПК — последняя выступает за многообразие человеческой цивилизации и взаимные заимствования социализма и капитализма.

Многообразие цивилизаций различных стран — основная черта человеческого обще-

ства и в то же время — движущая сила прогресса человеческой цивилизации. Следует уважать историческую культуру, социальный строй и модели развития всех стран, признавать многообразие нынешнего мира. Разные цивилизации и разное общественное устройство стран мира должны долгое время сосуществовать, чтобы в процессе конкуренции и сопоставления заимствовать друг у друга все полезное и совместно развиваться на основе того, что есть у них общего, при сохранении различий. За прошедшие двадцать с лишним лет Китай достиг заметных успехов в ходе проведения политики реформ и открытости — это результат заимствования западной капиталистической цивилизации и сохранения собственных культурных традиций и национальных особенностей. Поэтому Китай называет свой социализм «социализмом с китайской спецификой».

Вступив в новый век, российская элита вновь обратилась к «российской идее», потом возникла дискуссия о суверенной демократии. Из дискуссии видно, что Россия придерживается ценностных представлений всего человечества и идет по пути демократизации и рыночных отношений. Наряду с этим наш великий сосед подчеркивает, что необходимо исходить из собственных культурных традиций и национальных особенностей при заимствовании достижений капиталистической цивилизации. России надо избавляться от ошибок левого толка, допущенных во времена СССР, а также правоуклонистских ошибок, сделанных в 1990-х годах. Словом, заимствуя достижения капиталистической цивилизации, менее развитым странам нельзя допускать отклонений как «влево», так и «вправо».

М. М. ДЖОШИ,

член Парламента Индии, доктор

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРА

В современном мире конфликт культур и цивилизаций повсеместно признается одной из главных проблем человеческого общества. Причиной такого конфликта является необратимый процесс глобализации мира. Различные культуры и цивилизации больше не могут развиваться изолированно друг от друга, но их несхожесть, а также попытки притирки друг к другу вызывают столкновения. Требование времени таково,

что эти столкновения должны проходить по-иному, так, как принято в высокоцивилизованном обществе. Именно в этом контексте нужно рассматривать метод диалога культур и вывести его логическое обоснование.

Уместно спросить: что такое цивилизация? В общих чертах цивилизацию можно определить как такой уровень развития гражданского общества, при котором оно организует себя, управляет собой, образованно,

то есть обладает знанием и техническими навыками и применяет полученные знания во всех областях жизни. Это высшая форма общества. Под культурой обычно понимают образ жизни общества, его ценности, виды деятельности, взаимоотношения членов общества не только друг с другом, но и с окружающим миром, способы выражения в искусстве, литературе, обычаях и верованиях, принятые в обществе. Таким образом, причина столкновения культур и цивилизаций заключается в разнице мировоззрений, целью которых является создание связей между индивидуумами и сообществами.

Многие ученые отмечают, что некоторые культуры противятся экономическому прогрессу и развитию, в то время как другие принимают его. При жесткой конкуренции рыночной экономики это может породить не только культурные, но и экономические конфликты. Согласно этой же концепции, существуют культуры, не принимающие развитие из поколения в поколение. Подобные сообщества могут столкнуться с внешними конфликтами.

Исследования показывают, что в мире сегодня гораздо сильнее проявляются бедность, несправедливость, жестокость и разделение, чем в последние десятилетия XX века. Долгое время существуют этнические, религиозные и культурные различия, и каждый день можно ожидать появления нового конфликта, что только усложняет жизнь. Исследования ученых выявили, что культурно-религиозные факторы препятствуют адаптации научного знания. Конфликт между научным рационализмом и религией также может усилить уже существующее напряжение в мире.

После окончания холодной войны считалось, что вот-вот возникнет новый мировой порядок, положение в мире станет более спокойным и общество придет к отсутствию конфликтов. Однако сегодня глобализованному обществу досаждают экстремизм, политика избранности, неразумное давление фундаментализма. Это показывает, что экономическое развитие и подъем промышленности и торговли отнюдь не являются миротворческим процессом. В настоящее время также оспаривается мнение, что религиозный фундаментализм порожден экономическим фундаментализмом. Все чаще и чаще религия занимает главенствующее положение и влияет на политические решения как на международном, так и на национальном уровне. Совер-

шенно очевидно, что идеологические баталии времен холодной войны в современном мире заменились глобальной религиозной рознью.

Как можно сгладить эти конфликты? Ожидание мира во всем мире после двух ужасающих войн XX века ни к чему не привело. Ни насилие, ни изобилие не могут создать мирного и демократического общества. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы искусство диалога культур и цивилизаций стало инструментом для достижения спокойствия в мире.

Техногенно-экономическая система, породившая невероятное изобилие и ошеломляющий уровень потребления, основана на картезианско-ньютоновском механистическом, или редукционном, видении мира. Согласно этому подходу, целое может быть исследовано путем расчленения его на основные составляющие части и изучения законов их взаимосвязи. Естественным следствием этого подхода стало разъединение телесного и духовного, человека и окружающего мира, и в конечном счете всех людей. Однако в середине XX века, особенно после бурного развития квантовой физики, ученые (физики, биологи, психологи) стали осознавать, что вместо отдельных составляющих частей необходимо изучать целое. Этот подход называется холистическим (системным), он основан на изучении законов единства в сложной системе целого.

С одной стороны, многие ученые утверждают: есть причины полагать, что среди физических законов существует некий скрытый, невычисленный элемент, и что такое явление, как сознание, должно хотя бы потенциально присутствовать при изучении всего материального. С другой — в области изучения духовного необходимо помнить, что физический мир не есть иллюзия, созданная физическими чувствами, но динамически развивающаяся реальность, отражающая действия нематериального сознания.

Подобный подход дает возможность объединить научный и нематериальный подходы и, следовательно, преодолеть их разногласия. Таким образом, конфликт между религиями, культурами и цивилизациями может быть значительно уменьшен аналогичным способом. Способ этот заключается в открытом взаимном диалоге. Современный прорыв в информационных технологиях и способах связи дает возможность поддерживать диалог культур и цивилизаций в глобализованном мире.

Ю. С. ВАСИЛЬЕВ,

президент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, академик Российской Академии наук, член президиума Российского союза ректоров, член президиума Петербургского совета ректоров, доктор технических наук, профессор

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ ЧТЕНИЙ

Дмитрий Сергеевич Лихачев однажды лезно отозвался о Политехническом институте, как тогда назывался наш вуз. Таким образом, по моему мнению, академик пропагандировал необходимость подготовки инженерных кадров в нашей стране.

Думаю, что и Международные Лихачевские научные чтения, которые проходят в стенах знаменитого Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, играют большую роль не только в гуманитарной сфере, но и для высших технических учебных

заведений. Поэтому за последние несколько лет в высших технических учебных заведениях страны, и прежде всего Санкт-Петербурга, спектр гуманитарных дисциплин получил новое развитие. И материалы данной конференции, которые Александр Сергеевич Запесоцкий любезно рассылает и в высшие учебные заведения технического профиля, играют здесь большую роль.

Я хочу от имени ректорского сообщества страны поприветствовать участников Чтений и пожелать вам плодотворной работы.

А. О. ЧУБАРЬЯН,

директор Института всеобщей истории РАН, президент Государственного университета гуманитарных наук, академик Российской Академии наук, доктор исторических наук, профессор

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ КАК СРЕДСТВА ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Прежде всего хотел бы присоединиться к тем, кто выражал благодарность и удовлетворение тем, что мы присутствуем здесь, на Лихачевских чтениях. Но я хотел бы добавить, что сам Университет, в стенах которого проходит конференция, и его ректор очень много сделали для того, чтобы довольно специфическая специальность, называемая культурологией, в последние годы получила в России определенную поддержку.

В нашей жизни бывают такие явления, когда из, казалось бы, достаточно прагматического дела вырастает целое направление в науке. Так произошло и с той темой диалога культур, которую мы обсуждаем.

В сущности, проблема диалога — это проблема метода, средства. С полной уверенностью можно сказать, что сейчас это — сложившееся научное направление, дисциплина, которая занимается диалогом культур и цивилизаций. Возникла она из очень прагматических вещей. Это была некая ответная реакция на известную теорию насчет разрыва цивилизаций, которая наиболее четко была выражена в известной книге и статьях Хат-

тингтона. Во многих странах, если не во всех, последовал отклик на нее, что это не разрыв, а диалог. Таков был первый импульс.

Второй отклик пришел из объединенной, благополучной, процветающей Европы, которая гордилась тем, что она не имела сложностей и трудностей после успешного процесса своей интеграции, но неожиданно столкнулась с тем, что имеет довольно серьезные проблемы внутри своих стран.

У всех новых лидеров Европы в центре внимания их избирательных кампаний — проблема эмиграции. Речь идет не только о том, как построить отношения с сотнями тысяч и миллионов людей, которые живут теперь в Европе, но и о проблеме адаптации новой культуры, цивилизации.

Должен сказать, что когда Саркози обронил фразу, что Франция будет жестко выступать против приема Турции в объединенную Европу, глава правительства Германии возразила, что половина этих турок уже живет в Европе, и прежде всего в Германии.

Уже существуют специальные исследования, посвященные тому, как адаптируется

арабская культура к европейской. Рассматривается французский опыт, турецкая община в Германии и то, как вообще ислам и восточный уклад жизни могут ассимилироваться в Европе и на Западе в дальнейшем. Решение данной чисто прагматической задачи в конце концов привело к тому, что сегодня мы имеем новую научную дисциплину.

Несколько слов об особенностях диалога культур и цивилизаций. Культура — это, наверное, наиболее синтетическое и интегрированное явление в истории и в современном мире. Культура вбирает практически все, что достигнуто человечеством, что связано с наукой, техникой, вообще с интеллектом и с прошлым, настоящим, будущим — всем образом, стилем жизни. Понятие цивилизации в российском научном инструментарии не так давно заняло большое место — вначале просто как антитеза формационному методу, марксистской концепции. Но постепенно оно тоже приобрело некий универсальный характер. Сейчас все чаще, даже без большого знания дела, пытаются доказать, что в истории человечества все можно объяснить через развитие цивилизации.

Культурология, сформировавшись, сразу же приняла междисциплинарный характер; она вобрала массу различных дисциплин — от философии, истории до психологии, антропологии. Такая размытость привела к появлению многочисленных дискуссий в последние годы — что такое культурология и есть ли такая наука или это просто часть других наук. Поэтому я думаю, что наша задача на ближайшие годы состоит в том, чтобы тщательно разработать методологию и

инструментарий этой дисциплины. Она имеет очень много аспектов: это проблема диалога, толерантности, враждебности, образа другого — чужого и т. д. Кроме того, необходимо учитывать, что в каждом человеке происходит и внутренний диалог с самим собой. У нас в Институте есть отдел культурной антропологии, исторической антропологии, и его деятельность все больше сближается с чисто биологическими проблемами. Словом, мы присутствуем при очень серьезном научном процессе. Необходимо активно развивать культурологию и уточнять все ее научные компоненты.

И последнее. Данная дисциплина сразу же, что бывает далеко не с каждой наукой, приобрела необычайную политическую и общественную актуальность — и для нашей страны, и для всего мира. В России сегодня одна из центральных задач — решение проблемы внутреннего диалога с учетом того, что мы относимся к многонациональным и многоконфессиональным странам.

В отличие от Европы, куда ислам пришел извне, в России свой, российского происхождения ислам, который является ведущей религией части российского общества. Это усиливает для нас необходимость диалога культур.

Сегодня в России диалог культур приобрел общественный характер и стал частью конкретной политики как инструмент в системе отношений между политическими партиями и общественными организациями. Поэтому проблема диалога стала центральным звеном в решении одной из главных наших задач — консолидации российского общества.

Н. АЛЬ-АТТАР,

вице-президент Сирийской Арабской Республики, доктор

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ВЗАИМОПОМОЩЬ И СОТРУДНИЧЕСТВО

Писатель и философ Мирча Элиаде считает, что «современный человек репрезентирует себя как историческую личность, сформированную всем ходом развития мировой истории человечества». Данная точка зрения ведет нас к глубинам цивилизационного подхода, с помощью которого мы восстанавливаем нашу историческую память и обретаем абсолютное существование. Затем, как отмечал Ницше, мы отделяемся от «иллюзии мгновения» и пытаемся выстроить собственное представление об универсальности мира,

начиная с его тотального восприятия, более подлинного и человеческого. Такое восприятие является столь же старым, как и сама жизнь. Его истоки заложены в детстве всего человечества и простираются к XXI веку. Это восприятие дистанцируется от предрассудков настоящего времени и от узких географических рамок. Его невозможно втиснуть в какие-либо рамки. Этот процесс продолжает жить с тех пор, как горизонты мысли и жизни соединились в объятиях, уничтоживших привычные измерения времени и места.

Как замечательно в нашем поиске, идя путем открытий и научных исследований, которые привлекают мыслителей всего мира, обнаруживать светящиеся огни и поразительные глубины непознанной и ненаписанной истории начала зарождения человечества и слушать слова древнего сирийского поэта Милиагра. Поэт древнего города Сирии восклицал в мистическом страстном порыве: «О, не думайте, что я незнакомец. Мы все родом из одной страны под названием мир!»

Чрезвычайно важной задачей сегодняшнего дня стал интенсивный эпистемологический диалог между цивилизациями, строящими свои взаимоотношения и стремящимися к укреплению сплоченности. Этот диалог должен стать общечеловеческим, если мы рассматриваем цивилизацию как нечто общее, то, на чем зиждется сердце человеческого общества. Цивилизация объединяет выдающиеся черты нации, общую сумму знаний, ценностей, достижений, многие века памяти, самоопределения, оригинальность, смысл бытия и творческий вклад в мировые культуры.

Цивилизация — это процесс, посредством которого люди развивают свои духовные, интеллектуальные, физические и творческие способности, воплощая самые смелые устремления. Она придает человеческой жизни, ценностям и будущему новый смысл, тем самым составляя человека, и отбрасывает неясности, скрывающиеся под маской цивилизации и использующие язык с отталкивающей банальностью.

Замечательно, что в Российской Федерации, в великом и богатом историей городе Санкт-Петербурге на базе Гуманитарного университета профсоюзов проводятся конференции на тему диалога цивилизаций, где утверждаются идеи честности и отвергается всякая жесткость и экстремизм. Эти конференции являются прекрасным ответом политизированному и невероятно безрассудному подходу, выработанному такими идеологами, как Хаттингтон, с чьей точки зрения, как известно, межцивилизационные отношения приобретают форму конфликта. Подобная точка зрения ассоциируется с теорией конца истории Фукуямы. Они оба поддерживают неправильную и вводящую в заблуждение идеологию однополярности, где отношения выстраиваются на враждебности и конфликте наций, доказывая, что история справедливости и просвещенности подошла к концу.

Тем не менее обе эти теории были осуждены, и мир осознал исходящую от них угрозу. Как ответ прозвучал призыв к диалогу между различными цивилизациями для вы-

работки идей, способных примирить логику и истину, а также установить порядок. И в настоящее время, и в прошлом цивилизации всегда взаимодействовали друг с другом, отдавая и заимствуя одновременно. Цивилизации всегда развивались как результат взаимодействия и обмена. Каждая цивилизация вносила и добавляла свой вклад в процесс, который не сводился к искаженной логике конфликта.

Окружающая нас действительность, эта планета, пресыщена теориями, полными враждебности. Мир находится в поиске справедливой альтернативы, которая приобрела форму диалога, исполнена призывом к совести, жаждой восклицающей души и волей интеллекта, чтобы достигнуть уровня человеческого общения, способного воплотить в жизнь моральную миссию.

Мы надеемся, что диалог цивилизаций, обсуждаемый на нашей конференции и в других академических институтах, сможет восстановить цивилизационную память мира и построить непобедимый фронт мировых интеллектуалов, тех, кого заботит созидание лучшего будущего. В будущем, где не будет места попыткам стереть или изолировать многокультурные и многорасовые общества и где по-настоящему будут защищены разнообразие, взаимодействие и верования любых наций, невзирая на их количественный состав.

Если человек — это вспышка молнии на блистающей поверхности жизни, то он, безусловно, оставит несмываемый знак на вечных скрижалях времени. Накопление этих знаков достойно нашего внимания, а также того, чтобы быть частью нашего видения.

Мы должны помнить, что устранение барьеров, возведенных между людьми, совершенно не тождественно устранению людей, их истории жизни и творений; мы также должны помнить, что устранение барьеров, существующих между цивилизациями, необходимо, тогда как устранение национальных цивилизаций и культур и замещение их одномерной культурой не только не обосновано, но даже опасно.

Позвольте мне упомянуть в этом докладе, что наша страна — море древних и современных цивилизаций, сместившая границы прошлого и расширившая наши знания об истории человека и планеты. Она стала колыбелью цивилизаций. Документальное исследование, основанное на данных археологических открытий, показывает, что Сирия видела начало зарождения гражданской жизни и была древнейшим местом, где разум создал принципы цивилизации и правления.

В этом регионе человечество совершило свои первые открытия; здесь были возведены первые мосты общения, чтобы принести мир, обменяться знаниями, распространить торговлю, товары и отправиться к самым далеким горизонтам. До сегодняшнего дня в любых ситуациях наша страна остается великодушной, гордой, человечной и благородной, возвышающей моральные ценности, использующей все формы взаимодействия и поддержки.

С нашей точки зрения, цивилизация всегда должна оставаться открытой и готовой к взаимодействию. Цивилизации не стирают друг друга. Ни одна цивилизация не отрицает свою предшественницу — скорее, усиливает ее за счет обоюдного влияния.

В завершение нашего краткого анализа необходимо отметить, что цивилизация является собственностью всего человечества, ее священный огонь всегда освещает путь, преодолевая все границы и барьеры. Подчеркну также, что, придерживаясь эпистемологической точки зрения, мы совершенно отрицаем теорию столкновения цивилизаций, которая приводит скорее к разрушению, нежели развитию, разделяет людей, вместо того чтобы сплавлять, и приводит к редукционизму, но не интеграции.

Приходится признать, что, хотя мы обсуждаем проблему цивилизаций уже довольно долгое время, вопрос о взаимоотношениях между цивилизациями остается актуальным. Являются ли эти взаимоотношения диалогом или интеграцией, посредством которой каждая цивилизация заимствует определенные черты у предшествующей, ассимилирует их, а впоследствии создает нечто новое? Примером такого взаимодействия может послужить арабская цивилизация, распространившая через Андалусию сокровища знаний в Европу. Ее роль нельзя свести, например, лишь к передаче греческой философии, — скорее, она выступила как эпистемологическая структура, приобретающая опыт у своих предшественников, ассимилировавшая его и построенная на нем.

Несомненно, что современная цивилизация в странах развитого мира строит и добавляет свои достижения к заслугам предшествующих цивилизаций. Это позволяет нам говорить о цивилизационной интеграции, партнерских отношениях и сотрудничестве, что никоим образом не обедняет ее сегодняшних достижений — наоборот, она опирается на свое основание и укореняется в строение, дарованное настоящему его прошлым.

Таким образом, наши устремления выработать новые обогащающие концепции культуры чрезвычайно важны. Цель этих попыток — обеспечить глубокую взаимосвязь между людьми, без которой невозможно воплотить в жизнь гуманизм.

Цивилизация вашей страны в течение долгого времени вела диалог с мировым литературным сознанием посредством удивительных литературных творений, формировавших человеческую память с первых минут чтения творений гигантов русской литературы.

Невзирая на дистанцию, разделяющую нас и создающую глобальные орбиты разногласий и непонимания, мы не должны позволить ей изолировать нас цивилизационно и эпистемологически. Благодаря знаниям, ведущим к пониманию, люди должны стать ближе друг другу, что может привести к совместному и более правильному пути.

Мы с нетерпением ожидаем, что благодаря культурной открытости и обмену будет воплощено в жизнь взаимодействие, при котором творение станет посланником, призванным заложить прочное основание арабо-российских взаимоотношений, основанных на взаимном понимании, уважении и высоко ценимом нами цивилизационном доверии. Мы восхищаемся той ролью, которую сыграл в этом процессе Гуманитарный университет профсоюзов, и верим, что он добьется новых успехов в своей деятельности в городе, ставшем воплощением творческой мысли, славы и цивилизации.

А. В. САЛТАНОВ,

*заместитель министра иностранных дел РФ,
специальный представитель Президента РФ по Ближнему Востоку*

ПРОБЛЕМЫ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КОНТАКТОВ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Актуальность темы нашей сегодняшней встречи не вызывает сомнений. На смену идеологической конфронтации времен холодной войны с ее негативной предсказуемостью при-

ходят угрозы куда более опасного глобального межцивилизационного разлома. Провоцируемый террористами и объективно подыгрывающими им приверженцами односторон-

них, в том числе силовых, подходов к решению международных проблем, этот конфликт плохо поддается контролю и управлению, так как выходит за рамки межгосударственных отношений. Опасно не только унификаторство, стремление устранить культурно-цивилизационные различия, но и сама идеология этой политики, исходящей из конфронтационной предопределенности многообразия культур и цивилизаций.

Осознание этого вызова, по-видимому, и явилось побудительным мотивом и для всех присутствующих здесь, и для многих других форумов — научных симпозиумов и политических дискуссий, на которых обсуждаются проблемы междивизиационного измерения современных международных отношений. Это путь к диалогу, но диалог — это путь к междивизиационному партнерству. Однако этот путь непрост, поскольку он предполагает определенные трансформации внутрицивилизационных ресурсов, аккумуляцию их в борьбе с экстремизмом, ксенофобией и прочими сопутствующими явлениями.

Если говорить о холодной войне, то скорее всего это был конфликт все-таки внутри одной цивилизации, и нельзя допустить, чтобы та трансформация, которая сейчас происходит на европейском континенте, создала новое противостояние или, как принято говорить, новые разделительные линии. И прежде всего, конечно, речь должна идти о том, чтобы не состоялось противопоставление интеграции на пространстве СНГ процессу европейского строительства. Как отметил Президент России в связи с 50-летием Евросоюза, не может быть полного единства нашего континента, пока органичной частью европейского процесса не станет Россия — крупнейшее европейское государство. И дело, наверное, не только в политическом единстве, но и в восстановлении целостности европейской цивилизации. Тут многое может значить наше цивилизационное наследие, опыт межнационального, межконфессионального сосуществования, а по большому счету — взаимодействия. Все это уходит корнями в нашу культуру, истоки которой лежат в христианстве. Но в то же время мы являемся страной, уникальной по многоконфессиональности и, да позволят мне ученые сказать, многокультурности.

В современном глобализирующемся мире, когда в сферу конкуренции вовлекаются ценностные ориентиры и модели развития, главная цель междивизиационного диалога заключается в том, чтобы объединить усилия всех государств — больших и малых — и сообща выработать принципы жизни миро-

вого сообщества. На наш взгляд, они должны строиться на общем видении того, как разумно воспользоваться преимуществами глобализации и минимизировать ее негативные эффекты. Это касается прежде всего сокращения пространства социально-экономической деградации и преодоления бедности на основе обеспечения всем равного доступа к преимуществам глобализации; сохранению национальной самобытности и культурно-цивилизационного многообразия мира; противодействию глобальным вызовам и угрозам безопасности и устойчивому развитию, включая урегулирование кризисных и конфликтных ситуаций; повышению управляемости мировых процессов и формированию более безопасного, справедливого и демократического миропорядка.

Естественно, и здесь мы видим возможности и потенциал России для внесения своего вклада в продвижение данных принципов и в строительство нового миропорядка на их основе. Значительным шагом на этом пути стал проводившийся в прошлом году в Москве Всемирный саммит религиозных лидеров. В декабре 2006 года по нашей инициативе принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, в которой подчеркнута недопустимость возрождения любых форм расизма, расовой дискриминации и ксенофобии. Мы присоединились к группе друзей одобренной ООН испано-турецкой инициативы альянса цивилизаций и намерены активно содействовать ее продвижению. Генеральному секретарю ООН представлен доклад группы высокого уровня с российским участием, формулирующей конкретные направления дальнейшей работы.

Мы считаем, что настало время активнее подключать к этой работе гражданское общество. Мы глубоко убеждены, что процесс предотвращения междивизиационных разломов должна возглавлять Организация Объединенных Наций, ведь она и родилась в результате объединения международных усилий в борьбе с общим злом, с общей угрозой. И тот вызов, который бросает нам современность, также требует солидарности и сплочения. Конечно, и в этом смысле должна происходить адаптация организации ООН к современным реалиям, но главное — реформы, они не должны быть самоцелью. Главное, чтобы ООН, сохранив свою уникальную легитимность, оказалась способной более эффективно отвечать на вызовы XXI века, сплачивать народы и государства.

Безусловно, важная роль во всем этом процессе принадлежит группе восьми, и Россия в

рамках своего участия в работе этой группы активно помогает тому, чтобы продвижение известной инициативы «Большой восьмерки» по налаживанию партнерства со странами регионов Ближнего Востока и Северной Африки отвечало стабилизации обстановки в мире. Главное сегодня — стабилизация межцивилизационных отношений, не навязывание рецептов, а взаимоуважительное партнерство, которое способствовало бы наведению мостов между цивилизациями, укреплению диалога конфессий и культур. Однако инициатива реформирования этого большого и, к сожалению, по-прежнему очень неспокойного региона должна исходить от самих стран данного района с учетом своей специфики, традиций и понимания того, как наладить лучшую жизнь. Международное сообщество и «Большая восьмерка» призваны лишь оказывать содействие этому стремлению.

Естественно, трудно представить, что реформы и продвижение демократических основ на этом обширном пространстве могли бы осуществиться без урегулирования одного из главных региональных конфликтов современности — арабо-израильского.

В связи с этим, коль скоро мы говорим о межцивилизационных отношениях, хотелось бы заметить следующее. В последнее время все чаще звучит мысль, что происходящее на Ближнем Востоке — это уже столкновение иудео-христианской и исламской цивилизаций, хотя это не совсем соответствует действительности, поскольку корни конфликта иные. Главная опасность в том, что длительная неурегулированность этого конфликта уже начинает приобретать межцивилизационные последствия. Поэтому в интересах всего международного сообщества помочь странам Ближнего Востока выработать мирные соглашения.

Безусловно, укреплению межцивилизационных отношений способствуют и такие многосторонние конфигурации, как СНГ, ЕврАзЭС, ШОС, ОДКБ, а также Организация исламской конференции. Кстати, недавно я присутствовал на совещании министров иностранных дел в рамках этой конференции и могу сказать, что тема межцивилизационных отношений, диалога между исламом и другими религиями становится на этом форуме одной из самых приоритетных. Есть понимание у руководителей большинства мусульманских государств о том, что это вызов общий — и для светских обществ, и для религиозных деятелей ислама.

Конечно, мы не можем воспринимать данную глобальную тему лишь в рамках разре-

шения противоречий или, вернее, через призму дихотомии — ислам, христианство и т. д. Речь должна идти о том, чтобы налаживать взаимодействие всех цивилизаций и культур, а не только христианского Запада и мусульманского Востока. Для нас очень важно, чтобы в международных делах набирала темпы нынешняя многовекторная политика объединительного плана. Потому что такой подход обусловлен прежде всего тем, что в вопросах межцивилизационного понимания неразрывно связаны интересы внутренней и внешней политики, безопасности России. Более того, в этом вопросе есть вызовы самому существованию России как единого государства. И, естественно, межцивилизационный раскол был бы для нас абсолютно неприемлем.

Мы не ставим под сомнение свой европейский выбор, но не можем однозначно самоопределяться, принимая сторону той или иной цивилизации. Роль стороннего наблюдателя также нам не подходит. Видимо, историческое призвание нашей страны в укреплении взаимопонимания и толерантности на культурно-цивилизационном уровне. Сейчас, когда глобализация приобретает «азиатское лицо», это особенно важно. В России созданы центры исламских и арабских исследований, Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования, работает группа стратегического видения «Россия и исламский мир», третье заседание которой недавно состоялось в Стамбуле.

С выходом глобализационных процессов за рамки западной цивилизации конкуренция также приобрела цивилизационное измерение. Необходимо, сосредоточившись на своих конкурентных преимуществах, искать пути к согласию в разрешении общих проблем. Неделимость безопасности и процветания в современном мире не оставляет иной альтернативы, во всяком случае разумной. Но мешают попытки реидеологизации и ремилитаризации международных отношений. Российская дипломатия последовательно выступает против таких опасных тенденций. Нет и не может быть никаких сомнений в том, что магистральное развитие цивилизаций — демократическое правление.

Мы должны признать, что основные принципы демократии носят универсальный характер. Однако дальше возникают некоторые вопросы. Готовы ли мы соглашаться с теми плодами демократического развития, которые зачастую не отвечают нашему восприятию, а тем более политическим устремлениям? Ведь мы не можем исключать ситуацию, и тому

в последние годы есть примеры, когда в результате, подчеркну, «чистых» демократических выборов в некоторых странах или регионах к власти приходят силы, которые, по оценке некоторых наших партнеров, являются носителями экстремистских идей. Что делать в таком случае? Как взаимодействовать с этой реальностью? Противостоять силовыми методами, перечеркивая результаты демократических выборов? Не уважать демократический выбор того или иного народа? Или есть иной путь — конструктивного, позитивного воздействия через диалог? Думаю, нет сомнений, что второй путь более эффективен, ибо не приводит к дальнейшим обострениям и новой человеческой крови.

Каждая страна приходит к демократии своим путем, в свое время, с учетом своей истории, культуры, традиций. То же касается и России. Наша страна выстроила свободу и демократию, и на шкале российских приоритетов демократические ценности не уступают место экономическому росту или социальному благополучию. Но мы также выступаем за то, чтобы происходил процесс демократизации международных отношений, избавление от навязывания своей воли и двойных стандартов, когда под демократическим лозунгом осуществляется вмешательство во внутренние дела того или иного народа, государства.

Еще один важный вопрос, напрямую связанный с демократизацией, — это соотноше-

ние прав и свобод человека и проблема безопасности в условиях нарастающей волны экстремизма и терроризма. Где та грань, за которой мы не можем, а может быть, и не должны лимитировать права и свободы? Хотя мы знаем, что в некоторых странах уже существует внутреннее регулирование данного пространства, то есть определенные ограничители. Это, конечно, очень серьезная проблема, которую необходимо решать.

В заключение повторю, что насущная задача современности — развивать диалог, ведущий к взаимодействию, партнерству в междивизиционном измерении. Именно таким диалогом может стать диалог России, ЕЭС, США. В сегодняшнем мире, подверженном глобализационным процессам, и Европа, и Соединенные Штаты, и многие другие державы становятся все более многонациональными и многоконфессиональными и попадают в сложную ситуацию, когда перестает срабатывать механизм «плавильного котла» и внутри страны появляется устойчивая группа населения с четкими культурно-цивилизационными характеристиками. Напряженность междивизиционных отношений в мире, к сожалению, все время нарастает. Проблема затрагивает всех, и игнорировать ее уже не получится. Решение объединенными усилиями может стать реальной основой для продвижения междивизиционного диалога, в котором Россия и наши партнеры по СНГ могут сыграть заметную роль.

А. А. ГУСЕЙНОВ,

*директор Института философии РАН,
академик Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор*

О ЧЕМ МЫ ГОВОРИМ, КОГДА ГОВОРИМ О ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Когда мы в речи употребляем понятие цивилизации (культуры), говорим о взаимодействии (диалоге, сотрудничестве, соперничестве, конфликте и т. д.) цивилизаций, то надо иметь в виду, что это — абстракция высокого уровня, обобщенная характеристика множества эмпирических объектов. Она наполняется строгим содержанием только в рамках и как момент определенных систематизированных теорий и учений, как, например, у Тойнби, Шпенглера, Морган-Энгельса. За этими пределами она приобретает приблизительный, смутный, фигуральный,

а часто и вовсе превращенный смысл. Цивилизация, как и культура (если говорить о последней в значении, которое соразмерно цивилизации), не имеет субъектности, не существует как эмпирический объект. Она не существует как нечто отдельное — то, что самостоятельно функционирует и поддается строгой фиксации, укладывается в рамки определенной целеорганизованной деятельности, словом, как то, на что можно указать пальцем. Это некий условный, идеально обозначенный результат, который складывается из действий огромного, практически не

поддающегося исчислению количества людей и их объединений, а также многообразных, не поддающихся счету проблем, форм деятельности, событий.

Мы рассуждаем о диалоге цивилизаций, а я спрошу: где и как встречаются цивилизации, где они сталкиваются лицом к лицу именно как цивилизации? Нигде они в таком качестве не встречаются. И никто не назовет такого места. Этнографы установили, что некоторые соседствующие между собой архаические племена разделялись территорией, которая никому из них не принадлежала. Она была нейтральной, ничейной. На ней представители разных племен вступали в контакт друг с другом и могли практиковать формы поведения, которые были запрещены внутри племени. Современные цивилизации не могут функционировать как целое, подобно древним племенам, и между ними нет нейтральной («ничейной») территории. Они проникают, перетекают друг в друга столь многообразно и глубоко, что между ними невозможно прочертить разделительные линии.

Мысль, которую я хочу выразить, состоит в следующем: взаимодействуют не цивилизации, а люди (индивиды, народы, государства), принадлежащие к разным цивилизациям. И, как правило, едва ли не на 99,9 % они взаимодействуют не по поводу своих цивилизационных различий, а из-за конкретных проблем, которые их волнуют и для решения которых они вступают в контакт друг с другом. Если принять эти простые и, я бы сказал, самоочевидные утверждения, то снимаются многие проблемы и трудности, которые кажутся неразрешимыми на уровне метафизических образов и логических формул.

Взять, к примеру, набивший оскомину вопрос о том, могут ли сойтись Восток и Запад? Куда им сходиться? Они уже давно сошлись. Разве сотни миллионов людей не колесят с Востока на Запад и с Запада на Восток, движимые разными, вполне благими целями и интересами?! Разве европейские города не изобилуют восточными ресторанами, а восточные города разве игнорируют европейскую кухню? Разве не миллионами, десятками, сотнями миллионов исчисляется количество людей Запада и Востока, которые вступили в браки друг с другом, образовав тем самым семейные союзы — самые тесные, интимные союзы, какие только существуют среди людей?! Разве восточные и западные страны отказываются торговать друг с другом?! Много ли осталось западных языков, на которые не переведена «Тысяча и одна ночь», и

восточных языков, на которые не переведены Гомер, Шекспир, Толстой? Кто за последние два столетия из великих духовных лидеров Запада не тянулся душой к Востоку и кто из великих деятелей Востока не приобщался к культуре Запада? Разве не «Западно-восточный диван» был поэтической вершиной Гёте и разве не Конфуций, Коран и другие источники восточной мудрости были настольными книгами позднего Толстого? Разве Махатма Ганди и Хо Ши Мин не обучались в Европе и, что еще более важно, не прошли школу европейского интеллектуализма? Разве мало, наконец, людей, событий, вещей, про которые мы вообще не знаем, куда они относятся — к Востоку или Западу? Где родилось христианство — на Западе или Востоке? Кому принадлежит Аристотель — европейскому Западу или мусульманскому Востоку?! Куда отнести Россию — к Западу или Востоку?! А иудаизм — это Восток или Запад? Можно задавать еще много таких риторических вопросов. Но и тех, что прозвучали, достаточно, чтобы убедиться, насколько надуманными, спекулятивными, далекими от реальности являются рассуждения, которыми пытаются непреодолимо разделить или даже противопоставить Восток и Запад. Они и не могут не быть такими, ибо оперируют абстракциями типа Востока и Запада, словно речь идет об эмпирических объектах, в результате чего эти абстракции превращаются в фантомы. А фантомы они и есть фантомы, они для того и предназначены, чтобы пугать людей.

Цивилизации (культуры) в их эмпирической реальности представлены очень многими людьми и их объединениями, общностями. Возникает вопрос: есть ли среди них те, кто особым образом персонифицирует цивилизацию, имеет несомненное или хотя бы преимущественное право представлять ее, говорить от ее имени? Нет таких лиц, будь то отдельные индивиды или их группы. Прежде всего таких лиц нет потому, что цивилизация представлена не только очень многими, но еще и очень разными людьми. Разными также и в том, как они понимают суть своей цивилизации и ее интересы. К примеру, кто сегодня может держать речь от имени исламской цивилизации? Религиозные деятели? Но они представляют различные ветви религии и по-разному понимают ее роль в современном мире, не всегда могут подняться над религиозно-мотивированной, часто кровавой враждой в самом мусульманском мире. Не говоря о том, что и исламская цивилизация сегодня не является сплошь религиозной. По-

литические лидеры, главы государств? Но государства исламского мира враждуют между собой не меньше, чем с западными государствами. Многие из них ближе к США и европейским государствам, чем к своим соседям. Мыслители, философы? Они говорят слишком тихим голосом, чтобы представлять кого-то. Некоторые политики и СМИ на Западе изображают дело таким образом, будто некоторые культивирующие террор движения в исламском мире представляют сам этот мир. На самом деле они являются маргинальными и занимают в исламском мире такое положение, что имеют право выступать от его имени не больше, чем ультранационалистические, нефашистские группы в европейских странах от имени последних.

Словом, нет конкретных лиц или групп людей, устами которых глаголила бы истина цивилизации (культуры), будь то исламская, европейская или какая-либо другая. И тогда, когда некоторые из них это делают — и делают, к сожалению, слишком часто, — они выходят за пределы своей компетенции и становятся на путь безответственных суждений, демагогии. Можно, конечно, утверждать, что каждый человек, поскольку он принадлежит к той или иной цивилизации, несет ее в себе и, следовательно, имеет право говорить от ее имени. Но это как раз и значит, что никто не имеет особого, преимущественного права делать это. Кроме того, цивилизационная идентичность — некая родовая характеристика индивидов, которая не существует отдельно от их частных, персональных характеристик. Поэтому право каждого из них говорить от имени своей цивилизации не больше права всех остальных не принимать такие суждения всерьез.

Цивилизации в их реальности представлены не только многими и разными людьми, но и многочисленными и различными проблемами. И среди них нет (или почти нет) проблем, которые были бы, что называется, чистым воплощением цивилизационного своеобразия. Каждая из них имеет конкретную природу и, соответственно, требует конкретных средств решения. Миграция — у нее свои закономерности, свои способы решения. Оружие массового уничтожения — эта проблема решается уже другими способами. Энергетика — тут своя специфика. Ни одна из такого рода содержательных проблем не замкнута на цивилизационное своеобразие. Ни одна из них не соединяет и не разъединяет людей по критерию их общецивилизационной, религиозной, этнокультурной принадлежности. Совершенно неверно трудности, коллизии,

возникающие в ходе решения конкретных проблем, в которые вовлечены представители разных цивилизаций (культур, религий, этносов), привязывать к этим различиям, делать выводы из них, поднимать на уровень цивилизационного противостояния. Типичным примером такой подмены частного общим являются попытки замкнуть действия Аль-Каиды и других аналогичных террористических групп на ислам, замкнуть до такой степени, что начинают говорить об особой жестокости ислама и выводить саму эту террористическую деятельность из ислама. Такой ход рассуждения является логически ошибочным, ибо ясно, что мусульмане не обязательно являются террористами, и террористами становятся не только мусульмане. Он является также фальшивым и социально деструктивным, ибо прикрывает действительные причины терроризма, а тем самым препятствует эффективной борьбе с ним. Террористы сами апеллируют к исламу, изображают себя его воинами; они в этом случае злоупотребляют религией, прикрываются ею, и когда люди, которые борются с террористами, рассуждают так же, они фактически смыкаются с ними.

В многообразии коммуникативных и предметных ситуаций современного человека, рассмотренных сквозь призму цивилизационно-культурных различий, есть, по крайней мере, две (а может быть, и всего две) ситуации, которые напрямую связаны с этими различиями и в существенной мере детерминируются ими. Они имеют дело с цивилизационно-культурной символикой. Во-первых, с именами, предметами, местами, которым придается сакральное значение и которые в рамках определенной культуры и для ее представителей считаются священными. Во-вторых, с внешними формами поведения и быта, которые подчеркивают цивилизационно-культурную принадлежность индивидов. Иллюстрациями этих ситуаций, получившими в последнее время широкую известность, стали в первом случае так называемый карикатурный скандал, во втором — дело о платках. Это ситуации, в которых люди сталкиваются именно как представители определенных цивилизаций, культур и применительно к которым можно было бы говорить о несовместимости цивилизаций, культур, если бы они не имели приемлемого для всех сторон решения. На самом деле они имеют решение — решение трудное, которое требует усилий, компромиссов, воспитания, формирования культуры диалога и толерантности, но тем не менее оно есть.

Конфликты, связанные со священной символикой, решаются в рамках правильно выстроенной этики межличностных отношений, приемлемой для всех людей, независимо от цивилизационно-культурной принадлежности.

Цивилизационная идентичность входит в личностное ядро индивида и составляет один из важнейших элементов его персональности. Религиозно-культурные, этнонациональные символы цивилизационной идентичности сливаются с личностным «я» до такой степени полно, что их нельзя оторвать друг от друга без того, чтобы не деформировать каждую из сторон этого двуединого комплекса. Ведь нечто является святым до тех пор, пока есть люди, которые считают это святым. И люди являются теми, кем они являются, до тех пор пока они считают нечто святым и несут это нечто в своем сердце. Поэтому оскорбить святыню — значит оскорбить человека, для которого она является таковой. Мусульмане возмутились карикатурами на пророка Мухаммеда, потому что почувствовали себя оскорбленными. И дело тут не в их особой ментальности. Точно так же оскорбились бы и христиане (и оскорблялись!) несколько столетий назад, столкнувшись с чем-то подобным по отношению к своим религиозным символам. Лет десять-двадцать назад многие в России возмутились тем, что один из известных литераторов написал о Пушкине без привычного и должного почтения к поэту; они возмутились по той причине, что считают Пушкина национальным символом. Вполне нормальная и здоровая реакция нормальных и здоровых людей в ответ на личное оскорбление.

Проблемы, трудности, коллизии, возникающие между людьми в связи и на стыке их цивилизационных различий (религиозно-культурные и этнонациональные символы — наиболее яркий показатель этих различий), могут быть успешно решены, если рассматривать их по преимуществу и прежде всего в аспекте морального достоинства личности. Символы цивилизационной идентичности могут быть, разумеется, рассмотрены с гносеологической, социологической, политической и иных точек зрения. Но при этом необходимо в первую очередь учитывать, что какие-то люди связывают с ними личное достоинство, и проявлять в обращении с ними ту степень почтения и уважительности, которая в рамках этической корректности поведения проявляется одним человеком по отношению к другому, даже тогда и прежде всего тогда, когда выража-

ется несогласие с ним по какому-либо поводу.

Несколько иначе решаются коллизии, связанные с цивилизационно-обусловленными внешними формами поведения, не имеющими столь всеобщего и сакрального характера, как религиозные и национальные символы.

Типичным случаем такого рода является так называемое дело о платках. Речь шла о том, могут ли французские школьники носить в школе демонстративные знаки своей конфессиональной принадлежности (мусульманки — платки, христиане — большие кресты поверх одежды, иудеи — шапочки). Французское общество и законодательство ответило «нет». И это решение, на мой взгляд, можно считать образцовым. Его суть состоит в том, чтобы разграничить сферы приватной и публичной жизни в современном демократическом обществе. Провести такую границу по многим причинам, не в последнюю очередь по чисто техническим, становится сегодня все труднее, тем не менее она сохраняется, она есть. И если понимать различие приватного и публичного в его собственно ценностном содержании, то оно даже возрастает. Человек может молиться любым богам и ходить в свои храмы тогда и в том виде, в каком он находит нужным и принято в соответствующей среде, но в светском государстве гражданские институты являются внеконфессиональными. Приватные сферы — сферы, куда мы уходим, поскольку мы разные. Публичное пространство — пространство, в которое мы вступаем, поскольку у нас есть нечто общее.

Публичное поведение в том, что касается внешнего вида, манер, фигур речи становится в настоящее время все более вариабельным, индивидуализированным. В демократическом обществе нет жестких рамок регуляции того, что считалось приличным и допустимым, как это было и имеет место в обществах традиционных, сословных. Но тем важнее становятся внутренние механизмы взаимоуважительности, одним из важнейших среди которых является толерантность к людям других убеждений и верований.

Толерантность часто трактуется по преимуществу или даже только как терпимость к иным взглядам, как признание другого и стремление понять его. Такое понимание, конечно, отражает суть дела. Но оно упирается в вопрос, как далеко может простираться наша терпимость и что делать в случаях, когда она сталкивается с позицией, отрицающей саму толерантность. На него, насколько я могу судить, нет ответа, по крайней мере нет

ответа на уровне всеобщей формулы, общепризнанного правила. И вряд ли он возможен. Для того чтобы избежать возникающей трудности, надо от позитивной формулировки толерантности (быть терпимым к инаковости — убеждениям, верованиям других) перейти к ее негативной формулировке: не навязывать другим своей инаковости (своих убеждений, верований). В рамках такой формулировки вопрос о том, до каких пределов быть толерантным, отпадает, она позволяет принять толерантность в качестве категорического (абсолютного) принципа общественного поведения. Из него вытекает, что убеждения и верования есть мое личное (частное, приватное) дело. Я не навязываю их другому и вступаю в общественные отношения с другим по тем вопросам, которые нас объединяют. Тем самым я признаю за другим право иметь собственные убеждения и верования, в том числе и те, которые для меня неприемлемы, с моей точки зрения ложны. В данном случае меня может и должно волновать только то, чтобы он не выносил свои взгляды и верования за порог своего «дома» (своей конфессиональной, этнической среды и т. д.), чтобы они не мешали мне и ему ходить по общей улице, быть гражданами одного государства, жителями одной планеты.

Вообще надо заметить: универсальные моральные принципы, заключенные в позитивные формулировки, не поддаются однозначной трактовке в качестве конкретных поступков. Такая однозначность и безусловность возможна только применительно к универсальным запретам. Толерантность как универсальный принцип поведения не составляет в этом отношении исключения. Возьмем, к примеру, заповедь о любви к ближнему. Что делать, как вести себя, какие в тех или иных ситуациях совершать поступки человеку, который искренне хочет следовать данной заповеди? Ответ на этот вопрос каждый раз является конкретным и зависит от конкретного индивида. И еще не факт, что будет найден адекватный ответ. Сколько детей загублено из-за слепой любви к ним со стороны родителей?! Сколько преступлений совершено якобы во имя любви к Отечеству?! Совсем другое дело, когда эта же заповедь формулируется в качестве запретов: «не убий», «не совершай насилия над другими». В этом случае ясно, как себя вести, какие поступки совершать (точнее, каких не совершать) человеку, который стремится действовать в духе данного требования. По крайней мере в рамках индивидуально-ответственного по-

ведения ясно, какие практические выводы вытекают из него. То же самое в случае толерантности. В позитивной формулировке (быть терпимым к неприемлемым для тебя взглядам другого) остается неясным, как и что для этого надо делать и до какой степени один должен терпеть со стороны другого вещи, которые с его собственной точки зрения являются нетерпимыми. Если же понимать толерантность как требование не навязывать другому своих неприемлемых для него взглядов, то неопределенность, недвусмысленность исчезает.

Диалог культур нельзя понимать как локализованную и обозримую сумму действий, поддающихся в совокупности целенаправленному контролю. Его также нельзя замыкать на людей, по своему формальному или неформальному статусу призванных говорить от имени той или культуры (священнослужителей, писателей, министров культуры и т. п.), или сводить к мероприятиям, которые прямо обсуждают судьбы культуры, хотя, разумеется, и позиции этих людей, и эти мероприятия очень важны. В современном мире, в котором люди, страны и народы связаны между собой повседневно и многообразно, диалог культур представляет собой процесс, разворачивающийся на всех уровнях человеческих контактов и общественной активности, во всех сферах жизни. И — это, пожалуй, самое главное — он протекает по законам массовых процессов, сознательное воздействие на которые является ограниченным и эффективно может осуществляться по преимуществу через институционально-нормативные ограничения. Суть такого рода ограничений, имеющих в основном этическую и этико-юридическую природу, состоит в том, чтобы очертить само пространство диалога культур, а если говорить более конкретно — задать в предельно общем виде такие параметры, которые самой области межкультурных взаимодействий придают культурный статус. Это достигается главным образом через ряд небольших по количеству, но категорических по силе запретов. Чтобы взаимодействия культур развивались в режиме диалога, надо заблокировать пути конфронтации между ними. Здесь можно назвать, по крайней мере, три взаимосвязанных запрета, которые являются несомненными и имеют безусловный, категорический смысл.

Первым запретом, блокирующим конфронтации культур, должен стать отказ от самой идеи конфронтации на культурной основе. Это означает, что культурные особенности и различия не могут быть оправдывающими

основаниями каких бы то ни было насильственных действий.

Далее, исходя из презумпции равенства культур, необходимо вынести за скобки диалога, вообще исключить из публичного дискурса сопоставление и в особенности противопоставление культур по ценностным критериям, наложить запрет на слова, действия, любые иные символически-знаковые проявления, которые могут восприниматься какой-либо культурой как оскорбительные. Включить какую-либо тему в повестку дня диалога — значит, проблематизировать ее, подвергнуть сомнению, поставить под вопрос. Поэтому, в известном смысле утрируя, но тем самым обнажая суть проблемы, можно сказать: диалог культур может охватить все темы, кроме мировоззренчески-ценностных оснований самих этих культур.

Наконец, еще один категорический запрет является необходимым условием, дающим зеленый свет диалогу культур, — это отказ от абсолютистских претензий, от того чтобы заявлять собственную культуру как адекватное или более полное, чем другие культуры, воплощение тех высших истин и целей, на постижение и достижение которых они ориентированы. Говорят, что скромность украшает человека. Культуру она тоже украшает.

Очевидные в своей гуманистической направленности и общепризнанные в своей категоричности запреты создают лишь условия для диалога культур. Они очерчивают самые общие рамки, внутри которых только и может состояться продуктивное, каждый раз конкретное, неисчерпаемо многообразное взаимодействие людей и решение проблем на стыке разных цивилизаций и культур.

Р. Х. КОХАР,

*специальный представитель премьер-министра
Исламской Республики Пакистан*

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ

Пропась между исламским и западным христианским миром все растет. Некоторые ученые ставят под сомнение тот факт, что конфликт между исламом и христианством явился результатом холодной войны (как представлено в теории Хаттингтона «Столкновение культур»), утверждая, что это противостояние существует с VII века — раннего периода мусульманского господства.

Ошибки в восприятии ислама, причины и способы их устранения — вот основной лейтмотив моего выступления. Необходимо помнить, что ислам — это Коран, а Коран — это ислам. Все проблемы возникают из-за незнания Корана или его неправильного толкования. Пока мусульмане будут строго придерживаться его заветов, они будут привносить в мир свет и истину, но как только начнут отступать от его священного текста, созданная ими цивилизация начнет разрушаться и деградировать.

В прошлом году Папа Римский Бенедикт необдуманно процитировал слова византийского императора XIV века Мануила II: «Покажите мне, что нового принес Мухаммед, и вы найдете только злое и бесчеловечное...» Атаки 11 сентября 2001 года действительно разделили мир на «цивилизованный» и «нецивилизованный», и в западном сознании

мусульмане попали во вторую категорию. Террористы стали считаться истинными мусульманами, в то время как на самом деле они являются отступниками от веры.

Кто является символом мирового терроризма? Усама бен Ладен. Однако он и его люди, преимущественно жители Афганистана и Саудовской Аравии, были подготовлены и обучены военному делу правительством США для борьбы против советских войск в Афганистане. После ухода советских войск они были предоставлены сами себе, а Усама бен Ладен объявлен персоной нон грата в своей стране. В результате они стали тем, кем они стали. Империализм и дискриминационная политика Запада со своей стороны усилили радикальные течения в исламе, вдохнули в них новую жизнь.

Устранение ошибочных представлений об исламе, его доктрине и традициях является ключевой задачей для искреннего, конструктивного, нацеленного на результат диалога.

Главной угрозой всеобщему миру и безопасности в наши дни стал терроризм, не признающий границ. Ни одна нация не может считать себя защищенной от терроризма. При обращении к проблеме терроризма зачастую игнорируются три основополагающих факта:

1. Насилие противоречит положениям и самому духу Корана, являющегося главной книгой мусульман.

2. Мусульмане сами зачастую становятся жертвами терроризма.

3. Мусульманский мир очень многообразен и не представляет собой некоего единого целого, противостоящего всему остальному миру.

Сложившаяся ситуация должна стать основой для взаимодействия мусульман с другими народами для построения мирных отношений на базе общности интересов, взаимосвязи и сотрудничества.

Важно помнить, что ислам признает войну только как самозащиту или борьбу с неправдой и угнетением. Само слово «джихад», неверно трактуемое западными исследователями исключительно как война против неверных, в реальности имеет значение стремления к божественной истине, подразумевая в большей степени духовную борьбу. Также в корне неправильно мнение, что исламская религия распространялась по миру «огнем и мечом». Широкому распространению ислам обязан исключительно внутреннему рационализму и понятности для массы простых людей. Многочисленные же войны, последовавшие за смертью Пророка, были обусловлены политическими и экономическими, а вовсе не

религиозными мотивами. И сейчас мусульманские страны, в отличие от США, не стремятся доминировать — экономически или политически — над другими странами.

Тенденциозное отношение западных исследователей к исламу уходит корнями в эпоху Крестовых походов — европейском Средневековье. Именно тогда в европейском сознании был сформирован образ врага. Еще большему усилению враждебности способствовало мусульманское владычество над значительной частью средневековой Европы.

Между тем и самим мусульманам необходимо провести подлинное реформирование и вернуться к истинному учению ислама. Республика Иран старается придержать этого курса. Международному сообществу нужно прекратить представлять мусульман как экстремистов и принять в качестве доктрины акцент на мирное сосуществование, лишённое взаимной агрессии. Если эта цель будет достигнута, вековая враждебность уступит место подлинному сотрудничеству между мусульманским и западным миром.

Все мы живем на одной планете, и должны сосуществовать в согласии друг с другом — другого выбора нет. Давайте же расширять сотрудничество во всех сферах. Мир необходим не только нам, но и будущим поколениям.

Г. А. ЯГОДИН,

*профессор Российского химико-технологического университета
им. Д. И. Менделеева, академик Российской Академии образования,
доктор химических наук*

ОБРАЗОВАНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Начало третьего тысячелетия по времени совпадает с переходом человечества на новую форму развития, получившую название «устойчивого развития».

Принятие обществом идей устойчивого развития возможно только через систему образования и просвещения. Именно эта сфера деятельности способна изменить массовое сознание людей, ориентируя его на сохранение природных и культурных ценностей, этическое, гуманное отношение к жизни, поиск компромисса там, где экономические интересы производства вступают в конфликт с экологическими интересами общества.

Если в школах в настоящее время успешно апробировано и ведется преподавание знаний о законах природы и законах общества,

то преподавание знаний о законах совместности, взаимодействия общества и природы фактически отсутствует. В результате целое поколение детей обучается по традиционным, устаревшим сегодня, моделям цивилизационного развития, которые оказались неперспективными для всего человечества. А между тем идеи устойчивого развития отвечают объективному требованию времени. Они могут решающим образом повлиять на будущее России, сыграть важную роль в определении государственных приоритетов, перспектив и стратегии социально-экономического реформирования страны.

Понимая совершенную необходимость экологических знаний, развивая и интегрируя их с другими предметами, следует особо

подчеркнуть, что в современном школьном образовании остро не хватает *центрального звена* — курса «*Основы экологии и устойчивое развитие*».

Разработка и внедрение этого курса в систему общего образования будет способствовать развитию с детских лет знаний, умений и качеств личности, которые необходимы для воплощения в жизнь идей устойчивого развития, осознания своей роли в улучшении будущего, тесной взаимосвязи между природой, экономикой и обществом.

Этот курс должен систематизировать знания учащихся по многим предметам (не только естественно-научным, но и гуманитарным), заложить основы научного фундамента, способствовать развитию норм поведения, так как без знаний не будет осознанной практики. И очень важно на современном этапе развития общества довести до понимания каждого молодого человека представление о взаимодействии природы и общества в истории человеческой цивилизации и о перспективах будущего экоразвития человечества.

В 2003 году Департамент образования г. Москвы открыл экспериментальную площадку «*Экологическое образование для устойчивого развития*» на базе 27 школ нашего города под моим научным руководством. В этих школах предполагается преподавание курса «*Основы экологии*» в 10-м классе и курса «*Основы устойчивого развития*» в 11-м классе, а также проведение большой внешкольной работы по школьному экологическому мониторингу, экскурсионной и проектной работы школьников. Деятельность экспериментальной площадки рассчитана на пять лет, и ее результаты будут транслированы на работу федеральной экспериментальной площадки.

В РХТУ им. Д. И. Менделеева студенты I и II курсов всех факультетов изучают курс «*Проблемы устойчивого развития*», для которого подробно разработана и многократно апробирована программа и изданы методические рекомендации. Курс является междисциплинарным и включает целый ряд разделов из различных областей: химии, физики, философии, этики, демографии, социологии, биологии, экологии, права, экономики и т. д. Значительная роль отводится умению работать в группе, принимать коллективные решения и реализовывать их.

С этой целью в курс введены активные методы обучения, организуется игровой семинар по созданию команд и обучению работе в них, проводится имитационная игра Д. Медоуза «*Всемирное рыболовство*», просмотр серии видеофильмов «*Спешите спасти планету*». Обязательной составляющей курса для всех студентов является участие в сетевой игре «*Стратигема*».

Цель курса — дать студенту целостное представление о мире, помочь приблизиться к пониманию окружающего человека мира и сложных взаимодействий в нем, осознать себя как часть в этом мире, дать представление о значении и последствиях антропогенного воздействия на окружающую среду, развить у студента системное мышление.

Образование для устойчивого развития имеет сложный междисциплинарный характер, требует сочетания представлений о глобальных и региональных процессах с личностным и групповым участием в решении проблем. Методы, позволяющие ощутить личную причастность к проблеме и дополняющие традиционные образовательные методики, — это интерактивные (активные) методы.

Активные методы обеспечивают обучение в процессе общения участников и включают ролевые и имитационные (деловые) игры, игровые методы создания команд, работу в малых группах, игры, упражнения, помогающие участникам лучше понимать друг друга и объединяться для решения сложных проблем устойчивого развития. В настоящее время созданы оригинальные комплекты игр, адаптированы лучшие мировые образцы к условиям и образовательным задачам нашей страны. Они широко используются в учебном процессе в РХТУ им. Д. И. Менделеева. Кроме того, сотни учителей школ обучились их применению на специальных семинарах.

Образование для устойчивого развития включает также общее образование всех граждан, во многом предопределяющее их поведение. Такое обучение можно проводить на базе образовательных учреждений, где уже сейчас есть квалифицированные кадры.

Я считаю, что всеобщее образование для устойчивого развития — это путь, позволяющий предотвратить глобальный кризис и помогающий человечеству научиться жить в гармонии с окружающей средой.

В. В. ПОПОВ,

*посол по особым поручениям Министерства иностранных дел РФ,
директор Центра партнерства цивилизаций Научно-координационного совета
по международным исследованиям Московского государственного института
международных отношений (Университет) МИД РФ*

О ПАРТНЕРСТВЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Некоторые политологи утверждают, что для человечества сейчас наступил «золотой» век. Мировая экономика находится на подъеме. Мир переживает период благоденствия и процветания, невиданный с начала 1970-х годов. В связи с прорывными достижениями в области технологий, прежде всего информационных, открываются беспрецедентные возможности, в том числе для сближения людей. Из-за процессов глобализации, резко усиливших взаимозависимость обществ и государств, и распространения телевидения мир становится похожим на большую деревню. Некоторые даже утверждают, что с появлением Интернета и мобильной связи он, по существу, стал одним большим домом.

Но это лишь одна сторона медали. Одновременно наш мир стал миром резкого неравенства, в котором немногочисленные жители «полюса благоденствия» наслаждаются благами прогресса, процветания и свободы, большинство же других скатывается в пропасть нищеты, страданий и унижений. Неравномерность экономического роста отдельных стран и целых регионов в результате возрастающей интеграции в мировую экономику год от года только усиливается. Все это происходит на фоне серьезных сдвигов в расстановке и распределении сил между различными цивилизациями.

В течение последних столетий, начиная с эпохи великих географических открытий, мир постепенно становился все более «европоцентричным». Уже к XIX веку главным общим геополитическим и экономическим центром, определявшим ход мирового развития, стали несколько ведущих стран Европы, а весь остальной «периферийный» мир, поделенный на зоны влияния, вращался вокруг них. Небольшой «концерн держав», куда входила и Россия, а в XX веке к нему подключились Соединенные Штаты Америки, стал центром мировой экономики, политики, культуры.

На протяжении практически всего XX века примером для остального мира, и прежде всего развивающихся стран, служили, условно говоря, англо-саксонская, или американская, и советская модели развития. Успехи, достигнутые США в экономическом разви-

тии после Второй мировой войны, впечатляли, поэтому Соединенные Штаты Америки имели определенное право утверждать, что если та или иная страна хочет обеспечить себе ускоренные темпы роста, ей следует идти по американскому пути.

Несомненно, важной вехой в истории XX века стал крах системы колониализма, когда освободившиеся страны Азии и Африки стали искать свои пути независимого развития и свое место в послевоенном мире, разделенном на два лагеря жесткого противостояния холодной войны. Ее окончание, а также последовавший затем развал советской системы снова выдвинули на ведущие позиции англо-саксонскую (американскую) модель, представляющуюся более состоятельной, жизнеспособной и привлекательной. Роль же мирового лидера и творца нового порядка взяли на себя Соединенные Штаты.

Ныне ситуация снова меняется. С одной стороны, появляется иная модель развития, условно говоря — азиатская, которая на практике доказывает свою эффективность и успешность. «Азиатские тигры» (Малайзия, Таиланд, Сингапур), Индия и Китай уже не одно десятилетие лидируют с показателями темпов роста ВВП 9–10 % в год (развитые страны Европы в среднем дают 3 %, Индия — свыше 9 %, КНР — более 10 %). Некоторые американские политологи пытаются объяснить это обстоятельство теми или иными специфическими особенностями азиатских народов, в частности якобы невероятным трудолюбием китайцев. Безусловно, это играет далеко не последнюю роль. Однако само «феноменальное» китайское трудолюбие во многом определяется цивилизационным складом китайского общества со своим набором ценностей, отличным от западного восприятия мира, общества и человека в нем. Таким образом, англо-саксонская, или американская, модель развития оказалась не единственной, способной обеспечить стремительное и устойчивое развитие. В соревнование уверенно вступили другие игроки, разрушив монополию Запада на быстрый экономический рост.

С другой стороны, все более заметную роль на международной арене начинает играть фактор непростых взаимоотношений стран

Запада с исламским миром. В известном смысле их можно считать «цивилизационным» противостоянием, и на этом фронте картина менее оптимистичная. Более того, отношения Запада с исламским миром имеют тенденцию лишь обостряться, и, к сожалению, ничто пока не указывает на возможность ее коренного перелома в ближайшем будущем.

У этого противостояния давняя история. Это и наследие колониализма, сопровождавшегося полной или частичной утратой политической независимости, неэквивалентным обменом или прямым разграблением, уничтожением или трансформацией традиционных экономических и общественных отношений, вывозом культурных ценностей. Это и многочисленные проблемы постколониального развития. Это и территориальные споры, многие из которых, в частности палестинская проблема, из-за особой чувствительности и широкого международного резонанса давно переросли масштабы своего региона, и многие другие факторы.

Данное противостояние приобрело новый характер и совершенно иные масштабы в XXI веке. Наиболее отчетливым водоразделом стали события 11 сентября 2001 года в США, повлекшие за собой военные операции в Афганистане, а затем — оккупацию Ирака.

Вот уже почти шесть лет борьба с терроризмом стала одним из главных лозунгов всех международных отношений, но ее результаты не только не обнадеживают, но и напротив — с каждым годом становятся все более удручающими. В недавно опубликованном ежегодном докладе Госдепартамента США отмечается, что в 2006 году число терактов возросло на 25 % в сравнении с 2005 годом, а количество жертв среди мирного населения увеличилось на 40 %. В 2006 году в мире произошло 14 338 (в 2005 г. — 11 153) терактов, в результате которых погибли 20 498 человек (14 618 человек в 2005 г.). При этом почти половина терактов в отношении гражданских объектов (до 45 %) приходится на Ирак. Там число подобных инцидентов в сравнении с 2005 годом увеличилось вдвое, с 3468 до 6630.

«Хронической горячей точкой» по-прежнему остается и Афганистан. Из этой центрально-азиатской страны, более четверти века охваченной гражданской войной, сопровождающейся иностранным военным вмешательством, каждый день поступают сообщения о новых терактах и жертвах, в том числе среди гражданского населения. В 2006 году количество терактов там выросло на 50 % —

с 491 до 749. Больше всего от террора страдают регионы Ближнего Востока и Южной Азии, а основными жертвами становятся мусульмане — на их долю приходится половина убитых и раненых. Среди жертв 2006 года — 1800 убитых и раненых детей, что на 80 % больше, чем в 2005 году.

Уход американских войск из Ирака неизбежен. Это будет весьма драматическим моментом в истории, учитывая влияние и мощь США как в регионе, так и во всем мире. Однако представляется целесообразным прислушаться к голосам тех, кто предупреждает: уход американцев из Ирака может стать не только и не столько поражением Вашингтона, сколько победой экстремистских сил со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, в первую очередь для стран региона. Средневековая восточная мудрость гласит: «Прежде чем войти в дом, подумай, как ты оттуда выйдешь». В любом случае пора очень крепко задуматься, как уйти из ставшего явно негостеприимным «иракского дома», чтобы ситуация в стране, попавшей во власть экстремистов, да и во всем регионе, не стала окончательно неуправляемой. Ведь достаточно сложно предсказать, как тогда изменится ситуация на Ближнем Востоке, одном из самых «чувствительных» районов мира, и как это повлияет на арабо-израильский конфликт, который почти 60 лет отравляет атмосферу международных отношений.

В связи с этим мы полагаем, что создание в МГИМО, alma mater российской дипломатии, Центра партнерства цивилизаций — это ответ на требования эпохи. Новая холодная война между Западом и исламским миром, кем бы она ни была развязана, под каким бы то ни было предлогом, не входит в наши интересы. Мы не можем и не будем занимать место по ту или иную сторону баррикад. Наша задача — их разобрать.

Россия, как никакая другая страна, подходит для этой роли, ибо у нас очень большой процент мусульманского населения. Христиане и мусульмане в нашей стране живут бок о бок более тысячи лет. Россия никогда не знала религиозных войн. Треть нашей страны находится в Европе и две трети — в Азии. Мы — Евразия. Поэтому такие строки, как из знаменитого стихотворения Редьярда Киплинга «Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet, Till Earth and Sky stand presently at God's great Judgment Seat», никогда не могли бы родиться на российской почве. Напротив, великий русский философ Николай Бердяев говорил, что мы — Востоко-Запад. А всем известный

русский ученый-энциклопедист Дмитрий Иванович Менделеев говорил, что Россия должна быть примирителем Востока с Западом.

В связи с этим идея партнерства цивилизаций, на наш взгляд, должна стать одной из краеугольных в политике Российской Федерации.

Мы полагаем целесообразным сформулировать принципы нового общественного движения, в котором должны принять участие политики и общественные деятели, представители делового мира, ученые, деятели культуры, представители духовенства и интеллигенции, молодежь — словом, все, кому небезразлично будущее нашего мира. И мы надеемся, что именитые гости, присутствующие сегодня в этом зале, также внесут свой вклад в развитие сотрудничества в этом направлении.

Мы не случайно поднимаем данную тему именно сейчас и именно здесь, на Международных Лихачевских научных чтениях. Тема диалога культур, диалога цивилизаций — это и продолжение деятельности самого Дмитрия Сергеевича, и следующий этап того, что завещал нам академик, считавший, что забота о культуре во всей ее целостности — это дело всего мира, поскольку развитие культуры есть не только движение вперед, но и отбор в мировом масштабе всего лучшего, что создано человечеством.

Дмитрий Сергеевич полагал, что нынешний этап развития человеческой цивилизации породил необходимость выработки и принятия общих принципов, обеспечивающих дальнейшее сохранение и развитие культуры как достояния всего человечества. В разработанном им проекте «Декларации прав культуры» сформулирован принципиально новый подход к определению места и роли культуры в жизни общества. В его понимании культура — главный смысл и ценность человеческого существования, условие продолжения осмысленной жизни. Вне культуры бытие народов и государств лишается смысла. Право на культуру по существу поставлено в один ряд с правом на жизнь. Глобализацию, которая в своем нынешнем виде несет человечеству и несомненную пользу, и не менее несомненное зло, академик понимал как процесс, движимый в первую очередь не экономическими, а культурными интересами.

По Лихачеву, глобализацию нужно осуществлять не только для «золотого миллиарда» жителей отдельных стран, но и для всего человечества. Необходимо выстроить концепцию глобализации как гармоничного процесса мирового культурного развития при сохра-

нении баланса между культурами больших народов и малых этносов, добиваясь взаимообогащения и сохранения уникальности каждого из них.

Культура любой страны неизбежно будет подвергаться интернационализации, но у каждого народа всегда должно оставаться культурное пространство для самобытности. Это и есть проблема баланса. Для его поиска необходимо заложить правильный принципиальный подход, главная задача которого — направить в нужное русло органичный и неотвратимый процесс.

Со своей стороны наш Центр партнерства цивилизаций, созданный под эгидой МГИМО (У) МИД России, также считает необходимым сформулировать общие принципы и положения нового движения, призванного содействовать укреплению взаимопонимания между различными цивилизациями и культурами на принципиальной основе признания их равной ценности:

1. Нет и не может быть «высших» и «низших» цивилизаций, как не может быть «высших» и «низших» культур, рас и народов. Все они, каждый по-своему, вносят уникальный и неповторимый вклад в сокровищницу мировой культуры.

2. Все стороны диалога должны считаться абсолютно равноправными партнерами, которые должны слушать и слышать друг друга, учитывать интересы друг друга. Только при соблюдении баланса интересов сторон возможен конструктивный подход к решению всех существующих проблем международных отношений.

3. В сегодняшнем мире невозможно решение проблем только силовыми методами. Применение силы может носить лишь краткосрочный характер и таит в себе опасность новых, еще более тяжелых кризисов. Нельзя навязывать и проводить в жизнь подготовленные извне решения этноконфессиональных конфликтов. Представляется целесообразным вернуться к идее пакта Бриана-Келлога (1928), осудившего метод обращения к войне для урегулирования международных конфликтов, провозгласившего отказ от войны в качестве орудия национальной политики и признавшего, что урегулирование или разрешение всех разногласий или конфликтов независимо от характера их происхождения должно осуществляться только мирными средствами. В свое время человечеству не удалось воплотить данную идею в жизнь — сегодня же это становится возможным.

4. В условиях растущей нехватки ресурсов, в первую очередь энергетических, а также

воды, и все ужесточающейся конкурентной борьбы за пользование ими необходимо упрочить уже действующие, а также в случае необходимости разработать новые механизмы решения подобных проблем экономическими, финансовыми и договорно-правовыми методами. Использование военной силы в экономике совершенно недопустимо.

5. Необходимо создать общемировые и региональные центры превентивной дипломатии, призванные предотвращать возможные конфликты, не дожидаясь новых кризисов. Сейчас это величайшая задача, с которой, к сожалению, не всегда успешно справляется современная дипломатия.

6. Необходимо вернуться к идее всеобщего разоружения, в первую очередь ядерного. Человечество уже обладает такого рода запасами, более чем достаточными, чтобы полностью

уничтожить все плоды земной цивилизации, и нужно наконец сойти с этого опасного пути, ведущего к коллективному самоубийству.

7. Необходимо сделать так, чтобы плоды научно-технического прогресса, в первую очередь в области медицины и фармакологии, стали бы достоянием всего человечества, чтобы все без исключения имели бесплатный доступ к этим благам цивилизации.

8. Мы не можем ждать милости от природы после того, что с ней сделали. Задачей задач становится борьба с изменением климата, с глобальным потеплением. Необходимо сделать планету чище и удобнее не только для «золотого миллиарда».

Мы должны вместе создавать свой новый мир, приемлемый для жизни всех цивилизаций, и передать его грядущим поколениям в целостности и сохранности.

Г. М. РЕЗНИК,

заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, президент Адвокатской палаты г. Москвы, член Общественной палаты РФ, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист РФ

КУЛЬТУРА И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛИЗАЦИОННОМ МИРЕ

Не вдаваясь в спор о том, сохранилась ли интеллигенция как социальная группа или атомизировалась в отдельные особи, возьму смелость утверждать, что ни один интеллигент сегодня не может не размышлять о том, что ждет нашу страну и мир в будущем.

В нашем быстро меняющемся мире, когда мы за годы проживаем то, что предшествующие поколения — за столетия, делают какие-либо прогнозы крайне рискованно. Есть две проблемы, которые, конечно, связаны между собой — это окультивирование России и роль самой России в окультивировании мира. Как юрист, я привык оперировать фактами, попытаюсь хотя бы на что-то опереться в своих ментальных построениях.

Размышления об окультивировании России переполняются тревожными нотками. У нас уникальная страна. Конечно, каждая страна может считать себя уникальной, но Россия действительно какая-то особенная. У нас вообще ничего не проходит: ни монархия, ни коммунизм, ни социализм, ни капитализм, — все превращается в свою противоположность. Победно шествует только бюрократизм. Буквально все высокие слова в наше время ста-

ли почти ругательными. В начале ругательным словом стало «монархист», потом — «коммунист», затем — «либерал». Сейчас бранным становится слово «демократ».

Драма нашей страны в том, что никогда либерализм в России по-настоящему не был востребован. Модная ныне критика либерализма эксплуатирует тяготы «смутных» 1990-х годов, предпочитая свои инвективы не конкретизировать. А между тем настоящая цитадель либерализма — российская Конституция, не говоря уже о всех международно-правовых актах, которые ратифицированы Россией. Традиционные либеральные ценности — это достоинство личности, свобода совести, слова, печати, собраний, разделение властей, презумпция невиновности, право частной собственности, свобода передвижения, независимый суд. Пусть кто-нибудь из критиков либерализма открыто заявит, что эти ценности отрицает?

Беда в том, что они в России с трудом прививаются. У нас, видите ли, самобытность. Представитель Министерства иностранных дел РФ говорил нам об успехах англосаксонского мира, где наработаны колоссаль-

ные материальные ценности. Почему у них так вышло? Да потому, что там произошло окультуривание протестантской этикой. А ведь изначально американцы были нацией изгоев и авантюристов, исторгнутых из Европы, в том числе и по мотивам политической и религиозной нетерпимости. Они приехали в Новый свет и создали страну либеральной демократии практически на пустом месте. Потому что были не менее трудоспособны, чем дисциплинированные китайцы, пока еще слабо взыскующие политические свободы.

В России такого окультуривания не случилось. В итоге, сегодня, по данным социологических исследований, 53 % населения страны поддерживают лозунг «Россия — для русских!»; 40 % — заражены ксенофобией, опасаются инородцев, приезжих; 81 % — в той или иной степени высказали свою ненависть к бизнесменам; 53 % — положительно оценивают фигуру Сталина, а самые страшные проклятия подавляющего числа опрошенных приходятся на 1990-е годы и адресуются Ельцину и либеральным реформам.

Думается, мы не в полной мере осознаем, что мир вступил в информационную эпоху, когда нравы и вкусы людей формируются телевидением и Интернетом.

Школа в тяжелейшем кризисе. В педагогические вузы идут те, кто не смог поступить ни в какие другие. А в школы, в свою очередь, идут те из выпускников, кто не смог устроиться на иную работу.

Что касается телевидения, то тут и говорить особенно не о чем — все очевидно. Сами телевизионщики, не стесняясь, заявляют, что телевидение — чисто коммерческое предприятие. Руководитель одного из телевизионных каналов на вопрос о роли телевидения ответил: «Ну, вы знаете, телевизор такой же бытовой прибор, как холодильник, не более».

Слукавил... В массовом обществе как раз телевидение более всего и формирует сознание людей.

Минуло время, когда спрос рождал предложение. Мы вступили в эпоху, когда сплошь и рядом предложение рождает спрос... Навязывает ложные потребности, создает их искусственно.

Мысль, которая может показаться на первый взгляд парадоксальной и даже дикой: сегодня производство ценностей и смыслов ничем не отличается от производства автомашин и колбасы.

Дмитрий Сергеевич Лихачев был не только выдающимся ученым, но и великим гражданином. Он прекрасно понимал, что без воздействия высокой культуры ничего не сдвинется, творческий потенциал нации будет угасать. Никому не дано превратить жизнь на земле в рай. Задача государства состоит в том, чтобы не дать ей превратиться в ад. И этой цели должна служить, прежде всего, целенаправленная политика государства, которому следует осознать себя ответственным за формирование массовых взглядов и вкусов людей. Как это делается? Не надо ничего навязывать. Дайте свободу выбора. Реальную. Хватит говорить об общественном телевидении — нужно его создать. А в условиях, когда на 70 % территории страны ловятся всего две программы, совет «не хотите — не смотрите» — чистое издевательство.

И последнее. У человечества все же есть инструмент, способный обеспечить наше сносное существование, установить баланс противоречивых интересов, — это право, единое право всех. Необходимо укреплять правовые начала в жизни страны и в отношениях между государствами, тогда и проблема толерантности в нашем беспокойном мире перестанет быть такой острой.

А. А. ЛИХАНОВ,

*писатель, председатель Российского детского фонда,
академик Российской Академии образования*

ЗАВЕТЫ ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ЛИХАЧЕВА В ДЕЙСТВИИ (Приветствие участникам Чтений)

Ровно год назад, на прошлых Международных Лихачевских научных чтениях, в этом зале было много учителей из разных регионов страны. И тогда, слушая мудрое, доброе, но и несколько горькое слово Даниила Александровича Гранина о Дмитрие Сергеевиче

Лихачеве, я вдруг подумал, что пока новые поколения людей русских не прочтут Лихачева и не прочувствуют написанное им, все наши научные собрания и высокие слова будут бесполезны. Поэтому именно педагоги и книги способны решить эту задачу...

Тогда-то и родилась идея издать новую, необыкновенную книгу Д. С. Лихачева, выбрав из его творчества некие стихотворения в прозе — важные мысли, без которых человек жить не может. И в скором времени мы издали стотысячным тиражом книгу, названную нами «Заветное». Символично, что, не говоря об авторе данного труда, у истоков его издания стояли именно ленинградцы-петербуржцы. Идеологом издания был, несомненно, Александр Сергеевич Запесоцкий. Детский фонд, который я возглавляю, принял на себя труд по составлению книги. Даниил Александрович Гранин согласился написать предисловие к ней, а еще одна представительница петербургской интеллигенции, педагог из Педагогического университета им. А. И. Герцена Татьяна Галактионова, написала методические рекомендации для учителя для этого издания. Таким образом, эта книга, создаваясь постепенно, превращалась в учебник — в учебник нравственности.

Такого предмета, как вы знаете, в сегодняшней школе нет. Но когда книга «Заветное» вышла, мы обратились к еще одному ленинградцу — Полномочному представителю Президента РФ в Центральном федеральном округе Георгию Сергеевичу Полтавченко, который согласился нам помочь и написал письма всем губернаторам своего округа. И вскоре мы с удивлением и радостью получили множество очень серьезных заявок на эту книгу. Так мысли Дмитрия Сергеевича широко распространились по России.

Надо признать, что и 73 отделения Детского фонда тоже славно поработали для этого. Так, например, в Белгородской области

данный «учебник нравственности» оказался во всех школах, и не в одном экземпляре, а также во всех библиотеках. Кроме того, во всех школах Белгородской области прошли Лихачевские уроки, чему способствовали, конечно, учителя — участники прошлогодних Чтений. На это, собственно, и была направлена работа нашей конференции.

Однако «чемпионом России» в этой сфере, как я полагаю, стала Кировская область, губернатор которой не только закупил большое количество изданных нами книг, но и развил достаточно активную деятельность в сфере культуры. Кроме того, в его регионе нашлась славная, мудрая, умная молодая женщина Елена Олеговна Галицких, которая провела огромнейшую работу в этом направлении: она тренировала учителей, как провести Лихачевские уроки в школах, и десятки, сотни педагогов из самых дальних школ пришли к ней за помощью в их проведении. Так, в сотнях школ этого района прошли замечательные Лихачевские уроки. Дети прочитали Лихачева по-новому, и написали об этом много талантливых сочинений, лучшие из которых мы, конечно, собрали и напечатали. И в знак огромного уважения и признательности я передаю сегодня такую книжечку детских сочинений Даниилу Александровичу Гранину.

Полагаю, что ни у кого не вызывает сомнения, что это проявление подлинного просветительства на благо нашей великой русской культуры, о которой так много и с огромной любовью писал Дмитрий Сергеевич Лихачев, призывая нас сохранить ее для будущих поколений.

В. П. КАЗАРИН,

первый заместитель председателя Севастопольской городской государственной администрации, доктор филологических наук, профессор

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ (Приветствие участникам Чтений)

Дорогие друзья! Я хочу поприветствовать вас от имени украинских делегатов на этой замечательной конференции, которую образно можно было назвать «пиршеством общения». Благодаря Международным Лихачевским научным чтениям мы из первых уст от высокопоставленных особ можем услышать точку зрения ключевых стран современного мира: России, Индии, Китая, Пакистана, Сирии и др.

Украинская делегация, может быть, не самая многочисленная, но зато, смею думать, не самая маловлиятельная на этом форуме, ибо у нас много друзей среди известных людей России. Например, губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко, уроженка нашей Житомирской области, и целый ряд других влиятельных россиян.

Это говорит о том, какое большое «украинское лобби» до сих пор остается в России.

Надеюсь, это будет залогом того, что не очень успешное пока развитие российско-украинских отношений в конце концов выйдет из кризисной фазы.

Как депутат Крымского парламента и как первый вице-губернатор Севастополя (у нас на территории полуострова две административные единицы: Автономная республика Крым и Севастополь) хочу поприветствовать всех участников конференции от имени своих коллег и всех жителей Крыма.

Особенно приятно выступать здесь в Дни славянской письменности и культуры, к которым наши города Севастополь и Херсонес имеют непосредственное отношение, потому что Кирилл и Мефодий именно на Херсонесской земле задумали славянскую азбуку.

Должен признаться, некоторое удивление вызывает то, что мы говорим о глобализации и проблемах, которые она нам принесла, так, как будто это явление новое, как будто мы только сейчас с ним столкнулись. Но это неверно.

Если вдуматься, то глобализация была всегда — это обязательный элемент исторического развития цивилизации. Например, что такое Великий шелковый путь, одно из ответвлений которого приходило в Крым, как не проявление глобализации? Или, например, что есть создание величайших империй, которые контролировали многие окружающие их территории, как не глобализационное проявление? И т. д., и т. п.

Другое дело, что на сегодня глобализация по своим организационным, материальным, финансовым, информационным и всяким другим ресурсам приобрела такую мощь и значение, что действительно угрожает самому существованию культуры современного мира.

Увидев реальность глобализационных угроз, мы начинаем об этом интенсивно говорить, забывая, что данное явление выросло

постепенно, а не появилось только сегодня, поэтому имеет очень длительную историю, которая требует внимательного изучения. Осознав этот факт, мне кажется, мы найдем дополнительные ключи для решения многих глобальных проблем современности.

В этом смысле наш опыт, позволяющий Крыму со всеми его проблемами многонационального и многоконфессионального края до сих пор не превратиться в одну из многочисленных горячих точек страны, может служить определенной иллюстрацией, пособием в решении данных проблем.

Многие удивляются, что в Крыму потенциально возможный горячий конфликт так и не перешел в стадию реальности. Полыхала огнем Средняя Азия, горел Кавказ, настоящими сражениями отметилось Приднестровье, а на полуострове все 15 лет дальше словесных баталий мы не зашли.

Я убежден, что главной причиной устойчивости крымского социума была многовековая привычка уважения многонационального и многоконфессионального уклада жизни. В любом крымском городе вы увидите стоящие рядом храм, мечеть и синагогу или кенасу. В 96 % школ русского города Севастополя учителя стремятся ознакомить учеников с культурным наследием всего мира. Поэтому в 2007 году по итогам Всеукраинского тестирования выпускников школ севастопольцы заняли третье место по знанию украинского языка (среди 27 регионов Украины!), второе — по знанию украинской истории и первое — по математике.

Если мы встретим глобализацию, отчетливо осознавая себя многонациональными, поликультурными пассажирами космического корабля под названием «Земля», она не сможет свалить нас всех в мировой котел унификации и утраты разнообразия. Осознанная опасность — побежденная опасность. Я надеюсь, что наш опыт пригодится всем.

Ф. А. АСАДУЛЛИН,

заведующий отделом науки Совета муфтиев России, шейх

ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКИЙ ДИАЛОГ В РАКУРСЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ (Извлечение опыта)

Сегодня уже достаточно было сказано добрых слов в адрес ислама как мировой религии и арабо-мусульманской цивилизации в целом. Я в целом разделяю те подходы, которые были высказаны здесь как зарубуж-

ными участниками этого пленарного заседания, так и нашими соотечественниками, видными учеными, экспертами-арабистами. Поддерживая в целом тональность, которая была задана выступлением Михаила Борисовича

Пиотровского, я хотел бы конкретизировать и развить некоторые моменты обсуждаемой сегодня проблемы.

Действительно, и ход этой конференции сегодня это подтверждает, интерес к исламу в мире и, в частности, в российском обществе приобретает все более и более осмысленный характер. Думающая часть нашего общества стремится получить собственное представление о религии, о которой так много и по разным поводам сегодня говорят и спорят в средствах массовой информации. Я поддерживаю пафос выступления предыдущего оратора, г-на Генри Резника: действительно, нужна государственная программа аккультурации представителей разных религий, разных национальностей. Сегодня на территории России живет порядка 170 различных народов и этносов. Общение между ними должно строиться как с пониманием исторической специфики страны, так и с осознанием современных тенденций общественного развития России и ее ближайших соседей. Патриотизм титульной нации и остальных российских народов должен быть слагаемым гордости за свою страну, он должен объединять, а не разобщать людей. Сегодняшняя конференция — это путь в направлении понимания того, что в этом процессе ведущая роль принадлежит интеллигенции — научной и творческой. В связи с этим я хочу сказать, что у нас существует замечательная школа отечественной арабистики и исламоведения, которая была заложена выдающимися учеными-арабистами Крачковским, Бартольдом, Халидовым. Сегодня эти традиции продолжают академик А. Б. Куделин, выступавший здесь член-корреспондент Российской Академии наук М. Б. Пиотровский, профессора А. А. Долиннина, В. Н. Кирпиченко, Д. В. Фролов, С. М. Прозоров и В. В. Наумкин. У нас в стране благодаря трудам этих ученых заложен огромный потенциал толерантного отношения к исламу и особенностям арабо-мусульманской цивилизации. Задача представителей как различных конфессиональных сообществ, так и российской интеллигенции в целом — развивать этот потенциал, сделать его достоянием молодого поколения россиян.

В этой аудитории хотелось бы указать на уникальность российской цивилизации, в формировании которой после христиано-славянской составляющей значительная роль принадлежала и традиции исламо-тюркской — традиции и религиозной, и культурной одновременно. Вплоть до того момента, когда Петр I на рубеже XVII и XVIII веков «прорубил окно

в Европу» и тем самым, в том числе и через основание северной столицы, укрепил связи России с западной цивилизацией, Московская Русь многими на Западе из-за сильных позиций татаро-ордынской элиты — мурз и беев — воспринималась как «Татарская Московия». России и раньше (и тем более сейчас) не было необходимости прорубать «окно на Восток», она фактически была и остается органической частью глобальной цивилизации Востока в целом и арабо-мусульманской цивилизации в частности. Хорошо известно, что вхождение России в европейскую систему международных отношений началось сравнительно поздно, только в XVII в. До того она столетия зримыми и незримыми узами была связана с Востоком: Османской империей, Персией, Крымом, не говоря уже о ее ближайших соседях — ордынских государствах. Сегодня, когда в обществе вновь возрождается интерес к осмыслению исторической специфики России, в том числе и через призму ее духовно-исторической традиции, хочется вновь подчеркнуть, что эта цивилизационно-историческая специфика связана в том числе и с особым контекстом исламо-христианского сосуществования — «исламо-христианского консенсуса», как это представлялось замечательному мусульманскому просветителю крымско-татарского происхождения Исмаилу Гаспринскому (1851–1914). Осмысливая современную историческую ситуацию, важно не упускать из виду этот известный факт в целом бесконфликтного сосуществования названных культурно-исторических типов, которые и синтезировались в российской истории, и так причудливо преломились в конкретных человеческих судьбах.

Примеров того, о чем я говорю, достаточно. Многие из них могут служить иллюстрацией известной поговорки: «Поскреби русского — обнаружишь татарина». Одним из основателей Москвы наравне с Юрием Долгоруким является получивший крещение выходец из Волжской Булгарии (территория нынешнего Татарстана), обрусевший татарин Степан Кучка. Об этом можно узнать из «Повести о начале Москвы» — произведении, неопределенно датированном концом XVI — началом XVII века. Недавно стали известны исторические сведения о том, что одним из освободителей Москвы от польского нашествия 1612 года был крещеный нижегородский татарин Козьма Минин, сын солепромышленника Мины Анкудинова. Возможно, мало кто знает, что автором популярной русской песни «Во поле бе-

резонька стояла» является профессор Казанского университета татарин Нигмат (Николай) Ибрагимов (1778–1818). Такое спонтанное сочетание и взаимодействие дискурсов, имеющих основанием тюркско-исламский мир и мир славяно-христианский, собственно и сформировало ткань российской культуры. Восточное и западное начала, соединившись в российской культуре, составляют органичный дуэт. Главный культурный символ России — А. С. Пушкин, «наше все», согласно современным этнологическим концепциям является афророссиянином, но в его родословной, кроме африканских, просматриваются и татарские (Мусины + Шарафетдиновы) корни, не говоря уже о русских.

Наследие нашего прославленного соотечественника и современника, крупнейшего ученого-гуманитария XX века Дмитрия Сергеевича Лихачева, именем которого названы эти Чтения, дает богатый материал в плане понимания природы российской культуры, истории и — шире — цивилизации. Противопоставляя свойственное всем народам России высокое чувство патриотизма национализму и тем более шовинизму, он с горечью констатировал, что «народы слишком мало знают друг о друге, не знают культуры своих соседей, имеют самые посредственные знания по истории. При этом в исторической науке очень много мифов, ложных представлений, фальсификаций»¹. Сказанное можно отнести и к современной повестке межнациональных и — шире — межконфессиональных отношений в России. Анализируя прошлое России, которое Д. С. Лихачеву виделось главным образом в рамках европейского ареала, он ставил разные акценты относительно сущностных сторон российской действительности. Отмечая в одной из своих статей, что «русская земля всегда была не только тысячей городов, но и тысячей культур», он иллюстрирует эту мысль примером главной достопримечательности Санкт-Петербурга — Невским проспектом. В XIX веке на Невском проспекте — проспекте веротерпимости, как его называли иностранцы, — были и голландская церковь, и лютеранская, и католическая, и армянская, а также две православные — Казанский собор и Знаменская церковь. К этому следует добавить, что задолго до открытия в Санкт-Петербурге Соборной мечети (1913) местные мусульмане, в основном татары, выполняя предписания ислама, в XVIII–XIX веках проводили свои праздничные богослужения в арендованных

помещениях на углу Невского и Мойки или Невского и Фонтанки. Это обстоятельство, безусловно, расширяет религиозные границы понимания феномена веротерпимости как в отношении проспекта, так и города в целом. Таким образом, диалог разных религий и культур, не исключая и ислам, шел в северной столице с момента закладки Петропавловской крепости, к чему татары также имели прямое отношение. Если мы назовем татар градообразующим этносом Санкт-Петербурга, то в этом не будет большого преувеличения, поскольку, например, французский аристократ и путешественник маркиз де Кюстин (1790–1857), посетивший столицу Российской империи в 1830-х годах, называл его в своем дневнике «греческим городом, импровизированным для татар». Об азиатской сущности столичного общества писал в «Физиологии Петербурга» (1845) и В. Г. Белинский. Все это заставляет еще раз вспомнить известные чеховские слова, сказанные не то в шутку, не то всерьез: «развитие у нас азиатское, а самомнение европейское».

В заключение мне хотелось бы сказать о том, что в плане осмысления перспектив исламо-христианского диалога в современной России важно обратить внимание на вызовы, которые сегодня угрожают многонациональному российскому обществу. Я имею в виду не только ситуации, подобные событиям в Кондопоге, когда дело кончается массовым мордобоем с участием местных и пришлых. Сегодня, к сожалению, под флагом борьбы с международным терроризмом наблюдаются попытки разделения мирового сообщества на мир ислама и мир христианства. Эти внешние импульсы иногда, к большому сожалению, накладываются на реалии нашего бытия, нашей российской действительности, нанося ощутимый вред межнациональным и межрелигиозным отношениям. Наша страна исторически в основном формировалась как союз славянских и тюркских народов, христианской и мусульманской культур. Важно не допустить разрушительной конфронтации между ними, к чему нас иногда подталкивают и некоторые обстоятельства новейшей истории страны, и определенные внешние силы.

Я считаю, что в условиях глобализации значение межрелигиозного диалога будет возрастать. Этот диалог должен поддерживаться и вестись не только главами крупнейших религиозных сообществ России и усилиями религиозно ориентированной интеллигенции, но и с участием светских ученых, студенчества и молодежи, представляющих национальные диаспоры.

¹ Лихачев Д. С. Избранное. М., 2006. С. 140.

В. В. НАУМКИН,

*заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова,
представитель РФ в Группе высокого уровня проекта ООН
«Альянс цивилизаций», доктор исторических наук, профессор*

РОЛЬ «АЛЬЯНСА ЦИВИЛИЗАЦИЙ» В НАЛАЖИВАНИИ ГЛОБАЛЬНОГО ДИАЛОГА

В декабре 2006 года Генеральному секретарю ООН был представлен доклад, подготовленный сформированной им в 2005 году Группой высокого уровня для формулирования концепции и плана действий «Альянса цивилизаций». Доклад содержит немало идей, которые при их реализации могут быть полезны для налаживания глобального диалога. Авторы доклада исходят из идеи широкого консенсуса государств, культур и религий относительно того, что все сообщества взаимосвязаны, взаимозависимы и едины в стремлении к стабильности, процветанию и миру.

Чрезвычайную опасность для достижения этих целей представляют попытки загнать мир в «цивилизационные загоны». Сами локальные сообщества внутренне изменчивы и разнообразны, они являются площадкой для дебатов, не менее серьезных, чем тем, что идут между культурами. История взаимоотношений между ними — это не только войны и столкновения, но и конструктивное взаимодействие и мирное сосуществование.

Нарастающая напряженность в отношениях между Западом и исламским миром является одним из наиболее угрожающих предвестников межцивилизационного разлома, который пока еще может быть предотвращен. Для этого необходимо в первую очередь решить ряд политических проблем, осо-

бенно арабо-израильский конфликт и иракский кризис.

В современном глобализующемся мире предпринимаются попытки обеспечения благосостояния за счет отказа от культурной самобытности и традиционного уклада жизни. Чувство виктимизации, возникающее в исламских сообществах, помогает экстремистам спекулировать на страхах и вовлекать людей в насильственные действия.

Теракты с участием представителей мусульманских сообществ способствуют появлению неадекватных представлений о том, будто исламской религии эндогенно присуще насилие. Это вредное представление в свою очередь порождает острую ответную реакцию.

На самом деле любая религия может играть ключевую роль в формировании необходимого позитивного отношения к другим культурам, религиям и стилям жизни. Их разнообразие — основополагающий элемент человеческого общества и движущая сила прогресса.

Россия с ее богатым опытом сосуществования и теснейшего взаимодействия культур может играть важнейшую роль в формировании новой системы глобального мультикультурализма. Для налаживания глобального диалога необходимы совместные усилия правительств, корпораций и гражданского общества.

О. Т. БОГОМОЛОВ,

Почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, академик Российской Академии наук

КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА: ГРАНИ СОПРЯЖЕННОСТИ

Понятие культуры охватывает многие стороны развития человеческого общества и близко по содержанию к понятию цивилизации. В широком смысле слова культура означает накопленный человечеством и каждым народом опыт создания материальных и духовных ценностей, а также сами сохраненные ценности и блага, облагораживающие

и возвышающие человека, повышающие качество его жизни.

Можно считать, что материальную культуру олицетворяют прежде всего экономика, национальное богатство страны, ее производительные силы. Степень развития экономики отражает уровень материальной культуры данной нации. Однако главное содержа-

ние культуры представляет ее духовная, гуманистическая составляющая. Достижения человеческого разума, завоевания наук, шедевры искусства, богатство языка и литературы, нравственные и религиозные идеалы, определяющие поведение и взаимоотношения людей, — вот что в общественном сознании обычно связано с понятием культуры и оценкой ее уровня. Интеллектуальная, духовная культура нации сегодня, как никогда раньше, становится основным фактором социально-экономического прогресса. Современное общество и экономика основываются на знаниях, на высших достижениях культуры.

О культуре народа справедливо судят по ее выдающимся представителям: писателям, поэтам, художникам, артистам, ученым, философам-просветителям, проповедникам, публицистам, изобретателям и т. п. Они формируют духовный климат общества, обогащают культуру своим творчеством, определяют высшие его достижения. Усилиями интеллектуальной и творческой элиты общества обеспечивается прогресс знаний, техники, развитие искусств, утверждение эстетических и нравственных идеалов, принципов гуманизма. Не случайно Максим Горький называл писателей «инженерами человеческих душ». Но в наши дни души оказались в еще большей мере во власти телевидения и кинематографа, их подчиняют себе средства массовой информации.

Элита несет культуру в массы. Правда, здесь нужно оговориться. Те, кого обычно относят к интеллектуальной элите общества, включая ее наиболее влиятельную часть — политический класс, достаточно разнородны. Отнюдь не всех из них можно считать носителями культуры. Бескультурье, невежество, пошлость, безнравственность, беспринципность также имеют своих элитарных представителей. Они, используя свое влияние, могут растлевать человеческие души, насаждать ложные знания и идеалы, прививать дурные вкусы и нормы поведения. В культуре, как и в обществе, наблюдается столкновение добра и зла, возвышенного и низменного, новаторства и ретроградства. Через борьбу противоречий в конечном счете совершается поступательное развитие, но временное движение вспять при этом, возможно, и случается. Смена социального строя на основе радикально-либеральных реформ ввергла российское общество в глубокий кризис, сопровождающийся деградацией массовой и элитарной культуры.

Падение культуры — серьезный тормоз в экономическом развитии. К сожалению, это

обычно недооценивается. Укажу лишь на некоторые линии взаимовлияния двух упомянутых сфер общественной жизни. Анализ требует отдельного рассмотрения роли элитарной и массовой культуры. И та, и другая, разумеется, взаимосвязаны, но по-разному воздействуют на экономику. Повышение ее эффективности и конкурентоспособности больше зависит от состояния массовой культуры, нежели элитарной. По крайней мере это относится к текущему развитию. В стратегическом плане определяющее значение принадлежит элитарной культуре.

Примеры низкого культурного уровня основной массы населения встречаются на каждом шагу. Причем отсутствие противодействия бескультурью ведет к его усилению. Несоблюдение законов и элементарных норм поведения в коллективе и обществе, своекорыстие и эгоизм, попирающие интересы окружающих, необязательность, разгильдяйство, индивидуализм, пренебрегающий малейшим проявлением человеческой солидарности и взаимовыручки, — все это отравляет социальный климат в стране, отрицательно влияет на трудовую и экономическую деятельность.

Еще более деструктивные последствия имеет массовое распространение коррупции, воровства и мошенничества, которые превращаются в смертельную болезнь экономики. Она страдает от пьянства и наркомании, самодурства чиновничества. Небезобидны и такие проявления бескультурья, как нарушение правил гигиены и чистоплотности, загрязнение окружающей среды, варварское отношение к природе. В результате экономика несет значительные потери, ухудшается качество жизни населения, страдает его здоровье. Страна вынуждена содержать огромную армию блюстителей порядка и частных охранников, раздувать контролирующие бюрократические структуры. На уборку мусора и хлама в местах общественного пользования приходится тратить немалые усилия и средства.

Нежелание соблюдать дорожные правила, стремление обогнать других в автомобильном заторе, обрести преимущество за счет законопослушных водителей — типичная картина в современной России. Цена этому — тысячи жертв, обилие аварий. Люди теряют время, не говоря уже об утрате имущества и здоровья. Наша страна — рекордсмен по числу смертей на дорогах в расчете на тысячу автомашин. Экономика терпит гигантские убытки от катастроф, пожаров и других бедствий, виной которых оказывается человеческий

фактор, низкая профессиональная культура, недисциплинированность, халатное отношение к своим обязанностям.

О тревожном состоянии массовой культуры свидетельствует высокий уровень преступности и коррупции в России. Он, несомненно, является продуктом многих неблагоприятных обстоятельств. Прежде всего — обнищания значительных масс населения, а также слабости государства и его правоохранительных институтов. Но нельзя не видеть и того, что в ходе поспешных и непродуманных реформ подрывались духовные устои общества, обесценивалась его культура и ее носители. Более того, телевидение и печать потакают самым низменным вкусам и интересам людей, избирают насилие, бандитизм, секс как превалирующую тему книг и передач. «Носители культуры», в сущности, сознательно растлевают общество.

Мошеннические махинации «МММ», жертвами которых стали десятки тысяч доверчивых людей, даже рекламировались по телевидению. Средства массовой информации пропагандируют роскошную жизнь людей высшего класса и западные стандарты потребления, недоступные большинству российского народа. Простой человек, едва сводящий концы с концами и обремененный многочисленными житейскими проблемами, ощущает себя униженным. Общество обрекало и продолжают обрекать на духовную опустошенность. А это сказывается на производительности труда. Добросовестность и самоотверженный труд оказываются невостребованными и не вознагражденными морально и материально.

К перечню изъянов духовно-нравственного состояния общества необходимо добавить отсутствие необходимой политической культуры, гражданской ответственности за положение дел в стране. Те, кто с воодушевлением восприняли перемены и возлагали большие надежды на реформы, испытали разочарование, разуверились в реформаторах. Обнищание большого слоя населения, заботы о выживании не оставляли многим людям сил и времени для общественной активности, размышлений о политике. Средства массовой информации отвлекали их внимание от неурядиц в жизни показом по телевизору остро сюжетных сериалов, низкопробным эстрадным юмором, музыкальными шоу, спортивными программами. Их сознанием манипулировали, предлагая ту информацию, которая устраивала власти. В таких условиях формирование гражданского общества эффективной демократии становилось трудностями.

Дефицит политической культуры превратился в препятствие на пути раскрытия творческого потенциала нации, совершенствования общественного устройства, осложнил возрождение экономики.

В противодействии падению массовой культуры важнейшая роль принадлежит творческой интеллигенции, публичным политикам, общественным и религиозным деятелям, лидерам бизнеса. Они, в идеале, должны были бы показывать пример владения знаниями, культурой интеллигентного и ответственного поведения, бережного отношения к национальному культурному наследию, нравственным ценностям. Их роль в выявлении ошибок и просчетов в политике и исправлении ее курса, в сохранении национальной культуры могла бы быть весьма существенной. К сожалению, российская элита, прежде всего политическая, оказалась не на высоте. Уровень ее опыта и знаний явно не соответствовал масштабам предпринятых преобразований, а моральные устои отступили перед жадой власти и быстрого обогащения. Тем самым были заданы порочные ориентиры поведения для значительной массы населения. Духовные ценности были быстро отставлены в угоду меркантильным интересам. Рынок нуждался в массовом и невзыскательном спросе, обещающем быстрые и крупные доходы.

Дорогостоящая элитарная культура оказалась невостребованной, поскольку имела узкий круг потребителей, а ее достижения не обещали быстрых денег. Поэтому отнюдь не случайно в литературе, кино, на телевидении перестал быть героем честный и добросовестный труженик, к тому же обедневший в одночасье. Его место заняли рыцари удачи — нувориши, мафиози, бандиты и мошенники разных мастей, окруженные своими прихлебателями. Учителя, врачи, ученые и другие представители интеллигенции и бывшего среднего класса превратились в «новых бедных». Их социальный статус понизился, а на авансцену общественного внимания вышли «новые русские» с дорогими автомобилями, роскошными квартирами, загородными виллами и другими атрибутами высокого социального статуса. Состояния сомнительного происхождения превратились в символы успеха рыночных реформ, вызывающие зависть обывателей.

Коммерциализация общественных отношений сказалась на творческой интеллигенции, литературе, кино, музыкальном, театральном и изобразительном искусстве. Многие служители культуры пожертвовали вы-

сокими идеалами доброго, вечного в угоду нетребовательному спросу массовой аудитории на развлечения, а вернее — на отвлечение от удручающей повседневности.

От школ потребовали сокращения часов, отводимых на изучение русской классической литературы и языка. Лучшие образцы духовного творчества нации оказывались все менее востребованными и утрачивали воспитательную роль.

Рыночная свобода отрицает нерыночные закономерности развития культуры. Примеров антагонизма рынка и нравственности, рынка и культуры более чем достаточно. Противопоставить им можно немногие положительные факты. Поэтому все громче слышатся призывы сдерживать рыночный эгоизм, безудержную погоню за наживой, требовать от предпринимателей и чиновничества социальной ответственности. Другими словами, общество ждет от них заботы не только о своем, но и об общественном благе.

Экономика страдает от негативных перемен в сознании и поведении людей. Грубость,

озлобленность, с которыми люди сталкиваются дома и вне дома, способны надолго испортить настроение. Они отравляют социальный климат, отражаются на качестве и производительности труда. Пока нравственные нормы и принципы не станут частью общей культуры, надо принуждать к законопослушанию, соблюдению правил общежития, используя авторитет власти, печати, телевидения. Велика роль в воспитании культуры и нравственности всей системы образования. Но, кажется, это не заботит авторов намечаемых реформ в данной сфере. Правилам вежливости, бытовой гигиены, поведения в общественных местах и многому другому детей по-настоящему в школах не учат — ни за партой, ни примером учителей. Далеко не всякая семья этот недостаток может восполнить.

В общем, если говорить о модернизации не только нашей экономики, но и жизни ради сохранения нации и государственности, то в уме прежде всего надо иметь в виду подъем культуры на цивилизованных началах.

С. А. ШИПТОН,

координатор Форума трех религий (Триалог мусульманской, христианской, иудейской конфессий) (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии)

ВКЛАД «ФОРУМА ТРЕХ РЕЛИГИЙ» В ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Диалог культур и цивилизаций представляет огромную значимость в нашем мире, в котором ключевым словом является «диалог». Диалог ведет к взаимному уважению и пониманию двух важнейших факторов, необходимых для нашего будущего и для будущего последующих поколений.

Десять лет назад сэр Зигмунд Штернберг, шейх доктор М. А. Заки Бадави и его преподобие доктор Маркус Брэйбрук основали национальную организацию «Форум трех религий». Меня попросили стать координатором этой организации, в которой я поначалу был единственным штатным сотрудником.

Несколько слов о наших трех соучредителях. Сэр Зигмунд Штернберг — бизнесмен, ведущий деятель в области межрелигиозных отношений, победитель премии Темплтон в 1998 году, учредитель Международного совета христиан и евреев, президент движения реформистской синагоги в Объединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии. Ныне покойный шейх доктор М. А. Заки

Бадави, кавалер Ордена Британской империи II степени, был учредителем и директором мусульманского колледжа, специалистом по исламскому банковскому делу и международным советником по мусульманским вопросам. Его преподобие доктор Маркус Брэйбрук — автор многочисленных трудов, писатель и общественный деятель по межрелигиозным вопросам, в прошлом — директор Международного совета христиан и евреев, президент Мирового конгресса религий, обладатель степени доктора теологических наук, врученной ему архиепископом Кентерберийским (эта степень не является ученой и присуждается в исключительных случаях).

«Форум трех религий» был создан для поддержания понимания и диалога между тремя авраамическими конфессиями (мусульманской, христианской, иудейской). Важным шагом в развитии Форума оказалось его признание в сентябре 2002 года представителями Комиссии по делам благотворительных организаций по поводу правомочности про-

движения конфессионального мира в благотворительных целях, на благо общественности. Форум не является собственно религиозной организацией, однако он объединяет людей трех сообществ. Его основными целями (согласно трастовому договору) являются:

1. Воспитывать мусульман, христиан и иудеев так, чтобы они уважали традиции и обычаи других религий и ценили общность своих взглядов.

2. Поддерживать дружбу, доброжелательность и понимание среди людей трех авраамических конфессий и монотеистических вероисповеданий ислама, иудейства и христианства.

3. Оказывать поддержку и обеспечивать общественное признание встречам, на которых присутствуют представители ислама, христианства и иудейства, обсуждая общие фундаментальные и этические вопросы вероисповедания.

4. Развивать образование и научные исследования с целью воспитания уважения к религиозным особенностям трех конфессий на основе равноправия и взаимопонимания.

5. Создавать условия для обучения и подготовки священников трех религиозных направлений на базе общих религиозных истоков, понимать особенности каждой и поощрять взаимное уважение представителей разных религий на основе равноправия и взаимопонимания.

Форум функционирует на разных уровнях. Его немногочисленный штат сотрудников включает руководителя проекта, сотрудников по общеобразовательной подготовке, деятельность которых финансируется за счет грантов из государственного фонда по поддержке религиозных общин.

Форум имеет Консультативный совет, включающий выдающихся представителей трех религиозных сообществ, которые регулярно встречаются, чтобы обсудить работу Форума, и выступают в качестве единого головного центра организации.

«Форум трех религий» пользуется доверием на разных правительственных уровнях, что подтверждают его тесные отношения с влиятельными представителями власти, такими государственными департаментами, как Министерство иностранных дел и по делам Содружества, которое систематически отправляет высокопоставленных иностранных гостей для встречи с руководством Форума; с дипломатическим корпусом и послами.

Работа «Форума трех религий» не ограничивается только рамками Объединенного Королевства, поскольку его представителей

регулярно приглашают принять участие в межрелигиозных встречах за границей. Позвольте привести несколько примеров.

1) 4-я Конференция по диалогу религий (Доха, Катар, апрель 2006 года).

Девять раввинов, включая двоих из Израэля и рабби Рувима Ливингстона из пригородной синагоги Хэмпстед Гарден, были в числе представителей мусульманских, христианских и иудейских участников на 4-й конференции в Дохе, посвященной диалогу религий, проведенной под патронажем эмира в арабском государстве Катар. «Форум трех религий» был представлен его координатором г-ном Сидни Шиптоном.

Недельные дискуссии религиозных лидеров о роли религии в воспитании личности закончились серией деклараций, одна из которых отмечала объем проделанной работы по изменению ложных представлений о религиозных сообществах, неверно трактуемых в школьных учебниках, кино и литературе.

Участники осудили фанатиков от религии, убивающих невинных граждан во имя веры, провозгласили право каждого человека на выбор собственного вероисповедания, а также призвали к широкому распространению таких религиозных ценностей, как справедливость, терпимость, равенство.

2) Западно-исламский диалог (Женева, август 2005 года).

Во время обмена идеями на конференции в Женеве, организованной Всемирным экономическим форумом, Сидни Шиптон заявил, что «понимание другого человека, преодоление религиозного невежества должны стать основными целями». Конференцию возглавил шериф Эл Дивани, который представлял Всемирный экономический форум (ВЭФ), он же являлся председателем продолжительной дискуссии.

Профессор Клаус Шваб, президент ВЭФ, прервал свой отпуск, чтобы принять участие в конференции, которую он назвал «очень важным событием» в своем приветственном обращении к двадцати ее участникам — представителям трех авраамических конфессий, включая нескольких молодых мусульманских лидеров из Дании, Германии, Италии, Голландии и Соединенного Королевства.

3) 2-й Всемирный конгресс имамов и раввинов (Севилья, Испания, март 2006 года).

«Собрать вместе 350 имамов, раввинов и экспертов для участия в подобной конференции было непростой задачей, — заявил Сидни Шиптон. — Можно поздравить Алена Мишеля и его коллег, работающих с ним в рамках проекта “Люди слова” (Hommes des

Paroles), с организацией этого исторического события». И хотя принц Иордании Хасан не смог присутствовать на конгрессе, его послание этому Форуму было передано по видео. «Благородное искусство диалога, — говорилось в нем, — это не военное искусство! Диалог особенно важен для представителей различных конфессий и всего человечества в целом. Мы должны изучать религиозные тексты разных конфессий и препятствовать распространению дезинформации».

Благодаря этому конгрессу стали возможны многочисленные неформальные встречи, многие из них состоялись и в последующие месяцы. Обращаясь к участникам пленарных заседаний, господин Шиптон подчеркнул, что материалы конгресса, результаты дискуссий, заключительная декларация должны быть тщательно изучены, иначе все усилия будут напрасны.

4) «Форум трех религий» (Сараево, Босния и Герцеговина, ноябрь 2005 года).

Название доклада Шиптона на конференции — «Учась на опыте других», потому что это просто необходимо для дальнейшего взаимопонимания и уважения. Будучи координатором «Форума трех религий» (мусульманской, христианской и иудейской), он выступил на Международном консилиуме «Представление о справедливом обществе», проведенном в г. Сараево.

Конференция была организована авраамическим форумом Международного совета христиан и иудеев (руководитель — профессор Шрайнер) при участии благотворительного фонда Конрада Аденауэра (руководитель — доктор Кристина Кэтрин Краузе). Как единственный представитель иудейской конфессии из Великобритании, Сидни Шиптон заявил, что ему была оказана высокая честь не только выступить с докладом, посвященным работе «Форума трех религий», но также прочитать лекцию во францисканском монастыре селения Фожника, высоко в горах над Сараево.

В работе форума принимали участие сорок человек, среди них был еще один представитель Великобритании — имам Абдулжалил Саид. Шиптон выразил сожаление по поводу отсутствия представителей христианской конфессии Объединенного Королевства. Он указал, что форум работает как в стране, так и за рубежом. Он также подчеркнул важность диалога, отмечая, однако, его особенности, определяемые культурой той или иной страны.

5) Работа, проводимая в стране и за ее пределами.

«Форум трех религий» работает в тесном контакте с руководителями местных, национальных и международных религиозных организаций и кураторами, деятельность которых связана с ведущими местами поклонения трех авраамических религий, а также с такими организациями, как Фонд примирения на Ближнем Востоке, Программа прогрессивного мышления, Центр добрососедских отношений им. Св. Этельбурги в Великобритании. Работа последнего связана с созданием международных образовательных программ для представителей молодого поколения. Форум также сотрудничает с Ватиканом по решению экуменических вопросов.

6) Медицинская и юридическая группы.

«Форум трех религий» сотрудничает со специалистами через сотрудников медицинской и юридической групп. Деятельность Форума связана с различными местными сообществами посредством внедрения особых программ, в которых принимают участие местные группы — представители Форума, которые включают Уэльс, Восточный Лондон, Кенсингтон, Юго-Восточный Лондон, графства Суррей, Гемпшир, Дорсет, а также молодежные клубы в Итонском колледже. Объединив усилия синагог, христианских церквей и мусульманских мечетей, «Форум трех религий» сумел создать обширную сеть представительств на местах, которые ежеквартально собираются для обсуждения стратегий работы и осуществления местных программ.

7) Последние по времени мероприятия «Форума трех религий».

Совместно с Институтом образования был проведен семинар по вопросам религиозных школ и социальной сплоченности под названием «Помощь или Препятствие?» Результаты этой дискуссии обсуждаются в настоящее время.

Консилиум под названием «Духовные голоса», посвященный сходству и различиям музыки авраамических религий, проходил с 30 января по 1 февраля в храме Св. Георгия в Виндзорском замке. Среди участников консилиума были представители общины прихода Св. Георгия, Института изучения исмаилитов, Фестиваля мусульманской культуры, Института еврейской музыки и «Форума трех религий». Во время этой необычной, возможно, уникальной конференции в часовне Св. Георгия прошел концерт музыкальных произведений, характерных для авраамических религий. Зал был переполнен.

13 февраля 2007 года в Посольской палате дворца Св. Иакова состоялась встреча с послами и главами дипломатических миссий. Количество участников насчитывало сто человек. Среди выступавших следует отметить главу дипломатического корпуса сэра Энтони Фиггиса (маршал Ее Величества при дипломатической миссии); сэра Зигмунда Штенберга; шерифа Эль Дивани (председателя Совета по деловым связям со странами Ближнего Востока Всемирного экономического форума «С-100»); сэра Питера Рикеттса, кавалера одного из высших рыцарских орденов (в данный момент занимающего пост заместителя министра и главы дипломатической службы); Гарри Л. Круппа (президента Нью-Йоркского фонда «Пэйв эз Вэй»); раввина А. Созтендорпа (представителя Всемирного экономического форума «С-100»/ВЭФ).

В честь принятия Румынии в Евросоюз в посольстве Румынии был дан торжественный прием, организаторами которого выступили глава посольской службы г-жа Радута Маташэ и представитель «Форума трех религий» сэр Зигмунд Штенберг.

13 февраля 2007 года в палате лордов состоялся отчет о работе «Форума трех религий» на совещании «Женщины против фундаментализма в борьбе за равные права».

14–15 февраля 2007 года в Уайтхолле состоялся доклад организатора работы «Форума трех религий» в рамках ежегодной конференции по вопросам политики и терроризма, проходившей на совещании Королевского института совместных служб по вопросам оборонных исследований (отдел национальной безопасности).

8) Отдел молодежных образовательных программ.

Наша программа, основанная на изучении текстов, а также программа Tools 4 Trialogue, были переданы пяти университетам, находящимся в Лондоне и за его пределами. Эти программы поступили в Британскую национальную библиотеку для выставки «Святое». Совместно с Центром добрососедских отношений им. Св. Этельбурги и Программой межконфессиональных связей (Кембридж) при Британской национальной библиотеке и в Кэмденском совете для граждан и подростков проводится специальная программа «Доказательства Священных писаний».

«Все об Ираке» — молодежная организация, объединяющая выходцев из Ирака, проживающих в Лондоне, — организовала специальную встречу с Патриком Кокберном, автором книги «Оккупация».

Таким образом, мы способствуем развитию всемирного диалога культур и цивилизаций.

А. В. ЯСКЕВИЧ,

учащаяся 11-го класса школы № 411 «Гармония» Петродворцового района Санкт-Петербурга, победитель Всероссийского конкурса творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность»

ИДЕИ Д. С. ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Присутствовать на ежегодных Международных Лихачевских чтениях — большая честь для меня. Я, конечно, не ожидала такой высокой оценки своего сочинения, хотя и надеялась стать призером конкурса.

За этот успех я хотела бы поблагодарить в первую очередь своих родителей, школу, в которой я впервые услышала имя Дмитрия Сергеевича, мою учительницу литературы Ольгу Борисовну Морис и других учителей и, конечно, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, который учредил такой замечательный конкурс. Думаю, что Дмитрий Сергеевич гордился бы этим Университетом, тем, как в нем воплощаются его заветы о сохранении русской культуры и как реализуются его основные

идеи в этом направлении. Не случайно Дмитрий Сергеевич стал первым Почетным доктором этого вуза, подчеркнув тем свою сопричастность его работе.

Смущение от такой высокой оценки моего скромного сочинения и приглашения на Международные Лихачевские научные чтения, конечно, простительно. Впервые мне приходится говорить на столь крупном научном форуме. Мне кажется происходящее нереальным, будто это вовсе не со мной.

Все на свете связано. Поэтому на самом деле с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым я опосредованно уже была знакома через одного человека — моего отца. У него был (и сейчас есть) приятель, который жил в детстве в одном доме и в одном подъезде с академиком.

Они часто виделись — в лифте, на лестнице, во дворе, здоровались друг с другом, и самое сильное впечатление от этих встреч у знакомого моего отца, которому тогда было 8–9 лет, осталось от того, что почтенный академик всегда уважительно обращался к нему на «вы» и пропускал вперед...

В школе учителя гуманитарного цикла часто упоминали на уроках имя этого великого человека, но вначале, к своему стыду, я не особенно интересовалась фигурой Дмитрия Сергеевича Лихачева, зная лишь о том, что он является символом российской и петербургской интеллигенции. Но позже, изучая культуру Серебряного века, которому уделялось особое внимание у нас на уроках литературы и истории, я подумала: «Где же продолжение этого величайшего времени, неужели все было полностью уничтожено революцией?» Именно тогда, в поисках ответа на этот вопрос, я прочла воспоминания Лихачева, содержащие десятки имен ученых, философов и поэтов того времени. Я попыталась проследить судьбы поколения людей, родившихся в конце XIX — начале XX века, и поняла, что именно Дмитрий Сергеевич Лихачев, как и Даниил Андреев, Михаил Бахтин, Лев Гумилев, Алексей Лосев и другие гении эпохи являются прямыми наследниками Серебряного века. И мне захотелось написать сочинение об этих негромких, но настоящих героях нашего недавнего прошлого — представителях великой русской куль-

туры. Хочется походить на таких людей, хотя эта планка чрезвычайно высока.

В поисках материала о поколении Лихачева я прочла немало книг, и мне по-новому открылись многие «прописные» истины. Мне стало ясно, что высокая трагичность, яркость, ответственность людей нестандартных, творческих отличает их от толпы. Упомянуть всех таких людей в своей маленькой работе я, конечно, не смогла, — назвала лишь главные, знаковые имена.

Мне кажется, что лучшей памятью о Дмитрии Сергеевиче Лихачеве будет любое конкретное доброе, творческое дело, и мне очень хотелось бы найти такое дело и посвятить ему свою жизнь.

В заключение своего выступления не могу не выразить самую горячую благодарность Санкт-Петербургскому Гуманитарному университету профсоюзов, организовавшему такой замечательный конкурс, который позволил мне открыть новые горизонты для себя. В 1993 году, принимая мантию первого Почетного доктора этого Университета, Дмитрий Сергеевич Лихачев сказал: «Есть вузы, которые гордятся своим прошлым. А наш Университет может гордиться своим будущим. Я чувствую себя в Университете XXI века». И вот сейчас уже наступил XXI век, и я думаю, что Дмитрий Сергеевич, будь он сейчас с нами, испытывал бы чувство гордости и радости от того, что его слова так замечательно воплотились в жизнь.

Круглый стол ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Конференц-зал гостиницы «Рэдиссон SAS»

25 мая 2007 года

Ведущие:

- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** председатель Оргкомитета VII Международных Лихачевских научных чтений, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии образования, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ
- В. В. ПОПОВ** посол по особым поручениям Министерства иностранных дел РФ, директор Центра партнерства цивилизаций Научно-координационного совета по международным исследованиям Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ

Участники:

- Н. АЛЬ-АТТАР** вице-президент Сирийской Арабской Республики, доктор
- А. А. ГУСЕЙНОВ** директор Института философии РАН, академик Российской Академии наук
- Я. ДРОЗД** Генеральный консул Республики Польша в Санкт-Петербурге
- П. ДУТКЕВИЧ** директор EURUS (Института европейских и российских исследований), Карлетонский университет (Канада), профессор
- В. П. КАЗАРИН** первый заместитель председателя Севастопольской городской государственной администрации, доктор филологических наук, профессор
- А. КЛЕСС** директор Люксембургского института европейских и международных исследований (Великое Герцогство Люксембург), доктор
- С. З. МАХМУД** президент Межконфессиональной коалиции за мир (Индия), доктор
- В. МИТТЕР** профессор Немецкого института международных исследований в области образования (Германия), иностранный член Российской Академии образования
- В. В. НАУМКИН** заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики Московского государственного университета им. М. Ю. Ломоносова, представитель РФ в Группе высокого уровня проекта ООН «Альянс цивилизаций» (АЦ), доктор исторических наук, профессор
- А. Е. ПЕТРОВ** ученый секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, заместитель председателя координационного совета по делам научно-педагогической молодежи при Президентском совете по науке, технологиям и образованию, кандидат исторических наук
- Г. М. РЕЗНИК** заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, президент Адвокатской палаты г. Москвы, член Общественной палаты РФ, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист РФ

- В. С. СТЕПИН** — руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института философии РАН, академик Российской Академии наук
- М. ТЛИЛИ** — основатель и директор программы «Диалоги: Исламский мир — США — Запад», Нью-Йоркский университет (США), профессор
- Г. А. ЯГОДИН** — профессор Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева (Москва), академик Российской Академии образования, доктор химических наук

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Дорогие друзья, мы продолжаем наш диалог, посвященный проблематике культурного взаимодействия, взаимодействия цивилизаций в глобальном мире. Было бы правильным в начале сегодняшней встречи представить слово тем нашим гостям, которые не выступили вчера на пленарном заседании. Я думаю, что они должны иметь особые преимущества. В связи с этим позвольте представить слово г-ну П. Дуткевичу. Мне особенно приятно отметить, что г-н П. Дуткевич — Почетный доктор двух очень известных российских университетов в Москве.

П. ДУТКЕВИЧ

— Я бы хотел представить вашему вниманию некоторые соображения, касающиеся темы конфликта и диалога в сравнении с кооперацией и конкуренцией цивилизаций. Первое, о чем бы я хотел сказать, это то, что мы живем в бинарном мире, в котором диалог противопоставляется конфликту. Диалог, носящий спонтанный характер и соответствующий духу ООН, и конфликт или столкновение цивилизаций, который был так эмоционально представлен в работах г-на Хаттингтона. Я бы сказал, что современная международная обстановка нуждается в пересмотре подходов. Кооперацию цивилизаций, партнерство цивилизаций нужно рассмотреть в сравнении с конкуренцией цивилизаций.

Мы живем в мире, который довольно нестабилен. Даже изучая определенные цивилизации, которые предполагается считать более или менее цельными, мы видим трещины. Если вы посмотрите на диалог между современными США и Европой, трансатлантические отношения, то увидите эти расколы — свидетельства тому, что мы больше не идем одним путем. Разногласия существуют в нормативной, юридической и экономической сферах, в области обеспечения безопасности. Если вы обратите внимание на Европейский союз и новых его членов, на

пример Польшу, то увидите, что поляки считают себя «абсолютными западниками», но это совершенно неверно. Как видно из действий польского правительства, существует непонимание нормативного аспекта Европейского союза, действия не сопрягаются с существующей, устоявшейся западноевропейской традицией. Моя точка зрения такова: даже внутри западной цивилизации еще многое нужно сделать для того, чтобы понять друг друга. У нас есть определенные структуры, подобные Европейскому союзу, трансатлантические институты, которые помогают нам не только налаживать диалог, но и активно сотрудничать.

Когда я смотрю на текущую ситуацию в США, то я вижу три противоречия: противоречие между глобализацией и протекционизмом, второе противоречие — между ощущаемой и реальной властью в США, третье кроется во взгляде на стабильность. Процветание США зависит от высокого уровня стабильности, а действия США создают нестабильность в мире.

Теперь о Китае, который также является для нас вызовом. Сейчас Китай представляет интерес для сотрудничества, но говоря о долгосрочной перспективе, мы, возможно, будем не сотрудничать, а конкурировать. И скорее проблема заключается не в том, как наладить диалог с ним, а как мирно конкурировать. Все эти вопросы серьезны и глубоки. Представляется важным обсудить ключевой вопрос — что является в наших цивилизациях универсальным. Во-первых, надо понять универсальность нашего подхода, так как сотрудничество или партнерство цивилизаций невозможно без понимания общности. Я бы сказал, что существует несколько универсальных проблем. Мы еще не готовы быть универсальными. По-моему, существует, по крайней мере, четыре элемента универсальности, лежащие в основе нашего сотрудничества и кооперации.

Первый касается вопроса бедности — не только бедности внутри стран, но бедности, являющейся источником глобализации, результатом глобализации. К сожалению, нет

времени привести вам данные и показать, что доходы и неравенство внутри стран не так высоки — разница в доходах между богатыми и бедными исчисляется в десять раз, но, говоря откровенно, глобализация увеличивает этот разрыв в сотни раз. Это очень серьезная проблема, и я полагаю, что нужно давать определение бедности в аспекте культуры. Определять бедность в аспекте культуры — значит понять, как решить проблему на индивидуальном и коллективном уровне.

Второй затрагивает вопрос безопасности, также имеющий очень широкое определение и являющийся потенциальной основой для сотрудничества разных цивилизаций. Вопрос, который бы охватывал безопасность на индивидуальном, коллективном, государственном уровне, включал бы проблему терроризма, а также безопасности пожилых людей.

Третий элемент — образование. Две трети населения Земли живут, не умея читать и писать, среди 6 млрд человек две трети лишены возможности общаться друг с другом. Другой вопрос — проблема здоровья. Существуют общераспространенные заболевания и заболевания, которые могут стать опасными для всего мира, если получают широкое распространение. И этот вопрос также связан с бедностью и необразованностью.

Четвертый элемент — толерантность. Как мы можем создать толерантные отношения между цивилизациями? Что общего есть в наших доктринах, нормах, ценностях, включая религию? Ислам и христианство ближе друг другу, чем мы думаем: они имеют общие корни, общие или сходные истоки. Мы должны попытаться делать акцент на том, что у нас общего, а не на различиях.

В современном мире, в котором лидеры стран говорят, что будущие коалиции будут носить временный характер, что эти коалиции будут добровольными, возможно, нашей задачей станет поиск универсальности среди существующих семи или восьми главных цивилизаций, а в идеале — написание манифеста, который может начинаться словами: «Мы — жители мира без традиций и отличительных черт». В этом и заключается моя идея. Возможно, это положение не может быть достигнуто, так как люди нуждаются в традициях и идентичности, чтобы совершенствоваться и в известной мере защищать государственную систему, но по прошествии времени мы также должны найти те звенья, которые соединят государства и цивилизации.

Дамы и господа, нам необходима конкуренция цивилизаций. Вопрос в том, как сделать эту конкуренцию менее жестокой, как

направить конкуренцию в определенные сферы. Одна цивилизация не может быть лучше или хуже другой. Нам нужна конкуренция, потому что мы не хотим жить в мире, в котором отдельная цивилизация диктовала бы, что и как делать, определяла бы лучший путь. Как вы понимаете, нет однозначного решения этой проблемы. Но это поможет нам ответить на фундаментальные вопросы, касающиеся здоровья, образования, бедности, безопасности и толерантности.

Не потому ли мы богаты на Западе, что остальной мир беден? Или, может быть, мир беден, потому что Запад богат? Мой ответ таков: мы богаты на Западе, потому что остальные бедны. Проблема в том, как сделать мир менее бедным, как включить его в западные стандарты. Возможно, таким образом мы изменим ситуацию и сможем жить в мире, который отличается от сегодняшнего. Конкуренция нужна нам так же, как и сотрудничество.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Слово предоставляется Генеральному консулу Республики Польша Ярославу Дрозду.

Я. ДРОЗД

— Уважаемые дамы и господа! Взаимодействие культур принадлежит к наиболее интересным социальным и общественным процессам, какие дано пережить нашим обществам. То, что когда-то совершалось постепенно, эволюционным путем в силу ограниченных возможностей передвижения и общения, в настоящее время происходит, наоборот, поражаяюще быстро. Динамика движения, перемещения информации и людей выводит взаимодействие культур на другой уровень, к которому индивид и общество не всегда готовы. Поэтому наши оценки и комментарии часто опрометчивы, эмоциональны. На некоторые явления мы реагируем несколько консервативно, потому что наш механизм восприятия и анализа все же традиционен по отношению к техническому прогрессу, а также к скорости и сложности процесса взаимодействия культур в современном мире.

Для наглядности моих дальнейших рассуждений я хотел бы воспользоваться примером из окружающей нас действительности.

Спроектированный инженером поляком Станиславом Кербедзем мост лейтенанта Шмидта в Санкт-Петербурге строился с 1842 по 1850 год. Его открытие означало новую эпоху строительства мостов в России и создавало предпосылки для развития железных дорог, в том числе для возникновения Транссибир-

ской железной дороги. Новый мост возводили в духе сотрудничества и взаимопонимания поляки, русские, немцы и представители других национальностей. Общая цель была для них той ценностью, которая могла служить хорошей почвой для взаимодействия их культур. Мост открывали как Благовещенский, потом его называли Николаевский, лейтенанта Шмидта и сейчас снова заговорили о возвращении первоначального названия — Благовещенский.

Независимо от обусловленной политикой и общественным строем смены наименований, этот и многие другие мосты все время служили обществу. Поэтому слово «мост» выступает более широким понятием, представляется нам как символ, как соединение людей, культур, религии и креативного создания новых возможностей.

Воспользовавшись столь характерным для такого многонационального и многоконфессионального города, как Санкт-Петербург, примером, я хотел подчеркнуть значение поиска и культивирования высших ценностей и сосредоточения вокруг них нашей деятельности. Нужно возводить мосты в каждой области нашей жизни и деятельности, так как их всегда слишком мало, их все время не хватает в современном мире разных культур. Поэтому мне трудно согласиться с некоторыми моментами в высказывании директора EURUS г-на П. Дуткевича, касающимися Польши. Использование в связи с принадлежностью к Европейскому союзу по отношению к моим соотечественникам определения «абсолютные западники» и вывод из этого тезиса о непонимании нормативного аспекта ЕС в Польше указывает на несколько упрощенный способ представления темы.

У моей страны с ее многовековой историей богатый опыт взаимодействия с разными культурами и обществами. Часть этой традиции сосуществования с другими народами возникла именно в Санкт-Петербурге, городе, где до революции 1917 года проживало более 250 тыс. поляков, составляющих треть по величине национальную группу в городе. Пример проявления такой традиции — ранее упомянутый гениальный инженер Кербедзь.

Мне трудно согласиться с утверждением, что какой-то народ является «абсолютно» таким-то или таким-то. В моей национальной и культурной традиции понятие «абсолют» — в большей степени религиозная или философская категория. Применение его при нескольких поспешных и эмоциональных политических оценках не всегда обоснованно.

Нужно искать общие ценности и использовать их интегрирующее воздействие. Интел-

лигенция играет при этом очень важную роль. Это она должна задавать тон диалогу культур и цивилизаций в глобальном мире. От ее особой восприимчивости, способа формулирования оценок, выражения своей симпатии и антипатии зависит то, как наши страны и общества выглядят в глазах других. Поэтому я считаю, что диалог надо вести в духе взаимопонимания, а не абсолютизации. Надо возводить мосты — их всегда слишком мало.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Позвольте предоставить слово доктору Арманду Клессу, директору Люксембургского института европейских и международных исследований. Пожалуйста, прошу Вас.

А. КЛЕСС

— Мое выступление будет посвящено возможности диалога между обществом религиозным и секулярным.

Насколько труднее диалог между религиозным и секулярным обществом по сравнению с контактами между двумя религиозными или двумя секулярными культурами? Как религия может способствовать или препятствовать успешному общению?

Рассмотрим несколько видов диалога и ряд вопросов, с этим связанных.

Диалог двух секулярных культур — во что может вылиться исключение таких факторов, как духовность и религия? Приведет ли это неизбежно к ограниченному, ущербному общению или даже вырождению? Или же контакты между такими культурами основаны на твердых рациональных позициях и окажутся, в конце концов, более жизнестойкими и продуктивными?

Диалог между двумя религиозными обществами, такими как Иран и Ирак, где религиозные принципы и законы имеют значительное влияние на все сферы человеческой деятельности, включая политику, культуру, даже экономику и внешнюю политику. Характеристикой таких контактов является, с одной стороны, высокая степень неприятия и непонимания друг друга, скрытая или явная неприязнь, проявление прозелитизма в разных формах, непрекращающиеся споры о том, кто обладает истиной в большей степени, у кого больше последователей. С другой стороны, открывается больше возможностей для взаимодействия, взаимопонимания и уважения, если обе стороны исповедуют одни и те же духовные принципы и стремления.

Диалог между религиозным и секулярным обществами, такими как арабский мир

и Западная Европа или, до некоторой степени, США и Западная Европа. В таком диалоге неотъемлемо присутствует стремление убедить другую сторону в превосходстве собственной модели общества, причем культура религиозная будет стараться очернить неверующих, атеистов, материалистов, подчеркивая их греховность и падение. Претензии секулярного общества к своим оппонентам будут состоять в порицании иррационализма, фундаментализма, фанатизма, использования веры в политических целях. Подобные укоренившиеся мнения могут затруднить успешный диалог, так как обе стороны убеждены в своей правоте и превосходстве своей модели общества.

Конечно, разделение на религиозное и секулярное общество довольно условно. Полувековой процесс секуляризации в Западной Европе привел к тому, что религиозные принципы потеряли свое влияние. США остается очень религиозной страной. В Восточной Европе после падения коммунистических режимов религия приобретает все большее значение, в Польше же религия никогда не теряла своих позиций. Процесс возрождения религии наблюдается в странах Азии и Китае. Некоторые сравнивают модель общества США с полурелигиозной, полусекулярной моделью, занимающей положение где-то между фундаменталистским государством, таким как Иран, и нерелигиозной Европой. Но это положение еще требует доказательства, вопреки тому, что утверждает в своей новой книге «Европейская сверхдержава» Джон МакКормик: «В мире, где сосуществует множество религий, где фундаментализм стал важным фактором, определяющим политику многих стран, союз религии и политики неизбежно работает против США, а секуляризм работает на благо Европы».

Необходимо постоянно помнить, что политические и идеологические противоречия, порожденные жесткой экономической конкуренцией и стратегическими интересами, могут подменять собой религиозные и духовные различия.

Существует ли опасность разделения мира на два полюса: религия против секулярности, если можно так выразиться, взамен старого антагонизма между капитализмом и коммунизмом? Такой движущей силой, подталкивающей мир к разделению, может стать энергичный воинствующий ислам, старающийся противостоять другим религиям, в особенности христианской религии и христианскому миру. Такое же противостояние с исламом может испытать и буддизм, причем су-

ществует реальная опасность дестабилизации всего индийского общества, включая соседние страны, такие как Пакистан и Бангладеш.

В целом радикальные процессы фундаментализма и милитаризма сильны в мире. Так называемые секулярные, внецерковные общества могут столкнуться с некоторым внутренним ослаблением, причем недостаток духовной составляющей общества они будут компенсировать экономической и стратегической агрессивностью. Это может послужить причиной эскалации противостояния в мире, несмотря на печальный опыт прошлого. Нападки некоторых западных так называемых интеллектуалов, политиков и журналистов на религию в целом и ислам в частности, являются крайне неразумными и могут вызвать эффект, противоположный ожидаемому. Нам нужна новая форма взаимопонимания и сочувствия, попытка осознать различия и развивать чувство терпимости.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Спасибо, г-н Клесс. Слово предоставляется г-ну Мустафе Тлили, основателю и директору программы «Диалоги: Исламский мир — США — Запад». Господин Тлили прибыл к нам из США из Нью-Йоркского университета, профессором которого он является.

М. ТЛИЛИ

— Существует постоянное столкновение между неким монолитом, каким является Запад, и другим монолитом, который представляет собой ислам. Обратим внимание на концепции этого столкновения. Если мы посмотрим на историю противостояния ислама западному миру, мы увидим, что она насчитывает четырнадцать веков. Но зерна сотрудничества и взаимопонимания важнее, чем то, что Сэмюэль Хаттингтон называет столкновением. Я хотел бы сделать несколько замечаний относительно его теории.

Одним из примеров такого столкновения является Андалусия. Все в этой области было создано тремя культурами Испании — иудейской, мусульманской и христианской. Это та часть истории, которую игнорирует Сэмюэль Хаттингтон. И в целом всю теорию столкновения цивилизаций я бы скорее назвал философией-вспышкой, чем философской концепцией, основанной, во-первых, на знании, во-вторых, на философии, в-третьих, на истории идей и истории как таковой. Я бы хотел упомянуть книгу моего коллеги по Колумбийскому университету Ричарда Батлера «Мусульманско-христианская цивилизация», посвященную сотрудничеству ислама и христианства.

Как нам уже объяснили, пришло время тех, кто говорит от имени Запада — надо найти что-то для замены другого монолита, которым был коммунизм. Конец холодной войны, конечно же, способствовал этому, облегчив задачу тем, кто планировал свою стратегию на основе концепции «врага-друга» (Карл Шмидт). Часть этой концепции должна была воплотиться, и ислам был готов воспользоваться представившейся возможностью. И то, что случилось 11 сентября, в некоторой степени произошло вовремя и подтвердило этот миф об исламской угрозе. Зачем же подвергать сомнению и изменять концепции? Видоизменяя их, мы замечаем больше нюансов и на Западе, и в исламе. Когда мы говорим о Западе, важно, что мы имеем в виду: Европу с ее замкнутой системой, США, которые больше основываются на вере и постоянно решают, республиканцы они или демократы, Белый дом или кого-то другого. 76 % населения США верит в Бога. И с этой точки зрения между исламским миром и США больше точек соприкосновения, чем противоречий. Очень часто в рамках ООН консервативные представители Западной Европы, США и исламских стран вместе голосуют по многим социальным вопросам.

У Европы сегодня есть проблема самоидентификации, поэтому не удивительно, что мы слышим противоположные мнения от правых и от левых. В Европе наблюдается кризис, и не только в отношениях с США, но и в отношении себя самой, собственных ключевых ценностей. И мы все время слышим разговоры об этих ценностях. Я не раз оказывался в ситуации, когда спрашивал, какие же ценности являются основными для Европы. И, честно говоря, не знаю, есть ли ответ и может ли кто-нибудь дать серьезный ответ. Европа — это христианское единство. Поэтому, к примеру, Турция не должна быть частью Европы, поскольку она не является христианской страной.

Теперь обратим внимание на другой монолит — ислам, который считается, во-первых, угрозой, а во-вторых, блоком, который унифицирует верования и традиции. Необходимо различать то, что часто путают европейцы: мусульманский мир и арабский мир. Мы часто забываем о том, что арабский мир составляет всего лишь 12 % всего исламского мира. Это упрощение и, я бы даже сказал — невежество. Именно об этом я и спорил с Сэмюэлем Хаттингтоном, критикуя его историческое невежество.

Идя по этому разрушительному пути, мы можем прийти к такой концепции, которая поставит мир на опасный путь, основанный

на поп-культуре, в отсутствие интеллектуальной интеграции. Вот с чем нужно быть очень осторожным. Сегодня отсутствует интеллектуальная интеграция, мы предлагаем миру концепции, которые в итоге становятся парадигмами не только для интеллектуалов, но и для тех, кто делает политику. Если вы примените это к анализу мусульманского мира, вы поймете, насколько разнообразен исламский мир, что сегодня он более разнообразен, чем когда-либо в истории, с одной стороны, и, возможно, более разнообразен, чем западный мир сам по себе, — с другой.

Кто говорит от имени мусульманского мира сегодня? Какова природа мусульманского мира сегодня? В первую очередь это географическое и историческое разнообразие. Разнообразие самой веры, различия в выражении ислама. Ислам пришел в разные части мира как набор принципов, а затем он просто адаптировался. Произошла контекстуализация веры, принявшей различные формы и исторические выражения, которые мы видим сегодня. Они процветают в разных частях мира — от самых консервативных в Саудовской Аравии до Турции, где революция Ататюрка пыталась разрушить эту часть индивидуальности турецкого народа. Это и есть то разнообразие, которое мы должны признавать и которое является частью целостной картины.

Важно также понимать, что так называемые теоретики столкновения цивилизаций и средства массовой информации, которые позволяют им быть услышанными, — это всего лишь небольшая часть всех тех, кто притворяется, что говорит об исламе. Это радикалы, которые игнорируют 98 % мусульманского мира. А мир этот живет своей жизнью, как и люди в России: они создают культуру, товары, духовные ценности и не являются частью того монолита, который пытаются создать Сэмюэль Хаттингтон и его коллеги.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Спасибо. Слово предоставляется г-ну Саиду Зафару Махмуду, президенту Межконфессиональной коалиции за мир (Индия), доктору.

С. З. МАХМУД

— К настоящему моменту человечество достигло той степени зрелости, когда полностью осознает, что целью создания мира является не взаимное уничтожение, а следование исключительно принципам справедливости, мира, любви, разумного распределения ресурсов и всеобщего развития. Поэтому наказ,

данный основателем каждого религиозного течения, должен быть созвучен этим благородным целям. Если и есть различия между вероисповеданиями, то они, скорее всего, вызваны отсутствием понимания. Поэтому лидерам и последователям всех религий, культур и цивилизаций следует читать и понимать истинный смысл Священных Писаний как своей, так и других религий. Это следует делать без каких бы то ни было предрассудков, объективно и самоотверженно. Ни одна из мировых конфессий не ограничивает сферы своей деятельности отдельной страной или регионом и не позволяет себе пренебрегать каким-либо периодом истории человечества.

С другой стороны, культуры и цивилизации являются отражениями религиозных учений, одного или нескольких одновременно, в определенный период истории человечества и в определенной части света. Тем не менее ни одна из них не может не принимать во внимание свою веру. Новое тысячелетие требует совместных усилий на мировом уровне для того, чтобы примирить религиозные учения, культуры и цивилизации, чтобы привести их к гармонии, подобно сочетанию красок в цветовом спектре. Они не должны быть подвержены политизации, а должны быть использованы для укрепления дружбы, любви, равенства, справедливости, мира и дальнейшего развития человечества.

Культура — это образ жизни людей согласно их вероисповеданию, языку и т. д. В рамках данной конференции необходимо выработать ряд общепринятых нравственных ценностей и попытаться определить черты общепринятой культуры. Тех, кто принадлежит к определенной культуре, принято именовать культурными людьми. Но не должно быть никакого деления на высокоразвитые и слабо развитые культуры. Данный подход перекликается с решением антропологов конца XIX века — расширить термин «культура», чтобы его можно было применять по отношению к более широким слоям общества. Принимая во внимание теорию эволюции, они предположили, что все люди рождаются равными и все они при рождении получают какую-либо культуру, также сложившуюся в результате эволюции.

Эдвард Гиббонс интересовался историей падения Римской империи и говорил о том, что падение Рима было естественным и неизбежным. Причиной тому он считал излишнее величие, усугублявшееся размахом завоеваний. История падения Рима проста и очевидна. Гиббонс выдвинул гипотезу, согласно

которой окончательное падение Рима связано с падением Константинополя в 1463 году. Теодор Момзен в своей работе «История Рима» предположил, что это произошло вместе с падением Западно-римской империи в 476 году н. э. Также он писал о биологической аналогии таких этапов, как возникновение, развитие, старение и распад. Арнольд Тойнби в «Истории культуры» пишет, что существовало большее количество цивилизаций и все они прошли цикл, определенный Момзеном.

Из-за падения цивилизации культурная элита становится элитой паразитирующей, живущей за счет пролетариата. Подобная ситуация произошла и с древнеиндийской цивилизацией, которая распалась примерно в 1700 году до н. э. из-за внешнего вторжения и опустынивания земель, вызванного геологическими и климатическими изменениями.

Таким образом, цивилизации существуют лишь ограниченный период времени, самое большее — несколько веков. Так что жизнь любой цивилизации намного короче и необязательно значима в рамках жизни на земле в целом. Другими словами, в отдельно взятый период истории человечества определенные цивилизации имели огромное значение. И было бы благоразумно совместно предпринять все необходимые меры, для того чтобы сохранить их вместе.

Надо, чтобы модальность этого эффекта соответствовала более широкому кругу общепринятых нравственных принципов, проходящих через все фазы человеческого развития. И именно в этом заключается цель существования человечества.

Принципы разнообразия культур и принципы плюрализма должны стать неотъемлемой частью национальной политики любого государства в определенных сферах, относящихся к качеству образования, окружающей среде, сохранению культурного наследия, технологий СМИ и ремесел.

Российская Федерация — самая большая страна с малой плотностью населения, где живет большое количество последователей православия, ислама, протестантизма и католицизма, — подходящее место для проведения диалога культур и цивилизаций. Как сказал недавно г-н В. В. Путин, мы знаем, насколько мощной может быть объединяющая сила религии. Тем не менее люди должны осознать возможные для всего мира последствия, вызванные конфликтом цивилизаций.

Этого можно достичь путем взаимодействия и диалога между различными культурами и цивилизациями на мировом уровне.

В случае, если процесс осуществляется с добрыми и бескорыстными намерениями, легко найти множество общих черт, объединяющих разные народы, — в их заповедях и деятельности. Их следует развивать, привлекать к ним внимание и доносить до широких масс, чтобы создать мир, в котором соблюдаются интересы каждого народа.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Спасибо. Дорогие друзья, у нас исчерпан перечень заранее заявленных докладов. Теперь я хотел бы сказать, что здесь есть ряд людей, которые не готовили доклады, но мне бы очень хотелось, чтобы они хотя бы кратко высказались. В зале присутствует много зарубежных гостей, которые часто встречаются друг с другом на международных конференциях по данной проблематике, более того, наше Министерство иностранных дел называет их, и заслуженно, мудрецами. И когда шел разговор о составе участников конференции, я был счастлив, что мы приглашаем таких крупных персон. Но у нас в России тоже есть масштабные персоны, с которыми вы, скорее всего, ранее не встречались. Это люди, которые пользуются у нас чрезвычайным авторитетом и уважением. Назову присутствующих: это один из крупнейших российских и мировых философов академик А. А. Гусейнов, директор нашего Института философии; это академик В. С. Степин, который также занимает очень высокие позиции в нашей научной академической иерархии, один из крупнейших российских философов по мировым меркам. Вчера я ограничил во времени выступление выдающегося украинского ученого, которого мы в Советском Союзе называли выдающимся советским ученым — это г-н В. П. Казарин из Севастополя (Украина). Я, конечно, совершенно не удовлетворен тем временем, которое мы вчера могли предоставить г-ну Г. А. Ягодину — крупнейшему ученому в российском образовании. К сожалению, мы не смогли дать вчера достаточно времени для выступления г-дам В. В. Наумкину, Г. М. Резнику. Господин В. В. Наумкин представляет Россию в Группе высокого уровня ЮНЕСКО. Господин Г. М. Резник — один из крупнейших адвокатов и очень известный в российском гуманитарном сообществе человек. Рядом с ним сидит молодой ученый — это г-н А. Е. Петров. Он здесь представляет Отделение истории и филологии Российской Академии наук. К нам присоединился Генеральный консул Польши в Петербурге г-н Дрозд, также в нашем городе очень

известный и уважаемый человек. Я надеюсь, что все еще скажут по несколько слов. Кроме того, у нас еще не выступал г-н Вольфганг Миттер — крупный специалист в области образования, Почетный член Российской Академии образования.

Я воспользуюсь правом спикера и сейчас предоставлю слово г-ну Г. А. Ягодину.

Г. А. ЯГОДИН

— Думаю, что мы несколько недооцениваем трагичности момента и трагичности главной цели нашего поколения людей. Эта цель — сохранить цивилизацию на планете Земля. То количество людей, которое сейчас есть на Земле — 6,5 миллиардов человек, — системы жизнеобеспечения не выдерживают. Таких систем несколько: озоновый слой, который удерживает жесткий ультрафиолет Солнца и не дает возможности уничтожить жизнь; сложившийся за длительное время климат, благоприятный для жизни человека, и механизм фотосинтеза; атмосфера, возникшая на Земле вторично, обладающая значительной долей кислорода и тем самым — источником превращения химической энергии пищевых продуктов в энергетику организма; пресная вода.

Все эти системы находятся под угрозой уничтожения имеющимся количеством людей, потому что с 1986 года расход ресурсов для удовлетворения потребностей человека стал больше, чем их восполнимость круговоротом веществ в открытой системе Солнце—Земля. С 1986 года из-за несовершенства нашей технологии выбросы ненужных продуктов превысили возможность ассимиляции природой этих продуктов, что привело к ухудшению качества атмосферы, пресной воды и т. д. Необходимы кардинальные изменения в образе жизни, целях, культуре, и самым серьезным поводом для объединения усилий является угроза потери цивилизации. Я думаю, что главной движущей силой при этом является система образования, несмотря на то, что на Земле две трети населения неграмотных.

Опыт России, советской России, показал, что такая глубинная неграмотность может быть ликвидирована в достаточно короткие сроки, если на этом сконцентрировать усилия.

Обратимся к идеалу конца XVIII — начала XIX века — к английскому поэту Вильяму Блейку:

В одном мгновенье видеть вечность,
Единый мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо в чашечке цветка.

Нужно вернуться к целостному пониманию мира. Далее мне не нравится перевод Маршака, поэтому я скажу так: «разбитое яйцо нельзя превратить в неразбитое, оно разбилось навсегда». Мы, люди, не имеем права потерять то, чего не можем воссоздать. И это надо вкладывать в человека с самых ранних лет.

Возможно ли объединение цивилизаций даже для такой благой цели, как спасение человечества в будущем? Возможно. Только для этого надо отойти от средней политической цели к стратегической, чуть-чуть более протяженной во времени. Раньше думали, что это триста лет. Нет, к сожалению, не триста. Сейчас, увы, ученые считают, что срок точки бифуркации, после которой нельзя будет вернуться назад сдерживанием факторов, отстоит от настоящего момента на двадцать (пессимисты) и на восемьдесят (оптимисты) лет. Это все равно поколение тех людей, которые сейчас в школе. Были примеры в человеческой цивилизации, когда подобные огромные цели достигались? Были. Вторая и, я надеюсь, последняя мировая война: Сталин, Рузвельт и Черчилль, три разных идеологии, три разных культуры объединились вместе и ликвидировали опасность тоталитарного режима на Земле. Эта опасность была абсолютно реальна. Такое объединение усилий требует другой культуры, эта другая культура может прийти только через другое образование.

Отказ от точки зрения Птолемея и утверждение Коперника, что центр — Солнце, заставили изменить всю науку и все образование. Вот сегодня осознание того, что биологическая составляющая жизни, только частью, вершиной которой является человек, осуществляет автоматическое регулирование систем поддержания жизни, заставляет менять систему школьного образования. У нас есть помощник, самый большой помощник — природа. За прошлый век произошли колоссальные изменения климата. Я глубоко убежден, что если бы триста лет назад люди знали о клетке и о формах жизни так много, как сейчас, промышленная революция, энергетическое обеспечение не пошли бы путем сжигания углеродного топлива, через увеличение диоксида углерода в воздухе, ведущее к изменению климата. Эти изменения мы ощущаем потому, что климат — это усредненная погода за тридцать последних лет. Больше других страдают страховые компании: ураганы и тайфуны с ласковыми женскими именами нанесли такие поражения финансовому миру, которые фактически дела-

ют страховой бизнес исключительно рисковым. Но нам грозят большие изменения. Если растает гренландский лед — а он тает, хотя в некоторых местах его толщина достигает семи тысяч метров, — и Гольфстрим потеряет температуру, равную средней температуре Земли, а плотность воды самая большая при 4 °С, и если Гольфстрим станет подводным течением, то климат Англии станет климатом Чукотки, а климат Европы — климатом Заполярья. Понимание этих проблем заставило Т. Блэра первым докладом сделать доклад о Киотском протоколе, о поддержании мер по сохранению Земли. Можем мы, люди, осуществить коллективные меры по поддержанию систем жизнеобеспечения? Можем. Но для этого мы должны создать идеологию этого поддержания, его философию, веру в возможности этого поддержания.

В. В. ПОПОВ

— Спасибо большое, профессор Ягодин. Один очень короткий вопрос о Вашем последнем пассаже. Сейчас очень модны всечасские прогнозы, в которых говорится о демографических последствиях глобального потепления. Утверждается, что через несколько десятков лет около 1 млрд человек из нынешних теплых регионов планеты, которые окажутся затоплены Мировым океаном, хлынут в Северное полушарие, что вызовет гуманитарную катастрофу. Как Вы к этому относитесь, г-н Ягодин? И вообще нужно ли об этом говорить и думать?

Г. А. ЯГОДИН

— Я не знаю насчет затопления. Когда я учился в «Империял-колледже» в Лондоне в 1963 году, это был город белого населения. Когда же я оказался в Лондоне три года назад, город поразил меня тем, что население стало другим. Юго-Восточная Азия в значительной степени переместилась в Лондон и вообще в Европу. И это естественный процесс смешения населения Земли в единое человеческое общежитие. Я считаю, что это нормально.

В. В. ПОПОВ

— Спасибо большое, профессор Ягодин. Я предоставляю слово профессору Вольфгангу Миттеру.

В. МИТТЕР

— Встреча культур — это феномен, история которого уходит в древний период, не важно, вызывали ли эти встречи враждебные

отношения или действия, приводили ли к мирным процессам и решениям, основанным на диалоге. Однако в большинстве случаев подобные встречи заканчивались неоднозначно. Как яркий пример европейской античности, особого внимания заслуживают греки. Будучи разделенными на огромное число независимых территорий, они считали свою общую культуру основным элементом, отделяющим их от варваров, в соответствии с чем общий язык играл важную роль. Более того, язык также может разграничить социальные группы внутри политического единства, обычно после смены господства после войны и завоевания, как, например, в Англии после битвы при Гастингсе (1066). Норманские завоеватели говорили на французском, а подчиненные им англосаксы сохранили свой родной английский язык.

В современный период этот феномен приобрел новые качества в связи с постоянным расширением пространства, в котором происходят эти встречи, вследствие открытий и исследований ранее не известных территорий, завоеваний, колониального империализма и в наши дни глобализации и установления электронных сетей информации и коммуникации. Как единое целое встреча культур может рассматриваться и обсуждаться в двух измерениях: во-первых, как сфера международных отношений стран и регионов, во-вторых, как сосуществование людей разного культурного происхождения и особенностей внутри границ государств или региональных образований. Во втором из этих двух измерений появляется концепция мультикультурализма.

Эта примерная ретроспектива демонстрирует, что история взаимодействия и, в частности, мультикультурализма насчитывает тысячелетия. В наши дни в отношении мультикультурализма и его предсказуемых перспектив можно выделить следующие три направления.

Во-первых, мультикультурализм играет важную роль во всеобъемлющей глобализации, которая захватила все континенты и доминирует в каждом обществе в рамках экономических, социополитических и культурных областей. Она имеет всевозрастающее влияние на передвижения и миграцию. Многие люди покидают дома в поисках лучшей жизни, будь то крупные города в их странах или где-то за границей, в богатых и безопасных регионах планеты. Эта тенденция ставит сложные задачи перед принимающей страной в отношении социального благополучия и образования в самом широком смысле слова.

Во-вторых, параллельно глобализации идет тенденция к регионализации, как, например, в Европе с расширением Евросоюза, и локализация, призывающая к самоуправлению и независимости с учетом местных сообществ и школ. В отношении мультикультурализма это означает, что макроуровень с его глобальной, региональной и национальной вариативностью усиливается микроуровнем местных сообществ. Большое отличие состоит в том, является ли данная ситуация результатом государственного или муниципального планирования или это незапланированный въезд, связанный с финансовыми или социальными обстоятельствами мигрантов.

В-третьих, мультикультурализм как значительный компонент глобализации стал повсеместной реальностью, противостоящей «виртуальной реальности», что было так хорошо продемонстрировано в «Фаусте» Гёте (часть I), где несколько горожан беседуют «у ворот о войне и убийстве где-то далеко в Турции». Еще Гёте представил эту сцену с иронией двести лет назад! Современные средства информации обеспечивают людей данными и фактами по мультикультурализму, даже если они не встречают «других» в своей каждодневной реальности.

Растущий поток мигрантов, пересекающих границу, также как и усиление культурной идентичности среди членов местных и эмигрантских меньшинств, коренным образом изменили то влияние, которое подобные события имели раньше на образовательные системы и образовательные процессы.

Межкультурное образование с развитием двойной языковой компетенции как незаменимой основы должно начинаться в раннем детстве. В ежедневной школьной практике существование межкультурного сообщества учеников может быть источником конфликта, но также и шансом для обмена опытом на основе совместной работы, получения разносторонней информации и продвижения сообразования внутри и вне классов.

В основном жизнеспособность и успех всех подходов в рамках межкультурного образования зависит от подготовки учителей, которые могут и хотят взять на себя эту особую ответственность относительно когнитивных, эмоциональных и социальных компонентов.

Мультикультурализм — это основной, самый важный уровень во встрече культур. На сегодняшний день, однако, он должен быть связан с уровнем международных отношений. Эта взаимозависимость обуславливается не только растущим установлением глобальных сетей реального и виртуального общения и

сотрудничества, но и тем фактом, что в большинстве случаев мигранты (и также члены местных меньшинств) сохраняют свою культурную — и во многих случаях политическую — принадлежность к культуре своих стран и регионов. Также становится ясно, что подобные обязательства намного сильнее у «третьего поколения», чем у их родителей.

Были предприняты значительные усилия для продвижения разных подходов к диалогу и коммуникации, так же как и проекты кооперации граждан страны (включая местные меньшинства) и мигрантов (разного происхождения), в частности путем развития «смешанных» жилых зон. Межкультурное образование стало важной областью. Его шансы на успех напрямую зависят от желания и деятельности тех, чья ответственность — в том, чтобы давать возможность и поощрять людей к мирному сосуществованию и обеспечению адекватными социально-экономическими и политическими условиями для использования этих шансов.

В. В. ПОПОВ

— Спасибо большое. Профессор Миттер, Вы действительно подняли очень интересную и важную проблему.

Слово предоставляется Андрею Евгеньевичу Петрову — ученому секретарю Отделения историко-филологических наук Российской Академии наук, кандидату исторических наук.

А. Е. ПЕТРОВ

— Позволю себе кратко прокомментировать некоторые мысли и идеи, которые здесь уже звучали. Собственно, главное мое беспокойство состоит в том, что мы в последнее время все чаще становимся свидетелями того, как гуманитарные, культурологические и исторические вопросы и проблемы становятся причиной серьезнейших напряжений, конфликтов и даже жертв. Мы все помним относительно недавно возникший конфликт, связанный с карикатурами, направленными против пророка Мухаммеда, мы только что были свидетелями эпизода, связанного с переносом памятника советским солдатам, который произошел в Эстонии. Вот сейчас в Иране, который мыслит себя наследником, преемником персидской империи, проявилась очень негативная реакция на новый голливудский фильм «300 спартанцев», в котором персы представлены убогими, жадными, страшными. Очень часто эти «мини-столкновения цивилизаций», я беру это выражение в кавычки, имеют в точке своего импульса

миф. Я в этом смысле поддерживаю слова профессора Тлили, которые он сказал, комментируя некоторые свои дискуссии с Хаттингтоном, — о том, что очень часто авторы больших культурологических обобщений не знают конкретных исторических реалий. Это действительно в какой-то момент становится серьезной проблемой.

Вот, например, в России, в Царском Селе есть церковь, на церкви крест, под перекрестием полумесяц. Экскурсоводам сотни раз приходится отвечать на вопрос экскурсантов о том, что означает этот полумесяц под крестом. Как правило, подразумевается, что это символ победы православия над мусульманством. Какой победы? А была ли война? Был ли крестовый поход вообще?

На самом деле российская история показывает, что, во-первых, символика эта другая: она восходит абсолютно к иной катакомбной раннехристианской культуре, в которой изображение якоря, корабля было символом спасения, — отсюда это полукружие под перекрестием. Во-вторых, если мы обратимся к реалиям ранней российской истории, то возникнут большие сомнения в тезисе о победе над мусульманством. Да, столкновения между мусульманскими государствами (Ордой, Волжской Булгарией) и русскими княжествами имели место, но по тем источникам, которыми мы располагаем, русские князья, если уж и ходили в поход против мусульман, то шли просто против неких «неверных», они не шли конкретно против поклонников Магомеда. Очень хороший пример есть в таком замечательном памятнике, как «Сказание о Мамаевом побоище». Там описывается Куликовская битва, знаковое событие для нашей истории, бегство Мамаю после поражения, — и автор, средневековый русский книжник, примерно в XVI веке пишет: «И призывает боги своя», и перечисляет этих богов: Хорс — это вообще языческий славянский бог, Раклий — в котором идентифицируется греческий, эллинский Геракл, а также Магомет и Салават. В действительности в исламе благодарственные молитвы называются «салаватами»...

Были очень тяжелые периоды во взаимоотношениях православного государства, уже единого русского, ставшего на путь имперского развития, с государствами, исповедующими иные религии. Это XVI век и, конечно, XIX век, Кавказская война. Но и в данном случае религиозные лозунги, скорее, были использованы всего лишь как инструмент. Очень хорошо это показывает, кстати, пример Кавказской войны, когда изменения в быту, настроении, в сознании горцев приве-

ли к появлению юридикализма. Все это возникло уже после определенных действий, когда кавказские территории постепенно стали попадать под влияние российской империи.

У нас очень часто мелькают материалы в газетах, журналах о том, какие смешные исторические ошибки содержат учебники истории стран СНГ, Балтии, других сопредельных государств. Мы все это высмеиваем: эстонцы захватили Константинополь вместо князя Олега, пока князь Олег со своей дружиной спал, и т. д. Это все у нас любят очень обсуждать и говорить: вот посмотрите, как они преподносят нашу общую историю! Что там говорить — конечно, у нас была общая история. Меня не очень волнуют сами ошибки, это скорее проблема тех народов и стран, в которых подобная идеология возникает и данные ошибки культивируются.

Россия уже прошла через те грандиозные социальные и ментальные последствия, которые происходят, когда новое поколение узнает реальность, правду. Это же просветление будет и на Украине, когда, наконец, осознают, что голод начала 1930-х годов не являлся целенаправленным геноцидом украинского народа, что в Казахстане и Поволжье умирали точно так же представители всех народов. В основном, конечно, в сельской местности. В городах умирали меньше.

Очень показателен пример Турции. У России наладились отношения с Турцией, и Турция декларативно принимает решение вычеркнуть из учебников истории все упоминания, связанные с русско-турецкими войнами. Правильно это или нет? Огромный временной период, начиная с XVII века, шло взаимодействие цивилизаций вооруженным путем, и в XVIII веке острые моменты возникли. Что будет потом, когда вырастет новое поколение? И оно откуда-то, например из работ германских ученых, поскольку много турок живет в Германии и вообще в Европе, узнает о том, что были русско-турецкие войны, что там было много несправедливостей, как и во всех войнах с обеих сторон? Нужно ли делать такие вещи?

В связи со всем сказанным хотелось бы отметить то, что сказал Сайед Зафар Махмуд: набор моральных ценностей — это хорошо, это важно, это нужно. Но нужно еще кое-что, кроме этих моральных ценностей, обязательных для всех или желательных для всех: нужна целенаправленная политика и государственная корректность. И дело не только в учебниках. Мы должны, прежде чем искать соринку в чужом глазу, посмотреть в свой глаз, и там мы найдем весомое полено.

Пример — последние недоразумения с нашими российскими праздниками. Идет полное смешение в головах. Ввели новый праздник, 4 ноября, и люди на вопрос об этой дате отвечают: «Минин и Пожарский разбили татар на Куликовом поле». Да, не все, не большинство, но, как показывают опросы — 11 %, это немало. А все потому, что у нас прошел юбилей Куликовской битвы, 625 лет, и вот как раз ввели этот праздник. Юбилей городов, регионов — я понимаю, как это важно для нашей страны...

Я всем сердцем люблю Казань, прекрасный город, но как историк я не могу согласиться с датировкой тысячелетия со дня основания Казани. Через год или через два Уфа обратится в соответствующие инстанции с просьбой отпраздновать, допустим, 1200-летие, на тех же примерно основаниях. Ясно, что это нацеленность на юбилейное финансирование, особое распределение ресурсов. Но правильно ли мы поступаем? Здесь нужна корректность.

В этой связи я отмечаю, что у нас в стране, к сожалению, нет стратегической политики; есть практика, практика сиюминутная и связанная с какими-то конкретными политическими решениями, а нужна именно долгосрочная политика. Не надо забывать одно достаточно интересное китайское изречение о том, что самые массовые движения истории зарождаются в отдельно взятых головах. Далеко не всегда эти головы бывают «холодными». Мы должны не провоцировать резкий переворот в головах, а добиваться постепенного изменения к лучшему.

В. В. ПОПОВ

— Спасибо, Андрей Евгеньевич. Я представляю слово Генри Марковичу Резнику.

Г. М. РЕЗНИК

— Глобализация значительно повышает ответственность национальных политических и религиозных элит. Выступавший передо мной коллега произнес ключевое слово для оценки обсуждаемой проблемы — «использование». Никакие карикатуры не оскорбляли пророка Мухаммеда и не порочили ислам. Изначально выдвигалось предложение не о сносе памятника советским воинам в Эстонии, а о его цивилизованном переносе. Все эти и другие события, которые здесь назывались, просто разыграны как карты в политической и конфессиональной конфронтации. Кто, скажите, в этих бесновавшихся перед посольствами западных стран толпах знал о

том, что в мелкой датской газете опубликованы рисунки в стиле Жана Эффеля или Херлуфа Бидструпа. Политики вбросили, извратили суть и раздули.

Мораль и религия не могут обеспечить безопасности и толерантности ни в международных отношениях, ни в отношениях между людьми. Надежда в современном мире только на право.

Никакого компромисса у права с культурой и религией, как говорит Александр Сергеевич Запесоцкий, быть не может, потому что такие компромиссы размывают правовые каноны. Право само — продукт культуры общества на разных этапах его существования. В правовых нормах закрепляются господствующие в обществе представления о должном, полезном, целесообразном. Но ценность права в его формальной определенности, хотя ряду правовых норм свойственна оценочность, учитывающая сложность регулируемых ими отношений. Она позволяет гибко их применять, расширяя свободу судебного усмотрения. Базовый принцип права — равенство всех перед законом и судом. Никто не может быть в юридическом измерении «равнее» других в зависимости от своих моральных качеств, глубины веры либо неверия. Есть нравственные императивы, есть религиозные каноны, есть правовые принципы. Нельзя смешивать их, тем более подменять одни другими.

Коснусь проблемы, поднятой академиком Ягодиным. Да, нынешние демографические тенденции несут угрозу выживанию человечества — население планеты продолжает стремительно расти, а ресурсы матушки Земли ограничены. Заглядывать в далекое будущее — дело рискованное. Отмечу лишь такое реальное противоречие наших дней: при общей задаче сокращения населения земного шара в некоторых странах и, пожалуй, острее всего в России, напротив, стоит противоположная задача — его увеличение. За счет чего? Повышения рождаемости? Крайне сомнительно. Урбанизация слишком надежный контрацептив, чтобы прорвать его материальным стимулированием молодых семей. Если кто и откликнется, то те, кому рожать как раз не стоит. Замедлить убыль населения России реально уменьшением смертности, а обеспечить рост — иммиграцией. Россия должна стать такой же привлекательной для жителей бывших советских республик страной, как США для обитателей многих стран мира. В противном случае Россия будет продолжать «безлюдеть». Привожу это как пример необходимости опираться на дан-

ные науки — есть объективные процессы, отменить которые нельзя.

У процесса глобализации свои издержки. И хотим мы того или нет, с глобализацией будет связано исчезновение определенных этносов, потому что отмирать будут языки, на которых они говорят. Неизбежным следствием глобализации станет повышение уровня преступности, изменение ее структуры, потому что будет падать социальный контроль. Попытки вернуться к религиозным основам управления миром абсолютно утопичны, потому что человечество вступило в совершенно иной этап своего развития. Нужно совершенствовать демократию, повышать ответственность государственной власти, ставить ее под контроль гражданского общества. За многими конфликтами стоят интересы правящей политической и церковной бюрократии, стремящейся сохранить свое господство. Открытость власти, разделение властей, независимые СМИ, господство права — иных гарантий обеспечения правопорядка и справедливости в современном постиндустриальном обществе нет.

В. В. ПОПОВ

— Спасибо за острое полемическое выступление. Я предоставляю слово профессору Наумкину Виталию Вячеславовичу.

В. В. НАУМКИН

— Постараюсь перекинуть мостик к последним двум выступлениям: г-на А. Е. Петрова и г-на Г. М. Резника. Действительно, мы говорим о том, что есть конфликты и есть реальные проблемы, и, безусловно, есть манипуляции, есть манипуляции религией, и есть манипуляции этничностью, и среди манипуляций этничностью есть такое очень, на мой взгляд, вредное явление, как биологизация этничности. Во многих сегодняшних работах наших политологов, этнологов и тех, кто пытается завладеть умами людей, есть очень вредное рассуждение о том, что существует некий генетический код, цивилизационный код у народов, что люди рождаются с определенными кодами, что некая этническая группа может быть больше предрасположена, скажем, к преступности, чем другая.

Нужно сделать все, чтобы такие представления сегодня не отравляли жизни, не позволяли манипулировать этнической идентичностью и стремлением групп отстаивать свою этническую, религиозную и иную иден-

тичность, для того чтобы противопоставлять себя другим группам.

Теперь по проблеме той конфликтности, о которой говорилось. Не нужно забывать, что очень многие явления, о которых здесь говорили, мифологизированы; есть такое понятие у конфликтологов — комплекс «миф-символ». То есть отдельные события мифологизируются, изменяются, превращаются в мифы и легенды, даже если есть историческая основа. Есть события, которые становятся символами. Вот типичный пример символа — армянский геноцид. Не важно, был он или нет (я считаю, что он был). Но дело не в этом, а в том, что это событие становится символом, который начинает определять международные отношения, начинает определять, быть Турции или не быть, скажем, в европейском сообществе. Вот этот комплекс «миф-символ» все больше и больше начинает играть роль на поле конфликтности. И от этого нельзя уходить.

Это имеет прямое отношение и к России. Мы ставим задачу консолидации российского народа, консолидации нации, в этом направлении прилагаются огромные усилия. Уже затрагивался вопрос о взаимоотношениях, скажем, между русскими и татарами, здесь далеко не все благополучно. Если мы посмотрим на наши собственные учебники и на учебники, написанные некоторыми татарскими авторами, мы увидим такие противоречия, которые могут сами по себе порождать конфликтность. Я думаю, что роль сообщества, которое организует подобные конференции, состоит именно в том, чтобы находить объективные решения, как это было после Второй мировой войны, когда одним из главных прорывов в создании единой Европы было создание единого взгляда на историю между Францией и Германией. Нам нужно делать то же самое.

В. В. ПОПОВ

— Спасибо, Виталий Вячеславович, очень ценное выступление. Несколько слов хотел сказать Вячеслав Семенович Степин. Пожалуйста.

В. С. СТЕПИН

— Я бы не согласился с мыслью, высказанной уважаемым г-ном Г. М. Резником о том, что население Земли должно сокращаться, ресурсов на всех не хватит и что в процессе глобализации какие-то этносы должны вымирать, что если в России уменьшается население, так это вроде бы и хорошо, и нечего тут заботиться о росте населения, пусть этот этнос вымирает. Такая логика. Я не знаю, хо-

тел ли так сказать г-н Г. М. Резник, но так у него получилось. С этим я согласиться не могу, потому что с глобализацией связаны более сложные процессы. Во-первых, сейчас мы говорим о том, что нужно строить отношения, делая акцент на общечеловеческих ценностях. Тогда глобализация будет связана не с конфликтами, а с толерантным поведением.

Да, действительно, общечеловеческие ценности можно найти в любых типах культур, но все дело в том, что эти ценности никогда в чистом виде не программировали людей. Они создают предельно общие программы человеческой жизнедеятельности, это как бы запреты «не убий, не укради» — это идеалы, которые обязательно обрамляются конкретными нормативами, конкретными обычаями, привычками, образцами поведения. Они сплавлены, и это все составляет массив той культуры, которая называется национальной исторической особенностью.

Надо понимать, что в современной западной культуре эти ценности во многом неотделимы сейчас от идеалов потребительского общества. И предложить сейчас всем людям жить согласно данным идеалам, по этим нормам невозможно хотя бы потому, что не хватит ресурсов, чтобы распространить на все население земного шара уровень жизни потребительского общества в тех образцах, которые даны в Америке и в развитых странах Западной Европы. Америка потребляет примерно 42–44 % мировой энергии по разным расчетам, дает 2/3 грязных отходов производства, причем эти отходы — не в самой Америке, а в тех странах, куда вынесено производство. Это страны третьего мира, где дешевая рабочая сила, именно туда идут компании.

Если перевести все население Земли на этот уровень энергетического потребления, то все ресурсы, которые известны, которые можно было бы задействовать, будут исчерпаны за пятнадцать лет. Конечно, технический прогресс может открыть какие-то принципиально новые энергетические ресурсы, но пока я могу с уверенностью сказать, поскольку я знаю этот процесс, что уповать, например, в настоящее время на термоядерный синтез при низких температурах не представляется возможным. И вообще все эти новые идеи еще очень далеки от технологической реализации.

Возникает вопрос: можно ли на этих современных ценностях организовывать глобальный мир? Все столкновения цивилизаций — это столкновения как раз по поводу ценностей. Я разрабатывал следующую концепцию: есть несколько типов цивилизационного развития. Долгое время существовал

тип цивилизационного развития, который был связан с традиционалистскими культурами, затем рядом возник особый тип культуры. Я его называю техногенной цивилизацией, который связан с совершенно новыми ценностями, во многом альтернативными с новым пониманием человека, деятельности, природы, с новым пониманием личности, власти и силы. Сосуществование двух этих типов цивилизаций привело к тому, что возникли процессы модернизации. Вот эти прививки западных ценностей традиционалистской культуре и породили современные цивилизации Китая, Индии, Японии и России, где существует очень крупный пласт традиционалистских, но переработанных культур.

И вот сейчас возникает целый ряд проблем и нестыковок именно по этому вопросу: некоторые цивилизации, которые мы все это время наблюдаем, которые содержат пласт традиционалистских культур, по-новому, иначе воспринимают либеральные ценности, например, права человека. В традиционалистских культурах быть личностью — это значит быть частью клана, касты, сословия. Там на первом месте всегда эта общность, а личность раскрывается только через эту общность. В западных культурных традициях быть личностью значит быть суверенной, автономной личностью, которая сама выбирает себе социальные связи, сама себе выбирает коллективы, в которых она идентифицируется, и в этом смысле развивается. В таком случае права человека в западной культурной традиции — главное, а в традиционалистских культурах — главное, скорее, права народа, права кооперации, права некоего коллектива.

Возникает вопрос: как быть? Достаточно ли ограничить права человека только этой трактовкой, которая существует на Западе и записана в различных великих декларациях, или же надо думать о том, чтобы эти два вектора — права личности и права коллектива, коллективные права народа и права личности — как-то соединились? Я думаю, что процесс пойдет по объединительному пути.

То есть вопрос о ценностях — это очень сложный вопрос, и вопрос о взаимодействии ценностей состоит не в том, что есть незыблемые ценности западной культуры, которые должны привиться, и все должны жить по ним, а в том, что и те и другие ценности должны претерпевать изменения.

И последняя мысль. Нельзя забывать, что современные экологические и антропологические кризисы связаны с вмешательством в человеческую телесность, с открывающимися возможностями манипуляции наслед-

ственными кодами; все эти кризисы порождены ценностями западной цивилизации, техногенной цивилизации.

И они должны и будут в ближайшие годы меняться. Возникнут идеи, направления, течения, которые будут ориентированы на изменения этих ценностей. И великие философы Запада говорят об этом: Юрген Хабермас с его идеей нового модерна, Ульрих Бек, очень известный западный философ, который пишет о том же. И я полагаю, что изменение ценностей, которое может произойти, и будет спасением для человечества. Это будет вхождение в какой-то новый цикл развития, не традиционалистский, не техногенный. Должно возникнуть нечто третье. Иначе произойдут такие кризисы, которые будут все время обостряться, и человечество пройдет через очень большую полосу катастроф. Поэтому я скептически отношусь к идее, что в плане ценностей все уже готово, и их только надо принять, не надо ничего трогать, а надо просто их внедрить в восточные культуры, и тогда все будет хорошо.

Наверное, все-таки вопросов остается больше, чем ответов, и даже в этой очень уважаемой, именитой аудитории мы не найдем решений абсолютно всех проблем. Тем не менее я думаю, что наша работа была весьма плодотворна, и это в значительной степени благодаря усилиям членов Оргкомитета по проведению настоящих Чтений. Еще раз хочу выразить им признательность.

В. В. ПОПОВ

— Спасибо большое, Вячеслав Семенович. Я хочу поблагодарить академика Степина за очень интересное высказывание. Наверное, все-таки вопросов остается больше, чем ответов, и даже в этой очень уважаемой, хорошей, именитой аудитории мы не найдем решений абсолютно всех проблем. Тем не менее я думаю, что наша работа была весьма плодотворна, и это в значительной степени благодаря усилиям членов Оргкомитета по проведению настоящих Чтений. Еще раз хочу выразить им признательность.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Уважаемые коллеги, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что есть некоторые основополагающие принципы, о которых ученые-гуманитарии, наверное, не будут спорить. Например, о том, что все религии — это большая нравственная и культурная ценность человечества. Конечно, каждый интеллигентный человек, не только ученый-гуманитарий, дол-

жен возражать против любых попыток уни- зить какую-либо религию, оскорбить веру- ющих. Мне кажется, это очевидно. И то, что каждая культура имеет ценность, и даже куль- тура малого народа имеет ценность ничуть не меньшую, чем культура огромной нации, тоже не вызывает сомнений. Думаю, что это те вещи, которые мы все одинаково понимаем.

Мы раздадим всем присутствующим «Де- кларацию прав культуры», которую разрабо- тали под руководством академика Лихаче- ва. Она опубликована на русском языке, но я очень надеюсь, что вы будете содействовать ее переводу на различные национальные язы- ки. Этот документ, по нашему мнению, дол- жен в мировом сообществе встать на один ур- овень с «Декларацией прав человека». Прав- да, культура не является субъектом права, она не может прийти в суд и подать иск. Иски в защиту культуры должны подавать люди. Но мне кажется, что очень важна сама идея «Декларации прав культуры».

Это по-настоящему петербургская Декла- рация, где мы предлагаем утвердить осново- полагающие мировые принципы, на которых будет базироваться общий всемирный под- ход к культуре. Думаю, что со временем этот документ будет принят ЮНЕСКО, хотя здесь все же потребуются компромисс между клас- сической юриспруденцией и интересами культуры. Мне кажется, что идеи, которые заложены в Декларации, сами по себе очень важны.

Позволю себе остановиться еще на двух очень крупных проблемах, которые существу- ют сегодня. Одна из них — кризис лидерства в мировом сообществе. Мне, как и многим здесь присутствующим, думается, что не мо- жет существовать однополярный мир, в ко- тором одна страна, одна религия, одна куль- тура будут доминировать. Это невозможно. И мне кажется очень опасной предпринима- емая сейчас в мире отдельными силами по- пытка второго «крестового похода».

Некоторые из присутствующих, например г-н Резник, который, как мне представляется, является носителем классических либе- ральных христианских ценностей, возможно, в следующем со мной не согласятся. Но, на мой взгляд, в России сегодня набирает тен- денцию общественное мнение, обусловленное крайней разочарованностью в современных ценностях Запада. За последние пятнадцать лет мы провели огромные реформы, в начале которых стояла исключительная привлека- тельность ценностей Запада, прежде всего Соединенных Штатов и Западной Европы. Однако сегодня у значительного количества

российских интеллектуалов созрела мысль, что мы явились жертвой циничного обмана. Мы поверили, будто Запад придерживается всех провозглашаемых им ценностей, а на самом деле он одержим жадностью, жаждой денег, мирового господства, подавления дру- гих культур.

Россия это испытала на своем собствен- ном опыте и видит на примере других стран, таких как Югославия. Запад попрал между- народное право, которое мы считаем важным достижением цивилизации. Поэтому сейчас многие в России смотрят на Китай и знают, что там говорят: «Посмотрите, какие огром- ные ошибки сделала Россия, которую обману- л Запад, и мы ни в коем случае не долж- ны повторить их». Это горький урок для нас.

Выступление нашего гостя из Китая было посвящено тому, что ни одна страна и ни одна культура не должны испытывать желания сделать резкие, поспешные, необдуманные движения на пути своего развития. Я с ним согласен.

Мы считаем, что Россия не менее евро- пейская страна, чем Франция или Германия, например. Но вряд ли мы сегодня сможем считать Западную Европу или Соединенные Штаты моральным лидером в этом мире — лидером, который имеет право объяснять всем остальным странам и культурам, как им жить. Поэтому сегодня очень серьезный вопрос — это выработка единых подходов, общих взглядов и, пожалуй, не лидерства от- дельных культур, а лидерства тех идей, к ко- торым могут присоединиться все культуры.

В связи с этим встает вопрос, как нам жить в мире, где существуют многие культуры, и как человечество будет жить в мультикуль- турном мире, потому что уже ясно, что каждо- му человеку придется жить в будущем в мире многих культур. Конечно, всегда будет опас- ность для небольших культур, озабоченных тем, что их подавят более крупные, представ- ляющие огромные этносы и имеющие очень большую историю. Эти опасения понятны.

Мне кажется, что мы должны относиться к концепции Хаттингтона как к одной из многих возможных, которая содержит лишь одну версию развития событий. В этом смысле я сравнил бы ее с концепцией Карла Марк- са, который утверждал, что в дальнейшем на мировой арене будет доминировать борь- ба классов. Но время показало, что из этого вышло. Поэтому когда Хаттингтон говорит, что в дальнейшем будет происходить борьба этносов, мы можем его внимательно слушать, но при этом не забывать, что все может быть совсем по-другому. Мы должны видеть плюсы

в таких прогнозах, они дают нам возможность учесть некие вероятные сценарии развития событий. Так же как, допустим, страны Запада, увидев, что произошло в России, то есть революцию, торжество идей Карла Маркса, учли этот опыт и поняли, что они должны сделать, чтобы классовая борьба не стала доминировать. Но в то же время идеи Карла Маркса победили и утвердились не только в России, но и в целом ряде стран... Это тоже опыт. Поэтому, заглядывая вперед, в то интеллектуальное пространство, которое должно возникнуть в будущем, мы должны учитывать все уроки истории.

Уважаемые коллеги, мне хотелось бы обратить особое внимание на чрезвычайно острую и трудную проблему нашего времени — ситуации некоего «опрокидывания» культурной системы страны, когда небольшой этнос со своей культурой за несколько десятилетий догоняет по численности основную нацию, проживающую на данной территории, и начинает добиваться для своей культуры равных с доминирующей прав. Мировые цивилизации уже сталкивались с этим в ходе различных войн, конфликтов, захватов территорий, но никогда раньше этого не происходило в результате мирного развития культуры. Сегодня же мы видим, что существует целый ряд районов мира, где очень быстро развиваются в численном отношении сегменты населения, которые несут с собой другую культуру, иной ментальный склад, бросают вызов доминирующим культурам.

Каждая доминирующая нация готова быть очень благожелательной к другой культуре, пока последняя не собирается стать доминирующей. Например, во Франции мы сегодня видим, какие результаты вызвало неосторожное высказывание г-на Саркози в адрес Турции, и мы понимаем, почему это происходит. Вырастает огромная по численности инокультурная община, которая не готова принимать в качестве главной культуру этой страны. Франция уже сегодня видит, что вполне возможна ситуация, когда многочисленные представители другой культуры ска-

жут: мы хотим здесь быть главными, наша культура должна господствовать. И тогда в результате демократических процедур они могут получить такую возможность. Здесь возникает новый тип борьбы культур, чрезвычайно острый культурный конфликт.

То же происходит сейчас в странах Балтии, где более 30 % русского населения. Представители доминирующей культуры опасаются их влияния, поэтому применяют далеко не демократические методы в борьбе с ними.

Давайте посмотрим, как сегодня живут конкретные люди в разных культурах, насколько возможно подобное сочетание. Например, в странах Балтии, где свыше 30 % русскоязычного населения, государству принимает решение, что русскому языку там не должно быть места... Или на Украине — в стране, где половина населения является русскоязычной и испытывает на себе сильное давление властей.

К сожалению, сегодня у человечества нет практических механизмов решения данных проблем и не вполне ясны даже направления их поиска. Легко сказать: мы хотели бы, чтобы все культуры имели одинаковое право. Но обеспечить такое равенство очень трудно. Нас ждут серьезные, огромные проблемы на этом пути.

В какой-то момент у каждого из нас просыпаются биологические инстинкты, которые говорят, что чужой язык, чужая культура должны быть подавлены, даже уничтожены, что родная культура должна быть главной. И это, на мой взгляд, становится не менее острой проблемой, чем конфликт финансовых интересов. Не деньги на самом деле правят миром. Думаю, нам предстоит еще не один раз убедиться в том, что правит миром культура. Но это несет в себе и очень серьезные опасности, если мы не выработаем правильные механизмы диалога культур.

В заключение позвольте поблагодарить вас за плодотворную работу на VII Международных Лихачевских научных чтениях и пожелать каждому из присутствующих новых успехов.

Секция 1

РУССКИЙ МИР И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ЭПОХИ

Е. М. АСТАХОВ,

*профессор Московского государственного института
международных отношений (Университет) МИД РФ,
Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Республике Эль-Сальвадор
(по совместительству)*

ГУМАНИТАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Укрепление политических и экономических позиций России за рубежом во многом зависит от культурной дипломатии. Именно культурная дипломатия сочетает в себе два вектора — времени и пространства. Эта дипломатия собирает гуманитарные ценности прошлого и настоящего и создает единое культурное пространство для будущего. В современном мире она играет существенную роль в достижении основных целей внешней политики государств, создании их положительного образа, популяризации культурного достояния.

Все цивилизованные страны, сознающие свои национальные задачи, уделяют время и, самое главное, выделяют значительные финансовые средства для продвижения своей культурной дипломатии. А для России культура — это одно из немногих преимуществ в конкурентной борьбе. Культурное, гуманитарное измерение внешней политики содействует укреплению геополитических и экономических позиций России за рубежом. И здесь духовное определяет материальное. Это к вопросу о роли национальной идеи и духовного самосознания в развитии нашей страны.

Отдельно стоит остановиться на такой актуальной для российского национального самосознания проблеме, как положение соотечественников за рубежом. Русскоязычное сообщество — считая граждан России — сейчас занимает пятое место в мире по числу носителей языка.

Российской нации генетически было присуще расширение во времени и пространстве. Так шла и история становления российского государства. В XX веке в этом расширении свою роль сыграли сложные, а порой и драматические страницы нашей истории. Разные по времени волны эмиграции в конце XIX — начале XX века, в периоды революционных катаклизмов, гуманитарных катаст-

роф Второй мировой войны привели к пространственным, по сути планетарного масштаба, перемещениям миллионов людей. Но уже не миллионы, а десятки миллионов оказались за пределами своей Родины в результате либерально-этнического сепаратизма на постсоветском пространстве.

В результате всех этих тектонических процессов сформировался «русский мир», который выходит далеко за границы России, а в ряде случаев — за пределы русского этноса. Пространство расселения русской диаспоры неоспоримо, она присутствует практически во всех странах мира. После революции и Гражданской войны 1917–1922 годов за рубежом оказалось около 3 млн граждан бывшей Российской империи, чьих потомков — эмигрантов второго, третьего и даже четвертого поколений, принято называть старой или белой эмиграцией. Большинство белой эмиграции составляла политическая и культурная элита Российской империи. Этот факт предопределил беспрецедентно высокий уровень культурных ценностей, которые были созданы в зарубежье всего за несколько десятилетий. Проза, поэзия, публицистика Бунина и Набокова, Шмелева и Мережковского, Ходасевича и Георгия Иванова; музыка и исполнительское искусство Рахманинова и Стравинского, Глазунова и Гречанинова, Шаляпина и Гедды; театр Михаила Чехова и балет Фокина, Нижинского, Лифаря; живопись Коровина и Кандинского, Рериха и Ларионова; философия Ильина и Бердяева, Карсавина и Лосского, Франка и Вышеславцева; богословие митрополита Антония (Храповицкого) и отца Сергия Булгакова, отца Георгия Флоровского и Владимира Лосского; исторические труды Георгия Вернадского и Михаила Ростовцева, Бицилли и Миллюкова; лингвистика Николая Трубецкого,

социология Питирима Сорокина, геополитика и геоэкономика Петра Савицкого; экономическая теория Василия Леонтьева и физика Ильи Пригожина; изобретения Зворыкина, Сикорского, Ипатьева, Юркевича, Тимошенко; шахматные достижения Алехина и Боголюбова.

Поначалу большинство русских изгнанников осели в Югославии, Болгарии, Чехословакии, Франции, Германии, Китае. В 1923 году количество русских эмигрантов в Германии достигало 600 тыс. человек, а книг на русском языке там издавалось больше, чем на немецком.

В дальнейшем многие эмигранты переместились в Северную Америку, а после Второй мировой войны — в Аргентину, Канаду, Австралию, Бразилию и даже в ЮАР.

Зарубежная Россия — особый фактор во времени и пространстве. Она образовалась из различных волн эмиграции, совпадающих по времени с историческими и трагическими событиями в России на протяжении XX века.

Судьбы русской эмиграции, причем всех ее исторических волн, особенно рельефно прослеживаются на примере Аргентины. Это неслучайное явление. Аргентина является одной из наиболее развитых в гуманитарном плане стран Латинской Америки с высоким коэффициентом активности в этой сфере. Эта страна выделяется европейскими культурными традициями и уровнем своей интеллектуальной жизни. Высока восприимчивость нации европейских эмигрантов к гуманитарным ценностям старого континента.

Важную роль играет и экономический фактор. В целях освоения своей обширной территории Аргентина создала льготный иммиграционный режим, стимулирующий приток новых человеческих ресурсов. Все это предопределило появление в этой стране многочисленной российской диаспоры.

Люди, в той или иной форме идентифицирующие себя с русской культурой, насчитывают в Аргентине от 300 до 500 тыс. человек, однако такую статистику трудно собрать, поскольку в миграционных документах отсутствовала графа «национальность».

Российская эмиграция в Аргентине представлена громкими фамилиями: Горчаковы, Долгорукие, Меншиковы, фон Палены, Римские-Корсаковы, Мамонтовы. Есть потомки Тютчева, Пушкина, Кутузова. (В 1940–1950-е годы в Буэнос-Айресе проживала Великая княгиня Мария Павловна, написавшая там свои знаменитые записки «Принцесса в изгнании»). Они бережно сохраняют не только язык, но и традиции, православие.

В то же время есть и тысячи скромных тружеников, чьи предки прибыли из России в Аргентину еще в начале XX века. Это так называемая «трудовая» эмиграция. В музее «Отель иммигрантов» Буэнос-Айреса можно увидеть увеличенные во всю стену фотографии, где запечатлены русские лица с глазами, полными надежд на лучшую жизнь.

Многие из тех, кто ехал тогда в Аргентину, так же как и в Канаду, Австралию, Уругвай, Бразилию, намеревались вернуться, но Первая мировая война, а затем и революционные события заставили их осесть в этих странах. В тот исторический период эмиграция в Аргентину из России занимала третье место по численности после итальянской и испанской. Основная масса этих крестьян, ремесленников и рабочих, в основном с юга России, осела на севере Аргентины в провинциях Мисьонес, Энтре-Риос. Выходцы из России внесли существенный вклад в освоение новых земель Аргентины, развитие ее сельского хозяйства.

Подавляющее большинство этой группы эмиграции ассимилировалось, во многом утратило знание русского языка. В то же время, начиная с 1980-х годов, в этой среде соотечественников усилилось понимание сопричастности с Россией. Действуют объединения соотечественников, которые пытаются сохранять обычаи и традиции России в обрядах, танцах, костюмах, предметах обстановки и быта. Открыт музей первых русских переселенцев.

Есть еще один срез трудовой эмиграции, которую представляют потомки лиц, выехавших в Аргентину в 1926–1939 годах из западных областей Украины и Белоруссии, находившихся в то время под юрисдикцией Польши. После Второй мировой войны они получили официальное гражданство СССР в соответствии с Указами Президиума Верховного Совета СССР от 30 июля 1945 года и от 30 марта 1948 года. В 1950-е годы некоторые из них выехали в СССР, позже отдельные семьи вновь вернулись в Аргентину.

После распада СССР представители этой группы перешли в категорию лиц без гражданства. Их дети и внуки являются гражданами Аргентины, практически не владеют родным языком, но сохраняют духовные и культурные ценности Родины. При клубах этой части эмиграции действуют различные коллективы, которые знают и отмечают российские праздники.

Среди эмигрантов первой волны были те, кто покинул страну по политическим убеждениям. В Аргентине в начале XX века нашли

приют и моряки с броненосца «Потемкин» и даже первый (фиктивный) муж Надежды Крупской, который умер в аргентинской тюрьме, куда попал за свои анархистские взгляды.

Белые эмигранты появились на южно-американском континенте еще до Второй мировой войны, хотя численность их была невысокой. В Аргентине они издавали свою газету, исправно посещали русский православный храм. В годы войны часть белой эмиграции, занимая патриотические позиции, обратилась с просьбой к Московской патриархии учредить новый приход в Буэнос-Айресе. И в 1943 году этот приход был открыт. Среди этой части эмиграции можно упомянуть потомков основателя первых русских поселений на Аляске Григория Шелехова, генерала фон Шварца. С 1925 по 1950 год в Аргентине жил и работал знаменитый скульптор Степан Эрзья.

Русские эмигранты, покинувшие Россию после революции, были вынуждены приспособиться к новой жизни на чужбине, и некоторые из них пытались найти счастье даже в таких дальних странах, как Парагвай. Особый интерес вызывает эпопея генерала Беляева, который решил создать русскую коммуну на парагвайских землях, куда в конце 1920-х годов из Франции и Бельгии прибыли тысячи безработных русских офицеров. Условия жизни и сельского труда, к которому они не имели никакого навыка, были очень тяжелыми, но их потомки до сих пор вспоминают о тех «вечеринках», которые устраивали их дедушки и бабушки, и показывают трогательные снимки веселых компаний на фоне непроходимой сельвы.

Очень скоро «русские парагвайцы» оставили сельский труд и осели в Асунсьоне, посвятив себя государственной и военной службе, а также преподаванию, медицине. Их высоко ценил бессменный парагвайский президент Стресснер. Русские офицеры приняли активное участие в войне с Боливией. В парагвайской столице 17 улиц названы именами русских воинов, инженеров и врачей. Материальный и духовный вклад русских в Парагвае не забыт, но в России это стало известно совсем недавно. Кстати, тесная дружба Стресснера с русскими белыми офицерами во многом объясняла его ярый антикоммунизм. В настоящее время потомки «русских парагвайцев» проявляют большой интерес к нашей стране, многие из них бывают на Родине, заинтересованы в реализации совместных экономических и культурных проектов, продвижении знаний о России на континенте.

После Второй мировой войны обозначился новый поток русской эмиграции в Аргентину. В 1948 году президент этой страны генерал Перон издал указ о приеме 10 тыс. русских, независимо от их возраста и семейного положения. Вместе с эмигрантами, проживавшими до войны в странах Западной Европы, прибыли в Аргентину перемещенные лица, бывшие советские военнопленные и участники власовского движения.

В этом срезе эмиграции этнические русские составляли большинство. Они были наиболее образованной частью диаспоры, благодаря чему им удалось занять видные позиции в обществе. Эти эмигранты всегда придерживались идеологии русской государственности и православной культуры, издавали газеты, имели театр. Устраивали масштабные праздники. Они хотели жить так, как жили их отцы и деды в старой России. Уже в 1990-е годы многие из них побывали на Родине, нашли своих родственников. А некоторые их дети и внуки реэмигрировали в Россию.

К отдельной группе относится поток эмиграции 1990-х годов из России и республик бывшего СССР. Социальный состав этих людей — инженеры, врачи, учителя, рабочие, мелкие предприниматели. Приезжают они с минимальным стартовым капиталом, не зная языка, не имея юридической культуры. Огромное количество таких иммигрантов проживает теперь в Европе, а в Аргентине их осело около 10 тыс. человек.

Для понимания «русского мира» за рубежом желательно иметь в виду следующее. Разные волны эмиграции предопределили различный политический, социальный и культурно-образовательный состав российских диаспор. Для «трудоустрой» эмиграции XX века и постсоветского периода характерны слабая организация и сложное экономическое положение. В этом плане они заметно уступают западноевропейским, еврейским, армянским и другим диаспорам.

Более структурирована и политически очерчена белая эмиграция. Но организованности и единства не хватает и ей. Вместе с тем она всегда имела определенную идеологическую окраску и, в частности, не считала своей «трудоустрой» эмиграцию. Октябрьская революция воспринималась белыми эмигрантами как катастрофа 1917 года, а большевистский режим — как чуждый, инородный для России проект, импортированный космополитическими элементами. Идеологи этой эмиграции продолжают считать себя представителями Всероссийской империи, то есть всей России, «всёя Руси» в границах 1913 года.

Они не признали послереволюционный раздел России. Не признают они и распад СССР в 1991 году. Белая эмиграция считает своей Родиной ту «страну, которая всегда находилась в канонической юрисдикции патриархов Московских и всея Руси». Поэтому они называют себя «соотечественниками всея Руси».

С годами острота подобного восприятия истории постепенно ослабевает. В настоящее время многие белые эмигранты уже понимают, что трагическая история России принадлежит всем ее «детям». Меняется позиция белых эмигрантов и в отношении объединения православной церкви. Если ранее они опирались только на Русскую зарубежную церковь, то теперь поддерживают усилия по ее объединению с Русской православной церковью.

Политическая и культурно-образовательная элитарность белой эмиграции лежала в основе Русского зарубежья, которое состоялось как уникальное явление в отечественной и мировой культуре. Русское зарубежье — истине новый цивилизационный пласт — продолжило продвижение во времени и пространстве, но уже вне географических границ России, ее культуры, менталитета, духовной самоидентификации. Эту историческую миссию Русского зарубежья прочувствовал Николай Бердяев, трактовавший эмиграцию не как изгнание, а как «посланничество», призванное сказать свое слово за Россию.

Русский мир за рубежом сложен и многообразен. Многие эмигранты сохранили язык и культуру своей Родины. Однако значительная часть их детей и внуков адаптировалась к процессам глобализации. Но неизбежная ассимиляция не перечеркнула генетическую память, и большинство эмигрантов и их потомков продолжают думать по-русски.

Для выстраивания практической политики в отношении нашей эмиграции важно учитывать и следующие обстоятельства. Независимо от исторических волн и причин эмиграции Русское зарубежье тянется к России и рассчитывает на поддержку российского государства. Это — потенциальные помощники России.

Сейчас в российском руководстве есть понимание, что быть соотечественником — это в первую очередь вопрос личного выбора, духовного самоопределения. Любой человек, причисляющий себя к российским соотечественникам и реализующий свой выбор в поисках контактов с российским культурным наследием, может претендовать на получение помощи в рамках программ поддержки диаспоры за рубежом. Надо понимать, что

наша страна сама выгнала соотечественников за рубеж и ее долг — воссоединить «русский мир».

Однако работа с соотечественниками в дальнем зарубежье до последнего времени строилась на вкусовой практике и не имела определенного плана, не говоря уже о бюджетных средствах. В связи с этим практический интерес для нас представляет опыт других стран.

Активно, с упором на национальную специфику работают со своими диаспорами западноевропейцы. Выделяются значительные финансовые средства для содержания школ и кафедр в высших учебных заведениях, культурных центров, курсов языков, гуманитарного обмена, прежде всего культурного экспорта. В этой сфере усиливается активность, например, Пекина. Китайские диаспоры быстро растут в количественном и экономическом отношении и уже сегодня представляют собой серьезную опору для дальнейшего укрепления внешних позиций Китая.

В последние годы наметились позитивные сдвиги в работе с соотечественниками и в России. Обозначился психологический перелом в отношении к нашим диаспорам в ближнем зарубежье, где не по своей воле в тяжелом положении после распада СССР оказались более 25 млн русских. В работе с нашей диаспорой в ближнем зарубежье можно использовать опыт западноевропейских стран, прежде всего Англии, Франции, Португалии, которые активно действуют на своих бывших заморских территориях. На фоне непростой демографической ситуации в самой России взаимодействие с соотечественниками становится одним из национальных приоритетов страны. В Министерстве иностранных дел РФ действует управление по работе с соотечественниками, создана Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом. Принята программа работы на 2006–2008 годы. В июне 2006-го был издан Указ Президента о мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом; разрабатывается государственная программа его осуществления. По инициативе А. И. Солженицына создан и действует научный и культурный центр по изучению наследия русской эмиграции — фонд «Русское зарубежье».

24–25 октября 2006 года в Санкт-Петербурге состоялся Всемирный конгресс соотечественников. В его работе приняли участие около 600 активистов организаций соотечественников из 78 стран как ближнего, так

и дальнего зарубежья. Участники конгресса поддержали идею создания Координационного совета, который на постоянной основе будет отслеживать защиту интересов соотечественников.

Вместе с тем впереди еще очень много работы. Требуется осознать необходимость увеличения финансовых средств на поддержку соотечественников. При этом не приходится рассчитывать на финансовые возможности самой российской диаспоры, материальное положение которой не соответствует ее интеллектуальному уровню.

Следует иметь в виду и трудности в объединении самой русской диаспоры в той или иной стране. Русские люди за рубежом, как отмечалось выше, несмотря на принадлежность к одной культуре, разобщены, порой их трудно сплотить. Разобщены они не только в силу идеологических разногласий, а по имущественному, культурно-образовательному признакам. Это историческое явление, заслуживающее отдельного рассмотрения. Подобное разобщение русской эмиграции преодолимо, когда предлагаются интересные программы, когда со всеми ведется разговор на равных, без идеологических смещений, когда, наконец, — и это самое главное — соотечественники ощущают, что они являются частью сильного, достойного государства, которым они могут гордиться. Здесь можно отметить, что культурное единство не особенно заметно и внутри нынешней России, главным образом, из-за социально опасного разрыва в доходах.

Работа с представителями русской эмиграции в дальнем зарубежье во многом ведется на базе представительства Росзарубежцентра, которые пока не могут приспособиться к новым политическим условиям России и выработать иные принципы общения с соотечественниками, поменять имидж и методы работы.

Во времена Советского Союза эти культурные центры носили явную идеологическую окраску и ориентировались только на левые слои общества. До сих пор сохраняется двойственное отношение к ним со стороны эмиграции. К сожалению, если раньше еще выделялись средства на курсы русского языка при таких центрах, то теперь финансирования недостаточно. Эмигранты хотят, чтобы их дети и внуки говорили по-русски, приводят их в школы при посольствах Российской Федерации, но там учеба платная, порой непомерно высокая. В итоге дети русских эмигрантов растворяются в местной среде, утрачивая наш менталитет и культуру.

Важно вести дело к расширению сети качественно новых российских зарубежных центров с целью распространения наших культурных ценностей, развития двусторонних связей и работы с соотечественниками. Было бы полезно стимулировать создание при таких центрах архивной службы для сбора материалов по истории русской эмиграции. Желательно изыскать возможности формирования театральных трупп, студий документального кино, издания газет и других СМИ. Необходимо государственное и спонсорское финансирование школ для детей наших соотечественников с поставкой, в том числе на коммерческой основе, российских учебников начальной школы, которые можно было бы использовать как для преподавания в школе, так и для домашнего образования.

Политически важно продолжить работу по облегчению условий предоставления российского гражданства потомкам эмигрантов из России. Если спросить наших соотечественников, что они хотят в первую очередь, ответ будет один: гражданство и паспорт России. При разработке целевой программы возвращения на Родину представителей российской диаспоры желательно учитывать, что не все соотечественники смогут или захотят вернуться. Поэтому параллельно надо искать возможности оказания финансовой поддержки социально незащищенных категорий соотечественников. Полезен для нас в этом плане опыт Франции (Алжир, Тунис) и Италии (Аргентина). Один из возможных путей — выделение на эти цели части консульских сборов.

При всей важности культурных центров, существующих далеко не везде, ключевую роль на гуманитарном поле внешней политики должны играть посольства. Надо переломить тенденцию к сокращению числа культурных атташе. Полезно было бы и учреждение должностей атташе по работе с диаспорой. Нельзя снижать усилия и по формированию механизмов информационно-пропагандистского обеспечения гуманитарного вектора внешней политики России. На всех этих направлениях немалое содействие может оказать Русская православная церковь (РПЦ).

Объединение «русского мира» — общее дело российского государства и РПЦ. Православный храм всегда был центром притяжения русской эмиграции. Ощущение принадлежности к общему духовному наследию и традициям помогало им пережить тяжкие испытания. Это важно для сохранения и развития связей с Родиной и в настоящее время.

Русская православная церковь оказывает посильную помощь и новым эмигрантам. При

церковных приходах действуют воскресные школы, где изучается русский язык и основы русской культуры. Православные приходы в дальнем зарубежье подчас являются центрами большего притяжения, чем официальные представительства Российской Федерации. При этом нецелесообразно разделять приходы Московского патриархата и РПЦ за рубежом. Наши соотечественники посещают, порой одновременно, храмы обеих церквей.

После недавних исторических решений в Москве о восстановлении единства РПЦ ускоряется процесс взаимного примирения и диалога. Этот процесс необратим, несмотря на все препятствия объективного и субъективного характера. К стати, не все приходы Русской православной зарубежной церкви согласны с объединением с РПЦ, им еще потребуется немало времени. Но главное в другом: значение «Акта о каноническом единстве» выходит далеко за чисто церковные рамки. Это символический знак воссоединения разделенного русского народа, «исторической России».

Работа с российской эмиграцией, осознание ее роли, принятие ее представителей не

как париев, оставивших Родину, а как людей, обеспечивающих культурное и информационное присутствие России за рубежом, поддержание позиций русского языка в мире только начинаются. Наши соотечественники должны помочь своей Родине в конструктивном диалоге с зарубежными партнерами влиять на формирование объективного образа России. Надо признать, что пока у нас нет еще «русского лобби» за рубежом. В этом виноваты мы сами.

Известно, что сильная диаспора может быть только у сильного государства, государства с национальной идеей. И сейчас, когда Россия вновь обретает динамику развития и авторитет в международных отношениях, когда ломается привычная структура мира, соотечественники призваны быть вместе. Российская зарубежная диаспора должна занять должное место в политике России. Очевидно, что внутренние социально-экономические проблемы сейчас для нас более актуальны. Но откладывать решение этой гуманитарной и одновременно стратегической задачи рискованно. Кто может просчитать возможные издержки от упущенных сегодня возможностей?

В. А. БАЧИНИН,

*главный научный сотрудник Социологического института РАН,
доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург)*

МАКС ВЕБЕР В РОССИИ: О СОЮЗЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЭТИКИ И ДУХА КАПИТАЛИЗМА

М. Вебер в своем труде «Протестантская этика и дух капитализма» обратил внимание на то обстоятельство, что в XVI веке многие богатые немецкие города, располагавшиеся в благоприятных естественно-климатических условиях, вблизи старинных торговых путей, отвергли католичество и приняли протестантизм. Новое вероисповедание обнаружило способность оказывать позитивное влияние на экономическую деятельность. В результате соединения таких важных факторов, как объективные предпосылки и удачный субъективный выбор, возник единый вектор преобразовательной деятельности, позволивший европейским протестантам энергично и успешно решать многочисленные социально-экономические проблемы.

Рассуждая о последующих, уже постреформационных поколениях протестантов, Вебер не говорит о том, что они добивались успеха, вступая на экономическое поприще вооруженными одной лишь Библией. Он

указывает на такие предпосылочные факторы, как определенный материальный достаток и наличие в арсенале начинающего предпринимателя добротного, высококачественного, а значит, дорогостоящего образования. Это тот минимум, без которого не может быть гарантий успеха в экономической сфере.

В современной России протестанты не располагают необходимым набором благоприятных предпосылок. На ее просторах действуют совершенно иные факторы, никак не способствующие сходному развитию событий. Естественные климатические условия оставляют желать лучшего. Социальные обстоятельства политического и правового характера напоминают многочисленные ряды устремляющихся заграждений, через которые человеку, обладающему верой, совестью и образованием, почти невозможно пробиться.

Что же касается религиозной обстановки, то она в стране такова, что протестант ощущает себя не полноправным гражданином

ном, на пути которого нет противозаконных препятствий для социальной самореализации, а неким аутсайдером, ловающим на себе косые взгляды обывателей, чиновников, православных мирян и их батюшек.

Первым и самым важным субъективным условием, необходимым для того, чтобы верования христианина оказывали определяющее воздействие на его экономическое сознание, является глубина этих верований, твердость христианских убеждений. Существовали ли эти условия в России в прошлом и имеются ли они в настоящем? Чтобы ответить на этот вопрос, приведем две ссылки на российские реалии из наблюдений двух писателей-классиков — Ф. Достоевского и А. Чехова.

У Достоевского мы находим характерную историю, очень похожую на притчу. В одном селе разгорелся пожар, занялась церковь. Мужики тушили огонь, когда к ним подбежал трактирщик и пообещал поставить ведро водки, если они помогут потушить горящий трактир. Конец рассказа звучит лаконично, как воинское донесение: кабак отстояли, а церковь сгорела.

В чеховской повести «Мужики» читаем: «Старик не верил в Бога, потому что почти никогда не думал о нем... Бабка верила, но как-то тускло; все перемешалось в ее памяти, и едва она начинала думать о грехах, о смерти, о спасении души, как нужда и заботы перехватывали ее мысль, и она тотчас же забывала, о чем думала... Марья и Фекла крестились, говели каждый год, но ничего не понимали. Детей не учили молиться, ничего не говорили им о боге, не внушали никаких правил и только запрещали в пост есть скоромное. В прочих семьях было почти то же: мало кто верил, мало кто понимал».

Иными словами, в русском сознании практически отсутствовали структуры, отвечающие за мотивационное обеспечение социально-экономической, правовой, политической деятельности тех, кто носил на груди крест и считал себя православным.

Некогда европейская Реформация взяла курс на преодоление диктата как церковно-католического, так и экономического традиционализма. При этом она не сбила христианскую церковь со своего пути, как это сделала в XX веке большевистская Россия. Европа избрала иной путь, который заключался в том, чтобы взять церковь в союзники, заключить с ней соглашение о взаимодействии и взаимной поддержке. Но для этого понадобилось, чтобы стремящееся к новым горизонтам экономическое мышление объединило свои усилия по созданию нового типа соци-

ально-экономической реальности с жаждающим обновления церковно-христианским мышлением. Россия избрала иной путь, который не принес ей лавров. Причины ее социально-экономического отставания от европейских государств заключались в следующем:

— во-первых, конфессиональные структуры православия, воспринятого Россией от бесславно погибшей Византийской империи, ориентированы на обслуживание общества традиционного типа, не приспособленного к динамичным формам интенсивного саморазвития. Жесткость этих структур столь значительна, что до сих пор они не поддаются никакому позитивному реформированию;

— во-вторых, российское имперское государство никогда не стремилось к тому, чтобы путем библейско-христианского просвещения развивать у народных масс механизмы религиозной мотивации и вовлекать их религиозное сознание в дело развития социально-экономических отношений;

— в-третьих, в XX веке Советская Россия избрала откровенно деструктивный путь радикальной ампутации в массовом сознании всех тех духовных органов, которые ответственны за религиозно-мотивированное обеспечение социально-экономической деятельности. Произошла их замена на мотивационные структуры сугубо секулярного, даже богоборческого, идеологического характера. Но если срок действительности религиозно-мотивационных структур весьма продолжителен и охватывает длительные исторические периоды, то действительность механизмов секулярной мотивации исторически чрезвычайно кратковременна. Не распространяющаяся за пределы жизни одного поколения, она быстро расходует свой мобилизационный ресурс. Поэтому власти, чтобы поддерживать требуемые темпы экономического развития, использовали внерелигиозную и внеэкономическую механику устрашающего государственного террора.

В протестантизме социальный контроль церкви над экономикой никогда не был прямым и непосредственным. Церковь как институт не вмешивается в экономическую жизнь. Говорить об ее диктате, даже если речь идет о кальвинизме, нет оснований. Однако между церковной общиной и экономической деятельностью ее членов присутствует промежуточная и вместе с тем весьма существенная контролирующая инстанция. Ею является христианское сознание верующего-протестанта. Его мышление служит тем связующим звеном, которое, не меняя собственной сути, одинаково эффективно осуществляет свои ориентационные и регулятивные функции в

сферах как церковной, так и экономической жизни.

Анализ отечественной модели отношений между религией и экономикой показывает, что в России:

— не предвидится доминирования протестантской этики над этикой православной и этикой секулярной в обозримой исторической перспективе. А это значит, что российские протестанты (их общее число в стране составляет около 1,5 млн) не смогут существенно и масштабно помочь утверждению в стране духа цивилизованного капитализма;

— не приходится ожидать активного участия православной этики в деле цивилизованного реформирования российской экономики и вообще в социальном обустройстве России также. В стране, где деятельные носи-

тели норм православной нравственности составляют менее 1 % населения, трудно рассчитывать на союз православия и экономики.

Чтобы преодолеть то отчуждение, которое существует между современным православием и духом цивилизованного капитализма, необходимо вовлечь в православие многомиллионные массы, пребывающие вне его. Но современное театральное-декоративное православие помпезных праздничных обрядов вряд ли сможет справиться с этой задачей. Только пройдя через процесс основательного (кстати, давно уже назревшего) реформирования, это вероисповедание, с которым хотели бы идентифицировать себя миллионы носителей русского самосознания, сможет оказывать позитивное действительное влияние на российскую социально-экономическую реальность.

В. К. ВОРОБЬЕВ,

доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат исторических наук

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Россия уже в течение длительного времени являлась и является гигантской площадкой для проведения масштабных социально-экономических экспериментов. Петровская модернизация XVIII века помогла России сделать первый шаг к европейской культуре. Потребности новой петровской армии и вновь создаваемого военного флота превратились в движущую силу экономики России и стали толчком к созданию Военно-промышленного комплекса (ВПК), который на долгие годы становится основой экономического благополучия России. Отмена в 1861 году крепостного права высвободила рабочие руки для наемного труда на промышленных предприятиях России. Реформа финансовой системы и крестьянская «столыпинская» реформа начала XX века значительно улучшили экономическое состояние России накануне Первой мировой войны. В России планомерно и успешно формировался капитализм. Развивались внутренние производственные и внешнеэкономические отношения. Российская экономика занимала достойное место в ряду таких передовых стран, как США, Германия, Англия и Франция. Начавшаяся в 1914 году мировая война затормозила экономическое развитие страны, а последовавший в октябре 1917 года переворот (Октябрьская революция) — прервал капиталистический путь развития России. Произошла карди-

нальная смена приоритетов: полный отказ от частной собственности и торжество общественной государственной собственности. Закономерный исторический путь развития для России прервался, начался крупнейший по масштабам, числу вовлеченных людских ресурсов и протяженностью более 70 лет эксперимент. Цель — построение развитого социалистического общества и в перспективе — создание новой и пока неизведанной общественно-экономической формации — коммунизма. Первые шаги большевистской модернизации привели к расколу общества и Гражданской войне. Все участвовавшие и противоборствовавшие стороны имели патриотический настрой и боролись, по их мнению, «за правое дело». Это многократно усилило разрушение социально-экономической конструкции России и потребовало значительных сил и средств для последующего восстановления экономики. Первая мировая война, военная интервенция и Гражданская война унесли жизни миллионов трудоспособных жителей бывшей Российской империи. На многие годы были прерваны внутренние и внешнеэкономические связи. Только жесткая репрессивная политика СССР позволила в относительно короткие сроки осуществить восстановление и модернизацию разрушенной экономики.

9 мая вся Россия празднует День Победы. Да, СССР вместе с другими членами анти-

гитлеровской коалиции — победители! Но СССР не смог получить экономическую выгоду от победы. Однако в области идеологии лидеры страны сумели доказать декларированную ранее только в теории возможность распространения идей коммунизма на другие страны. Появился «лагерь социализма», рухнула колониальная система. И вновь — восстановление народного хозяйства, и вновь нечеловеческие усилия и беды народа. Социалистический способ производства в очередной раз доказывает свои преимущества перед капитализмом. Как писали официальные издания СССР, опыт социализма все больше распространяется на капиталистические страны. Представители экономической мысли Запада уже в 1930-е годы предлагают неолиберальные идеи, а в 1947 году в книге А. Мюллера-Армака «Хозяйственное управление и рыночное хозяйство» впервые вводится термин «социальное рыночное хозяйство». Позже появляется так называемый шведский социализм, который в наибольшей степени олицетворял победу социалистических идеалов равенства и социальной справедливости на примере развитого капиталистического государства.

Но к 1980-м годам социализм завершал свое победное шествие, и с приходом М. С. Горбачева к руководству коммунистической партией и государством начинается еще один виток модернизации огромной страны с 250 млн жителей и занимавшей 1/8 часть всей земной суши.

Процесс последней советской модернизации был разделен на два этапа: первый (1991–1993) — период создания юридических и экономических институтов рыночной экономики, а также превращения значительной части государственной собственности в частную; второй (1994–1997) — период структурной перестройки экономики, дальнейшего перехода от государственной собственности к

частной, от военной промышленности к гражданской, от тяжелой индустрии к производству товаров народного потребления и услуг, от закрытой экономики к открытой, свободно торгующей с другими странами.

Перестройка, демократия, гласность — главные лозунги того времени. Лозунги хорошие, но были допущены серьезные экономические ошибки. Конверсия предприятий ВПК, разрушение важной составляющей советской экономики — винной отрасли, которые наряду с сырьевой базой давали постоянный и достаточно значительный доход, — привели к появлению массовой безработицы. Начались невиданные инфляционные процессы и падение производства. Планам конституционной «перестройки» в рамках СССР не суждено было сбыться.

Принятие в 1993 году новой Конституции уже Российской Федерации, а не СССР, трансформация основных ветвей власти, избрание Президента РФ — Б. Н. Ельцина дали импульс новой модернизации, еще одной и опять коренным образом меняющей экономической и политической облик страны.

Сегодня эксперименты можно наблюдать в режиме реального времени и даже быть их соучастниками и соисполнителями. Россия крепнет, становится все более независимой от ведущих западных стран и их капиталов. Наоборот, многие страны Европы и других регионов находятся в существенной зависимости от объемов внешней торговли с Россией и ее сырьевых поставок. Ежегодное обращение Президента, прозвучавшее в Государственной Думе 26 апреля 2007 года, раскрывает дальнейшие планы и перспективы модернизации России. И все мы — соучастники начавшихся как всегда «сверху» государственных реформ — сможем наблюдать и оценивать их результаты и... приспособиться и выживать в новых условиях.

А. В. ВОРОНЦОВ,

директор Научной библиотеки Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, заведующий кафедрой социологии, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)

«РУССКИЙ ДОМ» КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

На протяжении столетий русская культура была духовным стержнем, соединявшим все народы великой и многонациональной страны. Но за последние 15–20 лет по ней нанесены удары такой невероятной силы, против нее ведется такая развернутая, целе-

направленная, каждодневная война буквально на уничтожение, что вопрос стоит уже так: быть или не быть?

Защита русской культуры и русского языка, русских традиций и русского мира — одна из важнейших задач патриотически мысля-

щей части России, тех политических партий и движений, которые не на словах, а на деле выступают за сильную, независимую, процветающую Россию. Главная цель — отстоять русскую культуру, спасти русскую цивилизацию.

На встрече с творческой интеллигенцией 30 ноября 2006 года Президент России В. В. Путин сказал: «Мы строим русский мир». И дал напутствие интеллигенции: «Почаще употребляйте это словосочетание — “русский мир”». В декабре того же года Президент еще раз напомнил Правительству РФ об идее создания русского мира. Это по сути дела всеобъемлющая государственно-политическая идея. Она — судьбоносно-благостная для возрождения России.

В энциклопедическом словаре «Славянская мифология» написано: «дом — в народной культуре — средоточение основных жизненных ценностей, счастья, достатка, единства семьи и рода (включая не только живых, но и предков)...»¹

По мнению профессора И. Ф. Гончарова, это возрождение идей наших великих мыслителей: государства национальны в своем происхождении и в своем ядре; даже те государства, которые в окончательном виде состоят из многих племен и народностей, возникли в результате государствообразующей деятельности одного народа. В этом смысле Россия, конечно, остается и останется русским государством при всей своей многоплеменности, даже при проведении самого широкого национального равноправия.

А как повела себя либеральная интеллигенция России? Она не услышала своего Президента, которому поет столько од «во славу». Либо не хочет слышать, поскольку ее сознание и психология полностью находятся во власти «общечеловеческих ценностей». А о современных средствах массовой информации и говорить не приходится. Приведу наблюдения известного социолога и психолога, директора Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета, профессора В. Е. Семенова: «Газетно-журнальные киоски на улицах, в метро, универсамах пестрят обнаженными телами, вызывающими позами, кричащими сенсационными заголовками — о преступлениях, извращениях и пороках, а также чудовищной видеопродукцией (фильмы, насыщенные жестокостью и садизмом, порногра-

фией и извращенным сексом). Радиоэфир забит постоянно повторяющимися негативными новостями (как будто в стране не происходит ничего хорошего), наркотической и агрессивной музыкой и соответствующими текстами, в том числе криминальным жаргоном и ненормативной лексикой.

Особенно активно в этом плане телевидение. Бесконечные сериалы о бандитах и мошенниках, вульгарные реалити-шоу, пропагандирующие паразитизм, безответственность и бессмысленную развлекаловку (пресловутый “Дом-2”). Нашествие сексуальной пропаганды, в том числе гомосексуальной, особенно поразительно в стране, где смертность в два раза превышает рождаемость. Как грибы поганки, на каналах ТВ размножаются передачи типа “Азбука сека”, “Секс с Анфисой Чеховой”, “Сексуальная революция”, “Техника секса” и др. Не менее аморальными являются якобы юмористические сериалы об армии вроде “Осторожно, Задов” (о некоем чудовищно дебильном прапорщике). Все эти во многом калькированные с американских образцов юмористические передачи просто невозможны для восприятия человеком с нормальным неиспорченным чувством юмора.

Поневоле возникает умозаключение, что деятельность отечественных СМИ подчинена странной сверхзадаче (помимо бизнеса и прибыли), а именно — оболваниванию аудитории, превращению людей, и прежде всего молодежи, в подобие римской черни, жаждущей хлеба (ныне пива) и зрелищ, то есть в биомассу, которой можно легко манипулировать. Даже на по определению интеллектуальном канале нашего телевидения “Культура” идут передачи типа “Культурная революция” с нередко сомнительными и антикультурными позициями (например терпимого отношения к нецензурной речи)².

В Гуманитарном университете профсоюзов 20 апреля 2007 года состоялось обсуждение научного творчества великого философа, социолога, мыслителя нашего времени Александра Александровича Зиновьева. В своей книге «Фактор понимания» он отмечал, что советский период навсегда останется вершиной российской истории. И стержнем ее была идеология и, прежде всего, культура, которая достигла высочайшего мирового уровня. Именно в этом кроются истоки нашей победы в Великой Отечественной войне.

¹ Славянская мифология: энцикл. словарь. М., 1995. С. 168.

² Семенов В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 41.

В «новейшей» рыночно-капиталистической России русская культура переживает очередной «век» — век деградации и разрушения, аналогов которому в истории нашей страны, кажется, никогда не было. IV научно-практическая конференция «Культура и нравственность как условие общественной безопасности», организованная Петербургским обществом защиты русской культуры в декабре минувшего года, констатировала резкое снижение в современном обществе уровня культуры и нравственности, приближающее нацию к духовной деградации и коллапсу общественной жизни; отмечены катастрофическое состояние культуры русского языка и целый ряд других негативных явлений.

Добавлю к сказанному, что речь идет именно о русской культуре, не имеющей ничего общего (или почти ничего) с эрзац-культурой или контркультурой (назовите ее как угодно) господствующего меньшинства. С той самой эрзац-культурой, которая шокирует своей бездуховностью и антирусскостью, стяжательством, расточительным и агрессивным потребительством, воинственным эгоизмом и асоциальностью, с так называемой «культурой Куршавеля».

В своем выступлении я хотел бы обратить внимание на две проблемы: состояние русской культуры и положение русского языка как ее главного носителя, тем более что текущий год объявлен годом русского языка.

В странах Восточной Европы до конца 1980-х годов русский язык был основным иностранным языком в школах. Им владели примерно 300 млн человек — факт, который поставил русский язык в ряд мировых, и он был на пятом месте по распространенности. 100 млн считали его родным³. Русский язык был языком межнационального общения.

После распада СССР идет глобальное наступление на русский язык как в международном масштабе, в том числе в странах СНГ, так и внутри России. В результате, по данным Европейского союза, английским языком сейчас владеют 47 % европейцев, а русским — только 6 %.

Роль русской речи в межнациональном общении резко сокращается. Одним из проявлений этого процесса является латинизация тюркских алфавитов в странах СНГ. С кириллицы на латиницу за последние 15 лет перешли Азербайджан, Туркмения, Узбеки-

стан, о переходе в ближайшее время заявил Казахстан. Была попытка отказа от кириллицы и внутри России, в частности, в Татарстане. На практике это ведет к тому, что практически не остается школ на русском языке, как, к примеру, произошло в 2003 году в Туркмении. Исключение составляет единственная в стране туркмено-российская школа, ученики которой получают 11-летнее образование российского образца.

Неуклонно уменьшается число носителей русского языка в Казахстане. После развала СССР эту республику покинули более 2 млн русскоязычных.

На Украине, где русские в национальном составе населения прочно занимают второе место, русский язык перестал быть базовым компонентом и получил статус языка национальных меньшинств. Из 22 тыс. школ там осталось всего лишь 1430 с обучением на русском языке — менее 6,5 % от общего количества. В Киеве к 2007 году осталось только 6 средних школ с русским языком обучения из 324. В 16 западных и центральных областях Украины работает всего 26 русских школ, что составляет 0,2 %. Если язык изучают менее 10 % детей, то он находится под угрозой исчезновения⁴.

На мой взгляд, главная задача, которая стоит перед патриотической частью российской интеллигенции, ясна и понятна. Необходимо сделать все для подъема и спасения русской национальной культуры. Как, быть может, это пафосно ни прозвучит, но таково сегодня веление времени. Таково непреложное условие выживания русской нации и России как государства, как особого типа цивилизации и геополитической реальности.

Из практических действий, которые требуются в нынешней обстановке, я бы выделил следующие.

Необходимо обеспечить всестороннюю поддержку инициатив интеллигенции, общественных структур и движений, чья деятельность направлена на защиту и возрождение русской культуры. В нашем городе это и Петербургское общество защиты культуры, и Собор православной интеллигенции, и Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России, и институт нравственности, и клуб «Русская философская мысль», и школа русской драмы, и десятки других организаций.

В РГПУ им. А. И. Герцена на базе библиотеки уже несколько лет действует «Салон

³ См.: Большая энциклопедия: в 60 т. М., 2006. Т. 42. С. 554.

⁴ Шуров К. Кризис на Украине. Оранжевый мово-яз // Литературная газета. 2007. № 15. (Электронная версия газеты: www.lgz.ru.)

русской культуры». Под руководством академика Петровской академии наук и искусств (ПАНИ) В. Н. Панибротова работает студенческое объединение «Пушкинские вечера», проводятся встречи, посвященные, например, творчеству Свиридова и др. В обоих случаях главное, что роднит и объединяет их, — приобщение к духовным ценностям и традициям отечественной культуры молодежи, будущей педагогической смены.

Сегодня очевидна и хорошо осознается особая роль школы в возрождении русской культуры. Блестящие писатели России высказались за восстановление русской национальной школы.

В. Г. Распутин: «Образование в России должно строиться на отечественном опыте. Русская школа воспитанию души отдавала первое место. Если мы отстоим школу — отстоим и Россию» (из телеграммы участникам Всероссийской конференции «Русская современная школа»).

В. И. Белов: «Русская школа, построенная по заветам наших великих национальных учителей, на основе могучей русской культуры, позволит избавиться от современной смердяковщины, внедрившейся в Россию. Хочется верить в это. Школа русская — больше не во что верить» (из письма И. Ф. Гончарову).

В. Н. Крупин: «...Сейчас, если мы не обратимся к национальному воспитанию в национальной школе, то Россия будет обречена» (из письма И. Ф. Гончарову).

Много уже наработано: в частности, в центре национального образования Герценовско-

го педагогического университета и в отделении «Русская национальная школа» ПАНИ опубликовано около 300 работ. Из них более 80 посвящены русской национальной школе. «Доктрина русского национального образования», разработанная в Учебно-методическом центре национального образования РГПУ им. А. И. Герцена и в отделении «Русская национальная школа» ПАНИ, опубликована во множестве изданий, в том числе и в центральных журналах: «Народное образование», «Воспитание школьников», «Образование в современном мире», «Москва». Ее сущность подробно (на 19 страницах) изложена в «Энциклопедии образовательных технологий» Г. К. Селевко (М., 2006) и в книге академика ПАНИ И. Ф. Гончарова «Русская современная школа: Концепция» (СПб., 2004).

Считаю, что в связи с этим было бы целесообразно в нашем городе, на базе одного из университетов (например Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов) провести *съезд деятелей Всероссийского просвещения* — реальных созидателей опыта национального образования.

Следует более решительно требовать от депутатов Государственной Думы безотлагательного принятия *законов о культуре, о языке, о творческих деятелях и творческих союзах*.

В заключение хочу привести слова известного просветителя чувашского народа И. Я. Яковлева: «Чтите, любите великий, добрый и умный русский народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума и воли... Верьте в Россию и любите ее, и она будет вам матерью».

А. В. ГУЛЬЦЕВ,

генеральный директор газеты «Русская мысль» (Париж, Франция)

БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ РОССИИ. ВЗГЛЯД ИЗ ЕВРОПЫ

О безумных тратах новых русских давно ходят легенды. Новые русские скупают виллы на Лазурном Берегу за десятки миллионов долларов, покупают футбольные английские клубы, катаются на лыжах, украшенных бриллиантами, оставляют по тысяче евро чаевых в ресторанах Куршавеля. А в российских деревнях люди уже не месяцами, а годами не получают зарплату. На 1 сентября в некоторых поселках семьям, имеющим детей школьного возраста, выдали пособие в размере 50 рублей (1,5 евро!). Даже в городах разница в доходах между

различными категориями граждан, только по официальным данным, составила в 2006 году более 15 раз. А с учетом теневой экономики и обнищания деревень эту цифру можно смело умножить на 10. Пятьдесят три российских миллиардера владеют капиталом, который в 32 раза больше суммы, отпущенной государством на все национальные проекты! Такой чудовищной разницы в доходах не существует ни в одной цивилизованной стране мира. В России, где еще 20 лет назад разница в доходах различных категорий населения была не больше, чем в 2–3 раза,

сегодняшняя социальная пропасть вызывает взаимную ненависть.

Если не учитывать небольшую прослойку среднего класса, существующего только в крупных промышленных центрах, то всего за 20 лет Россия из страны «равных возможностей», можно сказать, превратилась в страну «бесящихся с жиру» олигархов и озлобленной нищеты. Как же случилось так, что из сверхдержавы роль России в глазах мирового сообщества все больше и больше сводится к сырьевому приращку? Почему переход от тоталитарного социалистического государства к демократической системе правления вместо процветания привел к повальному обнищанию народа? Сможет ли Россия возродиться в обозримом будущем и какие силы необходимо привлечь к ее возрождению?

Обратимся к истории. В 1985 году Горбачев объявил, что в стране начинается перестройка. Началась либерализация экономики. Появились первые кооперативы и мелкие частные предприятия. Неудавшийся путч августа 1991 года ослабил влияние Горбачева и вывел на первый план Ельцина. В народе укрепился образ Ельцина как единственного спасителя перестройки и образ Горбачева как слабого политика, нежелание которого проводить ускоренными методами реформы чуть не привело к возвращению жесткого тоталитарного социалистического режима. Параллельно в российских средствах массовой информации, близких к Ельцину, постоянно муссировался вопрос: «Зачем Россия кормит все эти дотационные республики?» Таким образом, Ельцин и его команда подготовили общественное мнение к необходимости выхода России из СССР. Это означало автоматический развал Советского Союза. В декабре 1991 года в Беловежской Пуще главы государств и правительств трех советских республик: Борис Ельцин и Геннадий Бурбулис (РСФСР), Станислав Шушкевич и Вячеслав Кебич (Белоруссия), Леонид Кравчук и Витольд Фокин (Украина), заключили соглашение, констатировавшее прекращение существования СССР как субъекта международного права и декларировавшее образование Содружества Независимых Государств. Верховный Совет ратифицировал договор уже через два дня. Советский Союз перестал существовать.

И на всем постсоветском пространстве началась борьба за власть. Все местные царьки (президенты союзных республик), начиная от Ельцина и кончая Туркменбаши, вдруг почувствовали полную безнаказанность. Их ближайшее окружение бросилось разворовы-

вать свои страны с невиданной доселе скоростью. Проведенная в России кучкой близких к власти лиц приватизация дала рождение классу олигархов. Апогеем борьбы за власть стал расстрел здания Верховного Совета страны введенными Ельциным в Москву танками в октябре 1993 года. Здесь надо отметить, что Хасбулатов, возглавлявший тогда Верховный Совет, как и Ельцин, боролся только за собственную власть, а не на благо народа. Именно поэтому два лидера того периода не смогли прийти к компромиссу и дошли до вооруженного конфликта, поставив страну под угрозу гражданской войны. Показательно, что в этом вооруженном конфликте не погиб ни один депутат или чиновник. 151 человек — число погибших, по официальным данным, или более тысячи — по неофициальным — все они одинаково на совести как Ельцина, так и Хасбулатова. Расстрелом Белого дома был успешно завершён ельцинский переворот и захват власти. История перестройки великой страны закончилась самым позорным образом.

1991–1993 годы, годы борьбы за власть, — это одновременно годы полного обнищания страны и разгула преступности. В этот период не существовало ни одного коммерческого предприятия, будь-то ларек по продаже газет или банк, которые не платили бы дань рэкетирам. Каждый день в каждом городе совершались десятки заказных убийств. Вся страна была поделена на зоны влияния банд. Милиция вместо борьбы с преступностью занялась организацией «крыш». Иначе говоря, попросту вымогала деньги у запуганных коммерсантов за гипотетическое обещание защитить их от бандитов. Коррупция достигла невероятных размеров: невозможно было получить ни одной справки, ни одного разрешения, не заплатив чиновникам наличными установленную ими таксу. Гиперинфляция доходила до 50 % в день.

Объявила о своей независимости Чечня. Начались массовые грабежи проходивших через ее территорию поездов. Грозненский аэропорт стал крупнейшим центром контрабанды. Новые власти Чечни занялись торговлей наркотиками и выпуском фальшивых денег. Процветали и процветают до сих пор похищения и торговля людьми. Всего за два года Чечня стала главным бандитским центром на территории бывшего Советского Союза. В какой-то мере подобные проблемы в Чечне Ельцину были только на руку. Начавшаяся первая чеченская война, во-первых, отвлекла народ от кремлевских проблем; во-вторых, выиграть войну — хорошая возможность

показать силу режима; и, в-третьих, многие олигархи из ближайшего окружения Ельцина в несколько раз увеличили свои состояния, продавая оружие боевикам и отмывая деньги, нажитые торговлей наркотиками и заложниками.

Одновременно с чеченской войной началась видимость наведения порядка в разваливающейся стране. Олигархи и бандитские группировки наворовали столько денег, что у них появилось сильное желание их легализовать и зажить беззаботной жизнью крупных, всеми уважаемых капиталистов. Для осуществления этой мечты необходимо было усмирить мелкие банды, открыть хотя какие-то производства и хотя бы часть наворованных денег реинвестировать в российскую экономику. Процесс шел невероятно медленно и с переменным успехом. В 1998 году, когда в России не осталось вообще золотовалютного запаса, и после того, как Европа и Америка отказались давать очередные, тут же разворовываемые стабилизационные кредиты, была проведена денежная реформа. Правительство в очередной раз обесценило рубль. Как всегда пострадал только простой народ. Все олигархи, чиновники и близкие к ним люди заранее поменяли свои рубли на доллары или купили недвижимость. Это явилось последней каплей, и в народе с 1998 года фамилия «Ельцин» стала синонимом слова «преступник». Поняв, что не дотянет даже до окончания президентского срока, Ельцин и его окружение, чтобы избежать насильственного отстранения от власти и тюрьмы, бросились лихорадочно искать преемника, который обеспечил бы им безопасность и дальнейшее существование.

Было перебрано несколько вариантов. Наконец, в должности премьер-министра (и преемника) был утвержден мало известный тогда и потому, как казалось, послушный Владимир Владимирович Путин. Бывший сотрудник КГБ выгодно отличался от других чиновников обязательностью и исполнительностью. Уговаривать его долго не пришлось, так как сложно представить себе человека, который бы отказался от высшей власти в богатейшей стране мира. Началась предвыборная кампания Путина, разработанная олигархами из ближнего окружения Ельцина.

По договору 1996 года между непризнанной республикой Чечня и Российской Федерацией была предусмотрена остановка военных действий. Рассмотрение вопроса о независимости Чечни было отложено до 2001 года. Однако после подписания договора спокойствия в республике не наступило. Чеченские

криминальные структуры продолжали безнаказанно делать бизнес на массовых похищениях людей, захвате заложников, хищениях нефти из нефтепроводов и нефтяных скважин, производстве и контрабанде наркотиков, выпуске и распространении фальшивых денег, терактах и нападениях на соседние российские регионы. На территории Чеченской Республики Ичкерия были созданы лагеря для обучения боевиков — молодых людей из мусульманских регионов России. Сюда направлялись из-за рубежа инструкторы по минно-подрывному делу, специалисты по партизанской войне и исламские проповедники. Значительную роль в жизни Чечни стали играть многочисленные арабские наемники. Главной их целью была и остается дестабилизация положения в соседних российских регионах и распространение идей сепаратизма на северокавказские республики. В августе 1999 года с территории Чечни отряды полковых командиров Шамиля Басаева и Хаттаба вторглись на территорию Дагестана. Ожесточенные бои продолжались более трех недель. После разгрома этих отрядов российские федеральные войска, продолжая преследование боевиков, по приказу только что назначенного премьер-министром Путина были введены в Чечню.

Началась вторая чеченская война. Руководители сепаратистов не раз заявляли о намерении перенести боевые действия на российскую территорию. Поэтому, когда с началом второй чеченской кампании произошла серия подрывов многоэтажных жилых домов в Москве (9 и 13 сентября 1999 г.) и Волгодонске (16 сентября 1999 г.), эти преступления потрясли Россию и мир и способствовали появлению массового убеждения, что за ними стоят чеченские террористы. Средства массовой информации, подконтрольные олигархам, усиленно раздували страхи и подводили народ к мысли, что только доблестная армия под предводительством бесстрашного командарма сможет усмирить террористов и защитить обывателей. Каждое появление Путина на экранах телевизоров было продумано до мелочей: вот он прилетает в Грозный на боевом сверхзвуковом самолете; вот он осматривает атомную подводную лодку, готовящуюся к погружению, и т. д. В то же время Ельцин практически исчез из новостей. Таким образом, всего через три месяца, к концу 1999 года, за Путиным укрепился образ бескомпромиссного, несгибаемого руководителя государства.

Поздний вечер 31 декабря 1999 года. Традиционно все жители России собрались

перед телевизорами в ожидании новогоднего президентского поздравления. Появившийся на экранах Ельцин за десять минут заставил плакать всю страну. Впервые в истории российского государства верховный правитель, как тогда казалось, искренне каялся в совершенных ошибках и добровольно отказывался от власти. В конце своего гениального, в медиарекламном плане, обращения Ельцин объявил Путина своим официальным преемником на президентском посту, передав ему все полномочия до досрочных выборов. Страна ликовала. По данным социологических опросов того времени, в лучшее будущее верили 80 % опрошенных. Удивительно то, что веру в новоиспеченного президента не поколебал даже его указ о предоставлении неприкосновенности Ельцину и его семье. А ведь всего 36 % опрошенных положительно отзывались об этом указе, да и эту, наверняка приукрашенную цифру, надо бы поделить на три. Повсюду говорили только о том, что теперь в стране опять будет порядок. Что, конечно, Путину одному сейчас нелегко, вот его и вынудили подписать указ о неприкосновенности Ельцина, но пройдет немного времени, соберет Путин свою команду и тогда он всем покажет, кто в стране хозяин. На этой волне на досрочных выборах, состоявшихся 26 марта 2000 года, Путин был избран Президентом России. Главная интрига этих выборов состояла не в том, победит или не победит Путин, а в том, победит ли он в первом туре. С небольшим запасом, но Путин в первом туре победил. За него проголосовало 52,94 % избирателей. Следующим к финишу пришел коммунист Геннадий Зюганов, за которого отдали свои голоса почти 30 % избирателей. Все остальные девять кандидатов получили от 0,1 до 5,8 % голосов.

Обратим внимание на то, что первые два места в президентской гонке с огромным отрывом от остальных кандидатов заняли лидеры, обещающие навести в стране порядок твердой рукой. Феномен можно объяснить тем, что население огромной страны, привыкшее за семьдесят лет существования СССР к твердой власти, устало от безвластия и безнаказанности бандитов и воров. Точно так же некоторые вышедшие на свободу заключенные стремятся назад в тюрьму, потому что, несмотря на все сложности жизни за решеткой, в тюремном мире существуют понятные им законы и правила. Приспособиться же к новым и часто непонятным правилам под силу не каждому. Обнищавший к 2000 году народ, живущий в разворванной

стране, был готов, не задумываясь, обменять любую самую демократичную демократию и свободу слова на крышу над головой, достойную работу и веру в более или менее обеспеченную, а не нищенскую старость. К 2000 году российские пенсионеры были полностью разорены денежными реформами ельцинского режима. Эти миллионы несчастных стариков, в большинстве своем честно отработавшие всю свою жизнь и потерявшие за несколько лет все сбережения, владели жалкое существование на выдаваемую им нищенскую пенсию. Глядя на них, и среднее поколение все чаще стало задаваться вопросом: «А нужна ли нам такая свобода — свобода пренебрежения старшим поколением, свобода лишиться жилья, свобода умереть от голода и холода в придорожной канаве?»

Главное достоинство деятельности Путина в должности президента в том, что он сумел приостановить процесс деградации страны в материальном плане. И хоть в Европе его постоянно обвиняют в использовании методов, близких к методам Пиночета, все-таки Путин — это не Пиночет. А без некоторой жесткости в переходный период Россия наверняка бы скатилась до уровня разрухи и разгула преступности ЮАР. Нормально то, что прошло несколько громких судов над олигархами. Ненормально то, что суды эти были выборочные и касались не всех, кто нарушил закон, а только тех, кто решил перейти в оппозицию. Пятьдесят три миллиардера и десятки, а то и сотни тысяч миллионеров; 350 млрд долларов — золотовалютные запасы страны и 100 млрд долларов — стабилизационный фонд, а 75 % сельских жителей живут за чертой бедности. Богатеет Москва, «Газпром» собирает деньги строить супербашню в Санкт-Петербурге. Нищает деревня. И, несмотря на все постановления президента и усилия правительства, демографический кризис в стране остановить не удастся. Выпущен Президентский указ о выплате семьям 250 тыс. рублей за рождение второго ребенка — очень неплохой капитал для России, но деньги будут выдавать только через три года. И не верит народ, ведь за три года уже и президент сменится, и инфляция съест часть капитала, и очередная реформа может случиться. Как тогда растить детей? Как не было при Ельцине, так и при Путине нет веры в будущее. Верят самому Путину, очевидно, после массивной многолетней промывки мозгов во всех СМИ. Просят, чтобы остался еще хотя бы на один срок. А государству, которым он управляет, больше не верят. Такой

вот парадокс, вызванный безнаказанностью грабящих страну новых русских и коррумпированных чиновников.

ЮНЕСКО, занимающаяся сохранением мировой культуры и мировых культур, во всем мире борется с неравенством, расизмом и нищетой. Вызывает восхищение краткая и емкая формулировка основной задачи этой организации: «*Построить мир в душах людей*». Мир в душах людей — это то, чего так не хватает в России. Это то, чего не хватает в любой стране, где у простого народа больше нет веры в будущее. Это то, чем должно заниматься любое уважающее себя государство, развивая образование, науку и культуру. Любой народ может стойко переносить трудности. Любой народ готов встать на защиту своего Отечества. Но только в том случае, если перед ним стоит светлая и благородная цель. Вспомним послевоенные годы, как наши отцы и деды восстанавливали разрушенные войной и Россию, и Европу. И там и там, несмотря на разность идеологий, люди трудились с самоотдачей, веря в свою страну и в светлое будущее своих детей. В России сегодня осталась только одна идеология: найти место получше и воровать, воровать, воровать. Или уехать куда-нибудь: из деревни в город, из города в Европу, или в Америку... И никакие президентские указы и обещания 10 тыс. долларов через три года в подобных условиях не помогут справиться с демографической катастрофой. Зная, что будущее их детей — это прозябание и выживание, потому что папа и мама не успели в свое время украсть нефтяную скважину, потенциальные родители детей заводить не торопятся.

Не только в России, но и во всем мире наметилась опасная тенденция духовного обнищания молодежи. Место научно-просветительских передач на телевидении прочно заняли реалити-шоу и «фабрики звезд». Газеты и журналы печатают на первых полосах интервью с новоявленными, в большинстве случаев на пять минут, звездами. Сотнями тысяч экземпляров продаются написанные ими книги. Интерес к подобного рода продукции шоу-бизнеса совершенно естественен: кто же не мечтал практически без всякого труда, всего за месяц-два, заработать миллион дол-

ларов и тысячи поклонников. Плохо не то, что молодежь смотрит эти передачи, отвратительно то, что современные СМИ в погоне за легкой наживой забыли о своем долге духовного воспитания.

К счастью, как и во все времена, существует часть молодых людей, которые хотят учиться, хотят стать звездами не на минуту за минуту, а занять достойное место в обществе, соответствующее их опыту и знаниям. Именно на них нужно опираться, пытаться выстроить новую российскую модель. Именно об их успехах должны рассказывать газеты и телевидение, а информация о псевдозвездах должна быть отодвинута на второй план. Зарабатывать деньги, потока прихотям толпы, — это порок. И пора уже обратить самое пристальное внимание на мораль страны в целом и каждого жителя России в отдельности. Культура, духовность, образование — без них у страны нет будущего.

Следует отметить огромную работу по повышению духовности общества, которую последовательно проводит церковь. Но далеко не все россияне — люди верующие и нельзя забывать о разделении государства и церкви. Государство обязано заниматься не только бытом своих граждан, но и их воспитанием и образованием. Снижать выделяемые бюджетные средства на музеи, театры, школы, университеты не только преступно, но просто самоубийственно с государственной точки зрения. Да, голливудские боевики и реалити-шоу приносят огромные доходы, тогда как канал «Культура» смотрят единицы. Но и торговля наркотиками приносит огромные доходы, это же не значит, что все страны должны уподобиться Афганистану.

Предыдущие поколения оставили нашей стране огромное, одно из самых больших в мире духовное наследие. У сегодняшней России невероятный потенциал. Обращаюсь ко всем «правителям», хоть и знаю, что это почти бесполезно. Перестаньте разворовывать страну! Вложите деньги в культуру и образование, и вы увидите, что управлять умным, высокодуховным народом приятней и благодарней, чем озлобленной, необразованной, загнанной вами в угол нищей толпой.

М. Г. ДЕЛЯГИН,

*директор Института проблем глобализации, профессор-исследователь
Московского государственного института международных
отношений (Университет) МИД РФ, доктор экономических наук*

МЕСТО РОССИИ В КРИЗИСАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Кризис современной демократии. Во-первых, демократия дает власть наиболее влиятельной части общества, у которой в условиях глобализации могут быть внешние группы интересов. В результате демократия может оказаться инструментом этих групп и интересов, в том числе в той части, в которой они прямо противоречат интересам данного общества.

Во-вторых, глобальные сети становятся полноценными субъектами международной политики, почти такими же, как государства (включая США), когда-то породившие эти сети. Но эти сети не имеют ответственности перед обществами и государствами и преследуют преимущественно частные, а не общественные интересы. С другой стороны, они делают больше ошибок, потому что, обособившись от государства, уже не могут в полной мере использовать государственные «мозговые центры». Традиционная демократия и декларации о приверженности ей служат лишь ширмой, скрывающей данную ситуацию, и не могут изменить ее.

В-третьих, современная война (как мы видели на примере последней ливанской войны) ведется против сетей, глубоко интегрированных в общество. Для такой войны правительство должно совершать не подлежащие огласке действия — от тайных переговоров до тайных убийств. Это безнравственно, но технологически необходимо. Правительство, работающее «в прямом эфире», не способно вести такую войну. Технологии современной войны ограничивают институты демократии. Если общество и правительство идеологизированы, это ограничение демократических институтов не порождает коррупцию, но современные демократические стандарты (кроме США) убивают национальную идеологию.

Кризис современного управления. Первый «информационный взрыв» был вызван изобретением книгопечатания. Оно позволило большому числу людей задумываться об абстрактном, и система управления того времени, основанная католической церковью, не смогла справиться с ситуацией и удержать этих людей под контролем. Результатом управленческого кризиса стала Реформация и чудовищные религиозные войны (достаточно

вспомнить, что в ходе 30-летней войны население Германии сократилось вчетверо).

Изобретение Интернета — второй «информационный взрыв» в истории человечества, и мы вновь видим существенное увеличение количества людей, задумывающихся об абстрактных вопросах, не связанных с их повседневной жизнью. И современные общественные системы управления — государства, корпорации, гражданское общество — вновь не справляются с удержанием этих людей под контролем.

Кроме того, в эпоху глобализации управление является, прежде всего, управлением сознанием. Современные управляющие системы не адаптированы к технологиям формирования сознания (в том числе применяемым ими же самими) и потому начинают терять эффективность, верить собственной пропаганде, изменять восприятие реальности, терять ответственность (поскольку они обычно работают с телевизионной «картинкой» и забывают как о ее влиянии на реальную жизнь, так и о реальной жизни как таковой).

Для влияния на общество вполне достаточно изменить сознание его элиты, а не всего общества. В результате сознание элиты меняется в большей степени и иначе, чем сознание общества в целом, и поэтому элита и общество перестают понимать друг друга.

Итак, мы имеем системную управленческую проблему, которая является наиболее острой для США — как из-за того, что они являются наиболее передовой страной, так и из-за их глобального доминирования.

Нарушение баланса в глобальной экономике. Глобальные СМИ показывают людям стандарты потребления развитых стран. Между тем глобальная конкуренция лишает две трети человечества возможности нормального развития, и эти две трети понимают, что их дети никогда не смогут достичь нормального уровня потребления. Это причина роста глобальной напряженности во всех ее проявлениях, включая международный терроризм и иммиграцию.

Но проблемы есть и у развитых стран. Глобальная бедность (и различие культур) ограничивает глобальный рынок и, соответственно, рыночный путь технологического прогресса. Современные технологии слишком

сложны и дороги для бедных стран, из-за чего развитые страны нуждаются в увеличении военных расходов как способе стимулирования технологического прогресса. Однако это то самое лекарство, которое гарантированно страшнее болезни.

Новые дешевые и простые технологии разрушат глобальные монополии и дадут бедным странам возможности для развития, однако это будет нескоро — как результат глобального системного кризиса. Пока же напряженность продолжает нарастать.

Миссия России: решение глобальных проблем как своих внутренних. Национальная катастрофа, начавшаяся распадом СССР, продолжается. Само понятие России не определено, лишенное самоидентификации население продолжает вымирать и не демонстрирует признаков самоорганизации; эффективность же госуправления последовательно снижается.

Освоение российских ресурсов как мировым сообществом, так и самими российскими капиталами носит «трофейный» характер и не предусматривает последующего воспроизводства нашей экономики. Политика развитых стран в отношении наследства СССР на территории России напоминает дележ шкуры оглушенного медведя, который велеречиво и вдумчиво рассуждает в ходе этого процесса о своей роли в мировой истории и организации своего конструктивного и взаимовыгодного взаимодействия с группами охотников и мародеров.

Кажется, в этих условиях всякое рассуждение о глобальной миссии и даже просто о существовании России в течение ближайших 15 лет должно рассматриваться как проявление либо глубокой неадекватности, либо, в лучшем случае, маниакально-предвыборного психоза.

Однако вызванное этими логичными соображениями пренебрежение Россией, характерное для российских либеральных фундаменталистов уже во второй половине 1990-х годов, не встретило понимания у представителей ни одной из трех цивилизаций, развертывающих свою экспансию в современном человечестве.

Причина — не инерция сознания, но сочетание очевидной слабости России с ее контролем за группой уникальных и очень важных ресурсов (территория для евроазиатского транзита, сырье Сибири и Дальнего Востока, навыки создания новых технологий), дела-

ющее ее ключевым объектом практически всех цивилизационных экспансий. И это, напомним, помимо тривиальной географической близости к очагам последних.

Главная проблема человечества — столкновение цивилизаций — на ближайшее поколение делает Россию ключевым местом мира. Ибо судьба человечества будет определяться в конкуренции цивилизаций, которая примет форму столкновения (причем всеобщего, «всех со всеми») именно на территории и в коллективном сознании России, по вопросам, связанным с контролем за тремя группами ее глобально значимых ресурсов.

Наша страна уже становится межцивилизационным «полем боя». Первыми признаками этого являются неуклюжие попытки лавирования между расходящимися европейскими и американскими интересами, противостояние международному исламскому терроризму, столкновение интересов США и Китая по поводу восточносибирского нефтепровода.

И российское общество вновь становится одним из ключевых факторов развития человечества, ибо цивилизационное столкновение будет идти не просто на территории нашего общества, но внутри него самого. Возможно, это столкновение даже станет его структурообразующим признаком.

Мы сможем влиять на развитие человечества не в силу своей мощи, как 15 лет назад, но, напротив, в силу своей слабости, так как полем решения глобальных проблем станет наш дом. Цена этого «могущества от слабости» — жизнь, ибо любая ошибка может стать смертельной. Наша задача — гармонизация интересов и балансирование усилий цивилизаций, осуществляющих экспансию на нашу территорию.

Внутренняя российская политика в ближайшее время будет инструментом решения не просто международных, а глобальных проблем.

В силу разрушения технологического базиса России его модернизация создает возможность качественного рывка на основе широкого распространения класса новых сверхпроизводительных технологий. В глобальном масштабе оно не только разрушит глобальный монополизм, решив проблему его загнивания, но и вызовет резкое сжатие всей индустрии, что приведет к катастрофическим последствиям для большинства стран.

Е. Г. ДРАПЕКО,*депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ,
Заслуженная артистка РФ*

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ДОЛЖНА СНОВА СТАТЬ СОВЕСТЬЮ НАЦИИ

Являясь членом Межпарламентской ассамблеи стран СНГ и членом Комиссии по геополитике, я часто участвую в переговорах с Грузией. К сожалению, в российской политической элите очень низок уровень квалификации людей, принимающих решения, и мне обычно бывает не с кем посоветоваться в сложных случаях. Поэтому я от всей души благодарю вас за сегодняшнюю дискуссию.

Несколько лет назад мы с Борисом Дмитриевичем Парыгиным говорили о социальной анемии, постигшей российскую интеллигенцию, — она не только не говорит о насущных проблемах, но даже перестала размышлять над ними. И вот сегодня признаком выздоровления нашего общества, безусловно, является то, что мы с вами пытаемся вникнуть в эти проблемы и найти ответы. Это одна из важнейших функций интеллигенции — искать решения в кризисных ситуациях. Я много езжу по субъектам Российской Федера-

ции, была и в Чувашии, и в Якутии, и в других регионах. Выступала в разных аудиториях, и люди требовали ответов на главные вопросы жизни. А ведь я не могу их дать.

Россия отличается от Бразилии тем, что системная бедность народа не привела к его нравственной и интеллектуальной деградации. В провинциальных городах и селах — огромная жажда знаний и поиск правды. Поэтому я призываю вас говорить как можно громче. Интеллигенция всегда была совестью нации. Мы перестали быть властителями дум, и народ нас не слышит, потому что это мы в свое время привели его на бойню. Пришло время реабилитироваться.

Нас, оппозиционных политиков, не пускают на телевидение, не позволяют выступать публично. Поэтому нам необходимо еще больше требовать, настаивать на том, чтобы нас слушали, находить способы транслировать наши идеи.

В. С. ЖИДКОВ,*начальник отдела наук о человеке и обществе Российского фонда
фундаментальных исследований, научный сотрудник Государственного
института искусствознания Министерства культуры РФ и РАН,
доктор искусствоведения, кандидат экономических наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ (Москва)*

КУЛЬТУРА, ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В последние годы в публицистике и даже в научной литературе поднимается проблема так называемого «идеологического вакуума», который авторы подобных заявлений пытаются заполнить разного рода идеологиями и доморощенными национальными идеями. Позволю себе заметить, что здесь есть две ошибки. Во-первых, никакого «идеологического вакуума» нет и быть не может (всякий человек, даже об этом не подозревая, руководствуется некоей жизненной идеологией). То же самое можно сказать о любых социальных общностях (партийная идеология), этносах и государстве в целом (идеология

правлящих структур). Ссылки же на якобы консолидирующую роль коммунистической идеологии некорректны. Официально рухнувшая в 1991 году, она на самом деле перестала доминировать в обществе значительно раньше — еще в хрущевскую эпоху, что породило появление диссидентства, политических анекдотов и пр. Не случайно большинство нынешних олигархов вышли из бывших хранителей этой идеологии — из комсомольских лидеров советской эпохи. Для них идеология нерегулируемого капитализма оказалась очень близкой. И, во-вторых, современные глобализационные процессы делают все

более невозможной мечту Козьмы Пруtkова об установлении единомыслия в России.

Глобализация — это все более беспрепятственное пересечение всяческих границ капиталами, технологиями, товарами и услугами, людьми и — главное — информацией, в том числе и культурной (фильмы и иные художественные программы, зафиксированные на различных носителях, Интернет как канал транслирования фактов искусства и иной информации и т. д.). Современный человек стоит перед непрерывно расширяющимся спектром информационного выбора. А поскольку, как известно, личность человека, его картина мира формируется из информации, поступающей извне, это приводит ко все большей индивидуализации людей. Мы начинаем думать по-разному, более свободно выбирая себе идеологию, искусство, жизненный путь. Так что загнать современных людей в какую-либо общую идеологию, национальную идею и тому подобное невозможно. И это великое завоевание прогресса — общество, состоящее из непохожих людей, более жизнеспособно, ибо ему легче отвечать на вызовы истории. Но управлять таким обществом трудно, делать это можно только с помощью демократических механизмов.

Нужно ли стремиться к консолидации общества? В мирное время — нет. Существует ли для этого какой-либо инструмент? Безусловно, да. В ситуации разномыслия для этого существует только один эффективный механизм — внешний враг, создающий угрозу существованию социума. И если его нет, то для желающих консолидации остается один выход — врага следует придумать. Например, поделить общество на «наших» и «ненаших». А среди апологетов национального единства («наших») всегда найдутся теоретики, которые объяснят обывателю, почему «ненаши» плохие — они захватывают рабочие места, отстраняя «коренную нацию», торгуют на рынках и вообще у них неправильная форма черепа и носа.

Культура — это социальная память человеческого сообщества. Она основывается на традиции и формируется во всех аспектах социальной жизни — в политике, экономике, социальных отношениях и так далее, а также (что очень важно) в художественной культуре (искусстве). В искусстве запечатлевается картина мира людей соответственно эпохе и поколению. А поскольку создатели произведений искусства — художники, как и все их современники, с течением времени становятся все более разными, то и искусство расширяет спектр отраженных в нем кар-

тин мира. И это очень хорошо, потому что аудитория искусства тоже становится все более неоднородной. Если, несколько упрощая картину, отвлечься от субкультурной стратификации общества и попытаться расположить потенциальную аудиторию искусства по признаку возрастания эстетической компетентности (то есть способности воспринимать все более сложный художественный язык), мы получим пирамиду. Подавляющее большинство людей (нижние этажи пирамиды) ориентированы на так называемую массовую культуру. Знатоки и тонкие ценители искусства остаются в меньшинстве (вершина пирамиды). Но без этих знатоков невозможен художественный прогресс. Так всегда было, так всегда будет.

Отсюда вытекает вывод — и культурная политика государства тоже должна быть дифференцированной, разной по отношению к производителям художественной продукции, ориентированным на различные слои аудитории. Производители и потребители массовой культуры могут выжить в рыночных условиях, а высокая (экспериментальная) художественная культура и искусство с большим воспитательным потенциалом (например адресованное детям) нуждаются в государственной поддержке, то есть в бюджетных субсидиях.

Существуют только два способа раздачи бюджетных денег — через чиновничьи структуры и с помощью экспертных процедур, то есть через систему грантов. Первый способ давно себя скомпрометировал, ибо неизбежно порождает коррупцию. Второй издавна практикуется в мире и уже 15 лет используется в деятельности российских научных фондов. Накопленный в этой сфере опыт вполне себя оправдал и завоевал признание, в том числе и международное. Эту систему, с учетом специфики художественной культуры, стоит перенести и в сферу искусства.

Основная идея финансирования сферы художественной культуры через систему грантов состоит в том, что она дополняет базовое государственное финансирование учреждений культуры. Так, канал базового финансирования предназначен для поддержания учреждений культуры в рабочем состоянии. Таким способом финансируется содержание здания, его оборудования и зарплата технического и обслуживающего персонала. Творческая же деятельность финансируется на конкурсной основе через систему грантов. А победителей конкурса определяют не чиновники, как было прежде, а эксперты-специалисты. Эта система на принципиально новой

основе фактически возрождает государственный заказ: поощряется создание только тех произведений, которые выполняют важную социально-культурную функцию. А культурный ширпотреб производители пусть создают за свой счет и возвращают затраченные средства через рыночные механизмы.

Некоторые авторы поднимают вопрос о необходимости введения так называемой «нравственной цензуры». Полагаю, что делать этого не следует, прежде всего, в связи с невозможностью ответить на традиционный вопрос: «А судьи кто?» Тем более что в искусстве нет объективных критериев оценки, чем оно и интересно. В этой сфере царит субъективность.

Но здесь не должно быть и вседозволенности. Проблема эта должна регулироваться по двум каналам: юридическому и этическому. Закон о культуре должен содержать исчерпывающий перечень безусловных ограничений. Например, запрет пропаганды расовой и этнической нетерпимости, насилия, войны и т. д. Видимо, полезно локализовать во времени и по месту предложение произведений эротического и порнографического характера. А дальше все решает самоцензура и профессиональная (корпоративная) этика. Если художнику, нарушившему этические нормы корпорации, коллеги перестанут подавать руку, это станет серьезным тормозом на пути вседозволенности.

С. Н. ИКОННИКОВА,

заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук, Заслуженный деятель науки РФ

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР: ГРАНИ МЕНТАЛЬНОСТИ

Национальный характер относится к числу наиболее сложных, противоречивых и загадочных явлений русской культуры. Многочисленные споры и разные мнения лишь подчеркивают его неоднозначность, неуловимость и таинственность. Несмотря на это национальный характер имеет достаточно четкие контуры, проявляется в реальных поступках и словесных формулах русского языка, многочисленных пословицах и поговорках, стиле поведения и общения, духовных ценностях и символах, православном благочестии и отношении к другим конфессиям, складе характера и образе жизни. Национальный характер сложился исторически и сохранил основное ядро, которое проявляется в типе ментальности, особенностях умонастроения и мышления, в способах мотивации поступков и ценностных предпочтениях.

Национальный характер образует духовный стержень русской культуры, способен обнаруживать разные грани, неожиданные формы проявления. Это позволяет в его определении отвлекаться от множества индивидуальных форм, оставлять простор для личного своеобразия и сотворчества. Национальный характер как общее понятие и концепт отражает всю сложность исторического пути русского народа, он прошел испытание на прочность, не растворился в других культу-

рах, сохранил достаточную определенность и узнаваемость, является духовной ценностью и культурным достоянием русского народа.

Д. С. Лихачев неоднократно обращался к проблеме национального характера, стремился выявить наиболее важные черты, распознать исторические истоки, отметить достоинства и недостатки, обнаружить своеобразную кристаллическую структуру и предвидеть возможные изменения. В книге «Заметки о русском» он стремился определить, насколько справедливы суждения о «русском национальном характере как о характере крайности и бескомпромиссности, “загадочном” и во всем доходящем до пределов возможного и невозможного (и в сущности недобром)»¹. Д. С. Лихачев намеренно включается в полемику по столь острому вопросу. В русском характере совмещаются противоположные черты: доброта и жестокость, душевная тонкость и грубость, свободолюбие и деспотизм, покорность и терпение, соборность и эгоизм, трудолюбие и халатность. Отзывчивость и великодушие, сострадание и открытость сочетаются с ленью, разгильдяйством, пьянством. Вспышки ярости соединяются с сочувствием и щедростью, разгульное веселье сменяется унынием, безделье — активной

¹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1984. С. 7.

деятельностью, умением наवरстывать упущенное. Можно бесконечно перечислять позитивные и негативные свойства национального характера, амплитуда колебаний достаточно велика.

Д. С. Лихачев называет такое противоречивое соединение «поляризованностью русского характера»². Он ссылается на православное наставление, которое призывает: «Отрекись пьянства, а не питья, отрекись объядения, а не яствы, отрекись блуда, а не женитьбы»³. Истории известны коварные способы борьбы, внутренние распри и заговоры. Многовековая история русского народа прошла под знаком тревог, волнений, восстаний, войн, революций, которые оставили отпечаток на национальном характере. Социальные катастрофы не проходят бесследно. Они совершают переворот в национальном сознании, меняя отношение к традициям, ценностям и лидерам. Исторический подход позволяет увидеть немало новых культурных пластов в национальном характере народа. Но при этом сохраняется его ядро как основа русской духовности и ментальности.

В национальном характере достаточно четко проявляется связь с пространством. Необъятность, простор, широта, даль всегда ассоциировались с Родиной. Природа русскому человеку нужна открытая, большая, вольная, просторная, с огромным обзором. В фольклоре запечатлен восторг перед открытой далью и тоскливое страдание от закрытости, ограниченности, узости и тесноты. Родная земля любовно запечатлена в иконописи, русской пейзажной живописи, хоровой музыке, поэзии и прозе, прикладном искусстве. Русский человек испытывает наслаждение от созерцания красоты весеннего цветения, богатства осенних красок, графического узора зимней природы, оттенков водных и небесных просторов. Именно поэтому в градостроительстве и сельской архитектуре всегда придавалось значение выбору места, перспективе, общему виду. В описании облика и топографии Санкт-Петербурга Д. С. Лихачев выделяет горизонтальную линию соприкосновения воды и земли на всем протяжении набережных Невы, вертикальную линию высоты строений и неба, перпендикуляры шпиль и куполов соборов.

Красота пейзажа является духовной ценностью русской культуры, неотъемлемой чертой ментальности. Варварское отношение

к природе наносит неизгладимый урон национальному самосознанию. Религиозные верования имеют достаточно прочную основу в национальном характере. Православие оказалось созвучным душе и самосознанию русского народа, оказало влияние на ментальность. Религиозное учение содержало значение «оберега», имело защитный смысл во всех жизненных проявлениях от рождения до упокоения. Православные молитвы создавали традицию почитания Слова как мудрости, были источником просвещения народа. В миниатюрах и клеймах на иконах из уст праведников поднимаются легкие облачка с красиво написанными изречениями и поучениями. Эти тексты многократно повторялись, запоминались как нравственные заповеди, имели сакральный смысл, направляли на путь истинный повседневное поведение человека.

В написании святого образа отражались представления о высшей мудрости, несуетности, щедрой доброте и заступничестве, человеческом достоинстве. Исторический смысл понятий «лик», «лицо», «личина» (маска) многократно менялся в истории русской культуры, но сохранялось духовное содержание. Человеческое лицо — «лик» — воспринималось как зеркало души, как свидетельство противостояния Добра и Зла, Бога и Дьявола, торжества над грехом, внутреннего и внешнего преображения, достижения святости. «Личина» выражала нравственное падение человека, подчинение силам зла, порочность намерений и поступков. Религиозный символизм способствовал пониманию сложности человеческих отношений. Религиозность как черта национального характера включена в повседневную жизнь, но лишена фанатизма, утверждает терпимость и уважение к другим верованиям. Миролюбие и открытость воплотились в соборности как черте национального характера. Этим понятием выражается своеобразная форма общности, стремление жить и действовать сообща, «всем миром», вместе переживать радости, приходить на помощь в беде, совместно преодолевать трудности. Соборность означает также «собранность» в единое сообщество, многократное усиление возможностей в реализации намерений и определении перспектив.

В менталитете закрепилось позитивное отношение к центростремительным силам, способствующим объединению, и опасными считались центробежные силы, ведущие к распаду и расколу. Духовной ценностью признавалось сплоченность, крепость семейных отношений, верность в дружбе, взаимо-

² Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 144.

³ Там же. С. 191.

помощь, сотрудничество, надежность данного слова, чувство локтя. Соперничество, конкуренция, нарушение обязательств, предательство, измена, эгоизм, индивидуализм всегда имели негативный смысл. Обращаясь к различным письменным источникам, Д. С. Лихачев отмечает: «Не было ни одного литературного произведения, которое проповедовало бы раздробленность, обособление княжеств. Борьба за разъединение Руси не могла быть популярной»⁴.

Особое значение придавалось «славянскому братству». Общность языка и орфографии, религии и искусства, многочисленные культур-

ные контакты архитекторов и ремесленников, писателей и художников, ученых и церковных деятелей способствовали духовному единению и общей ментальности. В русском национальном характере воплотились ценности европейской культуры: личностное начало, универсализм, восприимчивость других культур, стремление к свободе. Не меньшее значение имеет многовековое взаимодействие с восточными культурами. В русском самосознании и ментальности органично соединились понятия и символы, нормы поведения и художественные образы, обычаи и обряды многих народов России.

М. В. ИЛЬИН,

заведующий кафедрой сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, главный редактор журнала «Политические исследования», доктор политических наук, профессор, Почетный президент Российской ассоциации политической науки

БАЛТО-ЧЕРНОМОРСКАЯ СИСТЕМА

Из названия «Балто-Черноморская система» (БЧС) понятно, что географически она образована соединением бассейнов Балтийского и Черного морей и обладает структурной осью Север–Юг. Однако ее политический смысл связан скорее с взаимодействием европейской системы государств с лежащими к востоку от нее политическими образованиями. В этом отношении важна структурная ось Запад–Восток. В самом общем виде БЧС может быть определена как специфическое геополитическое образование, которое расположено в лимитрофной зоне двух больших геополитических систем Европы и северной Евразии. Она не только лежит между ними, но и соединяет их, выступая в качестве ключевой связки двойной цивилизационной системы Европа–Россия [6].

Моделирование БЧС и ее превращений основано на методологии концептуального картирования. В ее основе лежит разработанная еще в 1970-е годы концептуальная карта Европы [5; 8; 9; 10; Rokkan 1987; Роккан 2006а; Роккан 2006б]. В ходе нашего с В. Л. Цымбурским обсуждения статьи Ларсена [5] выявились две альтернативные трактовки БЧС. Одна из них, акцентирующая чисто военно-стратегические, преходящие аспекты БЧС, была опубликована [6]. Вторая — структур-

ная — предлагается в данных тезисах. Она непосредственно связана с опытом концептуального картирования Евразии [1; 2; 3; 4].

Балто-Черноморская географическая зона развивалась издавна. Через бассейны Днестра и Волхова проходит путь из варяг в греки. В IX веке дружинное государство Рюриковичей становится политической скрепой федерации племенных союзов в бассейнах Днестра, Двины и Волхова. В течение X–XI столетий оно перерастает в протоимперию — Киевскую Русь, которая отчетливо противопоставит своим соседям: европейской *Respublica Christiana* на западе и Ромейской империи на юге.

В середине XIII столетия происходит натиск евразийской империи чингизидов на запад вплоть до пределов европейской *Respublica Christiana*. Киевская Русь распадается на четыре сектора. Восток (преимущественно бассейн Волги) становится дальней феодализованной периферией Золотой Орды. Юг (бассейн Дона, Среднее и Нижнее Приднепровье) подвергается депопуляции и политически дезинтегрируется. Запад (бассейны Днестра, Южного и Западного Буга, Двины, Верхнее Приднепровье) сохраняет относительную самостоятельность при нарастающей феодализации. Север (Новгородская и Псковская земли) признает номинальный вассалитет от Золотой Орды. Фактически образуется широкое

⁴ Лихачев Д. С. Заметки о русском. С. 47.

лимесное пространство между *Respublica Christiana* и Золотой Ордой, включающее кроме четырех зон киевского наследия Литву и Тевтонский орден в Прибалтике, а также просторы степной вольницы в Причерноморье.

В XIV столетии происходит внутреннее структурирование лимесного пространства. Литва устанавливает контроль над западным сектором киевского наследия. На юге возникают Молдова и Крымское ханство. На севере сохраняется баланс между Тевтонским орденом и русскими республиками. На востоке образуется московский центр, бросающий вызов Орде.

Возникновение первых контуров собственно БЧС можно датировать началом XVI века. Вокруг лимесной зоны и отчасти за счет нее консолидируются новые имперские центры: Речь Посполитая, Габсбургская империя, Османская империя и Московское царство. Сложное противоборство этих центров (Ливонская война и т. п.) ведет к появлению множества зависимых и полунезависимых территорий (украин) в пространстве между ними. Складывается внутренняя геополитика будущей Украины, включающая три большие имперские периферии и ряд особых территорий [1; 2].

Образование Вестфальской системы в Западной Европе в середине XVII столетия ведет к рационализации БЧС. Она становится своего рода «замком» Западной Европы на востоке за счет двойного кольца империй, которые сковывают друг друга. Европейские гегемоны Швеция и Австрия вместе с Речью Посполитой образуют западную часть этого кольца, Россия и Османская империя — восточную.

В течение XVIII века меняется конфигурация двойного кольца. Сначала Швеция, а затем и Османская империя фактически отесняются за пределы БЧС. Функциональное место Речи Посполитой переходит к Пруссии, а само польско-литовское государство подвергается разделу. В результате к концу столетия кольцевые империи смыкают свои границы и БЧС переходит в виртуальную фазу своего существования, которая продолжается до конца Первой мировой войны.

Между двумя мировыми войнами БЧС восстанавливается. Создается «санитарный кордон» с Польшей и Румынией как своего рода «мини-империями», ориентированными на сдерживание СССР.

После Второй мировой войны Балто-Черноморская зона была поглощена СССР, но не

утратила своего лимесного характера. Калининградская область, прибалтийские союзные республики, Белоруссия, Украина, Молдавия и Крым отчетливо воспроизводили коренную конфигурацию БЧС.

Распад СССР привел к полному восстановлению БЧС. В настоящее время она включает эксклавную Калининградскую область, Эстонию, Латвию, Литву, Белоруссию, Украину и Молдову с важными «ответвлениями» в виде Финляндии и Польши.

Функциональная роль БЧС заключается в том, чтобы выступать зоной соединения (взаимного наложения) европейской и евразийской цивилизационных общностей. В этом качестве она способна обрести свое цивилизационное и политическое предназначение, аналогичное тому, которое осуществил «пояс городов» в Европе, интегрировавший «цивилизованное» романское и «варварское» германское «крылья» Европы.

Литература

1. Ильин М. В. Слово об Украине и об истинах — отнюдь не простейших // Бизнес и политика. 1996. № 6.
2. Ильин М. В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. 1998. № 3.
3. Ильин М. В. Геохронополитические членения (cleavages) культурно-политического пространства Европы и Евразии: сходства и различия // Ильин М. В. Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / под ред. И. М. Бусыгиной. М., 1999.
4. Ильин М. В. Формирование и контуры внутренней геополитики Европы в двойной системе Евразия—Европа // Вестник Моск. ун-та. 1999. № 5. Сер. 12. Политические науки.
5. Ларсен Ст. У. Моделирование Европы в логике Роккана // Полис. 1995. № 5.
6. Цымбурский В. Л. Европа—Россия: «третья осень» системы цивилизаций // Полис. 1997. № 2.
7. Цымбурский В. Л. Как живут и умирают международные конфликтные системы (Судьба балтийско-черноморской системы в XVI—XX веках) // Полис. 1998. № 4.
8. Rokkan S. Cities, States, and Nations / eds. S. N. Eisenstadt, S. Rokkan // Building States and Nations. Beverly Hills; L., 1973. Vol. 1.
9. Rokkan S. Dimensions of State Formation and Nation Building / ed. Ch. Tilly // The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975.
10. Rokkan S. Territories, Centres, and Peripheries: Toward a Geoethnic-Geoeconomic-Geopolitical Model of Differentiation Within Western Europe // ed. J. Gottmann // Centre and Periphery. Spatial Variation in Politics. Beverly Hills; L., 1980.

В. А. КОНЕВ,*заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ*

КУЛЬТУРА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ

Формирование гражданского общества в России стоит на повестке дня политического развития страны. Хотя и существует множество различных толкований гражданского общества, вероятно, все-таки его главная черта — это такое основание общественности, которое обеспечивает способность граждан государства судить о нем и влиять на его действия, с одной стороны, и способность членов сообщества (общества) влиять на изменения социальных отношений и на общественные события — с другой.

В западноевропейском обществе эти способности укоренены в традиции «общественного договора». Хотя Гоббс и сформулировал концепцию общественного договора на заре Нового времени, идея его уже жила в сознании европейцев, в их «общественном инстинкте», сформированном римской традицией «Пусть рухнет мир, но торжествует закон!». Римское право, организация римской цивилизации на основе закона и способов его обсуждения стали тем, что унаследовали общества Западной Европы. Гоббс и просветители еще больше отшлифовали этот базис европейской общественности. А европейский рационализм создал для этого методологические основания — рациональную критику аргументов в пользу утверждения всеобщности того или иного выдвигаемого положения.

Западноевропейская традиция гражданского общества — это традиция гражданского объединения на основе права и закона. Может ли такой тип гражданского общества, основанный на идее общественного договора, утвердиться в российской действительности? Думаю, вряд ли. «Интуиция общественного», которая живет в сознании российского сообщества (в российской культуре и культуре многих народов России), восходит не к римской, а к византийской политической и правовой традиции и через нее — непосредственно к греческой философской мысли (для простоты рассуждения отвлекусь сейчас от рассмотрения опыта общественной жизни, который накоплен многими неславянскими народами России и который также существенно отличается от политической и правовой практики латинской цивилизации).

От византийской традиции идет ориентация общественного начала не на соглашение по поводу закона, а на оглашение закона верховной властью. Отсюда народное убеждение: «Вот приедет барин — барин нас рассудит!». Отсюда и триада «православие, самодержавие, народность». Отсюда и в условиях демократического поворота постоянные апелляции к верховной власти — она должна сделать то и это, это и другое, и вообще, куда смотрит президент? А в последнее время — разговоры (более того, почти всеобщее желание) о необходимости изменить Конституцию страны в отношении количества сроков избрания того или иного лидера на пост президента.

Но у этой традиции есть и другой аспект — в утверждении определенного порядка и смысла общественности огромную роль играли и играют признанные в сообществе моральные авторитеты. Достаточно вспомнить, например, авторитет Льва Толстого на рубеже XIX–XX веков («В России два царя — один на троне, другой в Ясной Поляне...»), влияние академиков А. Сахарова и Д. Лихачева на процесс демократизации советского общества и утверждение идеалов общественного развития. Ценность духовных авторитетов в развитии общественного самосознания и укрепления российского сообщества выразилось и в общественном значении жизни старцев Оптиной пустыни, и в том, что «русским мальчикам прежде всего надо предвечные вопросы решить» (Ф. Достоевский).

Последнее — решение предвечных вопросов — и есть, на мой взгляд, самое важное основание общественности в нашем историческом опыте, основание гражданского, то есть признаваемого и утверждаемого гражданами общества. Поэтому прав был Д. С. Лихачев, что в России нацию создала литература, на что обратил внимание А. С. Запесоцкий¹. Не случайно в общественном сознании утвердилось представление, что «в России поэт всегда больше, чем поэт». Решение предвечных вопросов человеческой жизни — это удел тех «русских мальчиков», с которыми в российскую

¹ См.: Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев: многогранность научного наследия. СПб., 2007. (Избранные лекции Университета; вып. 47).

историю вошла новая форма общественности — интеллигенция. Без российской интеллигенции нет российской истории, достаточно вспомнить знаменитые «Вехи» (с выводами которых можно соглашаться или не соглашаться, но которые совершенно справедливо указали на роль русской интеллигенции в истории начала XX века). Без российской интеллигенции не было бы того нравственного напряжения российской культуры, которое стало бесценным вкладом ее в мировую культуру.

Первенство нравственной проблематики предвечных вопросов бытия поставило в российском сознании, как верно заметил академик В. С. Степин, справедливость выше закона, а потому именно она, а не закон, всегда определяла общественный порядок (или беспорядок!). Но что такое справедливость? Это правда жизни! Это та правда, что раскрывает суть бытия, о котором говорила вся греческая философия и путь к которому искала великая русская литература и философия. Справедливость не может быть декларирована как закон или истина, она должна быть явлена, позиционирована, открыта как действие, как образец, как событие. Вот почему и необходимы общественные моральные авторитеты. Они не избираются, не назначаются, не покупаются. Они рождаются благодаря личным усилиям человека, олицетворяющего своими действиями, более того, своей жизнью, высокие нравственные ценности. Они становятся голосом общественной совести.

Поэтому гражданское общество в российской традиции может быть основано именно на образовании личности, способной ориентироваться на нравственные ценности. Такая личность формируется образованием и культурой. Поэтому путь к гражданскому обществу в России лежит через образование, ориентированное на воспитание, формирование свободного критического мышления личности (постоянное обращение к предвечным вопросам), и через высокую культуру, преемницу и продолжательницу великой российской культуры, культуры Пушкина, Достоевского, Толстого, Вл. Соловьева, Пастернака, Шостаковича, Лихачева и др.

О том, что именно образование и культура значимы для развития гражданского начала российского общества, свидетельствует совсем недавняя наша история. Перестройка и «революция» 90-х годов XX века стали результатом деятельности поколения «шестидесятников», а это поколение поэтических вечеров в Политехническом, слушателей Б. Окуджавы и В. Высоцкого, посетителей читальных залов

Ленинки и Публички, читателей выходявших тиражами в сотни тысяч экземпляров произведений русской и мировой литературы и т. п. О приоритетном месте в общественном сплочении институтов культуры и образования говорит и факт их распространения в обществе нашей недавней истории: в небольшом (15 тыс. жителей) городке Южа Ивановской области были три постоянно действующие публичные библиотеки, музей, собственная газета, четыре средние школы с бесчисленными кружками, отделение вуза, спортивный центр со стадионом, драмтеатр, народный хор и целый ряд мелких культурных институций, включая «общество поэтов»². Конечно, в условиях советского общества эти институции использовались для того, чтобы по ним циркулировала идущая сверху государственная идеология, которая и создавала «морально-политическое единство» советского общества. Но эти же институции работали и на формирование духовного развития человека, а не только на его идеологическую обработку.

Думаю, что сохранение и развитие подобных институций, которые в условиях ликвидации идеологического доктринерства могут и должны стать местом действительного культурного развития сообщества и каждого отдельного индивида, является реальным основанием формирования основ того типа гражданского общества, которое соответствует исторической традиции отечественного развития. «Декларация прав культуры», созданная по инициативе Д. С. Лихачева и провозглашенная впервые здесь в стенах Гуманитарного университета профсоюзов, — это российское добавление к «Декларации прав человека», которая наряду с правами ныне живущих людей утверждает права прошлых и будущих поколений, представленных культурой. Тем самым голос гражданского общества становится не только голосом актуально действующих общественных организаций, но и голосом культуры, ее обращением к политикам, действующему праву, правящей элите помнить, что политические интересы преходящи, а ценности культуры, утверждающие идеалы добра и справедливости, — вечны.

Конечно, для утверждения гражданского общества в России необходимо развитие современной рыночной экономики, укрепление и расширение демократических форм политической жизни, создание соответству-

² См.: Ситар С. Переоткрытие постсоветского пространства» / С. Ситар, Д. Рифф // Что делать? 2006. № 12.

ющей законодательной и правовой базы и развитие правового сознания граждан. Но эти необходимые для гражданского общества «атрибуты» тогда станут сваями, на которых будет прочно стоять гражданское российское общество, когда они укоренятся в исторической почве российской истории.

Вот почему и обществу и государству так важно с огромным вниманием отнестись к тому разделу национальных проектов, который посвящен образованию. Разрушение школы (как средней, так и высшей) — это

разрушение самых основ российского общества. Развитие школы (как средней, так и высшей), ориентированной на фундаментальное образование, которое было свойственно отечественной традиции, является необходимым (хотя и недостаточным, конечно, но именно необходимым!) условием становления российского гражданского общества.

Отечественная традиция гражданского общества — это традиция гражданского объединения на основе потребности постоянного обсуждения справедливости права и закона.

В. Б. КУВАЛДИН,

*руководитель круглого стола «Экспертиза»,
доктор исторических наук, профессор (Москва)*

РОССИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Вторая волна глобализации, начавшаяся в середине XX века, к его исходу привела к формированию глобального мира. Его системообразующей характеристикой является опережающее — по отношению к другим сферам деятельности — развитие человеческой активности на глобальном (трансмировом, транспланетарном) уровне.

Глобальная (мировая) политика, как и другие виды политических отношений, характеризуется сочетанием соперничества и сотрудничества. В отличие от других политических взаимодействий, отношения на глобальном уровне являются своего рода результирующей мирового политического процесса, отличаются большой внутренней сложностью и противоречивостью, предельным масштабом действующих величин, мобилизацией огромных ресурсов, величиной ставок в игре.

В последние десятилетия понятие «цивилизация» широко применяется в отношении мировой политики. Правда, правомерность его использования остается дискуссионной. Еще больше споров и нареканий вызвала идея «столкновения цивилизаций». Хотя и акцентирование «диалога культур и цивилизаций» характеризует лишь одну — и далеко не всегда ведущую — сторону их взаимоотношений.

В отличие от наций-государств — классической категории мировой политики — понятие «цивилизация» выглядит несколько размытым, неопределенным и недостаточно функциональным. Тем не менее это реальность, присутствие которой на мировой

сцене стало весьма заметно после холодной войны.

Как и многое в современной мировой политике, цивилизационный аспект имеет исторических предшественников и аналогов. В XIX — первой половине XX века, когда судьбы мира вершились в Европе, принадлежность к англосаксонской, романской, германской, славянской семьям народов также имела немалое значение в политических симпатиях и антипатиях, в формировании союзов и зарождении конфликтов.

Бурное развитие глобализационных процессов во второй половине XX века совпало со скачкообразным расширением поля мировой политики. Здесь, кроме цивилизаций, можно назвать мегаполисы, регионы, транснациональные корпорации, научно-производственные объединения, интеграционные группировки, многосторонние организации, глобальные институты. Вся картина мировой политики приобрела многоплановый, динамичный характер.

Каковы перспективы России как естественного центра русского мира в глобальном сообществе, рождающемся на наших глазах? На фоне несомненных успехов последних лет многие официальные лица, политические аналитики, журналисты склонны видеть их в радужном свете, как уверенное возвращение в высшую лигу мировой политики. Для таких оценок есть известные основания, но нередко они выдают желаемое за действительное.

Причины этой аберрации сознания кроются в упрощенном понимании природы

глобального мира и суженной, а то и односторонней оценке нашего потенциала. Например, часто указывают на размеры территории, природные богатства, давние культурные традиции, забывая, что все это — палки о двух концах.

О глобальном мире можно сказать много и разное, но ясно одно: это — не школа гуманизма. Мы живем в условиях жестокой конкуренции, безжалостно проверяющей на прочность национально-государственные институты. Это комплексная проверка, где строго ревизуется все — от хозяйственных навыков до культурных стереотипов.

Взяв на себя роль «адвоката дьявола», можно сразу навскидку указать ряд фундаментальных проблем, серьезно затрудняющих наше утверждение в глобальном мире, который, кстати, создавался не нами и без учета наших интересов. Цивилизационная принадлежность России неясна и вызывает острые споры как внутри страны, так и за ее пределами. Наша культурная традиция не очень хорошо сочетается с господством товарно-денежных отношений. Две национальные катастрофы на протяжении минувшего столетия (1917 и 1991 гг.) оставили глубокий след в коллективной памяти, общественной психологии и сознании. Современ-

ная Россия во многом сохраняет тот мозаичный, лоскутный характер, который был органической слабостью ее исторических предшественников и привел их к гибели. Непродуманные и своекорыстные реформы 90-х годов прошлого века привели к чудовищной растрате человеческого капитала. Наше государственное устройство — не унитарное, не федеральное, а какое-то эклектичное сочетание того и другого. Конкурентоспособность отечественного народно-хозяйственного комплекса, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Постсоветская политическая система — своего рода «временка», где непомерная нагрузка ложится на один весьма персонифицированный институт, в то время как многие другие носят скорее декоративный характер. У нас нет сильных, надежных союзников во внешнем мире. Этот список можно продолжить.

Ни один из перечисленных факторов, ни все они вместе взятые не являются непреодолимыми препятствиями для полноценного утверждения страны на глобальных просторах. Напоминание о них помогает справиться с головокружением от достигнутых успехов и восстановить чувство реальности. Мы только отошли от края пропасти, главные трудности — впереди.

А. П. МАРКОВ,

*профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП,
доктор педагогических наук, доктор культурологии,
Заслуженный деятель науки РФ*

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ РУССКОЙ ИДЕИ

В ситуации актуальных цивилизационных проблем и глобальных вызовов России необходимо прежде всего понять свое «моральное призвание», почувствовать, как писал Вл. Соловьев, ту «особую идею, которую мысль Бога полагает для каждого морального существа — индивида или нации — и которая открывается сознанию этого существа как его верховный долг. Эта идея есть такая же “роковая необходимость”, как и законы физического мира — она действует во всех случаях как реальная мощь, она определяет во всех случаях бытие морального существа, но делает это она двумя противоположными способами: она проявляется как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места. Ни человек, ни нация как моральное существо не могут осво-

бодиться от власти идеи, являющейся концентрированным выражением смысла их бытия»¹.

Русская идея есть особая (и во многом специфически российская) форма понимания цивилизационной миссии России, трактовки ее различных граней в меняющемся историческом контексте. Ее составляющие рассыпаны по различным текстам, авторов которых объединяет общий вектор интеллектуальных и духовных усилий — стремление понять или сконструировать историко-культурную самобытность и целостность России.

Актуализация в общественном самосознании русской идеи всегда происходила в

¹ Соловьев В. С. Русская идея // Русская идея: сб. / сост. М. А. Маслин. М., 1992. С. 187.

кризисные периоды истории. Повышенное и напряженное внимание к проблемам, отличиям и достоинствам своего народа вполне естественно и неизбежно в период резких политических, экономических и культурных перемен. Острота и значимость проблем национального существования нередко придавали формам выражения русской идеи особую напряженность, что объясняется кризисным состоянием национального самосознания, пытающегося «снять» чувство национальной неполноценности и обрести культурную идентичность.

Исключением можно считать сегодняшний этап — до последнего времени даже попытки признать отсутствие национальной идеи как проблему не имели, мягко говоря, особой популярности. Интернационализм советского периода (который Г. П. Федотов понимал как «противный персоналистической природе христианства сплав потерявших свой духовный облик народов»²) перешел в агрессивное неприятие или тупое молчание интеллигенции.

Свою роль здесь сыграли (и продолжают играть) несколько факторов. Сказывается внешнее «родство» национальной идеи с идеологией национализма, которое является, скорее, политическим ярлыком или результатом непонимания данного культурного феномена. Соответствующий спектр интеллектуальных поисков был заблокирован трактовкой русской идеи как явления, порожденного «русским этноцентризмом», обвинениями в «агрессивном мессианизме» русских и др. Безусловно, опасение перерождения национально ориентированного сознания в шовинизм с его проповедью расовой исключительности вполне обосновано историческими фактами. Не только опыт фашистской Германии, но и отечественная история демонстрирует факты «соседства» национальной идеи с политикой геноцида. Но эти антигуманные проекты не являются следствием воплощения национальной идеи — скорее, наоборот, они служат уроком ухода от нее, игнорирования нацией своего духовного предназначения. Кроме того, как известно, «преступление во имя идеи не исключает ценности самой идеи» (Г. П. Федотов).

У отечественной интеллигенции при слове «русский» до сих пор возникает комплекс вины и одновременно национальной неполноценности, целенаправленно внушаемый обществу либеральными идеологами последне-

го десятилетия. Ошибочно понятие «русский» принято отождествлять с этническим происхождением, хотя традиционно основанием для национальной идентичности в России была не этническая принадлежность, но прежде всего чувство духовной общности, ощущение особого исторического предназначения и судьбы. Русский — это человек, выросший в культуре и стихии русского языка, смысловой состав которого уже определяет тип национального сознания, задает систему мировоззренческих доминант.

В то же время отечественная гуманитарная традиция заставляет с большой осторожностью использовать в публичном дискурсе национальную символику — отношение русских мыслителей прошлого к национальной проблематике всегда было неоднозначным. С одной стороны, наблюдается открытое неприятие национализма как идеологии, которая проповедью «эгоизма обособленных частей» противоречит «христианской идее вселенского единства человечества». В 1940 году Г. П. Федотов писал, что «национальные интересы противоречивы, безмерны и неутолимы. Они возрастают, странным образом, параллельно падению духовного содержания национальной культуры. <...> Острота русского национального чувства в границах СССР и даже за его границами (то есть у русских эмигрантов) имеет свои аналогии лишь в тоталитарных империях. В нем живет и эрос страсти, и похоть вождения, гордость своей мощью и боль унижения — весь тот болезненный комплекс, который на наших глазах привел Германию к явному безумию. Русский молодой национализм не принял еще клинических форм, но уже несет с собой огромные национальные опасности». С другой стороны, русский философ писал, что «национальное самосознание России есть в то же время и воскрешение ее к духовной национальной жизни. Углубляясь в этот огромный духовный мир, мы поймем, как нелепы и даже кощунственны сусальные краски для описания его и фашистские приемы для овладения им»³.

И сегодня разброс мнений по проблемам, имеющим прямое или косвенное отношение к национальной идее, достаточно велик: на одном полюсе — отрицание ее социально-культурного смысла, признание исторической и социально-философской исчерпанности русской идеи в ее традиционных содержательных аспектах, на другом — утверждение русской идеи как одной из составляющих

² Федотов Г. П. Новый идол // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. СПб., 1991. Т. 2. С. 103.

³ Федотов Г. П. Указ. соч. С. 104.

национального менталитета, попытки сформулировать «значимую альтернативу» русской идеи в соответствии с сегодняшней социокультурной и политической ситуацией.

В связи с этим сегодня чрезвычайно актуальной становится проблема реабилитации — моральной и интеллектуальной — феномена русской (или национальной) идеи, анализа ее воплощенных и неудачных проектов, идентификационных возможностей и цивилизационных ресурсов. «Национальное самосознание есть непрерывно раскрывающийся духовный акт, смысл которого, говоря словами В. Соловьева, есть постижение в судьбе и духе народа того, “что Бог думает о нем в вечности”. Мы всегда неполно и отрывочно созерцаем отдельные стороны этой таинственной личности. Самые устойчивые национальные характеристики приходится пересматривать, перестраивать, потому что мы имеем дело с подвижным объектом, с меняющимся образом. Самосознание народа непосредственно совпадает с его актуализацией. Новый подвиг, новая жертва — и новый грех — влекут за собой новую установку национального самосознания. В этой опознающей работе участвуют, по следам исторического деятеля, проясняя его часто слепую интуицию, философ, историк и поэт»⁴.

В предыдущие исторические эпохи русская идея выполняла в культуре самые различные функции: она подчеркивала самобытность и уникальность национально-культурного организма; обеспечивала преемственность культурных традиций и отражала уровень развития духовной культуры, указывала направление совершенствования личной, общественной и государственной жизни. Фиксируя базовые ценности русской культуры, она способствовала объединению в единое целое огромного полиэтнического мира Российской империи. Н. А. Бердяев отмечал, что для России национальная идея — это не просто стержень национальной идеологии, но и «история русской духовности», «собирательный образ России». Формулируя национальную задачу России, философ писал, что страна стоит перед «великой задачей» — соединить «национальное единство и культурное развитие. <...> Нация, как и личность, должна себя охранять и укреплять не во имя свое, а во имя своего высшего назначения»⁵. И. А. Ильин с развитостью национальной идеологии напрямую связывал условия

реализации творческой природы человека, напряженность его духовной жизни: «Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, уклада и духа. Денационализируясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и священным огням жизни. Ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли. Национальное обезличение есть великая беда и опасность: человек становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам, обезличенным интернационалистом, а народ превращается в исторический песок и мусор»⁶.

Все это позволяет рассматривать национальную идею как важнейшую форму самопонимания народом своей культурной самобытности и духовной миссии, глубин и перспектив общественного развития, необходимую компоненту духовной жизни общества, его самопознания и развития, условие восстановления единства прошлого и настоящего, исторической памяти и образа будущего. Возможные опасности от экспансии национально ориентированной идеологии — не более чем те негативные последствия, которые ожидают общество от воплощения любой другой системы ценностей (например концепции прав и свобод человека): абсолютизация, доведение до крайности любой идеи и стремление осуществить ее на практике неизбежно заканчиваются ее саморазрушением.

Если обратиться к содержанию русской идеи, то можно обнаружить, что само возникновение идеи, динамика ее развития, смысловые акценты всегда зависели как от внутреннего, так и от внешнего контекста — интенсивность и новые грани русская идея получала, как правило, в критические для российского государства и общества моменты (Русско-турецкая война, Балканский кризис, Вторая мировая война, революция и последующие беды российского народа). Другими словами, понимание собственного предназначения во многом определяется (и стимулируется) характером и интенсивностью социально-культурной проблематики в микро- и макромасштабе. Его видение становится ответом на вызовы времени, оно обнаружива-

⁴ Федотов Г. П. На поле Куликовом // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 103.

⁵ Бердяев Н. А. Русская идея. СПб., 1992. С. 268.

⁶ Ильин И. А. За национальную Россию. Манифест русского движения // Слово. 1991. № 7. С. 83.

ется также в контексте другой культуры — понять сущность и специфику культурно-исторического «мы» можно лишь в диалоге и противопоставлении «они». И сегодня содержание и основные функции возрождающейся национальной идеи определяются, с одной стороны, характером социокультурной ситуации, сегодняшними проблемами общественного развития России и общемировыми тенденциями, с другой — ее сущностной способностью консолидировать многоэтническое российское общество, обеспечить ценностно-ориентационному многообразию российской культуры, стремящемуся перейти в хаос, общее духовное основание, смысл и перспективу развития.

Исходя из общей логики исторического процесса, единых оснований и истоков духовной культуры народов России можно утверждать, что в перспективе возможными мировоззренческими доминантами русской идеи (и вариантами национальной идеологии) станут несколько проектов.

1. Традиционный вариант русской идеи «Москва — Третий Рим», восходящий к XV веку, когда впервые осознается и формулируется историческая миссия Руси (в послании Великому князю Московскому Василию псковский инок Филофей пишет: «Все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, и это — российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать»). Эта идея, обеспеченная авторитетом православной церкви, со временем приобрела государственный, национально-политический характер и успешно выполняла объединительные и экспансионистские задачи. Ее основные составляющие: государственность как форма сохранения национальной самобытности и территориальной целостности; ценности православия, органично вошедшие в русскую культуру и придающие смысл жизни как обществу, так и отдельному человеку; понимание национально-культурной уникальности и духовной самобытности России, ее судьбы.

В традиционную модель русской идеи вписывается агиоцентрический проект Вяч. Иванова, который считал утверждение святости как наиболее вероятную форму воплощения русской идеи в будущем. Его агиоцентрическая культура основана на двух принципах: на признании святости в качестве высшей духовной ценности (спутниками которой будут всечеловечность и универсализм, мессианский пафос и служение, духовность и аскетизм, милосердие и сострадание) и референтности образа православных

святых (культурная вертикаль); на соборности общественного бытия с ее реальным равенством и свободой, когда последняя равна необходимости, то есть становится «неосознаваемой несвободой». Символический образ такого типа культуры — «Святая Русь».

Не исключено, что ценности русской идеи, которые сегодня активно востребованы обществом, будут скорректированы и содержательно дополнены «социалистической аксиологией», которая для значительной части населения не потеряла актуальности и сегодня. Трудно не согласиться с тем, что принцип справедливости есть норма отношений, отражающая «онтологический закон гармонических соотношений частей в единстве целого», а социализм, понимаемый как форма осуществления социальной справедливости, как писал С. А. Аскольдов, «имеет полное основание рассматриваться и с гуманистической, и даже с религиозной точки зрения имеющим на себе некоторое историческое благословение»⁷.

2. Концепция евразийства, характеризующая Россию как особый культурно-исторический мир, синтезирующий в себе восточную и западную культуру, как новый духовный центр евразийского континента. Зародившаяся в начале 1920-х годов в трудах философов и культурологов Трубецкого, Флоровского, Бицилли, Савицкого, Сувчинского, она нашла продолжение и развитие в работах Н. Рериха, Н. Гумилева и ныне начинает оказывать существенное влияние на формирование новой идеологии национальной консолидации. Основные идеи евразийства, определившие специфику этой концепции и не потерявшие актуальности сегодня, состоят в следующем: отказ от культурно-исторического «европоцентризма»; отрицание «универсалистского восприятия культуры», которое господствует в европейском самосознании и следствием которого является классификация народов на «культурные» и «дикие»; понимание России как особого культурного и духовного единства, географической и этнографической целостности — Евразии и утверждение особых путей ее развития; обоснование органичной связи культуры народов России с православием как «вселенской» религией и одновременно обусловленность русской культуры «пространством» (то есть влиянием восточного элемента); понятие нации как «симфонической личности» — коллективном носителе культурных ценностей.

⁷ Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции // Русская идея: сб. М., 1992. С. 200.

3. Мессианская идея России как всемирного лидера народов-изгоев⁸. В качестве исходного положения автор этого проекта А. С. Панарин утверждает, что России по критерию могущественности уже не быть сверхдержавой. Поэтому соревноваться с лидерами «первого мира» по его главным критериям силы и успеха — глобальная ошибка, которая может привести к окончательному истощению всех ресурсов, в том числе и духовных. Следовательно, Россия может и должна стать сверхдержавой неперспективных, достойных человеческой жалости и сострадания, должна стать сверхдержавой «людей неуспеха», уберегающей мир от либерального геноцида «золотого миллиарда». А исходящая оттуда опасность вполне реальна, ибо «расисты глобального мира готовятся к глобальной чистке, формируя при этом имидж спасителей цивилизации от “новых варваров”»⁹.

Реализация проекта предполагает отказ от традиционной геополитической борьбы за пространство (с надеждой на успех здесь могут бороться равновеликие) и переход в плоскость социально-психологической, духовной борьбы за судьбы неприкаянных и нуждающихся в социальной реабилитации. России надо подняться над национальным эгоизмом, над моралью успеха, стать империей, открытой сердцем для всех «нищих духом». Как только все «второсортное» население мира поймет, что кроме России у него нет надежды, заказ на ее роль сверхдержавы будет сформирован.

Успех этого проекта — в его мистической, религиозной энергетике. В свое время христианство совершило чудо — оно возлюбило тех, кому носители светской морали отказали в сочувствии, возлюбило безнадёжных (слабых, больных, бедных), которые стали носителями новой человеческой надежды. Сегодня требуется аналогичный поворот всемирного масштаба: возложить миссию спасения на народы неадаптированные, «неперспективные» по критерию успеха, силы, славы и богатства.

В контексте рассматриваемого проекта русская идея — это идея всемирной империи «новых бедняков», отлученных либеральной церковью, новых изгоев мира сего. Такая держава появляется в надматериальном, метафизическом пространстве (в отличие от

идеи большевизма, в которой изначально доминировал критерий «политического успеха»). И духовные ресурсы России здесь значительны, что прекрасно понимают идеологи «глобального мира» (может быть, именно такое понимание заставило сконцентрировать их усилия в предыдущее десятилетие на моральное растрепывание отечественной интеллигенции и политической верхушки — их подстегивал страх, что Россия может стать реальным лидером и объединителем угнетенных и страждущих мира сего, в том числе и мира мусульманского). Культурным ресурсом этого проекта является духовность и аскетизм — дух русской культуры, как отмечает А. С. Панарин, всегда был обращен к неудачникам, а традиции русской школы — дарить человеку достоинство помимо его социального статуса и экономического успеха. Ментальный ресурс проекта — солидарность, сострадательность, эмпатия русского человека. Проблемно-цивилизационный контекст проекта — ограниченность ресурсов природы: планета не выдержит активности «эффективных» и «успешных», поэтому залог выживания человечества состоит в том, чтобы на арену цивилизации вышли культуры и народы, согласные довольствоваться малым, переставшие мерить смысл жизни критерием успеха. Для таких культур Россия — образ надежды, особое метафизическое пространство, «обетованная земля бедных», что очень важно для внутреннего самочувствия загоняемого в «социальные резервации» большинства мира.

Все эти варианты русской идеи не противоречат, а, скорее, взаимодополняют друг друга, фиксируя ее религиозно-духовную, государственно-политическую, социально-культурную и миссионерскую грани. Востребованность культурно-идентификационных и цивилизационных ресурсов русской идеи предполагает сегодня не только вменяемую политику в области образования, культуры, адекватность в позиционировании России на международной арене. Она требует немалых интеллектуальных усилий и духовных сил общества, на общекультурном уровне предполагает активную работу национального самосознания, а в масштабах индивидуальной биографии — свободный и ответственный выбор каждого из нас. И от этого выбора зависит — нести идею своего народа, его культуры «в сердце своем и в судьбах своих или как благословение, или как проклятие» (Вл. Соловьев).

⁸ См.: Панарин А. С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // Вопросы философии. 2003. № 66; Наш современник. 2003. № 9.

⁹ Там же.

В. В. МИКРЮКОВ,*профессор кафедры управления СПбГУП,
кандидат технических наук*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ РАЗЛИЧИЙ И АЛЬТЕРНАТИВ

В огромной стране, как Россия, разделенной на 89 регионов — государственных субъектов, организация экономического пространства должна быть многоуровневой, сочетающей регулирование сверху и саморегулирование изнутри.

В качестве первого уровня интеграции экономического пространства России рассматриваются макрорегионы. При этом важное значение придается их самоорганизации, созданию и развитию межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия.

Россия имеет уникальное географическое положение как территория, соединяющая экономические регионы мира — Европу, Восточную Азию и Северную Америку. Отсюда вытекает исключительная роль нашей страны в обеспечении трансконтинентальных контактов. Закономерно, что проекты модернизации существующих и создания новых трансконтинентальных коммуникаций занимают важное место в стратегиях развития России в XXI веке.

В перечень приоритетных проектов мирового значения входят:

— модернизация Транссибирской железнодорожной магистрали с параллельным завершением автомагистрали Дальний Восток — Западная Европа;

— сооружение второго транссибирского железнодорожного хода Северо-Сибирской магистрали, восточным участком которой станет БАМ;

— развитие Северного морского пути — наиболее короткого маршрута между северными акваториями Атлантического и Тихого океанов, соединяющего Европу, Восточную Азию и Северную Америку;

— сооружение в будущем трансконтинентальной магистрали Северная Америка — Азия с тоннелем через Берингов пролив;

— организация трансконтинентального воздушного моста между Азией и Северной Америкой через Северный полюс;

— создание трансконтинентальных коммуникационных систем;

— развитие крупнейших континентальных проектов: железнодорожные и автомобиль-

ные коридоры между Западной Европой и европейскими регионами России (Балтика — Центр — Черное море; водный путь Волга — Каспийское море — Ирак — Персидский залив; нефтегазопровод и газопроводы Каспий — Казахстан — Туркменистан — территория России и др.).

Необходимо трезво оценивать жесткую конкуренцию, которую будет испытывать Россия со стороны стран южного пояса, также претендующих на роль в создании трансконтинентальных и международных магистралей — это восстанавливаемый Великий шелковый путь, снимающий значительную часть грузов с Транссиба; альтернативные нефте- и газопроводы, обходящие территорию России. Конкурентом Северного морского пути останутся и трансокеанические маршруты, проходящие через Суэцкий канал и др.

Важно, какую роль будут играть эти проекты для экономики России. Наименее выгодный для страны сценарий — это рассмотрение России исключительно в качестве транзитного пространства, которое международные перевозчики могут преодолевать быстрее и дешевле. Такое использование коммуникаций может принести России некоторые экономические дивиденды, но принципиальных изменений в экономике не может дать. Более весомо участие России в техническом обеспечении строительства и эксплуатации коммуникаций — производстве железнодорожных локомотивов и подвижного состава, строительстве арктических судов нового поколения, производстве телекоммуникационного оборудования и т. п.

Наиболее важно для экономики страны влияние новых трансроссийских коммуникаций на хозяйственное развитие прилегающих территорий с расположенным там производством по переработке перемещаемых грузов.

В контексте мировых различий и альтернатив все увереннее просматривается трансформация экономического пространства России, связывая воедино экономику, социальную политику, культуру, улучшая повседневную жизнь населения.

А. Н. МОСЕЙКО,

*старший научный сотрудник Центра цивилизационных
и региональных исследований Института Африки РАН,
кандидат философских наук (Москва)*

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ НА ЗАПАДЕ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹

В июне 2004 года Президентом РФ В. В. Путиным была поставлена проблема улучшения образа нашей страны в мире. Создание позитивного имиджа является одним из приоритетов государственной политики для многих стран в современном мире.

Проблема образа России на Западе далеко не проста, в связи с чем необходимо поставить некоторые методологические вопросы. В основе формирования образа лежит известная дихотомия «Я — другой». Субъект («Я») в процессе своей идентификации стремится самоопределиться по отношению к инаковости «другого», в связи с чем этот образ «другого» неизбежно будет окрашен переживаниями, интересами, связанными с обретением собственной идентичности. Поэтому во взаимоотношениях культур, в процессе восприятия информации о другой стране приоритетным будет то, что созвучно собственным проблемам: безопасности, улучшения жизни, поискам новых стратегий, ценностей, духовного обновления и т. д. Востребованные в контексте проблем своей страны знания и лежат в основе образа другой страны.

Образ России в западной культуре многослоен и многообразен, он развивается и изменяется в течение около пяти веков, на него оказывают влияние множество факторов: войны с нашей страной и угрозы с ее стороны, свидетельства путешественников, экономические, технологические и научные достижения, русская литература и искусство и т. д. Этот образ не является монолитным, он распадается на множество «подобrazов», образов временных, локальных, профессиональных, образов различных категорий населения.

В то же время необходимо заметить, что в совокупном, многосложном образе России в западном мире существуют некоторые архетипические доминанты-мифологемы. И это не случайно. Для Запада Россия выступает как главный, основной «другой» в иерархии «других», «другой» на архетипическом уровне. Россия выступает как сторона важнейшей

для Запада дихотомии: Запад — Восток, Европа — Азия, цивилизация — варварство; позже: демократия — тоталитаризм и т. д.

В качестве архетипических мифологем в образе России можно представить две основные: 1) Россия (и еще шире, Восток) как мир, полярный западному, мир наизнанку, принципиально непредсказуемый. Этот мир может нести угрозу («варвар у ворот») или спасение, выход из духовного кризиса; 2) Россия как объект для просвещения («ученик»), причем цивилизаторской, просветительской миссией обладает Запад, способный научить Россию демократии, привить ей западные ценности.

В разные исторические периоды и у разных групп, направлений эти мифологемы принимали различные формы, не меняя своей сути вплоть до нашего времени и формируя своеобразный «русский миф». Образ России на Западе всегда был эмоционально насыщен, наполнен одновременно страхами и надеждами, в нем постоянно действует своеобразная историческая пульсация: периоды жгучего интереса, ожиданий и страхов сменяются равнодушием и потерей интереса.

Определенные вехи эволюции «русского мифа» таковы:

— эпоха петровских преобразований вызвала интерес и надежды на цивилизаторскую миссию по отношению к варварской России («ученику»);

— победа русских войск над армией Наполеона не только доказала факт вхождения нашей страны как равноправного партнера в мировую политику, но и поставила под сомнение роль Европы как учителя и просветителя России. Более того, угроза со стороны России («варвар у ворот») проникла в ядро европейской идентичности. В Европе появились идеи об упадке европейской цивилизации и о животворящей и обновляющей силе, которую может внести Россия, ее «варварское» душевное здоровье и неиспорченность цивилизацией;

— после Октябрьской революции страх перед угрозой экспансии революции соседствовал с возрождением идеи о роли России, способной обновить, духовно обогатить Запад. На эту идею мощное воздействие оказала духовная культура русской эмиграции;

¹ Тема разработана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ 06-01-02085а («Идеи и идеалы российской цивилизации как фактор создания образа России»).

— после Второй мировой войны — снова представление об угрозе со стороны советских войск, оказавшихся в центре Европы («варвар в центре Европы», Черчилль), и альтернативная тенденция надежд на Россию как модель, которая может оказать оздоравливающее воздействие на Запад;

— перестройка в России и раблепная позиция Горбачева и Ельцина, призывающих «учиться у Европы», вновь актуализировала мифологема «ученика». Однако надежды «учителей» не оправдались, и последующая политика выдвинула лозунг собственного «пути обновления», не по «зарубежным учебникам».

Настоящий период в эволюции образа России, пожалуй, наиболее проблематичен. Интерес к нашей стране периода перестройки в настоящее время затух, ибо она не внесла в современную историю ничего нового. Период «дикого капитализма», связанный с ростом насилия и коррупции, на Западе давно преодолен, реформирование по устаревшим западным схемам не вызвало ни интереса, ни симпатии.

«...Европа... нуждается в самобытной России, а не в услужливом зеркале», — писал в 1993 году известный исследователь русской цивилизации Ж. Нива. Личное обаяние нынешнего президента и его широкие контакты на Западе внесли позитивную ноту в начавший формироваться пренебрежительно-негативный образ России. Но что дальше? Официальная государственная политика в плане формирования положительного образа нашей страны пока не приносит плодов, ибо в ней отсутствует самое главное — четкая идейная позиция. Самобытность России всегда проявлялась в насыщенной духовной жизни. Даже в советский период идеология (несмотря на ее догматичность) представляла альтернативу капиталистической стратегии и этим была привлекательна для интеллектуальной элиты Запада.

В формировании образа России большую роль всегда играли процессы в русской культуре, литературе, искусстве. Но как представит страну потребитель современной российской кинопродукции, столкнувшись с безудержным потоком насилия, безнравственности и негатива? Как отреагирует зарубежный (да и российский) зритель на факт присуждения престижной премии фильму «Сволочи» — исторически недостоверному и нравственно отвратительному?

Русская литература, веками несущая высокие идеалы и ценности, отражающая духовные искания народа, сегодня находится в глубоком кризисе. Не случайно Виктор Ерофеев свою антологию прозы конца XX века назвал символично: «Русские цветы зла» (2004). Эта литература, по словам В. Ерофеева, сомневается «во всем без исключения: в любви, детях, вере, церкви, культуре, красоте, благородстве, материнстве, народной мудрости... в Западе <...> идет заигрывание со злом...». Произведения писателей, составивших букет цветов зла, широко переводятся на Западе, вот они-то и несут четкий идейный посыл — самовыражение извращений, уродства, зла.

Так каким же может формироваться современный образ России? Разумеется, в русской культуре есть здоровые силы, способные противостоять этой икебанае зла и насилия: фильмы, подобные «Острову» П. Лунгина, прекрасная музыкальная культура (не «попса»), движение «нового реализма» в живописи, эволюция творчества В. Пелевина. И главное — наука России, которая всегда была нашей гордостью, и сегодня, несмотря на трудности выживания, делает огромные успехи во всех областях знания — естественно-научного, гуманитарного. Все это внушает оптимизм, ибо привлекательность России, ее культуры, науки — вот основа формирования ее положительного образа.

Л. Г. НАБИУЛЛИН,

старший научный сотрудник Института профессионально-технического образования РАО, кандидат педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург)

ЦЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РЕАЛЬНОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

В связи с процессами глобализации чрезвычайно важно выяснить вопрос о структуре ценностей в современном российском обществе. Ведь ценности — это стержень любой

культуры личности и общества. Это — обобщенные цели и средства их достижения, которые выражают фундаментальные нормы поведения человека в обществе. Это — также

особая информация о социальной и духовной реальности, о сущности и форме существования культуры общества и человека.

Необходимо учесть, что соотношение ценностей и знания весьма противоречиво, так как научное изучение объектов несвободно от ценностных предпосылок, куда входят: собственно познавательные ценности (точность, новизна, непротиворечивость выводов) и социально-коммуникативные нормативы взаимоотношений исследователей между собой и с обществом. В результате исследования нечто нормативно значимое становится объектом эмпирического исследования, поэтому оно рассматривается как сущее, а не как значимое. Кроме того, изучение социокультурных объектов предполагает двустороннюю ценностную оценку. Во-первых, выбор объекта и предмета исследования, как правило, ценностно мотивирован и обоснован. Во-вторых, само теоретическое обобщение полученных результатов исследования также имеет ценностную окраску. Поэтому при изучении ценностей личности важно объективно анализировать полученные результаты, не смешивать сущее и значимое, знание о человеке, культуре и обществе с социальными ценностями, утвердить полученные научные знания как рациональные цели, способы, образцы улучшения жизни как критерии и тем самым отделить социально одобряемые цели, способы, образцы от неодобряемых, хотя и рационально обоснованных. Такой подход, на наш взгляд, является наиболее верным при изучении социокультурных явлений, происходящих в России в современных условиях, когда она переживает едва ли не самую сложную и драматическую эпоху в своей истории.

С 1992 года Россия идет курсом либеральных социально-экономических реформ. Она все это время переживает глубокий системный кризис, затрагивающий жизнь каждого своего гражданина. Только за десятилетие с 1990 по 2000 год валовой внутренний продукт России упал более чем вдвое. За этот же период численность занятых в научно-технической сфере уменьшилось с 2,5 млн до 800 тыс. человек.

Современные отрасли российской экономики находятся в упадке, стабильный рост наблюдается только в добывающей промышленности. В результате либеральных реформ возникли две России — богатая и бедная, которые живут в разных измерениях, не понимая друг друга, их представители имеют разные ценностные ориентации. На наш взгляд, им будет крайне трудно найти согласие друг

с другом. Это имущественное и ценностное противостояние является фундаментом для процессов разрушения духовных основ нашей нации, ее традиционных представлений о добре и зле, способности различать дозволенное и недозволенное. В результате таких процессов происходит колоссальная нравственно-психологическая деградация населения. В массовое сознание насильственно внедряются ценности, чуждые нашей культуре, например, ориентация на личную выгоду и наживу. А ведь, как подчеркивал Д. С. Лихачев, «нравственность в современном мире теснейшим образом связана с культурой человека и общества»¹.

В результате негативных социальных процессов и пропаганды «ценностей потребления», как показывают наши исследования, в среде российских подростков и молодежи резко упал престиж производительного творческого труда на благо общества, стали непопулярными профессии квалифицированного рабочего, учителя, врача и т. д. Молодое поколение в первую очередь привлекают профессии банковского работника, коммерсанта, брокера, дилера, то есть профессии, не связанные с реальным производством, созидательным трудом по созданию общественно полезных ценностей. Об этом, в частности, говорят и результаты наших исследований. Мы выяснили, что на вопрос, правильно ли Вы выбрали свою профессию, утвердительно ответили 28 % будущих молодых специалистов Санкт-Петербурга, опрошенных в 2001 году, и 7,4 %, опрошенных в 2006-м. О желании идти работать по выбранной специальности заявили, соответственно, 18 и 8,3 % респондентов.

Определенный вклад в процесс формирования таких ориентаций молодежи, на наш взгляд, вносят СМИ, шоу-бизнес, кино и телевидение. Согласно нашим социологическим опросам, учащиеся Санкт-Петербурга проводят свободное время следующим образом: около 12 % посещают дискотеки; 13,4 % смотрят видеофильмы; 12,5 % посещают бары и развлекательные центры. Лишь 5,6 % ходят в театры, на выставки и в музеи; 2 % посещают кружки и клубы по интересам; 3,3 % занимаются музыкой, живописью; еще 2 % — конструированием или рукоделием.

Во второй половине XX века, во многом благодаря развитию информационных и коммуникационных технологий, границы между государствами стали прозрачными. Этот феномен получил название «глобализация».

¹ Лихачев Д. С. Книга беспокойств. М., 1995. С. 478.

Данный процесс, как свидетельствует мировая практика, имеет свои как положительные, так и отрицательные стороны. Объединительный процесс, начавшийся в конце XX века, продолжает набирать силу, так как всесторонние связи между регионами и народами Земли способствуют их расширению и углублению. Вместе с тем процесс глобализации выявил противоречия между обогащением и обнищанием населения почти во всех странах мира, включая и Россию; между принципами «рациональной» культуры и культуры отдельных групп населения; между глобальными и местными тенденциями развития. Особое место здесь имеет культурный аспект противоречий. Задача достижения культурной однородности всегда была достаточно проблематичной. Однако в настоящее время эта ситуация меняется: человек проживает в одной стране, имея там свой определенный социальный статус, семью, а выполняет работу уже в другой стране. Таким образом, принцип исключительной культурной принадлежности каждого отдельного человека к одному государству и одной культуре теряет былую противоречивую актуальность. В настоящее время отдельные государства и общества уже не в силах противостоять растущему влиянию экономических и

культурных сил глобализации, формированию у своих граждан ценностных ориентаций, господствующих в развитых странах, которые культивируют потребительские вкусы и интересы.

Можно сделать вывод о том, что современный общественный строй России не соответствует коренным интересам подавляющего большинства граждан и интересам развития страны. Мы в значительной мере укореняем у себя «брутальную систему» ценностей капиталистического мира как раз в тот исторический момент, когда многие страны переходят к социально и нравственно ориентированной рыночной экономике. В этой ситуации необходимо формировать такую концепцию стратегического развития нашей страны, которая бы была понятна всем гражданам и отвечала интересам большинства. В ее основе должны быть такие духовные компоненты, которые определяют цели, нормы и ценности обновленной общественной жизни наших сограждан, обеспечат в обществе солидарность и согласие между ними, придадут ему определенную нравственную целостность, консолидируют все слои российского гражданского общества, обеспечат стабильность и устойчивость его развития в настоящем и будущем.

Б. А. ПАРЫГИН,

*профессор кафедры социальной психологии СПбГУП,
доктор философских наук, Заслуженный деятель науки РФ*

ДУХОВНОСТЬ КАК ДОМИНАНТА РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Сегодня, когда перспективы и роль России, в первую очередь русского мира, их места в современном геополитическом пространстве становятся предметом широкого обсуждения, все более очевидна методологическая, даже пророческая значимость трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева как выдающегося культуролога.

Как справедливо отмечают А. С. Запесоцкий и А. П. Марков, «работы академика Лихачева о культуре — это, прежде всего, ответы на вызовы времени»¹.

Востребованность культурологических идей академика во многом определялась, по их мнению, тем, что социокультурные про-

цессы конца 1980-х — первой половины 1990-х годов анализировались, с одной стороны, в контексте исторически устойчивых тенденций российских реформ, с другой — на базе понимания России как субъекта мировой истории, в поток которой она плотно включена. Вот почему, когда стала рушиться десятилетиями формировавшаяся система ценностей, когда жизнь начала выдвигать совершенно новые вопросы, наиболее убедительными и фундаментальными оказались ответы Лихачева, ибо в их основе лежало системное культурологическое понимание России, ее души, ментального склада².

Как видно из вышесказанного, культура в понимании Д. С. Лихачева — это некое «органическое целостное явление», «духовная

¹ Запесоцкий А. С. Становление культурологической парадигмы / А. С. Запесоцкий, А. П. Марков. СПб., 2007. С. 51. (Дискуссионный клуб Университета; Вып. 10).

² Запесоцкий А. С. Указ. соч. С. 53.

среда», «сакральное пространство», утрата какой-либо части которого неизбежно ведет к общему падению культуры³.

Опасность утраты такой составляющей в рамках российского менталитета и национальной русской культуры, каковой является их духовная доминанта, уже сейчас достаточно актуальна в связи с альтернативными ей тенденциями роста и даже прессинга, идущего со стороны тех средств массовой информации, которые все более широко пропагандируют низкопробную, так называемую «попсовую» массовую культуру.

Однако эта угроза еще более возрастает, если в унисон с названной выше негативной тенденцией предпринимаются попытки подведения неких «научных» или подкрепляемых ссылкой на якобы научные источники теоретических обоснований необходимости, по сути, снижения ценностей, а если говорить напрямую, то просто избавления от духовной составляющей в российской культуре.

Именно на такие мысли наводит знакомство с недавним выступлением под названием «Нереальные русские (Миф о русском человеке как тормоз для обновления страны)»⁴ в «Российской газете» под рубрикой «Советы экспертов», а не в рамках дискуссии.

Сославшись на выступление владыки Кирилла на прошедшем недавно Всемирном Русском народном соборе, который говорил о необходимости приведения в соответствие представлений о православии и православном русском человеке с задачами модернизации современной России, эксперт Алек-

сандр Ципко так сформулировал свой основной тезис: «Конечно, лестно принадлежать к особому народу, который превыше всего ставит духовность. Но этот красивый миф очень часто ведет к оправданию нищеты и неустроенности»⁵.

Выдающийся русский философ и социальный психолог Н. А. Бердяев говорил о противоречивости характера русского народа, но не пытался духовностью объяснять его нищету, а изменение в судьбе России к лучшему видел не в отказе от духовности, а в ее синтезе с характерными для Запада ответственностью, дисциплинированностью, законопослушностью, расчетливостью и т. д. Ссылаясь на его слова, Ципко, как ему кажется, идет дальше, забывая предостережение Бердяева о не меньшей опасности потерять свое национальное лицо или, говоря словами последнего, «усвоить некоторые добродетели Запада», но при этом «оставаясь русскими»⁶. Следует заметить, однако, что Бердяев не сказал о том, как это сделать, то есть решить две достаточно непростые, а во многом и весьма противоречивые задачи.

Не имея возможности для углубленной дискуссии с Ципко и его коллегами, могу напомнить лишь об исходной позиции нашей публикации, связанной с формулировкой фундаментальной и вполне научно обоснованной культурологической концепции Д. С. Лихачева: академик предупреждал о реальной опасности для судеб русского народа и его культуры, которую может вызвать слом хотя бы одной из ее компонент, а тем более такой, как ее духовная составляющая.

А. В. РЕПНЕВСКИЙ,

заведующий кафедрой всеобщей истории Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор (Архангельск)

РОССИЙСКИЕ «СТРАХИ» НА ПРОСТРАНСТВАХ БАРЕНЦЕВА МОРЯ

Норвегия и Россия максимальной протяженностью границ обращены к Арктическим водам. Между соседями веками преобладают доброжелательные отношения. Однако это добрососедство не отменяет имеющихся между странами противоречий, которые проявляются по мере все более глубокого хо-

зяйственного освоения Арктики. Хорошие отношения помогают своевременно разрешать эти разногласия на взаимоприемлемой основе, не давая им превращаться в разрушительные, болезненные фобии.

Наиболее существенная из территориальных проблем имеет для России, так сказать,

³ Цит. по: *Запесоцкий А. С.* Указ. соч. С. 31.

⁴ Российская газета. 2007. 5 мая.

⁵ Российская газета. 2007. 5 мая. С. 5.

⁶ См.: *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1990. С. 7.

«отраженный характер». Исторически вопрос был связан с вековыми опасениями Норвегии о возможных территориальных притязаниях России на районы, прилегающие к незамерзающим фьордам Финмаркена. Подобные опасения зародились еще во времена Рюриковичей и Великого Новгорода, когда границы государств на Крайнем Севере Европы не были должным образом зафиксированы. Известно, что только ко 2 (14) мая 1826 года сухопутные границы были картографированы и оформлены международным соглашением. Однако и после этого раздуваемые англичанами слухи о возможном захвате Российской империей стратегически важного Киркенеса имели место. Подобные страхи были свойственны не только Норвегии, но и всей Европе, всегда опасавшейся огромного «русского медведя». Россия была поставлена в положение вечно оправдывающейся стороны за то, чего не собиралась совершать. И уже это вызывало первый «отраженный страх» — страх того, что Россию на Западе «не понимают».

Неадекватной была реакция Норвежского правительства на ненавязчивый зондаж со стороны СССР (1944–1945 гг.) вопроса о разрешении иметь военную базу на Шпицбергене, чтобы прикрыть морские подходы с запада и, возможно, ввести совместное управление архипелагом (кондоминиум). Норвегия категорически отказалась. Советский Союз к этому вопросу не возвращался. Однако правительство Норвегии избрало его, а также далекие от ее пределов события февраля 1948 года в Чехословакии как предлог для вступления в НАТО. Это вызывало в СССР очередной «отраженный страх» и распространение холодной войны на столь же холодные воды Арктики.

Были ли у России и СССР исторические основания опасаться атак своего побережья со стороны Баренцева моря? На наш взгляд, были. За последние 150 лет Русский Север трижды подвергался нападениям через этот район:

— англо-французские военно-морские силы находились в Белом море и у побережья Мурмана в течение двух навигаций — 1854 и 1855 годов, сожгли Колу, атаковали Соловки¹;

— англо-американские союзники-интервенты оккупировали Мурманск и Архангельск в 1918–1919 годах;

— немецко-фашистские вооруженные силы использовали для своей агрессии против СССР в 1941–1944 годах как территории Финляндии и Норвегии, так и акваторию Баренцева моря и Северного Ледовитого океана.

Вступление Норвегии в НАТО резко повысило степень опасений Кремля о возможном повторении арктической агрессии в составе прежних участников (Германии, Франции, Англии, США). Результатом этих страхов стала неизбежная и резкая милитаризация (атомизация) Кольского полуострова, Белого моря и вод Северного Ледовитого океана.

С 1871 года к началу XX века постепенно актуализировалась проблема государственной принадлежности и условий эксплуатации природных богатств архипелага Шпицберген и острова Медвежий. Судьба Шпицбергена была решена Парижским (Версальским) соглашением 9 февраля 1920 года без участия Советской России. Только 7 мая 1936 года СССР окончательно присоединился к этому договору, пойдя на уступки Норвегии.

В течение XX и начала XXI века усиливается тенденция перенесения проблемных пограничных вопросов между Россией и Норвегией с материка в арктические воды Баренцева моря.

Определенные трения с норвежцами в этой сфере возникли в 1921–1922 годах в связи с декретом Советского правительства от 24 мая 1921 года о введении двенадцатимильной зоны русских территориальных вод вместо существовавшей ранее трехмильной зоны. Норвежские рыбаки и морепромышленники долго не желали признавать этого нововведения и часто попадались на браконьерстве. Спустя несколько лет — 6 мая 1926 года — СССР информировал Норвегию о принятии 15 апреля того же года секторального (меридианального) принципа своих границ в водах Ледовитого океана². Норвежское правительство тянуло с ответом два с половиной года. 19 декабря 1928-го в ответной ноте премьер-министр Норвегии Ю. Л. Мувинкель отказался определить «окончательную точку зрения» и резервировал право «вернуться к данной проблеме» в подходящее время. (Землю Франца Иосифа он уже тогда прямо отказался признавать советской территорией³.) Такое время наступило 15 июня 1977 года,

¹ Давыдов Р. А. Оборона Русского Севера в годы Крымской войны. Хроника событий / Р. А. Давыдов, Г. П. Попов. Екатеринбург, 2005. С. 3.

² Советско-норвежские отношения. 1917–1955: сб. док. / под ред. А. О. Чубарьяна, У. Ристе. М., 1997. С. 146–147.

³ Там же. С. 171–172.

когда правительство этой страны заявило о введении двухсотмильной рыбоохранной зоны и вместо положенного Парижскими соглашениями «ограниченного суверенитета» ввело полную подчиненность территорий и акватории Шпицбергена и Медвежьего внутреннему хозяйственному законодательству⁴. Советский Союз отказался признать это заявление, и с этим обстоятельством норвежцам приходилось считаться. Но начиная с М. Горбачева и во времена Б. Ельцина Норвегия снова поставила этот вопрос, настойчиво требуя территориальных уступок от России. Руководство «позднего» СССР пошло сначала на признание «спорными» 175 тыс. кв. км шельфа⁵, а в 1988 году — и на территориальные уступки в северной части этого района. В 1991 году во время визита в Норвегию М. Горбачев заявил, что спорный вопрос «на две трети разрешен». Однако и визит Б. Ельцина в Норвегию в 1996-м и его предложение обсуждать одновременно новые границы и условия добычи углеводородов на шельфе не продвинули дела⁶.

Спорной территорией осталась так называемая «серая зона» — примерно 40 тыс. кв. км шельфа, наиболее важных не столько в рыболовном, сколько в оборонном и геологическом отношении. Оценочные ресурсы зоны составляют до 0,5 млрд т нефти и около 3 трлн кубометров газа⁷. Кроме того, с отдачей части этих территорий Северный флот оказывался бы отрезанным от Мирового океана⁸. За счет России Норвегия хотела бы разрешить надвигающийся на нее энергетический кризис, ибо запасы углеводородов Северного моря исчерпываются. На предлагаемый Россией кондоминиум по эксплуатации «серой зоны» Норвегия отвечает

отказом⁹. Следует помнить, что Норвегия является конкурентом России в сфере поставок нефти и газа в Западную Европу.

Приближается критический момент в отношениях сторон, когда неурегулированные вопросы о границах и правах в Баренцевом море могут привести к развитию взаимных фобий. Территориальные претензии Норвегии к России — только частный случай. Беспокойство вызывает то обстоятельство, что с 90-х годов XX века практически по всем границам России инициируется аналогичное напряжение. Это вызывает в российском обществе появление страхов.

Это показал опрос телезрителей, проведенный студией ТВЦ 7 февраля 2006 года в ходе передачи «Московская мозаика». Вопрос был сформулирован следующим образом: «Чего хотят от России соседние страны на самом деле?» Из 5,5 тыс. опрошенных 95 % сочли, что от России хотят сырья и территорий. Результаты опроса репрезентативны и тревожны. Формирование фобий налицо. В России оживает синдром «осажденной крепости», характерный для периода 20–30-х годов XX века. На Русском Севере этот синдром развивается под влиянием норвежских требований в «серой зоне» Баренцева моря и охотой за российскими траулерами в районе Шпицбергена в октябре 2005 года. Эти фобии являются питательной средой для национализма и даже неофашизма, причем не только в России. Историческую ответственность за это должны будут принять на себя и правящие круги тех стран, которые, пользуясь выгодной, как им кажется, ситуацией, пытаются заставить Россию пойти на необоснованные территориальные уступки.

⁴ Тресселт П. Соседи по Северу // Международная жизнь. 1997. № 5. С. 39.

⁵ 155 тыс. кв. км этих площадей приходится на акваторию Баренцева моря.

⁶ Kvalvik I. Assessing the Delimitation Negotiations between Norway and the Soviet Union/Russia // Acta Borealia. 2004. Vol. 21. С. 71.

⁷ Якуш Н. Н. Национальные интересы России на архипелаге Шпицберген // Русский Север в системе геополитических интересов России: сб. матер. конф. / отв. ред. В. И. Голдин, В. А. Михайлов. М.: Архангельск, 2002. С. 54.

⁸ Выход в Мировой океан будет возможен только подо льдом. См.: Информационно-аналитический материал МВК СБ РФ «О кризисной ситуации в северных регионах России и возможных угрозах национальной безопасности страны». М., 1999.

⁹ Тресселт П. Указ. соч. С. 41.

К. С. РОМАНОВА,*старший научный сотрудник отдела философии Института философии
и права Уральского отделения РАН, кандидат философских наук,
доцент (Екатеринбург)*

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ВЫБОРЕ ПУТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Выбор пути своего развития — это одна из самых сложных задач, которую в разное время и в разных условиях приходится решать любому обществу, государству, человеку. Механизм этого выбора до сих пор изучен крайне слабо. Он состоит из множества факторов, но интегрирующим является культура. В наше время происходит возврат к классической модели треугольника: «государь–церковь–интеллигенция». Вот только интеллигенция остается сегодня вне глобальной коммуникации, внутренне не консолидированной силой, которая разбегается по социальному пространству с целью прислужничества тем или иным социальным институтам (чаще всего финансовым, но также политическим или церковным).

Интеллигенция — общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным трудом и, как правило, имеющих высшее образование. Общественные функции интеллигенции заключаются в создании, развитии и распространении культуры. Слой как научная абстракция и реальная социальная единица — носитель системных качеств, не сводимых к свойствам индивида. Эти черты выступают при анализе всей общественно-исторической практики развития и функционирования общества, раскрывают место интеллигенции в системе межклассовых отношений, ее функции в экономике и политике, тенденцию развития, ее прошлое и будущее.

Русская интеллигенция исторически выступала носителем и мерилom общественной морали, была совестью общества. Для этого общественного слоя огромную роль играла извечная борьба за справедливость — идея борьбы добра и зла. «Сила русской интеллигенции — не в intellectus'e, не в уме, а в сердце и совести. Сердце и совесть ее почти всегда на правом пути», — определял Д. Мережковский, хотя и признавал при этом, что «ум часто блуждает»¹.

Изменения в социальной структуре происходят параллельно с экономическими преобразованиями. Складывается многоукладная экономика, в которой общественный сектор

сужается, а частный, в том числе и с крупным капиталом, доминирует. Развитие рыночных отношений требует экономического многообразия и конкуренции, а следовательно, и изменений в политической, социально-профессиональной системе в сторону плюрализма идей и отношений. Существующая духовная жизнь нашего современного общества характеризуется неограниченным порождением часто некоррелирующих друг с другом духовных конструктов, идей, концепций, причем все культурные субпарадигмы не объединяются стратегической идеей (социальной или национальной). Идейный плюрализм, или плюрализм мнений, — естественное разномыслие или инакомыслие, это есть величайшее достояние человечества, его повседневный мыслительный багаж, неисчерпаемый кладез знаний, производителем и носителем которого в первую очередь является интеллигенция. После того как была объявлена гласность, в дискуссию вступили широкие массы интеллигенции. На самом деле активные интеллектуалы ничего за душой не имели.

Особое место принадлежит носителям научного знания социально-политических наук, которые не могут констатировать общезначимых истин, ибо опираются на нормы, правила и ценности, принятые в том обществе, с которым себя идентифицируют. Доказательством этого факта является то обстоятельство, что существование и развитие социальных наук в советском обществе, при наличии колоссального количества ученых, обремененных учеными степенями и званиями, которые не смогли своевременно выявить закономерности разложения существующего общественного строя и прогнозировать его распад. Более того, абсолютное большинство этих ученых тут же превратилось в трубадуров иных общественных отношений и других социальных ценностей, уповая при этом на открывшуюся свободу слова, которая позволяет им говорить то, что они думают. Объективная истина познания определяется природой научных фактов, а не их интерпретацией.

Несмотря на то что именно Россия — одна из первых стран в мире, где раньше кибернетики и общей теории систем появилась

¹ Мережковский Д. Большая Россия. Л., 1991. С. 40.

всеобщая организационная наука тектология (А. Богданова, 1913), вовсе не науке суждено было стать здесь основой социального управления. Ею стала директива, понимаемая как «прямой призыв к действию в такое-то время в таком-то месте». Либеральные младореформаторы также не создали никакой серьезной теории переходного периода ни по политическому преобразованию государства в демократическое, ни по трансформации централизованного народного хозяйства в рыночную систему. В конкретно-политических событиях, произошедших в Советском Союзе и приведших к его разрушению, активной роль играли определенные группы интеллигенции. Они, как хамелеоны, сменили свою идеологическую окраску, маскируясь под выразителей интересов своей социальной группы и всего народа, а затем предали их. Не случайно первое так называемое демократическое правительство гайдаров и чубайсов называли правительством «завлабов».

В настоящее время большая часть бывшей интеллигенции, к которой относятся ученые, врачи, учителя, работники культуры (достаточно массовые социально-профессиональные группы), получила название «бюджетники». Бюджетное содержание этой социальной группы обеспечивает им лишь прожиточный минимум на грани физического выживания, лишая возможности развития и воспроизводства. Всякие общесоциальные, надличностные цели в условиях общего обнищания, всеобщего разочарования, тяжелых бытовых проблем и дополнительных трудовых нагрузок, общей социальной неопределенности и неуверенности в своем будущем отошли на второй план. Само понятие «бюджетник» приобрело уничижительное социально-психологическое значение в общественном сознании, потому что труд даже малоквалифицированного работника в крупном частном предприятии оплачивается во много раз выше.

Другая часть интеллигенции, которая непосредственно участвует в обслуживании государства и других институтов политической организации общества, получила название «государственные служащие» с вытекающими из их статуса привилегиями, сравнительно высоким экономическим обеспечением. Эта элитарная часть интеллигенции, которая доминирует на идеологической сцене, обслуживает капитал, в том числе олигархический, более всего склонна к продажности и устройству личного благополучия. К этой же группе примыкают многие деятели культуры, представляя так называемый шоу-биз-

нес, который по большому счету разрушает национальную культуру, внедряет поток низкопробной рекламы чуждых нам ценностей, продукции западной массовой культуры.

Сейчас с полным основанием можно говорить о довольно типичном для интеллигенции разочаровании теми изменениями, которые произошли в обществе. Примером тому может служить провал на выборах партии «Яблоко», электоратом которой в определяющей мере являлась интеллигенция. Огромное количество специалистов уехало за рубеж. Только в известной Силиконовой долине живет и работает более 200 тыс. бывших советских ученых. Многие представители интеллигенции ушли в другие сферы деятельности, не связанные с их образованием и профессионализмом (в «челноки», торговлю, рабочие и т. д.), туда, где можно заработать средства для содержания семьи. А какое количество людей из этой социальной группы, обладая высокой душевной организацией, попало во «внутреннюю эмиграцию», спилось или добровольно ушло из жизни, включая ряд общественных деятелей, артистов, писателей, даже таких закаленных фронтовиков, как Ю. Друнина или В. Кондратьев!

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы. В современных условиях России интеллигенция перестала быть социальным слоем, имеющим однородную экономическую основу, обладающим интегральными моральными и социально-психологическими чертами. «Опущенная» в экономическую яму, лишенная духовных ориентиров, российская интеллигенция в нынешних условиях не способна создавать какую-то новую национальную идеологию, систему ценностей, быть совестью нации, поскольку для этого нет не только душевных, но и жизненных сил. Сегодня ситуация в целом заставляет скорректировать основополагающие качества интеллигенции. К классическим чертам (высокий уровень образования, занятие умственным трудом, креативность) следует добавить такие, как высокая степень приспособляемости, легкость в отказе от идеалов и ценностей, социальная «мимикрия» и лицемерная двойственность социального поведения. Все это заставляет усомниться в высоких нравственных качествах и совестливости как отличительной черте интеллигенции, тем более что нравственность присуща не социальным группам, а отдельным личностям вне зависимости от принадлежности к той или иной группе, и определяется культурой, в том числе внутренней.

Ч. СИН СИН,

*заместитель директора Высшей школы общественного развития,
профессор (Китайская Народная Республика)*

О ВЛИЯНИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ НА МИРОВУЮ ПОЛИТИКУ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На протяжении долгой истории культура или цивилизация всегда оказывали глубокое и неоднозначное влияние на международные политические отношения, которые в определенном смысле «являются проявлением взаимного влияния различных культурных систем»¹. По мере ускорения процессов экономической глобализации и стремительного развития современных средств распространения информации возникает все больше возможностей для контактов между различными культурными системами, все более очевидным становится влияние культур на международные политические отношения.

Каким образом цивилизация и культура оказывают влияние на международные политические отношения? По мнению китайского ученого Чэнь Юэмина, между цивилизацией и мировой политикой должно быть связующее звено, в качестве которого может выступать только история, а в рамках всемирной истории роль такого связующего звена играет государство (нация)². Автор полностью разделяет эту точку зрения господина Чэня. В выдвинутой американским ученым С. П. Хаттингтоном знаменитой «теории конфликта цивилизаций» все описанные междоцивилизационные конфликты неразрывно связаны с государством. Более того, Хаттингтон признает, что цивилизация является продуктом деятельности государства, которое и в будущем будет оставаться наиболее сильнодействующим субъектом в международных делах. Однако он также подчеркивает, что государство через институты цивилизации будет жестко отстаивать свою специфику и интересы. Поскольку цивилизация связана с мировой политикой посредством государства, то независимо от того, насколько будет возрастать влияние культуры на мировую политику, оно всегда будет реализовываться через институты государства. Рассмотрим это положение подробнее.

1. Влияние культуры как некоего субъекта на политику и экономику может проявиться только через государство. Согласно логике Т. Гоббса, смысл зарождения и существования государства состоит в том, чтобы прекратить «противоборство человека с себе подобными». История и реальность жизни человечества после зарождения государственности свидетельствуют о том, что в международных делах суверенное государство является практически единственным активно действующим субъектом. После окончания «холодной войны» «в процессе глобализации политика больше не является деятельностью, характерной для какой-то одной страны или для межгосударственных отношений»³. Концепции и права суверенных государств подвергаются эрозии и вызовам. На этом фоне анализ сложившейся после «холодной войны» политической обстановки с использованием цивилизационных подходов позволяет в какой-то степени объяснить причину существующей тенденции постепенной утраты суверенным государством своей роли единственного действующего субъекта международных отношений. Однако как в ближайшем будущем, так и в отдаленной перспективе культура все же не сможет полностью взять на себя функции государства в области международной деятельности и заменить его.

Во-первых, цивилизация не является, да и не может быть субъектом, представляющим общие транснациональные интересы, тогда как в основе всех конфликтов лежит конфликт интересов. Конечно, смысл интересов не ограничивается только материальной стороной, есть интересы и нематериальные. США, например, считают распространение демократических ценностей западной демократии сферой своих национальных интересов. Из этого следует, что субъектом выражения интересов является государство, а не культура. Вплоть до настоящего времени, говоря о западной цивилизации как достигшей очень высокого уровня развития, невозможно было сказать, что она основана на каком-то общем интересе. Тем более нельзя говорить о том,

¹ Iriye A. Culture and Power: International Relations as Intercultural Relations // Diplomatic History. Spring. № 3. P. 115.

² Юэминь Ч. Расширение области исследований мировой политики // Цивилизация и мировая политика / под ред. Ван Цзисы. Шанхай, 1995. С. 3–5.

³ Хердер Д. Демократические модели. М., 1998. С. 439.

что эта цивилизация представляет собой некий субъект, в основе которого лежат общие интересы.

Начиная с Древнего Рима, западные цивилизации непрерывно конфликтовали, и две мировые войны XX века также возникли в недрах западных цивилизаций. В наши дни интеграция внутри Европейского союза достигла очень высокой степени, но и здесь часто возникают конфликты между интересами конкретных суверенных государств и общими интересами Союза, что уж говорить о других «цивилизационных объединениях»? Во время войны в Персидском заливе арабский мир не проявил себя как единый субъект, и все рассуждения об «исламской цивилизации» оказались всего лишь мифом⁴. Кроме того, сила воздействия цивилизации и культуры имеет свойство незаметно подвергаться внешнему влиянию и перестает, в конечном счете, быть собственно силой, способной направлять развитие мировой политики. Цивилизация и культура представляют реальную силу только в сочетании с политикой и экономикой, а поскольку политико-экономический комплекс в настоящее время олицетворяется государством, то роль культуры может проявиться, если она не просто будет стоять над государством, но опираться на него. «Если культура утратит свою собственную политическую оболочку, то есть государственность, она тут же потеряет способность к существованию»⁵.

Во-вторых, в условиях современной глобализации, независимо от того, каким угрозам подвергаются принципы суверенного государства, неоспоримым является то, что в современной истории государство по-прежнему есть тот субъект мирового сообщества, на который возложена обязанность олицетворять принципы демократического правового управления. Легальные правительственные и международные организации и механизмы могут функционировать, только опираясь на государство. Некоторые западные ученые делят международное сотрудничество и международные дела на две категории: «высокополитизированные» и «низкополитизированные». К первой категории относятся важнейшие международные дела, связанные с обеспечением мира и безопасности, а ко второй — дела, касающиеся экономики, охраны окружающей среды, социальной сферы, прав че-

ловека⁶. По мере укрепления глобальных связей в экономике, культуре, науке и технике в сфере «низко политизированных» дел нарастает явление диверсификации как в отношении участников процессов, так и тех, кто принимает решения. Это находит свое отражение в том, что в суверенных государствах наряду с правительственными органами существуют и неправительственные организации, и, таким образом, государство уже не является единственным участником вышеупомянутых процессов или единственным субъектом, принимающим решения. Однако две вышеупомянутые категории международных дел различаются по существу. Суть проблем, которые относятся к первой категории, составляют собственно политические вопросы, такие как вопросы войны, мира, безопасности, которые возникают в международных отношениях. В таких делах только государство обладает статусом, позволяющим ему принимать решения. Кроме того, в условиях глобализации суверенное государство функционирует в невиданных ранее по сложности условиях и несет небывало тяжелый груз ответственности, поскольку государство на фоне глобализации обязано эффективно защищать интересы своих граждан, максимально ослаблять негативное влияние на них результатов глобальных обменов в экономике и культуре, защищать безопасность и целостность страны. К тому же государство должно обеспечивать внутренний порядок, социально-экономическое развитие страны продукцией коллективного пользования, что еще более повышает степень ответственности государства.

2. Суверенитет культуры и суверенитет государства. Современная глобализация не является исключительно экономическим процессом. Это также процесс распространения ценностей западной цивилизации и ее политических идеалов, который имеет место благодаря развитию экономических связей. Особо это относится к единственной мировой сверхдержаве — США, которая, опираясь на реальную экономическую, политическую, военную, научно-техническую, информационную мощь, пытается распространить свою культуру и навязать свою систему ценностей всему миру, то есть подменить глобализацию «американизацией». Это на деле приводит к огромному дисбалансу в культурных обменах между странами мира и раз-

⁴ См.: *Сяоцзюнь Ма*. Усиление ислама: политический миф // Цивилизация и международная политика / под ред. Ван Цзисы. Шанхай, 1995. С. 170–177.

⁵ *Gellner E. Nations and Nationalism*. Oxford, 1983. P. 36, 243.

⁶ См.: *The Globalisation of World Politics: an Introduction to International Relations* / ed J. Baylis, S. Smith. Oxford, 1997. P. 305–308.

ными нациями, с одной стороны, и США и некоторыми их сильными европейскими союзниками — с другой.

Американская культура захлестывает мир только благодаря высочайшему уровню развития и их преимуществу в области информационных технологий и масс-медиа. В настоящее время скорость развития интернет-технологий такова, что за ней невозможно уследить. Интернет несет людям информацию, которая меняется с калейдоскопической быстротой, благодаря чему в мире сформировалось еще одно чрезвычайно прочное интернет-общество. В центре всемирной Сети стоят США, и ежедневно мощные информационные потоки несут во все уголки мира американскую культуру. Для осуществления информационного обмена коммуникантам необходимо, прежде всего, пользоваться единой системой кодирования информации, в качестве которой в настоящее время в Сети используется английский язык, а точнее, кодировка ASCII на базе латинского алфавита⁷. Хотя в названии этой кодировки и присутствует слово «американская», но по существу она является международной. Такие транснациональные потоки информации, облеченные в форму какого-либо одного языка, подавляют другие языки и другие системы письма, не способствуют многообразному развитию человеческих культур. Еще более важным является то, что потоки информации двигаются в одном направлении — от развитых стран к развивающимся. Вместе с экономической и научно-технической информацией возможно проникновение всего комплекса культурных составляющих, таких как сознание, система ценностей, религия, что может лишить национальную культуру ее жизнеспособности, и, в конечном счете, — привести ее к культурному монолатерализму, вплоть до таких катастрофических последствий, как «полное поглощение национальной культуры».

Насаждение своей культуры и своего образа жизни путем узурпации права использования языка (английского) в информационных обменах является специфической особенностью международной политической борьбы в эпоху глобализации. Незначительное число западных стран под предводительством США, неуклонно следуя идее мирового господства, постоянно продвигают свои особенности и опыт в качестве опыта общечеловеческого и стремятся к удержанию командных высот в духовной сфере. А ин-

тернет-технологии позволяют незаметно внедрять это сознание в умы людей в других странах. По замечанию Деррида, «новый интернационал», включающий мировой капитализм и информационные технологии, использует невиданные ранее боевые приемы для достижения мирового господства. Политические истоки господства и угнетения кроются отнюдь не в военном могуществе или политическом строе, они изначально заложены в языке (Ян Лу, 1998).

США осуществляют свою культурную экспансию, опираясь на действия правительства. Так, предоставление Китаю режима наибольшего благоприятствования, они обусловили неприкосновенностью радиостанции «Голос Америки»; основным пунктом принятой Конгрессом США в 1995 году «китайской политики» было открытие радиостанции «Свободная Азия»; на переговорах о защите авторских прав США жестко требуют от Китая доступа на его «культурный рынок» американской аудио- и видеопродукции.

США осуществляют культурную экспансию и проникновение в глобальном масштабе, что и является проявлением «культурного гегемонизма», а это — органичная составная часть политики гегемонизма США после окончания холодной войны, стратегия гегемонизма, оказывающая еще более глубокое влияние. В этом противостоянии США некоторые страны пытаются в противовес распространять и насаждать собственную систему культурных ценностей: начинают осознавать силу культурного суверенитета и поднимают задачи защиты суверенитета своей культуры до уровня защиты суверенитета страны, отвечая суверенитетом культуры на культурный гегемонизм.

Культурный суверенитет⁸, политический и экономический, является главным проявлением государственного суверенитета. Господин Ван Луин считает, что культурный суверенитет в современных международных условиях может иметь две тенденции развития.

Первая — комплексная — это собственные усилия по укреплению культурного суверенитета и защите политических субъектов суверенитета политического. Такая тенденция чаще всего имеет место в развивающихся странах, когда после окончания холодной войны они столкнулись с культурным прессингом со стороны развитых стран в области политического сознания, образа жизни и системы

⁷ ASCII (American Standard Code for International Interchange).

⁸ См.: Цивилизация и международная политика / под ред. Ван Цзисы. Шанхай, 1995. С. 343–344.

ценностей. Такая тенденция ведет к еще более прямой зависимости между культурой и суверенитетом. Для развивающихся стран защита культуры и есть защита суверенитета. Ростки такой идеологии стали появляться и в развитых странах.

Вторая тенденция проявляется в рамках новых международных политических структур и состоит в том, что все больше политических субъектов, которые ранее не были особенно заметны, начинают требовать культурного суверенитета. После прекращения существования сформировавшихся после Второй мировой войны биполярных международных структур некоторые политические субъекты распались и превратились в материал для формирования структур эпохи после холодной войны. Это произошло с СССР, который распался на ряд государств, Чехословакией и Югославией, где ради такого распада даже была пролита кровь. И в наши дни тенденция стремления к культурному суверенитету продолжает существовать в ряде мест на планете, например в Южной Африке. Постановка в один тесный ряд вопросов защиты культурного суверенитета и независимости страны в наши дни является новой тенденцией в международных отношениях. В этой области особенно остро проявляется вопрос о борьбе за суверенитет и права человека между странами Запада и развивающимися государствами.

Страны с различным общественным строем и находящиеся на разных уровнях развития из-за ментальных, культурных и исторических различий исповедуют неодинаковые системы ценностей. Например, США являются яркими последователями моральных идеалов, базирующихся на правах человека, свободе, демократии. Эта система взглядов является «фундаментализмом прав человека» и связана с новыми религиозно-культурными традициями в США. Если же говорить о Китае и других развивающихся странах, которые на протяжении своей истории многократно подвергались внешней агрессии, утрачивали суверенитет, не говоря о правах человека, и для которых высшей ценностью поэтому является суверенитет страны, то они считают, что без суверенитета не может быть и речи о так называемых правах человека. Существование подобных различий в системах культурных ценностей между Западом и Востоком является нормальным явлением. Все расхождения в рамках мирового сообщества имеют равное право на существование и могут урегулироваться путем консультаций и согласований.

Цивилизации и в конфликтах, и в сотрудничестве стремятся к миру. Говоря о влиянии культуры на мировую политику, люди всегда выделяют тот факт, что междоцивилизационные конфликты могут вызывать и углублять конфликты межгосударственные, при этом, однако, игнорируется то, что наличие различий между цивилизациями предполагает и существование признаваемых общих черт. Сталкиваясь между собой, разные цивилизации одновременно вступают в коммуникацию, начинаются обменные процессы, и в конечном счете формируется взаимное признание. Междоцивилизационные конфликты и столкновения — это одна из форм взаимовлияния культур, а обмены и контакты и базирующиеся на них взаимное признание, заимствования и восприятие являются другой стороной взаимодействия культур. Как пишет английский философ Рассел, «взаимные обмены между разными культурами в прошлом уже не раз демонстрировали, что они являются вехами на пути развития человеческой цивилизации. В Греции изучали Египет, в Риме занимались Грецией, арабский мир исследовал Римскую империю, средневековая Европа подражала арабам, а Европа эпохи Возрождения брала пример с Византии»⁹. Междоцивилизационные обмены и контакты создали культурную основу для мирного сосуществования людей, имеющих разные культурные корни.

На протяжении всей истории человечества с самого ее начала различные цивилизации и культуры выходили за государственные, расовые и национальные рамки, вступая в контакты между собой. Каждый культурный тип имеет историческую подоплеку происхождения, рациональность существования, у каждого есть свои достоинства и недостатки. На протяжении истории существования разных культур всегда параллельно существовали конфликты, противоречия, обмены и контакты. Культурные обмены и распространение культур приводили к тому, что при столкновении разных культурных систем одновременно с сохранением специфических, характерных черт каждой из них происходило сопоставление и заимствование, и таким образом формировалась современная система мироустройства, когда в каждой культуре имеются черты, заимствованные из других культур.

Европейская культура до наших дней сохраняет свою могучую жизненную силу

⁹ Рассел Б. Сравнение китайской и западной цивилизаций. Предпочтения свободного человека. Чаньчунь, 1988. С. 8.

именно потому, что оказалась способной воспринимать элементы других культур, непрерывно обогащаясь и обновляясь при этом. Аналогичные процессы происходят и в китайской культуре. Всем известно, что пришедший из Индии буддизм способствовал в огромной степени развитию философской мысли, религии, литературы, искусства. Можно говорить о том, что Китай заимствовал индийский буддизм, но и последний достиг своего величайшего расцвета в Китае; именно здесь он получил гораздо большее распространение, чем в Индии. В процессе сближения индийского буддизма с китайской культурой произошла его «китаизация», возникли новые школы «Тяньтай», «Хуаянь», «Чаньцзун». Они не только оказали влияние на развитие неоконфуцианства во времена династий Мин и Цин¹⁰, но и распространились дальше — в Корею и Японию, оказав, в свою очередь, огромное влияние на их национальную культуру. Очевидно, что эти различия являются своего рода культурной сокровищницей; благодаря им у людей возникает вдохновение, ведущее к культурному обновлению. Без существования различий невозможно многообразие в развитии, без них не была бы столь многоцветна картина современной культуры человечества.

На основе внимания к иным культурам и признания другими собственной расширяются возможности для взаимного признания культур. Взаимные межкультурные обмены и формирующееся на этой основе взаимное уважение стало одним из основных элементов современного мироустройства и стимулировало его согласованное развитие. Культурная архитектура современного мира является плодом синтеза этих двух составляющих. Американский ученый Л. А. Самовар подчеркивает, что четкой путеводной нитью при историческом анализе международных отношений является то, что человечество начинало с обменов и контактов между малыми этносами, которые в конце концов объединялись в региональные цивилизации. «Человеческие цивилизации во все более многочисленных областях находят точки соприкосновения и применяют общие ценностные стандарты»¹¹. История контактов между людьми и история современных международных отношений свидетельствуют о том, что «развитие культурного сотрудничества является одним из самых эффективных

способов достижения взаимопонимания между государствами»¹².

В настоящее время вслед за стремительным развитием экономического глобализма все более повышается степень взаимного влияния культур. Для любой культурной системы, стремящейся к самостоятельности, становится все труднее сохранять обособленность и изолированность, поскольку межкультурные обмены принимают невиданные масштабы. В наши дни, когда человечество вступило в XXI век, в глобальных межкультурных обменах усиливается влияние глобальных процессов на культурные системы, а с другой стороны, эти обмены становятся движущей силой и содержанием процесса глобализации. Это находит свое отражение в следующем:

1. Быстрое развитие современных видов транспорта и связи все в большей степени нивелирует временные препятствия для общения людей, возникает все больше возможностей для межкультурной коммуникации, беспрецедентный размах принимают межкультурные обмены и контакты. Развитие торговли, инвестиций, глобального туризма, межнациональных культурных обменов и миграции населения явились факторами, которые активизируют межкультурную коммуникацию и расширяют ее масштаб. Стремительное развитие СМИ ведет к непрерывному увеличению получаемой людьми информации, при этом люди имеют возможность выбирать интересующую их информацию относительно культурных особенностей других наций, непрерывно расширяется база взаимных межкультурных заимствований и сопоставлений.

2. В наши дни постоянно растет число проблем глобального характера, которые представляют угрозу для человечества, создают трудности. Это демографические взрывы, загрязнение окружающей среды и нарушение экологического равновесия, транснациональная преступность, распространение вооружений. В решении всех указанных проблем, касающихся перспектив и судеб человечества, огромную роль играет межкультурная коммуникация. Все страны мира уже осознают актуальность вышеперечисленных проблем, стремятся к достижению взаимопонимания и ощущают потребность в международном сотрудничестве в данных областях. Углубление глобального осознания упомянутых проблем еще активнее способствует расширению

¹⁰ Дайюнь Юэ. О многообразии развития культур // www.peopledaily.com.cn.

¹¹ Самовар Л. А. Межкультурная коммуникация. 1988. С. 44.

¹² Азиатское коммюнике 1955 г.: сб. док. Азиатской конф. 1955. С. 50.

межкультурных контактов и взаимному признанию. Французский социолог Алан Турен считает, что в мировом сообществе будущего у всех наций будет одна общая забота — общечеловеческая судьба как продукт обновленного исторического опыта, и эта забота будет естественно вести людей к объединению.

Взаимопроникновение, заимствования и взаимосвязь разных культурных систем не предполагают нивелирования межкультурных различий. Признание иной культуры не означает ее полного копирования или переноса. Прежде всего, с точки зрения исторического развития заимствование элементов иной культурной системы всегда происходит с учетом и в рамках собственной культуры, при этом при первичных контактах совершается отбор того, что представляет ценность. Например, попав в Китай, индийский буддизм получил огромное развитие, и существовавшие ранее между буддизмом и китайским образом мышления серьезные противоречия очень быстро исчезли. Кроме того, раньше всегда подчеркивалось, что буддизм не вписывается в рамки традиционной китайской этической концепции в той ее части, где рассматриваются сексуальные отношения между мужчиной и женщиной; даже самые стойкие апологеты этого учения не могли принять постулат, гласящий, что «всякий может иметь суждение о сексуальных отношениях мужчины и женщины», но они сохраняли по этому поводу молчание. Французские поэты-символисты в 1930-е годы оказали огромное влияние на китайскую поэзию. Произведения А. Рембо, П. Верлена переводились на китайский язык, но в то же время самый выдающийся представитель французского символизма С. Малларме был в Китае практически неизвестен.

Будучи заимствованной, культура уже не может развиваться в прежнем русле и, соединяясь с местной культурой, синтезирует новый, порой еще более яркий продукт. Культура Древней Греции сначала попала в Египет, где получила обогащение и расцвет, затем она оказалась в Западной Европе, где послужила основой всей европейской культуры. Такое явление развития одной культуры на иной культурной почве довольно распространено. Очевидно, что взаимные культурные заимствования являются не только процессом унификации или синтеза, но и процессом порождения нового в различных условиях. Как говорится в одном из древних китайских текстов, «гармония ведет к порождению нового, а унификация останавливает движение вперед». Другими словами,

появление нового, то есть развитие, возможно лишь при существовании различий, и, наоборот, там где все едино, нет движения, развития.

Таким образом, нарождающееся в новых условиях при наличии возможности выбора новое, хотя и не может в полном объеме сохранять свои прежние черты, так как все же является продуктом, возникшим на какой-то ранее существовавшей основе, но оно в определенной степени уникально. Именно поэтому доминирующей тенденцией в процессе глобализации и мультилатерализации является стремление не к унификации, а к синтезу, в ходе которого формируются и новые различия.

Как отметил Цзян Цзэминь, «мир разнообразен». Народы прошли каждый свой исторический путь, достигли разного уровня экономического развития, имеют свой культурный фон, особое социальное устройство и различные ценностные концепции, ведут неодинаковый образ жизни. В этом и проявляется разнообразие мира. Мы должны признавать существование различий, поскольку именно они являются двигателем прогресса¹³. Безусловно, это не исключает того, что в процессе длительного развития человечество сможет выработать некие общие критерии системы ценностей, однако даже такие многочисленные критерии в разных регионах, у разных народов получают неодинаковую интерпретацию и разное воплощение¹⁴. Для достижения сосуществования цивилизаций в глобальном масштабе необходимо следовать принципу: безусловное признание за каждым народом и человечеством в целом права и свободы выбора вероисповедания, социальной модели и образа жизни. Необходимо достичь взаимного уважения и взаимопонимания между разными культурами, жизненными устоями, политическими системами и религиями, не отказываясь от корней, вести равноправный диалог, осуществлять обмены и заимствовать все положительное, что есть у других.

Любая культура нуждается в заимствованиях не только для собственного обогащения, но и для лучшего познания и понимания самой себя на основе сопоставления, в интересах развития. Для этого необходимо шире смотреть на мир, чтобы понять представителей иных культур, отличающихся ментали-

¹³ Цзэминь Ц. Выступление на саммите тысячелетия ООН // Международная жизнь. 2000. № 10.

¹⁴ Дайюнь Юэ. О многообразии развития культур // www.peopledaily.com.cn.

тетом и укладом жизни. Это совершенно необходимо в интересах обеспечения многообразия человеческой цивилизации и для стимулирования взаимного доверия между различными этносами и конфессиями во имя их дружественного сосуществования. Для достижения таких целей следует, прежде всего, демонстрировать представителям иных культур искренность своих намерений, преодолевать неправильные представления и предвзятость, особенно важно не допускать попыток принудительной унификации других культур, преодолеть комплекс «культурного превосходства Запада» и еще целый ряд ошибочных посылок. В действительности, не только «западоцентризм», но и попытки заменить его разными другими альтернативными «центризмами», нарушают ход истории и вредят достижению мира на планете. Все чаще в мире имеют место попытки подменять западные каноны незападными, но такой метод не решает проблемы культурного гегемонизма, а является лишь упрощенной копией постулатов прежней теории «западоцентризма».

Чрезвычайно важным является обеспечение в межкультурной коммуникации «равного права языков», осуждение попыток военными, политическими, экономическими средствами, насилием и даже террористическими методами вмешиваться в жизнь других людей и насаждать свои идеалы и представления. Различные культурные системы должны преодолевать рамки своих систем ценностей, собственных традиций и образа жизни, выступать партнерами по равноправному диалогу, проявлять взаимное уважение и в гармоничной, дружественной атмосфере устранять недопонимание в интересах совместного обсуждения важнейших проблем мира и человечества, искать пути их решения. Такие этические принципы в сфере международных контактов должны получить повсеместное признание (Ю. Хабермас).

Уважение к другим культурам — это первостепенное условие поддержания мира на планете. Прежний председатель КНР Цзян Цзэминь подчеркнул: «В мире более 200 стран и регионов, более 2500 национальностей и множество религий, поэтому правильное решение этнических и конфессиональных проблем имеет огромное значение для поддержания мира и стабильности на Земле. Мы считаем, что мир многообразен. Необходимо в полной мере уважать религиозное и культурное многообразие и самобытность, проявлять толерантность, не до-

пускать пренебрежительного отношения, вступать в контакты без дискриминации, вести диалог без враждебности, сосуществовать без конфликтов, на основе принципов взаимного уважения и равноправного отношения, стремления к общему при сохранении особенностей, раскрывать активную роль каждой культуры, стимулировать непрерывное развитие человеческого общества и совместный прогресс всех стран и народов. С древности и до наших дней возникающие то и дело между народами, принадлежащими к разным национальностям и исповедующими разные религии, взаимное презрение, дискриминация, вражда и конфликты принесли неисчислимый ущерб и страдания не только этим народам, но оказывали также негативное влияние на развитие, стабильность и покой в регионах и во всем мире. Человечество не должно забывать эти горькие уроки.

Эгоцентрический подход, действия, провоцирующие национальный сепаратизм и даже национальную месть, расходятся с ходом истории, являются в высшей степени предательством интересов мира и прогресса»¹⁵.

В разных странах существуют свои представления о системе ценностей, и никто не должен навязывать их другим. Равноправие систем ценностей в межгосударственных отношениях — необходимая предпосылка для мирного сосуществования государств и равноправных контактов между ними.

В мировом сообществе объективно существует разнообразие культур, выходящих за рамки бытующего сознания; оно-то и является системообразующим фактором многообразного мирового сообщества, а уважение этого многообразия есть важнейшая культурная основа обеспечения глобального мира. Любые попытки подменить глобальное культурное многообразие какой-то одной культурной моделью, опираясь на военную и экономическую мощь, являются разрушением основ международного мира. Без взаимного понимания особенностей стран, наций, систем ценностей, морально-этических стандартов, без их адаптации и гармонизации настоящий мир на Земле не возможен. Настоящий мир динамичен и представляет собой творческое состояние столкновения разных культур, в ходе которого происходит взаимное обогащение при условии сохранения уникальности каждой из них. Консерватизм и

¹⁵ Цзэминь Ц. Выступление на приеме, устроенном президентом Демирелем.

боязнь одной культуры утратить свою уникальность в результате столкновения с другой, колониалистская психология подавления иных культур являются главными вра-

гами мира. Прочным и настоящим может быть только мир, построенный на фундаменте существования культурного разнообразия.

Ж. Т. ТОШЕНКО,

*главный редактор журнала «Социологические исследования»,
член-корреспондент Российской Академии наук,
доктор философских наук, профессор (Москва)*

ФЕНОМЕН «СОВЕТСКОЕ» В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Обычно когда употребляют слова «советский», «советская», «советское», имеют в виду, во-первых, СССР (Советский Союз), его историю, возникновение и существование, его противоречивый, сложный и трагический путь. Во-вторых, с этими словами ассоциировалась социалистическая (коммунистическая) идеология, которая в большинстве случаев или отрицалась, или изображалась в крайне негативном смысле. В-третьих, понятие «советское» часто отождествлялось с представлением о советском человеке, которого пренебрежительно и унижающе называли «совком». И, наконец, в-четвертых, этот термин представлялся как некий «выкидыш» истории, недостойное и мерзкое явление в человеческой цивилизации, от которого надо решительно и безоговорочно отказываться и даже стыдиться, потому что носители таких обвинений считали себя частично порочными только за то, что родились, жили и работали в этой стране.

Таким образом, уже почти два десятилетия смешиваются понятия «Союз Советских Социалистических Республик», «советское», «социалистическое», которые близки по звучанию, но представляют собой совершенно разные, неоднозначные сущности. Остановимся на этом подробнее.

Во-первых, постоянно смешиваются рассуждения об СССР, с одной стороны, как об империи, с другой — как о безвременно утраченной ценности. Что касается первой точки зрения, то империей СССР был больше по форме, чем по содержанию: где, в какой империи, известной всему миру, «имперский» народ — русские или в более широком смысле россияне, все население РСФСР, жил хуже и беднее всех входящих в ее состав «порабощенных» народов и республик. Что касается второй точки зрения, то она исходит из позиций неоправданного разва-

ла СССР, игнорируя тот факт, что он стал не только экономически, но и идеологически слабее, чем окружающий мир, и поэтому не мог выдержать испытаний, выпавших на его долю. Правда, остается открытым вопрос «что ускорило процесс развала Союза — только ли некоторые объективные обстоятельства, или субъективные тоже?» Тем более что есть данные Института системных исследований РАН, который исследовал факторы падения всех известных миру империй — Британской, Французской, Римской, Османской и других, о том, что Советский Союз мог бы просуществовать еще примерно два с половиной века. Но при всем этом очевидно, что в целом это образование не выдержало испытания историей и не стоит ни в какой мере пытаться реанимировать прошлое.

Во-вторых, в политической и околонаучной лексике появилось огромное количество «новаторских» выражений вроде «совка». Этим уничижительным термином пытались обозвать весь народ, который не только одержал победу в великом противостоянии с фашизмом, но и создал вторую по мощности и величии державу в мире. Конечно, в этом термине пытались собрать все негативные черты, которые присущи части людей и вполне реально отражают их изломанный, примитивный образ жизни. Но зачем совокупность этих отрицательных черт распространять на весь народ? Глубоко убежден, что этот термин могли придумать только негодяи, которым ненавистен свой народ и которые называют свою страну «эта страна».

В-третьих, понятие «социализм» идентифицировали с самыми отрицательными моментами в жизни страны. Напомню, в начале 1990-х годов на выборах в первую Думу КПРФ и другие социалистические партии

получили от одной четверти до одной трети голосов в различных регионах России. В то время самым расхожим утверждением было такое: «Это наследие старого мировоззрения, изжившей себя социалистической идеологии, которой придерживается старшее поколение. Потерпите, скоро оно уйдет в Лету и все нормализуется — о социализме перестанут мечтать». Но уже прошло немало лет после этих событий, и хотя ежегодно почти по два миллиона людей, в основном пенсионного и предпенсионного возраста, уходили в мир иной, число сторонников социализма не уменьшается, а кое-где даже растет. Более того, в 2006 году мы стали свидетелями того, что одна из партий — «Справедливая Россия», беспрекословно поддерживающая официальный путь, сделала своим девизом социалистические идеи.

И, наконец, не избежала оплевывания и советская культура. Причем нападение шло на самые чувствительные места, которые могли быть основанием для утверждения, что советская культура — это тоже дутая величина, сплошной обман, это те же совковость и примитив. Сдобренный издевательскими комментариями, негативными красками, поруганием всего того, что было создано советской культурой, этот шквал атак был направлен на вычеркивание всего, что связано с советским этапом жизни страны. Для этого использовалось все: что, мол, не Шолохов написал «Тихий Дон» (подразумевался бывший белый офицер, представитель «истинно» русской дореволюционной культуры), что Есенин и Маяковский были убиты (наряду с трагедиями известных деятелей культуры как О. Мандельштам и др.), что Горький предал русскую интеллигенцию (ретивые даже переименовали в Москве не только улицу, но и станцию метро, узел которой в советское время знаменовал единство русской литературы: «Пушкинская» — «Чеховская» — «Горьковская»). К этому присоединялись рассуждения о Золотом и Серебряном веках русской культуры, которые, по мнению не помнящих родства, и были последним «истинным» словом русской литературы.

Но в этих баталиях и прениях, дискуссиях о недавнем советском прошлом забывают об одном — какое достояние в сфере духовности, самобытности народа осталось от советской культуры, насколько оно ценно, значительно. Правда, в последнее время все начинают говорить о том, что кое-что, дескать, было создано и в советское время. Показательными стали демонстрации кинолент, произведений искусства и архитектуры.

В настоящих тезисах я хотел бы предложить ряд идей, еще не принятых, но назревающих тенденций по оценке того достояния, которое нам досталось от советской культуры.

Смею утверждать, что советское, прежде всего в виде советской культуры, ее художественных произведений, искусства и архитектуры, является одним из величайших феноменов в истории человечества, так же как от эпохи Римской империи нам осталась латынь, римское право, до сих пор вызывающие восхищение произведения науки, философии, искусства.

И в самом деле, до сих пор поражает мир русский авангард, который стал не только порождением русской культуры, но и предтечей этого художественного течения во всем мире. Да и оплеванные некоторыми деятелями произведения так называемого социалистического реализма представляют образцы высокого творчества начиная от плакатной живописи 1920-х годов до батальных и жанровых сцен 1950–1980-х.

Не меньшее впечатление оставляет и советская архитектура. И это не только конструктивизм. Разве можно представить себе Москву без «сталинских» высоток? Что бы ни говорили о них, какие бы домыслы (особенно идеологические и политические) о них и об истории их возникновения ни распространяли, — это, несомненно, весомая часть советской культуры, ценность которой останется в веках и в истории человечества. А что бы ни говорили о советском балете и как бы ни высмеивали его участие в жизни нашей страны (телетрансляция «Лебединого озера» в августе 1991-го), но факт остается фактом — в искусстве балета мы были впереди планеты всей.

А достояния советского кино, начиная от «Броненосца «Потемкина»» Эйзенштейна и заканчивая многими замечательными произведениями 1950–1980-х годов, воспевающими добро, порядочность, нравственность и уважение к другим людям.

В этом ряду не следует забывать (или умалчивать) о достижениях советской науки — освоении космоса, когда именно наши ракеты, спутники и люди первыми проникли в космос. Этого никогда не вычеркнешь из истории человечества. Даже автомат Калашникова — это не только оружие, но и достояние научной и инженерно-технической мысли, признанной во всем мире, хотя он используется далеко не всегда для благовидных целей.

До сих пор нас согревает песенное творчество, которое побуждает к самому светлому, возвышенному, героическому в обыденной

жизни и, я уверен, не потеряет своей ценности в веках.

И, наконец, не могут не восхищать многие достижения советской литературы, творчество не только ранее упомянутых Горького и Шолохова, но и Твардовского, Платонова, Симонова и многих других.

Все это, конечно, ни в коей мере не оправдывает ужасных и страшных событий в истории и жизни нашей страны. Мы никогда не должны забывать террора 1930–1940-х годов, преследования инакомыслящих. Но и в истории Рима были неблагоприятные дела — и

массовое истребление других народов, и самодурство правителей (чего стоит, например, сожжение Рима Нероном), и кровопролитные войны. И то, что Римская империя рухнула, это не только дерзость и нападения варваров — это и внутренние пороки, которые подточили ее могущество.

Поэтому исследование феномена «советское» представляет собой не только художественную ценность — это изучение уникального явления, которое останется важнейшей вехой в истории не только нашей страны, но и всего человечества.

И. Б. ЧУБАЙС,

*директор Центра по изучению России, декан факультета социологии
и россиеведения Института социальных наук,
доктор философских наук (Москва)*

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РУССКИЙ МИР ЧАСТЬЮ МИРОВОЙ ИСТОРИИ, ИЛИ ПОЧЕМУ МЫ НЕ СЛЫШИМ ВЫЗОВЫ ЭПОХИ?

Частью целого может быть лишь то, что создано по правилам этого целого, что так или иначе вписывается и соответствует его нормам. Если анализировать ситуацию в нашей стране, то следует признать — мы не включили себя ни в какие действующие мировые стандарты и не создали никаких новых мировых эталонов. Мы пребываем вне истории.

Возникает множество вопросов, на которые необходимо найти ответы.

Чем был порожден российский кризис? Наши проблемы стали фундаментальными не после 1991 года и даже не в пресловутом 1917-м. Кризис стал очевидным в конце XIX века. Именно тогда государство, почти тысячу лет основывавшееся на принципе «Бог есть мера всех вещей и отношений», начало переходить в полосу безбожия и атеизма. Если моральные нормы у нас соблюдались потому, что в Библии сказано: чти отца, чти мать; если право поддерживалось заповедями Священного Писания: не убий, не лжесвидетельствуй; если власть почиталась, ибо император — помазанник Божий, то уход от веры вел к падению всех вековечных правил и основанного на них общества и государства. (Тот же процесс происходил и на западе Европы. Достоевский и Ницше заметили его одновременно, но реагировали по-разному. «Если Бога нет — все дозволено», — предрекал наш соотечественник. «Бога нет — и слава Богу», — уверял предвестник «белокурой сверхчеловеков».)

Кто и как стремился преодолеть наш кризис? Кризис веры породил в России мощный духовный поиск, получивший скромное название «Серебряный век» (а не бриллиантовый, сопоставимый с духовным взлетом Древней Эллады). Кризис правил спровоцировал три революционных срыва. В политике распад основ привел к становлению двух политических стратегий. Если старое зашаталось, его надо сломать полностью, до основания, считали эсеро-большевики. Революционерам противостояли реформаторы. «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия. Дайте мне 20 лет без войн и революций, и я преобразую страну», — пророчил Петр Аркадьевич Столыпин. Но линии Ленина суждено было победить линию Столыпина. В результате было создано совершенно новое государство. Россия превратилась в СССР и оказалась страной, разделенной во времени. От внешнего мира нас отделил железный занавес, от собственных корней и истории — вбитый большевиками и по сей день не вполне извлеченный красный клин. Мы 70 лет «догоняли и перегоняли США», превосходили Россию 1913 года, «строили наш новый мир» по своим оригинальным нормам и законам, называемым коммунистической идеей, но реально являвшимся коммунистической идеологией. В итоге в 1991 году исчезло мировое коммунистическое движение, мировой социалистический лагерь, распались сам СССР и КПСС. Почти два десятилетия

мы пребываем в стране, где изжившие себя нормы отброшены, а новые так и не приняты.

Действительно ли у нас нет правил? Ситуация, в которой мы оказались, внесла в повседневный языковой оборот лагерный термин «беспредел». Для нашей страны характерно отсутствие норм или, что то же самое, действие двойных стандартов. В 1932 году Храм Христа Спасителя был взорван, в 1990-м — восстановлен, при этом никаких расследований и разбирательств ни в первом, ни во втором случае не производилось. И разрушители, и восстановители были властями обласканы. Значит, через какое-то время в центре столицы вновь прогремит взрыв? В 1991 году москвичи сбросили с пьедестала памятник палачу, но уже второе десятилетие идет вялотекущая дискуссия — стоило или не стоило? Значит, мы все еще стоим на месте и никуда не движемся. Постыдным свидетельством нашего интеллектуального бессилия является то обстоятельство, что историческое определение самых страшных тиранов России — Ленина и Сталина именно как тиранов все еще официально не узаконено. И здесь также действует двойной стандарт. Мы знаем, что генерал Власов — предатель, ибо во время войны он перешел на сторону врага и воевал с соотечественниками. Свои дни он закончил на виселице. Но почему же Ленин, призывавший к уничтожению правительства в войне, к превращению войны империалистической в войну гражданскую (унесшую 15 млн жизней!), организовавший на деньги врага переворот и убийство императора, до сих пор покоится в мавзолее? Закон у нас действует избирательно, что является очевидным доказательством неправового характера государства (одних олигархов преследуют, тут же создавая других).

Отсутствие правил порождает деградацию. Агрессия и самоагрессия (суицид и дедовщина на всех уровнях, скинхедизм), непрерывные техногенные катастрофы, тотальная гиперэротизация и коррупция — ее ближайшие последствия. Неидентифицированность государства крайне затрудняет адекватную самоидентификацию его граждан. В обществе доминируют дискомфорт, стресс, разочарование, депрессия. Правил нет не только во внутренней жизни, но и во внешнеполитическом измерении. У России не осталось союзников, мы рассорились с ближними и дальними соседями, стали непредсказуемы и непонятны для других. Мы никого не догоняем и не перегоняем, мы пребываем вне истории. А дольше всего идет тот, кто не знает пути.

Есть ли выход и в чем он состоит? После распада СССР у России, рассуждая формально, есть четыре способа обретения правил, причем лишь один (3) из них является адекватным:

1) Новая Россия может стать новым СССР, пусть уменьшенным, но исправленным и улучшенным. Если есть такая партия, то есть и такие избиратели. Но надо прямо признать, что движение по этому маршруту неизбежно приведет к рецидиву катастрофы.

2) Новая Россия может отказаться от своей истории, как советской, так и досоветской, объявив ее неправильной. Тогда придется максимально копировать западные нормы — таков маршрут «СПС» и ее малочисленных сторонников.

3) Новая Россия может стремиться к преодолению 70-летнего разрыва и к самовоссоединению с исторической Россией. Путь преемства — это продолжение реформ Витте–Столыпина с целью вписаться в современность и модернизация русской идеи, превращение ее в обновленную общероссийскую идею. Мы не можем выбросить семь десятилетий, но можем и должны взять за основу ценности тысячелетней России, модернизируя их с учетом происходившего в стране и за рубежом в советское время. Это и есть реальный, хотя и нелегкий путь возвращения к себе, путь обретения истории, возвращения в мировое социокультурное пространство.

4) В действительности нынешняя власть не является ни советской, ни российской, ни западной. Она стремится не идентифицировать себя ни с какими правилами и непрерывно «тасует колоду». В мутной воде бюрократия чувствует себя более комфортно. «Мы монетизируем льготы, у нас же не СССР, не плановая экономика!», — говорят по одному радиоканалу. Из другого доносится: «Наша история священна, поэтому памятник Сталину мы восстановим!». По телевизору кто-то вещает: «Наша история священна, но не совсем, памятник Дзержинскому восстановим, а про колчаков и денкиных — думать не моги!». По другому телеканалу показывают госруководителей со свечами в церкви, которые всем сообщают — это совбандиты уничтожали церковь, мы тут ни при чем. Ну, а когда у нас готовят саммит Большой восьмерки, выясняется, что Россия — обычная западная страна. Такой подход тупиковый и вырывает нас из мировой истории. Советское не сочетается ни с чем и не вписывается ни во что. Мы пытаемся быть немножко советскими, а немножко несое-

скими. А бюрократии нравится жить по принципу «Добро пожаловать, оккупанты!».

От русской идеи — к обновленной общероссийской идее, или что такое преемство? Преемство с исторической Россией означает, прежде всего, преемство так называемой национальной идеи, вопрос о которой у нас очень запутан. Должен сказать, что в действительности, на научном уровне (а проблема эта, действительно, научная) решение получено и представлено более десятилетия назад. Суть дела заключается в следующем. Во-первых, национальная идея — это не узко этническая русская нормативность, речь идет об общенациональной, общероссийской идее. (В том же смысле у нас говорят о национальной сборной, национальной безопасности или национальном проекте.) Особенно важно учитывать, что национальная идея существует почти так же объективно, как законы физики. Архимед не создал, а открыл, выявил так называемый закон Архимеда.

Идею также не следует выдумывать, она не имеет никакого отношения ни к «конкурентоспособности во всем», ни к «либеральной империи», ни к «суверенной демократии»... Ее содержание раскрывают четыре взаимодополняющих и взаимопроверяющих исследования, которые приводят к выводу: русская идея — это православие, собирание земель и общинный коллективизм. (Если вы методом контент-анализа исследуете 1100 пословиц из сборника Даля, методом анализа семантического поля рассмотрите русскую поэзию XIX века, философски проанализируете всю историю страны с VIII по XXI век и сопоставите результаты с высказываниями русских писателей-философов о русской идее, вы придете к тем же выводам).

Как же перейти от «трех китов» русской идеи к их современному, обновленному и реформированному толкованию? В самой сжатой форме ответ сводится к четырем на-

чалам — историзму, нравственности, обустройству и демократии. Чтобы преодолеть разрыв, восстановить связь с прошлым, гордиться 12-вековой историей страны, необходимо эту историю вернуть. (Сейчас у России формально вообще нет истории; год назад Тверской суд Москвы отказался реабилитировать Николая II, значит десять веков — впустую; 70 лет рухнули сами собой. Так где же наше время?)

Пора осознать, что мы родились не под залп «Авроры», а существуем с VIII века, для этого и нужен историзм. Вопрос о вере является личным, его сложно обсуждать публично. Но нельзя не признать, что сутью православия, его «культурологическим снятием» является утверждение приоритета нравственности и духовности. Как известно, пушкинский Германн, желавший утвердить на Руси монетаризм, закончил свои дни в психушке. У нас и сегодня главное — не деньги, а нравственное начало. Проект собирания земель Россия успешно завершила в XIX веке, количественный рост должен перейти в качественный, нам давно пора перейти к обустройству, думать о новых территориях поздно и контрпродуктивно. Переход от экспансии и жизни по законам военного времени к обустройству делает востребованной демократию. Но российская демократия имеет свою специфику. Она не может подавляться бюрократией, как это происходит у нас сегодня. Она не может быть высшей самоценностью, как это принято на Западе, где релятивизированы все святыни — и Бог, и Родина, и семья, и природа. Демократия по-русски вторична и подчинена морали, ее действие не должно выходить за рамки нравственных принципов и начал.

Приняв концепцию преемства, восстановив свою идею, мы вернемся в свою историю, а значит, и в мировую. Тогда-то мы услышим вызовы эпохи и представим на них свой ответ.

Ю. М. ШОР,

профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук

ГУМАНИТАРНОСТЬ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ САМОБЫТНОСТИ

Проблема специфики гуманитарного знания, гуманитарных аспектов культуры приобретает сегодня особый смысл. Современная технократическая компьютерная цивили-

зация, развитие рынка, потребления, успеха, внешнего обустройства человека неизбежно теснят то, что мы обозначаем как гуманитарное начало. По сути дела, это проб-

лема сохранения собственно человеческого, сбережение и приумножение того уникального, что вносит в мир антропологический слой бытия. И это, несомненно, проблема внутреннего состояния человеческой личности.

Гуманитарность — не что иное, как пространство возникновения, роста и реализации человеческих потенций, сфера существования и утверждения жизненных, художественных, нравственных, религиозных ценностей, культура «человекоразмерности». Она включает как диалог с высшими смыслами реальности, так и живой непосредственный контакт; как единство уникального и общего, субъективного и объективного, так и логику духовного пути человека, содержит основные условия осуществления его душевной жизни. Гуманитарное начало — прежде всего начало личностное, мир для него — пространство для выявления и реализации внутреннего смысла существования человека, его индивидуальной специфики.

Еще в конце XIX века Вильгельм Дильтей весьма точно, на наш взгляд, определил особенности гуманитарного знания. Он, как известно, разделил все дисциплины на «науки о природе» и «науки о духе». «Науки о природе» — это знания обо всем, что противостоит нашему сознанию, как субъекту — объект (будь то звездное небо, мир растений или даже общество). Это знания о «внешнем». «Науки о духе» — знание о том, что всегда с нами, «дух» везде «дух», только в разных социально-исторических формах. Это знание о «внутреннем», важнейшая сторона гуманитарного знания.

«Науки о природе» объясняют, «науки о духе» понимают. Не случайно в гуманитарной культуре такой важный смысл приобретает категория переживания. Переживание — живой, непосредственный контакт человека с миром, сознания с реальностью, непосредственное схватывание ее, овладение ею. И хотя переживание не чуждо понятию (оно потом и выявляется либо в философских категориях, либо в художественных образах), но само по себе оно — чувственно-эмоционально, «безъязыко», носит иррациональный характер.

Для русской культуры, с тех пор как она возникла и развивалась, проблема гуманитарности, думается, первостепенна. Это связано с такими исходными ее чертами, как антропологичность, концентрация внимания вокруг человека, стремление постичь последние основания человеческого бытия, найти предельные смыслы жизни, абсолютные ценности, на которые можно было бы опереться. Русская

культура экзистенциальна, она всегда была прикосновенна к самым потаенным закоулкам индивидуальной души. И все это — в контексте понимания мощной причастности человека к космическим, историческим, социальным стихиям.

Не случаен сегодня устойчивый интерес к русской православной духовности. Потому что можно верить или не верить, но нельзя не видеть великого гуманитарного богатства русского православия. Там разработаны исходные схемы взаимодействия человека и мира, созидания внутреннего в человеке, найдены истоки его нравственных опор. Там место человека в жизни ставится в прямую зависимость от причастности к высшим смыслам реальности, выявляемой в процессе мощного духовного переживания ее стихий. Хочется обратить внимание на работы С. С. Хоружего, посвященные византийско-русскому исихазму, в которых взаимодействие человека и Бога мыслится как встреча энергетических потоков реальности, динамическое взаимодействие сфер¹.

Мощно выразил русский духовный космос А. Пушкин. Искусство — выявление и выражение накопленной духовности в художественном образе. Художественный мир Пушкина — универсальная картина русского национального духа, выявленность в высочайших эстетических формах стихий русской жизни. Человек и мир, человек и Бог, любовь и ненависть, мужчина и женщина, смерть и бессмертие, личность и история — все нашло свое воплощение в творчестве русского гения. Энциклопедия исходных схем гуманитарного сознания — вот что такое мир Пушкина. А дальше пойдут миры М. Лермонтова, Н. Гоголя, Ф. Тютчева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Блока, А. Ахматовой, М. Булгакова...

Проблема специфики русской духовности, вопрос о нашей самобытности — не химера, не поиски «своеобразия», непохожести на других во что бы то ни стало. Это прежде всего поиски идентичности, исконного, исходного в нас, что, в свою очередь, должно вести к духовным источникам, способным питать наше стремление жить, работать, творить. С этой точки зрения, представляется важным, что в лучших своих проявлениях русская ментальность включает такие черты, как доброта, открытость миру и людям, совестливость, терпение, острое переживание греха и т. д. И все это было неоднократно выражено в искусстве, религии, философии.

¹ См.: Хоружий С. С. О старом и новом. СПб., 2000.

Нам нужны абсолютные критерии, заряженность предельными смыслами человеческого существования. «Специфика российской ментальности, — писал российский философ-политолог А. С. Панарин, — как раз и состоит в неумении довольствоваться банальностью повседневного благополучия. Любые социальные роли в России требуют сопряжения с высшим смыслом и немедленно теряют в качестве, если эта связь обрывается»². Сказано очень точно.

Обратимся, наконец, к размышлениям другого замечательного русского ученого В. В. Кожина об особой роли веры для

нашего духовного космоса, к тому, что потрясения и исторические катаклизмы в нашей стране, как правило, были связаны не столько с социально-экономическими (как это было бы «по Марксу»), сколько с духовными причинами, прежде всего с обретением или утратой веры³.

Можно констатировать, что российской культуре органично присущи ценности именно гуманитарного свойства. На них надо обращать особое внимание. Их надо возрождать, сохранять, оберегать. Это связано и с альтернативными путями развития современной цивилизации.

² Панарин А. С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 92.

³ См.: Кожин В. В. Победы и беды России. М., 2002. С. 37–50.

А. В. АГОШКОВ,

*главный редактор журнала «Вопросы культурологии», главный специалист
Института научных исследований и информации Российской академии
государственной службы при Президенте РФ,
кандидат философских наук (Москва)*

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Пятнадцать лет назад, в декабре 1991 года, прекратил свое существование СССР. О причинах этой драмы написано много, пожалуй, слишком много. Писали, что Горбачев был слабохарактерен и неумен, поэтому не смог сплотить вокруг себя нацию. Что Ельцин был эгоцентричен, мстителен и исполнен властных амбиций, что страна надорвалась экономически, вкладываясь в вооружение, что национальные окраины и республики СССР захотели самостоятельности и т. д. и т. п.

О социально-психологических причинах писали меньше. В частности, М. Веллер в своей книге «Великий последний шанс»¹ справедливо указывает, что государство — это люди, и об этом забывать нельзя. Системный кризис и исчерпанность СССР на личностном уровне проявились через то, что минусы Союза стали виднее плюсов и почти у всех желательная жизнь ассоциировалась не с ним. От разнокалиберных начальников, которые надеялись сравняться с западными миллионерами по роскоши, до обычных людей, осведомленных о западных зарплатах и благах и грезивших товарным изобилием и туристическими поездками за рубеж.

Последний мотив был самым излюбленным для тех, кто мечтал, что справедливая «невидимая рука» рынка все расставит по своим местам. Среди них были и экономисты с мировым именем, а еще больше — «темного племса», которому не хотелось ничего давать обществу, а только брать у него. До сих пор некоторые выдающиеся умы придерживаются мнения, что СССР проиграл не столько политически, идеологически и психо-

логически, сколько экономически и социально. Самые продвинутые заговорили о конце социализма, отождествив содержание социально-экономической системы социализма, принцип социальной справедливости с формой, то есть со старым Союзом, и объявив, что с гибелью «тюрьмы народов» самоликвидируется и мировой социализм. И вот здесь есть о чем подумать, оставив в стороне эмоции и полемические восклицания.

По нашему мнению, принципиально заблуждались те, кто отождествил СССР, социализм и так называемую уравниловку. Да, некоторое время в нашей стране в той или иной форме высказывалась доктрина уравнительного распределения благ. Но, как отмечает В. А. Литвинов, реальных примеров воплощения этой идеи было немного, чаще подобное распределение выдвигалось в качестве некоего социального идеала. Таким идеалом было, в частности, и «распределение по потребностям», закрепленное в качестве неотъемлемого атрибута общества будущего в Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии в 1961 году². Это наш первый тезис.

Второе — «горячие головы» нашей перестройки забыли (некоторые, возможно, умолчали), что ценностям социализма больше отвечает принцип распределительной справедливости, что социалистическая система справедливого распределения (по принципу «распределения по труду») сыграла огромную роль в становлении современного общества. Во всех развитых странах мира влияние данной модели распределительной справедливости сегодня очень велико, хотя это не всегда признается.

¹ См.: Веллер М. И. Великий последний шанс. М., 2006.

² См.: Программа КПСС. М., 1968. С. 63, 93.

Именно принцип распределительной справедливости, а никак не пресловутая «уравниловка», был реализован в социальной практике СССР. Его основное выражение — в существовании общественных фондов потребления, из которых материальные блага возвращаются работнику, но уже независимо от количества и качества его труда, а по соображениям социальной справедливости, которая понимается как обеспечение предельно равного (в данных экономических условиях) доступа человека к некоторым жизненно важным благам (медицине, образованию, жилью) и смягчение ряда негативных последствий объективного неравенства всех людей (содержание нетрудоспособных, помощь малообеспеченным и многодетным семьям и пр.).

Размеры общественных фондов потребления были в советское время весьма значительны. Так, в 1981 году на потребление граждан в СССР было израсходовано 363,2 млрд рублей (77 % национального дохода). Из этой суммы 122 млрд рублей (то есть почти треть) «прошли» через общественные фонды потребления. Годовые же выплаты и льготы из общественных фондов потребления на душу населения составили 456 рублей³.

Стоит отметить, что в упоминавшейся выше Программе КПСС к этому времени предполагалось не вводить поголовно бесплатное обслуживание, а только довести долю общественных фондов потребления до 50 % доходов гражданина (реально она дошла примерно до 20 %). За счет этого полагалось возможным осуществить ряд социальных мер: бесплатно содержать детей в детских учреждениях, ввести бесплатное образование во всех видах учебных заведений, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное пользование квартирами и коммунальными услугами и пр. Если трезво оценить все реально достигнутое к 1981 году, следует признать, что многие пункты были полностью или частично реализованы, доступ ко многим материальным благам был если не бесплатным, то осуществлялся за символическую плату.

Да, благ на всех не хватало, и потребительский сектор экономики существовал в условиях дефицита. Тем не менее следует признать, что система в целом работала. Более того, социальная эффективность подобной системы распределения настолько очевидна, что все страны в различной мере заимствовали главное ее достоинство — аккумуляцию части средств, предназначенных для

потребления, в общественных фондах и их перераспределение. Элементы социалистической системы присутствуют в стране «классического капитализма» — США, а в некоторых странах с сильно развитыми в экономике рыночными механизмами (Великобритания, Дания, Швеция) они так значимы, что эти страны часто определяют как социалистические, хотя, с точки зрения классического марксизма, они не являются таковыми.

Это значит, что в так называемом соревновании систем проиграл не социализм, а старый Союз, точнее — его руководство и наука, не сумевшие трезво осмыслить происходящее и не справившиеся со всем накопленным грузом проблем и противоречий. Развал СССР не стал ознаменованием конца мировой социалистической системы, он стал этапом мирового движения к истинному социализму, к построению передового общества, основанного на ценностях социальной демократии — свободе, солидарности, социальной справедливости и честном труде.

Этот вопрос тесно связан с проблемой отсутствия четкой социальной доктрины российского государства, а также проблемой легитимации (а часто — законности!) фактически навязанного народу права частной собственности. Думается, что осознание невозможности дальнейшего бездействия в этом направлении происходит не только в обществе, но и в коридорах власти. Основное тому подтверждение — Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации 2006 года, в котором (пожалуй, впервые в истории президентских посланий) вопросы социального развития страны упоминались первыми: «С переменами начала 1990-х годов были связаны большие надежды миллионов людей, однако ни власть, ни бизнес не оправдали этих надежд. Более того, некоторые представители этих сообществ, пренебрегая нормами закона и нравственности, перешли к беспрецедентному в истории нашей страны личному обогащению за счет большинства граждан. Работая над великой общенациональной программой, которая призвана дать первостепенные блага широким массам, мы действительно наступали кое-кому на «больные мозоли» и будем наступать на них впредь. Но это «мозоли» тех, кто старается достичь высокого положения или богатства, а может быть, того и другого вместе, коротким путем — за счет общего блага»⁴.

³ См.: Литвинов В. А. Волшебное слово «справедливость»: социоэкономический очерк // Преподавание истории и обществознания в школе. 2000. № 4. С. 4.

⁴ Путин В. В. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации. М., 2006. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru>. Загл. с экрана.

Это значит, что доктрина социальной справедливости, основанная на христианском правиле «кто не работает, тот не ест» и социалистическом принципе «от каждого — по способностям, каждому — по труду», имеет в на-

шей стране достаточно глубокие корни. Новый социализм — социализм XXI века, и как теория, и как сама жизнь — в состоянии дать ответы на реальные угрозы и вызовы, возникшие сегодня перед Россией и миром⁵.

Г. М. БИРЖЕНЮК,

*заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП,
доктор культурологии, профессор*

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК СРЕДСТВО ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В условиях глобализации каждый социум объективно не только оказывается втянутым в различные процессы (культурные, цивилизационные, экономические, политические и пр.), но и ставится историей перед выбором, с какой из моделей будущего ему следует отождествить себя, какой сценарий развития событий будет для него оптимальным. Сегодняшняя ситуация в этом плане выглядит пока неопределенной. Есть два генеральных исхода, которые отчетливо видятся как возможный результат глобализации: а) сближение различных культур и возникновение некой новой цивилизации, интегрирующей цивилизационные ресурсы разных стран и народов; б) нарастание культурных и цивилизационных противоречий в процессе глобализации, усиление тенденций к изоляционизму и обособление в итоге культур и цивилизаций.

Для общества, находящегося в ситуации глобальной трансформации экономики, традиционных ценностей, политической системы и так далее, каковым является Россия, поиск цивилизационной идентичности в высшей степени актуален. От того, какая модель цивилизации возобладает в общественном сознании, будет зависеть выбор российским обществом как целей своего развития, так и ценностей, средств и конкретных путей достижения этих целей. Этот выбор осуществляется из четырех базовых сценариев, каждому из которых соответствует своя стратегия преодоления кризиса цивилизационной идентичности.

Сценарий «конца истории», обоснованный Ф. Фукуямой, предполагает формирование глобальной цивилизации на основе базовых ценностей и норм западной цивилизации. Обретению цивилизационной идентичности в рамках данного сценария способствует стратегия, предполагающая признание социумом собственной ответственности за возникший цивилизационный кризис. В рамках такого

рода стратегии все неудачи с модернизацией, возрождением и тому подобным объясняются спецификой культурных корней, национально-культурной исключительностью.

Сценарий «макдональдизации», принадлежащий Дж. Ритцеру, предполагает окончательное формирование однополярного мира с США в роли гегемона. Здесь стратегия обретения цивилизационной идентичности исходит из того, что Россия сумеет реализовать свои ресурсы, получить конкурентные преимущества и войти в итоге в число государств, формирующих доминирующую инновационную цивилизацию.

Сценарий «столкновения цивилизаций» С. П. Хаттингтона реализует модель конфронтации цивилизаций в борьбе за выживание этносов. Этот сценарий предусматривает терпимость к другим культурам, использование в качестве универсального регулятора не глобального рынка, а органов глобального управления — «Большой восьмерки» наряду с ВТО, ВБ, МВФ, институтами ООН. В рамках этого сценария обретение цивилизационной идентичности возможно в основном в русле стратегии, предусматривающей противопоставление себя той цивилизации, которая претендует на доминирование. В поисках оснований своей исключительности интеллектуальная элита, как правило, обращается к историческим корням.

Как представляется, это направление достаточно отчетливо выражено в культурной политике России на уровне Послания Президента Федеральному собранию, совещаний на самом высоком уровне по вопросам культу-

⁵ См.: Миронов С. М. Наша партия — это реальная политическая альтернатива. Выступление на I (VIII) внеочередном съезде партии «Справедливая Россия: Родина / Пенсионеры / Жизнь» (Санкт-Петербург, 26 февраля) // http://www.spravedlivo.ru/press/section_326/1012.smx. Загл. с экрана.

ры и воспитания. Между тем обращение к историческим истокам объективно не способствует консолидации народов России, многие из которых видят в прошлом ряд фактов, ущемляющих их национальную гордость.

Сценарий «третьего пути» Э. Гидденса представляет собой попытку выстроить вариант модернизации путем устранения крайности либерального и социалистического пути модернизации. Стратегия «третьего пути» для России в рамках данного сценария — это использование геополитического положения России как естественного моста между макро-регионами — Востоком и Западом, Европой и Азией.

Нельзя игнорировать тот факт, что поиск стратегии обретения Россией своей культурной идентичности осуществляется в ситуации, характеризующейся протеканием одновременно целого ряда процессов. Речь идет о том, что цивилизационная картина мира сегодня крайне пестра. Существующие цивилизации отличаются по степени своей зрелости, инновационности, силе влияния; они национально, конфессионально, ментально окрашены; их взаимодействие осуществляется в экономическом, политическом, культурном пространстве. Все это делает сложным не только выбор той или иной модели обретения цивилизационной идентичности, но и способа реагирования на цивилизационные «вызовы».

Во-первых, налицо «вестернизация», культурная ассимиляция в странах, выполняющих в диалоге культур и цивилизаций роль своеобразной «наковальни». Центральная цивилизация («молот») навязывает ценности либерализма с помощью глобальных рынков и глобальных финансово-экономических институтов. Во-вторых, имеет место процесс, который американский политолог Дж. Розенау называет фрагментацией, то есть сочетанием процессов интеграции и фрагментации. Результатом этого процесса становится фрагментация политической карты мира, укрепление блоков и союзов национальных го-

сударств, которые поведут борьбу за ресурсы. В-третьих, идет процесс локализации, то есть консолидации цивилизаций на основе фундаменталистских идеологий, придерживающихся идеи культурной изоляции. Наконец, предложенный Акио Морита термин «глокализация» означает сочетание процессов модернизации локальных культур с достижениями формирующейся глобальной мультикультурной цивилизации. Происходит это в результате сотрудничества и взаимобогащения культур.

Специфика момента состоит в том, что СССР как империя объединял самые различные цивилизации, различия между которыми сглаживались на уровне официальной идеологии. Сегодня же мы наблюдаем на постсоветском пространстве практически все указанные выше процессы. Более того, в самой России трудно говорить о наличии некой единой цивилизации. Скорее всего, она складывается, но еще далека от своей завершенной формы. Этот процесс осуществляется под влиянием глобализации, в которой доминируют «макдональдизация» и «столкновение цивилизаций».

С каким процессом, с какой моделью цивилизации идентифицирует себя Россия или, точнее, ее интеллектуальная элита — сказать сложно. Диапазон выбора невелик, и ни один из вариантов не выглядит оптимальным. Все больше голосов раздается в пользу поиска третьего пути, который бы максимально мог реализовать ресурсы страны и общества.

Мы знаем, к чему привели эти поиски, которые осуществлялись на протяжении практически всего XX века. Во многом крах СССР был обусловлен культурной изоляцией, отсутствием междивизиационного диалога. Как представляется, сегодня такой диалог имеет место и постоянно совершенствуется и наполняется новым содержанием. Возможно, это сделает процесс поиска Россией своей цивилизационной идентичности более продуктивным.

А. С. БОЛЬШАКОВ,

профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук

КУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИСТЕМ И АНТИСИСТЕМ

Культурные конфликты социальных образований обычно рассматриваются в историческом, этническом, социологическом,

психологическом, политико-географическом, культурно-антропологическом и философско-культурологическом аспектах. Конфликт

культур можно также рассматривать в ракурсе теории пассионарности Л. Н. Гумилева, этнической психологии (В. Вундт, А. С. Баронин, А. И. Егорова, Ю. П. Платонов, В. Г. Крысько и др.), теологических и богословских подходов (В. М. Гундяев, А. Кураев, А. И. Осипов и др.).

В данном материале автор попытался осмыслить проблему конфликта культур в философском аспекте, а точнее, в генезисе (греч. *genesis* — происхождение, становление) и взаимодействии систем и антисистем. Если термин «система» вполне научен и более или менее понятен, то категория «антисистема» в философии недостаточно разработана. Обычно под антисистемой понимают некое противодействие, оставляя «за скобками» другие ее функции: рост напряженности, конкуренцию, сотрудничество и др. Анализ греческой этиологии показывает, что приставка «анти-» означает не «против», а «взамен». Это весьма важное обстоятельство вносит радикальные изменения в смысловую палитру понятия «антисистема» и все последующие рассуждения относительно взаимодействия культурных образований.

Доминирующую культурную систему можно рассмотреть как композицию элементов: систем — материальных объектов, систем — субъектов, систем — процессов объективных, систем — процессов субъективных. Рядом с доминирующими культурными системами, а нередко и внутри них вызревают и действуют антисистемы, которые несут в себе не только противопоставление, но и импульс развития. Отличить человеку позитивную направленность антисистемы от ее негативной направленности часто бывает сложно или вообще невозможно. Например, в недавней отечественной истории ленинско-сталинская модель построения общества (и соответствующая ей культура) являлась в СССР доминирующей системой, которая превратилась к концу XX века в антисистему, сдерживающую экономическое развитие нашей страны. Культурные ценности первой половины XX столетия превратились в антиценности в начале XXI века. Аналогичные социальные и культурные конфликты происходят в истории с периодическим повторением наоборот. Одни из них (функциональные культурные конфликты) эволюционно развивают социальную организацию и дают ей импульс дальнейшего мирного развития, другие (дисфункциональные культурные конфликты) — приводят к революциям, войнам, военным конфликтам, социальным волнениям.

Причины культурных конфликтов можно попытаться найти, исследуя механизмы взаимодействия культурных систем и антисистем. Их взаимодействие можно рассматривать в следующих аспектах: противодействия (активной борьбы), противопоставления (роста напряженности), конкурентного мирного сосуществования (конкуренции) и сотрудничества. Например, на материальном уровне рассмотрения модель «снаряд — броня» — это пассивная форма взаимодействия технической системы (снаряд) и технической антисистемы (броня), а модель «ракета против ракеты» — это активная форма противодействия системы антисистеме. На уровне субъекта (субъектов) аналогично можно говорить о борьбе идей, взглядов, принципов, подходов и т. д. На уровне субъективных процессов рассматривают конкуренцию или борьбу политических и религиозных моделей, культур и субкультур, ментальностей этносов и др.

Объективная и субъективная борьба культур и субкультур неизбежно проецируется в институтах государства. Пример: система МВД, система прокуратуры, судебная, налоговая или пенитенциарная система РФ нынешних дней. Практически в каждой из этих систем существуют неформальные группировки со своими субкультурами, которые несут в себе свойства антисистем. Создаются службы внутренней безопасности для борьбы с этими антисистемами, и через некоторое время оказывается, что внутри этих вновь созданных «позитивных» систем безопасности начинают вызревать уже новые антисистемы, прикрывающие «своих» и карающие «неудобных». Соответственно, и метод борьбы с такими антисистемами может быть выбран разный: активная борьба, наращивание напряженности, мирное сосуществование (конкуренция), сотрудничество. Последняя форма взаимодействия вполне возможна, если наблюдается культурная синергия и взаимозависимость мотивов, стимулов, ценностей социальных образований.

Конфликты культурных систем с антисистемами можно попытаться понять и через эволюционную выгодность и неизбежность организационных изменений. В теории организационных изменений есть интересный закон, который называется законом трансформационного спада: «Если система при существующей структуре достигла максимума какого-то показателя, то его дальнейшее повышение возможно лишь при условии смены структуры системы, переход к которой связан с обязательным временным снижением данного показателя». Этот закон обус-

ловлен тем, что любая биологическая, социальная, экономическая, культурная, этническая системы склонны к усложнению. Факторами усложнения могут являться, например, старение организма и болезни (для биологической системы), изменение демографических показателей (для социальной системы), рост экономической эффективности (для экономической системы), меняющаяся пассионарность индивидов (для этнической системы), композиция вышеперечисленных и других факторов для культурной системы ценностей.

Обращает на себя внимание то, что изменение доминирующей культуры как композиции составляющих подсистем слабо зависит от воли человека. Эгоистичные или эгоцентричные настроения индивида, его мотивация, страхи, инстинкты, гордыня являются первичными для волевых усилий. Внутренние установки и настроения заложены глубоко в человеке (вероятно, и на генетическом уровне) и в ближайшем будущем не могут быть как-либо изменены или устранены. Природой пока не созданы условия для изменения внутренней мотивации большинства. Незначительное меньшинство людей можно назвать альтруистами, святыми, «не от мира сего».

Очевидно то, что в природе заложены (кем, чем и зачем — это отдельные интересные проблемы) механизмы для «избавления» ее от излишней усложненности, которые начинают проявляться в конфликтах доминирующих культурных систем и антисистем, приводят

к вырождению доминирующей культуры. Функциональные конфликты обогащают новую культуру, дисфункциональные — обедняют ее. Результатом этих конфликтов может быть как сотрудничество, так и война.

Культурные конфликты могут возникать не только на основе этнических и религиозных различий, но и на основе различий в системах мышления. Например, в западном мире доминирует «системосозидающее мышление» (термин Эдмунда Гуссерля), в странах Ближнего и Среднего Востока — «созерцающее мышление». По мнению Э. Гуссерля, западники «...сначала пытаются создать систему, а затем с ее помощью конструировать или имитировать действительность, вместо того чтобы познавать ее дальше и более глубоко». Внутренняя установка: человек может все, если это не противоречит закону. Разрешено то, что не запрещено. На Востоке обратный процесс: преобразование, имитация и совершенствование мира в системе не является главной целью. Например, созерцающее познание и преклонение человека перед проверенными веками правилами Корана обеспечивают ему осознание мифичности и иллюзорности ценностей Запада. «Грех на Западе становится модным» — одно из основных убеждений мусульман.

Подводя итоги, можно констатировать, что в природе существуют феноменальные компенсационные механизмы (антисистемы), которые борются с излишним усложнением доминирующих культур вне зависимости от наших притязаний и нашей воли.

Г. Н. ВОЛКОВ,

*заведующий научно-исследовательской лабораторией этнопедагогических инноваций,
профессор Калмыцкого государственного университета,
академик Российской Академии образования,
доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ (Элиста)*

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Тема доклада автобиографична. Моя жизнь прошла в эпоху диалога культур, в пространстве или, быть может, на территории диалогов. С ранних детских лет общались с русскими детьми: сестра отца была замужем за русским и жила в русской деревне. В другой русской деревне жили друзья по школе. Из немного отдаленного русского селения у нас в колхозе трудились русские во время уборки урожая. Три соседние чувашские деревни в XIX веке приняли ислам и стали

татарскими. И с ними отношения сохранялись дружеские, братские на всех уровнях, в том числе и в сфере традиционной культуры воспитания.

Диалог культур происходил на паритетных началах. Быть может, частичные отступления от паритетности имели место из-за того, что чуваша татарским владели как родным, в то же время русские владели чувашским лучше, чем чуваша — русским. Однако объяснение в любви девушки-чувашки вышивали

по русским образцам на русском языке, с сохранением нередко и ошибок в правописании.

Диалог национальных культур в условиях билингвизма, трактуемый академиком В. Г. Костомаровым с особенной щепетильностью, со строгим соблюдением гуманности во взаимоотношениях, возвращает меня к событиям семидесятилетней давности, стимулируя диалог с детством и юностью. Двухязычие — реализация диалога, оно естественно, необходимо, закономерно, но родной язык, материнский — язык души и сердца, единственный, любой другой язык — изученный, язык памяти. Так я понимаю Виталия Григорьевича. В данном случае для меня он высший авторитет.

Военные годы расширили диалогическое поле: рядом с нами, в одном классе, оказались русские, украинцы, эстонцы, евреи... Была одна венгерка, дочь коммуниста. Эвакуированные все стали трехязычными. Вероятно, благодаря им поднялся статус и чувашского языка, ибо все приезжие быстро овладели им.

Одновременно в связи с билингвизмом как диалогическим феноменом хочется сказать особо о переводах поэтических произведений. Мне кажется, что роман «Евгений Онегин» мною был по-настоящему понят только после прочтения его на чувашском языке. Пушкин и Хузангай, с одной стороны, ведут диалог, а с другой — они почти соавторы. Это можно проследить даже на одной строке: «Татьяна... милая Татьяна» — у Пушкина, а у Хузангая «милая» доведена до максимума нежности, употреблением в «душе моей» двух суффиксов, выражающих ласку. По правде говоря, чувашская литература стала значительным явлением культуры благодаря Пушкину и Толстому.

Первая моя публикация о диалоге национальных культур состоялась в январе 1946 года. Пусть это была всего-навсего газетная заметка, тем не менее, мне она особенно дорога, ибо все началось именно с нее. Через двадцать лет я издал монографию «Этнопедагогика чувашского народа. В связи с проблемой общности народных педагогических культур». Монография освободила меня от написания докторской диссертации. Была удостоена премии имени К. Д. Ушинского. В протоколе комиссии особо было отмечено, что в монографии реализован принцип народности в полной мере. Однако все-таки самое главное — идея духовной общности народов Советского Союза за счет этнопедагогического диалога культур. Представлен этнопедагогический обзор народов страны, начиная с чукчей и кон-

чая русскими старообрядцами в Латвии. Параллельно делаются экскурсии и в другие страны. Изданы мной две книги сказок мира — «Опора жизни», «В единстве — сила» — опять в форме этнопедагогических диалогов, близких к духовной интеграции.

Решусь отметить, что в монографии дано аналитическое представление культурного взаимодействия почти всех народов Советского Союза, показана интегрирующая, глобализирующая миссия русского языка и русской культуры.

В 1979/80 учебном году на III курсе философского факультета МГУ я прочитал уникальный, на мой взгляд, спецкурс «История коммунистического воспитания». Записалось много студентов, в том числе и иностранцев. Пытаясь принять посильное участие в обогащении их памяти духовными сокровищами человечества, обращался не только к этнопедагогическим диалогам культур, но и привлекал параллельно к дискуссиям Сократа и Конфуция, Лютера и Коменского, Пирогова и Ушинского, Нейлла и Макаренко, Френе и Сухомлинского...

Вечная благодарность Л. Н. Толстому за диалог умного чуваша с Магометом. Позиция русского национального гения в диалоге удивительна и неповторима: «Сделаемся чувашами и послушаем...» Это 1902 год. До чего высоко великий русский этим диалогом чуваша с пророком на равных поднял социальный, национальный, нравственный статус униженного народа!

Сергей Львович Толстой достойно проявил себя как чувашский композитор.

Этнопедагогический диалог национальных культур стал центральной проблемой в научных исследованиях моих многочисленных учеников — аспирантов и докторантов, среди которых представители 32 национальностей. К русским у меня особенное отношение, выражающееся в дифференцированном подходе к казакам, вятским, тамбовчанам, старообрядцам... Мой бывший аспирант А. М. Леонов издал монографию «Возвращение к истокам: морально-этические традиции старообрядцев». Возник диалог, правда, несколько условный, за счет размышлений над смелыми суждениями А. С. Запесоцкого о «новых русских». Существенно помог мне диалог Д. С. Лихачева и А. А. Вознесенского об Аввакуме. К сожалению, до сих пор не удалось мне подняться до глубинных истоков московско-петербургского диалога.

Спецкурс «Этнопедагогический диалог культур» в Калмыцком государственном университете стал общефакультетским, даже сре-

ди предметов по выбору он стал ведущим, главным. Задействованы нами материалы VI Международных Лихачевских научных чтений. Плодотворной оказалась работа над диалогами академика Ю. С. Давыдова — «Власть культуры в университете» (моральный кодекс и заповеди Нового завета). На диалогах строится журнал «Этнопедагогика», издаваемый в Казахстане.

Этнопедагогика — это педагогика национального спасения, всеобщей мудрости воспитания, постоянно иницирующая многосторонний диалог культур. Это педагогика всеобщей любви. Мой двухтомник так и называется — «Педагогика любви». В то же время это глобальная педагогика, открывающая путь к сердцам людей и народов: чтобы узнать народ, надо ознакомиться с его традиционной системой воспитания; это объединяет, сплачивает народы, укрепляет Россию (Е. П. Белозерцев). Основная этнопедагогическая формула ориентирует на диалог культур: без памяти исторической нет традиций, без традиций нет культуры, без культуры нет воспитания, без воспитания нет духовности, без духовности нет личности, без личности нет народа как исторической составляющей. Этнопедагогика исключает воспитание людей без роду-племени.

Каждый разумный человек заинтересован в воспитании детей. Среди известных людей нам не удалось обнаружить ни одного человека, равнодушного к воспитанию подрастающего поколения. Поэтому естественно, что в нашем учебном пособии «Введение в этнопедагогическую мудрость, оригинально оперирует понятием «праздничное воспитание», второй на конкретном примере показывает, что его мать — великий педагог; незабываема встреча великого физика со студентами-педагогами 17 мая 2002 года. По меркам этнопедагогическим каждый человек хотя бы один раз, хотя бы по одному поступку, хотя бы только ситуативно, бывает талантлив как педагог. Оптимистическая стратегия воспитания, определяемая этнопедагогическим диалогом культур, состоит и в этом.

Благодаря именно этнопедагогическому диалогу национальных культур я был удостоен золотой медали Гердера «За выдающиеся заслуги в распространении русского языка и русской культуры в духе германо-советской дружбы». Подобное признание едва ли может быть частым, а для нерусского человека оно особенно значимо.

Ю. А. ДАНИЛОВА,
старший преподаватель кафедры теории развития образовательных систем Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

Почти во всех странах подростки считают, что ответственность за ухудшение экологической ситуации на Балтике в первую очередь несут другие страны. А вот большинство школьников Санкт-Петербурга и Ленинградской области полагают, что именно Россия виновата в ухудшении экологической ситуации на Балтике.

Более пятнадцати лет в школах России идут уроки экологии. Почти во всех существующих курсах есть модуль «Экологические проблемы». Школьники получают информацию о фотохимическом смоге в крупных городах, антропогенном эвтрофировании водоемов, трансграничном переносе воздушных и водных масс, содержащих опасные для человека химические соединения... Вполне естественно, что подростки не только запоминают эту информацию, но и пытаются понять, кто несет ответственность за складывающуюся

экологическую ситуацию. Проведенное в 2004 году анкетирование школьников 13–18 лет из Швеции, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Германии показало: 80 % подростков считают, что не их родная страна, а другие государства должны отвечать за ухудшение экологической ситуации на Балтике.

Беседуя со школьниками Санкт-Петербурга и Ленинградской области, читая исследовательские работы по экологии, нельзя не заметить, что подавляющее большинство наших школьников убеждено: именно Россия является источником основных экологических проблем экосистемы Балтийского моря.

Попытаемся ответить на вопрос: почему школьники приходят к подобному мнению? На уроке, пытаясь эмоционально воздействовать на класс, учитель нередко преподносит информацию о глобальных и региональных

экологических проблемах в слегка «усиленном» виде, старается привести как можно больше фактов, акцентируя внимание на тяжелейших последствиях для жизни и здоровья людей. А вот времени для обсуждения подростками полученных сведений, высказывания собственного отношения к проблеме на уроке явно не хватает.

Известный психоаналитик Эрих Фромм, в центре научных интересов которого всегда находилась «проблема человека» — выявление закономерностей и факторов формирования личности, мотивации поведения людей, в свое время выдвинул тезис о первостепенном значении эмоционального воспитания. В Западной Европе эта идея получила широкое распространение. Гуманистически ориентированные педагоги признали, что «исключительное внимание только к развитию интеллекта не делает ребенка ни лучше, ни счастливее, а напротив, часто обедняет личность, тогда как развитые эмоции способствуют гуманным импульсам и помогают избрать этически верное решение в сложной жизненной ситуации». Особенность российского образования — традиционная приверженность многих педагогов «знаниевому» подходу. Учитель убежден: чем больше знаний и сведений усвоит школьник, тем выше качество образования.

Сегодня мы уже осознали, что экологическое образования призвано не только давать знания экологических законов, но и развивать у школьников чувство ответственности за состояние окружающей среды в регионе независимо от страны проживания и гражданства. Опыт реализации международных эколого-образовательных проектов позволяет утверждать, что представителям молодежи девяти стран, объединенных общим Балтийским морем, есть о чем вместе поговорить. Но для того чтобы общение, обмен мнениями и дискуссии носили действительно продуктивный характер, а не были голословными, необходима серьезная предварительная подготовка.

Во-первых, на сегодняшний день остро стоит вопрос о предоставлении школьникам объективной, достоверной и современной научной информации об источниках и причинах экологических проблем Балтийского моря. Причем информацию необходимо подавать в доступной для восприятия подростками форме. Попытки решить эту проблему предпринимались не раз, в том числе и в ходе таких международных проектов, как Baltic Sea Vision, Naturewatch Baltic, Ship Campaign, «Зеленый пакет» и многих других. Однако до сих пор в большинстве школ Санкт-Петербурга ребята получают о Балтике лишь самые общие сведения. Причем фрагменты информации разбросаны по курсам физической и экономической географии, органической химии, зоологии и обществоведения.

Во-вторых, включение в урок этапов обсуждения и высказывания собственного отношения, позволяющих учителю скорректировать идеологическую направленность урока, требует дополнительной подготовки учителей, освоения ими современных педагогических технологий.

В-третьих, в ходе реализации программ обмена для школьников Балтийского региона особое внимание необходимо уделять организации мероприятий, дающих возможность школьникам сформулировать личное мнение по проблеме ответственности стран за экологическое состояние экосистемы Балтики, опираясь, с одной стороны, на данные экологического мониторинга, а с другой — на личный опыт межкультурного диалога.

Все это позволит нашей молодежи по-новому взглянуть на проблему взаимоотношений человека и окружающей среды, составить собственное представление об ответственности общества за экологические проблемы с различных точек зрения — экономической, экологической, исторической и культурной, а также определить возможность личного вклада в решение актуальных экологических проблем.

И. С. КОН,

*главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН,
академик Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор*

ГЛОБАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

Одно из самых распространенных сегодняшних заблуждений — миф о якобы существующем «множестве цивилизаций». В прошлом разные общества действительно развивались

гетерохронно и в значительной степени автономно друг от друга, однако новое время это изменило. В XX веке возникла глобальная цивилизация с общей технологией, проблемами

и базовыми ценностями. Если авторитарные режимы, религиозный фундаментализм, международный терроризм и безответственное обращение с опасными технологиями (все эти явления взаимосвязаны) нашу общую цивилизацию обрушат, это будет гибелью человечества. Те общества и популяции, которые переживут подобное, будут отброшены настолько далеко назад, что исправлять ущерб, нанесенный нами экологии планеты, не говоря уже об ответах на возникающие новые вызовы, будет некому и нечем. Забота о сохранении мировой цивилизации — наша общая обязанность.

Однако эта единственная цивилизация существует в многонациональном и поликультурном мире. Рациональное зерно антиглобализма — протест против социального неравенства, нивелировки культурных различий и подгонки мира под примитивные стандарты западной массовой культуры. Чтобы сохранить многоцветье мира, опирающееся на разнообразие исторических традиций и образов жизни народов, нужен сознательный поликультурализм, включающий поддержку слабых и наименее защищенных. В отличие от фундаментализма, стремящегося вернуть человечество к доиндустриальному прошлому и религиозной нетерпимости, поликультурализм устремлен в будущее и ориентирован на международное сотрудничество.

Современный этап цивилизационного процесса означает переход от экстенсивного типа развития, осуществлявшегося за счет территориальной экспансии и подчинения слабых соседей, к интенсивному. Сегодня нигде нет «свободных» земель, а посягательства на соседние территории осуждаются как моралью, так и международным правом. Это делает неприемлемой любую имперскую идеологию. Величие страны определяется не размерами территории, величиной народонаселения и военной мощью, а технологическим и духовным потенциалом. Эти параметры зачастую не совпадают, но в долгосрочной исторической перспективе они взаимосвязаны, поскольку коренятся в свободе творческой самореализации человека. Кроме того, мировая цивилизация предполагает разделенное и специализированное лидерство. В отличие от тоталитарной власти, интеллектуальный и моральный авторитет не может быть сосредоточен в одном месте и в одном лице.

Новая макросоциальная ситуация предполагает сдвиги в общественно-политическом сознании. Прошлая история человечества научила нас мыслить понятиями «зависимости» и «независимости», причем всякая зависимость считалась злом, а всякая незави-

симость — благом. Почти все общественные и личные отношения формулировались в понятиях господства и подчинения: покорение человеком природы, господство мужчины над женщиной, власть Запада над Востоком и т. д. Теперь эта ментальность должна уступить место принципу взаимозависимости. Взаимозависимость не исключает столкновения интересов, соперничества и конкуренции, но предполагает понимание того, что конкуренция — одна из форм кооперации, что апелляция к грубой силе в большинстве случаев оказывается дисфункциональной и лучше искать взаимоприемлемые решения. Это правильно одинаково важно как в сфере интимных межличностных отношений, так и в сфере политики. Сдвиг в сознании обусловлен тем, что люди подобрали или поумнели, а тем, что наш земной шар стал слишком мал и хрупок для силовых экспериментов.

Понимание социума как отношений взаимозависимости опирается на ряд старых, но наполняющихся новым содержанием ценностных принципов, таких как плюрализм, индивидуализация и толерантность. Общий философский стержень этих понятий — отношение к Другому. Цивилизация, основанная на господстве и подчинении, склонна воспринимать всякого Другого как опасного Чужака, реального или потенциального Врага. Отчуждение и демонизация Другого неизбежно порождает ксенофобию: все иноверцы, иноплеменники, иноземцы, инородцы, иностранцы, инакомыслящие или инаколюбящие воспринимаются как угроза. В современном мобильном и изменчивом мире грани между «Я» и «Другим», «нашим» и «не нашим» объективно становятся более подвижными и проницаемыми, чем когда бы то ни было раньше. Современный мир трудно представить без более или менее открытых государственных границ, миграций населения, массового туризма, смешанных (межрасовых, межнациональных, межконфессиональных) браков, культурных заимствований, Интернета и т. п. Изменчивость и мобильность размывают и категориальные границы всех социальных, этнических и личных идентичностей. Авторитарные режимы и идеологии, стремящиеся обеспечить себе монополию влияния и власти над своими подданными, всячески противодействуют этим «разрушительным» (а на самом деле интегративным) процессам, но культурный изоляционизм, как и экономический протекционизм, — явное свидетельство слабости. Ценности, которые насаждаются и поддерживаются административно, неизбежно утрачивают притягательность

и духовное обаяние, а замедление социокультурного обновления делает такое общество неконкурентоспособным.

Важный индикатор роста общественного благосостояния и сопутствующей ему гуманизации общественных отношений — выдвижение на первый план качества жизни. Это касается как личных, так и общественных отношений. Сегодня удачность брака (ответственное супружество) определяется не столько его стабильностью и длительностью, которые не всегда зависят от воли супругов, сколько качеством отношений, тем, насколько они способствуют счастью всех членов семьи. Ответственное родительство означает, что детей нужно не только произвести на свет, но и хорошо воспитать, и т. д. и т. п. Качество жизни стало одним из главных макросоциальных показателей при сравнении и оценке степени успешности разных государств и обществ.

Оценка качества жизни неотделима от психологических факторов и личных ценностей. Сегодня и экономисты, и социологи, и медики при оценке степени благосостояния и благополучия общества все чаще используют такой тонкий социально-психологический индикатор, как субъективное благополучие личности. Однако его критерии не совсем одинаковы в разных социальных средах и у разных народов мира, что подтверждает необходимость и плодотворность поликультурализма.

Квинтэссенция современной мировой цивилизации — идея всеобщих и неотчуждаемых прав человека. Высший критерий оценки цивилизованности любого конкретного общества — то, насколько в нем соблюдаются права человека. Валовой продукт, душевой доход, демократические институты — лишь предпосылки и средства достижения этой цели. Иногда говорят, что представители иных культур эти «западные» ценности не разделяют. Но живущие в Европе мусульмане, которые жалуются на нарушение своих прав (например, семейного уклада или формы одежды), не спешат возвращаться на историческую родину, а добиваются реализации своих интересов в стране проживания. Вместо того чтобы вернуться туда, где ношение хиджаба — ее обязанность, мусульманская женщина предпочитает остаться там, где выбор одежды — ее право. Апелляция к правам человека означает, что на самом деле люди ставят эти новые ценности выше тех традиционных устоев, которые они, по их словам, предпочитают. То же можно сказать об обращениях россиян в Страсбургский суд.

Перечисленные выше принципы и ценности — необходимый продукт и предпосылка дальнейшего развития цивилизационного процесса. Однако никакие высшие ценности не реализуются сами собой. Будущее нашего мира зависит от того, сумеем ли мы воплотить их в жизнь.

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА,

*профессор кафедры экономической политики
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова,
заведующая отделением внутриэкономических исследований
Института США и Канады РАН, доктор экономических наук*

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В XXI ВЕКЕ

Диалог культур и цивилизаций, являясь неотъемлемой составляющей всемирно-исторического процесса, в эпоху возрастающей глобализации приобретает особую актуальность и требует особой ответственности на всех уровнях взаимодействия — международном, интеграционных объединений, государственном, негосударственных структур, отдельно взятых личностей.

Проведение Международных Лихачевских научных чтений стало важным вкладом в осмысление современных тенденций и проблем развития диалога культур как стратегического направления формирования

мирового порядка XXI века. Раскрывая международное значение Декларации прав культуры в условиях усиления взаимозависимости и многофакторности международных культурных, социальных, политических, экономических отношений, Д. С. Лихачев подчеркивал, что «сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн»¹.

¹ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры и ее международное значение // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов: сб. СПб., 2006. С. 36.

Задачи сохранения культурной самобытности и одновременно формирования толерантного отношения к чужой культуре, борьба за признание культурных прав вышли на уровень глобальных дебатов еще в прошлом веке. Однако несмотря на признание на международном уровне права развивать свою культуру, исповедовать и практиковать свою религию или говорить на своем языке, несмотря на принятие Комиссией по правам человека резолюции по культурным правам «О поощрении общедоступности культурных прав и уважении к различным самобытным культурам» и ряда других международных документов, из пяти категорий прав человека — гражданских, культурных, экономических, социальных, политических — культурные права привлекают к себе все еще наименьшее внимание.

В условиях поиска мировым сообществом ответов на вызовы XXI века осознание критической значимости культуры для общественного развития, обеспечения международной безопасности как никогда актуально. И от этих ответов во многом зависит, будет ли культура величайшей разделяющей или объединяющей человечество основой. Как отметил в своем выступлении на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности Президент России В. В. Путин, «...мы подошли к тому рубежному моменту, когда должны серьезно задуматься над всей архитектурой глобальной безопасности»². Проблемы международной безопасности не ограничиваются вопросами военно-политической стабильности. Они значительно шире и охватывают экономические, социальные, культурные аспекты, развитие межкультурного диалога.

В той или иной мере любая страна представляет собой мультикультурное общество, состоящее из этнических, религиозных, языковых и расовых групп, каждую из которых объединяют собственные культура, историческое наследие, человеческие ценности, образ жизни. Более чем в 150 странах существуют многочисленные группы национальных или религиозных меньшинств. И только 30 стран не имеют национального или религиозного меньшинства, составляющего не менее 10 % населения. Осознанию необходимости выработки мер — как международных, так и национальных, — по защите культуры, разви-

тию продуктивного культурного диалога в значительной мере способствует усиление миграционных потоков, затрагивающих экономические, социальные, культурные, экологические аспекты безопасности. Последствия миграции, охватывающей все более широкий круг стран и народов, зависят как от самих миграционных потоков и международных норм, их регулирующих, так и от принимающего и отпускающего общества, степени их подготовленности к динамичному изменению миграционной ситуации.

По оценке Отдела народонаселения Секретариата ООН, общее количество международных мигрантов (то есть лиц, проживающих за пределами страны своего рождения) в период с 1990 по 2005 год возросло почти на 36 млн человек и в 2006 году превысило 192 млн человек. С 1990-х по 2006 год наиболее резко возрос приток мигрантов в более развитые страны, на которые к 2006 году приходился 61 % их общего числа, в сравнении с 53 % в 1990 году. При этом мигранты приезжают из все возрастающего количества стран, все больше людей разных культур вовлечены в миграционный процесс, способствуя взаимопроникновению культур.

Хотя приток мигрантов наиболее значителен в развитые страны, миграция порождает далеко неоднозначные последствия во всех регионах мира. По оценкам, содержащимся в докладе «Меньшинства под угрозой», свыше 800 млн человек, представляющих более двухсот культурно идентифицированных групп, сталкиваются с ограничениями в политической жизни или дискриминацией по национальному, языковому или религиозному признакам. Устранение политического и (или) экономического неравенства в различных областях не ведет автоматически к ликвидации и культурного неравенства, обладающего огромным потенциалом напряженности. Мировой опыт показывает, что даже если меньшинства не испытывают ограничений в доступе к социальным и экономическим ресурсам, их культурные свободы часто остаются незащищенными, что становится основой формирования новых угроз безопасности. Между тем культурное взаимодействие может стать важнейшим фактором не только взаимообогащения, но и обеспечения международной безопасности.

² Из выступления Президента РФ В. В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности 10 февраля 2007 г.

И. В. МЕЛИК-ГАЙКАЗЯН,*директор Института теории образования Томского государственного педагогического университета, доктор философских наук, профессор*

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЕ ПОСТИЖЕНИЕ САМОДВИЖЕНИЯ КУЛЬТУР В НАСЛЕДИИ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Понятие постнеклассической научной картины мира введено академиком В. С. Степиным в 1990-х годах. Основу новой картины мира составили: теория самоорганизации сложных открытых систем, идея универсального эволюционизма и теория систем. Конституирование постнеклассической науки произошло в первую очередь благодаря термодинамике открытых сильно неравновесных систем, за создание которой И. Р. Пригожин был удостоен в 1974 году Нобелевской премии. Ядро постнеклассической парадигмы составляет система положений и принципов, получающая разные имена: синергетика, теория самоорганизации, нелинейная динамика и т. д. Сам И. Р. Пригожин называл разрабатываемое им положение познанием сложного. Эти идеи были восприняты во многих науках после его книги, написанной в содружестве с Изабель Стенгерс. Название их бестселлера — «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой» — стало, как теперь говорят, знаковым. Для многих представителей гуманитарных наук использование слов «порядок», «бифуркация», «аттрактор» и «хаос» стало данью моде. Примерам несть числа. Для глубоких исследователей культуры новые основания фундаментального знания стали подтверждением их собственных идей, которые выходили за рамки парадигм классической и неклассической науки. Подтверждение сказанному можно найти в наследии Д. С. Лихачева и Ю. М. Лотмана.

В небольшой работе Д. С. Лихачева «Рождение нового через хаос», опубликованной в качестве предисловия ко второму выпуску альманаха «Канун» в 1996 году, изложены новые представления о роли хаоса для постижения многовариантного самодвижения культурных систем¹. Постнеклассика утверждает понимание хаоса не как максимума беспорядка, а как предбифуркационное состояние, в котором система может находиться определенное время; при этом начинают зарождаться структуры, способные в будущем к разрастанию, то есть дающие рождение нового. В данном понимании открываются

новые смыслы. Во-первых, динамика сложной открытой системы является принципиально многовариантной. Это накладывает понятные ограничения на детерминистические описания. Развитие культуры — это не прохождение во времени одного объективно заданного пути, а перманентный выбор сценария своего развития из лавины возможностей. Во-вторых, только «на выходе из хаоса» существует возможность рождения нового состояния системы. В-третьих, новое состояние — это не выбор лучшего из возможного, а выбор случайного. Таким образом, в постнеклассике хаос становится условием рождения нового, условием проявления в действительности того, чего могло бы и не быть.

Данные представления были важны для решения сложной проблемы истории литературы, занимавшей Д. С. Лихачева, — определение причин смены направлений и появления новых стилей. В упомянутой выше статье Дмитрий Сергеевич пишет об «избыточности» хаоса, в котором могут корениться «одновременно несколько систем, смешивающихся, параллельных или наслаивающихся друг на друга»; о хаосе в качестве удобного «строительного материала» для новых систем; о временности хаотических состояний системы. Новые представления о хаосе используются Д. С. Лихачевым для обоснования рождения нового стиля в переходе через хаос как свободного «сочетания разнородных предшествующих направлений». Я считаю необходимым подчеркнуть, что Д. С. Лихачев использует постнеклассические представления именно для обоснования, а не для открытия механизма смены стилей. О периодичности в чередовании великих стилей в истории искусства он писал еще в 1960-х годах. Для самоорганизации сложным открытым системам, к которым относятся и системы культуры, нужно не только время от времени переживать хаотические состояния, элементы системы должны быть способны к когерентной (согласованной) реакции либо на собственное усложнение, либо на воздействие со стороны своего окружения. При всех возможных типах поведения (например осцилляции или бистабильности) нужна так называемая автокаталитическая стадия.

¹ Лихачев Д. С. Рождение нового через хаос // Полярность в культуре. Альманах «Канун». 1996. Вып. 2. С. 10–18.

Механизмы самоорганизации до того, как точно и ясно было объяснено в постнеклассической науке, давались учеными-энциклопедистами, которые в силу именно своего энциклопедизма были способны преодолеть границы классической науки. Так, А. Дж. Тойнби дал описание истории культуры, которое во многом согласуется с представлениями нелинейной динамики. Так и в работах Д. С. Лихачева, относящихся еще к 1960-м годам, ученый отмечал, что «наблюдения над диахроническим аспектом культуры в больших хронологических отрезках неоднократно привлекали внимание к ритмичности структурных форм в искусстве и идеологии»².

Иными словами, в фундаментальных науках представление о механизмах самоорганизации сложных открытых систем возникло позже аналогичных представлений, излагаемых в исследованиях культуры. В связи с этим отметим два момента. Во-первых, смена научных парадигм снимает некоторые «обвинения» в ненаучности многих гуманитарных исследований, противоречащих идеалам классической науки, преодолевающих пределы ее описаний. Во-вторых, гуманитарные исследования, согласующиеся с выводами постнеклассической науки, становятся чрезвычайно ценными для разработки методологии моделирования нелинейной динамики социокультурных систем.

Процессы взаимодействия системы и ее окружения являются ассиметричными. В исследованиях Д. С. Лихачева полярность рассматривалась как процесс, организующий широкий круг историко-культурных явлений. Это направление было важным для разработки методологии исследования информационных процессов в социокультурных исследованиях. С этой целью мной был предложен информационно-синергетический подход, суть которого сводится к двум положениям: информация есть многостадийный процесс, необратимый во времени; информационные процессы являются механизмами самоорганизации сложных систем³. Выводы постнеклассической науки позволили мне понять рождение (генерацию) информации как выход из хаоса, кодирование информации как способ ее хранения, трансляцию информации как создание структурности культуры, фор-

мирование стилей и символов как способы реализации информации, редупликацию информации как создание модели поведения человека, востребованного самобытной эпохой. Каждая стадия информационного процесса имеет свою функцию, под действием которой образуется культурная форма. Например, генерации информации в социокультурных системах, то есть выработка идеи нового порядка, имеет нормативную функцию, под действием которой формируется идеология. Новые идеи требуют воплощения в новых кодах и знаках, формирующих «новояз» и хранящихся в культурной памяти.

Проникновение рожденных и закрепленных в знаковой системе идей в социальную действительность создает новую структурность, например, новое распределение социальных ролей. На этой стадии под действием прогностических функций формируется такая форма культуры, как социальный сценарий. Фиксирование новой социальной структурности совершается под действием критической функции, что создает стили и символы как способы целенаправленной реализации исходной идеи. Эта стадия делает возможной следующий этап информационного процесса — формирование программ и моделей поведения человека под действием адаптивной функции, позволяющей человеку принять новое. Мне было чрезвычайно важно увидеть подтверждение этой абстрактной модели культурной динамики в следующих словах Д. С. Лихачева, объясняющих процессы самодвижения культуры: «Появление новой формы обусловлено тем, что форма стремится восстановить прерванные связи с новыми явлениями в человеческой культуре. Не действительность воспринимается через искусство, а искусство воспринимается через действительность. Именно поэтому вслед за появлением новой идеологии, новых идеалов или новых, резко отражающихся в человеческом сознании фактов истории появляются новые стилистические направления, по своему объясняющие действительность»⁴. Данное объяснение согласуется с постнеклассической парадигмой. Творческое наследие Д. С. Лихачева являет собой пример воплощения встречного движения наук, преодолевающего разрыв «двух культур».

² Лихачев Д. С. Барокко и его русский вариант XVII века // Русская литература. 1969. № 2. С. 18–19.

³ Мелик-Гайказян И. В. Информационные процессы и реальность. М., 1997; Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры. М., 2005.

⁴ Лихачев Д. С. Рождение нового через хаос // Полярность в культуре. С. 15.

ВОЛЬФГАНГ МИТТЕР,*профессор Немецкого института международных исследований
в области образования, иностранный член Российской Академии образования
(Франкфурт-на-Майне, Германия)*

СТОЛКНОВЕНИЕ ИЛИ ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ, В ОСОБЕННОСТИ КАСАЮЩИЙСЯ МИКРОУРОВНЯ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

Столкновение культур — это явление, история которого берет начало с давних времен, и один и тот же вопрос остается на повестке дня, а именно: ведет ли столкновение культур к враждебности между людьми или к мирному диалогу. Однако во многих случаях эти диалоги приводят к двусмысленности, что можно проследить на примере отношений между греками и римлянами в период античности. В современном обществе это явление приобрело новое качество как следствие постоянного расширения пространства, на котором происходят подобные столкновения благодаря открытиям и исследованиям до сих пор неизвестных территорий, завоеваниям, а также образованию колоний в эпоху империализма. А в наши дни это происходит благодаря глобализации и созданию электронных средств коммуникации. Наблюдение и исследование этой тенденции стало главным в теориях, объясняющих явление взаимодействия культур (с вытекающими отсюда последствиями) через такие понятия, как «столкновение» и «диалог». Проблемы «столкновения цивилизаций», по терминологии Томаса Хантингтона, и «мировой этос» Ганса Кюнга недавно были предложены к обсуждению и вызвали заинтересованные отклики.

Помимо глобальных столкновений, происходящих на макроуровне, в основном между странами и регионами, в целом сейчас су-

ществует тенденция изучения столкновения культур на микроуровне, в рамках одной страны и даже местных общин. Эта тенденция тоже имеет длительную историю, но была ускорена за счет межкультурной миграции, которая охватила многие страны и все континенты.

Современные исследования сосредоточены на вопросах, рассматриваемых на микроуровне, особенно в отношении Германии с ее постоянно растущей иммиграцией (с «миграционным фоном», основанном на различных культурах). С одной стороны, результаты постоянно растущей иммиграции проявляются в формах неагрессивных (а иногда и агрессивных) конфликтов, в силу чего явление «параллельных сообществ» можно интерпретировать как определенный вызов принимающему обществу. С другой — были приняты значительные усилия для продвижения различных подходов к диалогу и коммуникации, а также совместные национальные и иммиграционные проекты, вызванные развитием районов со смешанным населением.

Образование стало значительной сферой, в которой происходят обе формы взаимодействия культур. Важная роль образования недооценена в силу непонимания основной его функции — мирного или враждебного — сосуществования представителей разных культур.

Г. В. МУХАМЕТЗЯНОВА,*директор Института педагогики и психологии
профессионального образования РАО, академик Российской Академии образования,
доктор педагогических наук, профессор (Казань);***Н. Б. ПУГАЧЕВА,***заведующая лабораторией Института педагогики и психологии профессионального
образования РАО, доктор педагогических наук, профессор (Казань)*

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ПАРАДИГМА НОВЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В условиях глобализации диалог культур можно рассматривать как принципиально новую парадигму общественных отношений, базирующихся на взаимном доверии и

партнерстве. Особое место диалог культур занимает в системе образования. Сегодня, в условиях трансформации российского общества, образование рассматривается не только

как услуга, а прежде всего как гарант национальной безопасности и прогрессивного развития.

Бедущим принципом реализации диалога культур в системе образования и воспитания выступает социокультурный контекст развития личности, предполагающий всемирный учет национальных особенностей и определение их значимости в интернациональном и поликультурном мире. Данное положение определяет образовательную стратегию, ориентированную на формирование личности, способной к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной среде, обладающей развитым чувством уважения и пониманию различных этнических культур. По нашему мнению, данная образовательная стратегия способна:

— во-первых, содействовать глубокому и разностороннему овладению обучающимися основами национальной культуры, что в свою очередь выступает важнейшим условием их интеграции в другие культуры;

— во-вторых, способствовать формированию у подрастающего поколения представлений о многообразии этнических культур, воспитанию толерантного отношения к национально-культурным различиям, что создает условия для самореализации личности в полиэтнической среде;

— в-третьих, всемерно приобщать обучаемых к основам мировой культуры, раскрывать объективные причины процесса глобализации в современном мире, взаимозависимости и взаимопомощи этносов в решении актуальных проблем развития цивилизации.

По мнению авторов, для оптимальной реализации данной образовательной стратегии в педагогической практике необходима и достаточна совокупность следующих условий:

1. Диалектическая взаимосвязь национального самосознания обучаемых с освоением социальных и нравственных норм поведения («Я — представитель своего этноса», «Я — россиянин», «Я живу в содружестве народов России», «Я — гражданин мира»). Диалог культур в образовательно-воспитательном процессе предполагает определение своеобразия каждой национально-культурной системы на основе анализа и сопоставления. При этом выявляется, с одной стороны, общечеловеческое содержание каждой национальной культуры, с другой — характерные для них национальные картины мира и особенности мировоззрения и мировосприятия. Необходимо, чтобы приобщение к другой культуре не отчуждало личность обучаемого от родной культуры, не ослабля-

ло, не ущемляло национальные чувства. При этом сам эффект идентификации, неизбежно возникающий при реализации диалога культур в педагогической практике, может осуществляться в нескольких вариантах. В одном случае обучаемые узнают в другой этнической культуре знакомое, близкое, но в ином национальном контексте. В другом — происходит усвоение непривычных мировоззренческих взглядов, эстетических вкусов и представлений, что в конечном итоге способствует расширению социального и нравственно-этического опыта самих учащихся¹.

2. Формирование системы общекультурных императивов посредством диалектической включенности национальной культуры в систему российской и мировой культуры. Система общекультурных императивов присуща в равной степени всем этнокультурным образованиям. Несмотря на определенное своеобразие, каждая этнокультура характеризуется универсальными поливариантными составляющими, связанными с одинаковыми для каждой монокультуры стадийными факторами развития. Национальная категория, выражая категорию единичного, включена в мировую культуру, выступающую в качестве всеобщего. В условиях глобализации мировых процессов и культурной конвергенции система образования рассматривается как эффективный механизм этнокультурной идентификации личности и одновременно как средство гармонизации межэтнических отношений. Глобализирующее движение, как становится очевидно уже сейчас, приведет к обновлению и возрождению различных языков и культур. Многообразие, а не однородность будет стержнем динамичной глобальной системы, и именно это явится одним из самых трудных испытаний человечества перед будущим. Там, где образование выступает фактором развития, оно играет ключевую роль. Поэтому важно, чтобы в педагогическом процессе нашло свое практическое воплощение поликультурное взаимодействие различных социокультурных образований². Современная образовательная практика должна выбрать вектором своего развития плюрализм, подчеркивающий множественность культур и самодостаточный характер каждой культуры.

¹ См.: Белогуров А. Ю. Поликультурный аспект национально-регионального компонента содержания образования // Вестник Пятигорского лингвистического ун-та. 2000. № 3. С. 59–65.

² См.: Интеграционные процессы в системе единого культурно-образовательного пространства региона. Казань, 2002.

3. Формирование целостного поликультурного мировоззрения у всех субъектов образовательно-воспитательного процесса, коммуникативных особенностей личности, включающих преодоление языковых, религиозных, расовых, национальных барьеров. Данное условие должно выступать доминирующим в определении содержания образования, привлечении информационных, коммуникативных форм и методов организации образовательного процесса. Этнокультурное образовательное пространство любого национального образовательного учреждения должно быть максимально открыто для идей прогресса, гуманизма, непрерывного диалога культур, их взаимодействия и взаимообогащения в ходе сложного исторического развития данного этноса. При этом национально-региональные аспекты образования должны служить составной частью общемирового культурно-образовательного процесса. Реализация данного положения в педагогической практике обуславливает особые требования к деятельности преподавания. Педагог должен выступать не только как носитель и передатчик национальной культуры со всеми ее специфическими особенностями, но и как широко мыслящий, образованный наставник, способный определить место национальной культуры в общемировой поликультурной системе, как посредник между различными культурами³. Очевидно, что национальное образование отражает некоторые философско-религиозные аспекты. Религия и народные верования играют этнообразующую, этноинтегрирующую роль. Многовековой поиск народных истин, нравственного идеала происходил преимущественно в религиозных формах. Обычаи, традиции современной жизни также в опреде-

ленной степени носят культовый характер. В связи с этим в системе национально-регионального обучения возникает серьезная проблема внесения в светское, главным образом гуманитарное, образование элементов духовного воспитания. По нашему мнению, решение проблемы следует искать в двух направлениях: во-первых, в насыщении учебных программ курсами, раскрывающими процесс духовного развития своего народа и всей цивилизации, иллюстрирующими историческую роль религиозного знания как формы личного самопознания и самосовершенствования; во-вторых, в усилении мировоззренческих акцентов в преподавании естественно-научных дисциплин, направленных на активное формирование в сознании обучаемых современной научной картины мира.

Резюмируя вышеизложенное, мы считаем, что организация образовательно-воспитательного процесса на основе диалога культур способствует развитию поликультурности в образовании, созданию условий для введения всех его субъектов в этническую, российскую и мировую культуру. Это позволит им осознать свою уникальность, выработать представление об общих нравственно-этических нормах, особенностях мировоззрения, верований, а также наиболее полно раскрыть свои задатки и дарования как необходимые предпосылки для процесса воспроизводства и обогащения национальной культуры в контексте мирового культурного развития. В свою очередь определение своеобразия, роли и места родной культуры в общецивилизованном процессе призвано способствовать расширению социальной мобильности личности, обеспечению единого культурного и образовательного пространства⁴.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ,

*заведующий кафедрой философии и истории
Санкт-Петербургской государственной академии
театрального искусства, кандидат философских наук, профессор*

ОБЩЕНИЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

Общение как фундаментальная философско-культурологическая категория сравнительно недавно стала предметом теоретического анализа. Однако за относительно короткий промежуток времени в исследовании этого феномена сделано очень много, и по-

стоянно выявляются новые аспекты проблемы, все отчетливее обнаруживается специфическое содержание общения, отличающее его от сходных с ним понятий: коммуникация, взаимодействие, воздействие, связь, контакт и др. Общение — это прежде всего субъект-

³ См.: Белогуров А. Ю. Указ. соч.

⁴ См.: Интеграционные процессы...

субъектное диалогическое отношение. Эта связь может быть бесконтактной (за исключением исполнительских искусств художник не знает реакции на произведение), более того, диалог может быть однонаправленным, как ни парадоксально это звучит (сигналы, посылаемые взвездными цивилизациями, безответны, но это диалог в потенции, в бесконечно долгой надежде на отклик). Субъектами общения в равной степени могут быть индивид, группа, социум, культура, все человечество (по отношению к инопланетным цивилизациям).

Может быть, никогда прежде эта проблема не была столь значимой, как в современной культуре, где актуализированы и функционируют в единой целостности неведомые прежде пласты культуры Большого Времени и Большого Пространства. Буквально на наших глазах прошлое из исторических памятников переходит в состав живой художественной культуры, планетарный масштаб обретают феномены региональных культур (массовый интерес к искусству Средневековья, к современной латиноамериканской литературе и др.). В этом процессе сложнейшим образом взаимосвязаны осознание художественно-эстетической суверенности, порой альтернативности явлений культуры и переживание некоего духовно-нравственного единства человечества (мы слышим «живой голос» другого человека).

В конце 1970-х годов на страницах журнала «Иностранная литература» возникла любопытная дискуссия, начатая в талантливой статье Т. П. Григорьевой о своеобразии культурных миров Запада и Востока. Разговор обрел неожиданную глубину и многомерность после публикации статьи замечательного историка-медиевиста А. Я. Гуревича с рассуждениями об особом мире средневековой культуры, понимание которого возможно только по его собственным законам. Надо знать эти законы, почувствовать атмосферу иного мира.

В современной культуре, к сожалению, пренебрежение этими обстоятельствами, кажется, стало нормой: самоотждествленность «других» миров, их границы просто не замечаются. Скажем, икону можно воспринимать через Магисса (локальный цвет, композиционное сходство), минуя ее литургическое содержание и жизненный смысл в бытии средневекового человека, либо относиться к ней как к музейному документу. То, что в режиссерских интерпретациях называют обычно оценочно-нейтральным словом «осовременивание», чаще всего пошло

и к культуре его трудно отнести. Современное прочтение — не изъятие произведения из его историко-культурного контекста, а обнаружение в нем смысла иного масштаба и глубины. Но непременно «в нем», в его не только текстуальном, но и экзистенциально-жизненном, нравственно-эстетическом единственном и неповторимом мире. Произведение должно говорить своим языком, а не языком воспринимающего.

Знание прошлого неотделимо от его переживания, связано со способностью к исторической эмпатии. Необходимо войти в этот мир, ощутить себя в нем и почувствовать его в себе. Выразительный смысл событий и фактов открывается только в единстве знания и переживания. Здесь художественное воображение оказывается инструментом исторического познания (проблема не новая — о ней писали В. Ключевский, М. Блок, А. Гулыга, М. Нечкина и др.). Не обладая развитым эстетическим чувством, нельзя быть хорошим историком.

В давней небольшой полемической статье «Анэстетизм и древнерусская литература» (Русская литература. 1963. № 1) Д. С. Лихачев не просто оспаривает тезис о невозможности эстетического восприятия древнерусской литературы, но убедительно доказывает, что неспособность воспринять древнерусские художественные тексты эстетически обесмысливает их историческое толкование. Такой историк, по сути, имеет дело не с тем фактом культуры, каковым он на самом деле является.

Речь идет не о дилетантском «вчувствовании», как раз характерном для бессодержательного глобально-нерасчлененного «любовного» отношения к древности, а о живом «общительном» отношении к историческому факту. Наверное, для этого нужно обладать особым талантом, но, несомненно, это личностное качество необходимо воспитывать.

Память истории предполагает не только знание ее фактов, но и родственно-эмоциональное переживание времени: «история конституируется человеческим общением», его «самыми сокровенными» формами — чувствами сыновними по отношению к прошлому, братскими — к настоящему и отцовскими — к будущему¹. От того, в какой степени это благое пожелание известного историка и философа станет фактом нашей биографии, зависит не только глубина исторических штудий, но и качество нашей сегодняшней жизни.

¹ См.: Рашковский Е. Б. На оси времен. Очерки по философии истории. М., 1999. С. 22–26.

С. И. СЕЛИВАНОВА,

*приглашенный профессор Университета Чосон (Южная Корея),
кандидат педагогических наук, доцент (Иркутск)*

ЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ПРИ РУССКО-КОРЕЙСКИХ КОНТАКТАХ

Значимость изучения особенностей этнического менталитета трудно переоценить. Разность взглядов на какие-либо события или жизненные явления весьма затрудняет процесс взаимопонимания, в позитивных результатах которого остро нуждаются общающиеся стороны.

Образ жизни человека, его мироощущение определяются физическими характеристиками географической среды, в которой живет нация. Сопоставление моделей национального восприятия картины мира начинается с восприятия, осмысления и освоения этнического пространства. Фактическое и воображаемое (боги, духи, святые, мифические существа) население местности, средства измерения и преодоления пространства, цветовая перцепция и сакрализация пространственных ориентиров, способ связи — вот важнейшие факторы, которые нельзя не учитывать при контакте разных культур и цивилизаций.

Антропоморфизм природы обусловлен особыми отношениями человека с окружающим миром. Русское художественно-образное восприятие наделяет **родительскими** качествами окружающий мир: *мать-сыра земля, Волга-матушка, лес-батюшка, Дед Мороз*, ибо ближайшее природное окружение, по мнению славянина, выполняет защитную, питающую, страдающую и воспитывающую функции. Жилище охраняет вполне адекватный хозяину Домовой.

Корейскому же традиционному мировосприятию свойствен характерный пандемонизм, при котором все видимое и воображаемое (то, что за горными хребтами) пространство заселено бесчисленными и враждебными человеку духами и демонами, которые «живут под каждым тенистым деревом, в каждом темном овраге, ручье и горном ущелье. Они находятся на каждой крыше, потолке, в очагах и бревнах. Труба, навес, жилые комнаты, кухня полны ими. Они обитают на всякой полке, в каждом кувшине. Все углы корейского жилья подчинены демонам. Они сопровождают корейца во всех стадиях его жизни, и от умилоствления их зависит все его благополучие»¹. При этом если рус-

ский в своем жилище находится под покровительством *Домового* (за исключением редких конфликтных ситуаций), то корейцу и дома не гарантирована неприкосновенность, он вынужден постоянно считаться с многочисленными духами: *Дела, что совершаются в тиши, Увидят злые демоны и духи. И потому будь осторожен ты: Не одряхлело небо, духи зорки* (Сон Кан, Чон Чхоль).

И сегодня корейская женщина, оставаясь на ночь дома одна, не ляжет спать в темноте (из 30 опрошенных студенток университета только двое «согласились» ночевать дома в одиночестве при определенном условии), но постарается либо оставить работающим телевизор, либо пригласить компаньонку.

В практике автора был случай, когда корейка — профессор известного университета, замужняя женщина, мать двоих детей, глубокой ночью прибежала спасаться в гостиничный номер автора от ужасов темной комнаты, где она оставалась на ночь одна. При этом гостиница была арендована для проведения специального семинара и плотно заселена европейскими и корейскими коллегами. Соседние номера были заняты немецкими и французскими преподавателями, номер автора был напротив. На вопрос коллега ответила просто: «Страшно. Темно. Слишком большая комната».

Корейцы избегают громоздких шкафов, кроватей (*там живут черти*) и заставленного мебелью пространства.

И сегодня довольно часто можно наблюдать, как душным летним вечером корейцы отдыхают на обочине дороги под фонарем или, по крайней мере, включив фары машины, максимально ярко освещая пикник (в горах световой день кончается рано, а в период душающей жары предпочтительнее поздний ужин).

Для русского центром, более того — самой **Вселенной**, является его дом. Это приводит к *одомашниванию* всего окружающего пространства, в том числе и космоса, когда небо ощущается как чердак, как внешняя часть дома (ср.: *купол небес, небесный свод*). На небо можно *вскинуть дубинку, залезть по стеблю гороха*, поставить в *царстве небесном трактир*, а Солнце и Месяц Месяцевич —

¹ Хан В. С. Описание Кореи. М., 1960. С. 402.

частые гости, а то и родственники крестьянина (см. русские народные сказки).

Прилегающие к дому уголья (двор, сад, огород, пашня) имеют тенденцию к бесконечному расширению, а продовольственные и иные запасы превращают жилище в некий космический универсум, который можно не покидать долгие месяцы, не ощущая ни в чем (даже в движении) недостатка.

Мироощущение же корейца определяет неразделимость человека и природы, общая организованность частного и вселенского бытия. Кореец старается не выделяться из ландшафта (это опасно), аккуратно вписывает свое тесное, словно дом улитки, жилище в окружающий мир: зато *вкруг него природы чудеса* (Ким Су Чжан); дом-панцирь, дом-скорлупка, дом-пещера наконец (вот почему в Корее не в почете прозрачные окна, зачастую даже сегодня оклеиваемые непрозрачной бумагой) не предназначен для складирования добра и легко покидается человеком в случае опасности (землетрясение, тайфун, вражеский набег), а также ради *бесконечного наслаждения теплым камнем у воды* (Юн Сон До), и не менее легко воссоздается в любом другом месте, поскольку дом призван защищать лишь **тело** человека. А запасы продуктов (кимчхи и рис) хранятся в больших глиняных горшках без всяких специальных помещений.

Таким образом, если **русскими** Вселенная включена в состав дома, то **корейцами** дом включен в состав Вселенной.

Сказанное побуждает чрезвычайно внимательное отношение к культуруносным языковым пластам при контакте с корейцами.

Острая нехватка земли в Корее обуславливает ее необычайную дороговизну, стремление расширить территорию путем наращивания суши и... зависть к соседям, вальяжно расположившимся аж на двух континентах.

Самым распространенным ответом корейских студентов на вопрос, что их привлекает в образе жизни среднего россиянина, является *волшебное* слово «дача». Шесть российских среднестатистических соток земли, прилегающих к загородной постройке, представляются корейцам непомерной ценностью, ведь в стране каменных садов многие люди (особенно в пригородах небогатых южных городков) далеко в горах вручную отвоевывают у природы (и государства) крошечную кромку земли в полтора квадратных метра, чтобы посадить грядку перца или чеснока.

Наличие дачи в глазах корейцев искупает все несовершенства российской экономики: *«Вы можете все вырастить сами»*.

Выросший в условиях территориально-пространственных ограничений кореец («*Листочек древесный — Корея моя! Зажат ты меж Юэ и Хо*», Ли Хван) не может до конца постичь российскую протяженность во времени и пространстве. И этот феномен тесно связан с понятиями **семьи** и **семейных праздников**.

Для россиянина — типичный семейный праздник *день рождения*. В Корее день рождения отмечать не принято.

В России на семейное торжество приезжают только самые близкие родственники и, как правило, в пределах одного города. В Корее же на *семейные праздники* (Чхусок, Сольлаль) едут из разных концов страны, собираясь у главы рода, по два-три дня терпеливо выставляя в автомобильных пробках, ибо *семья* — это не только родители и дети, а все дяди, тети и племянники вместе взятые. И не только ныне живущие, но и их предки. Праздник начинается не с застолья и тостов, а с посещения могил предков.

Важнейшей стороной интимно-семейной деятельности корейца является его глубокая вера в особые взаимоотношения мира живых и мира умерших (*чосын*), теснейшим образом связанная с горами. Ни высокий уровень цивилизации, ни передовые технологии не поколебали систему древнейших верований, которая лежит в основе ценностных ориентаций, побудительных мотивов и поведения корейца на протяжении всей его жизни. Забота о душе покойного предписывала тщательный выбор *счастливой* горы для захоронения тела, некогда в поисках благоприятного места «по несколько раз приходилось выкапывать тело и переносить его на новое место»². Последующему умиротворению духа умершего отводится немалая роль в повседневной жизни, дабы подвигнуть «активность предка» в нужном для интересов семьи направлении»³. Рядом с тщательно ухоженными могилами, расположенными на живописных горных склонах, иногда довольно высоко, возводятся храмы и молельни (они снижают неблагоприятное воздействие неудачного места), предков навещают, наводят порядок на «их» территории, «кормят», приносят им жертвоприношения и оказывают всяческие почести, как если бы они были живыми.

Упоминание о расстояниях, разделяющих российские семьи, невозможность сохранно-

² Гарин Н. Г. Из дневников кругосветного путешествия (по Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову). М., 1949. С. 110–111.

³ Ушков А. М. Утопическая мысль в странах Востока: традиции и современность. М., 1982. С. 41.

сти подобного патриархального уклада корейцев обескураживает, иногда вызывая недоверчивый смех:

— А сколько часов ехать от Москвы до Запорожья? Часа два?

— Восемнадцать.

— А сколько часов лететь от Владивостока до Москвы? Пять?

— Часов девять.

— А на поезде?

— Семь дней.

— Это правда? Так ведь отпуск может кончиться...

Беспокойство и недоверчивость корейца легко объяснима: протяженность самого длинного *хайвея* в Корею составляет около 400 километров (пять часов езды на автомобиле), а отпуск — 5–7 дней.

Невозможность соблюдения семейных традиций, а следовательно — отсутствие помощи рода, пугает и настораживает. Каждый сам по себе, с точки зрения корейской ментальности, — это страшно.

Пространственно-временной континуум задает определенную шкалу ценностей (*страна* и *пространство* одного корня в русском языке) и диктует определенную заданность действий⁴. Русское сознание тяготеет к преодолению бесконечного, любое ограничение масштаба в деятельностном и созерцательном аспектах тягостно для него («*Еще народу русскому Пределы не поставлены...*», Н. А. Некрасов). В то время как для корейца понятие физического одиночества в пространстве полностью отсутствует. Корейский ребенок с рождения в буквальном смысле «задвинут» за спину матери, с головой накрыт материнской верхней одеждой; горная местность и тесные застройки не дают возможности разгуляться взору, плотность населения чрезвычайно высока.

Таким образом, русский смотрит *вдаль* и *кругом*, постигая *реальное* внешнее пространство, а кореец — *вглубь себя* и сосредоточивается на себе, не зная наверняка, а лишь угадывая, предполагая характеристики окружающего его мира.

Обозреваемое корейцем пространство искажено вертикалями и неровностями горных хребтов и перевалов, меняющих представление о расстоянии в зависимости от освещения, погодных условий, точки обзора и вре-

мени года. Получить достоверную информацию о видимых ландшафтных объектах, их пропорциях, объемах и передвижениях обитателей территории — чрезвычайно трудная задача. И если русский в своем безмерном пространстве чувствует себя комфортно, то корейская мудрость гласит: «*Даже если идешь по каменному мосту, спроси дорогу еще раз*». Любая информация о внешнем мире должна быть перепроверена неоднократно, из разных источников, прежде чем можно будет ей доверять, ибо за ошибку в горах нужно будет платить жизнью.

Осваивая пространство *по горизонтали*, русский остро нуждается в хорошей *дороге* — ибо ехать бесконечно долго; корейцу же, устремленному вверх, в горы, *по вертикали*, нужна короткая, но надежная *тропа*. Таким образом, вертикальная тропа важнее горизонтальной дороги. К тому же обманчивая горизонталь появляется после вертикали.

Контроль территории с горных высот дает убедительные преимущества при ведении любых военных действий. Покорение вершин корейцу жизненно необходимо, ибо только с горной вершины он может прогнозировать вероятностный исход тех или иных событий в своей жизни и жизни своего племени.

Для русских священны земля и солнце, для корейцев — *горы и луна* (ср.: *кучжон, чонволь тэ борым, кангансуолле, чисон*). Самые почитаемые праздники в Корею и ныне отмечаются по лунному календарю. Существует множество поверий, связанных с луной. В старину, в *борым наль*, тысячи людей спешили подняться на гору, чтобы не упустить свою удачу, ибо тот, кто первым увидит полную луну, будет удачлив весь год. Первая большая луна сулила удачный брак тем молодым людям, которые увидят ее раньше остальных, а крестьяне по ее цвету и расположению определяли свою судьбу на будущий год: белая — к дождям, ясная — к урожаю.

Горы — место зарождения этноса и последнее его пристанище. Сама Жизнь спустилась в долины с гор и по окончании земного пути должна подняться на место.

Языковой пласт, фиксирующий сегодня этническое восприятие мира, еще не изучен и не описан полностью, имея в то же время огромное значение для понимания характера и психологии народа. Сопоставительный описательный анализ лексики, отражающей восприятие пространства, позволяет выявить глубоко заложенную в сознании человека программу национальной образно-эстетической рецепции.

⁴ См.: Селиванова С. И. Этническое восприятие некоторых категорий пространства в разных культурах (Россия и Корея) // Проблемы преподавания русского языка в Российской Федерации и зарубежных странах: матер. междунар. конф. М., 2005., Т. 2. С. 230–236.

В заключение приведем бесчисленное множество национальных корейских коннотаций лексемы *небо*, которое *смотрит на Землю своими глазами — звездами*. Слово «небо» в корейской ментальности категориально. Сами корейцы являются частью Неба, его продолжением, о чем повествует древняя легенда о Тангуне, сыне небесных духов Хвануна и Хванума. Небо включает понятие о брате и сестре Луне и Солнце, счастливо спасшихся от тигра; о полюбивших друг друга звездах *Кенну* и *Чинне* (Пастух и Ткачиха), разведенных небесным владыкой по разные берега Серебряной реки *Ынхасу* (Млечный путь); о чудесном корне женьшене, обязанном происхождением небесному огню; о ло-

тосе и розе — бесценном даре небожителей, белом журавле и многом другом. И если русский, взывая о помощи, обращается к Богу, то кореец молит о спасении *Небо* как владыку Вселенной и своего старейшину — первopедка.

Сопоставление особенностей этносоциокультурного мировидения наглядно демонстрирует оригинальность и различие России и Кореи и объясняет некоторые поведенческие стереотипы. Отчасти проблема Запад–Восток — это проблема восприятия мира с разных плоскостей, которые в идеале должны дополнять друг друга и опираться друг на друга в плане дружественного сосуществования, развития и культурного обогащения.

Н. И. ФАТИЕВ,

*заведующий кафедрой философии СПбГУП,
доктор философских наук, профессор*

КУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Тема межкультурного диалога — одна из наиболее «раскрученных» в социокультурном дискурсе. Тем не менее методологически она совершенно не прояснена.

Ясно, что налицо коммуникация и обоюдно выстраиваемая аргументация, но для более-менее продуктивного диалога этого недостаточно, поскольку у аргументации должно быть общее поле, иначе она может напоминать спор Остапа Бендера с ксендзами о существовании Бога.

Между тем наличие общего поля аргументации в межкультурном диалоге обычно постулируется в качестве исходной аксиомы, что вряд ли оправдано, ибо сама по себе форма диалога не гарантирует наличия способности воспринимать другую точку зрения. Крайней формой диалога, который иногда кажется продуктивным, является диалог политический.

Хорошей миной при плохой игре в этом случае является готовность видеть в подчас достигаемом компромиссе результат общения, сблизившего позиции сторон, а не отражение сложившегося баланса сил (что чаще всего имеет место в действительности). Еще очевидней неспособность рационально воспринимать чужую точку зрения заметна в этнокультурных конфликтах. Например тех, которые в последний год потрясли Францию, что дало основания поклонникам С. Хаттингтона говорить о войне цивилизаций.

Чтобы глубже вникнуть в проблематику культурного конфликта, рассмотрим частный пример — столкновение философских направлений и систем. На первый взгляд, рафинированная интеллектуальная атмосфера любви к мудрости — лучшая питательная сфера для плодотворного диалога и взаимопонимания, то есть она отличается от тематики этноконфликтов, особенно тяготеющих к бытовым и экономическим проблемам, как шахматы от домино. Но это верно лишь в первом приближении.

Действительно, вся история философии наполнена спорами — такими как проблема первоосновы всего сущего, смысла жизни, универсалий, научного метода, человеческой экзистенции. Все это рассматривается в диалогах, которые могут тянуться несколько веков. Но самое основное и принципиальное в том, что все спорящие находятся внутри одного и того же или нескольких родственных философских направлений и школ. Спор между носителями несовместимых точек зрения это не диалог, а серия монологов, поскольку каждая сторона слышит и воспринимает только свои аргументы. Примеры первого рода — спор скотистов и томистов (он плодотворен, поскольку в наличии общая платформа средневековой латинской схоластики) или споры западников и славянофилов в русской философии. Пример второго рода — основной вопрос философии, ибо Платон не

спорит с Демокритом. Нельзя же считать аргументом в споре как-то высказанное первым желание уничтожить сочинения последнего. XX век, казалось бы, опровергает рассматриваемую тенденцию. Развивается философская компаративистика, в основе которой идея сравнения далеко отстоящих друг от друга философских направлений. Европейская философская традиция сопоставляется с индийской или китайской. Однако обещанного на этом направлении прорыва не происходит. Европоцентристское прочтение восточной философии подчас оказывается ее неправомерной интерпретацией в духе чего-нибудь хорошо известного, например философии Канта. Основная трудность философской компаративистики связана с тем, что сравнение не есть доказательство. Подобие и отдаленное или не слишком отдаленное родство рассматриваемых философскими школами проблем не означает их совпадение. А различия в схожих в целом свойствах могут далеко завести, напомнив слова одного южноамериканского миссионера, встретившего в тропическом лесу орангутана и заявившего, правда, в имплицитивной форме: «Ежели ты человек, то я тебя крещу».

Перед нами Сцилла и Харибда философских споров: либо признать, что все говорят

об одном и том же и в итоге «крестить орангутанов», либо разделить все философские школы китайской или берлинской стеной — кому что ближе — и признать принципиальную несоизмеримость позиций и жесткую локализацию аргументации в системе философских координат выбранного направления. Истина как всегда где-то посередине, но поиск этой середины — философски нетривиальная задача.

Насколько же реален диалог, а по сути — спор различных культур, когда общее поле аргументации минимально? Общие или общечеловеческие ценности присутствуют в форме запретов (не убий, не укради), а позитивные ценности у каждого народа разные.

Если спор Ю. Хабермаса и Ж. Деррида о судьбе философии Просвещения оставляет представителям философского сообщества право сознательного выбора, на чью сторону встать, то в культурных конфликтах этот выбор предопределен судьбой индивида, ведь свою этническую принадлежность не выбирают.

В заключение отметим, что тема межкультурного диалога в современном околофилософском дискурсе «перегрета» сверх меры, а его реальные пределы гораздо уже обсуждаемых.

Ю. В. ЯКОВЕЦ,

профессор кафедры теории и практики государственного регулирования рыночной экономики Российской академии государственной службы при Президенте РФ, президент Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, вице-президент Международного фонда Н. Д. Кондратьева, доктор экономических наук (Москва)

ПЕРСПЕКТИВЫ ДИАЛОГА И ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ОБЛАСТИ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

Одна из новых областей науки сегодня — диалог цивилизаций. Скорее, даже новая отрасль науки — цивилиография. Данный термин впервые употребил Черняк в своей книге «Цивилиография — наука о цивилизации» (1996). Это сфера макросоциологии, которая охватывает область между крупными общностями, выходящими за национальные, этнические рамки, и которая сейчас становится ключевой для всех основных вопросов развития человечества.

Сегодня есть три основных понятия цивилизации: обычной, локальной цивилизации как культурно-исторического типа —

с этого начинал Данилевский; он же ввел понятие «мировые цивилизации» как смену исторических мест и формаций; третье понятие, которое сейчас более широко используется, — «глобальное» как совокупность локальных цивилизаций и пространств их взаимодействия. Например, Кофи Аннан несколько раз его использовал. К слову, я только что приехал из Пекина, где было заседание Организации по поддержке глобальных цивилизаций (этой организации 10 лет, ее возглавляет китайский философ Джан Шао Хоа), где также звучало данное понятие. Оно выражает интересы всего человечества на

современном этапе его развития. Так, получается своего рода трехмерное понятие цивилизации.

Должен сказать, что в России появилась первая книга по теории цивилизации: мы выпустили двухтомник «Цивилизация: теория, история, диалог, будущее». В ней дается широкий подход к проблеме; кроме того, мы приложили к ней книгу Метлинского, доцента Харьковского университета, опубликованную в 1839 году, — «Цивилизация с ее элементами». Это было первое издание по теории цивилизации. Франсуа Гизо в своей книге, посвященной этой теме и вышедшей на 10–12 лет раньше, дал лишь очерк истории цивилизации. Потом уже Бокли и последующие авторы пошли дальше. В книге много интересных мыслей, в том числе о языке как важном элементе структуры цивилизации и т. д.

Эта теория цивилизации вызвала несколько всплесков бурного интереса к себе. В XIX веке — его инициировали Франсуа Гизо, Метлинский, Бокль, Данилевский и др. В начале XX века «подлил масла в огонь» Шпенглер своим «Закатом Европы», хотя он в значительной степени повторял идеи Данилевского. Потом — Тойнби своим 12-томником «Исследование истории» (1934–1961), который у нас вышел в виде конспективного изложения в книге «Постижение истории», вновь подогрел интерес к этой проблеме. Затем Тойнби и Сорокин в 1961 году основали Общество по сравнительному изучению цивилизаций, которое существует до сих пор. (Недавно в Санкт-Петербурге оно проводило свое юбилейное заседание — о диалоге цивилизаций Востока и Запада.)

С 1980-х годов начался третий всплеск интереса к данной теме. В 1990-е годы за рубежом вышло большое количество книг по теории цивилизаций, у нас возникла новая русская современная школа.

В 1993 году у меня вышла книга «У истоков новой цивилизации», в 1995-м — «История цивилизации», включая и прогноз, и теорию; она была переиздана в 1997 году, а в 2000 году в Соединенных Штатах Америки вышла под названием «The Past and the Future of Civilizations».

Вершиной изданий русской школы я считаю двухтомник, о котором уже говорилось сегодня; он отражает наши современные взгляды. Разумеется, они не бесспорны. Мы представили эту книгу в Нью-Йорке 10 октября 2006 года в библиотеке Дага Хаммершельда в электронном и книжном издании (она издана на русском и английском языках).

20 апреля этого года я был в Париже, где ЮНЕСКО вручило это английское издание Мацуори, и мы договорились, что 20 ноября тоже сделаем презентацию этого издания для ЮНЕСКО вместе с сопутствующей книжкой. Потому что мы осуществили уже две цивилизационные экспедиции, в этом году будет третья научно-цивилизационная экспедиция, и мы выпускаем книгу, которая называется «Северное Причерноморье: пространство и взаимодействие цивилизаций» по итогам этих путешествий. Следующей нашей книгой будут «Истоки и вершины восточнославянской цивилизации». То есть постепенно ареал нашего изучения данной проблемы расширяется. Мои соавторы Козак и Агеев также выпустили несколько книг по русской цивилизации («Россия в пространстве и времени. История будущего» и др.). Все это позволяет утверждать, что сейчас в России сложилась довольно сильная научная школа в этой области, которая является лидирующей в мире.

МИД нас также поддерживает, что несомненно расширяет наши возможности. Сейчас, например, совместно с Санкт-Петербургским государственным университетом мы приступили к созданию учебника на нескольких языках. Мы пытаемся также вместе с Фарахом, ливанцем, сделать новый цикл передач по цивилизации для арабского мира и многое другое.

Нам нужно основные положения нашей теории цивилизаций сделать доступными для нового поколения. Поэтому мы открыли свой портал новой парадигмы в Интернете и начали насыщать его сайтами. Всего предполагается создать около 30 сайтов; сейчас уже готов в первоначальном виде сайт цивилизации. Мы будем все время пополнять его материалы, чтобы это был «живой» сайт.

Теперь несколько положений, которые относятся к диалогу цивилизаций. Почему возник этот диалог? С моей точки зрения, это осевая проблема XXI века. И если основной проблемой XX века, особенно второй его половины, была борьба двух систем — социализма и капитализма, то сейчас эта проблема в значительной мере снята с повестки дня. На первое место выходят взаимоотношения цивилизаций в самом широком плане — от столкновения и противостояния до диалога, сотрудничества и высшей формы — партнерства. Употребляемое сегодня выражение «альянс цивилизаций» также является разновидностью понятия партнерства цивилизаций.

Диалог нужен для взаимного понимания на основе взаимного уважения, стремления к пониманию необходимости разных цивилизаций, с тем чтобы перейти к более высокой

форме — сотрудничеству в решении пяти глобальных проблем, которые XXI век поставил перед человечеством, перед глобальной цивилизацией. Какие это проблемы? Первая проблема — демографическая.

Раздвоение поляризации демографической динамики, когда продолжается перенаселение самых бедных цивилизаций (прежде всего африканская, индийская, мусульманская, латиноамериканская) и в то же время начинается процесс депопуляризации, который охватывает Россию с Украиной, Японию, почти всю Западную Европу и постепенно Китай. По прогнозу ООН, около сотни стран в середине XXI века окажутся в состоянии депопуляции. Это значит старение населения, упадок инновационной активности и многие другие отрицательные явления. Каждый раз на закате цивилизации возникают тенденции к депопуляции, вырождению, выморочности. (Кстати, первая книга по депопуляции появилась еще в 1870 году во Франции.)

Вторая проблема — энергоэкологический кризис, вызываемый последствиями использования ископаемого топлива.

Третья проблема — это технологический разрыв поляризации, которая нарастает с переходом к шестому технологическому укладу, через 30–40 лет этот разрыв еще больше увеличится. На данной основе строится и разрыв экономический — между «золотым миллиардом» и двумя с лишним миллиардами беднейшей части населения планеты: в 64 раза по текущему валютному курсу или в 14 — по паритету покупательной способности. Когда система настолько расширена, она становится хаотичной, это основа для терроризма и других проявлений ее разрушения.

Четвертая проблема — геополитический вызов: стремление к однополярности или возвращение к биполярности — США, Китай; многополярность, несколько центров силы.

Ну и, наконец, главная пятая проблема — система цивилизационных ценностей. Это вопрос будущего культуры, науки, образования, этики и религии — того, что составляет ядро теории цивилизации. Сейчас здесь возникает целый ряд угроз для самих цивилизаций. Одну из них наиболее четко сформулировал Зиновьев в своей работе «Русская цивилизация», где он написал, что цивилизации — это явление уходящее, что они растворяются в глобальном сверхобществе, как он называл — «глобальном очеловейнике». Несколько современных философов поддерживают позицию, что это явление уходящее.

Некоторые из тенденций глобализации тоже в этом заключаются, то есть в стира-

нии культурных различий, навязывании плохого английского языка молодежи и американской системы ценностей, тоже уходящей, которая в экспортном исполнении хуже, чем она есть реально в западном мире, сюда относится подобное влияние через Интернет на все континенты и т. д. Сегодня это главная угроза. Поэтому ООН приняла декларацию — глобальная повестка дня — о диалогах между цивилизациями, и ЮНЕСКО приняла декларацию сохранения культурного разнообразия.

Если посмотреть на вопросы культуры в широком смысле слова, то мы здесь тоже наблюдаем очень большую опасность потери культурной идентичности следующими поколениями. Закон смены поколений действует и будет действовать: поколение 1990-х годов, которое пришло на смену поколению 1960-х годов, так называемых шестидесятников, в значительной мере потеряло то, что веками, десятками поколений накапливалось русской культурой. Так, с огромными культурными потерями, сформировалось наше поколение, и сейчас оно теряет все больше через Интернет — новую систему передачи информации, телевидение и т. п. Традиционные знания и ценности исчезают, приходят мозаичные культуры, по выражению французского культуролога Моля, то есть фрагментарные, из набора различных общений, Интернета и телевидения. В силу этой всеядности мы (и другие народы тоже) потребляем этакую информационную смесь, причем нередко дурно пахнущую, что означает потерю нацией нравственного и культурного стержня.

Мало кто из молодых сегодня читал «Войну и мир», «Анну Каренину» Толстого, «Отцов и детей» Тургенева, «Преступление и наказание» Достоевского и другие произведения русской классической литературы в полном объеме. А если и читают что-либо, то «клочками», поверхностными отрывками, в ускоренном темпе. То есть все то, на чем воспитывались многие поколения русских интеллигентов, сегодня не востребовано, исчезает. Это очень опасно, потому что вместе со сменой поколений произойдет потеря культуры. Поэтому главная задача современности — поскольку по закону Менделя наследственные признаки передаются через поколение — сохранить нашу высокую культуру, которая складывалась тысячелетиями. Пусть она дифференцируется, взаимообогащается контактом, диалогом культур и массовой культурой, которая все больше коммерциализируется, но сохранит свои великие основы. Питирим Сорокин в своих трудах очень ясно показал, когда начался кризис нашего

общества, в чем причины, корни его и каковы главные проявления. Поэтому возрождение ядра цивилизации и передача его следующим поколениям — это важнейшая задача нашего поколения.

В области науки также происходят довольно серьезные изменения. Так, г-н Хорган выступил с заявлением, что наступает конец века науки. Г-н Салтыков в своем выступлении его поддержал, утверждая, что все великое уже открыто, и ученым осталась лишь отделка деталей. «Конец века науки» — подзаголовок его книги. Таков результат его бесед со многими учеными, в том числе нобелевскими лауреатами. Но в то же время сегодня рождается новая парадигма, то есть происходит процесс смены парадигм.

Старая парадигма, сложившаяся в XVIII–XIX веках и составлявшая основу индустриальной эпохи, индустриального видения мира, сейчас меняется на новую, с другой системой координат, краеугольные камни которой были заложены в 1920-е годы, и более всего — выпускниками Ленинградского университета. Это Питирим Сорокин, Николай Кондратьев, Владимир Вернадский (он работал в ЛГУ), Богданов и целая плеяда выдающихся русских ученых, которые заложили основы нового видения мира.

На длительный период эти идеи были отложены, но в XXI веке приходит время новой парадигмы. Поэтому сегодня прежде всего развиваются общественные науки. Судьба будущего человечества зависит сейчас не столько от естественных наук, которые лидировали в индустриальном обществе, сколько от общественных и гуманитарных наук.

Однако наша система образования все еще наполнена не только индустриальной парадигмой, но и худшими проявлениями современного информационного хаоса. Мы сейчас прагматизируем образование, идем по болонскому пути, вводим западные стандарты, отказываемся от творческих заданий, задач, импровизационных ответов, заменяя их системой тестирования, и т. д. Это худший ответ на вызовы новой эпохи, который требует повышенной креативности и ускоренного усвоения новым поколением новой парадигмы.

Поэтому наш творческий коллектив после многих и долгих бесплодных попыток пойти другими путями затеял создание интернет-портала, посвященного области общественных наук, и прежде всего — новой цивилизационной парадигме.

Такие же порталы нужны и в области технических, медицинских, сельскохозяйственных, естественных и других наук — все-

го, что нужно освоить поколению, чтобы обобщить самое ценное, созданное крупнейшими деятелями предыдущих столетий.

Необходимо также показать, как развивается наша культура, каковы новые проблемы, и обрисовать перспективу ускоренного освоения нового видения мира. Существующая сегодня сумятица в умах в значительной мере связана с отсутствием понимания реальных процессов, которые происходят в мире, — это потеря способности к предвидению, конфликтность, то, что Элвин Тофлер называл «футурошок» — страх перед будущим...

Поэтому важнейшая задача современности — диалог культур. И мы с самого начала делаем наши издания двуязычными — русско-английскими. Только что в Ганновере прошла презентация нашей книги «Россия-2050: стратегия инновационного прорыва» на немецком языке, что крайне удивило немцев. Они привыкли, что к ним ходят, просят что-то, а тут фундаментальный труд, «кирпич» на пятьсот с лишним страниц, на их родном языке, который мы раздавали бесплатно. Мы хотели поднять статус российской науки, потому что отношение к ней на Западе сегодня предельно плохое, так как существует своего рода информационный барьер, который не позволяет западным ученым и специалистам понять, что у нас происходит.

Следующее актуальное направление — этика. То, что происходит в этой сфере, один из наших ученых назвал этической катастрофой. Недавно мы переиздали (перевели с английского языка) книгу Питирима Сорокина «Американская сексуальная революция». Спустя полвека после написания она характеризует то, что происходит у нас сейчас: разложение семьи, морали, потеря нравственных устоев, ценностей человеческой жизни и т. д.

Наша задача заключается в том, чтобы поднять новую волну гуманистической этики, где основа всего — человек. У Печчеи есть книга с актуальным сегодня названием — «Человеческая революция». На встрече в Пекине мы договорились с Джан Шао Хоа, что приступаем к созданию сериала под названием «Апостолы добра», где расскажем о важнейших основателях гуманистической этики. Сначала об этических учениях Конфуция, Ашоки, Аристотеля — это будет первой волной. Вторая волна — Ренессанс и появление в разных цивилизациях выдающихся деятелей. В основе третьей волны — деятели XX века, такие как Сорокин, Ганди, Швейцер, мать Тереза, Мартин Лютер Кинг и другие выдающиеся личности, повлиявшие на наше время.

С Питиримом Сорокиным в последние два десятилетия его деятельности, связанные с Центром альтруистической любви, мы переписывались, так что есть интересные материалы об этом. Ганди сумел полумиллиардный народ повернуть с помощью изучения ненасилия. Мать Тереза своим духовным подвижничеством вдохновила миллионы сердец не только верующих, но и убежденных атеистов.

Мы вместе с иностранными коллегами стараемся отобрать самые интересные сюжеты и сделать увлекательные многоязычные фильмы об этих необыкновенных людях, чтобы дать новому поколению идеалы, без которых молодежь превращается в этнографический материал, как говорил Сорокин. Мы начнем с Сорокина, а китайцы — с Конфуция.

Ученым и педагогам высшей школы всего мира нужно договориться о том, как объединить силы, — ведь нас сейчас немного, хотя и не так уж мало, — чтобы совершить спасительный поворот в инерционном сценарии цивилизации, который чреват очень многими потерями, к сценарию инновационно-прорывному, когда сможет мобилизоваться лучшая часть умов человеческих. Необходимо реставрировать всю систему ценностей — культуры, этики, науки, чтобы создать такой социальный, интегральный социокультурный слой, где выступают в синтезе истина—наука, добро—этика, красота—эстетика.

По нашему глубокому убеждению, это та задача современности, к которой стоит прикладывать силы, чтобы передать следующему поколению культурное наследие.

В заключение еще раз о сайте, который мы недавно открыли. Это портал, включающий 8 сайтов, с путеводителем на русском языке. Каждый сайт имеет свой адрес, но есть один общий: www.newparadigma.ru (e-mail: Pr_CIVILIZATION@mail.ru). Потом идет рубрика: change — смена парадигм, потом следующая рубрика и т. д. Там рассказывается и о фокастинге — нашей теории интегрального макропрогнозирования, с которой мы выступали в Нью-Йорке. Назывался доклад «Будущее мира и России. Манифест интегрального макропрогнозирования». Он объединяет теорию циклов кризисов и инноваций, теории предвидения Кондратьева, цивилизационный подход Сорокина и балансовый метод Леонтьева и многое другое.

Есть также (или вскоре будут добавлены) материалы по социогенетике, кризису инноваций, интегральному макропрогнозированию, стратегическому планированию. В плане рубрики «Цивилизационные трансформации», «Философия экономики», «Ноосфера», «Наука и регионалистика», «Глобализация» и др. Сейчас вводим «Образование» и «Диалоги». То есть постепенно будем наращивать материалы портала, чтобы создать более широкие возможности для ищущих пользователей.

В. В. БОЧАРОВА,

*учащаяся 11-го класса Иловлинской средней общеобразовательной школы,
победительница конкурса творческих работ старшеклассников
«Идеи Д. С. Лихачева и современность»*

ИДЕИ Д. С. ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Благодаря историческому познанию прошлое не умирает. Мне посчастливилось стать частью исторического события и победить в конкурсе «Дмитрий Сергеевич Лихачев и современность», который проводится впервые. Эта победа стала возможной благодаря организаторам конкурса и прежде всего — Санкт-Петербургскому Гуманитарному университету профсоюзов.

В конкурсе было представлено много работ со всей нашей необъятной страны. Это еще раз подчеркивает значимость и необходимость проведения такого конкурса, который вызвал большой интерес среди старшеклассников. Только поддерживая интерес к прошлому, мы бережем ту историческую

культуру, которая нам досталась от предков, и приумножаем ее, создав прочный фундамент для будущих поколений. Большой вклад в сохранение исторического прошлого внес Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов.

О Дмитрие Сергеевиче Лихачеве я слышала, но с его произведениями не была знакома. Одно из положений конкурса предполагало знание работ Д. С. Лихачева. Прочтя лишь некоторые труды из наследия академика, я открыла для себя новую страницу в истории мировой культуры, более того — Лихачев повлиял на мое мироощущение. Его работы не могут не заинтересовать и не восхищать. Казалось бы, знакомые события, но

все они в его статьях выглядят как-то по-новому. Целый мир собран в его работах, все его познания современного мира, в котором разбираться становится все труднее. Научное наследие Лихачева заставляет задуматься о прошлом, настоящем и будущем.

Я надеюсь, что этот конкурс станет традиционным, привлекая все большее количество участников нашей многомиллионной страны. Старшеклассники будут заинтересованы в изучении трудов Д. С. Лихачева. Познакомившись с работами академика Лихачева,

они станут лучше разбираться в жизни и не допускать тех ошибок, которые совершили предыдущие поколения.

Наш мир меняется на глазах, он хрупок и быстротечен. Поэтому нужны прочные, устойчивые ориентиры, чтобы не сбиться с пути. Творчество Лихачева, его образ и есть такой ориентир. Это веха на все времена. Академик Лихачев — это эталон человека, гражданина, ученого. Дмитрий Сергеевич говорил: «Знания раскрывают нам двери, но войти в них мы должны сами».

Секция 3 ЭКОНОМИКА И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Н. М. АБУЕВ,

доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук;

Я. С. ТЕСТИНА,

преподаватель кафедры экономики СПбГУП

ОЦЕНКА НЕОБХОДИМОСТИ ИННОВАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Современная экономика может быть по праву названа инновационной экономикой. Разработка и внедрение новых видов продуктов, технологий и услуг становится ключевым фактором конкурентоспособности государств, регионов и отдельных предприятий.

Несмотря на то, что во время перехода к рыночным отношениям в России резко сократилось государственное финансирование научных исследований, в нашей стране накоплен значительный научно-технический потенциал, позволяющий осуществить переход на инновационный тип развития.

Современный экономический рост характеризуется ведущим значением научно-технического прогресса и интеллектуализацией основных факторов производства. Прогресс в области науки управляется сложной динамикой научных идей и исследовательских групп, интегрированных в социальную систему.

Наиболее ярким внешним проявлением новой экономики стал рост капитализации компаний за счет их нематериальных активов, выразившийся в бурном росте акций высокотехнологичных фирм и интернет-компаний. Информационные и коммуникативные технологии являются основой «новой экономики». Учитывая возрастающую роль инноваций, исследователи также называют этот тип экономического развития информационной экономикой и экономикой, основанной на знаниях.

Необходимость инновационного управления в основном заключается в сохранении и приобретении дополнительных факторов, оказывающих положительное влияние на конкурентоспособность предприятия.

В своей работе «Международная конкуренция» М. Портер выделяет четыре обособленные стадии конкурентоспособности национальной экономики — факторы производства, инвестиции, инновации и насыщение (рис. 1):

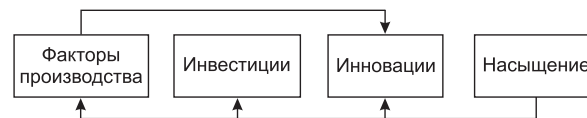

Рис. 1. Направление развития конкурентоспособности национальных экономик

На первой стадии конкурентоспособность достигается почти исключительно благодаря основным факторам производства: природным ресурсам, благоприятным климатическим условиям, дешевой рабочей силе. Экономика стран, находящихся на этой стадии, в случае потери ими факторов оказывается очень уязвимой, даже при протекционизме государства.

На стадии «инвестиции» конкурентоспособность экономики обеспечивается за счет готовности и способности предприятий к инвестированию в оборудование и новые технологии, приобретение лицензий, создание совместных предприятий. Рост объема инвестирования приводит к созданию новых, передовых факторов и развитию современной инфраструктуры. Ресурсами повышения конкурентоспособности на этой стадии становятся совершенствование стратегии и структуры фирмы, прогрессивные механизмы формирования факторов.

На стадии «инновации» конкурентоспособность обеспечивается за счет осуществле-

ния фирмами нововведений, создания новых технологий, формирования и развития новых отраслей науки и производства, возникающих на стыке традиционных. Эта стадия обладает наибольшим иммунитетом к мировым колебаниям. Широкий круг конкурентоспособных отраслей снижает зависимость экономики страны от какого-либо сектора.

Стадия «насыщения» влечет за собой неизбежный застой в экономике и спад производства. Заинтересованность инвесторов и менеджеров снижается, возникает стремление к безрисковой деятельности развиваются преимущественно непроизводственная сфера. Замедление инновационных процессов приводит к снижению инвестиционной привлекательности страны.

Мировой опыт показывает, что и при наличии кризисных явлений на стадии насыщения, высокая инновационная активность экономики в странах, достигших этой стадии (США), смягчает последствия кризисов. Российская же экономика, несмотря на свой значительный научно-инновационный потен-

циал, находится между стадиями «факторы производства» и стадией «инвестиции», о чем свидетельствуют ее топливно-энергетическая направленность, попытки государственного протекционизма российского автопрома.

В настоящее время на долю семи высокоразвитых стран приходится около 80–90 % наукоемкой продукции и весь ее экспорт. Доля России составляет всего лишь 0,3 %. Инновационная активность российских предприятий в настоящее время остается довольно низкой. Лидерами в области инноваций являются предприятия машиностроения, химической и нефтехимической промышленности, металлургии. Аутсайдерами — предприятия лесопромышленного комплекса.

Необходимость инновационного управления в российских условиях должна быть подкреплена повышением на российских предприятиях роли эффективной системы инновационного менеджмента, усилением государственного регулирования, а также созданием законодательного обеспечения инновационного процесса.

А. С. АЛЕКСАНДРОВ,

*профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД РФ,
доктор юридических наук*

РОССИЙСКОЕ ПРАВО И ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

В нашей правовой культуре присутствуют (так было всегда) и консерватизм, и либерализм. Представители этих идеологий по-разному себя называли, но в целом не будет ошибкой консервативную позицию связывать со славянофильством, почвенниками, патриотами, православными. Современный неоконсерватизм (фундаментализм) в правовой культуре продолжает выполнять традиционные функции — охранительную, педагогическую, хвалебную, персуазивную.

Среди русских правоведов — приверженцев консервативных взглядов — были и есть искренние, верующие люди, некоторые их тексты сохраняют значимость и актуальность на века. В настоящее же время неоконсерватизм в моде, а с сентября 2003 года — его антизападная воинствующая заостренность приобрела в России особую актуальность. Наверное, какие-то черты консерватизма в общем интеллектуальном пейзаже важны. Более того — необходимы для баланса, создания разнообразия видов и, соответствен-

но, — действия закона естественного отбора, развития. Плохо, когда получается монополизм. Опасно поголовное увлечение консервативными идеями. В условиях нашей страны так легко под «мудрым» руководством начальников любую идею превратить в догму¹.

Лагерь наших либералов также весьма многочислен и криклив. В 1990-е годы нам все уши прожужжали про права человека. Надоело. К тому же мы видели, как либеральные «общечеловеки», рассуждая о правах абстрактного человека, переступают через конкретных людей. Так что либеральный проект как-то потускнел, мода на либеральные идеи прошла. Отсюда брюзжание по поводу объективных трудностей. «Проблема выраживания институтов — это проблема ключевая, но решения не имеет», — иронически

¹ По моим наблюдениям, дураков в рядах консерваторов больше всего (по крайней мере среди процессуалистов) — народ валом повалил под их знамена, поэтому главная угроза неоконсервативной идее — путчики, конъюнктурщики и начальники.

заметил отец либеральных реформ Е. Гайдар. Все дело в том, что институты не начнут хорошо работать, пока не образуется вековая традиция. Пересадить институты из-за рубежа невозможно. «Кактусы так выращивать можно, а институты — нет»². Становление институтов либеральной демократии не решается декретированием. Как выясняется, «выращивать» подобные институты — это значит перенастраивать головы соотечественников. Это все равно что произвести перезагрузку памяти у пользователей языка русского права, создать матрицу, способную производить новые смыслы, образовать новую интеллектуальную духовную среду. А как показывает опыт, россиянину по-прежнему трудно определиться, что ему дороже: севрюжати́на с хреном или конституция.

Замечу, что при всем различии у респектабельных либералов и консерваторов есть нечто общее. Системность. Они представители системы. Их идеология — это идеология тех, кто у власти и при власти, в коридоре власти. Поэтому в своих теоретико-философских проектах они подсознательно исходят из того, что право — это средство, которое защищает их ценности, их интересы. Получается их превосходство.

Конечно, «игра» на правовом поле возможна, когда соперничающими командами являются эти две системные силы. И право на истину переходит из рук в руки только этих игроков, заключивших договор с властью. Но есть одно «но», которое наиболее ярко проявляется в лицемерии потешных комбатантов. После более или менее продолжительного наблюдения за их суетливой яблобы «борьбой» возникает ощущение, что являешься объектом глобального надувательства. Рад за тех, у кого такого ощущения не возникает. Привычка, значит.

Отечественная правовая наука всегда была придворной. Она обслуживала авторитарную власть. Была открыто партийной. И, по моему, некоторые мои коллеги (и консерваторы, и либералы) не видят иной альтернативы для себя, чем выступать от лица данной (Богом?) власти и служить ей. Поэтому-то, наверное, смена социально-экономической формации прошла для большинства наших юристов достаточно безболезненно, даже незаметно³.

² См.: Известия. 2005. № 58 (7 апр.).

³ В свое время на меня крах СССР, советской государственно-правовой системы, а по большому счету — вообще структуры, произвел неизгладимое впечатление (наверное, потому что я непосредственно переживал его в одной из горячих точек страны, далеко от России). Поэтому принятие деконструкции как мето-

Они изменили свои социалистические убеждения на буржуазные естественным образом — вместе с властью предрержащими. Роль слуги при троне правителя, угодливого царедворца, мастера хвалебной речи, который в случае идеологической диверсии против власти (государя) превращается в злобную, верную собаку красноречия — такой видят свою роль некоторые мастера юридической науки⁴. Во всем этом есть, конечно, много удобств, которые за очевидностью не стоит и обсуждать. С властью лучше не спорить. Многие так считают по убеждению (по должности), некоторые — приспособливаются. В этом есть сермяжная (она же посконная, домотканая, сусальная) правда для русских юристов.

Кстати, во многом назначение русской правовой науки, а также корни позиции многих моих коллег старшего поколения стали для меня выясняться лишь в последнее время с процессом кристаллизации национальной идеи под условным названием «суверенная демократия». Мне думается, в воздухе витает сакраментальное «с кем вы, мастера культуры?» Что есть научная истина — определяется сейчас в Москве: в столичных журналах, издательствах, ну и, конечно, в государственных структурах, которые имеют официальные полномочия присваивать ученые степени и звания. Зримые признаки учености зависят от государства. Заметим: не от сообщества себе подобных, не от общественного мнения своих коллег по научному цеху — все это так и не приобрело сколько-нибудь большого значения.

Смысл изменений, происходящих сейчас в управлении наукой, состоит в том, что государство в определенной мере возвращает себе власть над научным дискурсом (юридическим, гуманитарным). И, наверное, делает это по праву, раз сами ученые мужи не могут собой управлять и существовать достойно. Но мы помним, чем кончила советская юридическая наука, устроенная таким манером. Кто не помнит или не знает, напомню: склеротическим вырождением⁵.

да анализа текста было для меня самым естественным выбором. Таким же образом я стал приверженцем школы критических правовых исследований (CLS).

⁴ Мелкая грызня и свары между собой — не в счет. Это издержки борьбы за теплое место у ног начальства.

⁵ Вначале и у советского правового проекта были свои достижения. Были созданы концепты, из них самые продуктивные связаны с правосознанием, интуицией народа: народный суд, народное обвинение, народная защита, народное право. Был свой стиль. Но главное, наверное, в том, что вначале была вера, пассионарность. Значит, была потенция для производства смыслов, креативность. Была свобода дискуссии. Все это позволило создать Стучке и Пашуканису в начале

Монополия, поддерживаемая внешними средствами, отсутствие конкуренции губительны для науки. Писать философский текст о праве — идти колдовским путем. Значительность философского текста о праве состоит в его способности заинтересовать возможно больший круг читателей (коллег) новым, провокационным смыслом, увлечь содержанием, формой.

На мой взгляд, диалог, который ведут либерал и консерватор о праве, недостаточен, чтобы понять сущность права (ведь чтобы понять, что такое вещество, надо понять «анти-вещество»). Так, одна из важнейших идей Фуко состоит в том, что закон не исключает противозаконностей, но культивирует их.

Право защищает правых и доказывает вину тех, кто не прав. Но кто он, этот Винаватый? Принадлежит ли он к миру Права? Полагаю, что да. Право — это не только смысл речи судьи и прокурора, уполномоченного выступать воплощением закона при толковании его текста, но и речь преступника, того, кто нарушает закон.

«Внесистемность» как таковая, ее допущение означает не разрушение системы, не идеологическую диверсию, а понимание, что система есть переходное состояние к хаосу, анархии. Не замалчивать, а проговаривать эту обратную сторону права (в свое время этот вопрос наметил Л. Петражицкий). Наша философия права должна осознать значимость темы анархии, беспорядка, распада. Нельзя считать это табу. Напротив, это естественные явления правовой действительности. Пока данная проблематика у нас в науке не осмыслена. В частности, тезис Фуко о том, что уголовно-правовая система служит стимулированию преступности, ее формированию не в меньшей степени, чем подавлению и борьбе с ней. Надо «видеть» право «читать» правотекст и с изнанки, с позиции тех, кто внизу. Думаю, маргинальный, альтернативный сегмент должен существовать в гипертексте-праве (быть его частью) и интерпретаторы вправе делать ссылки на него. Традиционный

1920-х годов великие тексты о праве. Притом что эти же люди в 1930-е годы стали пошляками. А потом, как по Хармсу, наступила усталость, скука, за которыми начинается ужас. Произошла узурпация права на голос. Осталось одно верное учение, право которого было в том, что оно право. Догматический образ мышления нынешних правоведов обусловлен тем же — абсолютистским мировоззрением отечественного правоведения, философской подкладкой которого является диалектический материализм в его позднесоветском, то есть наиболее ортодоксальном изводе. Одним этим уже радикально сужается возможная дискуссия о ключевых проблемах науки, а тем более способах их решения.

юридический дискурс (логоцентристский) подавляет маргинальные голоса тех, кто оказался вне системы, а надо бы признать право голоса за радикалами (левыми и правыми)⁶.

Затронув вопрос о маргинальности, мы подошли вплотную к тому, что я считаю постмодернистской позицией в понимании права. Постмодернизмом подвергнут сомнению тезис об объективности науки. Постмодернист знает, что все о праве уже было сказано до него. Остается только игра в слова, комментирование текста. Любое знание о праве — «раскавыченная» цитата. Сказать о праве — значит сделать ссылку на тот или иной текст: «Как сказал Гегель, право — это...»

При этом у постмодерниста нет идеологической прививки. Постмодернизм в какой-то мере освобождает от привязанности к идеологической пристани, «отвязывает от колышка». Любая идеология — один из возможных вариантов перевода чувственных ощущений в знаки, в их толкование. Любой набор идеологием — преходящая установка на интерпретацию. Система идеологических ценностей, даже суждения здравого смысла трактуются в понятиях риторики — топы, общие места, которые служат опорами аргументации, для построения фигур мысли и речи. Конфигурация истинного знания — это проблема взаимодействия в речи пафоса оратора и этоса аудитории, а в конечном итоге — языковой компетенции субъектов коммуникации. Все относительно. Постмодернисты — это софисты нашего времени.

Мне не хочется связывать себя ни с какой позицией (хотя, как я говорил, мне может быть симпатична та или иная позиция). Я не знаю, правильно ли быть постмодернистом — время покажет. Хотя, что-то (совесть?) подсказывает: буду гореть в аду. А пока мне нравится разлагаться. Как сказал Уолш, «я хочу быть таким, как вы. Чтобы была жизнь, работа, карьера, семья, телевизор, стиральная машина, автомобиль, компактные диски, плеер, хорошее здоровье, низкий уровень холестерина в крови, зубная паста... Друзья, спорт, фразы, когда нужно и когда не нужно, телешоу... — гниение, а все равно приятно» (Train-spotting, 1996).

Впрочем, это эмоции (неправовые). Если говорить о рациональной стороне дела, то вкратце моя установка на понимание права

⁶ Лично мне «леваки» ближе. Нельзя не признать некой духовной силы у идеи, которую хорошо выразил Юджин Дебс: «Пока существует низший класс — я к нему отношусь, пока существуют преступники — я один из них, пока хоть одна душа томится в тюрьме — я не свободен».

сводится к следующему. Право — это текст закона, помноженный на его интерпретацию. Я как читатель текста закона не в меньшей степени сопричастен к производству смысла, чем автор этого текста. Федеральное собрание — автор права? или президент? или народ? Законы не имеют никакого другого смысла, кроме того, который мы, каждый из читающих их, понимаем. Право разлито в сознании, психологии народа. Текст закона пуст и ждет, когда мы наполним его в ходе чтения энергией своего истерического наслаждения. Инстанция права (место его обитания) — в юридическом, судебном дискурсе, то есть в проговаривании смысла текста, переживании его. Право — это то, что говорит по поводу закона некто (обычный гражданин, здравомыслящий, совестливый, обладающий языковой компетенцией). Правом является только тот смысл текста закона, который способны понимать и принимать люди.

Сказанное приводит к парадоксальному выводу (за который меня много и сильно били): я — источник права. Так же как ты, он, другой... Интерпретатор. Участник диалога о праве. Супер-эго.

— Следовательно, чем я не являюсь для права?

— Да всем.

— Что такое я, со всеми своими атрибутивными эмоциями, для права?

— Да ничто.

Я — все право и право во мне без остатка (ведь с моей смертью прекращается и всякое бытие права), и я — ничто в праве (ведь сам я, со всем своим рациональным сознанием и бессознательным, есть продукт некой языковой/правовой традиции, развиваемой русской нацией).

При том, что текст закона для меня обычно — это гвоздь, на который я вешаю свою интерпретацию (возмещающе-замещающий комментарий), я самый настоящий реалист в том смысле, что понимаю: моя интерпретация — одна из многих, и она будет местом, где прописано право (право тут) только тогда, когда мое мнение совпадет с мнением большинства людей этой страны (в идеале) или мнением аудитории (юрисдикционного органа), уполномоченного решать юридический вопрос (а это реально).

Истина и метод, самый субъект и объект — под вопросом. Прежняя диктатура абсолютной истины меняется на не менее радикальный плюрализм истин. Все относительно? Истины нет? Нет твердых оснований для морали, права? Остались только слова? Понимаю, но не разделяю озабоченности по поводу этих вопросов. Мне по большому счету неважно, как произошло и кем придумано право, кто прав в спорах патриотов и западников и т. д. Обратимся к тексту закона, который нам надо истолковать так, чтобы выиграть дело в суде. Гонорар нас утешит.

Д. В. ДЕРНОВА,

*доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП,
кандидат юридических наук*

ЗАЩИТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

«Защита политических, трудовых, гражданских, имущественных и личных неимущественных прав человека — суть неотъемлемая, неотчуждаемая принадлежность каждого человека, независимо от его расовой и национальной принадлежности, пола, социального и имущественного положения. Права эти не могут (не должны) рассматриваться как дар государства, правительства или политической партии»¹.

Охрана прав и свобод — основная задача любого правового государства, судебная за-

щита прав интересов граждан — основная ее форма. Одной из гарантий судебной защиты являются нормы, содержащиеся в ГПК РФ, регламентирующие процессуальный институт иска.

Не прекращающиеся в процессуальной науке дискуссии по вопросу понятия и сущности иска указывают на важность этих вопросов для теории и практики гражданского процесса. Цивилисты отождествляют иск с субъективным материальным правом, по сути дела заменяя спорное субъективное материальное право термином «иск», что не является правильным, так как спорность права может быть устранена и без предъявления иска.

¹ См.: Чечина Н. А. Предмет и система гражданского процессуального права (Актуальные проблемы гражданского процесса). СПб., 2002.

Высказанное в процессуальной литературе мнение о том, что иск имеет решающее значение для выбора процессуально-правовой формы, в которой возможна судебная защита, является ошибочным². Иск не выбирает форму, так как сам выбран средством защиты, он как раз и является этой формой и, конечно, не элементом системы судебной защиты, который якобы связан с другими средствами процессуального и материально-права и активно взаимодействует с ними.

Автор отождествляет средство защиты и способ защиты. Способ защиты действительно определяется нормами гражданского права (ст. 12 ГК РФ), и прибегнуть к одному из способов защиты возможно только с помощью процессуального средства, которым является иск. «Иск есть требование о признании и принудительном удовлетворении права посредством суда, или же об уничтожении известного состояния, противоречащего праву. Иск есть не что иное, как процессуальная форма права»³.

Процессуальная форма не означает тождества иска и искового заявления, как утверждает И. М. Зайцев⁴. Исковое заявление — внешнее оформление обращения в суд, а иск — средство защиты спорного субъективного материального права, которое не может быть ограничено лишь внешним оформлением. Нельзя согласиться с утверждением о том, что спор о праве и иск — тождественные понятия⁵.

Спор о праве — это спорность правоотношения, существующего между сторонами вне суда. Содержание этого спорного правоотношения определяется нормами материального права, регулирующими данное правоотношение. Для спорного правоотношения (да и бесспорного) не существует понятий предмета и основания как составных частей. Эти понятия относятся только к иску как средству защиты спорного правоотношения. Содержание предмета и основания иска, как его элементов, определяется нормами ГПК, в частности, п. 4, 5 ст. 131 ГПК РФ. Судебная защита не может быть институтом гражданского права.

Способ защиты, о котором повествует ст. 12 ГК РФ, говорит о притязании. Действительно, спор о праве и притязании — аналогичные понятия. Но спор о праве и иск не являются тождественными понятиями. Именно поэтому ст. 11 ГК РФ отсылает к процессуальному закону. Очень удачно по этому

вопросу высказался профессор А. В. Цехоцкий, который указал, что именно процессуальные способы (которым является иск) воздействуют на общественные отношения, когда исчерпали себя приемы регулирования этих отношений с помощью норм отраслей материального права⁶.

Именно иск создает особых субъектов гражданского процессуального права — истца и ответчика с определенными специфическими правами и обязанностями. Специфичным является и само наименование сторон: истец — тот, кто ищет правды судом, а ответчик тот, кто отвечает в суде.

Суд своим решением устраняет спорность субъективного права⁷, устраняя тем самым и нарушение, и нормы права (объективного права)⁸.

Отказ в иске означает не что иное, как отказ в защите субъективного права. Судебная защита (или отказ в этой защите) осуществляется всей судебной деятельностью, конечным результатом которой является судебное решение.

Иск об освобождении имущества от ареста есть разновидность иска о защите спорного субъективного гражданского права. В целях обеспечения требований о защите права производится опись и арест имущества должника или обвиняемого. Арест имущества — правовое мероприятие, влекущее за собой серьезные последствия; это означает, что с данного момента ни должник, ни какое-либо третье лицо не вправе распоряжаться арестованным имуществом. Арестованное имущество и суммы, полученные от его реализации, будут направлены на возмещение ущерба, причиненного должником или осужденным, или же в уплату задолженности по обязательствам.

Согласно п. 7 ст. 51 Федерального закона РФ «Об исполнительном производстве» арест имущества должника состоит из описи имущества, объявления запрета распоряжаться им, а при необходимости — ограничения права пользования имуществом, его изъятия

⁶ Цехоцкий А. В., Вершинин А. П. Выбор способа защиты гражданских прав // Правоведение. 2001. № 2. С. 247.

⁷ Убедительным и правильным является определение спора, данное Н. А. Чечиной: «Спор как юридико-технический термин означает различные виды помех, сопротивления, препятствия к осуществлению права, а также поведение обязанных лиц, которое создает неуверенность в праве, неизвестность и сомнение в существовании права или неопределенность в содержании и объеме правомочий» (Чечина Н. А. Судебная деятельность и предмет судебного решения // Вестник ЛГУ. 1959. № 5. Вып. 1. С. 85).

⁸ Нефедьев Е. «Учение об иске» // Учен. зап. Императорского Казанского ун-та. Казань, 1895. Кн. 4. С. 7.

² Зайцев И. М. Функции иска в судопроизводстве // Государство и право. 1996. № 7. С. 93.

³ Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1874. Т. 1. С. 241.

⁴ Зайцев И. М. Указ. соч. С. 89.

⁵ Там же. С. 30.

или передачи на хранение. Особые правила установлены в отношении денежных средств и драгоценностей, которые при аресте подлежат обязательному изъятию.

Существо ареста имущества составляет именно запрещение им распоряжаться, опись же имущества служит только средством конкретизации, так как нельзя наложить арест на имущество вообще, а можно наложить арест только на какое-то конкретное имущество. И эта конкретизация служит не только условием исполнения приговора, решения или определения суда, но и ограждает от ареста то имущество, на которое по закону не может быть обращено взыскание. Однако опись имущества может иметь место и как самостоятельное процессуальное действие. Например, при семейно-имущественных разделах. Но эта опись не имеет ничего общего с арестом имущества и производится с целью обеспечения суда необходимыми материалами по делу.

Закон устанавливает перечень видов имущества, на которое не может быть обращено взыскание и на которое, следовательно, не может быть наложен арест (ст. 446 ГПК РФ), в ст. 50 ФЗ «Об исполнительном производстве». Если в акт описи включено имущество, на которое по закону не может быть обращено взыскание, соответствующие жалобы должника и других заинтересованных лиц рассматриваются в порядке неискового производства, поскольку нарушены процессуальные правила ареста имущества, и арест с имущества должен быть снят независимо от принадлежности его должнику или другим лицам (ст. 441 ГПК РФ).

Говоря об исках, об освобождении имущества от ареста, следует отметить, что такие иски являются одной из форм защиты права собственности любых объектов соб-

ственности, в том числе и в области культуры. В соответствии со ст. 14 Закона РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» «каждый человек имеет право собственности в области культуры. Право собственности распространяется на имеющие историко-культурное значение предметы, коллекции и собрания, здания и сооружения, организации, учреждения, предприятия и иные объекты». Эти материальные ценности, созданные в прошлом, а также объекты, значимые для сохранения и развития самобытности народов Российской Федерации, представляют собой культурное наследие Российской Федерации и, безусловно, должны быть защищены государством, создающим правовую систему, соответствующую общим принципам правового регулирования, сформулированным и закрепленным в нормах международного права.

Закон устанавливает круг лиц, которым право на предъявление такого иска предоставлено. Так, истцом по этим делам может быть собственник или титульный владелец имущества, на которое наложен арест (ст. 442 ГПК РФ). Сам должник не может выступать в качестве истца, свое право он может в этом случае защищать либо в порядке ст. 441 ГПК РФ путем обжалования действий судебного пристава, либо в порядке ст. 354, 373 УПК РФ.

Ответчиком, по искам об освобождении имущества от ареста согласно закону, являются должник и взыскатель. Если арест имущества произведен в связи с конфискацией, ответчиком будет являться лицо, имущество которого подлежит конфискации, и соответствующий государственный орган, а если имущество уже реализовано, то привлекается и приобретатель этого имущества.

В. А. ЕФИМОВ,

ректор Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, профессор

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АПК

Реализация провозглашенного Президентом РФ В. В. Путиным курса на сбережение собственного народа, решение демографических проблем немислима без рентабельного устойчивого развития АПК, так как на большей части территории нашей страны нет никаких

иных технологий и рабочих мест, кроме аграрных. Из 24 тыс. муниципальных образований 20 тыс. являются чисто сельскими. Единственная отрасль, которая по праву получила статус приоритетного национального проекта, — сельскохозяйственная отрасль. Она

является системообразующей, призвана решать вопросы продовольственной безопасности, а по сути — суверенитета, заселенности и целостности страны. Разорение либо эффективное развитие АПК ведут, соответственно, либо к эвакуации собственного населения страны с подавляющего большинства ее территорий, либо к процветанию государства.

Аграрный сектор даже такой высокотехнологичной страны, как США, отнесен к стратегическому направлению государственной политики, к первой группе отраслей по обеспечению энергоносителями наряду с оборонными отраслями и вооруженными силами. Именно этот сектор обеспечивает 25 млн рабочих мест и формирует процветающую одноэтажную фермерскую Америку. Территория сельских округов США составляет более 80 % от общей и является притягательной для горожан в качестве образа жизни. Действующие в США меры федеральной и региональной поддержки села поражают своим многообразием и масштабами. В их числе — жесткие запреты импорта, экспортные субсидии, прямые субсидии производителей, в 36 раз превышающие наши, косвенные субсидии, превосходящие по размерам прямые, дотации населения в объеме 40 млрд долларов в год на приобретение продовольствия и детского питания, 24 программы дотаций на консервацию и содержание земель, экологические субсидии, целевые ассигнования на развитие сельских территорий, защиту водных ресурсов, дистанционное обучение, телемедицину, на развитие интернет-бизнеса села и т. д. Новые законы по поддержке аграрной науки и образования имеют знаковые формулировки о выделении целевых финансовых средств «в таких количествах, которые необходимы для успешной реализации этих программ»¹. Аналогичные меры государственной поддержки характерны и для всех других развитых держав.

Эпоха глобализации, формирование транснационального рынка продовольствия превращают это внутреннее финансовое регулирование страны в безусловные конкурентные преимущества, губительно сказывающиеся на положении дел в нашем АПК, практически лишенном государственных субсидий.

Первопричины глубочайшего системного кризиса нашего сельского хозяйства кроются не во внутренних проблемах АПК в силу их вторичности, а в разбалансировке межотрас-

левых и межгосударственных отношений, в нашем неумении системно отделить причины от их последствий. Эффективный механизм внутриотраслевой конкуренции в условиях нашего государства получил необоснованное расширительное толкование и применяется в системе межотраслевых отношений. При этом аграрному сектору, потребляющему сезонную солнечную энергию, предложено конкурировать, в том числе и в финансах, в вопросах подбора кадров, с нефтяным и газовым секторами, получившими доступ к энергии солнца, накопленной в течение миллионов лет.

Социальная инфраструктура села в условиях чистого рынка также не имеет перспектив развития. Из-за компактного размещения себестоимость оказания единицы любого вида услуг (торговля, медицина, образование и пр.) в городе значительно ниже, чем на селе. Следовательно, городские и сельские бюджеты должны планироваться по-разному и отдельно. В противном случае рынок переместит сферу услуг исключительно в города.

Государственное регулирование должно быть нацелено на формирование сбалансированного, устойчиво развивающегося народнохозяйственного комплекса. В нынешнем межотраслевом балансе страны прибыли одних отраслей являются по своей сути убытками других, потребляющих их продукцию в условиях катастрофического диспаритета цен. Долги сельского хозяйства обусловлены необоснованно завышенными прибылями энергосырьевого сектора, кредитно-финансовой системы страны. К примеру, только годовая прибыль Газпрома составила 250 млрд рублей, РАО ЕЭС — 120 млрд рублей, что сопоставимо с суммарной кредиторской задолженностью АПК. Рынок в отсутствие плановых начал, государственного регулирования с неизбежностью настраивается на максимальную доходность со специализацией в сфере сырьевых отраслей, алкоголя, табака, игорного бизнеса и т. п. Задача государственного регулирования состоит в умении согласовать в едином механизме возможности плановых и рыночных рычагов по опыту японского экономического чуда. Их противопоставление является грубейшей методологической ошибкой. План — это цель, а рынок — способ достижения поставленной цели².

В наше время, когда масштабы техногенной деятельности человека сопоставимы с ресурсными возможностями земного шара, в бухгалтерском учете наши полезные ископаемые

¹ См.: Черняков Б. А. Основные направления развития аграрного сектора экономики в развитых странах (на примере США). Глобализация экономики и проблемы развития АПК России. СПб., 2002.

² См.: Ефимов В. А. Рыночная экономика и блеф об общественной полезности саморегуляции рынка // Экономическая азбука. СПб., 2003. С. 39–42.

следовало бы рассматривать в качестве товара на складе, находящегося в федеральной собственности. Претензии на доходы и объемы производства добывающих компаний при этом должны быть ограничены добавленной стоимостью, связанной с перемещением этого товара, а не с его производством. Присвоение этой доли федеральной собственности сырьевыми отраслями происходит неправомерно. Ведь в соответствии с Конституцией РФ (ст. 9 ч. 1) «природные ресурсы используются и охраняются в РФ как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». Следовательно, безвозмездная передача природных ресурсов как федеральной собственности в систему АПК конституционно не менее оправдана, чем их ныне практикуемая передача добывающим компаниям. В такой схеме потребители АПК должны оплачивать услуги добывающих компаний по перемещению природных ресурсов и вступать во взаиморасчеты с федеральным бюджетом по поводу самого товара. Именно такие схемы и реализуются де-факто в развитых странах, получающих серьезные конкурентные преимущества.

Анализ литературы, посвященной кризису АПК, свидетельствует об отсутствии разграничения его первопричин и вызываемых ими неотвратимых последствий³. Если же системно подойти к анализу проблем аграрного сектора, то можно установить, что задающим генератором всех кризисных явлений выступает ростовщическая кредитно-финансовая система. Можно доказать математически строго, что институт кредита со ссудным процентом является корпоративным инструментом надотраслевого управления, гарантирующим перетекание платежеспособности от кредитуемого к кредитору при любых стратегиях кредитуемого⁴. Для отрасли с низкой рентабельностью и годичным циклом оборота капитала двузначный и тем более трехзначный ссудный процент, доходивший за годы перестройки до 210 % годовых, влечет за собой ее безусловное разорение.

Компенсация $\frac{2}{3}$ учетной ставки ЦБ трактуется традиционной экономикой как оказание финансовой поддержки селу. А между тем де-факто это следует рассматривать как финансовую помощь банкам, а не селу. При эффективно развивающейся государственно-

сти АПК должен кредитоваться на беспроцентной основе, а банки должны получать свою прибыль из бизнеса в режиме инвестиционной компании. Именно так работают исламские банки, банки Японии⁵.

Механизм управления финансовым состоянием через кредитование со ссудным процентом работает в равной мере эффективно как в межгосударственных отношениях, так и на уровне отношений банковской системы с АПК и с другими отраслями. Однако сырьевики за счет монополизма имеют возможность компенсировать воздействие ссудного процента ежегодным приростом тарифов, сопоставимым в процентном отношении с размером ссудного процента.

В отличие от сырьевиков АПК страны принципиально ограничен в возможностях рыночного увеличения цены на свою продукцию из-за конкурентных преимуществ импорта и низкой покупательной способности населения, которое тратит на продукты в среднем 50 % бюджета (США — 11 %) ⁶. При этом ценовая конкуренция с импортом может быть действительно рыночной лишь за счет госрегулирования и эквивалентных компенсационных выплат нашему АПК. Ведь сравнительный анализ свидетельствует о далеко не рыночном парадоксе. При сопоставимости конечных цен все составляющие себестоимости сельхозпроизводства (энергоресурсы, удобрения, семена, сельхозмашины) развитых стран дороже наших в 2–10 раз, а рабочая сила — в 30–200 раз.

Следствием высокого ссудного процента и раскрутки тарифов естественных монополий является пожирающая АПК инфляция, ведущая к непропорциональному росту цен на все виды товаров, потребляемых АПК. При этом в системе государственного управления произошла подмена причинно-следственных связей, когда инфляция трактуется в качестве первопричины. Заявления об инфляционных ожиданиях исполняют функцию не прогнозирования, а программирования. Ибо в ответ на этот «прогноз» уже в январе заявляется курс на сохранение ссудного процента, соответствующее повышение цен на горючее, газ, транспортные перевозки, электроэнергию и т. д. Эти шаги и ведут к неизбежной инфляции.

Если же «спланировать» инфляцию строго равной нулю, то можно потребовать от банков беспроцентного кредитования. Соответственно ожидаемой нулевой инфляции

³ См.: *Глобализация экономики и проблемы развития АПК России*: сб. СПб., 2002.

⁴ См.: *Ефимов В. А. Методологические аспекты повышения эффективности общественно-полезного экономического управления* // Известия СПбГАУ. 2005. № 2. С. 8–13.

⁵ *Ефимов В. А. Методологические аспекты...*

⁶ *Беспяхотный Г. В. Проблемы национальной аграрной политики в условиях глобализации экономики* // Глобализация экономики и проблемы развития АПК России. СПб., 2002. С. 68–73.

следует ввести запрет на изменение тарифов естественных монополий. При этом страна войдет в систему не только безынфляционного развития, но будет проводить систематическое снижение цен на жизненно важную продукцию за счет технического прогресса. Ведь, по мнению автора послевоенного немецкого экономического чуда Л. Эрхарда, «инфляция — не закон развития, а дело рук дураков, управляющих экономическим блоком государственности».

В заключение необходимо отметить, что предложенные меры государственного регулирования кредитно-финансовой системы, хозяйственного механизма страны в целом, устранение отмеченных в настоящей статье системных межотраслевых диспропорций в отношении сельскохозяйственного производства являются абсолютно необходимыми исходными условиями для начала работы по переводу АПК в режим конкурентоспособного устойчивого развития.

Н. М. ЕФИЦЕНКО,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права СПбГУП

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭКОНОМИКУ

Экономика как объект государственно-правового воздействия представляет собой сложное развивающееся явление. Это система отношений по производству, распределению, обмену и потреблению материальных благ. Экономические отношения начинаются с производства материальных благ и завершаются их потреблением, и основу этих отношений составляет понятие собственности. В экономическом смысле собственность есть отношение между субъектами по поводу материальных предметов, имущества, вещей как к своим, им принадлежащим. Такое соотношение существует в любом обществе и заключается в том, что для одних лиц или коллективов данные материальные блага являются «своими», а для других — «чужими». Поэтому понятие «собственность» можно охарактеризовать как принадлежность (присвоенность) материальных благ в определенном обществе.

Экономически различаются индивидуальное и общественное присвоение, а также смешанные формы присвоения. Соответственно этому выделяются индивидуальная, коллективная и общественная (государственная, муниципальная) собственность как экономические категории или самостоятельные формы собственности.

В п. 8 ст. 8 Конституции РФ установлено, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная (соответствует индивидуальному и коллективному присвоению), государственная, муниципальная и иные формы собственности.

Термин «собственность» вне зависимости от ее формы объединяет несколько понятий: состояние присвоенности, то есть принадлежности материальных благ (имущества) одним

лицом и устранение притязаний на них со стороны других лиц (господствующее положение); отношение между человеком и вещью. Собственник относится к вещи (материальным благам) как к своей и поэтому несет бремя заботы о ней — финансовые расходы по содержанию, охраны и т. д.

Отношения собственности юридически закреплены в праве собственности, то есть совокупности правовых норм, регулирующих и охраняющих состояние принадлежности материальных благ конкретным лицам, определяющих полномочия собственника по использованию принадлежащего ему имущества и устанавливающих средства защиты прав собственника.

Правовой статус собственника позволяет ему владеть, пользоваться и распоряжаться вещью по своему усмотрению, то есть становится участником экономического оборота на основе принципов права: все собственники юридически свободны в регулировании экономических аспектов своей деятельности, то есть самостоятельно решают вопросы, с кем и на каких условиях они могут стать участниками гражданского оборота посредством договоров, как предусмотренных ГК РФ, так и не предусмотренных им, однако не противоречащих общим началам гражданского законодательства.

Возможно заключение договоров, состоящих из элементов различных соглашений: юридическое равенство собственников в экономическом обороте означает их независимость друг от друга в имущественном отношении и не имеет административно-властной подчиненности по отношению друг к другу при соблюдении принципа неприкосновенности собственности, в соответствии с которым

никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда.

Юридическое оформление экономических отношений собственности находит свое закрепление, регулирование и защиту и в других отраслях права.

Государственное (конституционное) право в соответствии с Конституцией РФ (ст. 35, 36) установило важнейшее социально-экономическое право быть собственником, правовое положение которого конкретизируется в правовых нормах многочисленных отраслей законодательства.

Административное право посредством исполнительно-распорядительной деятельности органов исполнительной власти на основе норм этого права осуществляет государственное управление в сфере экономики.

Предпринимательское право своей системой норм права регулирует экономические рыночные отношения, среди которых наиболее значимыми по содержанию являются корпоративные (внутрифирменные) отношения, а также отношения предпринимателей с органами управления, которые основаны на началах подчиненности.

Основные нормативные акты — законы об ограничении монополистической деятельности (Закон об акционерных обществах и др.).

Трудовое право расширило сферу действия своих норм с изменением социально-экономических условий в нашем обществе. В частности, в предмет трудового права вошли социально-партнерские отношения.

В связи с многообразием видов собственности и организационно-правовых форм хозяйствования, условий труда и характера производства увеличивается объем трудового законодательства (наличие нормативных, локальных нормативных актов), активно влияющих на экономические отношения, способствует внедрению экономических методов управления производством, росту производительности труда, повышению экономической эффективности производства).

Семейное право, его правовые нормы в новых социально-экономических условиях реализуют принцип диспозитивности в регулировании общей совместной собственности супругов (имущество, нажитое во время брака) на основе брачного договора, которым супруги вправе изменить законный режим имущества супругов в виде режима совместной, долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов.

Таким образом, новые экономические условия, порождая новые правовые формы, спо-

собствуют стабильности, развитию, нормативному функционированию экономики в целом.

Государственное воздействие на экономику носит внешний характер, а именно:

— выполняя функцию обеспечения безопасности страны, охраняет ее экономическое пространство;

— обеспечивает единство общества и его относительную стабильность как необходимые предпосылки нормативного функционирования и развития экономики;

— воздействует на негативные тенденции рыночной экономики посредством публично-права: борьба с монополизмом, контроль за качеством продукции, ее безопасность для жизни и здоровья потребителей, соблюдение экологических требований в процессе производства и т. д.

Если воздействие государства на экономику чрезмерно, то это мешает ее свободно функционированию и развитию. Такое негативное воздействие проявляется, когда государство становится основным собственником и берет управление хозяйством на себя. В этом случае государство-собственник, осуществляя планирование производства, не учитывает потребности общества, порождая диспропорции в общественном хозяйстве, производя никому не нужную продукцию и дефицит того, что необходимо.

Такие экономические результаты не имеют особого значения для предприятий-производителей и не страшат экономическими потерями в виде банкротства, поскольку государство забирает у рентабельных предприятий прибыль, а убыточным представляет необходимое финансирование, что лишает и тех и других экономических стимулов.

Если государство, используя свою силу, увеличивает стоимость государственных затрат, то они ложатся тяжелым бременем на экономику.

Типичные чрезмерные затраты — милитаризация экономики, содержание большого аппарата чиновников и тому подобное и, как следствие — прямые и косвенные налоги, негативно воздействующие на экономические процессы.

Чрезмерное воздействие государства на экономику выражается в излишней административной зарегулированности, что ущемляет экономическую свободу, приводит к коррупции государственного аппарата, возникновению теневой экономики.

Господствующее положение государства в экономике дает ему и некоторые преимущества. Главное из них — возможность быстро и беспрепятственно сконцентрировать все

необходимые ресурсы (материальные, финансовые, трудовые) для решения отдельных крупных проблем: производство вооружения, строительство дорог, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства и т. д.

Очевидно, что способы воздействия государства и права на экономику различны. Право воздействует на экономику органично, естественно. Эти два понятия взаимосвязаны и проявляются двояко: в определенных случаях экономические интересы общества реализуются прежде всего в праве, и на его основе формируются и развиваются новые

экономические отношения. Но бывает и наоборот, когда сначала претворяются в жизнь новые производственные отношения, а затем закрепляются в праве.

Право через общеобязательность правовых норм вносит единые, устойчивые, руководящие начала в экономическую сферу общественной жизни. Если предписания не исполняются добровольно, государство принудительно примет меры к их исполнению. И в этой взаимосвязи государства и права проявляется сущность государственно-правового воздействия на процессы в экономической сфере.

З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ,

*доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУП,
кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук*

СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Следует отметить, что взаимодействие правовой культуры и экономики всегда вызвало повышенный интерес как в теоретической науке, так и на практике. Это связано прежде всего с тем, что специфика функционирования данных категорий весьма существенно затрагивала потребности различных социальных групп и граждан в повседневной жизни.

В настоящее время существует около 250 различных подходов и определений понятия «правовая культура»¹.

По нашему мнению, в советский период комплексное определение понятия «правовая культура», которое соответствовало бы его сущностному содержанию, в целом отсутствовало. Оно даже не рассматривалось в отношении такой категории, как духовность в ее философской, социальной, экономической и правовой интерпретации. Большинство определений порой носило чисто прикладной характер, а значительная часть ученых того времени полагала, что правовая культура представляет собой определенное отношение людей к праву, выражающее знание и понимание права, а также сознание необходимости выполнять его требования. Правовая культура отождествлялась напрямую лишь с правовым сознанием.

Начиная с 90-х годов XX века в российской правовой науке феномен правовой куль-

туры исследуется достаточно подробно. В кругу наиболее интенсивно разрабатываемых вопросов сегодня отчетливо выделяются два направления, которые условно могут быть обозначены как теоретико-правовое и прикладное, связанное с конкретным нормотворчеством. В первом случае исследуются проблемы, связанные с осмыслением зависимостей, возникающих между содержанием правовых положений и ценностями цивилизации (политическими, экономическими, моральными и т. п.). Во втором случае речь идет о том, как именно конкретные законодательные нормы, определяя поведение индивида в обществе, обеспечивают соблюдение и реализацию естественных прав личности внутри социума.

По авторской позиции, среди большого количества подходов к определению правовой культуры заслуживает внимания прежде всего антропологический подход, включающий в свое содержание все то, что создано человеком в самых разнообразных сферах правовой жизни социума, то есть правовая культура предстает как вся правовая реальность, включающая нормы, ценности, знания, правовые статусы и ситуации и их реализацию в правовом порядке.

Экономика как система отношений в сфере производства, распределения и потребления материальных благ предопределяет содержание различного рода идеологических отношений, форм общественного сознания, политических и правовых институтов и элементов правовой культуры. И это особенно

¹ Певцова С. А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 70.

наглядно проявляется в эпоху социальных реформ и трансформаций, когда изменения отношений собственности непосредственно отражаются на характере правовых и политических решений, что напрямую сказывается и на правовой культуре.

Экономика влияет на правовую культуру посредством волевых усилий человека, который, находясь в неоднородных условиях (исторических, идеологических, правовых, культурных, психологических, природно-географических и т. п.), по-разному воспринимает ее требования, неоднозначно использует средства, формы и методы воздействия материальных факторов на общественную жизнь внутри общества.

В контексте мирового культурного развития взаимосвязь правовой культуры и экономики диалектическая, то есть эти отношения взаимосвязаны и взаимообусловлены; это объясняется сложным, практически неуловимым обликом самой правовой культуры, которая присутствует во всех явлениях со-

циально-правовой и экономической жизни общества, опосредует их и отхватывает не только духовную жизнь общества, но и «материальные» приатки права, политики, экономики и тому подобного, то есть все стороны общественной жизни.

Формирование высокой правовой и экономической культуры граждан влечет за собой прежде всего повышение их общей культуры, утверждение ценностных, экономических и правовых ориентаций людей, затрагивающих важнейшие стороны правовой и экономической жизни общества, такие как высокая организованность, мобильность, толерантность, социальная защищенность, безопасность условий существования человека.

Все это в итоге утверждает цели, которые ставятся на первый план правовой и экономической политики, призванной обеспечить успех формирования правового государства, на что нацеливают нас Конституция Российской Федерации, международное и федеральное законодательство.

Ю. М. КОЛОСОВ,

*профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ,
доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ,
член Постоянной палаты Третейского суда в Гааге, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА В СВЕТЕ СОТРУДНИЧЕСТВА В КОМИТЕТЕ ООН ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В МИРНЫХ ЦЕЛЯХ

Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях (Комитет ООН по космосу) был учрежден в 1959 году в качестве вспомогательного органа Генеральной Ассамблеи ООН. Этот статус Комитета свидетельствует о большом политико-правовом значении, которое придается международным сообществом правовому режиму космического пространства и использования космической техники. Состав Комитета к настоящему времени вырос с 24 до 67 государств-членов.

В 1962 году Комитет создал свои Юридический и Научно-технический подкомитеты, а также принял решение об осуществлении деятельности в соответствии с принципом консенсуса. С этого времени наступил «золотой» период в деятельности Комитета. Он стал одним из наиболее успешных кодификационных органов, разработавших пять основ-

ных универсальных договоров по космосу и пять рекомендательных актов, одобренных Генеральной Ассамблеей ООН. Сформировалась новая самостоятельная отрасль международного права — космическое международное право. «Послужной список» Комитета включает: Договор о принципах деятельности государств по исследованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967); Соглашение о спасании космонавтов (1968); Конвенцию об ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1972); Конвенцию о регистрации космических объектов (1975); Соглашение о деятельности государств на Луне (1979); Декларацию правовых принципов о космической деятельности (1963); Принципы использования спутников для международного непосредственного телевизионного вещания (1982); Принципы дистанционного

зондирования Земли из космоса (1986); Принципы использования в космосе ядерных источников энергии (1992); Декларацию о международном сотрудничестве в исследовании и использовании космоса на благо всех государств (1996).

После 1996 года в работе Комитета наступил период застоя. И хотя Комитет и оба его подкомитета продолжают проводить ежегодные сессии, а их работу поддерживает Управление по вопросам космического пространства Секретариата ООН (Вена), не удается достичь консенсуса ни по одному вопросу, стоящему в повестке дня Комитета. Это объясняется как объективными, так и субъективными причинами. Последние свидетельствуют о возрастании роли космической деятельности в международных отношениях и о принципиальных разногласиях между самими космическими державами, а также между ними и развивающимися странами.

Принцип консенсуса позволяет избежать в оценках использования понятия «конфронтация», хотя по существу именно конфронтацией объясняется невозможность дальнейшего прогрессивного развития международного космического права.

Проблемой номер один в течение всего периода освоения космоса остается вопрос о запрещении использования космоса в военных целях, о предотвращении превращения космоса в театр военных действий.

В Договоре по космосу 1967 года был найден компромисс — Луна, как и другие небесные тела, стала полностью демилитаризованной и нейтрализованной территорией. Но собственно космическое пространство было только частично демилитаризованным. Договор запрещает размещение в космосе ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения. Однако Договор не запрещает пролет через космическое пространство межконтинентальных баллистических ракет (это не считается их «размещением» в космосе), а также размещение на орбите объектов с обычным оружием или с теми видами оружия, которые не подпадают под понятие «оружие массового уничтожения» (например, лазерное оружие)

На всех последующих сессиях Комитета ООН по космосу после 1967 года многие делегации развивающихся стран выступали за полную демилитаризацию космического пространства. В 1981 и 1983 годах СССР внес в ООН проекты договоров о запрещении размещения в космосе любых видов оружия и о запрещении применения силы в космосе (то есть против находящихся там любых косми-

ческих объектов) и из космоса в отношении Земли.

Оба проекта получили поддержку, но включить их повестку дня Комитета ООН по космосу не удалось из-за позиции США и ряда их союзников. Основным их аргументом было формальное возражение против обсуждения военных аспектов в Комитете ООН по космосу, который якобы уполномочен заниматься исключительно вопросами мирного использования космоса. В результате оба советских проекта были переданы на обсуждение Конференции по разоружению, где они остаются до сих пор без какого-либо предметного обсуждения среди других пунктов повестки дня Конференции.

Дальнейший импульс для активизации обсуждения вопроса о предотвращении милитаризации космоса на Конференции по разоружению был придан внесением совместного российско-китайского проекта договора, повторяющего в основном положения советских проектов 1981 и 1983 годов.

В Комитете ООН по космосу делаются лишь политические заявления многих делегаций об опасности превращения космоса в театр военных действий, что отмечается в ежегодно принимаемых Генеральной Ассамблеей ООН резолюциях по докладам Комитета ООН по космосу.

Следующей спорной проблемой является делимитация, или разграничение, воздушного и космического пространств. Суть вопроса заключается в том, что в воздушном пространстве действуют нормы и принципы международного воздушного права, в космическом — нормы и принципы международного космического права. Однако не установлено, где, на какой высоте, перестают применяться нормы воздушного права и начинают действовать нормы космического права. Принципиальное значение этого вопроса состоит в том, что в воздушном праве нет обязательства использовать воздушное пространство на благо всех государств, что отражено в космическом праве. Космическое пространство не подлежит национальному присвоению и открыто для использования всеми государствами. Воздушное пространство делится на общее (над открытым морем) и национальное, то есть находящееся над территорией каждого государства.

Национальное воздушное пространство может использоваться иностранными государствами только с разрешения государства, под чьим суверенитетом находится соответствующее воздушное пространство. Иначе говоря, необходимо в договорном порядке установить

пространственную сферу действия воздушного права, за пределами которой начинает действовать космическое право.

Генеральная Ассамблея ООН еще в 1966 году поручила Комитету ООН по космосу изучить вопрос об определении понятия «космическое пространство». В 1979 году СССР внес в Комитет ООН по космосу проект документа о разграничении воздушного и космического пространств. Предлагалось установить границу между воздухом и космосом на высоте 100–110 км над уровнем океана.

Этот вопрос ежегодно включается в повестку дня сессий Комитета ООН по космосу и его Юридического подкомитета, то есть история обсуждения проблемы насчитывает 40 лет.

Достижение соглашения наталкивается на возражения делегации США, аргументы которых сводятся к следующему. До сих пор отсутствие юридически установленной границы не создавало препятствий для исследования и использования космоса. Предлагаемый США подход получил название функционального, то есть объект, находящийся в надземном пространстве, следует считать космическим и подчиняющимся нормам космического права, если он по своему функциональному назначению может выходить в космос на орбитальную высоту. Если же он может одновременно пролетать и маневрировать на доорбитальных высотах, то он подчиняется нормам космического права, то есть пользуется свободой полетов над территориями иностранных государств.

Подоплека этой позиции тесно связана с возможностью создания гибридных воздушно-космических аппаратов, которые смогут летать на достаточно низких высотах над территориями иностранных государств. Очевидно, что это связано с перспективами военного использования гибридных летательных аппаратов. Соответственно, данный вопрос приобретает конфронтационную окраску.

Еще одной острой проблемой является борьба с «космическим мусором», то есть с техногенным засорением околоземного космического пространства. За годы освоения космоса на околоземных орбитах скопилось много мелких и достаточно крупных пассивных обломков и отходов, которые не управляются с Земли и могут столкнуться с активными спутниками и пилотируемыми космическими кораблями. При космических скоростях такие столкновения чреваты авариями и катастрофами.

Встает два вопроса: предотвратить дальнейшее засорение космоса и избавиться от уже находящихся на орбитах бесполезных пред-

метов. Проблемами засорения космоса в США стали заниматься в 1981 году, а в СССР — с 1985 года. На международном уровне проблема изучается в Научно-техническом подкомитете Комитета ООН по космосу и в Межагентском комитете по космическому мусору. Многие государства — члены Комитета ООН по космосу выступают за обсуждение этого вопроса в Юридическом подкомитете с целью разработки правовых принципов, которые обязывали бы запускающие государства принять меры к предотвращению дальнейшего засорения космоса.

Научно-технический подкомитет принял в 2007 году доклад, содержащий рекомендации по проблемам космического мусора. По мнению делегации России, вопрос еще не созрел для передачи в Юридический подкомитет. Поэтому на сессии Юридического подкомитета в 2007 году вопрос о космическом мусоре не был рекомендован для включения в повестку обсуждения подкомитетом в 2008 году. Однако подавляющее большинство членов Комитета ООН по космосу усиливают политическое давление для перехода к правовым мерам по предотвращению дальнейшего засорения космоса.

Трудность для запускающих государств заключается в том, что соответствующие технические меры потребовали бы серьезного увеличения финансовых затрат при запусках (в частности, для увода отработавших космических объектов на более высокие орбиты, где они не представляли бы опасности для активных спутников).

В последние годы происходит активная приватизация космической деятельности и ее коммерциализация. Ряд государств, в том числе и члены Европейского космического агентства, считают, что в связи с этим следует уточнить ряд положений основных Договоров ООН по космосу. В частности, они предлагают уточнить понятие «запускающее государство», которое содержится в Конвенции об ответственности за космический ущерб и в Конвенции о регистрации космических объектов. Развивающиеся государства настойчиво выступают за установление правового режима геостационарной орбиты, за придание статуса юридически обязательных норм принципам дистанционного зондирования Земли из космоса и принципам использования в космосе ядерных источников энергии.

Если пойти по этому пути, то нарушится стройная целостная логическая система всего международного космического права, основой которого является Договор по космосу 1967 года.

В этой обстановке делегация Российской Федерации выступила с предложением разработать единую всеобъемлющую конвенцию ООН по космическому праву по аналогии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года. Такая всеобъемлющая конвенция могла бы включить все основополагающие нормы пяти основных договоров ООН по космосу, а также дополнить их новыми положениями, необходимость в которых диктуется развитием международного сотрудничества в космической сфере и научно-техническими достижениями в освоении космоса, не нарушая целостности этой отрасли права.

Против включения в повестку дня Комитета ООН по космосу и его Юридического подкомитета вопроса о возможности и целесообразности разработки единой всеобъемлющей конвенции по космическому праву выступает делегация США при поддержке ряда их союзников.

Как представляется, эта проблема останется наиболее противоречивой на обозримую

перспективу дальнейшего прогрессивного развития космического права.

Все изложенные выше разногласия и противоречия в позициях являются в политико-правовом плане принципиальными и по сути своей конфронтационными. Можно только сожалеть, что не удастся достичь консенсуса по этим вопросам, поскольку космическая деятельность будет в перспективе оказывать все большее влияние на международные отношения в целом и на сотрудничество в деле использования космоса для земных практических нужд человечества.

Между тем 2007 год ознаменован рядом юбилейных дат, которые могли бы послужить стимулом для достижения согласия: в этом году человечество отмечает 150-летие со дня рождения основоположника космонавтики К. Э. Циолковского, 100-летие со дня рождения С. П. Королева, 40-летие со дня принятия Договора ООН по космосу и 50-летие со дня запуска в СССР первого в истории искусственного спутника Земли 4 октября 1957 года.

А. П. КРАСОВСКАЯ,

*доцент кафедры государственного права СПбГУП,
кандидат юридических наук*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конституционное закрепление и защита экономических прав и свобод человека и гражданина является важным условием развития гражданского общества, эффективности его воздействия на экономическую основу конституционного строя.

Закрепление форм и методов экономической деятельности, положения человека в экономике, организация хозяйствования в государстве является предметом конституционно-правового регулирования.

Ст. 8 Конституции РФ 1993 года предусматривает единство экономического пространства, свободное перемещение товаров и услуг, финансовых средств, поддержку добросовестной конкуренции, свободу экономической деятельности.

Развивая положения ст. 2, 7, 8 Конституции РФ, следует принять федеральный закон об общих принципах экономики РФ, где должны быть учтены публичные и частные интересы в социальной и экономической политике государства.

К экономическим правам относятся право на предпринимательскую и иную экономическую деятельность, право частной собственности, собственности на землю, право на интеллектуальную собственность. К экономическим свободам следует отнести свободу экономической деятельности, свободу перемещения товаров, услуг и финансовых средств, свободу труда.

Право на предпринимательскую деятельность в системе экономических прав и свобод близко по сути к социальным правам. Сущностным отличием предпринимательской деятельности от любой иной социальной деятельности, в том числе трудовой, является нахождение в частной собственности средств производства. Поэтому наиболее близким к праву на предпринимательскую деятельность является право частной собственности, содержащееся в ст. 35 Конституции РФ.

Элементом системы экономических прав и свобод является право частной собственности на землю. Земля — объект названного

права, представляет собой основу жизни и деятельность народов, проживающих на соответствующей территории.

К группе экономических прав и свобод относится право на интеллектуальную собственность. Владелец права интеллектуальной собственности вступает в общие правоотношения с другими субъектами, в которых так же, как и собственник материального объекта, имеет субъективное право, а все остальные не должны нарушать его право собственности.

Свобода труда, закрепленная ст. 37 Конституцией РФ, относится к экономическим правам и свободам, она присуща каждому человеку независимо от его социального статуса, является основой для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности. Свободу труда следует отнести к явлениям первого поколения прав человека, в отличие от права на труд, закрепляемого в целях обеспечения интересов наемных работников и в связи с этим относящегося ко второму поколению прав человека.

Возможность ограничения предпринимательской и иной экономической деятельности законом можно рассматривать, только опираясь на ст. 55 Конституции РФ, где закреплено положение о недопустимости издания законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина. Поэтому положения ФКЗ «О чрезвычайном

положении» и ФКЗ «О военном положении», позволяющие в условиях военного или чрезвычайного положения ограничивать производственно-хозяйственную деятельность частных субъектов, противоречат ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, которая предусматривает, что право на предпринимательскую и иную экономическую деятельность не подлежит ограничению.

Глобализация и реструктуризация экономики России на переходном этапе к рыночной системе влияет на реализацию экономических прав граждан России. По данным Министрства экономического развития и торговли РФ, за чертой бедности в нашей стране в 2005 году проживало 15,8 % населения. Право на труд, закрепленное в Конституции РФ, — это основная защита от экономического отторжения человека. Но это право ущемляется стабильно высоким уровнем безработицы. По данным Росстата за 2005 год, безработица в России составляла 7,7 % экономически активного населения, то есть охватывала 5,5 млн человек¹.

Эффективным механизмом борьбы с безработицей, обеспечения экономических прав человека являются федеральные программы — национальные проекты в здравоохранении, образовании, АПК, жилищном строительстве. Например, решение о строительстве железной дороги в Республике Тыва позволяет создать более 10 тыс. рабочих мест.

В. Н. КУЛЕБЯКИН,

профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, доктор юридических наук

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ — ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА

Начало XXI века отмечено чудовищными террористическими актами. В условиях глобализации международный терроризм все в большей степени приобретает характер глобальной угрозы. Действия международного терроризма в США, России, Испании, Великобритании, Франции, Ираке, Турции, Индонезии, Кении, Колумбии, Ливане и других странах заставили содрогнуться международное сообщество. Люди во всех странах поняли, что они столкнулись с величайшей угрозой миру. Сейчас совершенно ясно, что террористы не остановятся ни перед чем, будут использовать весь арсенал наиболее жестких методов уничтожения мирного населе-

ния ради достижения своих экстремистских целей. Огромное количество человеческих жертв и разрушений, вызываемых терроризмом, сейчас уже постоянно связывается с признанием этих деяний в качестве угрозы миру и международной безопасности. В последнее время эта угроза многократно возросла в связи с возможностью прорыва террористических и иных экстремистских групп к обладанию оружием массового уничтожения.

Что же сумело сделать международное сообщество, для того чтобы парировать возник-

¹ См.: Толмачев С. Права человека с точки зрения экономики // Российская газета. 2007. 26 апр.

шую новую угрозу? Следует отметить, что несмотря на сложность разработки глобальной стратегии по борьбе с терроризмом, мировому сообществу удалось значительно продвинуться в создании правовой базы антитеррористической борьбы, нащупать конкретные области сотрудничества, позволяющие эффективно бороться с международным терроризмом.

Однако несмотря на то, что в настоящее время большинством государств осознается глобальная угроза терроризма, мировому сообществу до сих пор не удалось выработать общепринятое правовое определение международного терроризма, что в свою очередь тормозит принятие всеобъемлющей международной конвенции о борьбе с этим тягчайшим преступлением, справедливо называемым чумой нашего времени.

Ключевым вопросом в налаживании подлинно эффективного сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом является безусловное исключение практики двойных стандартов. Недопустимо, чтобы в наше время международный терроризм использовался государствами в качестве средства политической борьбы, достижения своих эгоистических интересов.

Правовая основа борьбы с терроризмом уже достаточно разработана. Более десятка международных универсальных соглашений, а также целый ряд региональных документов посвящены битве с этим злом. Дело заключается в том, что отнюдь не все государства спешат стать участниками таких соглашений и отнюдь не все из них скрупулезно выполняют требования этих международных документов.

Необходимо отметить, что на рубеже 1990-х годов проблематика международного терроризма вошла в повестку дня Совета Безопасности (СБ) на постоянной основе. В своей резолюции, принятой в 1989 году, СБ заявил, что акты терроризма представляют собой «последствия для международной безопасности». Далее эта идея получала все большее развитие в документах, принимаемых Советом Безопасности ООН. В резолюции, принятой в 1999 году в связи с рядом террористических актов в нескольких городах Российской Федерации и других стран СНГ, подчеркивается опасность международного терроризма для мира и безопасности всех государств и прямо заявляется о безоговорочном осуждении всех актов, методов и практики терроризма как преступных и не имеющих оправдания независимо от их мотивов, во всех их формах и проявлениях, где бы и кем бы они ни совершались.

В резолюции № 1373 от 28 сентября 2001 года СБ заявил, что акты международного терроризма представляют собой «одну из самых серьезных угроз для международного мира и безопасности в XXI веке». Тем самым дается трактовка международного терроризма как международного преступления, представляющего угрозу не только для международного правопорядка в отдельных регионах, но и миру и безопасности в целом. Это позволяет сделать вывод, что в настоящее время мы являемся свидетелями перекалфикации международного терроризма из преступления международного характера в международное преступление.

Данное, на первый взгляд — чисто правовое, обстоятельство влечет за собой важнейшие политико-стратегические последствия. В соответствии с современным международным правом международные преступления должны быть пресекаемы действиями со стороны Совета Безопасности, включая операции с применением силы. Государства, подвергшиеся атакам международных террористов, имеют полное основание рассматривать такие атаки как акты агрессии и использовать все имеющиеся у них индивидуальные и коллективные средства самообороны для отражения агрессии.

Проблематика международной безопасности значительно шире вопросов военно-политической стабильности — это устойчивость мировой экономики, преодоление бедности, экономическая безопасность, развитие межцивилизационного сотрудничества. Неделимый характер безопасности наиболее сжато выражен в формуле «Безопасность каждого — это безопасность всех».

Без развития действенного международного сотрудничества в борьбе с терроризмом победить это зло невозможно. Следует отметить, что многое в этом направлении уже делается. В ООН, в рамках Совета Безопасности, действуют Комитет по борьбе с терроризмом и целый ряд подчиненных ему структур. Их деятельность направлена на координацию усилий государств в борьбе с международным терроризмом. Однако подчас этого бывает недостаточно. Данный Комитет и его подразделения призваны способствовать налаживанию международного сотрудничества в таких ключевых областях, как расширение возможностей государств в борьбе с терроризмом, содействие оказанию технической помощи с учетом потребностей стран — получателей такой помощи, побуждение как можно большего числа государств стать участниками антитеррористических конвенций и протоколов.

Особо хотелось бы отметить проблему распространения оружия массового уничтожения применительно к международному терроризму. Очевидно, что попадание в руки террористов такого смертоносного оружия, как ядерное, химическое, биологическое, чревато неисчислимыми человеческими жертвами и непредсказуемыми последствиями для мира и безопасности. В связи с этим следует отметить усилия ООН, в рамках которой работал Комитет по предотвращению распространения оружия массового уничтожения, а также разработку Конвенции о ядерном терроризме. Однако данная проблема значительно шире. Осознание этого факта привело к тому, что на саммите государств Большой восьмерки в Канаде была принята Программа Глобального партнерства против распространения оружия и материалов массового уничтожения. Приоритетными направлениями реализации данной программы явилось оказание масштабной помощи Российской Федерации в ликвидации запасов химического оружия и утилизации списанных ядерных подводных лодок. На эти цели в течение двадцати лет планировалось ассигновать 20 млрд долларов США.

Вопросами борьбы с международным терроризмом занимаются такие авторитетные организации, как Шанхайская организация сотрудничества, СНГ, Совет «Россия—НАТО».

Питательной средой для террора является все возрастающий политический, эко-

номический и религиозный разрыв между представителями разных народов, общественных классов и социальных групп. Конечная задача мирового сообщества состоит в ликвидации неравенства, в гармонизации международных отношений.

Однако это возможно только в том случае, если международное сообщество будет продолжать всемерно укреплять международно-правовую базу сотрудничества, действовать в строгом соответствии с основополагающими принципами Устава ООН. Мы же, к сожалению, являемся свидетелями обратного. В международных делах все чаще наблюдается стремление решить тот или иной вопрос исходя из так называемой политической целесообразности. При этом все в большей степени игнорируются принципы и нормы международного права, превалируют силовые методы, расцветает правовой нигилизм. Такая политика, естественно, является питательной средой для ответных действий. Многие государства, не чувствуя себя в безопасности, в качестве панацеи стремятся к обладанию оружием массового уничтожения (ОМУ). Это, в свою очередь, многократно увеличивает опасность так называемого ОМУ-терроризма.

Международное сообщество должно решительно бороться с данными негативными явлениями как одной из первопричин развития международного терроризма.

Н. В. ЛАШМАНОВА,

*заведующая кафедрой управления СПбГУП,
доктор технических наук, профессор;*

И. Г. БЫЧКОВ,

*генеральный директор РЕСТЭК-ИВЕНТ МЕНЕДЖМЕНТ,
кандидат экономических наук (Санкт-Петербург)*

ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОЙ БИЗНЕС-КУЛЬТУРЫ

На современном этапе экономических преобразований в РФ сфера выставочной деятельности (ВД) является одним из эффективных механизмов регулирования рынка услуг, сама превратилась в заметный сегмент национальной экономики. Вопросы совершенствования и развития ВД приобретают большую значимость во всех сферах экономики; она играет важную роль и в системе международных экономических отношений. При этом необходимо учитывать, что, с одной стороны, это связано с тем значением, какое

придается выставкам как инструменту сбыта, с другой — выставки играют значительную роль и в достижении успеха международного предпринимательства. Можно выделить следующие социально-экономические характеристики, определяющие их роль и место в системе МЭО:

ВД выступает как сегмент национального рынка и одна из отраслей экономики;

ВД — это реальный фактор углубления интеграционных процессов, формирования единого экономического и информационного

пространства, содействия установлению связей между товаропроизводителями и потребителями;

ВД — фактор координации предпринимательской деятельности, направленный на реальный и потенциальный рынки, что служит в итоге, с одной стороны, последовательному удовлетворению запросов потребителей, а с другой — активному влиянию предпринимателей на состояние рынка сбыта;

ВД выступает как место аккумуляции инновационных и инвестиционных проектов и средств их реализации;

ВД — это «маркетинг сбыта», реклама товаров и услуг, деловые контакты специалистов, позволяющие участникам продемонстрировать свою продукцию, повысить конкурентоспособность своих товаров и услуг, активизировать деловое сотрудничество, провести рекламные акции, а также заключить договоры купли-продажи;

ВД позволяет стране, региону, городу, проводящим выставочные мероприятия, извлекать экономическую выгоду как на макроуровне (международная торговля), так и на микроуровне (деятельность представителей бизнеса).

Участие в выставке предприятий (экспонентов) позволяет еще и адекватно оценить свой потенциал, деловую активность, организационную культуру, конкурентные возможности.

В зависимости от интересов и финансовых возможностей компания выбирает любую из предлагаемых форм участия в выставке:

— участие в форме индивидуального стенда «стандартной или фирменной застройки» с экспонатами по тематике и товарному профилю выставки;

— участие в коллективной экспозиции группы предприятий, которые проводят семинары, презентации, круглые столы и т. д.;

— участие в форме рекламно-информационного стенда с проектами, каталогами, справочно-информационной литературой, рекламными фильмами и пакетами деловых предложений;

— заочное участие предприятия с размещением информации в официальном каталоге выставки и распространением рекламно-информационных материалов предприятия на выставке;

— участие в качестве посетителя («деловой визит») с возможностью участия во всех мероприятиях, проводимых в рамках выставки, и т. д.

Любая форма участия экспонента предполагает определенный уровень бизнес-культуры предприятия, его персональной и социальной ответственности. В свою очередь организаторы выставок (ВО, ВА) должны соответствовать и развиваться вместе и последовательно, применяя уже выработанные новые принципы и методы взаимосвязи:

— принцип многофункциональности — в выставочной деятельности он выражается в охвате различных аспектов (ресурсы, цели, организации);

— принцип интеграции — внутри выставочной деятельности существуют различные виды отношений, внешние коммуникации также разнообразны и изменчивы;

— принцип, ориентированный на ценности, означает, что выставочный менеджмент «включен» в окружающий мир с определенными представлениями о таких ценностях, как честные услуги, гостеприимство, строгое соблюдение договорных обязательств и т. д.

Поэтому участие любого предприятия, особенно в работе международных выставок, влияет на культуру, обогащая деловые связи, повышает эффективность бизнеса. Для любознательных и прогрессивно мыслящих предпринимателей участие в работе выставок повышает эффективность бизнеса.

В. В. МЕТЛЮК,

доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук

РЫНОК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В РАМКАХ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Экономическое развитие России усиливает конкурентную борьбу за лидерство в мировой системе образования, что в современном обществе является одним из наиболее эффективных инструментов влияния на международные события.

Сегодня Российская Федерация обладает реальным потенциалом, позволяющим занимать достойное место в мировом образовательном сообществе. Определяющее значение здесь имеют достаточно высокое качество и доступность российского образования; широкий

спектр предоставляемых образовательных услуг; мощный интеллектуальный ресурс; высокий, но вместе с тем не полностью реализуемый научно-педагогический потенциал образовательных учреждений. В интересах России — эффективное использование имеющегося образовательного потенциала, являющегося также одним из весьма значимых национальных экспортных ресурсов.

Вступая в международное образовательное пространство, государство должно отрегулировать вопросы, связанные с изменением структуры подготовки специалистов на рынке образовательных услуг и привести к соответствию квалификационные требования России и стран—инициаторов Болонского процесса.

В Болонской декларации необходимость «установления системы однозначно воспринимаемых и сопоставимых квалификаций» сформулирована в качестве первоочередного шага на пути создания единого европейского пространства высшего образования. Без этого считается невозможным дальнейшее расширение мобильности, облегчение процедур признания и принятие согласованных критериев и механизмов оценки качества образования как обязательного условия достижения соответствия европейского высшего образования требованиям рынка труда и повышения его конкурентоспособности и привлекательности.

В документах, принятых по итогам официальных мероприятий, проводившихся в рамках Болонского процесса (Прага, Саламанка, Берлин), задача достижения сопоставимости квалификаций конкретизировалась и актуализировалась, однако ни в одном из документов, включая и текст Болонской декларации, не содержится предписаний относительно введения конкретных квалификаций, поскольку решение этого вопроса относится к компетенции каждой страны. Везде говорится о системе двух последовательных ступеней (циклов) высшего образования, из которых первая ступень длительностью 3–4 года должна завершаться получением квалификации, востребованной европейским рынком труда, а вторая ступень (после 5 лет обучения) должна приводить к получению квалификации мастера (Master), как это уже имеет место во многих европейских странах.

Следовательно, сегодня в качестве основного критерия развития способностей человека к труду используется уровень профессиональной квалификации, который можно назвать универсальным критерием, пригодным как для микро-, так и для макроуровня развития экономики.

Можно отметить, что в одной из последних работ по теории организации норвежского ученого Одда Нордхога отмечается, что в настоящее время квалификация и ее рост являются ядром перспективы развития организаций. На основе данного критерия — квалификации — Одд Нордхог выводит целую систему показателей: запас квалификации, портфель квалификации, конфигурацию квалификации, базу квалификации. Он отмечает, что имеет гораздо больше смысла говорить о типах квалификации, требуемых для деятельности организации, чем говорить о количестве требуемых человеческих ресурсов, тем более о количестве работников, которых следует принять. Агрегированная квалификация, демонстрируемая работниками и их группами в организации, то есть ее квалификационная основа, представляет собой один из наиболее важных ресурсов этой организации.

Для макроэкономической характеристики способностей к труду совокупного работника, как правило, используется показатель квалификационной структуры занятых. Как свидетельствует анализ квалификационной структуры занятых, в развитых странах каждому этапу технико-технологического развития соответствует своя структура совокупного работника, представленная набором квалификационных групп и определенными пропорциями между ними, выступающими основной характеристикой «генотипа» работника. Так, «генотип» работника определяется структурой, представленной следующими уровнями квалификации:

- высокий уровень профессиональной подготовки;
- средний уровень профессиональной подготовки;
- низкий уровень профессиональной подготовки.

По западной статистике к первой категории работников относятся лица с наиболее высоким профессиональным и квалификационным статусом, предполагающим наличие высшего и среднего специального образования. Уровень образовательной подготовки этой категории колеблется между 12,7–16,5 годами обучения или 3–4-годовалым курсом официального производственного обучения после окончания средней школы.

Ко второй категории относятся лица, имеющие средний уровень профессиональной подготовки, предполагающий образование в объеме средней и неполной средней школы и в дополнение — курсы специального обучения, чаще всего сроком в несколько месяцев. Труд работников данной категории имеет опреде-

ленную функциональную ограниченность, связанную с заданностью технологии, конкретными производственными и непроизводственными шаблонами выполняемых операций, выполнение которых сопряжено с известной ответственностью за функционирование какого-либо отдельного участка общественного производства. В эту группу входят конторские и торговые служащие, фермеры, рабочие средней квалификации и часть работников близкого им профессионального ранга.

К третьей категории относятся лица, обладающие минимальной профессиональной подготовкой, работа которых предполагает изучение ее на рабочем месте в течение нескольких часов или дней и состоит, как правило, из значительного количества рутинных операций, во многих случаях поддающихся механизации. В эту группу входят малоквалифицированные рабочие всех отраслей хозяйства, в том числе и сельского, а также работники обслуживания низкой квалификации.

Таким образом, видно, что данные уровни квалификации соответствуют требованиям, предъявляемым Болонской декларацией к профессиональной подготовке кадров.

Анализ структуры подготовки специалистов и присвоения им профессиональных квалификаций в зарубежных странах показал, что Россия обладает реальным потенциалом, позволяющим ей занимать достойное место в мировом образовательном сообществе. Однако при сравнительном анализе зарубежных образовательных систем и российской были выявлены некоторые противоречия. Суть этих противоречий заключается в том, что при переходе на двухступенчатую систему подготовки в высшей школе («бакалавр» и «магистр») квалификация «специалист» становится размытой и не соответствует международным стандартам. Однако российский рынок труда пока ориентирован на востребованность специалистов. Следовательно, сегодня необходимо пересмотреть и систематизировать квалификационную структуру профессиональной подготовки в средней и высшей школе с целью избавления от дублирования как по содержанию подготовки, так и по формам организационных образовательных структур.

В связи с этим экономически целесообразно с целью уменьшения организационных структур в сфере образования при переходе высшей школы на двухуровневую подготовку специалистов решить задачу вертикальной интеграции среднего профессионального образования в систему высшей школы. Исследования показали, что по данным бюд-

жетного финансирования на 2005 год бюджет высшей школы за счет интеграции может быть увеличен примерно на 20 %. Это даст возможность:

— сохранить традиционную многоступенчатую систему российского профессионального образования и привести ее к международным стандартам без дополнительных затрат;

— сохранить традиции российской высшей школы и не растерять накопленный колоссальный положительный потенциал по подготовке профессиональных кадров;

— провести реорганизацию системы профессионального образования и определить задачи каждой ее ступени;

— получать качественное непрерывное образование на каждой образовательной ступени. Сегодня те потребители образовательных услуг, которые заканчивают вузы и техникумы по ускоренной форме обучения, при процедуре перезачетов общеобразовательных, естественно-научных и общепрофессиональных дисциплин теряют на каждом этапе до 25 % образовательного потенциала. Это негативно сказывается на качестве подготовки специалиста в вузе из-за отсутствия полноценных базовых знаний;

— увеличить бюджетное финансирование высшей школы за счет перераспределения бюджетных финансовых ресурсов всех уровней, тем самым снизить процент бюджетного недофинансирования;

— в период сильнейшего демографического спада, который наступит через 2–3 года и продлится в течение десяти и более лет, Россия сможет не только готовить профессиональные кадры всех уровней и квалификационных категорий в соответствии с международными требованиями, но и сохранить научный профессорско-преподавательский состав вузов. В начале перестройки Россия потеряла более 50 % кадрового научно-образовательного потенциала, что привело к снижению качества преподавания в высшей школе.

Необходимо отметить, что создание университетских комплексов в рамках определенных ведомств и технических бакалавриатов на базе колледжей является первым шагом на пути решения задачи вертикальной интеграции среднего профессионального образования в систему высшей школы.

Литература

1. Чистохвалов В. Кредитные единицы входят в российскую высшую школу // Высшее образование в России. 2004. № 4. С. 26–37.

2. Демидова И. Д. Болонский процесс и возможности преобразования российской высшей школы / И. Д. Де-

мидова, Г. А. Меньшикова, Е. Э. Смирнова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 4 (24). С. 157–168.

3. *Медведев С.* Болонский процесс, Россия и глобализация // Альма Матер. 2004. № 10.

4. *Федотова Н. Н.* Глобализация: тенденции и перспективы. Глобализация и образование // Философские науки. 2003. № 4.

5. Исследование человеческого капитала в зарубежной литературе (реферат книги Одда Нордхога «Человеческий капитал в организации»)

Общество и экономика. 1997. № 7–8. С. 244.

6. *Кириллов А. В., Петрова Т. В.* Проблемы взаимодействия субъектов рынка образовательных услуг // Актуальные проблемы развития высшей школы: матер. междунар. научно-методол. конф. СПб., 2002. С. 87–89.

7. *Кликунов Н. Д., Окороков В. М.* Рынок и доступность высшего образования // Университетское управление. 2005. № 1 (34). С. 47–49.

Е. Я. МОРОЗОВА,

*доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук,
Почетный работник Высшего профессионального образования*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СПРОСА НА УСЛУГИ КУЛЬТУРЫ

Проблема культуры в рыночной экономике имеет давнюю историю. И классики экономической теории, и современные экономисты пытаются найти то золотую середину, то решение проблемы, которое при весьма ограниченных финансовых вложениях дало бы возможность культуре не только выживать, но и развиваться, чтобы не было социальных конфликтов и каждый человек мог реализовывать свои духовные потребности.

Однако стремительное развитие в России рыночных отношений не могло не затронуть сферу культуры. Услуги организаций культуры все больше рассматриваются как товар, который необходимо продать потенциальному потребителю с экономической выгодой (особенно актуально для коммерческих организаций культуры и искусства). И даже некоммерческие организации культуры, для которых доходы и прибыль не являются самоцелью, все больше начинают руководствоваться известным лозунгом «производить то, что покупается, а не продавать то, что производится». Эти обстоятельства требуют определения совокупности факторов, оказывающих в настоящее время наиболее важное влияние на спрос в сфере культуры и искусства. Следует отметить, что спрос на товары и услуги неразрывно связан с культурными потребностями членов определенного социума.

Принято считать, что культурные потребности формируются у индивида в течение всей его жизни. Их виды (художественно-эстетические, познавательные, коммуникативные, рекреационные и пр.), направленность и приоритетность находятся под влиянием важных факторов. Среди них принято

выделять демографические (преимущественно половозрастные) особенности населения; национальные традиции; идеологические и религиозные воззрения; среду воспитания и среду обитания; общий культурный и образовательный уровень населения.

Рассматривая проблему востребованности услуг в культуре, следует сделать два уточнения. Во-первых, сфера культуры неоднородна по своему составу. Сегодня в России она представлена не только традиционными некоммерческими организациями (театрами, музеями, филармониями, библиотеками и пр.), но и коммерческими организациями шоу-бизнеса (антрепризой, продюсерскими центрами, предприятиями киноиндустрии и развлечений, частными клубами и др.). Цели у этих организаций (при том что все они стремятся удовлетворять культурные потребности населения) все же различны. И если для некоммерческих организаций социально-культурная значимость своей деятельности, несмотря на финансовые проблемы, по-прежнему остается на первом месте, то коммерческие организации культуры при выборе ассортимента оказываемых услуг руководствуются в первую очередь экономической целесообразностью.

Во-вторых, необходимо помнить, что организации культуры в основном производят нематериальный продукт (услуги). Реализация услуги может осуществляться только там, где она производится. Совпадение процесса производства и потребления услуг, как правило, предполагает:

— личный контакт производителей услуг (актеров, музыкантов, лекторов, экскурсоводов, диджеев и пр.) с потребителями;

— определенную ограниченность аудитории, определяемую, например, количеством посадочных мест в залах, вместимостью аудитории и др.

Реализация нематериального продукта за пределами места его производства (гастроли, выездные экспозиции) приводит к созданию нового продукта (не всегда аналогичного качества) и требует создания определенных условий и, как следствие, дополнительных затрат.

Широкое применение новых технологий в искусстве, шоу-бизнесе, развитие международного культурного сотрудничества сегодня привели к резкому увеличению в России ассортимента предлагаемых услуг. Некоторые явления в шоу-бизнесе позволяют уже говорить о превышении предложения над спросом. В этих обстоятельствах потребитель все больше начинает обращать внимание не только на содержание, но и на качество предлагаемых услуг. Рынок услуг достаточно насыщен, организации культуры и шоу-бизнеса в условиях острой конкуренции вынуждены бороться за потенциальных потребителей.

В связи с этим следует заметить, что спрос на услуги культуры всегда был, есть и будет достаточно неустойчивым. Любые негативные изменения политической, криминогенной или экономической ситуации в стране (регионе, городе) способны резко снизить востребованность конкретных видов культурно-досуговых услуг, поскольку их потребление носит сугубо добровольный характер и не всегда является для населения приоритетным (сегодня к извечной дилемме «хлеб или зрелище» все чаще добавляется соображение личной безопасности).

Экономическое положение населения здесь играет, на мой взгляд, весьма важную роль, поскольку, как справедливо отметил Ф. Котлер, потребности превращаются в спрос только тогда, когда за ними стоит покупательная способность человека.

Кроме того, спрос на отдельные культурные услуги традиционно находится под влиянием фактора сезонности. Одни услуги более востребованы в весенне-летний период (экскурсии по городу, посещения музеев-заповедников, парков отдыха и развлечений, туризм), другие — в зимний период (посещение аквапарков, катков).

Следует, однако, констатировать особую подверженность спроса в сфере культуры

такому социально-культурному явлению, как мода. мода. мода в России (особенно в молодежной среде) сегодня способна резко повысить (или снизить) спрос как на отдельные услуги организаций культуры, так и на целые направления социально-культурной деятельности.

К сожалению, мода в культуре сегодня формируется в первую очередь средствами массовой информации и в большей степени в интересах индустрии развлечений. Это естественно, поскольку коммерческие организации шоу-бизнеса имеют существенно больше финансовых возможностей для рекламы своего продукта, нежели бюджетные организации. Их предложение ориентировано, как правило, на молодежную аудиторию. Конечно, молодежь не является однородной массой, она различается и по возрасту, и по уровню образования, и по уровню культурного развития. Поэтому их выбор и вкусовые пристрастия неоднородны. Однако специалисты отмечают, что психологическое воздействие рекламы на молодежную аудиторию — максимально. А значит, потребности и интересы отдельных социальных групп молодежи посредством агрессивной рекламы можно переориентировать и сформировать спрос в нужном для шоу-бизнеса направлении.

Устойчивый (а иногда и ажиотажный) спрос, сформированный под воздействием моды, дает возможность коммерческим организациям культуры эффективно применять политику повышения цен на особо престижные (модные) виды услуг.

С одной точки зрения, устойчивый спрос на услуги модных танцевальных клубов, различных шоу-программ и других развлекательных способствует повышению доходности коммерческого сектора социально-культурной сферы и благосклонно воспринимается государством (все эти организации платят налоги и пополняют тем самым государственный бюджет).

С другой стороны, излишнее увлечение молодежи (и не только молодежи) «гламурным» образом жизни, утрата способности воспринимать серьезную литературу (не комиксы), посещение кинотеатров, театров, концертов исключительно с целью развлечения может являться тревожным симптомом духовного нездоровья нации. Хотелось бы, чтобы высшие эшелоны власти в России об этом задумались. Пока не поздно.

М. С. МОТЫШИНА,

профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В настоящее время все большее внимание ученых уделяется нематериальным и неэкономическим аспектам функционирования и развития организаций как сложных динамических систем. К таким факторам относится и культура организации. Появляются концепции и модели, в которых в качестве базисных факторов внутренней среды организации рассматриваются не традиционные факторы производства, а совсем иные: ментальные, институциональные, культурные¹. Именно они определяют «надстроечные» (функциональные) факторы, в том числе организационно-управленческие и технологические. Что представляет организационная культура и почему она так важна для современного предприятия?

Организационная культура является взаимосвязанным набором основных принципов и убеждений, разделяемых членами организации, и выражается в том, как в целом организация видит себя и свое окружение. Э. Шейн² выделяет три уровня культуры: артефакты — видимые организационные структуры и процессы; провозглашаемые ценности — стратегии, цели, философии; базовые представления — подсознательные, представляющие чем-то самоочевидным убеждения, особенности восприятия, мысли и чувства (первичные источники ценностей и поступков). Именно базовые представления организации в конечном итоге определяют, будут ли цели и принципы деятельности компании реальными или «провозглашенными». Главным в организационной культуре является то, что она способна уменьшить степень коллективной неопределенности, обеспечить целостность за счет ключевых ценностей и норм, разделяемых сотрудниками организации, а также создать приверженность общему делу. Эти факторы имеют очень важное значение для достижения целей организации. По мнению Г. Хофстеда, организационная культура является «коллективным программированием» поведения людей, «психологическим активом органи-

зации, который может быть использован при прогнозировании финансовых результатов деятельности фирмы через пять лет»³. Культура организации (деловая культура) определяется деловой культурой страны, которая в свою очередь обусловлена культурой нации.

Западные ученые и практики давно поняли роль организационной культуры, именно там появились наиболее серьезные исследования данного феномена. В 70-х годах XX века Г. Хофстедом были проведены эмпирические исследования в 66 странах мира, которые позволили ему выделить несколько признаков, определяющих стиль и особенности ведения бизнеса представителями разных культур. Результатом стала модель сравнительного анализа бизнес-культур, основанная на четырех вариативных характеристиках. На ее основе с помощью кластерного анализа была построена эмпирическая типология — «культурные карты мира». Были выделены различные типы бизнес-культур: латинский, азиатский, английский и другие — всего восемь типов. Россия в этом ряду (хотя данное исследование не охватывало нашу страну) ближе к латинскому типу. Понятно, что в нашем многонациональном государстве с разнообразными культурами в разных регионах могут складываться различные типы культур с точки зрения данной модели. Однако любая типизация условна, так как не может учесть многомерность культур. Культуры меняются, различия между ними сокращаются. Кроме того, внутри любой страны в разных организациях могут складываться собственные типы деловых культур. Поэтому, несмотря на интересные результаты исследований, эта модель не может быть использована для изучения конкретной фирмы внутри страны.

Типологии и описания стали одним из ведущих направлений изучения организационной культуры. Выделены разнообразные признаки классификации организационных культур: от простых дихотомических (сильные—слабые; открытые—закрытые; активные—пассивные; конформистские—конфронтационные и т. п.) до сложных много-

¹ См., например: *Клейнер Г.* Системная парадигма и теория предприятия // *Вопросы экономики.* 2002. № 10. С. 47–69.

² *Шейн Э. Х.* Организационная культура и лидерство: пер. с англ. СПб., 2002.

³ *Hofstede G.* Culture's Consequences, International Differences in Work Related Values. L., 1980.

уровневых, предложенных различными зарубежными и российскими авторами (Р. Акофф, Р. Д. Льюис, К. Камерон, Р. Куинн, В. А. Спивак, В. И. Подлесных и др.).

Одной из подобных классификаций, имеющей широкое распространение и положенной в основу диагностики организационной культуры, является типология, которую предложили К. Камерон и Р. Куинн⁴. На основе ряда критериев они выделили базовые типы организационной культуры: клановую, адхократическую, рыночную и иерархическую. Клановая культура характеризует отношения, напоминающие семью. Адхократическая характеризует динамичные, предпринимательские, творческие отношения. Рыночная культура ориентирована на результаты и лидерство во внешней среде. Иерархическая характеризуется формализованными, структурированными отношениями и направленностью на обеспечение стабильности, предсказуемости и рентабельности. Достаточно простой способ оценки позволяет построить «профиль» культуры организации и оценить распределение указанных типов, в том числе выделить доминирующий. Модель носит обобщенный характер, но позволяет выявить и наглядно представить весьма важные особенности культуры в организации.

Данный метод достаточно широко распространен, в том числе применительно к исследованию российских предприятий и организаций⁵. С помощью этой методики можно сравнить характер фактически сложившейся организационной культуры с целевой («эталонной») для организации. Можно анализировать динамику культуры. Целесообразно также сравнить типы культур разных уровней и подсистем организации. Они могут расходиться, что означает наличие субкультур. Например, в организационной культуре высшего уровня управления вузом может доминировать иерархический тип культуры, в то время как для кафедр — клановый.

Аналогично могут иметь место различия в типах культур разных факультетов. Так, для творческих факультетов может преобладать адхократический тип, а для инженерных — иерархический.

Вместе с тем применение западных методик без соответствующей адаптации может приводить к сомнительным или непонятым выводам. В связи с этим большой интерес представляют подходы, позволяющие учитывать российские особенности. При этом не так важен аппарат расчета оценок, сколько содержательные признаки, которые заложены в основу соответствующих типологий и оценок. Наиболее обоснованный состав подобных признаков, по нашему мнению, представлен в работах А. И. Пригожина⁶. Для российских предприятий при оценивании организационной культуры принципиально важными являются такие признаки, как уровень централизации, соотношение лидерства и организационного порядка, характер разрешения конфликтов, преобладающие методы мотивации, реализация задач на основе командных решений, характер согласования интересов и др.

Адекватные критерии измерения организационной культуры создают условия для ее оценки и диагностики. Вместе с тем необходим переход с уровня описания деловой культуры на уровень ее изменения, то есть непосредственного управления. Это может быть осуществлено с помощью ряда мер, включая умелое определение функций, мотивацию, согласование интересов, вовлечение работников в выработку общих целей и т. д.

Высшим уровнем развития организационной культуры является разработка и внедрение идеологии фирмы, которая направлена на достижение корпоративных целей, дает организации духовный, эмоциональный, творческий подъем, ориентирует интересы и действия работников на получение общих результатов.

⁴ Камерон К. Диагностика и изменение организационной культуры / К. Камерон, Р. Куинн. СПб., 2001.

⁵ См., например: Макаркин Н. П. Роль организационной культуры в эффективном менеджменте высшего учебного заведения / Н. П. Макаркин, О. Б. Томили, А. В. Бритов // Университетское управление: прак-

тика и анализ. 2004. № 5–6. С. 14; Макаренко М. А. Методология и методика проектирования культуры фирмы в процессе создания гибких организационных структур. СПб., 2004.

⁶ Пригожин А. И. Методы развития организаций. М., 2003.

Е. А. НИЗАМОВА,

преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ВЫВОЗА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЗА ГРАНИЦУ РФ

Еще в 1954 году Европейская культурная конвенция, принятая в Париже, поддержала обмен культурными ценностями в целях осуществления изучения своими гражданами языков, истории и культуры других европейских государств¹. Конвенция действует и для Российской Федерации.

В связи с активным обменом культурными ценностями в мире, в том числе и обмена в целях организации выставок, наблюдается повышенный интерес законодателя к вопросам правового регулирования правил вывоза за границу и ввоза в РФ культурных ценностей. Это объясняется прежде всего тем, что одной из важнейших задач любого государства является сохранение ценностей национальной культуры, охрана культурного достояния страны, борьба с неправомерными посягательствами на культурные ценности.

Анализ законодательства Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что единого определения культурных ценностей не существует. В национальном законодательстве представлены четыре понятия: в Федеральном законе РФ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации»², Федеральном законе РФ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»³, Законе РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей»⁴ и еще одно определение культурных ценностей приводится в Законе РФ от 9 октября 1992 года «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»⁵. Все определения куль-

турных ценностей, данные в вышеперечисленных нормативных актах, не идентичны, не ясны, не содержат существенных признаков, общих для всех культурных ценностей, и в ряде случаев ограничиваются только перечислением отдельных объектов.

Нет единства мнений и в научной литературе. Свои понятия культурных ценностей предлагают В. Г. Горбачев и В. Н. Растопчин⁶, А. И. Чудинов⁷, С. Г. Долгов⁸ и другие ученые, которые также не свободны от недостатков. Не вносят ясности и подзаконные нормативные акты.

Учеными выделены критерии (признаки) отнесения тех или иных предметов к культурным ценностям, перечень которых также не одинаков. Так, М. М. Богуславский выделил четыре основных критерия: во-первых, ценность должна быть, как правило, результатом творческой деятельности человека; во-вторых, для того чтобы соответствующие предметы были отнесены к культурным ценностям, они должны иметь определенное историческое, художественное или научное значение; в-третьих, установлен временной критерий (ценности в большинстве категорий должны быть созданы более чем сто или пятьдесят лет назад); в-четвертых, в отдельных правовых актах должен быть установлен стоимостный критерий⁹.

И. В. Архипов, Н. Н. Шарапов такой признак культурной ценности, как результат творческой деятельности, относят к факультативным, поскольку к культурным ценностям могут быть отнесены и объекты, созданные природой. Этими авторами выделены пять основных признаков: уникальность, значимость для общества, материальность пред-

¹ См.: Сборник международных договоров СССР. М., 1994. Вып. XLVII С. 412.

² Федеральный закон РФ от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 16. Ст. 1799; 2000. № 22. Ст. 2259.

³ Федеральный закон РФ от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // Там же. 1996. № 22. Ст. 2591.

⁴ Федеральный закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 20. Ст. 718.

⁵ Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // Там же. 1992. № 46. Ст. 2615.

⁶ Горбачев В. Г. Культурные ценности. Понятие, порядок приобретения, хранения и обращения / В. Г. Горбачев, В. Г. Растопчин, В. Н. Тищенко. М., 1989. С. 3.

⁷ Чудинов А. И. Защита культурных ценностей от незаконного ввоза, вывоза за пределы государств и передачи права собственности на них: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1990. С. 28.

⁸ Долгов С. Г. Культурные ценности как объекты гражданских прав и их защита (гражданско-правовой и криминалистический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 10.

⁹ Богуславский М. М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. М., 2005. С. 29.

мета, коммерческая ценность и охрана государством¹⁰.

Таким образом, только четкое закрепление в законе или непосредственно выводимое из него правовое понятие «культурные ценности» позволит решить комплекс вопросов, направленных на обеспечение сохранности, защиты и рационального использования культурных ценностей.

Вопросам регулирования временного вывоза и ввоза культурных ценностей посвящен раздел 4 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (далее — Закон).

В ст. 5 Закона дается понятие временно вывоза культурных ценностей, под которым понимается перемещение любыми лицами в любых целях через таможенную границу Российской Федерации культурных ценностей, находящихся на территории Российской Федерации, с обязательством их обратного ввоза в оговоренный срок.

Временный вывоз культурных ценностей за границу может быть осуществлен только при наличии положительного решения о возможности такого вывоза, которое принимается соответствующим государственным органом. В настоящее время такое решение принимается Федеральной службой за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия (далее — Росохранкультура).

Решение принимается на основе заявления о временном вывозе культурных ценностей с необходимым перечнем документов, указанных в Законе.

Заявленные к вывозу или временному вывозу с территории Российской Федерации, а также возвращенные после временного вывоза культурные ценности подлежат обязательной экспертизе. Порядок проведения экспертизы определяется Постановлением Правительства РФ от 27 апреля 2001 года № 322 «Об утверждении Положения о проведении экспертизы и контроля за вывозом культурных ценностей»¹¹.

На основании экспертного заключения, решения Государственной экспертной комиссии Министерства культуры Российской Федерации или Центральной экспертно-проверочной комиссии Федеральной архивной службы России, а также по результатам проверки культурных ценностей согласно госу-

дарственным охранным спискам или реестрам Министерство культуры Российской Федерации или его территориальные органы принимают решение о возможности или невозможности вывоза или временного вывоза культурных ценностей с территории Российской Федерации.

При принятии решения о возможности временного вывоза культурных ценностей соответствующими органами выдается свидетельство на право временного вывоза культурных ценностей с территории Российской Федерации. Свидетельство на право временного вывоза культурных ценностей является основанием для пропуска указанных ценностей через таможенную и государственную границы Российской Федерации.

Законодатель устанавливает еще одно условие временного вывоза культурных ценностей, который может быть осуществлен только после заключения между ходатайствующей стороной и Федеральной службой по сохранению культурных ценностей договора о возврате временно вывозимых ценностей. Содержащееся в указанном договоре требование возврата культурных ценностей обеспечивается залогом временно вывозимых культурных ценностей с оставлением предмета залога у залогодателя.

За право временного вывоза культурных ценностей в соответствии с Налоговым кодексом РФ уплачивается государственная пошлина в размере 0,01 % от страховой стоимости временно вывозимых культурных ценностей¹². От уплаты государственной пошлины освобождаются: государственные и муниципальные музеи, архивы, библиотеки и иные государственные и муниципальные хранилища культурных ценностей — за право временного вывоза культурных ценностей, находящихся в их фондах на постоянном хранении; физические лица — авторы культурных ценностей — за право вывоза (временного вывоза) ими культурных ценностей.

Также в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 16 августа 2000 года № 599 предоставляется полное условное освобождение от уплаты таможенных пошлин и налогов в отношении товаров, указанных в утвержденном перечне, срок временного ввоза (вывоза) которых не превышает одного года. К таким товарам относятся и временно ввозимые (вывозимые) культурные ценности (товары, являющиеся

¹⁰ *Архинов И. В.* / Правовое регулирование оборота культурных ценностей: учеб. пособие / И. В. Архинов, Н. Н. Шарапов. Саратов, 2003. С. 15.

¹¹ СЗ РФ. 2001. № 19. Ст. 1938.

¹² Налоговый кодекс РФ. Ч. 2. от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

произведениями искусства, предметами коллекционирования и антиквариата, а также иные товары, вывоз и ввоз которых регулируется законодательством Российской Федерации), если они остаются в собственности иностранного (при вывозе — российского) лица¹³.

Таким образом, механизм перемещения культурных ценностей за границу выглядит так:

- 1) просьба (ходатайство) заинтересованного лица к органам по сохранению культурных ценностей;
- 2) проведение экспертизы этими органами;
- 3) вынесение экспертного заключения;
- 4) решение о возможности вывоза и выдача свидетельства на право временного вывоза культурных ценностей;
- 5) практическое их перемещение при осуществлении таможенного контроля.

Н. Н. ПОГОСТИНСКАЯ,

*профессор кафедры экономики СПбГУП, доктор экономических наук,
Заслуженный работник высшей школы РФ*

МОТИВАЦИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ

Руководители всегда осознавали, что необходимо побуждать людей работать на организацию, при этом власть считалась непереносимым атрибутом управления. Однако в современном мире власть уступает место другим формам влияния, исключая прямое принуждение. Особенности взаимоотношений руководителя и подчиненного в современную эпоху охарактеризованы в табл. 1.

Таблица 1

**Особенности современного управления,
важные для реализации функции мотивации**

Характеристики мотивации	Старая парадигма управления (индустриальная эпоха)	Новая парадигма управления (информационная эпоха)
Роль субъективного фактора	Минимизация влияния	Раскрытие индивидуальных возможностей
Основной источник развития	Физическая сила человека	Умственные способности
Основной источник прибавочной стоимости	Производственный — рабочий, производительность его труда	Люди, обладающие знаниями, условия реализации их потенциала
Роль персонала	Работник — один из ресурсов организации, исполнитель	Работник — основа организации, источник ее благополучия
Отношение к управляемому	Использование имеющихся навыков и способностей	Развитие способностей к самообучению
Стиль управления	Военно-приказной	Партнерский
Человек	Экономический и социальный	Интегративный и самореализующийся

В развитии теории и практики управления персоналом выделяют четыре этапа и соответствующие им концепции (табл. 2).

¹³ Постановление Правительства РФ от 16 августа 2000 г. № 599 «О перечне товаров, временно ввозимых (вывозимых) с полным условным освобождением от уплаты таможенных пошлин и налогов» // СЗ РФ. 2000. № 34. Ст. 3478.

Таблица 2

**Концепции и этапы
теории управления персоналом**

Концепция роли кадров на производстве	Этап развития управления персоналом как вида деятельности
1. Использование трудовых ресурсов	1. Физикратический этап
2. Управление персоналом	2. Рационалистический (прагматический) этап
3. Управление человеческими ресурсами	3. Технократический этап
4. Управление человеком	4. Гуманистический этап

Субъектом мотивации в экономической системе выступает управляющий (менеджер). Суть отношений «управляющий–управляемый» заключается в том, что управляющий устанавливает ограничения на выбор действий управляемого. Для того чтобы добиться подчинения, управляющий может использовать разные способы воздействия или влияния на управляемых, при этом он выступает в разных ролях.

Первая роль — *начальник*, применяющий властное воздействие. Вторая роль — *руководитель*. Руководство по сути играет «обслуживающую» роль, формируя необходимые ограничения на деятельность других звеньев предприятия, и тем самым способствует получению заданных на ресурсах полезных результатов деятельности работников (сотрудников).

Следующая роль — *лидер*, то есть человек, обладающий в группе высоким личным и профессиональным авторитетом, оказывающий влияние на поведение группы в целом и отдельных ее членов. Современный лидер ориентируется на работу в команде, причем роль лидера перемещается от одного

члена команды к другому в зависимости от ситуации, от решаемой задачи, внешнего окружения. Здесь мы уже попадаем в рамки концепции управления — обучения, когда лидер становится *тренером* (тренером-консультантом) — четвертая роль управляющего.

Все методы управления в соответствии с ролями управляющего можно разделить на четыре группы: административные, экономические, социально-психологические и развивающие.

Методы административного воздействия в основе своей имеют власть управляющего, выступающего в роли *начальника*, который определяет область допустимых действий подчиненного. Работник (управляемый), принуждаемый к определенным действиям с помощью административных методов, выступает в роли, которую уместно назвать *исполнитель*.

Используя экономические методы, управляющий выступает в роли *руководителя* — распорядителя ресурсов. Применяя методы материального стимулирования, руководитель привлекает работника к сотрудничеству, поэтому соответствующую роль работника уместно назвать *сотрудник*.

При использовании социально-психологических методов управляющий выступает как *лидер*. Работник, вдохновляемый лидером, следует за ним, поэтому соответствующую роль работника уместно назвать *последователь*.

Четвертая роль управляющего — *тренер-консультант* — требует особых методов управления. Если первые три группы методов при всем их различии нацелены на использование опыта, навыков, знаний подчиненного, то современная функция мотивации направлена на использование и развитие способностей человека, на привлечение его к принятию коллективных творческих решений. Работник становится не подчиненным, а *партнером*. Эти роли становятся ведущими в современной ситуации стратегического управления.

Все роли работника пересекаются, между ними трудно провести четкие границы, однако можно говорить о преимущественном характере деятельности, свойственной каждой роли. В табл. 3 представлены характеристики ролей управляющего и управляемого в их развитии при переходе от первого этапа (концепции) управления персоналом к четвертому.

Таблица 3

Характеристика управляющего и управляемого

Характеристики		Этапы (концепции) управления персоналом			
		1	2	3	4
Роль человека в производстве (теоретические воззрения)	Этапы развития теории	Физиократический	Рационалистический	Технократический	Гуманистический
	Отношение к человеку	Носитель силы	Экономический ресурс, фактор производства	Элемент «человеко-машинного» комплекса	Важнейшая ценность общества
	Ориентация на:	Природные, энергетические возможности человека	Рациональные действия человека	Адекватность профессиональных возможностей человека	Профессионализм, интеллект, культурный уровень
	Человек	Функция	Экономический	Социальный	Интегративный
Субъект мотивации	Роль	Начальник	Руководитель	Лидер	Тренер-консультант
	Личные качества	Достоинство и ответственность	Умение вести диалог, демократичность, гуманность	Отличительные привлекающие качества личности	Широкая эрудиция, креативное мышление
	Деловые качества	Опыт	Профессиональная компетентность	Способность убеждать	Умение решать новые задачи
	Основа влияния	Власть (полномочия)	Реальные ресурсы, деньги	Идеи	Знания, профессионализм
Объект мотивации	Модель поведения	Авторитарная	Опекающая	Поддерживающая	Коллегиальная
	Роль	Исполнитель	Сотрудник	Последователь	Партнер
	Основа внутренней мотивации	Зависимость от начальника	Зависимость от организации	Участие в управлении	Самодисциплина
	Удовлетворение потребностей работника	Физиологических и в безопасности	В безопасности	В статусе и признании	В принадлежности (работа в команде)
Участие работников в трудовом процессе	Основа деятельности	Дисциплина, подчинение	Рациональность	Вера (доверие), одобрение лидера	Самореализация
	Участие работников в трудовом процессе	Минимальное	Пассивное сотрудничество	Пробужденные стимулы	Умеренный энтузиазм

Г. М. РЕЗНИК,

заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, президент Адвокатской палаты г. Москвы, член Общественной палаты РФ, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист РФ

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Статья 48 Конституции РФ гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, которая в случаях, предусмотренных законом, оказывается бесплатно.

В соответствии с общепринятой мировой практикой квалифицированной может считаться помощь, оказываемая специалистами по праву — как минимум лицами, имеющими юридическое образование, при обязательном соблюдении профессиональных стандартов и этических норм, поддерживаемых профессиональным контролем.

Ни одна цивилизованная страна мира не позволяет, чтобы юридические услуги оказывались любыми лицами вне каких бы то ни было специальных требований. Конституционное право каждого на получение квалифицированной юридической помощи означает, что не каждому позволено ее оказывать.

Казалось бы, нелепо полагать, что Конституция РФ, гарантируя право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, допускает оказание помощи неквалифицированной — конституционно не гарантированной, но тем не менее имеющей право на существование, оказываемой без соответствия каким-либо критериям. Однако если взглянуть на правовое поле современной России, такая нелепость в голову невольно приходит, ибо юридическая помощь у нас может оказываться буквально кем угодно. В литературе существуют даже попытки теоретического обоснования такого положения путем разграничения понятий «юридическая помощь» и «юридическая услуга». Первое предлагается применять к уголовным делам, второе — к делам гражданским. Но такое противопоставление очевидно неконституционно. Конституция России говорит о праве на получение юридической помощи, а не о праве на уголовную защиту, причем эта помощь в предусмотренных законом случаях оказывается бесплатно не только по уголовным, но и по гражданским и трудовым делам.

В настоящее время юридическая помощь (услуги) неопределенному кругу граждан и организаций оказывается двумя большими группами: адвокатами и предпринимателя-

ми. В отношении них государственное регулирование имеет неоправданные различия в подходе. Чтобы стать адвокатом, юрист должен соответствовать высоким профессиональным и нравственным требованиям, выдержать сложный квалификационный экзамен. При осуществлении своей профессиональной деятельности он обязан: соблюдать этические правила, за нарушение которых привлекается к дисциплинарной ответственности вплоть до прекращения статуса; соблюдать адвокатскую тайну; не допускать конфликта интересов; не принимать заведомо незаконное поручение; постоянно совершенствовать свои знания и повышать свою квалификацию; оказывать юридическую помощь гражданам Российской Федерации бесплатно, объем которой по уголовным делам составляет в разных регионах 60–90 %; страховать свою профессиональную деятельность.

Оказание юридической помощи предпринимателями вообще не регулируется, никаких условий для их выхода на рынок правовых услуг в российском законодательстве не сформулировано, более того — оказывающий юридическую помощь предприниматель может даже не быть юристом, иметь судимость и не обладать дееспособностью, что способствует расширению коррупционного поля внутри отечественной правовой системы.

Сложившаяся в России ситуация имеет как долгосрочные, так и совсем недавние причины. В любом случае в настоящее время эти причины себя изжили и пришло время привести практику предоставления юридических услуг (помощи) в соответствие с конституционным требованием о квалификации.

Квалифицированная юридическая помощь — публичная функция, получение которой, в том числе и бесплатно, является конституционно гарантированным правом каждого, кто в ней нуждается, — не может быть по самой природе предпринимательской деятельностью, направленной на извлечение прибыли. В соответствии с международными стандартами она должна осуществляться представителями независимой юридической профессии, а необходимым условием обеспече-

ния ее качества служит контроль самоуправляемой адвокатской ассоциации.

Профессиональные и этические обременения адвокатской деятельности не компенсируются сколько-нибудь существенными привилегиями и налоговыми льготами. Напротив, адвокаты и их образования поставлены в неравные условия с конкурентами, поскольку не вправе, в отличие от бизнес-организаций и индивидуальных предпринимателей, применять упрощенную систему налогообложения. Молодым юристам-цивилистам, специализирующимся на оказании услуг предпринимательству в гражданских и арбитражных делах, ныне не выгодно ни профессионально, ни экономически идти в адвокатуру, что может привести к деградации имеющего многовековые традиции профессионального сообщества.

Стоит задуматься над тем, чтобы ликвидировать некоторые ограничения в Федеральном законе РФ от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹, препятствующие адвокатам эффективно оказывать юридическую помощь бизнесу и снижающие возможности отечественной адвокатуры в конкуренции с западными адвокатскими компаниями. Не следует отвергать с порога предложения расширить перечень организационно-правовых форм работы адвокатов, отнеся к их числу адвокатскую фирму, где, помимо партнеров, необходимо предусмотреть должность адвоката-ассоциатора, работающего по договору трудового найма.

Особую актуальность вопросы оказания юридической помощи приобретают в связи с

предстоящим вступлением России в ВТО. Федеральный закон РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» (ст. 9) предусматривает, что адвокаты иностранных государств, осуществляющие адвокатскую деятельность на территории Российской Федерации, подлежат регистрации в специальном реестре, в противном случае их деятельность на территории Российской Федерации запрещается. За четыре года действия закона такой реестр практически не заполнен — за регистрацией в уполномоченный государственный орган обратилось всего лишь несколько иностранных адвокатов. Между тем на территории России открыто работают крупнейшие американские, британские и французские адвокатские фирмы, практикующие в нарушение российского законодательства не только по вопросам права своих стран, но и российского права, не регистрируясь в предусмотренном для них специальном реестре, поскольку учреждены в качестве обычных коммерческих организаций. Законодательный запрет оказывать юридическую помощь на предпринимательской основе пресечет эти укоренившиеся на практике правонарушения и защитит отечественный рынок юридических услуг от ничем не сдерживаемой экспансии иностранных юристов.

Вопрос о конкретизации правового стандарта и конституционного понятия «квалифицированная юридическая помощь» должен быть рассмотрен законодателями и, возможно, Конституционным судом Российской Федерации, что явилось бы важным вкладом в осуществление правовой реформы в России.

Г. И. РЕЗНИЧЕНКО,

*доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП,
кандидат исторических наук*

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ

Отношения наемного труда на протяжении всей истории своего развития регулировались различными способами, одним из которых являлся взаимоприемлемый учет интересов работников и предпринимателей. В промышленно развитых странах Западной Европы формирование социального партнерства сопровождалось появлением производственной демократии, когда «дикий» капи-

тализм XIX века в результате борьбы рабочего класса за свои права сменяется более гибким, делающим уступки этой борьбе и приспособляющимся к ней, а социальная сфера характеризуется достаточно высоким уровнем жизни населения и защищенности прав работников. Исторически лозунг социального партнерства возник как антитеза классовым конфликтам и революциям. Социальное партнерство сглаживает антагонизм, противостояние труда и капитала является в

¹ Российская газета. 2002. 5 июня.

определенной мере компромиссом интересов работников и предпринимателей, тем самым способствуя осуществлению перехода от «конфликтного соперничества к конфликтному сотрудничеству»¹.

Истоки социального партнерства в России можно проследить с конца XIX — начала XX века, когда при поддержке земства (а в отдельных случаях — и государственной власти) возник первый опыт решения социальных проблем «творческим союзом разного толка интеллигентских направлений с широким размахом молодого меценатствующего капитала»². Начиная с 1905–1907 годов, когда в России появились профсоюзы и начала формироваться система заключения коллективных договоров, можно говорить о становлении элементов социального партнерства. В нашей стране первые коллективные договоры появились в самом начале XX века, но правовое регулирование они получили лишь в КЗоТ РСФСР (1918 г.) и Положении о порядке утверждения коллективных договоров 1918 года. В советский период социальное партнерство также имело место. Только тогда «примерно на 90 % вопросы решались в союзном центре, а 10 % отдавалось непосредственно коллективам как метод решения уже заранее централизованно принятых задач»³.

В современных условиях преобладающим становится способ достижения договоренности между трудом и капиталом, получивший наименование *социальное партнерство*, который приобретает все большую значимость в урегулировании трудовых отношений в условиях глобализации экономики, развития транснациональных корпораций. Только конструктивное взаимодействие различных сил на общественной арене способно обеспечить людям равные возможности для достойной жизни⁴. Формирование законодательной базы социального партнерства начиналось Указами Президента РСФСР от 26 октября 1991 года № 162 «Об обеспечении прав профессиональных союзов в переходный период к ры-

ночной экономике»⁵ и от 15 ноября 1991 года № 212 «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)», в котором впервые был упомянут термин «социальное партнерство»⁶. При разработке правовых основ социального партнерства и создании трудового законодательства Россия ориентировалась на общепризнанные международно-правовые нормы, предусмотренные конвенциями Международной организации труда. В Российской Федерации социальное партнерство на уровне более высоком, чем организация, стало впервые регулироваться нормами права с 1992 года, а именно — Федеральным законом РФ от 11 марта 1992 года «О коллективных договорах и соглашениях»⁷, который по-новому урегулировал порядок заключения коллективных договоров. Основные положения данного закона получили свое развитие в Трудовом кодексе РФ, введенном в действие с 1 февраля 2002 года⁸.

Определенную специфику имеет организация и осуществление социального партнерства в учреждениях культуры. Интересы работников этой сферы представляет Российский профессиональный союз работников культуры (далее — РПК), отметивший в 2003 году 50-летие со дня образования⁹. Данный профсоюз является общероссийской добровольной некоммерческой общественной организацией, действующей на территориях более половины субъектов Российской Федерации, объединяющей членов профсоюза — работников предприятий, организаций и учреждений всех форм собственности сферы культуры, искусства, телерадиовещания, полиграфии, книгоиздания и книготорговли, кинематографии, средств массовой коммуникации, печати, творческих союзов, спорта, туризма, промышленных, научных и учебных учреждений, предприятий соответствующего профиля, общественных организаций, фондов, творческих работников — не членов творческих союзов (литераторы, художники, композиторы), а также студентов образовательных учреждений высшего и

¹ См.: Либоракина М. Социальное партнерство: заметки о формировании гражданского общества в России / М. Либоракина, М. Флямер, В. Якимец. М., 1996. С. 3.

² Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Из воспоминаний // Знание — сила. 1991. № 2. С. 47.

³ См.: Гриценко Н. Н. Место и роль социального партнерства в социальном государстве // Социальное партнерство на предприятиях и в организациях города Москвы: теория, практика, перспективы развития. М., 1999. С. 32–33.

⁴ См.: Либоракина М. Указ. соч. С. 3.

⁵ Ведомости съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 40. Ст. 1480.

⁶ Там же. № 47. Ст. 1611.

⁷ Федеральный закон РФ «О коллективных договорах и соглашениях» от 11 марта 1992 г. // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4558.; 1999. № 18. Ст. 2219.

⁸ Трудовой кодекс РФ (в ред. Федерального закона РФ от 30 июня 2006 г.). М., 2006.

⁹ См.: Устав Российского профессионального союза работников культуры: принят на I съезде РПК 7 сентября 1990 г., изм. и доп. внесены на II, III, IV съездах РПК 25 октября 1995 г., 1 ноября 2000 г. и 19 октября 2005 г.

среднего профессионального образования, органов управления, связанных общими производственными, профессиональными, трудовыми и социально-экономическими интересами по роду деятельности.

Многолетние и результативные отношения РПРК с организациями работодателей реализуются через соглашения, заключенные, например, с Межрегиональной ассоциацией полиграфистов (объединение работодателей), Ассоциацией книгоиздателей, Ассоциацией книгораспространителей независимых государств, Союзом журналистов России, Союзом театральных деятелей Российской Федерации, Ассоциацией «Народные художественные промыслы России», Российской ассоциацией туризма и др. Так, например, с Федеральным агентством по культуре и кинематографии и Российским профсоюзом работников культуры заключено Федеральное отраслевое соглашение на 2005–2007 годы, с Ассоциацией книгоиздателей подписано соглашение о социальном партнерстве на 2005–2007 годы, с Союзом журналистов России и Союзом театральных деятелей Российской Федерации заключены соглашения о сотрудничестве на 2005–2007 годы, а с Союзом кинематографистов Российской Федерации аналогичное соглашение о сотрудничестве подписано на 2006–2008 годы.

В постановлении состоявшегося 19 октября 2005 года IV съезда Российского профсоюза работников культуры отмечалось, что деятельность профсоюза с октября 2000 по

октябрь 2005 года, несмотря на то, что она осуществлялась в условиях изменения государственной социальной политики, ориентации на минимизацию государственных расходов на развитие культуры, а также сокращение объемов социальных гарантий, была направлена на повышение уровня оплаты труда в отрасли и социальной защиты работников. Признавая необходимость существенных преобразований в отрасли, РПРК высказывался и твердо отстаивал позицию о возможности реформирования социальной сферы только после проведения необходимых экономических расчетов и тщательного анализа предлагаемых преобразований с целью исключения негативных социальных последствий для работников культуры.

В целях защиты профессиональных, социально-трудовых прав и интересов членов профсоюза на основе социального партнерства и укрепления внутрисоюзной деятельности на IV съезде была утверждена Концепция развития деятельности Российского профсоюза работников культуры на 2006–2010 годы.

Есть все основания полагать, что при помощи механизмов социального партнерства удастся изменить к лучшему положение всех работников, в том числе учреждений культуры, и повысить их жизненный уровень, тем самым избежать острых социальных конфликтов, которые всегда ведут к потерям общественного богатства, нестабильности и социальным потрясениям.

С. С. РУСТАМОВА,

доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук

ОБРАЗОВАНИЕ — КАПИТАЛ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ РОССИИ

«Культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства»¹.

Современное состояние и перспективы развития отечественной и мировой науки базируются на фундаментальных исследованиях крупнейших специалистов по всем веду-

щим направлениям естественных, технических и гуманитарных наук, где важное место и значение занимают знания о природе культуры.

Исследовательские учреждения, университеты, гимназии — образовательные учреждения основаны на традициях взаимодействия науки и высшей школы в России. На протяжении всей истории они вносили и вносят сегодня свой вклад в развитие школьного и высшего образования, подготовку научных кадров. Сейчас наступает новый порог реформ в сфере образования, и важно не потерять то ценное, что было создано за многие годы и столетия.

¹ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 349.

При переходе к рынку не учитывалось состояние культуры и образования, науки, как оно может повлиять на успех или неуспех рыночных преобразований. Экономика есть материальный базис, а политика, идеология, культура — надстройка. В сегодняшнем мире мы сталкиваемся с зависимостью, когда идеология и политика приобретают первенство над экономикой, становятся определяющим фактором ее развития.

Содержание и функция образования всегда соответствуют требованиям, отраженным в формах знания, которые считаются необходимым передать будущим поколениям.

Образование необходимо человеку для успешного трудоустройства и приобретения новых знаний, чтобы не отставать от стремительно развивающегося мира коммерции.

Подструктурой общества управляет финансовый и интеллектуальный капитал и те, кто использует информационные технологии.

Социально-экономическое явление имеет глубокое политическое и культурное значение.

Экономическая конкуренция — рынок, который является основой мирового бизнеса.

Знание не имеет никакой действительной стоимости. Новое знание — дефицитный ресурс, ценный с точки зрения той продукции, для производства которой оно могло быть использовано.

Образование в современном мире — ключевое условие экономического роста, стратегический ресурс устойчивого и динамичного развития нации.

На новом этапе общественной жизни и собственной истории образование стало важнейшей социально-политической, социально-гуманитарной сферой, призванной обеспечить вхождение молодого поколения в общество свободных граждан. В нынешних условиях образование стало важнейшей экономической отраслью. Оно играет все большую решающую роль в накоплении и развитии человеческого капитала.

В последнее время в образовательной политике господствующим стал взгляд на образование как на сферу услуг, естественно предполагающих платность этих самых услуг. Однако во всем мире уже более двухсот лет бесплатным (для населения) называют образование, за которое платит государство — за счет средств налогоплательщиков. Именно такое общепринятое понима-

ние бесплатного образования закреплено в Конституции Российской Федерации.

В педагогическом смысле образование — это обучение, воспитание и развитие личности, способной к самообучению, самовоспитанию, саморазвитию, к нравственному, духовному и гражданскому выбору и ответственности за этот выбор, к осознанию национальной идентичности и глобальных проблем современного мира, к профессиональному самоопределению и самостоятельной деятельности в условиях динамично меняющейся жизни для достижения самореализации и процветания страны.

В социальном плане это одно из наиболее социально значимых благ, фундамент и основное средство приращения человеческого капитала нации.

Во всем цивилизованном мире общества и государства, которые стремятся к экономическому прогрессу и социально-политической стабильности, заинтересованы в развитии образования.

Суть образовательной политики — выработка и реализация социальной идеологии и специальных приоритетов нации в сфере образования. Эта идеология и эти приоритеты определяют в итоге цели, характер, специфику национального образования — социального института, систему образования и образовательной практики.

Рынок для нас является реальностью, в которой мы живем и действуем.

Задача образования — отстоять коренное, исконно русское требование социальной справедливости, сделать действительным фактор развития образовательного, человеческого потенциала нации.

Сегодняшняя ситуация в стране иная — изменилось многое, и не в худшую сторону, есть достижения и перспективы. Необходимо пользоваться возможностями, которые предоставляют другие страны в области высшего образования, в партнерских программах.

В нашей стране уровень образования зависит от самого механизма формирования «образовательного капитала», то есть способности человека перерабатывать предлагаемые ему образовательные услуги. Надо относиться к образованию как благу, феномену «образования в течение всей жизни».

Современное образование призвано включать учащихся в культуру, научить их делать свою жизнь богаче, интереснее, счастливее, но вместе с тем показать путь к другим людям, к миру и к ценностям, имеющим сверхличное значение.

Развивающемуся обществу нужны люди, современно образованные, инициативные, самостоятельные, способные к конструктивному диалогу, успешной социализации в обществе и активной адаптации на рынке труда.

При выборе компетентного подхода в определении целей и содержания общего образования нужна опора на международный опыт с учетом необходимой адаптации к традициям и потребностям России.

В. Н. СИДОРОВА,

*доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП,
кандидат юридических наук*

ОСНОВЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

Гражданская правосубъектность учреждений (организаций) культуры подчиняется общим положениям правосубъектности юридического лица. Термин «юридическое лицо» подчеркивает особый характер организации как субъекта гражданско-правовых отношений.

Цивилистической науке известно множество теорий юридического лица, в числе которых такие фундаментальные теории, как «теория фикции» Савиньи, «теория персонифицированной цели» Бринца, «органическая теория» Гирке и др.¹

В советской цивилистике выделялись три основные теории государственного юридического лица: «теория коллектива», предложенная академиком А. В. Венедиктовым, «теория государства», разработанная С. И. Аскназием, и «теория директора», исследованная Ю. К. Толстым².

Во второй половине XX века в советской цивилистике получили известность «теория социальной реальности юридических лиц» (Д. М. Генкин и Б. Б. Черепяхин), «теория социальных связей» (О. А. Красавчиков), «теория организации» (Б. И. Пугинский), «теория персонифицированного (целевого) имущества» (С. Н. Ландкоф, Е. А. Суханов)³.

¹ Подробнее см.: Каминка А. И. Основы предпринимательского права. Пг., 1917. С. 26–29; Римское частное право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Петерского. М., 1994. С. 115–120; Brinz. Pandecten. 1873; Gierke. Deutsches Privatrecht. 1895.

² Подробнее см.: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1948; Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947; Грибанов В. П. Юридические лица. М., 1961; Толстой Ю. К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л., 1955.

³ Подробнее см.: Черепяхин Б. Б. Волеобразование и волеизъявление юридических лиц // Правоведение. 1958. № 2; Красавчиков О. А. Сущность юридического лица // Советское государство и право. 1976. № 1; Мусин В. А. Одночленные корпорации в буржуазном праве // Правоведение. 1981. № 4; Суханов Е. А. Правовые основы предпринимательства. М., 1993. С. 14–15.

Одновременное существование в цивилистической науке множества теорий юридического лица объясняется сложностью этого правового явления, но, несмотря на множество теорий, бесспорным в них является факт признания за юридическим лицом правосубъектности.

Законодатель в Основах законодательства о культуре закрепляет право на создание юридических лиц (организаций, учреждений и предприятий) в области культуры без каких-либо ограничений, то есть субъекты правоотношений в области культуры с правами юридического лица могут быть созданы в любой организационно-правовой форме, предусмотренной действующим гражданским законодательством. Необходимо отметить, что деятельность в сфере культуры может осуществляться не только посредством создания организаций культуры, наделенных правами юридического лица, но и путем формирования творческих коллективов, деятельность которых может регулироваться договором простого товарищества (договором о совместной деятельности). Однако объем правосубъектности творческих коллективов не входит в предмет настоящего исследования.

Все организации культуры как субъекты правоотношений могут быть классифицированы в зависимости от цели деятельности и организационно-правовой формы, формы собственности и направленности основных видов деятельности.

В зависимости от цели деятельности и организационно-правовой формы субъекты правоотношений в области культуры могут быть созданы в форме коммерческих и некоммерческих юридических лиц (ст. 49 ГК РФ). При этом согласно ст. 4 Федерального закона РФ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30 ноября 1994 года, коммерческие организации могут создаваться исключительно в тех организационно-правовых формах,

которые предусмотрены для них гл. 4 ГК РФ. К таким организационно-правовым формам относятся хозяйственные общества и товарищества, производственные кооперативы, государственные и муниципальные унитарные предприятия. Закрепленный в действующем законодательстве перечень организационно-правовых форм некоммерческих организаций не является исчерпывающим, однако необходимо отметить, что наиболее часто субъект правоотношений в области культуры создается в организационно-правовой форме учреждения.

Субъекты в области культуры могут быть созданы на основе государственной (муниципальной), частной и смешанной формы собственности.

В зависимости от направленности основных видов деятельности все организации культуры и искусства объединяются в три группы: организации исполнительских искусств (театры, концертные организации и залы, музыкальные коллективы, цирки); библиотеки, музеи и другие учреждения музейного типа; культурно-досуговые учреждения (дворцы, дома культуры, клубы, центры (дома) народного творчества, кинотеатры, парки культуры и отдыха, городские сады, дома ремесел, центры досуга и другие аналогичные организации).

Кроме этого, в зависимости от уровня подчиненности и бюджетного финансирования в правоприменительной практике выделяются: региональные и муниципальные учреждения исполнительского искусства, кинематографии (театры, музыкальные и танцевальные коллективы, концертные организации, концертные залы, цирки, организации кинематографии); региональные и муниципальные библиотеки, музеи, зоопарки и другие учреждения музейного типа; региональные и муниципальные культурно-досуговые учреждения (дворцы и дома культуры, клубы и центры (дома) народного творчества, парки культуры и отдыха, городские сады, центры досуга, дома ремесел и другие аналогичные учреждения, учреждения кинематографии (кинотеатры, кинопередвижки, киноустановки и другие организации кинематографии).

Приведенный выше перечень организаций культуры очевидно свидетельствует о том, что в гражданско-правовом обороте организации культуры чаще создаются в организационно-правовой форме учреждения. В действующем российском законодательстве имеется несколько правовых норм, раскрывающих юридическое понятие учреждения как субъекта права. Рассмотрим некоторые из них.

Согласно ст. 120 ГК РФ «учреждением признается организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера и финансируемая им полностью или частично». Права учреждения на закрепленное за ним имущество определяются в соответствии со ст. 296 ГК РФ. Учреждение отвечает по своим обязательствам находящимися в его распоряжении денежными средствами. При их недостаточности субсидиарную ответственность по его обязательствам несет собственник соответствующего имущества.

При определении объема правосубъектности учреждения представляет интерес Информационное письмо ВАС РФ от 14 июля 1999 года № 45 «Об обращении взыскания на имущество учреждения». Согласно этому письму арбитражным судам следует иметь в виду, что в случае недостаточности у учреждения денежных средств «взыскание не может быть обращено на иное имущество, закрепленное за учреждением на праве оперативного управления собственником, а также на имущество, приобретенное учреждением за счет средств, выделенных по смете». В гражданско-правовом обороте контрагентам учреждения необходимо учитывать данные экономико-правовые условия.

Ст. 9 Федерального закона РФ «О некоммерческих организациях» формально дублирует определение учреждения, закрепленное законодателем в ст. 120 ГК РФ. Являясь специальным законом, Федеральный закон РФ «О некоммерческих организациях» следующим образом определяет правовой статус учреждения как некоммерческой организации: «Учреждением признается некоммерческая организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера и финансируемая полностью или частично этим собственником». При этом имущество учреждения закрепляется за ним на праве оперативного управления в соответствии с ГК РФ. Права учреждения на закрепленное за ним имущество также определяются в соответствии с нормами ГК РФ.

Учреждение отвечает по своим обязательствам находящимися в его распоряжении денежными средствами. При их недостаточности субсидиарную ответственность по обязательствам учреждения несет его собственник. Особенности правового положения отдельных видов государственных и иных учреждений определяются законом и иными правовыми

актами. К таким законам, в частности, относится Бюджетный кодекс РФ.

В ст. 161 Бюджетного кодекса РФ содержится следующее определение бюджетного учреждения: «Бюджетное учреждение — организация, созданная органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления для осуществления управленческих, социально-культурных, научно-технических или иных функций некоммерческого характера, деятельность которой финансируется из соответствующего бюджета или бюджета государственного внебюджетного фонда на основе сметы доходов и расходов». Организации, наделенные государственным или муниципальным имуществом на праве оперативного управления, не имеющие статуса федерального казенного предприятия, в целях Бюджетного кодекса признаются бюджетными учреждениями. В смете доходов и расходов должны быть отражены все доходы бюджетного учреждения, получаемые как из бюджета и государственных внебюджетных фондов, так и от осуществления предпринимательской деятельности, в том числе доходы от оказания платных услуг, другие доходы, получаемые от использования государственной или муниципальной собственности, закрепленной за бюджетным учреждением на праве оперативного управления, и иной деятельности. Бюджетное учреждение использует бюджетные средства в соответствии

с утвержденной сметой доходов и расходов. При этом при исполнении сметы доходов и расходов бюджетное учреждение самостоятельно в расходовании средств, полученных за счет внебюджетных источников. В гражданско-правовом обороте контрагентам также необходимо учитывать, что бюджетное учреждение обеспечивает исполнение своих денежных обязательств, указанных в исполнительном документе, в пределах доведенных ему соответствующих лимитов бюджетных обязательств и средств, полученных от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности.

Выводы. Системно-сравнительный анализ приведенных выше правовых норм и формальная юридическая логика в заключение позволяют предложить следующее понятие учреждения культуры как субъекта гражданского права (юридического лица): «Учреждением культуры признается некоммерческая организация, наделенная правами юридического лица, созданная собственником для осуществления социально-культурных функций некоммерческого характера и финансируемая полностью или частично этим собственником».

Учреждения культуры могут быть созданы в виде юридических лиц государственной (муниципальной) и частной формы собственности. Действующее гражданское законодательство не содержит каких-либо запретов на создание учреждений культуры смешанной (государственно-частной) формы собственности.

Н. В. СИЗОВА,

*доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП,
кандидат юридических наук*

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Центральным нормативно-правовым актом, устанавливающим основы правового регулирования музейных коллекций, является Федеральный закон РФ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ¹ (далее — Закон РФ «О музейном фонде»).

Содержание понятия «музейные коллекции» раскрывается в ст. 3 Закона о музейном фонде, согласно которой музейная коллекция определяется как совокупность культурных ценностей, которые приобретают

свойства музейного предмета только будучи объединенными вместе в силу характера происхождения, либо видового родства, либо по иным признакам.

Итак, термин «музейная коллекция» определяется через понятие «культурная ценность». Следует заметить, что в действующем российском законодательстве закреплено несколько официальных определений понятия «культурные ценности», отличных друг от друга и по форме, и по содержанию. Понятие «культурные ценности» содержится в ст. 3 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 года

¹ СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2591.

№ 3612-1² и определяется как нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость, здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты. Как следует из определения, Основы законодательства о культуре довольно широко трактуют данный термин и подводят под него не только материальные предметы, но и нематериальные объекты, в частности, такие как нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки и т. д.

Понятие «культурные ценности» содержится и в самом Законе о музейном фонде и определяется как предметы религиозного и светского характера, имеющие значение для истории и культуры и относящиеся к категориям, определенным в ст. 7 Закона РФ от 15 апреля 1993 года № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей», где приводится конкретный перечень категорий предметов, относящихся к культурным ценностям, среди которых, в частности, указываются: картины и рисунки целиком ручной работы на любой основе и из любых материалов; оригинальные скульптурные произведения из любых материалов; произведения декоративно-прикладного искусства, в том числе художественные изделия из стекла, керамики, дерева, металла, кости, ткани и других материалов и т. д.

Таким образом, Закон РФ «О музейном фонде» культурные ценности определяет только как материальные предметы. Следовательно, музейные коллекции можно определить как совокупность предметов религиозного или светского характера, имеющих значение для истории и культуры, которые, как следует из ст. 3 Закона РФ «О музейном фонде», должны обладать свойством музейного предмета.

Музейный предмет, в свою очередь, также определяется через понятие культурной ценности, которая должна обладать такими качествами либо особыми признаками, которые делают необходимым для общества ее сохранение, изучение и публичное представление. Соответственно, музейная коллекция — это совокупность предметов религиоз-

ного или светского характера, имеющих значение для истории и культуры, которые только будучи объединенными вместе в силу характера происхождения, либо видового родства, либо по иным признакам приобретают значимость для общества. Их сохранение или изучение и публичное представление необходимо.

По юридической классификации вещей музейные коллекции можно охарактеризовать как сложные (совокупные) вещи. Особенность правового режима таких вещей заключается в том, что действие сделки, заключенной по поводу сложной вещи, распространяется на все ее составные части, если договором не предусмотрено иное (ст. 134 ГК РФ). Музейная коллекция, включенная в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, является неделимой (абз. 3 ст. 15 Закона РФ «О музейном фонде»).

Также в состав музейной коллекции могут входить вещи, которые по классификации вещей в гражданском праве являются главными вещами и принадлежностями. Главная вещь и принадлежность физически не связаны, однако находятся в хозяйственной или, точнее сказать, целевой зависимости. Главная вещь, как правило, имеет самостоятельное значение, например, картина, ювелирное украшение, музыкальный инструмент. Принадлежность (рама, футляр) самостоятельную ценность обычно не имеет, а если и имеет, то незначительную, а основное ее предназначение — служить главной вещи. Согласно общему правилу, принадлежность следует судьбе главной вещи (ст. 135 ГК РФ).

Как уже указывалось выше, основным нормативно-правовым актом, регламентирующим правовой режим музейных коллекций, является Закон о музейном фонде. Однако следует заметить, что нормами данного закона регламентированы отношения, связанные с оборотом музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации (ст. 1 Закона РФ «О музейном фонде»). Культурные ценности, обладающие признаками музейного предмета, в том числе так называемые предметы антиквариата, не включенные в состав Музейного фонда Российской Федерации, под сферу данного закона не попадают и, соответственно, на них не распространяются особенности гражданского оборота, иные правила, предусмотренные нормами данного закона.

Совокупность постоянно находящихся на территории Российской Федерации музейных предметов и музейных коллекций образует Музейный фонд РФ (абз. 5 ст. 3 Закона РФ

² Ведомости Верховного суда РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.

«О музейном фонде»). Музейный фонд Российской Федерации состоит из государственной и негосударственной части. Включение музейных коллекций в состав Музейного фонда Российской Федерации производится федеральным органом исполнительной власти, на который возложено государственное регулирование в области культуры (Министерством культуры Российской Федерации), после проведения экспертизы.

Форма собственности на музейные коллекции, включенные в состав Музейного фонда Российской Федерации, может быть любой: государственная, муниципальная, частная и иная форма собственности (ст. 6 Закона РФ «О музейном фонде»). Музейные коллекции, входящие в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, находятся в федеральной собственности и в собственности субъектов Российской Федерации независимо от того, в чьем владении они находятся (ст. 13 Закона РФ «О музейном фонде»).

Таким образом, культурные ценности, составляющие музейные коллекции, не относятся к вещам, ограниченным в обороте в части принадлежности лишь определенным участникам оборота.

Относительно нахождения в обороте музейных коллекций законодатель установил общее ограничение, относящееся ко всем музейным коллекциям, включенным в состав Музейного фонда Российской Федерации, согласно которому данные предметы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства либо иным способом только по специальному разрешению федерального органа исполнительной власти, на который возложено государственное регулирование в области культуры (ст. 12 Закона РФ «О музейном фонде»). Таким образом, в части возможности нахождения в обороте музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, такие культурные ценности являются ограниченно оборотоспособными объектами гражданских прав.

При этом музейные коллекции, включенные в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, по общему правилу вообще отчуждению не подлежат, за исключением случаев утраты, разрушения либо обмена на другие музейные коллекции по решению федерального органа исполнительной власти, на который возложено государственное регулирование в области культуры (ст. 15 Закона РФ «О музейном фонде»).

В отношении совершения сделок с музейными коллекциями, включенными в негосу-

дарственную часть Музейного фонда Российской Федерации, законодатель установил следующие особенности: при совершении сделок дарения либо купли-продажи в отношении данных музейных коллекций получатель дара либо покупатель обязан принять на себя все обязательства в отношении этих предметов, имевшиеся у дарителя или продавца. При этом государство имеет преимущественное право покупки (ст. 25 Закона РФ «О музейном фонде»). Аналогичное же правило закреплено при переходе прав на музейные коллекции, включенные в состав негосударственной части Музейного фонда Российской Федерации, в порядке универсального правопреемства. При наследовании музейных коллекций по завещанию либо по закону наследник обязан принимать на себя все обязательства, имевшиеся у наследодателя в отношении этих предметов. При отказе от этих обязательств наследник может продать данные музейные коллекции либо совершить иную сделку на означенных выше условиях, при этом государство имеет преимущественное право покупки. Если наследник такие обязательства на себя принял, но не обеспечил исполнение обязательств в отношении данных музейных коллекций, то государство имеет право осуществить выкуп бесхозяйственно содержимых предметов в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации.

В отношении сделок с музейными коллекциями Законом РФ «О музейном фонде» предусмотрена обязательная государственная регистрация таких сделок. Как указывается в абз. 4 ст. 10 Закона РФ «О музейном фонде Российской Федерации», передача прав собственности и другие действия физических и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей в отношении музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, производятся только после регистрации сделки в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации.

В реестре сделок регистрируются следующие сделки с музейными предметами и музейными коллекциями: продажа и приобретение на основании договора купли-продажи; дарение; обмен; передача во временное или бессрочное владение или пользование. Регистрации в реестре сделок подлежит также наследование музейных предметов и музейных коллекций по закону и завещанию.

В литературе высказывается справедливое мнение, согласно которому данный порядок

обязательной регистрации перехода прав на музейные коллекции следует распространить на все культурные ценности, вне зависимости от их принадлежности Музейному фонду Российской Федерации, что должно способствовать решению проблем, связанных с их незаконным оборотом³.

Еще одной особенностью правового режима музейных коллекций, закрепленной в ст. 11 Закона РФ «О музейном фонде», является запрет на вывоз из Российской Федерации музейных предметов и музейных коллекций, вклю-

ченных в состав Музейного фонда Российской Федерации. Возможность временного вывоза данных предметов регулируется Законом Российской Федерации «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15 апреля 1993 года № 4804-1⁴, где временный вывоз культурных ценностей определяется как перемещение любыми лицами в любых целях через таможенную границу Российской Федерации культурных ценностей, находящихся на территории Российской Федерации, с обязательством их обратного ввоза в оговоренный срок.

В. Е. СТЕПЕНКО,

*доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Тихоокеанского государственного университета,
кандидат юридических наук (Хабаровск)*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ПОГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СВЕТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ

Развитие равноправного межгосударственного сотрудничества с приграничными странами на основе взаимовыгодного партнерства, так же как и создание благоприятных условий для развития межгосударственных связей, составляет базисный интерес Российского государства (и прежде всего в пограничной сфере), выступает важнейшей предпосылкой эффективности национальной пограничной политики. Об этом, в частности, говорится в Концепции национальной безопасности РФ¹, Концепции формирования системы обеспечения интересов Российской Федерации в пограничной сфере².

В Основах пограничной политики, утвержденной указом Президента РФ от 5 октября 1996 года, определены два принципиальных положения относительно развития межгосударственного пограничного сотрудничества: во-первых, данное сотрудничество должно основываться на совпадении интересов России и соседних с ней государств, то есть строиться по принципу взаимной выгоды; во-вторых, оно должно быть направлено на последовательное углубление координации и взаимодействия по разрешению пограничных проблем.

³ См.: Мазин Д. В. Некоторые проблемы правового регулирования гражданского оборота движимых культурных ценностей // Журнал российского права. 2004. № 9.

⁴ Российская газета. 1993. № 92.

В деле скоординированности усилий и налаживания взаимодействия по решению пограничных вопросов особая роль отводится международной деятельности ФСБ России. В настоящее время интенсивно развиваются программы сотрудничества с Казахстаном, Таджикистаном, Арменией, Белоруссией, Киргизией, Болгарией, Венгрией, Японией и Германией. Расширяются деловые связи с пограничниками Норвегии, Швеции, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Китая, Монголии и США. Органы Федеральной службы безопасности Российской Федерации сотрудничают с 44 пограничными ведомствами 37 иностранных государств³, заключено более двухсот договоров в пограничной сфере с иностранными коллегами, прежде всего по вопросам совместной борьбы с терроризмом и другой трансграничной преступностью⁴.

Следует подчеркнуть, что на данном этапе развития межгосударственных связей с

¹ Концепция национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 10 января 2001 г. № 24 // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 170.

² Концепция формирования системы обеспечения интересов Российской Федерации в пограничной сфере: утв. решением Государственной пограничной комиссии от 28 января 2005 г. (прот. № 1).

³ См.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru>.

⁴ См.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pogranec.ru>.

учетом существующей геополитической реальности первостепенное значение отводится использованию имеющегося потенциала сотрудничества в области охраны внешних границ в рамках Союзного государства и практической деятельности международных организаций (Организации договора о коллективной безопасности, ЕврАзЭС, СНГ, Шанхайской организации сотрудничества и ее Региональной антитеррористической структуры (РАТС ШОС), АТЭС, ЕС).

Учитывая тот факт, что пограничная политика Российской Федерации осуществляется на основе международных договоров и внутригосударственного законодательства, следует указать на необходимость дальнейшего развития договорной правовой базы по вопросам сотрудничества и взаимодействия в пограничной сфере.

В рамках решения проблем, возникающих в процессе реализации пограничной политики, Российской Федерацией со многими государствами были заключены двусторонние и многосторонние договоры по пограничным вопросам, которые условно можно подразделить на четыре блока:

1. Договоры, устанавливающие основы регулирования и поддержания режима государственной границы: с Финляндией (1960), Монголией (1980), КНДР (1990), КНР (1994, 2006), Украиной (2003);

2. Договоры, особо регламентирующие пограничные экономические связи, порядок сношений в приграничных районах, ведения хозяйственной деятельности (охота, рыболовство, сельское и лесное хозяйство, горное дело, охрана окружающей природной среды) в приграничных районах: с Монголией (1980), КНР (1994, 1999, 2006);

3. Договоры, заключенные с целью повышения пропускной способности пунктов пропуска и создания надлежащих условий для пересечения государственной границы физическими лицами, транспортными средствами и товарами, а также упрощения порядка пересечения государственной границы между отдельными государствами: с Румынией (1985), Эстонией (2002), КНР (1994, 1997, 1999);

4. Соглашения, заключаемые между государствами по вопросам пограничного сотрудничества — подобные договоры и соглашения были заключены: со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (Республикой Вьетнам, Монгольской Народной Республикой); с государствами — участниками СНГ (Республиками Казахстан, Узбекистан, Молдова, Беларусь, Азербайджанской Республикой, Украиной); с Латвийской Республикой; с

рядом государств Восточной Европы (Румынией, Болгарией, Словацкой Республикой); с Республиками Индия и Намибия.

Анализ договоров и соглашений по вопросам охраны внешних границ государств — участников СНГ и членов ЕврАзЭС, а также большинства межгосударственных соглашений по вопросам пограничного сотрудничества позволяет утверждать, что сотрудничество по пограничным вопросам осуществляется в основном в целях обеспечения надежной охраны государственной границы по следующим направлениям:

а) взаимодействие по вопросам охраны государственной границы в пунктах пропуска через нее;

б) пресечение на внешних границах и обеспечение эффективной борьбы с международным и внутренним терроризмом, незаконным перемещением оружия и боеприпасов, взрывчатых, отравляющих, наркотических и психотропных веществ, радиоактивных материалов и иных предметов контрабанды, незаконной миграцией, проявлениями религиозного экстремизма.

В рамках большинства договоров пограничные ведомства государств осуществляют постоянный обмен информацией об обстановке, складывающейся на внешней границе, по отдельным вопросам проводят взаимные консультации, оказывают взаимное содействие в подготовке, переподготовке и повышении квалификации военных кадров.

На основе многосторонних соглашений реализуются, как правило, межгосударственные и межведомственные программы по борьбе с терроризмом, незаконной миграцией и др.

Ряд государств, действующих в рамках международных региональных организаций, совместную деятельность в пограничной сфере осуществляет на основе принятой системы взглядов (концепции) на согласованную скоординированную работу по обеспечению пограничной безопасности. В качестве примера приведем Концепцию межрегионального и приграничного сотрудничества в рамках Евразийского экономического сообщества, Концепцию согласованной пограничной политики государств-участников СНГ.

Таким образом, в деле защиты национальных интересов отдельно взятого государства (в том числе и Российской Федерации), обеспечения неприкосновенности его территории и границ существенную роль продолжает играть развитие всестороннего международного сотрудничества. Причем международное пограничное сотрудничество,

являясь одним из важнейших направлений реализации государственной пограничной политики Российской Федерации, приобретает в последнее время особо важное, при-

оритетное значение и все более широкие перспективы, рассматривается как фактор обеспечения национальной, региональной и коллективной безопасности.

Э. Д. ТИХОНОВА,

доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Процессы глобализации затрагивают сегодня все стороны жизнедеятельности человека, и в том числе культуру. Необходимо различать объективный и субъективный характер процессов глобализации для каждой страны, для каждой национальной культуры. При этом субъективные процессы зависят от различных политических, экономических и культурных факторов и определяют скорость процессов глобализации. Расширение межгосударственных политических, экономических и культурных связей, новые информационные технологии и прежде всего стремительное увеличение пользователей Интернета, развитие транспорта и инфраструктуры туризма — все это объективные причины глобализации культуры. К этим причинам относится и политика большинства транснациональных корпораций, сюда следует отнести и производителей автомобилей и бытовой техники, и производителей продуктов питания, телекоммуникационных услуг и т. д. И если первые создают предпосылки для более удобной жизни, то вторые навязывают другой образ жизни, другую культуру. Немаловажное значение имеет и агрессивная всепланетная реклама такого рода продуктов и услуг, которую могут финансировать только транснациональные корпорации. Даже в странах с традиционной восточной культурой, таких как Индия, Непал, молодежь ест чипсы и пьет кока-колу, носит джинсы.

Для стран бывшего Советского Союза процессы глобализации также имеют ряд субъективных факторов. Железный занавес, жесткая идеология, культурные контакты только на государственном уровне — все это породило неистребимый интерес к западной культуре, к западному образу жизни. Перестройка, гласность, возможность увидеть мир привели страну к быстрейшему процессу глобализации культуры, к усилению влияния уже унифицированной западной культуры.

Еще одной причиной ускорения процессов глобализации культуры в России является кризисная ситуация в сфере культуры в 1990-х годах, которая характеризовалась следующими признаками:

— снижением потребностей в традиционных для России видах искусства, определенной утратой интереса к отечественной культуре;

— увеличением потребностей в продукции массовой культуры различных жанров: литературы, кино, музыки, зрелищных видов деятельности.

Вхождение России в рыночные отношения способствовало появлению новых видов культурных продуктов, пользующихся устойчивым спросом на Западе. При этом продукты массовой культуры, в основном американской, в глазах многих россиян, особенно молодежи, обладали новизной, яркостью, простотой восприятия, зрелищностью. Многие виды отечественных продуктов в сфере культуры и искусства не могли выдержать такой конкуренции. Повышению спроса на продукты массовой культуры способствовала агрессивная, профессионально сделанная реклама западной культуры и образа жизни.

В 1990-х годах в сложных экономических условиях наше государство заботилось по сути только о сохранении инфраструктуры культуры, никак не поддерживая отечественную культуру. Государство, декларируя приоритет сохранения, возрождения и развития отечественной культуры, финансировало не творческую или исследовательскую деятельность учреждений, не создание конкретных культурных ценностей, а лишь содержание этих учреждений и их работников.

В условиях формирующегося рынка, готовности и желания общества к потреблению продуктов массовой культуры, а также практически отсутствующей государственной политики поддержки отечественной культуры процессы глобализации стали особенно

интенсивными. В то же время Россия сохраняет свой особый культурный, нравственный, социальный облик, свой менталитет, и отсутствие государственной поддержки отечественной культуры может негативно отразиться на духовном здоровье нации.

Многие страны сегодня формируют государственную политику в области культуры с целью сохранения своей культуры. Так, например, во Франции введена квота на показ зарубежных фильмов. В России в последние годы государство также начало поддерживать учреждения культуры за счет финансирования проектов, пропагандирующих отечественную культуру. Так, при постановке театром отечественной пьесы государство выделяет средства, в музеях финансируются экспозиции, освещающие историю и современность российской культуры.

К сожалению, эти рациональные экономические методы практически не применимы массово, поскольку шоу-бизнес является в большинстве своем частным, и прямые методы государственного регулирования для этих организаций неприемлемы. Но существуют косвенные методы регулирования экономической деятельности таких предприятий, которые сегодня еще слабо развиты.

Российский кинематограф сегодня представляет собой совокупность коммерческих структур, которые в какой-то степени регулируются государством, так как Федеральное агентство по делам культуры и кинематографии распоряжается бюджетом, направленным на поддержку отечественного кино. Фильмы, выпускаемые в последнее время

отечественным кинематографом, не могут сравняться с голливудскими фильмами по бюджетным вложениям, но вполне сравнимы по интересу российского зрителя.

Таким образом, использование прямых и косвенных экономических методов регулирования дает возможность формировать эффективную стратегию развития отечественной культуры, противостоять негативному воздействию процессов глобализации культуры.

Необходимо отметить, что процессы глобализации в культуре наряду с негативными факторами имеют и положительные последствия. Внедрение на российский рынок западных производителей продуктов и услуг социально-культурной направленности стимулирует отечественного производителя улучшать ассортимент и качество услуг, расширяет выбор этих услуг потребителем. Приобретение телевизионными каналами различных западных программ и их адаптация для российского зрителя также расширяет выбор зрителя. Кроме того, конкуренция с западными фирмами заставляет отечественных производителей более профессионально решать экономические задачи для представления на рынок конкурентоспособных товаров и услуг.

Таким образом, продуманная государственная экономическая политика в области культуры, финансовая поддержка отечественной культуры, а также усиление конкуренции на рынке производства социально-культурных услуг дадут возможность сохранить и развивать собственную культуру и участвовать в объективных мировых процессах глобализации культуры.

А. П. ФЕДОРОВ,

*доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП,
кандидат технических наук*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ РОССИЙСКОГО РАБОТНИКА КУЛЬТУРЫ

Правовой статус той или иной категории граждан характеризуется, безусловно, и уровнем их пенсионного обеспечения. В частности, не может быть высоким профессиональный статус работников такой категории, как артисты, если после ухода на пенсию уровень их жизни резко понижается.

Словосочетание «за выслугу лет» означает награждение за долголетнюю и беспорочную службу¹, а «выслуга» — синоним «за-

слуги»². И именно как награда в Российской империи рассматривался труд актеров Императорских театров.

Нормы о пенсионном обеспечении артистов императорских театров содержались в Уставе о пенсиях и единовременных пособиях 1842 года³ (далее — Устав). Они были сгруппированы в главе «О пенсиях по придворному

² Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. М., 1998.

³ См.: Свод законов Российской Империи. СПб., 1842. Т. 3. Ч. 3. Кн. 3.

¹ См.: Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2000.

ведомству» раздела «О пенсиях и пособиях по управлениям и ведомствам, имеющим особые положения» и предусматривали более льготные условия назначения пенсии по сравнению с пенсиями по общим гражданским ведомствам.

Действительно, для служащих по общим гражданским ведомствам право на полную пенсию приобреталось 35 годами выслуги, а для приобретения права на часть пенсии требовалась выслуга не менее 20 лет. При этом размер их пенсии устанавливался не в зависимости от жалования, а в соответствии с более низкими пенсионными окладами, приведенными в приложении («расписании») к Уставу. Однако если жалование было меньше пенсионного оклада, пенсия назначалась исходя из жалования (ст. 55, 61 Устава).

В то же время российским артистам императорских театров для приобретения права на максимальную пенсию требовалось всего 20 лет выслуги. В случае невозможности приобретения артистом необходимой выслуги вследствие старости, дряхлости, инвалидности или болезни, требуемый срок выслуги сокращался на пять лет. Если же вследствие увечья или потери здоровья не удавалось «выслужить» даже сокращенный стаж, пенсия могла быть назначена по особому ходатайству министра Императорского двора и высочайшему усмотрению императора. При полной выслуге лет пенсия назначалась в размере оклада жалования, получаемого артистом в течение последних трех лет службы. При неполной выслуге размер пенсии составлял $\frac{2}{3}$ жалования.

Пенсия назначалась при уходе в отставку. При новом поступлении на службу выплата пенсии прекращалась до новой отставки (ст. 290, 314 Устава).

В годы советской власти пенсия за выслугу лет стала трактоваться как пенсия, в основе которой лежит презумпция потери профессиональной трудоспособности, назначаемая при наличии определенного специального стажа независимо от возраста и фактического состояния трудоспособности⁴.

До 1950-х годов пенсионное обеспечение артистов осуществлялось на общих основаниях с работниками других профессий. Пенсии за выслугу лет для творческих работников первоначально были установлены для Большого театра СССР и ряда ведущих театров Москвы, Ленинграда, Киева, Государ-

ственного симфонического оркестра СССР и виднейших музыкальных коллективов⁵. На творческих работников других театров и театрально-зрелищных организаций пенсии за выслугу лет были распространены Законом СССР от 14 июля 1956 года «О государственных пенсиях»⁶ и Постановлением Совета Министров СССР от 28 декабря 1967 года № 1169 «Об объединении решений Правительства СССР о пенсиях за выслугу лет некоторым категориям артистов театров и других театрально-зрелищных предприятий и коллективов»⁷.

В соответствии с законодательством пенсии за выслугу лет назначались артистам определенных категорий (артистам балета, солистам-вокалистам и т. п.). Требуемая выслуга составляла 20, 25 или 30 лет и в ряде случаев исчислялась льготно. Пенсии назначались в тех же размерах, как и пенсии по старости, и исчислялись из среднемесячного заработка.

Пенсия выплачивалась при оставлении работы, с учетом которой она устанавливалась, и приостанавливалась при новом поступлении на указанную работу. При поступлении на иную работу пенсия выплачивалась в таком размере, чтобы вместе с заработком она не превышала заработка перед назначением пенсии.

Очередная новация в назначении пенсии за выслугу лет творческим работникам была введена Законом РФ от 20 ноября 1990 года № 341-1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации»⁸: теперь выплата пенсии производилась в полном размере при выполнении любой работы, помимо той, с учетом которой она устанавливалась (ст. 22, 87 указанного Закона).

В настоящее время пенсионное обеспечение артистов театров и иных театрально-зрелищных учреждений регулируется нормами подп. 1 п. 1. ст. 28 «Сохранение права на досрочное назначение трудовой пенсии отдельным категориям граждан» Федерального закона РФ от 17 декабря 2007 года № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»⁹ и Списком профессий и должностей работников театров и других театрально-зрелищных предприятий и коллективов, творческая работа в которых дает право на на-

⁵ См.: Астрахан Е. И. Указ. соч. С. 204–205 и др.

⁶ Ведомости ВС СССР. 1956. № 15. Ст. 313.

⁷ Собрание постановлений Правительства СССР. 1968. № 2. Ст. 6.

⁸ Ведомости съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 27. Ст. 351.

⁹ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4920.

⁴ См.: Астрахан Е. И. Развитие законодательства о пенсиях рабочим и служащим. М., 1971. С. 190; Советское пенсионное право: учеб. пособие / под ред. М. Л. Захарова. М., 1974. С. 245.

значение досрочной пенсии, утвержденным Постановлением Совета Министров РСФСР от 28 августа 1991 года № 447 «Об утверждении Списка профессий и должностей работников театров и других театрально-зрелищных предприятий и коллективов, творческая работа которых дает право на пенсию за выслугу лет»¹⁰.

Вместо пенсии за выслугу лет указанным лицам назначается досрочная трудовая пенсия по старости при наличии стажа на соответствующих видах работ (в данном случае — стажа творческой деятельности на сцене в государственных и муниципальных театрах или театрально-зрелищных организациях) 15, 20, 25 или 30 лет со снижением возраста до 50 или 55 лет либо независимо от возраста.

Для оценки размера пенсии определим коэффициент замещения пенсией заработка при ожидаемом периоде выплаты трудовой пенсии 228 мес. (ст. 14 Федерального закона № 173-ФЗ) и суммарной ставке обязательных отчислений на пенсионное страхование 20 % (ст. 22 Федерального закона от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»¹¹). Для этого воспользуемся методикой, применяемой при актуарных расчетах в пенсионном страховании¹². В этом случае коэффициент замещения составляет при требуемом стаже творческой деятельности: 15 лет (180 мес.) — $20\% \cdot (180/228) = 15,8\%$, 20 лет (240 мес.) — $20\% \cdot (240/229) = 21\%$;

25 лет (300 мес.) — $20\% \cdot (300/229) = 26,2\%$; 30 лет (360 мес.) — $20\% \cdot (360/229) = 41,4\%$.

Для лиц, часть трудовой деятельности которых осуществлялась до 1 января 2002 года, коэффициент замещения существенно ниже (в целом тем ниже, что больший период трудовой деятельности протекал до указанной даты).

Заметим, что коэффициент замещения заработка федеральных государственных служащих в соответствии со ст. 14 Федерального закона РФ от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»¹³ составляет при выслуге 15 лет — 45 % среднемесячного заработка, при выслуге 20 лет — 60 % среднемесячного заработка, а при выслуге 25 лет и более — 75 % среднемесячного заработка.

Очевидно, что для лиц, занятых творческой деятельностью на сцене, изменение пенсионного законодательства не ограничилось простой трансформацией пенсии за выслугу лет в досрочно назначаемую трудовую пенсию по старости. Последняя фактически стала не компенсацией утраты профессиональной трудоспособности, а доплатой к низкому заработку артиста.

Выход из создавшейся ситуации заключается в существенной корректировке осуществляющейся пенсионной реформы с целью обеспечения достойного уровня пенсии для творческих работников культуры и, в частности, творческих работников театров и иных театрально-зрелищных учреждений.

О. А. ЧЕРНОВА,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Тихоокеанского государственного университета, кандидат юридических наук (Хабаровск)

О РОЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И СТРАНАМИ АТР В АСПЕКТЕ ИНТЕГРАЦИИ В СИСТЕМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Развитие российской экономики невозможно без ее последовательной интеграции в систему международных экономических отношений. В Программе социально-экономического развития Российской Федерации на

среднесрочную перспективу (2005–2008 гг.) отмечается, что интеграция российского бизнеса в систему мирохозяйственных связей должна обеспечиваться благодаря решению следующих ключевых задач:

1) диверсификация рынков, отраслей и форм участия российского бизнеса в систему

¹⁰ Библиотечка «Российской газеты». 2004. № 9.

¹¹ СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4832.

¹² См.: Соловьев А. К. Актуарные расчеты в пенсионном страховании. М., 2005. С. 66.

¹³ СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4831.

международного разделения труда и кооперирования;

2) активизация притока прямых иностранных инвестиций в российскую экономику и расширение российских инвестиций за рубежом, если это способствует улучшению условий доступа на международные рынки;

3) использование механизмов регионального и многостороннего сотрудничества в торгово-экономической сфере.

Именно поэтому расширение взаимного и плодотворного межгосударственного сотрудничества является необходимым элементом развития национальной экономики, укрепления дружественных и взаимоприемлемых внешнеэкономических отношений, а также выступает одним из наиболее важных и первостепенных факторов, во многом способствующих участию государств в экономической, социально-культурной, научно-технической интеграции и играющих важную роль в создании общего рынка товаров, капиталов и рабочей силы.

В концепции приграничного сотрудничества Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 9 февраля 2001 года № 196-р, в качестве основополагающих задач приграничного сотрудничества в частности определены: развитие и укрепление хозяйственных, культурных и гуманитарных связей между приграничными территориями РФ и сопредельных государств; совместное решение экономических, транспортных, энергетических, коммунальных, экологических, социально-демографических, гуманитарных и других проблем приграничных территорий.

Существенное значение для поддержания приемлемых отношений между государствами по-прежнему имеет развитие торговли и инвестиционной деятельности, которое во многом способствует расширению взаимных связей в торгово-экономической области. На современном этапе стратегически важным для России является укрепление и расширение всестороннего сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (в особенности с Китаем, Японией, Индией, Вьетнамом, КНДР, Республикой Корея, Монголией), поиск баланса интересов и сотрудничества с Соединенными Штатами Америки.

Следует отметить, что в последнее время все большее развитие получают внешнеторговые отношения Российской Федерации со странами Северо-Восточной Азии и Тихоокеанского региона. Причем в качестве одного из перспективных направлений международного экономического сотрудничества со странами АТР следует выделить расширение

деловых контактов с международными экономическими организациями Азиатско-Тихоокеанского бассейна, основными среди которых являются: Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Совет по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС), Тихоокеанский экономический совет (ТЭС) и Ассоциация региональных администраций Северо-Восточной Азии (АРССВА). Сотрудничество с этими организациями во многом предопределяет уровень развития международных экономических отношений. Так, например, межгосударственное экономическое сотрудничество стран Тихоокеанского бассейна, представленное форумом АТЭС, предполагает либерализацию торговли и снятие ограничений на движение капитала для промышленно развитых и развивающихся стран всего Азиатско-Тихоокеанского региона. В то же время развитие многостороннего сотрудничества в сфере торговли во многом зависит от активности участия Российской Федерации в Совете по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству и Тихоокеанском экономическом совете. Ассоциация региональных администраций Северо-Восточной Азии призвана содействовать поиску новых форм в вопросах экономического сотрудничества, координации действий и снятию экономических противоречий, возникающих в ходе сотрудничества сопредельных территорий.

Особое внимание оказывается расширению сотрудничества в торгово-экономической сфере между регионами Дальнего Востока и Сибири России со странами АТР. Ведь в качестве национальных интересов России на Дальнем Востоке выделяют не только обеспечение государственного суверенитета, территориальной целостности и независимости страны, но и развитие внешнеэкономических связей России в целях подъема экономического потенциала Сибири и Дальнего Востока, создания ситуации привлекательности для жизни в этом регионе населения страны.

Намерения России и стран АТР плодотворно осуществлять и в дальнейшем развивать международное экономическое сотрудничество зафиксировано в следующих нормативных правовых документах международного характера:

а) между Россией и Японией (в Токийской декларации 1993 г., Московской декларации 1998 г., Торговом договоре 1957 г., Соглашении о сотрудничестве в области рыбного хозяйства 1985 г.);

б) между Россией и Китайской Народной Республикой (в Договоре о торговле и мореплавании 1958 г., Торговых соглашениях

ях 1986–1997 гг., Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г., Совместных декларациях 2002–2004 гг., 2006 г.);

в) между Россией и Корейской Народной Демократической Республикой (в Московской декларации 2001 г., Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве 2000 г., Соглашении об экономическом и техническом сотрудничестве 1997 г.);

г) между Россией и Республикой Вьетнам (в Декларации о содействии развитию торгово-экономического и научно-технического сотрудничества 1997 г., Договоре о торговле и мореплавании 1958 г., Соглашениях о развитии экономического и научно-технического сотрудничества 1978, 1991, 1997 гг.).

Особо следует выделить соглашения в области стандартизации, метрологии, сертификации и аккредитации, заключенные между Госстандартом Российской Федерации и Государственным бюро по техническому надзору Китайской Народной Республики (в 1994 г.), Министерством науки, технологии и окружающей среды Социалистической Республики Вьетнам (в 2001 г.).

Подчеркнем также, что в целях активизации внешнеэкономической деятельности в

Дальневосточном регионе, создания условий для его вхождения в систему мировых хозяйственных связей, дальнейшего развития внешней торговли проводится соответствующая государственная политика, в том числе и в регионах Российской Федерации. В частности, на федеральном уровне:

а) приняты законодательные акты, регламентирующие основы государственного регулирования внешнеторговой деятельности (Федеральный закон РФ от 8 декабря 2003 г.), порядок установления и развития субъектами Российской Федерации международных и внешнеэкономических связей (Федеральный закон РФ от 4 января 1999 г. «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации»);

б) утверждена концепция приграничного сотрудничества Российской Федерации, определяющая цели, принципы и приоритеты сотрудничества государств при решении вопросов устойчивого развития приграничных территорий;

в) установлены льготы участникам внешнеэкономической деятельности в соответствии с Федеральным законом от 13 мая 1995 года.

А. М. ЧЕРНЫЧКО,

*доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП,
кандидат юридических наук*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ ОБ ОХРАНЕ АВТОРСКИХ ПРАВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Авторское право — это гражданско-правовой институт, регулирующий имущественные и личные неимущественные отношения, связанные с созданием и использованием произведений литературы, науки и искусства. Основными принципами авторского права является свобода творчества, сочетание личных интересов автора и общественных интересов, возможность использования авторских произведений для удовлетворения личных потребностей других лиц, моральное и материальное стимулирование авторов, выраженное в признании за ними определенного комплекса личных неимущественных и имущественных прав и, конечно же, защита прав авторов.

Система авторского права, предусматривающая организованное приобретение и передачу прав, незаменима для средств массовой информации: газет, журналов, радио и

телевидения. Также данная система в определенном смысле регулирует и весь мир развлечений, так как стимулирует создание и распространение драматических, музыкальных и художественных произведений, регулярную их поставку театрам, киностудиям, теле- и радиовещанию. Кроме того, система авторского права стала распространяться на программное обеспечение компьютеров в области промышленной и коммерческой деятельности¹.

Вопрос об охране авторских прав возник еще в конце XIX века, когда 9 сентября 1886 года была издана *Бернская конвенция об охране литературных и художественных*

¹ См.: *Владимиров С. А. Некоторые проблемы издательского дела // Политическая культура России: история, современное состояние, тенденции, перспективы: сб. науч. ст. СПб., 2001. С. 46.*

произведений. Эта конвенция была дополнена в Париже 4 мая 1896 года, пересмотрена в Берлине 13 ноября 1908 года. Также она дополнялась в Берне 20 марта 1914 года и пересматривалась в Риме 2 июня 1928 года, в Брюсселе 26 июня 1948 года, в Стокгольме 14 июля 1967 года и в Париже 24 июля 1971 года, изменялась 2 октября 1979 года.

Бернская конвенция состоит из 38 статей и дополнительного раздела, в который входят специальные положения, относящиеся к развивающимся странам.

В Конвенции закреплено, что страны, к которым применяется настоящая конвенция, образуют Союз для охраны прав авторов на их литературные и художественные произведения.

В Женеве 6 сентября 1952 года была принята *Всемирная конвенция об авторском праве*, пересмотренная в Париже 24 июля 1971 года². Всемирная конвенция состоит из 21 статьи и трех дополнительных протоколов, касающихся применения данной Конвенции к произведениям лиц без гражданства и беженцев; к произведениям, издаваемым различными международными организациями; а также относительно условий ратификации, принятия или присоединения.

Договаривающиеся государства, воодушевленные желанием обеспечить во всех странах охрану авторского права на литературные, научные и художественные произведения, уверены в том, что режим охраны авторских прав, который пригоден для всех наций и выражен во Всемирной конвенции, являясь дополнением уже действующих международных систем охраны и не затрагивая их, способен обеспечить уважение прав личности и благоприятствовать развитию литературы, науки и искусства. Эти государства также убеждены в том, что такой универсальный режим охраны авторских прав облегчит распространение произведений духовного творчества и будет способствовать лучшему международному взаимопониманию.

В Женеве 29 октября 1971 года была принята *Конвенция об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм*. Государства-участники были озабочены все возрастающим распространением незаконного воспроизводства фонограмм и наносимым в результате этого ущербом интересам авторов, артистов-исполнителей и производителей фонограмм и убеждены в том, что охрана интересов производителей фонограмм от подобных актов

будет отвечать также интересам артистов-исполнителей и авторов, исполнение и произведения которых записаны на указанные фонограммы.

Данная Конвенция состоит из 13 статей, в которых определена цель Конвенции, обязанность охранять интересы производителей фонограмм, являющихся гражданами других государств-участников. За национальным законодательством каждого государства-участника сохраняется право определения срока действия предоставляемой охраны. Каждое государство-участник, которое обеспечивает охрану путем предоставления авторского права или другого особого права или путем применения уголовных санкций, может предусмотреть это в своем национальном законодательстве.

21 мая 1974 года была принята *Конвенция о распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники*. Договаривающиеся государства, сознавая, что использование спутников для распространения несущих программы сигналов быстро развивается как по своим масштабам, так и по географическому охвату, были озабочены отсутствием всемирной системы предотвращения распространения распространяющими органами несущих программы сигналов, передаваемых через спутники, которые не предназначались для этих распространяющих органов. Они также были обеспокоены тем, что это отсутствие, видимо, будет препятствовать использованию связи с помощью спутников. Признавая важность интересов авторов, артистов-исполнителей, производителей фонограмм и организаций вещания, договаривающиеся стороны были убеждены в том, что должна быть создана международная система, в соответствии с которой будут обеспечены меры предотвращения использования распространяющими органами несущих программы сигналов, передаваемых через спутники, которые не предназначались для этих распространяющих органов³.

Для того чтобы не нанести ущерба тем международным соглашениям, которые уже вступили в силу, включая Международную конвенцию электросвязи и прилагаемые к ней Конвенции, Регламенты радиосвязи и другие договоренности, ряд государств поставили определенные цели настоящей Конвенции. В ней даются определения, что такое сигнал, программа, спутник, излучаемый сигнал, вторичный сигнал, орган-источник, распространяющий орган и распространение.

² Международно-правовые документы по вопросам культуры. СПб., 1996. С. 209.

³ Международно-правовые документы по вопросам культуры. С. 235.

Конвенция включает 12 статей, которые не ограничивают и не наносят ущерба защите, предоставляемой авторам, артистам-исполнителям, производителям фонограмм или органам вещания в силу национального законодательства или международных соглашений.

Многосторонняя конвенция об избежании двойного налогообложения выплат авторского вознаграждения была принята 13 декабря 1979 года в Мадриде.

Договаривающиеся государства, принимая во внимание, что двойное налогообложение выплат авторского вознаграждения наносит ущерб интересам авторов и тем самым мешает делу распространения охраняемых авторским правом произведений, являющихся важным фактором развития культуры, науки и образования всех народов, считая, что уже полученные обнадеживающие результаты в деятельности, направленной против двойного налогообложения посредством двусторонних соглашений и внутренних мер, благоприятный эффект которых общепризнан, могут быть улучшены благодаря заключению многосторонней Конвенции, специально посвященной выплатам авторского вознаграждения, решили, что эти проблемы должны быть урегулированы в духе уважения законных интересов государств. В частности, должны быть учтены потребности тех людей, для которых возможно более широкий доступ к произведениям человеческого гения представляется важным условием их непрерывного развития в области культуры, науки и образования. Договаривающиеся государства стремились определить действенные меры, направленные, насколько это возможно, на избежание двойного налогообложения выплат авторского вознаграждения или, если это не удастся, на исключение либо на ослабление его эффекта.

Договор ВОИС по авторскому праву был принят в Женеве 20 декабря 1996 года.

Договаривающиеся стороны, желая наиболее эффективно и единообразно совершенствовать и поддерживать охрану прав авторов на их литературные и художественные произведения, признали необходимость введения новых международных правил и более четкого толкования некоторых существующих правил в целях обеспечения адекватных решений вопросов, возникающих в связи с экономическим, социальным, культурным и техническим развитием. Они приняли во внимание глубокое влияние развития и сближения информационных и коммуникационных технологий на создание и использование литературных и художественных произведений, подчеркнули огромную важность авторско-правовой охраны как стимула для литературного и художественного творчества и признали необходимость сохранения баланса прав авторов и интересов широкой публики, в частности, в области образования, научных исследований и доступа к информации, как это отражено в Бернской конвенции.

20 декабря 1996 года в Женеве был принят *Договор ВОИС по исполнению и фонограммам*. Договаривающиеся стороны, желая наиболее эффективно и единообразно совершенствовать и поддерживать охрану прав исполнителей и производителей фонограмм, признали: необходимость введения новых международных правил в целях обеспечения адекватных решений вопросов, возникающих в связи с экономическим, социальным, культурным и техническим развитием; глубокое влияние развития и сближения информационных и коммуникационных технологий на производство и использование исполнений и фонограмм; необходимость сохранения баланса прав исполнителей и производителей фонограмм и интересов широкой публики, в частности, в области образования, научных исследований и доступа к информации.

В. П. ЭСАУЛОВ,

профессор кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В ВОСПИТАНИИ ЗАКОНОПОСЛУШНОГО НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА

На современном этапе мировой практики проявилась тенденция увеличения налоговой платежности, которая перемещается с промышленных предприятий на отрасли сервиса и обслуживания как по количеству занятых,

так и по доле национального дохода. Данное обстоятельство напрямую связано со структурой экономики Санкт-Петербурга, где активно развивается система сервисного обслуживания, а также рынок туристических услуг.

Налоги сегодня — один из главных инструментов государства в осуществлении экономической и социальной политики, и решение этих задач напрямую зависит от объемов поступления налогов.

Прогнозирование налоговых поступлений — достаточно сложная и ответственная работа, требующая глубоких познаний, происходящих в национальном и региональном хозяйствах социально-экономических процессов, развития их тенденций, знаний налогового и иного законодательства, освоения методологии прогнозирования, в том числе с помощью автоматизированных систем управления.

Помимо исследований и прогнозирования необходимо вести разъяснительную работу с налогоплательщиками. Профилактика налоговых нарушений и преступлений — это система экономических, организационных, технических, правовых и воспитательных мер, направленных на соблюдение юридическими и физическими лицами налогового законодательства. Поэтому основной задачей по предупреждению налоговой преступности станет профилактическое воздействие на динамику и структуру, причины и условия, способствующие совершению налоговых нарушений и преступлений, — так называемая социальная профилактика. Борьба с теневым бизнесом должна носить общегосударственный характер.

Основополагающей идеей в воспитании законопослушного налогоплательщика должно стать разъяснение населению, что налогообложение — это основной источник доходной части бюджетов всех уровней, что это выгодно для всех вложение денег в экономику своей страны, так как собранные средства вернутся к налогоплательщику в виде конкретных социальных благ и гарантий. Исходя из этого подлежит активизации работа по четырем основным направлениям: информационному, образовательному, пропагандистскому и рекламному.

Законопослушания со стороны налогоплательщика можно добиться лишь тогда, когда изменится отношение к уплате налогов в обществе. Перефразируя известные слова, можно сказать, что законодательными налогоплательщиками не рождаются — ими становятся. Становление это, естественно, не обходится без соответствующего образования. Одним из самых интересных и перспективных направлений в работе по воспитанию законопослушного налогоплательщика является работа со школьниками и студентами.

О важности обучения студентов свидетельствует анкетирование студентов СПбГУП на

тему «Ваше отношение к налогам». Данный опрос проводился среди студентов факультета культуры и экономического факультета II и III курсов. Это было сделано для выявления степени трансформации взглядов студентов III курса, которые прослушали лекции по дисциплине «Налоговая система», и студентов II курса, которые еще не изучали действующее налоговое законодательство.

Результаты анкетирования показали:

— 84,2 % студентов II курса факультета культуры и 100 % студентов того же курса экономического факультета считают, что знание налогового законодательства им пригодится в жизни. Студенты III курса указанных факультетов все как один полагают, что знание налогового законодательства будет востребовано жизнью;

— связывают свою дальнейшую профессиональную деятельность с использованием знаний по налоговому законодательству: студенты факультета культуры II курса — 47,3 % и III курса — 56,4 %; экономического факультета II курса — 78,3 % и III курса — 94 %.

Таким образом, просматривается взаимосвязь между уровнем информированности студентов по основам налогообложения и выбором профессии.

По мнению студентов, налоги являются платой за жизнь в цивилизованном обществе: на факультете культуры так считают от 61,4 % на II до 76 % на III курсе; на экономическом факультете — от 57 % на II до 84 % на III курсе.

Наиболее разительные изменения наблюдаются в обсуждении вопросов, связанных с налогами, с друзьями и в семье соответственно: 24,5 % и 42,1 % — у студентов II курса факультета культуры и до 42 % и 74,1 % — на III курсе; у студентов II курса экономического факультета соответственно — 43 % и 60 %, III курса — 55 % и 74 %. При этом подавляющее большинство студентов (от 78 % до 92 %) знают, что финансирование бюджетных организаций происходит за счет собранных налогов.

Большинство опрошенных отмечают, что в России сложная система налогообложения: от 56,1 до 70,1 % — у студентов II и III курсов факультета культуры и от 51,3 до 87 % — у студентов аналогичных курсов экономического факультета. При этом ответственность за неуплату налогов полагают достаточно жесткой меньшее количество студентов — 50,8 %. В связи с этим 56,1 и 57 % студентов-второкурсников факультетов культуры и экономического, 57 и 8 % соответственно студентов-третьекурсников считают возможным

уклонение от уплаты налогов; 47,4 и 70,3 % — считают не обязательным составление декларации предпринимателями, лицами, владеющими имуществом, и гражданами, работающими по найму.

Между тем среди студентов III курса, прослушавших курс основ налогового законодательства, количество допускающих в дальнейшей трудовой деятельности возможность уклонения от уплаты налогов заметно меньше: 37 % — на факультете культуры и 48 % — на экономическом факультете.

Подводя итоги анкетирования, можно сделать вывод: большинство опрошенных думают, что знание налогового законодательства им необходимо; многие связывают свою профессиональную деятельность с уплатой налогов. Отмечается, что российская налоговая система не проста, и при сложившейся системе ответственности за нарушение налогового законодательства около половины опрошен-

ных считают возможным уклонение от уплаты налогов. Подавляющее большинство анкетированных полагают, что им в дальнейшем потребуются, наряду со знаниями налогообложения, знания в других областях права. Поэтому образовательная деятельность по воспитанию законопослушного налогоплательщика среди учащейся молодежи должна решать следующие основные задачи:

— развивать у молодежи правовую культуру и прежде всего давать знания по основам налогообложения, позволяющие им ориентироваться в системе налогообложения в России;

— прививать обучаемым чувство патриотизма, гражданской ответственности за выполнение одной из основных своих обязанностей перед государством — своевременной и полной уплаты налогов;

— создавать раннюю профессиональную ориентацию молодежи.

Секция 4

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО: МЕЖДУ НАСИЛИЕМ И ГУМАНИЗМОМ

Круглый стол

КУЛЬТУРНЫЕ КОНСТРУКТЫ КОММУНИКАЦИИ

25 мая 2007 года

Дискуссию вел

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ заместитель главного редактора журнала «Человек»

Участники:

- Г. В. ИВАНЧЕНКО** член редколлегии журнала «Человек», профессор кафедры общей социологии Государственного университета — Высшей школы экономики, доктор философских наук
- И. А. ПАВЛИХИН** доцент кафедры журналистики СПбГУП, кандидат исторических наук
- О. О. САВЕЛЬЕВА** доцент кафедры теории и истории социологии Московского государственного педагогического университета, доктор социологии
- И. Б. ЧУБАЙС** директор Центра по изучению России, декан факультета социологии и россиеведения Института социальных наук, доктор философских наук
- Г. З. ЮШКЯВИЧЮС** советник Генерального директора ЮНЕСКО, вице-президент Евразийской академии телевидения и радио

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ

— В диалоге культур культурная коммуникация как перманентный процесс диалога играет важнейшую роль. На первый взгляд может показаться, что подобная коммуникация представляет собой обмен информацией между участниками диалога по интересующим их вопросам или попытку навязать другой стороне свою точку зрения. Но эти процессы, так сказать, лежат на поверхности. На самом деле выбор тем и способ диалога далеко не произвольны, а имеют устойчивые конфигурации, которые корреспондируют с определенными социальными

институтами. Наиболее мощный из них — СМИ. Среди важнейших — различные идеологические практики, знаково-семиотические системы. В этой связи предлагается обсудить следующие темы:

- Человек и культура — информационный подход;
- Символика и коды культурной коммуникации;
- Коммуникативное пространство как атлас идентичностей;
- Влияние рекламы на различные социально-демографические группы;
- Культурные «герои» рекламы и реклама как антикультура.

О. О. САВЕЛЬЕВА

— Реклама выступает важнейшим каналом культурной коммуникации. Мой доклад условно может быть назван «Реклама как сегмент культуры». Прежде чем говорить об идеологическом влиянии рекламы, о том, как реагирует на нее население и что сегодня в России это, по крайней мере, потенциальная зона социального конфликта, хотелось бы дать некоторое представление: что есть сегодня российская реклама и что такое зарубежная реклама.

В 2006 году наш рекламный рынок составлял 6,5 млрд долларов. Естественно, основная доля рекламных расходов приходится на телевидение. Названная сумма — это не все рекламные расходы, а так называемые АТЛ-коммуникации, то есть то, что на Западе принято называть собственно рекламой — «эдвертайзинг»: классические виды рекламы в прессе, реклама наружная и в кинотеатрах. Но есть еще масса рекламных мероприятий — всевозможные семплинги, продакт-плейсменты и так далее — это так называемые ВТЛ-коммуникации. Если суммировать все, то российский рекламный рынок составляет около 8 млрд долларов. В мировом рейтинге мы занимаем примерно 3-е место от конца. На душу населения рекламные расходы у нас самые маленькие. Возникает вопрос: почему? Ответ очевиден: потому что реклама — это прагматическая коммуникация, и она приходит только туда, где ей есть что делать. Жизненный уровень значительной части российского населения таков, что она по определению не является рекламной аудиторией. Такие люди вообще не могут приобрести рекламируемый товар. Иногда рекламисты говорят: «Ну, хоть бульонный-то кубик они могут купить». Теоретически да, но при покупке этого кубика они не будут реагировать на рекламные аргументы, для них единственный аргумент — где дешевле.

А вот по доле рекламного рынка в ВВП мы в принципе не отличаемся от других стран, то есть еще раз подтверждается: какая экономика, таков и объем рекламы.

Рекламный рынок, как я уже говорила, определяется в первую очередь доходами населения. Вместе с тем основная доля рекламы сосредоточена на телевидении. А телевизор смотрят в основном бедные и больные, те, у кого нет других форм проведения досуга. (Чем успешнее человек, чем он благополучнее, тем меньше он смотрит телевизор.) Итак, эти группы не являются аудиторией рекламы, но именно на них обрушивается ее основной поток. А теперь посмотрите, что

будет происходить, когда день за днем человеку говорят, какая хорошая, красивая машина «форд». Конечно, реклама несет важную социальную функцию, она показывает человеку новые возможности, при этом реклама должна давать внятные представления о тех социально одобряемых путях, коими можно реализовать эти возможности. А когда одно не сопровождается другим, то это создает потенциальную базу социального конфликта.

Думаю, что Россия — одна из немногих стран мира, где реклама — это серьезный источник социального конфликта, и создаваемый ею заряд напряженности может когда-нибудь вызвать вспышку.

Однако почему все же рекламируют и форды, и кубики? Прежде всего, это дешево. Только на Украине и в Польше стоимость тысячи коммуникационных контактов с аудиторией дешевле, чем у нас. Реклама на телевидении выгодна, это небольшие затраты по среднеевропейским меркам. Почему я говорю про общеевропейский уровень? В связи с этим стоит вспомнить наших основных телевизионных рекламодателей. К примеру, МТС можно считать отечественной компанией; «Вимм-Билль-Данн» (5-е место на рекламном рынке) — это стопроцентно российская компания, хотя название у нее странное. А все остальное — это крупные зарубежные производители, транснациональные структуры, а они, как всякие крупные организации, сильно бюрократизированы. Сидит где-нибудь в Праге дирекция по Восточной Европе, у нее четкие инструкции: на телевидение положено столько-то процентов стоимости рекламного продукта, поскольку ранее это было доказано исследованиями. На мой взгляд, этот рекламный поток достаточно бессмыслен, не находит своей аудитории, а вот большие социальные проблемы он порождает.

— В Ваших построениях учитывается социальная реклама? (*вопрос из зала*)

— Речь идет о той рекламе, в которой доля социальной рекламы невелика.

Теперь о другом аспекте — реклама и СМИ. Финансово независимых СМИ не бывает. Независимые существуют за счет продажи тиража или благодаря доходам от рекламы, в среднем их соотношение 50 на 50. Я предложила следующую формулу, на мой взгляд, правильно выражающую смысл современных СМИ: *это бизнес-предприятие, которое создано для получения прибыли (если это действительно независимое СМИ), и ни для*

каких других целей. Все остальное от лукавого. И продает СМИ не свое содержание нам, СМИ продает нас рекламодателям. Вся культура СМИ — это коммерческая культура: привлечь рекламодателя. И не перед нами (обществом) СМИ несут ответственность, а перед своими рекламодателями, с которыми заключен договор, взаимные обязательства и т. д. А самое главное — рекламодателю нужны не все читатели (зрители), ему нужна платежеспособная аудитория, то есть та, которая может реагировать на рекламные стимулы. Сейчас наиболее привлекательной группой считаются так называемые «молодые взрослые», люди от 25 до 40 лет — активные, хорошо зарабатывающие, нацеленные на потребление. Поэтому кинофильмы для пенсионеров всегда будут показывать ранним утром, поэтому все время будут кочевать по сетке вещания «Спокойной ночи, малыши». Ну а контент — какой контент?

Другое сопутствующее рекламе явление — «игроизация» взрослого населения. Чем занимаются сегодня многие успешные, состоявшиеся люди? Играют во взрослые игры, причем с экстремальным уклоном (пейнтбол и т. д.). «Игроизация», с одной стороны, ориентация на гламур — с другой, — все это желание подтвердить, что ты придерживаешься стиля жизни, который олицетворяет успех. Рекреация, досуг и демонстративное потребление — эти характеристики Т. Веблен еще в начале XX века относил к «праздному классу». Нынешний средний класс не праздный, но константы мало изменились.

Теперь я хотела бы показать и прокомментировать несколько рекламных роликов — от первого, созданного в 1898 году, до современных. Цель этой демонстрации — показать: какие бы претензии мы ни предъявляли к рекламе, это неотъемлемая часть культуры, по крайней мере массовой. У нас несколько пренебрежительное отношение к последней. По моему глубокому убеждению, массовая культура — это народная культура современной эпохи. Раньше, во всяком случае до второй половины XIX века, народ сам себя развлекал (песни сочинял, танцы придумывал — то, что называется фольклором), поскольку не было средств тиражирования культурных продуктов, не было каналов коммуникации. (Строго говоря, во все времена массовой культурой была культура церковная, она была рассчитана на всех, всем понятна, обращалась к эмоциональным первоосновам, первичным потребностям человека.) Сегодня в обозначенных областях произошли революционные изменения. Для приобщения

к массовой культуре не нужны ресурсы образованности и финансовые средства выше средних по стране. На базе производства народного «искусства» стала активно формироваться культура потребления культурных продуктов, удовлетворяющих основополагающие потребности человека. То есть массовая культура — это народная культура потребления, которая делается профессионалами для потребления народом. Когда мы говорим «чтиво», «оглушение» мы, скорее, демонстрируем собственный уровень понимания проблемы массовой культуры, чем действительно то, что она есть на самом деле. Чарли Чаплин, Эдит Пиаф — это стопроцентно массовая культура. Разве это плохо? Кстати, самые высокие рейтинги за последние годы были у фильмов «Остров», «Мастер и Маргарита», «Идиот», просмотр которых требует серьезных интеллектуальных и эмоциональных усилий.

— Вы говорите: «Реклама — часть культуры». Но, может быть, это часть *антикультуры*? Еще З. Фрейд показал, что у человека два основополагающих инстинкта — Эрос и Танатос. Значит, все эти стрелялки, кровь, секс, эротика всегда будут привлекать людей. Реклама, которая на этом строится, собирает большую аудиторию, большая аудитория дает большое количество покупателей, и получается, что мы запускаем механизм саморазрушения. (*вопрос из зала*)

— Вопрос в том, как подходить к культуре. В культурологии и социологии есть две концепции на сей счет: антропологическая и аксеологическая. Согласно первой, все, что не природа, то культура. Не всегда, правда, завоевания человечества приносили ему счастье, но все, что создано на протяжении выхода из природы, отделения из природы, — культурные проявления. Фашизм — тоже культура (тоталитарная). Если рассматривать с этой точки зрения, то вопрос вообще теряет смысл. Если мы стоим на аксеологической позиции, то к культуре относится главным образом то, что сохраняет человеческие ценности, способность к совместной жизнедеятельности людей. А антикультура — то, что вносит деструктивные элементы в социальную жизнь, угрожает социальному порядку. Но здесь не все так просто, потому что человеческое сообщество эволюционирует, и необходимое условие прогресса — культурные инновации. Несколько примеров из истории искусства: первоначально импрессионистов считали сумасшедшими, а их творче-

ство — несовместимым с салонным искусством. Роман Э. Золя «Земля» долго считался порнографическим... В «контркультуре» взрывают какие-то идеи, которые (хотя и далеко не все) оказываются востребованными.

Я бы несколько скорректировала вопрос. Сегодня есть проблемы с хорошей рекламой, той, которую рекламисты называют креативной. В клипах призеров рекламного фестиваля «Каннские львы», помимо множества творческих удач, присутствует и социальная ответственность. Приведу пример. В издательство «Арлекин», которое терпело убытки, пришел новый топ-менеджер из компании «Проктер энд Гембл». Он сформулировал новую стратегию: «Никакого своеобразия, никаких сложных поворотов сюжета, никаких героев с неоднозначностью. Любой человек, покупая товар, точно должен знать, что он хочет». Если бы на рекламных фестивалях давали призы за эффективность воздействия на аудиторию, масштабы продаж, то компания «Проктер энд Гембл» была бы вне конкуренции. Помните ее рекламу? Никакого креатива, четкая нацеленность на аудиторию: пятно выводится, блузка стирается, носочки белые — все. Другой вопрос, что такая реклама раздражает, хотя, в общем, ничего плохого в ней нет.

Кстати, если разобраться, львиная доля рекламы имеет социальную составляющую. Дети чистые, старички ухоженные, квартиры в хорошем состоянии — вот вам, пожалуйста, культура быта в чистом виде. Кто-то из рекламистов назвал ее «рекламная прививка хорошей жизни». Проблемы возникают, когда этих прививок слишком много — можно заболеть.

— Да, реклама есть продукт. Но в каждом сегменте культуры продукт имеет своего носителя — театр, консерваторию, галерею и т. д. У рекламы нет своего носителя. Она «продает» себя «носителям», прежде всего СМИ. *(вопрос из зала)*

— Пожалуй, СМИ паразитируют на рекламе.

— Может быть, надо дать человеку возможность выбора: хочу — смотрю, не хочу — не смотрю. Другими словами, увеличить число каналов и программ, где отсутствовала бы реклама? *(вопрос из зала)*

— Проблема крайне непростая. Во-первых, я не устаю повторять: вопрос этики рекламы — это вопрос рекламного канала. Когда

вы полуголую красотку в «мерседесе» с двумя неграми показываете в каком-нибудь «Плейбое», — имеете право. Когда нечто подобное появляется в эфире общероссийского канала, надо ставить вопрос о служебном соответствии руководителей. Во-вторых, Ваша идея очень близка к воплощению, поскольку сейчас меняется техническая база телевидения (телевидение высокой частоты). Возможна, например, отсрочка начала передач по вашему желанию; в перспективе человек сам сможет формировать телепрограмму. Рекламе, конечно, места там не будет, если не найдутся какие-то технические средства. Но в первую очередь опечален будет не рекламодатель, а телевидение, поскольку сегодня и в обозримой перспективе жить за счет абонентской платы оно не в состоянии. Насколько я помню, каждая английская семья вносит 200 фунтов в год на содержание Би-би-си.

Наконец, не будем забывать, что многие отрасли экономики существуют не без помощи рекламы. Бананы в нашей отнюдь не южной стране достаточно доступны. Между тем, что нужно для доставки их на отечественный рынок? Посадить, вырастить, собрать в Южной Америке, довести до порта, погрузить на корабль, привезти куда-нибудь в Одессу, несколько раз выгрузить и разгрузить, сохранить и наконец продать по 1 евро за килограмм. Обеспечить дешевизну продукта можно только при массовом производстве. Но массовое производство имеет смысл только тогда, когда есть массовый сбыт. Реклама — это гарантия массового сбыта. Если бы ее не было, скорее всего, все стоило бы дороже, потому что не удалось бы «дорастить» спрос до массовых масштабов.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ

— Есть ли гендерная специфика рекламы?

О. О. САВЕЛЬЕВА

— В 1950-е годы американский социолог А. Гофман впервые занялся рекламной гендеристикой. Анализируя рекламные фотографии, он попытался понять: закрепляет ли реклама традиционные гендерные стереотипы (мужчина большой и сильный, женщина миниатюрна и слаба, мужчина — лидер, женщина ведомая и т. д.) или есть новые веяния? Результат был однозначный: реклама закрепляет сложившиеся гендерные стереотипы. С тех пор ситуация изменилась незначительно. Хотя образ женщины стал более агрессивным, в основном реклама отражает сложившиеся гендерные стереотипы. И вообще

реклама — на редкость стереотипизированное поле. Почему? Потому, что реклама не ребус, не произведение искусства, рекламный продукт должен действовать массово и однозначно. Если человек не понимает рекламу, он не проявляет к ней интереса и просто переворачивает страницу.

Г. В. ИВАНЧЕНКО

— Свое выступление я озаглавлю так: «Трансформация коммуникативных кадров в информационном обществе». Сегодня много говорилось о телевидении и массовой культуре. Хочу в этой связи привести следующие слова: «Люди, которые читают книги, всегда будут управлять теми, кто смотрит телевизор». Это высказывание уже даже потеряло автора и звучит как народная мудрость. Но втолковывать это тем, кто даже в юные годы предпочитает смотреть телевизор, практически невозможно. Здесь мы сталкиваемся даже не с проблемой уплощения духа, о которой говорила Ольга Олеговна. Действительно, у человека, который «балансирует» на уровне прожиточного минимума, практически нет выбора между досуговыми занятиями. Слава богу, если у таких людей остался старенький телевизор, который семья смотрит на протяжении тридцати лет. Дело еще вот в чем. Согласно исследованиям человеческого потенциала, проводимым под эгидой ЮНЕСКО, наметились тревожные тенденции в области образования, связанные с физическим и психическим здоровьем населения. Требовать от людей постоянных усилий по самообразованию, призывать их к тому, чтобы они, так сказать, за волосы вытаскивали себя из трясины полуголодного существования, мягко говоря, неэтично. Но сама жизнь время от времени дает какие-то шансы, по крайней мере тем, кто предпринимает такие усилия.

Казалось бы, в верхах общества, у элиты такого вопроса не должно быть. Но вспомним, что именно в Великобритании и Швейцарии будущая элита воспитывается в закрытых частных школах, где предъявляются серьезные требования к человеку. Являешься ли ты принцем Чарльзом или наследником какого-нибудь нефтяного магната — тебя все равно заставят быть дисциплинированным или отчислят из школы. У нас совсем иная ситуация. Разгул безнравственности на телевидении отчасти объясняется тем, что коммуникация, действительно, осуществляется посредством массового языка, который масса и элита одинаково хорошо понимают. Это разговор людей, которые не желают прила-

гать какие-то усилия к тому, чтобы придать и досугу, и труду смысл сверх обыкновенного: труд должен быть необременительным, досуг должен быть необременительным, общение должно быть необременительным.

Отчасти объяснение этому дает теория дифференциальной антропологии Д. А. Леонтьева, который заметил, что представители «хомо сапиенс» иногда кажутся принадлежащими к разным видам живых существ. Но здесь нет никакой наследственной заданности или эта заданность весьма невелика. Разнообразие человеческой популяции в отдельной взятой стране — всегда результат личных усилий, каждодневного выбора человека. Опять же трудно бросить камень в тех, кто этого не делает. Я думаю, что нет человека (за исключением святых и подвижников), который всякий раз принимает решение в пользу напряжения, сверхусилия, самоактивизации и т. д. Это не может быть массовым процессом.

Почему же большая часть культурных практик — это практики расслабления, получения удовольствия от того, что в прежние времена считалось трудом, а не игрой. Возьмем в качестве примера отношение к произведениям литературы школьной программы. Для учителя словесности весьма странным был тезис, что школьник может получать удовольствие, допустим, от чтения романов Достоевского или «Евгения Онегина» Пушкина. Когда такое случается, коммуницировать учителю по поводу этих произведений, даже если он очень расположен к ученику, весьма сложно, поскольку это совершенно иной психологический уровень, не предусмотренный правилами педагогического процесса. Ребенок должен читать учебник, а уже потом, как «дополнение», само произведение. Наслаждение при этом не предусматривается. «Раскладывание по полочкам» многократно усиливается с помощью новейших технологий, прежде всего путем визуализации в значительной степени учебников, других элементов обучения не только в школе, детском саду, но и в вузе. Соответственно, нормой «политкорректности» считается установка не обидеть, упаси господи, тех, для кого обычный печатный текст — это предел сложности, для кого даже Пушкин слишком сложен. В результате появляются целые серии: «Фрейд в комиксах», «Гегель для дилетантов» и т. д.

В связи с этим хочу напомнить работу Вальтера Беньямина «Произведения искусства в эпоху технической воспроизводимости», опубликованную 70 лет назад. В нашу

эпоху, пишет он, происходит переход от чтения сосредоточенного, требующего высокого, фиксированного уровня компетентности и концентрации, к другому модусу, к тому, что раньше описывалось под знаками плебейства, незрелости, вырождения. Бенъямин сравнивает это с восприятием кинофильма (телевидения тогда еще не было) — рассеянное восприятие, развертывающееся в бессознательно освоенном пространстве. Вместе с тем Бенъямин находил некую полезность и ценность рассеянного типа чтения в том, что в ситуациях революционного сдвига, резкой смены массовых практик срабатывает вот такой механизм адаптации. Если раньше большинство людей могли что-то делать только в ситуации предельного напряжения сил, постоянного удержания усилий, то теперь возникает другая ситуация. Человек, решая новые задачи, обнаруживает, что это можно делать в таком несобранном, рассеянном состоянии. Другими словами, культура в каких-то формах, какими-то способами эти задачи уже освоила.

С последним тезисом, конечно, можно поспорить, поскольку нередко вообще никаких задач или, по крайней мере, нетривиальных задач в этом рассеянном состоянии не решается, но во всяком случае, мне кажется, что в этих маргинальных формах массовой культуры наряду с тревожными, может, даже где-то апокалиптическими тенденциями существуют и ростки нового.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ

— А как же пушкинское «Тьмы низких истин мне дороже Нас возвышающий обман»?

Г. В. ИВАНЧЕНКО

— Я бы эти слова поставила эпиграфом к книге американского психолога Роберта Эммонса «О психологии устремлений», обобщающей многолетние исследования духовных устремлений. Для того чтобы существовать как эффективный потребитель, человек должен выбирать стремления относительно низкого уровня. Стремления высокого уровня — те, что развивают нашу личность, допустим, духовное стремление сделать счастливым как можно больше людей, совершенствоваться в профессии, знать как можно больше или принцип (при всей его непрактичности) никогда не лгать. Установка бороться с лишним весом или стараться с раннего утра и до позднего вечера выглядеть привлекательным — это стремления несколько более низ-

кого уровня, поскольку глубинных структур личности не затрагивают. Сегодня практически вся культура, стандарты образа жизни способствуют тому, что у нас все меньше времени остается на духовные, собственно высокие стремления. Большая часть дел человека, живущего в крупном городе, так или иначе вовлеченного в различные бытовые практики (уход за собой, погоня за информацией с целью быть, как и коллеги, «в курсе», и т. д.), почти не оставляет времени на думы о «высоком».

О. О. САВЕЛЬЕВА

— Не стоит столь пессимистично смотреть на наших современников. Мне кажется, сегодня не меньше людей думает о выборе, о смысле жизни, чем это было в XIX веке. Тогда, как и сейчас, их было совсем немного, это очень тонкий слой. А в основном люди мыслят практически.

Возвращаясь к повседневной массовой культуре, хочу подчеркнуть: она отнюдь не означает деградацию — напротив, массовая культура свидетельствует о демократизации общества, она невозможна без роста грамотности. С чего началась массовая культура? С освоения высокого искусства широкими слоями населения. Даже можно назвать даты рождения массовой культуры. Одна из них — введение в конце XIX века в Англии закона о всеобщей обязательной начальной грамотности. Это, в частности, привело к овладению жанром романа, который был раньше принадлежностью дворянской элитарной культуры.

И. А. ПАВЛИХИН

— Продуктивнее говорить не об объектах культуры, а о ее субъектах. Может быть, сокращение числа субъектов культуры и ведет к тому, что сейчас мы имеем?

О. О. САВЕЛЬЕВА

— Я полагаю, этим вы отделяете от культуры значительную часть населения.

И. Б. ЧУБАЙС

— О проблеме выбора. По-видимому, если для человека сокращаются горизонты выбора и он все чаще действует по стереотипу, автоматически, то сама проблема от этого не устраняется. Коль в массе своей мы делаем неправильный выбор, то рано или поздно за это придется расплачиваться. А к вопросу массовой культуры можно и нужно подойти

с другой стороны. Конечно, возможны разумные трактовки массовой культуры, но часто не учитывается само понятие «массы»

Народная культура и массовая культура — это не одно и то же. Массовая культура — явление относительно новое, она возникает тогда, когда значительная часть общества включена в капиталистическое разделение труда. Я делаю только часть изделия, кто-то другой делает следующую часть... И оказывается, что я незримо связан с огромным количеством людей. Я их не знаю, но от них зависю, а они от меня. Возникает фрагментарный, частичный человек. Массовую культуру можно представить как нескончаемую игру в мозаику, каждый из фрагментов которой по отдельности не имеет смысла. Так и отдельный человек в массовом обществе никто, и только соединяясь с другими, он начинает что-то собой представлять. Массовая культура возникает тогда же, когда и массовая коммуникация и средства массового уничтожения, то есть когда предметом воздействия становится масса. Если бы телевизор изобрели в XV веке, то он не был бы востребован, потому что жителю Гаскони не важно, что происходит в Азии. Как только возникает масса, появляется и новый тип коммуникации. А народная культура — это совсем другое, потому что народное искусство и фольклор, те же сказки Пушкина, можно читать всю жизнь, и всякий раз находишь в них что-то новое.

О. О. САВЕЛЬЕВА

— Сказки «О рыбаке и рыбке», «О царе Салтане» написаны великим русским поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным, и это артефакт *элитарной* культуры.

И. Б. ЧУБАЙС

— В основе русская сказка, Пушкин не выдумал ее.

О. О. САВЕЛЬЕВА

— Если быть совсем точным, то это не русская сказка, а восточная. Однако интересно другое. Если следовать Вашей логике, то сегодня Вы отказываете в праве использовать слово «народ»; есть масса и нет народа. Другими словами, Вы подразумеваете, что народ исчез с теми людьми, которые водили хороший луг и нам завещали то же самое. Сегодня подобного народа практически нет, все связано с разделением труда, то есть все масса, и в принципе это правильно.

— Когда украинцы вышли на майдан и устроили «оранжевую» революцию — это был народ, это акт формирования национального сознания нации. (*вопрос из зала*)

— А может быть, это была масса? Ведь так и говорят — народная масса.

— А может, и сейчас существует и народная, и массовая культура? Массовая культура — это в основном культура потребления, а народная культура включает еще и элементы производства. (*вопрос из зала*)

И. Б. ЧУБАЙС

— Народная культура, особенно народное искусство, — это никак не культура потребления, это культура производства народа. Возьмите фольклор, песни городских окраин. Раньше они не были легализованы, а сейчас появились специальные теле- и радиопрограммы. К примеру, программа «В нашу гавань заходили корабли».

О. О. САВЕЛЬЕВА

— Мне кажется, обсуждаемое противоречие мнимое. Сейчас появилось крупномасштабное производство продуктов для народного культуропотребления, которого еще сто лет назад не было. Массовая культура — это и есть производство продуктов для народного культуропотребления. И еще не надо путать разные явления. В каждой культуре, и элитарной и повседневной, есть первый сорт, второй сорт, есть вещи вообще за гранью критики. «Унесенные ветром» — это высочайший образец культуры общества массового потребления.

И. А. ПАВЛИХИН

— Мы опять уперлись в вопрос — кто принимает решение, что транслировать на массовую аудиторию? Это определяет элита, и здесь играют роль не только деньги. Один из телевизионных деятелей мне как-то сказал: «Почему в начале 1990-х годов на телевидение выливалась такая «помойка» — кто с кем живет и т. д.? Потому что элите это интересно». Разруха, как известно, в головах.

Г. З. ЮШКЯВИЧЮС

— В Канаде общественное телевидение — это именно общественное телевидение, существующее на бюджетные деньги. Телевидение и радио как на английском, так и на русском языке — это преграда для американ-

ской культуры, которая иначе целиком заполнит эфир. Там четко расписаны критерии отбора сюжетов, правила журналистской этики.

И. Б. ЧУБАЙС

— Хотел бы обратиться к проблеме, которая сегодня в России становится особенно актуальной, — к проблеме исторической памяти. Историческая память — это всегда культура, причем культура высокого, глубинного плана, это подлинный диалог культур. Мы сегодня присутствуем при антироссий-

ском наступлении Запада на итоги Второй мировой войны. Речь не только о войне памятников. Я говорю об отношении к самой исторической памяти наций, народов. Именно историческое самосознание формирует конфигурации современного культурного диалога.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ

— К сожалению, время нашей дискуссии истекло. Но последнее замечание может послужить отличной платформой для нового диалога. Спасибо всем участникам.

Ю. Б. БАЛАШОВА,

*доцент кафедры социально-культурных технологий СПбГУП,
кандидат филологических наук*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

В общей парадигме периодических изданий возможно выстраивание определенной градации типов изданий по принципу их идеологической терпимости, открытости и толерантности. Так, «толстый» журнал немислим вне ярко выраженного идеологического задания (платформы). В этом смысле с «толстым» журналом контрастирует альманах: установка на толерантность заложена в нем и «генетически» (в соответствии с этимологией слова, альманах — это календарь), и типологически. Терпимость альманаха к идейным разногласиям во многом обусловлена тем обстоятельством, что классический альманах является печатным органом тесного дружеского круга. При этом альманах нередко издают два и более издателей, а также сами цензоры. Даже в тех случаях, когда данный тип издания служит орудием борьбы разных литературных группировок (середина XIX и первая четверть XX века), он не стремится к абсолютной «чистоте рядов» и допускает участие представителей конкурирующего направления.

Особая — мутационная — логика функционирования явления определяет его мобильность и протеистичность — способность то вообще исчезать из журналистско-литературной системы, то появляться под различными личинами: миниатюрные стихотворные «карманские книжки», специализированные прозаические сборники, комбинированные альманахи-антологии (хрестоматии), песенники.

Общая свобода альманаха проявляется в особенностях его организации. Элитарный альманах пушкинской эпохи («Полярная звезда», «Северные цветы») в плане состава участников демонстрирует маркирующую альманах как особый тип издания отличительную особенность, поражающую еще В. Г. Белинского и заключающуюся «в странном соседстве имен великих и малых»¹.

Нередко альманах объединяет принципиальных антагонистов, таких, например, какими в 1920-е годы были А. Белый и Г. Чулков,

В. Маяковский и И. Сельвинский (антагонизм последних имеет чисто творческий, состязательный характер). При отсутствии острых журнальных полемика альманах отнюдь не чужд внутренней полемичности: противоречивости суждений, а подчас и критики в адрес других участников альманаха (к примеру, обращаясь к эпохе модернизма; это первый номер «Северных цветов» символистов).

Отсутствие диктата в альманахе на уровне жанрового репертуара находит выражение в принципе специфически «альманашной» пестроты, учитывая преимущественную публикацию произведений в отрывках. Так, в послесловии к академическому изданию «Полярной звезды», впервые выпущенной в 1823–1825 годах А. Бестужевым и К. Рылевым, справедливо сказано следующее: «“Полярная звезда” очень пестра по своему составу <...>. Здесь и римская тога классика, и монашеская одежда романтика “в духе Средних веков”, и пастушеский кафтан сентименталиста-карамзиниста»².

В композиционном отношении конструкция альманаха представляет собой асимметричную макроструктуру с маркированным началом и неустойчивым окончанием. Ее специфика предопределена, с одной стороны, календарно-обрядовой выделенностью границ годового цикла, с другой — внутренней свободой такого типа издания.

Историческая практика развития явления убеждает в том, что альманах сыграл определенную роль в плане деидеологизации общественного сознания. Подтверждение этому тезису — «неподцензурные» альманахи и сборники 1950–1980-х годов и, прежде всего, знаменитый альманах «Метрополь», объединивший лучшие литературные силы андеграунда.

В сложившейся в настоящее время социокультурной ситуации альманах остается вполне независимым изданием, не склонным

казалось бы, вовсе неуместно быть в этом прекрасном собрании всякого рода талантов» ([М. И. Семевский]. Альманах «Звездочка» 1826 г. // Сборник статей, недовоенных цензурой в 1862 году. СПб., 1862. Т. II. С. 224).

² Литературно-эстетические позиции «Полярной звезды» // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым / изд. подгот. В. А. Архипов, В. Г. Базанов, Я. Л. Левкович. М.; Л., 1960. С. 823–824.

¹ Цит. по: Вацуро В. Э. «Северные цветы»: история альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 3. Это последнее обстоятельство отмечал еще М. И. Семевский: «В ряду сотрудников Полярной звезды <...> мы не без недоумения находим <...> три-четыре имени, которым,

подчиняться требованиям формата. Не будучи на сегодняшний день нацеленным на выполнение социального заказа, альманах утратил свои позиции на рынке современных СМИ. Постмодернистский альманах высту-

пает прибежищем тем литературным и окололитературным силам, которые формируют альтернативную культурную среду, отстоящую от ангажированной официальной периодики.

С. А. БОГОЛЮБОВ,

*заместитель председателя редколлегии «Журнала Российского права»,
заведующий отделом аграрного и экологического законодательства
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ (Москва)*

ПРАВОВАЯ ПЕЧАТЬ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ

По поводу печатного слова в современном российском обществе преобладает пессимизм, если не уныние. Людей, читающих периодические издания, стало немного, и роль печати среди других средств массовой информации трудно в настоящее время преуменьшить. И все же: периодику приобретают, и ее тиражи растут; издания объединяют вокруг себя, пусть порой и немногочисленный, но круг авторов и читателей, расширяют тонкий слой думающих, если и не единым образом мыслящих, но все же размышляющих на одной волне; под лежащий камень вода не течет, и дорогу осилит идущий.

Специфична роль правовой печати в культурном развитии страны и, в частности, интеллигенции. Мало того что юридическая печать доносит до граждан содержание правовых требований новых законов, которые им предстоит соблюдать; важно комментировать эти законы и показывать, как, когда и почему они появляются. Не слишком утопичными выглядят надежды на то, что законодатели и их помощники тоже порой почитывают правовые журналы и могут почерпнуть из них кое-что полезное для законопроектной деятельности.

При создании Журнала российского права (ЖРП), когда десять лет назад обсуждались концепция и наименование нового издания, было немало дискуссий. Хотелось, чтобы он был и научно-теоретическим, и практическим, с опорой на регионы России, на маститых и на молодых ученых и специалистов, с использованием материалов не только и не столько законодательства, сколько практики правоприменения, исследований эффективности законодательства, рассчитанным на профессионалов и на всех, кто интересуется проблемами российского права, —

словом, вносящим реальный вклад в правовое воспитание граждан и культурное развитие общества, частью и результатом которого, безусловно, является право.

В созданной редколлегии бытовало понимание того, что наука, интеллигенция имеют право и должны подвергать сомнению предлагаемые обществу рецепты и методы лечения, что наука кончается там, где она не может либо не хочет говорить власти «нет». Но в то же время, когда наука умеет говорить только «нет», она перестает быть обществу полезной. Как пишет А. Пятигорский, одна из функций культурных людей — не только ругать начальство, но и воспитывать его (Без триумфа воли // РГ. 2007. 18 апр.).

Можно констатировать и признать, что ЖРП участвовал в обсуждении и осмыслении административной и других реформ, предлагаемых российскому обществу: только в первые годы издания были опубликованы статьи: «Местное самоуправление: сегодня и завтра», «О модели гражданского оборота информации», «Министерство юстиции готово решать новые задачи», «Формирование единого правового пространства», «Гарантируют ли законы право собственности на землю российским крестьянам?» Уже из наименований перечисленных статей видны концепция и направления развития правового журнала, ориентированного на активные позиции и развитие личностей читателей.

И сегодня ЖРП обращает внимание на узловые проблемы реформ, на трудности в реализации замыслов ряда импровизаторов. Недавно опубликованы статьи: «Регулирование инвестиций как форма защиты экономических интересов государства», «Анализ

законов на коррупциогенность», «Административное право как средство разрушения “синдрома бесправия”», «О правовом статусе российского пациента», «Служебные отношения на государственной гражданской службе», «Полномочия субъектов Российской Федерации в сфере бюджетных отношений», «Исполнение судебных решений по искам к Российской Федерации», «Конституционное правосудие как фактор модернизации российской государственности», «Критический анализ Жилищного кодекса». И эти темы — свидетельства привлечения внимания к названным проблемам и правового воспитания граждан.

Известны проблемы глобализации, связанные с существованием и ухудшением природных условий жизни человека на Земле, с культурой природопользования. Ряд статей были посвящены эффективности и систематизации экологического законодательства, концепции экологического кодекса и видам ответственности за экологические правонарушения. Отстаивается необходимость экологизации российского права и законодательства, подключения его к осуществлению социальной функции общества и государства, привлечения внимания не столько к правотворчеству, сколько к правоприменению в области охраны окружающей среды.

Отмечаются межгосударственный, глобальный характер экологических, природо-ресурсных проблем и необходимость защиты при этом национальных интересов, государственной регистрации вещных прав на земельную недвижимость в России и Белоруссии, правового обеспечения аграрных и земельных преобразований в Казахстане. Рассматриваются в сравнительном плане экологическое законодательство в странах СНГ и конституционные основы охраны окружающей среды в государствах Европы, правовая охрана природы, вод и иных природных ресурсов и объектов в США.

Истощение природных ресурсов и необходимость надлежащей организации их рационального использования обусловили анализ правового режима земель поселений, правового регулирования водных отношений, долгосрочного пользования объектов живот-

ного мира, лицензирования как способа обеспечения государственной собственности на недра.

Позиции авторов по вопросам сочетания частных и публичных начал в природопользовании, обеспечения экологического порядка и законности, четкого разграничения полномочий между Федерацией и ее субъектами, государственными и муниципальными органами в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов нашли отражение в новых Водном и Лесном кодексах РФ 2006 года, в Федеральном законе РФ об охране окружающей среды 2002 года и в Земельном кодексе РФ 2001 года и последующих многочисленных (по несколько раз в год) их изменениях и дополнениях.

В контекст правовой материи и обсуждаемых современных правовых проблем вписывалось и вызвавшее интерес читателей опубликование в ЖРП к юбилею Д. С. Лихачева его Декларации культуры и соответствующих комментариев профессора А. С. Запесоцкого и юриста Л. В. Путило. В свою очередь, регулярные и иные издания СПбГУ, содержащие правовые сюжеты, активно «работают» на правовое воспитание граждан, должностных лиц.

Активные позиции и предлагаемые конструктивные решения авторов, рецензентов и редколлегии ЖРП не могут не учитываться при проведении реформ, обеспечении преемственности и стабильности правовых норм и институтов, поиске и осуществлении методов подлинной и неуклонной реализации требований Конституции и предписаний законодательства Российской Федерации.

Понятно, что сосредоточение и концентрация внимания на правовых явлениях, пусть и дискуссионных, неоднозначно оцениваемых, расширяет горизонты познания и обсуждения правовых проблем и путей их решения, способствует культурному развитию общества и его членов, которые взаимодействуют с правом, не могут жить без него, как и оно не будет действовать без опоры на них. Но это — уже другая, следующая тема Международных Лихачевских научных чтений.

А. Г. КАЗАРЯН,

*ассистент кафедры экономической теории
Ереванского государственного университета***ИНКВИЗИЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИМПЕРИИ**

Преобладающей спецификацией Интернета является порнография, или, несколько обобщая, — «обнаженка» разных типов. Она составляла в разные периоды от 55 до 80 % траффика. Причем нельзя сказать, чтобы этот показатель устойчиво снижался. Грубо говоря, Интернет можно отождествить с порнографией. К сожалению, несмотря на общеизвестность таких цифр и хор моралистических стенаний, указанный феномен не стал отправным пунктом культурологического осмысления Интернета, как апофеоза информационного общества. Никак не интерпретируется не только совокупный объем, но и повсеместность низкопробной «обнаженки» в Интернете, оккупирующей через рекламные баннеры страницы самых «центровых» (не сказать — солидных) интернет-изданий. А ведь речь идет явно не о припадке рекламной истерии умнейших и в ином случае радеющих за страну и народ редакторов, но о том, что порнография, пожалуй, служит конвенциональным пропуском в Интернет.

В связи с этим я считаю нужным описать, пусть и эскизно, свои основные наблюдения и вытекающие из них направления исследований.

Здесь не обойтись без технической прелюдии. Гуманитарии склонны приписывать «виртуальной» эпохе — информационным технологиям, Интернету — свойства не только эфемерности, но и «неподконтрольности» (государству), повальной анонимности. На деле — подключение к компьютерной сети неминуемо означает прямой и полный контроль над деятельностью пользователя, вплоть до «выкачивания» всей информации, хранящейся в его персональном компьютере. Этот простой технически и несомненно административный факт — отнюдь не предмет конспирологических дискуссий.

Исходный культурологический вопрос состоит как раз в том, случайна ли такая статистическая идентичность Интернета с измыслительством над телами, или она носит идеологический характер, специфицируя его как прикидку глобального сообщества?

Интернет закономерно вносит искажение тел. Это происходит, в конечном счете, от протестантского замыкания человека в гуманистическую оболочку индивидуального тела, помимо пресуществляющей мощи Слова.

Таков посыл «информационного общества», которое лихорадочно изоцирует «средства коммуникации» как раз потому, что в корне оторвалось от ее действительного содержания. Метафизический трепет, вносимый словом одного человека в жизненное движение другого, замещается телесным исторганием, как выражался Юм, «аффектов», ритуализуемых «квакерами» как судороги и глоссолалия. Умонастроение, отворачивающееся от чудесного возвещения слова, впадает в инквизиторский раж «реконструкции» слова усилиями насильственной манипуляции над телом (а затем — и «деконструкции» самого слова). Не одержание тела словом, но одержимость подтверждением телесными жестами оторванных от разума эмоций составляет садистический императив эпохи. Гуманизм (европейского извода) есть позыв насилия, и больше ничего. Здесь нет оппозиции.

В производственной сфере это приводит к усугубляющемуся «разделению труда», подвергающему тело аффективному террору машинальных навыков, с одной стороны, и к эволюции продукта в сторону гаджета (формального набора рационалистически разъятых «функций») — с другой. Как замечает американский футуролог и писатель-фантаст Брюс Стерлинг, у гаджета (например мобильного телефона) «больше функций, чем пользователь когда-нибудь сумеет изучить, подчинить себе или реально использовать». При этом функция выступает не как инструментальное самовыражение запечатлевающей понятие формы, но как абстрактная «коммуникация» привходящих параметров. Нагромождение функций умножает излишнее, аномию, хотя и не анонимность, «коммуникации». Она уготовляет порнографию, как показную интригу тел для атрофирующихся эмоций. Вот почему Интернет как интегративная среда всяческих коммуникативных функций и парадигма глобального общества индивидуалистов по сути совпадает с порнографией.

Чем больше стерильных «средств коммуникаций» измышляется на одном полюсе, тем больше скапливается подспудных бесплодных напряжений в телах на другом. Это означает, что неафишируемым средоточием Интернета должен быть садистический аф-

факт, а исходом — платное удовлетворение через рынок проституции. Так и есть. Интернет-индустрия непристойностей плоти — интегрированный программный продукт, в котором пользователь, вызывающий сайты садистического содержания, попадает на «конвейер», выводящий его через «жесткие» и «мягкие» порносайты к рекламному предложению услуг проституток (с фото и адресом электронной почты) в том городе (местности), где он находится. Эта индустрия прослеживает поисковые запросы пользователя таких сайтов, с одной стороны, различными уловками затягивая время его платного нахождения в Интернете, а с другой — постепенно канализируя его внимание либо к заказу садистических сцен в глобальном «онлайне» (включая планирование истязаний), либо к услугам проституток мирового рынка в локальном «реале».

Сетевое наблюдение без каких-либо спецсредств легко выявляет, что эти программные комплексы глобального действия завязаны на «легальный» поисковик (Google). В частности, довольно смешно, что локализация подобных пользователей производится по языковой модификации Google (скажем, окно рекламы услуг латвийских проституток «всплывает» тогда, когда на компьютере загружен «латышский» вариант этого поисковика), хотя в том, чтобы алгоритмически установить территориальную привязку компьютерного запроса, нет никакой сложности.

Интернет как порнографический инвариант и директория «золотого миллиарда» тем самым выступает как полигон для обкатки садистического правового режима — административной техники назревающей мировой империи США. В связи с этим следует рассмотреть правовые импликации «международного виртуального интернет-сообщества».

Интернет, несомненно, размывает правовые нормы. Так, те антиобщественные проявления, за которые в реальности полагается срок (нецензурные оскорбления, диффамация, угрозы в адрес собеседников), в Интернете проходят безнаказанными. Хотя именно там, а не на улице, есть все предпосылки для ментальной идентификации правонарушителя. Или уж во всяком случае — техническое предотвращение правонарушений путем

автоматической фильтрации текста простейшими программами.

Однако самое важное в правовом плане — скрытый программный комплекс Интернета предъявляет пользователю ряд условий правового характера, с которыми он должен в индивидуальном порядке согласиться при входе на садистические и (в меньшей степени) порнографические сайты. Эти условия включают односторонние обязательства — заметим, неизвестно перед кем, поскольку другая сторона «контракта» никак не отрекомендовывается — по произвольному ущемлению его личных прав и свобод. Например, он должен заверить, что не будет этого делать в научных целях. Тем самым Интернет применяется для введения явочным порядком деформированного правового поля, как подпольной мафиозной стачки, и внушения чувства рабской незащищенности перед глобальными, но инкогнито силами. Итак, Интернет явочным порядком меняет правосознание, проецируя на сообщество пользователей нуждающуюся в научном описании идеологию узурпации.

Дрейф «реальной» экономики к глобальному садизму по модели Интернета пока малозаметен, но весьма симптоматично появление рекламных щитов и видеороликов фирмы «Мартини», представляющих в виде неудачливого потребителя этого напитка связанную (во сне) ее бойфрендом девушку. Между тем именно фирма «Мартини» в течение десятилетий подчеркивала агрессивно-сексуальный мотив в своей рекламе.

Вырождение коммуникации по отношению к «функциям» сопровождается вырождением познания по отношению к «знаниям». И в Интернете открыто предлагаются, для облегчения индивидуальной «учебы», курсовые и дипломные работы.

Сплюсчивание социальной иерархии в глобальный кавардак повреждаемых тел проводится посредством назойливого предложения вниманию пользователя каталогов и отдельных сцен гомосексуализма, инцеста, сексуального насилия в учреждениях и учебных заведениях.

Итак, в роли коммуникативного пространства Интернет выступает как предтеча общества тотального насилия и коррупции.

Е. А. КАШИРИНА,

*старший преподаватель машиностроительного факультета
Миасского филиала Южно-Уральского государственного университета*

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ

Мы живем в эпоху всемирного информационного обмена. Благодаря появлению глобальной сети Интернет сейчас исчезают географические, политические препятствия для обмена информацией между странами. В то же время в пределах вполне локальных территорий, в частности в небольших провинциальных городах, создание единого информационного пространства продвигается крайне медленно. Попробуем разобраться, в чем причины этой медлительности и каковы общие проблемы, возникающие при информатизации малых городов.

Первая и, видимо, основная проблема — скудость местного бюджета, вынуждающая включать в бюджет только самые необходимые пункты и не позволяющая осуществлять стратегическое планирование. Любая программа информатизации, к сожалению, не реализуется за один год. Создание единого информационного пространства предполагает не только покупку компьютеров, но и создание единой сети между ними со специальным программным обеспечением, объединяющим разные банки данных, а это — трудоемкая и затратная работа.

Вторая проблема, характерная для малых городов, — правовая безграмотность. Если в больших городах большинство членов Законодательного собрания — юристы, экономисты, крупные хозяйственники, то в малых уровень экономической и юридической грамотности намного ниже. Конечно, в целом в законодательное собрание города избираются достойные и уважаемые люди — врачи, учителя, бизнесмены, работники коммунальной сферы местного муниципального образования. Но если говорить о понятии «информационные ресурсы», то для большинства членов местного законодательного органа эти слова — пустой звук. Действительно, на местах не привыкли вкладывать средства в такую наукоемкую статью бюджета, которую нельзя увидеть и потрогать руками. Депутаты охотно выделяют средства для покупки компьютеров в конкретные школы или больницы, но весьма неохотно воспринимают необходимость таких же затрат на про-

кладку оптоволоконного кабеля между учреждениями и разработку программного обеспечения, позволяющего банкам данных различных организаций обмениваться информацией.

Очень трудно объяснить и еще труднее понять депутатам, что немедленной выгоды проект создания единого информационного пространства не принесет. Вряд ли в принципе информацию о работе служб муниципального образования можно рассматривать как товар. Несомненное и явное преимущество проекта информатизации — это четкая социальная направленность: он позволит населению уменьшить время, затрачиваемое на сбор справок и документов для оформления субсидий, постановки на учет в управлении социальной защиты населения, оформления сделок с недвижимостью и земельными участками и т. д. Основной принцип, декларируемый Федеральным законом РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ — принцип доступности и бесплатности информации. Многие годы каждое ведомство, каждая служба чиновников тщательно собирала и оберегала для служебного использования информацию о населении, и вдруг им предлагают поделиться информацией, регулярно обмениваться информацией, выдавать ее по первому же легитимному запросу. Естественно, возникает неприятие идеи в целом. Некоторые службы пытаются объяснить свое противодействие законом «О персональных данных»², что лишний раз свидетельствует об их юридической безграмотности. Упомянутый Федеральный закон отнюдь не предполагает запрет на объединение или сбор персональных данных, закон лишь указывает условия получения персональных данных. Не-

¹ Федеральный закон РФ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. // Российская газета. 2006. № 165 (29 июля).

² Федеральный закон РФ № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. // Там же.

редки случаи, когда глава одной муниципальной службы, например Архитектурного комитета, заявляет, что не будет делиться информацией с другими муниципальными службами, с тем же финансовым управлением, просто потому, что не желает этого делать. Для разрешения подобных вопросов явно необходима разработка нормативно-правовых документов, регулирующих эту область.

Автор считает, что главным фактором, тормозящим информатизацию в малых городах, является как раз местнический и ведомственный подход городских служб и учреждений. Отношение к информации как к товару, за выдачу которого можно получить какие-то выгоды для себя или для учреждения в целом, — характерная позиция местных чиновников. На уровне Российской Федерации принимаются глобальные соглашения об обмене информацией, например соглашение между Государственной налоговой инспекцией и Федеральной регистрационной палатой. Принимаются международные соглашения об обмене информацией между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, а на уровне небольшого провинциального города достигнуть такого соглашения между городскими службами чрезвычайно трудно, если только они (службы) не усматривают в соглашении свой частный интерес. В то же время на государственном уровне наши законодатели понимают всю опасность такой позиции, о чем свидетельствует недавнее обсуждение в первом чтении в Государственной Думе законопроекта «Об обеспечении доступа граждан к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

Использование информационных технологий дает существенный эффект не только в сокращении сроков выполнения запросов граждан и хозяйствующих субъектов, но и возможность использовать наиболее качественную форму контроля за деятельностью власти — контроль со стороны потребителя услуг. Использование информационных технологий требует создания общего информа-

ционного пространства, основанного на базовых идентификационных ресурсах (данных): это реестры физических и юридических лиц и базовые пространственные данные. При этом должна реализовываться технология распределенного хранения и ответственности за актуализацию определенных групп информационных ресурсов между различными управленческими структурами.

Автор предлагает следующую последовательность действий по информатизации муниципального образования:

1) разъяснение законодательному собранию местного муниципального образования необходимости принятия целевой программы по информатизации и, следовательно, выделения финансирования на эту программу в местном бюджете;

2) разработка нормативно-правовой базы, регулирующей управление информационными ресурсами, создание единой телекоммуникационной сети и подключение к ней участников;

3) создание единой телекоммуникационной сети в местном муниципальном образовании, техническая организация подключения участников;

4) создание программного обеспечения, обеспечивающего обмен информацией, разработка технических требований к информационным системам организаций-участников с целью обеспечения информационного обмена.

Понятно, что направление информатизации местного муниципального образования — очень перспективное. На уровне Российской Федерации объявлен конкурс по информатизации субъектов федерации. Хотелось бы, чтобы и местные муниципальные образования не оказались в последнем эшелоне грядущих перемен, а смогли преодолеть свои частные интересы и разногласия и объединились бы в единое информационное пространство города, затем влились в единое информационное пространство субъекта федерации и впоследствии стали частью единого информационного пространства всей страны.

И. А. ПАВЛИХИН,

*доцент кафедры журналистики СПбГУП,
кандидат юридических наук***ЭКОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ**

Как писание или притча творчество Д. С. Лихачева имеет концептуально-категориальный характер. Идеи Дмитрия Сергеевича остаются ключом ко многим вопросам современного бытия, интеллектуальным основанием для решения как фундаментальных, так и текущих, обыденных проблем взаимоотношения человека с окружающим миром.

К числу научных концепций, универсальных категорий, сформулированных академиком Лихачевым, можно отнести его взгляды на культуру как целостную среду, идеи концептосферы русского языка, формулы экологии культуры, пути прогрессивного развития культуры и др. Все они могут быть использованы в различных сферах человеческой деятельности в качестве интеллектуальных «гормонов», новых точек зрения, фундаментальных научных оснований.

Среди сфер человеческой деятельности, нуждающихся и в «гормонах», и в новациях, и в укреплении фундамента, находится и российская журналистика.

Современные российские СМИ переживают сегодня не лучшие времена. Кризис затрагивает многие аспекты журналистской работы — от качества информации (достоверность, объективность, актуальность и т. д.) до профессиональной морали, когда бескорыстно служить интересам общества становится все сложнее.

Вместе с тем средства массовой информации продолжают оставаться значительной частью окружающей человека культурной среды. Поэтому любые тенденции в СМИ влияют соответствующим образом на культуру. «Мне представляется необходимым, — писал Д. С. Лихачев, — рассматривать культуру как определенное пространство, сакральное поле, из которого нельзя, как в игре в бирюльки, изъять одну какую-либо часть, не сдвинув остальные. Общее падение культуры непременно наступает при утрате какой-либо одной ее части... Падение гуманитарной культуры или какой-либо из сторон этой культуры <...> обязательно, хотя, быть может, и не сразу очевидно, скажется на уровне развития даже математики или физики»¹.

Рассматривать журналистику как падающую часть гуманитарной культуры можно

уже хотя бы потому, что сейчас, по данным Romir Monitoring, не более 8 % регулярно опрашиваемых различных групп россиян доверяют отечественным СМИ (амплитуда причин тому указывалась выше). При этом нужно учитывать то, что миллионы россиян, вне зависимости от степени доверия к СМИ, остаются их потребителями и объектами влияния. В связи с этим уместно говорить об опасности, идущей от своеобразного загрязнения журналистской среды. В ней живет человек. А загрязнение окружающей среды делает его больным, угрожает его жизни, грозит гибелью человечества.

И целительная, и разрушающая сила слова, в том числе журналистского, хорошо известна. Тем важнее заниматься охраной и восстановлением (экологией) той журналистской среды, которая, служа обществу и оздоравливая его, вызывает доверие людей.

Размышляя об экологии культуры, Д. С. Лихачев задавался вопросом о виновных ее загрязнения: «Кто же эти люди, убивающие живое прошлое, прошлое, которое является и нашим настоящим, ибо культура не умирает?»² Вслед за Дмитрием Сергеевичем можно поставить этот вопрос по отношению к профессиональным и нравственным «завалам» в журналистике. И вслед за ним же ответить:

— Во-первых, «это сами архитекторы (руководители СМИ. — *Авт.*), которым очень хочется поставить «свое творение» на выигранном месте (работать только для себя, без учета интересов, вне контроля аудитории. — *Авт.*)»³.

— Во-вторых, «это реставраторы (журналисты. — *Авт.*), заботящиеся о том, чтобы выбрать себе наиболее «выгодные» объекты, о том, чтобы восстановленное произведение искусства (решенная поставленная «архитектором», руководителем СМИ, задача. — *Авт.*) принесло им славу, и восстанавливающие старину по своим собственным, иногда очень примитивным представлениям о красоте»⁴.

— В-третьих, «это совсем случайные люди: туристы (журналисты-дилетанты. — *Авт.*), разводящие костры вблизи памятников, остав-

¹ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 350, 360.

² Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 330–331.

³ Там же. С. 344.

⁴ Там же.

ляющие свои надписи или выковыривающие изразцы «на память»⁵.

Стоит заметить, что академик Лихачев вполне сознательно субъективизирует причины загрязнения культуры. Он не ссылается на часто тупиковые, а для «уборщиков» и конформистские, — экономические, политические и прочие реалии, но обращается к человеку. За ним, в том числе за журналистом, всегда остается выбор, особенно — нравственный. Поэтому в основание экологии культуры он ставит, прежде всего:

- ответственность;
- знания;
- нравственность;
- просвещение;
- патриотизм;
- воспитание⁶.

Для экологии журналистики это значит:

- главенство правовых и этических регуляторов;
- осуществление научного подхода;
- приоритет интересов и потребностей Отечества и соотечественников;
- профессиональное журналистское образование.

Д. С. Лихачев сформулировал принципиальную особенность экологии культуры, что вполне относится к журналистике. Здесь утраты, которые до известных пределов в природе

восстановимы, безвозвратны, так как и памятники культуры и журналистские материалы всегда индивидуальны, связаны с определенным контекстом, определенным автором.

Наконец, начертанные Д. С. Лихачевым прогрессивные линии развития русской литературы могут быть ориентиром для соответствующего процесса в современной российской журналистике и ее экологии:

- приоритет документальности, факта, реализма;
- усиление индивидуального начала;
- социальная ответственность;
- возрастание роли журналистской критики;
- расширение социальной среды объектов журналистского внимания;
- рост гуманистического начала;
- расширение мирового опыта;
- усиление интерактивности, взаимоотношений с аудиторией⁷.

Человек живет в определенной информационной среде. Создает эту среду, придавая ей массовый, актуальный и социальный характер, журналист. Качество этой работе обеспечивает набор специальных навыков и знаний, в том числе экологических. Среди них сегодня особое место занимает экология культуры и ее составной части — журналистики.

И. Н. ПАНАРИН,

*декан вечернего отделения факультета международных отношений
Дипломатической академии МИД России, пресс-секретарь Роскосмоса,
профессор (Москва)*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Проблема формирования позитивного коммуникационного пространства, которое влияет на обеспечение национальной и духовной безопасности, очень остро стоит в современной России. Во многом его формирование зависит от того, каковы будут комментарии СМИ в ходе акций террора и действий силовых структур по противодействию. Можно обозначить следующие проблемные вопросы: способы и средства доведения информации о терроре до населения страны и региона; эмоциональные комментарии журналистов, должны ли они быть; взаимоотно-

шения СМИ и руководителей контртеррористической операции — диалог или цензура; управление информационными потоками: необходимость или недопустимость.

Общеизвестно, что термин «террор» происходит от латинского слова *terror*, которое означает страх, ужас; в русском языке «террор» — это целенаправленное устрашающее воздействие. Что касается понятий «террор» и «терроризм», то они в принципе идентичны. Однако если говорить о нюансах, то терроризм можно трактовать как понятие более широкое (явление), а террор — как конкретные действия.

⁵ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 344–345.

⁶ Там же. С. 345.

⁷ См.: Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 44–87.

Особенностью современного терроризма является активное использование информационно-психологического воздействия как важного элемента манипуляции сознанием и поведением людей с использованием возможностей глобальных коммуникаций. Действия террористов рассчитаны не только на нанесение материального ущерба и угрозу жизни и здоровью людей, но и на информационно-психологический шок, воздействие которого на большие массы людей создает благоприятную обстановку для достижения террористами своих целей. Одновременно террористы учитывают особенности информационной эпохи, связанной с существованием глобальных СМИ, готовых оперативно освещать «террористические сенсации» и способных с помощью определенных комментариев (K) к происходящим событиям эффективно воздействовать на общественное мнение в любой стране мира. Сегодня любой человек получает от СМИ вместе с самим информационным сообщением о каком-либо событии ($ИС$) еще и комментарий (в случае его отсутствия, это — K_3 , то есть нейтральный).

На основании полученной информации человек (социальная группа) выражает определенное отношение (O) к какому-либо явлению, событию. На наш взгляд, оно тоже может быть различным: O_1 — очень позитивное, O_2 — позитивное, O_3 — нейтральное, O_4 — негативное, O_5 — очень негативное.

В целом процесс формирования общественного мнения можно представить в следующем виде:

$$D \Rightarrow IS + K \Rightarrow CG = O,$$

где D — диктор (радио или телевидения);

IS — информационное сообщение;

K — комментарий (от K_1 до K_5);

CG — социальная группа;

O — отношение (от O_1 до O_5).

Практически комментарий является манипуляцией. К манипуляции относятся специальные действия по формированию стереотипов и созданию определенного впечатления или отношения к тому или иному факту, событию.

Основной объект воздействия комментария-манипуляции — психика всего российского населения. Комментарии-манипуляции K_4 , K_5 являются негативными информационными потоками. Способы манипулирования общественным мнением опираются прежде всего на средства массовой информации (СМИ), позволяющие корректировать, регламентировать и проектировать массовое сознание и психику людей. При этом упор делается на использование законов психологии, некрити-

ческое восприятие, политическую неопытность. При данной расстановке составляющих формулы очевидно, что при добавлении к информационному сообщению ($ИС$) о совершенном или подготавливаемом акте террора комментария (K), последовательно варьирующего свой характер от очень позитивного до очень негативного, мы определенно получим отношение той или иной социальной группы в том же диапазоне.

За видимой простотой данной информационной технологии скрывается и масса нюансов. Другими словами, один и тот же комментарий (это понятие тождественно манипуляции) способен вызывать диаметрально противоположное отношение к событию (самим террористам, декларируемым ими целям), либо подготовить мировосприятие к дальнейшей переоценке в различных социальных группах в случае его преднамеренной подачи.

Все это в полной мере нашло отражение в новейшей российской истории. Типичный пример такой технологии — захват террористами заложников в г. Буденновске (составляющая формулы IS). Объект атаки — районная больница и роддом. Информационно-психологическая истерика (наиболее емкое определение) в СМИ, особенно на телеканале — НТВ (D). Мелькающие на телеэкране заложники, рассказывающие о «добрых к ним террористах». Заявления (абсолютно ложные) о том, что Ш. Басаева можно понять, поскольку «вся семья его погибла под русскими бомбами», и вообще он — «борец за свободу своего народа» (K). Шокирующее заявление тогдашнего Председателя Правительства России В. Черномырдина, фактически капитулировавшего перед преступниками, с одновременным широким освещением его заявлений национальными электронными СМИ.

В результате таких действий среди военнослужащих объединенной группировки войск (CG) в Чечне стало прогрессировать убеждение (O) о наличии сговора между верховной властью в стране и террористами. Данные получены в ходе опросов российских военнослужащих представителями армейских воспитательных структур в период после разрешения буденновского кризиса.

Следует учесть, что в тот период СМИ тщательно обходили молчанием следующее обстоятельство: демонстрируемые, только что освобожденные из рук террористов люди испытывают так называемый «синдром заложника», когда последние через некоторое время начинают чувствовать себя более привязанными к террористам, чем к спасателям.

Отметим, что «синдром заложника» обычно испытывают только около 20 % заложников, то есть подбор персонажей для репортажа велся скорее целенаправленно и в интересах террористов. Это обстоятельство однозначно говорит о том, на кого в конечном итоге работали указанные СМИ. Кроме того, установленный факт — якобы «погибшая семья» Ш. Басаева на тот момент отдыхала на Кипре.

К сожалению, указанная антигосударственная практика в деятельности отдельных журналистов полностью не изжита и в XXI веке. Во время событий, связанных с захватом террористами в октябре 2002 года заложников в театральном центре на Дубровке (Москва), и после них, в ряде телепрограмм канала «НТВ» («Намедни», от 27 октября 2002 г., «Итоги» от 3 ноября 2002 г., «Свобода слова» от 14 февраля 2003 г.) достаточно отчетливо, на наш взгляд, был обозначен вектор на формирование общественного мнения в заданном ракурсе. Его направленность, в общем смысле, можно сформулировать следующими установками на подсознание населения страны:

— действия и требования террористов вынуждены и заслуживают быть учтенными государственной властью;

— Запад озабочен подобным разрешением конфликта;

— необходим диалог с террористами как полноправной стороной в международном конфликте;

— действия российских спецслужб в районе контртеррористической операции и в ходе освобождения заложников на Дубровке жестоки и непрофессиональны.

После трагедии на Дубровке в ходе диалога российской власти с представителями национальных СМИ были найдены формы взаимодействия для борьбы с терроризмом. Но несмотря на, казалось бы, позитивно выстроенные отношения власти со СМИ в вопросах антитеррора, в ходе трагедии в Беслане и после нее отдельные журналисты продолжали попытки осуждать не действия террористов, а критиковать спецслужбы и власть. Совершенствование работы на данном направлении заключается: в формировании у общественности твердых убеждений об обязательности непримиримой борьбы с терроризмом, с использованием всех возможностей государства; информационной поддержке участвующих и поддерживающих контртеррористические операции. Такая работа уже ведется. И события в Нальчике показали, что в этом направлении сделаны определенные позитивные шаги.

Проблемы информационного противодействия террору:

1. Власть в ходе антитеррора должна уметь управлять информационными потоками, наладив конструктивное сотрудничество со СМИ, в стремлении ограничить ущерб, наносимый террористами обществу.

Около 80 % российского телеэфира в прайм-тайм заполнено «демонстрацией насилия и циничной жестокости» (против 15 % в Европе и США). Это недопустимо. На фоне усиления террора насилие на экранах представляет особую угрозу для общества.

2. Свобода творчества журналиста в ходе теракта должна быть ограничена. Освещая свершившийся террористический акт или контртеррористическую операцию, журналист обязан критически (именно так) оценивать ситуацию, объективно просчитывать последствия своих репортажей с места событий. Его лозунгом должны стать слова «Не навреди!»

3. Серьезной проблемой является другой символический аспект терроризма — воздействие показа СМИ актов насилия на потенциальных террористов.

4. СМИ не должны «предоставлять трибуну» террористам ни при каких условиях.

5. СМИ не должны содействовать террористам в получении оперативной информации.

6. Недопустимость двойных информационных стандартов.

7. Договор между властью и СМИ по проблемам антитеррора. Он может быть заключен и на предмет установления определенных рамок, в которых будет осуществлять свою деятельность пресса, освещающая террористические акты (примерный кодекс поведения, который добровольно обязуются соблюдать редакторы и журналисты).

Среди основных положений такого «кодекса» должны присутствовать:

— ограничение информации, которая может повредить заложникам (их число, национальность, вероисповедание, занимаемая должность, состояние здоровья, наличие у них родственников, занимающих видное положение в обществе или имеющих значительные финансовые состояния и т. д.);

— краткость информации об операциях антитеррора и по освобождению заложников;

— соглашение о недопустимости передачи в эфир прямых неотредактированных интервью с террористами;

— тщательная проверка получаемой журналистами информации о террористах, выдвигаемых ими требованиях, ходе и результатах контртеррористической операции;

— сдержанность в передаче информации, которая могла бы привести к панике в обществе;

— совместный контроль вербальных обозначений;

— совместный контроль визуальной картинки (в соответствии с которым на телеэкране отсутствуют изображения убитых и раненых);

— совместный контроль единства интерпретации событий.

А. Г. ПОЧЕБУТ,

профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук;

С. П. БЕЗНОСОВ,

профессор кафедры государственного права СПбГУП, доктор психологических наук

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Поведение человека в контексте культуры изучает кросс-культурная психология. Ее целью является анализ сходства и различий в психике людей, принадлежащих к разным культурам. Ученые отмечают влияние феномена этноцентризма на восприятие и оценку поведения представителей другой культуры. Этноцентризм — это тенденция рассматривать свою группу в качестве стандарта при сравнении с другими группами и располагать ее на вершине иерархии, а все другие — ниже. Одним из способов преодоления этноцентризма является создание научной теории межкультурных коммуникаций.

По нашему мнению, теория межкультурной коммуникации основана на философских и социально-психологических принципах. В философии были выдвинуты идеи об особенностях психологии различных народов:

— *принцип историзма*, то есть развития духовной сферы народов, изменение их психологии в процессе истории (К. Гельвеций, Д. Юм, В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский);

— *принцип влияния географических и социальных факторов на развитие психологии народов* (Ш. Монтескье, К. Гельвеций, Д. Юм, И. Гердер). Большое внимание географическим условиям жизнедеятельности этнической общности уделял великий российский ученый Л. Н. Гумилев;

— *принцип преэминентности в способах деятельности, выживания, созидания культурных ценностей, устройства общества* (И. Кант);

— *принцип равенства всех народов* (К. Гельвеций, Н. Г. Чернышевский). Нет народа избранного и нет народа гонимого, отсталого,

примитивного. В психологическом отношении народы равны, что и доказали позднее кросс-культурные исследования;

— *принцип объективности* (И. Кант, Н. А. Бердяев). В психологических чертах каждого народа можно встретить и позитивные и негативные оттенки. Так, например, по данным наших исследований, русскому народу присуще сочетание таких черт, как трудолюбие и лень, умение быстро собраться и организовать в экстремальной ситуации и слишком долго раскачиваться, прежде чем приступить к важному делу;

— *принцип соотношения общечеловеческого, социального и этнического в психике людей* (Н. Г. Чернышевский). С одной стороны, ориентация общества исключительно на социальные ценности, опора на классовые приоритеты приводят к забвению собственной национальной культуры, к критическому или, в лучшем случае, очень настороженному отношению к творениям мировой культуры. С другой — ориентация на этнические ценности характерна для традиционных обществ, где подчиненность личности обычаям, традициям, ритуалам, этническим нормам и стереотипам сказывается на их развитии. Доминирование исключительно этнических ценностей приводит к отказу общества от познания других культур. Общество заикливается исключительно на своих национальных интересах, что порождает национализм, шовинизм и пр. Наконец, преобладание в обществе ориентации на другие культуры, их ценности, пути развития приводит к отрыву общества от своей национальной культуры (декультуризации), приверженности массовой «квазикультуре». Гармоничное развитие общества

существует при условии баланса, равномерной представленности общечеловеческих, социальных и этнических ценностей, взаимовлияния и взаимопроникновения культур.

Опираясь на философские принципы, оказалась возможна дальнейшая проработка подходов и принципов межкультурной коммуникативной компетентности, базирующейся на идеях гуманности, объективности, толерантности. Мы предлагаем придерживаться следующих принципов в межкультурной коммуникации:

1. *Межкультурное общение и взаимодействие состоят в понимании культурных различий.* Эффективное взаимодействие состоит в том, что человек должен не просто соглашаться с тем, что различия существуют. Он должен понимать сущность этих различий, принимать специфику иной культуры, учитывать эту специфику в своем поведении.

2. *В процессе межкультурной коммуникации важна ориентация на будущее, а не на прошлое.* Безусловно, приступая к межкультурному общению, необходимо знать прошлое, историю своего и чужого народа, их культуру, искусство, литературу, историю взаимоотношений между ними. Однако доминирующей является ориентация на будущее, на потомков, а не на предков.

3. *Цель межкультурной коммуникации — приоритет соблюдения своих интересов в*

своей культуре; приоритет соблюдения интересов представителя иной культуры в его культуре. В межкультурной коммуникации необходим особый подход к соблюдению интересов представителей двух культур. В межкультурном взаимодействии необходима защита не только собственных интересов, но и интересов своего народа в целом. Поэтому в зависимости от того, на чьей территории происходит коммуникация и интересы какого народа обсуждаются, необходима приоритетная защита интересов этого народа и его представителей.

4. *Межкультурная коммуникация терпит неудачу при следующих условиях:* а) если мы покушаемся на систему ценностей, принятых в культуре другого человека; б) затрагиваем национальные чувства; в) унижаем национальное достоинство.

Система культурных ценностей отражает картину мира другого человека, его базовые социальные убеждения и представления. Любая попытка разрушить эту систему приводит к потере контакта, возникновению барьеров в общении, закрытости. Унижение национальных чувств и национального достоинства проявляется в виде предубеждений, предрассудков и дискриминации, что составляет большую угрозу дальнейшему продолжению и развитию межкультурной коммуникации.

О. Ф. РУСАКОВА,

заведующая отделом философии Института философии и права Уральского отделения РАН, главный редактор альманаха «Дискурс-Пи», доктор политических наук, профессор (Екатеринбург)

ДИСКУРС КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ КАК СОЦИЕТАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

Коммуникативное пространство представляет собой континуум непрерывного обмена смыслонасыщенными культурными кодами, ценностями, образами и другими символическими фигурами и знаковыми системами. Регулятивно-контрольную функцию в этом круговороте символического обмена выполняют дискурсы.

Дискурсы — это способы ментального конструирования социальной реальности, это также способы интерпретации значимых общественных процессов и явлений. Между дискурсами идет непрерывная конкурентная борьба за доминирование в области означивания, придание общественным феноменам

того или иного смысла. Эта дискурсная борьба в эпоху глобализации приобретает глобальные масштабы. В ней выигрывает тот, кто, благодаря своему преимуществу в коммуникативном пространстве, смог закрепить за собой приоритетное право в обозначении и интерпретации социальных реалий.

К примеру, в настоящее время в международных отношениях явно доминирует дискурс, переинтерпретирующий то, что ранее трактовалось как вмешательство во внутренние дела государства, в акцию по распространению демократических ценностей. В ряде новых независимых государств, возникших в Восточной Европе и на территории бывшего

СССР, доминантными становятся дискурсы, обозначающие прошлую и настоящую политику России как имперскую и колониальную.

Помимо борьбы за означивание, дискурсы выполняют функции идентификации и объединения людей вокруг определенных символов и ценностей в разнообразные сообщества. Для успешного их функционирования и развития особенно важно, если объединяющие их дискурсы обладают социетальными свойствами, то есть выступают важным социетальным капиталом.

Если говорить кратко, то *социетальный капитал представляет собой синтез или соединение власти знаков с коммуникативной стратегией на достижение общего блага — доверия, согласия, взаимопонимания, свободного и мирного согласования притязаний*.

В наше время высоко ценятся такие коммуникации, которые производят социетальный эффект. Таковыми выступают дискурсы, приводящие участвующие стороны путем соблюдения принципов ненасилия, равноправия, взаимоуважения, доверия и согласия к консенсусным решениям.

Представление о дискурсе как о социетальном капитале особенно отчетливо сформулировано Юргеном Хабермасом. Связав понятие дискурса с теорией социального действия (стратегического, нормативного, драматургического, коммуникативного), он особо выделяет так называемое *дискурсное общество*, которое в целом характеризуется им как консенсусное.

По Хабермасу, дискурс представляет собой диалог, в процессе которого происходит согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия: «В дискурсах мы пытаемся заново произвести проблематизированное согласие, которое имело место в коммуникативном действии, путем обоснования»¹. В дискурсе осуществляется артикуляция притязаний на значимость путем их тематизации, что создает условия для проведения дискурсии. В дискурсе также осуществляется принуждение к такому действию, которое ведет к нейтрализации мотивов, выступающих внешними по отношению к мотиву кооперации. В дискурсивной коммуникации господствует лишь специфическое «ненасильственное принуждение» наилучшего аргумента. Аргументация трактуется как главный путь продолжения поиска согласия.

¹ Цит. по: Фурс В. Н. *Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса*. Минск, 2000. С. 66.

Хабермас создал своеобразную этическую теорию дискурса, получившую название «*этика дискурса*», где дискурс рассматривается как альтернатива теории рационального выбора, которая исходит из принципа эгоистического поведения индивида в условиях конкуренции. Рационально-эгоистической коммуникации Хабермас противопоставляет дискурсивную коммуникацию, в основе которой лежат принципы особой этики — этики дискурса.

Этика дискурса, по Хабермасу, включает *принципы справедливости и солидарности*, характерные для коммунитаристского мировоззрения. Данная этика преодолевает либеральный эгоцентризм и формулу индивидуального успеха за счет конкурентной борьбы с другими. Как пишет Хабермас, дискурсивно достигаемое согласие зависит одновременно и от незаменимого «да» или «нет» каждого отдельного лица, и от преодоления эгоцентрической перспективы, которое вовлекает всех в осуществляемую ради взаимного убеждения практику аргументирования.

Кроме того, этика дискурса, считает Хабермас, может служить делу формирования общезначимых принципов и норм в обществах переходного типа, в которых возникает кризис моральных ценностей, а также — в мультикультурных и плюралистических сообществах, которые испытывают большие трудности в области согласования моральных и социально-политических кодов. Принцип дискурса, как отмечает исследователь, служит ответом на то замешательство, в котором оказываются члены *любой* моральной общности, когда при переходе к современным обществам мировоззренческого плюрализма они осознают дилемму, состоящую в том, что они по-прежнему спорят друг с другом относительно моральных убеждений и позиций с привлечением тех или иных оснований, в то время как их фоновый субстанциальный консенсус относительно основополагающих моральных норм уже нарушен.

Каким же образом в этике дискурса артикулируется общезначимая для участников переговоров моральная норма? Как избежать того, чтобы достижение согласия не свелось к констатации общих мест, лишенных действенной силы?

Для того чтобы общественное согласие в отношении моральных норм оказалось действенным и эффективным, необходимо, считает Хабермас, саму этику дискурса ввести в область морали, а моральные нормы пост-

традиционного демократического и плюралистического общества прочно соотнести с дискурсивной практикой, нацеленной на достижение взаимопонимания. Данный подход он назвал принципом дискурса, или *принципом D*.

Согласно данному принципу, претендовать на действенность могут лишь те нормы, которые способны в практических дискурсах снискать одобрение всех, кого они касаются. При этом «одобрение», достигаемое в условиях дискурса, представляет собой согласие, мотивированное эпистемическими основаниями; его нельзя понимать как договоренность, рационально мотивированную в эгоцентрической перспективе каждого.

Принцип D предполагает следование определенным правилам, которые надо соблюдать в процессе аргументации. Хабермас называет следующие четыре важнейшие правила дискурсивной аргументации, которых должны придерживаться участники публичного обсуждения: а) никто из желающих внести релевантный вклад в дискуссию не может быть исключен из числа ее участников; б) всем предоставляются равные шансы на внесение своих соображений; в) мысли участников не должны расходиться с их словами; г) коммуникация должна быть настолько свободной от внешнего или внутреннего принуждения, чтобы позиции принятия или непринятия относительно критикуемых притязаний на значимость мотивировались исключительно силой убеждения более весомых оснований. Если же каждому, кто вступает в процесс аргументирования, приходится соблюдать хотя бы эти прагматические условия, то в прагматических дискурсах а) вследствие публичности и включенности всех заинтересованных лиц, а также б) в силу коммуникативного равноправия их участников могут быть приведены лишь те основания, которые в равной степени учитывают интересы и ценностные ориентации каждого; а благодаря устранению возможности в) обмана и г) принуждения решающее значение для одобрения спорной нормы могут иметь лишь приводимые основания. При условии, что каждый ожидает от каждого ориентации на достижение взаимопонимания, этого «свободного от принуждения» принятия той или иной нормы можно, в конечном итоге, добиться лишь «сообща»².

Соблюдение отмеченных правил Хабермас считает возможным при условии перехода общества от либерально-рыночной политической практики, подчиненной логике рынка, к политике иного типа — «делиберативной политике». По сути, *делиберативная политика есть особая дискурсивная формация, присущая такому гражданскому обществу, где все вопросы решаются методом открытой публичной дискуссии, направленной на достижение согласия*.

В этом проектно-дискурсивно-политическом пространстве формирование общественного мнения и политической воли в публичной сфере подчиняется не структуре рыночных процессов, но самобытной структуре публичной коммуникации, ориентированной на достижение взаимопонимания. Для политики (в смысле практики гражданского самоопределения) парадигмой является не рынок, а диалог.

Итак, понятие дискурса возводится Хабермасом до принципа жизнедеятельности коммуникативного пространства особого типа, в котором коммуникации между социальными общностями изначально нацелены на взаимопонимание, взаимоуважение, солидарность и согласие. Их функционирование предполагает также соблюдение определенных этических норм ведения диалога.

Конечно, далеко не всем дискурсивным формациям присущ социетальный характер. Конкурентами социетальных дискурсов выступают агрессивные дискурсы, конструирующие и провоцирующие конфликтные ситуации и социальные антагонизмы. Структура такого рода дискурсов представляет собой бинарные оппозиции по типу друг — враг, свой — чужой, наши — не наши и т. п.

Существуют также менее жесткие, но тем не менее далеко не социетальные дискурсы публичных коммуникаций, получившие широкое распространение в связи с развитием *мягких технологий информационно-идеологического воздействия* и успешно применяемые в современной рекламе, шоу-бизнесе и шоу-политике. Провозглашаемые публично, социетальные стратегии коммерческой и политической рекламы (успешное разрешение проблем потребителей, забота об их благополучии, здоровье и т. п.) на деле маскируют сугубо утилитарные интенции. Внешняя социетальность на практике выполняет функцию социально-психологического манипулятора.

² Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 76.

Г. Г. СИЛЛАСТЕ,

заведующая кафедрой социологии Финансовой академии при Правительстве РФ, эксперт Комитета по социальной политике Совета Федерации Федерального собрания РФ, президент Международной ассоциации «Женщины и развитие», председатель Московского отделения Российской социологической ассоциации (РоСА), доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (Москва)

СМИ В СЕЛЬСКОМ СОЦИУМЕ: КОНФЛИКТ ГУМАНИЗМА И НАСИЛИЯ

Сюжет 1. Слом идеологий на сломе эпох. Опыт истории учит, что глубинные преобразования в социально-экономическом и политическом строе любой страны всегда связаны с острой идейной борьбой, со сменой идеологий, господствующих или широко распространенных в обществе. Россия не является исключением из общего правила. В условиях постсоветского режима коммунистическая идеология перестала быть господствующей, и образовалась «духовная пустота». Различные религии, и прежде всего православие, попытались заполнить ее при поддержке властей. Православная церковь, официально не претендуя на роль носителя государственной идеологии, тем не менее заняла прочные позиции в обществе в целом, во всей системе образования и даже в армии в частности.

Но церковь далеко не единственный претендент на духовное руководство российским обществом. Идет открытая и скрытая идейная борьба между самыми различными мировоззренческими и политическими системами: от коммунистической до правого буржуазного либерализма и крайних националистических взглядов. Основной объект острой политической и идейной борьбы — молодежь, и в частности — сельская молодежь, наиболее податливая внешним влияниям.

Вопросы идейной борьбы за сознание сельской молодежи нашли широкое освещение в масштабном социологическом исследовании села и сельской школы, которым автор руководил на протяжении нескольких последних лет. Итоги этого исследовательского проекта подведены в двух монографиях («Сельская школа и село России в начале XXI века (социологический анализ)» и «Сельская молодежь в лабиринтах средств массовой информации») общим объемом 47 печатных листов. Материалы исследования и являются эмпирической базой настоящего сообщения.

Сюжет 2. Семья как базовая аудитория СМИ на селе. По данным социологических исследований, *сельскую семью сегодня больше всего тревожат бедность, обнищание большинства населения (76 %); рост безра-*

ботицы (47 %), резкое расслоение на богатых и бедных (39 %), несправедливое распределение доходов и кризис в экономике (33 %), плохое состояние промышленности и сельского хозяйства (29 %), рост наркомании (32 %) а также кризис морали, культуры, нравственности (16 %). Эти данные незначительно меняются на протяжении длительного периода и рисуют картину социального кризиса на селе.

Семья в условиях приватизации государственности, резкого обнищания населения и агрессивной идеологии культа денег не смогла устоять перед агрессивным прессингом таких тяжелых асоциальных явлений, как алкоголизм, переросший в процесс массовой *алкоголизации* села (распространение пьянства в сельских семьях отмечают от 93 до 97 % опрошенных учителей, родителей учащихся сельских школ и самих школьников); наркотизации молодежи, девальвации ее духовных ценностей и ориентиров, эрозии исконных морально-нравственных ценностей. Поколенческий характер сельской семьи проявляется в резком уменьшении (на 20 % по сравнению с 1939 г.) доли самого молодого поколения (молодежь трудоспособного) в составе сельского населения. Вместе с тем сельская семья сохраняет свою *патриархальность*, хотя и в более либеральной, чем раньше форме. По своим взглядам сельская семья *умеренно консервативна*. Любые новшества в экономике, политике и культуре она встречает *настороженно, с опаской*. В то же время *социально, психологически и нравственно* сельская семья более устойчива, чем городская. Я бы сказала, что она духовно сплоченнее, чем городская.

Вместе с тем доля занятого сельского населения с высшим образованием сократилась и составила только 7 %, что в 2,5 раза меньше, чем в городах. Соотношение мужчин и женщин, занятых в сельском хозяйстве, — 13,3 % к 6,9 % в пользу мужчин. Село катастрофически стареет. Из 39,5 млн человек, проживающих в сельской местности, лишь 9,4 млн человек в возрасте молодежи трудоспособного. 76,5 % всего бедного населения

России составляют сельские семьи. До 40 % мигрантов в сельской местности — это молодежь в возрасте до 30 лет. Ухудшение социального положения сельского населения порождает его социальную иммобильность, то есть низкую способность к социальным перемещениям и действиям.

Сюжет 3. СМИ в сельском социуме. Телевизионный эфир — конфликт ценностей как конфликт мировоззрений. Широко распространена точка зрения, согласно которой российская деревня, по сравнению с городом (и особенно — с мегаполисами Москвой и Петербургом), обделена информацией и средствами ее распространения. В какой-то мере (хотя и выборочно) с такой точкой зрения можно согласиться. Да, российская деревня ограничена в своих возможностях приобретения книг, брошюр, газет, журналов. Почти в 30 % сельских семей вообще не выписывают газет и журналов, и главным образом — из-за отсутствия денег, а 12,4 % селян считают, что газеты и журналы можно прочесть и в библиотеке, а не тратить деньги на подписку.

Вместе с тем на селе действует достаточно развитая информационная система, в которой, бесспорно, лидирующее место занимает телевидение. Несмотря на сокращение его охвата сельской местности к 2005 году, последний, тем не менее, составляет 86,7 %. Это не значит, что сельские жители, в том числе молодежь, не слушают радио, не читают газет и журналов, особенно местных. И слушают, и читают, и имеют свое мнение по вопросам международной и внутренней политики.

Что является главным в деятельности СМИ и в первую очередь телевидения? Содержание передач, их идейная направленность, методы и формы подачи материалов. В обществе в последнее время идет острая борьба по вопросам свободы слова, информации, независимости СМИ. Споры спорами, а официальные органы при поддержке бизнеса проделали огромную работу по унификации информации. Сейчас, желая ознакомиться с последними событиями, достаточно посмотреть одну передачу какого-либо московского телеканала. Можно без труда выделить направления телепропаганды, постоянно занимающие господствующие позиции в телевизионном эфире. Это проблемы обогащения, власти денег и насилия, наживы, не щадящей ближнего, попрания человеческого и, прежде всего, женского достоинства. Говоря кратко, в основе деятельности СМИ лежит вечный и неразрешимый конфликт гуманизма и насилия.

Как воспринимает информацию СМИ молодежь? Если кратко, то с трудом преодолеваемая конфликт ценностей.

Вектор конфликта ценностей: СМИ и формирование жизненных планов сельских учащихся. Судя по оценкам общественного мнения сельской учащейся молодежи, помощь телепередач в определении жизненных планов сельской молодежи небольшая. Всего от 10 до 37 % опрошенных дали высокую оценку содействию телевидения в их самоопределении и выборе жизненных планов.

36–37 % опрошенных положительно оценивают участие телевидения в освещении таких волнующих молодежь вопросов, как поступление в вуз и приобретение профессии; возможности сделать карьеру в профессиональной сфере, создание семьи и воспитание детей. Удовлетворяют юношеское тщеславие телепередачи, отвечающие на вопросы о том, как «открыть собственное дело» и «стать знаменитым». Высокую оценку роли СМИ о возможностях реализации таких планов дают 31–34 % учащихся. Похоже, телевидение реализует свои интересы, а молодежная аудитория села остается со своими в значительной мере неудовлетворенными информационными запросами.

За что сельская молодежь критикует телепередачи? Выделю четыре группы интенсивности критики телеинформации:

— за недостаточное освещение *социально-профессиональных проблем жизнеустройства* молодежи. От 16 до 19 % сельской молодежи считают, что телепередачи «не оказывают никакой помощи» в ответах на вопросы о том, как поступить в вуз и получить профессию, создать свою семью, сделать карьеру, открыть свое дело, стать знаменитым;

— *миграционные проблемы*. 22–28 % респондентов недовольны отсутствием телеинформации о возможностях трудоустройства и переезда в город, отъезда на работу за рубеж. Иначе говоря, речь идет о возможностях выезда молодежи из села;

— 28–37 % опрошенных критикуют телевидение из-за отсутствия информации о *сельской жизни* (как построить свой дом и остаться жить на селе, создать фермерское хозяйство и т. п.);

— 35 % молодых людей недовольны телеинформацией по вопросу о том, «как стать политиком».

Сюжет 4. Деньги, деньги, всюду деньги: конфликт ценностей материальных и духовных. Исследование вскрыло критическое отношение сельской телеаудитории к коммерциализации информационных, образовательных

услуг, в целом — услуг духовной сферы. В условиях форсированного перехода к рыночной экономике в 1990-е годы культ денег стал практически общегосударственной идеологией. СМИ в этой разрушительной эрозии сознания и нравственных установок личности стали играть решающую роль, навязывая новые индивидуалистические стандарты поведения и отношений между людьми.

Ориентация СМИ и особенно телевидения на пропаганду «больших ожиданий» от быстрого обогащения, наживы, «красивой жизни» и ее новых золотых стандартов затронула не только взрослое население российского общества, но особенно «полоснула» по неустойчивому сознанию молодежи. Деньги стали мерой не только экономической, но и нравственной свободы. Влияние такой переориентации негативно отразилось на жизненных ценностях, планах, путях достижения успеха и самореализации молодой личности, ее нравственных устоях.

В условиях почти 15-летнего перехода к рыночным отношениям в сознании молодежи, в том числе сельской, происходили сложные процессы переоценки жизненных ценностей семьи, родителей и формирование собственных взглядов о том, что очень важно и что менее ценно для жизненного продвижения. Деньги в этом ряду ценностей телепрограммы занимают одно из первых мест.

Для большинства сельской учащейся молодежи ценность денег и богатства стала выше веры в идеалы (91,4 % против 69,6 %). Причем, если считают ценность денег и богатства «очень высокой» 40 % учащихся, то вера в идеалы высоко оценивается в 2 раза реже (21,3 %). Для каждого четвертого сельского школьника (25,6 % респондентов) вера в идеалы вообще не имеет никакой ценности, чего не скажешь о деньгах и богатстве, в которых никакой ценности не видят 5–6 % респондентов.

Такие взгляды прививают отечественные СМИ, информационная политика которых, прославляя наживу, обогащение, практически самоустранилась от формирования у молодых телезрителей эстетических вкусов и нравственных идеалов. На этом фоне преобладающее большинство респондентов (62 %) считают, что именно телевидение наиболее активно распространяет «идеологию» силы денег, их «культу», учит добиваться своей цели любыми методами и средствами (46,3 %), поддерживают стремление к обогащению и наживе (33 %), восхваляют бандитов и преступные авторитеты (30,5 %), облагоражива-

ют корысть (19 %). Не более чем «проблески» идей честности и правдивости, доверия к людям отмечают в телепередачах лишь 24–25 % сельских старшеклассников.

Передачи — пропагандисты корысти, денег и богатства как высшей жизненной ценности — ведутся в наиболее легко усваиваемом молодежной аудиторией жанре «развлекательно-завлекательных» программ. Среди них особое место по массовости молодежной аудитории занимают программы: «*Кто хочет стать миллионером*» (с М. Галкиным) и «*Поле чудес*» (с Л. Якубовичем). Эти передачи построены в жанре приключений и поиска острых ощущений на основе внушения стереотипа: «*героем может быть каждый из вас*», и «*в этом все равны*». Независимо от того, что молодой телезритель не является «кинодивой» или «телезвездой» или популярным телеведущим, — «*все в равных условиях, все по справедливости: выигрывает сильнейший и авторитетный лидер*». Этот лейтмотив особенно импонирует молодежным и подростковым аудиториям. Ведущая, «денежная» идея в этих передачах скрыта. Но именно материальный стимул (премия «победителю» — «последнему герою») ведет к преодолению участниками этих экзотических передач мучений и испытаний. Социально-психологические механизмы этих программ — внушение и подражание — работают эффективно.

Социологический анализ показывает, что телепропаганда дает свои плоды. **Ведущая** психологическая реакция — «*желание иметь много денег*» (особенно у юношей (50,1 %) и для этого «*не останавливаться перед средствами в достижении своих целей*» (но к такому выводу более восприимчивы девушки — 44 % против 37,4 % среди ребят). Цель — «*карьера и обогащение*». Именно так реагируют на эти телепередачи почти 38 % респондентов, причем, среди девушек такая реакция более распространена, чем среди юношей (39,5 % против 35,1 %).

В целом к телепередачам, в которых *превозносится сила денег*, у 13 % сельских учащихся отношение позитивное. Однако негативно к этому относятся в 3 раза больше сельских школьников (почти 46 %). Если учесть, что среди сельских жителей за чертой бедности живет 61,6 % населения, что средняя заработная плата в сельском хозяйстве составляет менее 2 тыс. рублей (или всего 35 % от среднероссийского уровня), то понятны и мотивы отношения к пропаганде культа денег и к их обладателям. А отношение это конфликтное.

Многие телевизионные передачи, демонстрирующие раздел общества на бедных и богатых, порождают у молодежной телеаудитории, с одной стороны, зависть к благополучным и обеспеченным (причем у юношей несколько больше, чем среди девушек). С другой — уважение к богатству (в большинстве случаев — у юношей), «восхищение богатыми», одновременно поляризует учащихся в их подходах к пропаганде силы денег. В большинстве случаев (у 66 %) «тестирование богатством» порождает среди сельской молодежи чувства обиды за несправедливость и ненависти к ней. Но в то же время формирует (если не сказать — уже сформировало) у каждого четвертого (23–25 % опрошенных) ориентацию на силу денег, уверенность в том, что именно богатство и деньги важнее всего в достижении успеха в жизни.

Сюжет 5. Как влияют СМИ на отношение сельской молодежи к труду? Влияние передач радио и телевидения на трудовые ориентации молодежи, по признанию большинства сельских учащихся (40,5 %), большое, независимо от гендерной группы (признака пола). Получается, что передачи, превозносящие силу денег, обладают для определенной части учащейся молодежи обратным эффектом «трудовой стимуляции». Вместе с тем 18,2 % учащихся отрицают всякое воздействие СМИ на их стремление зарабатывать «собственным трудом». Иначе говоря, имея устойчивую трудовую ориентацию, эта группа сельских школьников не ставит в зависимость от воздействия СМИ свои жизненные установки в сфере труда. Следует отметить, что **потребительская ориентация** в трудовой сфере — «не работать и не учиться, но иметь все, что хочется» — не типична для сельских школьников (6,5 %). Абсолютное же большинство учащихся (86,6 %) придерживаются **нравственных трудовых** установок и ориентаций: «много работать и хорошо зарабатывать» (почти 46 %), «иметь интересную работу, любимую профессию

независимо от заработка» (34,3 %) или «небольшой, но твердый заработок» (таких немного — 6,4 %). Можно прийти к **выводу**, что значение труда как социальной и нравственной ценности среди сельской учащейся молодежи не девальвировано. А это создает хорошие предпосылки для закрепления в молодежном сознании нравственных ценностей трудового поведения.

Сюжет 6. Есть ли перспективы разрешения конфликта гуманизма и насилия как ценностных ориентаций в молодежной аудитории и в деятельности СМИ? В рамках недавно принятой правительством Стратегии молодежной политики РФ для вовлечения молодежи в общественную жизнь предусмотрен, в частности, проект «*Российская молодежная информационная сеть — “Новый взгляд”*». Его основными целями являются: 1) вовлечение молодежи в процессы поиска, создания, применения, распространения и популяризации актуальной информации и ценностей, необходимых для активной жизни; 2) развитие *положительного отношения молодежи к позитивным ценностям* российского общества; 3) продвижение *образа положительного успешного молодого россиянина*. Для этого, в частности, планируется развивать информационно-консалтинговую помощь молодежи, молодежные проекты и программы; расширять участие в международных информационных молодежных проектах, направленных на взаимное проникновение ценностей российской и мировой культуры и др.

Разумные планы. Вопрос заключается в главном: *как и когда* удастся их реализовать? На мой взгляд, воплощение их в жизнь требует подъема реального сектора национальной экономики, укрепления мощи государства, воспитания чувства национального достоинства и гордости за свою страну. Участие в решении этих задач должно стать своего рода «Аз, Буки, Веди» в работе российских СМИ с сельской молодежью.

Г. З. ЮШКЯВИЧЮС,

советник Генерального директора ЮНЕСКО,
вице-президент Евразийской академии телевидения и радио

ТЕЛЕВИДЕНИЕ. СПОСОБСТВУЕТ ЛИ ОНО ДИАЛОГУ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Успех диалога культур и цивилизаций сегодня во многом зависит от средств массовой информации. Особенно значительное влия-

ние на этот диалог оказывает телевидение, так как сегодня программы телевидения распространяются практически без препятствий.

Российский телезритель сегодня может смотреть многие иностранные телевизионные каналы, зарубежный — российские каналы как на русском, так и на других языках. Кажется, есть прекрасная возможность для диалога культур и цивилизаций, и такой диалог действительно происходит.

Однако многие телевизионные программы, особенно российские, сегодня все чаще привлекают зрителя не талантом, выдумкой, мастерством, а, обращаясь к темным сторонам его подсознания, делают ставку на страх, секс, насилие, ожидание смерти. Такой эмоциональный наркотик разъедает ценностную

систему российской культуры, а зарубежному зрителю Россия представляется жестокой, опасной страной.

Проблема огромная, и требуется политическая воля, необходимо «власть употребить», применить диктатуру закона, чтобы искоренить насилие и порнографию из программ телевидения. Такой опыт есть во многих странах, например во Франции, Великобритании, США.

На защиту культуры и языка от пошлости и жестокости, проповедуемых телевидением, должна встать общественность, политики и все конфессии.

Секция 5

НАУКА, ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО: НА ПУТЯХ К ОБРЕТЕНИЮ ИСТИНЫ

С. Р. АБРАМОВ,

*заведующий кафедрой английского языка СПбГУП,
кандидат филологических наук, профессор*

САКРАЛЬНОЕ И ПОЭТИЧЕСКОЕ КАК КАТЕГОРИИ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Поскольку «местонахождением смысла» является деятельность, а не текст как таковой, анализ сущности смысла выводит проблему смысла за пределы текста — в интерпретационную деятельность, которая считается традиционной координатой понимания и имеет свои логические формы. Для того чтобы исследовать сакральный текст, необходимо иметь в виду свойство сакрального как некоторой ценности, возникающей в специфическом акте религиозной деятельности. Новым в постановке проблем понимания и сакральности здесь является включение в их изучение коммуникации.

Процесс понимания фиксирован эволюцией сакральных текстов и особенно позднейших их переводов, так как в них смыслообразующая функция человеческой деятельности выражена наиболее четко. В качестве важного момента толкование и перевод предполагают процессы коммуникации — как живого межличностного общения в рамках единого сакрального пространства (конфессии), так и толкования смыслов тех текстов, которые живут в культуре уже отдельно от породивших их традиций.

Проблема сакрального до сих пор не нашла в науке однозначного разрешения. Дюркгейм не сумел дать ему позитивного научного определения, он удовлетворился лишь негативной характеристикой сакрального мира как абсолютно инородного по отношению к миру профанному [1, 53]. В ходе своего анализа Дюркгейм приходит к отождествлению *сакрального* и *социального*, с чем трудно согласиться, так как такое отождествление вынуждает вводить некую гипотезу, и как бы ни было велико значение этого отождествления, оно не обладает ценностью определения, означающего что-то непосредственно. В то же время в нем отразилась тенденция

науки давать *однородную* картину, чтобы уклониться от рассмотрения элементов, явственно присутствующих, но глубоко *инородных*. На наш взгляд, можно допустить, что *сакральное* есть нечто позитивно известное — по крайней мере имплицитно известное. Очевидно, что сакральное можно определить как *инородное*.

Инородный мир шире той области, общей для религии и магии, которую образуют собственно сакральные вещи. Иначе говоря, он включает все, что *однородное* общество отвергает либо как отходы, либо как трансцендентную ему высшую ценность. «*Инородная* реальность — это реальность силы или шока. Она предстает как некий заряд, некое значение, более или менее произвольно переходящее с одного объекта на другой, — так что получается, будто изменения происходят не в мире объектов, а только в суждениях субъекта, поскольку субъект обладает поразительной возможностью перемещать возбуждающее его значение с одного элемента на другой, аналогичный или соседний» [2, 68]. Стало быть, в инородной реальности *символы*, заряженные аффективным значением, не менее важны, чем ее основополагающие элементы, и часть может обладать тем же значением, что и целое. Отсюда нетрудно заключить, что если познание *однородной* реальности должно иметь научную структуру, то структуру познания *инородной* реальности как таковой следует искать в мистическом мышлении и в образах сновидений: она идентична структуре *бессознательного*.

Всякое человеческое существо характеризуется, с одной стороны, сознательной деятельностью, а с другой — иррациональным опытом. Однако по содержанию и структуре бессознательное обнаруживает удивительные аналогии с мифологическими образами

и картинами. «Бессознательное выполняет отчасти функцию религии, ибо прежде чем сделать существование способным к созданию ценностей, религия обеспечивает его целостность» [3, 129]. Отсюда и сходство двух смыслопорождающих контекстов — сновидческого и религиозно-мистического (непредставимого без визионерских картин). О магическом синкретизме в мышлении первобытных людей и о толковании в связи с этим образов сновидений говорится также в фундаментальных трудах Э. Фромма, П. Рикера, Э. Кассирера и Л. Леви-Брюля [4–7].

Все сакральные произведения как явления культуры связаны с определенной нормой их создания, а следовательно, толкования и понимания. Деятельность, направленная на извлечение смысла этих текстов, иерархически организована. Сакральность текста не определяется каждым его элементом, будь то стилистически окрашенное слово, грамматическая категория или фразеологическая единица. Скорее, некоторые элементы, которые можно было бы назвать *маркерами сакральности*, задают *всему коммуникативному пространству текста* это качество.

Понимание природы сакральности должно способствовать и новому пониманию феномена поэтичности. По мнению Н. О. Гучинской, опирающейся на философию языка И. Г. Гамана и И. Г. Гердера, поэзия происходит из первоначального сакрально-поэтического единства: «Если <...> *поэтичность*, которую Гердер считает главным качеством Библии, считать следствием ее *сакральности*, то можно установить связь между языком, поэзией и религией, превращая толкование сакрально-поэтических текстов, то есть поэтическую *герменевтику*, в науку *лингвистическую*» [8, 58]. Несомненно также «близость религиозного мышления мышлению художественному (что отличает их как от обыденного сознания, «здорового смысла», с одной стороны, так и от научного, логического мышления — с другой)» [9, 149]. Исследователи отмечают множество общих черт в природе, организации, функциях и бытовании обоих типов текста — сакрального и поэтического: обоим типам свойственна образность, метафоричность, трансцендентность по отношению к миру привычных вещей и явлений; сакральный и поэтический текст единородны и соприродны [10, 197; 11, 131; 12, 184; 13, 96 и др.].

Существенная общность сакрального и поэтического текстов заключается в тождественной организации смыслов, а также в техниках понимания, к которым прибегает

интерпретирующий субъект. Как сакральный, так и поэтический язык (искусство в языке) противопоставляется в акте интерпретации профанному и непоэтическому языку множественностью и одновременной реализацией смыслов, хотя это изобилие и не обладает четкостью и эксплицитностью логических атрибутов и понятий. Или же, как говорит Кант, такой язык «возбуждает массу невыразимых словами ощущений и побочных представлений» [14, 333].

Положение о том, что выраженное искусством не может быть передано словами повседневного языка и потому открывает перспективу для бесконечных толкований и требует особых техник понимания, характерно и для взглядов немецких романтиков. Утверждение о непереводаемости поэзии согласуется у них с утверждением о неисчерпаемости поэтического смысла, о природе поэзии, постоянно находящейся в становлении. Ф. Шлегель старался описать оба элемента этого отношения — искусство и его содержание [15, 201, 229, 239] — и пришел к мысли, высказанной еще Оригеном и Климентом Александрийским: о сакральном можно высказываться только косвенным образом. Так, Ориген писал: «Существуют материи, значение которых не может быть надлежащим образом изложено абсолютно никаким словом человеческого языка» [16, *De Princ.*, IV, 3, 16]; Климент: «Все, кто рассуждали о божественном — и варвары, и греки, — утаивали начала вещей и сообщали истину с помощью загадок, символов, а затем аллегорий, метафор и других аналогичных приемов; так оракулы греков, и Аполлона Пифийского не зря называли “уклончивым”» [16, *Stromata*, V, 21, 4]. Подобно сакральному тексту, всякое произведение искусства есть намек на бесконечность, и символы суть «знаки непредставимых и несказуемых сущностей» [17, 41]. Соответственно, косвенный (метафорический) способ выражения не просто присутствует в поэтическом и сакральном тексте, он является их *конструктивным* (*конститутивным*) признаком.

Поскольку и поэтический, и сакральный тексты выражают «несказуемое и неисчерпаемое», их толкование в принципе бесконечно. Здесь уместно вспомнить Шеллинга, говорившего о «бесконечности бессознательности», которой живут и подлинное произведение искусства, и подлинный миф: «Каждое истинное произведение искусства как будто содержит бесконечное число замыслов, допуская тем самым бесконечное число толкований, и при этом никогда нельзя установить,

заключена ли эта бесконечность в самом художнике или только в произведении искусства как таковом» [18, 478]. Для А. В. Шлегеля «непоэтический взгляд на вещи — это такой взгляд, когда считается, что они упорядочиваются при их восприятии органами чувств и установлениями разума; поэтический взгляд — это такой взгляд, когда вещи постоянно истолковываются и в них видят неисчерпаемую фигуральность» [19, 129]. Итак, суть поэзии заключается во множественности смыслов. Но в том же и суть сакрального текста (для этого и нужны все приемы усмотрения и экспликации смыслов). Практическая цель герменевтического анализа — отобрать один или несколько смыслов и объявить их приоритетными.

Если вслед за В. Г. Адмони признать признак воспроизводимости высказывания существенным для всякого текста [20, 12], то тем более следует признать воспроизводимость высказывания в ряду важнейших типологических особенностей текста сакрального и поэтического: именно необходимость многократного воспроизведения (в устной и письменной речи) для сакрального текста и желанность такового для поэтического диктует им определенные структурные особенности (ритмическую организацию, повторы и синтаксический параллелизм, благозвучность и т. д.). «Текстовая точность, требуемая религией, наряду с тем что живая речь через некоторое время становится уже неадекватной языку, которым написаны религиозные тексты, вызывает у многих религий необходимость развернутого и тщательного комментирования этих текстов, их толкования. Исключительно ответственной задачей становится и их перевод на другие языки... Стремление к максимально точному воспроизведению священного текста ведет к тому, что у народов может возникнуть двуязычие» [20, 96].

Но есть и существенное различие между сакральным и поэтическим текстом: образность поэтического текста индивидуалистична и антропоцентрична, его символический ряд распадается на множество эгоцентрических символов, иерархию которых венчает лирическое «Я»; образность сакрального текста логоцентрична (= пневматоцентрична), то есть подчинена единому Символу (архетипу, образу божества, Логосу). Поэтический текст

(особенно квинтэссенция его — лирическое стихотворение) в восприятии читателя центростремителен (антропоцентричен), сакральный — центробежен (теоцентричен). В поэтическом тексте все подчинено единому (сколь угодно сложному) чувству, даже религиозное переживание опосредуется в эстетическое; в сакральном же тексте, наоборот, эстетическое подчинено духовно-религиозному и мистическому.

Литература

1. Durkheim É. *Formes élémentaires de la vie religieuse*. P., 1915.
2. Элюаде М. Мефистофель и андрогин. СПб., 1998.
3. Bartsch H.-W. *Kerygma and Myth*. L., 1962. Vol. II.
4. Fromm E. *The Forgotten Language: An Introduction to the Understanding of Dreams, Fairy Tales, and Myths*. N. Y.; Toronto, 1951.
5. Ricoeur P. *De l'interprétation. Essai sur Freud*. P., 1965.
6. Cassirer E. *Das mythische Denken*. München, 1973.
7. Lévy-Bruhl L. *La mentalité primitive*. P., 1984.
8. Гучинская Н. О. *Hermeneutica in nuce*. СПб., 2002.
9. Bultmann R. *Glauben und Verstehen: Gesammelte Aufsätze*. Tübingen, 1961. Bd. I.
10. Pope H. *English Versions of the Bible*. N. Y., 1952.
11. Malevez L. *The Christian Message and Myth*. L., 1958.
12. Heidegger M. *Poetry, Language, Thought*. N. Y., 1975.
13. Iser W. *Der Akt des Lesens: Theorie der ästhetischen Wirkung*. München, 1976.
14. Кант И. *Сочинения: в 6 т. / пер. Н. М. Соколова*. М., 1966. Т. 5
15. Schlegel F. *Werke: in zwei Bd. Erster Band*. Berlin; Weimar, 1980.
16. The Early Church Fathers Series in WinHelp Format: a 37-volume electronic collection of writings from the first 800 years of the Church // Programmed in WinHelp by Dr. Maged Nabih Kamel, MD. Converted to HTML Help format by Graham Ranson [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.geocities.com/Athens/7084>.
17. Augustini S. Aurelii. *De doctrina christiana* / ed. C. H. Bruder. Lipsiae, 1838.
18. Шеллинг Ф.-В.-Й. *Сочинения: в 2 т. / пер. М. И. Левиной, А. В. Михайлова*. М., 1989. Т. 2
19. Todorov T. *Theories of Symbolism*. Cambridge, 1999.
20. Адмони В. Г. *Система форм речевого высказывания*. СПб., 1994.

В. Г. АЛЕКСАНДРОВА,

профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник лаборатории гуманитарной педагогики Научно-исследовательского института столичного образования, руководитель педагогической мастерской «Интеграция науки и искусства в школе», доктор педагогических наук

ИНТЕГРАЦИЯ НАУКИ И ИСКУССТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ КАК ПУТЬ ОБРЕТЕНИЯ ДУХОВНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

*Три области человеческой культуры —
наука, искусство и жизнь —
обретают единство только в личности.*
М. М. Бахтин

Уникально для современности значение трудов М. М. Бахтина, сквозной мыслью которых является то, что только особый тип мышления — гуманитарный — способен целостно воссоздать смысл человеческого разума, снимающего противоположность логического и поэтического. Он устанавливает всеобщность связи человечества и личности, истории и исторического момента, выдвигает свое понимание начала, через которое осуществляется встреча мира культуры и мира жизни.

Интеграция науки, литературы и искусства помогает «очеловечить» среду общения, сделать более высокодуховным сам образовательный процесс, чтобы учитель смог *взять у искусства его дар возвышать, очеловечивать, одухотворять*. Это помогает идти от искусства чувствовать — к искусству мыслить, искусству жить, принимать искусство как путь к образу, истине, целостности Бытия.

Человек в культуре и искусстве есть самая яркая, но и самая скрытая разгадка многих тайн, так как искусство содержит нечто такое значительное, что выводит человека на большие духовные высоты, даже, можно сказать, на предельную высоту человеческих возможностей. И. Н. Ильин считал, что поскольку в искусстве заключены родовые черты человечества, и каждое произведение несет в себе «таинственное высвечивание действительности», то искусство возвращает человеку дыхание вечности, гармонию: искусство есть и молитва, и познание, и духовность, и добродетель, и творчество, и служение.

В докладе раскрывается, что искусство как форма духовного вносит в любую деятельность живую мысль, живое чувство, тем самым эмоционально окрашивая педагогический процесс. Если эмоции вяло участвуют в познании, то ученик или студент не относит к себе полученную информацию, остается к

ней равнодушным. Интегративный подход повышает эмоциональную восприимчивость, устойчивость эвристических процессов, развивает воображение и фантазию, углубляет ассоциативное мышление, стимулирует креативность.

Недооценка эмоционально-духовного развития личности ведет к ослаблению самой интеллектуальной жизни, к преобладанию в ней процессов усвоения за счет процессов творчества. Время убедительно показывает, что развитие интеллекта не может быть оторвано от целостного развития личности, что выделение интеллекта, сосредоточение всего внимания на интеллекте часто влечет за собой небрежное отношение к воспитанию как питанию своей души. Возможно, здесь кроется ответ на вопрос П. П. Блонского: почему учитель как живая личность отсутствует в классе и держит свою душу на замке от детей? Почему перед детьми так часто скучающий профессионал? Мы не учим в педагогических вузах любви, прощению, а ведь это главное, что делает человека Человеком, нужно готовить учителя по-новому, больше говорить о духовности, прививать новый взгляд на людей, человека и общество.

Д. С. Лихачев считал, что познание мира может быть двояким: с одной стороны, успокоенным, чисто созерцательным, констатирующим, а с другой — как бы движущимся, следящим за движением познаваемого и поэтому «идушим вслед»¹. Первое познание мира в основном представлено наукой, второе — искусством. Ученый писал, что искусство не передает мир «в отпечатке», а как бы ставит эксперимент, создает ситуацию, и такое познание творит «второй мир», свой, собственный. Эти мысли Д. С. Лихачева очень близки современной педагогике, которая, вбирая в себя и науку и искусство, помогает педагогам успешно решать проблему равноправного развития различных сторон мыш-

¹ Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. М., 1999. С. 190.

ления, создавая условия, внутри которых исчезает возможность диспропорции между индивидуально-теоретическим развитием — с одной стороны, и художественно-творческим — с другой. Искусство в педагогике есть прекрасная возможность возбуждения ума и сердца, а не простого сообщения сведений и знаний. Оно позволяет перевести когнитивные знания в эмоциональную сферу, усилить роль эмоции как внутренней движущей силы развития, стимулирующей индивидуальность, ведущей к творчеству.

Расставляя свои приоритеты, современная гуманная педагогика подчеркивает прежде всего не ценность знания, а ценность человека, для которого эти знания есть уникальная возможность собственного развития, становления. Она в равной степени обращена как к интеллектуальной, так и к эмоциональной сфере человека, ибо, акцентируя внимание на эмоциональном восприятии, поддерживая эвристические процессы, стимулируя творчество ученика и учителя, она позволяет сделать воспитание духовно-нравственным ядром образовательного процесса. Творческое начало в деятельности учителя передается ученику, и общая увлеченность процессом познания помогает им в совместном диалоге со временем и с самим собой приподниматься над обыденностью, наполнять педагогическое общение высотой интеллектуально-го поиска и духовностью.

Педагог, сочетая науку и искусство, способствует тому, что его методы, приемы и способы действия становятся гибкими, действительными, живыми, раскрывающими возможность подниматься в сотрудничестве на интеллектуальную высшую ступень. Выявление

и раскрытие гуманитарного начала каждого учебного предмета, всей изучаемой науки ведет не только к пониманию красоты и гармонии окружающего мира, но и раскрывает в каждом из участников педагогического процесса, как и в самом педагогическом процессе, все лучшее, что в нем есть. Искусство придает гуманно-личностному подходу к педагогической деятельности высоту, радость творчества и духовную общность, углубляет содержание, расширяет границы познания, совершенствует формы воспитания и развития личности, индивидуализирует и интеллектуализирует его.

Проблема синтеза трех способов познания — религии, искусства и науки — не потеряла своей остроты и актуальности и в наши дни. Исследуя византийские и художественные древнерусские традиции, мы постигаем путь творческого переосмысления религиозных ценностей, чтобы, следуя их примеру, найти возможные варианты и для педагогического осмысления великих ценностей христианской культуры. На трудном пути возвращения святынь в нашу жизнь, в содержание педагогического общения литература и искусство есть самый верный, испытанный путь к поиску истины.

В своей последней книге «Истина Школы» Ш. А. Амонашвили пишет, что педагогика есть общечеловеческая культура мышления, а мудрость педагогическая есть общечеловеческое достояние. Общечеловеческая мудрость питает корни Школы. Но корни сами по себе тоже мудры: они из общечеловеческой мудрости взращивают школу национальную. Это и есть Истина Школы. У каждого из нас свой путь к Истине.

А. А. АСОЯН,

профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор филологических наук

«СМЕРТЬ БОГА» ОТ ЛУКРЕЦИЯ ДО Ж. ДЕРРИДЫ

Сакраментальным словам Ф. Ницше, впервые прозвучавшим в третьей книге сочинения «Веселая наука» (1882), М. Хайдеггер на переломе своего творчества (1936–1937) посвятил обстоятельную, «выдающуюся значительности» (А. В. Михайлов) статью. В ней он отметил, что «слова Ницше “Бог мертв” нарекают судьбу Запада в течение двух тысячелетий его истории»¹.

В данной работе мы попытаемся пояснить высказывание Хайдеггера, хотя имплицитным комментарием к нему является собственное соображение философа: «Нигилизм — это движение в историческом свершении, а не какой-нибудь взгляд, не какое-нибудь учение, какие кто-либо разделял и каких-либо кто-либо придерживался»².

¹ Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993. С. 171.

² Хайдеггер М. Указ. соч. С. 175.

На наш взгляд, зримое начало европейского нигилизма было положено Лукрецием в его первой книге «De rerum natura» (62–69):

В те времена, как у всех на глазах безобразно влачилась Жизнь людей на земле под религии тягостным гнетом, С областей неба главу являвшей, взирая оттуда Ликом ужасным своим на смертных, поверженных долу, Эллин впервые один осмелился смертные взоры Против нее обратить и отважился выступить против. И ни молва о богах, ни молнии, ни рокотом грозным Небо его запугать не могли...

Здесь будущие слова Ницше звучат перифразой об Эпикуре. Почти через сто лет эстафета была подхвачена Марциалом. В четвертой книге «Epigrammata» он поместил скопические стихи на некоего Сегия, который твердит, «*что нет никаких богов, и небо пусто...*» (Epigrammata, IV, 21).

Его современник, знаменитый Плутарх, переведет случай, зафиксированный Марциалом, в общезначимый факт. В семнадцатой главе своего сочинения De defectu oraculorum («Об упадке оракулов») Плутарх заметит: «*Великий Пан умер*».

Спустя полторы тысячи лет эта реплика эхом отзовется у Б. Паскаля: «*Le grand Pan est mort*» (Pensees, 695).

В XVIII столетии маркиз де Сад устами своего героя категорически заявит: «*Идея Бога — единственная ошибка, которую я не могу простить человеку*»³.

В конце Просвещения, в 1796 году, немецкий романтик Жан-Поль (И.-П.-Ф. Рихтер) опубликует роман «Siebenkas», где в качестве вступления помещена «*Речь мертвого Христа*» (Rede des toten Christus). Она подана как фикция, как сон, но ей свойствен искусительный, провокационный характер. Он будет замечен самыми первыми читателями, и уже в 1804 году в «Ночных бдениях» Бонавентуры — «*Nachtwaachen von Bonaventura*» (по версии А. Гулыги, мистификация Ф.-В. Шеллинга) появится близнец «*Речи мертвого Христа*» — «*Песнь о бессмертии*», в которой герой раздражается двусмысленной инвективой в адрес отца: «*А зачем он молится? <...> Там над нами, в море небесном сверкают <...> правда, бесчисленные звезды, но если это миры <...> то там тоже черепа и черви, как здесь внизу <...> эти мириады миров проносятся в своих небесах, движимые одной только гигантской природной силой, — и у этой жуткой родительницы, родившей всех и самое себя, нет сердца в груди <...> не выклянчивай себе неба, лучше*

добейся его, если ты силен <...> Брось попросишайничать! <...> Я больше не вижу тебя, отец, — где ты? Я прикоснулся, и все распадается в прах <...> Я рассеиваю в воздухе эту горстку отцовского праха (лежащего в «подземном музее смерти». — А. А.), и остается — Ничто!..» И в склепе напоследок слышен отголосок — Ничто!»⁴.

Вслед за «Бонавентурой» к «Речи мертвого Христа» обратится в трактате «О Германии» — «De L'Allemagne» Жермен де Сталь⁵. Здесь «*Речь мертвого Христа*» явится в собственном переводе де Сталь под названием «Un songe»; будет опущена лишь концовка, свидетельствующая, что «*Речь*» — всего лишь сон. Мадам де Сталь пренебрегла фигурным листком Ж.-П. Рихтера, и, может быть, потому, что прецеденты «смерти Бога» в европейской литературе рубежа веков были далеко не единичны. В 1802 году Гегель в работе «Вера и знание» (1802) заговорит о «*чувстве, на которое опирается вся религия нового времени, о чувстве: сам Бог мертв*»⁶.

Но традиция «богопокинутости» будет еще несколько лет крепко связана с именем Жан-Поля: в его «Речи» Христос приходит к мертвецам, вышедшим из своих могил, жаждущим у кладбищенской церкви благодати и ответа на вопрос, есть ли Бог. Христос вынужден воскликнуть: «*Бога нет <...> мы без Отца*»⁷. Эти слова сотрясают мироздание, остается лишь «*склеп вселенной*», в которой отныне лишь «*немое Ничто*».

Картина, нарисованная Жан-Полем, в середине XIX столетия нашла взволнованный отклик в сердце Ж. Нерваля. Слова «*мертвого Христа*» он вынес в эпитафию к стихотворению «Христос в Гефсиманском саду» («Le Christ aux oliviers»): «*Dieu est mort! le ciel est vide... Pleurez! Enfants, Vous n'avez plus de pere!*»:

Бог умер! Небеса пусты...
Плачьте, дети! У вас отныне нет отца...
Жан-Поль

Когда Господь, ничьим участием не согрет,
На предавших друзей взирав с немым упреком
И к небу воздевал в отчаянье жестоком
Худые длани, как отвергнутый поэт,
Он посмотрел на тех, кому нес веры свет, —
Там каждый мнил себя властителем, пророком,

⁴ Бонавентура. Ночные бдения. М., 1990. С. 168, 169, 170.

⁵ См.: Madame la baronne de Stael Holstein. De L'Allemagne. Upsala, 1814. Т. 2. P. 257–260.

⁶ Hegel G. W. F. Werke. Berlin, 1832. Bd. I. S. 157; Hegel G. W. F. Werke. Berlin, 1832. Bd. I. S. 157.

⁷ См.: Siebenkas Hg. v. Pietzker. C. Stuttgart, 1988. S. 299; Pietzker C. Einführung in die Psychoanalyse des literarischen Kunstwerks am Beispiel von Jean Pauls «Rede des toten Christus». Vurzburg, 1985. S. 11–14.

³ Цит. по: Бовуар С. де. Нужно ли аутодафе? — Маркиз де Сад и XX век. М., 1992. С. 158.

Но пребывал меж тем в животном сне глубоком, —
И изнемог Господь и крикнул: «*Бога нет!*»⁸

Русская поэзия, как часть европейской, не оставалась безучастной к актуализации «отсутствия Бога». И это связано не только с «байронизмом», но и с чтением Жан-Поля, о чем, пожалуй, первым догадался Н. Надеждин. В русле критического остракизма, которому Надеждин подвергал всех, кто «отпадал <...> от бесконечного начала жизни», любопытен интерес А. Пушкина к шутке А. Дельвига: «*Чем ближе к небу, тем холоднее*».

Не будем утверждать, что Пушкин, не зная немецкого языка, читал Жан-Поля в подлиннике, но в описании Б. Модзалевского «Библиотека А. С. Пушкина» под № 1031 числится книга, подаренная поэту Ю. Бартечевым: *Pensees de Jean-Paul, extraites de tous ses ouvrages*. Р., 1829. Р. 198, а в «Барышне-крестьянке» есть замечание о самобытности (individualite), без которой, «по мнению Жан-Поля, — как пишет здесь автор, — не существует человеческого величия». В контексте подобных фактов заслуживает особого внимания стихотворение «Не дай мне Бог сойти с ума...» в котором встречается сакраментальное выражение:

И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как луна,
В *пустынях неба* безмятежных... (VI, 35).

Опытный исследователь творчества поэта Я. Л. Левкович не без основания считает, что «*пустые небеса — это небеса без божества*».

Такими они предстают в лирике немецкого экспрессионизма⁹ и в поэзии русского авангарда. Д. Бурлюк писал:

«*Небо — труп*»!! не больше!
Звезды — черви — пьяные туманом,
Усмиряю боль ше — лестом обманом
Небо — смрадный труп!
Opus 60. «Мертвое небо»

В. Маяковский писал:

Смотрите —
звезды опять обезглавили
и небо окровавили бойней.
Эй, вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!
Глухо.

«*Облако в штанах*»

⁸ См.: *Nerval G. de. Poesies. Notes de Mounir Hafez*. Р., 1964. Р. 13.

⁹ См., например: *Сумерки человечества. Лирика немецкого экспрессионизма*. М., 1990. С. 119.

Б. Гройс считает, что русский авангард, вопреки сложившимся мнениям о его техногенной природе, следовал ницшеанскому завету «падающего подтолкни» лишь постольку, поскольку не верил в возможность удержать обрушение прежней картины мира: процесс редукции должен быть доведен до конца, чтобы таким образом найти далее нередуцируемое, внепространственное, вневременное и внеисторическое, на чем можно было бы закрепиться, занять оборонную линию, с которой можно было бы с успехом защищаться от наступающего прогресса. Примером такой художественной стратегии, с точки зрения философа, служит «Черный квадрат» К. Малевича¹⁰.

Принимая идею Гройса, Г. Ревзин пишет: «Абстракция, безусловно, является центром всей этой истории. Потому что может быть понята <...> как обнаружение того пустого места, которое осталось после факта названной смерти».

Если тут — высшая точка, то тут же и высший смысл авангарда. Но пустое место — до такой же степени смысл, до какой и его отсутствие. Эта пустота должна быть чем-то заполнена. Чем же?

Ницше довольно ясно ответил: «волей к власти» <...>. И если авангард есть ответ на смерть Бога, а место Бога занимает воля к власти, смыслом авангарда оказывается не что иное, как та же воля к власти»¹¹.

Эти категорические выводы обнаруживают свою недостаточность, как только мы вспоминаем о В. Хлебникове или П. Филонове. Но кажется несомненным, что авангард заряжен энергией богоборчества, жаждой новой целостности. И здесь его радикальное расхождение с постмодернизмом, который свою художественную стратегию связывает с децентрированным миром, где любая бинарная оппозиция оказывается под подозрением и где любое «трансцендентальное означаемое» мыслится квазиобъектом. В результате «смерть Бога» влечет за собой «смерть Автора»: «*Из ничего они творили Бога. Неудивительно: осталось ничего*»¹².

Но, как говорит Каллимах в «Гимне к Зевсу»:

Критяне всегда лжецы: даже могилу твою, о владыка,
Критяне выдумали. Но ты не умер: ведь ты вечен!¹³

¹⁰ Гройс Б. Утопия и обмен. М., 1993. С. 20–21.

¹¹ Ревзин Г. И. Очерки по философии архитектурной формы. М., 2002. С. 131–132.

¹² Ницше Ф. Стихотворения // Логос. 1994. № 1. С. 216.

¹³ Античные гимны. М., 1988. С. 143.

П. С. ВОЛКОВА,

профессор Краснодарского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, кандидат филологических наук, лауреат Государственной премии, член Союза композиторов России

СИНТЕТИЧЕСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В центре настоящей статьи — проблема интерпретации и реинтерпретации, реализуемая на примере синтетического художественного текста. Под последним мы понимаем текст культуры, построенный на взаимодействии двух и более языков искусств. В данном случае речь пойдет о балете по мотивам повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» на музыку П. И. Чайковского.

О взаимодействии слова и музыки, вследствие которого отечественная культура обогатилась нетленными шедеврами, написано много книг. Причем нередко именно музыка оказывалась тем «пропуском» в бессмертие, который благодаря «содружеству муз» получали вполне заурядные поэты. Что же касается творчества П. И. Чайковского, то обращение композитора к произведениям А. С. Пушкина, несомненно, обогатило наше представление о героях «Евгения Онегина» и «Пиковой дамы», получивших новую жизнь на оперной сцене.

Благодаря телеканалу «Культура» в марте 2007 года мы имели возможность познакомиться и с балетом «Пиковая дама». Ролан Пети — французский хореограф — создал его на музыку 6-й симфонии П. И. Чайковского, выступив в качестве музыкального редактора и автора либретто (художник-постановщик Жан-Мишель Вильмонт; дирижер Владимир Андропов; режиссеры Владимир Щербаков, Денис Снегирев; оператор-постановщик Сесиль Треллюйе; оператор Дэвид Джиретс). До начала представления Николай Цискаридзе рассказывал о своей работе с Петей — знаковой фигурой мирового балета, основателем «Балета Елисейских Полей» (1945–1951); Балета Парижа (1949–1967), «Марсельского балета» (1972). В числе лучших работ Р. Пети — «Юноша и смерть» на музыку И. С. Баха (1946), «Кармен» на музыку Ж. Бизе (1949), а также поставленная для М. Плисецкой «Больная роза» на музыку Г. Малера.

Как свидетельствует сам маэстро, балет на сюжет «Пиковой дамы» он создал 25 лет назад для Барышникова, однако после отъезда последнего в Соединенные Штаты у него появились другие дела и проекты, вследствие чего та «Пиковая дама» больше не исполня-

лась. Когда в прошлом году Большой театр обратился к Ролану Петей с просьбой поставить что-нибудь для них, хореограф вновь вернулся к «Пиковой даме». Оставив без изменения музыку Чайковского и пушкинский сюжет, он выступил автором практически совершенно иного спектакля, главные партии в котором исполнили звезды отечественного балета. Так, в роли Германа выступил Николай Цискаридзе, партия Графини была поручена Илзе Лиела, Лизы — Светлане Лунькиной и Чекалинского — Георгию Гераскину.

Пожалуй, именно блестящий актерский состав, работающий в интересных костюмах, выполненных по эскизам Луизы Спинателли, а также по-настоящему талантливая хореография Ролана Пети удержали зрителя у голубого экрана до окончания спектакля. Несмотря на то, что сам маэстро, чье имя в мировой табели о рангах стоит в одном ряду с такими корифеями балета, как Морис Бежар, Джон Ноймайер и Матс Эк, наиболее близок российской культуре — он учился у русских Сержа Лифара, Бориса Князева, Любови Егоровой, а также ставил балеты для Рудольфа Нуриева и Майи Плисецкой — балет «Пиковая дама» оказался в проигрыше по соображениям сугубо духовного плана. Сегодня, спустя какое-то время после просмотра, спектакль Ролана Пети воспринимается в большей степени как наглядный пример псевдокультурной интерпретации (реинтерпретации) трех шедевров — повести «Пиковая дама» Пушкина, одноименной оперы Чайковского и его же 6-й симфонии. (К слову сказать, подобное впечатление производит и балет «Чайка», поставленный по одноименной повести А. П. Чехова на музыку Д. Шостаковича, Э. Глени, П. Чайковского и А. Скрябина (!) в 2002 году уже упоминавшемся ранее Джоном Ноймайером, перенаселившим свой балет множеством трудно узнаваемых персонажей).

Безусловно, содержание музыки Чайковского универсально. Как пишут авторы Большого энциклопедического словаря, «оно охватывает образы жизни и смерти, любви, природы, детства, окружающего быта». Не случайно поэтому на ту же 6-ю симфонию композитора

Борис Эйфман поставил балет «Идиот» по роману Ф. М. Достоевского, где партию князя Мышкина блистательно исполнил Валерий Михайловский. Однако в процессе интерпретации как словесного, так и музыкального источника нельзя не принимать в расчет так называемую риторическую программу творца. Именно она определяет границы читательского произвола, равно как и произвола слушателя, задавая некие «сигналы текста» (Ю. М. Лотман), которые, по сути, и обеспечивают процесс смыслопорождения в верном направлении. Значимость таких сигналов тем более очевидна, что в ситуации ре-

интерпретации, когда речь идет о классических образцах отечественного музыкального наследия, пренебрегать единством «данного и созданного» (М. М. Бахтин) — значит уподобляться разрушителю памятников культуры. Причем в силу того, что балет представляет собой синтетический вид искусства, даже отдельные гениальные находки в той или иной составляющей, будь то собственно хореография или же исполнительское мастерство актеров, не спасают это новое целое от дисгармонии, ощущение которой не покидает нас и после того, как занавес опущен.

М. А. ВОСКРЕСЕНСКАЯ,

*заместитель директора департамента НИР СПбГУП,
докторант кафедры истории России и зарубежных стран Санкт-Петербургского
государственного университета, кандидат исторических наук*

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА: СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ

Наиболее интенсивные поиски в современном общественном и гуманитарном познании ведутся в тех направлениях, которые во главу угла ставят категорию культуры. Институализация культурологии в качестве академической дисциплины отнюдь не повлекла за собой отказа других сфер познания от изысканий в области культуры. В частности, культурная проблематика все активнее входит в исследовательское поле исторической науки. Происходит коренное переосмысление роли культуры в истории.

Уходит в прошлое примитивизация этого понятия, обыденное представление о культуре как о совокупности творческих достижений или степени образованности и воспитанности. В современной исследовательской практике культура трактуется как ценностно-смысловая система координат, ориентирующая человека в социальном пространстве. Культура формирует адекватные способы познания и понимания человеком окружающей действительности (прежде всего социальной), а потому является важнейшим условием человеческого существования — от индивидуального выживания до видового самосохранения.

Все более распространенным среди историков становится понимание культуры как смыслополагания человеческого существования в истории. А. Я. Гуревич, предлагая «взгляд на культуру как на выражение способности человека придавать смысл своим

действиям», подчеркивал: «Эта способность <...> не ограничивается областью художественного творчества, она проявляется универсально, в любом поступке любого человека, в повседневной жизни, в быту — так же, как и в высших формах интеллектуальной деятельности»¹.

Культура — явление историческое, то есть непрерывно изменяющееся во времени. Она конденсирует и отражает опыт человека с миром, пребывающий в постоянном динамическом состоянии и определяемый конкретно-историческими условиями, в которых развивается социум. Поэтому изучение культуры предполагает выявление и исследование уникальных феноменов, а не универсальных законов. Задача историка культуры заключается в том, чтобы понять логику исторического развития самобытного, единственного в своем роде явления, а не применять «универсальную» объяснительную схему к различным культурно-историческим ситуациям.

Признание многофакторности исторического процесса и основанный на данной теоретической посылке метод исторического синтеза направлены не столько на институциональное изучение доминионов культуры (не важно, каждого в отдельности в соответствии с узкой профессиональной принадлежностью исследователя или в их совокупности

¹ Гуревич А. Я. К читателю // Одиссей. Человек в истории. М., 1989. С. 5.

на уровне обобщающих описаний), сколько на анализ особенностей мировидения, присущих той или иной эпохе и неизбежно находящих свое выражение в любом доминионе культуры, будь то искусство, наука, устройство быта, экономика, социальная структура и т. д. Культура формирует ценностно-смысловые отношения человека с миром, задающие определенные характеристики всем сторонам и аспектам жизнедеятельности общества. Согласимся с А. Я. Флиером: история задает динамику культуры, культура вносит в историю смысл².

Культурно-исторические штудии не должны сводиться к упрощенному нарративу вокруг интеллектуально-художественного творчества. Их подлинное назначение состоит в раскрытии внутренних механизмов культурно-исторического процесса и выявлении конкретных форм его функционирования в самых разных срезках: установках обыденного сознания, стереотипах поведения, формах социализации, способах коммуникации, обычаях и ценностях, моделях повседневной жизни, религиозных постулатах, художественных символах и т. д.

С позиций такого подхода в центре культурно-исторического исследования оказывается человек, находящийся в определенных конкретно-исторических обстоятельствах,

рассматриваемых историком в культурном контексте. Описательные методики изучения культуры в данном случае уступают место аналитическим способам исследования, опирающимся на смыслополагающую концепцию культуры.

Культурная история отличается от других направлений исторического познания не какими-то специфическими методами, а особым ракурсом рассмотрения исторического процесса. Мировоззренческие сдвиги современной эпохи подвели научное сообщество к осознанию простой, казалось бы, истины: историческая наука не может ограничиваться исследованием хозяйственной жизни, политических процессов, социальных институтов прошлого. Все эти сферы являются частными репрезентантами картины мира и системы ценностей изучаемой эпохи. Любое проявление жизнедеятельности социума можно интерпретировать как культурный знак, а в культурных знаках человек выражает свое понимание мира. Именно в этом состоит предмет культурно-исторического исследования: «Мировосприятие, система ценностей, способы поведения суть неотъемлемые стороны исторического процесса, игнорирование которых ведет к механицизму, к превращению реальной, человеческой истории в арену игры безличных абстракций»³.

И. Е. ЕРЬКАЛОВА,

доцент кафедры журналистики СПбГУП, кандидат искусствоведения

ПЬЕСЫ Е. И. ЗАМЯТИНА ПЕТЕРБУРГСКОГО ПЕРИОДА

Своеобразие русского театра Е. И. Замятин видел в сосуществовании двух главных фигур — К. С. Станиславского и Вс. Мейерхольда. «Мейерхольд, конечно, материалист. И все же, как это на первый взгляд ни странно, положение Мейерхольда труднее, чем положение Станиславского, хотя материализм в стране Советов является единственным официально одобренным мировоззрением. Причина лежит в том, что от пьес в России сейчас требуется проблемность, идео-

логия... Чтобы удовлетворить политическим требованиям, Мейерхольду приходится примирять непримиримое...» — говорил Замятин в докладе, прочитанном в редакции пражского журнала «Умелецка беседа» 29 декабря 1931 года, имея в виду искусство и политику¹. А через два года, в июне 1933-го, в статье «Москва–Петербург» он писал о Мейерхольде: «Его стремительным американским натиском Художественный театр Станиславского в первые годы после революции был отодвинут на второй план... Но слишком быстрое американское “просперити” привело к кризису: параллельно с отходом от крайне левых позиций во всех областях искусства два года назад вкусы театрального зрителя и (что имело еще более печальные послед-

² См.: Флиер А. Я. Культура как смысл истории // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 150–159; Он же. Культура как смысл истории, или Обоснование исторической культурологии // Философские науки. 2001. № 1. С. 62–73.

³ Гуревич А. Я. К пониманию истории как науки о человеке // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001. С. 169.

¹ Prager Presse. 1931. 30 дек.

ствия) вкусы кремлевских властей явно сдвинулись в сторону Станиславского»².

Постепенное оскудение драматургии писатель объяснял все возрастающим идеологическим диктатом. На одном из диспутов о критике в своих черновых заметках Замятин писал: «...они хотят учить писателя. Но для этого они знают только один способ: лиговский — кастет, кулак, травля — какая сейчас поднята почему-то по адресу молодого Булгакова. Все эти маленькие человечки имеют смелость считать себя аппаратами, посредством которых русский революционный народ передает писателю свой “социальный заказ”»³.

Развитие русского театра Замятин видел в синтезе психологического театра К. С. Станиславского и условного театра Вс. Мейерхольда. Как тезис и антитезис они должны были, по его мнению, привести к рождению новой сущности. В статье «Будущее театра», написанной через несколько дней после отъезда из России — в конце ноября 1931 года (писатель уехал из Москвы 14 ноября), Замятин констатировал исчезновение с русской сцены традиционных жанров драматургии: трагедии, любовной драмы, сатирической комедии. Вместо них — «хлеб военного времени», мелодрама и простейший вид комедии — «игра дураков в умных». Причина исчезновения высоких жанров — девальвация человеческой жизни и наступление на своеобразный мир индивидуальности «коллективно-го», идеологически верного сознания.

Первую свою пьесу — историческую драму — Замятин написал в 1919–1920 годы, последнюю — в мае 1931 года. Все его драматургическое творчество укладывается в первое послереволюционное десятилетие. Он написал в эти годы пьесы «Огни св. Доминика», «Блоха» (по сказу Н. С. Лескова «Левша»), «Общество почетных звонарей» (по повести «Островитяне»), «Атилла» (по сюжету романа «Бич Божий»), «Пещера», «История одного города» (по роману М. Е. Салтыкова-Щедрина), «Сенсация» (по пьесе американских драматургов Бен-Хекта и Ч. Мак-Артура «The front page»), «Африканский гость», «Жизнь Ивана» («Рождение Ивана»), либретто комической оперы «Сюрприз» (по рассказу «Мученики науки»). В 1927 году Замятин принимал участие в написании либретто для первой оперы 22-летнего Д. Д. Шостако-

вича по повести Н. В. Гоголя «Нос». В 1933-м написал два либретто для Л. Мясина, предполагавшего поставить балет на музыку 2-й Богатырской симфонии А. Бородина.

До сих пор драматургия Замятина оставалась малоизвестной. Многие его пьесы даже не были опубликованы. Многие замыслы его остались лишь в черновиках. Между тем писатель обратился к драматургии в расцвете творческих сил. Порой именно в текстах его пьес 1920-х годов открываются сокровенные мысли писателя о современности, воплощаются идеи, его историческая концепция. Почти все его пьесы основаны на сюжете прозы.

В сюжете своей первой пьесы «Огни св. Доминика» (1920) о гибели Родриго де Санта-Круз на костре инквизиции Замятин запечатлел вечный разрыв между властью и нравственностью, между властью и духовной свободой.

В сентябре 1922 года Горький писал А. Толстому из Герингсдорфа: «В Петербурге арестован Замятин. И еще многие, главным образом философы и гуманисты: Карсавин, Лапшин, Лосский и т. д. Даже — Зубов, несмотря на его коммунизм, видимо за то, что граф»⁴.

В октябре 1923 года Замятин, опальный и после ареста все еще лишенный паспорта, приехал в Москву из Крыма, где отдыхал на даче М. Волошина. В это время Замятин был известен уже не только повестями, но и романом «Мы». Чтение романа состоялось в августе в Вольной философской академии по предложению Р. В. Иванова-Разумника. Московский член академии Я. Браун написал о Замятине статью «Взыскующий человека» — до сих пор одну из лучших статей о творчестве Замятина, высоко оцененную самим писателем, с которым Браун встречался в Петербурге. Во время своих приездов в Москву Замятин не раз бывал в 1-й Студии и, возможно, уже осенью 1923 года ему стало известно о желании театра инсценировать «Левшу».

Своеобразие инсценировки Замятина можно определить его собственными словами о существовании народной драмы в театре XX века: «руды народного театра» надо «пропустить через машину профессиональной обработки». «Блоха» была этапом в осмыслении реальности и поисках формы, возвращением к той нравственной традиции, где истина не требовала доказательств, а открывалась в облике добра и красоты. Для Замятина, а затем для актеров и зрителей она стала своеобразным

² Замятин Е. И. Москва–Петербург // Наше наследие. 1994. № 2.

³ Замятин Е. О критиках: [рукопись] // Biblioteque de la Documentation Internationale Contemporaine. In-Fol Delta Reserve 614.

⁴ Литературное наследие. М., 1963. Т. 70. С. 180.

протестом против фальшивой идеологичности, бесформенности «современного» содержания, которое обычно сводилось к зарисовкам быта. Один из первых исследователей драматургии Замятина Райнер Голдт подчеркивает очевидный в «Блохе» конфликт официальной и неофициальной культуры⁵.

В театральном мире 1920-х годов Замятин, несомненно, тяготел к условному театру. В статье «Современный русский театр» он писал: «Мейерхольд, незаконный сын Станиславского, является законным внуком Гоцци, его театр — это театр масок, это прежде всего игра, игра со зрителем, основанная на постоянном, подчеркнутом обнажении театральности, игра, допускающая всякого рода анахронизмы, эксцентрические выходы, диссонансы — все то, что абсолютно невозможно в театре Станиславского»⁶.

Лирическая сила, проступающая в нескладной фигуре русского подмастерья у Л. Волкова-Левши, «жуть лицедейской души», опустошенной ролями балагана, обнаженная в игре С. Бирман (девка Мэри), гротескная фигура Платова, созданная А. Диким, стали явлениями русского театра 1920-х годов. Спектакль не сходил со сцены в течение шести сезонов.

После успеха «Блохи» во МХАТе и Большом драматическом театре в Ленинграде началась работа над третьей пьесой Замятина — «Общество почетных звонарей». Сложный замысел повести «Островитяне» предшествовал написанию романа о стеклянном городе «Мы». Кембл, Диди и О'Келли страдают из-за главного виновника событий — провозвестника общества машинобожия викария Дьюли, ханжи и завистника, идея которого о неизбежном «браке» людей и машин предшествовала империи Благодетеля. В 1-й редакции пьесы драматург пишет гротескные «Интермедии», подчеркивающие марионеточность героев. Спектакль «Общество почетных звонарей» был поставлен режиссером С. Радловым в Михайловском театре в Ленинграде (1926).

Весной 1927 года Замятин написал для театра Вс. Мейерхольда инсценировку «Истории одного города» по роману М. Е. Салтыкова-Щедрина. Следуя своим принципам, он создает на основе текста Щедрина собственную пьесу. Она состояла из несколь-

ких «происшествий» — каждое со своим сюжетом. В происшествии четвертом («Цивилизация») драматург создал новый характер градоначальника Великанова из черт щедринских градоначальников Двоекурова и Бородавкина, ходившего с войсками усмирять своих подданных. В происшествии пятом («Грехопадение и покаяние») из черт Микеладзе, Дю Шарьо и Эраста Грустилова родился замятинский Грустилов с петушиными крыльями на мундире. В происшествии шестом («Последние времена») появляется один из любимых героев Замятина — Угрюм-Бурчеев, черты которого просматривались еще в герое «Сказок о Фите» 1917 года.

Как и при инсценировке «Блохи», Замятин превращает события щедринской истории в игру: подчиняясь требованиям каждого нового градоначальника, глуповцы словно принимают новые правила игры — едят горчицу и лавровый лист при Великанове, участвуют в маскарадах при Грустилове и маршируют и принимают по часам «жиры» при Угрюм-Бурчееве. Замятин строит действие так, что «народ» и «крамольники» являются на сцене зрителями действия, которое разыгрывают градоначальник с чиновниками. Как и в «Блохе», текст «Истории одного города» насыщен современной лексикой и знаками времени: провинившихся грозят отправить *на Соловки*, копию Брудастого присылает *Главлит*, разгневанная Казначейша грозит пойти к «самому Мейерхольду» и иногда, забывшись, обращается к другим персонажам: «Товарищ, товарищ...»⁷

Свободно обращаясь с текстом книги Салтыкова-Щедрина, Замятин остается верным ее духу и приему гротеска. В «Блохе» драматург использовал не только текст «Левши», но и сам принцип, манеру лесковского рассказа, сформированную в «Печерских антиках» и «Запечатленном ангеле», где возникают во многом комичные фигуры англичан, увиденных глазами русских мастеровых. В репликах героев «Блохи» ощутимы интонации рассказов-анекдотов Берлинского, героя «Печерских антиков», о его встречах с царем в Петербурге, в частности, сцены, где император Николай I пытается спасти горящий балаган. В инсценировке «Истории одного города» Замятин использует принципы гротеска Салтыкова-Щедрина, сочетание величия глуповских начальников с бытовыми чертами русской жизни. На стиль инсцени-

⁵ Goldt R. Thermodynamik als Textem. Der Enfröpiesatz als poetologische Chiffre bei E. I. Zamjatin. Mainz, 1955. S. 95.

⁶ Замятин Е. И. Современный русский театр // Замятин Е. И. Собр. соч.: в 4 т. Мюнхен, 1988. Т. 4. С. 173.

⁷ Замятин Е. И. История одного города // Страник. 1990. № 1.

ровки, несомненно, оказала влияние и эстетика театра Мейерхольтда. Невероятные события, происходящие на сцене в каждом происшествии, являются часто прямой «реализацией метафоры» (Маяковский), в более широком плане каждое «происшествие» — реализация субъективного мира нового градоначальника, которую осуществляют мимирующие «чиновные».

«Раскрытие приема» стало принципом сценической сатиры Замятина. Его гротеск основан на диссонансе, возникающем при столкновении современного актера, человека с психологией 1920-х годов, с миром сценического персонажа: сатирой становится само подчинение правилам игры и исполнение актером роли как бы не свойственной ему. Это подчеркивается ситуацией города Глухова, где жители насильно подчиняются требованиям очередного градоначальника. Здесь конфликт между актером и маской стал метафорой идеологического насилия над личностью в мире 1920-х годов. «Раскрытие приема» стало раскрытием противоречия между личностью человека и той ролью, которую он вынужден играть. Мастерство Замятина в том, что сложные и даже трагические вещи он был способен облечь в необыкновенно смешную форму, обезоруживающую даже его противников. Хотя пьеса «История одного города» так и не была закончена, работать над ней предполагал не только ГОСТИМ, но и Театр им. Евг. Вахтангова. Однако ни в том ни в другом театре постановка ее осуществлена не была.

В 1927 году Замятин написал для МХАТа инсценировку своего рассказа «Пещера» в двух картинах. Инсценировка должна была войти в спектакль по рассказам советских писателей. В это время во МХАТе во второй раз после 1924 года начались репетиции «Общества почетных звонарей». Репетиции шли под руководством В. В. Лужского. Однако ни спектакль по «Островитянам», ни инсценировка «Пещеры» на сцене МХАТа так и не вышли. В том же году Замятин вместе с А. Прейсом участвовал в написании либретто для оперы Д. Шостаковича «Нос». В первом действии, либретто которого писал в основном сам Шостакович, Замятин инсценировал эпизод повести, где в гоголевском тексте вообще отсутствует прямая речь — эпизод пробуждения майора Ковалева и обнаружение им пропажи носа.

В начале 1928 года в ленинградском БДТ начались репетиции трагедии Замятина «Атилла». Романтическая трагедия, написанная ритмической прозой, с трудом воспри-

нималась в окружении бытовых и революционных пьес.

«Горит Европа. Как корабль ко дну
Империя идет. Атилла — буря.
С Востока гонит он волну на Запад
И в щепки все, что станет на пути...»⁸

Работа вместе с А. Блоком в 1920 году над «Королем Лиром» В. Шекспира в переводе А. Дружинина явно оказала влияние на мир трагедии Е. И. Замятина. На фоне четко разделенных красных и белых сложная, многогранная фигура Атиллы — деспота и героя войны против империи — казалась опасной. Спектакль в БДТ ставил режиссер Б. В. Зон. Макет двух сцен спектакля — двора Атиллы и стены в Орлеане был уже сделан Н. А. Акимовым. Б. В. Зон прочитал трагедию на расширенном заседании Художественно-Политического Совета БДТ 15 мая 1928 года представителям около двадцати ленинградских фабрик и заводов и рабкорам ленинградских газет. Большинство рабкоров высоко оценили пьесу, предлагали поставить ее к 10-летию театра, сравнивали Атиллу со Стенькой Разиным. Однако представители цензуры резко критиковали буржуазность автора. «Атилла — враг Замятина», — заявил Кальменс⁹. После этого обсуждения пьеса внезапно была запрещена.

Н. Ф. Монахов, исполнитель роли Атиллы и художественный руководитель театра, нанес визит Л. Б. Каменеву. Однако все было тщетно. Ленинградский Облит не подчинился Главреперткому. Его сотрудники Рафалович и Энгель чувствовали поддержку в Москве. На заседаниях Главреперткома против «Бега» М. А. Булгакова и «Атиллы» Е. И. Замятина выступали Л. Авербах и В. Киршон. Их выступления были опубликованы в журнале «На литературном посту». Председатель Главискусства А. Свицерский, назвавший «Бег» и «Атиллу» лучшими пьесами будущего сезона, подвергся в журнале сокрушительной критике. Вскоре и А. Свицерскому, и А. Луначарскому пришлось оставить свои посты. Запрещение «Бега» и «Атиллы» было первым сигналом наступающих перемен — «великого перелома».

Осенью 1929 года Замятин делает перевод известной американской пьесы. «Сенсация» была поставлена в Театре им. Евг. Вахтангова в 1930 году, шла в провинции (Ростов-

⁸ Замятин Е. И. Атилла: [1-я редакция, 1925]. ИМЛИ, ф. 47, оп. 1, ед. хр. 137.

⁹ Протокол заседания Художественно-политического совета БДТ, 15 мая 1928 г. РГАЛИ—Санкт-Петербург, ф. 268, оп. 1, д. 30.

на-Дону), имела большой отклик в прессе. В феврале 1930 года Замятин сел за новую пьесу, сюжет которой он обговорил во МХАТе-2. Это была пьеса «Африканский делегат» (позднее — «Африканский гость») о том, как бывший священник из идеологических соображений выдал дочь за орангутанга. Из Москвы Замятин писал жене 1 февраля: «В МХАТе 2-м веду переговоры о пьесе. Набросал им сценарий комедии — если окажется цензурным — буду писать»¹⁰. На листах с первыми набросками к «Африканскому гостю» стоит дата «23.02.1930».

Замятин начал эту единственную свою пьесу о современности с записей разговорной речи России конца 1920-х годов. Революция перемешала социальные слои страны, и это сразу же отразилось на языке, которым заговорили современники. Просторечный речевой поток, буквально захлестнувший Москву и Петербург, Замятин отразил еще в «Блохе» в 1924 году. Но в «Блохе» он был смягчен магией лесковского слова. В 1930 году были внове «авангард», «в порядке дня», «тайны природы», «сигнализировать», «мобилизация массы», «директива», «склока», «масштаб». Два разностильных потока просторечной и идеологизированной речи сплетались, создавая косноязычный стиль советской пролетарско-идеологической речи. Постепенно из языка докладов и собраний, газетных статей и рабкоровских заметок он проник в повседневную жизнь, рождая уродливые гибриды: «вентилировать люблю», «если раздвинуть главную причину», «мы взяли в руки серьезные меры», «сократить производительность спиртных примеров», «разумные отправления в отношении пищи, одежды, воздуха», «под напором натиска вложенных от природы даров»¹¹.

Весной 1931 года Замятин написал еще две пьесы, которые остались в рукописи. Первая из них — «Жизнь Ивана». Более известно ее второе название — «Рождение Ивана». Однако второе название и вторая редакция появились после обсуждения текста пьесы и внесения в нее явно цензурных изменений. Вторая пьеса — это «комическая опера» «Сюрприз», инсценировка рассказа Замятина 1928 года «Мученики науки», сюжет которого состоит в том, что генеральша вы-

ходит замуж за кучера, чтобы дать образование своему сыну. Без «пролетарского происхождения» у него нет шансов поступить в институт. Басовая партия главной героини, отчаянно борющейся с трудностями жизни в Советской России, «марш Бордюга» — неграмотного кучера, который в конце концов по-настоящему вступает в свои права, лирические арии возлюбленного генеральши Миши делают пьесу необыкновенно смешной.

В своей драматургии Замятин пытался воссоздать жанры традиционного европейского театра: романтической трагедии, русского народного театра, итальянской *commedia dell'arte*. В финале своей драматургической работы весной 1931 года, перед самым отъездом из России, он создает необычную по форме драму «Жизнь Ивана» («Рождение Ивана») в семи картинах-видениях, в которой традиционная форма, восходящая к сказке, оттеняет и оценивает современность. На смену поэзии, народного быта, играм, традиционным обрядам и песням приходят воровство и несправедливость, а затем кровь и смерть первой мировой войны и революции. Эта новаторская пьеса лишь подчеркивает приверженность Замятина-драматурга традиционности формы. «Жизнь Ивана» — пьеса совершенно оригинальная. Семь картин выплывают из тьмы времени, ненадолго задерживая его бег: «1905 год», «Лето 1914-го», «Лето 1917-го»... Содержание каждой картины, как отдельная маленькая пьеса, полно напряженности и движения. В этом последнем своем драматическом произведении Замятин осуществил те принципы, о которых писал в начале 1920-х годов в статье «О синтетизме»: «Ни одной второстепенной черты, ни одного слова, которое можно зачеркнуть — только суть. Экстракт, синтез, открывающийся глазу в сотую долю секунды, когда собраны в фокусе, спрессованы, заострены все чувства»¹². События «Жизни Ивана» обрываются осенним днем 1917 года. Автор смотрит на них из дали времени, и все семь картин объемлет авторская аура, авторский взгляд и понимание происходящего. Этот лиризм пьесы был совершенно нов в драматургии Замятина. «Жизнь Ивана» словно овееяна романной мощью вновь начатого — уже не для печати, не для новой книги журнала — прозы «Бича Божьего». Но продолжения в драме этот путь уже не имел.

В своих пьесах Замятин пытается сохранить аромат старинного театра, уходящей рус-

¹⁰ Письмо Е. И. Замятина Л. Н. Замятиной 1–3 февр. 1930 г. // Рукописные памятники: рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина. СПб., 1997. Вып. 3, ч. 1. С. 369.

¹¹ Замятин Е. И. Африканский гость: [рукопись]: ИМЛИ, ф. 47, оп. 1, ед. хр. 129.

¹² Замятин Е. И. О синтетизме // Замятин Е. И. Соч. М., 1988. С. 200.

ской и европейской культуры, гибель которой он остро ощущал. Своеобразие драматургии Замятина — в сочетании традиционной театральной формы и остросовременного содержания. В коллизиях своих пьес он ставил и доводил до логического конца конфликт между героями, принадлежащими к разным мирам — теми, кто вынужден был испытать судьбу «человеческих муравьев», и теми, кто был орудием насилия. Так, в судьбе братьев Санта-Круз — Родриго и предателя-Балтасара, донесшего на него Святой инквизиции — разрешался один из самых острых вопросов первых лет революции и красного террора — вопрос цены идей. В личности гунна Атиллы

конфликт личного и государственного решается в психологическом пространстве одной человеческой личности. В «Обществе почетных звонарей» и «Истории одного города» Замятин создает мир псевдолюдей, способных к невероятной социальной мимикрии, в «Пещере» рисует трагическое экзистенциальное одиночество, которое создает вокруг современного человека разрушенный вихрем бытий мир прошлого.

Трагическая судьба писателя, подобно многим русским интеллигентам ожидавшего «очистительного огня» революции и пережившего страшную реальность, глубоко связана с судьбой русского театра.

Н. Н. ЗАБЕЛИНА,

*заместитель декана гуманитарного факультета по научной работе,
профессор кафедры философии Мурманского государственного
технического университета, кандидат философских наук*

К ВОПРОСУ О ЕДИНСТВЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Проблема «двух культур» (естественно-научной и гуманитарной), возможно, одна из центральных проблем наших дней. Сегодня в образовании активно идет «технократизация»: явное преобладание естественно-научных дисциплин, а гуманитарные дисциплины формализуются и преподаются методами естественно-научных дисциплин.

Говорить об этом тревожном факте ученые начали уже на рубеже 1960–1970-х годов. Достаточно назвать выступления и работы Ч. Сноу, В. Р. Поттера, В. Гейзенберга, И. Пригожина и др. Это было связано с осознанием того, что западная цивилизация на пути научно-технического прогресса неожиданно пришла к некоему критическому рубежу, так называемым «глобальным проблемам человечества». А. Печчеи — создатель и лидер Римского клуба, заговорил о стратегии выживания человечества, академик Н. Моисеев наметил пять основных направлений деятельности человечества. До настоящего времени эти проблемы обсуждаются, но стало очевидно, что практический успех в решении глобальных проблем принесет в высшей степени комплексный и междисциплинарный подход, так как, несмотря на неоспоримую мощь современных методов математики и компьютерного моделирования, сами по себе они не всемогущи. Ядром всех проблем является Человек как центральная,

комплексная междисциплинарная научная проблема.

Однако анализ дискуссионной литературы по проблеме человека показывает, что нет не только решения, но и сколько-нибудь приемлемого единства в понимании ее сути. Очевидно, должна появиться еще более углубленная проработка проблем гуманизма и научной рациональности как высших ценностей цивилизации. А это предполагает дальнейшее прояснение вопроса о природе раскола двух культур, его истоков, форм выражения как неперемennого условия осознания путей преодоления кризиса.

Многие ученые видят истоки раскола в период процесса формирования европейской науки Нового времени и даже в античности (особенности формирования первых научных и философских программ древних греков). Однако действительное выражение этого раскола и четкое его осмысление принято относить к концу XIX и самому началу XX века. В. Дильтей одним из первых в работе «Введение в науки о духе» противопоставил всю совокупность наук, имеющих своим предметом социально-историческую реальность («науки о духе»), естествознанию — «наукам о природе». О полной автономности гуманитарных наук заявил один из лидеров баденской школы неокантианства Г. Риккерт. Он предложил именовать гуманитарные науки как «науки

о культуре». В их аргументации сформулирована обобщенная картина основных оппозиций и по предметному, и по методологическим основаниям. Эти оппозиции стали предметом как тщательного анализа, так и ожесточенных дискуссий в течение всего XX века. Многие крупные ученые — Э. Кассирер, К. Леви-Стросс, Г. Гадамер, М. Фуко, Ж. Деррида и другие — работали над углублением проблематизации всей антропологической и гуманитарной проблематики, закладывали движение нового (эволюционного) натурализма. Представители эволюционного натурализма увидели в новейших разделах естественных и математических наук (кибернетика, теория информации, синергетика, социобиология, этология и др.) мощный ресурс для обогащения научного инструментария исследования проблем человека, общества, культуры. Результаты, полученные в рамках этого направления, дают основания говорить, что естествознание XX века сделало шаг в направлении преодоления раскола двух культур. Так природа в естествознании конца XX — начала XXI века обнаруживает черты, близкие человеку, человеческому миру. Научная картина мира, которая складывается на наших глазах, включает и природу, и человека, и культуру как органически взаимосвязанные части единого целого. Процесс сближения идет на самых разных уровнях общности и в самых различных формах: и на уровне чистой логики, и на конкретном уровне построения теоретических моделей возникновения, функционирования и эволюции сложных систем. Серьезные коррективы в классической трактовке природы научной деятельности произошли в науке XX века по линии «объект-субъект». Интересны работы А. Ивина. Он обосновывает положение о единстве естественно-научного и гуманитарного знания, исходя из тезиса о том, что объяснение и понимание есть универсальные операции мышления, взаимно дополняющие друг друга. Таким образом «проблема обоснования моральных принципов» — это проблема раскрытия их двойственного, дескриптивно-прескриптивного характера.

В процесс взаимного сближения методов и концептуальных основ естествознания и гуманитарных наук особое место занимает современная биология и ее обширная междисциплинарная сфера научного исследования мира, которую все чаще называют — биофилософией. Характеристика биофилософии «как моста», соединяющего генетико-органическую и социально-культурную эволюцию, была быстро подхвачена. Так, еще в

начале 1980-х годов Е. Уилсон и Ч. Ламсен предложили теорию геннокультурной коэволюции, направляемой особыми эпигенетическими правилами. Работа «Обратная сторона зеркала» К. Лоренца, положившая начало эволюционной эпистемологии, основной задачей считала преодоление раскола двух культур. Наши ведущие ученые-синергетики С. Курдюмова, Г. Малинецкий, С. Капица считают, что междисциплинарный синтез, направляемый на выработку новых императивов развития, в идеологии XXI века стал не игрой ума, не академической программой, а насущной потребностью.

Таким образом, сам ход развития науки XX века направлен на сближение двух культур — естественно-научной и гуманитарной. Однако тенденции в современном образовании на гуманизацию и гуманитаризацию не так ярко выражены. Весь смысл гуманитаризации заключается в процессе приведения содержания и формы образования в соответствие с природой человека, его душой и духом, в активизации всей целостности внутреннего мира человека. Это предполагает обязательное наличие во всех учебных заведениях гуманитарных дисциплин широкого спектра. У нас же гуманитарные дисциплины в большинстве случаев преподаются методами преподавания естественных дисциплин, живой мир человеческой культуры подменяется отвлеченными сведениями о нем. Предметы эстетического цикла часто даются с вульгарно-социологических позиций. До сих пор существует недооценка общественных дисциплин в обучающем процессе, их традиционная «привязка» к идеологическим реалиям текущего момента. Здесь в первую очередь особенно строго должен соблюдаться принцип опережающего образования.

К фундаментальным явлениям культуры, в которых находят наибольшее воплощение целостность, гуманитаризация, закономерности бытия, относятся религиоведение, искусство, философия, понимаемые как исследования духовного развития человека.

Но гуманизация образования не может ограничиться лишь введением гуманитарных дисциплин. Гуманизация предполагает особое изучение естественно-научных и технических дисциплин. Как следует из принципа целостности, эти дисциплины должны содержать обращенность на человека, соотноситься с гуманистическим смыслом человеческой цивилизации. Если же эти дисциплины будут изучаться «объективно», в оппозиции к человеку, то гуманизация останется «частичной».

Технократизм — это нетворческое существование, это простое, примитивное репродуцирование механически запомненных, а не «выстраданных» знаний. Таким образом, принцип гуманизации выступает как объективное требование учебного процесса. И какой бы ни была дисциплина, она прежде всего должна утверждать ценность человека как творца бытия. Какой бы ни была методика преподавания, она должна исходить из существования человека как творца. Поэтому гуманизация образования присутствует в принципе целостности и фундаментальности, про-

фессионализма, гуманитаризации и социализации образования.

Литература

1. *Ивин А. А.* Истина и ценности // Мораль и рациональность. М., 1995.
2. *Капица С. П.* Синергетика и прогнозы будущего / С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий. М., 1997.
3. Отчет о деятельности Римского клуба // Вопросы философии. 1995. №3.
4. *Поттер В. Р.* Биоэтика: мост в будущее. Киев, 2002.
5. *Сноу Ч. П.* Две культуры. М., 1973.

Ю. В. ЗОБНИН,

заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП,
доктор филологических наук, профессор

ХРОНИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО (Опыт создания)

1. Творчество Д. С. Мережковского (1865–1941) актуально в настоящее время не только из-за своей (весьма высокой) художественной ценности. Мережковский прожил долгую жизнь и оставит грандиозное наследие: стихи, романы, рассказы, поэмы, философские эссе, литературоведческие и религиозно-исследовательские исследования — всего не перечешишь. История его духовных странствий сложна и во многом противоречива: кому-то он казался русским европейцем, кому-то, напротив, националистом, звали его и нищепанцем, и декадентом, и Лютером от православия, и лжепророком, и пророком непонятым, на какое-то время он прослыл чуть ли не серым кардиналом Временного правительства; советская критика настойчиво вменяла ему даже фашистские пристрастия (последнее, правда, слава Богу, сейчас уже отошло в область литературоведческой мифологии). Однако главным для нас в Мережковском является то, что он стал одним из инициаторов религиозного возрождения в среде русской интеллигенции XX века. «Будем справедливы к Мережковскому, будем благодарны ему, — писал краткий союзник, а затем последовательный и принципиальный критик трудов Дмитрия Сергеевича — Н. А. Бердяев. — В его лице новая русская литература, русский эстетизм, русская культура перешли к религиозным темам... В час, когда наступит в России жизненное религиозное возрождение, вспомнят

и Мережковского как одного из его предтеч в сфере литературной»¹.

2. Настоящее научное изучение творческого пути любого писателя начинается с составления хроники жизни и творчества — это момент систематизации. До сего момента была составлена лишь краткая сводка — «Основные даты жизни и творчества Д. С. Мережковского», — выполненная А. Архангельской и М. Ермолаевым². В процессе работы над жизнеописанием Д. С. Мережковского, которое выходит в серии «Жизнь замечательных людей», мною была написана достаточно подробная хроника жизни и творчества Д. С. Мережковского, и я хочу привести круг основных источников для подобной работы.

І. Мемуаристика

1. *Адамович Г. В.* Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955.

2. *Белый А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания: в 3 т. / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. Лаврова. М., 1989. Кн. 1 (Сер. литературных мемуаров).

3. *Белый А.* Начало века. Воспоминания: в 3 т. / вступ. ст., подгот. текста и коммент.

¹ *Бердяев Н. А.* Новое христианство // Д. С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 353 (Русский путь). В этом сборнике имеется достаточно обширный библиографический материал.

² См.: *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 618–622. (Прошлое и настоящее).

А. Лаврова. М., 1989. Кн. 1 (Сер. литературных мемуаров).

4. *Белый А.* Между двух революций. Воспоминания: в 3 т. / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. Лаврова. М., 1989. Кн. 1 (Сер. литературных мемуаров).

5. *Берберова Н. Н.* Курсив мой. Автобиография: в 2 т. Н. У., 1883.

6. *Бердяев Н. А.* Самопознание. Л., 1991.

7. *Брюсов В. Я.* Дневники. 1891–1910. М., 1927.

8. *Бунин И. А.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 2006–2007.

9. Воспоминания о Серебряном веке / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М., 1993.

10. Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995.

11. *Гиппиус З. Н.* Арифметка любви (1931–1939) / сост., вступ. ст., коммент. А. Н. Николукина. СПб., 2003.

12. *Гиппиус З. Н.* Живые лица: в 2 кн. Тбилиси, 1991. («Россия—Грузия: сплетение судеб»).

13. *Гиппиус З. Н.* Мечты и кошмар (1920–1925) / сост., вступ. ст., коммент. А. Н. Николукина. СПб., 2002.

14. *Гиппиус З. Н.* Новые люди. СПб., 1896.

15. *Гиппиус З. Н.* Серое с красным: дневник 1940 г. // Новый журнал (Нью-Йорк). 1953. № 33. С. 210–221.

16. *Гиппиус З. Н.* Чего не было и что было (1926–1930) / сост., вступ. ст., коммент. А. Н. Николукина. СПб., 2002.

17. *Зайцев В. К.* Мои современники. Л., 1988.

18. *Злобин В. А.* Тяжелая душа. Вашингтон, 1970.

19. Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991.

20. *Колоницкая А.* Все чисто для чистого взора... Беседы с Ириной Одоевцевой. М., 2001.

21. *Лавров В. В.* Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции 1920–1953. М., 1989³.

22. *Маковский С.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962.

23. *Одоевцева И. В.* На берегах Невы. М., 2005.

24. *Одоевцева И. В.* На берегах Сены. М., 2005.

25. *Перцов П. П.* Литературные воспоминания. 1890–1902. М.; Л., 1933.

26. *Терапиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека. Париж; Нью-Йорк, 1987.

27. *Фельзен Ю.* У Мережковских по воскресеньям // Даугава. 1989. № 9. С. 104–107.

28. *Ходасевич В. Ф.* Некрополь. Воспоминания. М., 1991.

29. *Чуковский К. И.* Дневник. 1901–1929. М., 1991.

II. Историко-литературоведческие работы и публикации⁴

1. *Богомолов Н. А., Котрелев Н. В.* К истории первого сборника стихов Зинаиды Гиппиус // Русская литература. 1991. № 3. С. 121–132.

2. *Д. С. Мережковский* / публ. М. Ю. Корнеевой // Наследие Александра Веселовского: исслед. и матер. СПб., 1992. С. 340–346.

3. *Д. С. Мережковский и М. Э. Здоховский.* Письма из Парижа в Вильнюс / вступ. ст., публ. и примеч. Альвидаса Йокубайтиса // Вильнюс. 1990. № 1. С. 147–156.

4. Записные книжки и письма Д. С. Мережковского / публ. Е. А. Андрущенко, Л. Г. Фридмана // Русская речь. 1993. С. 30–35; № 5. С. 25–40.

5. Зинаида Гиппиус / публ. А. П. Соболева // Русская литература. 1991. № 2. С. 181–190.

6. *Злобин В. А.* Д. С. Мережковский // Новый журнал (Нью-Йорк). 1990. № 180. С. 204–206.

7. *Злобин В. А.* Мережковский о свободе // Новый журнал (Нью-Йорк). 1990. № 180. С. 206–207.

8. «Как бы мне хотелось с Вами много и много поговорить...»: Письма Д. С. Мережковского М. Н. Ермоловой // Театр. 1993. № 7. С. 95–97.

9. *Колоницкий Б. А. Ф.* Керенский и Мережковские в 1917 году // Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 98–106.

10. *Мережковский Д. С.* Будущее Европы: лекция, 1920 г. // Новый журнал (Нью-Йорк). 1990. № 180. С. 200–203.

11. *Мережковский Д. С.* Данте. Наполеон / редкол.: О. А. Коростелев [и др.]; вступ. ст. А. Н. Николукина. М., 2000.

12. *Мережковский Д. С.* Записная книжка 1919–1920 // Вильнюс. 1990. № 6. С. 130–143.

13. *Мережковский Д. С.* Испанские мистики / ред., вступ. ст. и коммент. Темиры Пахмусс. Томск, 1997.

14. *Мережковский Д. С.* Маленькая Тереза / ред., вступ. ст. и коммент. Темиры Пахмусс. Анн Арбор, 1984.

³ Данная работа, привлекающая достаточно интересный материал, носит беллетризованный характер и должна восприниматься предельно критически.

⁴ Обширный материал содержится также в «брюсовских» и «блоковских» томах «Литературного наследства»: Т. 85, 92 (в четырех книгах), 98 (в двух книгах) и в сборнике «Писатели символистского круга» (СПб., 2003).

15. *Мережковский Д. С.* Полное собрание сочинений: в 24 т. М., 1914⁵.

16. *Мережковский Д. С.* Реформаторы. Испанские мистики / редкол.: О. А. Коростелев, А. Н. Николоюкин, С. Р. Федякин. М., 2002.

17. *Мережковский Д. С.* Реформаторы. Лютер, Кальвин, Паскаль / ред., предисл. Темиры Пахмусс. Брюссель, 1990.

18. *Мережковский Д. С.* Собрание сочинений: в 4 т. М., 1990.

19. *Мережковский Д. С.* Собрание стихотворений. СПб., 1999.

20. *Мережковский Д. С.* Собрание сочинений. Иисус Неизвестный. М., 1996.

21. *Мережковский Д. С.* Собрание сочинений. Лица святых от Иисуса к нам. М., 1997.

22. *Мережковский Д. С.* Эстетика и критика: в 2 т. М.; Харьков; СПб., 1992.

23. *Мережковский Д. С.* Россия будет (интеллигенция и народ) // Дружба народов. 1991. № 4. С. 204–213.

24. *Пахмусс Т.* Из архива Мережковских [Письма Гиппиус и Мережковского к И. А. Бунину] // Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 1981. Octobre-Decembre. Vol. XXII (4). P. 417–470.

25. Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову / публ., коммент. М. М. Павловой // Русская литература. 1991. № 4; 1992. № 1. С. 134–157.

26. Письмо Д. С. Мережковского к А. Л. Волынскому (19 октября 1891 г.) // Российский архив. М., 1992. С. 245–247.

27. Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову / вступ. ст., публ. и примеч. М. Ю. Кореневой // Русская литература. 1991. № 2. С. 156–181; № 3. С. 132–159.

28. Письма Д. В. Философову (1920–1922) // Europa orientalis. Roma, 1994. Vol. 13. № 1. P. 298–301.

29. Письмо Д. С. Мережковского М. Л. Кантору (12.11.27) // Новый журнал (Нью-Йорк). 1973. № 112. С. 235.

30. Письма З. Н. Гиппиус к А. Л. Волынскому // Минувшее. Исторический альманах. М., 1993. Вып. 12. С. 274–341.

31. Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову / вступ. ст., публ. и примеч. М. М. Павловой // Русская литература. 1991. № 4. С. 124–159; 1992. № 1. С. 134–157.

32. Письма Д. С. Мережковского А. В. Амфитеатрову / публ., вступ. ст. и примеч. М. Толмачева и Ж. Шерона // Звезда. 1995. № 7. С. 158–169.

⁵ В XXIV томе находится библиография Д. С. Мережковского с 1881 по 1913 г.

33. Последнее письмо Розанова // Лит. учеба. 1990. № 1. С. 84.

34. Письма Брюсова к Л. Н. Вилькиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 126–135.

35. «Распоясанные письма» В. Розанова / вступ. ст., публ. и примеч. М. Павловой // Лит. обозрение. 1991. № 11. С. 67–71.

36. *Соболев А. Л.* Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 319–371.

37. *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании: краткий биографический словарь русского зарубежья / Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский; вступ. ст. К. Ю. Лаппо-Данилевского. 3-е изд., испр. и доп. Париж; М., 1996.

38. *Хрисанфов В. И. Д. С.* Мережковский и З. Н. Гиппиус: из жизни в эмиграции. СПб., 2001.

III. Архивные материалы

1. Письма З. Н. Гиппиус к З. А. Венгеровой. РО ИРЛИ⁶, ф. 39, оп. 2, ед. хр. 542–542(а).

2. Письма З. Н. Гиппиус к Н. М. Минскому. РО ИРЛИ, ф. 39, оп. 2, ед. хр. 205.

3. Письма З. Н. Гиппиус к Ф. К. Сологубу. РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 183.

4. Письма Д. С. Мережковского к В. Я. Брюсову. РГБ⁷, ф. 386, карт. 94, ед. хр. 44.

5. Письма Д. С. Мережковского к П. В. Быкову. РО ИРЛИ, ф. 273, оп. 1, № 723, 391.

6. Письма Д. С. Мережковского к П. И. Вейнбергу. РО ИРЛИ, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 22; оп. 3, № 327; РИП. оп. 2, № 269.

7. Письма Д. С. Мережковского к З. А. Венгеровой. РО ИРЛИ, ф. 39, оп. 2, ед. хр. 604.

8. Письма Д. С. Мережковского к Л. Н. Вилькиной. РО ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, ед. хр. 882.

9. Письмо Д. С. Мережковского к Б. Б. Глинскому. РО ИРЛИ, ф. 563, № 1.

10. Письмо Д. С. Мережковского к М. Л. Гофману. РГБ, ф. 386, карт. 94, ед. хр. 46.

11. Письма Д. С. Мережковского к А. Г. Достоевской. РГБ, ф. 93/II, дост., карт. 6, ед. хр. 74.

12. Письмо Д. С. Мережковского к М. К. Лемке. РО ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 734.

13. Письма Д. С. Мережковского к Н. М. Минскому. РО ИРЛИ, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 279.

14. Письмо Д. С. Мережковского к Н. К. Михайловскому. РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, № 317.

15. Письма Д. С. Мережковского к С. Я. Надсону. РО ИРЛИ, ф. 402, оп. 4, ед. хр. 63.

⁶ Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома) (Санкт-Петербург).

⁷ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

16. Письма Д. С. Мережковского к С. А. Полякову. РО ИРЛИ, ф. 240, оп. 1, ед. хр. 79–82.

17. Письма Д. С. Мережковского к Я. П. Полонскому. РО ИРЛИ, архив Я. П. Полонского, ед. хр. 12261.

18. Письма Д. С. Мережковского к В. В. Розанову. РГБ, ф. 249, карт. М. 3872, ед. хр. 1.

19. Письма Д. С. Мережковского к А. М. Скабичевскому. РО ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, ед. хр. 135.

20. Письма Д. С. Мережковского в Ф. К. Сологубу. РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 184, 456; архив Д. С. Мережковского, ед. хр. 24380.

21. Письма Д. С. Мережковского к А. С. Суворину. РГАЛИ⁸, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 2630.

22. Письмо Д. С. Мережковского к А. А. Тихонову. РИ, оп. 17, ед. хр. 192.

23. Письмо Д. С. Мережковского к Ф. Ф. Фидлеру. РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 3, ед. хр. 62.

24. Письма Д. С. Мережковского к А. П. Чехову. РГБ, ф. 331, карт. 51, ед. хр. 58.

25. Юношеские материалы Д. С. Мережковского. РО ИРЛИ, архив Д. С. Мережковского, ед. хр. 24350, 24351, 24356–24358 [CLXIVб. 21]; 24269 [CLXIVб. 13]; 24271 [CLXIVб. 15].

Следует отметить, что данная библиография не претендует на полноту и очерчивает лишь первичный круг доступных отечественному исследователю источников.

3. При составлении хроники жизни и творчества Д. С. Мережковского следует критически относиться к сведениям источников в силу сохраняющейся до сих пор тенденциозности отношения к Мережковскому со стороны либерально-демократической части литературоведов. Особое внимание следует уделять так называемой «фашистской» коллизии в биографии позднего Мережковского, поскольку она стала источником тенденциозного мифотворчества, имеющего цель скомпрометировать писателя в глазах его современных читателей. Особенно устойчив апокриф о так называемом «радиообращении Мережковского» 1941 года. Между тем единственная публикация «текста радиообращения» в современной печати (Независимая газета. 1993. № 115 (23 июня). Подп.: Олег Королев [О. А. Коростелев]) заставляет думать, что данный текст — мистификация. С большой долей уверенности можно сказать, что никакого «радиовыступления 1941 года» просто не было, а публикуемый текст был сфабрикован из так называемых «антикоммунистических лекций» Мережковского первой половины 1920-х годов итальянскими фашистскими идеологами после смерти писателя в 1942 году, а затем подан как «публикация» в жеребцовском «Парижском вестнике» (1944. 8 янв. № 81).

Б. С. ИЛИЗАРОВ,

*ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН,
руководитель Центра документации «Народный архив»,
доктор исторических наук, профессор (Москва)*

ИОСИФ СТАЛИН И ИВАН ГРОЗНЫЙ

В середине 30-х годов XX века в среде советской интеллигенции все чаще велись разговоры, в которых сравнивалась мрачная эпоха Ивана Грозного, его опричнина и террор с нагрянувшей эпохой сталинских репрессий. Достоверно известно, что в 1939 году спецслужбы зафиксировали подобное умозаключение, высказанное в узком кругу (присутствовали И. Бабель, С. Эйзенштейн и др.) давним сталинским любимцем поэтом-сатириком Демьяном Бедным.

Не только православная церковь, но и отечественная историография, начиная с «Истории государства Российского» Николая

Карамзина, в целом негативно оценивала результаты правления и морально-этические качества Ивана IV, притеснявшего духовных иерархов, поставившего государство на грань развала, ставшего причиной иностранной интервенции и многолетней гражданской войны (смуты). Слово «опричник» продолжало нести сугубо негативный смысл вплоть до конца первого десятилетия советской власти. Однако в 1922 году вышла книга заметного уже тогда историка Р. Ю. Виппера «Иван Грозный», в которой царь был представлен как предтеча Петра Великого, первым взмахнувший топором, прорубаясь в Европу. На большинство историков с блеском написанная книга Виппера не произвела особого впечатления, тем более что автор

⁸ Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

эмигрировал в буржуазную Литву, но зато на нее, как и на другие исследования автора, обратил внимание Сталин, проштудировавший их с карандашом в руке. Однако традиция двойственной, но в целом негативной оценки деяний Ивана IV была заново поддержана одноименной монографией академика С. Ф. Платонова, вышедшей в те же годы.

Михаил Булгаков, обладавший редким драматическим и сатирическим талантом одновременно, в 1935 году написал пьесу «Иван Васильевич», в которой Иван Васильевич Грозный был волею автора перенесен в эпоху сталинского социализма, а карикатурно похожий на него ничтожный домоуправ Иван Васильевич Бунша пересажен на трон средневекового царя. Осуществить постановку пьесы при жизни Сталина так и не удалось, и не только из-за прозрачных исторических параллелей и намеков, но и потому, что идейно-политическая и моральная обстановка в стране резко изменились. Сталин, осуществляя те или иные практические шаги и политические зигзаги, постоянно обращался к переписанным на собственный лад образам исторических героев и известных государственных деятелей прошлого. Борясь с оппозициями, он обращался к образу Ленина; проводя крутые меры в области индустриализации и коллективизации — к образу Петра I; бросая силы на освоение засушливых районов Средней Азии, песков Каракумов, богатств Сибири — к образам Тамерлана и Ермака; накануне войны, страшась германской угрозы с Запада, — к мифологизированному образу Александра Невского; завершая сколачивание обширнейшей послевоенной советской империи, растянувшейся от середины Европы и до восточных морей Китая, — понуждал вспоминать таких древних мировых владык, как Чингисхан, Батый, Цезарь и т. д. Историки, писатели, кинематографисты, публикаторы, драматурги, композиторы — каждый в меру своего таланта — выполняли очередной заказ на очередного исторического героя.

В 1938–1941 годах, на пике самых жестоких репрессий, а также после присоединения прибалтийских государств и расчленения Польши, Сталин посчитал, что наступило время обратиться к образу Ивана Грозного. По личному распоряжению Сталина Вишпер в мае 1941 года был вызван в Москву из занятой советскими войсками Прибалтики, ему были даны почетные должности в МГУ и Академии наук СССР, его кни-

га о царе с небольшими изменениями дважды переиздавалась в 1942 и 1944 годах, в самый разгар войны в обширном Колонном зале Дома Союзов он прочитал публичный доклад о Грозном и, наконец, был избран академиком.

В январе того же 1941 года А. Ю. Жданов по распоряжению Сталина поручил крупнейшим мастерам — кинематографисту С. Эйзенштейну и писателю А. Толстому создать произведения, пересматривающие оценки личности Ивана Грозного в сугубо положительном смысле. Его внешнюю политику следовало трактовать как освободительную от ига татар (разгром Казанского и Астраханского царств), а по отношению к Прибалтике и Польше — как первую попытку прорыва России в Европу. По прямому указанию Сталина опричников и опричнину следовало отныне рассматривать как эффективный метод борьбы с внутренней крамолой, а их погромные отряды как блестящее «королевское войско».

По разным причинам но ни тот, ни другой художник не смогли удовлетворить псевдоисторические запросы вождя. В свое время и замечательный киносценарий Эйзенштейна, и слабую пьесу Толстого Сталин прочитал с карандашом в руке, сделал замечания, но конечным результатом остался все же недоволен, что особенно плачевно сказалось на судьбе второй части фильма. Сергей Эйзенштейн, увлекшись трагической раздвоенностью вылепленного им образа царя и мрачным, но романтическим колоритом эпохи, сам того не подозревая, не позволил Сталину спроецировать этот образ на самого себя и свое время. Несмотря на искренние старания режиссера, Сталин так и не узнал себя в «гамлетовских» метаниях Грозного, а преданных наркомов и бойцов НКВД не разглядел в образах Малюты Скуратова, Басмановых и беснующихся в дикой пляске рядовых опричников.

Несмотря на искренние старания, Алексей Толстой, будучи уже старым и больным человеком, не сумел даже минимально овладеть историческим материалом или хотя бы искусно состыковать дух столь различных исторических эпох. В большей степени Сталин был удовлетворен произведениями писателей и драматургов среднего калибра (В. Костылев и др.), которые с большей чуткостью отозвались на запросы вождя, за что и были вознаграждены разными премиями. Крупнейшие советские историки — С. В. Бахрушин, С. Б. Веселовский, И. И. Смирнов и другие — каждый на свой манер приняли

самое непосредственное участие в переосмыслении эпохи Ивана Грозного, его деяний и злодеяний.

Так, под видом политической целесообразности, сталинская власть при помощи

выдающихся деятелей культуры и науки, опираясь на искусно препарированные ими исторические образы, освобождалась от общечеловеческих моральных ограничителей и ценностей.

А. В. ИЛЬИЧЕВ,

*профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП,
доктор филологических наук*

ИДЕАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ»

В. Г. Белинский, разрабатывая эстетику реализма, специально подчеркнул проблему идеала и его авторского выражения в литературе нового типа. Если поэтика дореалистического письма прямо выражала авторский идеал через изображение «украшенной природы» («старая поэтика позволяет изображать все, что вам угодно, но только предписывает при этом изображенный предмет... украсить»¹), то поэтика реализма остро осознает дистанцию между идеалом и действительностью, между авторским пониманием жизни и логикой самой жизни. Поэтому авторская позиция выражается косвенно, опосредованно («...идеал тут понимается не как украшение... а как отношения, в которые ставит друг другу автор созданные им типы, сообразно с мыслью, которую он хочет развить своим произведением»²).

«Станционный смотритель» А. С. Пушкина — одно из первых реалистических произведений, определивших значительные особенности русского реализма, в частности, его гуманизм. Отсюда — пристальное внимание исследователей к этой небольшой и на первый взгляд понятной повести. Но уже простого обращения к литературоведческой традиции достаточно, чтобы обнаружить не просто разные, а порой противоположные толкования смысла повести, авторского отношения к событиям. Первая сложность, с которой сталкивается читатель, — сказовая природа повести. Основные ее сюжетные звенья подаются то через слово титулярного советника А. Г. Н., то через слово Самсона Вырина, то через слово рыжего мальчика. И все это обрамлено «молчаливым образом Белкина» (С. Г. Бочаров). Сказовая природа по-

вести создает атмосферу неопределенности и недосказанности, непроясненности мотивировок поступков героев. Вот как рассказывает о посещении Минского лекарем: «Он пощупал пульс больного, поговорил с ним по-немецки и по-русски объявил, что ему нужно одно спокойствие и что дня через два ему можно будет отправиться в дорогу. Гусар вручил ему двадцать пять рублей за визит, пригласил обедать; лекарь согласился; оба ели с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольные друг другом»³. Чуть позже сам лекарь так «пересказывает» это событие: «Он уверил смотрителя, что молодой человек был совсем здоров, и что тогда еще догадался он о его злобном намерении, но молчал, опасаясь его нагайки. Правду ли говорил немец или только желал похвастаться дальновидностью» (VI, 138), так и остается загадкой для читателя.

Эта закономерность действует и в центральных эпизодах повести. Так, реакция Дуни, уезжающей с Минским, лишь названа, да и то весьма характерно: «Дуня стояла в недоумении...» (VI, 137). Рассказ ямщика этого недоумения несколько не снимает: «Ямщик, который вез его, сказывал, что всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ехала по своей охоте» (VI, 138). В исследовательских пересказах эта недосказанность часто конкретизируется так, что бедная Дуня оказывается чуть ли не «похищена» Минским⁴. Между тем из самой повести это с очевидностью не следует.

В результате суждения исследователей о том, почему герои не могут обрести свое счастье, и попытки найти виноватого связыва-

¹ Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М., 1982. Т. 8 С. 353.

² Там же. С. 352.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 1957. Т. VI. С. 136. В дальнейшем повесть А. С. Пушкина цитируется по этому изданию.

⁴ Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней: в 2 т. М., 1979. Т. 2. С. 208.

ются то с Дуней⁵, то с Минским⁶, то с Выриным⁷. Уже это многообразие мнений и оценок позволяет усомниться в том, что существует однозначное решение: очевидно, что действительность, лежащая за гранью сказочного слова, оказывается многомерней, чем любое суждение о ней. В пушкинской повести каждый персонаж, стремясь к своему счастью, строит его на несчастье другого. Вырин мыслит себя счастливым только с дочерью, что оборачивается для нее родительской тиранией. Дуня пытается устроить свое счастье с Минским, забывая об отце, и это — эгоизм. Минский, даже не пытаясь найти общего языка с Выриным, предлагает ему деньги, тем самым как бы покупая Дуню и т. д. Возникает ситуация, при которой все герои оказываются в известном смысле уравнены. «У Пушкина <...> намечено, — пишет Н. К. Гей, — где и как жизнь для того, кого любишь, переходит невидимо для человека любящего в ублажение жизни собственной»⁸. Всем героям повести недостает человечности и высшей меры любви. Но это не значит, что они плохи, они просто обыкновенны. И это не говорит о том, что они не интересны. Эта мысль не находит прямого выражения, а возникает «от противоположного». Пушкин при этом нигде не осуждает героев: каждый несет свое бремя ответственности.

Наиболее отчетливо пушкинский идеал проясняется мотивом лубочных картинок, который вводит в подтекст повести библейскую идею всепрощающей любви. Картинки в значительной степени подчиняются тому общему сказочному закону, который действует в повести. Библейская притча дана не сама по себе, а в «изложении» картинок и в пересказе А. Г. Н. Однако, в отличие от непроясненности сюжетных звеньев повести, поданных через сказочное слово, библейская притча известна. Лубочные картинки позволили мотивированно ввести столь высокий и авторитетный контекст в бытовую повесть. Ироничность же «немецкого» пересказа не исключает возможности сопоставления вечной истины Библии и истории Дуни и ее отца. Это происходит точно так же, как реализуется содержащийся в подтексте имени Самсо-

на Вырина намек на библейский персонаж. С одной стороны, это сближение иронично: библейский Самсон — самоотверженный герой, а Самсон Вырин — смирившийся пьяница. Но с другой — библейский Самсон, лишившись волос, потерял свою силу, и Самсон Вырин, оставшись без Дуни, опустил и потерял интерес к жизни.

Важно подчеркнуть, что эти сопоставления возникают не прямо: между притчей о блудном сыне и историей Дуни такая же разница, как между библейским Самсоном и Выриным. Однако сравнение состоялось, что расставило свои акценты, проясняя смысловые оттенки повести.

Библейский идеал всепрощающей любви остается идеалом, в свете которого осознаются поступки персонажей. Дистанция между высокостью библейской притчи и прозаичностью конкретной жизни не чувствуется оттого, что притча вводится через лубочные картинки, то есть косвенно. Идеальная версия сюжета, предложенная притчей, не подавляет своей авторитетностью логики поступков героев повести. Ироничность повествовательной манеры еще более скрадывает эту дистанцию, лишая авторскую позицию прямого ригоризма и дидактизма⁹. Расстояние между высотой идеала и реальной человеческой жизнью как бы отменяется, но только весьма своеобразным, как мы видим, способом. В самом деле, если представить, что социальные барьеры «сняты», — то исчезнут все возникшие противоречия: трагедия зрителя легко обернулась бы счастьем отца и тестя, но реальная повесть превратилась бы в сказку. Пушкинский сюжет «скользит» между тем и другим, прикасаясь то к одному полюсу (счастье Дуни и Минского), то к другому (смерть Вырина, Дуня на могиле отца).

В результате читатель осознает как идеальную сторону жизни, так и реальную ее ипостась. Причем то и другое существует не раздельно, а сливается в повествовании.

Социальное и человеческое в повести не просто противопоставлены, но сложно взаимодействуют. Пушкин не делит персонажей на отрицательных и положительных, выходя за пределы подобной логики. Взамен жестких оценок героев — понимание, однако не снимающее вины. К мысли об эгоистическом счастье добавляется мысль о мире действительном, «не приспособленном» для полной реализации гармонических отношений. На этом

⁵ См., например: *Лежнев А.* Проза Пушкина. М., 1973. С. 343–344; *Гранин Д.* Тридцать ступенек: повесть, эссе. Л., 1984. С. 110.

⁶ *Гукасова А. Г.* Болдинский период в творчестве А. С. Пушкина. М., 1973. С. 187–188.

⁷ *Гершензон М. О.* Мудрость Пушкина. М., 1919. С. 126.

⁸ *Гей Н. К.* Проза Пушкина: поэтика повествования. М., 1989. С. 33.

⁹ См.: *Шмид В.* Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина». СПб., 1996. С. 141–144.

уровне прочтения вопрос вины конкретных персонажей отходит на второй план, а на первый выступает проблема трагизма человеческого бытия. Особенно остро она подчеркнута финалом, который, с одной стороны, подтверждает сюжет притчи (дочь вернулась), а с другой — отступает от него, так как воз-

вращаться уже не к кому. Трагически-недоуменная ситуация лишь подчеркивается переплетением образов смерти (могила, кладбище) и цветения жизни (дети, благополучная судьба Дуни), что вновь выводит повествование к идее извечной конфликтности бытия человека в мире.

Ю. Б. КАЛАШНИКОВА,

учитель русского языка и литературы гимназии № 23 г. Челябинска

ВЕЛИКАЯ СИЛА ПРОЗРЕНИЯ: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПУТЬ К ОБРЕТЕНИЮ ИСТИНЫ

В жизни человека порой случаются вещи, которые потрясают и остаются с вами на всю жизнь. Происходят встречи с людьми, которые переворачивают все твое мироощущение. Так и книги. Книжки в нашей жизни — это мудрые друзья и советчики. Но и среди них есть такие, которые становятся особенно дороги, потому что они «дают нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни», как писал Д. С. Лихачев в «Заметках о русском». Конечно, мы согласны с ним, что литература развивает в человеке понимание жизни и всех ее сложностей, раскрывает перед нами сердца людей, делает нас мудрыми. И я утверждаю, что мудрее человечество делает именно русская классическая литература.

Сравним два величайших произведения мировой литературы: «Кроткую» Ф. М. Достоевского и «Коллекционер» Дж. Фаулза.

Фаулз — один из писателей, которых интересно перечитывать. Привлекает и динамизм повествования, и глубина философской мысли автора. Мастер творит в мире крайностей. Он говорит, что в мире нет абсолюта, но есть право человека стремиться к истине, к свободе. «Коллекционер» — это своеобразный вариант сказки о красавице и чудовище, который превратился в принца. Но наше чудовище не только не превращается в принца. Наше чудовище к концу повествования приобретает столь патологические маниакальные черты, что читателя охватывает отчаяние, от которого невозможно быстро избавиться. Известно, что Фаулз увлекался психологией, в частности — бихевиоризмом, то есть его интересовало поведение человека в среде, стимул реакции. «Коллекционер» — это попытка понять, где же кроется природа зла. И Фаулз говорит нам, что не только природа, но и социум влияет на человека. Клефт —

человек, с детства обделенный, потому что отец его погиб, а мать бросила его двухлетнего. Самые счастливые дни в его жизни — дни, когда он ловил бабочек. Он — серый, посредственный. Особенности письма Фаулза — это прием игры. Но в этом романе это страшная игра. Думаю, что более явственно человек может раскрыться только в искренней исповеди. И поэтому автор выбирает дневниковую форму повествования. Но я понимаю, почему дневник пишет Миранда, ибо она — живое, эмоциональное существо, стремящееся анализировать и понять себя. Но как могли появиться его записи? Кому он может все это рассказывать, ведь он не склонен к рефлексии? Тут, мне кажется, проявляется одно качество посредственного человека — он хочет возвысить себя и свои поступки, думает, что цели его — благие, хочет доказать, что он хорош. С самого начала Миранда для него — редкий экземпляр. Этот человек так ограничен, что сравнивает ее в своем воображении только с бабочкой, даже волосы ее «светлые, шелковистые, словно кокон тутового шелкопряда». Смотреть на нее было для него все равно что за бабочкой охотиться. Она была для него неуловимая, ускользающая, редкостная. Он видел в ней утонченность. Она была для знатока, для тех, кто понимает. Но он никогда не задумывался о том, что она живая. Думаю, что он понимал, насколько она выше его.

Герой Достоевского тоже ввел в дом женщину только лишь для своих индивидуалистических, эгоистических целей. «Принимая ее в дом свой, я хотел полного уважения! Я хотел, чтоб она стояла передо мной в мольбе за мои страдания — и я стоил того. О, я всегда был горд, я всегда хотел или всего, или ничего! Вот именно потому, что я не половинщик в счастье, а всего захотел, именно поэтому я и вынужден был так поступить тогда: «дес-

кать, сама догадайся и оцени!» Потому что, согласитесь, ведь если б я сам начал ей объяснять и подсказывать, влиять и уважения просить,— так ведь я все равно что просил бы милостыни...» И такой теорией герой загубил человеческую жизнь. Но, в отличие от героя Фаулза, этот человек прозревает слишком поздно, но прозревает. Но какова цена этого прозрения!

С первых страниц Клегг производит впечатление полого человека. К другим женщинам он относится как к экземплярам, для коллекции совершенно негодным. Его профессия тенденциозна. Фотография — статичное искусство, он не способен творить, он стремится упорядочить красоту, удерживать ее перед собой. Он получает удовлетворение от созерцательности. А она — художник, она творит, создает, а не копирует действительность. Помните, она пытается научить его рисовать, а он срисовывает. Это деталь, но какая емкая! Он не способен что-то создавать. Отсюда — его мужское бессилие. Он думал, что если она будет с ним и увидит все его хорошие (?) качества, то поймет. У него всегда была эта мысль, что она поймет. Помните, герой Достоевского тоже хотел, чтобы она сама все поняла. С самого начала они противопоставлены. Он — серый, безликий. Она — с огромными ясными глазами, которые светятся. И не случайно в ее портрете — именно эти глаза, ведь глаза — отражение внутренней сущности человека. Она живая, яркая, а он серый, бесцветный.

Миранда нравится Клеггу как непохожая, другая, но, присвоив себе ее, уничтожив, он уберет ее в ящик (как своих бабочек) и скорее всего забудет о ней, красиво аранжировав ее могилу. И на протяжении романа он последовательно начинает относиться к ней как к неживому существу, как к экземпляру, как к мотыльку.

Когда он изредка выводил ее гулять, она несколько минут просто дышала, глубоко вдыхала воздух. Ей не хватает воздуха и в конкретно-реалистическом, и в символическом плане, что очень важно для понимания романа. Еще Кафка утверждал, что плохой, спертый воздух опасен, потому что парализует волю, сознание, чувства. А ведь Клеггу жить в этом доме легко и приятно. Он, жертва обывательского сознания, потерявший ориентацию во внешней среде, обезличен, узок. Ему совсем недалеко до носорогов, которых изобразил Ионеско.

У Достоевского одной из черт особенностей психологизма является следующая: человек делается вдруг прекрасным, но это

«вдруг» имеет глубокие корни. Герой «Кроткой» тоже издевался над человеком, стремясь внушить к себе уважение и любовь. Но у Достоевского герой рассказа пришел одновременно и к духовному возрождению, и к полной катастрофе. В отличие от Клегга он сам — личность.

Герой «Кроткой» не стал физическим убийцей. Но он совершил не менее страшное — моральное убийство, заглушив человеческое начало в самом себе, и из-за этого стал причиной страданий и гибели другого человека, человека самого близкого и нужного ему на земле. И лишь оказавшись двойным убийцей — убийцей своей жены и своего человеческого счастья, герой Достоевского смог ощутить то великое зло, которое несет человеку обособление и духовное одиночество, трагическое разъединение и разобщение людей. Очень большое значение в понимании героини Достоевского имеет ее взгляд. В финале лейттема взгляда обретает особый смысл. Кроткая закрыла глаза, а у ее мужа глаза открылись, но уже в более широком, философском смысле. Герой прозревает. Смерть Кроткой воспринимается как вселенская утрата, об этом свидетельствует образ солнца — рамки семейной драмы раздвигаются до масштабов вселенской трагедии.

Каждый из нас связан с другими людьми тысячами ниточек. Утрата какой-то части мироздания неизбежно ведет нас к дисгармонии мира. Эта идея Достоевского очень близка идее Д. С. Лихачева о том, что все взаимосвязано, что жизнь человека — это прежде всего единое целое, и только поняв это целое, мы можем понять его отдельные части.

Вот в чем великая сила русской классической литературы — сам Достоевский вместе со своим героем будто призывает нас словами Д. С. Лихачева: «Задумайтесь!», «Смотрите, что происходит в жизни!», «Не прячьтесь от ответственности за все и всех!».

Я считаю, что «Кроткая» и «Коллекционер» — удивительные по своей природе предупреждения двух таких разных художников о величайшей ценности хрупкой человеческой души. Кроткая и Миранда становятся жертвами чудовищного эксперимента над этой хрупкой человеческой душой. Экспериментаторы вроде бы имели в виду благие цели. Они хотели провести эти подопытные души через унижение к неслыханному счастью. Но человека нельзя осчастливить насильно! Это, может быть, одна из главных мыслей данных произведений.

Человек не в праве деспотически подчинять своим решениям жизнь другого, самовольно

строить расчеты и прогнозы относительно психологических процессов, происходящих в чужом сознании.

Думаю, что в таком посягательстве на свободу чужой личности и Фаулз, и Достоевский видят главный источник свершившегося зла. Но насколько духовно высоко поднимается герой Достоевского в конце произведения! Он поднимается до высот духовного прозрения.

Кроткая гибнет от смертельно ужаснувшего ее осознания того, что и любя можно быть бесчеловечным. Она готова была бесконечно сносить гнет не любящего ее мужа, хотя душа ее медленно умирает от этой пытки. Но открытие, что ее мучили, так сказать, специально готовя к счастью, убивает героиню мгновенно. Подопытным существом она быть не в силах.

Когда я прочитала роман Фаулза «Коллекционер», то испытала шок, потрясение. Моя эмоциональная память еще долго будет хранить это чувство великой дисгармонии мира и глубокого отчаяния. Я даже почувствовала себя засушенной и наколотой на кусок ткани бабочкой, которая лежит в шифоньере Клегга.

Никогда такое ощущение не возникнет после прочтения романов Достоевского. Только свет, только духовное перерождение, только желание найти человека в человеке. «Кроткая» — удивительнейшее по своей драматической страстности предупреждение художника о величайшей ценности хрупкой человеческой души, в котором мы видим традиции ренессансной культуры и предвестие экзистенциального мотива трагического одиночества личности.

И. И. КАРЛОВ,

заместитель директора — главный хранитель Государственного Русского музея, Заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)

МУЗЕЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Функционирование художественных музеев в современном российском обществе существенно отличается от их существования в доперестроечный период. К новым чертам музейного бытия прежде всего относятся: уход государства от непосредственного идеологического регулирования культуры; изменение статуса культуры, ее развитие на полистилевой основе, активная демонстрация всех направлений авангарда; формирование рыночных условий существования в культуре; изменение вкусов и предпочтений большей части зрителей.

В этих условиях музеи получили возможность расширить свое пространство, раздвинуть свои границы и более динамично и адекватно выполнять свои функции в обществе. Однако социальные трансформации породили ряд новых противоречий и проблем.

Одной из важных миссий музея оказалась ориентация на достоверность российской истории в процессе формирования исторического сознания народа. Формируя массовое сознание, музеи участвуют в становлении адекватных ценностей и современного мировоззрения. Общей тенденцией развития современных музеев России является их дви-

жение к общему, общероссийскому музейному пространству, расширение связей между крупными и небольшими государственными и частными музеями. Это движение закрепляется организационно в виде соответствующих объединений, ассоциаций, союзов.

Динамизация и расширение пространства музея нашли проявление в расширении мест «музейности» в современном культурном пространстве России, открытии новых музеев во дворцах, садово-парковых ансамблях, монастырях и т. д. Изменение форм и методов работы музеев России происходит в последние годы на основе использования новейших компьютерных технологий, результатом чего стало создание виртуальных музеев и виртуальных филиалов крупнейших российских музеев. Здесь особенно показательна деятельность Государственного Русского музея, который с 2003 года успешно реализует проект создания центров «Русский музей: виртуальный филиал». Цель проекта — эффективное приобщение посетителей филиалов к ценностям русской культуры; расширение и углубление знаний об истории русского искусства, коллекциях и деятельности музея на основе свободного доступа к элект-

ронно-цифровым и печатным материалам; создание единого культурно-информационного пространства на территории страны. Это позволило активизировать развитие диалога с посетителями, расширить пространство воздействия музея на общество и личность, более эффективно осуществлять функции воспитания и социализации разных возрастных и социальных групп.

Современные музеи России, таким образом, адаптируются к новым требованиям информационного общества и внутренним социальным трансформациям через динамику своего внутреннего пространства.

В процессе демократизации российского общества и его культуры был снят жесткий государственный контроль в отношении музейной деятельности, включая мировоззренческие основания общения музея и зрителя. Поэтому музей оказался перед необходимостью самостоятельно идти к зрителю, искать новые формы социальной коммуникации для освоения музейного пространства. Специфика постижения артефактов культуры, представленных в экспозиции, может быть адекватно понята зрителями лишь в процессе их диалога с современниками прошлых культур, воплотившими свое социальное время в предметах своей деятельности. В этом диалоге музея и зрителя происходит совмещение пространств музея и особого экзистенциально-личностного пространства зрителя. Это позволяет последнему присваивать те исторические и культурные проекты, которые заложены в музейных предметах.

Проявлением данных черт являются те направления деятельности музеев России, которые ориентированы на диалог личности с музеем. Это совершенствование организации и обсуждения выставок, в которых музейное пространство приобретает большую экзистенциально-личностную и социальную насыщенность; переосмысление места и роли ценностей в музейной работе; раскрытие через музейные экспонаты содержания и смысла общественных идеалов и важных гуманистических ценностных ориентаций, развитие методов эстетического, художественного и нравственного воспитания.

Особое место здесь принадлежит становлению и совершенствованию методов музейной педагогики и многообразных направлений ее развития, что привело к обретению ею статуса особой профессии.

Учет экзистенциально-личностного аспекта пространства музея и зрителя выступает основой новых возможностей организации деятельности современного российского музея.

Диагностика состояния музеев в современной России показывает, что их пространство остается в целом мозаичным и внутренне недостаточно связанным, центрированным в соответствии с плотностью населения в городах. Развитие этого пространства в советский период осуществлялось государством на основе определенных мировоззренческих функций, в силу чего оно должно было адаптироваться к требованиям и канонам монокультурной культуры.

В изменившихся условиях возникла потребность в повышении экспертного статуса музеев, включения их в проектирование ценностно-смысловой направленности и нового качества воспроизводства российского общества. Анализ зарубежного опыта свидетельствует о том, что и там музеи уточняют свое место в обществе через разработку новых стандартов своей деятельности.

Для выявления специфики проектной деятельности российских музеев необходимо раскрыть смысл понятия «проект». Проект понимается как форма освоения и реализации субъектами своих новых возможностей, как корректировка содержания пространства музея, его смыслового и предметного существования и адаптация к социуму — идеалам, вкусам, предпочтениям публики. Для проекта музейной деятельности важны его ориентация на сохранение целостности общества, воспроизводство его культурного кода, гуманистические основания его развития; целенаправленность, инновационность, коммуникативность. Одной из важных целей музейных проектов выступает повышение культуросозидающей функции музея.

Важным условием эффективной современной проектной деятельности российских музеев является процесс интеграции в них научных исследований с предлагаемыми организационными, управленческими, экономическими решениями в виде целостного проекта. Практика показывает, что именно в таком направлении проектируется развитие ведущих музеев современной России. Примером такого рода деятельности является большой комплексный проект — «Программа развития и реконструкции Государственного Русского музея на 1999–2008 годы», посвященный 100-летию юбилею музея. Эта программа развернута во многих направлениях — начиная от реконструкции зданий музея и формирования новых структур в музейной деятельности до развития научных и образовательных программ и проектирования перспективных новейших форм работы, что радикально обновляет пространство

музея, выявляя его новые возможности в воспроизводстве русской культуры и шире — целостности российского общества.

Многочисленные музеи, таким образом, являются той социально-культурной потребностью нашего общества, развитие которой

может объективно способствовать самоопределению современной России. Но это окажется возможным лишь при условии постоянного восстановления и раскрытия в нем механизма духовного воспроизводства целостности бытия и культуры.

Д. Н. КАТЫШЕВА,

*профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения,
Заслуженный деятель искусств России*

ИДЕЯ САМОЦЕННОСТИ, ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И НОВАТОРСКОГО ПОИСКА В БАЛЕТНОМ ТЕАТРЕ

Ф. Достоевский сказал о А. Пушкине, что он ушел от нас и унес собой тайну, которую мы будем разгадывать. Продолжая эту мысль, можем сказать, что путь к ней — бесконечен, как и к осмыслению подлинно-художественного текста. Гениальная личность всегда загадка, и уходя в мир иной, она продолжает нас волновать. Мы продолжаем ее осмысливать, вернее те новые идеи, которые она принесла человечеству, чтобы его духовно обогатить и совершенствовать.

Известный философ и поэт Даниил Андреев в своем гениальном произведении «Роза мира» дал определение подобным личностям — вестник человечества. Они приносят весть, способную влиять на людей, с тем чтобы их хоть на йоту продвинуть к своему саморазвитию и сохранению. Существует некая закономерность, когда век готовится к смертельным катаклизмам, своеобразному апокалипсису, который сначала посеет духовную чуму, а затем насылет мор на миллионы невинных жертв.

Противостоянием становится подобие Ноева ковчега, который спасал от всемирного потопа живых существ, — духовный ковчег. В нем собирается генофонд человечества — цвет различных народов. Более всего выпадут страдания и убийственные войны на Россию. И она представит в этом «Ковчеге» великих поэтов, композиторов, писателей, музыкантов, режиссеров, хореографов, артистов огромного масштаба. И среди них гениальная личность Вацлава Нижинского. (Другой гений, Чарли Чаплин, заметит, что он мало повстречал на своем пути гениев, но первым был В. Нижинский.)

Первая весть, которую подал Нижинский, — о высокой цене самой человеческой личности, которая столь же велика, сколь и загадочна. И не окружением. Наоборот, оно ви-

дит ее в ложном свете. Так было и с В. Нижинским. Единственной, кто его видел таким, какой он был на самом деле, была его сестра, соратница, ставшая выдающимся балетмейстером XX века — Бронислава Нижинская. Она оставила после себя двухтомник «Ранних воспоминаний», где во многом пролился свет на личность брата, с самых первых шагов в искусстве.

Внешне, казалось бы, еще мальчиком, он не производил впечатления. Более того, сосредоточенное лицо с полукрытым ртом производило впечатление малоразвитого человека.

«Опасная одаренность» В. Нижинского, не поддающаяся конформизму, проявилась с «младых ногтей». Формирующаяся личность будущего лидера в искусстве проявила себя уже на школьной скамье, в театральном училище, где он был на казенном содержании и, казалось, должен был вести себя смиренно. Но Вацлав не побоялся потребовать от администрации школы заставить публично извиниться Машу Добролюбову (имевшую покровительство в высших кругах), которая ударила его сестру Брониславу по лицу. И добился этого. И второй факт утверждения прав личности: когда В. Нижинский был несправедливо уволен Дирекцией Императорских театров из Мариинского театра и те пошли на попятный, предлагая теперь уже очень высокий гонорар, Нижинский гордо покинул театр, не соглашаясь ни на какие посулы. Он не простил унижения и оскорбления его человеческого достоинства.

Будучи уже премьером и добившись славы в антрепризе С. Дягилева, он не требовал материальных преимуществ. Осознавая свою зависимость от него (на его содержании были мать и больной брат), он понимал и свою самодостаточность. Внутренне Нижинский не

соглашался с распространенным мнением, что С. Дягилев полностью сформировал его, вылепил, подобно Пигмалиону, и привел к славе. Еще до Дягилева слава Нижинского в России была столь велика, что уже в 1908 году публика преподнесла Нижинскому венок с надписью: «Первому артисту мира». А вот когда без него в 1914 году откроется очередной русский сезон в Париже, Жан Ривьер напишет Марселю Прусту: «Был вчера в русском балете — жалкое зрелище»¹.

Идея самоценности человеческой индивидуальности, его внутреннего духовного мира, который отражается в танце, в пластике, часто выступающих «против течения», то есть сложившихся форм и структур классического балета, идея танцевального действия как носителя смысла (вернее, процесса восхождения к смыслу, по мысли Гегеля), соответствующего сущности образа на сцене, — все это получит претворение и развитие в балетмейстерских опытах М. Фокина. Как и рождение «новой драмы» с ее лирическими зонами жизни человеческого духа, художественные идеи в области актерского искусства и режиссуры (открытия К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко), гигантский поток русской поэзии становился с открытиями М. Фокина своеобразным противо-

стоянием разрушительным идеям культуры и искусства, его гуманистического языка на рубеже XIX–XX веков. М. Фокин точно определит ведущих танцовщиков, артистов высшей пробы: Анну Павлову и В. Нижинского, которые имели все данные (масштаб таланта, технический танцевальный уровень, драматическое дарование, имя, успех), чтобы начать реформы в классическом балете. Именно с ними Фокин мог решить сложные эстетические задачи, связанные с новым пониманием концепции художественной личности в ее театральном преломлении.

Фокина, приверженца «Мира искусств», в первую очередь интересовала личность, предопределенная внутренним духовно-нравственным ядром, а не социальной структурой. Иными словами, выражаясь современным философским языком, личность, представляющая как сущность субъекта, так и проявляющаяся в процессе деятельности по претворению этой сущности (Б. Мейлах, П. Симонов, Я. Пономарев). Творчество становится средой не только воплощения идей, но и средой проявления личности через идеи. В «Лебедь» Фокина, исполненном А. Павловой, выразилось стремление к сохранению фундаментальных основ духовности в ситуации ее разрушения, способности к противостоянию.

В. П. ЛУКЬЯНИН,

*писатель, литературный критик, сопредседатель
Союза российских писателей, кандидат философских наук,
Заслуженный работник культуры РФ (Екатеринбург)*

ПУТЬ К ИСТИНЕ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ НАУКИ И ИСКУССТВА

В мае 1959 года ученый-физик, популярный по сей день романист Ч. П. Сноу выступил в Кембриджском университете с лекцией «Две культуры и научная революция». Эта лекция, переработанная автором впоследствии в отдельную брошюру (*Сноу Ч. П. Две культуры. М., 1973*), спровоцировала дискуссию, в которую оказались втянутыми интеллектуалы многих стран, в том числе и Советского Союза.

С годами дискуссия выдохлась, хотя и не привела к каким-то общепризнанным выводам, но тема ее и по сей день остается актуальной. В подтверждение сошлюсь хотя бы

на одно прошлогоднее выступление на Лихачевских чтениях: «Проблема “двух культур” (естественно-научной и гуманитарной) — возможно, одна из центральных проблем наших дней»¹. Значимость этой проблемы разными авторами трактуется по-разному, но любой вариант основывается на интуитивном понимании того обстоятельства, что разделение культурного процесса на два все менее зависящих друг от друга потока сродни разлаженности в душевной организации индивида,

¹ *Погонява Т.* Большой клоун // Огонек. 1990. № 2. С. 25.

¹ *Забелина Н. Н.* К вопросу о единстве естественно-научной и гуманитарной культур: от теории к практике // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 г. СПб., 2006. С. 100.

которая, как известно, признается тяжелым психическим заболеванием.

Отчасти, возможно, упомянутая дискуссия, но, вероятнее всего, — просто ощущение социально-психологического дискомфорта вследствие противостояния «двух культур» время от времени побуждало представителей обеих культур искать пути сближения. В этом плане можно напомнить, к примеру, взрыв читательского интереса (увы, непродолжительный) к так называемой научно-художественной прозе, опыты применения количественных методов анализа к художественным текстам, попытки включения естественно-научных курсов в программы гуманитарных факультетов и гуманитаризации естественно-научного образования. К сожалению, после «Неизбежности странного мира» Даниила Данина (1961) так и не появлялось больше книг, которые позволили бы предполагать у этой ветви литературы сколько-нибудь значительное будущее. Количественные методы в конце концов обернулись внедрением в школах компьютерного экзамена по литературе (ЕГЭ), а неуклонное вытеснение из школьных программ «бесполезной» литературы «полезными» математикой и физикой однозначно демонстрирует, как сегодняшние чиновники от образования понимают соотношение «двух культур». И если Ч. П. Сноу делал акцент на моральных издержках этой коллизии, то сегодня уже есть основания говорить о серьезных социальных последствиях «технократического оскопления» общественного сознания, и мы начинаем их все более болезненно ощущать.

Я не тешу себя иллюзиями, будто разделившиеся даже не полвека назад, а несколькими столетиями ранее два культурных потока могут когда-либо снова соединиться. Я даже не думаю, что такое соединение принесло бы обществу пользу. Пафос моего выступления заключается в том, что решение проблемы значительно приблизилось бы, если бы мы все отчетливее поняли, почему в духовном обиходе человечества издавна сосуществуют рядом и наука, и искусство, какие функции они выполняют порознь и как эти функции связаны между собой.

Хочу для начала обратить внимание на то, что при всей разделенности научного и художественного мышления общность некой их первоосновы ощущалась во все времена и не подлежит сомнению. С одной стороны, успех художественно-образного воспроизведения мира напрямую зависит, если воспользоваться выражением Яна Парандовского, от «умственной культуры» авторов. «Все выдающиеся поэты обладают основательной ум-

ственной культурой... — утверждает замечательный польский прозаик и эссеист, опирающийся в своих рассуждениях на огромный историко-литературный материал. — Это только среди литературных однодневок без всякого будущего встречаются пустоголовые экземпляры». И дальше: «Автор романа собирает свой материал, как ученый. В зависимости от темы он изучает историю, археологию, медицину или сельское хозяйство, наблюдает и фиксирует особенности быта, прислушивается к разнице в наречиях...»²

С другой стороны, представители самых строгих естественно-научных дисциплин постоянно и широко используют эстетическую «апробацию» истины. «Когда у математика или физика возникает изящное построение, — пишет академик А. Б. Мигдал, — оно почти всегда либо решает поставленную задачу, либо будет использовано для каких-то других, будущих задач»³.

Хочу обратить внимание также на то, что «две культуры», развиваясь как будто независимо друг от друга и даже, по наблюдению Ч. П. Сноу, в разных темпах, тем не менее практически одновременно переживают и моменты подъема, и моменты спада.

Не имея возможности сколько-нибудь подробно обосновать здесь этот тезис, замечу хотя бы, как замечательно совпали по времени прорывы наших ученых в широком спектре физико-математических наук в 1950–1960-е годы с появлением в то же время целой плеяды ярких литературных талантов. Но одновременно с ними создавались и шедевры в других областях художественного творчества (напомню имена Г. В. Свиридова, А. А. Тарковского, П. Д. Корина, М. А. Ульянова и др.). Несложно провести и зарубежные параллели. Между тем сегодня заметно снизился общественный статус науки (я имею в виду не перипетию вокруг устава РАН, а навязываемую обществом науке, по выражению Кургиняна, «конкуренцию огурцов с сорняками на огороде», то есть невиданный всплеск лженауки, претендующей на общественное признание). Но и литература в значительной своей части отошла к той «культуре блефа», о которой убедительно говорил Г. М. Бирженюк на VI Лихачевских чтениях⁴.

Столь «синхронное» сосуществование науки и искусства в духовном процессе полу-

² Парандовский Я. Алхимия слова. М., 1990. С. 180, 182.

³ Мигдал А. Б. Поиски истины. М., 1983. С. 105.

⁴ См.: Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения. С. 85–86.

чит объяснение, если мы признаем научное познание и художественное постижение мира равноуровневыми и взаимодополняющими путями к истине. Причем истину в этом контексте следует понимать не как доказанное суждение, даже не как «противоположность лжи» (В. И. Даль), а как конечную цель познания — первооснову бытия, естественный порядок вещей, гегелевскую абсолютную идею, даже Бога (в философской трактовке).

Традиция такого понимания истины восходит к античности. Греческие философы отождествляли истину с добром и красотой. Поэтому с тех пор и поныне истина часто распознается через красоту. «Ты хорошо говоришь, мой Сократ», — замечает собеседник философа в одном из диалогов Платона. «Потому что говорю правду», — отвечает Сократ. Убедительность хорошей (то есть эстетически совершенной, прекрасной) речи все мы постоянно ощущаем на примере пословиц, поговорок, афоризмов. Да ведь и знаменитое «ради красного словца...» имеет те же корни: емкие, яркие, хлесткие, выразительные фразы в полемической статье ли, в публичном ли выступлении всегда убеждают больше, нежели логически безупречные, но блеклые по форме рассуждения.

На «перетекании» красоты в истину, а истины в красоту построена вся художественная словесность (притом, конечно, что красота слова в литературном произведении отнюдь не сводится к его ритмике и пластике). И вот парадокс: мы верим автору, который «завораживает» словом, даже если он неправ, и не верим в фотографически точное описание, выполненное плохим языком.

Но почему истина науки и истина, воплощенная в художественном слове, нынче существуют все-таки раздельно? Отвечать на этот вопрос следовало бы с объяснения, как и

почему на базе синкретического мышления древних исторически сформировалось научное (дискурсивное, понятийное) мышление, но это достаточно разработанная в литературе тема, обращаться к которой в кратком выступлении не имеет смысла. Нам важно подчеркнуть, что научное мышление на любом этапе своего развития охватывает лишь ограниченную и, в сопоставлении с неисчерпаемо сложным реальным миром, бесконечно малую часть (грань) реального мира. А бесконечно большую непознанную его часть мы постигаем опытным путем, накапливая (на индивидуальном и разных социальных уровнях) навыки жизни. Обладание (в той или иной мере) этим навыком сообщает нам способность непосредственного видения истины.

Дискурсивное (понятийное) знание накапливается обществом в форме научных категорий, гипотез, теорий, а непосредственное знание — в образах искусства. Самые глубокие и емкие образы искусства обладают такой же непреходящей ценностью для общества, как категории и формулы наук; образы Эдипа, Фауста или пушкинское стихотворение «Я вас любил...» в этом смысле равноценны закону Архимеда или формуле $E = mc^2$.

Из сказанного можно сделать, по крайней мере, три вывода:

— во-первых, литература и искусство, относящиеся к «культуре блефа», столь же неприемлемы для общества, как и лженаука;

— во-вторых, перекраивание чиновниками от образования школьной программы в ущерб литературе нецелесообразно и социально безответственно;

— в-третьих, столь же нецелесообразна и безответственна имитация изучения литературы в школе (на основе дайджестов, «образцовых сочинений» и ЕГЭ), перекрывающая путь к истине.

Л. А. МЕНЬШИКОВ,

доцент кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории, кандидат философских наук

РУССКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕЯ РЕНЕССАНСА

С непрекращающимися поисками «русской идеи» связано возникшее в начале XX века представление о третьем Возрождении, которое должно было выразиться в расцвете славянской культуры. Сторонниками подобной концепции стали философы и деятели культуры, определявшие в 1900-е годы направление античных исследований в российской куль-

турологии: В. И. Иванов, Ф. Ф. Зелинский, И. Ф. Анненский. По их мнению, вслед за романским и германским должно наступить русское (славянское) возрождение¹. Все они

¹ См.: Хоружий С. С. Трансформация славянофильской идеи в XX веке // Вопросы философии. 1994. № 11. С. 52.

как филологи-античники, конечно же, видели в грядущем возрождении античной культуры желаемую социокультурную модель, которая проявится в возвышении гуманистических начал культуры, в свободе творчества, в воссоздании эстетических идеалов греко-римской эпохи. Античность воспринималась ими как обладающий непреходящей ценностью опыт человечества, который периодически возрождается в истории.

Была сформулирована и противоположная трактовка роли Ренессанса в русской культуре. П. А. Флоренский в своей концепции социодинамики, трактовавшей исторический процесс как циклическую смену ренессансов и средневековий, говорил об отрицательных сторонах ренессансной культуры. Ему же принадлежит мысль о том, что возрожденческая культура как культура буржуазная и антропоцентричная, культура разделения и разъединения, давно уже (с Петровской эпохи) господствует в России. Именно с наследованием античных идеалов, переработанных романским Ренессансом, связан упадок русской православной культуры, который мы можем наблюдать. Надежду на истинный расцвет России Флоренскому давало приближение нового средневековья: только на его идеалах и может быть построено истинно цельное общество, способное противостоять разрозненности и разобщенности людей в культуре нового времени, вызванной прозападными тенденциями в нашей истории.

Еще одно значение понятия «Возрождение» введено в русскую традицию Н. А. Бердяевым, который вкладывал в него только один смысл — восстановление национальных религиозно-нравственных корней. В этом ключе используется категория «русский религиозно-философский ренессанс». Понятно, что ни о каком «возрождении античности» в традиционном понимании этого термина здесь речи идти не может. Античность в данном случае рассматривается как национальная древность, обращение к которой является залогом воссоздания собственной культурной модели, воссоздания, ведущего к новому расцвету.

В русле этих концепций находится и еще одна, гораздо менее известная теория русского Возрождения, созданная Л. В. Пумпянским. Участвуя вместе с Н. М. и М. М. Бахтинскими в заседаниях Вольфилы (Петроградской Вольной Философской Ассоциации, 1919–1924 гг.), Пумпянский увлекается теорией третьего возрождения и строит на ее основе свою культурологическую теорию. Согласно ей, русское возрождение уже было и благо-

получно завершилось. Возрождением античности в России он называет время расцвета петербургской культуры — от Петра I до Александра III. Неоклассицистская цивилизация, созданная на берегах Невы, была производной от европейского Ренессанса, она напрямую унаследовала его угасающую традицию. Появление символистского поэтического направления ознаменовало конец этой эпохи. Символизм — всего лишь русский вариант маньеристских изысканий в Италии. «Вульгарный лиризм» поэзии конца XIX — начала XX века стал предшественником грядущей реформационной и буржуазной эпохи.

Символом переходности культуры начала XX века как культуры маньеризма для Пумпянского была фигура Ф. М. Достоевского, своими художественными поисками открывшего многие пути для искусства модерна. Творчество Достоевского знаменует начало «эпохи великого расстройтва (дезорганизации) европейской поэзии»². Начало этой эпохи в европейской культуре, где она приходит на смену германскому Возрождению, можно видеть в «Гамлете», а также и в творчестве Шекспира в целом. Именно в трагедии принца Датского разрушается оптимистичная гуманистическая парадигма ренессансной культуры. В романах Достоевского происходит то же самое. Здесь пропадает тот «дионисический восторг — начало русской культуры»³, который можно было наблюдать в ней на протяжении XVIII–XIX веков, во время господства ренессансно-классицистской традиции. Именно восторг от восприятия жизни, о котором писал и В. И. Иванов, определял последовательное внедрение европейской традиции в России. Как раз его Пумпянский называет «чистосердечным исповедыванием ренессанса»⁴.

Русская культура получила от Европы нравственную и духовную силу, позволившую ей менее чем за столетие сравняться с Западом по глубине и цельности светского мировосприятия. Но в конце XIX века перед Россией неизбежно встает гамлетовский вопрос — о возможности ренессансного мировосприятия, о возможности ренессанса как такового. В результате русская культура теряет легкость, воздушность, жизнерадостность и оптимизм, свойственные ей на протяжении почти полутора столетий. Это жизнелюбие пронизывает мироощущение всех русских творцов

² Пумпянский Л. В. Классическая традиция. М., 2000. С. 506.

³ Там же. С. 507.

⁴ Там же.

культуры XVIII века. Не только классицизм, который по определению должен утверждать положительные жизненные идеалы, но и барокко, казалось бы, пренебрегшее в России своим «помни о смерти», создают тексты, преисполненные восторга и очарования.

Сила, которая переполняла самосознание представителей русской культуры, ощущение мощи государства — еще одно подтверждение идеи о ренессансном характере русской культуры этого времени. Эта сила только подчеркивает жизнеутверждающий характер культуротворчества. Переломные элементы обнаруживаются уже с начала XIX века. «Серьезность началась с Пушкина»⁵. Эти переломные моменты Пумпянский видит в нарастающей политизированности культуры. Политическая тема, тема изменений в культуре есть то наследие, которое дано России Шекспиром. И Достоевский своим творчеством эту политическую тему завершил. Политическая тема — наследие, воспринятое Шекспиром от античности. Для Пумпянского знаком кризисности эпохи было обращение к сюжету о мести Ореста. Неиссякаемая трагичность, которая присутствует в этом мифе, — сигнал к тому, что Ренессанс клонится к своему закату. Смешивается и переворачивается устойчивая система категорий, рушатся самые крепкие связи — связи семейные. Это показывает, что человек перестает быть ценностью (ставится под сомнение антропоцентризм ренессанса), что ценность перемещается в нечто противопоставляемое человеку. То же и в «Гамлете». Вопрос об ответственности человека перед чем-то — вопрос, который не может быть задан ренессансным человеком в силу его центральности и самоценности.

Достоевский продолжает эту тему, но к трагичности неразрешимого конфликта до-

бавляет огромную долю комизма, переходящего в фарс. Вопрос об отцеубийстве, хотя и превращается традиционно в вопрос о смысле истории (от ответственности Клитемнестры и Ореста — к вопросу о соотношении семейного и общественного, от мести Гамлета — к «мир распался...», от смерти Карамазова-старшего — к «Великому Инквизитору»), но в этом переходе появляется множество не просто негероических, не просто фарсовых, а даже пошлых моментов. Как писал об этом Пумпянский, «пролил кровь не сын, а лакей, незаконный сын, а ареопаг губернских присяжных заседателей совершил судебную ошибку»⁶. Это и есть «последний звук трагического пения», который знаменует конец Ренессанса. Закончилась серьезная эпоха, начинается ревизия устоявшейся системы взглядов. Разрушились вечные, принятые всеми ценности, культура оказалась на распутье — впереди много возможностей, и каждый воспользуется своей — теряется единство, наступает модерн.

И действительно, реформационное движение не заставило себя ждать. Модерн в философии вылился в эпоху религиозно-философского ренессанса. Был ли он воссозданием традиций православного «думания»? Много об этом сказано, и нет необходимости приводить дополнительные примеры тому, что он действительно был реформацией — попыткой преобразовать (преобразить?) православную идеологию, от которой в философии Серебряного века остались разве что цели — действительно нравственные и вполне ортодоксальные. Но путь, предложенный Соловьевым, Бердяевым, Булгаковым, Флоренским, — разве не та же гордыня Лютера, которая установила торжественное шествие ренессанса в XVI столетии?..

И. А. МИРОНЕНКО,

*профессор кафедры социальной психологии СПбГУП,
доктор психологических наук*

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРОГРЕССА РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В ходе острых современных дискуссий о прогрессе психологической науки особенно спорным и в то же время актуальным для отечественного профессионального сообщества является вопрос об оценке прогресса, достиг-

нутого отечественной наукой, и о перспективах ее развития в ближайшем будущем. На фоне имеющего место несимметричного сравнения отечественной и зарубежной науки и радикальных изменений, произошедших

⁵ Пумпянский Л. В. Указ. соч. С. 508.

⁶ Пумпянский Л. В. Указ. соч.

в российской психологии в постсоветский период, среди российских коллег достаточно широко распространено как весьма критическое отношение к достижениям российской психологии советского периода, так и мнение о недостаточной перспективности продолжения теоретико-методологических традиций данного подхода.

Чтобы оценить перспективы прогресса отечественной школы, представляется необходимым прежде задаться вопросом: почему психологическая наука в целом переживает такие болезненные сомнения по поводу наличия — отсутствия прогресса в своем развитии? Каковы источники и причины ее «методологических комплексов»? Ответ, мне кажется, лежит не в плоскости сравнения психологии с другими науками, но в контексте проблем более общего порядка, порожденных современностью.

В результате радикальных изменений, которым подверглась и подвергается на протяжении последних десятилетий жизнь людей, в культуре обнаруживается ряд острых противоречий, актуальных и болезненных проблем, которые самым непосредственным образом затрагивают психологию, как в части ее предметной области, так и в части практических применений и «методологического самосознания». Это и порождает те самые «методологические комплексы», то самое «перманентное ощущение кризиса», атрибутом которого являются сомнения в прогрессе нашей науки, которые проявляются: а) как ощущение сомнительности происходящего в ней «прогресса» и б) в форме сомнений в реальности и перспективах подлинного прогресса психологии.

Среди проблем, порождающих ощущение сомнительности происходящего в психологии прогресса, можно назвать следующие:

— дивергенция ценностей в современном мире, утрата веры в общечеловеческие, единые для всех идеалы;

— противоречия во взаимосвязи культуры и цивилизации, прогресса научно-технического и духовного;

— утрата веры в благотворность науки и культуры. Противоречия в оценке места и роли культуры в обеспечении будущего человечества;

— противоречия во взаимосвязи блага человеческого индивидуума и прогресса человеческого общества;

— разрушение традиционных форм человеческого общения, человеческой общности и сознания человека в процессе виртуализации общества.

Список перечисленных проблем еще далеко не полный. Но уже названные позволяют ясно видеть, что комплекс важнейших и болезненных противоречий современной культуры, порожденных объективным ускорением хода человеческой истории, прямо относится к предметному полю психологической науки. Именно психология призвана дать ответ на наиболее острые поставленные временем вопросы в силу своего статуса науки одновременно и естественной, и гуманитарной, науки о человеке во всей полноте и противоречивом единстве сторон и форм его бытия. Ни одна другая наука не может сделать этого в силу недостаточности своего предметного поля. Прогресс психологии поэтому объективно необходим и неизбежен в контексте современного развития человеческой культуры. Именно психология сейчас востребована как никакая другая наука, и ее «методологические комплексы» — не что иное, как болезни роста, сопутствующие неизбежному и ускоряющемуся, уже идущему, прогрессу.

Однако этот прогресс не может быть, не был и не будет ни всеобщим, ни равномерным. И здесь лежит еще один, внутренний, порожденный особенностями развития самой психологической науки, источник сомнений в том, что психология прогрессирует. Психологическая наука сегодня переживает период бурных и разноплановых изменений. После достаточно длительного периода, когда мировая психологическая наука фактически распалась на независимые «империи», сегодня в мировой науке доминирует тенденция к интеграции. На наших глазах рождается целостная структура единой мировой науки, укрепляется взаимопонимание между школами и обмен информацией. Наряду с этим имеет место и обострение противоречий между направлениями, область психологии становится ареной борьбы различных течений. Так, в отечественной науке развернулись острые методологические дискуссии, в том числе о парадигмальном статусе психологической науки.

В контексте последней дискуссии я разделяю точку зрения, что психология является наукой мультипарадигмальной. Сложная сетевая организация психологической науки как мультипарадигмальной адекватна многоплановости ее предметного поля. Соответственно, прогресс психологии мне видится как весьма дифференцированный. Оценка достигнутого в XX веке прогресса, как и место в науке XXI века, для разных школ представляется очень разной.

Что касается российской школы, потенциал этого направления далеко не исчерпан. В психологии XXI века весьма достойное место может принадлежать отечественной школе, в теории и методологии которой, в отличие от большинства великих школ западной науки XX века, делается упор на культурную формируемость «лица» человеческой психики, на отсутствие природной

заданности свойств и самой структуры личности. Это создает благоприятные предпосылки для конструктивного подхода к пониманию радикально новых явлений в развитии культуры, в том числе и названных в настоящей статье актуальных проблем и болезненных противоречий, порожденных объективным ускорением хода человеческой истории.

И. П. НИКИТИНА,

профессор кафедры социально-политических наук Финансовой академии при Правительстве РФ, доктор философских наук (Москва)

ФУНКЦИИ ИСКУССТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Идея социальной значимости искусства начала формироваться еще в античности, однако и сейчас проблема классификации социальных функций искусства, выявление связи социальных задач искусства со статикой и динамикой общества остается актуальной.

Функции, или задачи, искусства — это те цели, которые в эксплицитной или в имплицитной форме искусство ставит перед собой, те ценности, которыми руководствуется художник при создании произведения и которые принимает во внимание аудитория, воспринимая это произведение.

Условно все функции искусства можно разделить на *личностные (персональные)* и *социальные*. Первые касаются воздействия искусства на индивида, вторые — влияния искусства на систему социальных отношений и социальных институтов. Нужно сразу же подчеркнуть, что граница между личностными и социальными задачами искусства является относительной. Можно даже говорить о двойственных, *лично-социальных функциях* искусства. В частности, воспитательная, познавательная и многие другие функции искусства соединяют индивидуальное с социальным. Воспитание посредством искусства необходимо не только индивиду, но и обществу, поскольку такое воспитание способствует формированию полноценного гражданина.

Воспитательная функция искусства лежит на поверхности, ее активно обсуждали Платон и Аристотель. Они хорошо понимали, что искусство обладает магической силой для формирования хороших граждан.

Еще одна двойственная функция искусства, обсуждавшаяся с древних времен, — это его *автаркическая функция*. Это изоляция

индивида от внешнего мира, от общения с другими людьми, перемещение его в новый, вымышленный искусством мир, в котором он зависит, прежде всего, от самого себя. Благодаря искусству человек обретает возможность жить чужой жизнью: жизнью героев прочитанных им романов, просмотренных фильмов и т. п. Он получает своего рода автономию — свободу, заключающуюся в самодетерминации и независимости от любых внешних воздействий.

Еще одну функцию искусства, связанную с автаркической его функцией и особенно отчетливо проявляющуюся в современном обществе, можно назвать *функцией отказа* — критического восприятия индивидом устоявшихся ценностей существующего общества или даже отбрасывания этих ценностей в надежде заменить их иными ценностями, более отвечающими, как представляется в рамках конкретной культуры, высокому предназначению человека.

С функцией отказа связана еще одна задача искусства, которую можно назвать *функцией свободы*. Художественное творчество, находящее наиболее яркое выражение в искусстве, помогает прорасти в человеческой душе росткам свободы и зачастую позволяет человеку почувствовать себя свободным даже в самом несвободном обществе.

Достаточно, впрочем, перечисления разрозненных личностно-социальных функций искусства. Никакой последовательной классификации таких функций, как и функции искусства вообще, не существует.

Социальные задачи искусства многообразны и разнородны, к тому же они нередко тесно переплетаются с личностными его функциями.

Речь идет, прежде всего, об участии искусства в поддержании устойчивости общества путем укрепления доминирующих в нем ценностей — традиций, авторитетов, здравого смысла, идеологии, верований и тому подобного и одновременно о значении искусства в стимулировании динамики общества, о роли искусства в расшатывании и обновлении основных ценностей общества.

Социальный мир, в котором живут и трудятся люди, активно конструируется ими самими в ходе их социальной деятельности. Это происходит чаще всего не осознаваемо для них. Однако ясно, что в конструировании социального мира не последнюю роль играет искусство. Но и общество с помощью самых разнообразных средств воспитывает своих членов, формирует из них людей, приспособленных к жизни в определенной социальной среде. Здесь опять-таки не обходится без искусства.

Процесс социализации индивида, включения его в систему социальных связей представляет собой не что иное, как усвоение человеком ценностей, признанных его средой и тем обществом, к которому он принадлежит, и неотступное, почти автоматическое его следование этим ценностям в своей практической деятельности и, в первую очередь, во взаимосвязях с другими людьми.

Несомненно, искусство играет важную роль в формировании *мировоззрения*, господствующего в конкретном обществе. Именно искусство дает самые распространенные и самые действенные оценки, субординации ценностей, снабжает людей, всегда являющихся членами конкретного общества, пониманием основных форм жизни.

Идеология представляет собой принятую в конкретном обществе систему представлений и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к обществу и друг к другу, осмысляются социальные проблемы и конфликты и намечаются цели социальной деятельности. Идеология говорит не только о том, что есть в социальной жизни, но и о том, что должно быть в ней. Роль искусства в укреплении господствующей в обществе идеологии особенно наглядно проявляется в закрытых обществах, идеология которых сформулирована жестко и однозначно, а всякое отступление от нее наказуемо.

Мораль, сложившаяся стихийно-исторически, существует тысячелетия. Современная этика склоняется к мысли, что мораль держится не в силу каких-то особо веских дово-

дов разума, а благодаря многовековой традиции. В создании и поддержании этой традиции существенную роль всегда играло искусство. Оно дает простым «истинам морали» и той традиции, на которую они опираются, яркое, образное, доступное каждому воплощение.

Большую часть человеческой истории одним из наиболее эффективных средств упрочнения общества и социализации его индивидов являлась религия. В обществах, где религия составляет ядро господствующей идеологии, искусство стало необходимым инструментом, обеспечивающим особую ответственность религиозных представлений о человеке и мире, воспитания у членов общества пронизанных религией эмоциональных установок. Без поддержки со стороны искусства религия никогда не сумела бы стать средством, облегчающим земную боль, утешающим человека и уводящим его, хотя бы на время, душой и мыслями в иной, более справедливый мир.

Несомненна роль искусства в утверждении господствующего в обществе *стиля жизни* — совокупности тех ценностей и норм, которыми человек каждодневно руководствуется в своем поведении.

Очевидно значение искусства в укреплении господствующих в обществе *традиций* — стихийно сложившихся систем привычек, ритуалов, норм, правил и тому подобного, которыми общество руководствуется в своей деятельности.

Социальная жизнь невозможна без *образцов* (идеалов, стандартов и т. п.) — устойчивых, социальных по своему характеру представлений о том, какими должны быть вещи конкретного рассматриваемого рода. Искусство дает прекрасные образцы частного рода: образцы любви к ближнему, любви к жизни, самопожертвования и т. д. Наряду с образцами искусство предоставляет также многочисленные *антиобразцы*.

Искусство — одно из важных средств коммунистической социализации общества, связывания его индивидов горизонтальными отношениями равенства. Искусство ориентировано прежде всего на то, чтобы превращать общество — образование структурное и насквозь пронизанное противопоставлениями одних индивидов другим и, соответственно, неравенством — в коммуну, или общину равных. Но равенство, даваемое искусством, всегда касается только отдельных аспектов человеческой жизни.

Г. П. ОВСЯНКИНА,

профессор кафедры звукорежиссуры СПбГУП, доктор искусствоведения,
член Союза композиторов России

«В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...»

(Поэзия Анны Ахматовой в вокальном цикле Бориса Тищенко «Бег времени»)

С точки зрения трактовки поэзии А. Ахматовой, вокальный цикл «Бег времени» Б. Тищенко вызывает интерес с двух сторон. Во-первых, Ахматова относится к одним из наиболее почитаемых Тищенко русских поэтов. Во-вторых, слово является в произведениях Тищенко нередко тем животворным импульсом, который порождает музыкальный и прежде всего мелодический материал. Здесь Тищенко выступает продолжателем традиций Даргомыжского, Мусоргского, Шостаковича. Не однажды он отмечал: «Работая над вокальным произведением, я стараюсь всю музыкальную “пищу” получить из слова...»¹. Есть основания полагать, что слово лежит в основе не только его вокальной, но и чисто инструментальной музыки. Поэтому симфонические, камерно-инструментальные произведения (особенно струнные квартеты) Тищенко полны выразительных соло, инструментальных диалогов и полилогов с заостренной интонацией, родственной речевой.

«Бег времени» — третье произведение в творчестве Тищенко на стихи Ахматовой. Впервые композитор обратился к ним в 1966 году, написав «Реквием» на стихи известной поэмы. В 1986 году была закончена Симфония № 6 для сопрано, меццо-сопрано и большого симфонического оркестра, где в основу второй части положено стихотворение «Эхо». Уже в «Реквиеме» отразилось не только стремление Тищенко воплотить высокий трагедийный дух и смысловую глубину поэзии Ахматовой, но и *сложную драматическую судьбу поэтессы*. Композитор музыкально прочитывает страстное слово Ахматовой, как исповедь-повествование о ее жизни и судьбе поколения. Не случайно предваряет «Реквием» вступление, где звучит запись голоса Ахматовой «Я простояла...» (прозаический пролог «Вместо предисловия») на фоне колокольных звучаний в оркестре. Прочтение в стихах *судьбы поэтессы* становится в произведениях Тищенко *методом* в *воплощении ее слова*.

Этот метод лежит и в основе вокального цикла «Бег времени», который был закон-

чен в октябре 2003 года. Его становление началось с одного произведения, созданного «на случай» в виде дружеского заказа. К Тищенко обратилась американская скрипачка Эдна Мишель с просьбой написать для ее выступления в Петербурге сочинение на стихи о милосердии с минимумом участников. Так появилась вокальная миниатюра «Запах» на стихи Ахматовой («Привольем пахнет дикий мед») для меццо-сопрано, скрипки и виолончели, которое было исполнено в начале 2003 года в Эрмитажном театре.

С характерной для мастера крупных трагедийных полотен склонностью к циклическим композициям Тищенко стал думать о развернутом цикле по творчеству Ахматовой. Как и в «Реквиеме» выстроилось циклическое произведение не на стихи Ахматовой, а о ее судьбе. Но в «Реквиеме» изначально был своего рода поэтический сценарий, в который композитор только добавил две части на основе эпиграфов: «Нет, и не под чуждым небосводом...» (положен в основу первой части²) и православного канонического стиха перед «Распятием» (двенадцатая часть — In memoriam)³. Здесь этот «сценарий» о жизни Ахматовой Тищенко создал сам полностью, о чем он говорил: «Получился как бы цикл об Анне Андреевне Ахматовой и Екатерине Александровне Ручьевской⁴. Она пережила то же самое. Также стояла в очереди в “Крестах”. Я сочинял тщательно, так как стихи были трудные, и при их выборе я советовался и с Екатериной Александровной, которой и посвятил цикл “Бег времени”».

Тищенко выбрал шесть стихотворений разных лет, расположив их вне хронологических рамок и вне связи с книгами стихов Ахматовой, ориентируясь только на образно-смысловую ряд. Два стихотворения взяты им

² Это последнее четверостишие стихотворения «Так не зря мы вместе бедовали» «Из заветной тетради», 1961 г.

³ У Ахматовой перед коротким стихотворением стоит эпиграф — измененные строки из ирмоса IX песни канона Великой субботы: «Не рыдай Мене, Мати, / во гробе зрящи». Тищенко вводит полностью текст духовного стиха: «О, не рыдай Мене, Мати, во гробе сущу, волею братьев незрящих на смерть идущу...»

⁴ Е. А. Ручьевская — профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.

¹ Из бесед Б. Тищенко с автором доклада в 1999 и 2006 гг. В дальнейшем сносками не оговаривается.

из книги «Бег времени», два — из «Тростника», одно — из ранних стихов и одно — из последних. В основу заключительной части положено четверостишие из стихотворения «Кого когда-то называли люди». Первой, четвертой, пятой и шестой частям композитор дал свои названия. В целом сложилась следующая композиция: 1. «Запах» («Привольем пахнет дикий мед...», 1934); 2. «Бег времени» (1961); 3. «Я любимого нигде не встретила» (1914); 4. «Зачем?» («Зачем вы отравили воду?», 1935); 5. Литания («Уложила сыночка кудрявого», 1940); 6. Эпилог («Ржавеет золото и истлевает сталь», 1945)⁵.

Словом Ахматовой продиктован и специфический жанр каждой части: *стихотворения с музыкой*. Данный камерно-вокальный жанр окончательно сложился в эпоху Серебряного века, и именно он точно отразил специфику поэзии Ахматовой. От слова идет и обогащение жанра чертами монолога, а в заключительном эпилоге — элементами арии. В результате голос вокализует текст на фоне богатой по материалу инструментальной партии.

В цикле доминирует трагедийный тон высказывания. Но это разные оттенки трагедии, что делает музыкально-поэтическое повествование образно разноплановым и напряженным по драматургии. Роль слова выявляется и в том, что в каждой из частей композитор выявляет особо *значимое слово*, которое концентрирует интонационный стержень всего музыкального построения. Из ключевых слов складывается следующий смысловой ряд: *кровь, ужас, не встретила, зачем, горит, слово*. Очень часто *ключевое слово* ставится Ахматовой в конец, что было подчеркнуто композитором особым энергетическим нарастанием именно к последним тактам вокалиста.

В заключение отметим, что смысл последней части определяет заключительное слово — «слово» (у Ахматовой — «царственное слово»). Только в этой части наступает просветление, и она одна написана в мажорной тональности. Композитор акцентирует: Ахматова выстояла, выразила свои мысли и свое мирозерцание, поведала о судьбе своих единомышленников благодаря высокому поэтическому слову.

Ю. Б. ОРИЦКИЙ,

главный редактор журнала «Вестник гуманитарной науки»,
профессор Российского государственного гуманитарного университета,
доктор филологических наук (Москва)

РУССКИЙ СТИХ В МИРОВОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Русский литературный стих (в отличие от фольклорного) всегда отличала отчетливая ориентация на тот или иной иноязычный (а значит — в основе своей инокультурный) внешний источник. Таким образом, применительно к истории русского стиха вполне подходит общетеоретическое положение Д. С. Лихачева об особенностях трансплантации заимствованных форм в нашу культуру: «Не только отдельные произведения, но и целые культурные пласты пересаживались на русскую почву и здесь начинали новый цикл развития в условиях новой исторической действительности — менялись, приспособлялись, приобретали местные черты, наполнялись новым содержанием и развивали новые формы. Их жизнь мало чем отли-

чалась от жизни местных произведений — разве только своею большею сложностью».

Это положение вполне справедливо и для истории русского стихосложения: сначала силлабики, а затем — силлаботоники; на рубеже XIX–XX веков подобным образом встраиваются в национальную систему стиха тоника и свободный стих. Во многом естественности и безболезненности такого встраивания способствует то самое «ансамблевое строение» многих новых произведений, о котором писал Дмитрий Сергеевич, предполагающее органичное сочетание инокультурных и национальных принципов ритмической организации речевого материала.

Интересно, что в отличие от названных типов стиха, так называемый литературный раешник, или рифменный стих, не имеющий непосредственного иноязычного аналога, более или менее заметного распространения в собственно литературной поэзии так и не получил, сохранившись в основном в виде

⁵ Вокальный цикл «Бег времени» для сопрано, скрипки и виолончели закончен в октябре 2003 г. В начале 2004 г. завершена редакция для сопрано и струнного оркестра. Премьера состоялась 14 апреля 2004 г.

стилизаций различной степени точности и убедительности.

Попытки непосредственно вывести генезис разных видов тоники из народного тонического стиха (в первую очередь былинно-го) тоже не оказались убедительными. С одной стороны, ранние опыты (XVIII — начала XIX в.) переложений и стилизаций былин были выполнены тем же самым «немецким» силлабо-тоническим стихом, что и большинство оригинальных собственно литературных стихотворений. С другой стороны, первые опыты национальной литературной тоники, безусловно, опирались на иноязычные образцы (например, дольники Фета и Михайлова, специально созданные для адекватной передачи на русском языке стихотворений Гёте и Гейне).

Примерно то же произошло и с русским свободным стихом, типологические корни которого при желании можно усмотреть в метрически не упорядоченной нерифмованной народной лирической песне или молитвословном стихе (правда, тоже в основном переводном — с греческого). Однако первые реальные образцы русского верлибра возникли как подражание французской, чуть позднее — американской поэзии; даже Александр Добролюбов, создавший в начале XX века большую группу оригинальных молитвословных верлибров, начинал свое освоение этого типа стиха с опытов в духе французских символистов.

Тем не менее в национальной культурной памяти в качестве «русского» стиха закрепились, несмотря на иноязычный генезис, именно рифмованная силлаботоника, окончательно утратившая за три века свой заимствованный «привкус». В то же время другие заимствования в области ритма, как более поздние, так и более ранние, воспринимаются рядовым носителем русского стиха как более или менее явные появления той или иной инокультурной традиции. Это стало особенно очевидно в ходе так называемого Серебряного и затем Бронзового века русской поэзии с их особым интересом к поискам и экспериментам, в том числе и с обращением к иноязычным источникам.

Прежде всего это относится к так называемым русским гексаметрам, пентаметрам и русским логэдам, в подавляющем большинстве случаев используемым для переводов или стилизаций античной лирики. Причем предметом подражания может при этом выступать как греческий или римский стих в целом, так и опознаваемый благодаря метрическим сигналам античный жанр (например, идиллия в оригинальных стихах П. Ра-

димова или переводная в опытах В. Ходасевича). Нередко псевдоантичные метры используются также в пародиях или для обозначения общеэллинистической направленности стиха (как у Вяч. Иванова и О. Мандельштама).

В поэзии конца XX века эта закреплённость за гексаметрами и логэдами функций носителей античного ореола заметно ослабевает (например, в опытах современных петербургских поэтов Стратановского, Кучерявина и Завьялова).

В свою очередь русская силлабика, по убеждению Н. Панченко, имеющая наряду с общепризнанными польско-белорусско-украинскими источниками отчетливую поддержку в народной русской поэзии, также получила в русской поэзии последних десятилетий некоторое распространение. При этом дополнительным источником интереса к данному типу стиха стала также западноевропейская (прежде всего итальянская) классическая силлабика, и в первую очередь — стих Данте, что нашло свое отражение в переводе «Божественной комедии» силлабическим стихом (А. Илюшин).

Как уже говорилось, дольник тоже на первых порах осмыслялся как «немецкий», а затем и как «французский» стих (не случайно именно на эти источники «свободного стиха» указывал Брюсов, описывая под этим именем в том числе и русский дольник).

Как инокультурное явление (сначала французское, потом англо-американское, а затем вообще западное) в России долгое время воспринимался и собственно свободный стих (верлибр). Постепенно, однако, он стал восприниматься как универсальный, свободный от языковой привязанности тип международного стиха.

С начала XX века начинается также устойчивый интерес русских поэтов к специфическим силлабическим формам японской классической лирики — *танка* и *хайку*, сначала переводимых на русский язык в основном с помощью силлабо-тонических размеров, а затем способствовавший выработке в русской поэзии особого типа свободного стиха.

В современной поэзии (в первую очередь массовой и интернетной) наиболее широкое распространение получили именно хайку и их синтетические варианты: хайбун (мини-атюры, объединяющие стихотворную и прозаическую части) и хайга (хайку + рисунок).

Некоторое распространение в русской поэзии начала и конца XX века получили также подражания стиховым формам арабо-персидской классики: рубаи и газеллам, а также

используемому отдельно от этих строфических образований редифу.

Наконец, веянием последних десятилетий стали массовые переводы и подражания англо-американской миниатюрной форме лимериков, получивших особенное распространение в творчестве Э. Лира.

Стремление к синтезу словесного (стихового) материала проявилось в последних по времени увлечениях русских поэтов: бардовской (авторской) песне и так называемой рок-поэзии, корни которых лежат в получившей во второй половине XX века широчайшее распространение во всем мире англо-американской рок-музыке, активно использующей (как классическая опера) вербальный (чаще всего — именно стиховой) компонент. Новейшим вариантом этого типа словесно-музыкального синтеза можно считать так называ-

емый слэм — публичное исполнение стихотворных текстов в неперменном ритмическом контексте, а нередко и с непосредственным музыкальным сопровождением.

Все перечисленные стиховые формы, будучи в разные исторические периоды естественно интегрированными в русскую поэзию (и шире — культуру), почти одновременно активизировались и заметно демократизировались в современной культурной ситуации, воспринимаясь современным массовым читателем (слушателем) одновременно и как формы, имеющие безусловный инокультурный генезис, и как неотъемлемая часть современной русской культуры — как своего рода свидетельство ее «всемирной отзывчивости» ко всему разнообразию жизнеспособных форм мировой культуры, в том числе и современной.

Т. Б. СИДНЕВА,

проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ИСТИНЕ

Понятие «современное искусство» всегда было актуальным и остро дискуссионным. И в этом отношении не существует принципиального различия между древними цивилизациями и сегодняшней культурой. Недовольство современным искусством объединяет таких разных мыслителей, как Платон и Гегель, Флоренский и Фрейд, Августин и Бодрийяр.

Что такое современное искусство? Каковы его хронологические границы, почему оно не такое, каким должно быть, и может ли оно быть таким, каким должно быть? И, наконец, почему многочисленные дискуссии на данную тему так часто склоняются к критике и даже отрицанию современного искусства?

Сегодня мы являемся свидетелями того, как изменяется само понятие. Еще несколько десятилетий назад понятием «современное» обозначалось искусство XX века. И это было достаточно обоснованно, поскольку резкий разрыв с традицией, осуществленный модернистскими экспериментами, обозначил зияющую границу между новым и «домашним и сентиментальным» XIX столетием.

Превращение XX века в историческое прошлое, факт истории не только повлекло за собой естественную смену эстетических

парадигм, но и породило величайшие потрясения оснований искусства. Некоторые исследователи полагают, что сложившийся на протяжении ушедшего столетия понятийный аппарат бездействует в толковании современного искусства, поскольку сомнительными оказываются, казалось бы, очевидные для понимания искусства метафора, сублимация, катарсис, символ. И если XXI век продолжит ревизию искусства, то «он будет вынужден строить здание своего искусства на каких-то новых и пока неизвестных основаниях»¹.

Итак, что сегодня означает «современный» в определении искусства? То, что создается в настоящий момент? То, что согласуется «со временем»? Или воспринимается согласно времени? Есть ли оно как единое целое? Для того чтобы приблизиться к пониманию данных вопросов, следует исходить из глобальных метаморфоз, произошедших в сфере художественного творчества.

Во-первых, происходит беспрецедентное расширение художественного опыта. Информативная насыщенность, множественность и «взаимодопустимость» стилей, жанров опре-

¹ Мигунов А. Маргинальность в эстетике и искусстве // Эстетика на переломе культурных традиций. М., 2002. С. 115.

деляют понимание современного искусства как неизменно включающего историческое эхо ближайших и отдаленных эпох. Открытость, разомкнутость художественно-исторического пространства, «вседозволенность» смешения разных традиций, стилей, техник (частный случай — цитатность без границ) становится одним из определяющих признаков современности.

Во-вторых, искусство вовлечено в процесс «эстетизации», который охватывает буквально все сферы жизни и приобретает всеобщий характер. «Все сексуально, все политично, все эстетично»², как отмечает Ж. Бодрийяр. Разомкнутость границ современного искусства проявляется и в том, что оно «растворилось не в возвышенной идеализации, а в общей эстетизации повседневной жизни, оно исчезло, уступив место чистой циркуляции образов, растворилось в трансэстетике банальности»³. Произошла реабилитация дилетантизма и эклектики, состоялось признание всеобщей банализации и вульгаризации. Обытовление искусства, приводящее к снижению условности как родового признака художественности, обусловило сегодня особую востребованность реалити-шоу — жанра, который возникает на границе художественной реальности и рутинной будничности.

Отметив две определяющие тенденции искусства настоящего времени, мы со всей очевидностью обнаруживаем, что расширение временных и пространственных границ художественного опыта не упрощает, а в значительной степени усложняет решение вопросов, поставленных в начале статьи. Так, искусство в поисках адекватности мироощущению эпохи ставит под угрозу само свое существование!

В этой ситуации весьма интересно обратиться к известным размышлениям Ф. М. Достоевского, который утверждал, что искусства «несовременного, не соответствующего современным потребностям... быть не может»⁴. Он предостерегал от предписывания ему законов, путей, целей и призывал не стеснять свободу развития искусства: «Чем свободнее будет оно развиваться, тем нормальнее разовьется, тем скорее найдет настоящий и полезный свой путь»⁵. В то же время, ратуя за свободу искусства, Достоевский понимал, что высшая цель творчества — познание истинной сущности мира и человека (вспом-

ним его юношеское суждение: «...поэт в порыве вдохновения разгадывает Бога, следовательно, исполняет назначение философии»⁶).

Характерно, что вопрос о современном искусстве (главный, по мнению Достоевского) неизменно связан с проблемой истины. И сегодня вопрос об истинности искусства приобретает новую актуальность. Действительно, в современную эпоху всеобщего омассовления и сосредоточения художественных интересов на низших слоях повседневности, в эпоху смешения «своего» и «чужого» с беспощадной очевидностью встает вопрос: возможны ли единые критерии всей «вертикали» искусства? Возможна ли вообще истина в искусстве или всю историю искусства следует рассматривать как тысячелетиями длившееся заблуждение? И не доказывает ли последнее сама ситуация, сложившаяся в искусстве сегодня?

Весьма плодотворна в этом отношении позиция Г. Гадамера, который в поиске критериев художественной подлинности и неподлинности предлагает обратиться к истокам человеческого опыта и прислушаться к великой традиции формирования фундаментальных эстетических понятий. Таковыми, по его мнению, являются «игра», «праздник», «символ» и «мимесис».

Так, определяя искусство как «самопрезентацию игрового действия», Гадамер полагает, что произведение для воспринимающего — это «как бы игровая площадка, на которую он должен выйти». Только при соучастии в игре, в сотворчестве возможно понимание произведения, единство которого заключается в его «герменевтической идентичности»⁷.

Обоснование приобщенности искусства к истине Гадамер находит и в его символической природе. Художественное произведение как «осколок бытия», способный «соединиться с соответствующим ему осколком в гармоничное целое»⁸, как частица, дополняющая до целого «наш фрагмент жизни», позволяет видеть в нем свечение истины.

Раскрывая «праздничную» природу искусства (которая реализуется отнюдь не в создании оргийных образов, не в дионисийском экстатическом состоянии творящих и воспринимающих и не в превращении жизненного пространства во всеобъемлющее массовое шоу) Гадамер доказывает, что благодаря

² Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 16.

³ Там же. С. 20.

⁴ Достоевский Ф. О русской литературе. М., 1987. С. 88.

⁵ Там же. С. 89.

⁶ Достоевский Ф. Указ. соч. С. 8.

⁷ Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 336.

⁸ См.: Гадамер Г. Искусство и подражание // Гадамер Г. Актуальность прекрасного. С. 228–242.

праздничности произведение учит нас «погружению в особого рода покой», обнаруживающий близость к феномену жизни, органичности бытия.

И, наконец, самым важным понятием, которое объединяет искусство во всей его «вертикальной» и «горизонтальной» целостности, которое поможет «найти крупицу верного и адекватного» к пониманию разного рода художественных экспериментов, философ считает *мимесис*. Обращаясь к пифагорейскому, прадревенному толкованию мимесиса, понятого как опыт мирового порядка («как некая интеллектуально улавливаемая рациональность»), Гадамер утверждает, что мимесис является наиболее строгим и высоким критерием художественного качества. «Засвидетельствование порядка — вот, по-видимому, то, что от века и всегда значимо»⁹. Истинное произведение искусства есть «постоянное возвещение порядка», есть архетип гармонии. Пульсирующее биение подлинности, «свечение» истины бытия в искусстве можно обнаружить в самых различных его стилях и техниках. Единые критерии полноценности художественного опыта, определенные Гадамером, — «игра», «праздник», «символ» и «мимесис» — позволяют сегодняшнее искусство представить в континууме истории, обнаружить в нем не только потребности времени, но и увидеть трудные поиски подлинного бытия.

В своем определении истины Гегель отмечает ее очень важное качество: «Истина — это такая сила, что она наличествует и в ложном, и достаточно только правильно посмотреть, чтобы обрести или, лучше сказать, увидеть истинное даже в самом ложном». В при-

менении к современному искусству это суждение очень важно: принципиальным является то, что мы прочитываем в искусстве, что с нами происходит. Проблема в конечном счете заключается не в том, что зритель выбирает реалити-шоу «Дом-2», а не «Вишневый сад» Чехова или «На дне» Горького. Страшно то, что он не знает «Вишневого сада»...

Колоссальный опыт, вовлеченный в игру художественных смыслов, элементов языка, культурных знаков, жанров, эпох и образующий причудливую, мозаичную картину современности, отражает трудный поиск истины бытия.

Сложность и бесконечность этого поиска очень точно замечена Д. С. Лихачевым, который утверждал, что истина не может быть объяснена без ее мифологизации. Любое познание истины связано с созданием мифов. Чем больше элемент случайности, тем сильнее элемент мифологизации¹⁰.

Окруженный потоками информации, человек неизбежно оказывается втянутым в напряженный процесс, требующий дешифровки. Это условие его жизни. Человечество нуждается в появлении новых языков, приближающих его к истине бытия. По верному выражению Ю. Лотмана, «искусство является великолепно организованным генератором языков особого типа, которые человечеству оказывают неоценимую услугу, обслуживая одну из самых сложных и не до конца ясных по своему механизму сторон человеческого знания»¹¹.

Современное искусство отражает бесконечный поиск подлинности и непременно оказывается в сетях неизбежной мифологизации.

А. В. УСПЕНСКАЯ,

*профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП,
доктор филологических наук*

НОВЕЙШЕЕ ИЗДАНИЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ Н. В. ГОГОЛЯ: АРХИТЕКТОНИЧЕСКИЙ И КОММЕНТАТОРСКИЙ АСПЕКТЫ

В наши дни все чаще интеллектуалы как на Западе, так и в России говорят о кризисе культуры. Этот кризис имеет разнообразные истоки — от социально-политических до мировоззренческих. Применительно к филологии можно сказать, что он усугубляется следующими причинами.

В современной науке о литературе все чаще начинают доминировать два направления. Одно существует фактически для узкого круга профессионалов; оно оперирует сложным, еще далеко не устоявшимся набором

⁹ Гадамер Г. Искусство и подражание. С. 231.

¹⁰ Лихачев Д. Что есть истина? // Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет: в 3 т. СПб., 2006. С. 19.

¹¹ Лотман Ю. Структура художественного текста // Лотман Ю. Об искусстве. СПб., 1998. С. 17.

терминологии, часто заимствованным из смежных областей науки — философии, лингвистики, психологии. В результате о величайших явлениях человеческой культуры, среди которых одно из почетных мест занимает русская классическая литература, говорится языком переусложненным, совершенно непонятным не только рядовому читателю, но даже и филологу, занимающемуся смежными проблемами. Принцип «о понятном говорить непонятно» становится в иных работах самоцелью, неким свидетельством высокого научного уровня.

Кроме того, «книжный бум», начавшийся еще в конце 1980-х годов с отменой цензуры, породил пониженные требования к выпуску художественной литературы. Выходят в свет все новые переиздания классики, снабженные минимальными комментариями или же вовсе без таковых, отсутствуют и какие-либо сведения об авторах. Культура серьезных академических изданий с их высочайшим научным и издательским уровнем, предназначенных для самого широкого читателя, во многом ушла в прошлое вместе с эпохой.

Этот разрыв между высокой наукой и повседневными нуждами людей образованных, которые хотели бы получить определенные знания о классической литературе и ее создателях, должен постепенно преодолеваться. В этом заключена одна из возможностей преодоления и общего кризиса культуры. И такие тенденции, безусловно, существуют.

В этом смысле интересен замысел одной из новых книжных серий издательства «Диля-Классика», в работе над которой мне довелось принимать непосредственное участие. Это полные собрания художественных произведений русских классиков в одном томе. Выпуск книг осуществляется под грифом Библиотеки Российской Академии наук.

Сама идея, конечно, не нова. Впервые однотомные полные собрания сочинений появились в 1924 году — были напечатаны все художественные произведения Пушкина в стихах и прозе. Затем этот опыт был повторен в 1930-х годах, в 1948, 1949 годах и в 1984 году. Выпускались и другие русские классики. Серьезным недостатком подобных изданий была неполнота (даже в последнем наиболее полном издании Пушкина «не хватило места» для «Истории Пугачева» и некоторых ранних и незавершенных стихотворений). К тому же, как это часто принято в массовых изданиях, полностью отсутствовали комментарии.

Задуманная новая серия уже начала выходить в свет. В 2006 году выпущены собра-

ния А. С. Пушкина (мне принадлежит там Краткая летопись жизни и творчества и Словарь языка Пушкина), М. Е. Салтыкова-Щедрина (мною осуществлена научная редакция), В. В. Набокова; в июне 2007 года выходит уникальный сборник: «Русская басня, XVIII–XIX века», содержащая 2532 басни, из них — около 200 басен XVIII века никогда ранее не печатались и взяты из беловых рукописей. В 2007 году выйдет также полное собрание художественных произведений и публицистики Н. В. Гоголя (мною сделана для этого издания Краткая летопись жизни и творчества писателя). Далее планируется издание однотомников Н. М. Карамзина, В. И. Даля, А. П. Чехова и т. д.

В этих однотомниках установлены новые издательские принципы. В первом разделе находятся произведения, опубликованные при жизни писателя, представленные в том составе и последовательности, которые установлены им самим в последнем прижизненном собрании сочинений или в случае его отсутствия — в порядке выхода основных произведений. Во втором разделе — произведения, напечатанные при жизни в журналах или альманахах и не помещенные в собрания сочинений. В третьем разделе — в хронологической последовательности даются произведения, не опубликованные при жизни писателя. В четвертом — избранные статьи, критические заметки, наброски, автобиографическая проза, а также наиболее важные другие редакции и варианты художественных произведений, появлявшиеся как в прижизненных, так и в посмертных публикациях. Наконец, самая важная особенность настоящих изданий: в конце каждого тома дается Краткая летопись жизни и творчества и Словарь языка писателя. Этот вид комментария позволяет избегать повторов в построчных примечаниях и, кроме того, дает именно факты, в то время как биографическая статья неизбежно приобретает оценочный характер. При этом он позволяет с большой точностью воссоздать не просто хронологическую канву событий писательской судьбы, но и раскрыть их смысл.

Таким образом, основной корпус произведений оказывается представлен в соответствии с авторским планом и авторской волей. Важно и то, что даются восстановленные по рукописям и прижизненным публикациям строки, исключенные по цензурным и автоцензурным соображениям — они в тексте набраны полужирным курсивом.

Такого рода издания могут принести пользу специалистам, — справочный аппарат в

них весьма велик. В то же время благодаря столь обширному комментарию (он достигает 6–7 авторских листов) тексты, отстоящие от современного читателя на 150–200 лет,

оказываются гораздо ближе обычному, заинтересованному любителю литературы, помогут ему лучше представить другую эпоху и личность автора.

А. И. ФИЛАТОВА,

*профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП,
доктор филологических наук*

РОМАН В. Н. ИВАНОВА «ЧЕРНЫЕ ЛЮДИ».

В. И. МАЛЫШЕВ И ЕГО РОЛЬ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАМЫСЛА ПИСАТЕЛЯ

Замысел романа Всеволода Никаноровича Иванова «Черные люди» своими корнями уходит в 1920-е годы, когда начинающим литератором с непростой судьбой был написан очерк русской истории под названием «Мы». Работа над романом «Черные люди» осуществлялась во второй половине 1950-х годов.

Представляет несомненный интерес выбор писателем в качестве учителя и творческого наставника известного исследователя древнерусской литературы, создателя Древнехранилища ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) Владимира Ивановича Малышева, старшего коллеги Д. С. Лихачева и А. М. Панченко.

Письма В. Н. Иванова хранились в архиве В. И. Малышева. Они содержательны, в них — события, ставшие уже историей, они вносят дополнительные, порой яркие штрихи в сложившиеся представления о минувшем времени. Писатель делится своими творческими планами с ученым. 12 сентября 1957 года В. Н. Иванов пишет В. И. Малышеву о своем желании назвать свой роман «Черные люди». Он спрашивает Владимира Ивановича: «Писал ли я вам, что роман посвящен труду, созиданию, историческому деянию?»

Писатель делится с ученым своими впечатлениями об изученных источниках, посвященных XVII веку. Он, например, пишет В. И. Малышеву о том, что прочел записки Павла Алеппского о путешествии в Москву патриарха Антиохийского Макария и был восхищен изобразительным даром их автора: «...вот где кладезь познаний о XVII веке», и дальше просьба писателя: «скажите там, в академии, чтоб издать этот памятник умного араба! Сплошной Суриков! Одно возвращение царя Алексея из-под Смоленска по Москве пешком, что стоит. По снегу, с обнаженной головой, его молитвы и земные поклоны перед каждой церковью, чего стоят».

Сюжет письма В. Н. Иванова Малышеву от 23 октября 1962 года лежит в другой плос-

кости — литературоведческой. Автор «Черных людей» хочет поделиться с адресатом новостью: «Вчера купил книгу Варвары Павловны и Дмитрия Сергеевича “Демократическая поэзия XVII века” и с радостью вижу, что я не один в своих хабаровских медитациях»¹.

Личности Разина, Ерофея Хабарова, Аввакума отразили разные грани многостороннего исторического процесса XVII столетия. При всей несоизмеримости и различии их дел и исторической роли они были людьми самобытными, оставившими после себя глубокий след в истории. Писатель не раз будет напоминать о мужицком происхождении своих героев. Сообщая В. И. Малышеву о своем замысле написать роман об Иване Сусанине, В. Н. Иванов не преминет заметить: «Это тоже мужик, что надо (письмо от 29 января 1969).

У автора «Черных людей» протопоп Аввакум — одна из важнейших фигур. Полезно обратиться к рассказу Ю. Нагибина «Огненный протопоп»², заканчивающемуся словами: «Мудрейшие царевы советники думные дьяки, богословы и начетчики, толкователи снов, пророчеств, видений, даже чернокнижники бывшие запанибрата с преисподней, не смогли перетолмачить последних зовов — заклятий Аввакума, прежде чем крохотная искра, пронизавшая его от пят до груди, обратила в уголек его вечно сердце. С этого пустадержкого пламени возжегся костер великой Русской поэзы».

В письме к В. И. Малышеву В. Н. Иванов писал: «Имейте в виду, что в “Черных лю-

¹ Речь здесь идет о книге: Русская демократическая сатира XVII века / подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. П. Адриановой-Перетц; отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1954.

² См.: Дружба народов. 1975. № 4.

дях” Сибирь Сибирью, это — фон — массовое действие черных людей, их активность, а главное же это Аввакум».

Автор «Черных людей» вступает в полемику с В. И. Малышевым. В письме к Малышеву от 20 июня 1956 года В. Н. Иванов

отстаивает свою точку зрения на Аввакума как величайшего проповедника: «Вы пишете об Аввакуме как о писателе: не согласен. Это был великий русский не молчальник, а проповедник, известно ведь: “Народ безмолвствует”, а он говорил».

Т. П. ХЛЫНИНА,

*ведущий научный сотрудник Адыгейского республиканского института,
доктор исторических наук (Майкоп)*

НАУЧНОСТЬ КАК ПРИНЦИП ИССЛЕДОВАНИЯ И КРИТЕРИЙ ДОСТОВЕРНОСТИ В ПОЗНАНИИ ПРОШЛОГО

Представление об истории как науке, покоящейся на прочном фундаменте реальных фактов, породило и не менее устойчивое восприятие прошлого в качестве знания, подкрепленного исследовательской практикой. При этом ни сама процедура извлечения подобного рода фактов из разнообразного круга свидетельств о прошлом, ни его по большей своей части рукотворное происхождение не сказываются на привычном образе исторического познания. Наука о прошлом все еще измеряет свои достижения в категориях европейского рационализма, оставляя за ним право окончательного суждения и оценки. От истории все так же, как и столетие тому назад, ждут осязаемых результатов, направленных на стабилизацию прошлого, способствующего прояснению настоящего и предвосхищающего будущее. Между тем, по свидетельству выдающегося отечественного медиевиста А. Я. Гуревича, «сегодняшняя наука, и в особенности историческая наука, не дает готовых результатов — и этого от нее более и не следует ожидать; она, скорее, ставит под вопрос наши представления о прошлом и тем самым предостерегает нас от завышенной оценки нынешней эпохи. Именно в этом заключается задача, которую историческая наука выполняет в “жизни”; и она должна выполнять ее, а не замыкаться в своей “башне из слоновой кости”».

Эволюция научного постижения прошлого вобрала в себя, с одной стороны, признание возможности его объективного познания и стремление найти общее объяснение историческому процессу, а с другой — отказ от целостного видения мира, скрепленного лишь силой воображения исследователя и обретающего свое существование только в тексте. Происшедшие изменения потребовали большей ясности в определении не только гра-

ниц профессионального домена истории, но и критериев достоверности, вырабатываемых в его пределах образов прошлого. «Критический поворот» конца 1980-х годов оказался одной из немногих попыток самой истории определить свою идентичность, опираясь исключительно на собственные силы. По заключению современного французского историка, продолжателя традиций «Анналов» М. Эмара, «то был некий переход к истории, которую привлекало реальное, к истории, которая стремилась изучать точно определенные объекты и пыталась для этого приблизиться к постижению реальности, определив круг своих источников, поле исследования и свои методы. Преведняя наука постепенно уступала место иной истории. Истории, критичной по отношению к самой себе, и истории, задающей как вопросом о конструировании своего предмета, так и вопросом о своих концепциях, о своих методах, которые она применяет и которые ей необходимо осмыслить в исторических категориях, а не соотносить их с другими дисциплинами».

Начавшееся обновление процедуры исторического исследования, значительное расширение корпуса используемых источников, в том числе и недокументированного характера, понимание относительности знания о прошлом и его во многом субъективной обусловленности, как это ни парадоксально, никоим образом не сказываются на принципиальной основе изучения прошлого. А между тем принятие историком тех или иных исследовательских принципов не только обеспечивает научность его работы, но и обуславливает возможность достижения поставленных им задач. Будучи своеобразным познавательным ориентиром и следствием осознанного выбора историка, принцип в то же время является «выражением

существенно общих сторон и определений реального мира». Однако в условиях предельной размытости самого понятия «реальности прошлого», а также отсутствия ясности в выборе ценностных приоритетов общей направленности исторического исследования принцип обретает характер гипотезы, следование которой при определенных условиях способно обеспечить решение ряда конкретных проблем.

Научность как основополагающий принцип исторического исследования в ситуации резкого падения авторитета рационального знания, профессиональной и общеобразовательной культуры исследователя, появления «шлягерной» разновидности исторического жанра нуждается в выработке дополнительных обоснований и процедуры верификации полученных результатов. Помимо традиционно признаваемых атрибутов, сводимых к недопустимости авторского вымысла, опоре на твердо установленные факты, соответствующие данным источника, а также законам

формальной логики, она требует и профессиональной конвенциональности — исследовательской солидарности в определении границ и возможностей познания прошлого, за пределами которых начинается самостоятельная жизнь фантазии и вымысла. При этом достоверными могли бы признаваться не только общепринятые представления о прошлом, но и его наиболее плодотворные факкультативные версии, получившие статус локальных концептов и обеспечивавшие дальнейшее развитие исторической науки.

Если принять во внимание замечание А. Я. Гуревича о том, что «наука истории по своей своей природе есть не что иное, как спор без конца», то тогда и сам факт наличия исследовательского заблуждения или ошибки окажется неотъемлемой частью принципа научности. Тем самым достоверность познания прошлого обретет статус процесса, а существование новой исторической науки «постмодернистского толка» — недостающую ей пока легитимность.

А. И. ЧЕРНЯК,

доцент кафедры истории и культурологии Санкт-Петербургской государственной академии им. С. О. Макарова, кандидат искусствоведения, член Союза художников РФ, член Международной ассоциации историков искусства и художественных критиков

К ВОПРОСУ О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ СКУЛЬПТУРЕ

Для всех категорий древнерусского искусства, в которых можно видеть не свойственный времени реализм, еще в прошлом столетии ученый В. П. Адрианова-Перетц предложила термин «элементы реалистичности». Умение народного мастера приспособить христианские догмы к определенным жизненным ситуациям послужило причиной появления реального пласта и в древнерусской скульптуре. Уяснению этого положения помогает рассмотрение проблемы пространства и времени в культовой пластике и, в частности, пермской деревянной скульптуре.

Объективное пространство, как его понимает современный человек, бесконечно, непрерывно и единообразно. Оно может быть абстрагировано от своего конкретного содержания и может осознаваться объективно существующим. Восприятие этого объективного пространства подразумевает максимально внешнюю точку зрения, то есть противополо-

ставленность субъекта объекту, но в чувственном восприятии это противостояние как бы не существует, так как в нем нет трех евклидовых атрибутов пространства. Если современный человек предполагает разрыв между пространством, мысленно осознаваемым и чувственно воспринимаемым, то для создателей и современников пермской пластики этой дистанции не существовало. Пространство воспринималось как объективно существующее, а изображенный объект познавался в его данной конкретности.

Эта тенденция укладывается в так называемую «обратную» перспективу, известную по древнерусской живописи, но приемлемую и для культовой деревянной скульптуры. То, что на наш взгляд кажется наивным с внешней точки зрения, с внутренней — полно логики и значения. В соответствии с последней, художник, а вместе с ним и зритель, помещаются как бы внутри изображаемого, образуя с ним одно целое. Изучая народное ис-

куство, к сходной мысли приходит и В. М. Василенко, отмечающий, что «и художник, и тот, кто воспринимает сюжет, обязательно отождествляют себя с представленными героями». Реальная основа пермской скульптуры показывает нам, что местные жители действительно отождествляли себя с изображением.

Обратная перспектива культовой деревянной пластики подразумевает: отсутствие четкого противопоставления субъекта объекту (внутренняя точка зрения); «народное» (неосознанное) авторство, отсутствие индивидуалистического подхода к изображаемому объекту — олицетворение себя с героем произведения; выделение главного (лик, страдание); квадратность формы. Как известно, скульптура в основном оперирует образом человеческого тела и должна следовать его природе — передавать особенности анатомического строения, пропорций, объемного расположения в пространстве. В то же время, в силу общественного сознания местных жителей Прикамья той поры, человеческое тело не могло передавать реалии объективного человека, оно воплощало в себе весь мир. Языческое мировоззрение, так долго господствовавшее в крае, в представлении о мире как вселенной, исключало сферу сверхчувственного, то есть мира, противопоставленного реальному.

Даже духов леса, рек оно представляло как реальность, воплощая их в антропоморфном идоле — божестве. Живой человек для язычников не мог быть отвлеченностью, например аллегорией справедливости, воплощать идею долга, символизировать чувство ответственности. Он мог стать всем этим только как персонаж эпического сказания, но тогда это уже не конкретный человек, а художественный образ. Таким продуктом художественного творчества и являлась православная деревянная пластика. Сохранение местных сюжетов на протяжении более чем трех веков, «блочность» ее формы, указывающей на языческое отношение к первооснове (одевание, приношение в жертву пищи, легенды о «хождении» и т. п.), — все это говорит о стойкости мифологического мышления применительно к христианским реликвиям. Вот почему выходило, что тело изображаемого Христа — не только культовый символ божества, в понимании церкви воплотившегося в человека и принявшего смерть за человечество, но и символ реальной жизни, в которой господствует патриархальное крестьянское мировоззрение.

В средневековом искусстве представление о времени предполагает ориентацию в про-

странстве. В мифах имеет место материализация времени (нить судьбы, которую прядут Парки), где мы не встречаем понимание времени как абстрактного процесса. Пространственные, то есть предметно-чувственные представления отождествлены с временными. Следовательно, в них, как и в представлениях о пространстве, обнаруживается внутренняя точка зрения, что означает стертость ориентированности времени относительно воспринимаемого субъекта, нечеткие субъектно-объективные отношения в сфере времени. Поэтому современные понятия «настоящее», «прошедшее», «будущее» в мифологическом мировоззрении воспринимаются только в специфическом значении — «мифологическое настоящее». События, происходящие в мифологическом прошлом, образуют инвариантную структуру, одинаково применимую и к настоящему, и к будущему, Мифологические события прошлого отвечают не на вопросы, а на духовные запросы общества, дают к ним своеобразный поэтический «ключ». При мифологическом мировоззрении возможно разделение духа и тела, как у шамана в «иных сферах» странствует его вневременной ингредиент — душа, отправляющаяся в странствие по иному, специальному отсчету времени. Для других же членов общества выход из своего реального времени равносильна смерти. Занесенный в Прикамье русскими образ Христа-божества, включающий в себя время историческое и эсхатологическое, пространство реальное и сакральное, в то же время дающий мастеру возможность предложить выход из исторического времени, ассоциировался со страданием человека в обычной жизни. Таким образом, в мифологически-религиозной внутренней точке зрения на изображаемый объект преобладает народное восприятие; евангельский сюжет нужен был мастеру для морально-этической оценки. Так в народном искусстве прошлое, настоящее и будущее превращаются в вечное, вневременное, выражаемое скульптурными памятниками.

Проблема пространства и времени в художественном произведении, имевшем ранее культовое назначение, тесно переплетается с концепцией героя произведения. Это сложное образование, которое можно условно расчленить на «автора» и «героя». В литературоведении В. Виноградов считает, что образ автора — это «...концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему структур повествования в их соотношении с повествователем-рассказчиком и через них являющееся идейно-стилистическим

фокусом целого». Например, часто встречающийся в древнерусской скульптуре сюжет «Сидящий Христос». По форме памятники кажутся предельно «реалистическими» — этнографический тип лица местного поселянина, острая индивидуализация тела крестьянина, психологическое состояние самоуглубленного раздумья. «Страдающий Христос» — лишь отправная точка: как сама скульптура, так и его страдания — предлог для показа страдающего современника. Стойкость Христа во имя религиозной идеи превращается в стойкость земного существа, которое через осмысление происходящего приходит к определенным выводам. В силу общественной ситуации и неразвитости искусства, остающиеся в рамках культового памятника выявление автора в роли бога — высший уровень оценки, но «этнографичность» образа придает ему характер самоуничижительный. Здесь видны параллели с литературными памятниками того времени — «Повестью о Горе-Злочастии», «Повестью о голом и небогатом человеке», «Житием протопопы Аввакума». Не случайно поздняя скульптура сюжета «Сидящего Христа» представлена обнаженной натурой, понимая под обнаженностью «повседневную» одежду крестьянина. Все вместе взятое заставляет не только сострадать герою, то есть выполнять прагматическую функцию, но и возвышает его над обыденностью. Так, скульптура выражает не только внешнее, непосредственное сходство вещей, но и выявляет их полюса с извечными глубинными, сокровенными духовными свойствами, играя роль первичной социализации.

Важная роль в сохранении этической значимости образов принадлежит художественной традиции, которая, как известно, отличается от художественного опыта. Они не обязательно совпадают по объему: накопленный общественными усилиями и приобретенный извне опыт откладывается в культурной памяти народа, часть которого забывается на время или навсегда.

В традицию входит только то, что актуально сегодня. Так она «перетекает» из прошлого в настоящее, сохраняя нормативное или ориентирующее значение для современного художественного сознания. Историческая память способна хранить множество древних и разрозненных фактов, но только традиция образует из них систему, направленную на сиюминутную необходимость того или иного явления. Так, мы наблюдаем в пермской пластике возрождение сюжета «Сидящий Спас», «наложение» низовых форм древнерусского узорчатия на популярную в XVIII сто-

летия форму барокко. И в том и в другом случае мифологическая природа, реорганизованная в социально-натурную реальность сюжетов культовой скульптуры, на каждом новом этапе создает повтор формы, которая обладает высокой степенью инвариантности, силой резца народного мастера превращенной в художественный образ, выражающий думы и чаяния современника. Такое понимание времени приводит содержание памятника к конфликту с культовой оболочкой религиозного сюжета.

В мифах сакральное дальное действие является необходимым атрибутом вездесущего и всемогущего божества, для которого пространство и время выступают в качестве «чувствительности». В Прикамье к приходу христианства существовали верования, в которых «первоначала» было занято тотемами, идолами. Священно для местных жителей родовое пространство, где были захоронены предки, находились капища божеств, велась работа по преобразованию края.

Для десакрализации пространства церкви было необходимо уничтожить древних богов. Этим активно занимались Стефан Пермский, Трифон Вятский и другие миссионеры, которым необходимо было создать предпосылки для появления новых культовых реликвий, закрепить новый пантеон святых и сделать их популярными в крае.

Процесс был длительным и нес положительные тенденции: внимание к человеческому миру — душе, начаткам познания психического склада характера, к общественным идеалам. Народное влияние оказывается «достаточной» формой, предназначенной для длительного функционирования. Автокоммуникативную универсальность народной деревянной скульптуры не следует недооценивать, поскольку пространственно-временная среда и причинно-следственная конструкция создаются под влиянием народных представлений и идеалов, недвусмысленно определяющих место этой скульптуры в системе человеческого общества. Таким путем и шли к созданию своих образов мастера культовой деревянной пластики.

Всматриваясь в пермские изображения XVII–XVIII веков, понимаешь, что именно такая скульптура способна организовать вокруг себя большую эмоциональную и интеллектуальную среду. Эмоциональность скульптуры часто не исходит от автора, она заключена в самом сюжете произведения. Но как в сказке волшебство вторично, так и в древнерусской скульптуре евангельская легенда — лишь повод для передачи реальности через

внутренний мир художественного произведения. Логика же развития формы есть следствие постижения содержания. События Священной истории придают особый смысл современности. Спасение человечества — это вечный акт, совершенный однажды Иисусом Христом и многократно — страданием каждого современника мастера. Отсюда смещение прошедшего, настоящего, а через зрителя даже и будущего времени в сценах страдания, запечатленных в скульптуре. XVIII век дает пермскому вааянию способность не только рассказывать о действительности, но и иллюзорно ее воспроизвести, вызывая у зрителя чувство сопричастности происходящему. Так возрастает роль настоящего времени, которое все больше подчиняет прошедшее. Автор отождествлял себя с происходящим в ситуации «Сидящего Христа», а с появлением ансамбля «Распятого Христа» он выступает в двойной роли автора и повествователя. Отсюда возрастает эффект брэнности земного существования,

а пространство выступает и как реальное, и как воображаемое. Единство духовного и телесного в рамках культового искусства неизбежно порождает некий дуализм, но трезвое народное чувство меры приводит к тому, что мастер отождествляет реальность с идеалом, затем — противопоставляет, а в последующие этапы определяет между ними дистанцию, которую уже можно принимать за «раму» произведения. Именно этот выход из «внутренней» точки зрения во «внешнюю» и можно определить как сложный путь стилистической эволюции древнерусской скульптуры.

Таким образом, эволюция формы и содержания тесно связана с пониманием мастерами пространства и времени, когда памятник, обретая все большее самостоятельное значение, завоевывают реальное пространство, увеличиваются в масштабах, играя важную роль в храмовом синтезе искусств, а время все больше связывается с настоящим, приобретая устремленность в будущее.

К. И. ШАРАФАДИНА,

*профессор кафедры книгоиздания Северо-Западного института печати
Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна,
доктор филологических наук*

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПОСОБИЯХ ПО «ЯЗЫКУ ЦВЕТОВ» ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ «СВОЕ» И «ЧУЖОЕ»

Викторианскую эпоху справедливо считают последней стадией развития цветочного символизма в рамках европейской цивилизации. В это время цветоводство, как и в эпоху Руссо, становится знаком приверженности к определенным общественным нормам, а обращение к символике цветов в быту и в литературе — модой времени. Главную роль в приобретении цветочным кодом наиболее законченного вида сыграл английский консерватизм, ставший устойчивой приметой викторианства как образа жизни и национального менталитета.

Внешняя благопристойность, респектабельность и пуританская мораль диктовали чрезмерную избирательность в речи, лицемерие в поведении, заставляющее скрывать истинные и естественные чувства. Можно предположить, что фетишизация викторианского образа жизни и подтолкнула развитие цветочного кода на новой почве. Правда, оно пошло по собственному пути.

Англичане начали с того, что серьезно расширили «словарный состав» цветочных

словарей. Он резко вырос как за счет новых, введенных в культуру экзотических растений из Америки и Африки, так и за счет не очень располагающих к цветочному флирту сельскохозяйственных культур. Показательно, что им предписали значения, выходящие за рамки любовных: к примеру, тыква выражала «неуклюжесть», а лен — «выгоду» и «пользу».

Но и этого показалось недостаточно, и потому английские авторы с рвением принялись дифференцировать значения одного рода, но разных видов растительной культуры. Первое место «заняла» здесь герань — в словари вошли восемь ее видов, четыре вида примулы явно не составляли ей конкуренции. Надеялись собственной семантикой отдельные части растений (яблоко, цвет яблони, ветвь яблони); новые позиции появлялись на основании конкретизации по размеру, возрасту, стадии цветения, растительному циклу (бутоны красной, белой, розовой розы, распутившаяся роза, увядшая белая роза, роза без шипов, венки из роз и т. д.).

Цветочный «алфавит любви» в английской интерпретации стал также алфавитом искусств, религиозных понятий, морали, нравственности, даже юриспруденции и промышленности (ее эмблемой был назначен красный клевер). Но, расширяя словарный состав по этим позициям, англичане сокращали его по другим.

Генри Филипс, автор первого английского оригинального руководства по цветочному телеграфу, опубликованному в 1825 году (2-е изд. — 1834 г.), честно предупреждал читателя, что он ориентировался на французские источники, но исключил из них свойственные влюбчивым французам цветы-иносказания с «сомнительным» содержанием.

Показателен ряд «исправлений», которые сделал Генри Филипс. Липе во французской версии предписывалось эмблематизировать «супружескую любовь». Основанием для такого значения был греческий миф о Филемоне и Бавкиде, известный в переложении римского поэта Овидия: супруги так были преданны друг другу, что, дожив до глубокой старости, умерли в один день, но и после смерти не расстались — боги превратили Филемона в дуб, а Бавкиду — в липу, и супруги-деревья благодарно переплелись ветвями. Филипс незначительно переакцентировал исходную формулу, но что показательно, «английская» липа в духе провозглашаемых викторианской моралью семейных ценностей символизирует у него супружескую... верность.

В словаре Филипса много портретирующих растений: есть семейные эмблемы (для матери, отца, дочери и сына), возрастные (ранняя юность и преклонный возраст), не забыто даже рождение ребенка (ясенец белый).

Но больше всего цветов досталось незамужним «английским девам». Букеты для них исчерпывающе рисуют все их мыслимые добродетели: робость и скромность, чистоту и свежесть, сдержанность и умеренность, трудолюбие и милосердие, невинность и целомудрие. Эти качества эмблематизируют модные растения, популярные в викторианском обиходе. Большинство из них — комнатные: азалия, фуксия, герань.

В то же время автор посчитал невозможным включить в свой словарь ряд «смущающих» понятий и характеристик. В их число попала «чувственная любовь». Во французской версии это значение связывалось с очень душистой мохровой розой, видом рода розы столопестковой. Ее похожие на раскрытую книгу цветы так тяжелы, что цветочные головки сгибаются под собствен-

ной тяжестью — прекрасная иллюстрация для любовной страсти.

Союз белой и красной роз — зримая метафора «сердечного огня, или пылающего страстями сердца» — также был вычеркнут из цветочного алфавита. Даже предупреждающая о последствиях подобного общения предусмотрительная опунция (из рода кактусов) с пучками острых колючек («Я обжигая!») не устроила составителя. Филипс решил оградить своих читателей и от слишком грубого и прямолинейно названного понятия «плодовитость», приписываемого розовой шток-розе.

Тем более смутил его пион как эмблема стыда и позора — такой откровенности характеристик его цветочная почта решила избежать.

Характерному нравственному переосмыслению Филипс подверг семантику сирени. На Востоке ее дарили на последнем свидании в знак длительной разлуки или разрыва. Это растение традиционно связывалось с драматическим поворотом в судьбе любящих. Английский автор сохранил за сиренью значение разрыва, но изменил обстоятельства. Для Филипса сирень сохраняет значение разобщенности, но разрыв проецируется не на любовные, а на семейные отношения. Сирень в викторианский век означала тоску по покинутой семье и друзьям и желание или призыв поскорее к ним вернуться.

В комментариях видны политические и религиозные симпатии автора. Так георгины, или далии (оба названия, русское и латинское, были даны в честь ученых-ботаников) приписано значение «непостоянство, нестабильность», обоснованное исторически: когда цветок был завезен во Францию в первый год революции (1789), то о нем забыли и он погиб, поэтому его пришлось вводить в культуру вторично — в первый год императорства Наполеона.

Туберозе с ее одурманивающим ароматом французы приписали семантику чувственности и сладострастия; викторианство выносит этим желаниям нравственный приговор: англичанам опасный для здоровья запах цветка должен напоминать, что чувственные «удовольствия» сомнительны и опасны. «Узы любви» — эту выразительную и явно поощрительную метафору, связываемую французами с крепко обвивающей опору жимолостью, Филипс превращает в образ-укор «оковы любви». Похожая стратегия использовалась и для семантизации виноградной лозы: статус «опьянения» показался викторианцу слишком

индифферентным, и он вынес растению нравственный приговор — оно стало эмблемой компрометирующего и всячески порицаемого «пьянства».

Наконец, самую неожиданную метаморфозу претерпели папоротник и шалфей: если у всех французских авторов первый означает искренность, то у Филиппа он становится знаком противоположного и, вне сомнения,

поощряемого качества характера викторианца — скрытности.

Цветочные пособия викторианской эпохи — прекрасный пример того, как национальный менталитет влияет на культурные матрицы: «чужое» становится «своим», порождая новые концепты цветочного «языка», ориентированные на морально-этические ценности эпохи.

Т. Е. ШЕХТЕР,

*заведующая кафедрой искусствоведения СПбГУП,
доктор философских наук, профессор*

РЕАЛИЗМ КАК МЕТОД И ЕГО МОДИФИКАЦИИ В ИСКУССТВЕ XX ВЕКА

Реализм в учебниках и энциклопедиях определяется как направление в искусстве, ставящее целью правдивое воспроизведение действительности в ее типических чертах. Реализм в современном понимании начинается с «Малых голландцев» XVII века. В наши дни реализм определяется как «система видения, специально ориентированная на воспроизведение предлежащего человеку чувственно воспринимаемого мира со всей доступной полнотой»¹.

Мы называем реализмом такой способ восприятия и выражения действительности в произведениях искусства, который строится на постижении человеком своего единства с окружающей жизнью, на переживании его погружения в контекст динамично развивающихся событий, сменяющих друг друга фактов. При этом реалистический метод «умеет» увидеть и выделить объективные стороны взаимодействия человека и действительности, отражение в них исторических и социальных зависимостей. Он призван открыть нам действительность как динамичный, насыщенный план человеческого бытия, который построен на пересечении реализуемых практик, идей, планов, страстей, амбиций и желаний.

В *реалистическом восприятии* человек всегда включен в систему многочисленных связей, составляющих действительность, становится компонентом подвижной изменчивой повседневности. Именно реалистический взгляд открывает нам самобытность, самостоятельность и самоценность суетной стороны жизни, которая в реалистическом ее

осмыслении предстает как многогранное проявление человеческого в многообразии его противоречивых качеств, среди которых гениальность и глупость, бескорыстие и стяжательство, благородство и подлость, отвага и трусость, подвижничество и предательство... Реалистический метод строится на сохранении близкого сходства изображения с отражаемой действительностью с запечатлением ее характерных особенностей, а порой и мимолетных свойств и качеств, которые, тем не менее, оказались значимыми в духовной истории людей. Разумеется, искусство не может не быть субъективным, но важно заметить, что именно метод «выбирает» меру и способ проявления субъективности, ее вес в произведении искусства, меру «общего» и «личного» в каждом художественном творении. Знаковая черта реалистического подхода — стремление привести к гармоническому единству свой субъективный взгляд и опыт и исторический, культурный опыт эпохи, породившей ту действительность, с которой работает автор.

Ранее в литературе, посвященной обсуждению реалистического метода, было принято ссылаться на цитату Ф. Энгельса: «Реализм предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типических характеров в типических обстоятельствах» (т. 37, с. 35). А что такое правдивость? Это тоже историческое понятие, трактуемое с позиций мировоззрения. Если отвлечься от этой устоявшейся формулировки, мы с легкостью увидим, что «*правдивость*» — это просто выражение *взаимобусловленности человека и мира в данных исторических условиях*. Таким образом, правдивость есть выражение универсального закона художественного.

¹ Свидерская М. И. Искусство Италии XVII века. Основные направления и ведущие мастера. М., 1999. С. 85–88.

Интересно заметить, что реализм обращен, скорее, к действительности, нежели к реальности. Здесь уместно обратить внимание на различие этих понятий. Когда мы говорим о реальности, мы имеем в виду объективную данность мира, априорно заданную неким безусловным и могущественным истоком, почитаемым в истории культуры как Бог или природа. Когда же мы говорим, мы подразумеваем исторически конкретное проявление реальности в определенных исторических, социальных, культурных и тому подобных условиях. Если на действительность мы имеем возможность оказывать то или иное воздействие, то реальность дана нам как объективные условия нашего существования и, в отличие от действительности, не подвластна нашей воле и нашим желаниям. Реальность определяет наше бытие, действительность характеризует специфические особенности текущей жизни.

Реализм как художественный метод отличает то, что корни всех проблем человеческой жизни и судьбы он находит на земле, внутри человеческой действительности, в характере, поведении и образе мыслей самого человека, в истории его земного бытия с его социальными и психологическими причинами. Человек, его состояние, идеи и жизнь в целом в реалистическом отображении предстают непременно в контексте действительности. Через образы действительности реализм проявляет себя как особый взгляд на мир, выражающий определенный тип понимания отношений метауровня («человек — мироздание»); социально-исторического уровня («человек — эпоха», «человек — действительность») и психологического уровня («человек — человек»).

Какие бы сложные модификации художественное творчество ни переживало, *реалистический метод как концентрация внимания на отношении человека к действительности и действительности к человеку* был востребован всегда, даже в контексте религиозной, ритуальной или магической культуры. Каков бы ни был сюжет, если персонажи и развитие событий в целом подчиняются законам нашей жизни и отражают те или иные свойства и стороны действительности, то мы можем говорить о реализме, даже если речь идет о мифологическом сюжете.

В современной художественной практике именно реализм подвергается многочисленным интерпретациям, а в общеэстетическом плане именно реализм обретает новое значение уже не просто как историко-художественное понятие, но и как способ связи-противостояния двух ипостасей современного мира — *реального и виртуального*. В XX веке с развитием экзистенциальных идей в понятие реальности включается человеческая субъектная реальность. Реализм ищет свой путь в совмещении этой реальности и образов действительности. Реалистическое переживание мира — это стремление вписаться в его структуры и внедриться в существующие системы восприятия. Но это и установка на анализ данных структур и систем. Потому реалистическая форма чрезвычайно свободно меняется и развивается, особенно в искусстве XX века. Метафизический реализм и сюрреализм, магический реализм и гиперреализм, фотореализм и новый реализм — все эти течения представляют творческие опыты по осмыслению неисчерпаемости одного из наиболее адекватных и естественных для художественного творчества методов.

О. В. ШИЛОВА,

*заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Уральского института коммерции и права,
кандидат философских наук, доцент (Екатеринбург)*

МАНЬЕРИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО КУЛЬТУРЫ

Для философии культуры представляет ценным внимание Д. С. Лихачева к историчности культуры, ее синтеза на базе единства архитектурного начала. В теоретической разработке проблемы стиля академиком Д. С. Лихачевым культура пред-

стает как целостное явление, в котором существуют общие для разных феноменов культуры тенденции, законы, взаимовлияния.

В то же время наличествует многообразная связь прошлого и настоящего, когда «...прошлое и будущее становятся своими для

человека». Названные подходы к анализу культуры мы применили для характеристики маньеризма, традиционно трактуемого как художественный стиль XVI века.

Прошлое имеет свойство говорить о настоящем, важно лишь уметь спрашивать. Более того, многие ответы на вопросы гуманитарной мысли часто рождаются на стыках прошлого и настоящего, а новые идеи оказываются не чем иным, как смысловыми связями между прошлым и настоящим.

Особым интересом к духовному опыту прошлого отличаются эпохи социального обновления. В одних случаях культурное наследие дает вариант разрешения когнитивной проблемы, в других же — стимулирует интеллектуальные поиски, являясь своеобразным генератором и катализатором новых религиозных, нравственных, художественных, политических и правовых идей, внедряемых в социальную практику.

Культура выступает универсальной формой реализации сущностных сил человека, воспроизводства и обновления человеческого бытия. Человек не только создает культуру, но и посредством культурных феноменов, через их многообразный ряд познает и понимает себя. Эти основополагающие характеристики культуры определяют и ее основную цель — воспроизведение самой себя и обеспечение непрерывного развития. История культуры свидетельствует, что, каждый раз подходя к черте гибели, балансируя на краю уничтожения, культура находит в себе силы для преодоления кризиса и возрождения. Другое дело, что культура на каждом конкретном историческом этапе своего развития проецирует свою цель на решение конкретной задачи, определяя тем самым парадигму эпохи (гносеологическую, эстетическую, семиотическую или любую другую), способную привести в нее живительную силу.

Нам представляется важным понять маньеризм не как стилевое направление, а как доминанту кризисной культуры, адепты которой превращают природу в культуру, а культуру — в имманентную семиотическую систему. Более того, можно говорить о маньеристической парадигме как защитном механизме культуры.

Какой смысл обращаться к маньеризму, размышляя о кризисе современности. Прежде всего, это соответствует методологии исследования культуры, характерной для второй половины XX века, когда история культуры стала рассматриваться широким кругом специалистов разных стран не только как история развития, то есть история культурных

изменений, но и как история культурных повторений. Совпадение мироощущения человека, острота бытийных проблем той отдаленной эпохи и современности допускает аналогию культурных процессов. Арнольд Хаузер не без основания писал, что ни одно столетие не было так близко по духу к XX веку, как век XVI, в первую очередь благодаря своему переходному характеру, внутренней противоречивости, конфликтности и разобщенности во всех областях экономики, политики, религиозной жизни и культуры. Общими для столь разных исторических эпох оказывается не только мироощущение и стресс как характерная черта психического состояния, но и мечта о достижении мировой гармонии между человеком и миром, будь это мир природы, общества или духа. Кризисность мировосприятия — это не уникальный исторический акт, а неизменно себя повторяющая стадия коловращения человеческого духа. Критик и писатель Умберто Эко утверждает: в этом смысле правомерна фраза, что у любой эпохи есть собственный маньеризм.

Всевозможные «утопии» не являются прерогативой XVI столетия. Немало было их и в XX веке, как в социальной жизни, так и в области культуры.

Маньеризм и современность роднит проблема самоактуализации человека, которая выступает как актуализация своего «Я», активизация всех своих возможностей. Ученые констатируют, что человек XX века с легкостью решает нестандартные задачи, однако испытывает трудности с формулированием проблем. Сейчас постановка творческих задач достигается благодаря особой технологии: «мозговой атаки». Алгоритмом, сутью этой психологической методики является смена контекста при помощи определенного набора приемов, в результате чего обнаруживается новый ракурс, новое видение предмета или явления. В маньеризме изобразительно-выразительные средства образуют поле приемов, используемых художниками для достижения в своих произведениях эффекта «знакомое незнакомца» и изоцрненной новизны.

Еще одним полем совпадения XVI и XX столетий оказывается искусство с такими его признаками, как цитатность, коллажность, замещение «натуры культурой» и т. д. Названное совпадение формально-стилевых признаков в ряде случаев служит основанием для зачисления Борхеса, Кальвино (Д. Затонский), Пикассо и других к художникам-маньеристам.

Сегодня поиск нового понимания динамики общества, того, что можно назвать движущими силами общества, не может исходить из мифологического циклизма.

В основе общественных ритмов лежит культурная основа, а именно запечатленная в культуре, в концентрированном в ней опыте, способность людей фиксировать реальные и потенциальные опасности и, соответственно, менять свой тип поведения. Понимание механизма реализации этой способности людей, соответствующего субъекта, представ-

ляет исключительную важность для анализа динамики человеческой истории и возможно лишь на основе анализа механизмов культуры. Их знание дает ключ к пониманию динамики всех форм культуры вообще, включая важные массовые изменения господства настроений и действий.

Маньеризм как тип культуры переходного периода (кризиса) демонстрирует способы и приемы адаптации человека в изменяющемся мире. Для современного общества этот опыт очень ценен.

Секция 6

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ САМОБЫТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В. И. АНДРЕЕВ,

*заведующий кафедрой педагогики Казанского государственного университета,
академик Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор*

САМОАКТУАЛИЗИРУЮЩАЯСЯ ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ

Проблема целей в системе нашего отечественного образования и воспитания остается слабо разработанной. Это является следствием нескольких причин.

Во-первых, в советский период в процессе развития отечественного образования и воспитания в учебниках педагогики, а также в реальной педагогической практике в качестве приоритетной цели выдвигалось коммунистическое воспитание подрастающего поколения, а также всестороннее и гармоническое развитие личности.

Во-вторых, усилия педагогов последних 10–15 лет в контексте целей российского образования и для средней, и для высшей школы в основном были сконцентрированы на разработке образовательных стандартов.

На наш взгляд, педагогика XXI века знаменует собой поиск скрытых, еще незадействованных резервных возможностей образования и самосозидания человека третьего тысячелетия.

Опыт предыдущего столетия показывает, что все реформы, модернизации и даже революции мало что привнесли в становление Человека Созидающего. На наших глазах, особенно в условиях рыночной экономики, человек все больше становится потребляющим, разрушающим и даже деградирующим.

Где же выход? Где искать резервные возможности обучения, воспитания для становления человека созидającego и самосозидającego?

На наш взгляд, колоссальные резервные возможности обучения, особенно воспитание, находятся в самом человеке, в его «самости». На это неоднократно указывали выдающиеся философы, психологи, педагоги и поэты. Только

гений Александра Сергеевича Пушкина мог дать для нас формулу становления Человека Самосозидающего: «В самостоянии Человека залог величия его!» — писал великий русский поэт.

Человеческая «самость» — это самопроцессы и способности: самопознание, самоопределение, самоуправление, саморазвитие, самоактуализация, самореализация; это и есть те резервные возможности, поистине неисчерпаемый источник совершенствования качества обучения и воспитания, так необходимые для «самостояния» и самосозидания человека XXI века!

Автор не ставит своей задачей проанализировать все вышеперечисленные «самости». Нам представляется, что наименее разработанной, особенно с точки зрения педагогической, остается «самоактуализация» и «самоактуализирующаяся личность». Имеющиеся на сегодня психологические исследования по «самоактуализации» еще далеко не осмыслены и не трансформированы в педагогические цели, принципы и условия обучения и воспитания для становления самоактуализирующейся личности.

Поэтому сосредоточим свое внимание на понятии самоактуализирующейся личности как одной из приоритетных целей модернизации современного российского образования. Тем более что именно проблема целей, особенно высшего образования, остается весьма размытой и для вузовского преподавателя, и для студента.

По А. Маслоу¹, самоактуализирующаяся личность — это личность, у которой через

¹ Маслоу А. Мотивация личности. СПб., 2006. С. 352.

самоактуализацию раскрываются и реализуются основные, базовые, сущностные свойства и качества психически и физически здоровой личности.

Если для К. Гольдштейна, который ввел в научный оборот понятие «самоактуализация», это преимущественно характеристика мотивационной сферы личности, то для А. Маслоу в понятие самоактуализирующейся личности уже входит и процесс, и способность, и результат, и уровень саморазвития и самореализации личности.

Самоактуализирующийся человек самореализуется в процессе постановки и разрешения все более сложных задач и проблем, то есть не иначе как через творчество.

Самоусложнение жизненных задач и проблем требует от личности максимальной мобилизации и самореализации, то есть человек как субъект жизнедеятельности и творчества стремится к акме, что неизбежно ведет к профессиональному мастерству и жизненному успеху.

В свою очередь, когда человек стремится превзойти свои же достижения, максимальная самореализация невозможна без самоопределений, самосовершенствования, саморазвития.

Таким образом, осознанно или неосознанно человек, включает различные самопроцессы и самоспособности и выходит на все более высокие и наиболее значимые уровни саморазвития, самоопределения, самоуправления и самореализации.

Как уже отмечалось, самоактуализация — процесс творческий, и как любому творческому процессу, ему свойственна оригинальность, новизна, способность преодолевать барьеры и стереотипы, творческое воображение, фантазия, ассоциативность, эвристичность в генерировании новых идей, способности видеть в обычном необычное, скрытые от других тенденции и закономерности.

Поэтому, характеризуя самоактуализирующуюся личность, ее с полным основанием можно также назвать и творческой личностью. Самоактуализирующейся личности свойственна способность к личностному и профессиональному самоопределению, самостоятельному выбору в процессе принятия ответственных решений.

Самоопределение и способность к выбору ответственных решений для становления человека значимо всегда, но особенно — в ситуации нравственного выбора. Поэтому самоактуализирующаяся личность — это личность либо уже обладающая, либо стремящаяся к

овладению и развитию своей нравственной культуры. На современном сложном, переломном этапе общественного развития становление, самостроительство человека как высоконравственного члена общества становится чрезвычайно важным. В связи с этим воспитание самоактуализирующейся личности приобретает особую социально-нравственную значимость.

Все эти соображения относительно базовых компонентов самоактуализирующейся личности необходимо было учесть при создании модели качеств и способностей самоактуализирующейся личности, приведенную ниже.

Модель качеств и способностей самоактуализирующейся личности:

1. Мотивационные качества самоактуализирующейся личности:

- стремление к личностному профессиональному росту, саморазвитию;
- тяготение к профессиональному мастерству;
- склонность к свободе и независимости;
- влечение к новому, неизведанному;
- стремление к достижению легко значимых и приоритетных целей жизни;
- стремление проникнуть в суть вещей, явлений;
- искреннее желание принести пользу близким, обществу, всему человечеству;
- стремление к максимальной самореализации;
- увлечение любимым делом.

2. Ценностные ориентации самоактуализирующейся личности:

- терпеливое принятие безвредных условий, неудобств;
- избирательность в общении;
- приоритет внутреннего роста над жадной наград, общественного положения, почестями, популярностью, престижем и даже любовью окружающих;
- опора на базовые условия саморазвития, самореализации общечеловеческих ценностей, таких как истина, добро, красота, справедливость, гармония;
- реалистическая оценка себя, других, реально складывающейся ситуации;
- возможность для творческой самореализации.

3. Интеллектуальные способности самоактуализирующейся личности:

- ярко выраженная способность к самоактуализации проблем;
- умение видеть и улавливать новое;
- непривязанность к стереотипам, клише;
- оригинальность мышления;

- способность к деятельному, хладнокровному размышлению;
- смелость в суждениях и выводах;
- ясность ума;
- способность к генерированию новых идей;
- развитая интуиция;
- умение сконцентрироваться на проблеме;
- системность, критичность, прогностичность мышления;
- масштабность мышления;
- философский склад ума;
- способность видеть скрытые от других тенденции и закономерности.

4. Правственные качества самоактуализирующейся личности:

- честность;
- уважительность;
- скромность;
- доброта;
- простота и человечность;
- наличие внутренних моральных стандартов, собственного морального кодекса;
- умение любить и быть любимым;
- преданность близким, любимому делу;
- независимость;
- ответственность;
- чувство достоинства и самоуважения.

5. Коммуникативные качества самоактуализирующейся личности:

- открытость к общению;
- уважительность к другой личности, ее уникальности;
- неконфликтность;
- стремление к глубоким межличностным отношениям;
- демократичность в общении;
- толерантность.

6. Особенности характера самоактуализирующейся личности:

- естественность, искренность в любой ситуации;
- эстетичность в стиле, манере поведения, общения;
- уважение к уникальности, оригинальности;
- упрямство и пристрастность в определенных ситуациях;
- автономность в поведении и в деятельности;
- самостоятельность в суждениях, действиях, в принятии ответственных решений;
- обладание чувством юмора и остротой мысли;
- стрессоустойчивость, терпимость к ударам судьбы, лишениям, крушениям надежд;
- способность сохранять спокойствие в обстоятельствах, которые привели бы обычных людей к гибели (это качество получило название «самодостаточность»).

Обобщая вышеизложенные характеристики самоактуализирующейся личности, можно дать более лаконичное определение этого феномена.

Самоактуализирующаяся личность — это тип личности, интегрирующий в себе качества и способности высоконравственной, творческой, психически и физически здоровой личности, системообразующей основой жизнедеятельности которой являются синергия самопроцессов и способностей к самоактуализации и общественно значимых, все более усложняющихся проблем, в процессе разрешения которых происходит активное саморазвитие и творческая самореализация личностных качеств и профессиональных компетенций.

Ю. В. АНДРЕЕВА,

*доцент кафедры журналистики Казанского государственного университета,
кандидат психологических наук*

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОГНОСТИКА ТЕНДЕНЦИЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБУЧЕНИЯ И САМОРАЗВИТИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЖУРНАЛИСТА

«Мы и сегодня плохо знаем, что такое журналистика, — более полувека назад писал известный отечественный журналист В. А. Аграновский. — Работы многих авторитетных ученых, посвященные теоретическим проблемам журналистики, при всей их значимости и глубине создают впечатление

противоречия и не дают ответа на поставленные вопросы». С этим утверждением, к сожалению, можно согласиться и сегодня.

Профессиональное журналистское образование в России в течение последних десятилетий столкнулось с неразрешимой проблемой педагогической прогностики, вследствие

которой зачастую выстраивались неверные ориентиры профессионального обучения. Не только в нашей стране, но и в мире до сих пор нет единого ответа на вопрос, каким должен быть современный конкурентоспособный журналист.

Вследствие бурного технического прогресса в области массовых коммуникаций, резкого изменения общественных тенденций, смены идей и нравственных ориентиров сложно определить, какие именно компетенции должен демонстрировать журналист будущего. Сегодня можно выделить несколько взглядов на будущее журналистики. Так, французская школа предлагает делать акцент на развитие общих профессиональных компетенций и базовых элементов профессиональной культуры. Парижский центр подготовки журналистов (Centre de Formation des Journalistes) выдвигает такие требования к журналистам: «Будущие журналисты должны демонстрировать пунктуальность, готовность выйти на работу в неурочное время, умение работать в сложных ситуациях, способность работать в коллективе и иметь очень высокое чувство ответственности»¹. Интересно, что главной целью обучения для студентов является видение современных событий в перспективе их развития, а важнейшими — не технические компетенции, а умение собирать, анализировать, дополнять информацию и рассматривать событие все-сторонне.

А вот немецкая школа в основном придерживается компетентностного подхода, с завидной педантичностью прогнозируя развитие тех или иных журналистских специальностей и определяя набор соответствующих компетенций. Также для Германии характерна тенденция поворота от журналистики просветительской к маркетинговой: журналистика перестает быть общественным явлением, превращаясь в регламентированный бизнес. Залогом успеха журналиста становится знание законов рынка, умение добиваться успеха в конкурентной борьбе. По мнению П. Рауэ, в будущем «главный редактор локальной газеты будет понимать производство газеты как задачу менеджмента». Так, в новом варианте одного из самых популярных учебных пособий в Германии «Практическая журналистика» к главам о журналистском мастерстве добавлены новые главы, посвященные политическим и экономическим аспектам журналистики: о законах функционирования медийных рынков, маркетингу СМИ,

методах исследования эффективности воздействия.

В мире продолжают споры относительно того, что принесет обществу коммерциализация «четвертой власти». Журналистика как высокое служение обществу отходит на второй план, превращаясь в информационный бизнес, где идеи, события и даже проблемы имеют свой денежный эквивалент: журналист занимается поиском «хорошо продаваемой», а не социально важной информации. Во многих западных странах введены регулирующие ограничения шокирующей и негативной информации. Так, в Америке криминальная журналистика, включающая сцены насилия и демонстрации ретроспективы преступлений, транслируется в отдельном блоке и только после полуночи. В то время как в России содержание криминальных новостей в информационных блоках, по данным пресс-центра МВД РФ, в 70 раз превышает реальное соотношение событий.

Тенденции развития журналистики в России имеют свои особенности: в последние годы произошли революционные «информационные» перемены, которым способствовало изменение общественно-политического курса страны, провозглашение свободы слова, создание рынка информации и стремительное развитие информационного бизнеса, создание крупнейших в мире медиа-холдингов и многопартийных СМИ, развитие электронных технологий, переход на цифровой формат и спутниковое вещание.

Российская журналистика сегодня — это сфера профессиональной коммуникации (ее задачей является информирование общества), способствующая саморегуляции социально-политических и иных общественных процессов. Благодаря использованию широких коммуникативных средств, журналистика влияет на массовое сознание и изменяет поведение, оказывает влияние на развитие языка, традиций, национального менталитета и уровень культуры общества. Журналистика — многофункциональная сфера профессиональной деятельности, активно влияющая на социально-политическое развитие страны и мирового сообщества с помощью разнообразных коммуникативных технологий, посредством воздействия на общественное сознание и управление общественным поведением. Журналист — специалист, профессионально владеющий технологиями массовой коммуникации и оказывающий воздействие на массовое сознание с помощью формирования имиджа персон, организаций, государств и событий, влияющих на общественное поведение.

¹ См.: <http://www.cfpj.com/cfj/scolarit2/php>.

С позиции педагогической прогностики журналистского образования в России с уверенностью можно сказать, что при подготовке журналистов мы должны не только развить у студентов определенный набор профессиональных компетенций, но и ориентировать их на саморазвитие конкурентоспособности. Современный информационный рынок — это область жесткой конкуренции. Можно выделить несколько типов конкуренции: международная конкуренция СМИ (доля российской информации в мировом пространстве не превышает нескольких процентов, в то время как, по некоторым оценкам, доля США превышает 50 %); конкуренции между СМИ (борьба за рейтинг); конкуренция на межличностном уровне (между журналистами одной тематики разных СМИ за эксклюзивные материалы, творческая конкуренция в рамках редакции); а также самоконкуренция («газета живет один день» и журналист постоянно должен поднимать планку своих достижений — конкурировать с самим собой). В конкуренции, а особенно в самоконкуренции, на наш взгляд, заложен механизм профессионального саморазвития журналиста.

В данном контексте актуальной становится проблема соответствия конкурентоспособности и нравственной культуры журналиста. Многие полагают, что успеха в про-

фессиональной борьбе может достичь, скорее, безнравственный журналист, для которого все средства достижения цели являются приемлемыми. Опыт журналистской деятельности и практика преподавания на факультете журналистики опровергают данные аргументы. Напротив, конкурентоспособность журналиста базируется на высоком уровне профессионально-творческой культуры и личностных нравственных императивах. В противном случае профессиональный успех будет краток и недолговечен. Такие «звезды» быстро исчезают с информационного небосвода. В принципах конкуренции заложен и механизм развития журналистики как профессионального института. Конструктивная профессиональная конкуренция способствует появлению новых качественных продуктов, в частности новых оригинальных идей и концепций СМИ.

Конкурентоспособного журналиста отличает высокий уровень профессиональной культуры, следовательно, конкурентоспособность работает на повышение рейтинга профессии и в конечном счете — усилению общественного влияния журналистов. Вполне очевидно, что в информационном веке только профессиональные коммуникаторы — российские журналисты — смогут существенно влиять и на уровень конкурентоспособности страны.

В. Н. АНТОНОВА,

*заместитель декана факультета социальной педагогики
Педагогического института Якутского государственного
университета им. М. К. Аммосова, кандидат педагогических наук*

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ПОДГОТОВКЕ СОЦИАЛЬНОГО ПЕДАГОГА

В условиях стандартизации образования национально-региональный компонент, ориентируя на вариативность содержания учебных дисциплин, становится динамичной силой в реформировании педагогической высшей школы. Профессорско-преподавательский коллектив факультета социальной педагогики Педагогического института Якутского государственного университета им. М. К. Аммосова активно включается в это направление. Прошедшее десятилетие дает основание подвести итоги — выявить позитивные тенденции регионализации как гуманизации социально-педагогического высшего образования. Преподавателями кафедры социальной

педагогики факультета социальной педагогики ПИЯГУ разрабатывались «тексты» регионального характера, которые использовались как дополнительный материал к конкретному учебному курсу.

Предметная направленность характеризовала ориентированные на знание региональных особенностей спецкурсы, курсы по выбору, спецсеминары, вводимые на старших курсах данного факультета. Другая особенность региональной составляющей содержания общекультурной подготовки студентов связана с ее нерегламентированностью в содержании авторских курсов, что обуславливает тематическое разнообразие и уникальность

образовательных программ. Преподаватели получают новые возможности творческой самореализации в создании курсов, которые связаны не только актуальными проблемами социально-политической, экономической, культурной жизни региона, его историей, природными особенностями, но и с собственными научными, социально-педагогическими интересами. Например, В. Н. Антоновой разработаны и читаются курсы: «Изучение этнопедагогической среды социальными педагогами»; «Региональная социальная политика»; «Социальная работа с семьей с учетом традиций якутского народа»; «Занятость населения и практика роста безработицы в Республике Саха (Якутия)»; «Основы национального этикета якутского народа»; «Защита прав девочек в условиях Республики Саха (Якутия)»; «Социальная работа с различными категориями населения региона»; «Проблемы гендерологии и феминологии в РС(Я)» и др.

Тенденция регионализации высшего социально-педагогического образования как его гуманизации характеризует образовательный процесс, проявляясь в специфике организации учебной деятельности студента — будущего социального педагога в сельском социуме, ориентированной на становление его внутреннего мира. Социально-образовательное пространство факультета ориентируется на развитие профессиональных интересов, формирование активной общественно-профессиональной позиции студента; выступает центром, владеющим информацией о состоянии и развитии региональной образовательной системы, о региональной социальной политике, об особенностях развития региональной социальной работы и вместе с тем способным обеспечивать участие будущего социального педагога в различных формах социально-педагогической деятельности социальной службы.

В профессиональной подготовке социальных педагогов факультет социальной педагогики ориентирован на личностно-индивидуальный подход. Одной из эффективных технологий, способных активно влиять на процесс подготовки общинного социального педагога, является индивидуально-рейтинговая система обучения, в основе которой лежит индивидуально-творческая работа с каждым студентом. Разрабатывается программа дифференцированного обучения специалиста с опорой на индивидуальные особенности студента. Это способствует созданию стимулов и мотивации к получению результатов в обучении, развитию навыков самостоятельной работы и обеспечивает интенсивность

совместной деятельности преподавателя и студента.

В отделении социальной педагогики накоплен определенный положительный опыт по профессиональной ориентации студентов и выпускников вуза в социально-образовательные учреждения, в том числе и сельские социальные службы республики. Успешно проводится профессионально-ориентированная работа в улусном социально-образовательном пространстве республики Саха (Якутия). Студентам предлагаются факультативы, курсы по выбору, дисциплины специализации, отражающие тематику региона и особенности сельского социума. Часть лекций по предметам «Методика и технология работы социального педагога», «Введение в профессию» и социально-педагогическая, психолого-педагогическая практики содержат задания, позволяющие проявить профессиональные наклонности будущих специалистов в области социальной педагогики села уже в высшем учебном заведении.

Педагогическая деятельность студентов в процессе социально-педагогической практики в сельских социальных службах, ориентированная на овладение национально-региональным компонентом ГОС общего образования, на специфику регионального развития детского и молодежного движения в селе, изменяется; сегодня иницируются новые личностно-ценностные смыслы, близкие их социально-профессиональным интересам.

Деятельность коллектива факультета по индивидуально-творческой подготовке специалистов села направлена на развитие у студентов социально-педагогических умений, необходимых для работы в сельском социуме: анализировать процесс решения профессиональных ситуаций в селе; использовать возможности профилирующих дисциплин для решения социально-педагогических проблем сельского социума; прогнозировать результаты процессов решения проблем улуса с помощью социально-педагогических дисциплин. Специфика социально-педагогического образования требует непосредственного знакомства с будущей профессией преподавателей вуза и практиков, работающих в сельском социуме. При этом в учебном процессе используются индивидуально-творческие приемы: тренинги, разбор социальных ситуаций, ролевые игры, диспуты, творческие встречи, сочинения-миниатюры, эссе, встречи с практиками, тесты, анкеты и др. Это расширяет возможности формирования профессиональной компетентности студента в высшем учебном заведении и позволяет:

осознать, что необходимо сделать для достижения успехов в профессиональной деятельности в условиях сельской социальной службы; сформировать профессиональное видение перспектив учебы и трудоустройства в селе; выработать индивидуальную программу профессионального роста с учетом специфики сельского социума.

Необходимо с первых дней в высшем учебном заведении показать студентам практическую сторону знаний общинного социального педагога. Преподаватель создает условия для самостоятельной познавательной и индивидуально-творческой деятельности студентов с учетом сформированности мотивов, интересов и того, в каком социуме он будет работать, сельском или городском. При этом он проводит индивидуально-дифференцированную работу со студентом с учетом его опыта отношений, способов мышления, ценностных ориентаций. Преподаватель создает обучающую среду, определяет структуру и логику интеллектуальных отношений, предлагает вариативные программы, практические задания на сравнение и рефлекссию. Необходимо выделить следующие функции организации индивидуально-творческой деятельности студентов:

1) позитивно-творческая — соответствие собственных действий студента требованиям вузовской педагогики и предстоящей профессиональной деятельности в селе;

2) практически-действенная — критическое осознание причин своих трудностей, приведение своих социально-педагогических приемов в соответствие с конкретными условиями предстоящей работы в зависимости от специфики сельского социума.

В процессе социально-педагогического образования значимым является обучение научно-исследовательской деятельности и проведение опытно-экспериментальной работы в сельской социальной службе. Исследовательская работа студента является важным компонентом в индивидуальной подготовке специалиста — сельского социального педагога, ориентированного на общинную деятельность, развитие мыслительных и когнитивных способностей.

При организации научных конференций практикуется опыт совместных выступлений студентов старших и младших курсов, где студенты учатся ставить социально-педагогические проблемы, доказывать актуальность исследования в сельском социуме, формулировать цели и задачи исследования.

С. Н. АРТАНОВСКИЙ,

профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук

РОССИЯ И МИР КАК ТЕМА РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Тему «Россия и мир» мы понимаем как изучение международных культурных связей России. История таких связей должна быть представлена как начавшаяся в древние времена и продолжающаяся сегодня. Она может быть развернута как в сфере школьного, так и высшего образования. Мы будем придерживаться последнего аспекта. Эта тема может быть разработана как в особом спецкурсе, так и в отдельных лекциях курса отечественной истории. Мы будем иметь в виду спецкурс, хотя его отдельные темы могут быть вставлены и в большой основной курс.

Первой темой курса будут культурные связи древних славян с окружающим их миром. Здесь выделяются культурные контакты с Византией и германским Севером. Вопреки взглядам евразийцев, влияние восточных культур на наших древних предков

было незначительным — по крайней мере, по сравнению с влиянием Скандинавии и Византии.

Следующая тема посвящена Московскому государству. Здесь следует оттенить влияние южных славян на русскую культуру московского периода. Это было показано, в частности, в работах Д. С. Лихачева. В этот период можно уже говорить и об обратном влиянии русской культуры на культуры некоторых южнославянских народов — сербскую, например. Отметим, что в первые эпохи международных культурных связей России усвоение культурных ценностей других народов носило малооригинальный характер.

В ходе дальнейшего развития этих контактов такое усвоение принимало все более самобытный и творческий характер. С полной силой это проявилось в начале XIX века,

когда европейские влияния стали лишь стимулом роста русской национальной культуры. «Пушкину была свойственна могучая сила самобытного присвоения чужих форм», — эти слова И. С. Тургенева относятся и ко многим другим деятелям русской культуры.

До XIX века влияние русской культуры на зарубежную было незначительным. Народы, входившие в Российскую империю, конечно, подверглись влиянию русской культуры уже давно, но лишь в XIX веке, особенно в его конце, русская культура вышла на европейскую арену. Ф. М. Достоевский, Лев Толстой, М. И. Глинка и П. И. Чайковский стали широко известны за рубежом.

Это влияние продолжилось и в XX веке, когда русская иммиграция познакомила Западную Европу со многими произведениями русской литературы, музыки и философии.

Вопреки распространенному мнению, в советское время культурный обмен продолжался. Период с начала 1930-х и до середины 1950-х годов отличался ослаблением культурных связей. Но классическая культура Запада и тогда распространялась в Советском Союзе. Вспомним переводы М. Лозинского, С. Маршака. Были изданы, например, сочинения Флобера, Бальзака, Стендаля и др. Что же касается раннего периода большевистского правления, то он отличался большой интенсивностью интернациональных связей. Так, большинство книг Фрейда вышло в русском переводе сразу после их опубликования за рубежом, а одна из них была напечатана в нашей стране даже раньше, чем оригинал в Германии.

После XX съезда КПСС культурные связи с зарубежьем стали все более расширяться. Начиная с 1990-х годов этот процесс значительно углубился. Но в настоящее время он стал весьма противоречивым. Наряду с ценным в Россию хлынул поток низкопробного «культурного» ширпотреба. Серьезный культурологический анализ был бы полезен, чтобы отличить хорошее от плохого в нахлынувшем на нас потоке западных влияний.

Изучение связей русской культуры с зарубежьем начинается во второй половине XIX века в трудах А. Веселовского. Ученый убедительно показал общность многих сюжетов древнерусской и западноевропейской литературы. Его работы доказали принадлежность древнерусской литературы к общемировому литературному процессу.

В конце XIX века А. Веселовский опубликовал свою книгу о западных влияниях в новой русской литературе. Это было первое серьезное исследование данной проблемы.

Книга заинтересовала публику, вышло пять изданий подряд. Одновременно книгу обвинили в антипатриотизме, автор эмоционально защищался от этих обвинений. Наверное, он был прав. Дело не в антипатриотизме, а в методологической ошибке. А. Веселовский как настоящий позитивист резко ограничил поле своих исследований констатацией фактов различных влияний. Что такие влияния были, он доказал в своей книге. Но он ничего не сказал о том, что эти влияния были усвоены в большинстве своем творчески и самобытно. Это и создало ложное представление о его идейной позиции.

В дальнейшем изучение международных связей России продолжилось; было оно и в советское время. Упомянем хотя бы трехтомник «Русская культура и Франция», вышедший во второй половине 1930-х годов.

Таковы некоторые штрихи к истории международных связей России.

Методологическая строгость уместна и по отношению к другим проблемам теории мировых культурных контактов. В своих работах Д. С. Лихачев не раз высказывал мысль о том, что международные контакты есть область универсального. Во многом это верно, но данная характеристика не является исчерпывающей. Так, в двух аспектах можно говорить о мировых контактах как области универсального. Во-первых, культурные контакты — принадлежность всех народов и всех эпох; выражаясь философским языком, они есть атрибут всемирной истории. Были перерывы в культурных контактах, в отдельных частях света существовали их подъемы и упадки, но в целом они были постоянным явлением, а с XVI века превратились в устойчивую мировую систему. Во-вторых, уже в Новой истории стало складываться явление, которое можно назвать *международным культурным фондом*.

В наши дни он растет особенно быстро. Это идеи, технические приемы, медицинские правила, лексика, многое в искусстве и науке. Международный культурный фонд существует в лоне национальных культур, но, как правило, не занимает в них господствующего положения. По крайней мере, так обстоит дело сегодня.

Однако международные контакты характеризуются тем, что ведут к возникновению исторически особенного — модификации национальных культур, которые при этом вполне сохраняют свой национальный характер. Иногда они становятся стимулом национального развития, иногда культурные феномены внешнего происхождения включаются в

контекст культуры-восприимчивости. Особенно часто это встречается в языке, нередко — в технике и медицине. Но данные процессы не ведут к образованию универсального. Это и обуславливает устойчивость национально-го характера культур народов мира, подвергшихся иноземным воздействиям.

Несколько лет назад в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств была напечатана составленная

мною программа «Россия и мир». Недавно она переиздана в сборнике программ по культурологии в этом же университете. Мне представляется, что работа в этом направлении должна быть продолжена. Тема «Россия и мир» имеет большое научное и вспомогательное значение, способствует как патриотическому, так и интернациональному воспитанию. А это как раз то, что очень актуально в наше время.

А. А. БОДАЛЕВ,

профессор Российской академии государственной службы при Правительстве РФ, академик Российской Академии образования, доктор педагогических наук (Москва)

ПОЧЕМУ СРЕДИ ПРОБЛЕМ, ИССЛЕДУЕМЫХ АКМЕОЛОГИЕЙ, ДОЛЖНА БЫТЬ И ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЛЮДЕЙ, ОТНОСИМЫХ К ВЕЛИКИМ ИЛИ ВЫДАЮЩИМСЯ

Как известно, акмеология прежде всего исследует феноменологию, закономерности и механизмы развития человека на ступени ранней, средней и поздней зрелости и достижение им на этой ступени оптимума, или акме, в развитии как индивида, личности, субъекта деятельности. При этом она специально выявляет и прослеживает особенности их сопряжения в такой ипостаси, какой является его индивидуальность.

Постижение общего и особенного в характеристиках процесса развития, выводящего первоначально самых обычных людей на уровень великих или выдающихся, проясняет условия, которые необходимы, чтобы такой процесс действительно состоялся и именно с обозначенными выше результатами. Рассматриваемое в совокупности, все это, образно говоря, — значимые подсказки для внесения существенных как по содержанию, так и по форме коррективов в действующую систему обучения и воспитания, а также профессиональной подготовки, чтобы резко повысить ее эффективность в формировании физически здорового, духовно богатого, способного к постоянному творчеству молодого поколения.

В настоящее время в нашей стране внедряется потребительская психология, и место альтруизма и коллективизма занимает индивидуализм. Одновременно многие молодые люди слепо подчиняются стереотипам поведения референтной для них общности, которые, и не так уж редко, очень далеки от настоящего прогрессивного гуманистического идеала, а в кризисных ситуациях приводят чаще всего к реакциям, направленным

на сохранение усвоенного в лучшем случае рутинно-бытового образа жизни.

Вместе с тем среди названной группы молодежи встречаются юноши и девушки, которые могут отходить от ставшего привычным для них образа жизни с присущими ему содержательными и формальными атрибутами. Но главная причина этих изменений — не их собственные усилия, а ломающее внутреннюю инертность глубокое воздействие внешних обстоятельств. В нашей повседневной жизни встречается и другая, сравнительно немногочисленная, группа молодых людей, которые с самого начала не желают быть «как все», то есть как те, кто бездумно плывет по течению и целеустремленно и активно не пытается выстраивать свою линию жизни так, чтобы она отвечала их призванию и вывела на получение неординарных творческих результатов.

Стратегия выстраивания своего жизненного пути этими молодыми людьми, их жизнетворчество и инициативное проектирование результата, которого они хотели бы достичь, познавая мир, общаясь и, конечно, трудясь, очень перекликается с особенностями построения своего повседневного бытия, деятельности в нем и, разумеется, самотворчества великими или выдающимися людьми.

Известно, каким оказывается человек как индивид, как личность, как субъект деятельности и какую в конечном счете он наживает индивидуальность, и ситуации, в которые он попадает или создает сам, события, которые он воспринимает или в которых он соучаствует, обстоятельства, которые ему приходится

как-то преодолевать, — все это нерасторжимо связано между собой. Однако главенствующим результатом такой взаимосвязи, если его искать и оценивать с позиций акмеологии, является прежде всего формирующийся у человека и более или менее им осознаваемый смысл его бытия, находящий выражение в ответе на вопросы «Кто я?» и «Для чего (или для кого) я живу?».

Изучение жизнеописаний великих или выдающихся людей показывает, что они очень рано начинают проявлять себя как активные и все более самостоятельные субъекты собственной жизнедеятельности, и смысл ее они видят в поступках или деяниях не только лично для них, но по мере своего гражданского развития — для все более крупных социальных общностей, которые становятся для каждого из них в высокой степени субъективно значимыми.

Именно ставшие их собственными смыслом жизни, своим инобытием имеющие материальную или духовную форму общечеловеческие ценности, на сохранение или приумножение которых выдающиеся или великие люди направляют свою деятельность даже в молодом возрасте, выделяют их из основной массы других людей.

Разумеется, по мере физического развития человека, качественного усложнения его психики, наступающего под действием обстоятельств, в которые он попадает, по-разному отвечающих его потребностям и потому с неодинаковыми последствиями влияющих на его сознание и самосознание, названные смыслы приобретают более глубокое содержание; их образно-понятийные формы «существования» и эмоциональное «воплощение» в общей структуре психического мира изменяются. Но главным условием, определяющим сохранение в человеке потенциала великого или выдающегося, остается сохранение в нем в качестве ведущей доминанты в его внутреннем мире (образно говоря, стержня его «Я»), продолжающего оказывать совершенно определенное воздействие на его поведенческие отношения с миром внешним *смысла*, суть которого теснейшим образом сопрягается с основными ценностями жизни и культуры.

Конечно, было бы громадным искажением действительности полагать, что всем молодым людям, о которых только что шла речь, удастся в течение долгого времени хранить «души прекрасные порывы» и выстраивать свой жизненный путь, руководствуясь смыслом, наполненным высоким нравственным содержанием. Разного рода не только при-

родные, но и социальные катаклизмы, происходящие в нашей стране или в мире, а также жизненные ситуации, которые воспринимает или в которые попадает человек, если они пронизаны принципом «человек человеку — волк», заставляли и заставляют большое количество молодых людей бороться только за выживание, лишая их возможности получать образование, сохранять свое здоровье, познавать духовные сокровища, созданные как своим, так и другими народами.

Но если человеку удастся в себе сохранить *смысл жизни*, ориентирующий на приумножение основных ценностей культуры через ту деятельность, которой он занят, у него формируется все более сильная мотивационная вовлеченность и включенность в нее, и содеянное им в ней начинает носить все более творческий характер, принося эмоциональное удовлетворение. Большой личностный и субъектный калибр многих великих или выдающихся людей (это уже много раз было доказано) прямо зависит от, без преувеличения, высокого накала их активности, работающей на осуществление целей, в материальном или духовном их выражении, достижению которых эти люди подчиняют всю свою жизнедеятельность, и их способности быть при этом не ремесленниками, а действительно творцами.

Творчество, по меткому выражению Николая Бердяева, — это создание нового, еще не бывшего, будет ли оно в сфере «человек-человек», «человек-природа», «человек-техника», «человек-образ искусства», «человек-знаковая система», всегда выступает для человека, представляющего какую-то из этих сфер, в виде решения задачи с большим или меньшим числом неизвестных условий. Чтобы успешно решить ее, человек — субъект деятельности осуществляет обычно громадный труд, который означает поиск и проверку многих вариантов, сопровождаемых обычно большой затратой физических и умственных сил, прежде чем будет найдено правильное или удовлетворяющее человека решение, то есть получен имеющий материальную или духовную форму результат, к которому он стремился.

Подобные творческие деяния, совершаемые человеком постоянно и ставящие перед ним все более трудные проблемы, из которых он должен находить конструктивный выход, имеют своим следствием не только получение продукта, о котором только что шла речь. Одновременно они означают непрерывное увеличение творческого потенциала самого человека — их создателя и, кроме того,

принося ему переживание успеха, они «работают» на еще более глубокое укоренение в нем, а точнее — в его личностной структуре, того нравственного высокого смысла, реализации которого он фактически посвящает свою жизнь. И еще более теснейшим образом сопряженным с этим процессом происходящих в человеке изменений является совершенно очевидное движение его к своему акме.

Вместе с тем было бы большим упрощением полагать, что осуществление каждой очередной сферы деятельности, связанной с главным смыслом жизни, более или менее осознаваемым великим или выдающимся человеком, проходит успешно, без ошибок, без сомнений в правильности выбранных средств, без, пусть временной, потери уверенности в себе или без кризисов. Обстоятельства, которые возникают на жизненном пути любого человека и, конечно, у великих или выдающихся людей тоже, по характеру и степени содействия или противодействия продвижению человека к желанной цели всегда являются собой самый широкий спектр.

Каждый человек индивидуально выходит из этой возникающей на его жизненном пути круговерти объективных обстоятельств и появляющихся у него при этом переживаний, работающих на его приближение к желанной цели или, наоборот, на отдаление.

Для одних это стечение действительно непреодолимых (или только кажущихся таковыми по причине временной душевной слабости) обстоятельств намного превышает порог их эмоциональной выносливости, и они впадают в глубокую депрессию, иногда заканчивающуюся и суицидом.

Другие не изменяют убежденности в своем предназначении идти до конца в имеющем конкретную форму служении личному смыслу жизни, даже если придется принять смерть от инакомыслящих, но власть имущих.

Третьи, не изменяя принятому пониманию смысла жизни и тесно сопряженным с ним характером целей, которые, будучи осуществленными, приумножают истинные ценности культуры, столкнувшись с обстоятельствами, ставящими барьер на пути к осуществлению этих целей, создают на какое-то время видимость подчинения обстоятельствам, продолжая твердо сохранять свои убеждения.

Четвертые находят в себе способность максимально мобилизовать физические силы и, учитывая своеобразие обстоятельств, которые у них возникали на пути к цели, очень эффективно актуализировать и использовать личный интеллектуальный, волевой и эмоциональный ресурс. Это позволяет им не

только успешно справляться с трудностями объективного и субъективного характера, мешающими осуществлять замыслы, конечный результат которых — вклад в ценности культуры, но фактически более выражено, если судить по наступающим изменениям, подниматься на более высокий уровень в личностном и субъектнодеятельностном развитии и еще нетривиально-неповторимее формировать свою индивидуальность.

Названные варианты возможной взаимосвязи между смыслом жизни, которым человек руководствуется при проектировании и осуществлении своего жизненного пути, конкретизирующемся в поступках и деяниях, получающих материальную и духовную формы выражения, и реальными объективными и субъективными факторами, которые обуславливают характер реального процесса претворения этого смысла в жизнедеятельности, были выявлены путем анализа биографий людей, уже получивших признание великих и выдающихся, или у современников, или у последующих поколений.

Но отношение к следованию избранному высокому смыслу жизни и стратегии, тактики и способы его конкретизации, а также его отстаивания и защиты могут начинаться отчетливо проявляться уже в молодые годы человека. Рано осознав и глубоко приняв главные смыслы своего бытия, такие люди создают себе устойчивые ориентиры, которые не дают им сбиться с избранного жизненного пути. Успешное продвижение в деятельности, избранной ими в соответствии с их призванием и сопрягающуюся с содержанием этих смыслов, помогает им не терять из вида эти ориентиры и даже в очень трудных жизненных ситуациях принимать решения, совершать поступки и осуществлять действия, работающие на их саморазвитие как личностей и как субъектов.

При этом крайне существенно, что люди, которые здесь имеются в виду и которые в последующем вошли в число неординарных творцов нового, еще не бывшего, именно в юности стали проявлять свое сугубо индивидуальное отношение к жизни как лично к ним адресованной задаче, требующей от них творчески самостоятельного и вместе с тем очень ответственного решения. Они, не побоявшись разрыва с устоявшимся укладом и образом жизни, дававшим внешнюю и внутреннюю определенность, перешли в по-настоящему неизведанную умственно, не пережитую эмоционально и не опробованную поведенчески сферу своего бытия и, вживаясь во внешние ее атрибуты, начали формировать

приоритетные цели своей главной деятельности и мобилизовать на их выполнение все свои физические, умственные, эмоциональные и волевые потенциалы, постоянно стремясь к наиболее качественному их осуществлению.

Кроме того, если некоторые из этих впоследствии ставших великими или выдающимися людей (например, М. В. Ломоносов) видели, что другими способами значимую для дела цель, связанную с их смыслом жизни не осуществить, то, хорошо просчитав последствия, сами создавали кризисные и экстремальные ситуации и таким путем добивались желаемого.

В заключение представляется необходимым подчеркнуть важность формирования в нашем социуме именно такого типа людей, как личностей и субъектов деятельности. Первопроходцам в любой области деятельности всегда намного труднее, чем тем, кто движется по проложенной ими дороге. Прорывы в ранее неизвестное, совершаемые подвижниками, приумножают не только ценности жизни и культуры, но и в конечном счете служат благу человечества, если, конечно, достигнутое ими не начинают использовать, а иногда замалчивать или обесценивать власть имущие, преследующие совершенно иные цели.

Е. В. БОНДАРЕВСКАЯ,

заместитель председателя Южного отделения РАО, заведующая кафедрой педагогики Ростовского педагогического института Южного федерального университета, академик Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор

МИССИЯ И СМЫСЛЫ ВОСПИТАНИЯ В КРИЗИСНОМ ОБЩЕСТВЕ

Характерной особенностью нашего времени является глобальный кризис, возникший на рубеже веков и охвативший все сферы жизнедеятельности российского общества — государственное устройство, социальную сферу, экономику, культуру, науку, образование и др. В настоящее время положение дел в стране медленно, но все более заметно стабилизируется, набирают силу процессы развития. Однако самый разрушительный из всех кризисов — кризис человечности — еще не получил разрешения.

Кризис гуманитарности проявляется в современной воспитательной ситуации в виде следующих деструктивных тенденций:

- разрушение социокультурной воспитательной среды;
- обвальное нарастание жизненных проблем детей, ухудшении их физического, психического и духовно-нравственного здоровья;
- отчуждение воспитания от личности и культуры, его дегуманизации.

В кризисной ситуации перестают действовать отлаженные механизмы воспитания, разрушается его целостность, подвергается сомнению его необходимость и эффективность, оно становится фрагментарным и неуверенным, отчужденным от человека и его жизненных проблем.

Вместе с тем разрешение гуманитарного кризиса без участия самого человека, его сознания, разума, воли невозможно. Поэтому возрождение духовности, нравственности, че-

ловечности является главным условием преодоления гуманитарного кризиса, что требует от государства и всех коллективных субъектов, ответственных за воспитание, принятия кардинальных решений.

Особенно ответственная роль в этом общегосударственном деле принадлежит образованию и педагогической науке. Исходным моментом их совместной деятельности в условиях кризисной ситуации детства является теоретическое обоснование, разработка и реализация антикризисных программ духовно-нравственного воспитания детей и молодежи на муниципальном, региональном и федеральном уровнях. Эти программы должны основываться на адекватном понимании миссии и смысла воспитания в кризисном обществе: углубленной диагностике современной ситуации детства, выявлении ее болевых точек и реальных жизненных и духовно-нравственных проблем детей и молодежи; разработке инновационного содержания, антикризисных стратегий и технологий воспитания; использовании человеческих измерений в оценке процессов, систем и результатов инновационного антикризисного воспитания.

Воспитание — духовная деятельность. Основное его назначение состоит в духовном наполнении содержания жизни (бытия) воспитуемых, поэтому подлинное воспитание всегда есть работа (а точнее — диалог) с сознанием ребенка, внутренним миром его чувств, образов, мыслей, идей, с его духовно-нравственным

опытом, совестью, ответственностью, коллизиями душевной жизни, духовным потенциалом, который изначально заложен в душе каждого человека. Миссия воспитания состоит в том, что оно открывает этот потенциал, помогает растущему человеку понять силу своего духа, свои человеческие возможности, сохранить свое человеческое достоинство; воспитание стимулирует и наполняет духовную работу по осмыслению окружающего мира и себя в нем, направляет ее на творческое решение социально и личностно-значимых проблем.

Воспитание есть работа со смыслом, ценностями, системой ценностно-смысловых отношений личности. Истинное воспитание — это всегда смыслопорождающий процесс. Понимание этого актуализирует такой тип воспитания, который обеспечивает становление человека, способного на личностном уровне — путем понимания, сопереживания, творчества, проявления ответственности, социальной отзывчивости, разумного выбора, согласия и примирения — решать жизненные проблемы. Модель личностно-ориентированного образования культурологического типа представляет собой одну из наиболее содержательных рамок для выстраивания теории воспитания как смыслопорождающего педагогического процесса.

Теория личностно-ориентированного воспитания культурологического типа интерпретирует его как социокультурный смысложизненный процесс. Мы рассматриваем воспитание как звено общей социальной технологии развития страны и жизни российского народа. В этом контексте смысл воспитания состоит в том, чтобы быть средством разрешения острых социальных проблем, касающихся мира детства, отрочества, юности (обеспечение физической и духовно-нравственной безопасности детей, сохранение их здоровья, создание безопасной образовательной среды, преодоление национального нигилизма в образовании, трудностей социализации, культурной идентификации, самореализации и жизненного самоопределения и др.).

Воспитание следует понимать не как надстройку над жизнью детей (есть жизнь и есть воспитание, которое надстраивается или, в лучшем случае, встраивается в жизнь в виде воспитательных мероприятий), а как организованную жизнь, которая творится самими детьми при поддержке родителей и педагогов. Смысл воспитания в этом случае — в коллективном и индивидуальном житнетворчестве, организации осмысленной жизни детей в культурном пространстве и историческом времени.

Воспитание может быть понято как духовная и практическая деятельность, в которой происходит взросление ребенка, познание и разрешение его жизненных проблем, вхождение в социум и культуру. С этих позиций смысл воспитания проявляется в овладении духовно-нравственным опытом и культурными практиками, в которых воссоздаются образцы настоящей и будущей культурной жизни.

Сущность воспитания как педагогической деятельности мы интерпретируем с помощью категорий «гуманитарная практика» и «герменевтический опыт», при этом его смысл открывается в педагогической помощи, поддержке и понимании ребенка, а само воспитание может быть определено как гуманитарный, человекообразующий, смысложизненный процесс педагогической поддержки духовности и нравственности человека на всех этапах его взросления, оказания помощи в организации осмысленной жизни детей в социуме и культуре.

Изложенные концептуальные позиции являются теоретической базой для постановки и реализации практических задач антикризисного воспитания, которые включают:

- актуализацию духовно-нравственного воспитания как приоритетного направления воспитательной деятельности в условиях кризиса гуманитарности;

- восстановление ответственности и активной роли государства, семьи и образовательных учреждений в духовно-нравственном воспитании детей;

- преодоление неблагополучия в мире детства и отчуждения воспитания от жизненных и духовно-нравственных проблем детей;

- восстановление инфраструктуры мира детства и культуросообразных форм бытия детей в семье, школе, обществе;

- создание преграды формированию «массового человека» («человека толпы») и обеспечение условий для повышения человеческих качеств и развития у детей и молодежи ориентаций на человека культуры;

- преодоление разрыва между воспитанием, культурой и религией и на этой основе — создание целостного, открытого, многокомпонентного культурно-воспитательного пространства как среды, питающей духовное и нравственное развитие детей;

- достижение нового уровня взаимодействия семьи, образовательных учреждений, органов власти, управления образованием, учреждений культуры, детских и молодежных общественных организаций, религиозных конфессий в духовно-нравственном воспитании и развития между всеми его участниками отношений социального партнерства.

Н. П. ГАЛЬЦОВА,

заместитель директора Института теории образования
Томского государственного педагогического университета,
доцент кафедры педагога-исследователя, кандидат филологических наук

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК И ФОРМИРОВАНИЕ МЕНТАЛЬНОГО ОПЫТА ЛИЧНОСТИ

Современная жизнь России предъявляет новые требования к образованию, в частности, к поиску новых ресурсов, использование которых позволит не только повысить качество обучения, но и развить интеллектуальные способности личности в процессе иноязычной подготовки будущего специалиста. В этом контексте актуализируются необходимость и возможность использования достижений психологической науки при обучении иностранному языку, обращаясь к рассмотрению некоторых аспектов психологии интеллекта с опорой на понятие «ментальный опыт».

Когнитивная психология базируется на теории развития высших психических функций Л. С. Выготского, выделяя социальную сущность индивида и опосредованный характер его деятельности. Особая роль в этих процессах отводится интеллекту и его значению в процессе формирования опыта, обучения и развития личности, повышения профессионального мастерства и т. д. Понимание структуры личности дает возможность объяснить стабильность личностных проявлений и согласованность поведения индивида в разное время и в различных ситуациях. Применительно к нашей теме можно утверждать, что средством развития личности, ее психических функций, формирования и развития структуры ментального опыта может служить иностранный язык. Определяя ментальный опыт как систему имеющихся у индивида психических образований и вызываемых ими психических состояний, являющихся основой познавательной деятельности и определяющих конкретные свойства (его, индивида. — Н. Г.) интеллектуальной деятельности, М. А. Холодная выделяет формы ментального опыта: ментальные структуры, ментальное пространство, ментальная репрезентация¹. В процессе интеллектуального развития происходят качественные изменения психических познавательных процессов. Соответственно, критериями интеллектуальной успешности признаются компетентность, ини-

циатива, творчество, саморегуляция, уникальность склада ума.

Спецификой иностранного языка как дисциплины является личностно-коммуникативная направленность. Преподавание иностранного языка невозможно представить без коммуникативной составляющей, то есть обучения иноязычному общению как формы взаимодействия. Под *общением* понимается взаимодействие, «осуществляемое с помощью средств речевого и неречевого воздействия и преследующее цель достижения изменений в познавательной, мотивационно-эмоциональной и поведенческой сферах участвующих в общении лиц»². На взаимосвязь, «сопряженность <...> сложного психологического феномена, каким является общение, а также такого личностного образования, как отношение», указывал А. А. Бодалев³.

Отношение представляет собой психологический феномен, в результате функционирования которого у человека возникает «новообразование», вобравшее результаты познания конкретного субъекта или объекта. В нашем случае речь идет об общении на ином языке, не родном. Для того чтобы успешно участвовать в иноязычном общении, мало владеть речевыми навыками и умениями — необходимо также уметь ориентироваться в разнообразных ситуациях общения, понимать чувства и настроение собеседника и, следовательно, варьировать собственное речевое поведение в зависимости от условий общения. Контакт с другой культурой и менталитетом ведет к созданию многочисленных проблемных ситуаций в силу столкновения различных точек зрения, разных способов видения мира. Поэтому достичь взаимопонимания невозможно без учета социокультурной среды собеседника, то есть без знания культуры, особенностей национального характера, традиций и обычаев, образа жизни партнеров по общению. Поэтому, на наш взгляд, следует обратить внимание на формирование потребности и развитие способности к меж-

² Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко. М., 2001.

³ Бодалев А. А. О взаимосвязи общения и отношения // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 122–127.

¹ См.: Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб., 2002.

культурной коммуникации молодого специалиста, а именно: знания этикетных норм общения и правил речевого поведения; ориентации в новых условиях и ситуациях общения; аналитической и оценочной ориентации; формирования стратегии восприятия нового.

Совершенно очевидно, что межкультурный подход в обучении иностранным языкам позволяет преодолеть стереотипы восприятия, дает возможность соединить три языковые функции: коммуникативную, когнитивную и эмоциональную. Это, в свою очередь, благотворно влияет на восприятие, мышление, память, поведение человека и ведет к активизации познавательных процессов личности. Урок иностранного языка является тем предметом, где происходит соприкосновение с другой культурой и менталитетом, а преподаватель выступает в роли посредника двух культур. Нарушения коммуникативной сферы, несформированность умения вступать в контакт с окружающим миром на родном языке непременно скажутся на результатах и качестве обучения иностранному языку.

Основываясь на позиции К. Роджерса (феноменологической теории личности) о том, что результативность процесса обучения находится в прямой зависимости от отношения и его качества, можно предположить, что все методы обучения, какими бы инновационными они ни были, вторичны по отношению к взаимодействию педагога и обучаемого. Процесс обучения иностранным языкам, находясь в плоскости педагогической деятельности, относится к сфере общения и отношения, немыслимой без мотивационно-эмоционального компонента. Отрицательная или нейтральная валентность отношений продуцирует неуспешность образовательного процесса. Общение и отношение детерминируют психическое самочувствие всех субъектов образовательного и воспитательного пространства. От сопряженности общения и отношения к себе студент испытывает эмоциональную недостаточность и как следствие — протест или, напротив, эмоциональную защищенность. Таким образом, степень личностной вовлеченности, наличие/отсутствие мотивации или ее качественный показатель (внутренняя или внешняя мотивация) напрямую связаны с успешностью обучения иностранным языкам.

Важнейшей, на наш взгляд, составляющей процесса обучения иностранным языкам является также рефлексия, психическое отражение человеком самого себя. Под рефлексией понимается процесс, детерминиро-

ванный внутренними или внешними побудительными причинами и проявляющийся в многообразии форм. В нашем контексте мы имеем в виду иноязычную рефлексию, то есть размышление, умозаключение, говорение, письмо на иностранном языке. Скорость рефлексии, ее полнота и качество зависят от нескольких составляющих, в том числе от темперамента (врожденная характеристика) и уровня насущных знаний — компетентности (приобретенная характеристика), являющихся одними из критериев интеллектуальной успешности.

Рефлексия позволяет обучаемому произвольно управлять процессом обучения, правильно оценивать адекватность средств и собственных ресурсов при формулировании мысли и ее предъявлении на иностранном языке. Нарушения процесса рефлексии могут зависеть от различных обстоятельств, в том числе от личностных качеств обучаемого, мешающих, на наш взгляд, не только профессиональной подготовке, но и развитию форм ментального опыта. Так, «сверхрефлексивному» студенту учиться труднее, необходимо снижать уровень тревожности, что, несомненно, скажется и на интеллектуальном потенциале. При снижении личностной и ситуативной тревожности в условиях психологического сопровождения процесса обучения иностранному языку эффективность (качественный показатель) и результативность (количественный показатель) существенно меняются в сторону увеличения.

Традиционно основные вопросы обучения иностранным языкам рассматривались в русле ассоциативной психологии, американского позитивизма и функционализма. Однако проблема обучения иностранным языкам требует системного анализа речемыслительной деятельности с психолингвистических, лингвистических, психологических позиций. Ответы на вопросы, чему учить и как учить, методика и дидактика обучения иностранным языкам ищет в исследованиях, анализирующих соотношения языка, речи и мышления, мышления и коммуникации, коммуникативного и когнитивного в речи и так далее⁴, опираясь на эволюционное развитие целей обучения иностранным языкам⁵.

При недостаточной степени изученности вопроса формирования и эволюции ментального опыта личности при овладении иностранными языками, очевидным образом про-

⁴ См.: Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М., 1991.

⁵ См.: Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982.

слеживаются основные перспективы психологических исследований в этой области знания. Многолетний опыт преподавания в вузе позволяет предположить, что качество преподавания иностранных языков и усвоение иноязычной речи возможно повысить при внедрении индивидуализации обучения, достигаемой за счет обеспечения психологического сопровождения образовательного процесса (использование элементов гештальт-подхода и техники нейролингвистического программирования) и развития индивидуальных пси-

хологических ресурсов человека, коммуникативных навыков, а также компетентности, инициативы, творчества, саморегуляции, уникальности склада ума, являющихся критериями интеллектуальной успешности. При этом средства методики преподавания иностранного языка, расширение представлений о стране изучаемого языка позволяют формировать и развивать структурные элементы интеллекта и ментального опыта — ментальные структуры, ментальное пространство, ментальную репрезентацию.

В. С. ГЛАГОЛЕВ,

профессор кафедры философии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, доктор философских наук, член Российского философского общества и Российского социологического общества

РЕФОРМА РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СВЕТЕ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Годы, прошедшие со дня кончины Дмитрия Сергеевича Лихачева, все более рельефно выделяют нашим современникам исключительное многообразие, глубину и животворный творческий потенциал духовного наследия великого сына России. Это наследие, как стало сегодня совершенно ясно, не может быть сведено ни к его многосторонней академической деятельности, ни к организационно-административной работе руководителя научных учреждений и такой общегосударственной структуры, какой являлся советский, а затем российский Фонд культуры. Все эти виды работы не просто дополняли и взаимно обогащали содержание его творческого процесса — они закладывали те общезначительные принципы культурной деятельности, осуществляемой в стране. Данные принципы позволяют оценить содержание реформы российского образования и прогнозировать ближайшие и по крайней мере среднесрочные ее последствия для страны.

Какие же принципы оценки культурно-составляющей компоненты образования можно выделить, обращаясь к духовному наследию Д. С. Лихачева?

Во-первых, неразрывная связь нравственно-аксиологического, информационного и прагматико-деятельностного аспектов образования на любом уровне его развертывания: дошкольном, школьном, вузовском, послевузовском. Для Лихачева образование никогда не сводилось к обучению оперировать сум-

мой фактов, данных, правил и гипотез, как бы ни велики были каждая из этих составляющих и порождаемые ими совокупности. В процессе образования он выделял тот внутренний смысл, который трансформирует сознание личности в сторону разумного, доброго, вечного и настойчиво подталкивает ее в сторону восхождения к новым рубежам не просто многознания, но выделения в знании «сухого остатка» — ориентира на человечность, доброту, красоту, любовь к живущим на земле и неприятие всего, что подрывает нравственную целостность человека.

Д. С. Лихачев на своем сложном, подчас трагическом жизненном пути не только сохранял свою внутреннюю целостность, но и утверждал необходимость этого качества для каждого претендующего на серьезные занятия в сфере образования и культуры. Еще со времен тюремного опыта «перевертыши» вызывали у него холодное, спокойное презрение.

Во-вторых, следует назвать общедоступность всех видов образования стартовым условием формирования и развития полноценных личностей — граждан России. Как гуманист и патриот, Д. С. Лихачев никогда не отступал от этого принципа, прекрасно сознавая девальвирующие последствия подобного отступничества для судеб российской культуры.

В-третьих, Д. С. Лихачев всем опытом своей жизни, научной и общественной деятельности убедительно демонстрировал недо-

статочность всякого «конечного» образования. Для него, человека XX века, образование могло быть (и было!) только непрерывным. При этом в качестве приоритетного мыслилось общекультурное содержание образования, поскольку на его (и только на его!) основе возможно последовательное и успешное самообучение, восприятие новой информации и освоение ее принципиального значения.

В-четвертых, Д. С. Лихачев прекрасно понимал фундаментальное место гуманитарной части образования для будущих специалистов негуманитарных (а подчас и сугубо специализированных) отраслей знания. Лишь на основе общечеловеческих ценностей возможно взаимопонимание, достижение прочного взаимодействия в совместной работе на благо России. Вне этой основы лавинообразно нарастающая разобщенность будет способствовать лишь созданию конгломерата кланов, типичных для уголовной среды, знакомой ему не понаслышке, а по мрачному опыту советского лагеря.

Д. С. Лихачев, будучи всесторонне образованным и тонким ценителем культуры и

следуя глубоким традициям мировой философской и отечественной мысли, выделял и ценил эстетическую составляющую в мировом опыте духовной жизни. Но ее образ повышает планку требовательности личности к себе — как и к принципам текущего функционирования социума и тем предвидимым результатам, которые порождает это функционирование в качестве своего промежуточного (а то и конечного) продукта. Красота культуры не может «выдаваться» за денежные знаки в качестве побочного продукта «образовательных услуг», на которые ориентирует вузы новейшая реформа российского образования. На фоне подобных манипуляций масштабность духовного наследия Д. С. Лихачева и перспективность отстаивавшихся им принципов воспроизводства культуры выглядит особенно впечатляюще. И нет сомнения, что этим принципам суждена долгая жизнь в среде российской интеллигенции, сохраняющей до сих пор резистентность к политике понижения культурной планки под предлогами коммерциализации образования.

Е. М. ГОРОЖАНКИНА,

*начальник отдела сотрудничества с государствами СНГ
Федерального агентства по образованию (Москва)*

О СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ГОСУДАРСТВАМИ — УЧАСТНИКАМИ СНГ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Системы образования России и стран СНГ сохраняют взаимную открытость, достаточную для инициирования интеграционных процессов, разумеется, весьма неодинаковых по содержанию и темпам в каждом конкретном случае.

Наибольшее продвижение, как известно, отмечается в российско-белорусском образовательном сближении. Постановлением Исполнительного комитета сообщества России и Беларуси от 11 апреля 1996 года № 1 установлено, что в целях ускорения создания единого образовательного пространства каждая из сторон обеспечивает гражданам другой стороны доступ и равные со своими гражданами права в получении среднего, высшего и послевузовского профессионального образования всех видов.

Заслуживает внимания совместно проводимая с Министерством образования Беларуси и вузами Минска и Гомеля работа по подготовке специалистов для союзного госу-

дарства в Санкт-Петербургском государственном университете, Политехническом и Горном университетах, Московском институте электроники и математики.

Достигнута договоренность с Интеграционным комитетом — исполнительным органом государств — участников Договора «четверки» (Россия, Белоруссия, Казахстан и Киргизия) об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. Реальным продвижением в этом направлении явилось заключение 24 ноября 1998 года в рамках «четверки» межправительственных соглашений о признании документов об образовании, ученых степеней и званий и о предоставлении равных прав при поступлении в учебные заведения.

Одной из важнейших задач сотрудничества в области образования является содействие удовлетворению образовательных потребностей граждан СНГ. Приказом Министерства образования России утвержден порядок приема

в государственные образовательные учреждения высшего профессионального образования (высшие учебные заведения Российской Федерации), которым установлена возможность приема лиц, проживающих на территории государств — республик бывшего СССР, в высшие учебные заведения на конкурсной основе на места, финансируемые за счет средств бюджета (при этом ректорам вузов предложено руководствоваться принципами социальной поддержки лиц (соотечественников), испытывающих затруднения в реализации своих прав на образование), и в соответствии с прямыми договорами высшего учебного заведения — на места в пределах численности, определяемой лицензией, с оплатой стоимости обучения на условиях, определяемых Советом вуза.

Несмотря на имеющиеся сложности, вузы и техникумы Российской Федерации ежегодно осуществляют прием граждан, постоянно проживающих на территории государств — участников СНГ. В последние годы наблюдается тенденция к увеличению численности обучающихся в вузах России граждан СНГ. Если в 2005/06 учебном году в высших учебных заведениях России находилось на обучении свыше 56 тыс. граждан государств СНГ, в том числе за счет средств федерального бюджета — около 18 тыс. человек, то в 2006/07 учебном году общее количество обучающихся в подведомственных вузах Содружества возросло до 67 тыс., в том числе за счет средств федерального бюджета — до 21 тыс.

Большую помощь в удовлетворении образовательных потребностей соотечественников и русскоязычного населения в государствах ближнего зарубежья оказывают созданные на взаимной основе российско-национальные (славянские) университеты.

В государствах — участниках СНГ обеспечен учебный процесс примерно 15 тыс. обучающихся в российско-национальных университетах в Ереване (Армения), Могилеве (Белоруссия), Бишкеке (Киргизия), Душанбе (Таджикистан) и в российско-туркменской общеобразовательной школе в Ашхабаде (Туркмения).

По инициативе вузов Российской Федерации в государствах — участниках СНГ организуются и регистрируются представительства и филиалы российских вузов, хотя в этом вопросе необходимо в самое ближайшее время выработать согласованную организационно-правовую основу.

Вместе с тем в деятельности филиалов российских вузов в государствах — участниках СНГ важное значение приобретает создание системы контроля качества предоставляемого филиалами образования.

Восстановление позиций России как главного образовательного центра на территории постсоветского пространства является одной из основных задач стратегического курса страны, предусматривающего в том числе необходимость формирования общих подходов к воспитанию молодого поколения государств — участников СНГ в духе дружественного отношения к России.

Ю. С. ДАВЫДОВ,

президент Пятигорского государственного лингвистического университета, академик Российской Академии образования, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России

БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС И СОХРАНЕНИЕ САМОБЫТНОСТИ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В сентябре 2003 года Россия подписала Болонскую декларацию. В настоящее время к ней присоединилось уже 45 государств. Разработан и осуществляется План мероприятий по реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации, утвержденный Министерством образования и науки РФ. Его выполнение находится под контролем группы по осуществлению Болонских принципов в России. В состав группы входят представители Министерства об-

разования и науки Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, имеющих в своем ведении высшие учебные заведения, и представители вузовской общечественности.

План мероприятий в соответствии с положениями Болонской декларации и последующих коммюнике предусматривает:

- введение двухуровневой системы высшего профессионального образования;
- введение системы зачетных единиц для признания результатов обучения;

— создание сопоставимой с требованиями европейского сообщества системы обеспечения качества образовательных учреждений и образовательных программ вузов;

— внедрение внутривузовских систем контроля качества образования и привлечение к внешней оценке деятельности вузов студентов и работодателей;

— введение в практику приложения к диплому о высшем образовании, аналогичного европейскому;

— создание условий для развития академической мобильности студентов и преподавателей и др.¹

Эти задачи действительно должны быть решены при вхождении в Болонский процесс. Это его стандарты. Указано в плане и время их решения — 2005–2010 годы.

Но в этом плане, *во-первых*, не раскрыты пути достижения главной цели Болонского процесса: обеспечение отношения к образованию как к общественному благу и общественной ответственности. На последней Конференции министров высшего образования в Бергене 19–20 мая 2005 года в коммюнике «Европейское пространство высшего образования — достижение целей» вновь было заявлено, как и во всех прежних Болонских документах, что «министры подтверждают свое обязательство сделать качественное высшее образование одинаково доступным для всех и подчеркивают необходимость обеспечения надлежащих условий для студентов с тем, чтобы они могли завершить свое обучение без каких-либо препятствий, связанных с социальными или экономическими условиями их жизни». Тем самым они подтвердили свою приверженность принципам «Всемирной декларации о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры», принятой на Всемирной конференции ЮНЕСКО в Париже 5–9 октября 1998 года. Это свидетельство того, что Болонский процесс — не отличительная черта Европы, а следование общемировым тенденциям развития образования.

В рамках создания социально-ориентированного государства в России и преодоления господства олигархов актуален призыв «Всемирной декларации...» к тому, что «в конечном счете целью высшего образования должно быть создание нового общества, не знающего насилия и эксплуатации...»².

¹ Образование по-европейски: «за» и «против» // Ученый совет. 2007. № 3. С. 31.

² Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры // Вестник высшей школы. 1999. № 3. С. 32.

Во-вторых, в плане не показаны те особенности и преимущества российской высшей школы, которые мы будем развивать и отстаивать, входя в общеевропейское образовательное пространство. Но именно данная проблема и волнует образовательную общественность, ибо никто не ставит под сомнение необходимость вхождения в единое общеевропейское образовательное пространство.

«Желание России стать активным участником глобальных мировых и европейских процессов, безусловно, отвечает ее стратегическим и тактическим интересам, — пишет член-корреспондент РАН, доктор юридических наук Г. В. Мальцев, — но плохо, если насаждение “международного стандарта” становится самоцелью, если реформы сводятся иногда к перенесению на российскую почву институтов, выработанных на чужом опыте». По его мнению (а он далеко не одинок в этом), «Болонский процесс — это прежде всего унификация, стандартизация, господство стереотипов и общих схем»³.

Прямо скажем, опасения для такого толкования у Г. В. Мальцева, так же как и у многих других, есть.

В связи с принятием Болонской декларации Конфедерацией Союза европейских университетов и Ассоциацией ректоров Евросоюза (CRE) были подготовлены пояснения, которые заслуживают особого внимания. С одной стороны, в них отмечается:

— «Каждая из стран-участниц Декларации добровольно приняла обязательство реформировать собственную систему или системы высшего образования с целью их сближения на европейском уровне. Болонская декларация не является реформой, навязываемой правительствам или учреждениям высшего образования. Любое давление, ощущаемое отдельными странами или учреждениями высшего образования, является единственно следствием того, что они игнорируют общие тенденции сближения или остаются в стороне от основных перемен.

— Болонский процесс направлен на сближение, а не на стандартизацию или унификацию высшего образования в Европе. Проявляется глубокое уважение к основополагающим принципам автономности и многообразия».

Но, с другой стороны, эти пояснения заканчиваются выводом: «Болонская декларация не просто политическое заявление. Это обязательная к исполнению программа действий»⁴.

³ Образование по-европейски... С. 37, 38.

⁴ Болонский процесс: нарастающая динамика и многообразие (документы Международных форумов и мнение европейских экспертов). М., 2002. С. 150.

Если следовать этому заявлению, будет иметь место не вхождение России в Болонский процесс, а «оболонивание» российской высшей школы.

Названный выше перечень обязательных мероприятий, которые должны быть осуществлены в стране до 2010 года, представленный правительством РФ в апреле 2007 года проектом Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)» с жестким указанием о его вступлении в силу с 1 сентября 2007 года, с положением о том, что «квалификация “дипломированный специалист” присваивается до прекращения в Российской Федерации обучения по программам подготовки дипломированного специалиста», наталкивают на мысль, что российские чиновники подходят к Болонской декларации именно как к обязательной программе действий. Это очень опасно и противоречит духу болонских документов.

Уже в самой Болонской декларации указано, что в основе поставленных ею целей лежит полное уважение *«к разнообразным культурам, языкам, национальным системам образования и университетской автономии»*.

В марте 2001 года в Саламанке на встрече 300 европейских высших учебных заведений и их основных представительских организаций было подчеркнуто, что *«Европейское высшее образование всегда было разнообразным в части языков, национальных систем, типов институтов, ориентации профилей подготовки и учебных планов. В то же время ее будущее зависит от способности организовать это ценное разнообразие так эффективно, чтобы получить положительные результаты...»*

Указывая на свою приверженность «Всеобщей хартии университетов», представители европейских вузов заявили о том, что «университеты должны иметь право формировать свою стратегию, выбирать свои приоритеты в обучении и проведении научных исследований, расходовать свои ресурсы, профилировать свои программы и устанавливать свои критерии для приема профессоров и учащихся».

Обращает на себя внимание и положение Коммюнике конференции министров, ответственных за высшее образование, принятое в Берлине 19 сентября 2003 года о том, что *«для Европы Знаний целью является сохранение европейского культурного богатства и языкового разнообразия, основывающихся на культурном наследии различных традиций...»*

Следуя духу документов Болонского процесса, нужно сделать вывод о том, что Россия может и должна входить в Болонский процесс, не разрушая свою систему образования, а развивая ее, учитывая свою самобытность. Как говорил на VII съезде ректоров России В. А. Садовничий, «противников интеграции системы образования России в международное образовательное пространство нет. Но есть разница в подходах к ее осуществлению». И далее в его речи следует ключевая фраза, с которой, на мой взгляд, нельзя не согласиться: «Это процесс двусторонний. Мы можем не менее настойчиво предлагать партнерам на вооружение наш опыт. Мы должны защищать интересы системы образования России».

Эти слова В. А. Садовничего являются своего рода продолжением мысли К. Д. Ушинского о том, что «нельзя жить по образцу другого народа, как бы заманчив он ни был».

Как это может выглядеть — рассмотрим на примере развития в России многоуровневой системы подготовки специалистов по формуле «бакалавр—специалист—магистр».

Степень бакалавра присваивалась в России еще в XVIII веке выпускникам учительского института при Московском университете. В соответствии с университетскими уставами разных лет лица, успешно окончившие полный курс российского университета, получали звание действительного студента, что давало возможность при определенных условиях (окончание университета с отличными результатами и написание диссертации) претендовать на первую ученую степень — кандидата. Следующими степенями были магистр и доктор. Право присуждения ученой степени магистра было предусмотрено уставами первых трех российских университетов: Московского, Харьковского и Казанского. Так что в принципе внесение в Государственную Думу законопроект об установлении уровней высшего профессионального образования не является новым словом в образовании. Тем более что в настоящее время высшая школа России уже выпускает ежегодно 80 тыс. бакалавров и 10 тыс. магистров, или, соответственно, 6,9 и 0,9 % от общего выпуска вузов⁵.

Другое дело, что не решен вопрос о том, кто такие «бакалавр» и «магистр». Как пишет А. С. Запесоцкий, «либо бакалавр — это человек, получивший то, что можно назвать “общим высшим образованием”, которое служит основой для выбора им далее конкрет-

⁵ Образование по-европейски... С. 32.

ной профессии, либо бакалавр — это самостоятельная и законченная ступень профессионального образования»⁶. И он прав, когда пишет, что этот вопрос — один из самых дискуссионных в Болонском процессе.

Представляется, что введение в России многоуровневой системы высшего образования правомерно. Она дает возможность студенту более верно определить траекторию своего последующего образования, тем более что в настоящее время первое высшее образование становится той базой, которая дает возможность человеку определиться в своем видении мира, в своих профессиональных интересах. Об этом свидетельствует и тот факт, что все больше выпускников не идут работать по специальности. Это нужно признать нормальным явлением. И не только в России многие выпускники в последующем не работают по первому образованию. В Великобритании, например, только 2/3 занятых работают по специальности, соответствующей диплому.

На наш взгляд, бакалавр — это человек с общим высшим образованием. В настоящее время почти половиной работодателей в мире востребовано именно такое образование⁷.

Главная опасность заключается в попытках подготовить бакалавра как законченного узкого специалиста. Эта опасность следует из Коммюнике конференции министров, ответственных за высшее образование «Создание общеевропейского пространства высшего образования», принятого в сентябре 2003 года в Берлине. В нем указывается, что «степень первой и второй ступени должны иметь различные направленности и *профили*, чтобы обеспечить разнообразные индивидуальные, академические нужды и потребности *трудового рынка*». На наш взгляд, речь идет о подготовке бакалавров-профессионалов как дани правительствам, озабоченным большими затратами *на доступное для всех* высшее образование. При этом министры не могли не учитывать, что почти каждый пятый житель их стран — иммигрант. И в ряде стран Европы уже имеет место переход к степеням бакалавров-профессионалов, причем подготовленных за три года. Законопроект об уровнях высшего профессионального образования и пояснительная записка к нему, представленная в Госдуму, говорит о том, что эта опасность грозит и России.

⁶ *Запесоцкий А. С.* Ставка — будущее России. Азартная игра — Болонский процесс // Высшее образование в России. 2005. № 9. С. 5.

⁷ Мнения: по страницам газет и журналов // Ученый совет. 2007. № 2. С. 21.

Во-первых, в законопроекте нигде не употребляется термин «общее высшее образование».

Во-вторых, указывается, что первый уровень высшего образования (бакалавриат) обеспечивает возможность успешной работы на должностях, требующих высшего профессионального образования, которые предусматривают осуществление исполнительных функций в производственной или социально-экономической сфере.

В-третьих, при принятии закона бакалавриат будет рассматриваться не как первая ступень высшего профессионального образования, а как его обособленное самостоятельное звено. Поступление в магистратуру станет возможным только через прохождение отдельного конкурса, может быть, даже после определенного периода работы.

В-четвертых, возможно будет при наличии среднего профессионального образования получить диплом бакалавра в ускоренные, сокращенные сроки.

В-пятых, на мысль об ограничении получения высшего образования тремя-четырьмя годами наталкивают и заявления официальных лиц. Министр образования и науки РФ А. Фурсенко, выступая в Красноярске в середине марта 2005 года, предложил оставить подготовку магистров только в 10–20 так называемых «национальных университетах» и в 100–200 вузах «второго эшелона», в остальных вузах (министр определил их как вузы «третьего эшелона») будет «разрешено» готовить только бакалавров. А все остальные — это 400–450 государственных вузов.

На наш взгляд, первый уровень — бакалавриат — не должен рассматриваться как законченная профессиональная подготовка. Это главным образом методологическая подготовка, целью которой является научить человека учиться всю последующую жизнь, привить навыки профессиональной мобильности, как того требует современная экономика знаний. Причем данная методологическая подготовка должна быть фундаментальной, что всегда отличало российскую высшую школу. Заметим, что такую же позицию заняли и представители более трехсот европейских вузов, которые в Конвенции европейских высших учебных заведений, принятой на встрече в Саламанке 29–30 марта 2001 года, подчеркнули, что степень бакалавра должна быть «главным образом <...> подготовительной ступенью для дальнейшего обучения на послестепенном уровне».

А. Н. ДЖУРИНСКИЙ,

*заведующий кафедрой эстетического и трудового воспитания младших школьников
Московского педагогического государственного университета, член-корреспондент
Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор*

СУБЪЕКТЫ ВОСПИТАНИЯ В МНОГОЭТНИЧЕСКОМ И МНОГОКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Групповые субъекты. В мировой педагогике существуют расхождения при определении субъектов воспитания в многоэтническом и поликультурном обществе. Наиболее радикально высказываются ученые, которые включают в перечень этих субъектов фактически все субкультуры, в том числе женщин, пожилых, людей с задержками в развитии, высокоодаренных, малоимущих, сексуальные меньшинства и пр.

Такой всеобъемлющий подход малопродуктивен. Более взвешенным и соответствующим педагогическим реалиям выглядит при определении субъектов учет прежде всего культурного, этнического и языкового многообразия воспитуемых. Типология субъектов применительно к любым субкультурам выглядит излишне обширной, размывает специфику педагогической деятельности в социальной, гендерной, физиологической, психологической, сексуальной и иной проблематике. Попытки такого расширительного толкования субъектов отвлекают от проблем воспитания в многокультурной и многоэтнической среде, которые касаются прежде всего этнокультурных субкультур.

В соответствии с такой позицией в качестве групповых субъектов воспитания в многокультурном и многоэтническом обществе могут быть выделены субкультуры, которым присущи прежде всего несколько основных характеристик: 1) этническая; 2) культурная; 3) языковая; 4) статус национального меньшинства или большинства.

Комбинации указанных основных характеристик групповых субъектов воспитания вариативны и зависят от их специфики. Субъекты могут состоять из представителей разных этносов, у них может не быть оригинального языка, они могут объединяться, будучи далеки этнически и по языку, но близкими по культуре и религии и т. д. Изменчив и статус групповых субъектов воспитания.

Воспитание в состоянии трансформировать культурный ареал многоэтнического общества и входящие в него субкультуры. Каждая этнокультура, приобретая в лице инокультур «новых сестер», качественно обогащается, меняет идентичность, постепенно утрачи-

вает гомогенные черты. Представители этнокультур приобретают некую «транскультурную идентичность», которая оказывается проявлением общенациональной культуры.

В полиэтническом обществе обычно есть ведущие групповые субъекты воспитания — носители доминирующих типов цивилизаций и культур. Эти субъекты обладают мощной и исторически длительной культурной традицией. В Российской Федерации таков русский этнос, который переплавил духовные ценности славянского мира, Востока и Запада. Крупнейшие автохтоны Франции, Испании, Италии, Великобритании, США, Канады развивают наследие средиземноморской и англосаксонской цивилизаций, корни которых уходят в античность и Средневековье. Доминирующие этнические группы в процессе воспитания нуждаются не только в самопознании, но и уважительном изучении особенностей иных субкультур, приобретении навыков межкультурного общения. Для ведущих национальных групп воспитание служит способом открываться культурному разнообразию, быть непримиримым к дискриминации и расизму. Доминирующая культура в таком случае оказывается участником взаимообогащающего диалога этнокультур.

Другой групповой субъект воспитания в поликультурном и многоэтническом обществе — малые этнокультуры. Строго говоря, они — часть нации. Вместе с тем каждая малая этнокультура обладает собственной ментальностью и культурной средой. Разнообразие малых этнокультурных групп порождено историческими, социальными, культурными и иными особенностями их возникновения. Среди них условно можно выделить следующие типы субъектов воспитания:

— коренные (автохтонные) группы, не обладающие государственно-культурной автономией;

— коренные (автохтонные) группы, имеющие государственно-культурную автономию и самостоятельность;

— национальные меньшинства, оформившиеся на протяжении Нового и Новейшего времени;

— «новая иммиграция» второй половины XX — начала XXI столетия.

Малые субъекты воспитания в многоэтническом обществе настаивают на защите собственных культурно-образовательных интересов, имея специфические запросы и задачи, касающиеся воспитания и образования. Значительная часть молодежи, принадлежащая к малым субъектам, не имеет возможности получить полноценное образование, оказывается на периферии общественной жизни. Так, иммигранты озабочены органичным вращением в культуру принимающего государства и сохранением собственных культурных традиций. Малые автохтоны добиваются возврата к региональному разнообразию национальной культуры. Малые этногруппы, контактируя с доминирующими, ведут себя по-разному. Одни изначально проявляют лояльность, другие, напротив, стремятся к дистанцированию. Вместе с тем небольшим этногруппам почти неизбежно присущи настороженность и опасения дискриминации — их историческая память хранит страшные воспоминания геноцида, погромов, насильственной депортации и т. п.

Глобализация, укрупнение многоэтнических обществ качественно изменяют уровень, направленность, степень защиты культурно-образовательных интересов групповых этнокультурных субъектов. Так, существенную опасность для традиций воспитания и образования этнокультурных групп континентальной Западной Европы несет англо-американская языковая и культурная экспансия.

Если сегодня в ограждении своих интересов нуждаются этнические меньшинства отдельных государств, то в перспективе подобная судьба может ожидать и титульные этносы небольших стран.

Индивидуальные субъекты. Педагогике следует тщательно учитывать индивидуаль-

ные субъекты воспитания в многоэтническом обществе. Каждый воспитанник, находясь в многонациональной среде, подобен электрону, движущемуся по разным орбитам в пределах атома. В результате изменений когнитивного, аффективного и поведенческого плана формируется индивидуальная субъектность, приобретаются объективные знания, вырабатываются эмоциональные оценки и собственные представления о своей и иных этнокультурах, их различиях, выстраивается система отношений с представителями других национальных групп.

Неотъемлемая черта индивидуальной субъектности — выбор идентичности. Этот процесс самоидентификации и этнокультурной мобильности начинается в раннем возрасте и в дальнейшем качественно нарастает. На него существенно влияют многие факторы, в их числе — возрастные, гендерные, этнические различия, воспитание в смешанных национальных семьях и т. д.

В многоэтнической педагогической среде возможны разные пути самоидентификации и этнокультурной мобильности личности: либо демонстративная поддержка групповой идентичности и уклонение от диалога с представителями других культурно-этнических групп; либо маргинальная беспомощность, когда личность не овладевает ни одной из культур и испытывает внутренний психологический дискомфорт; либо овладение богатствами иных культур без ущерба для собственной культуры. Последний случай означает формирование личности с определенным вектором осознания феномена «иного», когда происходит перенос приоритета с другого-чужого на другого-иного, но подобного. Такой процесс означает переживание личности с кем-либо своих различий как положительных, взаимодополняющих.

В. А. ДМИТРИЕНКО,

заведующий кафедрой педагога-исследователя Института теории образования Томского государственного педагогического университета, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА

Социализация личности является одной из фундаментальных проблем социальной философии и теоретической педагогики. Процесс возникновения и развития взаимодействия человека с его социальной и при-

родной средой, формы и способы его адаптации и развития в этих сферах представляют собой одно из главных направлений научной рефлексии данной проблемы. Признавая важность и актуальность такого рода

исследований, хотелось бы остановиться на проблеме жизнотворчества, которая, несмотря на свою органическую связь с вопросом социализации личности, на наш взгляд, имеет все основания стать предметом особого научного рассмотрения.

На протяжении долгого времени (ситуация не изменилась и по сей день) считалось, что образование в первую очередь выполняет функцию подготовки молодого поколения к будущей жизни через приобретение некоторой профессиональной специализации. Именно этот тезис мы и хотим поставить под сомнение в данной работе.

С нашей точки зрения, образование должно не только готовить к жизни и деятельности в определенной профессиональной сфере, но и закладывать основы жизненных программ. Каким может быть ответ на риторический вопрос, откуда черпает свои представления о жизни современный молодой человек? Кто и каким образом оказывает самое сильное влияние на процесс формирования жизненных идеалов и ориентации будущего гражданина страны? Какое место в этом процессе занимают объективные условия и обстоятельства? Кто сегодня вырабатывает представления о жизни в ее существенных параметрах, о цели и смысле жизни, условиях жизни, жизненных программах, индивидуальных жизненных траекториях, жизненных проектах и т. д.? Можно ли считать, что ответственность за столь важные вопросы в полной мере несет современное образование?

Мы считаем, что кроме спорадических элементов, реализуемых через посредство того или иного общего или специального курса, преподаваемого в учебном заведении, молодой человек не получает должных жизненных ориентиров. Привнесение таковых находится в прямой зависимости от общей культуры обучающего его педагога и представляет собой, как правило, эклектическую сумму представлений о возможностях решения тех или иных конкретных жизненных проблем. Несомненно прямое влияние на личность молодых людей их ближайшей микросреды, родителей, СМИ, собственных духовных запросов и т. д. Однако молодое поколение в принципе не может самостоятельно выработать жизненную программу, адекватную социально-экономическим и культурным условиям общества.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в первейшие обязанности всего преподавательского корпуса должна войти задача по привнесению в процесс обучения научно обоснованных представлений

по вопросам философии и теории жизни. Историческая миссия учителя XXI века заключается в том, чтобы быть Учителем и Наставником Жизни. Предметные курсы, прежде всего гуманитарного блока, конечно, несут определенные элементы, связанные с приобретением хотя бы фрагментарных представлений по подобной проблематике, но чаще она выносится за пределы учебного процесса, когда организуются диспуты или дискуссии на тему смысла жизни, о том, что такое счастье и др. На наш взгляд, в XXI веке всей системе образования, начиная от дошкольного и заканчивая послевузовским, необходимо иметь специальные учебные курсы *по теории жизни*, адаптированные к разным уровням образовательных систем. Фундаментальной проблемой таких курсов должны быть проблемы жизнотворчества в его различных формах и проявлениях.

Разумеется, существует определенное соотношение стихийного и осознанного в анализируемом процессе, и педагогическая задача заключается в том, чтобы привнести достаточно обоснованную рефлексию в этот анализ, что должно в результате оказать реальную помощь молодому поколению в успешном выстраивании своей жизненной стратегии. Если педагогика в узком профессиональном смысле изучает прежде всего закономерности взаимодействия обучаемого и обучающего в различных образовательных системах, то в задачи теории образования и более конкретно — теории жизнотворчества должна войти задача формирования и развития человека или, как утверждал М. Хайдеггер, «формирование человеческого в человеке».

В документах ЮНЕСКО формулируются фундаментальные цели образования, из которых важнейшими признаны следующие:

- 1) научить получать знания — учить учиться;
- 2) научить работать и зарабатывать — учить для труда;
- 3) научить жить — учить для бытия;
- 4) научить жить вместе — учить для совместной жизни.

Самая важная из этих задач, которая требует настоящего решения и воплощения в реальный образовательный процесс, на наш взгляд, императив «научить жить». Чтобы реализовать такого рода задачу, преподавательский корпус должен быть вооружен соответствующими знаниями о жизни человека и жизненным опытом, которые бы были, с одной стороны, востребованы учащимися, а с другой — преподаватель теоретически и методически был бы готов к подобной работе.

Человекоориентированность современной науки, образования и культуры становится сегодня доминантной линией их развития. В этих условиях общая концепция целостного человека, а не личности, которая в первую очередь отражает социальный аспект, и не индивида — биологический аспект, а их двуединство, представляется весьма важной предпосылкой ее создания. Совершенно прав В. С. Шубинский, утверждая, что «новая педагогика будет наукой жизнотворчества именно человека, а не столько личности, включая как социально-личностные, так и индивидуально-биологические характеристики».

Человек, на наш взгляд, есть действующее, чувствующее, познающее, обобщающее и биосоциально воспроизводящееся существо, общим ядром указанных проявлений которого, связывающим их воедино, выступают ценностные ориентации. Каждый из этих аспектов впитывает исторически определенный тип и форму культуры. Поэтому степень развития человека в значительной мере определяется характером и уровнем ее присвоения конкретным индивидом. В общем плане можно сказать, что культура отдельного человека определяется культурой его деятельности, важнейшим компонентом которой являются трудовая культура, культура чувств, культура познания, культура общения, биосоциальная культура воспроизводства (брачно-семейные отношения) и т. д. Эти направления в целом определяют характер и уровень развития ценностных ориентаций человека.

Целостный человек, постоянно развивающийся, должен стремиться к универсальному развитию и освоению исторически высших типов и форм культуры в своей жизнедеятельности. Поэтому универсальная твор-

ческая самореализация человека в тех аспектах, о которых шла речь выше, и должна составить подлинный смысл и цель человеческой жизни.

Жизнь есть способ и форма бытия человека во времени и пространстве. Систематическое обновление и обогащение себя во всех важнейших составляющих и будет представлять перманентный процесс жизнотворчества. Творческая инициатива и степень ее развития и реализации в конкретных формах жизнедеятельности человека — важный показатель развития «человеческого в человеке».

В настоящее время достаточно отчетливо вырисовывается понятийный аппарат философии и теории жизни, который, к сожалению, «разбросан» по разным отраслям человековедческих дисциплин и явно нуждается как в полном выявлении, так и соответствующей систематизации, обобщении и упорядочивании. К такого рода понятиям можно отнести жизнь человека, смысл и цель жизни человека, жизнь как ценность и ценности жизни, жизненные идеалы, жизненный путь и его основные этапы, качество жизни и стиль жизни, успешность жизни, жизнедеятельность, жизнотворчество, жизнеобеспечение, исторические типы и виды жизни, индивидуальную и коллективную жизнь, программу жизни, планы и проекты жизни, жизненные орбиты и т. д.

Думается, что наличие достаточно широкого проблемного и категориального поля философии и теории жизни человека является важной предпосылкой для разработки и внедрения в учебный процесс учебных курсов и спецкурсов вначале в педагогических образовательных учреждениях, а в перспективе — во всю сферу образования.

С. Ф. ЕГОРОВ,

главный научный сотрудник, заведующий отделом Института теории и истории педагогики РАО, академик Российской Академии образования, доктор педагогических наук (Москва)

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Д. С. ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Педагогика сродни литературно-художественному творчеству. Ведь для писателя, литературоведа главный объект познания, а затем изображения во всех литературных формах и жанрах — это человек. Со времен

К. Д. Ушинского фундаментальной задачей педагогики стало также изучение человека как объекта воспитания. Цель педагогики и литературы одна и та же, различие только в методах. В одном случае это логические понятия и

категории, в другом — мышление в образах. Тем самым обусловлена и близость истории литературы и истории отечественной педагогики.

История отечественной педагогики как самостоятельная научная дисциплина немислима без трудов Д. С. Лихачева, которые являются важной частью объекта нашей науки, ее источниковой базы, а кроме того (и это, пожалуй, самое главное) — в них мы находим основоположения для методологических принципов изучения истории российского образования и воспитания. Чтобы убедиться в справедливости сказанного, достаточно вспомнить роль Дмитрия Сергеевича в сохранении для современной отечественной гуманитарной культуры таких уникальных ее памятников, как «Слово о законе и благодати митрополита Иллариона», «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» и многие др.

Необходимая принадлежность науки нового времени — эксперимент. Однако все ли составляющие педагогического процесса могут быть объектом экспериментирования? В отличие от эксперимента естественно-научного, раскрывающего законы внешней по отношению к человеку природы, педагогические эксперименты, их организация и методика проведения гораздо сложнее, поскольку они соприкасаются со сферой духовно-нравственной.

Можно экспериментально проверить психологические факторы педагогического процесса, сравнительную эффективность методов и методик обучения, предметов учебного оборудования, технических средств обучения и т. п. Что касается внутренних связей педагогического процесса, тем более идеалов образования, то экспериментирование с ними практически невозможно, поскольку они проявляются в долговременном опыте, *то есть в истории*. В этом смысле для педагога предшествующий теоретически осмысленный опыт имеет такое же значение, что и эксперимент для всякой науки. Данное понимание эксперимента можно распространить на некоторые другие гуманитарные науки. Основания для того можно найти в классических трудах Д. С. Лихачева.

Целый ряд десятилетий источниковая база историко-педагогической науки ограничивалась односторонностями материалистической методологии. Главное внимание обращалось на борьбу различных сословных и классовых направлений. В результате целые пласты источников по истории педагогики оказывались за пределами внимания

советских исследователей. В их числе культурологическое наследие выдающихся деятелей науки и просвещения, практически вся религиозная философия, христианская антропология, литературно-педагогическое наследие русского зарубежья. Культурное наследие при публикации источников представлялось тенденциозно, как обусловленное методологией. Но в тогдашних условиях вульгарно-социологизаторской цензуры для историка-литературоведа оставалась возможность быть более объективным, чем педагогу. Поэтому и сегодня у нас есть чему поучиться у литературоведов. Прежде всего — полноте и многосторонности видения исследуемого объекта.

Литературоведческие работы Дмитрия Сергеевича оказывают историкам педагогики неоценимую помощь в преодолении односторонностей материализма. Для педагогики введение в научный оборот новых источников связано с обретением принципиально новых идей, относящихся к духовно-практической деятельности человека, в том числе и «крамольных» с привычной точки зрения. Например, следующие: «Мышление не ограничивается деятельностью мозга и в нем не заканчивается»; «В коре головного мозга анализируются ощущения, а не чувства»; «Сердце есть средоточие эмоций и орган познания». Взятые вне контекста, эти утверждения Н. И. Пирогова, П. Д. Юркевича, В. Ф. Войно-Ясенецкого могут ничего не значить или быть превратно истолкованными. Однако если их рассматривать в контекстах научного и педагогического мировоззрения каждого из названных авторов, то в них кроется объективное содержание, представляющее несомненный интерес для теории воспитания и особенно для понимания такой важной и сложной проблемы, как связь образования и нравственности.

Благодаря трудам Дмитрия Сергеевича, отчетливо видится логика развития историко-педагогических исследований, ее влияние на содержание и качество работ по конкретной тематике. Поступательное развитие исследовательской мысли выражается в движении от описательности исторических явлений и фактов к проблемному видению историко-педагогического процесса, а затем к изучению истории образования и воспитания как истории науки. В этой связи становится более понятным утверждение В. И. Вернадского о том, что «история изучения научного творчества есть необходимое орудие нашего проникновения в новые области научных достижений».

Со временем субъективные оценки отдельных исторических деятелей науки и просвещения, разумеется, будут подвергаться сомнению, изменяться, корректироваться. Однако при этом менее всего подвержена изменениям методология историко-гуманитарных исследований. В основе она остается неизменной с ориентацией на адекватность своему объекту. В этом состоит главный урок Д. С. Лихачева для историков образования и воспитания. Из него же вытекает наша уверенность в том, что история отечественной педагогики может и должна стать точной наукой.

В весьма содержательной работе профессора А. С. Запесоцкого «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог» приводится библиография трудов академика (1337 назва-

ний). Одно из них хотелось бы прокомментировать. И вот почему: в 1980-е годы издательство АПН СССР проектировало создание Антологии педагогической мысли. Но в тогдашнем руководстве Академии оказались противники, у которых был один аргумент — «нет». Тогда издательство обратилось к авторитетнейшим культурологам с просьбой высказаться о проекте. Дмитрий Сергеевич сказал «да» и вместе с Г. М. Прохоровым написал вступление к первому тому. В результате сегодня мы имеем 10 томов «Антологии педагогической мысли народов СССР». Разве не свидетельствует этот факт о том, что значение Д. С. Лихачева для развития гуманитарной культуры невозможно оценить только количественными методами? Во всех своих проявлениях оно неизмеримо.

Г. Е. ЗБОРОВСКИЙ,

декан социологического факультета Уральского социально-гуманитарного университета, заведующий кафедрой социологии, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (Екатеринбург)

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И БИЗНЕС: ПРЕДПОСЫЛКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Сегодня в нашей стране существует настоятельная пропасть между высшим образованием и бизнесом. Каждая из систем функционирует сама по себе и плохо взаимодействует с другой. Бизнес пока не готов к систематическим отношениям с вузами и занят хаотическим латанием дыр в собственном кадровом обеспечении. Система же высшего образования выступает как самодостаточная, не ощущающая (опять же пока!) зависимости от бизнеса и дистанцирующаяся от него.

Хотя уже сейчас есть исключения в виде, скажем, успешного сотрудничества Уральской горнометаллургической компании и Уральского государственного технического университета. В ходе такого взаимодействия вуз готовит для компании порядка трехсот специалистов с заданными профессионально-квалификационными характеристиками. Однако подавляющее большинство вузов обходится без подобного взаимодействия. Такая ситуация будет продолжаться до тех пор, пока можно будет хоть как-то существовать на бюджетные деньги.

К сожалению, в вузах не готовят людей к занятию бизнесом. В лучшем случае читают общие курсы менеджмента, маркетинга, еще что-то в этом духе. Естественно, здесь

не имеются в виду учебные планы экономических, коммерческих, финансовых и других специальностей, где существует целый ряд иных дисциплин и курсов, касающихся формирования корпоративной культуры, профессиональной и управленческой компетентности бизнесмена, проблем лидерства и т. д. Но и это делается без активного включения вузов и студентов в практическую деятельность бизнес-структур, фирм. При этом для вуза «практическая» означает не что иное, как качественную организацию необходимой практики.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на основные образовательные программы по многим неэкономическим специальностям, которые сегодня активно «раскручиваются» и в рамках которых также готовят участников бизнеса, например, социокультурный сервис, туризм, реклама и др. Всем хорошо известно, как активно развивается гостиничный, туристический и рекламный бизнес, сколько предприятий создается в этих сферах деятельности. Но уровень и качество профессиональной подготовки молодых людей — выпускников вузов по этим специальностям, который позволил бы им успешно развивать свой собственный бизнес в названных сферах

деятельности, оставляют желать много лучшего.

Это лишь один частный пример. Однако описанная ситуация в названных выше видах бизнеса является скорее правилом, чем исключением. Она свидетельствует об отсутствии взаимодействия между институтами высшего образования и бизнеса и позволяет ставить в качестве одной из ключевых проблем создание взаимовыгодного сотрудничества между ними. Пока отечественная система высшего образования «работает» прежде всего на себя. В существовании такой системы вузовского образования заключается принципиальное различие между развитыми странами, где профессиональное образование отчетливо направлено в сторону бизнеса, и Россией.

Конечно, любая система, любой социальный институт в первую очередь стремится к собственному воспроизводству и развитию. Весь вопрос в том, за счет чего оно будет осуществляться. У нас существует глубокое убеждение в том, что здесь необходимо идти по пути наиболее развитых стран. Так, многое может дать использование американского опыта. Известно, что даже провинциальные университеты США тесно связаны с фирмами, для которых готовят кадры. Это сотрудничество является принципиальным как для первых, так и для вторых. Представители бизнеса являются самыми уважаемыми людьми в таких университетах, они входят в их попечительские советы, во многом определяют образовательную политику вузов, поскольку лучше других знают проблемы и потребности бизнеса. Речь уже не идет о спонсорской деятельности этих людей, без которой провинциальные университеты вряд ли успешно развивались бы. Во многих американских университетах существует традиция ежегодных встреч руководителей вуза и факультетов с представителями бизнеса, принимающими активное участие в деятельности университета. Их, как правило, бывает несколько десятков человек.

Представляется, что по подобному или близкому к нему пути пойдет и отечественная система высшего образования. В условиях резкого сокращения бюджетного финансирования (что видно уже сегодня, завтра же оно будет еще более значительным) ее будущее видится в тесном сотрудничестве с бизнесом, который также объективно заинтересован в данном процессе, поскольку он нуждается в специалистах высокой квалификации. В этом по существу состоит наш прогноз относительно взаимодействия бизнеса и высшего образования.

Здесь возникает вопрос о судьбе бизнес-образования, в том числе многочисленных бизнес-школ, которое в определенном смысле может рассматриваться как своеобразный «мостик» между вузом и бизнесом. Но, как известно, мостик может не только соединять, но и разделять структуры, находящиеся по обеим его сторонам. Сегодня «разъединительная» функция, по всей видимости, преобладает. Однако ситуация может (и должна) измениться в самое ближайшее время. Логика развития взаимодействия высшего образования и бизнеса должна привести к повышению удельного веса «соединительной» функции этого процесса.

Вряд ли такое взаимодействие, если оно состоится, нанесет ущерб бизнес-образованию, у которого есть своя ниша. Но какая-то его перестройка в сторону повышения практической отдачи станет необходимой. Это же касается и вузов. Поэтому в качестве одной из моделей взаимодействия высшего образования и бизнеса имеет смысл рассматривать усиление связей между высшим и бизнес-образованием, а возможно, и их объединение, по крайней мере в каких-то сферах деятельности и обслуживания бизнеса.

Результаты социологических исследований, проведенных в высшей школе в последние годы, свидетельствуют и о резервах, и о ресурсах вузов — как путем привлечения к учебе немалой части бизнесменов в рамках основных, дополнительных и послевузовских образовательных программ, так и за счет развития бизнес-образования в стенах учебных заведений. Несомненно, при условии соблюдения надлежащего качества высшего образования такая ситуация будет активно способствовать усилению его взаимодействия с бизнесом.

Сегодня совершенно очевидно, что с переходом к информационному обществу, которое многие исследователи, включая нас, характеризуют как общество образования и знания, все большая часть времени работников должна уделяться повышению знаний, обучению и исследованиям. Общество знания превращается в глобальный феномен, особенно в связи с развитием мировой электронной сети, поскольку информация может быть получена практически в любое время и почти из любой точки мира. Информация же является основой знания.

Хотелось бы обратить внимание на то, что информация и знания — это не одно и то же, хотя в литературе данные понятия нередко смешиваются и отождествляются. Экономическая и социальная ценность знаний,

которыми обладают люди в организациях, далеко превосходит все их финансовые активы, капиталовложения и другие ресурсы. Не случайно один из крупнейших социологов современности П. Бурдьё рассматривал знания как важнейший культурный, интеллектуальный капитал, который может в определенных условиях превратиться в экономический.

Весь вопрос в том, каким это знание должно быть. Для высшей школы поставленная проблема — соотношение образования и знания — очень значима, поскольку образование выступает прежде всего транслятором определенного типа (вида) знания. Знания, равно как и компетентность персонала, которые лежат в основе развития организации, являются содержанием как высшего, так и бизнес-образования. Сегодня все более понятно: чтобы выстоять в жесткой конкурентной

борьбе, фирмы должны больше рассчитывать на знания, квалификацию, опыт, суждения и профессиональные качества всех своих сотрудников.

Мы глубоко убеждены, что бизнес-слои общества и «работающее» на них высшее образование нуждаются в специальных исследованиях, в том числе социологических, которые касались бы их взаимосвязи и взаимодействия. Главными направлениями таких исследований, как нам видится, являются, во-первых, изучение образовательных потребностей этих слоев, во-вторых, анализ качества высшего образования на макро- и микроуровне. При этом под первым понимается соответствие этого вида образования требованиям современных образовательных и производственных стандартов, под вторым — оценки потребителями высшего образования его качества и эффективности.

И. А. ИВЛИЕВА,

*профессор кафедры социально-культурной деятельности
Санкт-Петербургского государственного университета
культуры и искусств, доктор педагогических наук*

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЗАИМОБОГАЩАЮЩЕГОСЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА

На фоне ведущих тенденций развития современной цивилизации (глобализации, информатизации, стремления к устойчивому развитию) возникает объективная необходимость изменения статуса системы высшего профессионального образования, раскрытия его подлинной инновационной и интеграционной сущности.

Изменчивость социально-культурного и профессионального пространства предъявляет повышенные требования к образовательным системам, обеспечивающим подготовку будущих конкурентоспособных, профессионально мобильных и обладающих высоким уровнем культуры специалистов. Инновационное профессиональное образование призвано стать адекватным вызовам нового тысячелетия, содействовать воспитанию чувств сопричастности к общим человеческим ценностям и социально-культурному партнерству и служить основой преобразования общества и экономики, удовлетворения потребностей личности в получении образовательных услуг, обеспечивающих ее конкурентоспособность на рынке труда и общекультурное развитие на протяжении всей жизни.

В условиях информационного общества образование выступает наиболее эффективной формой социальной деятельности, источником консолидации и развития нации; сохранения и распространения ценностей культуры; капиталовложений в будущее страны. Образование составляет основу качества жизни, являясь фактором экономической мощи и национальной безопасности, личным «капиталом» человека, определяющим его социальный статус и адекватную самореализацию в современном мире. Ориентация образования на непрерывность, фундаментальность, доступность, устойчивое и инновационное развитие обуславливает необходимость поиска стратегических подходов к функционированию и развитию учреждений высшего профессионального образования как целостных образовательных систем.

Существенные изменения в сложившиеся модели высшего профессионального образования в нашей стране и за рубежом вносит Болонский процесс, сущность которого состоит в создании общего европейского образовательного пространства в целях повышения престижа высшего образования и расширения

его экспортного потенциала и укреплении и развитии интеллектуального, культурного, социального и научно-технического потенциала Европы. С конца XX века не прекращается дискуссия о выигрышах и потерях российских вузов от вовлечения в Болонский процесс. Противники его имеют достаточные основания для того, чтобы обратить внимание на неизбежность утраты ряда непреходящих ценностей российской высшей школы при механическом принятии моделей, сложившихся в Западной Европе. Однако эти опасения теряют смысл, если в рамках Болонского процесса произойдет взаимообогащающее взаимодействие конструктивных сторон, присущих российской и западноевропейской системам образования. Если Запад примет на вооружение лучшие образцы российской высшей школы, а Россия использует положительный опыт университетов, многие годы находящихся в рамках Болонской системы, произойдет синергетический эффект, который существенно обогатит всех.

При этом следует помнить, что миссия университета состоит не только в подготовке конкурентоспособного специалиста, умеющего адаптироваться в быстро меняющемся мире, но и в консолидации усилий научно-педагогической общественности всей Европы в направлениях сохранения ценностей гуманизма; поиска механизмов познания и взаимодействия различных культур; воспитания толерантности и способности вести диалог; развития социального партнерства; соблюдения паритета между сохранением лучших традиций прошлого и поступательным и неотвратимым движением вперед.

В рамках Болонской декларации важнейшим принципом создания единого европейского образовательного пространства и реализации его синергетического потенциала, определяющим стратегию развития национальных образовательных систем, является совершенствование качества образования, отношение к качеству как к важнейшему фактору повышения уровня жизни; экономической, социальной и экологической безопасности; идее, носящей всеобщий характер; одной из фундаментальных категорий, определяющих целостность европейского образовательного пространства.

Успешность в реализации данных целей требует поиска механизмов сближения национальных образовательных систем, их согласованного взаимодействия и взаимного обогащения.

Реализация принципов Болонского процесса требует структурной перестройки, мо-

дернизации национальных образовательных систем, институциональных преобразований в высших учебных заведениях. Однако, осуществляя инновационные преобразования, не следует забывать об истинных целях и ценностях образования в современном мире, ориентированных на:

- формирование «человека культуры», воспитание его сопричастности, «родственности» миру, гармоничного единения с человеческим сообществом;

- развитие толерантности, потребности в доброжелательном культурном взаимодействии, общении;

- осознание взаимосвязи общечеловеческих ценностей с глубинным содержанием национальной культуры;

- сохранение собственной национально-культурной целостности, уникальности.

Реализация синергетического потенциала взаимодействия участников Болонского процесса может обеспечить:

- раскрытие культуросозидающего потенциала единого европейского образовательного пространства, определение механизмов его реализации, ориентированных на творческое развитие личности будущего специалиста, повышение уровня его общей культуры, формирование духовных ценностей: гуманизма, свободы, толерантности, ответственности за жизнь и судьбы людей, потребности в саморазвитии и самореализации и т. д.;

- консолидацию усилий научно-педагогической общественности в направлениях сохранения ценностей европейского гуманизма, поиска механизмов познания и взаимодействия различных культур, воспитания терпимости к «иному» и умения вести диалог, развития социального партнерства, сохранения культурных традиций старейших образовательных учреждений;

- диверсификацию высшего профессионального образования, позволяющую обучающимся осуществлять выбор индивидуальной образовательной траектории в соответствии со своими запросами, интересами и склонностями, постоянно повышать свой образовательный уровень, расширить доступ к непрерывному профессиональному образованию и обеспечить трудоустройство после завершения каждого уровня образования;

- повышение статуса университетского образования за счет укрепления связи между преподаванием и научными исследованиями, вовлечения студентов в процесс научного творчества, инициирования научно-исследовательской деятельности преподавателей, повышения методологической культуры участ-

ников образовательного процесса, позволяющей осмысливать результаты преобразования окружающей действительности, иметь системное представление об их источниках, характере, тенденциях развития, владеть критериями и методами оценки эффективности ее изменений;

— реализацию творческого подхода к профессиональной подготовке специалиста на основе рационального сочетания репродуктивной и продуктивной технологий обучения, позволяющего не только применять про-

фессиональные знания, умения и навыки, полученные в готовом виде, но и осуществлять их научный поиск;

— обеспечение единства и паритета базового и дополнительного образования в процессе развития личности будущего специалиста, освоения ценностей культуры, формирования коммуникативной компетентности (в частности, изучения иностранных языков), расширения поля профессиональной деятельности, овладения набором компетентностей, необходимых для будущего трудоустройства.

Т. Б. КАЗАРЕНКОВА,

*доцент кафедры сравнительной образовательной политики
Российского университета дружбы народов,
кандидат социологических наук (Москва)*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

В результате интенсивного обновления всех сфер российской общественной жизни изменяется стратегическая государственная образовательная политика. Образование объективно является приоритетной областью, обеспечивающей стабильное функционирование государства, его безопасность, оптимальное развитие социально-экономической и духовной сфер жизнедеятельности общества. Изменения, происходящие в социуме, сказываются на деятельности всех социальных институтов, в частности института образования и науки.

Интенсивное обновление социально-политической и экономической жизни российского государства обусловило широкомасштабные изменения в системе высшего образования. Модернизация системы социокультурной подготовки специалиста в высшей школе осуществляется во всех компонентах образовательного процесса: изменении целей и задач; обновлении содержания, методов, средств и форм образования; появлении новых критериев оценки результативности данного процесса.

Стратегическими задачами современной высшей школы выступают социализация, профессионализация и самореализация студенческой молодежи. Специалист с высшим образованием — это не только профессионально компетентный работник, но и высокообразованный, культурный человек, обладающий системой жизненных стратегий и гуманистических ценностей, успешно ориен-

тирующийся в различных сферах жизнедеятельности, владеющий базовыми, социально-гуманитарными и естественно-научными знаниями, умениями оценивать и анализировать социальные процессы, явления, прогнозировать их развитие в будущем.

Эффективность университетского образования проявляется в способности будущего специалиста умело актуализировать свой интеллектуальный и духовный потенциал. Интегральное освоение социально-гуманитарного знания стимулирует развитие целостного мировоззрения, опыта житнетворчества, позволяет сохранить высокий социальный и профессиональный статус. Социокультурное знание придает импульс, качественно иной ракурс конструктивным действиям профессионала, расширяет возможности социального взаимодействия.

В системе высшего образования целесообразно создавать условия, стимулирующие потребность развития индивидуальных способностей человека и формирование у него опыта гуманизации социального взаимодействия, актуализации собственных творческих резервов. В обществе следует стремиться к обеспечению оптимальных условий для творческой жизнедеятельности человека, развития его личностных и профессиональных качеств, стимулировать его гуманистические начала, предоставлять возможности для непрерывного образования, обеспечивающего не только повышение квалификации специалиста, но и открывающего для него возможности

получения новых профессий, специальностей, а также реального влияния на процессы социального управления.

Исследования процесса развития мировой науки показывают, что в ближайшие десятилетия фундаментальная наука и научные технологии, развивающиеся на ее базе, будут являться основой политических, экономических и социальных проектов глобальных преобразований, определять перспективы развития государства и его международных отношений, а также служить базой для гуманизации современной цивилизации.

Российское общество идет по пути интенсивных социально-политических и экономических преобразований. Осуществление таких приводит как к позитивным, так и негативным процессам и результатам. Система национального образования, с одной стороны, испытывает непосредственное влияние социальных преобразований, а с другой — становится все более необходимой для решения государственных проблем.

Образование также играет важную роль в социокультурном, экономическом, правовом и экологическом развитии общества, выступая мощным детерминантом социальных изменений. Именно образование, обеспечивающее трансляцию ценностей человеческой культуры, объективно интегрирует все формы жизнедеятельности человека, создает условия для оптимального взаимодействия человека с природой и социумом.

Образование представляет собой мощный фактор культуры, обеспечивающий целостную многомерную самореализацию человека. Субъективный опыт человека, его способность к изменению окружающего природно-социального мира путем воздействия на этот мир приводит к саморазвитию человека. Оно стимулирует раскрытие задатков человека, способствует обнаружению его талантов.

Высшее образование — необходимое условие развития общества. Раскрытие в образовательных учреждениях интеллектуальных

и нравственных потенциалов человека в их взаимосвязи способствует интенсивному, гуманному освоению человеком резервов природы и общества, стимулирует поиск рациональных путей, средств и способов получения материальных и духовных благ с учетом гуманистических приоритетов развития человеческой цивилизации. Современное образование — это путь молодежи в науку. Базисом современного высшего образования служат фундаментальные знания и новейшие технологии. Формирование у студенческой молодежи позитивной мотивации в осознании их значимости в жизнедеятельности современного человека и опыта освоения таких — важнейшая задача системы национального образования.

Человеческая цивилизация ищет новые перспективы собственного развития. Поиск путей и способов эволюции человечество видит в глобальном культивировании гуманистических начал личности. Многие научные теории и течения в современной научной системе интегрируются на базе гуманизма. Актуализация принципов гуманизма связана с вопросами человеческой природы, развития личности, свободы человека, его выбора действий и ответственности перед собой и другими людьми, всей человеческой цивилизацией.

Сфера образования является стратегической для развития национальной экономики и наиважнейшей сферой человеческой жизни. Значение университетского образования в условиях обновления российского общества возрастает в еще большей степени, поэтому актуальным становится проведение исследований, связанных с изучением проблем развития самобытности в контексте диалога культур. Университетская среда является поликультурной: именно здесь переплетены многочисленные национальные традиции, именно здесь студенты и преподаватели получают уникальную возможность соприкоснуться с проявлением различных культур и осознать уникальную самобытность российской культуры.

Н. К. КАРПОВА,

*профессор кафедры педагогики Ростовского педагогического института
Южного федерального университета, доктор педагогических наук*

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Образование как глобальная социальная практика во многом определяет параметры жизненного пути человека, обеспечивая развитие общества, государства. При этом на-

учная реальность определяет нормы образования и перспективы его развития. Наука играет футурологическую роль в развитии образования, обуславливая определение прин-

ципа научности как базового, обеспечивая включение в содержание профессионального образования значимых достижений современного научного знания теоретико-практической направленности.

В современных условиях образование становится базисом существования и развития общества наряду с производством материальных благ. При этом само образование должно ориентироваться не только на прошлое и настоящее, но и на будущее, носить опережающий характер.

В основу модели опережающего образования может быть положена стратегия устойчивого развития. Устойчивое развитие целенаправлено на формирование ноосферы как социоприродной системы, базисными основаниями которой выступают нравственный разум, интеллектуально-информационные ценности экогуманизма, реализация гармонии человека, общества и природы, их безопасное и неопределенно долгое соразвитие (коэволюция).

Ноосферогенез призван обеспечить приоритет информационно-интеллектуальных факторов и ресурсов развития над материально-вещественным, определяя тем самым необходимость ускоренного, опережающего развития науки и образования. Таким образом, перспективы развития системы образования в целом и педагогического в частности соотносимы со стратегией опережения, ориентированной на обеспечение ее адаптивности к ноосферной цивилизационной модели в контексте диалога культур и цивилизаций, в том числе на личностном уровне.

Концептуальная модель опережающего образования основана на следующих парадигмальных положениях:

- рассмотрение в качестве приоритета высшего образования ориентации на интересы личности, адекватные современным тенденциям общественного развития;

- гармонизация отношения человека с природой через освоение современной научной картины мира;

- акцентирование интеллектуального развития и обогащение мышления через освоение современных методов научного познания;

- успешная социализация личности через погружение в существующую культурную, в том числе техногенную и компьютеризированную среду;

- создание условий для непрерывного образования;

- становление компетентности, эрудиции, творческих начал и культуры личности как целеполагания высшего образования;

- создание условий для приобретения широкого базового образования, позволяюще-

го достаточно быстро переключаться на смежные области профессиональной деятельности;

- активизация субъектной позиции обучаемых;

- фундаментализация, трактуемая как категория качества образования и образованности личности.

Опережающий характер образования обусловливает целеполагающие ориентиры его содержания, в том числе:

- фундаментализацию, предполагающую опору на расширение и обогащение универсальной составляющей, основанной на феноменологии научной рациональности;

- многофакторную информатизацию, обеспечивающую включение ресурса информационных, дистанционных и высоких технологий, актуализируя перспективный переход к информационной экономике современного общества;

- увеличение разнообразия образовательных стандартов и специальностей с целью предоставления студентам возможности осуществить собственный выбор, реализуя на практике стратегию и тактику личностно-ориентированного образования, цель и результат опережающего образования, формирование преобразующего интеллекта.

Под преобразующим интеллектом понимается направленность мышления, позволяющая индивиду на основе фундаментальных закономерностей природы и общества свободно переходить от концептуального осмысления действительности к решению прикладных задач — социальных, управленческих, организационных и т. д.

Дистанция формирования преобразующего интеллекта выступает критериальным параметром оценки качества опережающего образования. Оценка качественной стороны опережающего образования возможна в контексте осмысления его как системообразующего свойства. Базовыми принципами реализации ноосферно-опережающей модели образования, опредмечивающей категорию «системообразующее свойство», являются:

- научность;

- опережающее отражение;

- оптимальная ноосферная ориентация моделей развития общества, государства, образования, личности; устойчивое развитие; интегративность; приоритет развития личности;

- гуманизация и гуманитаризация;

- интеграция воспитания в образование.

Опережающий стандарт образования включает в качестве базового элемента педагогическую практику студентов педагогических вузов, структурная модель которой должна содержать:

1) разработку и реализацию в реалиях школы уроков опережающего типа с опорой на ресурсы ИКТ;

2) разработку вариативных моделей педагогических практик на основе учета особенностей функционирования образовательных учреждений разных типов и видов;

3) реализацию непрерывной (пассивной и активной) практики в рамках шестилетнего периода обучения в вузе;

4) включение в стандарт педагогической практики социально-педагогических программ и проектов различной направленности;

5) использование ресурса дополнительной образования с целью обеспечения начальной профессиональной подготовки студентов I–II курсов и др.

Реализация модели опережающего образования, целеориентированной на интеграцию с фундаментальной наукой, сферой информационных технологий, обеспечивает приоритет развития образования и как следствие — престижность профессии педагога, привлекая выпускников педагогических вузов к работе в школе, учреждениях системы дополнительного и начального профессионального образования. Качественная подготовка будет способствовать самореализации личности студентов как педагогов, повысит закрепляемость выпуск-

ников педагогического профиля в образовательных учреждениях разных типов и видов.

Следует отметить, что опережающее образование предопределяет необходимость реализации в условиях модели инновационного университета.

Педагогический инновационный университет ориентирован на развитие образования с применением междисциплинарных, проблемно- и проектно-ориентированных технологий обучения, осуществление подготовки педагогов, владеющих методологией личностно-ориентированного образования, компетентных исследователей.

Развитая инфраструктура вуза обеспечивает интеграцию научной, образовательной и инновационной педагогической деятельности, актуализируя взаимодействие с внешней российской и зарубежной актуальной средой, используя методы управления вузом на основе сочетания государственного, государственно-общественного управления и самоуправления.

Именно модель инновационного педагогического вуза обеспечит сохранение и развитие национального педагогического образования, решая задачи перехода от учебно-образовательного к научно-образовательному процессу.

С. А. КРЕСТНИКОВ,

*доцент кафедры теории и методики обучения физике
Челябинского государственного педагогического университета,
кандидат педагогических наук*

О СОЦИАЛЬНОЙ, КУЛЬТУРНОЙ И ДУХОВНО-ЛИЧНОСТНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Любое историко-педагогическое исследование выполняется с точки зрения определенной концепции с использованием одного или нескольких методологических подходов. Так, И. Е. Шкабара пишет: «Выбор теоретического подхода к объяснению исторического явления является одним из важнейших этапов исследования, так как в рамках данного этапа определяется общая ориентация исследования, его исходные предпосылки и установки. Данный выбор обусловлен социальной и культурной детерминированностью того или иного подхода, его познавательными возможностями»¹. Он

выделяет следующие основные подходы историко-педагогической науки:

- конкретно-исторический;
- классовый и сочетающийся с ним *формационный*;
- цивилизационный;
- культурологический;
- аксиологический;
- антропологический.

Если во второй половине XX столетия в педагогических исследованиях в основном применялись конкретно-исторический, классовый и сочетающийся с ним *формационный* подходы и проводимые изыскания имели идеологическую направленность, то внимание современных исследователей привлекает *аксиологический, цивилизационный и*

¹ Шкабара И. Е. Современные методологические подходы в организации историко-педагогических исследований // Образование и наука. 2005. № 5 (35). С. 40.

культурологический подходы, которые в большей степени учитывают духовную составляющую жизни общества.

При *аксиологическом* подходе выявляются ценностно-смысловые ориентиры в историко-педагогическом опыте с целью его применения для решения насущных проблем педагогики и образования. Первостепенное значение при *аксиологическом* подходе имеет разработка методологической основы наиболее перспективных процессов, систем, технологий, моделей для выработки критериев оценки, отбора, целенаправленного формирования в педагогической реальности тех процессов, систем, технологий, моделей, которые являются наиболее перспективными в контексте развития мировой и отечественной культуры, в том числе — педагогической культуры.

При *цивилизационном* подходе основываются на понимании истории как типологического многообразия социокультурных динамик и форм жизнедеятельности людей, адекватной их этнопсихологической сущности. *Цивилизационный* подход «ставит в центр исторического процесса человека с особенностями его менталитета и сложными взаимосвязями с обществом, а также общество, рассматриваемое как саморазвивающаяся система, что чрезвычайно важно при анализе историко-педагогических явлений»².

Основой *культурологического* подхода является тесная связь культуры, опыта человечества и воспитания. *Культурологический* подход «дает возможность проводить анализ сферы образования и педагогики через призму системообразующих культурологических понятий, к которым относятся культура, культурные образцы, нормы и ценности, а также ценностно-смысловые системы и стилевые принципы культуры»³.

И. Е. Шкабара приходит к выводу о необходимости применения парадигмального подхода в современных историко-педагогических исследованиях, понимаемого им как идейная ценностно-смысловая основа, определяющая цель и содержание образования, отношения участников образовательного процесса, а также средства передачи содержания. Он пишет: «...парадигма в педагогике обладает большим научным потенциалом и может применяться для диагноза наличного состояния педагогической науки и практики, определять перспективы их развития, а также проводить рефлексивный анализ в целях

реконструкции историко-педагогического опыта. Целью такого анализа станет раскрытие всеобщих и конкретно-исторических форм существования образования, их генезиса, трансформации успехов и неудач, логики, условий и тенденций, направлений, закономерностей и альтернатив развития, а также приращения и концептуализации педагогического знания, постановки и разрешения проблем воспитания и обучения»⁴.

В настоящее время отечественные ученые отстаивают положения о существовании разных парадигм образования, в основе которых лежат различные подходы. Например, речь идет о культурно-исторической парадигме, которая основывается на культурологическом подходе в современных историко-педагогических исследованиях, на многовековой тесной взаимосвязи и взаимодействии культуры и образования. Отмечается, что «данное обстоятельство дает возможность проводить анализ сферы образования и педагогики через призму системообразующих культурологических понятий, к которым относятся культура, культурные образцы, нормы и ценности, а также ценностно-смысловые системы и стилевые принципы культуры, для обозначения которых сегодня принят термин “культурно-историческая парадигма”»⁵.

Разработке новых парадигмальных подходов в своих работах уделяют внимание также В. А. Черкасов и В. В. Латюшин. Они обосновывают в своих исследованиях положение о становлении духовно-личностной парадигмы педагогических исследований, которая, по их мнению, должна стать методологической основой современных педагогических исследований и осуществления современной педагогической практики. Например, В. А. Черкасов усматривает становление такой парадигмы в потенциях деятельностного подхода на основе принципа оптимизации⁶. В. А. Черкасов и В. В. Латюшин рассматривают духовно-личностную парадигму образования как форму реализации социально-синергетического подхода в педагогических исследованиях и педагогической практике. Авторы полагают, что «идеи социальной синергии как совокупность объективных

⁴ Шкабара И. Е. Указ. соч. С. 42.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Черкасов В. А. Методолого-идеологические потенции деятельностного подхода в педагогических исследованиях // Модернизация современного образования на основе духовно-личностной парадигмы (аспект оптимизации образовательного процесса): колл. монография / под ред. В. А. Черкасова. Челябинск, 2005. С. 39.

² Шкабара И. Е. Указ. соч. С. 41.

³ Там же.

и субъективных явлений общественной жизни, обеспечивающих жизнь человека в условиях “порядка”, а не “хаоса”, находят отражение в теории и практике современного образования в понятиях “тип личности”, “парадигма образования”, “развивающее образование” (на системно-деятельностной основе, комплексно-деятельностной), “оптимизация образовательного процесса”⁷.

Анализ этапов образования В. А. Черкасов и В. В. Латюшин проводят в тесной связи с рассмотрением периодов развития нашего общества, которое проводят на цивилизационной основе. Согласно цивилизационному подходу, нынешний период авторами определяется как информационно-компьютерный (постиндустриальный). По мнению авторов, современной стадии развития нашего общества должен соответствовать новый тип личности, который они назвали светской духовно богатой личностью, обладающей философским мировоззрением и планетарным мышлением⁸.

В. В. Латюшин и В. А. Черкасов отмечают, что в настоящее время духовно-личностная парадигма образования как научное достижение еще не является признанной всеми, и в своих работах подробно останавливаются на предпосылках выделения духовно-личностной парадигмы. Вместе с тем эти авторы подчеркивают важную мысль, что «мировоззренческая роль, которую парадигмы сыграли и играют в образовании вообще и педагогических исследованиях в частности, позволяет с учетом сущности выявленного закона образования сформулировать принцип парадигмального подхода как принцип современной педагогической теории и практики, то есть фак-

тически определить ядро будущей теории как единства объективного и субъективного»⁹.

В исследованиях по частным дидактикам духовно-личностная парадигма также находит свою разработку и отражение как в содержательной, так и деятельностной составляющей содержания образования.

Большая роль в разработке данных аспектов принадлежит *Челябинской научной школе методистов-физиков*, которую возглавляет действительный член РАО А. В. Усова. Разрабатываемые ею на протяжении многих лет вопросы нравственного, патриотического воспитания на занятиях по физике и во внеурочное время нашли свое отражение в многочисленных публикациях на республиканском и региональном уровне, в работах ее аспирантов и докторантов¹⁰.

Наряду с этим, как пишет И. Е. Шкабара, в образовании все более утверждается *полипарадигмальный подход*, «который, по-видимому, и может способствовать более широкому взгляду на образовательный процесс с доминирующими в нем установками на взаимодействие, сотворчество, рефлексию, ситуационное проектирование, саморазвитие»¹¹.

По нашему мнению, в основе любого выявленного парадигмального подхода, отражающего тот или иной период развития науки и образования, должны в полной мере учитываться духовно-личностные ориентиры развития общества, так как они пронизывают все сферы жизнедеятельности людей, начиная с семьи, учреждений образования и воспитания. Во главу угла в отечественном образовании и воспитании должен быть поставлен человек, создание условий для реализации его духовно-практических возможностей.

В. Г. ЛУКЬЯНОВ,

профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук

САМОБЫТНОСТЬ КУЛЬТУРЫ И СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И. А. ИЛЬИНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Важнейшая функция образования — сохранение и трансляция от поколения к поколению ценностей и знаний. Для нас несомненно, что и в условиях глобализации

важнейшей задачей культурной политики государства и всех его институтов остается формирование и поддержание общенацио-

⁷ Латюшин В. В., Черкасов В. А. Духовно-личностная парадигма образования — форма реализации социально-синергетического подхода в педагогических исследованиях в педагогической практике // Модернизация современного образования... С. 61.

⁸ Там же. С. 62.

⁹ Латюшин В. В., Черкасов В. А. Указ. соч. С. 63.

¹⁰ См., например: Усова А. В. Воспитание гражданственности, патриотизма и нравственности в процессе обучения: лекция для учителей и студентов педвузов / А. В. Усова, З. А. Вологодская. Челябинск, 1999; *Она же*. О воспитании учащихся в процессе обучения физике. / А. В. Усова, В. В. Завьялов. М., 1984 и др.

¹¹ Шкабара И. Е. Указ. соч. С. 43.

нальной картины мира. Важную роль при решении этой задачи играет система образования и ее важнейшая составляющая — система воспитания.

Выдающийся мыслитель русского зарубежья И. А. Ильин считал важнейшей задачей посткоммунистической России создание новой системы национального воспитания, от решения которой зависит будущий исторический путь нашей страны. С его точки зрения Россия будет нуждаться в «новом, предметном воспитании русского духовного характера». Речь идет не просто об образовании (ибо «образование само по себе есть дело памяти, смекалки и практических умений в отрыве от духа, совести, веры и характера»), а именно о воспитании как формировании ценностного сознания личности¹.

Постановка задачи создания новой системы воспитания весьма актуальна для современной России. Несомненно, что отказ от коммунистического воспитания требует создания новой эффективной системы воспитания. По Ильину, возрождение Отчизны возможно «через сочетание и примирение трех основ, трех законов духа: свободы, любви и предметности». Из этих трех великих основ всякой человеческой жизни и культуры ни одна не может быть упразднена или упущена: необходимы все три, и все три обуславливают одна другую взаимно. Как полагал Ильин, вся современная культура «сорвалась» на том, что не сумела «сочетать эти основы и блюсти эти законы». Она захотела быть культурой свободы (и была права в этом), но она не сумела стать культурой сердца и культурой предметности (что запутало ее в противоречии и привело ее к великому кризису). Ибо «бессердечная свобода» стала свободой эгоизма и своекорыстия, свободой социальной эксплуатации, что привело к классовой борьбе, к гражданским войнам и революциям. А «беспредметная и противопредметная свобода» стала «свободой беспринципности, разнуздания, безверия, “модернизма” (во всех его видах) и безбожия»².

Если бессердечная свобода, по словам Ильина, ведет к несправедливости и эксплуатации, то беспредметная свобода — к духовному разложению и социальной анархии. Однако бессердечная и беспредметная несвобода ведет к еще более тяжелой рабской несправедливости и глубокой деморализации. С точки зрения религиозного философа, сво-

бода необходима человеческому инстинкту и духу, как воздух телу. Но она должна быть наполнена «жизнью сердца и предметной воли». Чем больше сердца и предметной воли у человека, тем менее опасны ему соблазны свободы и тем больший смысл она приобретает для него. Задача состоит «не в отмене свободы, а в ее сердечном наполнении и предметном осуществлении».

О чем пишет Ильин? Представляется, что он ставит чрезвычайно актуальную для современной социокультурной ситуации проблему: фактически он утверждает ведущую роль ценностно-ориентационной и прежде всего *нравственной составляющей* образования. Именно нравственность, а не сами по себе знания определяют внутренний облик личности. Поэтому формирование ценностных ориентаций личности, ее нравственности одновременно выступает и ядром процесса воспитания, и критерием его эффективности. Напротив, неразвитость ценностного сознания личности выступает как один из главных признаков социокультурного кризиса в обществе³.

Действительно, обращаясь к понятию предметности, Ильин фактически ведет речь о картине мира личности и ее стержне — ценностях, на которые личность ориентируется. С точки зрения религиозного философа, «жить предметно» — значит связать себя (свое сердце, волю, разум, воображение, творчество и борьбу) с такой «ценностью, которая придаст жизни высший, последний смысл». Каждый человек призван к тому, чтобы «найти эту ценность», связать себя именно с ней и верно осмыслить на ее основе свой труд и направление жизни. В связи с этим Ильин подчеркивает: «Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение, — от крестьянина до ученого, от министра до трубочиста, — я служу России, русскому духу, русскому качеству, русскому величию; не “маммоне” и не “начальству”; “не личной похоти” и не “партии”; не “карьере” и не просто “работодателю”; но именно России, ее спасению, ее строительству, ее совершенству, ее оправданию перед Лицом Божьим»⁴.

Такое общее представление о том, что образует высшие диспозиции личности (говоря современным языком), весьма актуально для современного общества. Главной задачей системы воспитания в современном мире (которую призваны решать семья, школа, вуз и

¹ См.: Ильин И. А. О воспитании в грядущей России // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1993. Т. 2, кн. 2. С. 178–192.

² Там же. С. 179–180.

³ См.: Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб., 1996. С. 78.

⁴ Ильин И. А. Указ. соч. С. 183.

другие социальные институты) является формирование системы ценностных координат личности, ее картины мира. По данным социологов, в России за последнее время стало меньше людей с развитым ценностно-ориентационным потенциалом¹⁰. Это может привести и приводит к деформации ценностных координат личности в условиях давления со стороны массовой культуры, использования суггестивных технологий, засилья псевдоценностей, третьесортной художественной продукции (где господствуют насилие, жестокость, эротика и т. д.). Фактически в масштабах общества происходит ценностная дезориентация подрастающего поколения. Средства массовой информации пытаются внедрить всякого рода псевдоценности, отнюдь не стараясь открыть подрастающему россиянину глаза на его «включенность в ткань мира, на ту ответственность, которая с этим связана, и на те обязательства, которые из этого вытекают; вызвать в нем чутье и вкус к делам совести, веры, чести, права, справедливости, церкви и родины»¹¹. Вот почему само по себе вхождение России в новое информационное пространство, обладание более широкими возможностями получения информации (однако без способности к ее адекватной интерпретации) оказывается (без соответствующего воспитания) скорее негативным, нежели позитивным фактором формирования личности в современном обществе.

Концепция Ильина оказывается важной для понимания целей воспитания и определения критериев его эффективности. Действительно, у каждого из нас нет выбора — верить или не верить во что-либо, поскольку экзистенциальная потребность иметь объект поклонения и ценностные ориентации присуща любому человеку¹². Однако эта потребность может быть удовлетворена различными способами. Основные из них: освоение и принятие религиозной картины мира и религиозных ценностей, лежащих в ее основе; освоение и принятие ценностей гуманитарной культуры и формирование на этой основе соответствующей картины мира; поклонение идолам (власти, разрушения и т. п.). Это основные типы ценностных координат личности (и, соответственно, основные типы картины мира личности), опираясь на кото-

рые личность оказывается подготовленной к тому или иному типу поведения. Задача воспитателя как раз и заключается в том, чтобы подвести воспитуемого к внутреннему принятию определенной системы ценностей, а также к отторжению псевдоценностей. Именно поэтому Ильин подчеркивает, что «жить предметно» — значит связать себя (свое сердце, свою волю, свой разум, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с такой «ценностью, которая придаст жизни высший, последний смысл». От этого будет зависеть то, что человек «излучает в мир» (термин И. А. Ильина).

Принятие системы ценностных координат дает индивиду возможность самостоятельно определять ценность поступающей информации и при необходимости «отфильтровывать» ее. Без такого рода «фильтра» вхождение в новое информационное пространство, возникшее в России, может оказаться губительным в нравственном отношении, может возникнуть «болезнь духа» (термин И. А. Ильина).

Характеризуя современного человека, живущего в рамках «культуры без сердца», И. А. Ильин отмечает его «внутренний раскол, душевную расщепленность, духовную нецельность», то есть ту «болезнь духа, которую необходимо преодолеть, от которой надо исцелиться»¹³.

Откуда же происходит эта болезнь? Ответ Ильина лежит в русле его концепции: духовное опустошение человека связано с восстанием против Бога и всего Божественного, с систематическим опустошением жизни от всякой святости и категорическим разрывом с христианством.

Представляется необходимым и возможным со светских позиций интерпретировать эту идею применительно к современному состоянию: «болезнь духа» связана с тем, что институты воспитания в России фактически не справляются со своей задачей — индивид оказывается не в состоянии самостоятельно сформировать и сотворить в самом себе систему ценностей. Речь идет об отсутствии у многих ценностного стержня индивидуальной картины мира или, иначе говоря, о неразвитости ценностного сознания. Прежде всего с задачами воспитания не справляется современная система образования, которая призвана противодействовать процессам разрушения нравственных основ современного российского общества, способствовать формированию и поддержанию общенациональной картины мира (иначе у России не будет

¹⁰ См.: Художественная жизнь современного общества. СПб., 1997. Т. 2: Аудитория искусства в России: вчера и сегодня. С. 41.

¹¹ Ильин И. А. Указ. соч. С. 183.

¹² Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1992. С. 54.

¹³ Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 312.

никаких исторических перспектив). Все это подводит к мысли о необходимости внесения коренных изменений в культурную политику государства на современном этапе развития, изменения самой парадигмы культурной политики. И речь должна идти не только и не столько об институте образования, — необходимо формировать принципиально иную духовно-нравственную атмосферу в обществе (что во многом зависит от деятельности СМИ).

Вот почему концепция И. А. Ильина, поставившего задачу «создания новой системы национального воспитания», требует, на наш взгляд, серьезного анализа и практической реализации. Путь грядущей России не может не определяться формированием духов-

но-ценностных ориентаций поколений, вступающих в жизнь.

Необходимость формирования новой системы воспитания, по мысли Ильина, связана с тем, что ранее в России была жива «религиозная и патриотическая традиция такого духа и такого воспитания». Ныне же старые традиции разрушены, а новые еще не возникли и не сложились. С точки зрения философа, завязать и укрепить их должна система предметного воспитания. Новые поколения русских людей должны «воспитываться к сердечной и предметной свободе». Этот путь — «на сегодня, и на завтра, и на века... И о том, как нам создать на этих основах новое русское воспитание и образование, должны быть все наши помыслы»¹⁴.

М. Г. ЛЮБАРСКИЙ,

*доцент кафедры правоохранительной деятельности СПбГУП,
кандидат юридических наук*

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ОБЩЕЙ КУЛЬТУРЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Преподаватели, независимо от ученой степени и звания, читающие студентам лекции или проводящие семинарские (практические) занятия, должны к каждой лекции или занятию готовиться, строго планируя, какой материал должен быть преподан, укладывается ли он в отведенное для лекции или занятия время и насколько он доходчив и интересен для студентов. От этого зависит внимание аудитории и в конечном итоге усвоение предмета. Немаловажно также дать возможность записать студентами хотя бы основные положения лекции или семинарского занятия.

Подготовка к лекции или занятию должна обязательно включать составление плана и полного текста преподаваемого материала или, в крайнем случае, подробных тезисов. В конспект должны быть включены все основные положения, имеющиеся в литературных источниках, рекомендованных студентам, анализ практики по данным вопросам, содержащий как опубликованные факты, так и собственный опыт преподавателя.

Читать лекции или вести занятия со студентами, пересказывая только учебники, недопустимо, так как это дискредитирует преподавателя, и студенты теряют интерес к предмету. Предпочтительно, чтобы у преподавателя был собственный практический опыт в той области знаний, которую он хочет передать студентам. Преподаватель, ведущий за-

нятия со студентами или читающий курс лекций, который со студенческой скамьи поступил в аспирантуру, защитил диссертацию и не имеет практического профессионального опыта, как правило, не может вызвать у студента должного интереса к своему предмету и не пользуется необходимым авторитетом.

Совершенно иное отношение у студентов к опытному профессионалу, за плечами которого многие годы практической работы, успешно сочетавшейся с научно-исследовательской деятельностью, участием в научных конференциях, подготовке докладов, публикаций научных статей и пособий. Вместе с тем большое значение имеет форма преподавания знаний. Недопустимо читать лекции или вести занятия только по подготовленному, даже очень качественному, конспекту. Это снижает внимание и усвоение предмета, подрывает доверие к преподавателю.

Свободная, образная форма изложения материала со ссылкой на конкретные примеры из практики, использование иногда и литературных образов, хорошо известных студентам, повышают качество усвоения материала. Все это неразрывно связано с умением преподавателя хорошо владеть устной

¹⁴ Ильин И. А. О воспитании в грядущей России. С. 181, 192.

речью, не пользоваться заранее подготовленными листками, карточками и иными записями. В этом отношении очень плохой пример преподавателям подают некоторые политики самых высоких рангов, а подчас и деятели науки, искусства, религиозных и других областей нашей повседневной жизни, которых мы часто видим на экране телевизора.

Не менее вредным является использование отдельными преподавателями языковых «перлов», почерпнутых из современного молодежного и даже криминального сленга. Эти слова-паразиты, засоряющие наш язык, совершенно недопустимы в лекциях, на занятиях и при ином общении со студентами. Стремление преподавателя «опуститься» до уровня студентов, стать для студенческой аудитории «своим», ни к чему хорошему не приводит. Все это только усугубляет те недостатки, которыми страдают наши СМИ, литература, искусство и все наше общество, и оказывает отрицательное влияние на молодежь, еще недостаточно критичные умы. Кроме того, по моему глубокому убеждению, преподаватель не только не имеет права употреблять ненормативную лексику, но даже и производные от нее слова, имеющие двойственное значение, вызывающие ассоциативные толкования.

Таким образом, знания, которые хочет передать своим слушателям опытный высококвалифицированный преподаватель, должны быть изложены литературным русским языком. По своей форме мысли преподавателя должны быть выражены не только литературно безупречно, но и отвечать строгим грамматическим и синтаксическим правилам. Искусство речи преподавателя почти не отличается от донесения классического литературного текста артистом со сцены. Как раздражает нас, зрителей и слушателей, невразумительное, убогое, бездарное исполнение своих или чужих произведений со сцены, в телевизионной передаче или по радио диктором, телеведущим, артистом, так реагируют и слушатели-студенты на убогую по форме лекцию преподавателя.

Для того чтобы овладеть вниманием аудитории, преподаватель не имеет права раздражаться, нервничать, сердиться, делать обидные замечания даже в том случае, если он заметил, что кто-то в зале или классе разго-

варивает с соседом, передает какой-то предмет или записку. Если это мешает занятию (лекции), можно деликатно или в шутливой форме обратить внимание студента на то, что он отвлек своего соседа от какого-то важного положения, которое следовало бы запомнить или записать. Но такое замечание лучше всего сделать между прочим, не отвлекая внимание других студентов от излагаемого материала.

Представляется весьма важным вовремя обратить внимание и на усталость аудитории, когда у большинства студентов рассеивается внимание к излагаемому материалу или если он кажется им скучным, сухим, неинтересным. При этом дальнейшее чтение лекции или проведение занятия в том же темпе или форме пользы не принесет.

В подобной ситуации можно рекомендовать преподавателю подкрепить изложение того или иного тезиса случаем из практики, в котором необходимым элементом будет в доходчивой и занятой форме изложенная часть материала занятия. Студенты смогут отдохнуть, а необходимые положения лекции (занятия) лучше запомнятся. Полезно также по некоторым вопросам на семинарских или практических занятиях провести дискуссию и услышать разные мнения студентов по изложенным фактам.

Профессиональная и общая культура преподавателя зависят не только от хорошего знания своего предмета и практического опыта, но и от широкого диапазона знаний в различных областях юриспруденции, от постоянного пополнения своих знаний, от умения использовать все то новое, что появляется в отечественной и зарубежной литературе. Преподаватель обязан знакомиться не только с фундаментальными трудами (учебниками, монографиями), но и с периодикой, сборниками научных трудов, тезисами семинаров и конференций, журнальными и газетными статьями. Не мыслится преподаватель, который не читает художественной литературы, чужаится искусства во всех его проявлениях, плохо знаком с историей (и не только своего предмета), географией, известными деятелями политики, науки, техники, юриспруденции. При современном уровне студенческой аудитории такой преподаватель не может завоевать уважение и авторитет.

В. А. МАТРОСОВ,*ректор Московского педагогического государственного университета,
академик Российской Академии образования, член-корреспондент
Российской Академии наук, доктор физико-математических наук, профессор*

«ЖИВАЯ КУЛЬТУРА» ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ценность высшего педагогического образования для отечественной культуры, сохранения и приумножения духовного и интеллектуального потенциала нашей страны сегодня не нуждается в дополнительном обосновании. На вызовы времени мы ответим тем успешнее, чем яснее осознаем, что наша деятельность в сфере сбережения традиционной культуры и формирования новых ее форм связана с главным смыслом существования всего человечества.

Д. С. Лихачев неустанно напоминал о том, что «живую культуру», вне которой «лишается смысла... самостоятельное существование» народов, этносов и государств, должны хранить и воссоздавать «воспитательные, образовательные, информирующие и прочие» учреждения. «Именно на них, — убеждал он, — лежит обязанность воспитывать уважение к культуре в целом, к культурным памятникам, культурной деятельности, интеллигенции»¹. В этом контексте особый смысл приобретает деятельность ведущих вузов как инновационных центров образования. Наши выпускники призваны стать носителями и генераторами идей обновления культуры педагогического труда.

Осознавая свою высокую миссию, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), одно из старейших высших учебных заведений России (основан в 1872 г.) и первый педагогический университет страны, ежегодно подтверждает свои лидирующие позиции в группе педагогических и лингвистических вузов Российской Федерации. Мы ищем и находим новые пути в современном образовании и науке, опираясь на фундаментальные традиции отечественной культуры, созданные выдающимися учеными В. И. Вернадским, С. А. Чаплыгиным, С. С. Наметкиным, П. С. Новиковым, С. Н. Трубецким, Н. Д. Зелинским, О. Ю. Шмидтом, К. А. Тимирязевым, Л. С. Выготским, А. Ф. Лосевым, лауреатом Нобелевской премии Е. М. Таммом и др. Сегодняшняя университетская стратегия в подготовке педагогов и других специалистов обеспечена их бесценным опытом интеграции научной, учебно-воспитатель-

ной деятельности и реальной практики образования. Это позволило университету в 2007 году стать победителем конкурса вузов, реализующих инновационные образовательные программы.

Программа университета, рассчитанная на 2007–2008 годы, основывается на традициях 43 научных школ, признанных в России и за рубежом. Результаты фундаментальных научных исследований, открытия в области информационных и психолого-педагогических технологий апробируются в учебном процессе, внедряются в промышленность, экономику, социальные сферы. Широко известны достижения научной школы доктора физико-математических наук, профессора Г. Н. Гольцмана в области нанотехнологий. Феноменологии развития и бытия личности посвящен один из трех издаваемых университетом журналов (все включены в список ВАК РФ) — «Развитие личности». Научную школу этого направления возглавляет лауреат премии Президента РФ в области образования, академик РАО, доктор психологических наук, профессор В. С. Мухина.

Основываясь на достижениях фундаментальной науки, университет активно использует современные телекоммуникационные и информационные технологии, мультимедийные средства обучения, что позволяет достигнуть значительных результатов в магистерской подготовке физиков, психологов, социологов, педагогов-психологов, лингвистов. Развернута работа по созданию собственного центра дистанционного обучения. По решению Ученого совета университета создан учебно-научный центр цифровых образовательных ресурсов и педагогического проектирования (на базе факультета физики и информационных технологий). В числе первых десяти технических и классических университетов России МПГУ включился в эксперимент по подготовке специалистов по информационным технологиям в образовании.

МПГУ широко известен как научный, образовательный и культурный центр не только федерального, но и международного значения. Среди обучающихся в университете 20 тысяч студентов (бакалавров, специалистов, магистров) — граждане 33 стран мира. Ежегодно наш университет получает диплом

¹ См.: Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб., 1999. С. 635–640.

Международной выставки «Образование и карьера» за работу с молодежью и вклад в пропаганду образования.

Предметом особой гордости преподавателей МПГУ являются наши выпускники,

которые последние пять лет неизменно побеждают в конкурсе профессионального мастерства «Учитель года». Так создается плодотворная почва для обучения и воспитания будущих поколений страны.

В. И. МИХАЙЛОВ,

профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук

ЦЕНТР ДЕЛОВОЙ ПРАКТИКИ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ЭКОНОМИКЕ И МЕНЕДЖМЕНТУ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Опыт бизнес-школ и университетов на Западе показывает, что методам рыночной экономики трудно научиться только на основе теоретических курсов и традиционных семинаров и практических занятий¹. Создание в университетах и бизнес-школах бизнес-центров — центров деловой практики (ЦДП) студентов и слушателей приносит несомненно больший успех, чем традиционная система обучения.

Потребности в деятельности ЦДП, например, в университете или бизнес-школе, имеющих специализацию по туризму и социально-культурной деятельности (СКС), определяются практикой студентов по специализациям: СКС и туризму, практикой в гостиничном и туристическом бизнесе. При этом у студентов и преподавателей появляется возможность заработать и совершать турпоездки, работая в своей стране и за рубежом.

Потребителями услуг ЦДП (сегментами рынка) являются:

- студенты по соответствующим специализациям (20–90 чел. ежегодно);
- студенты вузов Санкт-Петербурга (10–20 чел. ежегодно);
- желающие получить сертификат гидов-переводчиков и другие сертификаты в области туризма и гостиничного бизнеса;
- желающие заработать летом в туркомплексах в России и за рубежом (1–30 чел. ежегодно) и др.

В качестве продукции (услуг) ЦДП могут быть:

- индивидуальные и групповые турпоездки на автобусах, поездах по Европе в Хельсинки, Париж, Лондон, Берлин, Стокгольм, Рим, Вену и др.;

- подготовительные курсы для работы в отелях Европы по договору с турагентством;
- учебные курсы гидов-переводчиков и др.;
- языковые практики, обучение за рубежом;
- прием туристов из ближнего и дальнего зарубежья в Санкт-Петербурге;
- оформление виз и паспортов;
- бронирование мест в гостиницах, заказ билетов на поезда, автобусы, самолеты;
- платная работа студентов в турфирмах Санкт-Петербурга;
- продажа «горящих» путевок;
- создание рекламных сайтов в Интернете;
- изготовление и продажа видеоклипов туристских маршрутов.

К конкурентным особенностям ЦДП могут относиться:

- низкие цены предоставляемых услуг;
- ответственный и вежливый сервис;
- современные информационные технологии: Интернет, программные продукты: «Амадеус», «Турвин», реклама на сайтах и пр.;
- учебный центр на базе университета, бизнес-школы.

При проведении SWOT-анализа в качестве возможных угроз могут быть:

- конкуренция туристских компаний;
- зависимость от цен на автобусы, железнодорожные билеты, курса валют, рубля и форс-мажорных обстоятельств (теракты, война в Ираке, землетрясения, аварии и пр.);
- непонимание и отсутствие поддержки руководства университета, бизнес-школы;
- рэкет.

В качестве структуры ЦДП могут быть варианты:

- **УЧЕБНОЕ** подразделение в университете, бизнес-школе, свой счет, телефон, факс, Интернет;

¹ Drozdova T., Mikhailov V. UK NVQ Experience analysis for its introduction in Russia — UK. Manchester, 1997.

— ООО с учредителями: университет, бизнес-школа, кафедры экономики и менеджмента, туроператор или турагентство;

— ЗАО с акционерами.

Обычно штат ЦДП небольшой и состоит из директора, двух менеджеров и бухгалтера. Их зарплата может составлять 30–40 % от прибыли ЦДП.

Расходы при организации ЦДП состоят из следующих статей: получение лицензии и установка прямого телефона (разовый расход), отчисление от прибыли в университет, реклама в СМИ, зарплата бухгалтеру, оплата телефона, факса, Интернета, зарплата штатным сотрудникам до получения прибыли, расходы на бумагу, факс, картриджи ксерокса, принтер, питание.

Выводы:

1. Создание ЦДП студентов в университетах, бизнес-школах и других учебных

заведениях, обучающих рыночной экономике и менеджменту, целесообразно с учетом имеющихся потребностей и возможностей.

2. Первоначальные расходы на получение лицензии, текущие расходы и расходы на оборудование — небольшие и доступны любому учебному заведению.

3. ЦДП может приносить прибыль и давать студентам, слушателям и сотрудникам учебного заведения несомненную пользу практического опыта начала и продолжения бизнеса.

4. В качестве штатных сотрудников могут быть сотрудники кафедр по специализациям, преподаватели кафедр и студенты соответствующих специализаций.

5. Получение прибыли от ЦДП можно ожидать через 3–6 месяцев работы после организации структуры ЦДП.

Н. П. МУЗЫЧЕНКО,

*преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма
Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)*

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА

Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании Совета безопасности в декабре 2006 года отметил, что Дальневосточный регион слабо привязан к общероссийскому экономическому, информационному и транспортному пространству.

Рассматривая пути развития Дальневосточного региона, нельзя не заметить, что проблемы, в первую очередь связанные с подготовкой и воспроизводством человеческого капитала, все острее встают почти в каждом субъекте на Дальнем Востоке России. Миграция населения в западные регионы страны, демографический спад в целом и на Дальнем Востоке в частности — все это приводит к уменьшению количества трудовых ресурсов. Следствием этого становится ухудшение качества человеческого капитала во всех отраслях экономики, что напрямую зависит от уровня образованности в стране.

В мире давно произошло осознание, что социально-экономические успехи государств определяются их системами образования и образованностью граждан, а также качественной подготовкой рабочей силы. Это привело к переоценке и пересмотру роли и места

образования в обществе и, как следствие, к пересмотру миссии образования. Это осознание обусловлено тем, что наиболее эффективным фактором производства становится человеческий капитал. Традиционные факторы производства — земля, сырье, финансово-промышленный капитал — бесспорно, играют огромную роль в развитии страны, но они имеют свои пределы, безграничен только человеческий капитал, выражаемый в знаниях и духовности людей.

В отечественной литературе часто встречаются упрощенные трактовки понятия «человеческий капитал»: как совокупности знаний, практических навыков и трудовых усилий человека¹ или как человеческие способности, дарования, навыки, которые следует признать особой формой капитала². Но по мнению автора, человеческий капитал — это знания, навыки, практический опыт, обеспечивающий

¹ Олейник А. А. Институциональная экономика: учеб. пособие. М., 1999. С. 125.

² Добрынин А. И. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, Е. Д. Цыренкова. СПб., 1999. С. 329.

получение прибыли и различного рода преимуществ перед конкурентами.

Человеческий капитал — это сформированный в результате инвестиций и накопленный конкретным человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства. Все перечисленное содействует росту производительности труда и эффективности производства, влияет на рост зарплаток (доходов) конкретного человека³.

Наступивший век — это век новых глобальных проблем, успешное решение которых в значительной степени будет определяться мощью и направленностью системы образования в целом. Глобальность проблем XXI века ставит задачу приоритетного развития образования, поскольку именно образование способно улучшать качество человеческого капитала (знания, профессионализм, нравственность, культура человека), который является неисчерпаемым интеллектуальным и духовным ресурсом государства⁴.

На фоне стремительного развития туристского бизнеса и гостиничного хозяйства все очевиднее становится тот факт, что профессионально, а значит, эффективно заниматься социально-культурным сервисом без наличия специального образования сложно, а в сфере обслуживания клиентов просто невозможно. Ведь на долю туризма приходится 8 % мирового экспорта, более 31 % международного рынка услуг и в этой сфере ежегодно создается около 3 млн рабочих мест.

На Дальнем Востоке России из-за удобного географического положения Приморского, Хабаровского краев, Амурской области, наличия в них развитой транспортной схемы, большой протяженности сухопутной границы с КНР имеются все благоприятные условия для развития въездного туризма.

Для миллионов жителей планеты нетронутая природа становится чем-то экзотическим. Дальневосточный регион как раз в полной мере может восполнить эту потерю, поскольку располагает разнообразными ресурсами особо охраняемых территорий — заповедников, заказников, национальных парков, памятников природы.

В Хабаровске уже запланировано строительство целого ряда новых гостиниц, что

значительно увеличит возможности гостиничного комплекса края к 2010 году⁵.

В России в настоящее время развернута широкая подготовка кадров для туристского и гостиничного бизнеса. Она начала осуществляться всего несколько лет назад, как правило, на базе непрофильных вузов. До сих пор отсутствует целостная концепция подготовки специалистов по гостиничному хозяйству и не определены потребности в различных специалистах, отсутствуют квалификационные требования.

Таким образом, по мнению автора, основными задачами, которые необходимо в первую очередь решать, для успешного развития индустрии гостеприимства и социально-культурной сферы являются:

— формирование новой эффективной непрерывной образовательной системы в сфере услуг и гостеприимства, в рамках модернизации всей российской системы образования, в соответствии с Болонской конвенцией. При этом новая модель образования в сфере услуг должна гармонично сочетать новые технологические подходы с традиционными принципами отечественной высшей и средней профессиональной школы⁶;

— внедрение диверсифицированного образовательного продукта в виде подготовки специализированных тренинговых программ, профессиональных семинаров по актуальным темам, программ стажировок и повышения квалификации сотрудников социально-культурной сферы;

— формирование системы партнерских отношений учебных заведений с гостиничными предприятиями путем внедрения креативной системы образования и создания союзов ученых и практических специалистов в области туризма, гостеприимства и сферы услуг;

— разработка новых концептуальных подходов к организации в учебных заведениях практического обучения студентов при обязательном участии представителей отрасли, туристских администраций, региональных и местных органов власти;

— совершенствование нормативно-правовой базы развития индустрии гостеприим-

⁵ Об основных направлениях экономического и социального развития Хабаровского края на период до 2010 года: постановление правительства Хабаровского края от 29.07.05 № 90-пр // Собрание законодательства Хабаровского края от 31.07.05. Прил. к № 7 (36).

⁶ Джанджугазова Е. А. Гостеприимство: вопросы теории и практики. Сайт Института туризма и гостеприимства. М., 2005 [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://gaomoskva.ru/index.php?mid=253>.

³ Добрынин А. И. Указ. соч.

⁴ Иноземцев В. Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 34.

ства, в том числе разрабатываемой на региональном уровне, а также развитие системы регионального управления туристским и гостиничным бизнесом.

Скорейшее решение проблем отрасли, реформирование системы образования специалистов индустрии гостеприимства, формирование и управление человеческим капиталом,

повышение качества обслуживания поможет дальнейшему развитию социально-культурной сферы. И только тогда главный социальный эффект — удовлетворение потребностей людей в активном и полноценном отдыхе, укреплении их здоровья, приобщении к культурным ценностям — будет более ощутимым и отвечающим требованиям времени.

П. Б. МУЗЫЧЕНКО,

*заведующий кафедрой социально-культурного сервиса и туризма
Тихоокеанского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент (Хабаровск)*

ОБ УЛУЧШЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ ПО ПАСПОРТНО-ВИЗОВЫМ ВОПРОСАМ

Изменения, вызванные реформированием политической системы государства и государственного управления, всех сфер экономики и жизни общества, становление России как нового субъекта международного права потребовали глубокого изучения возможностей регулирования миграционных процессов, особенно с использованием паспортно-визовой работы. Одной из основных задач, которую поставил Президент Российской Федерации в Послании Федеральному собранию на 2007 год, является ведение эффективной миграционной политики: «Что касается совершенствования миграционной политики, то приоритетом здесь остается привлечение из-за рубежа наших соотечественников. При этом необходимо все больше стимулировать приток в страну квалифицированной миграции, людей образованных и законопослушных»¹. Именно так Президентом России в Послании определена работа по совершенствованию миграционной деятельности на ближайшие годы.

В Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, одобренной Правительством России в марте 2003 года, сказано, что «современная миграционная ситуация в Российской Федерации, являясь следствием сложной социально-экономической обстановки, свидетельствует о том, что для достижения социального процветания и экономического прогресса требуются твердая воля государства и внимание всего российского общества к достижению в

стране прочного правопорядка и законности в области регулирования миграционных процессов»².

В последние годы в несколько раз увеличилось количество выездов граждан России за пределы Российской Федерации. Качественно изменились подходы к организации сервисной деятельности. Бурными темпами стали развиваться туризм и связанная с ним социальная инфраструктура. Въездной туризм и организация обслуживания временно пребывающих на территории России иностранных граждан дали миллионы дополнительных рабочих мест для граждан Российской Федерации и стали неотъемлемой частью экономики страны. Однако недостатки в организации въездного туризма и упущения в обеспечении пребывания иностранных граждан со стороны принимающих туристических организаций нередко имеют крайне негативные последствия. Именно незнание паспортно-визовых вопросов руководителями и сотрудниками туристических организаций, принимающих в России иностранцев, приводит к этому. Первоочередной задачей организаций, служб, органов и должностных лиц, наделенных полномочиями обеспечивать паспортно-визовую работу, оформлять заграничные паспорта, визы, регулировать и преодолевать негативные последствия стихийно развивающихся миграционных процессов, в начале XXI века стало создание условий для проявления реальных возможностей

¹ Послание Президента России Путина В. В. Федеральному собранию РФ от 10 мая 2006 года // Российская газета. 2006. 11 мая. № 97.

² Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 01.03.03 № 256-р // СЗ РФ от 10.03.03. № 10. Ст. 923.

защиты человека, гражданина и личности, соблюдение их прав и общечеловеческих свобод. А это возможно только при четком понимании и грамотном применении норм права, регулирующих правовые взаимоотношения граждан в этой области. При этом роль паспортно-визового обеспечения увеличивается в несколько раз, а значит, должна быть скорректирована и подготовка специалистов в высших учебных заведениях по этим вопросам.

Паспортно-визовая работа и ее административно-правовая организация являются основой механизма государственного управления миграционными потоками. В условиях реформы политических и экономических отношений в стране одновременно идет и реформирование существующей паспортно-визовой системы, не нарушая при этом требований Конституции Российской Федерации, которая гарантирует всем гражданам России свободу передвижения, выезда за границу и выбор места жительства³. В этих условиях неизбежно возник вопрос подготовки и переподготовки сотрудников учреждений и организаций, так или иначе работающих с паспортно-визовыми документами, появилась необходимость их обучения основам паспортно-визовой работы и новым положениям законодательства. Всем понятно, что в новых условиях развития страны без знаний паспортно-визовой работы персоналом фирм и организаций невозможна грамотная работа в области сервиса и туризма. Однако нормативная база по паспортно-визовым вопросам включает практически все принятые международные конвенции и соглашения. Паспортно-визовые нормы содержатся в десятках федеральных законов, указах Президента России, постановлениях Правительства РФ, инструкциях различных ведомств и других источниках. Такая распыленность законодательства, его постоянная корректировка и частое обновление приводят зачастую к ошибкам в практике применения паспортно-визовых норм, что усиливает напряженность во взаимоотношениях исполнительных и контролирующих органов с гражданами, так как именно на них в первую очередь отражаются все эти изменения.

Выход здесь один — повышение уровня паспортно-визовых знаний у населения, своевременная работа по обучению персонала

учреждений и организаций, а также внедрение изучения основ паспортно-визовой работы в высших учебных заведениях, в первую очередь — в вузах, где проводится обучение сервису и туризму. Поэтому, по мнению автора, необходимо:

— внести дополнения в государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 100103.65 «Социально-культурный сервис и туризм» по изучению вопросов паспортно-визовой работы в высших учебных заведениях;

— разработать специализированные общеобразовательные программы для средней школы по повышению уровня паспортно-визовых знаний у несовершеннолетних, в которых предусмотреть их обучение с момента получения паспорта.

Автором еще в 1998 году разработана рабочая программа обучения студентов международного факультета Хабаровского государственного технического университета по специальности 100103.65 «Социально-культурный сервис и туризм»⁴, а с сентября 1999 года проводится обучение студентов очной и заочной форм обучения по дисциплине «Правовое обеспечение социально-культурного сервиса и туризма», в рамках которой изучаются основы паспортно-визовой работы. Студенты с большим интересом знакомятся с лекционным материалом, изучают новые положения законодательства по паспортно-визовым вопросам. Чтобы в будущем грамотно работать с основными документами, удостоверяющими личность граждан Российской Федерации на территории России и за ее пределами, особое внимание при обучении студентов обращается на работу с внутренними и заграничными паспортами. Вопрос о значимости изучения данной дисциплины студентами международного факультета неоднократно поднимался на заседаниях кафедры социально-культурного сервиса и туризма.

С учетом реализации указанных предложений, по мнению автора, возможно реальное улучшение уровня образования по основным паспортно-визовым вопросам, а значит, и улучшение миграционной ситуации в стране, как того требует Президент России В. В. Путин.

³ Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237.

⁴ Приказ Министерства образования Российской Федерации № 686 от 02.03.2000 // Лицензирование образовательной деятельности: справ. ИФ «Образование в документах». М., 2003.

В. А. МЯСНИКОВ,

директор Института теории и истории педагогики РАО, академик Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор (Москва)

РУССКИЙ ЯЗЫК В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

Важным фактором развития образования в странах СНГ является язык общения. С одной стороны, потребность в общении является результатом длительного исторического и духовного сосуществования и взаимодействия, саморазвития культуры в ее широком понимании как способа воспроизводства человеческого общества. То есть реально установившиеся определенные культурно-исторические условия существования людей требуют все более расширяющегося развития отношений взаимодействия и приобщения к общему миру культуры. Взаимодействие обеспечивает реализацию потребности субъекта в самоопределении, необходимости заявить о себе активно как индивидуально представленном среди других.

С другой стороны, такая потребность в общении и приобщении субъектов к миру всеобщей культуры и к культуре других народов объективно определяется внутренним развитием своей национальной культуры, которая нуждается в открытом пространстве и свободном слове. Только открытое пространство обеспечивает приобщение национальной культуры к мировой культуре, расширяет перспективу ее оптимального развития.

Не случайно на территории бывшего Советского Союза, где часто проявляется взаимонепонимание между государствами, идея поисков контактов и прежде всего культурных (в широком смысле), через язык общения, становится более актуальной как в России, так и в других странах постсоветского пространства, несмотря на все сложности современной жизни и рост политических амбиций.

Язык, являясь отражением процессов, переживаемых сообществом, как элемент системы (структуры) раньше других оповещает о ее расстройстве. Исторически существовавший и сохраняющий инерцию своего воздействия, общий на всей территории постсоветского пространства русский язык — это важный, реально действующий фактор, который необходимо учитывать при установлении системы новых отношений субъектов СНГ. Знание русского языка служит основой развития интеграционных процессов в образовании, общечеловеческого и индивидуального личностного смысла.

В данной статье делается попытка обосновать роль русского языка не только как фактора (механизма) развития интеграционных процессов в образовании, но и как потенциала развития культуры, как средства, обеспечивающего функционирование систем образования, формирования нового единого образовательного пространства и его жизнеспособности. Это предполагает:

— понимание образования и воспитания как важнейших социальных институтов культурной (в широком смысле) преемственности;

— расширение гуманитарной составляющей образования путем органичного включения в образовательный процесс духовно-нравственного потенциала культуры каждого субъекта пространства;

— возвышение роли воспитания как механизма формирования «культуры жизнеспособности»¹ — психологической и нравственной готовности жить и работать в быстро меняющемся мире, как способа образования творческой личности, сознательного субъекта социально-культурных преобразований;

— утверждение в качестве мировоззренческих приоритетов воспитания стратегической задачи и идеала формирования развитой личности;

— оптимальное сочетание профессионализма и универсальности;

— ориентацию на принципы партнерства и социальной ответственности, на приоритет гуманистически и демократически ориентированных социальных технологий;

— сохранение и развитие образовательного пространства на принципе диалогичности информационно-ценностного поля обучения, принципе, взаимопроникающем и взаимосопрягающем цивилизационно-культурное единство мира;

— многообразие существующих идеологий, теорий и взглядов, определяющее роль языка (в данном случае — русского) как посредника между мировым духовным опытом и взаимодействующим субъектом образовательного пространства.

¹ *Запесоцкий А. С.* Молодежь в современном мире. Проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции. СПб., 1996; *Он же.* Методологические и технологические основы образовательной деятельности. СПб., 2007.

В условиях динамичных социальных трансформаций русский язык является важным цивилизационным ресурсом, поскольку его социальная и культурная включенность в традиционные общественные отношения способствует усилению как продуктивных, так и деструктивных форм активности, развития или разрушения пространства, усилению социальной консолидации или социальной дезинтеграции. Все это предопределяет необходимость качественно новых подходов к языковой политике, в том числе проблемам языка обучения, межнационального общения.

В решении этих вопросов существуют разные, в том числе противоположные мнения. Так, имеется точка зрения на излишнюю русификацию образовательного процесса, зажим национальной культуры и т. д. Этой позиции противостоят другие исследователи, которые подчеркивают прогрессивную роль существовавшей в 1920–1990 годах системы образования, включая и роль русского языка как средства, обеспечивающего развитие культуры.

В связи с этим встает вопрос отношения к данному средству, которое обеспечивает функционирование систем образования на единой основе, то есть к проблеме языка, являющегося средством взаимодействия, проводником мировой цивилизации. Развитие национальных языков и укоренение русского языка — две ветви процесса взаимодействия взаимообогащения языков и культур.

Русский язык играет важную историческую роль в языковом развитии человечества,

в международном обмене общечеловеческими ценностями. Он объявлен одним из официальных мировых языков ООН и многих других политических, экономических, транспортных и научных организаций. Он введен в систему народного образования большинства стран мира как один из иностранных языков, рекомендуемых по выбору для обязательного изучения в школах и университетах.

В каждую конкретную эпоху далеко не все языки, но лишь максимально распространенные, поддержанные культурной, научной традицией, отражающие сильную экономику, входящие в так называемый «клуб мировых языков», способны играть роль повсеместно принятых средств международного общения.

Русский язык как раз и принадлежит к тем языкам, которые, как говорят лингвисты, обладают наибольшей информационной ценностью и коммуникативным удобством, то есть богатой традицией, научной изученностью, упорядоченной грамматикой, оснащенностью учебниками, словарями, наличием квалифицированных учительских кадров.

Исторически так сложилось, что именно русский язык обеспечил межнациональное общение и сотрудничество многих народов на одной шестой части территории земного шара, открыл им доступ к мировым духовным сокровищам, помог выйти на мировую арену, — разумеется, в тесном вековом взаимодействии русского языка с их родными языками, в котором, обогащая их, он в то же время и сам обогащался.

А. А. ОРЛОВ,

заведующий кафедрой педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

ВЫСШЕЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Становление мирового образовательного пространства, обусловленное необходимостью развития академической и профессиональной мобильности человека, актуализирует проблему сохранения самобытности отечественного образования в эпоху глобализации. Особое место в решении этой проблемы занимает высшее педагогическое образование, так как подготовка педагогических кадров, способных реализовать концепцию образования на протяжении жизни, позволяющую

школьнику использовать все возможности, предоставляемые ему обществом для индивидуального развития, является важнейшим условием повышения качества российской системы образования.

В то же время анализ практики свидетельствует, что современное высшее педагогическое образование теряет свою профессиональную привлекательность и направленность по причине низкого социального статуса и общественного престижа учительской

профессии. Оно обретает в сознании студентов статус общего высшего гуманитарного образования.

Становление и развитие профессиональных ценностей у будущих специалистов затруднены как по уже обозначенной выше причине, так и тем обстоятельством, что культивируемые в стране гедонистические ценности становятся для молодых людей более приоритетными, нежели ценности гуманистические. Образовательный процесс современного педагогического вуза требует коренной реконструкции, предполагающей как обновление содержания учебных дисциплин, так и преобразования познавательной позиции студента.

Определяя тенденции и перспективы модернизации педагогического образования, целесообразно тщательно изучить прошлый опыт, что позволит сохранить отечественные традиции в обучении студентов и реализовать принцип преемственности в подготовке будущих учителей.

Об этом в далеком 1867 году К. Д. Ушинский писал в статье «О необходимости сделать русские школы русскими»: «Мы положительно убеждены, что плохое состояние наших финансов, частый неуспех наших больших промышленных предприятий, неудачи многих наших административных мер, перевозка тяжестей гужом рядом с железными дорогами, наши непроходимые проезжие пути, наши лопающиеся акции, пребывание громадных дел в руках безграмотных невежд и пребывание ученых техников без всякого дела, нелепые фантазии нашей молодежи и не менее нелепые страхи, которыми так ловко пользуются люди, ловящие рыбу в мутной воде, — все эти болезни, съедающие нас, гораздо более зависят от незнания нами нашего отечества, чем от незнания древних языков. Мы убеждены, что все эти болезни и многие другие сильно поуменьшились бы, если б в России вообще поднялся уровень знаний о России...»¹

В нашем Отечестве многие, казалось бы, привычные пути и средства педагогической деятельности порождают несколько иные эффекты и результаты. Необходимо учитывать и влияние православной культуры на идеологию педагогической деятельности. Школа всегда в России была больше, чем просто учебное заведение. В дореволюционное время основной народной школой являлась церковно-приходская, в советский пе-

риод школа — основной очаг культуры в провинции.

К важнейшим традициям отечественного педагогического образования можно отнести:

— содействие социально-ценностному развитию личности будущего учителя;

— формирование в образовательном процессе вуза его важнейших профессионально-личностных качеств;

— вооружение системой фундаментальных научных знаний, общепедагогических умений, способствующих профессиональному становлению и специализации в избранной области профессионально-педагогической деятельности;

— развитие культурно-этнической идентичности и самобытности будущего учителя;

— становление готовности к поликультурному воспитанию.

Иными словами, можно сказать, что речь идет о становлении в отечественном высшем педагогическом образовании учителя-интеллекта, для которого, говоря словами Д. С. Лихачева, характерна интеллектуальная свобода, предполагающая уважение к этой свободе в других людях, где бы и в чем бы она ни проявлялась. При этом важно помнить, что «интеллектуальная свобода, в известной мере, всегда явление морального порядка. А мораль — единственная власть, сила которой не только не лишает человека свободы, но и гарантирует ее <...> Совесть принуждает, но принуждение совести является гарантией его (человека) полной свободы, потому что совесть принуждает изнутри, все остальные принуждения приходят извне: партийные, классовые, какие угодно другие»².

Эти традиции подготовки педагога-интеллекта необходимо сохранить и развивать в процессе обновления педагогического образования в Болонском измерении. Вхождение России в европейское образовательное пространство предполагает проведение серьезных преобразований в образовательном процессе педвузов и прежде всего в аспекте становления и развития у будущих учителей потребности и готовности к самообразованию на протяжении всей жизни. Это актуализирует проблему поиска путей и средств развития познавательного потенциала студентов педагогического вуза как важнейшего фактора успешности их последующего профессионального и личностного роста.

Известный математик, член-корреспондент РАН Л. Д. Кудрявцев пишет: «Вызывает

¹ Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. М., 1968. С. 58.

² Лихачев Д. С. Университетские встречи. 16 текстов. СПб., 2006. С. 39.

особое беспокойство то, что после окончания средней школы многие не умеют отличать то, что они понимают, от того, чего они не понимают. Люди, которые не научились правильно думать, логически рассуждать, которые считают, что они понимают то, чего на самом деле не понимают, могут представлять серьезную опасность для общества при их самых добрых намерениях. Весьма вероятно, бедственное положение России, в котором она оказалась в настоящее время, не является сознательным действием кого-то, а сложилось вследствие действий людей, которые не понимали, что они делают, так как их в свое время не научили отдавать себе отчет в том, что они в действительности понимают и чего не понимают, что они в действительности знают и чего не знают»³.

Изучение и развитие познавательного потенциала как латентных возможностей студентов в освоении современного образовательного пространства основывается на интерпретации познания как творческой деятельности, которая не ограничивается только учебным процессом (такое ограничение, к сожалению, характерно для современных педагогических вузов).

Трактовка познания как диалога между познающим и познаваемым дает возможность акцентировать внимание на процессах смыслообразования, которые позволяют студентам более глубоко понять не только окружающий их мир, но и, что особенно важно, самих себя. Такой подход предполагает проектирование многообразного образовательного пространства, дающего студентам возможность участвовать в различных формах познавательной деятельности: учебной, художественной, научной, философской, досуговой и др. Особую роль в проектировании такого образовательного пространства играет модернизация изучения педагогических дисциплин, являющихся фундаментом формирования профессионального сознания и мышления будущего учителя.

Диагностика и развитие познавательных возможностей студентов позволяет формировать у них субъектную познавательную позицию, характеризующуюся тем, что студенты не только познают реальную действительность, но и преобразуют ее, активно участвуя в создании образовательного и социального пространства вокруг себя. Развиваясь как субъекты образования, студенты в большей степени осознают смысл и значение своей

познавательной и будущей профессиональной деятельности, что стимулирует процессы саморазвития и волевой регуляции.

Именно поэтому главным направлением инновационной деятельности в современном педагогическом вузе является проектирование и реализация компетентностной модели профессиональной подготовки будущего учителя к педагогической деятельности в образовательных учреждениях разного типа. В материалах Болонского процесса подчеркивается, что использование терминов «компетенция» и «компетентность» для определения целевых установок высшего образования знаменует сдвиг от преимущественно академических норм оценки к внешней оценке профессиональной и социальной подготовленности выпускников вузов. Компетентностная модель профессиональной подготовки выпускников педагогических вузов в качестве доминанты выдвигает междисциплинарные, интегрированные требования к результату образовательного процесса. Компетентностный подход предполагает перенос акцентов с простого воспроизведения знаний на развитие способности актуализировать знания, необходимые человеку для решения возникающих перед ним профессиональных и жизненных проблем.

Важнейшими путями внедрения данной модели в практику являются:

- проектирование эмоционально-ценностного компонента содержания педагогических дисциплин на основе преодоления противоречий в философских, психологических, социологических и педагогических трактовках важнейших научных понятий;

- включение в содержание педагогических дисциплин ненаучной информации (произведений литературы, искусства и т. д.);

- проектирование диалоговых и тренинговых технологий обучения на основе «сценарного» подхода, с целью создания системы педагогических тренингов;

- организация комплексного исследования с целью выявления особенностей познавательной деятельности, личностного роста и динамики физического и психического здоровья студента современного педагогического вуза;

- научно-методическое обеспечение самостоятельной творческой деятельности студентов;

- проектирование системы научно-методического сопровождения профессиональной деятельности вузовского преподавателя педагогических дисциплин, в состав которой помимо учебно-методических комплексов не-

³ Кудрявцев Л. Д. Среднее образование. Проблемы. Раздумья. М., 2003. С. 12–13.

обходимо включить разнообразные формы индивидуального повышения квалификации.

Необходимым условием продуктивности проектирования и реализации обновленного содержания профессиональной подготовки является целенаправленное развитие в образовательном процессе аксиологических аспектов педагогического мышления студентов. При этом необходимо помнить, что ценностные основания профессионального мышления и деятельности учителя развиваются нелинейно, конфликтно, часто на основе разрешения противоречий между личными и профессиональными ценностями.

Это обусловлено спецификой учительского труда, менталитетом российского учителя как социально-профессиональной группы, важнейшей характеристикой которого

(менталитета) является подвижность. Несмотря на все проблемы современной системы образования и учительства как его основного субъекта, большинство представителей педагогического сообщества осознают свою профессиональную деятельность как особую миссию, реализация которой является важнейшей в жизненном самоопределении школьников и, как следствие, в определении будущего нашего общества и государства.

Думается, что культивирование данной социально-профессиональной позиции отечественного учителя в процессе модернизации высшего педагогического образования позволит нам, интегрируясь в Болонский процесс, сохранить профессионально-педагогическую самобытность и культурно-этническую идентичность.

Л. Г. ПАНАРИНА,

доцент кафедры инновационных технологий Российского государственного университета технологий и предпринимательства, кандидат технических наук (Москва)

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ВУЗА

Инновационный потенциал современного государства в XXI веке во многом определяется составом и уровнем развития научных, научно-технических, опытно-конструкторских, производственных и инновационных структур высшего учебного заведения, их взаимосвязями, кадровым составом и его способностью работать как единая система создания и реализации нововведений. Повышение интереса к образовательной сфере в современной глобальной экономике приводит к созданию новых возможностей эффективного управления образовательным процессом в вузе. Особенности инновационного развития отечественного вуза в ближайшие годы будут определяться целями и задачами обеспечения необходимого уровня качества образовательных услуг. Вузы должны стремиться формировать конкретные инновационные меры по созданию обновленной системы образовательного процесса.

Инновационное развитие вуза в современной российской экономике имеет ряд особенностей.

Во-первых, руководство страны в последние годы стало уделять повышенное внимание образованию и инновационному развитию российских вузов. Один из приоритетных национальных проектов так и называ-

ется — «Образование». В качестве примера можно привести следующий факт. Министерство образования и науки Российской Федерации недавно обнародовало список вузов — победителей второго конкурса инновационных образовательных программ в рамках приоритетного национального проекта «Образование». Из 267 проектов выбрано 40. Они получают государственное финансирование. Общая сумма грантов, выигранных, например уральскими вузами, составит почти 3,4 млрд рублей. Суть программы господдержки в следующем. Между государством и победившим вузом заключается контракт. Из федерального бюджета на развитие инновационных образовательных программ выделяется 80 % от суммы, указанной в конкурсной заявке. Остальное университет добавляет из собственного бюджета (или из средств, предоставленных предприятиями и партнерами). Срок программы — два года. Отчеты о тратах перед Минобрнауки РФ еженедельные.

Во-вторых, повышенное внимание российского государства к инновационному развитию вузов во многом является результатом активных действий научной общественности, последовательно доказывавшей все последние годы значимость инновационного образования для развития национальной экономики.

Следовательно, активность и способность к позитивному лоббированию необходимых политических и экономических решений в интересах образования у высшего управленческого звена вузов возросла в XXI веке.

В-третьих, исследование зарубежного опыта в области инновационного развития вузов показало, что именно благодаря успешной инновационной политике США, Великобритании, Германия и Франция сохраняют свои ведущие позиции, а Япония и Южная Корея совершили технологический прорыв и твердо встали на инновационный путь развития. Поддержка правительств экономически развитых государств в области создания условий для успешного развития инноваций играет положительную роль, в результате чего на различных уровнях власти разработаны и приняты законы, реально стимулирующие инновационную деятельность в высшей школе. Таким образом, зарубежный опыт в области инновационного развития вузов доказывает необходимость нормативно-правового обеспечения успешного развития инноваций в рамках учебного процесса в вузах.

В-четвертых, следует отметить, что зарубежные вузы, как и российские, испытывают схожие проблемы инновационного развития: финансовые, кадровые, организационно-управленческие, материально-технические. Для решения этих проблем применяются различные методы. Высшие учебные заведения пытаются их разрешить путем использования рыночных принципов управления, а также изменения структуры управления инновационной деятельностью в сторону большей прозрачности, гибкости, контролируемости, что зачастую приводит к получению дополнительных внебюджетных источников инновационного развития вузов. При этом необходимо подчеркнуть факт наличия в составе большинства успешных зарубежных вузов структур, отвечающих за коммерциализацию результатов инновационного развития вузов. Такого рода структура, как показала практика развития многих американских вузов, например Чикагского университета, Техасского университета, Массачусетского технологического института, Стенфордского университета, а также ряда ведущих европейских и азиатских вузов, необходима для успешного инновационного развития вуза, осуществления функций коммерциализации вузовских технологий и разработок, маркетингового и юридического сопровождения.

В-пятых, вузы должны принимать активное участие в обсуждении и анализе основных направлений инновационного развития.

В связи с этим позитивен опыт Московской области. В апреле 2007 года прошел круглый стол, в работе которого приняли участие вузы области, наиболее активно включившиеся в решение региональной программы поддержки развития малого и среднего бизнеса, в том числе университет «Дубна», Московский государственный открытый университет (Коломенский филиал), Институт социально-экономического прогнозирования и моделирования (Балашиха), Международный институт менеджмента ЛИНК (Жуковский), Королевский институт управления, экономики и социологии. Эти вузы представляют собой *своеобразный Клуб инновационных высших учебных заведений Подмосковья*, чья деятельность призвана сформировать модель плодотворного взаимодействия учебных заведений, производства и бизнеса.

Большой практический интерес участников встречи вызвала концепция инновационного вуза, представленная ректором Балашихинского института социально-экономического прогнозирования и моделирования Виктором Делией. Одной из особенностей этой концепции является не только предложенное *новое понятие инновационного вуза* «как высшего учебного заведения, в котором создана инновационная педагогическая среда обучения и воспитания, а внешняя деятельность которого направлена на решение актуальных национальных программ в социальной, экономической, общественной и иных сферах на инновационной основе», но и разработанные на научной основе критерии его инновационной деятельности. Другая особенность концепции — рассмотрение такого вуза не только и не столько с позиции его внешней инновационной деятельности (создание совместных проектов с предприятиями, участие в программах по дополнительному образованию, переподготовка кадров и т. д.), сколько с позиции его инновационной внутривузовской учебной, учебно-методической, научно-исследовательской и воспитательной работы. При этом последняя должна быть направлена, с точки зрения автора концепции, на *формирование инновационного мышления*, основу которого составляет не только способность личности самостоятельно находить эвристические решения в любой ситуации, но также жертвенное служение своему народу и стране.

Как представляется, такой подход должен стать сегодня базовым в вузах в противовес определенной увлеченности их руководителей процессом профессиональной подготовки кадров и некоторому игнорированию духовно-нравственного аспекта в своей об-

разовательной деятельности. Не секрет, что итогом такого одностороннего взгляда на образовательный процесс является в ряде случаев выпуск из учебных заведений высокопрофессиональных специалистов с низкими нравственными установками.

Изучение опыта российских вузов позволит определить фактическое состояние инф-

раструктуры инновационной деятельности, ее состав, уровень и тенденции развития ее компонентов, инновационную активность и региональную ориентацию. Эти данные необходимы для изучения особенностей инновационного развития вузов и поддержки инновационной деятельности вузов со стороны государства.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА,

первый проректор СПбГУП, доцент

УПРАВЛЕНИЕ СВОБОДНЫМ ВРЕМЕНЕМ СТУДЕНТА КАК РЕСУРС ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Программный документ ЮНЕСКО «Реформа и развитие высшего образования» (1995) относит качество образования к одному из трех главных направлений среди основных задач высшего образования в быстро меняющемся мире. Это является откликом мирового сообщества на формирование ведущего приоритета XXI века — категории качества. Качество сегодня рассматривается как универсальная характеристика любого феномена, связанного с человеческой деятельностью любого масштаба реализации — от индивидуального до глобального. Совершенно закономерно, что качество образовательной деятельности заняло одно из первых мест в педагогической проблематике последних лет.

Образованность ныне выступает одной из интегративных характеристик качества личности и представляет собой совокупность свойств человека и шире — социально-группового субъекта (например, общества). Понятие образованности включает не только определенный уровень профессиональных и общих знаний, умений и навыков, но и степень общности субъекта к культуре и освоения субъектом социально-исторического опыта.

Данный подход не является единственным. Можно говорить о качестве образования как степени удовлетворения запросов множества групп потребителей — абитуриентов, их родителей, студентов, преподавателей, предприятий, общества, государства. Этот подход часто критикуют, потому что, сколько потребителей, столько и запросов, и образование неизбежно сталкивается либо с невозможностью удовлетворить все запросы за отведенное время, либо с объективно возникающим конфликтом самих запросов.

В рамках заявленной темы, как представляется, можно избежать этого конфликта и в

то же время сделать шаг к формированию специалиста с присущим ему необходимым качеством образования. Речь идет о специалисте культурном, который ни в коем случае не подходит под определение *homo faber* (человек действующий, то есть чистый функционал), а представляет собой синтез *homo faber* и *homo sapiens* (человек мыслящий).

Такого рода синтез возможен, во-первых, только на основе органического сочетания обучения и воспитания (образования); во-вторых, за счет использования всех ресурсов образовательной деятельности.

К такого рода ресурсам относятся самые разные компоненты образовательного пространства. Это педагоги, информационные ресурсы, аудитории, вспомогательные службы. Но это также и условия для спорта, творчества, полноценной досуговой деятельности. Иными словами, культурно-образовательная среда вуза должна охватывать все ведущие сферы жизнедеятельности студента — учебу, досуг, быт. Указанные сферы должны дополнять и обогащать друг друга и в итоге формировать целостную личность специалиста.

В качестве ведущего направления воспитательной работы в СПбГУП принято формирование современного российского интеллигента, то есть человека, отличающегося повышенной социальной ответственностью, совестью, профессионализмом, умением жить и работать в условиях демократии и так далее. В соответствии с реализуемой в Университете концепцией культуроцентристского образования, специалист — это человек, относящийся к образованию как к ценности, видящий в нем не средство карьерного роста, а сферу потребности и преумножения своего личностного потенциала.

На формирование специалиста такого типа нацелена обширная программа воспитательной работы. Часть ее выступает мониторинг эффективности осуществляемой деятельности. Он проводится в основном на базе лонгитюдных исследований, позволяющих проследить динамику личностных изменений.

Так, например, на вопрос: «Что означает в Вашем представлении понятие «блестяще образованный человек?» вариант ответа «Это человек, эрудированный в различных областях культуры, обладающий обширными профессиональными знаниями» в 2002 году выбрали 45,9 % студентов I курса. Опрос, проведенный по этой же выборке в 2006 году показал, что так считают — 76,3 % дипломантов. Во многом эту динамику можно обосновать как за счет насыщения образовательных программ гуманитарными дисциплинами, так и за счет привлечения к преподаванию и внеучебной работе со студентами ярких, подчас уникальных педагогов.

В этом контексте закономерным представляется распределение ответов на вопрос «Есть ли среди Ваших преподавателей люди, оказывающие существенное влияние на Ваш внутренний мир, определяющие Ваши взгляды?» В 2002 году первокурсников, считающих, что такие люди среди педагогов есть, было 29,2 %. В 2006 году — 77,4 %.

Приближение к идеалу предполагает рассуждения студента о том, что этот идеал собой представляет. На вопрос «Что в Вашем представлении означает понятие “культурный человек”?» в 2002 и 2006 годах ответы распределились следующим образом¹:

	2002	2006
«Культурный человек — это человек...»		
1 ... в совершенстве владеющий профессиональными знаниями и навыками	34,5	18,5
2 ... имеющий гуманитарное образование	43,9	14,8
3 ... знающий отечественную и мировую культуру	27,5	51,3
4 ... чувствующий свою связь с отечественной культурой и понимающий другие культуры	14,1	47,8
5 ... способный к самостоятельному нравственному выбору в сложных жизненных ситуациях	11,1	59,1
6 Другие варианты	21,7	30,0
7 Затруднились ответить	32,2	11,2

¹ Сумма процентов по столбцу превышает 100 %, поскольку каждый респондент мог выбрать от одного до трех вариантов ответов на вопрос.

Эти данные свидетельствуют, что образование в Университете неотделимо от расширения представлений студентов о том, что культура личности не сводится к профессиональной культуре, что она не ограничивается получением гуманитарного образования, а предполагает способность к эмпатии, самостоятельному нравственному выбору, то есть к тому, что ассоциируется с понятием интеллигентность.

На вопрос: в чем, по мнению опрошенных, состоит роль интеллигенции, ответы распределились следующим образом:

	2002	2006
1 В развитии образования, культуры, науки	32,6	29,5
2 В оппозиционности официальной власти	33,9	12,6
3 В гуманизации различных сфер социальной жизни	17,3	44,2
4 В определении уровня нравственности общества	14,1	47,8
5 В воспитании подрастающего поколения	11,1	59,1
6 Другие ответы	21,7	30,0
7 Затруднились ответить	32,2	11,2

Если в 2002 году никто из студентов не связывал призвания интеллигенции с развитием национальной культуры, то в 2004 году таких респондентов было 34,9 %. Причем от I к III курсу количество подобных ответов постоянно нарастает. Если на I курсе общественное призвание интеллигенции связывали с развитием национальной культуры 30 % опрошенных, то на II курсе — 33,9 %, а на III курсе — 42,5 %. Следовательно, роль национальной культуры и долг интеллигенции по отношению к ней все более осознаются студенчеством. Причем чем старше студенты, тем выше степень осознанности данного факта.

Соответственно интеграция всех ресурсов вуза, нацеленность обучения и воспитания на формирование современного российского интеллигента — это реальный путь повышения качества образования.

А. Е. ПЕТРОВ,

*ученый секретарь Отделения историко-филологических наук РАН,
заместитель председателя Координационного совета
по делам научно-педагогической молодежи при Президентском совете по науке,
технологиям и образованию, кандидат исторических наук (Москва)*

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ: БОРЬБА ЗА НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ, ЦЕННОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ СРЕДЫ В РОССИИ (Тезисы выступления)

О разнице между современным процессом учебы и классическим процессом получения знаний. Ценностные ориентиры молодежи в современном обществе и неосуществленность задач просвещения. Отсутствие социально значимой гуманитарной среды в современном обществе. Наличие лишь отдельных островков, поддерживающих ростки гуманитарного подхода.

Государственная декларация о формировании экономики, построенной на знаниях, развитии просвещения и гражданского сознания как основы функционирования стабильного общества.

В связи с этим — необходимость создания широкой гуманитарной среды, формирования ценностных ориентаций, включающих безусловное уважение к научному поиску, рациональному знанию.

Роль Молодежного координационного совета (МКС) при Президенте РФ в создании этой гуманитарной среды.

Создание МКС как начало процесса возвращения молодежи в науку после катастрофического провала 1990-х годов, когда из науки «вымыло» не только талантливую молодежь, но и квалифицированное среднее звено. Это нарушило стройность преемственности научных поколений. Несмотря на постепенное изменение ситуации к лучшему, последствия этого провала будут еще сказываться и в дальнейшем.

В связи с этим встает ряд задач:

— создание механизмов стабильного воспроизводства научных кадров и обеспечения преемственности поколений в науке;

— создание на базе эффективно действующих уже сейчас в вузах и академических учреждениях страны советов молодых ученых, интегрированной сети, способной координировать свои усилия и задачи;

— построение многоуровневой системы научного воспроизводства начиная со школы; внедрение вертикального шефства; создание условий для проявления и поддержания интереса к науке у молодежи начиная от школьных кружков до аспирантуры и докторантуры;

— популяризация науки и научных достижений в обществе; повышение престиж-

ности и социального статуса ученого; внедрение рационалистического мировоззрения и научного образа жизни.

Данные задачи несут большую гуманитарную составляющую и должны опираться на новейшие, прежде всего гуманитарные методики и технологии, отработанные в современных гуманитарных науках, те интересные формы организации работы, которые апробированы в ведущих вузах и академических институтах. Следует отметить, что по методикам гуманитарных исследований Россия сейчас не отстает ни от одной страны мира.

Все эти комплексные мультидисциплинарные методики должны внедряться с самых ранних этапов занятия наукой (начиная со школьных кружков). Именно так лучше всего прививается интерес к научному знанию и демонстрируются его необъятные горизонты и возможности науки.

Эта задача имеет национальное значение. В условиях распространения в стране молодежного нигилизма, экстремизма и оккультизма требуется осуществление мер, направленных на повышение общественной роли и статуса науки. Комплексная система научного воспроизводства и популяризации науки должна в перспективе переориентировать значительную часть интеллектуальной молодежи если не прямо на переход в научную сферу, то хотя бы на уважительное отношение к научному знанию (чего сейчас нашему обществу недостает). Уже это само по себе будет огромным шагом вперед в формировании стабильного общества, установок толерантности и общенационального патриотизма. И в эффективном осуществлении такой стратегии видится большая роль научной молодежи, способной острее воспринимать эти проблемы.

Приступая к этой работе, мы должны помнить, что самые массовые движения в истории зарождались в отдельно взятых головах. Далеко не всегда эти головы были холодными. Считаю, что и мы должны ориентироваться не на резкий переворот в миллионах умов, а на постепенные изменения в сознании каждого человека.

В. М. ПОМЕРАНЦЕВ,

*профессор кафедры катализаторов Санкт-Петербургского
государственного технологического института,
доктор химических наук***ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ ВЫСШЕГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева уникально. Не только научными интересами, но и фактом рождения и воспитания в старообрядческой среде. Дмитрий Сергеевич сохранял элементы духа русской культуры допетровской эпохи. Наследие его охватывает все без исключения грани общественной жизни и выступает стержневым элементом всякого образования, высшего в особенности. Сегодня нам задают сакраментальный вопрос, идем ли мы в Европу? Нет, господа, не идем. Некуда. Россия — русский, православный компонент Европы. Так распорядились история и география. Каждый человек из России за границей — русский. «Мы, конечно, европейцы», — не уставал повторять Дмитрий Сергеевич. Так сложилось еще с тех незапамятных времен, когда киевская княжна, выходя замуж, тужила, что предстоит отъезд в глушь... в Париж. Сегодня же господствует мнение «вот придет средний класс, и все образуется». Я подозреваю, что эпоха среднего класса отшумела. Отшумела со своей философией жизни. Отшумела со своим статусом в обществе. Отшумела с целым набором своих атрибутов. Отшумела как прошлый годний снег.

В русском языке есть два энциклопедических трудно различимых понятия: образование и обучение. В обиходе принято считать, что образование — нечто неопределенно широкое, а обучение — так, на уровне водителя трамвая. Все виды профессиональной деятельности требуют профессионального обучения, вплоть до министров. Только круг профессиональных навыков у последних — пошире, чем у водителей трамваев, да и горы запретов — повыше. А сам этап обучения они именуют «притиркой».

Образование размещается где-то на начальном этапе человеческого бытия личности, а обучение сопровождает его всю жизнь. Абсолютно верна ходячая фраза, что человек учится всю жизнь. Думаю, что за образование и обучение ответственны разные участки коры головного мозга. Но тут слово за физиологами.

Образование выстраивается в соответствии с историческим опытом, традициями, менталь-

ностью народа. Оно замешано, заквашено на базовых факторах общества. Образование ответственно за интеллектуальный, духовно-нравственный базис человека. Обучение — за его профессиональный уровень. Бездуховность, «образованщина» — вопиющие беды нашего высшего образования. А потому так актуален, обостренно чувствителен гуманитарный аспект всякого образования, а уж тем более — высшего технического. Создается впечатление, что и в наших средних школах образование вытесняется обучением, упиваясь модными курсами, а по сути скатывается на уровень ПТУ по подготовке клерков.

Гуманитарный стержень образования у китайцев и русских, немцев и французов будет разным. Тут впору коснуться ныне вводимой двухуровневой системы бакалавриата и магистратуры, так начисто забытых с дореволюционных времен. Достовернее было бы вести речь не о введении, а о возврате. А уж восторгам по поводу того, что девочка беспрепятственно будет учиться год в Петербурге, год в Париже, конца и края нет. Сомнительно, чтобы такого сорта «побегушки» были предметом озабоченности великих держав в сфере высшего образования. Человеческий фактор в техногенных катастрофах, минимизация его, соответствие уровня современных специалистов развитию техники и технологии вынудили «восьмерку», заседавшую в Петербурге, включить образование в сферу своих первоочередных забот.

Высшее профессиональное образование, в основе которого лежит обучение, где гуманитарный аспект занимает скромное положение, где довлеет набор профессиональных навыков, горы запретов, невозможно без профессиональной деятельности. Восприимчивость его в этом случае близка к нулю. Ассоциация специалистов должна принимать участие в процессе обучения и играть решающую роль в аттестации. Такая схема давно отработана и хорошо отлажена в подготовке научных сотрудников. Штат научных руководителей, фильтр обязательных публикаций в научных изданиях и, наконец, Ученый совет по присуждению — блестящие

примеры тому. Профессиональное обучение вне практической профессиональной деятельности — ущербно, неэффективно и невосприимчиво.

В итоге и «вытанцовывается» бакалавр с приставкой: инженер-бакалавр, экономист-бакалавр и так далее, получивший фундаментальное базовое образование. Голенький бакалавр никому не нужен. А вот магистр — классный специалист, владелец диплома международного класса. Во всяком случае, к этому следует двигаться. И в этой сфере, естественно, разместятся такие понятия, как широкое международное сотрудничество, аутентичность получаемого диплома, глобализация. А бакалавр и магистр выступают не низшей и высшей ступенью, а носителями общего, базового и профессионального образования.

Всеобщая компьютеризация не вошла — «вломилась» во все виды технологий, во все грани человеческой деятельности. Что и как изменилось с компьютеризацией — не перечислить. Ни один вид технологии, от любого производства до делопроизводства, нельзя

даже представить без современной компьютерной техники. Сколько необходимо людей с высшим образованием? Горы копий сломано на эту тему. А ответ оказался прост. Там, где на рабочем месте, на рабочем столе стоит компьютер, там нужен человек с высшим образованием. Ответ с точностью до единицы!

Компьютеризация поставила гуманитарное образование на грань таких проблем и кризисов, что выход из них даже не просматривается. Вот почему такой судорожный характер принимает внедрение двухуровневой системы высшего образования.

Потенциал компьютеризации, всеохватная мощь и бескрайние возможности ее таковы, что из поля науки законы мироздания вытесняются моделями. Фундаментальные законы не воспринимаются как непреложные. Виртуальный мир вытесняет картину реального, физического мира. Модельное мышление, виртуализация окружающего мира, отрыв от реальных процессов и выхолащивание смыслового содержания их — набор немалых опасностей. И высшему образованию надо искать выход из них.

Е. П. РОМАНОВ,

*главный ученый секретарь Уральского отделения РАН,
член-корреспондент Российской Академии наук (Екатеринбург)*

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ И ТРАДИЦИИ КАК ФОРМЫ КУЛЬТУРНОГО ПРОГРЕССА

Основной задачей ученого является поиск и отстаивание истины, получение нового знания. Это знание затем входит в общую систему научного знания, а ученый — в историю науки. Достижение нового знания становится смыслом жизни и деятельности ученого и настолько овладевает им, что все другие стороны жизни нередко отходят на второй план. Научная деятельность (наука) без интереса к ней, без страсти невозможна. «Жизнь идеи в человеке, — по признанию И. Г. Фихте, — обнаруживается как любовь»¹.

Наука больше, чем просто «деятельность по получению нового знания». Она объединяет в себе две необходимые (и отчасти противоположные) тенденции. Одна из них — поиск закономерности, всеобщей и необходимой связи между фактами, позволяющей

объяснить процессы или явления и предсказать их развитие. Вторая тенденция — эвристического характера — направлена на открытие нового, к созданию неповторимого, к совершению невозможного. Например, Ричард Фейнман, один из самых выдающихся физиков XX века, говорил о том, что ученый просто обязан искать опровержение существующих теорий, потому что это лучший способ обнаружения их недостатков и единственный путь к принципиально новому знанию. Эти две противоположные тенденции имеют место быть в науке потому, что наука является частью культуры. Культура же есть форма одновременного бытия и общения людей прошлых, настоящих и будущих культур, форма диалога и взаимопорождение этих культур (если пренебречь тавтологией). Благодарное человечество пользуется не только водопроводом, «сработанным еще рабами Рима», но и, к примеру, теоремой Пифагора.

¹ Фихте И. Г. О сущности ученого и ее влиянии в области свободы // Фихте И. Г. Наставление к блаженной жизни. М., 1997. С. 189.

Культурная среда в широком философском смысле — это окружающие человека общественные, материальные и духовные условия его существования, в которых является его человеческая сущность. По Гегелю, поскольку человек существо активное, то он «лишь тогда чувствует себя свободно в ближайшей его среде, когда она является делом его рук». Таким образом, среда — это не только условия существования, но и результат деятельности человека.

Школа (в том числе и высшая) как социальный институт является «сколом» всего общества, в котором она функционирует. Более того, неся в себе реальные противоречия жизни, школа «опрокинута» в будущее; она определяет его, может быть, как никакой другой институт, ибо прежде всего формирует базисные структурные элементы личности, такие как установки, убеждения, знания, подготавливая ее быть субъектом исторического процесса.

Любопытно, что еще весной 1898 года В. О. Ключевский написал: «Россия на краю пропасти. Каждая минута дорога. Все это чувствуют и задают вопрос: что делать? Ответа нет». Известному историку и вместе с ним всей России ответил С. Н. Трубецкой — философ, общественный деятель, ректор Московского университета: «В школе все будущее России, и никакие жертвы, необходимые для ее устранения и подъема, не должны останавливать правительство, которое хочет блага стране и пожелает поднять свой авторитет». Надо отдать должное советскому правительству, которое руководствовалось этим принципом в развитии советской школы, и тем самым превратило за короткий исторический период латентную Россию в одну из ведущих научно-индустриальных держав мира, где до сих пор высоко котируются научные школы и их научно-инженерные специалисты. Так, даже в самые трудные годы для России, во время Великой Отечественной войны, правительство изыскало средства на строительство МГУ.

В настоящее время не все так хорошо обстоит с высшей школой. Обучение коммерциализируется уже с начальной школы, все более растет сеть частных школ и вузов. Сокращается поле доступного образования и его государственная поддержка.

В качестве позитивного момента необходимо отметить экономическую поддержку многих научных школ в виде грантов правительства РФ. Каждая научная школа имеет во главе лидера или группу лидеров; это живое научное сообщество со всей совокупностью формальных и неформальных отношений между учеными.

Научная школа как целостный субъект познания обладает некоторыми особенностями: специфическое взаимодействие молодых азартных исследователей, помноженное на здоровый консерватизм и опыт мэтров, дает ускоренный и оптимальный результат решения научных задач, использование им определенных методов, усвоение особой системы ценностей, табу на искажение истины, запрет на плагиат. Научная школа оказывает влияние на раскрытие потенциала личности отдельно взятого ученого такими основополагающими факторами, как ее собственные мировоззренческие принципы, методология, моральные ценности и духовность. Кроме того, с научной школой всегда связаны традиции, элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению. Примером этому могут служить и Международные Лихачевские научные чтения, посвященные памяти Д. С. Лихачева.

В заключение — два высказывания. Одно из них принадлежит академику Ю. В. Бромлею, специалисту по всеобщей истории: «Драгоценное чувство историзма, ощущение своего поколения как звена в истории человечества, своих дел как части эстафеты, которую мы называем историей планеты, должно быть, как мне кажется, присуще каждому из нас». Второе высказывание, точнее, призыв — известного французского общественного деятеля Жореса: «Возьмем из прошлого огонь, а не пепел».

К. В. РОМАНОВ,

*профессор кафедры философии Санкт-Петербургской академии
постдипломного педагогического образования Комитета образования
при Правительстве Санкт-Петербурга, доктор философских наук,
Почетный работник высшего профессионального образования РФ*

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Десять заповедей человечности Д. С. Лихачева входят в практику воспитательной работы Санкт-Петербургской школы как нравственный кодекс духовной жизни. Причину этого следует искать в том, что сформулированные академиком идеи имеют фундаментальное значение для развития содержания образования в целом¹.

Обзор многочисленных педагогических исследований в области технологии воспитания позволяет отметить тенденцию утраты единства воспитания, обучения и развития личности в процессе образования. Основанием этому служит усиливающееся разделение функций между учителем-предметником, социальным педагогом и школьным психологом. Это закрепляется в нормативных документах, имеющих прямое отношение к оплате труда. Последствия очевидны.

В последние годы все больше внимания уделяется педагогическому менеджменту как особой специализации². Усиление процессов управляемости качеством образования неизбежно приведет к проблеме согласования результатов мониторинга работы предметника, воспитателя и психолога. Решение данной проблемы немислимо вне четких представлений о содержании образования и его целеполагании.

Соотнесение цели и результата дает основания для применения количественных методов в оценке качества образованности. Анализируя материалы исследований члена-корреспондента РАО О. Е. Лебедева, профессор А. К. Колеченко обратил внимание на те условия, при которых выбор целей образования соответствует потенциалу системы образования:

— формирование иерархической системы педагогических целей;

— ориентация на ограниченные результаты, реально достижимые в существующих социально-педагогических условиях;

— ориентация на результаты, обеспечивающие возможность последующего саморазвития личности;

— координация педагогических целей и мотивов учебной деятельности учащихся, формирования направленного обучения на общие цели участников учебного процесса;

— определенный уровень готовности участников учебного процесса к самостоятельному целеполаганию;

— взаимосвязь целей образования и развития системы образования³.

Из шести условий три обращены к активации образовательных устремлений личности. Это закономерно. Обратимся к текстам Д. С. Лихачева. «Конечно, — считал он, — для интеллигентности человека огромное значение имеет именно образованность. Чем интеллигентнее человек, тем больше его тяга к образованности. И вот тут обращает на себя внимание одна важная особенность образованности: чем больше знаний у человека, тем легче ему приобретать новые. Новые знания легко «укладываются» в запас старых, запоминаются, находят себе свое место. Способность к приобретению знаний — это тоже интеллигентность.

Интеллигентность создается в возрасте от 3 до 16–17 лет. Потом из неинтеллигентного человека сделать интеллигентного уже невозможно. Интеллигентность — это не просто образование и сумма знаний — все это может быть и у неинтеллигентного человека. Это способность к приобретению знаний и к пониманию другого человека и другой культуры»⁴.

Целей образования великое множество, как и дискуссий о них. Важно то, что в их

¹ Романов К. В., Леванькова Н. А. Дмитрий Сергеевич Лихачев и феномен духовности // *Alma mater. Вестник высшей школы*. 2006. № 10. С. 7–12; Леванькова Н. А., Романов К. В. Развитие педагогической культуры семьи средствами муниципального социально-культурного учреждения // *Педагогика и психология как ресурс развития современного общества: матер. междунар. науч. конф.*: в 2 т. Рязань, 2007. Т. 1. С. 274–278.

² См., напр.: *Коротков Э. М. Управление качеством образования: учеб. пособие для вузов*. М., 2006.

³ *Колеченко А. К. Энциклопедия педагогических технологий: пособие для преподавателей*. СПб., 2001. С. 9.

⁴ *Лихачев Д. С. Раздумья о России*. СПб., 2004. С. 644.

иерархии выделяются главная цель, основные цели и цели вспомогательные. Для понимания основных целей представляет интерес лестница целей, предложенная А. К. Колеченко. *Исходные цели* — физическое и психическое здоровье. *Цели обучения* — умение читать, считать, писать, говорить, общаться, общеучебные умения, предметные знания, интеллектуальные умения. *Цели развития* — эмоциональная, мотивационная и волевая сферы. *Цели воспитания* — формирование положительной Я-концепции, сотрудничество, законопослушание⁵.

Наибольшие дискуссии вызывает главная цель, которая призвана обобщать и определять основные. Эта цель отвечает трем видам параметров. Внешние — требования космогенеза, биогенеза и социогенеза к культуре личности. Внутренние — требования антропогенеза к индивидуализации, самоопределению и самовыражению личности. Инструментальные — требования культуригенеза к передаче социального наследия посредством образования. С нашей точки зрения, данным требованиям отвечает следующее определение цели образования: формирование потребности личности в самообразовании и подготовка к непрерывному профессиональному образованию в соответствии с принципами культуры жизни.

Культурно-антропологический взгляд на развитие образования связан с осмыслением фундаментальных основ постижения человеком окружающего мира и самого себя. Основу отражения мира в системе учебных предметов в образовательных программах прошлых лет довольно точно представил профессор В. И. Гинецинский⁶. Особенностью образования являлось доминирование обучения над общим развитием личности и воспитания. Продуктом этого типа образова-

ния является «специализированная личность».

Для решения современных образовательных задач на основе принципа единства обучения, развития и воспитания необходим такой взгляд на отражение мира в системе учебных предметов, в котором отражены представления о фундаментальном базисе образования, о целостном взгляде на мир и человека, о духовно-нравственной картине мира, о формах постижения бытия.

Привычный двухполюсный базис образования строится в координатах двух форм постижения бытия: рациональной и чувственной. Полюсом чувственной формы выступает слово (образовательные области — русский язык и литература, иностранные языки). Полюсом рациональной формы выступает число (образовательная область — математика).

При двухполюсном базисе образования нет целостного взгляда на мир и человека. Изначально формируется дисгармоничная личность. Целостный взгляд на мир немислим без формирования у учащихся духовно-нравственной картины жизни. Эта картина развивается на основе ценностно-смыслообразующей формы постижения бытия. В этом случае в базисе образования появляется третий полюс — ценность.

Содержание образования трехслойно⁷. С нашей точки зрения, верхний слой представлен духовно-нравственным образованием, средний слой — образованием социогуманитарным и естественно-научным, нижний слой — технологическим образованием. Ядром, которое позволяет интегрировать все три слоя, является общая тема содержания образования — культура жизни человека⁸. В данной теме находят воплощение десять принципов заповедей человечности Д. С. Лихачева.

⁵ Колеченко А. К. Указ. соч. С. 11.

⁶ Гинецинский В. И. Основы теоретической педагогики. СПб., 1992.

⁷ Лебедев О. Е. Образовательные стандарты // Человек и образование в современной России. СПб., 1998.

⁸ Романов К. В. Заметки о культурно-антропологическом подходе в образовании // Alma mater. Вестник высшей школы. 2006. № 2. С. 12–18.

Ю. В. СЕНЬКО,

заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета, академик Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул)

ГУМАНИТАРНОЕ ОСНОВАНИЕ СТАНДАРТОВ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

Замечание К. Маркса о том, что традиции сильны не только в религии, но и в науке, имеет прямое отношение к образованию. Оно традиционно выступает как форма социального исследования, как процесс восхождения по «цивилизационной» лестнице, образующегося вслед за образователем-носителем социального опыта. Социальный же опыт в сжатой и рафинированной форме отражен наукой. Следствием этих очевидных представлений является построение каррикулумов² (стандартов) образования в логике наукоучения, предметоцентризма.

Стандарты образования в этой логике должны быть запечатлены у будущих специалистов в форме «самодовольного» знания: вот то, что сегодня знают и умеют в обобщенном и безличном виде теория и практика, а вот то, что вы должны усвоить.

Установка на вторичность образования по отношению к науке приводит к выбору научного (теоретического) знания как главного, если не единственного, основания для определения стандартов высшего образования.

«Роковая» роль теоретизма в определении основания каррикулумов обнаруживается тотчас же, как только мы попытаемся занять рефлексивную позицию по отношению к содержанию понятий: информация-знание, объяснение-понимание, содержание образования — содержание обучения, подготовка-образование, социальный опыт — культура.

Отличие от технократической (цивилизационной) парадигмы образования, где эти сопряженные пары понятий отождествляются, набирающая силу гуманитарная (культуротворческая) парадигма требует их существенного различия. Как средство и как условие поворота к человеку, «перехода от системы к судьбе» (Л. С. Выготский) должна быть осмыслена гуманитарная образованность будущего специалиста. Речь идет, по существу, о возрождении интеллигента, имеющего диплом о высшем образовании. Потреб-

ность в таком специалисте насущна для современного духовного и материального производства. Непреходящий (не эпохальный — эпохи когда-нибудь да кончатся) смысл профессиональной деятельности интеллигента — поиск смыслов, ключевых ценностей в отношениях с другими, профилактика «экзистенциального вакуума» (В. Франкл). Такие задачи *homofaber* (специалист, владеющий лишь своей профессией) решить не может. Более того, он даже не видит их в своей работе.

Проблема, однако, состоит в том, что «модель интеллигента нельзя построить, ибо способность понимания как главная его особенность, связанная с осознанием бесконечности Бытия, уникальности и неповторимости человека, не моделируется (это один из водоразделов между системно-техническим и гуманитарным мышлением)»³.

По этой же причине не может быть и стандарта образования: можно нормативно задать стандарт подготовки специалиста, имея в виду, что он должен знать и что должен уметь в стандартной ситуации. По-видимому, возможно моделирование условий, в которых образ-идеал интеллигентного специалиста мог бы стать реальностью.

Стратегия развития высшего образования лежит сегодня в русле его тенденций: фундаментализации, информатизации, гуманитаризации. Но ни первая, ни вторая из этих тенденций принципиально «наполнительную» (технократическую) модель образования не меняют, чего нельзя сказать о его гуманитаризации (лат. *humanitas* — имеющий человеческую природу, относящийся к духовности, духовной культуре). Гуманитаризация образования — следствие понимания того капитального факта, что ядром личности является его гуманитарная составляющая, а педагогический процесс — гуманитарный феномен. Более того, действительное образование действительно в той мере, в какой оно гуманитарно.

Парадоксальность ситуации заключается и в том, что нарождающаяся культурологическая школа утверждает свои гуманитарные

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 06-06-00196а).

² Каррикулумы (от лат. *С. V.* — каррикулум «вита» — жизненный путь. Здесь: обязательный минимум содержания учебных планов и учебных программ плюс требования к подготовке выпускников.

³ Сагатовский В. Н. Образ — идеал плюс модель условий // Вестник высшей школы. 1989. № 7. С. 31.

ориентир, прежде всего за счет предметоцентризма, путем наращивания в учебном плане объема дисциплин, изначально считающихся гуманитарными. Иными словами, гуманитаризация образования развертывается в логике учебного предмета, в логике информирования (в настоящее время обнаруживается, к сожалению, явная тенденция к свертыванию гуманитарной составляющей стандарта образования).

Ограничиться таким экстенсивным способом, «вялой гуманитаризацией» (Ж. Ясперс) нельзя, так как при этом главное — атмосфера, стиль отношений «преподаватель — студент» не подвергается сколько-нибудь радикальному обновлению.

Скорее всего, не существует самих по себе гуманитарных и негуманитарных знаний. Теми или другими знания становятся по отношению к студенту (точнее, в отношении студента к знаниям), овладевающему ими в рамках гуманитарной или технократической модели образования. «Какие мысли оказываются не мыслями? — задавался вопросом М. К. Мамардашвили, и сам же на него отвечал: — Те, которые помыслены так, что исключен тот, кому эта мысль сообщается»⁴. Этот принципиально важный для образования вывод оказался по-существу незамеченным теоретиками и практиками образования. Обратимся в постановке вопроса к помощи М. К. Мамардашвили: какие гуманитарные знания оказываются негуманитарными? Те, которые не обращены овладевающим этими знаниями на самого себя. Так проис-

ходит при технократическом овладении знаниями: «...и не повернув головы кочан, и чувств никаких не изведав...» Чтобы знание о другом, будь то человек или безликая вещь, стало гуманитарным, оно должно обрести — для меня — личностный смысл. Гуманитарные знания — это знания пристрастные, «живые», получившие эффективную окраску в моей деятельности по их построению. «Негуманитарной может быть история, и вполне гуманитарной, например, информатика»⁵. Иначе говоря, сама область, к которой относятся знания, однозначно еще не определяет для будущего специалиста характер этих знаний, гуманитарное оно или нет.

Технократический подход убивает гуманитарную душу знания, омертвляет его. Гуманитаризация — «живая вода» знания, поскольку предполагает сопричастность познающего этому знанию. Поэтому подлинный процесс гуманитаризации образования обеспечивается не только (и, скорее всего, не столько) предметным содержанием, но и способами развертывания данного содержания, адекватными природе самого знания и процесса образования.

Таким образом, «стандарт условий» гуманитаризации педагогического процесса предполагает смещение акцентов: от наукоучения — к логике культуры; от патернализма — к соучастному, равноправному взаимодействию преподавателя и студента; от монолога — к диалогу; от объяснения — к пониманию; от значения — к смыслу; от предметоцентризма — к доминантности.

М. В. СИЛАНТЬЕВА,

*профессор кафедры философии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ,
доктор философских наук, член Российского философского общества*

НОВЕЙШАЯ ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Дмитрий Сергеевич Лихачев — знаковая личность русской культуры. Для нескольких поколений наших сограждан, так или иначе попавших в радиус действия системы просвещения советских и постсоветских времен (школа, вуз, печатные издания и «устные предания»), он (сначала по сути, а в наши дни официально) — один из тех, кто представ-

лял лицо русской интеллигенции, во всей полноте этого уникального понятия. Интеллигент, еще со времен Древней Руси, — воплощение «книжности», синтезирующей знание и совесть. Его жизнь — подвижничество особого типа, в котором соединились духовный подвиг жертвенной любви к ближнему

⁴ Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1972. С. 22.

⁵ Афанасьев Ю. Н. Западная рационалистическая традиция. Понятие «гуманитарность». Русская университетская традиция. М., 1999. С. 11.

и социальное служение на ниве отечественного просвещения.

Как и А. Ф. Лосев, Д. С. Лихачев был духовным камертоном и для моего поколения. Не делая тайны из своей принадлежности к Русской православной церкви, эти люди открыто (и умело) противостояли идеологической машине своего времени, что придавало их фигурам особое обаяние. Самим присутствием в поле культуры они демонстрировали возможность реализовать тягу к высшим силам, не сломав при этом шею. Их жизнь весомо подтверждала преемственность культурной традиции, удерживала историческую память, не давая снести ее остатки в самосознании людей очередной волной социальной перестройки.

Что произошло в наше время с подобными образцами личного достоинства? Какова судьба духовного наследия великой русской культуры, устоявшей, как известно, даже в дни социальных катаклизмов с их безумной практикой геноцида и гонений?

Разбирая эти вопросы, приходится начинать с констатации предельной поляризации современного общества, для значительной части которого вновь, как и сто лет назад, самым насущным вопросом стал вопрос выживания. Причем доступ этой его части к культуре и просвещению становится все более затруднительным в свете их коммерциализации, а также под влиянием СМИ, откровенно блокирующих у заметной части подрастающего поколения интересы, выходящие за рамки чисто витальных потребностей. Теперь уже нет сомнений, что связано это с политикой, направленной на воспроизводство существующей социальной системы и действующей по принципу изоляции «верхних» слоев общества от потенциальной конкуренции со стороны «нижних». Не случайно одной из идеологических стратегий в наши дни становится неоконсерватизм (использующий, правда, разнообразные идеологические «одежды» — от самых «секулярных» до самых конфессионально ангажированных, от самых «восточных» до самых «западных»). Его риторика, направленная на различные целевые аудитории, имеет хорошо просматриваемую общую установку: остановить тенденции распада государственно-политической системы и стабилизировать ее в нынешнем структурно-организационном виде. Возникает устойчивое впечатление, что, по мысли создателей и администраторов подобных идеологических проектов, развитие самостоятельного мышления (неизбежное под влиянием приобщения к культурно-значимым ценно-

стям) создает помехи в осуществлении названных задач. Возможно, здесь кроется одна из причин того, почему образование в России перестает быть общедоступным. Дело не только в отсутствии государственного мышления, но и в том, что установка на «послушное безмолвное большинство» как опору власти автоматически влечет выпадение образования (и других форм трансляции культуры, поддерживающих ее «завышенные» стремления) из числа общенациональных приоритетов стратегического порядка.

Характерный симптом нашего времени — идеологизация самой культуры. Здесь просматриваются две внешне противоположные тенденции. Первая активно внедряет в сознание ее создателей и «потребителей» либеральную идеологию рынка. Вторая, казалось бы, ей противостоит, уповая на «идеологию православия» как фактор стабилизации политического пространства и гармонизации социальной жизни. Однако на деле эта идеология также консервирует существующее положение дел, активно подменяя силу влияния авторитета духовной иерархии действием рычагов системного давления на поведение людей путем использования административного ресурса. Проявляется данная идеология в том числе в отождествлении православия с «этнокультурным русским компонентом» (и даже со славянской спецификой), а также в увеличении числа работ, проходящих под грифом научных (например, в области литературоведения и философии), где суждения тех или иных писателей и поэтов оцениваются по шкале их «православности» или «неправославности» (соответственно, «правильности» и «неправильности»). В качестве научных ссылок все чаще используются публичные высказывания иерархов и известных деятелей (например православных политиков или поп-звезд), даже в тех случаях, когда их позиция является лишь слабым пересказом общеизвестных научных и житейских истин. Аналитики отмечают повышение степени агрессивности публичной риторики, также оперирующей терминами «православности—неправославности», скорее, в их оценочно-идеологическом (а не духовном) смысле. В искусстве все больше жанров реализует «заказные» идеологические проекты. Художественная ценность подобных «раскрашенных картин по истории» невелика, однако их удельный вес на общем фоне стремительно растет.

Подобную ситуацию отечественные религиоведы наблюдают и в исламе, что позволяет высказать предположение о связи идеологизации духовной сферы с ее политизацией.

Современному интеллигенту, задумай он «держат дистанцию» по отношению к власти, придется оправдываться сразу по двум статьям. Во-первых, по факту отказа сотрудничать с ней на конструктивной основе («вся эта критика ничего не дает...»). Во-вторых, его будут укорять за еще более недопустимый проступок — отказ сотрудничать со светлыми духовными силами, которые, наконец, пришли к власти в обществе.

Последний упрек более чем серьезен и нуждается в отдельном философско-культурном анализе. Здесь, думается, уместно обратиться к нескольким принципиальным установкам отечественной культуры, касающимся данного вопроса:

1. Мирское — не значит секулярное. Понятие «мирское», как известно, шире, оно включает оценку сфер деятельности человека, выходящих за институализированные проявления церковной практики. При этом данные сферы не обязательно должны противостоять церковности. Так, для православных верующих семья — «малая церковь».

2. Понятия «духовное» и «идеологическое» несоизмеримы. По меткому определению Маркса, идеология — это идея, которая утратила внутреннюю силу и «перенастроилась» на использование внешнего насилия. «Духовное», напротив, связано с наработкой опыта пребывания в свободе. Идеология всегда манипулятивна (качество, совершенно неприемлемое для духовного измерения), другое дело, что современная социальность, как и две тысячи лет назад, не может без нее обойтись.

3. Образование в русской культуре неотделимо от духовного становления, не своди-

мого к социализации (но и не противостоящей ей). В свете сказанного роль образования в русской культуре как пути трансляции культурных форм от поколения к поколению видится центральной и определяющей, а не периферийной и случайной. Идеологизация данной сферы представляет собой разрыв с традициями отечественного образования, всегда посылно сопротивлявшегося внедрению идеологического контроля за сферой духовной жизни личности.

Подводя итог, необходимо отметить, что ни введение курсов православной культуры в школе, ни создание теологических факультетов в вузах, ни конвертация дипломов духовных учебных заведений сами по себе не являются панацеей от синдрома духовной неустойчивости, породившего всплеск идеологизации культуры и образования в нашей стране. Более того, эта по сути формализованная попытка снять проблему путем внешнего ее решения может оказать обратное негативное воздействие на общество, дискредитируя духовность как занятие, связанное с принуждением «партокмовского» образца. Однако возможная идиосинкразия в адрес данной сферы, перспектива возникновения которой больше не кажется нереальной, должна быть сопоставлена с возможными благоприятными последствиями от знакомства широкого круга людей с образцами несекулярной, неидеологизированной и неполитизированной культуры, на базе которых возникла ее сегодняшняя идеологизированная абберрация. Речь идет о текстах, позициях и людях, жизнь которых остается образцом неангажированного служения истине. В их числе — светлая душа Дмитрия Сергеевича Лихачева.

А. И. СКИБА,

старший научный сотрудник Института профессионально-технического образования РАО, кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург)

ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЕ ВЫСШЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В современном мире неизбежно происходят глубокие качественные изменения всей сферы профессионального образования: от элементарного просвещения произойдет неизбежный переход к персонализированному профессиональному образованию, которое способно готовить творческие личности для успешной жизнедеятельности в глобальном мире.

История образования, которая изначально существует как история педагогики — педагогов и их учений — завершается и сменяется историей самих обучающихся, образовательный процесс персонифицируется в обучающемся.

Главное изменение состоит в смене ведущего субъекта образовательного процесса: вместо обучающего (преподавателя) им ста-

новится обучающийся (студент) и право суждения о необходимом спектре и достоверности получаемых знаний становится прерогативой обучающегося.

Не следует забывать, что и в постиндустриальной цивилизации, и в информационном обществе особенно резко возрастает роль иных информационных ресурсов и технологий, осуществляющих трансляцию культурных, профессиональных и духовных ценностей. При этом роль государственной системы образования в данном социокультурном процессе стремительно ослабевает.

Усвоение содержания обучения, традиционно понимаемого как совокупность прошлого социально-профессионального опыта, превращается из самоцели в средство движения обучающегося в будущее, реализации своего собственного проекта жизненного пути. В связи с этим наряду с фундаментальными научными знаниями может использоваться и случайная, несистематизированная и противоречивая информация (в основном из Интернета). Ее систематизация, приведение в порядок, установление истинности и непротиворечивости — забота самого обучающегося при направляющей и поддерживающей роли преподавателя. Обучающийся не только усваивает готовые представления и понятия, но и сам добывает информацию и с ее помощью строит свое представление о мире. Сегодня, видимо, настало время говорить преимущественно о профессионально-информационном обучении, а не о профессиональном образовании или воспитании.

В недавней истории социологии образования доминирующее значение имели две концепции социальной стратификации. Первая, функциональная, считала, что социальный ранг в обществе определяется сочетанием профессионального статуса и уровня образования. Вторая, конфликтологическая, связывает социальную стратификацию с отношениями собственности в капиталистическом мире. Такой подход к стратификации в последние десятилетия утратил популярность из-за определенных социально-экономических изменений. Во многих странах значимость досуга по сравнению с работой выросла, и непосредственная связь между работой и социальным статусом оказалась под вопросом. Стерлись границы между умственным и физическим трудом. Расширение социальной помощи привело к тому, что безработные, иммигранты годами живут на пособие по безработице. Квалифицированные рабочие вступают в союзы с менеджерами и собственниками по профессиональным инте-

ресам, что стирает традиционное различие между трудом и капиталом. Существенно изменилась роль женщины в современном мире. Она работает наравне с мужчиной и играет активную роль в обществе.

Получение высшего образования перестало автоматически гарантировать высокооплачиваемую работу и высокий социальный статус. Оно способствует этому, но не гарантирует.

Отношение к труду, формирующееся современной профессиональной культурой, можно определить как отношение к процессу, приносящему удовлетворение в ходе осуществления профессиональной деятельности. Именно такое отношение к труду возникает у работника нового типа, для которого работа является способом самовыражения и самутверждения. Работа становится жизнедеятельностью, а жизнь — формой труда. Такое отношение к труду возможно в том случае, если работа стала способом реализации жизненной цели, жизненного плана работника. Обострилась проблема качества образования и приведения в соответствие темпов изменений профессиональной подготовки и возраста требований работодателя.

Расширенное просвещение конца второго — начала третьего тысячелетия заполнило всю юность подростков, вступающих в трудоспособный возраст, существенно отсрочив и сократив время на собственно профессиональное обучение. Закончив учебное заведение, «просвещенный» его выпускник обнаруживает свою полную непригодность к окружающей его профессионально-трудовой жизни и неопределенность своего места в ней.

Какое же образование может удовлетворять глобализирующийся мир? Только такое, которое успешно выполняет четкий социальный заказ глобализирующегося мира, — ему нужны профессионалы инновационно-творческого уровня, способные понять и осуществить мировой прогресс третьего тысячелетия. В современном мире даже местные социальные явления формируются транснациональными процессами. Дидактическая составляющая персонализированного образования состоит в построении отдельных педагогических систем, соответствующих каждому направлению образовательной политики.

Вместо идеи единого образовательного пространства осуществляются проекты создания автономных регионов, естественным образом специализированных на определенные направления персонализированного обучения в соответствии со сложившимся в этих реги-

онах профилем профессионально-производительной деятельности людей и имеющимся интеллектуальным потенциалом, а все образовательные учреждения данного региона, кроме начальной школы, становятся профессионально ориентированными.

Меняется позиция студента: из объекта обучающих и воспитательных воздействий он превращается в субъект собственной познавательной и будущей профессиональной и социокультурной деятельности, который не только «потребляет» интеллектуальную, профессиональную и духовную культуру, но и обогащает ее в процессе своего творческого развития в разнообразных формах совместной деятельности с преподавателем. Отношения «преподаватель—студент» в современном обществе — это отношения одного имеющегося центра жизненной ориентации с другим, призванным его сменить на более высоком социально-профессиональном уровне.

Раньше только государство через систему образования определяло спектр знаний, профессий, идей, которые хотело бы воспроизвести в будущем поколении, чтобы стабили-

но развиваться, — закладывало в молодежь определенный социокод. Но воспроизводя самого себя (по сути, осуществляя клонирование), общество обречено на вырождение, самоликвидацию. Кроме репродуктивной деятельности, необходима еще и продуктивная. Теперь молодое поколение может свободно выбирать (дополнительно к получаемым в учебном заведении) любые знания, идеи, в том числе профессиональные, с помощью новых средств коммуникации в соответствии со своей образовательной потребностью.

В культурологическом смысле осознанная образовательная потребность влечет за собой более полную свободу человека и более полную меру его ответственности за себя и за все общество. Она не просто включена в каждый уровень иерархии потребностей, но является системообразующей потребностью человека и общества. Персонализированное высшее профессиональное образование призвано всецело удовлетворять образовательную потребность индивида и способствовать его успешной адаптации в глобализующемся мире.

Е. Б. ТИМЕРМАНИС,

доцент кафедры социологии и права Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, кандидат философских наук

АКТИВИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСТВА (На примере изучения истории вузовской науки)

Особенно эффективно становление самосознания молодого человека происходит в условиях диалогового обучения, совместной проектной деятельности студенческой группы, при использовании педагогических технологий, основанных на активности учащихся. Изучение гуманитарных дисциплин позволяет молодому поколению лучше узнать историю и ощутить гордость за самостоятельную и оригинальную отечественную науку. Курс истории отечественной социологии (в некоторых случаях являющийся частью предмета «Общая социология»), тесно связанный с историей России, отвечает потребностям студенчества, тяге к социальному знанию, дает возможности проведения сравнительного анализа и приобщает к лучшим произведениям российских авторов.

Проблемы, поднимаемые в трудах властителей дум, страницы их жизни, столкновение мнений предоставляют студентам возможность для обсуждений, дискуссий, срав-

нений. Рассмотрение феномена психологизма в трудах Н. К. Михайловского и Г. Тарда, типологизации культур у Данилевского и Шпенглера, изучение наследия П. А. Сорокина точнее определяют соотношение западных и отечественных социологических теорий. Санкт-Петербург связан с именами самых значимых российских социологов. Стали уже традиционными Кареевские чтения в РГПУ, в 2006 году прошли Первые Ковалевские чтения на социологическом факультете СПбГУ. В нашем городе преподавали П. Б. Струве, Н. С. Тимашев, М. И. Туган-Барановский. Одним из возможных способов формирования чувства сопричастности по отношению к прошлому и настоящему страны является знакомство с этими ключевыми фигурами.

Преподавание курса социологии в техническом вузе обладает определенной спецификой. Для получения педагогического результата акцент приходится делать на технологические аспекты преподавания, включающие

искусство особого сочетания умений (гностических, проектировочных и конструктивных, организаторских и коммуникативных), форм подачи материала (преимущественно схематизированного, графического), методических приемов. Только их совокупность и целостность позволяет наиболее эффективно реализовать преподавательское мастерство. В качестве вариантов творческих заданий, способствующих раскрытию креативных способностей студентов, могут быть предложены следующие: создание презентаций, посвященных выдающимся социологам, политическим лидерам, определившим сознание эпохи; поиск информации в Интернете, отбор наиболее значимой из нее (тексты, фотографии, видео и аудиофрагменты); определение структурообразующего элемента, дизайн представленных материалов способствуют формированию устойчивого интереса к собственной истории, ее закономерностям, что позволяет студентам выразить личное позитивное отношение к изучаемым проблемам, моделируя свою точку зрения и транслируя ее в образной форме.

В процессе подготовки должна быть актуализирована тема изучения, это возможно при учете субъективного опыта студентов. Акцент на корпоративную гордость (в Политехническом институте со дня его основания вели занятия выдающиеся специалисты — П. Б. Струве, М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев и др.) или формирование парадоксального вопроса. В Техническом университете существует множество памятных досок с именами лауреатов нобелевских, государственных и других премий... Как можно сохранить память о легендарных преподавателях гуманитарного цикла? Где, например, может быть расположена мемориальная доска с именем Н. И. Кареева?..

Актуализация проблемы на основе использования знаний по смежным дисциплинам (в первую очередь истории). Представление наиболее интересных моментов биографии Кареева: обучение на историко-филологическом факультете Московского университета, диссертация «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.», преподавание в Санкт-Петербургском университете. Профессор экономического отделения Политехнического института им. Петра Великого с 1902 по 1917 год, в этот же период — подготовка и чтение авторских курсов по истории государственного быта. Член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1910 г.), Почетный член АН СССР (с 1929 г.) Знание четырнадцати

языков, занятие поэзией. Член партии КД, депутат 1-й Государственной думы. Выступления по национальному вопросу, по изменению избирательного закона. Арест, заключение в Петропавловскую крепость (делегация, обратившаяся в правительство накануне 9 января 1905 г.).

Важным аспектом является формулировка интересной для студентов проблемы, требующей интеграции знаний. Например, определение принадлежности социолога к школам и направлениям, ранее изученным в курсе истории социологии. В качестве варианта можно предложить высказывание Кареева о специфике преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе: «Я понял, что студентам-экономистам нужно не то, что студентам-историкам, и задумал читать особые, как я их назвал, типологические курсы, в которых были бы со сравнительной и обобщающей точки зрения рассмотрены и город-государство античного мира, и древний деспотизм, и средневековый феодализм, и западно-европейские монархии...»¹

Задание для студентов возможно сформулировать как выявление вопросов, излагаемых в трудах Н. И. Кареева, особо значимых для сегодняшней России. В качестве варианта формулировки проблемы может быть использован исторический факт, значимый для творчества Н. И. Кареева. Им были высказаны критические замечания в адрес П. А. Сорокина из-за явного пренебрежения разработками русской социологии. Сорокин «поднимает перчатку» — принимает вызов и пишет статью, посвященную творчеству П. Л. Лаврова. Сам Кареев основательно исследовал творчество отечественных социологов. Когда в 1897 году вышел в свет первый русский учебник по социологии «Введение в изучение социологии», в его библиографическом указателе из 880 работ русским авторам принадлежало 260 произведений. Какие же основные направления были выделены автором (авторами)?

Фаза изучения материала требует подготовительной работы преподавателя по отбору текстов (педагогически адаптированных и оригинальных). Возможно создание условий для дифференциации и индивидуализации самостоятельной работы студентов (индивидуальная работа, работа в парах, работа в гомогенных и гетерогенных группах). В качестве одной из актуальных проблем — выделение этносоциологии как специальной

¹ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 223.

социологической теории, изучающей влияние этнического фактора на социальные процессы и институты. Работа с текстами, включающими анализ соотношения понятий «государство» и «нация»; анализ факторов, объединяющих народы: язык, обычаи, мирозерцание, общие воспоминания и надежды. Определение понятия «культурная интеграция», «роль нации в культурно-историческом процессе». «История — не прямая линия, не правильный узор, построенный по математическому плану, а живая ткань линий, неправильных и извилистых, переплетающихся самым разнообразным и неожиданным образом». Право морального суда в истории — «философия истории есть суд над историей». Выдвижение гипотез и определение путей их подтверждения. Анализ данных. Корректировка выводов. Практическая, теоретическая значимость полученных результатов. Оценка действий и самооценка («что узнали», «как получили результат»).

Работа по предложенному алгоритму позволяет использовать различные виды познавательной деятельности: информационно-аналитическую, проблемную, деятельность по моделированию, проектированию; она способствует работе студентов с различными источниками информации, развитию коммуникативных навыков; формирует устойчивый интерес не только к социологии, но и к историческому прошлому, а также положительно влияет на процесс самоидентификации студенческой молодежи. На занятиях и во внеучебной самостоятельной деятельности происходит осмысление «прошлого опыта», создание личностной картины мира, встроеной в контекст общекультурного знания. Обращая внимание на активность личности студента, современные педагогические технологии дают пример не просто адаптации к общественным изменениям, но и создают потенциал преобразования социокультурной реальности, достойного ответа на вызовы глобализации.

Е. П. ТОНКОНОГАЯ,

заведующая кафедрой социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

О ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Среди огромного количества научных и публицистических работ Дмитрия Сергеевича Лихачева более ста наименований можно отнести непосредственно к педагогическим, полностью или частично раскрывающим актуальные вопросы образования и воспитания молодого поколения.

Труды ученого, посвященные проблемам культуры, истории и литературы, хотя прямо и не ставят педагогические вопросы, но по своей сути и гуманистической направленности (обращенности к человеку, его исторической памяти, культуре, гражданственности и нравственным ценностям) содержат огромный воспитательный потенциал.

Ценные для педагогической науки идеи и общие теоретические положения представлены автором в его крупных работах: «Письма о добром и прекрасном», «Раздумья», «Книга беспокойств (статьи, беседы воспоминания)», «Раздумья о России», «Заветное». Множество небольших работ (статьи, беседы, диалоги, выступления) разбросаны в различных педагогических и литературных журналах. Эту часть педагогического наследия еще предстоит собрать и тщательно изучить.

Обзор педагогических работ Д. С. Лихачева позволяет вычлнить некоторые стержневые направления его педагогических раздумий и поиска.

Образование (как среднее, так и высшее) Д. С. Лихачев не мыслит без воспитания. Образование обеспечивает накопление знаний, создает научную эрудицию, развивает интеллект, формирует профессионализм. Однако даже высокое общее и профессиональное образование, лишённое нравственной основы, усвоения гуманистических общечеловеческих ценностей и превращение их в нормы поведения, не позволяет сформировать полноценную личность российского интеллигента. С этих позиций Д. С. Лихачев выступает как ученый-культуролог и моралист, разработавший нравственный кодекс третьего тысячелетия. Для педагогической науки этот кодекс является теоретической основой содержания нравственного воспитания.

Размышляя об исторической миссии России, о сущности развития культуры, Д. С. Лихачев ставит вопрос об исторической и культурной преемственности поколений, который в современных условиях является чрезвычай-

но актуальным. В Национальной доктрине образования в РФ (2000 г.) обеспечение преемственности поколений выдвинуто на первый план как одна из важнейших задач образования и воспитания, решение которой способствует стабилизации общества. Д. С. Лихачев подходит к решению этой задачи с культурологических позиций: культура, по его мысли, обладает свойством преодолевать время, соединять прошлое, настоящее и будущее. Без прошлого нет будущего, — тот, кто не знает прошлого, не может предвидеть будущее. Это положение должно стать убеждением молодого поколения. Для формирования личности молодого человека важна социокультурная среда, созданная трудом и культурой его предков, лучшими представителями старшего поколения его современников и им самим.

Важным направлением педагогических раздумий Д. С. Лихачева является воспитание патриотизма и гражданственности. Решение этих педагогических задач ученый связывает с современным проявлением национализма в молодежной среде. Национализм — страшное бедствие современности. Его причину Д. С. Лихачев видит в недостатках образования и воспитания: народы слишком мало знают друг о друге — о культуре своих соседей; в исторической науке много мифов и фальсификаций; культуру часто подчиняют политике. Обращаясь к молодому поколению, ученый говорит о том, что мы еще не научились по-настоящему различать патриотизм и национализм («зло маскируется под добро»). В своих работах Д. С. Лихачев четко разграничивает эти понятия, что очень важно для теории и практики воспитания. Истинный патриотизм состоит не только в любви к своей Родине, но и в том, чтобы, обогащаясь самому культурно и духовно, обогащать другие народы и культуры. Национализм, отгораживаясь стеной от других культур, губит собственную культуру, иссушает ее. Национализм, по мысли ученого, — это проявление слабости нации, а не ее силы.

Наиболее весомый, с нашей точки зрения, вклад вносит Д. С. Лихачев в развитие концепции нравственного воспитания. Размышляя о нравственном воспитании, Д. С. Лихачев приходит к выводу о том, что современные достижения научно-технической революции несут не только благо, но и угрозу существованию человечества и поэтому требуют «революции» нравственной и духовной. Нравственный кодекс, просуществовавший два с половиной тысячелетия (библейские

заповеди Моисея и заповеди Нагорной проповеди Иисуса), требует обновления, так как в нем игнорируются вопросы об отношении к войнам, природе, всякой жизни, нет ничего о роли науки и разума в существовании людей, свободе и творчестве человека, отношении к достижениям человеческой культуры. Ученый-культуролог и моралист Д. С. Лихачев сформулировал десять заповедей человечности, в которых сохраняются некоторые общечеловеческие ценности, сформулированные в Библии и Евангелии, и вместе с тем они значительно расширяются с учетом развития человечества в новой ситуации. Эти новые заповеди, по мысли ученого, представляют собою новый нравственный кодекс третьего тысячелетия:

1. Не убий *и не начинай войны.*
2. *Не помысли народ свой врагом других народов.*
3. Не укради *и не присваивай труда брата своего.*
4. *Ищи в науке только истину и не пользуйся ею во зло или ради корысти.*
5. *Уважай мысли и чувства братьев своих.*
6. Чти родителей и прародителей своих *и все сотворенное ими сохраняй и почитай.*
7. *Чти природу как мать свою и мощницу.*
8. *Пусть труд и мысли твои будут трудом и мыслью свободного творца, а не раба.*
9. *Пусть живет все живое, мыслится мыслимое.*
10. *Пусть свободным будет все, ибо все рождается свободным*¹.

Из содержания данных заповедей видно, что кодекс человечности Д. С. Лихачева, в отличие от прежних, носит светский характер: в нем нет взаимоотношений человека с Богом. Здесь определены категорические нравственные императивы решения наиболее острых современных глобальных проблем человечества: войны и мира, национализма и патриотизма, отношения к труду, природе, науке и культуре; взаимоотношения между людьми, основанные на признании свободы и справедливости.

В книге «Письма о добром» Дмитрий Сергеевич очень просто по форме и доступно по смыслу ставит глубокие философские вопросы о цели и смысле жизни. «В мире самая большая ценность — это жизнь: чужая, своя,

¹ Лихачев Д. С. Раздумья. М., 1991. С. 318. (Жирным шрифтом нами выделены формулировки, внесенные Д. С. Лихачевым.)

жизнь животного мира и растений, жизнь культуры, жизнь на всем ее протяжении — и в целом, и в настоящем, и в будущем...» «В чем смысл жизни?» — ставит вопрос Дмитрий Сергеевич. Каждый человек должен определить цель своего существования. Он может осознавать и формулировать ее по-разному, но цель должна быть — иначе будет не жизнь, а жалкое прозябание, существование на биологическом уровне. Жизнь молодого человека без ясной цели бросает его из одной крайности в другую и часто приводит к отклонению от норм морали и противоправному поведению. Задачей человека должно быть счастье его семьи, повышение уровня счастья в пределах своего рабочего окружения, школы, в кругу своих друзей и товарищей. Человек с чувством собственного достоинства ставит своей целью повышать уровень благосостояния и «счастья своей страны и всего человечества в конце концов»².

«Способы различные, — говорит Дмитрий Сергеевич, — но для каждого что-то доступно». Если не доступно решение государственных вопросов, что всегда повышает уровень счастья, если они мудро решаются, то это можно делать в пределах своей семьи, школы, окружающей среды. У каждого есть такая возможность.

Ставя своей целью карьеру или приобретение, человек испытывает в жизни боль-

ше огорчений, чем радостей, так как он постоянно рискует потерять все. А что может потерять человек, который делает добро и радуется каждому своему доброму делу? — спрашивает Дмитрий Сергеевич у своих молодых собеседников. Очевидно, ничего. Важно только, чтобы «делание добра людям» было бы не показным, а продиктовано внутренней потребностью сострадательного сердца и мудрости. А мудрость, по мысли Д. С. Лихачева, это ум в неразрывном соединении с добротой.

Главная цель человека должна быть шире, чем просто личностная. Она не может замыкаться только на собственных удачах и неудачах. «Она должна диктоваться добротой к людям, любовью к семье, к своему городу, к своему народу, стране, ко всей Вселенной»³.

Следует отметить, что в современной отечественной педагогике вопрос о цели и смысле жизни даже не поднимается, а без этого невозможно ни нравственное, ни трудовое, ни патриотическое, ни гражданское воспитание.

Обращение к каждому молодому человеку, как обладающему, так и не обладающему высоким социальным статусом, с просьбой задуматься о том, зачем он пришел на эту прекрасную Землю и как нужно прожить эту, в сущности, очень короткую жизнь, роднит Д. С. Лихачева с великими педагогами-гуманистами К. Д. Ушинским, Я. Корчаком, В. А. Сухомлинским.

А. Л. ФАТЫХОВА,

*профессор кафедры башкирской и русской филологии
Стерлитамакской государственной педагогической академии,
доктор педагогических наук (Башкортостан);*

А. А. ЖДАНОВА,

*преподаватель кафедры башкирской и русской филологии
Стерлитамакской государственной педагогической академии,
доктор педагогических наук (Башкортостан)*

ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА С ПРОФЕССИЕЙ, С ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

В гуманистических философских, социологических, психологических и педагогических концепциях личность — это человеческая ценность, ради которой осуществляется развитие общества. Личность — это устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида, продукт общественного развития и включения индивидов

в систему социальных отношений посредством активной предметной деятельности и общения.

Ориентируясь на гуманистическую стратегию в профессиональном образовании, в формировании специалиста в вузе, мы рассматриваем его как субъект деятельности, как субъект развития и саморазвития.

² Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб., 2006. С. 25.

³ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 29.

Характеризуя единство личности и деятельности, Б. Г. Ананьев утверждает, что, отражая и осваивая в процессе деятельности внешний мир, человек творит свой внутренний мир, который, в свою очередь, направляет, регулирует, активизирует деятельность¹.

По определению Л. П. Буевой, «сущность человека значительно богаче, разностороннее и сложнее, чем его деятельность. Вне деятельности нет человека, но его сущность не исчерпывается ею, не может быть к ней сведена и отождествлена»². Соответственно, и деятельность педагога, работающего с детьми, не может осуществляться без его готовности к такой деятельности.

Кроме того, деятельность педагога невозможна без социально-перцептивных умений и навыков, профессионально значимых для такого взаимодействия качеств личности (эмпатия, такт, терпимость и др.), от которых зависит продуктивность профессиональной деятельности.

Вместе с тем личность и деятельность имеют относительную самостоятельность и характеризуются несводимостью друг к другу.

Личность — это конкретный индивид, являющийся субъектом жизнедеятельности в единстве его индивидуальных свойств и его социальных ролей. Именно единство природного и социального, закономерное и необходимое соответствие социально-типичного и индивидуально-своеобразного наилучшим образом обеспечивают функцию личности как субъекта профессиональной деятельности.

Вхождение в профессиональную деятельность означает для личности новую «социальную ситуацию развития» (Л. И. Божович, Л. С. Выготский), которая оказывает важное формирующее влияние на человека, существенно изменяет и обогащает его мотивационно-потребностную сферу, интересы, способности, качества и свойства личности.

Данная закономерность обуславливает единство реализации принципов личностного и деятельностного подходов. Отсюда можно утверждать, что будущий педагог должен воспринимать себя личностью и видеть ее в каждом из детей. Личностный подход предполагает, что и преподаватели, и студенты должны относиться к каждому человеку как к самостоятельной ценности для них, а не как к средству достижения целей. Это связано с готовностью воспринимать каждого че-

ловека как заведомо интересного, признавать за ним право непохожести на других.

Личностный подход — это и персонализация педагогического взаимодействия, которая требует адекватности включения личного опыта (чувств, переживаний, эмоций и соответствующих им действий и поступков) во взаимодействие преподавателей и студентов.

Деятельность педагога не может осуществляться без развития профессионально обусловленных личностных качеств. Качества же воплощаются в профессиональной деятельности, оцениваются и получают развитие с позиций требований деятельности. Деятельность не получает успешного, продуктивного результата без готовности личности ее выполнять.

Процесс взаимодействия личности и профессиональной деятельности в широком смысле является двусторонним. Формируясь в деятельности, приобретая свойственные представителям той или иной социально-профессиональной группы типичные свойства, качества, личность оказывает преобразующее воздействие на саму деятельность. Личность через индивидуальность активно влияет на нормативные требования к деятельности, придает ей индивидуально-творческий, уникальный характер. И только в случае достижения единства профессионально необходимых качеств личности и деятельности педагога можно говорить о явлении профессионализма деятельности.

Итак, целевой задачей взаимообусловленности единства личности и деятельности служит идентификация человека с профессией, с его деятельностью. Другими словами, профессионально обусловленные личностные качества и свойства, приобретенные в процессе деятельности, начинают проявляться и во всех других сферах его жизнедеятельности, определяя его отношение к действительности.

Важно еще раз подчеркнуть, что этот процесс является двусторонним: имеющиеся и развивающиеся черты, качества, состояния, свойства личности определяют выбор профессии, способствуют формированию профессионализма личности и деятельности. Выбранная же и осуществляемая профессиональная деятельность в свою очередь влияет на саму личность, ее основания и особенности ее развития.

Итак, взаимообусловленность личности и деятельности, их единство, взаимозависимость — именно это позволяет говорить о потенциальном развитии личности педагога как субъекта деятельности и о деятельности, способствующей формированию социально-перцептивной компетентности этого субъекта.

¹ Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: в 2 т. М., 1980. Т. 1.

² Буева Л. П. Человек: деятельность и общение. М., 1978. С. 56.

По мере профессионализации личности соотношение между внешним воздействием и самоорганизацией в профессиональном становлении меняется в сторону активности самой личности. Создание оптимальных внешних предпосылок усиливает внутренние предпосылки активности личности, повышая ее субъективность, рефлексивность, креативность, что обуславливает ее профессиональное развитие. Гуманная по целям и содержанию социально-педагогическая деятельность требует наличия у специалиста и гуманистического потенциала: уважения и признания достоинства человека, признания ребенка таким, каков он есть, признания многообразия, индивидуальности и целостности личности. Учет особенностей (традиций, культуры, ценностных интересов и вкусов), толерантность по отношению к детям обуславливают эффективность социальной деятельности.

Социально-педагогическая деятельность требует специфических подходов в профессиональном образовании. В профессиональной подготовке таких специалистов на передний план выдвигается личностный потенциал обучающегося, его способность быть субъектом учебной и профессионально-инновационной деятельности. Подготовка педагога рассматривается на личностном уровне, когда ставится задача не только приобретения профессиональных знаний, умений, ценностей, но и развития его способностей, возможностей компетентно и ответственно

выполнять профессионально-функциональные обязанности. Процесс подготовки специалиста будет результативным, когда ее цель, содержание и методы, формы организации базируются на гуманистических позициях.

Именно тенденция гуманистической направленности педагогического образования содержит логику перехода от технократической к антропологической его парадигме. Эта тенденция раскрывает зависимость от степени обращенности изучаемого процесса к личности студента, ориентации на личностную компоненту профессиональной подготовки.

Гуманизация педагогического образования предусматривает прежде всего субъектное развитие и саморазвитие личности педагога, готового на профессиональном уровне реализовывать на практике современные педагогические технологии взаимодействия с детьми. Разработанные и апробированные личностно-развивающие технологии в реальном процессе профессиональной педагогической деятельности предусматривают наряду с формированием социально-перцептивных качеств личности овладение каждым студентом системными знаниями о закономерностях социальной перцепции, процессах становления личности в реальном социально-культурном и образовательном пространстве, развитии творческого потенциала каждого будущего педагога, формировании внутренней установки на самообразование, самовоспитание и саморазвитие.

Г. Ф. ФЕЙГИН,

*доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат экономических наук,
доктор управления Германии*

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГЛОБАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Глобализация охватывает различные стороны общественной жизни: экономику, политику, культуру. Современные тенденции глобального развития содержат не только позитивные, но и некоторые негативные аспекты. Не случайно антиглобализм стал в последние годы популярным общественно-политическим движением. Критике подвергается рост дифференциации доходов населения разных стран, а также деятельность международных организаций (в первую очередь ВТО и Всемирного банка).

Отдельные сферы общественной жизни можно разделить на более или менее подверженные глобализации. Особенно быстрыми

темпами происходит экономическая глобализация. Международные хозяйственные транзакции обусловлены, с одной стороны, поиском наиболее эффективных и дешевых производственных вариантов, а с другой — ростом платежеспособного спроса во всем мире. Значительно сложнее идут процессы глобализации в области образования. Данный факт объясняется следующими причинами:

1. Образовательный процесс базируется на определенных традициях (например, «университетская свобода» в Германии и жесткая централизация образования во Франции).

2. Существенные отличия отдельных элементов национальных систем, что особенно

актуально для экономического и юридического образования.

3. Языковые барьеры — определенные термины и понятия по-разному трактуются в тех или иных языках, что затрудняет преподавание идентичной системы знаний.

Несмотря на эти сложности, за последние десятилетия в процессе глобализации образования наблюдается существенный прогресс. Необходимость формирования глобального образовательного пространства вытекает в первую очередь из результатов экономической глобализации. Так, массовое перемещение производства предполагает наличие большого количества рабочих мест международного характера (резиденты одной страны нанимают на работу представителей другой страны). Поэтому необходимы образовательные документы, отвечающие международным стандартам. Кроме того, деятельность многих фирм связана с выходом на рынки различных стран, что предполагает знание соответствующих законодательных норм, а также национальных культурных особенностей. Ознакомление с этими нормами реально возможно только в рамках международно-ориентированных образовательных программ.

Глобализация образования носит многоплановый характер. Ярким примером является Болонское соглашение, которое реализуется в Европе, но базируется на элементах американской образовательной системы (бакалавриат и магистратура). Основная цель Болонского соглашения заключается в разработке унифицированной образовательной модели, которая позволяла бы студентам европейских стран свободно переходить из вуза в вуз в различных странах и при этом находиться в рамках единого образовательного процесса. Кроме того, Болонское соглашение является важным шагом на пути создания единого европейского рынка труда, так как дипломы, полученные на основании единого унифицированного стандарта, должны признаваться работодателями во всей Европе. Практика реализации Болонского соглашения показывает трудности процесса образовательной глобализации. В ряде стран ЕС переход на единый образовательный стандарт идет медленными темпами, в то время как некоторые университеты (например, Оксфордский или Кембриджский) во-

обще провозглашают неучастие в Болонском соглашении.

Помимо Болонского соглашения предпринимается множество локальных шагов в направлении глобализации образования. Например, программы, ориентированные на выдачу дипломов двух университетов разных стран. По мере реализации подобной программы происходит сопоставление образовательных стандартов двух стран и разрабатывается единая образовательная система. Если Болонское соглашение распространяется только на европейские страны, то программы двойных дипломов практически охватывают весь мир. Можно предположить, что в дальнейшем количество подобных программ увеличится.

Другим примером глобализации образования выступает включение в образовательный процесс иностранного семестра, то есть студент обязуется в ходе обучения провести один семестр в университете другой страны. У студентов появляется возможность получать знания не только от отечественных преподавателей, но и от специалистов другой страны. Кроме того, находясь за рубежом, студенты так или иначе приобщаются к особенностям культуры другой страны.

Таким образом, современная глобализация образования многогранна. Степень участия различных стран в процессе формирования глобального образовательного пространства неодинакова. В настоящее время вопросы интеграции России в глобальную образовательную систему становятся все более актуальными. В кругах российской общественности существуют как сторонники, так и противники глобализации образования. Сторонники отмечают неизбежность глобальных тенденций и указывают на необходимость унификации образовательных моделей. В свою очередь противники считают, что нужно сохранять российские образовательные традиции, которые по многим критериям превосходят иностранные образовательные модели. Тем не менее при всех сложностях обозначенной проблемы Россия, видимо, должна участвовать в глобальном образовательном процессе. Однако формы участия должны быть мобильными и динамичными в зависимости от конкретных задач в той или иной образовательной сфере.

А. В. ФИЛИПОВА,

*доцент кафедры иностранных языков
Стерлитамакской государственной педагогической академии,
кандидат педагогических наук (Башкортостан);*

В. С. ЖДАНОВА,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков
Стерлитамакской государственной педагогической академии (Башкортостан)*

ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ

Новое время, новые условия требуют не медленного и коренного пересмотра как общей методологии, так и конкретных методов и приемов обучения иностранным языкам. Преподаватели иностранных языков оказались в центре общественного внимания. Урок иностранного языка стал как бы «перекрестком культур» (термин С. Г. Тер-Минасовой), ибо каждое иноязычное слово отражает иноязычный мир и иноязычную культуру. Возникла острая необходимость как можно глубже узнать мир изучаемого языка. Предъявление же на уроках иностранного языка только «фактов» культуры недостаточно и неэффективно по нескольким причинам:

1) «факты» находятся в состоянии постоянного изменения, особенно если они относятся к повседневной жизни; они могут меняться во времени, в пространстве, а также в зависимости от социальных условий;

2) информационный подход к культуре может создавать стереотипы, вместо того чтобы их сглаживать, так как он не объясняет культурного разнообразия;

3) накопление студентами «фактов» ставит их в тупик в культурной ситуации, ими ранее не изученной, поскольку такая методика не обучает навыкам и умениям понимания новых ситуаций.

В связи с этим некоторые исследователи, в частности Seelye (1984, 1993), считают, что роль преподавателя состоит не в том, чтобы сообщать студентам какие-то факты, а в том, чтобы обучить их иноязычным навыкам и умениям, понимать те факты, которые они сами обнаружат при изучении той или иной культуры. Однако здесь возникает другая не менее серьезная проблема — отношение к предъявляемому материалу самих студентов. Под этим подразумевается непонимание того, что их поведение, реакция, мышление, чувства, видение окружающего мира в целом обусловлены той культурной средой, в которой они выросли. Понять другую культуру можно, только перестроившись на восприятие другого образа мира. В действительности

реакция студентов часто бывает негативной, и они характеризуют те или иные явления другой культуры как «странные» или даже «дикие». Задача преподавателя — помочь студентам пересмотреть и переосмыслить не только их языковые, но и культурные представления о стране изучаемого языка, поскольку не существует прямого соответствия как между языками, так и между культурами.

Отсюда очевидна необходимость разработки некой «направляющей» схемы, которая помогала бы преподавателю отбирать «факты» культуры и включать их в учебную программу. Такой схемы пока не существует, поэтому студентам предъявляются такие компоненты культуры, как обряды, традиции, легенды, герои; национальные песни, танцы, праздники, национальная кухня; памятники, города, реки и т. д.; краткая информация о стране, ее жителях, их повседневном поведении. Обучение строится на основе стереотипов, банального подхода, идеологического уклона, неполного освещения культурного многообразия страны изучаемого языка.

Таким образом, речь идет о более глубоком и тщательном изучении мира носителей языка, их культуры, образа жизни, национального характера, потому что язык не существует вне культуры. Помимо значений слов необходимо знать, где, что, когда, как сказать и как данное высказывание живет в мире изучаемого языка.

На наш взгляд, одной из основных форм занятий при обучении иноязычной культуре является мини-лекция, которая достигает своей цели при следующих условиях: краткость изложения; сопровождение устной информации наглядными материалами (предметами быта и повседневной жизни) и рассказами о посещении страны изучаемого языка самим преподавателем; концентрация внимания студента на каких-то особенных сторонах культуры; ведение студентами записей; использование специально разработанных упражнений, побуждающих студентов использовать иностранный язык по содержа-

нию лекции (задать вопросы, применить новые слова и структуры в конкретных культурных ситуациях).

В качестве примера рассмотрим лекцию о жилищных условиях представителей страны изучаемого языка. Структура этой лекции может быть представлена следующим образом. На начальном уровне лекция проводится с использованием родного и иностранного языков. Цель лекции — дать понятие культурных коннотаций самых простых слов (*house, home*) и различий в самих культурных реалиях в зависимости от местности, социального слоя и т. д. Занятие начинается с демонстрации картинок, на которых даны изображения типов жилых домов родной страны. Для показа используются проекционные устройства различного типа. Преподаватель обращает внимание студентов на существенные особенности местного характера, например, использованный строительный материал, размер домов, их расположение по отношению к улице, архитектурный стиль и т. п. Затем демонстрируются фотографии домов, снятых преподавателем в разных регионах страны изучаемого языка. При этом он комментирует разные стили, характерные для этих регионов, и одновременно показывает их на карте. Коротко упоминаются использованные строительные материалы, единообразие стиля в данной местности, наличие или отсутствие заборов, ставней на окнах и т. д. Преподаватель также показывает фотографии более новых домов, чтобы подчеркнуть изменение стиля во времени. Студенты слушают и одновременно делают записи на специальных карточках, разработанных учителем по каждому упомянутому региону.

Задания по закреплению материала могут быть следующими:

— подобрать картинку или фотографию с изображением дома к тому региону, в котором они располагаются;

— найти сходные или отличительные элементы домов в вашей местности и в упомянутых регионах; определить, есть ли различия между названиями жилища; составить список характеристик, связанных с этими словами в родном и изучаемом языках;

— зайти на указанный преподавателем сайт Интернета и описать дома в разных регионах страны изучаемого языка или в других англоязычных странах; описать дом, в котором вы хотели бы остановиться, если бы путешествовали по этой стране.

На последующих занятиях по этой теме можно ознакомить студентов с домашним ук-

ладом и семейными традициями представителей страны изучаемого языка. Американские методисты Carroll (1987) и Lafayette (1978, 1988) предлагают следующую методику занятий по этой теме: 1) преподаватель приглашает носителя языка для беседы о его доме, семье и тому подобном, причем гость может принести фотографии своего дома, семьи и рассказать об особенностях домов в его регионе; 2) студентов следует заранее подготовить к беседе, указав источники информации по данной теме¹. Они должны заранее сформулировать вопросы, чтобы задать их гостю на изучаемом языке. Если нет возможности пригласить носителя языка, можно использовать видео-, аудиозапись, предварительно подготовленную преподавателем. Прежде чем дать прослушать кассету, рекомендуется провести подготовительную работу, а именно: составить список основных тематических лексических групп и вопросов. При прослушивании (просмотре) студенты ведут записи или заполняют специальные карточки, разработанные преподавателем.

На заключительном этапе студенты должны написать краткое изложение услышанного и (или) увиденного, а затем рассказать об укладе и традициях своей семьи на изучаемом языке. При демонстрации видеозаписей следует обратить внимание студентов на невербальные средства общения: жесты, мимику, направленность взглядов говорящих, расстояние между ними и т. д. Если есть возможность, рекомендуется записать на видео последующее обсуждение в классе и обменяться подобными записями с коллегами из страны изучаемого языка.

Вышеизложенное показывает, что чтению аутентичных текстов при обучении иностранным языкам уделяется особое внимание. Однако ограничиваться только аутентичными материалами было бы не совсем правильно, так как они не предполагают диалога культур и могут быть эффективными лишь при наличии опытного преподавателя, хорошо ориентирующегося в обеих культурах (родной и иноязычной). Исходя из этого, Вурнес (1991) предлагает следующую последовательность работы с текстами: 1) чтение текстов об элементах родной культуры на родном языке; 2) чтение текстов об этих же элементах родной культуры на изучаемом языке; 3) чтение текстов о подобных элементах иноязычной культуры на родном языке; 4) чтение текстов об элементах иноязычной культуры

¹ Hadley A. O. *Teaching Language in Context*. Heinle and Heinle. Thomson Learning, Inc. USA, 2001.

на изучаемом языке. Иначе говоря, студенты интерпретируют иноязычный текст через родной язык, а значит, через призму родной культуры.

Отсюда следует, что обучение иноязычной культуре — это процесс сопоставления двух культур, родной и иноязычной, диалог двух образов жизни, двух взглядов на мир. Примером могут быть тексты о принципах воспитания в культурных сообществах внутри одной страны и разных стран (отношения между родителями и детьми, между семьей и обществом и т. д.).

Galloway (1992) предлагает вести работу с аутентичными текстами в четыре этапа. На первом этапе студенты занимаются выполнением предтекстовых заданий, то есть оценивают содержание текста на основе своего жизненного опыта и уровня владения языком. Второй предполагает распознавание студентами общего смысла текста путем исследования его структуры, жанра, идеи. При этом выясняется, соответствуют ли действительности их предположения и догадки, сделанные на первом этапе. На третьем этапе студенты исследуют межкультурные сходства и различия и формируют или подтверждают свои гипотезы о другой культуре, определяют области, которые предстоит изучить. Здесь студентов ждет более тщательная работа над

текстом, поиск деталей, обсуждение коннотаций слов и т. п. Последний, четвертый, этап такого рекурсивного чтения включает размышления по поводу прочитанного с целью интеграции полученных знаний с уже имеющейся информацией по этой теме. При этом происходит осмысление иноязычной культуры и переосмысление родной. Именно на этом этапе автор предлагает давать задания, например, выразить свое эмоциональное отношение к тексту в форме письменной работы и (или) изложить свою точку зрения относительно прочитанного в процессе дискуссии.

Итак, правильное использование преподавателем аутентичных текстов при обучении языку и культуре способствует формированию интеллектуальных, языковых и культурных навыков и умений у студентов, а именно:

- 1) студенты начинают думать о своей родной культуре и традициях и, следовательно, о ценностях общества, в котором они живут;
- 2) студенты начинают осознавать ценности другого общества через его традиции и культуру;
- 3) в процессе сопоставления, сравнения и анализа культур студенты учатся понимать и принимать различные подходы к основным человеческим потребностям и видеть их ценность.

А. В. ХУТОРСКОЙ,

заведующий лабораторией методологии общего среднего образования, старший научный сотрудник Института содержания и методов обучения РАО, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор педагогических наук (Москва)

НАЛИЧИЕ РАЗНЫХ СМЫСЛОВ ОБРАЗОВАНИЯ — УСЛОВИЕ ЕГО ЧЕЛОВЕКОСООБРАЗНОСТИ

Наличие разных культурологических смыслов образования — неочевидный факт для многих педагогов, как практиков, так и ученых. Имеются научные труды, в которых обосновывается преимущество того или иного типа образования как наиболее полно реализующего определенный смысл образования, например, как передачи знаний и ценностей от одного поколения к другому.

Мы придерживаемся точки зрения, что смыслов образования существует множество. Возможно, что их столько, сколько существует людей.

Основой нашего подхода к педагогическим исследованиям является человекообразность образования, то есть его ориентиро-

ванность на запросы, возможности и предпосылки каждого учащегося. Персональная предназначенность есть у каждого человека, и задача образования — помочь выразить и реализовать ее. В этом, на наш взгляд, и состоит миссия человечества, условие его существования. Поэтому в выборе приоритетов между социумом и личностью, человеком и человечеством исходным является человек, а не общество или государство. Заметим, что в образовании сегодня преобладает именно приоритет общественных и государственных, но не личностных норм. Школа ориентирована в основном на запрос социума, на требования вузов или тесты ЕГЭ и почти не заботится о реализации в человеке человеческого.

Такое положение дел не может устраивать тех, кого интересует будущее, складывающееся из успешности, продуктивности и комфортной жизнедеятельности конкретных людей. В последние 15 лет в наших исследованиях прорабатываются отдельные направления человекообразного образования: свободно-развивающее, личностно-ориентированное, природосообразное, эвристическое, продуктивное и др. Но именно человекообразный тип образования, на наш взгляд, является глобальным инновационным резервом, способным кардинально изменить положение дел в современной и будущей школе в направлении их гуманизации.

В качестве подтверждения нашей гипотезы сопоставим смыслы личностно-ориентированного образования и человекообразного. Для этого определим понятия «образование», «тип образования», «смысл образования» и попытаемся отыскать смысловые сходства и отличия личностно-ориентированного и человекообразного типов образования.

Определений понятию «образование» существует множество. В русле понимания человека как «семена неизвестного растения», имеющего потенциальный механизм саморазвития, предлагаем следующую исходную дефиницию: *«Образование — это процесс и непрерывно создаваемый человеком результат его образовывания».*

Под образовыванием здесь понимается процесс развития, становления, прироста человека, переход от потенциальной возможности к реальному существованию в человеке различных аспектов его содержания. В приведенной дефиниции в качестве существенных признаков образования выделяются процессуальность, продуктивность и внутренняя исходность образовательного процесса. Внешняя составляющая образовательного процесса носит характер среды, а также технологических рамок для деятельности образовывающегося человека.

Понятие «тип образования» мы вводим для того, чтобы подчеркнуть, что не существует одного или одинакового типа образования для всех. Образование личностно- или наукоориентированное, светское или религиозное, культуросообразное или эвристическое — это разные типы образования, каждое из которых имеет свои цели, содержание, средства, систему контроля и оценки результатов. На основе проведенных нами исследований можно сделать вывод, что для каждого типа образования существуют свои закономерности, принципы, дидактические системы и т. п.

Выявление и классификация различных типов образования — актуальная задача педагогики, которая еще нуждается в решении. В качестве оснований для построения такой типологии необходимо определить исходные философские позиции: что есть человек, что есть мир, что такое образование человека по отношению к самому себе, к Богу, человечеству, культуре, наукам, окружающему миру и т. п.

Ограничимся рассмотрением двух типов образования: личностно-ориентированного и человекообразного.

Основным признаком личностно-ориентированного типа образования является наличие личности в качестве объекта или предмета образования, а также определенный вектор ориентированности образования — либо на личность, либо от нее. Если вектор направлен «на личность», это означает понимание образования как процесса формирования учащегося, если вектор исходит «от личности» — происходит ее выращивание, развитие. Возможно, конечно, и чередование направлений вектора, но именно эти две крайние позиции являются индикаторами доминирующей целевой установки.

Личность отличается от человека прежде всего социальной заданностью, привитием индивиду функций субъекта социальных отношений. Поэтому в личностно-ориентированном обучении (и образовании) определяющую роль играет социум, общество. Чьи и какие ориентиры (личности или общества) будут доминировать в целевых установках — от этого зависит «степень личностности» личностно-ориентированного образования. Балнс целей осуществляется с помощью выбираемых теоретических моделей и систем обучения, например, с помощью компетентностного подхода. При таком подходе происходит освоение учениками личностно-значимых для них и одновременно для социума знаний, умений, способов деятельности, связанных с реальными объектами изучения. Обязательным становится опыт деятельности ученика по отношению к этим объектам (например, при обучении биологии требуется рассматривать пестики и тычинки не на картинке в учебнике, а на настоящем цветке) и минимально необходимая оспособленность, то есть владение учеником знаниями, умениями, способами деятельности в связи с изучаемыми объектами, наличие эмоционально-личностного отношения к ним.

Итак, с нашей точки зрения, *личностно-ориентированное обучение имеет два подтипа, или два варианта воплощения — формирующее и выращивающее.* Первый вариант

представляет собой адаптированное к новой терминологии традиционное авторитарное образование с его внешне заданным для каждой личности вектором педагогического воздействия. В этом подтипе личностно-ориентированного обучения именно школе, учителю предлагается «доходить» до каждого ученика с единым содержанием образования. Личностные различия учащихся учитываются настолько, насколько это помогает обеспечить усвоение ими внешне заданного содержания образования.

Менее распространен и недостаточно разработан дидактически другой подтип личностно-ориентированного обучения — «от ребенка». В массовой школе этот подход присутствует пока на стадии терминологической целевой обозначенности и некоторых дидактических элементов, таких как индивидуальный план (программа) обучения, индивидуальная траектория обучения, портфолио и т. п. Заметим, что в данном случае происходит отход от социального центра тяжести образования в сторону личности, индивидуальности. Данный тип образования становится мостиком к другим типам образования, которые фиксируются понятиями «индивид», «персона», «субъект», «человек».

Рассмотрим теперь смысл человекообразного типа образования. Понятие «человек» — более широкое, чем понятие «личность». Содержание понятия «человек» включает не только социальный аспект личности, но и такие аспекты, как природосообразность, культуросообразность, богосообразность (человек, созданный по образу и подобию Божию). Человек являет собой собирательный и собирающий во времени образ общечеловеческих достижений, «чело веков» — ум столетий. Поэтому человекообразное образование — понятие более емкое, основополагающее и потенциально вариативное, чем личностно-ориентированное. Социальная роль человека не является здесь доминирующей, как в случае с личностью, а выступает «одной из» его ролей.

Смысл человекообразного образования определяется смыслом человека. Существуют различные понимания человека. В зависимости от ответа на вопрос «что есть человек» устанавливается и реализуется та или иная система его образования. В нашем понимании у каждого человека есть своя система координат, по отношению к которой он живет и действует, устанавливает ценностные основания, реализует свой путь. Существование иных систем координат и измерителей возможно (например, в виде обще-

человеческих, религиозных или иных ориентиров), но человеку предоставляется право на собственную систему координат, на индивидуальную траекторию движения по отношению к ней. К любым другим системам он может, а в ряде случаев должен относиться, принимать их, например, осуществляя деятельность в рамках группы, коллектива, школы, региона и т. п.

Подчеркнем отличие *человекообразного образования от человекоориентированного или человекоцентрированного* — такие понятия тоже можно встретить в педагогической литературе. Сообразность — это соответствие образу, а центрированность — это использование образа человека в качестве объекта воздействия — мишени. «Человекообразное» означает не противоречащее образу человека, а происходящее в соответствии с этим образом. Человекообразное образование близко по смыслу к человекообразующему, в котором образование человека и есть процесс его образования, то есть перехода от потенциально заложенной возможности к ее воплощению в реальности.

Выясняя различия личностно-ориентированного и человекообразного типов образования, необходимо уяснить разницу в понятиях «смысл» и «цель» образования. *Смысл* — это то, зачем происходит образование, цель же — это предвосхищаемый результат. *Цель* определяется смыслом, но не только им, поскольку смысл является исходной точкой, опорой целеполагания. Цель есть предвосхищаемый результат. Для формулирования целей необходим также учет реальной образовательной ситуации, других факторов, в среде которых намечается смысл.

Цели могут быть разные, даже при наличии общих или единых смыслов. Смысл, в отличие от целей, меняется не часто, может совсем не меняться. Смыслов не может быть много. Смысл — это сопряжение фундаментальных основ миропорядка и мировоззрения конкретного человека или группы людей. Смысл — *совместная мысль* человека и мира, Бога, природы. Существуют фундаментальные и прикладные смыслы. Смысл жизни, смысл мира, смысл бытия, смысл образования — наиболее фундаментальные. Смысл учебного предмета «математика» — более частный, он может быть различен, субъективен для учителя, учеников.

Формы существования смысла — идеальное содержание, идея, сущность, предназначение, ценность. Вербализованный смысл — это целостное содержание высказывания, несводимое к значениям его частей, но само

определяющее эти значения. Смысл существует всегда и для любого человека, но не всегда им осознаваем. Он может быть более или менее понятен, определен для человека. Инструментом выявления смысла, а также смыслополагания, является рефлексия.

Исходя из смысловых различий личностно-ориентированного и человекообразного образования следуют различия в целях, содержании образования, технологиях, формах, методах, системах контроля и оценки результатов данных типов образования. Разными оказываются и области применимости этих типов образования. Например, набор ключевых компетенций для личностно-ориентированного и человекообразного типа образования будет различным. Если в первом случае компетенции выбираются такими, чтобы с их помощью обеспечивалось вхождение ученика в конкретный социум и успешность деятельности в нем, то во втором случае такой задачи, как соответствие социуму, не ставится, а ставится задача соответствия человеком своей миссии, реализации заложенного в нем потенциала.

Человекообразный тип образования допускает выбор учеником соответствующего ему социума, а в качестве крайней позиции — даже выход за его рамки, уход от социума. Ситуация с нахождением человека вне социума не такая уж редкая, достаточно вспомнить монахов-отшельников. Каждый человек эпизодически испытывает потребность быть отделенным от социума, и вместо личностной самоидентификации переходит к человеческой. Подчеркнем, что в человекообразном обучении речь не идет о том, чтобы готовить из учеников социальных отшельников. Наоборот, умение жить и действовать в социуме — необходимое условие человека, обеспечивающее его полноту и комплексность. Но эта задача не является доминирующей. Особенно это значимо в ситуациях изменения социальных ориентиров, что периодически случается. В таких случаях человек может опираться на более устойчивые свои представления и позиции.

Какова роль форм, методов и содержания обучения в рассматриваемых типах образования? Выполняя роль педагогического инструментария, одни и те же формы и методы могут с одинаковым успехом применяться в разных типах образования. Однако специфика содержания образования определяется в соответствии с поставленными целями. На-

пример, в личностно-ориентированном образовании обязательными являются социально-ориентированные знания и умения: работа в группах, проектная деятельность; в человекообразном образовании необходимым содержанием выступает гармоничное развитие всех сфер человека в соответствии с его возрастными и иными особенностями. Так, если в качестве основных сфер человека принять тело, душу и разум, то содержание его образования должно распределяться с учетом данной пропорции. А это означает, например, что на физическое движение и развитие в базисном учебном плане должно выделяться не менее трети времени. О том, насколько далека нынешняя школа от природо- и человекообразности, говорит тот факт, что на физкультуру в действующих стандартах отводится два часа в неделю.

Проверке и оценке в рассматриваемых типах образования подлежат различные продукты образовательной деятельности. В личностно-ориентированном образовании проверяются прежде всего личностные качества ученика; в человекообразном — степень соответствия полученных образовательных результатов заданному образу человека. Каким будет образ человека в человекообразном образовании — этот вопрос решается в зависимости от выбранных философских оснований. Отсюда следует существование различных подтипов человекообразного образования. Например, если человек понимается как четырехсферное существо (тело, душа, дух, самодух) в Вальдорфской педагогике, то и образование его проектируется и осуществляется соответственно. Если человек понимается созданным по образу и подобию Бога, в силу вступает религиозная система образования. Образ человека как отражения мира (подобие макро- и микрокосма) также предполагает свой тип человекообразного образования.

Завершая сопоставление двух типов образования, подчеркнем исходный уровень постановки самой проблемы. Для ее раскрытия необходимы дальнейшие исследования, которые дифференцируют педагогическую реальность и построят комплексную типологию типов образования. Это в свою очередь позволит самоопределяться по отношению к данной типологии как ученым, так и педагогам-практикам, а также управленцам образования и главным адресатам — ученикам и их родителям.

О. В. ЧЕЛЫШЕВА,

*профессор кафедры правоохранительной деятельности СПбГУП,
доктор юридических наук;*

С. А. ЯЛЫШЕВ,

*профессор кафедры криминалистической техники, тактики
и судебной экспертизы Санкт-Петербургского юридического института
Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук*

КРИМИНАЛИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Деятельность следователя является одним из основных звеньев в сложном процессе установления истины в уголовном судопроизводстве. В настоящее время в условиях сохранения высокого уровня преступности, применения преступниками все более сложных, изощренных способов совершения преступных деяний, их эффективное раскрытие и расследование становится практически невозможным без научного обеспечения правоприменительной деятельности, оснащения ее специальными средствами, приемами и методами.

Правоохранительная практика показывает, что успешную борьбу с преступностью могут осуществлять лишь всесторонне и профессионально подготовленные сотрудники. Для успешного осуществления предупреждения, раскрытия и расследования преступлений большое значение имеет криминалистика и разрабатываемые ею соответствующие технические средства, тактические приемы и методы расследования преступлений.

В связи с этим исключительно актуальной является проблема профессиональной, в том числе криминалистической, подготовки работников, привития будущим и действующим сотрудникам следственных подразделений специальных практических навыков, связанных с криминалистическими знаниями.

В то же время обязанность эффективно бороться с современной преступностью предъявляет все более высокие требования к следователю, его теоретической подготовке, объему практических навыков и личностным качествам.

В российской криминалистической литературе неоднократно поднимались вопросы необходимости поиска новых подходов в процессе профессиональной подготовки следователей. Проблема совершенствования профессиональной подготовки следственных работников вообще и вопрос о криминалистической составляющей данной подготовки в частности давно привлекал внимание ученых и практиков. Существенный вклад в ее решение внесли такие известные российские иссле-

дователи, как Р. С. Белкин [1], И. А. Возгрин [2], В. Я. Колдин [3], В. Г. Коломацкий [4], Н. И. Клименко [5, 6], К. В. Попова [7], В. Ф. Статкус [8], А. Г. Филиппов и др.

Среди ученых ведутся споры об оптимальном соотношении теоретических и прикладных знаний в преподавании криминалистики, объеме тех навыков и умений, которые должны быть получены следователем в стенах вуза, рациональном использовании различных средств обучения и контроля знаний. Однако до настоящего времени эти и другие проблемы, связанные с профессиональной подготовкой следователей, не получили должного всестороннего исследования и разрешения. Многие предложения об изменении учебного процесса и, в частности, преподавания криминалистики, авторами высказываются без серьезного изучения и обоснованной аргументации. Часть весьма важных и необходимых, на наш взгляд, вопросов вообще не была затронута исследователями.

Представляется, что данная проблема также затрагивает и научные интересы криминалистов сопредельных государств, и они могли бы принять участие в ее обсуждении.

Непрерывность образовательного процесса. Ежегодно значительная часть выпускников вузов поступает на работу в следственные подразделения. Они имеют различный уровень первоначальной подготовки и не всегда по своим профессиональным знаниям готовы полноценно работать в данной должности. Конечно, существуют следственные факультеты специализированных ведомственных вузов, где все обучение ориентировалось на подготовку следователя. Но есть и значительное количество выпускников, обучающихся в общегражданских юридических вузах, которые имеют за плечами пройденный базовый курс юридических дисциплин и дополнительную уголовно-правовую специализацию, то есть несколько увеличенный объем прослушанных лекций по уголовному праву, уголовному процессу и криминалистике. Выполнять профессиональные обязанности следователя самостоятельно они

пока не в состоянии, необходима дополнительная профессиональная подготовка. Обычно она осуществляется в виде наставничества непосредственно в подразделении, где работает начинающий следователь. Кроме того, в следственных подразделениях периодически проводятся занятия по служебной подготовке, на которых наиболее опытные коллеги знакомят следователей с новинками в законодательстве, новыми требованиями к организации расследования и рассказывают о новых технических средствах, поступающих на вооружение правоохранительных органов. Такие занятия ведутся без учета имеющихся у конкретного следователя теоретических знаний, накопленного профессионального опыта, без практической отработки пройденного материала. Периодически следователей с отрывом от работы направляют на дополнительное обучение в ведомственные территориальные учебные центры, где они проходят дополнительную подготовку по стандартной программе. Может ли такое обучение являться полноценным? Скорее всего, нет.

Представляется, что это должен быть объективно обоснованный, соответствующий требованиям дня единый и непрерывный поступательный процесс — от базового обучения в институте (университете), через специализированную практическую следственную подготовку в ведомственном центре (институте) к непрерывной системе дополнительного образования (подготовки) и повышения квалификации на рабочем месте и в ведомстве. Обучение должно продолжаться на протяжении всей трудовой деятельности следователя. Непрерывность процесса подразумевает *преемственность, согласованность, поступательность, чередование* рассмотрения теоретических вопросов с практическими умениями и навыками, постепенный переход от общих теоретических вопросов к узкой углубленной специализации.

И это не общие слова. Изучение нами более 27 учебных и тематических планов по преподаванию криминалистики в различных вузах России, как федеральных, так и ведомственных, занимающихся первоначальной подготовкой следователей, повышением их квалификации, показало, что до 40–45 % учебного времени тратится на повторение уже пройденного материала и восполнение существующих пробелов в изучении предыдущих тем, что никак нельзя назвать преемственностью. Тем более что преемственность подразумевает и единообразие в понятиях, терминологии и другом, но об этом — отдельно.

Согласованность может быть внутренняя и внешняя. К внутренней согласованности преподавательские коллективы учебных заведений стремятся. Это и последовательность в изучении учебных дисциплин и их отдельных тем, и попытки проведения комплексных учебных занятий, где обучаемые должны проявить одновременно знания по нескольким дисциплинам. Но если говорить о внешней согласованности, то возникает целый ряд взаимосвязанных и нерешенных проблем. Одной из них является несогласованность учебных заведений в даваемых объемах выходных знаний предыдущего уровня и требуемых входных знаний последующего уровня обучения. Другой проблемой внешней несогласованности является несоответствие имеющихся знаний, умений и навыков выпускников учебных заведений и современных требований практики.

Поступательность подразумевает изучение вопросов от теоретических основ к практическим задачам, от общего к частному, от теоретических проблем к умениям и навыкам работы в конкретных условиях. Посмотрим, соблюдается ли этот принцип в действительности. В рамках конкретного учебного заведения именно по такому принципу и проходит обучение. Можно говорить о некотором несовершенстве тематических и учебных планов изучения криминалистики с точки зрения «перекоса» либо в сторону необоснованно завышенного теоретического курса, либо освоения практических умений и навыков без необходимой теоретической базы. Но если посмотреть на данный принцип с более широких позиций, то в рамках нескольких учебных заведений разного уровня такое не всегда можно увидеть. Любой пробел в базовой или предыдущей подготовке влечет недостаточно качественное освоение или даже полное непонимание аналогичных тем при углубленном обучении на других образовательных уровнях.

Представляется, что решение данной комплексной проблемы возможно следующим путем. Необходимо с научных криминалистических позиций исследовать современную правоприменительную практику и выработать объективные и обоснованные критерии, каким требованиям (с точки зрения криминалистических знаний) должны удовлетворять современные следователи, занимающие различное должностное положение (следователь, старший следователь, следователь по особо важным делам и др.). Данные критерии необходимо рассмотреть с учетом на-

правленности специализации следователя — общеуголовная, преступления в сфере экономики, преступления в высокотехнологичных сферах (например, в сфере информационных технологий) и др. До настоящего времени таких *обоснованных критериев криминалистическая наука России пока не выработала*, отсюда и существующий субъективизм в определении учебных курсов разных вузов.

На такой основе могут быть разработаны объективные обоснованные современные квалификационные характеристики для выпускников различных ступеней обучения, а следовательно, и соответствующие учебные программы; правильно определено соотношение теоретических знаний и практических навыков; разработана и определена общая иерархическая лестница многоступенчатой непрерывной подготовки следователей различных уровней и специализации.

Представляется также полезным и необходимым, чтобы назначение на должность следователя проходило не после получения базового юридического образования, а только после дополнительной первоначальной специализированной следственной подготовки кандидата на эту должность. Если считать, что базовое юридическое образование, обоснованное и соответствующее Государственному образовательному стандарту, — это тот усредненно необходимый объем знаний для юриста любой специализации (юрисконсульта организации, нотариуса, адвоката, следователя и др.), то учебная и тематическая программа первоначальной подготовки и специализации следователя будет полностью соответствовать разнице между стандартом и современными квалификационными требованиями для следователя. Это даст возможность правильно определить набор учебных тем и необходимую глубину их изучения, которые даются при обучении на данном уровне, а также определить требуемое соотношение между теоретическими и практическими знаниями. Также представляется необходимым, чтобы перевод следователя на более высокую должность был совмещен с прохождением обучения следующей ступени. Тогда квалификационные характеристики выпускника будут соответствовать предъявляемым требованиям к знаниям для лица, занимающего определенную должность. Фактически это означало бы введение обязательного *квалификационного экзамена для занятия определенной должности*.

Решением обозначенной выше проблемы мы сможем существенно поднять качество

обучения следователей различных уровней, повысить эффективность работы всего следственного аппарата. Но эта задача может быть решена только при объединении усилий как криминалистов-ученых, так и криминалистов-преподавателей, криминалистов-практиков.

О различии криминалистики как науки и учебной дисциплины. Данный вопрос поднимается не впервые. Многим криминалистам он кажется вполне ясным, но в практической плоскости зачастую это различие для многих теряется. Каждое из обозначенных направлений решает разные задачи, адресовано различным потребителям и в связи с этим должно иметь разное внешнее выражение. Понимание данного различия ведет к необходимому изменению структуры и смыслового содержания учебников, перераспределения последовательности и объема часов изучаемых тем и глубины их освоения в связи со специализацией обучаемых, определения иных квалификационных требований к преподавателям.

В криминалистике как науке приветствуется неординарность мышления, выдвижение новых и критический пересмотр уже имеющихся положений, научная дискуссия между различными авторами. На такой основе наука развивается и углубляется. Другое дело — учебный курс криминалистики. Он дает ту систематизированную, необходимую и достаточную теоретическую подготовку, которая потребуется будущему практику. На этой базовой основе следователь может более осмысленно и обоснованно применять новые технические средства, оценивать полученные результаты, легче адаптироваться в нестандартных ситуациях, осуществлять самообразование.

Но на практике работают выпускники различных учебных заведений, обучающиеся по различным учебникам. Они должны одинаково понимать криминалистическую терминологию, говорить и мыслить «на одном языке», оперировать одинаковыми категориями, иметь одинаковый уровень подготовки. Такое возможно только в том случае, когда криминалистика преподается одинаково и во Владивостоке, и в Калининграде. Поэтому учебный курс криминалистики во всех учебных заведениях одного уровня *должен быть единообразным и относительно стабильным* во времени. Отсюда и требование к учебникам совсем иное, чем к научным трудам. Если учебники не ориентированы для подготовки научных кадров, то они не должны быть проводниками отдельных

научных взглядов их авторов, не должны быть собранием различных точек зрения авторов научных дискуссий и научных теорий. Они должны на основе общепризнанных теоретических положений обосновывать применение тех или иных технических средств, приемов и методов, которые необходимы выпускнику-практику этого уровня подготовки, *должны учить их работать по избранной специализации*. Поэтому учебники должны быть не только рассчитаны на определенный уровень подготовки, но и максимально ориентироваться на определенную специализацию обучаемого.

Здесь мы опять приходим к определению квалификационной характеристики специалистов различного уровня и специализации, о которых говорили выше. Только они позволяют завершить непрекращаемую дискуссию ученых — как писать учебники, чему учить и в каком объеме. Такая основа позволит существенно изменить и структуру учебников. Но решение данной проблемы — задача всего криминалистического сообщества — ученых, педагогов, практиков. Только при их объединенных усилиях она может найти свое разрешение.

Еще одной проблемой преподавания криминалистики можно назвать соотношение теоретических знаний и практических умений и навыков у обучаемых. Вполне понятно желание многих преподавателей дать максимально большой теоретический курс при изучении криминалистики. Это тот костяк, на основе которого обучаемый позднее сможет самостоятельно восполнить недостающие пробелы в образовании. Но после такого обучения выпускник не может работать следователем самостоятельно. Ему не хватает практических умений и навыков работы с определенными техническими средствами, со следами определенных видов, он не может грамотно провести и полно зафиксировать полученные результаты проведенного следственного действия. Отсюда вполне реальные нарекания к учебным заведениям о некачественной подготовке. Поэтому возникает другая крайность — давать практические умения и навыки работы с приборами и следами в ущерб теоретической подготовке. Но появление новых технических средств, приборов ставит таких практиков в тупик. Где же тот необходимый баланс между теорией и практикой? Ответ, как представляется, находится посередине. Все зависит от уровня обучения в иерархической лестнице непрерывного процесса обучения и избранной специализации. Без соответствующей теории

применение технических средств и методов, приемов становится зачастую необоснованным, так же как одна теория без применения на практике мертва. Выпускник должен *уметь работать по избранной специальности*, одновременно зная основы теоретических знаний, необходимых ему для работы на данном уровне подготовки. Здесь должен действовать принцип разумной достаточности теории при приоритете практических навыков и умений.

Исключением из этого правила может быть только общее базовое юридическое образование без соответствующей специализации, где криминалистика дается как ознакомительная дисциплина или подготовка научных кадров. Даже подготовка педагогических кадров для преподавания криминалистики в учебных заведениях, по нашему мнению, должна удовлетворять данному принципу. Мы не ведем речь о том, что педагог-криминалист не может заниматься наукой или, наоборот, научный работник — преподавать. Конечно, может, но данная деятельность для него является вспомогательной, дополнительной. При обучении педагога такой уровень теоретической научной подготовки, как для ученого-теоретика, объективно не требуется.

Мы понимаем, что последнее суждение наверняка вызовет бурную реакцию со стороны коллег. Но посмотрите на существующую действительность. Только прошедший хорошую школу практической деятельности криминалист может стать хорошим педагогом, научить секретам мастерства молодых, передать свой бесценный практический опыт подрастающему поколению следователей. Конечно, теоретическая научная подготовка педагога должна быть несравненно выше, чем у практика, этому также надо учиться и освоить весьма большой пласт научных знаний как специальных криминалистических, так и педагогических. Только на основе полученных теоретических знаний педагог сможет обобщить, проанализировать и оценить практический опыт, правильно расставить приоритеты в преподавании учебного курса, заинтересовать обучаемых преподаваемой дисциплиной, собственным примером научить практическим навыкам работы.

Поэтому нам представляется необходимым говорить о возможности введения отдельной подготовки криминалистических научных и педагогических кадров. Они решают разные задачи, используют отличные методы работы, должны обладать различными профессиональными качествами и

объемом знаний, требуют иных условий подготовки к профессиональной деятельности.

О некоторых организационных вопросах обучения. Необходимо пересмотреть учебно-методическую базу и техническое оснащение учебных заведений, осуществляющих первоначальную подготовку, специализацию и повышение квалификации специалистов в зависимости от места данного учебного центра (вуза) в иерархической лестнице непрерывной подготовки следователей. Если наши предыдущие суждения верны, то для реализации изложенного представляется необходимым создание на государственном уровне единых специализированных территориальных учебных центров для подготовки и аттестации следователей различных уровней и специализации. Это позволит перейти от отдельных разрозненных учебных заведений с недостаточной и зачастую отсталой материально-технической базой, не соответствующей современным требованиям науки и практики, к хорошо обеспеченной соответствующим литературным фондом и специализированными кабинетами, полигонами, наглядными пособиями, оборудованием, учебными материалами, без этого невозможна качественная подготовка высококвалифицированных специалистов в области криминалистики. Ведь чем выше уровень подготовки, уже даваемой следователю специализации, тем выше предъявляемые требования к обеспечению учебного процесса, материально-техническому оснащению. Нередко данная задача не под силу отдельному учебному заведению, или имеющееся оборудование непроизводительно простаивает, морально устаревает в ожидании подготовки следующего набора специалистов соответствующего уровня и профиля.

Потребности правоприменительной практики и перспектива ее дальнейшего развития и совершенствования должна стать основой для выстраивания всей взаимосвязанной непрерывной системы подготовки следователя путем последовательного поэтапного освое-

ния дополнительных образовательных программ, нацеленных на углубление знаний по определенному направлению. Дальнейшее совершенствование следственной деятельности будет происходить на основе выстраивания обоснованной ступенчатой системы квалификационных характеристик следователей различного уровня и специализации с последующим переходом к формированию учебно-методических комплексов образовательных учреждений для подготовки с учетом непрерывности обучения.

Высказанные нами соображения являются нашей личной точкой зрения, и мы надеемся, что они вызовут дискуссию среди коллег или обмен существующим опытом в решении обозначенных проблем.

Литература

1. *Белкин Р. С.* Вопросы теории науки в вузовском курсе криминалистики // Материалы конференции по вопросам совершенствования преподавания криминалистики в учебных заведениях МВД России. Омск, 1971.
2. *Возгрин И. А.* Курс криминалистики (основы методики преподавания). СПб., 1998.
3. *Колдин В. Я.* Теория, методология и дидактика криминалистики: тезисы // Актуальные проблемы преподавания криминалистики в юридических высших учебных заведениях: матер. Всерос. науч.-практ. конф. М., 1999.
4. *Коломацкий В. Г.* Курс криминалистики. Дидактика и методика. М., 1991.
5. *Клименко Н. И.* Криминалистические знания: природа, структура, оптимизация использования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1993.
6. *Клименко Н. И.* Криминалистические знания в структуре профессиональной подготовки следователя. Киев, 1990.
7. *Попова К. В.* Криминалистическое содержание профессиональной подготовки следователей органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.
8. *Статкус В. Ф.* Некоторые проблемы подготовки специалистов по раскрытию и расследованию преступлений // Вестник криминалистики. М., 2000. Вып. 1.

И. Б. ЧУБАЙС,*директор Центра по изучению России, декан факультета социологии и россиеведения Института социальных наук, доктор философских наук (Москва)*

НУЖЕН ЛИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ «СВЕРХПРЕДМЕТ», ИЛИ ПОЧЕМУ МЫ НЕ ЗНАЕМ, ЧТО ТАКОЕ «РОССИЕВЕДЕНИЕ»

Нужна ли в образовании сверхзадача. Любая ограниченная система, действующая в бесконечном мире, устроена неправильно, если она не иерархизирует свои задачи, не объявляет некую цель самой главной, иную — менее важной, а какие-то другие не декларирует третье- или десятистепенными по значимости. Этот тезис имеет глубинные философские основания — он вытекает из телеологии Платона. Но тонкую метафизику мы разбирать здесь не станем, я лишь проиллюстрирую ее примерами из повседневной жизни: в ходе правильно организованных боевых действий есть направление *главного* удара, в оркестре есть *первая* скрипка, в эстраде — «*топ тен*», на телевидении — *прайм-тайм* и т. д. Правильно устроенная система образования имеет ту же структуру: есть задача, которую она выполняет прежде всего, есть цели, достигаемые периодически, а есть вопросы, которые решаются по мере возможности или в дополнительное время...

В Советском Союзе система образования была в этом отношении организована правильно: в первую очередь она декларировала и решала задачу «подготовки сознательных строителей коммунизма». (Я, разумеется, говорю здесь о формальной, а не содержательной стороне дела — советский марксизм, обезображенный ленинизмом, ностальгии вызывать не может). Между тем давно уже нет СССР, не осталось ни коммунизма, ни научного коммунизма, но никакая новая сверхзадача в нашей системе образования так и не сформулирована.

В большинстве государств мира образование такую цель признает и решает; как правило, она состоит в *углубленном понимании собственной идентичности*, своей истории и культуры, в формировании патриотизма. Американцы изучают «Америкэн стадис» (Американоведение), канадцы — «Канадиен стадис», в Индии это «Индиен стадис», в арабских странах — «Арабиен стадис» и т. д. Не удивительно, что и в России (дооктябрьской, досоветской) в старших классах гимназии дети проходили предмет под названием «Отечественное». Вполне логично звучит предложение разработать и включить подобный курс в нашу современную систему образования. Это

тем более актуально, если признать, что на протяжении семидесяти лет мы вообще не имели ни собственной истории, ни собственной социальной философии. Наши соседи из бывших советских республик — я уж не говорю о бывших соседях по соцлагерю — давно сформировали новые концепции собственной истории и преподают их в своих школах и вузах.

Вакуум сплывающих ценностей, общенациональных начал некоторые авторы пытаются преодолеть через разработку курса «Основ православной культуры». Никаких «вопросов» к православию и к культуре православия у меня нет, но инициаторы данного проекта не могут не учитывать, что Россия — страна многоконфессиональная, а часть ее граждан придерживается атеистических воззрений. Попытка сплотить многоконфессиональный народ на моноконфессиональной основе работает на разрыв, и, значит, от нее следует либо отказаться, либо ограничить сферу применения.

Россиеведение — это наша сверхзадача. После проведения большой подготовительной и информационной работы в 2003 году наш Центр получил заказ от Управления образования Калининградской области. Требовалось разработать концепцию и подготовить учебник «Отечественное» для 11-х классов. Заказ был выполнен, его этапы обсуждались в десятках учебных и научных институтов разных регионов нашей страны. С учетом прозвучавших предложений и замечаний в 2004 году был подготовлен и опубликован сам учебник. Уже третий год в 42 школах Калининградской области этот предмет преподается в качестве добровольного и экспериментального курса.

Кратко представлю концепцию нового предмета. Курс «Отечественное» состоит из четырех разделов (одна школьная четверть — одна часть).

Первая часть — историософия России. Здесь речь идет не о хронологии событий, которая и без того изучается в школе трижды, а о шести самых значимых событиях нашего двенадцативекового маршрута, которые и сделали Россию такой, какой она сегодня является. (Речь идет о принятии православия, собирании земель, Петровских реформах,

революционных потрясениях начала XX века, Отечественной войне 1941–1945 гг. и становлении нынешней России.) В соответствующем разделе анализируются значение и последствия данных событий.

Вторая часть — русский язык. В ней рассматриваются не традиционные склонения и спряжения, а культурология нашего языка, его история, история алфавита, то, как изменения в языке влияли на изменения в стране, а изменения в стране влияли на язык.

Третья часть — философия России. Здесь разбираются ключевые идеи, лежавшие в основе нашего общества и государства. Речь идет об исследовании русской идеи, коммунистической идеи и коммунистической идеологии, а также о возрожденной, реформированной российской идее. Все эти термины четко описываются, определяются и анализируются. Добавлю, что вопреки распространяемому нашими СМИ мифу проблема национальной идеи решена нашей наукой более десяти лет назад.

Заключительная часть учебника — русская словесность — построена в форме задачника. В ней выявляются и анализируются метаобразы русской литературы и русско-

го фольклора. Речь идет об образах Родины, Бога, героя, дома и т. д.

Все четыре раздела книги написаны таким образом, что они опираются на знания, полученные учащимися ранее (в курсе истории, литературы и т. д.), и в то же время они включают качественно и принципиально новое содержание — не повторяя прежде пройденное, они на нем базируются.

Подготовив школьный учебник, наш Центр создает теперь первый в стране факультет россиеведения (в рамках негосударственного Института социальных наук в Москве). Цель ученых и педагогов факультета — разработка и популяризация новых представлений о нашей идентичности, о российской идее, о нашем прошлом и настоящем, дальнейшая разработка целостной концепции россиеведения, создание новой гуманитарной научной школы. Свою задачу я вижу и в том, чтобы подготовить учебник по россиеведению для студентов отечественных вузов, а также для тех, кто изучает нашу страну за рубежом. Я призываю к сотрудничеству всех тех, кто заинтересован в создании у нас новой гуманитарной науки, в преодолении тяжелейшего схоластического наследия советского тоталитарного прошлого.

Л. А. ЯРОСЛОВА,

*заведующая кафедрой иностранных языков
Стерлитамакской государственной педагогической академии,
кандидат педагогических наук, доцент (Башкортостан);*

Л. В. ФИЛИПОВА,

*доцент кафедры иностранных языков
Стерлитамакской государственной педагогической академии,
кандидат педагогических наук (Башкортостан)*

ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ НА ОСНОВЕ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА КОММУНИКАЦИИ

Межкультурное общение рассматривается как функционально обусловленное взаимодействие людей, относящихся к различным культурным сообществам в силу осознания ими принадлежности к разным геополитическим, континентальным, религиозным, национальным и этническим сообществам. Партнеры по межкультурному общению, естественно, отличаются своим видением мира, образом и стилем жизни, моделями речевого и неречевого поведения. В связи с этим важным условием подготовки к межкультурной коммуникации считается включение не-

вербального компонента в процесс обучения. К средствам невербальной коммуникации относят: личностное пространство, жесты, мимику, позы, позиции, движения тела, дыхание, улыбку и т. д. Эти средства имеют конкретное смысловое и эмоциональное значение, которое невозможно понять, не зная их национальной особенности. Так, улыбка в сознании представителей разных культур имеет совершенно разное значение. Для американца улыбка — привычна и обязательна: «Keep smiling!» («Улыбайся!»), что бы ни случилось. Так их учили с детства. Совершенно

справедливо считается, что таким образом американцы поддерживают (воодушевляют) друг друга, приходя утром на работу. Для россиян — улыбка имеет иную смысловую нагрузку: для русского человека улыбка — это праздник. Для улыбки нужен повод, в противном случае она осуждается. При сопоставлении культур эти различия следует учитывать.

Чтение образцов художественной литературы дает нам возможность теоретического знания о национальных особенностях поведения носителей языка. Однако знание — не всегда понимание. Понимание приходит непосредственно через ролевое исполнение образов, отличающихся невербальным поведением от носителей языка в родной культуре. Отсюда следует, что ролевая игра — один из вариантов успешного обучения иностранным языкам. Только побывав в роли американца или англичанина, мы научимся понимать их поведение в конкретной жизненной ситуации. Ролевая игра предполагает элементы новизны, творчества и эмоционального подъема, которые невозможно заменить ничем. Довольно часто человек не может понять роль невербальных средств общения, вовлеченных в какую-то конкретную ситуацию. В данном случае используется так называемый «зеркало»-способ. Он заключается в том, что поведение какого-либо студента в группе копируется другим студентом. Наблюдающие оценивают достоверность передачи образа, и если образ передан неверно, на роль приглашаются другие студенты. Таким образом человек, роль которого играли другие студенты, имеет представление о том, каково его поведение в той или иной конкретной ситуации.

Предлагаем некоторые практические упражнения по использованию невербальных средств обучения иностранным языкам.

1. Упражнение, связанное с категорией *личностного пространства*, показательно в плане выбора адекватного расстояния между коммуникантами. Попросите студента группы сделать несколько шагов в вашем направлении. Остановите его, когда вы считаете нужным, то есть вы должны выбрать расстояние между вами и студентом, удобное для общения. Затем пусть студенты возьмут на себя роли родственников (отца, матери, сестры, брата, тети, дяди и т. п.). Отметьте, какое расстояние будет приемлемо между ними. Дайте задание студентам взять на себя роль носителя изучаемого языка (теоретически студенты подготовлены на предыдущих уроках, то есть они знают, какое расстояние

должно быть между коммуникантами в случае благоприятного общения). Подведите итог: отметьте разницу в культурах.

2. Упражнение относится к категории невербального общения «*визуальный контакт*». Студентам дается задание: задержать взгляд на собеседнике от 2 до 30 секунд. Отметить, сколько нужно времени, чтобы чувствовать себя комфортно, глядя в глаза собеседнику? Когда ощущается дискомфорт? Когда взгляд становится мешающим, неприятным, пугающим? Прodelайте это несколько раз, меняя время задержания взгляда (2, 5, 10, 20 с).

3. Упражнение, показывающее, каким образом *позиция* влияет на взаимоотношения. На уроке студентам предлагаются роли отца и сына и рассматриваются их взаимоотношения с точки зрения разных позиций в пространстве относительно друг друга. Сначала разыгрывается позиция под углом 90°, затем последовательно — в положении, когда отец стоит, а сын сидит; сын поворачивается спиной к отцу; сын стоит, а отец сидит. Заключительной сценой может быть диалог между «сыном» и «отцом» в позиции «лицом к лицу». Можно придумать еще какие-то позиции «отца» и «сына» относительно друг друга. Что чувствует каждый из них в разных позициях? Какая позиция самая комфортная? Подвести итог.

4. Упражнение, при котором во внимание принимается *поза* играющих. Пусть кто-то из студентов пройдет по комнате развязной походкой, другой — задрав кверху подбородок, третий — прямо, откинув плечи назад. Проследите, как действует на окружающих различная поза. Что можно сказать о позах в культуре носителей языка? Подвести итог.

5. Упражнение, при котором изучается выражение лица (*мимика*). Попросите студентов, глядя в зеркало, менять выражение лица (сморщить лоб, сдвинуть брови, прищурить глаза, надуть губы, выдвинуть челюсть, открыть рот, приподнять/опустить уголки губ и т. п.). При этом каждый должен сообщить, какие чувства он испытывает при изображении того или иного движения. Пусть каждый изображающий подумает, что бы он при этом сказал (какую реплику). Учитель, поддерживая благоприятную атмосферу, не мешает происходящему в классе.

6. Упражнения с использованием *жестов*. Попросите студентов вообразить себя носителями языка и вспомнить, какие жесты присущи их культуре. Начните с использования жестов в родной культуре. Их много — фантазии хватит на всех.

7. *Украшения* играют важную роль в интерактивном поведении. Попросите студентов принести из дома разные шляпки (очки, бусы и т. п.) и проследите на уроке, какое влияние оказывают украшения (внешний вид) на взаимоотношения в группе.

8. *Паралингвистика*. Попросите студентов произнести несколько фраз (диалогов) с различной интонацией, паузами, интенсивностью. Дайте задание изменить тембр голоса. Пусть два студента воспроизведут разговор по телефону, то есть воспроизведут ситуацию, когда говорящие не видят друг друга. Попросите говорить по телефону с разной дикцией: четко, невнятно, небрежно. Какой будет реакция на другом конце провода? Прочие студенты пусть воспроизведут диалоги, вкладывая различные чувства (радость, раздражение, досаду, сожаление, злобу и т. п.) в слова. Сделайте соответствующие выводы.

9. *Контекст* как невербальный компонент пока серьезно не рассматривался в литературе данного направления. Однако обстановка в комнате или расположение человека в комнате играет большую роль в диагностике сложившейся ситуации. Можно провести эксперимент и пронаблюдать, какое влияние оказывают на общение следующие контексты: интенсивность и источник света; наличие доски, кафедры, подиума; размер комнаты; цвет стен, пола, мебели; количество при-

сутствующих; окружающие звуки, запахи, температура; отношения людей с высоким и низким статусом; положение людей в пространстве (кто с кем сидит, кто сидит отдельно от всех, рядом и т. д. Задание: попросите студентов изменить расположение парт в классной комнате: обычным способом (парты расположены одна за другой), полукругом, в виде буквы «П» и т. д. Подведите итоги. Какое расположение парт самое удобное для общения? То же проделайте со светом (яркий свет, полумрак, полутьма и т. п.). Оказывается, невербальный подтекст конкретной ситуации имеет большое значение для взаимопонимания.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что правильная организация коммуникативного обучения иностранному языку с использованием невербального компонента позволяет:

- снять негативные проявления при изучении культуры носителей языка;
- добиться точности и правильности высказывания за счет динамичности учебного процесса (движение в пространстве, цветовая и световая динамика, мимика, жесты, легкая мебель и т. д.);
- выработать языковые и культурные навыки и умения, позволяющие студентам адекватно ориентироваться в конкретной ситуации страны изучаемого языка.

Секция 7

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

А. В. АГОШКОВ,

*главный редактор журнала «Вопросы культурологии», главный специалист
Института научных исследований и информации Российской академии
государственной службы при Президенте РФ,
кандидат философских наук (Москва)*

ЦЕННОСТНЫЕ СУЖДЕНИЯ В СОДЕРЖАНИИ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Проблема ценностных суждений в содержании школьного обществоведческого образования в нашей стране стала обсуждаться с конца 90-х годов XX века. Хотя до сих пор основными критериями адекватности того или иного учебника (пособия, программы и пр.) являются его соответствие федеральному компоненту государственного образовательного стандарта, базисному учебному плану, а также научность, соответствие уровню психофизиологического развития школьника и так далее, тема мировоззренческой (в более узком смысле — аксиологической) нагруженности общественного знания становится сейчас все более злободневной.

Если вспомнить ситуацию, сложившуюся в эпоху перестройки, можно сказать, что более всего в моде тогда был «объективизм», который выразился в стремлении авторов донести до учащихся «чистое знание», освобожденное от идеологии и политических пристрастий (этот лозунг был очень популярен и в постперестроечное время). Естественно, в свете этой позиции весьма ценилась некоторая «отстраненность» автора, его способность донести содержание, отбросив любые (в том числе свои) предпочтения и убеждения. Это придавало учебной книге определенную научность, а содержанию — объективный характер.

Не стоит ломать голову, чтобы догадаться, что такая позиция являлась, по сути, методологической ловушкой: желание исключить из учебного текста всякий субъективизм уничтожало главное — авторскую позицию, без которой невозможно создание целостной, непротиворечивой книги. В учебни-

ках и пособиях стали преобладать эклектика и фрагментарность, стремление механически соединить различные теории и концепции в некую искусственную «сумму». Это поставило под угрозу основной принцип обучения — мировоззренческую значимость знания, направленность на формирование личности.

Естественной реакцией на подобное положение дел стало обсуждение вопроса о содержании школьного обществоведческого образования. Всем стало ясно, что методическая опора на собственную познавательную деятельность ученика, оставшегося один на один с целой палитрой мнений относительно путей развития современного общества, если не исчерпала себя, то существенно осложнила учебно-воспитательный процесс.

Другой вопрос, вынесенный на повестку дня, также прямо относился к теме данного выступления: о ценностной природе общественного знания. Неудовлетворительное положение дел констатировал ведущий специалист в данной области: «Можно спорить о том, научно ли обществоведческое знание, но что в основе его лежит ценностное понимание мира — бесспорно. Соотнесение с человеком, его потребностями и интересами, наделение смыслом, подведение под оценку — все это неизбежные черты рассмотрения явлений общественной жизни и все они, вся ценностно-смысловая нагруженность предмета остается вне перечня единиц знания базисного минимума»¹. Таким образом, проблема содержания

¹ Лазебникова А. Ю. Современное школьное обществознание. Вопросы теории и методики: моногр. М., 2000. С. 23. (Библиотека журнала «Обществознание в школе»; вып. 7).

обществоведческого образования и его ценностного характера вышла в то время на первый план.

Надо сказать, что авторы школьных учебников не оставались в стороне от научной полемики, большинство из них так или иначе пытались исправить сложившуюся ситуацию. По-прежнему отдавая страницы своих трудов для изложения палитры мнений по актуальным вопросам общественного развития, они пытались реализовать собственную позицию в «скрытых формах»: через отбор материала, определенный круг источников, характер иллюстративного ряда, направленность вопросов и заданий и т. п. Увы, это по-прежнему часто приводило к созданию весьма эклектичных произведений, лишенных внутренней целостности, к отрывочности знаний учеников, усиливало противоречивость их мировоззренческих позиций и размытость (или отсутствие) ценностных суждений.

В начале 2000-х годов все активнее стала заявлять о себе альтернативная позиция, стремление авторов подойти к содержанию обществоведческого курса с оценочной, «эмоционально-сердечной» (выражение Н. А. Бердяева) его стороны. Для этого в содержание пособий все более стал привлекаться материал из мирового художественного наследия, то есть литературы, живописи и пр. Отдельные действия в данном направлении предпринимались уже несколько лет назад².

В ряде статей мы также обращали внимание читателей на необходимость дополнения педагогической теории и практики положениями ценностно-психологического подхода, основы которого были изложены ранее³. Согласно ему, наиболее «активной» частью сознания являются не знания, а убеждения, или комплекс устойчивых эмоционально-оценочных реакций, являющихся побудителями практической деятельности людей. Это, во-первых, привело к переоценке эвристическо-

го значения, социально-философских учений, ставящих своей целью не только описание, но и преобразование действительности. Во-вторых — к переоценке других сторон духовной жизни, непосредственно участвующих в целеполагающей деятельности человека, и прежде всего — искусства и литературы.

Эти соображения теоретического характера послужили основой для разработки перспективного учебно-методического комплекта по обществознанию для 10 и 11-го классов, включающего учебные пособия, глубоко интегрированные с курсом литературы. Главная функция этих книг — не только образовательная, но и развивающая и воспитывающая, основная цель — пробуждение у учащихся интереса к предмету и определение точек приложения знаний, формирование убеждений и мировоззрения⁴. Основная задача курса — формирование убеждений учащихся — решается в процессе освоения наследия мировой художественной культуры, в частности, произведений отечественной литературы, в яркой и образной форме содержащих необходимую информацию.

Таким образом, нам представилось возможным не только оживить и дополнить содержание учебного курса, но и тактично высказать авторскую позицию относительно некоторых сложных вопросов общественной жизни. Из совокупности высказываний авторитетных деятелей культуры прошлого (а подчас и настоящего) естественным образом складывается *ценностное суждение, оценка того или иного явления. Оно как бы вынимается из историко-культурного вакуума, относится к вековой культуре нашего народа. Опираясь на изучение этой культуры, можно лучше понять все происходящее сегодня.*

Так, например, в параграфе 3 «Лики культуры» книги для 10-го класса подробно затрагивается тема массовой культуры и средств массовой информации. Здесь одним из дискуссионных вопросов является введение цензуры. Для его освещения необязательно привлекать современный материал (как правило, весьма неадекватный). Можно привести мнения классиков, например, произведения А. С. Пушкина, посвященные печати: небольшой отрывок из статьи «Путешествие из Москвы в Петербург», который начинается со слов «Расположась обедать в славном трактире Пожарского...», а также блестящую эпиграмму

² В 2003 г. «Учительская газета» опубликовала интереснейший документ — проект учебной программы «Литература как порождение истории» для 9–11-го классов (авт. И. Бражников). С тех пор в СМИ публиковалось не одно выступление представителей педагогической науки. Они указывали, что в преподавании общественных наук помимо знаний нам все более становятся важны именно *чувства*. См., напр., интервью с профессором, заведующим кафедрой МИОО С. И. Козленко в «Учительской газете» в феврале 2004 г.

³ См.: Яновский Р. Г., Агошков А. В. Правовая культура: как воспитать гражданина? // Безопасность Евразии. 2004. № 3. С. 279; *Они же*. Народная культура и правосознание: традиции, проблемы, перспективы // Там же. № 4. С. 373.

⁴ Имеются в виду базовые учебники по обществознанию для 10–11-го классов средней (полной) школы «Человек в обществе» и «Гражданин в государстве» Н. Салыгина и Ю. Салыгиной, а также пособия А. В. Агошкова и Т. Б. Пасман.

«Как! жив еще курилка журналист?..». Оба этих текста звучат весьма актуально. (По этой же теме можно прочитать стихотворение Н. А. Некрасова «Публика»⁵.)

Так, на основе образных представлений о социальной действительности в сознании учащихся постепенно формируются ценно-

стные суждения в категориях «добро» и «зло», «полезно» и «вредно», «истинно» и «ложно», «справедливо» и «несправедливо». Становится возможным развитие нравственных ориентиров школьника, «присвоение» им этических норм, что и является одной из важнейших задач обществоведческого образования.

Г. А. АНДРИАНОВА,

*старший научный сотрудник лаборатории методологии образования
Института содержания и методов обучения РАО,
заместитель директора Центра дистанционного образования «Эйдос»,
кандидат педагогических наук (Москва)*

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАСПРЕДЕЛЕННОГО ЭВРИСТИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ В ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Компьютерные технологии и телекоммуникационные средства, активно входящие сегодня в жизнь современного школьника, предлагают ему различные способы и формы самореализации. Компьютерные сетевые игры, информационное новостное пространство, форумы и сетевые блоги отражают разнообразные жизненные ценности, в том числе и негативные. Для того чтобы использование коммуникационных средств Интернета помогало школьнику становиться личностью, укреплять нравственные основы, необходимо выстраивать образовательные программы, предлагающие гуманистические способы реализации учащегося в сетевом пространстве. Таким образом, телекоммуникационные новшества вынуждают общество и ученых разрабатывать новые педагогические системы, интегрировать их в общее среднее образование.

Дистанционное обучение как инновационный образовательный процесс с использованием информационно-компьютерных технологий помогает школьникам реализовывать цели, направленные на развитие личности. Современное дистанционное обучение выполняет функции распределенного в пространстве и во времени образования. Ученик обучается не только в одной очной или дистанционной школе, а сразу в нескольких. Комплексная образовательная программа ученика в этом случае составляется таким образом, что разные образовательные предметы изучаются им в различных учреждениях или у разных пе-

дагогов. Координирующую роль здесь играют очное или дистанционное учебное заведение или родители ученика, взявшие на себя право обеспечения его общего среднего образования. Дистанционное обучение данного типа называется распределенным¹.

Распределенное обучение оказывает позитивное влияние на учащихся в том случае, если продуцирует гуманистическую педагогическую концепцию. Эвристическое обучение, дистанционные формы которого реализуются сегодня на базе Центра дистанционного образования «Эйдос»², направлено на развитие творческого потенциала школьников и педагогов России, помогая им самореализоваться в сетевом образовательном пространстве.

На основе наших исследований выявлены следующие признаки распределенного обучения, которые отличают его от других систем обучения: распределенность содержания, форм и методов обучения, возможность обучать и обучаться в разное время и в разных географических местах, применение ИКТ для достижения эффектов очного обучения, распределенное управление педагогическими, организационными, техническими, финансовыми и иными процессами, необходимыми для поддержания распределенной системы обучения, и др. Таким образом, систему распределенного обучения мы характеризуем как систему, в которой различные субъекты

⁵ См.: Некрасов Н. А. Стихотворения. 1845–1877 / сост. Е. Жезлова. М., 1979.

¹ Хуторской А. В. Типы дистанционного обучения в 12-летней школе // На пути к 12-летней школе: сб. науч. трудов. М., 2000. С. 320.

² См.: <http://eidos.ru>.

обучения, сохраняя пространственную и временную удаленность, осуществляют совместный процесс управления образованием на базе телекоммуникаций.

Опытно-экспериментальная деятельность Центра дистанционного образования «Эйдос» осуществляется в соответствии с принципами педагогической инноватики, согласно которым субъекты обучения определяют смысл и цели изменений в своем образовании³. С 1998 года в нашем эксперименте приняло участие более 100 тыс. школьников. Участвуя в проводимых дистанционных эвристических олимпиадах и курсах, научных форумах, коммуникационных проектах, чат-занятиях, школьники приобретают умения и знания, которые приводят к их самореализации в едином коммуникационном пространстве. Учащиеся школ, лицеев, гимназий из различных городов и поселков России и стран СНГ одновременно соревнуются в творчестве и осуществляют образовательные коммуникации в Интернете, что позволяет им ощущать себя развивающимися гражданами мирового информационного сообщества.

Развитие и становление модели распределенного эвристического обучения современных школьников сопровождается построением ими индивидуального учебного плана, в котором отражаются их жизненно-значимые цели, специфические ориентиры различных образовательных учреждений, ориентиры эвристического обучения. Школьники становятся заинтересованными в развитии собственного образования. Выполняя эвристические задания, они решают реальные научные проблемы, выдвигают собственные версии и гипотезы причин тех или иных явлений в предметных областях, создают творческую продукцию, актуальную для их жизни. В резуль-

тате стимулируется развитие новых умений школьников: ставить лично-значимые цели, создавать практико-ориентированный образовательный продукт, управлять процессом организации своей учебной деятельности, осваивать образовательное интернет-пространство через разные формы коммуникаций с другими субъектами распределенного обучения.

Наш опыт разработки и внедрения инновационных форм распределенного эвристического обучения с использованием телекоммуникационных средств и технологий обнаружил качественное и количественное изменение смысла, целей, содержания традиционного очного обучения в экспериментальных школах. Согласно проведенным нами опросам, смысл образования для учеников и педагогов этих школ приобретает более гуманистический, творческий характер. Привычное содержание образования структурируется при помощи дистанционных или очно-дистанционных курсов, ученических онлайн-конференций, чат-уроков, эвристических олимпиад и других форм распределенного эвристического обучения. Цели учащихся, принимающих систематическое участие в дистанционных формах обучения, не ограничиваются формальными ориентирами, такими как сдача ЕГЭ и поступление в вуз, а получают индивидуально-значимую для них трактовку: например, умение ориентироваться в образовательном пространстве, способность выразить свою уникальную точку зрения, создать и защитить в Сети образовательный продукт, приобрести коммуникативные компетенции, научиться получать образование в различных учебных заведениях для реализации творческого потенциала вне рамок одного образовательного учреждения и многое другое.

М. А. АРИАРСКИЙ,

*заведующий кафедрой социально-культурной деятельности
Санкт-Петербургского государственного университета
культуры и искусств, доктор культурологии, профессор*

КРЕАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Личность информационного общества — человек не только обладающий исторически обусловленной степенью разумности, ответ-

ственности перед социумом и ведущий образ жизни, соответствующий идеалам его эпохи, но и креативно мыслящий. Сегодня понятие «личность» неотделимо от креативности, то есть способности к активному, созидательному творчеству, умению не только

³ Хуторской А. В. Педагогическая инноватика: методология, теория, практика. М., 2005.

воспринимать, осмысливать, использовать, воссоздавать, передавать информацию, но и эффективно реализовывать ее созидующий потенциал, внедрять высокие технологии, вносить посильный вклад в совершенствование качества жизни мирового сообщества.

Величие государства ныне предопределяется не столько размером территории, богатством его недр, объемом производства и мощностью вооруженных сил, сколько уровнем культуры и креативной активности его населения. Превращение Соединенных Штатов Америки в ведущую супердержаву мира в первую очередь стало результатом активности ее первооткрывателей, без проявления которых они не могли бы выжить на новых землях. Эта традиция более чем за двести лет стала нормой бытия всеобъемлющей конкуренции, которая весьма далека от принципов гуманизма, но объективно играет существенную роль в утверждении культуры инициативной позиции каждого американца. Активность воспринимается в США как неотъемлемое качество личности и условие его социальной успешности. Все это детерминировало бесспорные достижения страны в эффективности менеджмента и применении высоких технологий, однако главным при этом стало формирование менталитета нации, адекватного требованиям креативно-информационного общества XXI века.

Совершенно иная ситуация сложилась в современной России. Советский Союз оставил в наследство результаты воспитания, основанного на низведении людей до роли винтика, включенного в единую, управляемую сверху машину. Каждый человек был ориентирован на то, что его активность правомерно лишь в границах претворения в жизнь решений партии и правительства. Обладая социальной защищенностью на уровне минимального прожиточного уровня, советский гражданин был максимально отдален от естественного права планировать и организовывать свою жизнь. И это объективно привело к социальной пассивности. Парадокс России начала третьего тысячелетия проявляется в том, что, опираясь на великие традиции духовности и достаточно высокий по мировым стандартам уровень культуры и образования, она испытывает жесточайший дефицит менеджеров всех уровней и не может в полной мере реализовать свои естественные ресурсы. Этим правомерно объяснить и то, что не только Германия или Япония, но даже наши бывшие союзники в Центральной Европе, не обладающие такими природными богатствами, как Россия, менее болезненно

осуществили перестройку общественных отношений и существенно обгоняют нас в темпах экономического развития и повышения уровня жизни населения.

Определяя условия эффективного включения страны в информационную цивилизацию и усиления ее роли как одной из ведущих держав мирового сообщества, нельзя не видеть особую значимость преодоления ошибок системы воспитания и необходимость сконцентрировать внимание общества на развитии социальной активности всех групп населения, формировании креативности нации, стимулировании творческих потенциалов каждого россиянина. Решение этой задачи требует политической воли законодательной и исполнительной власти, целенаправленных действий институтов гражданского общества, коренного обновления методологии и методики воспитания системы образования. Особое место в этом процессе должна занимать социально-культурная деятельность, которая изначально предполагает непреложную активность ее участников.

Социально-культурная деятельность — это взаимодействие людей в создании, освоении, сохранении и распространении значимых ценностей культуры, в процессе которого удовлетворяются и возвышаются их духовные интересы, изменяется сам человек и окружающий его мир.

Социально-культурная деятельность может носить профессиональный и непрофессиональный характер, реализовывать разные функции, проявляться в профессионально-трудовой, культурно-досуговой и других сферах жизнедеятельности, решать различные культуротворческие, культуроохранительные, воспитательные задачи, но ее сверхзадачей всегда выступает стимулирование процесса формирования духовно богатой, креативной, социально активной личности.

Взаимодействие людей в процессе социально-культурной деятельности может носить спонтанный, самодеятельный характер, однако в первую очередь оно осуществляется под педагогическим воздействием, обеспечивающим конструктивные изменения человека и окружающей его среды в соответствии с изначально заданной моделью и методически инструментальной технологией.

Формирование креативной личности нельзя ограничивать влиянием естественной среды. Обладание креативными качествами может быть лишь результатом последовательного, педагогически выверенного воздействия на сознание и чувства индивида, поэтапного приобщения его к миру творчества

и реализации своих интеллектуальных, организационных, коммуникативных и эмоциональных потенций. А это в свою очередь диктует необходимость научно осмыслить методiku этого процесса, привести ее в соответствие с закономерностями развития личности и спецификой содержания и характера социально-культурной деятельности.

Любая специальность и система ее профессиональной подготовки, как правило, опирается на цикл научных дисциплин. Будущие врачи начинают овладение профессией с анатомии и физиологии человека, учителя — с психологии и педагогики, строители — с механики и сопромата. Исключение все годы советской власти составляла социально-культурная деятельность и ее предшественница — культурно-просветительная работа, сущность которых предопределялась не наукой, а постановлениями КПСС. Ныне эта специальность и форма социальной практики наконец-то стали предметом научного осмысления. Ее стремятся сделать предметом научного анализа философы, историки, социологи, этнографы, ученые, исследующие проблемы человекознания. Однако ведущей дисциплиной, на которую сегодня опирается социально-культурная деятельность, стала культурология как наука о культуре в ее единстве и многообразии.

В рамках данной науки, получившей всеобщее признание в конце XX века, ныне развиваются:

- фундаментальная (теоретическая) культурология, которая концентрируется на обосновании общих закономерностей функционирования культуры;

- историческая культурология, осмысливающая процессы возникновения, становления и развития культуры;

- дифференциальная культурология, раскрывающая особенности культуры отдельных народов и социальных групп;

- прогностическая культурология, пытающаяся определить дальнейшее развитие культуры;

- прикладная культурология, призванная раскрывать социальные технологии создания благоприятной культурной среды, вырабатывать механизм приобщения человека к достижениям мировой и отечественной культуры, вовлечения его в социально-культурное творчество.

Каждое из этих направлений культурологического знания представляет несомненный интерес. Однако в условиях острейшей необходимости в полной мере реализовывать созидательный потенциал культуры наиболь-

шего внимания заслуживают практические аспекты, позволяющие превращать культуру в реальное достояние каждого человека. В связи с этим представляется целесообразным остановиться на такой прикладной области культуры, как педагогическая культурология.

Педагогическая культурология — это область науки и социальной практики, которая интегрирует основы культурологии и педагогики и, опираясь на их взаимодействие и взаимовлияние, раскрывает методiku социально-культурного просвещения и вовлечения индивида в культурную деятельность, способствующую преобразованию знаний о культуре в нравственно-эстетические убеждения, нормы и принципы духовной жизни, умения и навыки креативной деятельности.

Предметом педагогической культурологии выступает социально-педагогический процесс разностороннего развития личности путем вовлечения ее в систему социально-культурного просвещения и свободного творчества, результатом которого становятся ценности культуры, обновленная культурная среда и новые, социально значимые качества человека.

Объект педагогической культурологии — человек, личность, индивидуальность, отдельный индивид или социальная общность.

Цель педагогической культурологии — посредством комплекса специально отобранных и синтезированных видов культурной деятельности обеспечить:

- приобретение, расширение, углубление, обновление и приведение в систему знаний о природе, обществе, мышлении, технике и способах деятельности, способствующих утверждению мировоззренческой, идейно-нравственной и эстетической позиции;

- формирование интеллектуальных и практических навыков и умений в сфере социального, научно-технического и художественного творчества;

- стимулирование развития творческих потенций личности;

- создание, освоение, сохранение, распространение и воспроизведение ценностей культуры;

- усвоение способов культурно-досугового творчества и нерегламентированного общения;

- удовлетворение интересов и последовательное обогащение духовно-эстетических потребностей разных групп населения;

- регуляцию социального бытия, воспитание в каждом человеке повседневных культурных навыков, культуры труда, познания,

быта, досуга, делового и неформального общения.

Конкретизируя роль педагогической культурологии в общественном развитии личности, в первую очередь целесообразно видеть ее в:

— обосновании технологии гармонизации отношений человека с природой, создании такого комплекса ноосферного, экологического, а по существу гуманистического образования и воспитания, которая утвердит новую систему ценностей, основанную на гуманистической парадигме экологической культуры, способной сохранить биосферу и ее главное составляющее — человека;

— раскрытии механизма погружения человека в социально-культурную среду через освоение системы научных знаний и ценностей литературы и искусства;

— внедрении эффективных методик формирования способности человека включиться в процесс непрерывного образования, постичь высокие технологии современного производства и информационного обеспечения социального прогресса, познать себя, реализовать свои творческие возможности.

Органично связывая цели воспитания и вовлечения формирующейся личности в мир

культуры, педагогическая культурология опирается на выработанные педагогикой и веками оправдавшие себя методы развития духовно богатой и социально активной индивидуальности, которая обладает исторической памятью, верна сложившимся национально-культурным традициям, владеет способностью воспринимать, креативно осмысливать и создавать ценности культуры во всех сферах жизнедеятельности.

Как область научного знания и социальной практики педагогическая культурология может способствовать совершенствованию процесса эстетического воспитания детей, подростков и молодежи, повышению качества художественного образования, обеспечению культурологической направленности в работе музейных учреждений и туристических фирм, внесению эстетических начал в процесс обучения и воспитания в средней и высшей школе, в системе дополнительного образования, в армии и на флоте. Однако в первую очередь конструктивная роль педагогической культурологии может и должна проявляться в социально-культурной деятельности как средство научного осмысления ее методики и условие обеспечения эффективности данного направления духовной жизни общества.

А. Г. АСМОЛОВ,

заведующий кафедрой психологии личности Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор психологических наук, профессор

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

В наше время перемены охватывают все. Встает вопрос: что же стабильно в наше время? Стабильна нестабильность нашего времени. На Востоке, если хотели человеку пожелать каких-то трудностей, говорили: «Чтоб тебе жить в эпоху перемен». По сути дела это полностью относится к нашему времени и российскому образованию. В своем докладе я постараюсь осветить ключевые моменты, которые поясняют, почему мы говорим не «образование внутри образования», а «образование внутри культуры, социума и более широких систем».

Конечно, мы, специалисты в области образования, обсуждая свои вопросы, скорее найдем общий язык, но даже в этом случае может возникнуть эффект Вавилонской башни. Что же происходит, когда мы свои идеи, представ-

ления, концепты пытаемся представить обществу? От этого разговора, который носит часто жреческий характер, когда служители культа говорят о святом, а все остальные в храм не допущены, возникает огромное количество сложностей. Поэтому я сегодня хотел бы обсудить особый аспект линии развития стандартов, которые создавались моим коллегой и соратником Александром Михайловичем Кондаковым вместе с Олегом Ермолаевичем Лебедевым и еще рядом других наших исследователей. Этот аспект следующий: «Образование как социальный институт формирования гражданской идентичности личности. Консолидация, доверие и взаимопонимание в российском обществе». Еще раз делаю акцент на том, что мы впервые рассматриваем образование не как информационный процесс,

а как один из ведущих институтов социализации в обществе. При этом я опираюсь на слова моего учителя Алексея Николаевича Леонтьева, известного психолога, который в разговоре с другим моим учителем и названным старшим братом Владимиром Тендряковым обронил следующую фразу: «В чем беда образования XX века? Главный его кризис в том, что это процесс обнищания души при обогащении информацией».

Вдумайтесь в эти слова: образование как «процесс обнищания души при обогащении информацией». Цитируя своего учителя, я хотел бы сказать, что он часто оказывался вне рамок рассмотрения многих подходов. Сегодня возникает огромное количество рисков в образовании. Вы все помните старую формулу, что над людьми надо ставить эксперименты по возможности с их согласия. Но те социальные эксперименты, которые все время ставятся в нашем обществе, называют не словом «эксперимент», а другим термином — «реформа». Мы постоянно реформируемся. Реформа — это, как говорится, закрытие слова «эксперимент».

Какие этапы прошло наше образование? Первый этап — после социальных изменений — период «стабилизации образования». То есть начиная с 1990-х годов мы с вами «стабилизировались». Второй период назывался «развитие образования, реформирование образования». После реформирования мы должны были пойти по пути «развития образования». Но без ценностных ориентиров общества развитие невозможно. И поэтому, чтобы не «развиваться», мы решили «модернизироваться». Итак, мы стабилизировались, реформировались, кратковременно развивались, а сегодня модернизируемся.

Переходя от одного этапа к другому, мы упустили ключевые в этих сценариях эффекты образования и не могли с ними пробиться к жизни, к сознанию. Что это за эффекты? Первый эффект образования, который мы не учитываем и о котором я буду говорить специально в контексте линии стандартов, — эффект формирования гражданской идентичности в нашем обществе. Если мы во всех наших реформах не пойдем, что образование — это не услуга, а процесс социализации, и ключевым феноменом этого процесса является формирование гражданской идентичности, то мы не увидим ценностной линии образования, не пойдем его как нравственный императив, как сказал бы Кант, как аксиологический ценностный императив.

Второй эффект образования — поиск солидарности граждан в многоконфессиональ-

ном и многонациональном российском обществе. Образование по своей сути, что недооценивается политиками, это то, что может способствовать солидарности, а не разлому, согласию, а не конфликту. Эта роль для нас невероятно важна.

Наконец, третий эффект — доверие и взаимопонимание различных личностей и социальных групп. Мы так затерли слова «доверие» и «понимание», что не учитываем когнитивного подхода, но без понимания ничего не получится. Эти коммуникативные моменты, обуславливающие согласие и понимание, невероятно важны при анализе образования как системы. В связи с этим мы должны очень четко понять, что лежит в основе нашей новой стратегии разработки стандарта образования как института социализации.

Первый тезис: понимание того, что образование есть приобщение нового поколения детей, подростков и молодежи к ведущим ценностям отечественной и мировой культуры, что образование — это формирование гражданской идентичности личности и духовной солидарности общества. При всей своей кажущейся, казалось бы, ясности данный тезис очень часто не понимается.

Второй тезис, на котором основывается наша разработка стандартов образования: образование — это овладение универсальными способами принятия решений в различных социальных и жизненных ситуациях. Обратите внимание, я говорю «универсальные вещи, универсальные способы принятия решений», а не «знания, умения, навыки». Это не снимает проблему знаний, умений и навыков. Но в нашем изменяющемся мире мы должны, по сути дела, перейти к универсальным способам, а от них уже к особым действиям, связанным со специальными областями знаний.

И, наконец, третий тезис: образование — это снижение вероятности рисков социальной дезадаптации и нарушения здоровья подрастающего поколения.

Учитывая вышеперечисленные моменты, при разработке стандартов мы отмечаем следующие ориентиры: первое — выделение ценностных установок образования как института социализации личности, отображающих требования к образованию семьи, общества и государства. Какие ценностные установки мы должны выработать в процессе социализации? Что за этим скрывается? Как сказал Макс Вебер, за этим стоит представление об идеальном типе личности, в выработке которого должно участвовать образование. Пока у нас нет представления об идеальном

типе личности, мы с вами не понимаем, куда идем. Даниил Борисович Иконин говорил о том, что когда с образования спрашивают за все беды общества, надо понять, что общество должно знать, куда двигаться. Надо иметь образ будущего, только тогда образование может нести функцию воспитания. В этой ситуации хочу обратить внимание на следующее. Сегодня, когда мы не видим ценностных ориентиров образования и не эксплицируем их, возникает очень сложная ситуация.

Образование сегодня — не единственный институт социализации личности, поэтому мы говорим о необходимости стандарта. Кто с нами станет конкурировать? В информационную эпоху после перехода от индустриального общества к постиндустриальному главным институтом образования и социализации являются средства массовой информации, а теперь еще и коммуникации.

Сегодня СМИ — это институт развития личности или ее деградации, это институт лепки, формирования многих ценностных установок, позиций. Сегодня тургеневский эпистолярный жанр исчез, но через SMS мы опять возвращаемся, хотя и в совершенно ином виде, к этому феномену культуры. По сути дела получается очень интересная, совершенно другая форма культуры общения. Один из моих коллег как-то проанализировал, сколько сцен насилия за минуту возникает на экранах наших телевизоров, газет, радио. *Одна за другой:* чем больше насилия, тем притягательнее. Это уже не просто «желтая» пресса. Это — политика государства. Например, на федеральную программу «Образование» в России сегодня выделяется около 6 млрд рублей, а на телевидение — 60–80 млрд рублей. Разница очевидна. Анализ роли конкурирующего института социализации для нас невероятно важен.

Второй институт социализации, который сегодня переживает кризис, — институт семьи. Какова эволюция семьи? Всем известен сегодня феномен социального сиротства, понятие неполной семьи и матери-одиночки — их становится все больше и больше.

Следующий институт, который конкурирует сегодня с образованием, и поэтому мы говорим о стандарте как согласии, — институт религии. Сегодня институт религии играет несоизмеримо большую роль, чем раньше, у нас идет массовая религиозизация населения страны. По сути дела, религия начинает задавать пример во всем. С этим связано огромное количество проблем и споров. Так, пять лет назад была попытка ввести в школах России курс «Основы православной куль-

туры». Когда мы обсуждали данные вопросы, мне позвонил муфтий из Казани и сказал: «Что это там в Москве позволяют вводить в курс школьной программы основы православной культуры? Что за безобразие?». Я говорю: «Знаете, мы будем обсуждать вопросы, касающиеся православной культуры и ислама». Ответ я получил гениальный: «С исламом мы в Казани сами разберемся». То есть ситуация: в школе один ребенок исповедует ислам, другой — ламаизм, буддизм, третий — православие и т. д. Как же быть преподавателю? Принцип светскости образования — на самом деле защита от конфликтогенности. Сегодня религия считает возможным задавать социальный сценарий развития личности. Сегодня это реальность.

Вот четыре института — СМИ, семья, религия и образование, которые находятся сегодня в конкурентном поле. И когда мы вырабатываем стандарт, то должны понимать это конкурентное поле. Обсуждая данные институты и их эффекты образования, мы предлагаем обозначить ведущую цель образования.

Целью образования является мотивация к обучению и обновлению компетентности. Почему об этом сегодня идет речь? Вспомните Козьму Пруткову, его строки сегодня становятся все актуальнее: «Нельзя объять необъятное». А мы школу превращаем в скопление всего. Появилась экология — география, подвинься, появился другой предмет — подвинься и т. д. По сути каждый новый предмет ведет себя как кукушонок, который вытесняет других «птенцов» из «гнезда» школьных знаний. Поэтому я убежден, что задача школы в изменяющемся мире — это прежде всего научить учиться. Но без мотивации ничего не получится.

Лев Семенович Выготский в свое время писал о ребенке 1930-х годов: «Наш ребенок бы знал и умел, и мог, но его беда в том, что он прежде всего не хочет», что актуально и сейчас. Поэтому мы хотим создать стандарт, который бы обеспечил интерес ребенка к обучению. Вспомним библейскую притчу о том, что есть два пути: первый — дать рыбу голодному, второй — научить ловить ее. По сути, это может стать эпиграфом к тому, что делает наша группа.

Все вокруг меняется, и мы должны обладать как базовой компетентностью, так и возможностью впитывать новые и новые культуры, обосновывая компетенции. Мы говорим не о минимуме, а о необходимых и достаточных знаниях для перехода на следующую ступень образования.

Итак, после определения цели образования в новой доктрине стандарта мы предлагаем понимание стандартов как *конвенциональных норм*. Об этом мы говорим впервые. Понятие «стандарт» обычно воспринимается как мера весов, длины и тому подобного, то есть как физический стандарт. Сразу же происходит и «акклиматизация» стандарта, его натурализация. Он есть как цвет глаз, волос. Поэтому я ввожу понятие «конвенциональной нормы», стандарта особой нормы — нормы договоренности, согласия, обеспечивающей доступность образования, его эффективность, его качество.

Эта норма, во-первых, обеспечивает доступность качества и эффективности образования и фиксирует следующее: требования к результатам образования, набор образовательных областей, объем нагрузки на различных уровнях и ступенях образования, сроки обучения, структуру примерных образовательных программ, процедуру контроля за образовательными достижениями.

Эти моменты я выделяю с достаточной степенью жесткости и говорю: нет стандартов школьного образования, есть *стандарт* школьного образования. Мы должны в этом стандарте задать только набор образовательных областей, а не страдать предметоцентризмом. Какие образовательные области? Природа в начальной школе и т. д. Мы должны четко задать стандарты, за которые отвечаем на федеральном уровне, чтобы они были в каждой школе, и не более того. То есть дать не конкретное содержание, а общий набор образовательных областей. В Думе не должны обсуждать, включать Куликовскую битву в программу или нет. Примерные образовательные программы — это вопросы образовательно-профессионального сообщества, а вот набор образовательных областей для всей России на разных ступенях и уровнях образования должен быть четко задан на президентском, государственном уровне.

Наконец, еще один момент, за который меня коллеги критиковали. Я сказал, что буду просить не допускать академиков РАН обсуждать образовательный стандарт в России. Поясню свою позицию. Ученые разрабатывают свои области, их дело — открывать, исследовать; у них нет установки на передачу знаний как целостного образа мира. Когда мы выдаем на экспертизу наши программы, любой биолог скажет: «Да мы же открыли прыгающий ген! почему в программу обучения 6-го класса не включен прыгающий ген?!». Да, это современная наука. Но как этот прыгающий ген впишется в программу?

Поэтому мы говорим — только набор образовательных областей, а дальше примерные программы — дело уже педагогического сообщества. Это совершенно иной подход, но стандарт один.

Структура примерных образовательных программ: все программы должны строиться как система образовательной деятельности.

Сроки обучения: государство задает — одиннадцать, девять ли лет, но это решает государство и это входит в стандарт. Стоило бы сейчас ввести 12-летнее общее образование, но при этом мы столкнем институт армии с институтом школы.

Объем нагрузки: наши дети переутомлены образованием. У нас перегрузки в школе. Я устал от этой некорректной постановки вопроса. Час жизни Гоголя отличается от часа жизни Акакия Акакиевича. Физический час — это одно, а психологический час — совсем другое. Если передо мной выступает учитель, который блестяще дает знания, — это одна секунда. Знаменитые СанПиНы составлялись без учета мотивации ребенка, целей и, как говорил гениальный физиолог Томский, доминанты. Поэтому вопросы распределения нагрузки без проблем мотивации не будут решаться.

И наконец, процедуры контроля. Когда мы «бьем», как в свое время писал один известный педагог, ребенка оценками, мы его забиваем. Очень опасно, когда школа рождает комплекс неуспешного человека. Неуспешный человек — это несчастный человек. Следовательно, вопрос о контроле знаний, академических достижений — очень важен. И как любой контроль, как любая диагностика, он должен быть проведен гуманистическими методами. Без контроля, конечно, нельзя. Но нам нужен контроль не процесса, а результата достижений. Мы вводим ЕГЭ по всей России, но ЕГЭ — это единый экзамен, а не единственный. Олимпиады — отличная форма контроля знаний, например.

Все это говорит о новом понимании образовательных стандартов.

Новое понимание стандартов связано с разработкой системы универсальных познавательных действий, с общими особенностями культуры мышления человека, а учебные образовательные действия — с областями знаний: физикой, химией и т. д. По сути дела мы учим действовать, а не только запоминать и т. п. Когда мы рассказываем об этом подходе, нас спрашивают: «А как же компетентностный подход?»

Компетентностный подход — частный случай системно-деятельностного подхода. Что

такое компетентность? Это знание в действии. По сути, отрывать компетенции от той структуры деятельности, в которой они возникают, это нонсенс.

В данной работе я попытался обозначить лишь некоторые контуры стандартов, уводящих от понимания стандартов как минимума знаний к совершенно иной парадигме нового поколения стандартов. Конечно, здесь по-прежнему вопросов намного больше, чем уже полученных ответов. Но если мы не выделим присущий нашей культуре набор «джентльменских» дисциплин для каждого уровня обучения, то еще долго будем топтаться на месте. В контексте социализации стандарт выступает, по сути дела, как ген образовательного поведения. Стандарт не может быть рассмотрен в контексте вариативности образования, потому что вариативность — наличие разных траекторий индивидуального развития — основа для реализации личности.

К сожалению, по данной теме нет еще специальной литературы. Пока все это — лишь общие диалоги, над которыми мы уже год работаем. Вышла только небольшая книга «Стандарт общего образования на пути к общественному договору».

Может показаться, что наша концепция стандартов несколько страдает излишней социологизацией. Но образование — это не только институт социализации, но и способ социокультурного воспроизводства нации, собственной культуры. И когда я говорю о социализации, то прежде всего имею в виду, вслед за Выготским, процесс интеграции как приобщения к культуре. И в данном случае социализация не сводится в буквальном смысле к трактовкам Пиаже или Дьюкгейма. Наши наработки находятся в рамках культурно-исторической и культурно-деятельностной концепций. Это линия Выготского, Леонтьева, Лурье, а не компетентностный подход или узкая трактовка социализации как обобществления. Как один из ключевых моментов социализация включает культурогенез. Без культурогенеза социогенеза в нашем понимании не существует.

Что касается приоритета задач воспитания, то одной из важнейших является здоровье учащихся. Когда мы рассматриваем социализацию как культурный процесс, то в этом социокультурном процессе имеем дело с ценностными нормами здоровья. Не случайно одной из причинных линий разработки стандарта является снижение рисков, дезадаптации подрастающего поколения при нарушении различных форм здоровья. Причем

речь идет не только о физическом здоровье, но и о психическом, а также о социальном здоровье. Поэтому следовать известной формуле Гиппократова «Не навреди» должны не только врачи, но и педагоги. Известно, что есть ряд болезней, возникающих в результате неправильных действий врача, но точно так же существуют и недуги, возникающие как следствие тех или иных неграмотно или некультурно использованных технологий обучения. Поэтому для нас ценностная установка «НЕ навреди» является одним из важнейших ориентиров.

Еще раз хочу повторить, что стандарты — это конвенциональные нормы, которые учитывают разные технологии обучения, но жестко их не задают. Иначе речь пойдет уже о примерных программах, а не о стандарте. Например, вхождение в жизнь новых технологий, с которыми мы не можем не считаться и не учитывать. Сегодня Интернет дает возможность обучаться по разным специальностям, и разработчиками стандартов, конечно, учитывается возможность учащегося учиться сразу в нескольких учебных заведениях. Это вопрос организации обучения. Мы говорим о необходимости виртуальной школы, о необходимости сетевого сообщества учителей, о сетевом обучении и илионинге как о нормальном направлении обучения в современном мире, о новых мобильных технологиях. В стандартах, например, можно предусмотреть позицию, которая обязывала бы в разных образовательных программах в школах объединять свое отношение к обучению в других учебных заведениях, учитывая результаты, полученные при параллельном обучении в других учебных заведениях. Надо расширять возможности выбора образовательных программ, разных форм организации, потому что урок в привычном его понимании перестает быть сегодня единственной формой обучения.

Конечно, всегда существует риск, что формирование общероссийской гражданской идентичности превратится в формирование республиканской идентичности, а функция консолидации системы образования, которая сейчас реализуется весьма слабо, превратится в сепаратистскую. Пример ислама в этом случае — очень яркий.

Но здесь надо четко понимать: формирование гражданской идентичности как ценностной установки образования — это задача государства Российского, а не отдельных его регионов. Никто не делегирует регионам такие ключевые вещи, как формирование гражданской идентичности, ценностного портрета,

ценностных параметров социализации, процесса окультуривания личности. Все эти моменты, безусловно, должны быть заложены на федеральном уровне. Дать набор примерных программ образования — задача федерального уровня, хотя никто, конечно, не устраняет региональный компонент полностью.

Министерством образования подготовлен проект изменения содержания и структуры Государственного образовательного стандарта, сейчас он широко обсуждается в Госдуме. Этот проект разрабатывается группой Калины, с которой мы сотрудничаем. Поэтому без обсуждения с нами данный проект не будет реализован. Разумеется, риск всегда есть:

может выпрыгнуть, как джинн из бутылки, какой-то документ, которого никто не видел, и «залечь» в Думе.

Судя по всему, новый стандарт вообще будет в другом понимании. Но это зона федеральной ответственности. Давайте говорить не о компонентности, а о наборе дисциплин, сроках обучения, содержании примерных программ — все это остается в стандарте. На нормативном уровне речь может идти о том, что региональный компонент должен соответствовать общим целям образования, чтобы не было выхода за эти рамки, чтобы региональный компонент не стал средством отрицания общих целей.

В. К. БАЛЬСЕВИЧ,

профессор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор биологических наук (Москва)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗДОРОВЬЕФОРМИРУЮЩЕЙ МИССИИ СПОРТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

До сих пор решение проблемы развития физических и психических возможностей спортсменов во многом обеспечивалось интенсификацией процесса спортивной подготовки, направленной на достижение предельных возможностей различных систем организма спортсмена, в том числе и посредством допинговой поддержки высокой работоспособности атлетов при запредельном расходовании жизненно важных резервов организма человека.

При этом научно-исследовательская составляющая развития спортивной культуры была и до сих пор остается ориентированной преимущественно на повышение эффективности отдачи энергетических ресурсов организма атлета и сверхмобилизации его психики. Созданная на основе такого целеполагания система многолетней подготовки элитных спортсменов достаточно логично искала и находила все более мощные средства повышения тренировочной и соревновательной работоспособности атлетов. Это в конечном счете привело к катастрофической деформации спортивной этики и опасным тенденциям развития рисков для здоровья спортсменов, а также для детей и подростков, заимствующих этот порочный опыт для ускорения эффектов силовой подготовки и достижения внешних фитнес-эффектов.

Сложившаяся в связи с этим проблемная ситуация в спортивной науке определяется все более очевидными противоречиями между имеющимися и потребными знаниями о функционировании организма в экстремальных условиях спортивной деятельности. Проблемно и формирование научного знания о путях достижения оздоровительных целей многолетней тренировки людей различного возраста методами оптимальной стимуляции физической работоспособности человека в обыденной трудовой деятельности и здоровьесформирующей физической активности.

В связи с этим представляют интерес субпространства исследований спортивной культуры общества и личности, их валеологические и поведенческие составляющие, реализуемые в таких активно (в идеале) деятельностных формах, как семейное и спонтанно-средовое физическое воспитание; организованное физическое и (или) спортивное воспитание; физическая подготовка в детских дошкольных и школьных учреждениях разного типа, в системе профессионально-технического и высшего образования, в вооруженных силах, спортивная подготовка в спортивных школах разного типа, спортивных клубах, обществах, командах, в частных студиях, структурах профессионального спорта, в олимпийском спортивном движении.

В этих субпространствах «взрачиваются» индивидуальные кинезиологические потенциалы человека, создаются и отвергаются технологии их формирования и по каналам культурной преемственности осуществляется передача ценностей спортивной культуры от поколения к поколению.

В результате проведенного многолетнего исследования онтогенеза кинезиологического потенциала человека [3] были выявлены следующие фундаментальные закономерности развития систем его движений, детерминирующие методологические походы к конструированию стратегий и тактик достижения природосообразности ритмической структуры многолетней спортивной и здоровьесформирующей тренировки человека:

1. Гетерохронный характер развития различных звеньев и систем морфологии и функции организма, обеспечивающих реализацию двигательной активности.

2. Синфазность периодов интенсивного роста элементов систем движений и их несовпадение с периодами ускоренного развития структур.

3. Многоуровневая ритмичность развития систем моторики в спортивных упражнениях, их элементов и структур.

4. Высокая степень индивидуальности двигательных проявлений во всех видах спорта.

5. Высокий уровень детерминированности успешности спортивной тренировки наследственными предрасположенностями человека к развитию того или иного вида физических качеств и способностей.

Опираясь на эти закономерности и используя эволюционный подход, нами были сформулированы основные принципы организации многолетней спортивной и общекондиционной тренировки.

Принцип детерминации означает необходимость учета на всех этапах спортивной подготовки атлетов и массового физического воспитания консервативных и лабильных компонентов морфофункциональной организации человека и ее развития с помощью специально организованных тренирующих воздействий. Консервативные признаки морфофункционального комплекса моторики должны быть главным объектом нашего внимания при спортивной ориентации и отборе, разработке многолетних программ физического совершенствования человека. В то же время лабильные признаки должны оцениваться с точки зрения возможностей и оптимумов их развития, необходимости и достаточности уровня развития физического потенциала на

разных этапах спортивной карьеры, способности атлета надежно усваивать обучающую (тренирующую) информацию. Принцип детерминации диктует необходимость разработки индивидуальных морфофункциональных и мотивационных профилей как основы для построения этапных моделей их физической, функциональной, технической и психологической подготовленности, а также обуславливает полезность разработки типологии двигательных проявлений как базы для обоснованного выбора оптимальных биомеханических параметров и уровней развития реализуемых в спортивных упражнениях двигательных качеств. Это, в свою очередь, открывает новые возможности для детализации тренировочных программ на основе эффективного учета индивидуальных особенностей каждого человека и уточнения оптимальных характеристик его функциональных кондиций.

Принцип адекватности обучающей и тренирующей информации означает необходимость такой организации тренирующих воздействий, которая учитывала бы многовекторную сущность готовности и неготовности систем организма человека к восприятию обучающих или тренирующих воздействий определенного типа. Эффективность тренировки будет более высокой, если акценты тренирующих воздействий будут совпадать по характеру с естественными ускорениями в развитии отдельных элементов и структур моторики, во многом детерминируемые генотипом, и текущим состоянием систем моторики, предопределяемым фенотипическими сенситивностями [3].

Принцип фазового акцента направленности тренирующих воздействий учитывает выявленную нами закономерную фазовость и цикличность развития моторики спортсмена. Опираясь на этот принцип, мы получаем возможность обоснованно распределить во времени тренировочные нагрузки разной направленности. Принцип фазового акцента обуславливает целесообразность соблюдения строгой последовательности в стимулировании развития сначала элементной основы систем движений (отдельные физические качества, обеспечивающие их морфофункциональные компоненты, отдельные биомеханические элементы), а затем их структурной организации. Этот же принцип побуждает тренера и спортсмена к принятию решения о своевременной смене направленности, содержания, объема и интенсивности тренировочной нагрузки.

Таким образом, в принципиальном плане уже в наши дни возможно смещение приоритетов формирования спортивной культуры

человека в трех направлениях. Во-первых, усиление природосообразной направленности педагогических воздействий, то есть соотношения содержания физической и спортивной активности с естественными закономерностями возрастного развития двигательной функции обучающихся. Во-вторых, освоение наукоемких технологий спортивной и общефизической подготовки уже с первых шагов к совершенствованию здоровья человека. В-третьих, максимальное приближение содержания и форм реализации спортивной и кондиционной тренировки к индивидуально приемлемым для каждого человека, независимо от уровня его спортивных притязаний.

Разноуровневая коррекция стратегии и тактики технологий спортивной и здоровьесформирующей тренировки по ходу получе-

ния, анализа и осмысления научной информации, несомненно, качественно изменит уровень подготовки не только высококлассных спортсменов, но и позволит выйти на новый методологический уровень разработки проблемы формирования здоровья различных слоев населения средствами спортивной культуры.

Литература

1. Бальсевич В. К. Спортивный вектор физического воспитания в российской школе: моногр. М., 2006.
2. Лубышева Л. И. Спортивная культура в школе: моногр. М., 2006.
3. Balsevich V. Nature-Consistent Strategy of Sports Training // RESEARCH 1. YEAR BOOK, Studies in Physical Education and Sport. 2006. V. 13. P. 11–16.
4. Move for Health: World Health Day 2002. Geneva, 2002.

А. В. ВЕРХОВЦЕВА,

*заместитель декана факультета очного обучения
Международного банковского института, аспирант кафедры
теории развития образовательных систем Санкт-Петербургской
академии постдипломного педагогического образования*

ОПЫТ ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Ответ на вопрос, с каким уровнем знаний приходят студенты в институт, можно найти, проанализировав результаты вступительных экзаменов, качество и полноту ответов на вопросы приемных комиссий.

Но вот каким уровнем подготовки к самому процессу обучения в вузе обладают абитуриенты? Насколько они готовы к выбору специальности, к налаживанию конструктивного взаимодействия в новом коллективе, с однокурсниками, преподавателями? Каким уровнем культуры, если понимать под ней «уровень развития творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях», обладают выпускники школ?

Можно ли дать ответ на этот вопрос, проанализировав тот опыт внеучебной деятельности, которым обладают вчерашние школьники? Нами проанализированы результаты интервью-собеседований с абитуриентами Международного банковского института (Санкт-Петербург) 2002–2006 годов. Институт по численности обучаемых является камерным (менее 700 человек обучаются в очной форме).

Собеседования проводятся в институте с абитуриентами, поступающими на очную и очно-заочную формы обучения, и завершают вступительные испытания. В таких беседах со вчерашними школьниками упор делается на способность будущих студентов сформулировать причины поступления в институт, мотивацию для получения той или иной профессии, степень понимания процесса институтского обучения и описание своих интересов, лежащих не только в учебной, но и во внеучебной сфере.

Изучение и анализ внеучебного опыта абитуриентов помогает администрации факультета при планировании внеучебной деятельности студентов, включении студентов в систему студенческого самоуправления, работу экономического научного общества студентов и т. д.

Само собеседование проходит в форме разговора декана и заместителя декана факультета с абитуриентом в присутствии его родителей (так как в ходе собеседования обсуждаются и вопросы, связанные с содержанием договора на обучение). В круг вопросов, посвященных внеучебной, общественной деятельности абитуриентов, включаются, к примеру, следующие: чем ты увлекался помимо

занятий в школе? В каких кружках, секциях занимался? Какие виды спорта тебя привлекают? В институте есть команда КВН, своя газета и т. д. Деятельность какого из направлений студсовета была бы для тебя наиболее интересна? Дружный ли класс был у тебя в школе, какие наиболее интересные мероприятия проходили и какова была твоя роль в них?

Записи делаются в журнале абитуриентов и затем учитываются при планировании внеучебной работы. Например, в 2003 году в институт поступили сразу пятеро студентов, занимавшихся в танцевальных коллективах городского уровня (все эти ребята окончили школы не в Санкт-Петербурге), и они положили начало созданию танцевального коллектива института ИВИ, который теперь является трехкратным лауреатом городских конкурсов студенческого творчества.

Каждое собеседование длится от 20 до 40 минут, проводится оно после успешного завершения абитуриентом процедуры вступительных экзаменов или предъявления сертификатов ЕГЭ, и лишь с теми абитуриентами, которые уже приняли окончательное решение о поступлении именно в этот институт. То есть это те, с кем руководство факультета будет вести работу на протяжении следующих пяти лет их обучения.

С 2002 по 2006 год были опрошены 724 абитуриента. Из них 270 человек (37 %) — юноши, 454 (63 %) — девушки. В течение пяти лет количество иногородних абитуриентов колебалось от 20 до 30 %. Очевидно, это связано с серьезными расходами, которые предстоят иногородним абитуриентам и их родителям.

По составу регионов, из которых приезжают абитуриенты, нужно выделить Ленинградскую область, Северо-Западный федеральный округ (Архангельская, Мурманская области, республика Карелия), Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа — в этих регионах студенты получают субсидии на образование от организаций или администрации округов при условии хорошей успеваемости. Кроме того, это граждане стран СНГ и Балтии, где менее доступным становится обучение на русском языке и экономически выгоднее получить образование в России, а затем подтвердить соответствие диплома европейским стандартам (в случае, если российский институт предоставляет такую возможность).

36,44 % студентов окончили гимназии, лицеи или школы с углубленным изучением ряда предметов (в основном математичес-

кие или языковые), то есть образовательные учреждения с повышенным уровнем образования, требований и возможностей, предоставляемых при обучении. Около 8 % абитуриентов окончили образовательные учреждения среднего профессионального образования (профессиональные училища, ССУЗы).

95 % абитуриентов поступают в институт сразу, в год окончания предыдущего места обучения (будь то школа или среднее специальное учебное заведение), и только 5 % студентов имеют перерыв в обучении или опыт учебы в другом высшем учебном заведении.

Если обобщить все виды внеучебной деятельности, в которой принимали участие опрошенные нами выпускники школ, то эта цифра в течение пяти лет колебалась от 18 до 33,2 % поступивших в институт. Получается, что от 67 до 82 % выпускников школ или не занимались никакой деятельностью, кроме учебной, или не считают такой опыт значимым.

Систематизировав все виды внеучебной деятельности, упоминаемые абитуриентами, можно обобщить их в следующие группы:

- исследовательская деятельность (участие в конференциях, олимпиадах);
- творческая деятельность (занятия музыкой, художественное, вокальное и танцевальное творчество, участие в театральных студиях, командах КВН);
- спортивные секции;
- литературное творчество (в том числе работа в школьных газетах);
- опыт организации общественной деятельности (школьные советы, парламенты или работа старостой и т. п.).

Наибольшее количество выпускников школ упоминают среди видов внеучебной деятельности занятия спортом: от 4 до 11 % в год от числа поступивших. В основном упоминаются занятия, носившие регулярный и организованный характер (то есть участие в спортивных секциях, игра в составе команд, учеба в школах олимпийского резерва). Следующие по частоте упоминаний — занятия различными видами творческой деятельности. Лидируют в этом разделе занятия музыкой — от 2 до 7,3 % поступивших; от 4,5 до 10 % — занимались вокалом, танцами либо художественным творчеством. Занятия танцами и музыкой тоже связываются с организованными формами (музыкальные школы, танцевальные коллективы и ансамбли); к художественному творчеству выпускники относят и занятия в художественных студиях, и «оформление газет в школе и классе». В работе театральных студий или команд

КВН принимали участие от 1,6 до 5,5 % выпускников. Опыт работы над школьными газетами есть у 1,7–2,7 % абитуриентов. Принимали участие в организации работы коллектива ровесников 0,5–2,5 % абитуриентов; участвовали в проведении исследовательской деятельности от 0,5 до 0,9 % человек.

Интересно, как сами абитуриенты во время собеседования оценивают значимость своего внеучебного опыта. Многие из них, впо-

следствии очень активно участвующие во внеучебной деятельности, не считают нужным в рассказе о себе упоминать подобный опыт, считая, что это не важно для собеседника.

Можно ли объяснить это недостатком внимания к внеучебной деятельности в целом и тем, что школьники не видят ценности формирования собственного социального опыта, в том числе в процессе внеучебной деятельности?..

Е. О. ГАЛИЦКИХ,

*заведующая кафедрой русской литературы и методики обучения литературе
Вятского государственного гуманитарного университета,
педагог — научный консультант Вятской гуманитарной гимназии,
доктор педагогических наук, профессор (Киров)*

БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ АЛЬБЕРТА ЛИХАНОВА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

*Самое занятие писательством
заставляет человека вести разнообразную,
напряженную жизнь.*

*Вмешиваться в разные области нашей
действительности, встречаться
со множеством людей и проникать
во все углы страны...*

К. Паустовский

К. Г. Паустовский считал, что золотой запас писателя — его мысли и наблюдения над жизнью. Иными словами — это его биография. Поэтому писатель не может не обладать содержательной внешней или внутренней биографией. С этой позиции мы обратимся к исследованию жизнеописания Альберта Анатольевича Лиханова — известного прозаика, публициста, педагога и общественного деятеля, председателя Российского детского фонда и президента Международной ассоциации детских фондов, академика Российской Академии образования.

Сам А. А. Лиханов считает, что главное в его жизни — писательство. «Но писатель рождается не с первых строк, легших на бумагу из-под пера. Писатель рождается в человеке тогда, когда в его сердце, как на скрижалях, проступают слова завета: о пережитом должны знать все!» — так считает исследователь биографии и творчества А. А. Лиханова писатель В. Бахревский, создавший книгу «Поле жизни Альберта Лиханова» (М., 2005).

Во многом выбор жизненного пути Лиханова и его главные ценностные ориентиры определили время детства, традиции семьи, воспоминания и впечатления трудных воен-

ных и послевоенных лет в городе Кирове, который жители с любовью называют по имени реки Вяткой. Все взрослые когда-то были детьми, но не все помнят это. «Воспоминания, вынесенные из детства, из родительского дома», были связаны с войной, с первой учительницей Апполинарией Николаевной Тепляшиной, с холодом и голодом, но кроме этого — с нежной благодарностью библиотеке, школе, книге. Алик Лиханов сохранил в своей памяти картины детства: цирк, вишневый сад, овраг, бабушкин буфет, пахнущий хлебом, стихи...

Детство дало один очень важный жизненный исток — выбор темы творчества, обращенного к детям. Есть такая профессия — любить детей, и эта профессия — писатель. «Чтобы полюбить книгу, надо сначала полюбить школу, а чтобы школа тебя ждала и ты летел каждое утро в свой родной класс на крыльях, надо любить учительницу». Судьба одарила Лиханова встречей с первой учительницей, давшей ему главный урок нравственности — добрую заботу о детях. Позднее писатель Лиханов определит свой жанр как роман в повестях и назовет его «Русские мальчики», вписав свое слово в литературную классическую традицию и подчеркнув этим выбором и названием эпичность повествования, значительность событий и истоки духовного опыта детства. Как сказала Инна Кабыш,

*Я переделать мир хочу —
И от бессилия кричу.
Я Достоевского читаю,
Я русских мальчиков учу.*

В этих повестях — «Крутые горы», «Музыка», «Деревянные кони», «Магазин ненаглядных пособий», «Кикимора», «Детская библиотека» и «Последние холода», а затем в «Кресне», «Лежачих не бьют», «Те, кто до нас» — ясно виден любимый герой автора — мальчишка-подросток, открывающий мир и себя в мире, определяющий и воспитывающий. Лиханов напишет посвящение, как заклинание: «Посвящаю детям минувшей войны, их лишениям и вовсе не детским страданиям. Посвящаю нынешним взрослым, кто не научился поверять свою жизнь истинами военного детства. Да светят всегда и не истают в нашей памяти те высокие правила и не умирающие примеры — ведь взрослые всего лишь бывшие дети».

Судьбоносным поворотным моментом в биографии и творчестве стал роман «Голгофа» с главным героем — бывшим солдатом Алексеем Пряхиным. «Как бы ни жил человек, что бы он ни делал — благого или дурного, — говорил Лиханов в интервью «Литературной газете», — на него во все глаза глядит ребенок, человек, продолжающий нас».

Факультет журналистики Уральского университета в Свердловске открыл новое время — время накопления журналистского опыта, впечатлений от людей и жизни. Стремление писать закрепилось в работе с редакторами газет и журналов, в командировках, поездках по стране и встречах с людьми. С 1975 года Лиханов возглавлял журнал «Смена», семь лет был ответственным секретарем, тринадцать с половиной — главным редактором. Но успевает и книги писать, и журналом руководить. «Мой генерал» (1975 г.) — роман для детей младшего школьного возраста. Сколько бы лет ни читала я его в классе — всегда неизменный интерес у юных читателей и их родителей.

К сорока пяти годам А. Лиханов издал тридцать книг. В 1980 году выходит повесть «Благие намерения», открывающая не только тему сиротского детства, но и ставящая проблему педагогического призвания. Судьба Надежды Георгиевны — это воплощение педагогики сердца, в которой нельзя себя беречь, где нужно любить ребенка, быть его земным ангелом-хранителем. За эту книгу А. А. Лиханов получил Международную премию им. М. Горького.

Работа в ЦК ВЛКСМ расширила опыт организаторский, управленческий и открыла новые проблемы для творчества. От повести «Высшая мера» долгий путь до романа «Сломанная кукла», но в центре конфликта — семья, ее мир, мера ответственности за судь-

бы детей. Маленькая Маша стоит в литературе рядом с Козеттой Виктора Гюго и также ждет руки взрослого человека, способного взять на себя ответственность за жизнь ребенка и помочь пережить это трагическое время детства. «Сломанная кукла» вызвала дискуссии не только в литературной критике, но и в учительских — был смелый роман, заявляющий право писателя бороться за сохранение детства «здесь и сейчас».

«У всякого времени своя жестокость...», — считает писатель. И эта жестокость заставляет нас, взрослых, помнить о том, что мы в ответе за свои выборы, решения, политические катаклизмы. И у А. Лиханова хватает мужества открыть новую тему — забытое детское сердце, сломанное детство, сиротство, горе детской души. Педагогическая проза и публицистика писателя — это «Письма в защиту детства», отчаянное стремление быть услышанным своими современниками и желание активно помогать миру сохранить право на веру, надежду и любовь, сохранить человеческое достоинство.

Журналистский опыт, писательский дар и многогранный личностный потенциал, организаторский энтузиазм, гражданская позиция дали возможность А. Лиханову взять в 1991 году на свои плечи заботу о создании Российского детского фонда. Общественное признание, награды патриарха и президента, авторитет международного уровня пришли к любимому писателю от целого поколения читателей. Неутомимый труженик и подвижник Детского фонда, он никогда не позволяет себе почивать на лаврах, торопится успеть все, что может сказать, сделать, сохранить. Его писательская позиция — защитник детства, поэтому он считает, что истинное искусство — форма выражения добра; это своеобразная концентрация всего лучшего, что может быть в человеке, концентрация такой силы, которая излучает свет, очищающий, облагораживающий, возвышающий стоящих рядом.

Время благосклонно к Альберту Лиханову, он построил дом, вырастил сына, сделал счастливой любимую женщину, реализовал свой писательский дар и может с гордостью прочесть оценку В. П. Астафьева своей роли в контексте времени: «Гражданином в наше время быть трудно, да необходимо, чтобы характер был, а без характера нет писателя, как нет и общественного деятеля. Лиханов — хороший гражданин, по-вятски трудолюбив, порусски стоек. И я предвижу и предчувствую, что он много и достойно еще поработает на ниве нашего отечества, на подзапущенных его

полях, и поможет упасть сорняку и созреть злаку».

Альберт Анатольевич Лиханов в наследство современникам оставляет не только десятки томов любимой читателями художественной прозы, но и библиотеку для детей и юношества в родном городе Кирове, где огромные фонды составляют книги из его личной библиотеки; премию учителям начальной школы им. А. Н. Тепляшиной; детскую

роман-газету с классическими произведениями; «Уроки нравственности» на видеокассетах для школ России; семейные детские дома по всей стране; традицию общественно-литературных Лихановских чтений; книгу «Заветное» с письмами Д. С. Лихачева; педагогическую прозу и публицистику в защиту детства и добрую память множества детей-сирот, которым он помог как председатель Российского детского фонда.

В. В. ГОРШКОВА,

профессор кафедры социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЭЛИТАРНОСТИ В ПРОФЕССИИ ПЕДАГОГА

Интеллигентный учитель — создатель культурных ценностей, просветитель, наставник, слушатель, а также — сгусток интеллекта, гибкого ума, квинтэссенция великодушия, совести, благожелательности, защитник свободы, справедливости, непрерывно стремящийся к бесконечности духовного развития.

Исследователи интеллигенции придают ей метагалактические масштабы, поскольку «представителем Ноосферы на Земле является интеллигенция, носитель разума, интеллекта, прогресса, культуры нравственного отношения и других ценностных категорий» (Д. С. Лихачев, Т. Н. Ворова и др.).

Интеллигентный педагог — необходимая составная часть всякого интеллектуального слоя общества, который допускает свободное профессиональное и этическое самоопределение и несет ответственность, а порой и потери за свои «интеллигентские» убеждения. Вместе с тем, как показывает опыт, есть часть учителей, которых называют «интеллектуалы». Они образованные, креативные, но могут быть этически невыдержанные либо понимающими этику отношений в деструктивной логике распада.

В целом интеллигентность педагога подразумевает некую элитарность, непрерывный «труд души», понимание опасности той «духовной расхлябанности» (Гессе), которая сегодня так предательски втягивает в себя современного человека. Социологи сходятся на мысли, что обогащение человека различными видами духовно-практической деятельности не свойственно основной «социальной массе» современных людей, образующей данное общество.

Однако учителю, преподавателю вуза, чтобы быть не только интеллектуалом и профессионалом, а именно интеллигентом, необходимо рефлексивное овладение культурным наследием путем «вечного», не прерывающегося в различных формах (когнитивных, художественных, социальных) образования и самообразования. И только в этом процессе (сознательно либо бессознательно протекающем, но протекающем обязательно, даже если человек этого не ощущает) рождается потребность в новой для человека, высокой, глубоко осмысленной, сопричастной, творческой интеллигентной позиции и созидательной деятельности, что и является основой для создания новых духовных ценностей в себе, в других людях, в культуре. Для педагога это не является ложным пафосом высоких слов — это планка, которую задает себе действительно интеллигентно действующий человек, педагог, берущий на себя ответственность за мир «вещей, людей и отношений» и отвечающий «за порядок вокруг себя» (М. К. Мамардашвили).

Есть избитая, уже многими декларируемая идея нобелевского лауреата Макс фон Лауэ о том, что «образование — это то, что остается, когда все заученное забывается». А действительно, что же остается, когда заученное со временем неизбежно забывается? Более того (это может быть темой дискуссии о целях современной высшей школы), американцы сегодня любят повторять об умении не набирать, а «стирать» информацию. Речь идет о полезности избыточной информации и о том, что факт ее стирания есть форма движения к информации более высокого порядка.

Безусловно, ведущую роль в формировании интеллигентного специалиста-педагога должна выполнять система высшего гуманитарного (в том числе и педагогического) образования. И уже стал общим тезис о том, что образование как таковое должно быть направлено не только на освоение некоей системы (суммы) знаний в определенной предметной области, образование в человеке «человеческого лица», а на воспитание полноценной личности. Здесь-то и начинается самое главное и самое сложное, поскольку цель знаний и способов деятельности неминуемо превращается в сверхцель — стать человеком. А им стать, как известно, сразу с рождения и даже взросления невозможно, поскольку им становятся в течение всей сознательной и сложной жизни. И в условиях общества примитивного потребления («Скажи, что ты потребляешь, и я скажу кто ты» — Э. Фромм) все труднее человеку преодолеть в себе «слишком человеческое» и «становиться сверхчеловеком», что только и дает силы «остаться Человеком и в определенном смысле исключить риск не состояться» (М. К. Мамардашвили).

Известна парадоксальная мысль С. Л. Рубинштейна (она часто звучала в устах деятелей культуры 90-х годов XX века) о том, что Человеком невозможно не оставаться даже тогда, когда им оставаться невозможно. Подчеркивалось, что окружающий социум отнюдь не помогает, а скорее провоцирует у человека его «небожественную сущность», и как много надо иметь сил, убеждений, стойкости мужественной интеллигентности, чтобы «не сдать» «Бога в себе», а значит не предать себя как Человека. Все это лежит в плоскости *вос-пита-ния* интеллигента — питания и укрепления себя духовной пищей и нравственной культурой.

Без излишнего теоретизирования необходимо напомнить, что человек не воспитывается по частям, «человечное в человеке» образуется целостно, одновременно всеми возможными и сверхвозможными средствами. Идея универсального человека (Л. Г. Брылева, В. В. Горшкова и др.) сегодня предельно доступна для теоретического понимания, но так же предельно сложна (иногда мучительно трудна) для воплощения ее в практике своей жизни, деятельности и поведении.

Развивающийся человек (ребенок, взрослый) как универсум одновременно является носителем и выразителем двух начал: созидательного и разрушительного, духовного и бездуховного, божественного и дьявольского. Однако Человек все равно не Бог, какими бы

достижениями он ни обладал и какую бы высокую самооценку он ни позиционировал, то есть не существует человека (даже великого), только созидающего или только разрушающего, — потенциально и реально он и то и другое одновременно. И весь фокус в том, что интеллигентный педагог, понимая это, не будет провоцировать у детей проявление негативных сторон их души, а будет всячески помогать им подавлять их в себе. Опять возникает вопрос, являются ли наши СМИ и телевидение союзником интеллигентного учителя или учитель один в поле воин?

Работа в этом контексте не может не заботить профессионала-интеллигента, который преподает свой предмет (любой!) с опорой на духовный базис воспитания, культуры, бытия и именно в этом видит (за что их называют иногда идеалистами) залог безопасности и сохранения русской нации. Если воспринимать это реально, то это сверхтрудная цель образовательных учреждений (в том числе и высшей школы) — делать невозможное возможным.

Генрих Нейгауз не устал повторять своим ученикам: «Кто хочет невозможного — тот добьется желаемого». Кстати, возникает мысль, что важнее: изо всех сил преодолевать невозможное или осознать свой предел непреодолимости в рамках возможного? Приведем как пример классическую модель культуры взаимоотношений Учителя и Ученика — В. А. Жуковского и А. С. Пушкина. После прочтения поэмы «Руслан и Людмила» В. А. Жуковский написал молодому А. С. Пушкину: «Победителю ученику от побежденно-го учителя». Интеллигентный и справедливый В. А. Жуковский, «осознавая предел достигнутого» в своем литературном творчестве, как бы признал свое «поражение». Однако это «поражение» трудно по-человечески и профессионально отличить от «победы», поскольку учитель и нужен только для того, чтобы быть предметом преодоления для своих учеников, — именно в этом неумолимый механизм развития всех участников процесса, механизм профессионального развития.

В этом явный аристократический профессионализм, культурная воспитанность, интеллектуальная элитарность, высокий поступок нравственной самооткровенности педагога, и все это всеобъемлющее захватывается словом «интеллигентность» и «интеллигентный Учитель», который «несвободен в своей свободе», но свободен в выборе проявления персональной ответственности за уже сказанное и сделанное.

Т. А. КАВАЛЕРЧИК,

*методист кафедры теории развития образовательных систем
Санкт-Петербургской академии постдипломного
педагогического образования*

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

Владение информационными технологиями стало требованием времени. Какие вопросы в связи с этим новым явлением встают перед школой начала XXI века?

Термин «информационные технологии» — одно из наиболее употребительных словосочетаний сегодняшнего дня. Этим термином чаще всего определяют множество технологий, связанных с применением компьютерной техники. И термин «информационная культура» обозначает культуру использования информационных технологий.

Область информационных технологий стремительно развивается. Каждые два-три года информационное пространство современного мира кардинально меняется. Еще несколько лет назад компьютерная техника использовалась в нашей стране только в отдельных областях. Сегодня практически не осталось сфер жизнедеятельности, не охваченных информационными технологиями.

Такая высокая скорость изменений ставит перед разработчиками образовательных стандартов серьезную задачу: *как создать приемлемый стандарт в быстро меняющейся области?* Если учесть, что от начала разработки стандартов до их утверждения проходит значительное время, то какими принципами можно руководствоваться при его формировании? Это новая задача, стоящая перед нашим образованием, учитывая, что раньше стандарты создавались как минимум на десятилетия, и возможны варианты:

— формулировка только основных принципов, в самом общем виде;

— стандарт как открытая к изменениям система, имеющая инвариантную и вариативную части;

— стандарт может определяться уровнем развития информационных технологий «сегодняшнего дня», то есть соответствовать уровню на момент начала его разработки (так составлен нынешний стандарт, в этом легко убедиться даже при кратком ознакомлении).

Каждый из этих подходов имеет свои плюсы и минусы. Вероятно, их можно комбинировать друг с другом или с какими-то иными методами. Пока эта задача еще требует разрешения.

Следующий важный вопрос — *для кого* должен создаваться образовательный стандарт в области информационных технологий? Уникальность информационной области в том, что она определяет уровень освоения и знаний не только для учащихся школы, но и для учителей, и для администрации школ. Для действительно качественного освоения компьютерных технологий недостаточно одного-двух компьютерных классов и нескольких учителей информатики в школе. Только освоение всеми педагогами основ информационных технологий может создать предпосылки для перехода к воспитанию в школе информационной культуры. А это, в свою очередь, невозможно без включенности школьной администрации в процесс информатизации школы. Получается, что образовательный школьный стандарт в области информационных технологий должен быть многоадресным — и для учеников, и для учителей, и для школьных администраторов. Это тоже новый подход, ранее не применявшийся при формировании школьных образовательных стандартов. Он требует дополнительной подготовки всех педагогических кадров, подкрепленной созданием условий для работы педагогов с компьютерной техникой. Многие передовые школы уже сегодня идут по пути создания оснащенных компьютерной техникой рабочих мест для каждого педагога, создают сети внутришкольной коммуникации, пополняют штат сотрудниками новых, ставших необходимыми, направлений (заместитель директора по ИКТ, методист по ИКТ, инженер по технической поддержке и т. п.).

Важный вопрос: как не потерять *культуру* в информационной культуре? и кто об этом должен заботиться?

Информационная компьютерная культура своеобразна. Ее ценности не всегда согласуются с ценностями традиционной культуры, что касается прежде всего Интернета. Это отражается и в особенном «сетевом» языке, феномен которого становится сегодня предметом исследований; и в большей, нежели в традиционных СМИ, свободе беспрепятственного доступа к практически любой информации; и в особенной «сетевой» анонимно-

сти и многих других факторах. В этих условиях возрастает роль педагога. Но учитель уже выступает скорее не в роли наставника (современные школьники сами с легкостью учатся проводить досуг с помощью Интернета или скачивать из сети рефераты). Роль учителя больше похожа на роль проводника (посредника), который поможет научиться ориентироваться, находить путь в многогранном информационном пространстве. Массу возможностей, предоставляемых глобальной Сетью, не случайно называют «интернет-ресурсами». Научить использовать Интернет именно как ресурс — важная задача, которая должна быть решена за годы школьного обучения. Если школьник, а впоследствии — выпускник, сможет свободно использовать Интернет для решения значимых для него задач — будь то поиск необходимого товара или услуги, определение места отдыха, выбор вуза, устройство на работу или что-то иное, — можно считать, что освоение стандартов в области информационных технологий прошло успешно.

Стандарты школьного образования должны согласовываться со стандартами следующих ступеней обучения (прежде всего вузовского) и стандартами, предъявляемыми большинством работодателей.

На сегодняшний день *согласование стандартов «школа — вуз»* весьма относительно. Ряд школ дает серьезную подготовку в области информационных технологий, и выпускники этих школ на протяжении первых курсов в вузе не узнают в области информатики почти ничего нового. Другие школы не обеспечивают даже минимального уровня знаний в области компьютерной техники, и их выпускники становятся отстающими в вузе. Часть школ оказывается в промежутке меж-

ду этими двумя крайностями. Сегодня учителя информатики вынуждены адаптировать базовые программы к имеющимся у школы возможностям.

И еще один немаловажный вопрос: *как учесть запросы будущего работодателя при определении образовательных стандартов в области информационных технологий?* Здесь решение уже известно: достаточно посмотреть на образовательные стандарты стран с устойчивой развитой экономической системой. Хотя в школьном образовании этих стран есть свои проблемы и сложности, в области обучения информационным технологиям у них наработаны эффективные схемы.

Общество XXI века не случайно называют информационным. По всей видимости, вскоре информационные технологии займут важное место во всех аспектах школьного обучения. И роль школьного обучения ИТ изменится: из вспомогательного, хотя и модного школьного предмета информатика превратится в одну из главных дисциплин. Как при обучении чтению (или говорению): сначала все внимание уделяется техническим тонкостям — буквы, слова, правила построения фраз и т. п. Затем технически процесс построения речи уже не представляет сложности, а чтение или речь становятся просто инструментом для выражения мыслей и эмоций. Аналогично и с обучением ИТ: сначала решается вопрос приобретения базовых знаний и навыков, а затем эти знания и навыки используются уже как инструмент для решения новых задач в различных областях. И со временем главное внимание учителя информатики неизбежно переместится с технологических на культурологические аспекты обучения.

М. Н. КУЗЬМИН,

*директор федерального государственного научного учреждения
«Институт национальных проблем образования»,
член-корреспондент Российской Академии образования*

ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ДИАЛОГА РОДНОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУР В СОДЕРЖАНИИ ОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ РОССИИ (1970–2007)

Россия, как известно, многонациональная и многоконфессиональная страна. И хотя сейчас русские составляют 80 % населения, а на остальные народности приходится 20 %, до мо-

мента распада Советского Союза пропорция была, соответственно, 50 на 50 %. Согласно этому разрабатывались учебные планы, структурировалось содержание образования. После

закона об образовании 1992 года было принято новое и довольно рациональное решение структурировать содержание образования компонентно. Для удовлетворения потребностей этносов вывели специальные региональные компоненты и, во-первых, предоставили квоту времени для изучения родного языка и культуры; во-вторых, сделали этот компонент достаточно независимым, то есть федеральный уровень не имел к нему никакого отношения.

По-видимому, полагалось, что при ситуации морально-политического единства, к которой мы привыкли за предшествующий период, здесь тоже не будет никаких противоречий и нестыковок. Поэтому в закон было заложено решение, что это зона ответственности исключительно субъекта Федерации, и чтобы что-то поменять, нужно выносить вопрос на уровень Государственной Думы — только там может состояться делегирование федеральному уровню больших прав.

У нас уже есть 15 лет опыта работы с данным компонентным принципом, и нужно сказать, что некоторые результаты прямо таки удручающие. Я имею в виду межэтнические отношения. Не думаю, что это нужно связывать только с одной школой — здесь комплекс факторов, и мы столкнулись с целым рядом проблем. Небольшой пример. В предшествующие два месяца (в апреле-марте) я был в двух субъектах Федерации — в Казани и Салехарде, Ямало-Ненецкий округ. Не ожидали никаких отклонений от обычного хода дискуссий, пока в конце вдруг не выступил один то ли студент, то ли аспирант. Мне кажется, для выражения своей точки зрения он был специально включен в конец дискуссии. Сказал он буквально следующее: «Мы ждем-не дождемся, когда у нас кончится ямальский газ, и «старший брат», наконец, уйдет с нашей земли и даст нам возможность погулять на свободе».

В Татарстане ситуация, может быть, даже еще более напряженная, потому что учебники создаются в специальном центре, который вписан в Институт истории Татарской академии наук. Директор этого института является одновременно политическим совет-

ником Президента Татарстана Шаймиева. Идут процессы, которые содействуют разрушению Федерации. Пример: по учебным планам и по статусу русский язык является государственным на всей территории Российской Федерации. В субъектах Федерации государственными языками являются языки титульных наций, и учебный план поэтому соответствующий. Соответственно, и пропорции в учебном плане в пользу государственного языка, которым является первый язык субъекта, то есть русский. В региональном же законодательстве он имеет статус или официального языка, или какой-то другой статус, но тоже пониженного значения. Получается, если татарский — первый государственный, он обязателен для интенсивного изучения для всех граждан, поэтому русские дети получают шесть часов на изучение татарского языка в неделю за счет других резервов, и прежде всего — за счет своего родного, русского языка. Ситуация предконфликтная, потому что количество писем, поступающих в адрес Президента РФ по данному вопросу, огромное — из Башкирии, из Татарстана и других субъектов Федерации, где политический крен именно таков.

Надо искать какую-то новую, совершенно оригинальную модель взаимодействия. Не следует пренебрегать данной проблемой, полагая, что процентное соотношение населения в стране: русских — 80 %, татар — 4,5 %. Если же рассматривать конкретный субъект Федерации отдельно, то сегодня у татар процент людей, знающих свой язык, говорящих на нем, подскочил в пять или даже больше раз. Возникает проблема перевода высшей школы с русского языка на татарский и ряд других. И это очень серьезно. Желательно найти какой-то другой рецепт для решения данной дилеммы. Должен быть найден приемлемый всеми сценарий, но не вестернизированный, как тот, по которому мы движемся сегодня, независимо от того, годится он нам или нет. Нужна разработка специального плана, необходимы более ответственные решения на государственном уровне, иначе уже имеющиеся конфликтные процессы зайдут слишком далеко.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ,

*заведующий кафедрой теории развития образовательных систем
Санкт-Петербургской государственной академии постдипломного
педагогического образования, член-корреспондент Российской
Академии образования, доктор педагогических наук, профессор*

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ КАК ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Образование можно определить как специально организованный процесс развития у обучаемых способности самостоятельно решать проблемы, имеющие социальное и личностное значение, в различных сферах деятельности на основе освоения социального опыта, элементом которого является индивидуальный опыт обучаемых.

Подобное понимание сущности образования создает предпосылки для решения многих актуальных проблем педагогической практики и педагогической теории и позволяет решить проблему источников современного общего образования. Понятно, что развить у обучаемых способность к самостоятельному решению проблем можно лишь на основе формирования опыта решения этих проблем. Но школьного обучения недостаточно для формирования такого опыта. Преимущественно оно может дать опыт решения познавательных проблем, но и в этом случае какая-то их часть, значимая для учащихся, может оказаться вне рамок школьного обучения. Процесс школьного обучения лишь частично способен обеспечить формирование опыта решения нравственных, эстетических, коммуникативных и конкретных социальных проблем. Для формирования полноценного навыка решения социально и личностно значимых проблем школьное обучение должно быть дополнено добавочным образованием, самообразованием, домашним образованием, опытом социальной деятельности. С этой точки зрения общее образование можно рассматривать как интеграцию различных источников, различных путей образования.

«Проблемное» понимание сущности образования предполагает отказ от ориентации на образование исключительно как на способ подготовки к будущей жизни. Изложенное выше определение образования означает, что образование должно обеспечивать возможность решения проблем «здесь и сейчас», а не только в будущем, которое может казаться учащимся достаточно далеким и весьма неопределенным. Вместе с тем «проблемный подход» ориентирует на изучение как тех проблем, которые принято считать «веч-

ными» и которые каждое молодое поколение решает для себя (жизненного выбора, самоопределения, отношения к ценностям взрослых и т. д.), так и тех, которые приобрели особую актуальность для данного поколения учащихся в связи с изменениями, происходящими в обществе.

Предлагаемое определение образования подчеркивает, что развитие способности самостоятельного решения проблем основывается на приобщении к культуре общества. Такая постановка вопроса исходит из того, что приобщение к культуре общества предполагает освоение общих ценностей, объединяющих общество. С этой точки зрения общее образование обеспечивает формирование общего культурного пространства, «общего языка» людей. Приобщение к культуре означает усвоение не только определенных знаний, умений, навыков, не только освоение способов деятельности, в том числе творческой, но и формирование ценностного отношения к явлениям культуры.

«Культурологическая» ориентация школьного образования отражает и новые возможности для определения путей обновления, обогащения, пересмотра содержания образования. Для этого было бы необходимо сопоставить предметную структуру современного школьного образования с существующими представлениями о содержании культуры, прежде всего духовной. Такое сопоставление является задачей специального исследования. Отметим пока лишь то, что оно неизбежно приведет к выводу о существенных пробелах в школьном образовании. В частности, к выводу о том, что в процессе обучения фактически не рассматривается молодежная субкультура, в мире которой живут школьники.

Ценности материальной и духовной культуры, составляющие содержание социального опыта, созданы в результате решения различных проблем — познавательных, технических, нравственных, эстетических, политических, философских и т. д. Таким образом, изучение социального опыта по сути является изучением опыта решения проблем, возник-

кавших перед людьми. Такой подход к пониманию смысла образования ориентирует на соответствующие способы образовательной деятельности — на отказ от догматического изложения набора обязательных истин и на использование методов анализа реальных проблемных ситуаций.

Ориентация на освоение социального опыта как совокупности культурных достижений выдвигает проблему определения уровня освоения социального опыта. Можно выделить два таких уровня: адаптированных текстов и первоисточников.

Массовая школа основывается на использовании специально созданных учебных текстов, адаптированных к познавательным возможностям учащихся. Учебные пособия стали одним из основных факторов, обеспечивающих доступность школьного образования для всех детей. В системе гимназического образования в XIX веке использование учебных текстов сочеталось с обращением к первоисточникам культуры — произведениям русской и зарубежной (в том числе античной) литературы, причем некоторые из произведений зарубежной литературы изучались в подлиннике, на языке оригинала.

В условиях советской школы обращение к первоисточникам ограничивалось чтением русской классики, посещением музеев и изучением работ В. И. Ленина. В постсоветский период наблюдаются противоположные тенденции. С одной стороны, сокращается время, которое учащиеся выделяют на чтение произведений классической литературы. На рынке учебных пособий появляются краткие изложения содержания всех литературных произведений, включенных в школьную программу. Какая-то часть учащихся ограничивается знакомством с ними. Одновременно, по понятным идеологическим соображениям, происходит отказ от изучения ленинских работ. В результате определенная часть учащихся за годы обучения в школе вообще не приобретает опыта работы с первоисточниками культуры.

С другой стороны, какая-то часть учащихся получает возможность ознакомления с разнообразными первоисточниками культуры во время зарубежных туристических поездок. В системе дополнительного образования некоторые школьники знакомятся с научными и научно-популярными работами, отдельными техническими новинками. Но данный культурный опыт чаще всего не востребуется школой.

Пока существует массовая школа, будет сохраняться и потребность в адаптированных

учебных текстах. Вместе с тем задача приобщения учащихся к ценностям культуры может быть решена, если обращение к первоисточникам культуры станет обязательным компонентом образовательного процесса.

С позиции «проблемного подхода» интегрированным результатом общего образования является уровень образованности, достигаемый учащимися. Уровни образованности различаются классом проблем, которые способны решать обучаемые на основе изученного социального опыта.

Составляющими уровня образованности являются: функциональная грамотность, общекультурная компетентность, допрофессиональная компетентность, методологическая компетентность.

Функциональная грамотность характеризуется способностью решать проблемы, связанные с реализацией различных социальных ролей (гражданина, избирателя, работника, клиента и т. д.). Общекультурная компетентность выражается в способности объяснять явления действительности, ориентироваться в мире ценностей. Допрофессиональная компетентность проявляется в способности решать проблемы профессионального выбора. Методологическая компетентность означает умение решать исследовательские и другие творческие проблемы.

Рассмотрим подробнее структуру общекультурной компетентности как планируемого результата общего образования. Общекультурная компетентность предполагает ориентацию в первоисточниках культуры — произведениях художественной литературы, музыкального, изобразительного, театрального искусства, музейных экспозициях, произведениях если не научной, то хотя бы научно-популярной литературы. Перечень видов первоисточников можно продолжить. В реальной образовательной практике подавляющее большинство учащихся ограничивается знакомством с немногими первоисточниками, в основном с некоторыми произведениями художественной литературы.

Для перехода от реального к желаемому результату необходимо скорректировать требования к результатам общего образования. Определение этих требований связано с выбором планируемого результата, который может заключаться либо в поверхностной информированности о большом количестве первоисточников культуры, либо в глубоком знании немногих первоисточников.

Другой компонент общекультурной компетентности — способность ориентироваться в источниках информации, отбирать их для

решения познавательных задач по определенным критериям, в том числе — достоверности информации.

Третий компонент — способность объяснять явления действительности, по крайней мере те, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни, с позиций науки. При этом речь идет не только о научном понимании таких явлений, но и о способности объяснять их.

Четвертый компонент общекультурной компетентности — способность ориентироваться в актуальных проблемах общественной жизни (в сути проблем, причинах их возникновения, мнениях о путях решения). Вряд ли имеет смысл пытаться составить исчерпывающий перечень таких проблем, учитывая их динамический характер. Вместе с тем важно, чтобы каждый выпускник средней школы мог привести примеры проблем, ставших предметом общественного обсуждения, и определить свой взгляд на предлагаемые пути решения этих проблем.

Пятый компонент общекультурной компетентности — способность ориентироваться в мире социальных, нравственных и эстети-

ческих ценностей. Такая способность предполагает умение различать факты, суждения, оценки, устанавливать их связь с определенной системой ценностей, определять собственное аксиологическое поле.

Исключительно важным компонентом общекультурной компетентности является речевая культура учащихся. Под культурой речи понимается владение нормами устного и письменного литературного языка (правилами произношения, ударения, грамматики, словоупотребления и др.) и умение использовать выразительные языковые средства в разных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи.

Каждый из перечисленных компонентов общекультурной компетентности может быть рассмотрен как относительно самостоятельная цель общего образования, реализуемая в процессе изучения всех учебных дисциплин и в процессе внеучебной деятельности. Необходимым условием реализации этих целей является их отражение в образовательных стандартах — требованиях к результатам общего образования и программам для общеобразовательной школы.

А. А. ЛИХАНОВ,

*председатель Российского детского фонда,
президент Международной ассоциации детских фондов,
академик Российской Академии образования*

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

Я окончил школу в 1953-м, в год смерти Сталина. Я дитя войны, и моей социализацией были военные годы. Страх за своего отца, голод, столовая дополнительного питания, куда самые тощие дети получали талончик... Там были и так называемые «шакалы» — дети, у которых таких талонов не было. Они прорывались в эту столовую сквозь целый блок тетенок, которые их не пускали. Они садились рядом за стол и просили: «Мальчик, оставь...», хотя мы никогда так друг друга не называли. Мы говорили «пацаны» или «эй, ты!», но не «мальчик». Это было вежливое обращение голодного к тому, у кого есть какая-то котлетка или иная еда.

Мне кажется, что «социализация» — не очень точное слово. О войне мы, конечно, всегда говорим как о страшном испытании. Все это справедливо, но ведь война еще дала нам великую, если хотите — педагогичес-

кую, возможность. Она отняла все лишнее, пустое и обнажила все истины, среди которых, конечно же, на первый план вышла любовь.

Я хочу рассказать про свою учительницу Аполлинарию Николаевну Тепляшину. Она прожила 96 лет и 70 лет проработала в школе. В 1949 году, когда я у нее учился в 4-м классе, она получила второй орден Ленина. Тогда учителям давали ордена за выслугу лет. А в то время, когда она получила первый орден Ленина, эти награды сопровождалась и денежной премией. Учительница нам, детям, говорила: «Я не могу себе позволить истратить эти деньги на себя, пусть это даже очень маленькие деньги». И она покупала единственное, что можно было приобрести без карточек, — витамин С в аптеке. Мы начинали учиться в 8 утра, при свете коптилок, электричества не хватало. И каждое утро она

проходила с дежурным по классу, который нес эмалированную кружку с водой. Ополаскивала в ней серебряную ложечку и давала каждому в рот по одной витаминке. Когда премия закончилась, она стала покупать нам витамины на свою крошечную учительскую зарплату. Когда и эти деньги иссякали, она заваривала хвою в ведре и каждое утро весь наш класс, 30 человек, заставляла выпивать по ложке этой горькой настойки, спасавшей нас от болезней.

Это уже не образование, это гораздо больше — любовь. Аполлиария Николаевна до революции была учительницей в той же школе, где мы учились. Тогда это была церковно-приходская школа, рядом стоял храм. После революции храм был заколочен, а школа работала. Аполлиария Николаевна проработала в этой школе практически всю свою жизнь — 70 лет.

Я написал повесть о своей учительнице — «Крестная». Она была крестной матерью для огромного количества людей: ее бывших учениц, учеников, их детей. Одна учительница сумела создать вокруг нашей начальной школы некую духовную конструкцию.

Среди учениц Аполлиарии Николаевны была почтальонша, которая во время войны носила похоронки, в том числе и ее ученикам. Но прежде чем доставить скорбное письмо адресату, эта женщина приходила к своей учительнице, и та ее наставляла, что делать. Так, однажды одну похоронку Аполлиария Николаевна забрала себе и просила почтальоншу молчать. Отдала она эту похоронку матери, у которой было большое сердце, лишь после того, как сама подготовила ее к этой весте.

Что это, образование? Это слово мне ужасно не нравится, оно сегодня стало довлеющим в нашем обществе... Нет, это воспитание. Это русская традиция. Ушинский и все наши классики говорили «воспитание». Воспитание, которое включает в себя образование. Образование — часть сердечности, точнее, даже милосердия, русской ментальности. Любовь — вот главное.

Что такое военная школа? У меня есть диалогия — «Русские мальчики» и «Мужская школа», посвященная этому периоду. Наша начальная школа была смешанной. Затем я перешел в школу для мальчиков. Мужская школа была жесточайшей системой социализации. Когда мы пришли туда, даже материться-то по-настоящему не умели, а там, если открываешь рот и у тебя, как говорится, нет «аргументов», то ты уже изгой. Я это прошел, когда меня лупили коллективно, когда

была система «косылок». Меня спас спорт. Где-то в 6-м классе я однажды зашел на детский стадион и там увидел своего товарища еще по детскому саду. У него отец был тренером на этом стадионе. И приятель предложил мне: давай к нам в секцию. И я стал ходить в две секции — лыжную и легкоатлетическую. Вскоре наши одноклассники увидели, что во время лыжных соревнований я их обгоняю. И это помогло доказать, что я не хуже других, а может, в чем-то и лучше.

Эта суровая социализация саморегулирующегося детского сообщества практически не описана нашей наукой. Что происходит между детьми во дворе, на помойке, какие там бывают сделки и договоры, особенно сегодня? Вот где истинная социализация. И кого эта нынешняя «школа жизни» готовит?.. И где наши современные Аполлиарии Николаевны?

В честь своей учительницы я учредил премию ее имени, выковал на московском Монетном дворе самую настоящую медаль, добился учреждения соответствующей государственной премии к ней. Теперь наш Фонд вместе с городом и областью ежегодно вручает шесть таких наград — только учителям начальной школы. Потому что Аполлиария Николаевна была учительницей начальной школы. Часть премии выделяется мной и составляет 10 тыс. рублей, это мои личные гонорары. Я не считаю возможным даже деньги Фонда на это брать, потому что Аполлиария Николаевна — моя учительница. Это мое, может быть, частное дело, но я хочу, чтобы оно стало общественным.

В каждом регионе есть замечательные учителя. Сегодня учителя нужно вознести. Думается, что надо вернуть ордена за выслугу лет учителю. Что такое двадцать лет в школе, если не истинная любовь? А учительское сообщество выявит и выделит само, кто достоин звания «Истинный учитель» и премии в 100 тыс. рублей.

Да не деньги нужны людям, а честь, которая дороже ста тысяч. Так же, как миллион, выделенный для школы, почти не деньги. А еще огромная отчетность за них — это просто издевательство.

К сожалению, сегодня деньги во всем выступают на первый план. И тут я хочу наши власти укорить. Что же они, кроме денег, ничего не видят? Что это за бред — деньги за рождение второго ребенка? Вчера сюжет показали: москвичка живет в двенадцати квадратных метрах. У нее в первый раз родилась двойня, а во второй раз — тройня.

Гражданский муж сразу слинял. (Мужик сегодня вообще слаб стал, не выдерживает ничего, не только подобных ситуаций.) У нее — пятеро детей и двенадцать метров на всех. И ничего нет, только деньги за этих детей от государства. И она говорит: «На работу надо выходить». А что же с детьми?.. Вот вам и социальное сиротство. А если что-нибудь с ней случится, поедут эти несчастные дети по всей державе, из одного сиротского заведения в другое.

Второе связанное с денежным интересом направление сейчас — массовое закрытие детских сиротских заведений. Я сам очень критически отношусь к практике наших государственных сиротских заведений, но нельзя же так просто уничтожать систему, которая строилась множество лет, не предлагая ничего взамен! Правда, принято решение за три года раздать в семьи 70 тыс. детей из сиротских заведений. Всего их там 250 тыс. Соблазняют взрослых, соблазняют деньгами — 6 тыс. на ребенка, 2,5 тыс. — вознаграждение. Не зарплата, чтобы не оплатить весь социальный пакет, а вознаграждение. В Мурманской области, соответственно, 11 тыс. плюс 4 тыс. рублей. За 15 тыс. люди соблазняются, берут ребенка.

Думаю, что если 10 % этих детей останется в семьях, это будет великая победа, но 90 % все же поедут назад. А куда они поедут, если все детские дома уже будут закрыты? ПТУ у нас есть, туда могли бы идти, но ПТУ сегодня никому не нужны и тоже закрываются. Поэтому я предсказываю мощный социальный катаклизм в ближайшие годы. На этом новом витке вновь поднимется преступность.

Еще один денежный синдром нашего времени — массовое закрытие малобюджетных сельских школ. У меня только один пример из моей родной Кировской области. Там в Санчурском районе есть малокомплектная сельская школа, где, кажется, всего семь учительниц. Школу хотели закрыть. Что сделали эти женщины? Зная, что можно взять ребенка, они взяли каждая по два, три и даже по четыре ребенка из детских домов. Таким образом они собрали новый коллектив учеников, и школа не закрылась. Сироты — под

их опекой и попечительством, женщины за них деньги получают, кроме того, они сохранили эту малокомплектную школу. Что из этого получится — давайте посмотрим. Получается, только эти женщины защищают родную землю, обездоленных детей и свою эту школку несчастную. Ну, разве можно так строить отношения с народом?! Мне кажется, народ вообще не участвует сегодня ни в чем. Каково целеполагание нашего государства в его реформах, известно ли оно кому-нибудь? Мне — нет. Что мы делаем, куда идем?.. Пока у нас не будет глобального целеполагания, у нас ничего не произойдет, все будут готовиться к работе в магазине, все будет опускаться, разрушаться, и никакое образование, мне кажется, не поможет.

Что касается сиротства, то ежегодно в течение последних пяти лет в нашей стране прибывает 120 тыс. детей, оставшихся без родителей; по нашему мониторингу, с 1988 по 2006 год в Российской Федерации был 1 млн 611 тыс. сирот, многие из которых уже не дети — они уже во взрослом мире.

Сирота во взрослом мире — явление неисследованное, непонятное, но точно известно, что это несчастный человек. Мало кто из них устраивается. Конечно, есть некоторые ребята, прорвавшиеся в вузы. В вузах, кстати, сегодня созданы неплохие условия, чтобы сирота состоялся. Но добраться до высших учебных заведений большинству все-таки не удастся. При советской власти главная установка всех министерств была «сиротам — в вуз», и экзамены принимали со льготами, и места были, и, самое главное, им давали ход. А сегодня что?.. Я был в одном детском доме Челябинской области. Спрашиваю: «Ну, как дальше?» — «После 8-го класса — все в ПТУ». А после ПТУ, как вы знаете, в вуз пойдет не более 0,1 % детей.

Всем нам нужно непрестанно и упорно трудиться над решением этих проблем отечественного образования, потому что, образно говоря, впереди просветов не видно, дожди сплошные. И что мы будем с этим делать — я, честно говоря, не знаю. Мои представления о детстве, будущем детства, самые печальные, даже трагические. Извините за пессимизм.

А. И. ЛУБЫШЕВА,

*профессор Российского государственного университета физической культуры,
спорта и туризма, доктор педагогических наук (Москва)*

СПОРТИВНАЯ КУЛЬТУРА — НОВЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ШКОЛЫ

Начиная с 1920-х годов физическая культура прочно входит в учебные планы общеобразовательных школ в качестве обязательного учебного предмета. Этому способствовали успешная качественная подготовка специалистов, становление программно-методического обеспечения, строительство новых школ с материально-спортивной базой. Развитие физического воспитания в общеобразовательных школах сформировало основы советской системы физического воспитания. Спорт органично входил в эту систему в качестве средства, обеспечивающего организацию и содержание внеклассной и внешкольной физкультурно-образовательной и спортивной работы.

Однако уже тогда система спортивной подготовки развивалась более быстрыми темпами. В 1928 году было проведено крупномасштабное спортивное мероприятие — I Спартакиада народов СССР. Многочисленные спортивные рекорды, установленные в XX веке, превзошли даже самые смелые прогнозы. Все это сделало спорт одним из самых бурно развивающихся социальных и культурных феноменов современного общества.

Цель нашего исследования — обоснование возможности введения общеобразовательного предмета «Спортивная культура» в систему общеобразовательных школ России.

Спорт в социологической характеристике представляет собой феномен, который раскрывает истинные возможности человека, позволяет их развивать в наибольшей степени. Спорт эмоционален и непредсказуем, связан с разумным риском в познании неизвестного. Спорт — это всегда борьба, в которой можно прежде всего познать себя и продемонстрировать свои достижения в соперничестве с равными и лучшими. Спорт — это самоутверждение и самореализация.

Спорт, создающий ценности спортивной культуры, всегда являлся мощным социальным феноменом и средством успешной социализации. Об этом свидетельствуют и научные данные, и примеры жизненного пути многих выдающихся спортсменов. По данным социологических опросов современной молодежи, спортсменов ясно, что именно спорт оказал значительное влияние на их представление об общественной жизни и мире в целом.

Прежде всего сформулируем рабочее понятие «спортивная культура». Как нам представляется, *спортивная культура* — это нарабатанные в обществе и передающиеся из поколения в поколение ценности, социальные процессы и отношения, складывающиеся в результате соревнований и спортивной подготовки к ним. Участие в соревнованиях преследует цель достижения первенства или рекорда путем физического и духовного совершенствования человека.

Социальная значимость спорта определяется прежде всего его ценностным потенциалом. К сожалению, вопрос о ценностях спортивной культуры, об их месте в системе научного спортивного знания остается малоизученным. В нашем исследовании мы сделаем одну из первых попыток структурирования (классификации) ценностей спортивной культуры.

Для исследования ценностей спортивной культуры особое значение имеет определение существенных признаков, позволяющих выявить эти ценности, систематизировать и сгруппировать их в зависимости от значимости для личности и общества. За основу классификации ценностей спортивной культуры нами взяты такие признаки, как потребность в самоорганизации здорового стиля жизни, успехе, достижении высокого спортивного результата, поскольку ценность как социальная категория всегда связана с удовлетворением человеческих потребностей. Потребности человека многообразны и многие из них проявляются и в сфере спортивной культуры. В процессе удовлетворения потребностей и создаются культурные ценности, в том числе и в сфере спорта.

Спорт вырос в социально значимое явление, поскольку его ценностный потенциал обеспечивает прогресс развития и общества, и личности. Рассматривая спорт как часть общей культуры, мы выделяем в структуре его ценностей три важнейших компонента: общекультурный, социально-психологический, специфический.

Общекультурный компонент ценностей спортивной культуры составляют социальные процессы правового, экономического, политического, информационного и образовательного полей социального пространства.

Социально-психологический компонент ценностей спортивной культуры обеспечивается уровнем общественного сознания, общественного мнения, интересов, мотивов, ценностных ориентаций людей, а также уровнем взаимоотношений, которые выстраиваются в сфере спорта («тренер — спортсмен», «спортсмен — спортивный коллектив» и т. д.).

Специфический компонент ценностного потенциала спортивной культуры выражается в способности спорта удовлетворять потребности человека в физическом совершенствовании, социализации, формировании здоровья, самореализации и повышении социального престижа личности в обществе путем достижения высокого результата, победы, рекорда. Осваивается эта группа ценностей путем спортивного совершенствования и воспитания.

В целом освоение ценностей спортивной культуры возможно только в процессе организации активности человека в сфере спорта.

С позиции целеполагания жизнеспособная личность — нравственно-волевой, духовно развитый, физически активный, социально адаптированный, психологически устойчивый человек, обладающий знаниями и способностями, необходимыми для жизни в современном обществе. Жизнеспособная личность умеет самостоятельно решать проблемы, которыми озадачивает жизнь. Ей присуща гражданская ответственность, она готова защитить свои права и добросовестно выполнять обязанности.

Философы утверждают, что умение жить — это искусство, которому нужно учить. Воспитать жизнеспособную личность — значит сформировать у ребенка, подростка реалистическое отношение к жизни. Жизненная энергия, сила духа, твердость характера — именно эти качества востребованы в современном мире, где начинают преобладать рискованные формы жизни. *Быть успешным — значит идти на риск, осуществлять пробы, искать и быть готовым реализовать свой шанс.*

Физическое воспитание, организуемое с начальной школы, лишь частично решает актуальную задачу современного образования, формирования жизнеспособной личности. Противоречие между рутинной формой изложения учебной программы, где царит элементарный повтор и нет свободы выбора, и статусом старшего школьника убивает его инициативу и приводит к неприятию урока физической культуры. Ценностный потенциал спортивной культуры, методы спортивного воспитания, как показывает практика спортивных школ, решают зада-

чи приобщения юных спортсменов к спортивно-оздоровительной деятельности более эффективно.

В связи с этим мы предлагаем ввести в учебный процесс общеобразовательной школы предмет «спортивная культура», чтобы каждый подросток имел возможность приобщиться к занятиям спортом и ценностям спортивной культуры. Спорт в полной мере обеспечивает социальный заказ на формирование жизнеспособной личности. Спортивное воспитание предполагает развитие личностно значимых качеств, формирование способностей, вооружение учащихся знаниями о жизни, необходимыми для успешного функционирования человека в современном обществе. Целевая установка спортивного воспитания заключается в том, чтобы сформировать личность, способную преодолевать трудности, развивать волю, выживать, саморазвиваться и достигать успеха, победы прежде всего над самим собой. В спорте уже создан механизм развития жизнеспособной личности. Технология спортивной подготовки включает средства и методы формирования личности спортсмена, способного к самосовершенствованию в соответствии с заданными целями.

Модель учебного предмета «спортивная культура» строится с учетом общепринятой методологии.

Целью учебного предмета является формирование спортивной культуры личности. В содержание учебного предмета входит три раздела: теоретический, практический и контрольный.

Теоретический раздел содержит знания об истории становления и развития спорта, теории спорта, основах спортивной тренировки, методик медицинского контроля и самоконтроля.

Практический раздел включает основные разделы спортивной подготовки: общефизической, специальной, тактической и технической. Соревновательная деятельность является неотъемлемой частью данного процесса.

Контрольно-нормативный раздел предусматривает оценку знаний, двигательных умений и навыков на уровне требований юношеских спортивных разрядов.

Ключевым моментом содержания спортивного образования является процесс формирования спортивной культуры личности.

Спортивная культура личности представляет собой результат освоения интеллектуальных и специфических ценностей спорта, выражающийся в знаниях спортсмена об организации и контроле спортивной трени-

ровки, оптимальной спортивной подготовке, активном участии в спортивных соревнованиях, ведении спортивного стиля жизни, уровне общей культуры и поведении спортсмена, в том числе на спортивной арене.

Процесс освоения ценностей спортивной культуры происходит в коллективных занятиях малых групп, в условиях строгого регламента выполнения упражнений в индивидуальной и коллективной форме. Здесь реализуется принцип единства соперничества и сотрудничества для достижения целей отдельной личности и коллектива. Спортивное образование должно рассматриваться как пространство деятельности социализации

личности, обеспечивающее естественные условия формирования ее социальной активности и успешной жизнедеятельности.

Введение учебного предмета «спортивная культура» позволит устранить болевые точки традиционно сложившейся системы физического воспитания.

Спортивное образование учащихся позволит приблизиться к решению главной задачи современности — предоставлению возможности каждому человеку в изменяющемся обществе чувствовать себя уверенно, защищенно, грамотно формируя и сберегая свое физическое, духовное и нравственное здоровье.

Т. Н. МАРУСЕНКО,

директор государственного образовательного учреждения «Дом детского и юношеского творчества» Калининского района Санкт-Петербурга

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОСВОЕНИЯ МНОГОКУЛЬТУРНОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Дополнительное образование детей подчиняется общим закономерностям образования как института ретрансляции культуры и механизма социализации личности, имеет относительно самостоятельную ценность и внутренние импульсы развития. Перестройка системы дополнительного образования детей (и нашего Дома детского и юношеского творчества (ДДЮТ), в частности) происходит в контексте общих поисков культурологических составляющих образования и воспитания.

Специфика дополнительного образования состоит в том, что оно по сути своей обязано быть *открытой* системой постоянно обновляемых культуро- и наукоемких социально значимых программ, проектов, акций. Основания: свободный выбор учащихся по уже имеющимся интересам и освоение новых для себя потребностей; учреждение дополнительного образования детей ориентировано на поиск и раскрытие творческих способностей и возможностей индивидуальной личности; дополнительное образование обязывает себя прогнозировать общекультурные тенденции и осваивать с детьми их практическую эффективность.

Наша собственная диагностика интересов, потребностей детей и их родных (педагогическое наблюдение, анкетирование: «Я и моя семья», «Духовный мир» и др.) дают нам

конкретное представление о нас самих и помогают выстраивать актуальные направления развития (приложения).

В концепцию инновационной деятельности ДДЮТ по теме «Многокультурное образование» (2006–2010 гг.) заложены системно решаемые социокультурные и педагогические цели:

— комплексное сотрудничество детей и взрослых в социокультурной деловой и досуговой деятельности по воссозданию и созданию культурной среды района и города;

— перевод внешних условий воспитания во внутренние механизмы самовоспитания, мировоззренческую устойчивость и толерантность в условиях многоголосья бытовой и общезначимой культуры, потребность и умение самореализоваться по программам «Петербуржец XXI века», «Этнокультура» и др.

Средства, оправдывающие себя:

— корректировка имеющихся образовательных программ (ОП) с целью усиления культурологической направленности;

— разработка новых ОП, спецкурсов культурологической направленности;

— разработка учрежденческих и районных программ в жанре «Многоаспектная культура»;

— участие в районных и городских программах в жанрах «Университет этнокультур», «Диалог культур» и так далее в целях

активного противостояния негативным тенденциям в обществе и молодежной субкультуре;

— создание концепции сотрудничества с муниципалитетом «Пискаревка»;

— многоаспектное сотрудничество с семьей;

— активизация интегративных связей — внешних и внутренних — в целях взаимопроникновения аспектов культуры;

— тематическое сотрудничество со школами района;

— непрерывное образование педагогов и администрации с подключением внутреннего семинара «Традиции и новаторство в культуре».

При таком комплексном и системном подходе мы надеемся на успешность прогнозируемых результатов.

Л. М. МОСОЛОВА,

*заведующая кафедрой теории и истории культуры
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена,
доктор искусствоведения, профессор, Заслуженный работник
высшей школы РФ (Санкт-Петербург)*

О НЕКОТОРЫХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ В СВЕТЕ ИДЕЙ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Для культурологической концепции Д. С. Лихачева очень существенны три положения. *Во-первых*, это широкое видение культуры. Ученый включал в нее образование, науку, технику, религию, искусство, право, нормы поведения человека и его отношения с государством, «качество каких-либо хлебобулочных изделий»¹ и многое другое. Он критиковал «государственных мужей» за редукционизм в этом отношении. К сожалению, они до сих пор не понимают, что все правительство, а не только так называемое министерство культуры, управляет развитием культуры России.

Во-вторых, Дмитрий Сергеевич видел культуру как целостное явление, в котором взаимно связаны все элементы, и изменения, затронувшие одну из форм культуры, захватывают все ее сферы²; он отмечал при этом, что взаимодействие и взаимовлияние разных компонентов и сфер культуры недостаточно изучены, что затрудняет ее понимание и управление ею.

В-третьих, во многих работах академик исследует *историчность* культуры, предметность различных ее явлений и форм, нелинейность развития, а также осознание человеком исторической относительности соб-

ственного сознания и постоянное обновление элементов и сфер культуры.

Представляется, что эти три положения чрезвычайно существенны для определения культурологических оснований государственных образовательных стандартов и построения системы программ обучения. У нас, к сожалению, не обсуждается сколько-нибудь всерьез *объем и целостность общего поля содержания образования* — все то, что преподается, вкладывается в сознание молодого поколения. Мало обращается внимания на саму *проблему модернизации образования*, ее детерминанты, культурные цели, смыслы, значение в современном культурогенезе. Речь идет прежде всего не о профессионально-предметном обучении, а об общекультурном содержании образования. В результате мы получаем в сознании выпускников калейдоскоп разнородных, разрозненных, специализированных «текстов», не складывающихся в целостную систему знаний и ценностей, то есть образование и сознание личности остаются *мозаичными*, несмотря на постоянные разговоры о междисциплинарных связях и интеграции знаний.

Как образование присутствует в культуре? Как оно связано с пониманием емкости культуры (это весь искусственный мир, созданный человеком, способ его бытия в единстве всех форм и результатов материальной, духовной и художественной деятельности) и *целостности культуры* (взаимосвязанное множество элементов, порожд-

¹ Лихачев Д. С. У нас есть опыт преодоления падения культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. СПб., 2006. С. 48.

² Лихачев Д. С. Культура как целостное явление // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 350.

дающее целое, отличающееся от остальных частей)?

Если культура есть способ бытия человека, общества, то *образование* — *основной способ социокультурного* воспроизводства наций и человечества, воспроизводство целостного или ущербного, несбалансированного содержания национальной и мировой культуры. Содержанием образования являются многообразные *культурные тексты* — научные, обыденные, религиозные, художественные, публицистические и другие, которые призваны *обеспечивать молодому поколению условно достаточную степень социализированности, инкультурированности, креативности*, выпустить полноценных членов общества. Образование должно быть сосредоточено на системно-целостном продуцировании характеристик человека, которые определяют специфику и уровень его социальной адекватности и общекультурной компетентности, способность действовать в диалоговом поле культуры (вертикальном и горизонтальном).

Идея целостности культуры привлекала внимание и других исследователей. В частности, теоретическим основанием для построения целостного содержания государственного образовательного стандарта может стать исходная онтологическая система, разработанная М. С. Каганом³. В ней культура включена в систему бытия наряду с природой, человеком и обществом как специфическая онтическая форма. Следовательно, содержание образования должно включать в свою структуру знания обо всех четырех формах бытия, которые изучаются различными ансамблями наук, взаимосвязанно и взаимодополнительно представляющими *архитектонику целостного мира человека*.

Качественные различия всех четырех подсистем бытия обуславливают особенности тех

групп наук, которые занимаются изучением каждой специфической формы бытия — наук естественных, общественных или социальных, гуманитарных и культурологических. Схематически предметное поле разных наук и соответствующих им образовательных областей в целостности представлено на рисунке.

Философия и математика не относятся ни к гуманитарным, ни к социальным, ни к культурологическим наукам, ни к естествознанию, ибо они занимаются познанием бытия в целом, его общих качественных и количественных характеристик.

Образовательные блоки или модули государственных стандартов должны структурироваться на онтологических основаниях, а не на сугубо формальных, что характерно для современных ГОСТов (например, что стоит название блока «социально-экономический»!). *Единство знания не в его формальной системности, а в его целостности как органической взаимоопределенности его частей.*

Полнота и целостность антропосоциокультурного содержания образования определяются также и тем, что соответствующие образовательные поля не отгорожены друг от друга «крепостными стенами». Между ними существуют линии «стыков», взаимопроникновения, образуя интегративные блоки познания, которые могут обеспечиваться специальными курсами.

Взаимодействие научно-образовательных областей, например, может происходить также в пределах, когда они фокусируют свой интерес на постижении и понимании субъектности человека. В этой образовательной проекции интегративно предстает единство всех наук в отношении к человеку.

Итогом освоения всех образовательных модулей является обретение выпускниками интегративной общекультурной компетентности по отношению к институциональным нормам социальной организации, конвенциональным нормам социальной идентичности, солидарности и культурной регуляции, уровню полноты и свободы владения языками социальной и межкультурной коммуникации, образцам социальной престижности и другим социокультурным сферам. На «китах» общекультурной компетентности развиваются системы профессиональных компетентностей. При этом нельзя путать (что часто бывает) культурную компетентность с культурологической. Культурологические знания, так же как и исторические, социологические или экономические, входят в ансамбль общекультурной компетентности личности. Вместе

³ Каган М. С. *Метаморфозы бытия и небытия*. СПб., 2006. С. 200.

с тем существует и профессиональная компетентность культуролога.

Необходимо, чтобы в общекультурном блоке присутствовал особый модус естествознания, связываемый с постижением современной естественно-научной картины мира. Это преодолевает раскол, говоря словами Джона Бернала, между «двумя культурами» — гуманитарной и технической — и обеспечивает целостность постижения бытия.

Следует подчеркнуть, что в содержании образования должны присутствовать знания обо всех сферах культуры, и нельзя допускать, чтобы какая-либо одна сфера гипертрофировалась, а другая недооценивалась (сегодня, например, существует гипертрофия экономической составляющей в ущерб нравственно-аксиологической). По мнению Хейзинга, из-за дисбаланса в развитии различных сфер культуры она может деформироваться, «болеть», отставать в общем развитии, что будет сказываться в свою очередь на образовании; и, наоборот, пробелы, дисбалансы в содержании общекультурной подготовки молодого специалиста будут негативно влиять на реальности его культурного развития и культурной среды.

Что касается положения Д. С. Лихачева об историчности культуры и ее проекции в содержании образования, то это не только наличие предмета «отечественная история». Содержание всех учебных курсов должно быть историчным. Кроме того, такие предметы, как «история культур и цивилизаций», «история философии», «история литературы» и многие другие «истории», необходимо синхронизировать для взаимодополняющей, многогранной и целостной характеристики той или иной культурной эпохи.

Представляется, что модернизация содержания образования сегодня вновь требовала внимания к истории философии, этике, герменевтике, геополитике (как культурологии внешнеполитического мышления), к пониманию смыслов деятельности человека, смыслов, заложенных в глубины различных цивилизаций, то есть тех смыслов, которые касаются «духовной устремленности вверх, к свету»⁴. В этом суть совершенствования человека и общества. Х. Ортега-и-Гассет в работе «Миссия университета» полагал, что стратегической целью университета является просветление человека в его историческом понимании.

Е. Г. МУРОМОВА,

*заместитель директора по учебно-воспитательной работе школы № 160,
аспирант Санкт-Петербургской академии постдипломного
педагогического образования*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ И КУЛЬТУРА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Говоря о культурологических основах образовательного стандарта, мы прежде всего должны определить, что мы понимаем под этими основами.

В настоящее время мы являемся свидетелями и участниками формирования нового типа отечественной культуры, характеризующегося, во-первых, разрушением ценностей «пролетарской культуры» и в то же время — тоталитарного общества; во-вторых, отступлением национальных ценностей под напором западноевропейской и американской массовой контркультуры. Если принять ценностные ориентации за основную характеристику понятия «культура», то нужно осознать значение различных природных, социальных, исторических условий, оказывающих влияние на ее формирование. Поэтому образование — не просто усвоение определенного объ-

ема информации, но и развитие способности ориентироваться в мире культуры, наполненном жизненными, нравственными смыслами.

Российское образование формировалось под сильным влиянием западноевропейской философско-педагогической мысли. Постепенное обращение к Западу, начиная с XV века, было вызвано расширением культурных связей России и осознанием необходимости открытия школ и подготовки учителей. Петр I, перенимая у европейцев лучшие образцы военной и мореплавательной техники, развивая просвещение, осознавал, что рано или поздно Россия должна будет вернуться к Западу спиной и продолжить развитие самостоятельно. Необходимость учиться у Запа-

⁴ Амонашвили Ш. А. Образ и образование // Педагогика культуры. СПб., 2005. № 2. С. 7–11.

да сопровождалась стремлением сохранить чистоту веры и особый национальный характер русского народа. Последующие заимствования гораздо меньше учитывали особенности национальной почвы, но именно они вызвали колоссальный толчок в развитии национальной русской культуры в XIX веке. Как писал Д. С. Лихачев, «культура имеет типы культур, формации, но — культура не имеет границ и обогащается от общения с другими культурами. Национальная замкнутость неизбежно ведет к обеднению и вырождению культуры, к гибели ее индивидуальности»¹. Обращение к европейскому опыту создало предпосылки для расцвета отечественной культуры, и энергия ответного выброса во много раз превышала начальные заимствования.

Д. С. Лихачев указывал, что для развития настоящей, большой культуры в обществе необходима «культурная среда, владеющая не только национальными культурными ценностями, но и ценностями, принадлежащими всему человечеству»². Создание такой культурной среды и должно стать нашей основной заботой. Через принадлежность к российской культуре мы должны принадлежать и культуре европейской, вбирающей все культуры прошлого и настоящего.

Однако в европейской и российской культурах есть существенные отличия. Например, понятие личности, соотношение личности и коллектива, личности и государства. Как писал К. Д. Кавелин, «наше больное место — пассивность, стертость нравственной личности»³.

Одним из десяти базовых принципов, положенных в основу нового образовательного стандарта, является усиление социально-гуманитарной направленности образования, способствующей утверждению ценностей гражданского демократического общества, становлению и социализации личности ученика в условиях современного мира⁴. Технократизм нашей школы произрастал и поддерживался техно-бюрократическим государством, в котором не было места развитой индивидуальности, где ростки ее подавлялись

и каждый должен был быть как все, лишь членом коллектива, но не больше.

В новом образовательном стандарте заявлена личностная ориентация образования. Дело даже не в обеспечении выбора в образовании. Во многом выбор учебного заведения — прерогатива родителей, которые в погоне за престижным английским или музыкой не учитывают природных склонностей своего ребенка, и он оказывается заложником высоких требований, предъявляемых ему учителями, с одной стороны, и родителями — с другой. Выбор предметов для изучения в старших классах позволит ребенку сконцентрировать свои усилия именно на подготовке к будущему выбору профессии. Но наиболее важным является использование личностно-ориентированного обучения на каждом уроке и каждым учителем. Эта задача гораздо труднее, чем организация вариативности в обучении. Решение ее во многом зависит от того, как государство относится к личности каждого своего гражданина, и тем более ребенка. Решение этой задачи невозможно и без осознания учителями, выросшими в авторитарной школе, что нужны иные пути выстраивания стратегии взаимоотношений с учениками.

Рассмотрим опыт учителей английского языка, которые более десяти лет работают с использованием британских учебно-методических комплексов. Технологии, предлагаемые в этих учебниках, разработаны на основе принципиально иного подхода к обучению и содержат новое понимание таких категорий, как личность, авторитет, общение, активность, власть. Поэтому при использовании данных материалов может возникнуть скрытый конфликт различных культурных схем. Происходят ли какие-либо изменения в ведении урока при использовании британских технологий или учитель ведет урок так же, как и при использовании советских учебников, основанных на грамматико-переводном методе? Мы сделали попытку исследовать эту проблему в нашей школе, где работают 17 учителей английского языка, средний возраст которых 45 лет. 100 % респондентов отметили, что урок иностранного языка изменился с 1990 года. 82 % преподавателей считают, что изменениям способствовала большая свобода при выборе учебников. На качественно другой подход к обучению указали 59 % опрошенных. 70 % преподавателей считают, что урок приобрел коммуникативную направленность. 65 % из них признали большую роль введения новых технологий, столько же дают детям на уроке задания

¹ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. № 8. С. 8.

² Там же. С. 7.

³ Кавелин К. Д. Наш умственный строй // Антология русской философии: в 3 т. СПб., 2000. Т. 3. С. 169.

⁴ Днепров Э. Д. Образовательный стандарт — инструмент обновления содержания общего образования / Временный научный коллектив «Образовательный стандарт» Министерства образования Российской Федерации. М., 2004. С. 42.

проблемного характера. Однако лишь 35 % преподавателей заметили изменения в отношениях учителей и учащихся, отметив попытки учителя перейти от позиции основного носителя информации к роли консультанта, партнера. При этом 76 % учителей просят детей поделиться собственным опытом, выразить личное мнение, чувства. Роль лично-ориентированного обучения и коммуникативные возможности самого учителя отметили лишь 29 % учителей. 88 % респондентов считают, что хороший учитель должен быть проводником в мире знаний, оказывать ученику помощь и помогать в решении проблем.

Только 12 % считают, что учитель должен быть непререкаемым авторитетом. 35 % полагают, что активный ученик — тот, кто генерирует идеи, отстаивает свою точку зрения, самостоятелен в учебе, проявляет инициативу.

Таким образом, можно сделать вывод, что феномен урока английского языка претерпевает качественные изменения и является своеобразным лидером нового содержания образования. Однако авторитарные позиции российского учителя еще очень сильны, и потребуется время для перехода к новой форме урока — урока диалога, где личность ученика не менее важна, чем личность учителя.

С. Д. НЕВЕРКОВИЧ,

заведующий кафедрой педагогики Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор (Москва);

С. Я. КОБЛЕВА,

преподаватель Адыгейского государственного университета, кандидат педагогических наук (Майкоп)

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КУЛЬТУРЕ МИРА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Совершенствование образовательного процесса характеризуется следующими тенденциями: содержание образования обогащается гуманитарным компонентом, когда на первый план выдвигается гуманистическая направленность образования, отношение к человеку различных культурных сообществ как высшей ценности; приоритет в обучении иностранному языку, в частности, становится обязательным компонентом культуры молодого человека в современных условиях.

Проблема развития личности с разных позиций рассматривается классиками филологической, психолого-педагогической мысли: М. М. Бахтиным, Н. А. Бердяевым, Ф. Т. Михайловым, Л. С. Выготским, В. В. Давыдовым, А. Г. Маслоу, А. И. Пригожиным, С. Л. Рубинштейном, А. А. Ухтомским, К. Ясперсом и др.

В современной научной литературе по психологии, педагогике, социологии развитие личности учащегося выступает как функция сущностных сил человека — познание мира и преобразование самого себя в процессе образовательной деятельности. Философские проблемы человека, то есть взаимоотношения человека и мира, проблемы человеческих ценностей отражены в исследованиях как зару-

бежных (А. Адлер, Р. А. Розенберг и др.), так и отечественных (С. Ф. Анисимов, М. И. Бобнева, А. Г. Здравомыслов, О. М. Панфилова и др.) ученых.

Никогда раньше системы ценностей, исповедуемые человечеством, государствами, нациями, социальными группами, индивидами, не становились факторами их развития, от которых в решающей мере зависело бы не просто содержание и направленность человеческой истории, но и то, будет ли эта история иметь продолжение или она оборвется.

Ряд исследователей, признавая сложность системы ценностных ориентаций личности, ее многомерность как объекта изучения, отмечает, что именно ценностные ориентации, сформированные на школьной и студенческой скамье, определяют особенности и характер отношений личности с окружающей действительностью и тем самым в значительной мере детерминируют ее поведение (Б. С. Круглов, В. А. Ядов и др.).

Воспитательный и развивающий потенциал проблемы иностранного языка как ценностного основания развития культуры и миропонимания учащихся общеобразовательных школ и студентов вузов не рассматри-

вался в полной мере ни в педагогической, ни в психологической научной литературе. Вместе с тем иноязычная образовательная среда, создаваемая в процессе обучения иностранному языку, является тем формирующим определенную культуру пространством, в котором осуществляется развитие личности учащихся. В основе изучения иностранного языка как явления социального лежит развивающая учебная деятельность со всеми многосложными субъект-объектными и субъект-субъектными отношениями. Через иностранный язык как особое ценностное средство осуществляются межнациональные, межкультурные связи, сотрудничество в едином мировом жизненном пространстве.

В ряде работ рассматривается воздействие иностранного языка на личность учащегося в целом (И. Л. Бим, М. Л. Вайсбурд, И. А. Зимняя, Р. П. Мильруд, В. В. Сафонова, Л. В. Щерба), проблемы развития личности учителя иноязычной культуры (Е. И. Пасов), влияние содержания учебников на способности учеников (В. Н. Богородицкая).

Проблема исследования ценностей и ценностных ориентаций остается актуальной, так как, во-первых, нет единого подхода к трактовке понятий «ценность», «ценностные представления», «ценностные ориентации»; во-вторых, кардинальные изменения в политической, экономической, духовной сферах нашего общества влекут за собой радикальные изменения в ценностных ориентациях и поступках людей, что особенно ярко выражено у учащихся различных образовательных учреждений.

Понятие «ценности» в современных философских работах определяется с использованием слов «значение», «значимость», «релевантность», «долженствование», «идеал», «цель», «эмоциональное сознание», «намерение», «стремление», «потребность», «интерес», «желание», «выбор», «мотивация», «отношение», «предпочтение», «принцип», «символ», «реальность», «целое», «совершенство» и т. д. Общая система понятий, проясняющая сущность ценностей, включает такие термины, как «ценностное отношение», «предметная ценность», «ценностные ориентации», «оценка», «оценочное суждение», «потребности», «интересы».

Ценностные ориентации — сложный социально-психологический феномен, характеризующий направленность и содержание активности личности, определяющий общий подход человека к миру, к себе, придающий смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам. Система ценностных

ориентаций имеет многоуровневую структуру. Вершина ее — ценности, связанные с идеализациями и жизненными целями личности.

Ценностные ориентации, являясь одним из центральных личностных новообразований, выражают сознательное отношение человека к социальной действительности и в этом своем качестве определяют широкую мотивацию его поведения и оказывают существенное влияние на все стороны его действительности. Особое значение приобретает связь ценностных ориентаций с направленностью личности. Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону и составляет основу взглядов человека на окружающий мир, отношение к другим людям, к себе и мировоззрение — ядро мотивации и «философию жизни». Ценностные ориентации — способ дифференциации объектов действительности по их значимости (положительной или отрицательной).

Проблема ценностных ориентаций нашла отражение в работах многих исследователей. Однако анализ специальной литературы свидетельствует о том, что в педагогике и психологии нет единой концепции, выделяющей особенности формирования ценностных представлений и ориентаций обучаемых в целостной структуре личности. Также на современном этапе педагогической науки остаются еще не до конца изученными возможности формирования и развития ценностных ориентаций у учащихся в процессе обучения иностранному языку.

В нашем исследовании в качестве варьируемых элементов педагогической системы, позволяющих целенаправленно формировать систему дидактических условий развития ценностных ориентаций у учащихся в процессе учебной деятельности, рассматриваются следующие:

- цели обучения;
- отбор содержания учебного материала;
- методы и приемы деятельности преподавателя;
- формы организации учебной деятельности;
- дидактические средства обучения;
- оценка достижения обучаемых.

В основе разработанной нами модели — цели: глобальные (становление вторичной языковой личности), стратегические (культурно-коммуникативное развитие), тактические (формирование ценностных ориентаций в процессе освоения иностранного языка), оперативные (цель конкретного занятия, методы, средства).

Иерархическая система целей обучения иностранному языку обеспечивает поэтапное выполнение и контроль процедур проектирования и организации дидактического процесса. Поэтому основу модели составили цели, которые предполагают формирование знаний у обучаемых (в соответствии с государственным образовательным стандартом), практических умений и навыков, а также способствуют формированию ценностных ориентаций личности, в частности, гуманности и толерантности к

представителям другой культуры, потребности в альтруистских и коммуникативных отношениях и др. На этапе целеполагания необходимо учитывать возможные сочетания групп ценностей как компонентов целей обучения (воспитательных и дидактических). При этом очень важно представлять характеристику уровней сформированности ценностных представлений и ориентаций по интеллектуально-познавательным, деятельностно-практическим и эмоционально-ценностным критериям.

Н. П. ПОНОМАРЕНКО,

*заместитель директора по научно-методической работе
государственного образовательного учреждения «Дом детского
и юношеского творчества» Калининского района Санкт-Петербурга,
кандидат философских наук*

МНОГОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ, МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ, ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Так называемое дополнительное образование (ДО), его учреждения находятся внутри социокультурных процессов. Будучи культурологической ценностью, имея свою специфику, ДО переживает плюсы и минусы переходного периода. Одно несомненно: оно по-прежнему востребовано и детьми, и взрослыми, которые дорожат своим свободным выбором, разнообразием и глубиной возможного в этой системе индивидуально-личностного развития.

Каким может и должно быть дополнительное образование, чтобы не только не утратить своей востребованности, не только выстоять перед стихией социальных перемен, но и обрести новое дыхание, новую силу, ибо глубоко оно всегда необходимо отдельным людям и обществу в целом?..

Все образовательные структуры — государственного и частного масштабов, начального, среднего и высшего уровней, узкоспециализированной или глобально-ориентированной направленности — заняты поиском добротной или удовлетворительной модели функционирования. В общем процессе поиска участвуют миллионы людей разного возраста, социальных пластов и так далее, главным из которых являются учителя, педагоги, мастера — носители знаний, умений, мастерства — и потенциальные или реальные ученики, потребители образовательных услуг. Сталкиваются, как ртутные

шарики, не понимая, не принимая, отторгая друг друга — в единичных, групповых, массовых масштабных вариациях, или, что работает на перспективу — индивидуальную, групповую, массовую, — находят совместный союз удовлетворительным, продуктивным...

Одно обстоятельство дает опору для оптимизма. Это — социокультурная миссия образования как социального института с двойной функцией, миссией: *консервативной* — удерживать и воссоздавать знания, умения, накопленные предыдущими поколениями, и *поисково-новаторской*, устремленной в будущее, создавать новое перспективное в контексте многогранной культуры человечества, в проявлениях конкретной образовательной модели. Найденное — не вечно и не всепланетарно. Но, если удовлетворяет соискателей по целям и предполагаемым результатам, то модели оттачиваются по механизмам более или менее продуктивного функционирования. Многоголосье потребностей, многообразие предложений и возможностей складываются в сложную социокультурную мозаику, которая стремится к некой гармонизации исторически обусловливаемых образовательных стандартов — по содержательному ядру, формам предъявления потребителям, ожидаемым результатам. Иначе тотальная дисгармония порождает кризис не только на этапах самого образования, но и увеличива-

ет кризисные явления по всему зданию социума.

Проблема реальная — соотношение между разнообразием социальных и личностных потребностей в образовании и внутри самого института образования. Соблюдение конкретно-исторической меры этого соотношения — реальная забота участников модернизации образовательных структур и не только.

Модернизация образовательных структур или выстраивание новых моделей требует мышления и действий *комплексных, объемных и на перспективу*. На строительной же площадке возникают противоречия и разлад по разным причинам:

— теория порой так отрывается от реальных обстоятельств, что воспринимается практиками как рафинированный пустозвук;

— практика же, утопая в сиюминутной повседневности, не только не смущается от отсутствия комплексного видения и перспективной устремленности, но гордится своей перманентной занятостью, деятельностью и еще более дистанцируется от теории;

— теория и практика взаимодействуют фрагментарно, откликаясь на чей-то субъективный интерес или требования вышестоящих структур, которые в свою очередь не всегда умеют согласовывать объемное мышление с локальными действиями.

Концептуальные идеи «вянут» под натиском стихии. Оптимизм пасует. Но сил терять нельзя. Без наличия достойной системы образования и отдельных ее подразделений общественный прогресс просто невозможен. Такова участь и миссия образования.

Знание, понимание реальных социокультурных процессов и их противоречий не только не обессиливают, но побуждают искать способы устойчивости, чтобы «лодочка» не захлебнулась в водовороте стихий, но сама бы развернула паруса—векторы развития и своего собственного, и других социальных культур (науки, культуры материальной и духовной, экономики, политики).

Сложно? Да. Но есть ли что-то легкое в общечеловеческих деяниях?

Ключевая идея развития образования — *развитие*. Есть некие базовые принципы, касающиеся общества в целом, государства и системы образования. Есть также и реальные препятствия для осуществления базовых принципов, их результативности.

Некоторые из них представлены в следующей таблице:

Базовые принципы, обращенные к обществу, государству и системе образования	Реальные препятствия и противоречия
1. Демократизация образования — цель, средства и гарантия необратимости реформ образования	Социальная расслоенность общества и рассогласованность потребностей и возможностей разных слоев и отдельных личностей; дисгармония социальных и личностных смыслов образования
2. Плюрализм образования, его вариативность и альтернативность	Поиск стандартизированных составляющих (в виде ЕГЭ и др.); проявление национализма через образование
3. Народно-национальные традиции в образовании	Формальное подражательство, следование чужеродным моделям
4. Гуманизация образования	Дегуманизация в общественных отношениях («дедовщина», национализм и др.); девиантное поведение подростков; нездоровье детей (до 95 %)
5. Гуманитаризация образования	Падение интереса к чтению, гуманитарному знанию под натиском технических средств распространения информации с подменой гуманитарных ценностей
6. Дифференциация образования	Разрыв целостного поля образовательных проблем; гипертрофированный интерес к частному обособленному знанию
7. Непрерывность образования	Отсутствие или недостаточность комплексной системной интегральной обработки информации; фрагментарность образовательных услуг; конкурентность позитивных и сомнительных образовательных услуг, образовательных программ; противоречия общественно-значимых личностно-ценных образовательных услуг

Конечно, всякая схема упрощает реальные процессы. Но она же помогает увидеть что-то более выпукло, акцентированно. Сопоставляя социокультурные тенденции — одни как объективно необходимые, способствующие развитию в направлении прогресса, другие как объективно существующие, но реально препятствующие ему, — можно четче, объемнее увидеть проблему или проблемы для действенной диагностики и практического, менее ошибочного действия.

Для детских учреждений ДО особенно важно иметь «оптическое зрение»: объемное, комплексное, перспективное — *мыслить глобально* (насколько возможно в нестабильном социуме), *действовать локально* в конкретной совокупности обстоятельств, не закрывая конкретикой горизонты. *Концепция развития* учреждения как целостного образования содержит стратегические цели и принципы, которые конкретизируются в далеко- или краткосрочных *программах развития*, где целое и части органично едины, как лесной массив с куртинами, полянками и отдельными деревьями, кустами, ручейком:

— качественно работать в современных условиях;

— добротнo выполнять объективно существующий социальный заказ;

— обеспечивать социокультурную значимость учреждения дополнительного образования;

— быть конкретно-способным, не гоняясь за сиюминутной модой-потребностью.

Любое учреждение ДО, и ДДЮТ Калининского района в частности, заинтересованы в этом «оптическом мышлении и в

практическом мастерстве всех участников образовательного процесса — каждого на своем месте, по своей компетентности: руководителей любого уровня, педагогов, методистов, представителей всех служб сопровождения.

«Банальные идеи, простые истины», — могут сказать на это читатели. Верно. Но за этой доступной простотой — реальные проблемы.

С. И. ПЯТИБРАТОВА,

заведующая сектором общего образования отдела науки государственного образовательного учреждения «Санкт-Петербургский городской дом творчества юных», кандидат педагогических наук

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫПУСКНИКА СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ ГЛАЗАМИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Что дает современная школа выпускнику для развития общей культуры? Каковы должны быть культурно-образовательные результаты обучения и от чего они зависят? Решение данных вопросов не может быть однозначным и раз и навсегда окончательно определенным, поскольку общекультурная компетентность — явление динамичное и изменяющееся. Однако обозначенные проблемы весьма актуальны в современном образовательном пространстве. От их решения во многом зависят направления и пути развития российской школы.

Понятие «культура» вызывает у ученых множество споров и разноречивых толкований. В самом общем виде культура — это все, что выработало человечество за долгий период своего существования и развития, все материальные и духовные плоды человеческой деятельности, способ реализации сущностных сил человека. Ни одна сфера жизни невозможна вне культуры. Культура — способ жизни человека, исторически развивающееся, многогранное, сложное общественное явление, являющееся неотъемлемым атрибутом человеческого существования. Культура не наследуется биологически, а передается от человека к человеку через общение и обучение. Человеком можно стать, только овладев культурой. В обществе существует механизм социального наследования накопленного человеческого опыта. В процессе социализации одно из главных значений имеет обучение и целенаправленное воспитание. Дети — потребители и создатели культуры, поэтому освоение ее основ происходит через

систему образования. Образование является культурно-историческим феноменом и в передаче культурных ценностей подрастающему поколению ему принадлежит исключительная роль.

Мир детства — особый период в освоении культуры. Жизнь, душа, любовь, дружба, вера, смысл, духовный мир — важные явления культуры, которые формируются в процессе образования. В детстве закладываются основы ценностных позиций и интересов, хотя социально-культурная эволюция личности происходит в течение всей жизни. Каковы основные культурно-образовательные результаты выпускника современной школы? Вопрос на сегодняшний день неоднозначный, поскольку система образования является важным, но не единственным социальным институтом в процессе освоения культуры, и нет объективной возможности закрепить раз и навсегда в образовательных стандартах минимум и максимум культурных ценностей, которые должен освоить ученик за годы обучения в школе. Каждое поколение педагогов пытается заново решить проблему формирования культуры человека и ставит вопрос, как сделать образование культуроемким и культуросообразным, поскольку насытить его культурным содержанием оказывается очень трудно. В связи с этим существенную помощь может оказать изучение мнения самих старшеклассников о роли образования в освоении общекультурных ценностей.

В качестве примера хотелось бы привести исследование, касающееся культурно-образо-

вательных результатов выпускника современной школы, проведенное в Аничковом лицее государственного образовательного учреждения «Санкт-Петербургский городской дом творчества юных». В опросе принимали участие 100 человек (учащиеся 10 и 11-х классов).

Среди заданных вопросов особый интерес вызвали следующие:

— Каковы основные результаты обучения в школе?

— Что может дать получение образования в школе, помимо основных знаний, умений, навыков?

— Какие интересы и устремления не смогла удовлетворить школа за время обучения?

Проведенное исследование культурно-образовательных результатов выпускника современной школы глазами старшеклассников Аничкова лицея показало необходимость учета культурологической составляющей в процессе как обязательного, так и дополнительного образования. Общее образование дает, помимо основных базовых знаний, широкий спектр других необходимых молодому человеку умений и качеств, способствующих реализации личностного потенциала в современной действительности. Школа является основным, но не единственным институтом в освоении культурных ценностей. Ряд необходимых выпускнику знаний и качеств, которые не дает общее образование, могут компенсировать образовательные учреждения другого типа. В качестве примера можно привести некоторые учреждения ДО, на базе которых уже сегодня осуществляется профильная подготовка и реализация большого спектра элективных курсов, в том числе и культурологической направленности, связанных с развитием и реализацией личностного и творческого потенциала.

Данные проведенного исследования во многом свидетельствуют о том, что стандарты образования должны быть напрямую обращены к освоению культурных ценностей. Однако, как показывают результаты опроса,

формирование стандартов образования может существенно отставать от современных культурных потребностей и предпочтений учащихся, которые динамично меняются и развиваются вместе с изменением и развитием современного общества. Необходимы систематические комплексные исследования культурно-образовательных результатов учащихся, которые помогли бы выработать методологию обновления стандартов в области освоения культурного наследия, а также разработать систему измерения соответствия данным стандартам.

Взгляд современных старшеклассников на культурно-образовательные результаты школы еще раз подтверждает мнение о том, что культура есть условие образования, а образование есть условие культуры. При этом можно предположить, что образование является относительно самостоятельным механизмом для развития и запуска новых культурных тенденций и форм, которые рождаются в молодежной среде. Культура стоит на службе образования, так как выступает фактором регуляции деятельности человека, координации его усилий и способностей, знаний, умений, управления личным образом жизни. Феномен образования неразрывно связан с творческой деятельностью учащихся. В процессе образования идет становление духовного мира, формирование и реализация способностей, дарований, талантов. Все это входит в область взаимоотношений человека и культуры (достижение духовной зрелости, воспитание черт интеллигентности, доброжелательности, благородства). В процессе освоения культурных ценностей происходят изменения личности — именно на этой основе формируется творческий потенциал молодого человека.

Вопрос о культурно-образовательных результатах выпускника современной школы на сегодняшний день остается открытым, но его можно и нужно решать. Мнение самих старшеклассников может сыграть определенную позитивную роль в этом направлении.

В. Г. РАЗУМОВСКИЙ,*главный научный сотрудник Института содержания
и методов обучения РАО, академик Российской Академии образования (Москва);***Ю. А. САУРОВ,***профессор Вятского государственного гуманитарного университета,
член-корреспондент Российской Академии образования*

НАУЧНЫЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК ВЫСОЧАЙШАЯ ДУХОВНАЯ ЦЕННОСТЬ

Если следовать многостороннему подходу академика Д. С. Лихачева к анализу явлений нашей жизни, мы приходим к выводу, что противопоставление гуманитарной и научно-технической культур в конце 1980-х — начале 1990-х годов стало одним из ядовитых средств, способствовавших деградации нашей страны. Особенно сильно пострадала инженерия, конструирование. Из идеологии все это очень быстро перешло в область образования, в том или ином виде существует и сейчас, деформируя воспитание личности человека XXI века. Суть проста. Культура не равнозначна гуманитарной культуре. А сейчас, в ходе соответствующей практики обучения, эти понятия почти отождествляются.

Успехи современной цивилизации базируются на гипотетико-дедуктивном методе науки нового времени (начиная от Галилея до Эйнштейна и современных физиков, биологов, конструкторов, медиков и т. д.). Мощь этого метода мыслительной деятельности, метода познания мира, оказалась настолько значительной, что позволила создать цивилизацию машинного типа, развитию которой пока нет конца. И альтернативы пока тоже нет. Попытки психологии, политологии или даже политтехнологии (и других идеологических инструментов) стать движителем познания и преобразования пока еще очень робки. Итак, в образовании должен быть осмыслен и в полной мере реализован современный научный метод классического естествознания. Движение в этом направлении было всегда, но только сейчас решение данной проблемы становится стратегическим по значению.

Основателем научного метода естественно-научного познания считают Г. Галилея, который отверг существовавшее до него представление о том, что человеческий разум непосредственно воспринимает знания из внешнего мира. Таким образом, он отделил мир природы от мира науки, фактически сделал научное мышление инструментом социальных по масштабу открытий. Галилей пришел к фундаментальным открытиям, считая гипотезу центральным моментом познания.

Гипотеза — синтез рационального (фактов) и творческого (воображения). Благодаря гипотезам научная теория стала выполнять не только объяснительную, но и предсказательную функцию. Поскольку гипотеза — всегда творение разума, она может считаться достоверной только после практической (экспериментальной) проверки.

Научный метод познания вооружил человечество поразительной мощью обобщения. Великий Максвелл выразил все достижения электродинамики в четырех уравнениях. Восхищенный внутренней и внешней красотой этих математических уравнений, другой гениальный ученый, немецкий физик Больцман выразил свой восторг стихами, начинавшимися фразой: *War es ein Gott der diese Zeichen schrieb?..* (Не Бог ли эти знаки начертал?..)

До начала XX века модельные гипотезы в науке воспринимались адекватно, почти тождественно изучаемым явлениям, что сейчас распространено при обучении. Как вытекает из работ А. Эйнштейна и других великих физиков, революция в физике и вообще в познании состояла в отказе от классических и построении новых моделей, выяснении гносеологической ограниченности любых моделей. Любая модель «работает», то есть верно отражает суть явления, лишь в определенных границах. Постоянный поиск истинности знаний (понятий, законов) достигается в науке благодаря их неразрывной связи со всей суммой экспериментальных данных, с практикой деятельности. Цикл познания, по А. Эйнштейну, начинается с опыта и кончается экспериментом.

Современная революция в школьном образовании состоит, в частности, в непреложном требовании понимания учащимися происхождения научного знания, отличия научных знаний от всякой другой информации. Этим вызвано включение в стандарт школьного образования по физике научного метода познания. Не случайны и наши усилия в построении учебника нового поколения под идею «Физика в самостоятельных исследо-

ваниях на основе научного метода познания» (ред. В. Г. Разумовский, В. А. Орлов). Уже вышли учебники для базового курса физики, впереди — для старшей школы.

Научный метод познания для целей образования включает следующую последовательность действий ученика:

— обобщение определенной группы фактов и постановку проблемы;

— выдвижение обоснованного предположения, дающего ключ к решению поставленной проблемы, то есть гипотезы в виде функциональной зависимости величин либо в виде модели изучаемого объекта или явления;

— вывод из гипотезы строго логических следствий, которые позволяют объяснить наблюдаемые явления или предвидеть новые явления;

— экспериментальную проверку гипотезы и вытекающих из нее следствий.

Уже первый опыт учителей, обучающихся на основе идеи освоения научного метода познания, показывает эффективность нововведения. В частности, в иерархии ценностей для реализации личностно-центрированной методики обучения научному методу познания принадлежит ключевая роль. Так, ознакомление школьников с научным методом познания открывает широкие возможности для предоставления учащимся инициативы, независимости и свободы в процессе познания и, что особенно важно, ощущения радости творчества. Владая методом познания, ученик видит себя равным в правах с учителем на научные суждения, что способствует раскованности и развитию познавательной инициативы, без которой не может быть речи о полноценном процессе формирования личности. Овладение научным методом познания в среднем школьном возрасте чрезвычайно важно, поскольку именно этот возраст является сенситивным для развития способностей к мышлению отвлеченными научными категориями. Эти способности открывают путь к дальнейшему образованию и творческой деятельности.

Метод естественно-научного познания оказал и оказывает существенное влияние на гуманитарную культуру, на культуру вообще. (Отдельно о материальной культуре и не говорим!) Не случайно, например, такая элитарная область гуманитарного знания как методология при своем развитии опиралась и опирается в первую очередь на достижения естествознания (Г. П. Щедровицкий, В. С. Степин, Т. Кун, К. Поппер и др.).

Этот метод вскрывает природу понятий, дает инструменты их эффективного построе-

ния и использования, здесь вскрывается социальная природа идеальных образований, любого мышления (К. Маркс, Э. Ильенков и др.). На этой основе решаются проблемы языка описания, представления. С этой точки зрения построение и функционирование литературного образа, например Печорина, происходит во многом по законам «жизни» материальной точки в физике. Сейчас метод настолько значимо дает видение реальности, что об объектах природы под его углом зрения говорят как об «естественно-искусственных». Отсюда научный метод сближает объекты естествознания и объекты инженерии, культуротехники, в целом культуры. Сейчас системы гуманитарных знаний в традициях своих форм и языка прямо или косвенно используют логические, знаниевые структуры, наработанные, например, в физике. Фундаментальные понятия пространства, энергии, времени, открытой и закрытой системы и тому подобного были эффективно обжиты в гуманитарных науках. Примеров тут не счесть. И самое главное, «зигзаги» мыслительной деятельности, мыследеятельности, освоенные в творческой лаборатории естествознания, переносятся через коммуникации в гуманитарные области и дают там свои плоды. Верно и обратное.

Метод научного познания помогает на практике преодолевать грань культуры и социализации. Известно, что встраивание в структуры и деятельности общества нередко связано не с усвоением культурных норм. Мы видим результаты воспроизводства лжи, обмана и др. И это даже востребовано. Но это никогда не будет культурной нормой в рамках классического (в духе Д. С. Лихачева) понимания культуры. А метод, задаваемый как культуросообразная деятельность, ведет к изменению мира, практике, реальной жизнедеятельности, а отсюда — к социализации. Он — носитель идеальных норм культуры, их великий транслятор, а отсюда — «хранитель» традиций деятельности, смыслов и процедур познания. Гуманитарные знания сейчас все больше претендуют на предсказание будущего. Для научной реализации данной функции совершенно необходимо освоение гипотетико-дедуктивного метода научного познания. В методологии известен опыт построения таких технологий организации мышления и деятельности, например, у Г. П. Щедровицкого. Дело — за их развитием, но главное — использованием.

В начале XXI века со всей очевидностью проявилась, обозначилась относительная ценность любых знаний. Отношение к замкнутым,

к формальным знаниям быстро деградирует, формальные знания становятся безразличными. Только функционирование системы знаний как метода дает устойчивый эффект в познании и преобразовании мира. А значит, такие системы будут востребованы, потребность в них растет. Здесь кроется причина воспита-

тельной эффективности метода научного познания. Метод модельных гипотез, отработанный до деталей в физике, позволяет образованным людям легко преодолевать барьеры между языками культурных достижений разных эпох, разных школ, разных стран. Так воспроизводится единство культуры.

Т. А. СКОПИЦКАЯ,

учитель высшей категории средней школы № 491 Санкт-Петербурга

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

*«Небольшой шаг для человека,
большой шаг для человечества».*

Результат каждого школьного урока и результат школьного образования имеют очень тесную связь. Она заключается не только и не столько в объеме знаний, постепенном его наращивании, но и в поэтапном, последовательном повышении уровня самостоятельности учащихся в решении познавательных, коммуникативных, аксиологических и практических проблем. 2006/07 учебный год в школах Санкт-Петербурга начинался и заканчивается «Уроками Лихачева». Что извлекли мы из них за этот учебный год, что приобрело для нас поучительное значение, из чего можно сделать вывод на будущее? Это вопросы, которые прошли через многие учебные и внеклассные занятия в разных классах школы.

В одном из своих писем Д. С. Лихачев пишет, что жизнь человека начинается с заботы. При этом, «если забота направлена только на себя, то вырастает эгоист» («Что объединяет людей»); забота должна объединять людей, «крепить память о прошлом» и направлять «целиком на будущее». Эти положения созвучны задачам, которые определяют десятилетие образования в целях устойчивого развития (2006–2015 гг.).

Образование для устойчивого развития — это не новый предмет в учебном плане, рассказывающий детям, что такое устойчивое развитие. Образование для устойчивого развития — это изменение подходов к образованию: от передачи знаний к созданию условий для активного познания и получения детьми практического опыта социальной деятельности; от пассивного усвоения информации к активному ее поиску, критическому осмыслению ее составляющих. В «Стратегии образования для устойчивого разви-

тия в Санкт-Петербурге» говорится: «Образование для устойчивого развития комплексно включает в себя вопросы гражданского, правового образования, нравственного и патриотического воспитания, экологического, экономического и других направлений образования. Не лучше ли вместо десяти разных направлений объединить усилия и четко видеть цели и задачи в одном русле?». Действительно, действия сразу во многих направлениях затрудняют формирование целостной воспитательной системы и превращают ее в список мероприятий. Образование для устойчивого развития становится интегрирующим компонентом для деятельности школы. Не об этом ли мечтал Д. С. Лихачев, когда писал, что все начинается с заботы о человеке, с заботы об окружающем мире, с заботы о природе и культурном наследии, о воспитанности и патриотизме, об объединении людей и отношении к нравственным вершинам?..

В стенах школьного здания невозможно достичь положительных результатов образования для устойчивого развития. Детям должна быть понятна заинтересованность взрослых в способностях, умениях, делах подрастающего поколения. Детям должны быть созданы условия для целостного восприятия мира и определения зависимости его частей. Дети уже в период школьного обучения должны полноценно жить, а не только готовиться жить в будущем. «Для того чтобы будущее было благополучным, люди должны думать о настоящем, пытаться изменить что-то уже сегодня. Многочему нужно научиться уже сейчас. Мы должны заботиться обо всем, что нас окружает — тогда и в будущем будет все хорошо» (отрывок из сочинения Оли Ж., 14 лет).

Трудно перечислить все возможности современной школы в реализации обозначен-

ных задач. Остановимся на одной, которая позволяет учащимся иметь широкий спектр информации, обмениваться своими взглядами со сверстниками из других стран, согласовывать или разрабатывать программы для решения вопросов устойчивого развития и сохранения культурного и природного наследия. «Всемирно известны те гигантские усилия, которые предпринимаются нашим государством, отдельными странами, учеными, общественными деятелями, чтобы спасти от загрязнения воздух, водоемы, моря, реки, леса, чтобы сохранить животный мир нашей планеты... Но человек живет не только в природной среде, но и в среде, созданной культурой его предков и им самим... Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда не менее необходима для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости” <...> для его нравственной самодисциплины и социальности» (Письмо 41).

В период развития современного коммуникационного пространства реализация этого направления имеет широкие возможности через участие школьников в международных проектах. И в первую очередь в проекте «Сети ассоциированных школ ЮНЕСКО», которые работают по программе образования для устойчивого развития. «Культурные и природные объекты наследия формируют окружающую среду, от которой люди зависят физически, информационно, религиозно и экологически. Их разрушение или даже уничтожение может губительно сказаться на сохранении нашей индивидуальности, наций на нашей планете. На нас лежит ответственность за сохранность этих объектов для будущих поколений» (Молодежный форум — Берн, Норвегия, 1995 г.).

Сделать школьников приоритетной группой в работе по сохранению культурного и природного наследия — означает вовлечение детей и подростков в реальную, значимую, результативную деятельность и признание возможности школьников внести вклад в мирное и демократичное развитие общества и мира в целом. Понимание своего собственного культурного наследия, а также наследия других стран — это важный шаг, способствующий пониманию молодыми людьми их индивидуальности и идентичности. Международные проекты для школьников под патронажем ЮНЕСКО и Центром всемирного наследия помогают подросткам объединиться, дают возможность завтрашним взрослым научиться принимать решения, участвовать в беседах, посвященных сохранению всемир-

ного достояния, дают отпор угрозе, направленной на всемирное культурное и природное наследие.

Очень важной стороной в этой работе является изучение существующих в различных обществах культурных различий посредством обмена информацией и опытом. Используя современное коммуникационное пространство, Интернет, школьники имеют возможность изучить культурное многообразие своего общества, а также многообразие, существующее в других обществах и странах; открыть и понять, в чем ценность культурного наследия, а также активно участвовать в его сохранении и управлении.

Дети по своей природе являются творческими личностями и желают активно участвовать в культурной жизни своей страны. В результате получения информации из других стран, обсуждения ее на форуме в детях повышается чувство самосознания и культурного самовыражения, воспитываются чувства гордости и патриотизма, которые так необходимы в современном мире.

Новые коммуникационные технологии — неотъемлемая часть образования для устойчивого развития. Они используются для открытия диалогового пространства, организации форумов, содействия сетевой работе между школьниками, детскими и другими организациями. Новые коммуникационные технологии способствуют целостному восприятию мира, позволяют школьникам иметь доступ к исторической и новой информации, а также становятся образовательным инструментом для личного самосовершенствования и интеграции в общество. Например, участвуя в международном проекте «Великий Волжский речной путь», школьники имели возможность сотрудничать со сверстниками из многих стран мира, и в том числе из стран Каспийского, Черноморского, Балтийского регионов. Ребята изучали природу, культуру, национальные особенности народов в регионах, которые объединяет великая река — Волга. Произошел обмен информацией о развитии промышленности в этих местах, экологическом состоянии городов, поселений на Волге и берегах трех морей. Была налажена деловая переписка, в которой ребята обсуждали проекты сохранения уникального культурного и природного наследия Великого речного пути.

Для образовательного процесса это была большая работа по межкультурному воспитанию: с одной стороны, процесс взаимодействия людей с различным социально-культурным прошлым и настоящим, с другой — процесс

индивидуального приобретения знаний, навыков, связанных с взаимодействием различных культур на личностном уровне.

По Д. С. Лихачеву, «каждый человек обязан знать, среди какой красоты и каких нравственных ценностей он живет. <...> Каждый обязан принимать посильное участие в сохранении культуры. Ответственны за все

мы с вами, а не кто-то другой...» (Письмо 41). Участие школьников в международных проектах способствует более широкому пониманию, что такое культурное и природное наследие страны, формирует устойчивое чувство гордости за свою национальную принадлежность и побуждает уже с детских лет быть в ответе за ее будущее.

А. В. УСОВА,

заведующая кафедрой Челябинского государственного педагогического университета, академик Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор

ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ У УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Формирование мышления у учащихся в процессе обучения является одной из важнейших педагогических задач. На практике она решается посредством организации выполнения учащимися различного рода заданий и решения задач, требующих умения мыслить. Но специально учащихся не обучают выполнению отдельных операций, из которых складывается мышление: анализ, сравнение, аналогии, абстрагирование, обобщение. Вследствие этого процесс развития мышления у учащихся оказывается малоэффективным, непродуктивным.

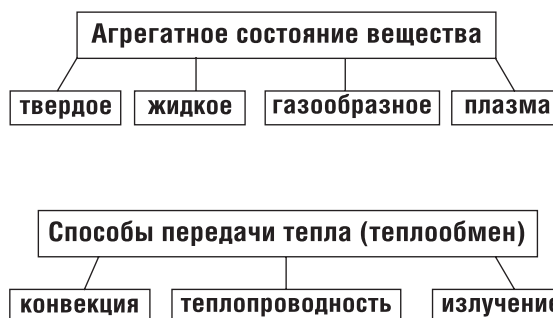
К сожалению, в процессе профессиональной подготовки в педагогических вузах студентов не обучают методике развития мышления учащихся ни в курсах педагогики, ни в курсах частных методик. Эти вопросы не находят отражения в программах учебных дисциплин.

Мы считаем, что вопросы методики развития мышления должны быть в программах по педагогике (в разделе «Дидактика») и обязательно — в курсах частных методик. В них необходимо рассматривать структуру мыслительных операций, организовать упражнения по их выполнению. К сожалению, такого рода упражнений нет в школьных учебниках. Поэтому учащиеся испытывают большие затруднения при их выполнении.

Одной из важных мыслительных операций, имеющих широкое практическое применение, является операция сравнения. Она требует умения выявлять общие существенные свойства сравниваемых предметов и их существенные различия, определять родовое понятие и виды, имеющие ближайший род, осуществлять классификацию сравниваемых

объектов. Учащиеся должны хорошо усвоить, что классификация осуществляется на основе выделенного признака. Например, при изучении механики в курсе физики осуществляется классификация движений по ускорению (выделяются прямолинейное и криволинейное движение). При изучении раздела «Теплота и молекулярная физика» осуществляется классификация объектов по теплопроводности (хорошие и плохие проводники тепла); при изучении раздела «Электричество» — классификация тел по электропроводности (хорошие и плохие электрические проводники).

Целесообразно и выделение родовых и видовых понятий, причем их классификацию лучше сопровождать выполнением схем. Например:

Посредством выполнения схем выделяются родовые понятия и виды, принадлежащие к данному роду. При этом учащиеся должны усвоить, что сумма объемов видовых понятий должна быть равна объему общего родового понятия. Часто при выполнении данной операции получают слишком широ-

кое деление понятия, когда сумма объемов видовых понятий оказывается больше объема родового понятия, или узкое деление, при котором суммарный объем видовых понятий оказывается меньше объема родового

понятия. Например, «структурная форма вещества: молекулы и атомы». Здесь в объеме делимого понятия не вошли такие структурные формы, как ионы, элементарные частицы и ядра атомов.

М. Н. ФРОЛОВСКАЯ,

доцент кафедры педагогики Алтайского государственного университета,
кандидат педагогических наук (Барнаул)

ОБРАЗ МИРА ПЕДАГОГА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ¹

В современной цивилизации техницистское мышление, как отмечал М. Хайдеггер, подчинило себе науку, искусство, образование. Ограниченное по существу логико-рассудочным, формально-информативным, операционально-технологическим уровнем, оторванное от питательной почвы культурно-содержательных, духовно-нравственных смыслов и ценностей, современное образование продолжает поставлять техницистское мировоззрение, односторонние прагматические установки, усугубляя кризис современной цивилизации². Действительно, технократически ориентированное образование несет угрозу не только отдельной личности, низводя ее до уровня функционера, но даже природе и будущему всего человечества.

Целью профессионального образования в рамках компетентностного подхода к подготовке будущего педагога остается присвоение определенного набора компетенций. Какими бы ни были компетенции — психологическими, социальными, общекультурными, специальными, — речь, по сути, идет о том, как раскрыть зафиксированную в государственных стандартах «предметность», как создать условия эффективного усвоения предметного содержания.

На первый взгляд, реализация на практике составляющих профессиональной компетентности — это способ жизнедеятельности, профессионального бытия педагога, которое протекает в четырехмерном предметном мире, где происходит *приспособление* к пространственным («*topos*») связям, наполняющим мир вещей, их изменениям во времени («*chronos*»), их движении. В практической

деятельности педагога это раскрытие предметного содержания в хронологической последовательности от одной образовательной ступени — к другой.

Ограниченность такого подхода обнаруживается тотчас же, когда мы входим в пространство смыслов профессиональной деятельности педагога. В. П. Зинченко полагает (и не без оснований), что миссией образования является помощь человеку выйти из пространства предметов в пространство человеческой деятельности, жизненных ценностей и смыслов. Образование выступает как способ становления человека, возможность *быть, становиться* (М. К. Мамардашвили). Это значит (и для педагога), что *образовываться* — стремиться к созданию собственного *образа мира*. Но для этого необходимо осуществить переход от знаниевой (цивилизационной) педагогики к педагогике смысловой (культуротворческой): от человека образованного — к человеку культуры.

Педагогическая природа образа мира обнаруживается в наличии у него, кроме собственных физическому миру координат пространства и времени, пятого квазиизмерения³ — системы значений, воплощающей в себе результаты предшествующего педагогического опыта. В основе индивидуально-образного мира лежит чувственный, индивидуальный социокультурный опыт педагога, ученика. Этот образ динамичен, не является застывшим. Целостный образ мира, который может рождаться в образовательных ситуациях, выступает в качестве интегратора взаимодействия человека с действительностью. Особая мерность значений заключается во внутрисистемных связях объективного предметного мира, так как

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 06-06-00196а).

² Кошелева В. Л. М. Хайдеггер: феноменологическое осмысление современной культуры и проблемы образования // Философия для XXI века. М., 1992. С. 118.

³ Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения: в 2 т. М., 1983. Т. 2.

в процессе своей профессиональной деятельности педагог (индивид) строит образ мира — мира, в котором живет, действует, созидает.

Перечня знаний, умений, определенных стандартом высшего педагогического образования, подробного, «полного» набора компетенций и владение ими становится явно недостаточно, если рассматривать образование как процесс созидания собственного *образа* в культуре и культуры в себе. По А. Н. Леонтьеву, образ мира — сложное многоуровневое образование, обладающее «системой значений» и полем смыслов, это «узел модальных ощущений», поскольку движение к образу мира — это «переход через чувственность за границы чувственности, через сенсорные модальности к амодальному миру»⁴. Поэтому и образ мира амодален: та модальность, в которой он предстает перед сознанием, будет определяться смыслами, открывающимися педагогом в собственной деятельности.

Профессиональный образ мира нельзя *сформировать*, он «вычерпывается» самим педагогом из объективной реальности, он не может быть «задан», скорее, *рождается* через модальности, которые преломляются в поле смыслов. В таком случае профессиональный образ мира индивидуален, не всеобщ, эмоционально наполнен, уникален, поскольку принадлежит конкретному человеку.

На одном из занятий повышения квалификации преподавателей высшей школы обсуждался круг вопросов, связанный с целями, направленностью деятельности. В ответах коллег профессиональный образ мира проявился его основаниями — аксиологическими, онтологическими, методологическими:

— для педагога важно не только общение с другими людьми на уровне диалога, но и постоянное обращение к себе с вопросами;

— необходимо видеть в своих учениках людей с индивидуальными особенностями, жизненным опытом, на который можно опираться во время обучения;

— преподаватель — это не транслятор идей, фактов, цифр, это человек, предъявляющий свою личную позицию по тому или иному вопросу и побуждающий студентов к определению собственной точки зрения;

— у человечества огромное количество знаний; за всю жизнь человек не только не

может все осмыслить, но и узнать о существовании некоторых из них. Невозможно познакомить студентов со всей бездонностью известного в культуре. Невозможно «передать» студентам всего, что знает преподаватель, можно лишь создать условия, которые способствовали бы зарождению учебного интереса, потребности в знаниях;

— образ мира педагога, для меня, складывается из системы ценностей, направленных на собственное развитие и развитие взаимоотношений с людьми, бесконечного саморазвития и личностных качеств, подобных харизме, позволяющих и другим быть активными участниками образовательного процесса;

— образ мира педагога — это поиск ответа на вопрос «зачем ты пришел в образование?». Важно, чтобы наше общение со студентами позволило бы им захотеть двигаться дальше, у-знавать и по-знавать.

Мой образ мира, скорее всего, человеческий. Ведь педагогика — это жизнь. А в жизни главное — счастье общения, понимание, радость открытий (в научном и человеческом познании).

В размышлениях преподавателей высшей школы о собственной профессиональной деятельности просвечивается тенденция к реализации на практике образов, ориентированных на поиск смыслов и понимания себя в образовательном процессе. Это разрушает привычные рамки предписываемых норм, стандартов; преподаватели «выходят за свои пределы», за пределы «своего» предмета и обнаруживают трансцендентные мотивы педагогической деятельности, личностные смыслы. Парадоксальность педагогической деятельности заключается в том, что для ее осуществления компетентность необходима, но в то же время это порог, который нужно преодолеть при выходе в смысловое поле, где детерминантом становится профессиональный образ мира.

Подлинное образование, с точки зрения М. Хайдеггера, призвано основывать, удерживать, охранять и воссоздавать богатство культурно-исторических, нравственно-духовных ценностей и смыслов. Образование способно захватывать духовность человека в целом, закладывать основы подлинного бытия человечества, если представляет собой творческое созидание жизни. Становление собственного профессионального образа мира есть фундаментальное основание подлинного образования самого педагога, его педагогической деятельности, взаимодействия с Другим.

⁴ Леонтьев А. Н. Указ. соч. С. 260.

Педагог, осознающий, что он живет в поиске смыслов, способен осуществить такую деятельность уже не по предписанным кем-то образовательным канонам — он руководствуется прежде всего своим профессиональным образом мира. В культурологической парадигме образования педагогический процесс связан в первую очередь с обращением к духовному опыту Другого. Это обращение пред-

полагает педагога — носителя такого «проникновенного слова», которое, по М. М. Бахтину, вмешивается во внутренний мир Другого и позволяет ему услышать собственный голос. Сотворчество, сопонимание, соосмысление, соощенка — вот пути подлинного образования, в котором и педагог, и ученик (студент) открыты пространству жизненных смыслов и деятельности, сопричастны их созиданию.

Секция 8

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КАК ФЕНОМЕН МИРОВОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Т. А. АПИНЯН,

*профессор кафедры общественных и гуманитарных наук
Санкт-Петербургской государственной консерватории
им. Н. А. Римского-Корсакова, доктор философских наук*

МИФ О САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: ТОПОС И ХРОНОС

Города-мифы возникают, подобно легендарной эзотерической Агарте, на скрещивании магнитных течений, пересекающих Землю. Даже отрешившись от всяческих геологических, физических и тому подобных теорий, мы не можем не признать, что Санкт-Петербург с момента возникновения существует в силовом пространстве множества духовных течений, концепций и интерпретаций, предметом которых, собственно, он и является. Артикулируются идеи о европейском городе в «византийско-азиатском» пространстве остальной России, о городе-корабле, Северной Венеции и морском форпосте, о «культурной столице» — антиподе Москвы, и т. д. и т. п. Но не только научно-рациональные концепции развиваются в данном случае. Здесь соединяются в синкретическом порыве мифы об основателе города и о самом факте основания; о судьбах людей, сопричастных городу; о знаках, знамениях и пророчествах, об избранничестве и проклятии, а наряду с этим множество других — имплицитных, соответствующих отдельным домам, улицам, событиям, людям и временам. Чем больше линий-сообщений, линий-интерпретаций пересекается, тем интенсивнее складывается мифопорождающая ситуация, а город приобретает особую мифологичность, обрекающую каждое следующее мнение о нем осуществляться по канонам мифа.

Мифологическое сознание живет по законам обратной перспективы, по модели, хорошо известной в случае иконы, амулета, символа. Так же существует мир на фотографии или в зеркальном отражении, когда предметы приобретают другой вид, другие пространственные ракурсы и объемы. Нечто иное, сакральное, горнее, выражает себя через профанное, реальное, мирское.

Обратим внимание, что наш город только самым банальным сознанием — сознанием непросвещенного чужака — воспринимается в режиме «реального времени». Для всякого другого, в какой-то момент забывшего бытовую суету, город выступает в режиме мифа, когда феномены реальности становятся знаками того, что просматривается сквозь них, символами иного знания и порождаемых им чувств. В отношении Санкт-Петербурга весьма уместно применить постструктуралистский термин «ризомы» — то, что у Делеза и Гваттари подразумевает «сетку», где каждая дорожка имеет возможность пересечься с другой. Ризома так устроена, что в ней нет центра, периферии, выхода. Ее можно воспроизвести, но она может оказаться совершенно иной, подобно «зоне» в фильме А. Тарковского «Сталкер». Потенциально такая структура безгранична. Пространство ризомы — пространство догадки, открытия, чуда, называемого на языке науки о мифе «нумен» (озарение, откровение, трепет). Абстрактная модель процесса догадки — лабиринт, по которому очень хочется бродить. Таков старый Санкт-Петербург, подвигающий к пешему ходу «глазеющего по сторонам» человека.

Город порождает и формирует мифотворцов подобно тому, как писатель формирует читателя: обучая, открывая глаза на знакомый/незнакомый фрагмент бытовой реальности, переиначивая привычное, подвигая к размышлению. Наверное, еще и потому, что он знает, что нужно человеку, соответствует его ожиданиям и утоляет их. Здесь в дело идут эстетические законы, закодированные в архитектурных творениях, в «мизансценах» переулков, каналов и рек, а также культурные коды, опирающиеся прежде всего на ли-

тратуру, а за ней — на графику, книжные иллюстрации, театр, а для самых «продвинутых» — на чужие воспоминания и на музыку. Все вместе они реализуют исконное человеческое влечение существовать в ауре духовности, напитываясь и оздоравливаясь ею.

Город вступает в диалог. Его «текст» должен стать устройством для преобразования собственного «читателя». Того, кто согласен вступить с ним в интеллектуальную и духовную игру, в интеллектуальное пространство мифотворчества, инспирированное реальной действительностью.

Первый закон мифа: событие можно понять только через другое событие — предшествующее или контекстуальное. Мифология по своей сути (ноуменальности) есть гипертекст в самом полном смысле этого постмодернистского термина. Невозможно понять петербургские дома без минимального знания архитектуры; символов колонн, статуй, решеток — без знания античной мифологии, геральдики. Литературоведение — преамбула к «прочтению» мемориальных зданий и дворов. Сегодня ко всему этому прибавилась история петербургского андеграунда, рока и недавнее прошлое нынешних интеллектуалов — поколения «кочегаров и дворников». Миф нельзя понять без другого мифа, а понимание контекста зависит от следующего контекста, и так до бесконечности: создается в конкретный момент максимальная, но не исчерпанная, не окончательная насыщенность пространства понимания.

Мифогенность пространства Петербурга задается реализацией мифологической модели, присутствием феноменообразующих констант. События, предшествующие возникновению какого-либо объекта, включая сам город, объясняют факты действительности по принципам отношения «сакральное-профанное». Фигура Петра I как основателя Петербурга легко прочитывается как образ демиурга, сакратора — родоначальника, строителя священного города — местопребывания священных персон императоров.

Восприятие Санкт-Петербурга соответствует модели мифологических священных городов. Их отличает высокий уровень развития, использования передовых для своего времени технологий. Здесь проживают «особо знающие». Отметим, что соответствующая данной мифологической максиме концепция утраты и возрождения Ленинградом–Петербургом соответствующего статуса все еще является главным идеологическим концептом.

Динамика подобного сюжета традиционно имеет обратную сторону — как мифологизированное выражение диалектической идеи перерождения, цикличности, бинарности бытия, энтропии. Сакральный мир содержит infernalную сферу, может мутировать в нее, но также быть миражом, фатаморганой. Город-светоч есть оборотень, под царственным обликом которого таится город-призрак, под кораблем-флагманом — корабль Летучего голландца. Город туманов и населяющих его бесов, призраков, Север в традиционной коннотации «север — юг» (зло — добро, смерть — жизнь) (Н. Гоголь, С. Надсон, А. Блок); в крайнем выражении — место апокалипсиса (А. Белый).

Город-миф не существует в реальном времени; иначе говоря, миф может осуществляться только тогда, когда имеется особый сакральный хронотоп — пространственно-временной континуум: «время без времени», место оно.

Сакральное существует до профанного. До него не было ни времени, ни пространства. Это первобытие, вызывающее само существование мира — Вселенной, Земли, профанных времени и пространства. Сакральное — начало архитектоники мироздания и причина появления человека. Все, что есть в профанном мире, — результат какого-то действия в сакральном. Призвание сакральной сферы — установить форму и законы сущего, вызвать обычную человеческую жизнь, создать условия, в которых она должна развиваться. В ней запускается собственно время — начинается история. Сакральное существует также в особом топосе, мыслимом как пустота, но не в однозначном, профанно-бытовом смысле. Пустое пространство содержит потенциальную возможность акта творения, создания структур, подразумевает любой проект. Одновременно — акт самореализации содержащегося в ней самой креативного начала: самосотворение мира, потенция событий. Здесь осуществляется референция — вещи становятся тем, чем их называют.

Сообразно вышесказанному, новая история России началась с города «на берегу пустынных вод», в нем устанавливались имперские и гражданские законы, совершались революции, рождалась новая модель человека, определялись правила его существования. Такая онтологически-креативная презумпция доныне мыслится как сущностная черта Санкт-Петербурга.

В. П. БОЛЬШАКОВ,

профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, Заслуженный работник высшей школы РФ

СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Сравнительно недавно отечественные культурологи стали размышлять о культурном пространстве. И до сих пор в трактовках понятия «культурное пространство» существует заметный разнобой. Т. Ф. Ляпкина в своей книге рассмотрела целый ряд концепций, в которых, так или иначе, связываются культура и пространство¹. Следует отметить, что зачастую культурное пространство отождествляется с пространством культуры как неким вместилищем, в коем культура находится. Конечно, то, что называют «месторазвитием» — географические, климатические, политические, экономические факторы, — существенно влияет на культуру, определяя ее региональные особенности. Однако мне представляется, что когда мы рассуждаем о пространстве культурном, речь должна идти о другом — о том, что культура, появляясь и развиваясь, порождает и изменяет особое пространство, которое, возникнув, активно воздействует на культуру, его породившую.

Культурное пространство — это пространство, порождаемое совокупностью и взаимодействием ценностей культуры. Эти ценности и их взаимодействия создают своеобразную духовную атмосферу, ауру, воздействующую на людей, дышащих этой атмосферой. Речь идет не только об овеществленных духовных ценностях, памятниках архитектуры, скульптуры, живописи, литературы, музыки и так далее, но и о непредметных воплощениях ценностей в поведении, поступках, мыслях и чувствах, отношениях людей друг к другу.

Это культурное пространство далеко не всегда и не во всем совпадает с пространством географическим, региональным, административным. Более того, в одном месте могут сосуществовать и взаимодействовать несколько культурных пространств, порожденных разными совокупностями ценностей. Особенно это касается столиц или крупных центров, в которых концентрируется богатство и

разнообразие ценностей культуры. Культурное пространство таких центров — динамично, многовариантно, многослойно.

Современный Санкт-Петербург представляет собой один из великолепнейших культурных центров. И культурное пространство Санкт-Петербурга также многослойно и динамично. Оно, как в каждом крупном культурном центре, разнородно, но в то же время характеризуется особой гармоничностью.

Специфику этого пространства во многом определяют культурные смыслы воды (близость моря, реки, каналы) и открытости неба, дополненные взаимодействием с ними камня и металла домов, набережных, скульптур. Все это в совокупности давно стало и продолжает быть ценностями культуры города на Неве, образующими основы его духовной атмосферы.

Наряду с этим культурное пространство Санкт-Петербурга состоит из ряда наслоившихся пространств, порожденных веками воплощений духа в вещественности архитектуры, скульптуры, музейных ценностей, библиотек, концертных площадок и т. д. В результате мы имеем колоссальную насыщенность большого исторического центра. С одной стороны, разновременными, разнообразными ценностями той же архитектуры, скульптуры и др. А с другой — при взаимодействии этих ценностей с доминированием классических форм, разнообразными вкраплениями модерна, современных артефактов культуры. Причем для Санкт-Петербурга (не только в архитектуре) характерна ансамблевость — малые культурные пространства в больших. В нем и поныне сохраняется благородство объемов и линий, звучаний человеческого масштаба, но не уныло-однообразное, а разноликое, художественно-декорированное, дополняемое сегодня, например, подсветкой, хотя в чем-то и нарушаемое рекламой.

Предметные воплощения духа, вещественные обнаружения гармонии, ясности сопряжены с наложением ценностей культурной памяти, ценностей истории города — от его возникновения до блокады Ленинграда и далее. Причем опять-таки в общем культурном

¹ Ляпкина Т. Ф. Архитектоника культурного пространства Восточной Сибири. Конец XVII — начало XX века. СПб., 2006.

пространстве присутствуют и взаимодействуют и пушкинский Петербург, и Петербург Достоевского, и Петроград революционный, и Ленинград военных лет.

В нашем городе постепенно укреплялись и проявлялись духовные ценности разных времен и сословий. Так сложился образ петербуржцев, а позже ленинградцев — по-особому культурных людей, проявляющих свою культуру в отношении и к городу, и к стране, и к окружающим людям, и к приезжим. В наше время многое из этого образа уже обрело характер мифов, однако не мертвых, а в какой-то мере действенных.

Ленинград в свое время претерпел несколько периодов уничтожения своей культурной элиты. Потом преодолевал маргинализацию населения во время оргнаборов

рабочей силы из сельской местности. И тем не менее общая аура Санкт-Петербурга до сих пор оживляет нечто, что уже вроде бы кануло в Лету. Культурные пространства прошлого Санкт-Петербурга живут иной жизнью, чем раньше, но живут в современном городе.

Сохранение общего культурного пространства Санкт-Петербурга именно как культурного требует и уважения к наследию, и аккуратного вписывания новых культурных ценностей в это культурное пространство, и умелой организации новых локальных культурных пространств, и, наконец, борьбы с тем, что способно разрушать культурные пространства любых, самых замечательных центров культуры, — борьбы против антикультурных намерений и действий.

А. М. БУРОВСКИЙ,

профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор философских наук

ПЕТЕРБУРГ — ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ, СОЦИОПРИРОДНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Санкт-Петербург — явление совершенно исключительное во всей русской, а может быть, и в мировой истории. Петербург намного своеобразнее, чем все другие русские города, и сильнее отличается от любого другого города.

Обширнейшая литература о городе доказывает, что Санкт-Петербург можно не любить, ненавидеть, презирать. Можно считать само строительство города фатальной ошибкой, блажью придурковатого царя. Можно в панике бежать от него и объявить любовь к нему — заблуждением.

Но вот чего пока никому не удавалось так это игнорировать город. Никто не смог «прикоснуться» к нему и продолжать жить так, словно встречи не произошло.

Город как ландшафт. Город — это территория. Город — это некая целостность, через которую проходят разного рода границы. Необходимо уметь как-то разделять эту целостность, вычленять в ней разнообразные пространства. В ландшафтоведении хорошо известны такие «нецельные целостности» — урочища: сопряженные системы элементарных ячеек ландшафта (фаций).

Отдельные небольшие урочища складываются там, где участки городской застройки объединены вокруг какого-то важного

элемента городского ландшафта, например крупной улицы, площади, аллеи или набережной.

Дворцовая площадь — это урочище, потому что это сопряженная система фаций городской застройки: мощеной площади, разного типа строений вокруг, арки Генерального штаба, Александрийского столпа, Зимнего дворца.

В качестве городских урочищ можно рассматривать и Исаакиевскую площадь — нецельная цельность площади, аллеи, газонов, Медного всадника, Исаакиевского собора, «Англетера» и других сооружений. Таковы же и Невский проспект, и Университетская набережная, и аллея Энтузиастов, и Площадь Восстания.

Между всеми этими урочищами нет четкой грани, переходы между ними пронизаемы... Но разве этого нельзя сказать и о природных урочищах?

Город-эпоха, город-сцена, город-памятник. Петербург, который мы знаем, построен между 1760 и 1840 годами. При этом его исторический центр изменен и перестроен намного меньше, чем исторические центры Парижа, Берлина и Мюнхена. Город сам по себе, как застроенное пространство, — памятник этой эпохе; он как сцена, на которой вечно

разыгрывается жизнь той эпохи и более поздних времен. Но меняются люди в напряженно живущем, далеко не музейном Петербурге, лишь «сцена» остается неизменной. Так и живем мы в городе-памятнике.

Емкость ландшафта. Петербург как ландшафт характеризуется повышенной контрастностью, мозаичностью, вариативностью, уникальностью. В географии существует понятие «емкость ландшафта» — способность вмещать на меньшей территории больше сущностей. Петербург — крайне емкий ландшафт. Течение пространственно-временных процессов в Петербурге ускоряется.

Семантика города. С точки зрения семиологов, созданное человеком, от отверстия до городского урочища, любой памятник искусства, культуры, архитектуры — это «сообщение». Следовательно, появление, функционирование и восприятие «сообщений» может быть изучено. Как? Надо научиться «читать» информацию, заложенную в объекте.

Текст — это все, что может быть воспринято любимыми органами чувств. Любой объект, который когда-то был создан людьми и который нам хочется считать текстом. Если есть посланный текст, то всегда существуют адресант и адресат, и коммуникация происходит именно между ними. Адресант — это тот, кто создает текст и тем самым «отправляет» сообщение в вечность. В этом сообщении и содержится информация, которую нужно «считать».

Испытывая величавую грусть и осознавая сложность жизни возле Зимнего дворца или в Павловском парке, мы «слышим» речь создателей города и «читаем» посланный нам текст.

Принцип голограммы. Урочища города семантически родственны. Находясь в каждом из них, человек «читает» принципиально один и тот же «текст».

Месторазвитие. Санкт-Петербург — это емкий, мозаичный ландшафт, возникший на границах различных сущностей. Это участок поверхности Земли, на котором время течет убыстренно. Это место, в котором ускоряется развитие и неживой, и живой, и мыслящей природы. Это участок земной поверхности, емкий, мозаичный ландшафт,

в котором происходит ускоренное развитие культуры.

Санкт-Петербург — это такое место, в котором всегда культура будет развиваться убыстренно. Любая культура. То, что бродит в культуре, что существует в ней — порой как неясное ощущение или эмоция (невольное хочется применить затасканное слово «менталитет»), — раньше всего скажется в Петербурге.

В историю России Петербург вошел как город, несущий совершенно определенный комплекс идей. Читатель вправе как угодно относиться к идеологии «русской Европы», к идее европеизации России, но именно эти идеи в Петербурге и проявляются. И даже шире: Петербург — вечное месторазвитие идей личной свободы, независимости, индивидуализма. Эти идеи выражаются, мягко говоря, на разном уровне: от идей либеральной интеллигенции конца XIX века до митька, в пьяном угаре бормочущего свое «дык...» и тем самым уходящего от речей Брежнева и прочего идеологического маразма.

В основном в Санкт-Петербурге развивался «русский европеизм». Но родился в нем и русский анархизм, и коммунизм, и нацизм. Родилась «беспредметная живопись», движения митьков, битников и много еще всякой глупости. В нем всегда рождалось то, чем было «беременно» массовое сознание. Петербург порой напоминает мне комнату, исполняющую желания — из «Сталкера» Андрея Тарковского.

Социоприродный феномен. Санкт-Петербург — это социоприродный феномен, построенный людьми. Но построенное сразу начало жить автономной жизнью феномена. Так обретает собственную судьбу статуя, картина или книга. Так начинает жить своим умом «сделанный» нами ребенок.

Осмелюсь напомнить: и отдельным людям, и культурам, сталкиваясь с Санкт-Петербургом, надо знать — это явление, находящееся вне контроля человека, не зависящее от наших желаний или воли и лишь в малой степени постигаемое нашим разумом.

Петербург сохранит главное в своей судьбе — останется «месторазвитием», если сбережет свое внутреннее ландшафтное и культурное многообразие.

А. Б. ГУРКИН,

*заведующий кафедрой истории России, науки и культуры
Санкт-Петербургского государственного технологического института
(технического университета), кандидат исторических наук, доцент*

РЕФОРМЫ ПЕТРА I И ДИСКРЕТНОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одним из зримых и масштабных деяний Петра I было строительство на болотистых берегах Невы новой столицы — Санкт-Петербурга. Но появление этого города стало не просто перенесением столицы государства с одного географического места на другое. Рождение Санкт-Петербурга знаменовало и начало новой эпохи в истории России, ее культуры. Город на Неве не только отличался от прежней столицы своей архитектурой, планировкой, географическим положением: он явно противопоставлялся Москве и означал разрыв со старой Россией — московской. Санкт-Петербург, построенный на северо-западной окраине страны и имевший выход к морю, стал символом «окна в Европу», которое удалось «прорубить» Петру I, — окна, столь необходимого для осуществления реформ.

Первая четверть XVIII века вошла в историю России как время Петровских реформ, оказавших огромное влияние на развитие российской государственности. Вопрос о характере реформ, методах их осуществления вызвал диаметрально противоположные точки зрения еще при жизни Петра I. Расхождение во взглядах по этому вопросу имеет место и по сей день, что находит отражение в современной научной и публицистической литературе.

Различные оценки связаны как с противоречивостью личности Петра, так и с двойственностью самих реформ и их последствий. Эти реформы затрагивали все стороны жизни общества: экономику, политический строй, армию и флот, внешнюю политику, культуру, церковь. Реформы Петра I предопределили весь последующий путь развития России и, несомненно, дали значительные положительные результаты. В то же время они оказали и негативное влияние на дальнейшее развитие российской государственности, что отчетливо проявляется в истории страны.

Подготовленные в значительной степени всем предшествующим социально-экономическим развитием страны, реформы, тем не менее, не носили плавного характера. Они привели к тому, что в развитии России произошел стремительный скачок, сопровождавшийся внедрением многочисленных новшеств, которые не органично и спокойно вписывались в российскую действительность, а вры-

вались резко и жестко, часто насильственно навязывались сверху. Это было связано с целым рядом причин: во-первых, реформы проходили в условиях войны, поскольку большую часть правления Петра I Россия провела в состоянии войны, а во-вторых, у Петра I не было четкого плана их осуществления, и они шли довольно хаотично, спонтанно, под давлением конкретных обстоятельств. Естественно, что это вело к огромным потерям и издержкам.

Жестокость, с которой проводились Петровские реформы, потрясает и удивляет. Попытки некоторых авторов объяснить это тем, что «таков был век», явно несостоятельны. Жестокость в значительной степени объясняется личностью самого царя, который в младенчестве перенес страшное потрясение, став свидетелем бунта стрельцов в 1682 году, когда на его глазах были зверски убиты некоторые из Нарышкиных. В дальнейшем, вплоть до 1689 года, Петр вместе с матерью был удален из Москвы и жил в непрерывном страхе, ожидая враждебных действий со стороны царевны Софьи. Постоянный страх, положение изгоя породили у Петра стремление именно насильственными методами изменить ситуацию. Москва, в которой находились стрельцы и правила Софья, стала для Петра I олицетворением опасности, источником страха и бед. Постепенно это перенеслось на всю старую московскую Россию, отсюда такое пренебрежение к национальным традициям и стремление «резко и радикально изменить тип цивилизации»¹, повлекшее за собой порой механическое заимствование западных образцов без учета конкретных условий российской действительности.

Реформы Петра I, носившие в целом созидательный характер, вместе с тем стали катастрофой для средневековой русской культуры и продемонстрировали присущую ей, и притом в опасной степени, дискретность. Русская позднесредневековая культура не успела, как это имело место в Западной Европе, трансформироваться в культуру Нового времени. В России новое не выросло из старого, не было его органичным продолжением,

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 12.

а усиленно боролось с ним, уничтожало его и расчищало место для себя. В России не было ничего подобного Ренессансу и Реформации, подготовившими переход к культуре Нового времени.

В Западной Европе в XVIII веке уже начало развиваться Просвещение, поэтому ориентация Петра I на западные образцы привела к тому, что, как отмечает один из современных петербургских культурологов П. А. Сапронов, «русская культура, позднесредневековая по типу, по мере своего сближения с западной культурой начинает приобретать просвещенческие черты»². Возник резкий разрыв между старой культурой и новой, при этом новый тип культуры стал распространяться и утверждаться среди довольно узкого круга людей, состоявшего в основном из дворянской элиты, и прежде всего столичной. Подавляющему же большинству населения страны новая культура была совершенно чужда.

Именно Петровские реформы окончательно разрушили монолитность русской культуры, и в России появились две самостоятельные культуры, практически не взаимосвязанные и питающиеся из разных источников. По-прежнему присутствовала культура русского средневековья, носителем которой являлась подавляющая часть населения, прежде всего крестьянство; но была и культура западноевропейская по своему типу — культура «верхов», носителем которой была очень незначительная часть дворянства, причем центром этой культуры стала новая столица. Именно эта, новая, культура, постепенно освоив и приумножив достижения западной культуры, превратилась в XIX веке в русскую национальную культуру, а первая, старая, — застыла в «почти не меняющихся формах русской этнической культуры»³.

Пожалуй, наиболее ярко и успешно стремление Петра I переориентировать русскую культуру на Запад было реализовано при основании Санкт-Петербурга и его последующем развитии. Город состоялся как столичный и имперский, как олицетворение нового этапа в развитии русской государственности и культуры. Не случайно этот период в русской истории получил название петербургского. Влияние Петербурга на все происходящее в России, начиная с самого его основания, огромно. Именно в Петербурге получали распространение все те новации, которые

затем и легли в основание русской национальной культуры. Уместно даже говорить не только о Петербурге как культурном центре, но и о петербургской культуре как особом явлении. В своей статье «Петербург в истории русской культуры» академик Д. С. Лихачев пишет: «Выделение петербургской русской культуры в отдельное явление имеет под собой основание, обусловленное в первую очередь концентрацией здесь во второй половине XVIII в., в XIX в. и в начале XX в. интеллектуальных сил страны. Поэтому здесь, в Петербурге, по существу сконцентрировались именно все лучшие стороны русской культуры»⁴.

Но вместе с тем Петербург был и ярким проявлением ситуации культурного двоемирия в России. Отсутствие единой культуры, воспринимаемой всем населением страны, очень негативно сказывалось на развитии России и стало одной из основных причин революционных потрясений начала XX века.

Рассматривая Петровские реформы в целом, можно сделать вывод о том, что они способствовали укреплению феодально-крепостнических отношений и отчуждению большей части населения от государства. Реформы Петра I носили весьма противоречивый характер: с одной стороны, они способствовали европеизации верхушки общества, а с другой — усиливали азиатчину в отношении основной массы населения. Происходит своеобразное усиление «восточной деспотии» государства в России. Механическое перенесение западных образцов культуры не могло перенести на русскую почву того стремления индивида к личной свободе, которое стало зарождаться на Западе уже в период окончания позднего Средневековья и отчетливо проявилось в век Просвещения. Поэтому говорить о Петербурге как об исключительно европейском городе вряд ли уместно. На нем не могло не отразиться отсутствие той атмосферы, которая была присуща европейским городам в XVIII веке. Просветительские идеи там воспринимались как реальность, и третье сословие в европейских городах, понимая свою силу, заявляло о себе во весь голос. В России же всего этого не было. Своеобразная ситуация двоемирия русской культуры отразилась и на Петербурге. Как пишет Д. С. Лихачев, «не просто близость и схожесть с Европой, как это часто трактуют, а именно концентрация особенностей русской культуры. Эта концентрация сделала Петербург

² Сапронов П. А. Культурология. СПб., 1998. С. 498.

³ Кармин А. С. Культурология / А. С. Кармин, Е. С. Новикова. СПб., 2005. С. 78.

⁴ Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб., 1999. С. 552.

одним из самых русских среди русских городов. Он самый русский среди русских, и самый европейский среди европейских городов!»⁵

Следует также отметить, что идеи, заложенные Петром I при осуществлении реформ, были столь живучи, что они отчетливо прослеживаются в развитии императорской России не только всего XVIII, но и XIX века. Нетрудно заметить их возрождение и на но-

вом витке истории страны. Не случайно великий русский философ Бердяев проводил четкую параллель между Петром I и большевиками. Бердяев считал, что приемы Петра I были совершенно большевистскими: «та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций»⁶. И с такими выводами, пожалуй, нельзя не согласиться.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ,

ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ;

А. А. МИХАЙЛОВ,

заведующий кафедрой истории СПбГУП, доктор исторических наук, профессор

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КАК ФЕНОМЕН МИРОВОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Тема возникновения и развития Петербурга, безусловно, относится к числу хорошо исследованных и освещенных страниц российской истории. Замечательное обилие исторических документов, воспоминаний, разного рода «отпечатков» времени, блестящие труды ученых¹, казалось бы, делают историческое полотно трехвековой жизни города на Неве абсолютно очевидным, доступным всеобщему обозрению. В этой, на первый взгляд, в общем-то законченной картине уточняться могут, казалось бы, лишь частные, отдельные детали.

Но если основные элементы петербургской исторической фактологии постепенно становятся бесспорными, то это совершенно невозможно констатировать в отношении общей оценки роли и места Петербурга в истории страны и ее культуры. Разумеется, данная противоречивость в оценках вытекает из самой необычности происхождения города, из уникальности его истории. Для Петербурга удивительно подходит слово «феномен», позаимствованное русским языком из греческого, в коем означает «необычный, исключительный факт, явление»².

Интересно отметить также, что в современной философии понятие «феномен» означает явление предмета в сознании, соотносит-

ся с понятием сущности и противопоставляется ему. Явление предмета в сознании не тождественно его сущности, а его познание предполагает переход от явления к сущности³. И чем ярче феномен — тем сложнее познание. Видимо, Петербург относится к весьма сложно познаваемым объектам.

Не случайно в 1999–2004 годах в городе регулярно проводились Международные конференции «Феномен Петербурга», цель которых

¹ Анциферов Н. П. Душа Петербурга // Анциферов Н. П. «Непостижимый город...» СПб., 1991; Грабарь И. Э. Петербургская архитектура в XVIII и XIX вв. СПб., 1994; Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. СПб., 1996; Келлер Е. Э. Праздничная культура Петербурга: очерки истории. СПб., 2001; Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург [сб. ст. / ред. А. Э. Мальц]. Тарту, 1984. С. 30–45. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 664. Труды по знаковым системам; 18); Пушкирев И. И. Николаевский Петербург. СПб., 2000. (Мраморная серия); Санкт-Петербург: 300 лет истории / Е. В. Анисимов, Е. М. Балашов, А. З. Ваксер [и др.]; отв. ред. В. М. Ковальчук; РАН, Санкт-Петербург. ин-т истории. СПб., 2003; Синдаловский Н. А. Легенды и мифы Санкт-Петербурга. СПб., 1994; Смирнов С. Б. Петербург–Москва: сумма истории. СПб., 2000; Топоров В. Н. Петербургские тексты и петербургские мифы // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана = To honour of professor Yu. M. Lotman: [сб ст.]. Тарту, 1992 и др.

² Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд. М.; СПб, 1999. С. 1270.

³ См., например: Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Керимова. М., 2004. С. 757.

⁵ Лихачев Д. С. Указ. соч.

⁶ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 12.

сами организаторы сформулировали следующим образом: «...Собрав под одной крышей объединенных общей любовью к Городу литераторов и специалистов в разных областях научного знания, представить им возможность высказывать сколь угодно нетрадиционные и смелые мнения о действительных или воображаемых чарах, сокрытых в понятии “Санкт-Петербург”»⁴. Нельзя не упомянуть, что открыть первую конференцию «Феномен Петербурга» хотел Дмитрий Сергеевич Лихачев. Но она состоялась на сороковой день после кончины ученого, а сборник трудов вышел с посвящением его светлой памяти.

Петербург является в первую очередь историко-культурным феноменом. По выразительному определению К. Г. Исупова, дискуссия о культуре Петербурга, о ее истинных или мнимых противоречиях с «истинно русской» («московской») культурой началась во времена, когда «на месте будущего городка Санкт-Петербурга не было забито ни одной сваи», когда «опоры нового мировоззрения... определялись в событиях села Преображенского, в характере и в поведении юного московского царя Петра»⁵.

Оценки Петербурга и его роли в истории России издавна носили самый полярный характер: от восторга, преклонения до полного неприятия, едва ли не ненависти. Еще в начале XVIII века официальные панегирики в честь новой столицы соседствовали с мрачными пророчествами противников Петровских реформ: «Петербургу быть пусту». «...Тема Петербурга, — отмечал исследователь-литературовед В. Н. Топоров, — мало кого оставляет равнодушным. Далекая от того, чтобы быть исчерпанной или окончательно решенной, она характеризуется особой антитетической напряженностью и взрывчатостью, некой максималистской установкой как на разгадку самых важных вопросов русской истории, культуры, национального самосознания, так и на захват, вовлечение в свой круг тех, кто ищет ответ на вопросы»⁶. Показательно, что в 2000 году Русским хри-

стианским гуманитарным институтом был выпущен сборник «Москва–Петербург: pro et contra», в который вошли работы множества ученых, историков, культурологов, искусствоведов, публицистов и литераторов, так или иначе посвященные культурному диалогу двух столиц и почти трехвековой полемике, порожденной этим диалогом⁷.

Распространенным является взгляд на Петербург как на «своего рода огромный портал, при посредстве которого Россия могла бы знакомиться с ценностями и новинками европейской, в основе своей романо-германской цивилизации»⁸. Еще первый историограф Петровской эпохи И. Голиков так объяснял намерения царя-реформатора при построении «Санкт-Питербурха»: «...среди толких занятий своих Великий Государь, крайне желая у Балтийского моря иметь такой порт, в который он мог бы обратить на подобие древней Александрии торговлю, а особливо Северозападные Европы, обитаемые такими народами, которые сообщением с подданными его могли бы еще споспешествовать к просвещению оных»⁹.

А. С. Пушкин, который, кстати, внимательно изучал труды Голикова, раскрыл ту же мысль следующим образом: «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы»¹⁰.

Известно, что впоследствии, и в XIX, и в XX веке многие ученые, писатели, публицисты понимали данные процессы односторонне. Именно от такой односторонности нередко проистекала оценка Петербурга как города «нерусского» и даже «антирусского», в противоположность «национальной» Москве. Такой взгляд был, в частности, присущ мыслителям-славянофилам, один из лидеров которых, И. С. Аксаков, призывал своих читателей Петербург «возненавидеть... всем сердцем своим и всеми помыслами своими»¹¹.

⁴ Феномен Петербурга: труды Междунар. конф., сост. 3–5 нояб. 1999 г. во Всерос. музее А. С. Пушкина. СПб., 2000. С. 8.

⁵ Исупов К. Г. Диалог столиц в историческом движении // Москва–Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания: антол. / отв. ред. Д. К. Бурлака. СПб., 2000. С. 6–7. (Русский путь).

⁶ Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Семиотика города и городской культуры. Петербург: [сб. ст. / ред. А. Э. Мальц]. Тарту, 1984. С. 4. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 664. Труды по знаковым системам; 18).

⁷ Москва–Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания: антол. / отв. ред. Д. К. Бурлака. СПб., 2000. (Русский путь).

⁸ Спивак Д. Л. Метафизика Петербурга. Французская цивилизация. СПб., 2005. С. 5.

⁹ Голиков И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788. Ч. 2. С. 107.

¹⁰ Пушкин А. С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1958. Т. 7. С. 307–308.

¹¹ Цит. по: Мережковский Д. С. Зимние радуги // «Город под морем...», или Блистательный Санкт-Петер-

С наибольшей силой подобные настроения выразил, пожалуй, публицист И. Н. Потапенко, писавший на страницах газеты «Наши ведомости»: «Петербург — эпилептический каприз гениального деспота... Москва — это то место, где полагается быть сердцу народа... Говоря о Москве, я, однако, вовсе не разумею этот географический пункт. Пусть это будет Тверь, Рязань, Калуга, Чухлома, какой угодно город, какое угодно местечко или село, но только чтобы это было в недрах народа... А Петербург — к черту его, пусть он провалится в болото, пусть его берут немцы, финны, самоеды, кто хочет. Отвергнутый Россией, он пропадет от голода и холода...»¹² Яростный пафос этих строк был во многом продиктован конкретной исторической ситуацией. И. Потапенко написал их в 1918 году, когда в столице погибшей Империи царили голод и разруха. Однако изображение Петербурга как абсолютно «западного», «нерусского» города — явление весьма распространенное и в публицистике, и в научной литературе.

Нетрудно проследить и становление своего рода апологетики города на Неве, основанной нередко на тех же исторических фактах, что и его критика. Разумеется, в разные исторические периоды апологеты Петербурга превозносили его с несколько разных позиций, но были в их рассуждениях о «славном Петрополе» и общие черты. В первые годы своего существования «Петербург представлялся российским неопитам западных учений великой попыткой осуществить под водительством просвещенного монарха мечту просветителей о рационально организованном мире»¹³. Поэт А. П. Сумароков восклицал: «Узрят тебя, Петрополь, в ином виде потомки наши: будешь ты северный Рим»¹⁴.

В первой половине XIX века «западники», полемизируя со «славянофилами», всячески подчеркивали роль Петербурга в качестве источника прогрессивной, европейской культуры. Вместе с тем у многих либерально настроенных авторов город на Неве вызывал раздражение как центр всяческого официоза (что естественно диктовалось его столичным статусом). Подобный подход нашел яркое выражение в русской художественной

литературе, в пушкинском противопоставлении «город пышный, город бедный». Показательно, однако, что даже В. Г. Белинский, при всей своей антипатии к самодержавным порядкам, видел в Петербурге «способ распространения и утверждения европеизма в русском обществе. Петербург есть образец для всей России во всем, что касается до форм жизни, начиная от моды до светского тона, от манеры класть кирпичи до высших таинств архитектурного искусства...»¹⁵ Многие историки и публицисты, отечественные и зарубежные, писали о Петербурге как о первом (а иногда и единственном) в России «европейском» городе, центре знаний и просвещения, который уже самим своим появлением всколыхнул «дремучую» Русь.

Новый и заслуживающий серьезного внимания импульс к дискуссии о сути историко-культурного феномена Петербурга дают, на наш взгляд, работы академика Д. С. Лихачева, переизданные и вовлеченные в научный оборот на качественно ином уровне в последнее время. Среди них работы: «Петровские реформы и развитие русской культуры», «Русская культура Нового времени и Древняя Русь», «Русская культура в современном мире» и другие, изданные Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов в 2006 году в сборниках «Д. С. Лихачев. Избранные труды по русской и мировой культуре» и «Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов»¹⁶. Отдельные аспекты петербургской культуры затрагиваются Д. С. Лихачевым в работах, посвященных Н. В. Гоголю, Ф. М. Достоевскому и другим русским литераторам, в монографии «Поэзия садов» и др.¹⁷ Особый интерес представляют «Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века»¹⁸. Однако центральной в данном плане является лекция «Петербург в истории русской культуры», прочитанная ученым при

бург. Воспоминания. Рассказы. Очерки. Стихи / сост. С. А. Прохвятилова, вступ. ст. Е. Анисимова. СПб., 1996. С. 327.

¹² Потапенко И. И. Проклятый город // Наши ведомости. 1918. 3 янв.

¹³ Смирнов С. Б. Указ. соч. С. 23.

¹⁴ Там же. С. 23.

¹⁵ Белинский В. Г. Петербург и Москва // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1955. Т. 8. С. 397.

¹⁶ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / науч. ред. Ю. В. Зобнин. СПб., 2006; Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб., 2006.

¹⁷ Лихачев Д. С. Достоевский в поисках реального и достоверного // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 285–303; *Он же*. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М., 1998.

¹⁸ Лихачев Д. С. Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 276–284.

посвящении его в почетные доктора СПбГУП 19 мая 1993 года¹⁹.

Не вызывает сомнений, что Дмитрий Сергеевич был буквально влюблен в Петербург. Его научные и публицистические работы о городе полны восторженных оценок. Петербург, по его убеждению, не только сконцентрировал «лучшие черты русской культуры»²⁰, но он также «самый русский среди русских и самый европейский среди европейских городов»²¹. Однако подобные оценки — не просто дань традиционной апологетике Петербурга, они не носят произвольного характера, но органично вытекают из всей системы взглядов ученого.

Д. С. Лихачев создал культуроцентричную концепцию истории²². Для него неприемлема логика, по которой до сих пор строятся многие школьные и вузовские учебники. Сначала очень подробно анализируются экономические и политические процессы, а потом, в конце, между прочим — культура того или иного исторического периода, да еще поданная как сухой перечень некоторых достижений в области науки и искусства. Именно против такого подхода выступал Д. С. Лихачев, критикуя марксистскую теорию исторического процесса в ее вульгаризированной форме. По его убеждению, «учение марксизма» есть «принижающее окружающее общество, подчиняющее его грубым материальным законам, убивающим нравственность...»²³.

История человечества для Д. С. Лихачева — это в первую очередь история культуры. Именно «культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств»²⁴. И смысл жизни на индивидуальном, личностном уровне, по Д. С. Лихачеву, также обретается в культурном аспекте человеческой деятельности. Изучение культуры означало для Дмитрия Сергеевича исследование тех связей, того «внутреннего стержня», который создает структуру общест-

ва, направляя в значительной мере ход истории. Будущее общества, соответственно, рассматривалось ученым как некий культурный проект, созданный прошлым. Ни государство, ни народ, ни отдельная личность не могут начать жизнь заново, «с чистого листа». Возможность управлять будущим ограничена рамками предшествующей культуры. Но история не только задает границы возможного, но и содержит указания на наиболее перспективные пути его развития.

В статье «Русская культура в современном мире» Д. С. Лихачев отмечал: «Учитывая весь тысячелетний опыт русской истории, мы можем говорить об исторической миссии России. В этом понятии исторической миссии нет ничего мистического. Миссия России определяется ее положением среди других народов, тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях этой многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным»²⁵.

Вместе с тем российская культура в понимании Д. С. Лихачева — это культура европейская на протяжении всего ее развития. «Литература, общая для южных и восточных славян, была литературой европейской по своему типу и в значительной мере по происхождению, — писал он. — ...Это была литература, близкая византийской культуре, которую только по недоразумению или по слепой традиции, идущей от П. Чаадаева, можно относить к Востоку, а не к Европе»²⁶. В монографии «Развитие русской литературы X–XVII веков» Д. С. Лихачев приходит к выводу, что наиболее сильное культурное воздействие оказывали на Русь не азиатские страны, а Византия и Скандинавия. Однако по характеру их влияние было неодинаковым. По мнению Д. Лихачева, «византийское влияние поднималось до сравнительно совершенных форм общения высокоразвитых духовных культур»²⁷.

На Русь проникали из Византии литературные и иконописные традиции, политическая и естественно-научная мысль, богословие и т. д. Влияние Скандинавии было другим и

¹⁹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 11–25.

²⁰ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Там же. С. 24.

²¹ Там же.

²² Подробнее см.: Запесоцкий А. С. Великий русский культуролог // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 27 нояб. С. 4.

²³ Лихачев Д. С. Избранное. Воспоминания. СПб., 1997. С. 182.

²⁴ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры (проект идей): впервые представлена в СПбГУП на Дне знаний 1 сентября 1995 г. // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 29.

²⁵ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 196.

²⁶ Лихачев Д. С. Первые семьсот лет русской литературы // Лихачев Д. С. Избранное. Великое наследие. Классические традиции литературы Древней Руси. Заметки о русском. СПб., 1997. С. 30–31.

²⁷ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. СПб., 1998. С. 18.

сказывалось прежде всего на военном деле, государственной организации, экономике²⁸. Но даже в этих областях оно являлось более поверхностным и неопределенным, чем византийское. Влияние степных народов, по мнению Д. С. Лихачева, было весьма скромным, по сути архаичным. Исследователь также считал, что не следует преувеличивать воздействие на русскую культуру, общество и государство татаро-монгольского нашествия. Соответственно, Д. С. Лихачев считал, что «Русь естественнее было бы назвать Скандо-византией, нежели Евразией»²⁹.

Взгляд Д. С. Лихачева на европейский характер культуры России определил и его взгляд на деятельность Петра I, на ту оценку, которую ученый дал мероприятиям царя-реформатора в области культуры. Д. С. Лихачев вовсе не считал Петровскую эпоху временем разрыва с национальными традициями, отрицал популярный у многих авторов тезис о том, что якобы «Петр и его эпоха вырыли пропасть между старой и новой Россией»³⁰.

При этом важно подчеркнуть, что Д. С. Лихачев не ограничивал тесную взаимосвязь Петровской эпохи с предшествующим развитием России только XVII веком. В последнем факте историки и философы не сомневались задолго до него. Еще К. Д. Кавелин писал: «В течение XVII века явно обозначались новые потребности государства и призваны были те же средства для их удовлетворения, которые были употреблены в XVIII веке, в так называемую эпоху преобразований»³¹. Однако Д. С. Лихачев последовательно отстаивал тезис о европейском характере древнерусской культуры и, в частности, литературы на протяжении всего ее существования. «Петровские реформы, — пишет Д. С. Лихачев, — были подготовлены не только явлениями XVII века. Эта эпоха явилась закономерным результатом всего развития русской культуры, начавшей переходить от средневекового типа к типу Нового времени»³².

²⁸ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы...

²⁹ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 359.

³⁰ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Там же. С. 166.

³¹ Цит. по: Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: антол. СПб., 2003. IV. Контекст. § 4.2. Петр — ускоритель уже начавшейся до него европеизации. С. 736.

³² Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 168.

Во многом именно понимание эпохи Петра I как логичного, закономерного этапа в развитии России и российской культуры и определило взгляд Д. С. Лихачева на сущность культуры Петербурга. Еще В. Г. Белинский, размышляя о роли Петербурга в отечественной истории, задавался вопросом: «Что-нибудь одно: или реформа Петра Великого была только великою исторической ошибкою, или Петербург имеет необъятное великое значение для России»³³. И Д. С. Лихачев убедительно доказывал: реформы Петра являлись не «ошибкой», но естественным следствием всего историко-культурного развития страны. Следовательно, созданный в ходе этих реформ Петербург закономерно вобрал в свою культуру лучшие традиции русской культуры, европейской по своей сути. Вобрав же европейские культурные традиции, Петербург одновременно стал городом общемировых культурных традиций. Ибо важнейшими особенностями европейской культуры, по Лихачеву, являются личностное начало, стремление к свободе и восприимчивость к другим культурам. Именно поэтому в петербургской культуре органично соединяются художественные традиции Древней (допетровской) Руси и различных европейских стран Нового времени.

Подкрепляя данное положение конкретными примерами, Д. С. Лихачев показывает влияние на облик Петербурга древнерусских архитектурных традиций. Они обнаруживаются прежде всего в наиболее старых постройках города, например, в планировке здания «Двенадцати коллегий», в сводах Меншиковского дворца («там псковские и новгородские своды») и др.³⁴

Причины этого понятны. Как справедливо отмечает историк архитектуры С. П. Заварихин, «...петровское барокко даже при наличии европейских влияний не смогло бы так быстро сформироваться, если бы оно не было подготовлено предыдущим, почти вековым, периодом развития русского зодчества»³⁵. Влияние русских традиций на зодчество сказывалось и в том случае, если непосредственными руководителями строительства, архитекторами были иностранцы. Трудно не согласиться с И. Грабарем, который писал, что большинство «иноземных» зодчих «сами изменяли творческую манеру под влиянием

³³ Белинский В. Г. Указ. соч. С. 394.

³⁴ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 263.

³⁵ Заварихин С. П. Явление Санкт-Петербург-Бурха. СПб., 1996. С. 102.

русских мастеров» и «часто совершенно забывали о своем первом отечестве и становились русскими в полном смысле слова, русскими по складу, по духу и чувству»³⁶.

Русский характер придавали Петербургу также церкви, которые в XIX веке стали строить в «национальном» стиле. Характерно, что Д. С. Лихачев решительно опровергает тезис о «подражательности» того стиля, в котором работали архитекторы К. А. Тон и А. И. Штакеншнейдер. «Подражание, — пишет он, — обычно в какой-то мере отрывает содержание от формы. Здесь этого не было. Например, колокольни требовались по законам церковного богослужения; пятиглавия соответствовали русскому религиозному сознанию»³⁷. Еще одной чертой, роднящей Петербург со старинными русскими городами, было, по Д. С. Лихачеву, наличие в нем гостиных дворов, характерных «для Архангельска, Новгорода, Костромы, Ярославля, Калуги...»³⁸. Влияние древнерусских традиций, разумеется, не ограничивалось только архитектурой. «Древнерусские культурные традиции, — отмечал Д. С. Лихачев, — живут в Петербурге и в письменности, преимущественно старообрядческой, и в музыке, преимущественно церковной...»³⁹.

Тесное переплетение в петербургской культуре древнерусских и западноевропейских традиций несколько роднило ее, по мнению ряда философов, с культурой древнего Новгорода. Выдающийся философ Г. П. Федотов писал: «Богат и сложен Великий Новгород. Мы и сейчас не понимаем, как мог он совместить с буйным вечем молитвенный подвиг, с русской иконой ганзейский торг. Все противоречия, жившие в нем, восстремились в старом и новом Петербурге...»⁴⁰ Сходные идеи высказывал литературовед и писатель В. В. Гишпиус: «Окно в Европу. Не “выдумка” Петра, как изошрялись славянофилы, а — “история России с древнейших времен”. Мы не так давно выучили: древняя Россия не только Киев, но и Новгород... Теперь наконец выучим: и — Петербург. Новгород — Киев — Москва, — Петербург или Новгород, придвинутый к морю!»⁴¹

³⁶ *Грбарь И.* История русского искусства. М., 1910. Т. 1. С. 1–2.

³⁷ *Лихачев Д. С.* Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 264.

³⁸ Там же. С. 263.

³⁹ Там же. С. 264.

⁴⁰ *Федотов Г. П.* Три столицы // Москва–Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания. С. 484.

⁴¹ *Гишпиус В. В.* Сон в пустыне // Там же. С. 384.

Интересно, что Д. С. Лихачев также проводил некоторые аналогии между историко-культурными судьбами Петербурга и Новгорода. В работе «О русской интеллигенции» ученый отмечал: «Европа торжествовала при Петре в России потому, что в какой-то мере Петру удалось восстановить тот путь “из Варяг в Греки”, который был прерван в России татаро-монгольским игом, и построить у его начала Петербург»⁴². Здесь же он отмечал, что именно путь «из Варяг в Греки» являлся в Древней Руси не просто торговой артерией, но и путем «распространения культуры», важнейшим же центром на этом пути был Новгород⁴³.

Весьма показательно, что связь Петровской эпохи с предыдущим развитием страны наряду с убежденными «западниками» отрицали сторонники евразийства, только они наделяли произошедший культурный «переворот» исключительно отрицательными характеристиками. Так, князь Н. Трубецкой полагал, что «если Россия до Петра Великого по своей культуре могла считаться чуть ли не самой даровитой и плодотворной продолжательницей Византии, то после Петра Великого, вступив на путь романно-германской “ориентации”, она оказалась в хвосте европейской культуры, на задворках цивилизации»⁴⁴.

Для Д. С. Лихачева подобное отречение российских интеллектуалов от Европы, «игра в азиатчину» были, по всей видимости, в лучшем случае неприятным кокетством, в худшем — политической безответственностью⁴⁵. «На самом деле Россия — это никакая не Евразия, — писал он в работе “О русской интеллигенции”, — <...> Россия — несомненная Европа по религии и по культуре»⁴⁶. В этой же работе ученый подчеркивал: «Россия по своей культуре отличается от стран Запада не больше, чем все они различаются между собой: Англия от Франции или Голландия от Швейцарии. В Европе много культур»⁴⁷.

⁴² *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 379.

⁴³ Там же. С. 384–385.

⁴⁴ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. С. 95.

⁴⁵ Подробнее об отношении Д. С. Лихачева к евразийству см.: *Запесоцкий А. С.* Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог. СПб., 2007. С. 72–90. Примеч.: ряд глав написаны в соавт. с Ю. В. Зобниным, Л. А. Санкиным, Т. Е. Шехтер, Ю. А. Запесоцким.

⁴⁶ *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 384.

⁴⁷ Там же.

Отрицая постулаты «евразийства», Д. С. Лихачев был, конечно, далек от того, чтобы отрицать влияние на формирование Петербурга культурных традиций неевропейских стран: «Петербург — город общемировых культурных интересов, — подчеркивал ученый, — это отразилось и в его внешнем облике: на берегу Большой Невы стоят египетские сфинксы, китайские ши-цзы и античные вазы. Кстати сказать, это характерная черта не только Петербурга, но и Рима, и Парижа, и Лондона — центров мировой культуры. И это очень важная черта нашего города»⁴⁸.

Данная фраза заставляет вспомнить слова блестящего знатока культуры Петербурга Н. П. Анциферова из его широко известной работы «Душа Петербурга»: «Годы вносили в строгий и прекрасный покров Северной Пальмиры все новые черты империализма. Словно победоносные вожди справляли здесь свои триумфы и размещали трофеи по городу. А Петербург принимал их, *делал их своими, словно созданными для него* (курсив наш. — Авт.). На набережной Невы... поместились два сфинкса — с лицом Аменготепса III... И эти таинственные существа, создание далеких времен, отдаленных стран, чуждого народа, здесь, на берегах Невы, кажутся нам совсем родными, вышедшими из вод великой реки столицы Севера...»⁴⁹.

Становление петербургской культуры, по мнению и Н. П. Анциферова, и Д. С. Лихачева, вовсе не предполагало слепого копирования чужеземных образцов, формального соединения разнородных элементов, но являлось результатом творческой переработки чужого, его изменения применительно к русской специфике.

Что же касается мифа о «чужеродности» Петербурга для России, об отсутствии связей между петербургской культурой и русскими национальными традициями, то подобный взгляд был во многом создан самим царем-реформатором, который, говоря словами Д. С. Лихачева, хотел и умел «придать демонстративный характер не только своей собственной фигуре, но и всему тому, что он делал»⁵⁰. Поясняя причины целенаправленного создания Петром I подобной легенды, Д. С. Лихачев отмечал: «Раз необходимо было большее сближение с Европой, значит, надо

было утверждать, что Россия была совершенно отгорожена от Европы. Раз надо было быстрее двигаться вперед, значит, необходимо было создать миф о России, косной, малоподвижной и т. д. Раз нужна была новая культура, значит, старая никуда не годилась»⁵¹. Надо заметить, что взгляды царя-реформатора вполне разделяли и многие его сподвижники, причем зачастую вполне искренне. Они сами поднялись «из ничтожества» благодаря реформам, ощущали себя создателями новой России, а прошлое страны склонны были оценивать с долей пренебрежения. В свете новизны Петровских реформ и Петербург неизбежно воспринимался многими как «небывалый», чуждый «старой» Руси город.

Мысль о демонстративной составляющей в облике Петербурга в петровские времена высказывал целый ряд историков культуры. Так, Е. Э. Келлер отмечает: «Политические притязания Петра и необходимость пропаганды и рекламы рождали некоторые обязательства — обязательства самого царя перед столицей и перед страной, обязательства столичного Петербурга перед Россией...»⁵² Сознательная деятельность Петра I по конструированию нового образа страны стала объектом анализа в работах молодого петербургского ученого Ю. А. Запесоцкого. Пользуясь современной терминологией, он отмечает, что царь-реформатор «осуществил то, что сегодня можно было бы назвать ребрендингом, в масштабах целого государства»⁵³. Выводы Ю. А. Запесоцкого опираются на взгляды Д. С. Лихачева, который указывал, что Петр осознанно перенес столицу на Запад⁵⁴. На новом месте легче было творить новый миф. Разрыв со старой знаковой системой, однако, вовсе не означал, как говорилось, полного разрыва с культурными традициями.

Более того, как ни парадоксально это прозвучит, но, отодвигая столицу к рубежам державы, Петр I, по мнению Д. С. Лихачева, также следовал очень древней традиции. Ни об одной особенности Петербурга не было высказано, пожалуй, столько критических и

⁵¹ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Там же. С. 191–192.

⁵² Келлер Е. Э. Указ. соч. С. 99.

⁵³ См.: Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог. § 4. Образ России как культурная доминанта петровских реформ / гл. написана Ю. А. Запесоцким. С. 69.

⁵⁴ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 165.

⁴⁸ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 16–17.

⁴⁹ Анциферов Н. П. Указ. соч. С. 36.

⁵⁰ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 165.

резких замечаний, как о его пограничном положении. Еще Д. Дидро, ссылаясь на слова С. К. Нарышкина, писал Екатерине II: «Страна, в которой столица помещена на краю государства, похожа на животное, у которого сердце находилось бы на кончике пальца...»⁵⁵ С тех пор в произвольности выбора места для столицы Петра упрекали многие и многие. Однако Д. Лихачев приводит целый ряд исторических примеров, опровергающих мнение об абсолютно нетипичном географическом положении Петербурга: «Характерно следующее: стремление русских основывать свои столицы как можно ближе к границам своего государства. Киев и Новгород возникают на важнейшем в IX–XI веках европейском торговом пути, соединявшем север и юг Европы — на пути “из Варяг в Греки”. <...> А затем, после татаро-монгольского ига, как только открываются возможности торговли с Англией, Иван Грозный делает попытку перенести столицу поближе к “морю-окиану”, к новым торговым путям — в Вологду...»⁵⁶

Интересно, что для Д. С. Лихачева был неприемлем не только тезис о «нерусскости» Петербурга, но и тезис о том, что он является слепком с западноевропейских образцов. Подобный взгляд типичен для многих западноевропейских авторов как в прошлом, так и в наши дни. По мнению же Д. С. Лихачева, Петербург является необычным городом, который не только «чрезвычайно европейский и чрезвычайно русский», но и в силу этого «отличается и от Европы, и от России»⁵⁷.

Даже внешне Петербург не похож на западноевропейские города, которые формировались в средние века на территории, ограниченной крепостными стенами. Об этой «непохожести» Петербурга на старые европейские столицы также писал В. Г. Белинский: «Говорят еще, что Петербург не имеет в себе ничего оригинального, самобытного... и как две капли воды похож на все столичные города в мире. Но на какие же именно? На старые, каковы, например, Рим, Париж, Лондон, он походить никак не может; стало быть, это сущая неправда»⁵⁸.

⁵⁵ Дидро Д. Собр. соч.: в 10 т. М., 1947. Т. 10. Rossica. Произведения, относящиеся к России. С. 192.

⁵⁶ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 195.

⁵⁷ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 15.

⁵⁸ Белинский В. Г. Указ. соч. С. 394.

Петербург возник в совершенно другую эпоху, нежели старинные города Западной Европы, и облик его иной. Коль скоро реформы Петра ознаменовали переход русской культуры «от средневекового типа к типу Нового времени»⁵⁹, то и Петербург строился в первую очередь как город Нового времени. Он появился в эпоху, для которой в высшей степени был характерен культ разума, рационализма, знания. Петербург возводился по четкому плану, согласованному с личными распоряжениями царя, который видел в Петербурге «образцовый», «примерный» город.

Принадлежность Петербурга к Новому времени выразилась также в том, что он изначально планировался и создавался как научный центр и центр просвещения. Не случайно еще упомянутый выше А. Голиков сравнивал «град Петров» с Александрией — средоточием философских и научных школ древности. Именно в Петербурге уже в XVIII веке активно формируется слой образованных людей, сюда стекаются лучшие художественные и научные силы со всей России и из-за рубежа. Развитие научных и учебных заведений здесь происходит чрезвычайно быстрыми темпами. Эту особенность чутко уловил еще Вольтер, который, посвящая графу И. И. Шувалову свою трагедию «Олимпия», писал: «Не прошло и 60 лет с той поры, как положено было начало вашей империи Петербургу, а у вас уже давно существуют там научные учреждения и великолепные театры...»⁶⁰ Таким образом, город молод, но «научные учреждения» существуют там «давно» — с самого основания.

Именно «просветительская» роль Петербурга, по убеждению Д. С. Лихачева, определила существенные черты его культуры. Здесь необходимо отметить, что Дмитрий Сергеевич, высоко оценивая достижения древнерусской культуры, указывал одновременно на «отсутствие на Руси университетов и вообще высшего школьного образования»⁶¹.

Правда, еще в 1687 году в Москве открылось Славяно-греко-латинское училище, позже названное Академией, в котором молодые люди постигали «семена мудрости» из

⁵⁹ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 168.

⁶⁰ Цит. по: Исупов К. Г. Диалог столиц в историческом движении // Москва–Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания. С. 15.

⁶¹ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 206.

наук гражданских и церковных, «наченше от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословия...»⁶² Но это учебное заведение не являлось университетом в полном смысле слова. К тому же, в отличие от европейских университетов данного периода, Академия находилась под контролем церкви. Венцом учености в ней почиталось «богословие», да и численность учеников здесь была невелика. Любые попытки руководивших Академией братьев Лихудов выйти за установленные церковными иерархами пределы немедленно вызвали резкий окрик. Для православной церкви университетская наука Западной Европы означала, в первую очередь, «латинство», чуждую и враждебную веру, и вызывать симпатии не могла.

Петр I начинает создание в России широкой системы светского образования, и именно при его правлении приходит на Русь европейская наука Нового времени. Приходит во многом через Петербург и благодаря Петербургу. С ролью города на Неве как крупнейшего, особого центра науки и просвещения связана, по мнению Д. С. Лихачева, и такая черта петербургской культуры, как академизм. Ученый отмечает, что здесь формируется особая «склонность к классическому искусству, классическим формам», что «проявилось как внешне в зодчестве... так и в существе интересов петербургских авторов, творцов, педагогов и т. д.»⁶³. По мнению Д. С. Лихачева, в Петербурге все основные европейские и мировые стили приобретали классический характер. Классицизм с его четкостью, ясностью и содержания, и формы закономерно обусловил такую неотъемлемую черту петербургской культуры, как профессионализм, который пронизывает и науку, и искусство, и даже общественно-политическую деятельность.

Профессионализм, в трактовке Д. С. Лихачева, вовсе не сводится к узкой специализации, но, напротив, предполагает тесную «связь наук и искусств с обучением. Научные школы были даже формально связаны с учебными заведениями»⁶⁴. Учебные заведения Петербурга традиционно давали глубокое и разностороннее образование, ибо профессионализм работавших в них специалистов базировался на фундаментальном образовании.

⁶² Цит. по: Буганов В. И. Мир истории: Россия в XVII столетии. М., 1989. С. 287.

⁶³ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 17.

⁶⁴ Там же.

По мнению Д. С. Лихачева, не случайно именно в Петербурге появился и кристаллизовался особый, в ряде отношений — высший «продукт» мировой культуры — интеллигенция. По мысли ученого, интеллигенция явилась уникальным результатом зрелости европейской духовной традиции и одновременно явлением, которое закономерным образом сформировалось именно на российской почве. Своим путем к этой же мысли приходит выдающийся российский культуролог М. С. Каган⁶⁵. Для появления интеллигенции, по мнению Д. С. Лихачева, «нужно было соединение университетских знаний со свободным мышлением и свободным мировоззренческим поведением»⁶⁶. Интеллигент, по Д. С. Лихачеву, это совестливый человек, обладающий образованием и интеллектуальной свободой⁶⁷.

Д. С. Лихачев неоднократно отмечал, что интеллигент не только образован, он еще и духовно свободен. В России в условиях деспотизма такая свобода принимает черты «тайной», о которой писали А. Пушкин и А. Блок. Высказывать свои мысли опасно, но скрывать их невозможно, непереносимо для подлинного интеллигента. Именно об этом трагическом столкновении интеллигенции с тиранией писал Джеймс Биллингтон, уподобляя судьбу «европейской культуры» в Петербурге (а вернее — в России в целом) судьбе свободлюбивой пальмы из притчи В. Гаршина. «История европейской культуры в этом городе, — говорится в его книге “Икона и топор”, — напоминает историю экзотической пальмы в рассказе Всеволода Гаршина. Искусственно пересаженная из жарких краев в оранжерею северного города, эта пальма тщится одарить все запертые в оранжерее покорные растения буйной свободой своей родины. Ее блистательное устремление вверх, к неуловимому солнцу... завершается разбитым потолком оранжереи и убийственной встречей с подлинным климатом этих мест»⁶⁸.

Однако при всей эмоциональной напряженности подобного образа выводы Д. Биллингтона весьма отличаются от убеждений

⁶⁵ Каган М. С. Указ. соч. С. 400.

⁶⁶ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 379.

⁶⁷ См. подробнее: Запесоцкий А. С. Последний российский интеллигент: к 100-летию со дня рождения Дмитрия Лихачева // Огонек. 2006. 20–26 нояб. (№ 47). С. 14–15; Он же. Дмитрий Лихачев и русская интеллигенция // Нева. 2006. № 11. С. 129–140.

⁶⁸ Биллингтон Д. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С. 234.

Д. Лихачева. Дмитрий Сергеевич не без оснований считал интеллигенцию именно русским явлением. «Постоянное стремление к свободе, — писал он, — существует там, где есть угроза свободе. Вот почему интеллигенция как интеллектуально свободная часть общества существует в России и неизвестна на Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества меньше (или она минимальна)»⁶⁹. Используя метафору Гаршина, «подлинный климат» России не убил цветущую зелень интеллектуальной свободы, но закалил ее носителей, сделал их подлинными интеллигентами.

Именно поэтому Д. С. Лихачев в числе важнейших сторон петербургской культуры называет наличие в городе многочисленных добровольных объединений, кружков, общественных организаций, в которых «собирались мыслящая часть общества — ученые, художники, артисты, музыканты и т. п.»⁷⁰. Многие из этих групп формировались по профессиональным занятиям людей, в них входящих, и, соответственно, способствовали «росту петербургского профессионализма»⁷¹. В другие группы входили люди разных профессий, но сходного мировоззрения, убеждений. Неофициальные и полуофициальные объединения играли особую роль в формировании общественного мнения: «Общественное мнение в Петербурге, — говорил Д. С. Лихачев, — создавалось не в государственных учреждениях, а главным образом в этих частных кружках, объединениях, на журфиксах, на встречах ученых и т. д. Именно здесь формировалась и репутация людей...»⁷².

К числу подобных кружков относилась и «Космическая академия», в которую входил в юности сам Дмитрий Сергеевич и которая была жестоко разгромлена советской властью. Склонные к деспотизму правительства всегда крайне негативно относились к неформальным объединениям мыслящих людей, не без оснований видели в

них угрозу. Однако, по мнению Д. С. Лихачева, именно благодаря им в Петербурге «сконцентрировались самые лучшие черты русской культуры»⁷³.

Петербург оценивается Д. С. Лихачевым как своего рода вершина российско-европейско-мирового культурного развития. Петербургская культура вобрала лучшие черты российской культуры как «европейская, универсальная культура; культура, изучающая и усваивающая лучшие стороны всех культур человечества»⁷⁴.

Разумеется, включением в контекст современных дискуссий воззрений академика Д. С. Лихачева, касающихся сути Петербурга как культурного феномена российской истории, черта под спорами по данному вопросу не может быть подведена. Во-первых, есть основания полагать, что актуализация историко-культурного научного наследия Д. С. Лихачева, происходящая в настоящее время, является лишь частью современного процесса по воссозданию целостной картины истории российской культурологической мысли — картины, существенно деформированной в советское время. И результаты этого процесса не могут не сказаться на осмыслении фактов и явлений нашей истории. Во-вторых, можно предположить аналогичный эффект и от общего стремительного развития отечественных гуманитарных наук⁷⁵, в особенности — от совершенствования методологии междисциплинарных исследований.

Наконец, как нам представляется, утверждение взгляда на историю Отечества как историю Культуры, историю утверждения и неуклонного расширения Человеческого начала является в целом одним из прогрессивных направлений развития исторической науки.

Все это позволяет нам надеяться на дальнейшее развитие дискуссии по различным аспектам историко-культурной сути феномена Петербурга.

⁶⁹ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 371.

⁷⁰ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 21

⁷¹ Там же. С. 23.

⁷² Там же. С. 22–23.

⁷³ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 23.

⁷⁴ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 361.

⁷⁵ См., например: Важнейшие достижения научно-исследовательской и научно-организационной деятельности ОИФН РАН в 2001–2006 гг. / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ,

*старший преподаватель кафедры рекламы
и связей с общественностью СПбГУП*

РОЛЬ ПЕТЕРБУРГА В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА РОССИИ

В результате переломных изменений в последние десятилетия Россия до сих пор находится в процессе создания благоприятного образа на международной арене. Не меньшее значение образ страны имеет и для самоидентификации российского общества. Не случайно на актуальность обретения Россией позитивного и устойчивого бренда на пленарном заседании наших Чтений обратил внимание академик А. А. Кокошин.

Трудности обусловлены тем, что на данном этапе развития российская культура претерпевает значительные изменения. Культурные приоритеты жизни страны размыты, и образ России в целом пока что не четок. И это притом что образ страны — важная точка опоры в ее развитии, требующая особого внимания в период национального возрождения.

Проблема формирования целостного образа страны относится к числу мало изученных. Однако можно предположить, что в создании этого образа существенную роль играют меньшие по масштабам элементы символического характера.

Хорошо известно, что бренды формируются первоначально в сознании отдельных людей, которые затем транслируют свое восприятие в сообщества, к которым они принадлежат. Далее бренды получают устойчивый характер в виде общественного мнения. В связи с этим очевидно, что представление о России как ее собственного общества, так и мирового сообщества в существенной степени зависит от образов ее двух крупнейших мегаполисов и иных туристических центров, привлекающих наибольшее количество как иностранцев, так и жителей России. Уместно вспомнить, что еще правители древней Римской империи сознательно выстраивали и культивировали образ Рима, потрясающий воображение варваров и соответствующий доминирующей роли Римской империи в современном ей мире.

Некоторые авторы отмечали, что и желание Петра I создать новую столицу отчасти было продиктовано стремлением создать новый образ главного города страны — более близкий сознанию европейцев. Общее впечатление, оказываемое на иностранцев Москвой того времени, практически исключало успешное ведение Русью каких-либо дел с Европой.

Петербург наряду с Москвой и сегодня продолжает играть особую роль в формировании образа России. Известный петербургский ученый Моисей Каган говорил, что Петербург в культурном отношении является не только «окном в Европу», но и «дверью» в нашу страну из Европы. Он же отмечал, что если Петербург является окном в Европу, то Москва — окно в Америку. В этих высказываниях представляется интересным не только признание глубокого культурного различия двух крупнейших мегаполисов, но и своего рода методологический «посыл» к выявлению их влияния на образ России.

Четыре года назад Санкт-Петербург отметил свое 300-летие. Освещение данной темы международными СМИ дало свои результаты. По данным американского ученого Филиппа Котлера и его коллег, 26 % европейцев были осведомлены о предстоящем событии.

Интересно отметить, что при этом позиционирование Петербурга мало в чем изменилось с советских времен, когда Интуристом использовались рекламные лозунги: «город белых ночей», «Северная Венеция», «город Ленина», «город трех революций» и др. С тех пор коммунистические лозунги были отброшены, но остальные используются до настоящего времени. И это притом что город имеет собственную историю, философию, уникальный архитектурно-ландшафтный облик, менталитет жителей и тому подобное, которые не сводятся к его географическим особенностям.

Город не может обрести свою идентичность и устойчивый бренд, если в сознании его жителей он имеет одни черты, а вне Петербурга транслируются совершенно другие. Здесь стоит отметить, что жители Петербурга по большей части испытывают к городу необычайную любовь, гордятся своей к нему принадлежностью. В этом содержится одна из предпосылок обретения Санкт-Петербургом нового бренда.

Вместе с тем основные его черты, нуждающиеся в утверждении в глазах петербургской, российской и мировой общественности, до сих пор сформулированы недостаточно четко и конкретно. Понятно, что современный Петербург не может позиционировать себя как «имперская столица» или «город трех революций». И столицей России он так же не является.

Образ «города белых ночей» может показаться оптимальным лишь при поверхностном рассмотрении. Конечно, иностранные туристы являются одной из основных аудиторий Петербурга. Летняя туристская активность благоприятно сказывается на развитии городской инфраструктуры. Но ее дальнейшее развитие сдерживается крайне малыми туристскими потоками в другие сезоны. Более того, тема белых ночей уже начинает значительно вредить городскому туризму, создавая при ее назойливом муссировании впечатление, что в Петербург вообще стоит ездить только в июне. В связи с этим требуется позиция, позволяющая Петербургу быть популярным среди иностранных гостей в самые разные сезоны. Не говоря уже о том, что городами белых ночей являются Выборг, Мурманск, Петрозаводск, Архангельск, Хельсинки, Стокгольм и др.

Вот почему значительно более предпочтительной в общероссийском контексте представляется для позиционирования такая черта нашего города, как особая, укорененная в его истории с момента создания концентрация науки, образования, культуры. Следует заметить, что впервые наиболее активно, четко и целенаправленно в постсоветский период эту идею сформулировал Анатолий Собчак. Затем она весьма удачно и ярко с точки зрения ребрендинга Петербурга воплотилась в идею «культурной столицы». В течение нескольких лет данная идея была частично дискредитирована в результате инициированной Борисом Березовским пиаровской кампании, имевшей целью навесить на наш город ярлыки: «бандитский Петербург», «криминальная столица России». К примеру, только в крупнейших и наиболее влиятельных газетах США тогда появилось более 100 статей, в которых тем или иным образом варьировалось сочетание слов «бандитский» и «Петербург». И все же, как показало время, потенциал образа «культурной столицы» имеет для нашего города стратегическое значение. Видимо, в силу его удивительно точного соответствия внутренней сути мегаполиса и его роли в стране.

Первым, кто в современной России осознал и использовал этот брендинговый ресурс Петербурга в целях формирования образа страны, стал Президент РФ Владимир Путин. Реконструкция Константиновского дворца и приглашение на празднование 300-летия города глав ведущих мировых держав, саммит «Большой восьмерки», петербургский экономический форум — эти события, совершенно очевидно имеющие имиджевый характер

и подчеркивающие образ Санкт-Петербурга как одной из мировых культурных столиц, выглядят как хорошо обоснованная и последовательно реализуемая государственная политика. Уже из самой программы визита глав государств в наш город в мае 2003 года было очевидно, что Владимир Путин, демонстрируя воплощенные в Петербурге величайшие достижения мировой культуры, разрушает в сознании влиятельнейших людей планеты, мировой элиты создаваемый и настойчиво культивируемый западными СМИ образ дикой, нецивилизованной, непредсказуемой России, с которой нельзя вести дела. В этом смысле Владимир Путин, безусловно, продолжил петровскую традицию, предложив стране и миру ее современную интерпретацию.

Между тем позиция культурной столицы России с точки зрения интересов самого Петербурга — это не только возможность повысить объемы туристических потоков, привлечь инвестиции, развить инфраструктуру, но и инструмент самоидентификации города, определения приоритетов его дальнейшего развития.

Из-за нечеткого позиционирования в центре Петербурга появляются и реализуются проекты строительства высокорезных зданий жилых домов и бизнес-центров, которые разрушают визуальный облик города, ухудшают восприятие старинных петербургских архитектурных доминант, таких как Адмиралтейство, Петропавловская крепость, Исаакиевский собор. А ведь визуальные символы — важнейшие элементы бренда города. Люди во всем мире узнают Лондон по Биг Бену, Париж по Эйфелевой башне, Рим по Колизею. В отличие от вышеперечисленных достопримечательностей, Дубай узнается по многоэтажным современным зданиям. И это понятно, ведь эти здания построены на месте пустыни, где ничего ранее не было.

Чрезвычайно важно, чтобы пропагандируемый образ города был продолжением его истории и не противоречил тому, что представлял собой город ранее. При проектировании образа Санкт-Петербурга целесообразно исходить из его сущностных черт. В первую очередь учитываются внутригородские приоритеты и особенности самого Петербурга и ментального склада его жителей.

Известно, что в советские времена город славился своей особенной культурой, которая проявлялась во внешнем виде, поведении и речи ленинградцев. В результате размытости позиции города в сознании петербуржцев исконные ценности занимают все меньше места, уступая лидерство приори-

тетам так называемой массовой культуры, пропагандируемой коммерческими телеканалами.

Несмотря на текущие ослабленные позиции Петербурга в сфере культуры, целесообразно выделить концепцию культурной столицы, как одну из ключевых для стратегического позиционирования города. Образ Петербурга должен вызывать у его жителей одобрение. Позиция культурной столицы содержит более глубокий имидж, нежели «город белых ночей» или «Северная Венеция». Под этим подразумеваются приоритеты города, направленные на развитие культуры, искусства и науки. В Петербурге особое внимание необходимо уделять высшему образованию. Город должен стремиться сохранять статус образовательного центра страны.

Роль культурной столицы в формировании образа страны заключается и в создании благоприятного общественного мнения за рубежом о Санкт-Петербурге как одном из

ключевых городов, на основе которого строится бренд современной России.

Важно подчеркнуть, что противопоставление Петербурга Москве, своего рода конкуренция этих двух мегаполисов в общественном мнении страны не вредят построению целостного образа России. Напротив, разные образы административной и культурной столиц взаимно дополняют друг друга, создавая общее впечатление культурного разнообразия и богатства. Так же, как, к примеру, Токио и Киото — в Японии, Торонто и Монреаль — в Канаде, Мадрид и Барселона — в Испании, Нью-Йорк и Вашингтон — в США.

Мировая практика накопила огромный опыт формирования брендов мирового уровня и проведения ребрендинга. Использование этого опыта в ребрендинге Петербурга должно послужить на благо создания нового, современного образа России, привлекательного в глазах ее граждан и мирового сообщества и соответствующего ее культурно-исторической сущности.

А. Ф. ИЗМАЙЛОВ,

*главный редактор журнала «Балтийский диалог»,
кандидат филологических наук*

РАКУРСЫ ГУМАНИТАРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Существует множество определений понятия «краеведение». Можно предложить еще одно: краеведение — это жизнь территорий и людей, работающих и бытующих на них. Краеведение — это деятельность таких личностей, как И. М. Гревс, Н. П. Анциферов, Д. С. Лихачев. Их жизнь связана с таким обществом общежития, как Россия и россияне, Петербург и петербуржцы. Жизнь каждого из них — это их публичные и личные отношения с обществом, государством, той локальной местностью, где происходила их повседневная деятельность, их бытие. Каждый из них продвигал краеведческий процесс научно обоснованными мыслями и суждениями, обогащал категории и термины новым смыслом.

В 1920-е годы Гревс писал, что гуманитарное краеведение есть «изучение истории культуры и ее современности, преемственно связанных между собою». Исследования «русских городских индивидуальностей» он призвал проводить с учетом истории западноевропейских городов. Всестороннее познание городов как носителей различных типов и

уровней «цивилизационных процессов» было для него не конечной целью исследований, а лишь ступенью к всестороннему и более глубокому познанию русской культуры.

По сей день действуют и разрабатываются краеведческие термины: Гревса — «целкупная культура», «самодетельность края», «историко-культурный ландшафт»; Анциферова — «город как социальный организм», «проблемы урбанизма», «панорама классического города»; Лихачева — «нравственная оседлость», «экология культуры», «утраты памятников невосполнимы».

Анциферов, как ученик Гревса и продолжатель его краеведческих исследований, использовал его экскурсионный метод в изучении истории местности, образовательном процессе, практике городоведения.

В своем предисловии к переизданию книги Анциферова «Душа Петербурга» Лихачев отмечал: «Образ города он рассматривает во всех его слагаемых... рассматривает свой город в аспекте культуры всей страны».

Можно полемизировать со словами ученого о том, что Анциферов «не столько краевед,

сколько поэт своего края», ибо краевед в России больше, чем поэт. Просто потому, что деятельных краеведов на российских просторах больше, чем поэтов. «Краеведение само по себе популярно», — отмечал Д. С. Лихачев. Он хорошо знал, любил и ценил Н. П. Анциферова. В одном из писем к нему, в ноябре 1953 года, он отмечал: «...с Вами у меня связывается очень много дорогих мыслей. Спасибо Вам». В другом письме, в марте 1953 года, он писал: «Я всегда о Вас вспоминаю, когда думаю о прошлом. В последнее время как-то часто тянет обращаться к тому времени».

Д. С. Лихачев обращал внимание на то, что Анциферов развил метод Гревса в практике городоведения, что он «расширил его изучением воздействия города на творчество писателя или художника...» Следует отметить, что Д. С. Лихачев в данной новации Анциферова распознал новый подход к изучению местности через ракурс истории литературы, через специфическую ее отрасль — литературное краеведение. В свое время Д. С. Лихачев писал: «Понять литературу, не зная мест, где она родилась, не менее трудно, чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена».

Работая над темой истории Петербурга, Гревс, Анциферов, Лихачев как исследователи одновременно выступали в качестве историков отечественной и европейской культуры, филологов, литературоведов, социологов... Они искали и находили свой угол зрения и свои способы раскрытия темы.

В одном из отзывов на труд Анциферова об урбанизации отмечалось, что разобраться в проблемах отношений множества людей в одном пространстве — задача краеведения. Для стабилизации обстановки в социально-экономической и культурной сферах жизни современного российского общества краеведение может и должно сыграть более деятельную роль.

Начиная с 1992 года, согласно данным Госкомстата, заметна убыль городского населения в России по сравнению с сельским. В результате качественный состав городского населения большинства наших городов в

социально-экономическом и культурном отношениях резко изменился, снизился потенциал физического и психологического здоровья молодых горожан, их профессиональный и культурный уровень.

О тенденциях снижения степени выживания, здоровья, культуры наших людей неоднократно писал и говорил Д. С. Лихачев, призывая сохранять земледельческий труд, укреплять устой семьи, национальные особенности культуры. Его заповеди человечности, клич о необходимости сочетания развития техники с гуманизмом, защитой культуры силами всего рода людского — сегодня крайне актуальны.

Краеведение имеет один объект исследования — конкретную территорию, но она обладает многоликим содержанием своего состояния и формирования. Многовековое движение племен и народностей на этой территории, их борьба, сродство и трансформации человеческой жизни оставили следы многослойной картины, кальки, матрицы общественного общежития и эволюции.

В исследование территории включено множество научных дисциплин: история, география, археология, антропология, зоология, ботаника, математика, топография, топонимика, политическая экономия, филология, литература, архитектура, политология, социология. И этот синтез наук, своеобразная конгломерация знаний о территории позволяют делать вывод о необходимости использования краеведения в управлении функционирования территории, планировании ее развития и в образовательном процессе, обучении госслужащих, градостроителей, работников транспорта, торговли, сферы обслуживания. Знания в области краеведения необходимы работникам силовых структур, органов общественного порядка и многим другим.

Деятельная роль краеведения должна быть более активной. Перефразируя известное утверждение Д. С. Лихачева, можно сказать, что никто и ничто не существует само по себе: все вырастает «на родной почве» и может быть понято «только в связи со всей родной страной».

К. Г. ИСУПОВ,

профессор кафедры философии и культурологии
Республиканского гуманитарного института Санкт-Петербургского
государственного университета, доктор философских наук

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ УРБАНИСТИКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ (МОСКВА–ПЕТЕРБУРГ)

«Москва–Петербург» — ведущая антитеза диалогического бицентризма русской культуры¹. Спор столиц насчитывает три века, он отражен во множестве текстов, начиная с прозы Е. Дашковой, писем Екатерины II и обращенного к ней трактата кн. М. М. Щербатова «Прошение Москвы о забвении ея» (1787). Древняя столица, покинутая русскими государями ради новой, тяжело переживала это событие, но исконное кровнородственное мироощущение москвичей избавило их от возможного комплекса сиротства. «Языки» Москвы и Петербурга стали средством идеологической, литературной и художественной полемики. Патриотизм славянофилов (а позже — публицистика консерваторов и неонародников) окрасилась в специфично московские интонации. Западники предпочли связать будущее России с европейской, то есть петербургской, перспективой. Москва стала живым музеем отечественной памяти, а Петербург — тревожащим душу источником грозных перемен.

В Москву ездили за покоем и душевным комфортом, за отдыхом, а в Петербург — делать дела (эти роли порой менялись). Дерево Москвы и камень Петербурга на какое-то время стали полярными архитектурными символами русского зодчества и стилей жизни. Наиболее существенные тексты, отражающие диалог столиц в XIX веке, принадлежат В. П. Андросову («Москва и Петербург в литературных отношениях», 1836), В. Ф. Одоевскому («Петербургские письма», 1835), Н. Б. Герсеванову («Петербург и Москва. Взгляд и нечто», 1839), М. Н. Загоскину («Два характера. Брат и сестра», 1841), А. И. Герце-

ну («Москва и Петербург», 1842), Н. В. Гоголю («Петербургские заметки 1836 года»), В. Г. Белинскому («Петербург и Москва», 1844), А. А. Григорьеву («Москва и Петербург. Заметки зеваки», 1847), Н. А. Мельгунову («Несколько слов о Москве и Петербурге», 1847), И. И. Панаеву («Белая горячка», 1840), И. С. Аксакову («Пора домой!», 1881), К. С. Аксакову («Значение столицы», 1856), Ф. Ф. Вигелю («Москва и Петербург», 1859), А. С. Хомякову («Речь о причинах учреждения Общества любителей словесности...», 1859), И. Г. Прыжову («Петербург и Москва», 1861), П. Д. Боборыкину («Письма о Москве», 1881), В. М. Гаршину («Петербургские письма», 1882), Н. П. Аксакову («Москва и московский народ», 1886).

Почвенная изначальность стихийно растущей Москвы традиционно противостоит в мире ценностей русской культуры городу, воздвигнутому наперекор здравому смыслу — сплошь искусственному, рационально организованному Петербургу. Антитеза органического и неорганического, в контексте которой разворачивается диалог столиц, отразилась в описаниях города на Неве. Ведущим элементом петербургского мифа стала апокалиптика. Репутация Петербурга как Града беззакония связана с восприятием Петра I как Антихриста, подменного царя и государя-самозванца. Чем чаще припоминали москвичи о Москве — Третьем Риме, тем больший ужас внушала с дьявольской помощью из ничего возникшая новая столица, грозившая обернуться Римом Четвертым. В борьбе за «римские» приоритеты Москва обрела новую мифологию — контексты «Города-Феникса», в которых осмыслялась после пожара 1812 года столица. Восставшая из пепла Москва на долгое время приковала внимание всего мира, как отметил Герцен в памфлете «Москва и Петербург».

Тему «Москва-Феникс» обыгрывали К. Аксаков, Вл. Бенедиктов, Н. Языков, а также Дж. Байрон. Образ Града Несгораемого достиг и XX века (Вяч. Иванов: «А Град горит и не сгорает, / Червонный зыбля пересвет»). Контрастным фоном для Москвы-Феникса послужила петербургская мифология Обреченного

¹ См.: Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Пг., 1922; *Он же*. Петербург Достоевского. Пг., 1923; *Он же*. Быль и миф Петербурга. Пг., 1924; Артемьева Т. В. Философия «московская» и «петербургская» // Метафилософия, или Философская рефлексия в пространстве традиций и новаций. СПб., 1998. С. 318–329; Метафизика Петербурга. СПб., 1993; Петербург как феномен культуры. СПб., 1994; Вече. Альманах русской философии и культуры. СПб., 1994. Вып. 1; Москва–Петербург: pro et contra. Диалог столиц в истории национального самосознания / сост., вступ. ст., коммент., библи. К. Г. Исупова. СПб., 2000; Смирнов С. Б. Петербург–Москва: сумма истории. СПб., 2000.

Града, осложненная еще одним ценностным стереотипом мирового города, в котором Петербург осмысливается как носитель «цивилизации» и, стало быть, как энтропийный оборотень «культуры». Это — «Город-Вавилон».

Образ Вавилона в раннюю пору диалога столиц не сразу находит свою смысловую корреспонденцию (см. стихи Ф. Иванова). Сцепления Вавилона с Москвой встречаются и позднее (М. Лермонтов), но со временем многоязычный и суетливый Петербург все более прочно связывается с судьбой наказанного за свою гордыню и рассеянного по земле грешного библейского города (Быт. 11, 1–9). «Роскошным Вавилоном» назвал его А. Бестужев-Марлинский; для Н. Огарева Петербург — это «Новый Вавилон»; сходные интонации — у Герцена. Цивилизаторский энтузиазм новой столицы был воспринят апокалиптически. «Цивилизации», — записал Ф. Достоевский на принадлежащем ему экземпляре «Откровения» Иоанна Богослова. Город-цивилизатор в ожидании Страшного суда — таков Петербург Достоевского и таков же он у Н. Языкова. Картины разрушения некой древней столицы даны в мистерии В. Печерина, которую автор назвал «языческим Апокалипсисом». Образ Града Обреченного суммирует символы Страшного суда и конца света, Четвертого Рима и Вавилона.

В одной точке Невского проспекта есть поразительный по символической сакрально-исторической насыщенности топос, где мы видим перекресток трех «Римов». Если встать возле памятника М. И. Кутузову и спиной к Адмиралтейству, то направо от нас обнаружится творение А. Н. Воронихина, (1801–1811) которое является архитектурной «цитатой» собора Св. Петра в Ватикане (Рим Первый), а налево — Спас на Крови — «цитата» из собора Василия Блаженного (Рим Третий), и все это в пространственных рамках Рима Четвертого — Петербурга. Рим Второй присутствует в ландшафте Невской столицы в рассыпанном виде.

В XX веке пророчества о скорой гибели столицы вновь вошли в моду. Действительность вокруг горожанина начала века зазвучала голосами Апокалипсиса (В. Розанов, А. Крученых, Б. Савинков, В. Брюсов, А. Блок). Фальконетов монумент — центральный символ Града обреченного — слился в сознании носителей катастрофического мироощущения с Всадником из «Откровения». Градостроительная математика города на Неве традиционно противостоит здесь «кривому» пространству Москвы. В городе Петра торжествует в

своем мироустроительном начале Число-Логос. Но Петербург — Город-оборотень, поэтому и числа его (древние знаки совершенства и порядка) обратились у Е. Иванова («Всадник. Нечто о городе Петербурге», 1907) в свою противоположность — в символ энтропийного, на грани безумия живущего города. На этом фоне усилилась партия Москвы: ее голос начинает звучать в тонах утешения и надежды. Город почвенного обетования и национальной жизнестойкости, в противовес беспочвенной и безосновной гордыне Северной Пальмиры, — такова Москва в философском мемуаре Б. Эйхенбаума («Душа Москвы», 1917), в эссе П. Муратова («Красота Москвы», 1909), В. Тана-Богораза («Чрево Москвы», 1922).

Реставрируются старые контрасты столиц: о Москве говорят как о разнородно-органическом существе, о Петербурге — как об однородно-отчужденной каменной пустыне, о Москве — в интонациях нежности и благодарения, о Петербурге — как о предмете мучительной любви. Все более определенно Петербург осознается как Город-жертва, каменный каприз, воздвигнутый на зыбкой стихии. XX век приносит мистериальное восприятие Северной столицы: Петр I обретает черты Космократора, Нева — безликой стихии Хаоса, архитектурная громада Города — картины единократного мирового зодчества, в замысле которого — погубить всякую малую частность (эти интуиции сравнительной урбанистики подробно изучены в книгах П. Анциферова).

Из Петербурга правил империей Петр-Антихрист, потому столица осталась вечным топосом власти Князя тьмы и его зловещих вестников — так полагают Д. Мережковский («Быть Петербургу пусту...», 1908; другое название эссе — «Зеленые радуги»), Д. Аркин («Град Обреченный», 1917), авторы сборника «Петербург и Москва» (1918).

Эмиграция увезла с собой петербургскую апокалиптику. Когда для зарубежной печати большевистская Россия утвердилась в качестве факта, Петербургу припомнили его грех европеизма. Вновь, как в памфлетах XIX века, выходит на первый план антитеза Города и страны (Ф. Степун. «Москва — Третий Рим», 1960). Для Г. Федотова («Три столицы», 1926)² Петербург также есть «Рим», и потому он воссоздает картину киевско-азийско-западной империи, соединившей в своих географических и исторических горизонтах духовный опыт и государственность рас-анти-

² Ср.: Шульгин В. Три столицы (1927).

подов, племен-родичей, наций-врагов и наций-друзей. Результатом этого синтеза, полагает Г. Федотов, стало формирование в России культурных центров более азиатских, чем сама Азия (Москва), и более европейских, чем сама Европа (Петербург). Пусть Святая София Киевская, полагает философ, напомним нам об утраченной чистоте греческого православия и спасет нас как от гордого национального самодовления (Москва), так и от латинского цивилизаторства (Петербург). Модному в эмигрантских кругах апокалипсису культуры противостоит Е. Замятин («Москва–Петербург», 1933), исторический оптимизм которого окрашен внутренним

сомнением; тем отчетливее звучит в его прозе пассаистическая нота. На позиции пассаизма стоят В. Вейдле («Петербургские пророчества», 1939; «Петербургские открытки», 1969), А. Зайцев («В сумерках культуры», 1821) и Н. Татищев («На Неве», 1973).

Страх и ужас перед будущим преодолеваются в историческом катарсисе. Петербургский апокалипсис, как и судьба святой московской земли, не завершены: они стали для нас живой эсхатологией надежды. Душа Москвы и гений Петербурга, образовавшие двуголосие и внутренне напряженный диалог русской национальной культуры, стоят теперь на пороге новых инициатив.

Е. А. КАЙСАРОВ,

доцент кафедры культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук

КУЛЬТУРА ПЕТЕРБУРГА В ИНФОРМАЦИОННОМ И КИБЕРНЕТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В настоящее время сложилось мировое информационное и кибернетическое пространство — это пространство памяти, процессоров и систем связи, которое образуется с помощью компьютеров для создания различных объектов и взаимодействий с ними. Разработка культуры Петербурга в кибернетическом пространстве имеет огромное научное, познавательное, воспитательное значение, дает возможность активнее привлекать инвестиции, полнее использовать туристический потенциал города.

Современная наука взяла на вооружение новую методологию познания культуры — изучение духовной, материальной и художественной сторон культуры в единстве и взаимодействии, порождающее ее целостное и исторически развивающееся бытие. Целостное изучение и понимание культуры предполагает использование в исследованиях гораздо большего объема материала, повышение качества его переработки и использования. Информационные технологии, включающие ряд подсистем, связанных с получением, переработкой, анализом, хранением и передачей информации в сфере культуры, совокупность различных технологий (мультимедиа-технологии, видеотехнологию и др.) позволяют совершить качественный скачок в организации и проведении научных исследований культуры Петербурга. В то же время использование информационных технологий в исследовании культуры города имеет и определенные сложности. Многие дошедшие до нас

тексты культуры воспринимаются сегодня иначе, чем во время их создания. Передача культурных ценностей последующим поколениям сопряжена со значительными трудностями, так как формализуемой может быть в основном их систематическая составляющая, что снижает информационную значимость этих ценностей. Явления культуры ускользают от рационалистического анализа, не всегда поддаются точному описанию и объяснению. В них всегда остается неопределенность, недосказанность, загадочность и таинственность. Культура внутренне противоречива и трудно предсказуема. Все эти особенности феномена культуры затрудняют ее строгую формализацию и более широкое использование компьютерных технологий в исследовании культуры Петербурга.

Компьютерные технологические инновации обладают огромным культуротворческим потенциалом. Процессы, протекающие в материальной и духовной культуре общества конца XX — начала XXI века, создают и непрерывно обновляют материальную среду городской жизни, заставляющую себя видеть и эстетически переживать. Вхождение в быт подавляющего большинства семей телевидения, переполнение культуры зрими формами предметов дизайна, плакатов, иллюстраций газет и журналов, рисунков, наносимых уже не только на страницы печатных изданий и на стены домов, но и на человеческое тело (боди-арт), уличная реклама, оформление витрин магазинов, игровые

автоматы — основания для определения нынешнего времени как «оптического». Власть созерцания вытесняет интерес к основному носителю интеллекта — слову. Девальвация слова закономерно оборачивается разрывом эмоциональной жизни человека с одухотворяющим ее интеллектом и активизацией ее связей с биологической почвой человеческой психики. Человечество может спасти себя от вырождения только при условии возрождения Культуры Слова и Мысли, но не за счет вытеснения информационных и эстетических возможностей зримых изображений и слышимых интонаций, а на основе признания специфических возможностей всех трех способов духовного освоения мира. И сделать это сегодня можно только с помощью компьютерных, мультимедийных технологий.

Представление культуры Петербурга в мировом информационном и кибернетическом пространстве требует решения художественных, экономических, технологических проблем. Сейчас культура города представлена разрозненными сайтами различных организаций, информацией на CD- и DVD-дисках, отражающих отдельные стороны развития искусства, науки, образования города. Стоит задача консолидировать разрозненные усилия отдельных организаций по созданию образа города в кибернетическом пространстве, который бы адекватно отображал его огромный культурный потенциал.

Большая работа по представлению культуры Петербурга в информационном и кибернетическом пространстве проводится на кафедре культурологии СПбГУП. Одним из главных направлений труда коллектива ста-

ла разработка мультимедийных учебников. В 2002 году вышел в свет мультимедийный учебник «История культуры Петербурга: XVIII век», который получил положительные отзывы в стране и за рубежом. Сегодня ведется подготовка следующих частей этого издания: «История культуры Петербурга: XIX век» и «Серебряный век в культуре Петербурга».

При работе над изданиями проведен большой объем научных исследований с использованием информационных технологий. Так, для раздела «Архитектура города» студенты сфотографировали практически все сохранившиеся здания Петербурга XIX века (более 2 тыс. архитектурных памятников). Снимки были сделаны цифровыми фотокамерами и обработаны с помощью компьютерных технологий. Впервые была получена целостная картина архитектуры города. Находясь у экрана компьютера, можно проследить весь процесс формирования архитектурных стилей XIX века, познакомиться с творческой манерой каждого из 164 крупных архитекторов. Здания сфотографированы по определенной схеме, которая позволяет увидеть на экране монитора их общий вид в разных ракурсах, в разное время суток, в разное время года, как они вписаны в архитектурную среду города и связаны с соседними зданиями, отдельные детали. Подобные материалы могут быть опубликованы только на электронных носителях.

Все это поднимает изучение архитектуры города в частности и культуры города в целом на уровень современных научных требований.

Н. В. КОЛЫШНИЦЫНА,

научный сотрудник Центрального государственного исторического архива

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛАТЫШЕВ

Характеризуя особенности культуры Петербурга, Д. С. Лихачев среди основополагающих ее черт называл «научную связь со всем миром» и «академизм», проявлявшийся, среди прочего, «в существе интересов петербургских авторов, творцов, педагогов и т. д.»¹. Данная особенность нашла яркое

отражение в научном творчестве такого видного представителя петербургской науки, специалиста в области истории античности, как Василий Васильевич Латышев.

Василий Васильевич Латышев родился 29 июня 1855 года в селе Диеве Бежецкого уезда Тверской губернии, где провел первые годы своей жизни. В 1872 году окончил гродненскую гимназию с серебряной медалью и поступил в Императорский Санкт-Петербургский историко-филологический институт

¹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 265, 267.

как стипендиат Виленского учебного округа. 1 июня 1876 года В. В. Латышев получил аттестат об окончании института с предоставлением звания учителя гимназии и в течение шести лет должен был учительствовать в Виленском учебном округе². Именно в Виленской гимназии выработался тип совершенного преподавателя-классика — эрудита, досконально владеющего своим предметом, но вместе с тем и педанта, ответственного и строгого.

В 1878 году появляется первая печатная работа В. В. Латышева — перевод диалога Лукиана «Харон, или Наблюдатели»³. В 1880 году В. В. Латышев приступил к публикации своего первого крупного труда по истории античности — «Очерка греческих древностей». Директор Историко-филологического института К. В. Кедров указывал на необходимость быстрее опубликовать указанного труда в связи с предполагаемой командировкой В. В. Латышева в Афины в июне 1880 года. Такому отношению к первому произведению В. В. Латышева способствовал также прекрасный отзыв, данный профессором Ф. Ф. Соколовым: «“Очерк греческих древностей” В. Латышева предназначается быть справочною книгою при чтении греческих авторов для гимназистов старших классов. Этой цели труд Латышева вполне удовлетворяет. Давно пора, чтобы наиболее замечательные приобретения классической науки отразились и на запасе сведений молодых людей, оканчивающих у нас общеобразовательный курс на классической основе»⁴. Недаром «Очерк греческих древностей» впоследствии был рекомендован «в качестве полезного учебного пособия для преподавателей и воспитанников духовных семинарий»⁵.

Летом 1880 года В. Латышев и выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета В. Ернштедт отправляются в Афины в качестве первых стипендиатов Министерства народного просвещения. Цель командировки — знакомство с учеными трудами и открытиями в области греческой истории и греческих древностей. Раз в полгода командированные должны были давать отчет председателю Русского археологического института в Афинах К. Кедрову. Эти отчеты должны были содержать не только сообщения о деятельности иностранных ученых в Афинах, но и собственные науч-

ные исследования. Уже в это время В. В. Латышев проявил себя как вдумчивый и доскональный исследователь-эпиграфист. Ф. Ф. Соколов, давая В. В. Латышеву отзыв о его деятельности в Афинах, особенно отмечал удивительную энергию и блестящие успехи, которыми увенчалась эта командировка.

Таким образом, из Афин В. В. Латышев вернулся уже вполне сложившимся ученым. Ф. Ф. Соколов, который принимал большое участие в его судьбе, считал, что его выдающийся ученик уже только за свою магистерскую диссертацию «О некоторых золических и дорических календарях», написанную им еще в Афинах, был достоин степени доктора. Еще в 1878 году Археологическое общество решило издать полное собрание древних греческих надписей, найденных в пределах России. Эта миссия была возложена на действительных членов общества Ф. Ф. Соколова и И. В. Помяловского. В 1882 году по предложению Ф. Ф. Соколова было решено привлечь к работе над этой темой В. В. Латышева. Последний великолепно справился с этой работой. Первый том IOSPE вышел в 1885 году и стал сенсацией в научной жизни России. В эти же годы В. В. Латышев становится преподавателем в Историко-филологическом институте и на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Здесь следует отметить, что подобное сочетание активной научной и педагогической деятельности также было весьма типичным для петербургских ученых, о чем писал и Д. С. Лихачев, подчеркивая, что в Петербурге «научная школа всегда сочеталась с учебной, и наоборот»⁶.

Научные заслуги В. В. Латышева были высоко оценены как русской, так и зарубежной научной общественностью. Его избрали действительным членом Императорского Московского археологического общества, членом-корреспондентом, а затем и вице-директором Императорской Академии наук, членом Общества истории, археологии и этнографии при Императорском Казанском университете, членом-корреспондентом Императорской археологической комиссии, Почетным членом Исторического общества летописца Нестора, действительным членом Императорского православного палестинского общества, членом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Почетным членом Константинопольского греческого филологического общества, членом-корреспондентом Императорской Берлинской академии

² ЦГИА СПб., ф. 53, оп. 1.

³ Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Ноябрь. С. 157–176.

⁴ ЦГИА СПб., ф. 53, оп. 1, д. 1276, л. 2–2 об.

⁵ Там же, д. 1539, л. 26–26 об.

⁶ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 267.

наук, Почетным членом Русского археологического института в Константинополе⁷.

Помимо работы, носящей чисто научный и преподавательский характер, В. В. Латышев активно занимался и административно-общественной деятельностью. Зимой 1889/90 года по приглашению товарища министра народного просвещения князя М. С. Волконского он принимал участие в Комиссии по пересмотру программ предметов, преподающихся в мужских гимназиях. В 1891–1903 годах он не единожды назначался председателем историко-филологической испытательной комиссии в различных университетах страны (Казанском, Московском, Киевском, Харьковском и др.). 19 сентября 1891 года был удостоен золотой медали Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за участие в оценке литературных трудов, подлежащих рассмотрению на 7-м Пушкинском конкурсе. 28 апреля 1898 года В. В. Латышев был избран членом Совета министра народного просвещения и в 1900 году вошел в состав Комиссии по преобразованию средних учебных заведений Министерства народного просвещения (председатель комиссии по физическому воспитанию). 27 сентября 1901 года избран членом Комиссии по вопросам преобразования высших учебных заведений Министерства народного просвещения, 10 ноября 1902 года — председателем Комиссии по университетским делам, а 5 де-

кабря 1902 года — председателем Особой комиссии при Ученом комитете Министерства народного просвещения для рассмотрения сочинений по греческому языку, поступивших на соискание премии Императора Петра Великого. В октябре 1903 года он принимал активное участие в деятельности Комиссии по преобразованию высших учебных заведений, являясь одновременно директором Историко-филологического института.

В 1908 году, к 30-летию его литературной деятельности, ученики В. В. Латышева по Историко-филологическому институту составили список печатных работ своего учителя. Во введении к изданию они замечают: «Список этот наглядно свидетельствует, как интенсивна и плодотворна была научная деятельность В. В. Латышева. Подобная литературная деятельность почти превышает силы одного человека. Настоящий список (256 наименований. — Н. К.) далек от абсолютной полноты. В него вошли только учено-литературные труды. Не отмечено огромное количество работ, отрецензированных им (например издания Императорской археологической комиссии, вышедшие за последние 9 лет)»⁸.

В. В. Латышев являлся ярким представителем петербургской науки, с присущими ей академизмом, профессионализмом, из числа тех ученых, которые снискали Петербургу славу, говоря словами Д. С. Лихачева, «года общемировых культурных интересов»⁹.

Н. Б. ЛЕБИНА,

*профессор кафедры истории России, культуры и науки
Санкт-Петербургского государственного технологического института
(технический университет), кандидат исторических наук, доцент*

«СТАЛИНГРАД» В ЛЕНИНГРАДЕ: О ПРЕОБРАЗОВАНИИ МОСКОВСКОГО ПРОСПЕКТА (1947–1955)

Одним из ярких архитектурных символов послевоенного сталинизма являются высотные здания, возведенные в Москве согласно постановлению Совета министров СССР от 13 января 1947 года. Укреплявшаяся система сталинизма нуждалась в архитектурном убранстве и других городов, в частности Ленинграда. Особое внимание уделялось въезду в город со стороны Москвы и главной магистрали — проспекту Сталина, ныне Московского проспекта. Перед ленинградскими зодчими стояла задача «...создать архитек-

турные произведения, достойные сталинской эпохи». К 70-летию И. Сталина в Ленинграде были установлены четыре памятника вождю народов. Один из них, на Средней Рогатке, вместе с памятником Ленину должен был украшать въезд в город. Московский проспект предполагалось застроить зданиями в духе классицизма. Так в Ленинграде появились жилые пяти-, шестизэтажные дома, которые и сегодня называются «сталинскими».

⁷ ЦГИА СПб., ф. 53, оп. 1, д. 3085, л. 7–15.

⁸ «Список трудов» по поводу 30-летия литературной деятельности В. В. Латышева. СПб., 1908.

⁹ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 266.

Возведение этих домов в Ленинграде продолжалось и после смерти Сталина. Первоначально ленинградских зодчих не коснулись решения Всесоюзного совещания строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов, проходившего в Москве в декабре 1954 года и начавшего борьбу с архитектурными излишествами. Даже в начале 1955 года архитекторы подчеркивали, что «парадно-монументальный, героический и праздничный облик» проспекта Сталина связан с идейным смыслом этой главной магистрали въезда в город Ленина¹. В июне 1955 года городское Архитектурно-планировочное управление (АПУ) приняло решение «усилить разработку композиционного решения планировки и застройки проспекта им. Сталина»². Архитекторами была начата разработка пяти- и семиэтажных жилых домов, которые могли «быть достойными проспекта имени Сталина в городе великого Ленина»³.

4 ноября 1955 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве, где, в частности, критиковалась

деятельность ленинградских архитекторов. С этого времени в городе была развернута критика «украшателей» — архитекторов В. Каменского, О. Гурьева и других, которые «продолжают идти по пути ложного украшения и недопустимых излишеств, пренебрегая интересами государства, интересами людей, для которых они строят»⁴. В середине ноября 1955 года ЛенАПУ приказало «...в месячный срок подготовить предложения по пересмотру проектно-сметной документации по строящимся в Ленинграде объектам с целью решительного устранения в проектах излишеств в архитектурной отделке, планировочных и конструкторских решениях». Основное внимание было решено сосредоточить на корректировании «...проекта планировки в районе нового жилого строительства у проспекта им. Сталина <...> в связи с переходом на массовое применение типового проектирования жилых зданий...»⁵. Десталинизация жилого фонда пришла и в город на Неве. И в первую очередь это отразилось на архитектурном облике проспекта Сталина, вскоре переименованного в Московский проспект.

А. А. МИХАЙЛОВ,

заведующий кафедрой истории СПбГУП, доктор исторических наук, профессор

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И МОСКВА КАК ЦЕНТРЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ЕДИНСТВО

Вопрос о влиянии на судьбы России Петербурга и Москвы, о споре или даже духовной конфронтации двух столиц имеет почти трехвековую историческую традицию и буквально необозримую историографию. К этому вопросу обращались в различное время практически все отечественные литераторы, философы, историки, публицисты. По точному наблюдению современного исследователя С. Б. Смирнова, Петербургу и Москве в дискуссиях об историческом развитии России выпала роль «воплощений и символов противоречивости русской жизни»¹.

Однако наряду с противоречиями в исторической судьбе двух столиц присутствовало и явное единство. Не случайно Д. С. Лихачев, полусмешно-полусерьезно, писал о возможном слиянии Петербурга и Москвы: «...Учреж-

дения культуры будут <...> связаны между собой скоростной трассой различных типов, способов передвижения (автомобиль, одно-рельсовая дорога, электричка скоростного типа и пр.) <...>. Ленинград и Москва сохраняют свои названия, а в целом их соединение носит название Московленинград. Фантазия? Может быть...»² Впрочем, об объединении Петербурга и Москвы некоторые авторы рассуждали задолго до Д. С. Лихачева (например поэт В. Ф. Одоевский в своих «Петербургских письмах»³).

Показательно, однако, что «центром» взаимного притяжения городов могут стать именно «учреждения культуры», как считал Д. С. Лихачев. Разумеется, столичные функции Москвы и Петербурга уже сами по себе «поднимали» их над другими городами стра-

¹ Вопросы планировки и застройки Ленинграда. Л., 1955. С. 46.

² ЦГА НТД, ф. 389, оп. 1–4, д. 111, л. 72.

³ Там же, д. 145, л. 68.

⁴ Ленинградская правда. 1955. 13 нояб.

⁵ ЦГА НТД, ф. 389, оп. 1–4, д. 145, л. 114–115.

¹ Смирнов С. Б. Петербург–Москва: сумма истории. СПб., 2000.

² Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 340.

³ Одоевский В. Ф. 4338-й год. Петербургские письма // Последний квартет Бетховена. М., 1982. С. 275–276.

ны в административном, политическом и экономическом отношении, но одновременно оба они являлись крупнейшими культурными центрами и, в частности, центрами образования. Как «первенствующие» города державы Петербург и Москва не просто обладали наибольшим числом учебных заведений, но концентрировали в себе лучшие педагогические силы, первыми усваивали новаторские педагогические идеи. В то же время именно учебные заведения Петербурга и Москвы в наибольшей мере подвергались контролю и воздействию государственной власти, наиболее ярко отражали в своей истории колебания внутривластного курса правительства. В силу данного обстоятельства в Петербурге и Москве возникало наибольшее напряжение между официальным и общественным направлением в педагогике.

Сегодня нет недостатка в научных трудах, посвященных учебным заведениям (или целым типам таковых) в Петербурге и Москве, а также развитию в них педагогической мысли. Однако зачастую история школы рассматривается изолированно от той специфической городской среды, в которой эта школа действовала. Это фиксирует, например, В. В. Криличевский, отмечая, что «условия развития системы образования сверхкрупного города на системном уровне ранее вообще не исследовались»⁴. Между тем, бесспорно, любой крупный город обладает набором характеристик, влияющих на специфику сложившейся в нем системы образования. Это демографические, социально-политические, этноконфессиональные и многие другие реалии жизни города, особенности мироощущения горожан, их запросы к системе образования и др. Данные компоненты составляют образовательную среду города, которая всегда отличается определенным своеобразием. Однако среди специфических черт образовательной среды таких крупных городов, как Петербург и Москва присутствуют не только реальные особенности, но и разнообразные мифы, порожденные общественным сознанием.

Не подлежит сомнению, что уже при основании Петербурга Петр I видел в нем не только столицу будущей империи, но и крупнейший центр просвещения. Не случайно именно в Петербурге открываются многие важнейшие, с точки зрения государя, учебные заведения. При этом, в отличие от своих предшественников, Петр I стремился к созданию школы светской и преимущественно профессиональной. Тяжелые войны со Швецией и

⁴ Криличевский В. И. Управление образованием сверхкрупного города. СПб., 2000. С. 35.

Турцией, рост промышленности, революционные перемены в культуре требовали большого числа специалистов, причем подготовить их нужно было очень быстро. Дореволюционный исследователь С. В. Рождественский очень точно писал о петровских временах: «Государство особо нуждается в профессиональном образовании; общее образование с точки зрения государственных интересов отодвинулось на второй план»⁵.

Центром этого нового, светского и профессионального образования стал Петербург. В 1715 году здесь начала действовать Морская академия, которая готовила офицеров для российского флота. В 1719 году в Петербург была переведена из Москвы Военно-инженерная школа. Имелись также Школа словесных наук, где обучали грамоте и счету детей мастеровых и матросов с Адмиралтейской верфи, Артиллерийская школа при Лабораторном доме и другие учебные заведения. Наконец, в самом конце правления Петра I в Петербурге была учреждена Академия наук, при которой имелись университет и гимназия. Последняя, однако, была скорее профессиональной школой для подготовки ученых и педагогов, нежели общеобразовательным учебным заведением в привычном для нас смысле слова.

Разумеется, одной из причин такой концентрации учебных заведений в столице было желание Петра I разместить школы поближе к центру власти, дабы иметь над ними личный контроль. Но была и другая причина. Петербург вообще мыслился императором как своего рода идеальный город, воплощение модели государства в целом. Держава же воспринималась Петром I, среди прочего, как огромная классная комната, в которой подданные были его учениками, причем учениками нерадивыми: «...Наш народ, яко дети неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся потом благодарят...»⁶ Сам Петр I всем своим поведением постоянно демонстрировал готовность учиться и учить. По точному наблюдению Д. С. Лихачева, император вообще умел и любил придавать своим действиям демонстративный характер: «Все перемены облекались в демонстративные формы... Вместо малоподвижного, церемониального недоступного государя всея Руси с его пышными титулованиями и пышным образом

⁵ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 2.

⁶ Цит. по: Анисимов Е. В. Время Петровских реформ. Л., 1989. С. 68.

жизни Петр творил образ царя-труженика, царя — простого бомбардира, царя-учителя и ученика, просветителя и исследователя»⁷.

Соответственно и столица этого «небывалого» царя являлась одновременно и мастерской, и военной базой, и школой. Однако источником сил и ресурсов, в том числе ресурсов интеллектуальных, для этого молодого Петербурга служила Москва. Так, созданная в первопрестольной столице еще в 1700 году Навигацкая школа стала подготовительным заведением для Морской академии. Ученики Славяно-греко-латинской академии переводились в Академический университет, а часть ее выпускников стали учителями в петербургских школах.

Интересно, что через 30 лет после кончины Петра I сложилась в известной степени противоположная ситуация. Академический университет к середине XVIII века пришел в полный упадок. Дворяне поступать в него не хотели (среди благородного сословия научная и педагогическая карьеры считались малопrestижными) и отдавали явное предпочтение созданному в Петербурге в 1732 году Шляхетному корпусу, который готовил офицеров. Финансирование также оставляло желать лучшего, и университетские аудитории стояли полупустыми. В 1755 году по указу императрицы Елизаветы I был учрежден новый университет, но не в Петербурге, а в Москве. На размещении университета в «старой» столице настоял инициатор его создания М. В. Ломоносов. Сам он обосновывал свой выбор рационалистическими соображениями о дешевизне жизни в Москве (по сравнению с Петербургом), о близости богатых помещичьих имений и т. д.

Однако сыграл свою роль и другой фактор. Университет в Петербурге подчинялся руководству Академии наук, в то время структуре чрезвычайно бюрократизированной, контролируемой консервативными и враждебными М. В. Ломоносову лицами (И. Д. Шумахер, И. К. Тауберт и др.). Сознательно удаляя университет в Москву, М. В. Ломоносов приобретал большую свободу действий. При этом в новый университет на преподавательскую работу были направлены лучшие педагоги и ученики из Академического университета: Н. Поповский, Ф. Яремский, А. Барсов и др. Таким образом, находившийся в кризисе университет в Петербурге снабжал кадрами молодой университет в Москве, так же как ранее московские школы снабжали

кадрами Морскую академию, Академический университет и иные учебные заведения Петербурга.

Мощный импульс развитию учебных заведений и Петербурга, и Москвы был дан в конце XVIII века, когда императрица Екатерина II, уделявшая делу просвещения большое внимание, предприняла попытку создать в стране широкую сеть общеобразовательных народных училищ. В 1779 году, когда проект о создании собственно училищ еще только замыслился, при Московском университете была открыта Учительская семинария, имевшая целью готовить педагогов. В 1783 году, уже в ходе реализации проекта, при Главном народном училище в Петербурге тоже возникла Учительская семинария. В северной столице начал действовать Смольный институт, положивший начало женскому образованию. Следует также учесть, что и Петербург, и Москва обладали большим количеством частных учебных заведений.

На протяжении всего XVIII столетия в стране не существовало единого центра руководства образованием. Причина этого заключалась в том, что в период становления светской школы при Петре I существовало, как говорилось выше, явное преобладание профессиональных учебных заведений над общеобразовательными. В связи с этим С. В. Рождественский отмечал: «Профессиональные школы призваны были удовлетворить неотложные практические потребности разных ведомств: духовного, военного, морского, горного, медицинское. При этих условиях не могло сложиться и единого учебного управления. Оно было разбито между подлежащими ведомствами»⁸.

Интересно, что предложения создать некий орган управления всеми школами к Петру I поступали. Еще в 1711 году философ и математик В. Лейбниц рекомендовал ему учредить Коллегию народного просвещения, которая руководила бы не только школами, но также типографиями и медицинскими учреждениями. В 1716 году о создании «Ученой коллегии» писал В. Н. Татищев в «Разговоре о пользе наук и училищ». Государь к предложениям, однако, не прислушался.

К концу столетия ситуация изменилась коренным образом. Поэтому в ходе предпринятой Александром I реорганизации государственного аппарата и учреждении министерств было создано, среди прочих, Министерство просвещения, расположившееся в столице. Петербург таким образом превра-

⁷ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 182–183.

⁸ Рождественский С. В. Указ. соч. С. 4.

тился в официальный центр руководства системой образования всей империи. Тогда же страну разделили на учебные округа, возглавляемые особыми чиновниками — попечителями. Среди округов, естественно, были Петербургский и Московский, оба довольно крупные. Петербургский округ включал: Петербургскую, Новгородскую, Псковскую, Олонецкую и Архангельскую губернии. Московский — Московскую, Владимирскую, Вологодскую, Калужскую, Костромскую, Смоленскую, Рязанскую, Тверскую, Тульскую, Ярославскую губернии. Попечители Московского и Петербургского округов играли большую роль в общегосударственной системе руководства школой.

В ходе учебной реформы 1804 года на основе Главных народных училищ и в Петербурге, и в Москве были созданы губернские гимназии. В том же году Московский университет получил устав, довольно либеральный по своей направленности. При этом, так же как другие университеты страны, Московский университет должен был не только давать высшее образование своим слушателям, но и направлять учебную работу в учебных заведениях своего округа, подведомственных Министерству просвещения. В Петербурге университета не существовало, так как созданный Петром I Академический университет прекратил свою деятельность еще в 1760-е годы. Однако в 1804 году Петербургская учительская семинария была реорганизована в Педагогический институт, включавший 10 кафедр. Для преподавания был приглашен целый ряд видных ученых, в том числе из-за границы. В начале своего существования Педагогический институт славился любовью духом и смелыми новациями в сфере преподавания, которые вызвали раздражение консервативной части общества, что нашло, например, отражение в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». В 1816 году Институт начал именоваться «Главным педагогическим институтом», а в 1819 году был преобразован в университет.

Одновременно Петербург стал настоящим центром военного образования. Военное ведомство, надо заметить, вообще располагало чрезвычайно обширной сетью школ разного уровня — самой масштабной, пожалуй, среди прочих ведомств. В столице к окончанию Отечественной войны 1812 года действовали Первый и Второй кадетские корпуса, Пажеский корпус, Военно-сиротский дом, Дворянский полк, Морской кадетский корпус, Инженерное училище и еще несколько заведений. В Москве в то время военно-учебных

заведений не было вовсе. Правда, в 1815 году полковник Н. Н. Муравьев организовал в Москве на свои средства Училище для колонновожатых (то есть для офицеров квартирмейстерской службы), но уже в 1823 году и это заведение перевели в Петербург.

Следует также учесть, что с 1811 года под Петербургом, в Царском Селе, был создан Лицей, который рассматривался Министерством просвещения как центр подготовки государственной элиты — административной, дипломатической и др. Еще раньше, в 1804 году, на базе Горного училища был учрежден Горный кадетский корпус, готовивший специалистов для горнорудной промышленности. В 1810 году в столице начал действовать Институт корпуса инженеров путей сообщения. Некоторое время, таким образом, Петербург, не имея университета, явно обгонял Москву как центр подготовки военных, специалистов для многих отраслей государственной промышленности и педагогов для государственной школы.

Обилие учебных заведений, связанных с последующей государственной службой, вполне органично сочеталось с присутствием в Петербурге самих высших органов власти. Не удивительно, что столица представлялась современникам городом для карьеры — сюда устремлялась дворянская молодежь и учиться, и служить. В Москве по контрасту видели город «отдохновения», город, в котором хорошо было жить после отставки. Речь идет, конечно, в первую очередь об устойчивых стереотипах, реальная жизнь являлась более многогранной.

Думается, что абсолютно прав С. Б. Смирнов, который даже более или менее благополучное существование Московского университета объясняет некой удаленностью от места, где делаются блестящие карьеры. Реконструируя образ мысли дворян рубежа XVIII–XIX веков, он пишет: «...родители-дворяне еще могли смириться с тем, что за такой безделицей, как наука, их недоросли отправлялись в Москву, где они будут под присмотром родственников и откуда недалеко до родового поместья, но в далекий и чужой Петербург следовало ехать только ради придворной, военной или чиновничьей карьеры»⁹.

Парадокс ситуации, однако, заключался в том, что, являясь центром бюрократической машины, Петербург одновременно превратился и в город свободомыслия. Идеолог русского консерватизма С. Уваров как-то не

⁹ Смирнов С. Б. Указ. соч. С. 26.

без оснований заметил, что образование, которое не порождает вольнодумства, это — огонь, который не жжется, — дело совсем невозможное. Уже сама высокая концентрация образованной дворянской молодежи в Петербурге способствовала «брожению умов». Это, кстати, прекрасно почувствовал Николай I при анализе причин дерзкого мятежа декабристов. В своем манифесте от 13 июля 1826 года император утверждал: «Праздности ума, недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мыслей <...> сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — гибель»¹⁰.

На страну обрушились настоящие идеологические репрессии, причем особенно жесткому давлению подверглась столица. «Петербург, пугающий тенями убитых императоров и повешенных декабристов, — писал С. Б. Смирнов, — стал для царя слишком опасно европейским»¹¹. К этому следует добавить и «слишком опасно просвещенным». Активным проводником нового правительственного курса стал С. Уваров, творец формулы «самодержавие, православие, народность», который в 1833–1849 годах был министром народного просвещения. Жесточайшему разгрому подвергся Петербургский университет, из которого изгнали лучших профессоров. В результате он, по дипломатичному определению П. Плетнева, «надолго ослабел, утратив постепенность своего совершенствования...»¹²

Консерватизм был обильно подкрашен патриотическими (а точнее — шовинистическими) тонами. Профессор Петербургского университета А. Никитенко писал в своем дневнике: «Теперь в моде патриотизм, отвергающий все европейское, не исключая науки и искусства, и уверяющий, что Россия столь благословенна Богом, что проживет одним православием, без науки и искусства. <...> Видно по всему, что дело Петра Великого имеет и теперь врагов, не менее, чем во времена раскольничьих и стрелецких бунтов. Только прежде они не смели выползти из своих темных нор, куда загнало их правительство, поощрявшее просвещение. Теперь

же все подпольные, подземные, болотные гады выползли, услышав, что просвещение застывает, цепенеет...»¹³

Нельзя не заметить, что подобное описание вполне применимо, увы, и ко многим российским «патриотам» начала XXI века. Никитенко также весьма резко оценивал конкретные перемены в столичной школе, ужесточение дисциплины в военно-учебных заведениях и упрощение программ в женских институтах. «Итак, в результате выходит, — возмущался он, — что русское дворянство растит своих сыновей для розог, а дочерей для придворного разврата»¹⁴.

Многие консервативные публицисты николаевских времен, обращаясь к «национальным ценностям», восхваляли Москву в противовес «космополитичному» Петербургу. Конечно, московское общество и московские учебные заведения также подвергались давлению со стороны правительства, но в сравнении с Петербургом — меньшему. Во многом в силу этого в Москве которую Николай I считал более монархической, более «благонадежной», зарождались среди учащейся молодежи новые либеральные и даже революционные течения. В московские учебные заведения стягивались прогрессивные и передовые педагоги. Попечителем Московского учебного округа в 1835–1840 годах был граф С. Г. Строганов, человек умеренно либеральных взглядов. Отчасти в силу этого настоящим центром либеральных идей стал Московский университет. Некогда «передовой» Петербург и «отсталая», «архаичная» Москва обменивались культурными ролями.

Однако данный «размен» не был, конечно, абсолютным, как не был и окончательным. Во второй половине XIX века России было суждено пережить новые чрезвычайно крупные реформы и относительно консервативный период, который именуется также временем контрреформ. Все эти преобразования нашли выражение в истории московской и петербургской школы. В ходе своего развития они по-прежнему взаимно обогащались идеями, подпитывались кадрами, но также периодически имели репутацию центров официальной идеологии или либерализма.

¹⁰ Цит. по: 300 лет военной истории Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург — военная столица, военно-научный и военно-промышленный центр страны. СПб., 2003. С. 394.

¹¹ Смирнов С. Б. Указ. соч. С. 41.

¹² Цит. по: Каган М. С. История культуры Петербурга: учеб. пособие. СПб., 2006. С. 138.

¹³ Цит. по: Каган М. С. Указ. соч. С. 179.

¹⁴ Там же. С. 140.

Н. Н. МУТЯ,*доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат искусствоведения,
член Международного союза искусствоведов,
член Союза художников России*

ДЕКОРАТИВНАЯ СКУЛЬПТУРА АРХИТЕКТУРНЫХ СООРУЖЕНИЙ ПЕТЕРБУРГА

Санкт-Петербург — один из самых величественных и таинственных городов мира. Его архитектура поражает и потрясает воображение. Грандиозные ансамбли и отдельные сооружения производят неизгладимое впечатление.

Немаловажную роль в создании самобытности сооружений играет их скульптурное убранство. Оно не только украшает, но и часто несет определенную смысловую нагрузку. Иногда она «прочитывается» сразу, иногда требует расшифровки, порой понять ее так и не удается...

Скульптуре зданий Петербурга уделяют внимание многие исследователи. Среди них В. Г. Исаченко, А. П. Крюковских, П. Н. Матвеев, Ю. А. Раков и др. Иных привлекает стилистическое решение скульптурных произведений, других — история или мифология, связанная с героями монументальной и декоративной пластики.

В данной работе рассматривается знаковая и стилистическая роль изображений античного бога торговли Меркурия и его жезла — кадуцей в декоративной пластике Санкт-Петербурга.

Известно, что Петербург задумывался не только как город-крепость, но и как торговый порт, так что появление изображения Меркурия и его атрибутов в скульптурном убранстве архитектурных сооружений города оправдано. Но помимо торговых функций Меркурий выполнял еще и функции передачи знаний людям от богов. Именно эти его функции наиболее ярко отразились в знаковой роли декоративной пластики Санкт-Петербурга XVIII — начала XIX века — времени господства в искусстве барокко и классицизма.

Итак, изображение жезла Меркурия появилось в архитектурном декоре Петербурга еще в XVIII веке. И среди памятников архитектуры, где можно увидеть кадуцей, интерес представляют сооружения, входившие в комплекс зданий Первого кадетского корпуса — это Меншиковский дворец и Манеж. После того как дворец был изъят у его владельца, первого генерал-губернатора Санкт-Петербурга А. Д. Меншикова и впоследствии (в 1730-е гг.)

передан Сухопутному шляхетскому кадетскому корпусу, в скульптурном убранстве фасада появилась эмблема этого учебного заведения. В эмблеме значились и кадуцей, и шпага (учебное заведение было двойного назначения — в нем готовили как военнослужащих, так и гражданских чиновников). После реставрации 1980-х годов эмблему Кадетского корпуса с фасада Меншиковского дворца убрали, но она сохранилась в тимпане одного из старинных сооружений города — бывшем здании Манежа при Первом кадетском корпусе.

Здание Манежа — образец позднего барокко. Барельеф в тимпане Манежа исполнен скульптором И. Юстом. В центре композиции — картуш, состоящий из рокайльных форм. В нем помещена эмблема Кадетского корпуса — перекрещивающиеся кадуцей и шпага. Углы тимпана заполняют изображения атрибутов военного времени — знамен, пушки, барабана, труб, щита с головой Медузы. Но наряду с ними и символ мудрости — сова.

Кадуцей не «покидает» Васильевский остров и в XIX веке. Считается, что наиболее приемлемыми для месторасположения Меркурия и кадуцей могут быть здания, связанные с оборотом денег и товаров. Действительно, бога торговли с жезлом мы встречаем в скульптурном убранстве Биржи и Таможни. Но архитектура и скульптура этих зданий выполняют и репрезентативную роль, характерную для государственных учреждений эпохи классицизма.

Возведение здания Биржи было очень значимо для деловых кругов Петербурга. В основе композиции здания Биржи лежит схема древнегреческого периптера. Фронтоны здания украшают скульптурные группы: на главном, восточном, фасаде — «Нептун с двумя реками», на западном — «Навигация с Меркурием и реками». В соответствии с традициями классицистического синтеза, скульптура через аллегорические образы раскрывает предназначение Биржи как центра морской торговли.

На аттике западного фасада помещена группа «Навигация с Меркурием и двумя реками». В центре скульптурной компози-

пии находится аллегорическая женская фигура. Навигация сидит, прислонившись к корме корабля, которую украшает герб России. Справа от нее примостился бог Меркурий со своим неизменным жезлом, слева — две аллегии рек. Одна поддерживает весло, рядом с другой — опрокинутая чаша с водой и компас. Следует отметить, что скульптура Меркурия, представленная в этой группе, — одно из первых изображений античного бога в Петербурге.

Не менее интересен и Меркурий, венчающий портик здания Таможни, которая удачно вписана в ансамбль Стрелки Васильевского острова. Она соотносится в этой зеркальной композиции с Кунсткамерой.

Здание Таможни — прекрасный образец классицизма. Это сооружение, украшенное ионическим восьмиколонным портиком и увенчанное куполом над цилиндрической башней, играет важную градостроительную роль в панораме набережной Малой Невы. На фронте портика помещены скульптуры Помоны (Цереры), Меркурия и Нептуна работы неизвестного скульптора. Выбор богов не случаен — Земледелие, Торговля и Мореплавание — главные занятия обновленной России.

Следует отметить, что кадуцей и крылатый шлем Меркурия помещены и в рельефе тимпана фронтона наряду с атрибутами Цереры и Нептуна — двух других богов своеобразного триумvirата — рогами изобилия, трезубцем и т. д.

Ныне в здании Таможни располагается Институт русской литературы РАН, более известный под именем «Пушкинский Дом», где долгие годы работал Д. С. Лихачев.

Почти напротив Стрелки Васильевского острова воздвигнуто Адмиралтейство — тот центр, к которому «стекается» трезубец главных артерий города: Невского проспекта, Гороховой улицы и Вознесенского проспекта.

В начале XIX века старое здание Адмиралтейства, возведенное по проекту И. К. Коробова, перестраивалось под руководством А. Д. Захарова. Огромное П-образное в плане здание было выполнено в стиле классицизма. Скульптурное убранство Адмиралтейства образно раскрывало предназначение комплекса. Следует отметить, что скульптура связана с главными архитектурными элемен-

тами — башней, увенчанной шпилем, ризалитами главного и боковых фасадов и нескими павильонами.

Адмиралтейство — один из ярких примеров классицистического синтеза искусств. Круглая скульптура и рельефы представляют героический характер сооружения, овеянный успехами русского оружия в войне 1812 года. Но не было забыто и недавнее героическое прошлое. Центральную башню Адмиралтейства украшает рельеф «Заведение флота в России», созданный скульптором И. И. Тербеневым.

Среди богов Олимпа, аллегорий и героев, запечатленных на рельефе, опять встречается Меркурий. В центре композиции изображен бог морей Нептун, вручающий Петру I трезубец — символ власти над морем. Рядом — аллегорическая фигура России в виде молодой женщины, сидящей под лавровым деревом. В правой руке она держит палицу Геракла — символ мощи, а в левой — рог изобилия — символ достатка, к которому прикасается Меркурий своим жезлом. Он словно призван увеличить богатство России. Перед Россией помещен Вулкан, повергающий к ее ногам оружие, и богиня мудрости Минерва. Боковые части горельефа заполнены фигурами тритонов, занятых кораблестроительными работами и приветствующих уже спущенные на воду суда.

Кадуцей есть и на тимпане восточного фасада Адмиралтейства в рельефе «Гении Славы, венчающие науки». Здесь кадуцей не столько символ торговли, сколько символ мудрости и знаний, то есть того, без чего не могут существовать науки.

Итак, в архитектурных памятниках общественного назначения XVIII — начала XIX века скульптурные изображения Меркурия и атрибутов бога служат прославлению нового положения России в мире. И прославляются в большей степени знания, военная мощь государства, богатство всей страны. То есть здесь можно отметить гражданскую значимость символики.

Большинство репрезентативных зданий в стиле барокко и классицизма, украшенных изображениями Меркурия и его атрибутами, до сих пор служат заведениям, которые играют большую культурную роль не только в северной столице, но и во всей России.

С. Г. ПЕТРОВ,

*доцент Петербургского государственного университета путей сообщения (Великолукский филиал), кандидат исторических наук***ПРОВИНЦИАЛ В СТОЛИЦЕ (А. Н. БРЯНЧАНИНОВ)**

Исключительная роль Петербурга в развитии российской и мировой культуры во многом диктовалась его столичным статусом. Являясь политическим центром огромной империи, Петербург вполне закономерно вбирал и концентрировал в себе культурные традиции многих народов, будучи, говоря словами Д. С. Лихачева, «городом общемировых культурных интересов»¹. Вместе с тем столичный статус Петербурга в известной степени противопоставлял его остальным русским городам. Разумеется, подобная особенность была характерна практически для всех столиц крупных государств: Лондона, Парижа, Вены и т. д. Однако в России, с ее необъятными пространствами, антитеза «столица-провинция» ощущалась особенно остро. Как справедливо отмечает известный социолог Ш. Эйзенштадт, «из всех имперских систем Россия обладала наиболее обособленным и монолитным традиционным центром»². Известное противостояние (действительное и вымышленное) Петербурга остальной России находило отражение не только в многочисленных произведениях искусства, но и во вполне реальной деятельности людей, в биографиях отдельных государственных и общественных деятелей.

Настоящее сообщение — на стыке истории, культурологии и политической психологии — посвящено некоторым сторонам деятельности забытого потомками общественно-политического деятеля России Александра Николаевича Брянчанинова (1874–1956).

Нельзя сказать, что о нем не писали современники — наоборот, Брянчанинова вспоминают в своих мемуарах и дневниках С. Ю. Витте, граф И. И. Толстой, М. М. Ковалевский, М. Палеолог. Его имя встречается в трудах современных историков, таких как А. Я. Аврех, Ю. Б. Соловьев, В. Н. Селецкий, О. В. Волобуев, а также в публикациях документов, посвященных либеральному движению 1902–1905 годов, партии прогрессистов, съездам уполномоченных дворянских обществ. Однако упоминают этого человека попутно, как голос из хора.

¹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 266.

² Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 280.

А. Н. Брянчанинов — фигура любопытная. Родился 6 июля 1874 года (отец Николай Семенович — полковник, состоящий при Министерстве внутренних дел и числящийся по гвардейской кавалерии, будущий сенатор). С 15 сентября 1906 года — чиновник особых поручений Департамента железнодорожных дел Министерства финансов в звании камерюнкера, надворный советник. Жена — Мария Константиновна, урожденная княжна Головина (в первом браке — княгиня Кудашева). Последние годы своей жизни провел в эмиграции (Франция).

Человек, вероятно, весьма честолюбивый, имеющий сильный политический темперамент, Александр Николаевич так и не стал депутатом Государственной думы, хотя в 1906–1912 годах постоянно к этому стремился и принимал активное — прямое и косвенное — участие в общественной жизни России: участвовал в общеземском съезде 6–9 ноября 1904 года (одно из заседаний которого, кстати, проходило в его квартире на Кирочной ул., 34, на 7-м этаже); в 1912–1913 годах — член ЦК партии прогрессистов (неоднократно выступал на съездах этой партии), очень часто берет слово на съездах уполномоченных дворянских обществ (с I по V).

Осенью 1915 года, когда попал в поле зрения Департамента полиции по подозрению в заговоре против правительства, Брянчанинов был гласным Петроградской городской думы, членом комитета Российской экспортной палаты, издателем журнала «Новое звено» и редактором-издателем «Церковно-общественного вестника» (оба издания выходят в Санкт-Петербурге).

Короче говоря, перед нами достаточно активный петербуржец. Тогда почему в названии данного сообщения стоит «Провинциал в столице»? Вот здесь и проявилась амбивалентность фигуры Брянчанинова: в столице он любит подчеркивать, что его родина — Псковщина (в Великолукском уезде Псковской губернии у него было имение Гора, после 1907 года он приобрел дом в Пскове), а на Псковщине вел себя как столичный житель, хотя именно там пытался стать известным общественным деятелем: был гласным губернского земства, старался стать одним из лидеров местного отдела «Союза 17 октября», в 1908 году был основным благотворителем

газеты «Псковская жизнь» (печатный орган оппозиции, куда влились кадеты и левые октябристы). Однако 1912 году на выборах в IV Государственную думу местные власти сделали все от них зависящее, чтобы не допустить избрания Брянчанинова выборщиком губернского избирательного собрания.

Парадокс: человек говорит в принципе нужные, правильные слова (в своих брошюрах, газетных статьях), а его не желают слушать, отторгают, называют за глаза — и в столице, и на Псковщине — выскочкой, карьеристом. Отчего?

Брянчанинов «порядочно владеет пером, крайне неспокойный, всюду сующийся, не без способностей, но весьма неосновательный и легкомысленный». Эта характеристика С. Ю. Витте, возможно, излишне сурова, но, в целом, справедлива. Александр Николаевич хотел быть лидером, даже пророком в своем отечестве, но подсознательно понимал, что эта роль ему не под силу, отсюда комплексы типа «Репетилова», позы «человека от земли» — в столице, «столичного интеллектуала» — в провинции, поэтому-то он всюду чужой (нужны его финансы, а не он сам). Впрочем,

это всего лишь предварительные выводы. Однако анализ самого феномена «столичности» и «провинциальности» в деятельности и мировосприятии отдельных политических деятелей представляется весьма интересным и актуальным, ибо, несмотря на все бурные, колоссальные по своим масштабам политические события XX века, противостояние провинции и столиц (Петербурга и Москвы) осталось в России весьма действенным фактором культурной, политической, общественной жизни. «Столичная пресса, — справедливо отмечают современные публицисты, — пишет о российской провинции так, словно это какая-то экзотическая страна, население которой случайно говорит на одном языке с ними. Приходится признать, однако, что это отражает не снобизм журналистов, а реальный характер отношений между двумя Россиями»³.

И последнее. Автор благодарен академику РАН Б. В. Ананьичу и ведущему сотруднику Санкт-Петербургского института истории РАН С. В. Куликову за ценные указания, которые во многом способствовали подготовке данного сообщения.

К. С. ПИГРОВ,

*заведующий кафедрой социальной философии и философии истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор философских наук*

ПЕТЕРБУРГ: GENIUS LOCI

Каким образом устанавливается контакт между тем или иным социумом и тем топом, тем ландшафтом, где это социум обитает? Здесь характерны процессы (и эксцессы) обживания, освоения. Освоение, конечно, имеет материальный аспект. Оно связано с собственностью — выступает прежде всего как присвоение, как практическое распоряжение ландшафтом, как право на его изменение. Но освоение ландшафта предполагает и необходимую духовную составляющую. Это *мимесис* в широком смысле, удвоение его в эмоциональных образах, представлениях, научных понятиях, философских концептах и др. Особенно важны эмоциональные образы. У жителей они складываются уже в детстве. Всякое вновь приходящее поколение получает своеобразный импринтинг: в его сознании и подсознании отпечатывается тот ландшафт, который будет родным на протяжении всей жизни. Юный

петербуржец, скажем, впечатывает в образный строй своей души Исаакиевский собор, Адмиралтейство, морскую перспективу со стрелки Елагина острова, храм Спаса на Крови, циклопическую конструкцию Кировского стадиона.

Архитектура, памятники, городская скульптура — все это становится частью нас самих. Причем идентификация с родными местами всегда содержит эмоциональный порыв, императив, который не укладывается только в рациональный дискурс. Эти столь существенные «конструкты первого порядка» естественным образом, уже в детстве, происходят через мифологию, через мифологическое измерение, которое не может быть сведено к рациональным понятиям и категориям, вырабатываемым, скажем, при школьном изу-

³ Жуков Б., Родионов В. Тише едешь — дальше будешь // Итоги. 1996. № 32. С. 59.

чении краеведения. Роль мифологии, привязанной к топосу, в культурном освоении последнего незаменима. В то же время ее трудно ухватить в исследовании.

Эмоциональное освоение родного пейзажа адекватно воспринимается как обнаружение, открытие, создание мифологии места¹. Самоидентификация социума со своим топосом осуществляется через *genius loci*. Ландшафт осваивается тогда, когда *genius loci* становятся зримы. Обнаруживаются некоторые силы, духи, существа, которые служат посредниками между нашим сложным, таинственным городским топосом и нашими смущенными, мятущимися душами. *Genius loci* выражают настроение наших родных мест. Сознание ребенка легко усваивает, что в неведомых водах, каналах, подвалах, чердаках и закоулках живут водяные, домовые, привидения и русалки, черти и ведьмы и пр. Совершенно не важно, что и наука, и официальные религиозные конфессии в один голос готовы заклеить всю эту иногда забавную, а иногда и опасную нечисть как несуществующую. Что они, эти ученые и священники, знают о зыбких, сложных отношениях каждой индивидуальной страдающей петербургской души со своим городом, страшным и прекрасным?! Об этом знали только Гоголь и Достоевский... Дело вовсе не в том, существуют ли водяные и домовые «по науке» и «на самом деле», а в том, что такое «допущение» необходимо для эмоционального освоения нашего родного города. Человеческая душа терпима к противоречию с научными данными или с догматами религиозной веры. Ведь аналогичным образом мы уже привыкли воспринимать темное, случайное, неясное в нашей жизни в образах астрологии, хотя «научных оснований» для нее не больше, чем в мифах о петербургской нечистой силе.

Мифология бытийствует прежде всего в устных рассказах, но ей не заказаны и цивилизованные формы: мифология обнаруживается в романах и повестях («Петербургские повести» Гоголя, к примеру), закрепляется в памятниках и городской скульптуре (скажем, миниатюра «Чижик» на Фонтанке или странные кошки на карнизах Малой Садовой).

Поскольку мы укоренились в мифологии своего места, наладили контакт и можем сосуществовать со всей этой проказливой, но в конечном счете безобидной нечистью, мы

можем быть хоть немного счастливы в своем городе. В этом городе, *моем месте*, лучшим месте в мире, все становится родным и привычным, здесь все мне начинает помогать.

Мифологический взгляд на наш город позволяет эмоционально понять, почему так мучительно, в течение сотен лет, осваивалась дельта Невы. Петербург был новацией Петра. А всякое вторжение новаций в ландшафт пугает *genius loci*, вызывает их сопротивление. Эти финские домовые и лешие, русалки, которые обитали в недоступных местах дельты, от массового вторжения чужаков, от шума, гама и беспорядка, который был с ними принесен, начали мелькать и суетиться, делать мелкие пакости. У пришедших сюда людей, прежде всего у простых крестьян и ремесленников, от соприкосновения с чуждой «нечистой силой» возникало устойчивое чувство тревоги, страха. Отсюда бессильное ворчание маленького человека, который не любит и боится чужих *genius loci*.

Но постепенно эти водяные, черти и домовые частью передохли, частью сбежали. Не сразу *genius loci* свыкаются с настырной настойчивостью и преобразовательным пылом пришельцев. Оставшиеся уже не так сердятся и не проказничают. Все успокаивается. Привыкает и народ. Ему становится уже уютно на этом месте. И теперь, в начале XXI века, все эти страшные предсказания, что Петербургу «быть пусту», не пугают, они уже «не актуальны». (Хотя, конечно, кто знает, кто знает... Может быть, самые вредные остались и еще ждут своего часа... Никогда нельзя быть спокойным полностью.)

Динамику развития мифологии Петербурга мы можем глубже понять на других примерах. Вот «Калининград» — некоторая мифологическая модель Петербурга, каким тот был в первой трети XVIII века. Правда, эта «модель» проблематичнее моделируемого. Ведь Кенигсберг в 1945 году был гораздо основательнее освоен немцами, чем довольно малонаселенная бухта Невы в конце XVII века. В Калининграде до сих пор русскоязычный социум чувствует себя как на границе или на фронте. Своей мифологии все еще нет. Ландшафт до сих пор чужой, немецкий. Он с самого начала заселения русскими людьми взрывался массовыми переименованиями, что свидетельствовало о судорожном усилии присвоить это место. Гении места, связанные со старыми именами, здесь все еще чужие и враждебные. Они — немецкие. Тени прежних жителей, выселенных из своих домов в течение 48 часов, недвижимое имущество которых было присвоено пришельцами, все время

¹ Ср.: Manfred F. Der kommende Gott. Vorlesungen über die Neue Mythologie. Suhrkamp, 1982. 1. Teil; Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Л., 1990 и др.

тяготееют над новыми хозяевами. Эти призраки — как больная совесть. Конечно, и немцы в этом ландшафте когда-то были пришельцами, но они ведь за столетия выстроили новый ландшафт. Сменившиеся два поколения русских в Калининграде, конечно, уже оставили здесь своих русских духов (ge-

nius loci), но они еще молоденькие и слабые...

Сознательная созидательная работа с мифологией города — необходимое условие его действительного освоения. Если мы хотим благоустроить свой топоним, необходимо осмыслить стихию возникновения мифологии места.

Ю. И. СВЕТОВ,

журналист, политолог (Санкт-Петербург)

ИНСТИТУТ ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН ГОРОДА КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

1870-е годы в России — время великих реформ, когда началось становление гражданского общества. Одним из признаков новых веяний было установление института Почетных граждан городов. Необходимо отличать их от почетных граждан как привилегированной категории сословия «городских обывателей» Российской империи, введенной в 1832 году. Лица недворянского происхождения (купцы, чиновники, духовенство, деятели культуры и науки) имели право подать прошение императору о возведении в почетные граждане. В случае положительного решения выдавалась грамота на личное или потомственное (передающееся по наследству) почетное гражданство. Подчеркнем еще раз — это было сословие.

Затем в 1863 году возник институт Почетного гражданства городов. Оно носило внесословный характер, за особые заслуги перед городом его мог быть удостоен подданный Российской империи любого сословия и звания либо иностранец. И процедура присвоения утвердилась иная, с участием общественности, за которой закреплялось право инициативы присвоения звания. Предложение от группы лиц, городской управы либо думы вносилось на рассмотрение соответствующей городской думы (собрания гласных) и утверждалось голосованием. Ходатайство думы рассматривал губернатор, предлагал к нему собственное мнение и отправлял документы в Министерство внутренних дел. Последнее, в свою очередь, направляло ходатайство императору, который давал соизволение. В столичном Санкт-Петербурге кандидатура почетного гражданина предлагалась на заседании городской думы, после чего испрашивалось высочайшее разрешение государя императора на поднесение звания данному лицу. Был прецедент, когда в под-

держку кандидата проголосовало 140 гласных из 194. На следующем заседании один из гласных подал протест с предложением признавать на будущее избранными в Почетные граждане «лишь по единогласному избранию». И хотя это заявление было оставлено без последствий, данный факт свидетельствует о равнодушии городского общества к самому институту Почетного гражданства.

Звание почетного гражданина Санкт-Петербурга присваивалось на протяжении 43 лет (с 1866 по 1909 г.), но удостоены его были всего 8 человек. Не обошлось, как водится, без политической конъюнктуры. Самым первым Почетным гражданином 5 апреля 1866 года стал шапочный мастер О. И. Комиссаров как «охранитель жизни царя» во время покушения на Александра II. Через четыре месяца звание преподнесли представителю Северо-Американской нации, члену Вашингтонского кабинета Г. В. Фоксу, возглавлявшему делегацию для выражения сочувствия к России и ее государю. 12 лет спустя диплом на звание Почетного гражданина преподнесли герою русско-турецкой войны фельдмаршалу Ф. Ф. Радецкому.

Лишь в ноябре 1878 года очередь дошла до человека, имевшего реальные заслуги именно перед городом. Им стал Николай Иванович Погребов, купец первой гильдии, потомственный Почетный гражданин, действительный статский советник, который пять раз избирался на должность Санкт-Петербургского городского головы. В его честь мужское и женское городские начальные училища были названы Погребовскими. Здесь необходимо сделать оговорку: звание «Почетный гражданин города» было персональным и, разумеется, не передавалось по наследству (как принадлежность к сословию), поэтому никому и в голову не приходило в ту пору

назвать Погребова «дважды Почетным гражданином Петербурга». Между тем в наши дни подобная некорректность порой допускается в отношении Д. С. Лихачева. Его предки могли иметь право на потомственное почетное гражданство, но Почетным гражданином Санкт-Петербурга был избран лично Дмитрий Сергеевич.

Назовем еще двух Почетных граждан, славных делами на благо Петербурга. Принц Александр Петрович Ольденбургский, генерал от инфантерии, основатель и попечитель Института экспериментальной медицины. В решении городской думы о присвоении ему звания Почетного гражданина записано: «В знак искренней признательности столичного общественного управления к неустойчивой деятельности Его Высочества по укреплению добрых нравов в среде городского населения и сердечному отношению его к учащимся городских начальных училищ». И последним в дореволюционном Петербурге этого звания удостоился Михаил Матвеевич Стасюлевич, историк, редактор-издатель журнала «Вестник Европы», за «живейшее участие в продолжение 28 лет в разрешении важнейших вопросов, касающихся разных отраслей городского хозяйства, в особенности — 25 лет высокопросвещенная и плодотворная работа в области народного образования и содействия обширными познаниями и многолетним опытом усиленному и соответствующему интересам населения направлению городских дел». Именем Стасюлевича называли мужское четырехклассное училище.

Наиболее известный знак признательности города своему Почетному гражданину — памятник Н. М. Пржевальскому (звание присвоено в 1881 г.) в Александровском саду перед Адмиралтейством. К сожалению, даже из петербуржцев мало кто помнит, что прославленный путешественник и географ был Почетным гражданином Петербурга.

С 1909 года наступает перерыв до 5 мая 1993 года, когда восстановленное звание «Почетный гражданин Санкт-Петербурга» решением Санкт-Петербургского городского Совета народных депутатов первым присвоено Д. С. Лихачеву. Надо отдать должное депутатам — выбор безупречен, чем определен высочайший уровень требований к претендентам. Вплоть до кончины Дмитрий Сергеевич был неформальным старшиной среди Почетных граждан.

После роспуска горсовета звание присваивалось распоряжением мэра, затем постановлением Правительства города. 29 ноября 1995 года Законодательное собрание Санкт-

Петербурга приняло Закон Санкт-Петербурга о звании «Почетный гражданин Санкт-Петербурга» как «высшем знаке признательности и уважения жителей города»; позже в его текст вносились изменения и дополнения. Установлено, что решение о присвоении звания принимается Законодательным собранием один раз в год на закрытом заседании, предшествующем дню основания города 27 мая. Количество ежегодно присваиваемых званий не превышает двух. За 1993–2006 годы его удостоено 25 человек (в 2004 г. депутаты не приняли решения по присвоению звания).

Звание почетного гражданина в ряде случаев стало и определенной формой восстановления исторической справедливости. После Д. С. Лихачева его посмертно была удостоена поэт О. Ф. Берггольц, проведшая в городе всю блокаду и написавшая цикл лирических произведений о героической обороне Ленинграда; ей принадлежат слова, высеченные на гранитной стене Пискаревского мемориального кладбища. Позже вышел указ Президента России «Об увековечении памяти О. Ф. Берггольц», и через 30 лет после ее кончины появился памятник на ее могиле на «Литераторских мостках».

В 1994 году, впервые в истории Петербурга, звание Почетного гражданина удостоен священнослужитель — Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей Второй. Здесь он учился в Духовной академии, с 1986 года до избрания Патриархом служил митрополитом Ленинградским и Новгородским, когда «...впервые за много лет появилась возможность возродить Церковь, вернуть то, что было утрачено и порушено...»

В мае 1995 года, за восемь месяцев до безвременной кончины, Почетным гражданином Петербурга был признан лауреат Нобелевской премии поэт И. А. Бродский — тем самым город принес свои извинения за изгнание поэта из страны.

Значение социально-культурного феномена институт Почетных граждан Петербурга обрел благодаря включению в их число достойнейших представителей различных слоев населения города. Доблестные защитники города в Великую Отечественную войну — М. М. Бобров, В. Н. Харитонов, А. Е. Мазуренко, к чьим воспоминаниям о героической эпохе внимательно прислушивалось несколько поколений молодых горожан. Знаменитые спортсмены и тренеры — Л. И. Егорова, В. П. Кондрашин, Ю. С. Тюкалов, Т. Н. Москвина. Любимые народом актеры и музыканты — К. Ю. Лавров, Е. А. Лебедев, Н. М. Дудинская, А. П. Петров, А. Б. Фрейндлих, И. П. Богачева.

Великий скульптор современности М. К. Анискин и писатель Д. А. Гранин, обладающий огромным моральным авторитетом. Лауреат Нобелевской премии физик Ж. И. Алферов и Л. А. Вербицкая, первая женщина на посту ректора Санкт-Петербургского государственного университета. Кораблестроители с мировым именем — академик И. Д. Спасский и генеральный директор Адмиралтейских верфей В. Л. Александров, а также генеральный директор ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга» Ф. В. Кармазинов. В 2006 году Почетным гражданином родного города избран Президент России В. В. Путин.

Пятнадцать почетных граждан родились в Петербурге—Петрограде—Ленинграде, остальные — уроженцы иных мест, которым город также дал возможность полностью реализоваться на избранном поприще. Равно сильна их любовь к городу, самоотверженное служение ему, неразделимость личной судьбы с судьбой Петербурга. Важнейшая ее составляющая — память о блокаде. Многие Почетные граждане, хотя и были тогда детьми, не уезжали из города.

Представление о сегодняшнем Петербурге у многих россиян определяется именами

людей, избранных Почетными гражданами. Став живыми символами свершений отечественной науки, промышленности, образования, искусства, спорта, они олицетворяют взрастивший их город и становятся ориентиром для жизненных устремлений следующих поколений петербуржцев. Большую роль в этом играет ежегодный фестиваль «Почетные граждане Санкт-Петербурга», проводимый с 2003 года фондом «Петербургское наследие и перспектива» при поддержке исполнительной и законодательной власти города. Цель фестиваля — выразить уважение и благодарность выдающимся гражданам города, чьи имена навеки вписаны в историю Санкт-Петербурга. В свою очередь программы фестиваля с участием Почетных граждан — их творческое приношение любимому городу и петербуржцам. Фестиваль стал знаковым событием в культурной жизни Петербурга, среди его участников и зрителей с каждым годом все больше молодежи.

Подробная информация о Почетных гражданах содержится в справочнике «Книга Почетных граждан Санкт-Петербурга»¹ и иллюстрированном издании «Почетные граждане Санкт-Петербурга»².

В. В. СЕЛИВАНОВ,

профессор кафедры философии и культурологии Республиканского гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук

ИСТОКИ УНИКАЛЬНОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Является ли Санкт-Петербург уникальным городом? Думаю, да. И исток этой уникальности его создатель — Петр Великий. Это он не посчитался с особенностями рельефа местности и на болоте выстроил новый город — форпост России на побережье Балтики. На болоте, потому что это место стратегически было наиболее выгодно и удобно для обороны российских рубежей от шведских фрегатов и морского десанта. Другие города России начинались с обычных поселений, и строящиеся крепости вокруг города в этом случае были предназначены для обороны самого города. А Петербург строился, чтобы сберечь Россию, удержать морское «окно» — выход в Балтику, на простор международных отношений. Уникальность Петербурга прежде всего в том и состояла, что он защищал не себя, а закрывал грудью свою страну в самом ее уязвимом месте — на Финском

заливе. Оцетинившись пушками, он подстерегал противника и не раз вступал с ним в борьбу при попытках шведов окружить город и разрушить его.

Уникален Петербург благодаря Петру Великому еще и потому, что из крепости он превратился в город науки и искусства, украсился прекрасной архитектурой, отвечавшей изысканнейшим вкусам того времени и оказавшейся еще более прекрасной по прошествии столетий. Такое совмещение крепости и научного центра, крепости и центра культуры — редкое сочетание в истории городов. Суровая крепость и тончайшие кружева барочной архитектуры, жерла пушек в проемах

¹ Книга Почетных граждан Санкт-Петербурга / авт.-сост. Ю. И. Светов. СПб., 2002.

² Почетные граждане Санкт-Петербурга / авт.-сост. Ю. И. Светов. СПб., 2007.

бойниц на хорошо укрепленных редутах и застывшие статуи аллегорий и греческих богов в затихшем саду вокруг летней резиденции российского царя — редкое сочетание красоты и могущества.

Уникален Петербург и собранием деятельных иностранцев, нанятых царем для участия в боях, проведения работ по планировке городских застроек, закладки верфей и строительства кораблей. Многочисленные иностранцы вносили свой разнообразный вклад в развитие города, обогащая российскую культуру множеством новых красок и идей. Петр I внимательно наблюдал за их деятельностью, направляя творческие порывы в нужное русло. Растущий город не раз принимал иностранных работников и в последующие годы, обрастая различными храмами и конфессиями — характерными приметами крупного международного центра. В начале XX века достопримечательностью Петербурга (тогда — Петрограда) как города, открытого для всего мира, стала возникшая недалеко от Невы при участии мастеров из Средней Азии самая высокая и крупная в Европе мечеть, прототипом которой явился мавзолей Гур-Эмир в Самарканде. В те же годы по инициативе Далай-ламы и при активном участии известных петербургских востоковедов С. Ф. Ольденбурга, В. В. Радлова, Ф. И. Щербатского, а также Н. К. Рериха на берегу Большой Невки был выстроен буддийский храм с использованием мотивов традиционного тибетского зодчества. Он живо напоминал жителям побережья Балтики о монголах, далекой Индии, Тибете и Дальнем Востоке, охватывая уходящие в глубь Азии континентальные пространства России.

Петр Великий — создатель города и новой России — был импульсивен, гневлив, но отходчив, особенно если видел в человеке дельного работника, способного послужить Отечеству и царю. Энергия государя заражала его подданных, и город рос с невероятной быстротой, опережая проекты, не успевавшие за застройкой. Но властной рукой Петр I все же смирал инициативы, опережавшие его мысли, упорядочивал там, где успевал, строительные порывы, и город рос, раскрывая свои «перспективы» в открытое пространство окружающего его мира. С такой «лучистой» застройкой еще не появлялся на свете ни один город. От центра, определяющего не только Санкт-Петербург, но и устремления всей России, — от строительных верфей Ад-

миралтейства — открывались для города и страны еще не освоенные пути и морские пространства. Мир постепенно открывался, как новая страница истории, неизведанными просторами морей и океанов, и для преимущественно континентальной России эти новые грани ее жизнотворчества были предметом особого внимания и особой гордости. Хотя и выходы в Каспийское, Черное и Белое моря были также гордостью Петра I, они не давали такого простора развитию флота и овладению морскими путями на Запад, какие предоставлял формирующийся на берегах Невы вокруг мощной крепости город Санкт-Петербург. К середине XVIII века он становится главным морским портом России, через который идут почти все междугородные связи и морская торговля.

Уникальности Петербурга нет сравнений и нет границ. Он уникален и тем, что выбрал разноликие культуры — и Азии, и Европы, но остался глубоко русским городом, не таким, конечно, как матушка Москва, окруженная плотным кольцом провинций и смотрящая на мир из глубин материка. Петербург практически не знает рядом с собой провинций. Он почти одинок, окруженный Ленинградской областью, граничащей с Эстонией, Балтийским морем — на западе, Финляндией, Ладожским озером и Карелией — на севере, Вологодской областью — на востоке, Псковской и Новгородской — на юге. И все это, за исключением Эстонии и Финляндии, земли древней Новгородской республики. И Петербург строили своими руками наследники этого великого «племени» — древнего Новгорода. Как тут городу не быть искони русским, заселявшимся со всех сторон от искони русской новгородской земли?..

Как неожиданно и ярко Петербург преломил богатейший опыт международных контактов, ничем не потревожив своих глубоких новгородских корней! На берегу холодного замерзающего залива, среди обширных болот, прославленный знаменитыми белыми ночами летом и кромешной тьмой в зимние дни, что является почетным знаком близости Полярного круга, с поднимающимися постами над беспокойной Невой, этот необыкновенный город, не имеющий аналогов в мире, встал как идеолог и бастион североевразийства — особого склада сознания и культуры в парадигме нового цивилизационного самосознания, создавая новые традиции и формируя новое видение мира.

В. Г. ТУРКИНА,

*доцент Саратовского государственного университета
им. Н. Г. Чернышевского, кандидат философских наук*

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕТЕРБУРГА И СОЗДАНИЕ ОБРАЗОВ ПАМЯТИ

«Человек без памяти о прошлом социально опасен», — утверждал Д. С. Лихачев. Память *культурная* представляет собой сложную знаковую систему, служащую реконструкции образа прошлого, действительного или вымышленного, и включающую в качестве неотъемлемых элементов базовые для данной культуры тексты и способы их декодирования, позволяющие им сохранять свою осмысленность в различные исторические периоды. Если история в ее классическом понимании создает разрыв между прошлым и настоящим, подчеркивая дистанцию между ними, несходство этих состояний, то память призвана преодолеть этот разрыв за счет подчеркивания преемственности различных культур или различных стадий развития одной и той же культуры.

Основным источником культурной памяти является не очевидец, к которому можно было бы обратиться с уточняющим вопросом, а текст, далеко не беспристрастный, но фиксированный в своих границах, требующий, во избежание вольных интерпретаций, делающих невозможным использование данных текстов в механизмах социальной идентификации, канонизации, то есть уподобления их неким архетипическим образцам.

По словам Ю. М. Лотмана, «тексты, достигшие по сложности своей организации уровня искусства, не могут быть пассивными хранилищами константной информации, поскольку являются не складами, а генераторами»¹. Современное прочтение классических текстов не только позволяет оценить степень исторического проникновения культуры, но и служит источником генерирования новых смыслов и возникновения новых текстов. Наиболее характерной чертой текста является способность к передаче культурно значимой информации.

Нам представляются особо значимыми так называемые визуальные тексты, в качестве каковых могут выступать живопись, скульптура, архитектурные сооружения — разумеется, лишь в той степени, в которой они способны служить элементами культур-

ного кода. Несомненную важность в этом ряду занимает текст городского культурного пространства.

Петербургский исследователь Г. Каганов обозначает характеристики культурного пространства и относит пространство города к важнейшей художественно-семантической составляющей города, придавая ему антропологическое звучание: «Мы реагируем на форму пространства, невольно соотнося ее с размером и формой собственного тела. Соответствие пространства нашему телу может вызывать приятное ощущение чего-то уютного, вроде платья подходящего размера. С другой стороны, пространство может оказаться тесным, опять-таки как тесная одежда. Но оно может быть и огромным, заведомо несоизмеримым с нашим телом. Переживание этой несоизмеримости бывает самым разным — от тяжелого чувства своей ненужности, затерянности в гигантском просторе до восторженного ощущения охваченности большим пространством, почти невесомости в нем, наподобие той радости, которую тело испытывает в воде»². Кстати, вода, заключенная в пространстве города, выступает хранилищем не только природно-космической информации, но и культурных знаков, кодов, реализованных и нереализованных иллюзий, мифов, архетипов (Волга-матушка, священный Байкал, «редкая птица долетит до середины Днепра»).

Вода же выступает едва ли не доминантной пространственной составляющей культурного облика и образа Петербурга. Наполняющая, по выражению Д. С. Лихачева, город до самых краев, она, задавая основу, на которой рисуются все остальные линии, выступает самой, может быть, характерной градостроительной чертой в облике Петербурга — преобладанием горизонталей над вертикалями³.

Городское культурное пространство обладает и символическим значением. В одних случаях оно «врожденное», полученное городом сразу, при самом его создании, в других — «благоприобретенное». С течением времени

¹ Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 200–202.

² Каганов Г. Санкт-Петербург. Образы пространства. СПб., 2004. С. 13–14.

³ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 262.

такие значения могут сменять друг друга, наслаиваться одно на другое, причем иногда более ранние не исчезают полностью, а просвечивают сквозь историческое время, просеиваются сквозь сито исторической памяти. Это прекрасно передано Ф. М. Достоевским в «Подростке»: «Мне сто раз среди этого тумана задавалась странная, но навязчивая греза: “А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подымется с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото?”»⁴

Есть у городских пространств и чисто художественный смысл, не сводящийся ни к их практическим функциям, ни к их символике. Этот не всегда выразимый вербально, но всегда ощутимый смысл задается прежде всего формой пространства, где немалую роль играют архитектурные стратегии и практики, укрепляющие его связь с другими пространствами, в том числе и с природно-ландшафтными. Вид городского неба над Петербургом, эта полоса соединения линии домов и неба — ломаная, но, тем не менее, достаточно определенно выраженная в своей горизонтальности, дополняется нижней линией — вектором соединения зданий и воды. Д. С. Лихачев вводит понятие *sky line* (небесная линия). Значение *sky line* более широкое, чем линия горизонта, — оно включает линию соединения высоких объектов и неба. Зубчатая линия домов на фоне неба создает впечатление призрачности, эфемерности городской застройки. Эмоциональный удар городского пространства Г. Каганов сравнивает с музыкальным *forte* всего оркестра после сольной партии⁵. И это не случайно, потому что композиция городских локальных культурных пространств создаст в одном объеме то художественное целое, которое сродни слаженному симфоническому оркестру.

Таким образом, исследователи ведут речь о художественной интерпретации городского пространства, оформленного и осмысленного, а не просто случайной, бесформенной и бессмысленной пустоты. Пустота и пространство антиномичны. Пустота не имеет ни внятных границ, ни понятного назначения. Пространство же имеет структуру и форму, которую мы можем не только видеть и осязать, но и «прочитать», путешествуя по городским улицам и площадям.

Культурное пространство Петербурга, возникающее в результате освоения пластичес-

ких динамик — пространственных, зрительных, формирует образ города, его ощущение, его идею. Интересно то, что идея города лучше постигается не столько его жителем, сколько гостем города, совершающим каждодневное путешествие по улицам. Как утверждают исследователи, путешествие — это экспертиза ландшафта перемещающимся в нем индивидом. Целью такой экспертизы является создание все того же образа памяти. С точки зрения познавательных процессов создание образов памяти есть акт мышления, он понимается как освоение мыслимого.

Городские доминанты задают ритм движущимся людским потокам. Нева, на наш взгляд, является важнейшим пространственным организатором, наиболее эффективно воспринимаемой пространственной и ландшафтно-архитектурной, интерьерной доминантой, кульминационным узлом.

Мосты Петербурга превратились в необходимейший компонент стилистики города, его образа. Связывая воедино Природу и Разум, землю и воду, они создали визуальный и духовный образ Петербурга как единого целого, где отдельные части сосуществуют, связанные единой диалогической основой. При этом уникальный композиционный, ансамблевый стиль барочных, классических, ампирных сюжетов подчеркнут современными средствами прямых транспортных магистралей, огнями уличного освещения и дизайнерской подсветки зданий.

Огромное значение для формирования образа города имеет реклама с ее деметрианской мифологемой. С помощью рекламы наше сознание потребляет знаковую сущность предмета, объекта вместо реального функционального свойства: Петропавловка — шпиль, Исаакий — купол, Петергоф — фонтаны. Узнаваемость визуально растиражированных достопримечательностей обеспечивает простоту восприятия образов и создания мифов объектов. Рекламные щиты, баннеры становятся, таким образом, важной составляющей культурного пространства города, активизирующей пространственное творческое воображение. Оно же продуцирует создание образа.

Таким образом, город формирует себя как реальность, воплощенную в камне, в формате визуальных пространственных решений и в пространстве мышления как предмет рефлексии, субъектом которой становятся те, кто выстраивает его культурный образ у себя в памяти.

⁴ Достоевский Ф. М. Подросток. М., 2004. С. 110.

⁵ Каганов Г. Указ. соч. С. 114.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов С. Р. 263
Абуев Н. М. 183
Агошков А. В. 155, 405
Александров А. С. 184
Александрова В. Г. 266
Аль-Аттар Н. 52
Андреев В. И. 317
Андреева Ю. В. 319
Андреянова Г. А. 407
Антонова В. Н. 321
Апинян Т. А. 453
Ариарский М. А. 408
Артановский С. Н. 323
Асадуллин Ф. А. 71
Асмолов А. Г. 411
Асоян А. А. 267
Астахов Е. М. 99
Балашова Ю. Б. 243
Бальсевич В. К. 416
Бачинин В. А. 104
Безносос С. П. 254
Бирженюк Г. М. 157
Боголюбов С. А. 244
Богомоллов О. Т. 74
Бодалев А. А. 325
Большаков А. С. 158
Большаков В. П. 455
Бондаревская Е. В. 328
Бочарова В. В. 181
Буровский А. М. 456
Бычков И. Г. 201
Васильев Ю. С. 51
Верховцева А. В. 418
Волков Г. Н. 160
Волкова П. С. 270
Воробьев В. К. 106
Воронцов А. В. 107
Воскресенская М. А. 271
Галицких Е. О. 420
Гальцова Н. П. 330
Глаголев В. С. 332
Горожанкина Е. М. 333
Горшкова В. В. 422
Гранин Д. А. 37
Гульцев А. В. 110
Гуркин А. Б. 458
Гусейнов А. А. 57
Давыдов Ю. С. 334
Данилова Ю. А. 162
Делягин М. Г. 115
Дернова Д. В. 187
Джоши М. М. 49
Джуринский А. Н. 338
Дмитриенко В. А. 339
Драпеко Е. Г. 117
Дрозд Я. 84
Дуткевич П. 83
Егоров С. Ф. 341
Ерыкалова И. Е. 272
Ефимов В. А. 189
Ефиценко Н. М. 192
Жданова А. А. 386
Жданова В. С. 390
Жидков В. С. 117
Забелина Н. Н. 277
Запесоцкий А. С. 35, 83, 84, 85, 86, 87, 89, 97, 460
Запесоцкий Ю. А. 470
Зборовский Г. Е. 343
Зобнин Ю. В. 279
Иванченко Г. В. 239, 240
Ивлиева И. А. 345
Измайлов А. Ф. 472
Иконникова С. Н. 119
Илизаров Б. С. 282
Ильин М. В. 121
Ильичев А. В. 284
Исупов К. Г. 474
Кавалерчик Т. Л. 424
Казаренкова Т. Б. 347
Казарин В. П. 70
Казарян Л. Г. 246
Кайсаров Е. А. 476
Каландаришвили З. Н. 194
Калашникова Ю. Б. 286
Карлов И. И. 288
Карпова Н. К. 348
Катышева Д. Н. 290
Каширина Е. А. 248
Клесс А. 85
Коблева С. Я. 439
Кокошин А. А. 43
Колосов Ю. М. 195
Колышницына Н. В. 477
Кон И. С. 163
Конев В. А. 123
Кохар Р. Х. 62
Красовская Л. П. 198
Крестников С. А. 350
Кувалдин В. Б. 125
Кузьмин М. Н. 425
Кулебякин В. Н. 199
Лашманова Н. В. 201
Лебедев О. Е. 427
Лебедева Л. Ф. 165
Лебина Н. Б. 479
Лиханов А. А. 69, 429
Лубышева Л. И. 432
Лукьянин В. П. 291
Лукьянов В. Г. 352
Любарский М. Г. 355
Мануильский М. А. 235, 238, 240, 242
Марков А. П. 126
Марусенко Т. Н. 434
Матросов В. Л. 357
Махмуд С. З. 87
Мелик-Гайказян И. В. 167
Меньшиков Л. А. 293
Метлюк В. В. 202
Микронов В. В. 131
Мироненко И. А. 295
Миттер В. 90, 169
Михайлов В. И. 358
Михайлов А. А. 460, 480
Морозова Е. Я. 205
Мосейко А. Н. 132
Мосолова Л. М. 435
Мотышина М. С. 207
Музыченко Н. П. 359
Музыченко П. Б. 361
Муромова Е. Г. 437
Мутья Н. Н. 485
Мухаметзянова Г. В. 169
Мясников В. А. 363
Набиуллин Л. Г. 133
Наумкин В. В. 74, 94
Неверкович С. Д. 439
Низамова Е. А. 209
Никитина И. П. 297
Овсянкина Г. П. 299
Орлицкий Ю. Б. 301
Орлов А. А. 364
Павлихин И. А. 240, 241, 250
Панарин И. Н. 251
Панарина Л. Г. 367
Пасешникова Л. А. 369
Парыгин Б. Д. 135
Петров А. Е. 92, 371
Петров С. Г. 487
Пигров К. С. 488
Пиотровский М. Б. 40
Погостинская Н. Н. 211
Померанцев В. М. 372
Пономаренко Н. П. 441
Попов В. В. 65, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96
Почебут Л. Г. 254
Праздников Г. А. 171
Пугачева Н. Б. 169
Пятибратова С. И. 443
Разумовский В. Г. 445
Резник Г. М. 68, 93, 213
Резниченко Г. И. 214
Репневский А. В. 136
Романов Е. П. 373
Романов К. В. 375

- Романова К. С. 139
Русакова О. Ф. 255
Рустамова С. С. 216
Савельева О. О. 236, 238, 240, 241
Салтанов А. В. 54
Сауров Ю. А. 445
Светов Ю. И. 490
Селиванов В. В. 492
Селиванова С. И. 173
Сенько Ю. В. 377
Сиднева Т. Б. 302
Сидорова В. Н. 218
Сизова Н. В. 220
Силантьева М. В. 378
Силласте Г. Г. 258
Син Син Ч. 141
Скиба А. И. 380
Скопицкая Т. А. 447
Степенко В. Е. 223
Степин В. С. 95
Тестина Я. С. 183
Тимерманис Е. Б. 382
Тихонова Э. Д. 225
Тлили М. 86
Тонконогая Е. П. 384
Тощенко Ж. Т. 148
Туркина В. Г. 494
Усова А. В. 449
Успенская А. В. 304
Фатиев Н. И. 176
Фатыхова А. Л. 386
Федоров А. П. 226
Фейгин Г. Ф. 388
Филатова А. И. 306
Филиппова Л. В. 390, 402
Фроловская М. Н. 450
Хлынина Т. П. 307
Хуторской А. В. 392
Цзин Цзе Ли 46
Чельшева О. В. 396
Чернова О. А. 228
Чернычко А. М. 230
Черняк А. И. 308
Чубайс И. Б. 150, 240, 241, 242, 401
Чубарьян А. О. 51
Шарафадина К. И. 311
Шехтер Т. Е. 313
Шилова О. В. 314
Шиптон С. Л. 77
Шор Ю. М. 152
Эсаулов В. П. 232
Юшкявичюс Г. З. 241, 261
Ягодин Г. А. 63, 89, 90
Яковец Ю. В. 177
Ялышев С. А. 396
Ярославова Л. А. 402
Яцкевич Д. В. 80

Научное издание

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

VII МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

24–25 мая 2007 года

Выпускающий редактор *И. В. Петрова*

Редактор *А. А. Санникова*

Художественное оформление *В. Б. Клоков*

Технический редактор *Е. Ю. Николаева*

Корректоры: *И. Н. Гуреева, Т. А. Кошелева, Р. В. Тахтаркова*

ISBN 978-5-7621-0390-9

Подписано в печать с оригинала-макета 14.09.07. Формат 60x90/8
Гарнитура Schoolbook. Усл. печ. л. 64,5. Тираж 2000 экз. Заказ №

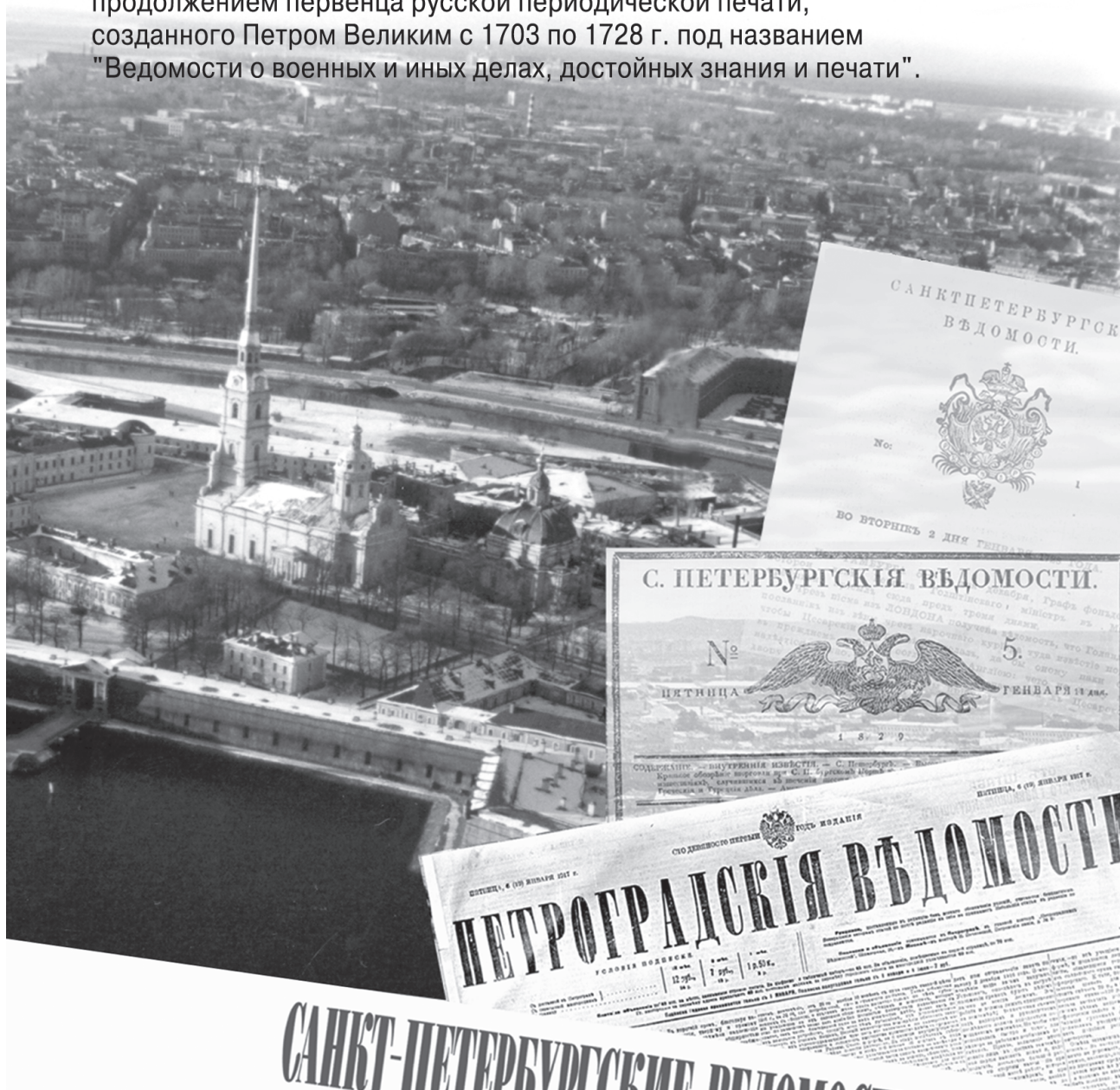
Издательство Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов

192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12

“Санкт-Петербургские ведомости”

“Санкт-Петербургские ведомости” — старейшая из Российских газет, основанная в 1728 году и являющаяся до некоторой степени продолжением первенца русской периодической печати, созданного Петром Великим с 1703 по 1728 г. под названием “Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и печати”.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ

**КРУПНЕЙШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА В ГОРОДЕ НА НЕВЕ,
С МАКСИМАЛЬНЫМ ОБЪЕМОМ ИНФОРМАЦИИ.**

Наш сайт: www.spbvedomosti.ru
E-mail: post@spbvedomosti.ru
Тел. 325-31-00 (многоканальный)
Тел./факс: 764-48-40, 712-48-93

Ежедневная газета

Нас читает Северо-Запад

НЕВСКОЕ ВРЕМЯ

Официальный публикатор Правительства Санкт-Петербурга

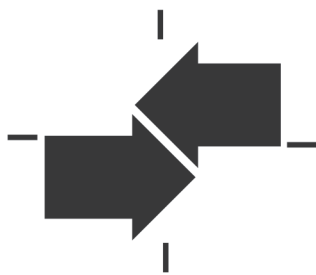
Мы
знаем
больше

Новости
города,
страны
и мира
Репортажи
Интервью
Журналистские
расследования

Подписной индекс 55006

www.nvspb.ru

190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 47
т./факс (812) 312-40-40

информационное агентство

РОСБАЛТ

www.rosbalt.ru

ЛЕНТА НОВОСТЕЙ

Россия, СНГ,
Дальнее Зарубежье

СТАТЬИ, ИНТЕРВЬЮ, ОБЗОРЫ

Экономика, политика,
общественные темы

ПРЕСС-КЛУБЫ

Информационные
площадки, оснащенные
новейшим оборудованием

- Мы создаем события и открыто обсуждаем проблемы современности
- Мы предлагаем, помимо факта, его интерпретацию, подоплеку, контекст
- Наши пресс-клубы работают по всей России и в ближнем зарубежье
- Мы поддерживаем интересные проекты, свободные дискуссии и мнения, идеи и инициативы - все, что связано с общественным интеллектуальным процессом

РОСБАЛТ

191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, д. 30/А
тел.: (812) 320-50-30 www.rosbalt.ru

БИА БАЛТИЙСКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО

Россия, Санкт-Петербург, ул. Мира, д. 34
телефон 334-27-86, факс 334-27-98
www.bia-news.ru
bia@rbalt.ru

Балтийское информационное агентство активно работает на петербургском медийном рынке с января 2005 года.

БИА — это агентство городской информации, которое создает информационные продукты, пресс-конференции, брифинги, круглые столы в собственном новом современном, multifunctional зале, оснащенный самой современной техникой, в пресс-центре конгресс-холла «Константиновский», а также на других площадках. В пресс-центре Балтийского информационного агентства площадью 110 квадратных метров могут с комфортом расположиться от 50 до 70 человек. В распоряжении организаторов пресс-конференций стол президиума на 6 человек, оснащенный тремя стационарными микрофонами. Возможности презентации расширяет комплект аудио- и видеотехники: два плазменных экрана, видеопроектор, система звукового сопровождения, два автономных микрофона. Техническое оснащение позволяет проводить телеконференции и прямые мосты.

Лаконичный дизайн помещения дополняет легкая, мобильная мебель, позволяющая трансформировать зал в соответствии с задачами акции: пресс-конференция, презентация, круглый стол, семинар.

Для приглашенных на мероприятие журналистов Балтийское информационное агентство предоставляет ноутбуки и телефоны для оперативного освещения событий. В пресс-центре созданы все условия для ведения телесъемки, осуществляется запись на CD и DVD.

Одним из основных информационных продуктов БИА являются пресс-конференции. Пресс-конференции БИА освещают важнейшие политические, деловые, социальные, культурные и спортивные события, происходящие в Санкт-Петербурге и России. Например, проведение мероприятия, посвященного 60-летию со дня Победы с участием губернатора Санкт-Петербурга Валентины Матвиенко; пресс-конференция губернатора Ленинградской области Валерия Сердюкова; пресс-конференция президента нефтяного клуба Олега Ашихмина; пресс-конференция директора Эрмитажа Михаила Пиотровского, пресс-конференция президента ФК «Зенит» Сергея Фурсенко и Властимила Петржелы и т. д.

СОГЛАСИЕ С СОЛIDАРНОСТЬ

ПРОФСОЮЗНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
50143

www.solidarnost.org

**Подписка
на «Учительскую газету» и приложения к ней
заканчивается
Не упустите свой шанс**

**Защитить не только свои
права, но и стать
настоящим
лидером вам поможет
«МОЙ ПРОФСОЮЗ»
Подписные индексы:
35463, 35464 -
«Роспечать»,
12276 -
«Почта России»**

**Подписные индексы
«УГ»:
50137, 32168 -
по каталогу агентства
«Роспечать»,
12270, 12272 -
по каталогу
«Почта России»**

**Как использовать
на уроках цифровые
учебные материалы
и образовательные
ресурсы.
Об этом читайте в нашем
новом приложении «ИКТ
в образовании»
Подписной индекс
36897
по каталогу агентства
«Роспечать»**

**Если рядом с вами нет
юриста, готового
ответить на все
вопросы бесплатно,
«Образовательное
право»
предоставит вам такую
возможность
Подписные
индексы:
35465, 35466 -
«Роспечать»,
12274, 12275 -
«Почта России»**

**О том, как воспитать
настоящего патриота
своей страны - газета
«Военное образование»
Подписной индекс
в дополнении №1 к
каталогу агентства
«Роспечать» -
35824**

**Вы хотите знать:
что решает на коллегиях
Департамент
образования Москвы,
почему правительство
столицы считает заботу
о ребенке главным
приоритетом.
Читайте «Учительскую
газету-Москва»
Подписные индексы:
19690 - «Роспечать»,
16807 - «Почта России»**

Выходит с октября 1917 г.

Вечерний ПЕТЕРБУРГ

Ежедневная городская газета

*Времена меняются -
ценности остаются*

90 лет
с городом

Подписные индексы

54980 - с понедельника по пятницу

54981 - пятничный выпуск с приложением
"Этажерка" и программой ТВ

197101, Санкт-Петербург,
ул. Мира, 34 А, т. 334-35-64,
gazeta@vecherka.spb.ru

Генеральный информационный партнер

Телеканал СТО сегодня :

- это вещание на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области
- это максимум информации о жизни Санкт-Петербурга и Ленинградской области
- это уникальные проекты, представляющие Петербург и Ленинградскую область как культурную среду, в которой рождаются новые проекты в области науки, культуры, моды, бизнеса и политики

Настройте свои телевизоры на **31** частоту
- частоту телеканала СТО в Санкт-Петербурге.

Узнайте частоту телеканала СТО в городах
Ленинградской области
на сайте телеканала СТО

www.tv100.ru

Смотрите новые проекты в новом сезоне на телеканале СТО!

Дополнительная информация по телефону: **332-21-40**

**РАДИО
БАЛТИКА
104.8**

ПЕДАГОГИКА

НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научно-теоретический журнал «ПЕДАГОГИКА»

(издается с 1 июля 1937 г.; до 1992 г. назывался «Советская педагогика»)

Журнал «Педагогика» на протяжении 70 лет является ведущим научно-теоретическим органом сначала Академии педагогических наук СССР, затем Российской академии образования. Будучи средоточием достижений отечественной педагогической науки и зеркалом передового школьного опыта, журнал пользуется огромным уважением педагогической общественности. Качество публикуемых материалов обеспечивается высокой научно-педагогической квалификацией сотрудников (среди них — академик РАО, два доктора и два кандидата наук).

Тираж нашего издания — 5 тыс., периодичность — 10 раз в год, объем — около 12 п.л., распространяется по подписке. Наши подписчики — научно-исследовательские институты и вузы, библиотеки и органы управления образованием, студенты педвузов, аспиранты, докторанты, научные работники, учителя и директора средних школ и другие специалисты в области образования. Таким образом, реальное количество читателей каждого номера на порядок превышает количество издающихся экземпляров.

Журнал поддерживает широкие международные связи, регулярно публикует материалы ученых-педагогов из США, Германии, Франции, Канады, Польши, Китая и др. У нас есть постоянные читатели за рубежом, лучшие статьи выходят в переводе на английский язык в изданиях «Российское образование и общество» («Russian Education & Society», США), «Перспективы» («Prospects», ЮНЕСКО) и др.

Расценки на размещение рекламы или информационных сообщений в журнале

Внутренние полосы:

1 полоса — 8 тыс. руб.

1 полоса — 10 тыс. руб.

Оборот обложки:

1/2 полосы — 4 тыс. руб.

1/2 полосы — 5 тыс. руб.

(цены указаны с учетом НДС)

При заключении договора о размещении рекламы ежемесячно в течение года заказчиком предоставляются большие скидки.

Адрес редакции: Москва, 119905, Погодинская ул., 8, комн. 230, 234, 219;
тел./факс: 248-51-49; e-mail: pedagogika@ioso.ru

СОЦИС

Журнал «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» — единственный теоретический и общественно-политический журнал РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК в области социологии — публикует статьи по теории и истории социологии, результаты социологических исследований и экспериментов в экономической, социальной, политической и духовной жизни общества как в России, так и за рубежом; учебно-методические материалы; библиографические обзоры и рецензии; информацию о научных конференциях.

Особое внимание уделяется материалам, способствующим совершенствованию учебного процесса, рубрикам «*Кафедра. Консультации*», «*Первые шаги*». В последней предоставляем слово студентам, аспирантам, молодым преподавателям и научным работникам, всем тем, кто начинает исследовательскую деятельность в социологии.

Наш журнал **можно выписать с любого месяца в почтовых отделениях** России по Объединенному каталогу «Пресса России». Индекс 70934. Подписку (в том числе индивидуальную) можно оформить за счет грантов, спонсорской поддержки или объединения возможностей двух-трех подписчиков.

Представителям организаций, желающих оформить подписку **по безналичному расчету**, следует обращаться в Академиздатцентр «Наука» к Ястребовой Надежде Павловне (тел. (495) 334-74-50) или по адресу secret@naukaran.ru. По гарантийному письму, направленному по факсам (495) 420-22-20 или (495) 334-76-50, Вам (также факсом) выставят счет для оплаты стоимости подписки.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского,
д. 24/35, корп. 5.

Тел. (495) 128-84-39

E-mail: socis@isras.ru

Адрес в Интернете: <http://socis.isras.ru>

ЧЕЛОВЕК

Иллюстрированный научно-популярный журнал
Президиума Российской академии наук

Главный редактор: член-корреспондент РАН Б. Г. Юдин

Выходит 6 раз в год. 192 полосы

Индекс 71076

Адрес: 117997, Москва, К-62, Мароновский пер., д. 26

Тел.: (495) 238-23-00 (факс), 238 25 83

E-mail: humanus@naukaran.ru

Вот уже почти 20 лет «толстый», академический журнал знакомит своих читателей с проблемами человека, прежде всего — с результатами научных исследований. По некоторым оценкам сегодня насчитывается около 200 научных дисциплин, так или иначе занимающихся исследованием человека: от приматологии, палеолингвистики, генетики популяций, космической медицины до демографии, персоналистики и разного рода антропологий (философской, социальной, культурной и даже поэтической).

На наших страницах читатель найдет не только материалы по этим научным направлениям, но и познакомится со взглядами на человека представителей литературы и искусства, сторонников различных религиозных конфессий. Наконец, на страницах журнала присутствует конкретный человек, уникальная личность — в архивных документах, воспоминаниях, биографиях и автобиографиях, фотографиях и произведениях искусства.

Только в журнале «Человек» вы узнаете о себе то новое, о чем раньше не знали, то интересное, о чем только догадывались, то необычное, что не могли себе представить, то важное, что поможет вам изменить жизнь.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал «Общественные науки и современность» — единственное в стране академическое междисциплинарное издание. На его страницах представлены статьи по политологии и социологии, философии и истории, культурологии и психологии, экономике и праву. Предпочтение отдается исследованиям на стыке различных дисциплин, в центре которых актуальные проблемы российского общества.

Кредо журнала — научный плюрализм, состязательность исследовательских школ и направлений.

Рубрики журнала

- Общество и реформы
- Российский политический процесс
- Гражданское общество и правовое государство
- Глобалистика и футурология
- Российская цивилизация
- Культура
- Гендерные исследования
- Перспективы социальной политики
- Методология
- Национальные отношения
- Бизнес и российское общество
- Опыты междисциплинарного мышления.

Постоянные авторы журнала: Заславская Т. И., Иванов Вяч. Вс., Некипелов А. Д., Полтерович В. М., Гринберг Р. С., Клейнер Г. Б., Лапин Н. И., Авраамова Е. М., Аннинский Л. А., Ахиезер А. С., Баталов Э. А., Бессонова О. Э., Васильев Л. С., Васильчук Ю. А., Вишневский А. Г., Водолазов Г. Г., Гайдар Е. Т., Гельман В. Я., Гудков Л. Д., Дробижева Л. М., Дубин Б. В., Евстигнеев Р. Н., Здравомыслов А. Г., Каганский В. Л., Капица С. П., Клямкин И. М., Кондаков И. В., Крыштановская О. И., Новиков В. И., Оболонский А. В., Одесский М. П., Орешкин Д. Б., Паин Э. А., Пантин В. И., Пастухов В. Б., Покровский Н. Е., Пригожин А. И., Сабуров Е. Ф., Сатаров Г. А., Седов Л. А., Симонян Р. Х., Тихонова Н. Е., Фельдман Д. М., Флиер А. Я., Цирель С. В., Шейнис В. Л., Шкаратан О. И., Яковенко И. Г., Яковлев А. А., Якобсон Л. И., Яницкий О. Н., Ясин Е. Г. и др.

Адрес редакции: 119049, Москва, Крымский вал, Мароновский пер., 26

Тел.: 230-79-78, 238027-09

Адрес в Интернете: <http://ecsocman.edu.ru/ons>

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

www.panor.ru

Научно-практический и методический журнал посвящен науке о культуре и ее практическому применению. Культурология — дисциплина не только теоретическая, но и прикладная. Вспомним классическое определение: культура — это возделывание пашни, обустройство места жизни человека. Это значит, что культурным можно назвать любое пространство, которое испытало преобразующее воздействие со стороны человека, стало объектом его творческой энергии. Технологически совершенное производство, умелое руководство, нравственно-сообразные право и экономика, налаженный быт — все это проявления культуры. При этом каждая из этих локальных или «профессиональных» культур имеет свои особенности, свой метод — их различия и сходства, противоречия и взаимодействия исследуют наши авторы. Особое место отведено практическим рекомендациям для руководителей учреждений культуры — театров, музеев, концертных залов, школ, вузов. В помощь преподавателю культурологии публикуются программы и тематическое планирование различных учебных курсов, дидактические материалы к отдельным урочным темам, экзаменационные материалы для средней и высшей школы.

Ежемесячное издание. Объем — 80 полос. В свободную продажу не поступает.

Постоянные рубрики: «Проблемы теории», «История и науки о культуре», «Дидактика и методика», «Культура и управление», «Лики культуры», «Политический класс», «Русская словесность», «Критика. Публицистика», «Конференции. Симпозиумы. Встречи».

Адрес: 103031, Москва, ул. Рождественка, д. 5/7

Тел. / факс: (495) 621-99-98

E-mail: meteor70@yandex.ru

Запесоцкий А. С.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА

В книге известного отечественного ученого и организатора науки, профессора, доктора культурологических наук, члена-корреспондента Российской Академии образования, ректора Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов А. С. Запесоцкого анализируется многогранное научное наследие академика Д. С. Лихачева.

Это первое в научной практике фундаментальное исследование творчества и личности выдающегося русского мыслителя XX века. Со страниц книги Дмитрий Лихачев предстает как уникальный ученый-энциклопедист. Рассматривается его новаторский научный метод, вклад в различные отрасли знания, прежде всего — в становление и развитие современной культурологии, теории искусства, историческую науку, филологию. Особое место уделяется общественной деятельности академика, его незаурядной просветительской миссии, педагогическому наследию. Читателя не оставят равнодушным взгляды Лихачева на глобальный мир и глобальную культуру.

Отдельные главы книги написаны в соавторстве с профессорами и преподавателями СПбГУП. Данное издание включает ранее опубликованную монографию А. С. Запесоцкого «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог» (СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007) и значительный объем материалов новых исследований.

Книга адресована научной общественности страны, преподавателям, аспирантам, студентам гуманитарных вузов, а также широкому кругу читателей.

Запесоцкий А. С.

ОБРАЗОВАНИЕ: ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА

В монографии известного российского ученого, ректора Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, профессора А. С. Запесоцкого исследуются культурно-антропологические основы образовательной деятельности, философские и культурологические проблемы образования, специфика и образовательный потенциал отечественной гуманитарной культуры, модели и приоритеты образовательной политики; характеризуются психокультурные механизмы образовательной деятельности, обосновываются стратегии личностного развития как основные направления педагогического процесса.

Существенное место в монографии занимает рассмотрение культуроцентристской образовательной парадигмы.

Для специалистов в области теории педагогики, культурологов, социологов, педагогов-практиков, работников органов управления образованием.

Книга — лауреат премии Правительства Российской Федерации 2007 года в области образования.

Соколов А. В.

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В книге рассматриваются актуальные и дискуссионные проблемы интеллигентоведения: сходство и различие между интеллигентами и интеллектуалами и социально-культурные поколения интеллигентов и интеллектуалов. Предлагаются формулы интеллигентности и интеллектуальности, раскрывающие структуру интеллектуального слоя, включающего социальные группы с разным уровнем развития интеллекта и этического самосознания. Впервые предлагается хронология поколений русской интеллигенции и подробно характеризуются поколения XIX–XX веков.

ДНИ НАУКИ В УНИВЕРСИТЕТЕ. Избранное

В издании представлены материалы международных научных конференций, проведенных в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в 1993–2006 годах. В выступлениях выдающихся современников — ученых, общественных и государственных деятелей, представителей творческой интеллигенции затрагиваются наиболее актуальные проблемы российской истории и культуры, политики и искусства.

Читатель имеет возможность с позиций сегодняшнего дня судить, что сбылось из предлагаемых проектов и решений, а что так и осталось благим пожеланием. Сборник является уникальной попыткой ретроспективного анализа новейшей российской истории, оценки фактов и явлений недавнего прошлого и современных реалий нашей жизни.

Эти и другие издания можно заказать в издательстве Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов:

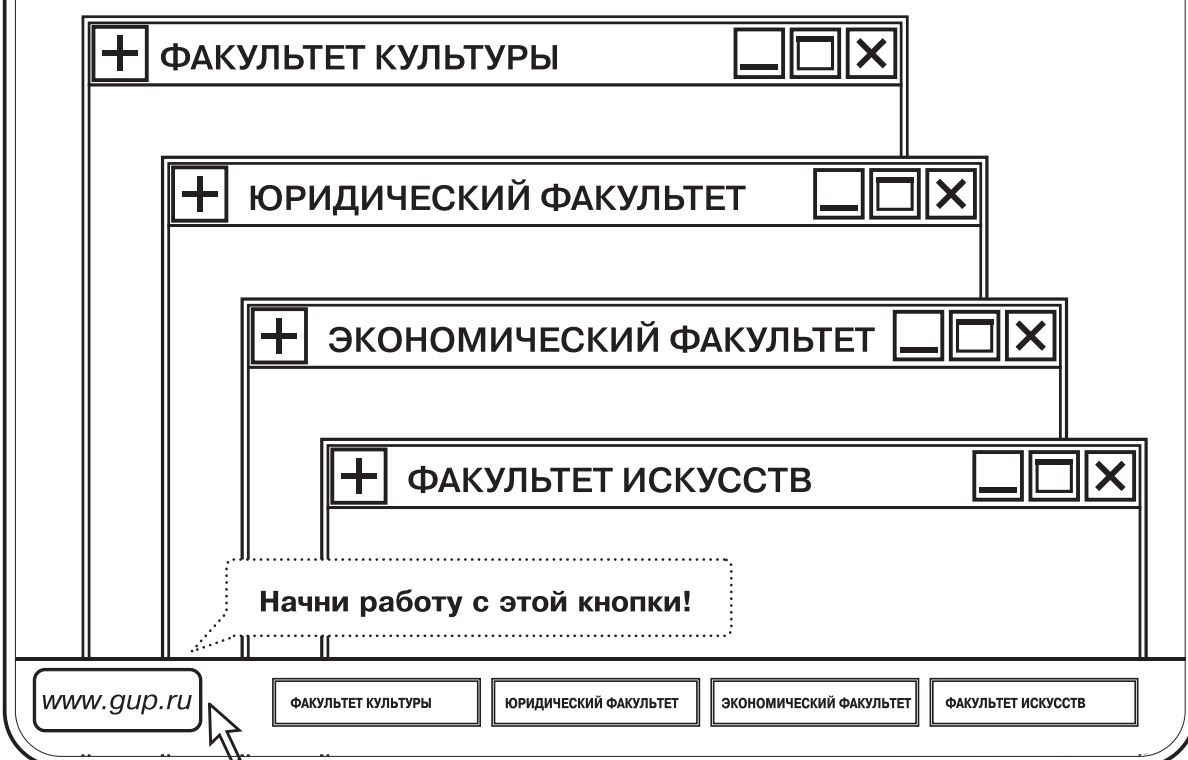
- по адресу: 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
- по телефону (812) 740-38-87;
- по e-mail: publish@gup.ru;
- на сайте: www.gup.ru

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

www.gup.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ СПбГУП

Предлагаем также посетить сайт «Площадь Лихачева»

www.lihachev.ru

основные рубрики сайта:

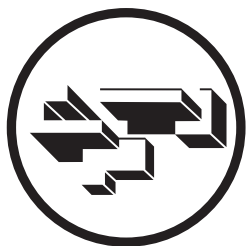
Научное наследие
Д. С. Лихачева

Библиография
Лихачева

Международные
Лихачевские чтения

Декларация прав
культуры

и другие материалы

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

- Два государственных диплома:
 - о высшем образовании по специальности;
 - о дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации»
- Дневная, вечерняя и заочная формы обучения
- Второе высшее образование
- Отсрочка от службы в армии
- Аспирантура и докторантура

СПЕЦИАЛЬНОСТИ	СПЕЦИАЛИЗАЦИИ
ФАКУЛЬТЕТ КУЛЬТУРЫ	
Лингвистика и межкультурная коммуникация	Теория и методика преподавания иностранных языков и культур Перевод и переводоведение Теория и практика межкультурной коммуникации
Реклама	Стратегическое проектирование рекламы Сопровождение медиапроектов Копирайтинг (составление рекламных текстов и слоганов)
Связи с общественностью	Организация связей с общественностью; Имиджелогия
Социально-культурная деятельность	Организация и управление в туристской отрасли Маркетинговые коммуникации
Журналистика	Телерадиожурналистика; Журналистика периодической печати Web-журналистика
Психология	Социальная психология в СМИ Психология управления (менеджмента)
Прикладная информатика в социально-культурной сфере	Аналитические информационные системы Информационные системы в сфере культуры и искусства
Социальная работа	Психосоциальные технологии работы с населением (практический психолог); Социально-правовая защита населения
ФАКУЛЬТЕТ ИСКУССТВ	
Искусствоведение	Европейские языки и международный художественный бизнес Восточные языки и международный художественный бизнес
Режиссура мультимедиа-программ	Режиссура интерактивных игр и образовательных программ Режиссура компьютерной анимации
Музыкальная звукорежиссура	Звукорежиссура
Звукорежиссура театрализованных представлений и праздников	Звукорежиссура концертных и зрелищных мероприятий Театрализованная звукорежиссура
Народное художественное творчество (хореография)	Балетмейстер-педагог; Балетмейстер-педагог спортивного (бального) танца; Балетмейстер-педагог эстрадно-джазового танца
Режиссура	Режиссура телевидения; Режиссура драматического театра
Актерское искусство	Артист театра и кино
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ	
Коммерция (торговое дело)	Коммерция в сфере недвижимости Коммерция в сфере потребительских товаров
Экономика и управление на предприятии (социально-культурная сфера)	Управление финансами на предприятии Правовое регулирование хозяйственной деятельности
Социально-культурный сервис	Гостиничный сервис; Спортивно-оздоровительный сервис
Менеджмент организации	Финансовый менеджмент; Информационный менеджмент Административный менеджмент
Прикладная информатика в экономике	Информатика в бизнесе; управлении; инвестиционной деятельности Управление информационными ресурсами
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ	
Юриспруденция	Государственно-правовая; Гражданско-правовая Экономико-правовая; Международная юридическая деятельность Правовые информационные системы

АДРЕС: Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15 ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ: (812) 327-2728, 269-1936, 269-6464
www.gup.ru